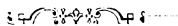

Ч Т Е Н І Я

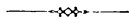
ВЪ

ОБЩЕСТВЪ ЮБИТЕЛЕЙ

ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЖУРНАЛЪ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

МАЙ—ІЮНЬ.

1885.

МОСКВА

Тип. Л. О. Снегирева. Остоженка, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

1885.

КНИГА V. МАЙ—ИЮНЬ 1885 ГОДА.

ОТДѢЛЪ I.

- I. ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СВ. КИРИЛЛА и МЕӨДИЯ
просвѣтителей славянъ. *Г. Смирнова* 367
- II. КИРИЛЛО-МЕӨДИЕВСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОДЪ БИ-
БЛИИ. *Г. Воскресенскаго*. 399
- III. ЗНАЧЕНИЕ СВЯТЫХЪ КИРИЛЛА и МЕӨДИЯ какъ учи-
телей народа рускаго *И. Корсунскаго*. 417
- IV. ОТНОШЕНІЕ СВ. КИРИЛЛА и МЕӨДИЯ КЪ ЗАПАДНОЙ
ЦЕРКВИ. *Н. Серебрянникова* 467
- V. ПРОПАГАНДА ПАИСТВА ВЪ НАШИ ДНИ СРЕДИ СЛА-
ВЯНЪ *Николая Малиновскаго*. 504

ОТДѢЛЪ II.

- VI. РѢЧЬ СКАЗАННАЯ ВЪ Р—ОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
преподавателемъ А. Д—имъ 6 апрѣля 1885 г. въ день
тысячелѣтія смерти св. Меөдія, архіепископа Мораво-
Паннонскаго. 315
- VII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Газетные толки по поводу
1000-лѣтняго юбилея свв. Кирилла и Меөдія. *А. В—ва*. 343
- VIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ 377
- IX. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. 304

ОТДѢЛЪ III.

- БИБЛЮГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ. Литература о свв.
Кириллѣ и Меөдіѣ, просвѣтителяхъ славянскихъ. *Ив.*
Токмакова 75

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Кондаки и Икосы. Перевелъ съ греческаго Іеромонахъ
Іаковъ Цѣлтковъ. 116

Жизнь и дѣятельность святыхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ.

Свв. Кирилль и Меѳодій были уроженцы македонскаго города Солуни, или Фессалоники, принадлежавшей Греціи, но населенной и окруженной преимущественно славянами. ¹⁾ Отецъ ихъ, по имени Левъ, происходилъ изъ знатнаго и богатаго рода. По званію онъ былъ воинъ и занималъ въ своемъ родномъ городѣ важную должность друигарія, т. е. помощника главнаго военачальника, называвшагося по гречески стратигомъ. Какъ отецъ, такъ и мать свв. братьевъ (неизвѣстная по имени) были люди благочестивые и жили другъ съ другомъ въ любви и согласіи. Богъ благословилъ союзъ ихъ рожденіемъ семерыхъ дѣтей, между которыми Меѳодій былъ однимъ изъ старшихъ, а Кирилль самый младшій. ²⁾ Годъ роженія перваго неизвѣстенъ, а послѣдній родился въ 827 году.

---

¹⁾ Мы обходимъ вопросъ о національности Кирилла и Меѳодія, какъ еще не рѣшенный наукой окончательно. Впрочемъ, большинство повѣвшихъ ученыхъ считаетъ братьевъ, Греками. См., Racki, *visk i djelovanje sv Cyrilla i Methoda*. Zagreb. 1857, стр. 85. Платоновъ—Жизнь и подвиги первоучителей славянъ Кирилла и Меѳодія, Духовн. Вѣсти. 1862 г. кн. 2, стр. 301—302, пр. 3. Лавровскій—Кирилль и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ. Харьковъ, 1863 г., стр. 216. Вильбасовъ, Кирилль и Меѳодій, ч. II, стр. 139 и друг. Голубинскій, *Исторія Русск. Церкви*, т. I, 2-я полов. стр. 282 и 290. Legeer., *Cyrille et Methode*, Paris, 1868, chap. III, pag. 56. Доказательство въ пользу славянскаго происхожденія братьевъ собраны въ брошюрѣ архимандрита Димитрія „Святые равноапостольные просвѣтителы славянъ Кирилль и Меѳодій“. Воронежъ, 1882 г., стр. 2—3, прим.

²⁾ Впрочемъ, нѣкоторые ученые, изъ недовѣрія къ націонаскимъ житіямъ, неосновательно хотятъ думать наоборотъ. Jinsel, *Jeschichte der Slawenapostel Cyrill und Method*. Leitmeritz. 1857 г., s. 21. Вильбасовъ, Кирилль и Меѳодій, ч. I, стр. 60 и ч. II, стр. 80.

Меѳодій, по примѣру отца, поступивъ въ военную службу, скоро заявилъ свои блестящія способности, сдѣлался лично извѣстенъ императору и еще въ молодыхъ годахъ былъ поставленъ правителемъ одной греческой области, какъ предполагаютъ ученые—Струмокой, населенной свавтами. Пробывъ на этой должности нѣсколько лѣтъ, Меѳодій убѣдился въ суетѣ мірской жизни, онъ не находилъ прелести въ роскоши—и пышности и скоро промѣнялъ ихъ на скромный удѣлъ инока. Удалившись на гору Олимпъ (въ Малой Азіи), ¹⁾ онъ поселился въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей и строго выполнялъ всѣ монашескія обязанности, въ тоже время усердно изучая науки.

Иначе протекли дѣтство и юность другаго брата, св. Кирилла. Уже нѣкоторыя обстоятельства отроческихъ его лѣтъ показывали, что изъ него выйдетъ не заурядный человекъ. Будучи еще семи лѣтъ, Кириллъ видѣлъ необыкновенный сонъ: будто бы начальникъ города Солуни, собравъ всѣхъ лучшихъ и красивѣйшихъ дѣвицъ, предлагалъ ему избрать себѣ изъ нихъ подругу. Кириллъ избралъ Софію (т. е. мудрость—по переводу съ греческаго языка), прекраснѣйшую изъ всѣхъ. Родители св. Кирилла приняли этотъ сонъ за особенное указаніе Промысла Божія, которымъ малолѣтній сынъ ихъ прямо предназначался для занятій наукою и стали прилежно обучать его, отдавъ лучшимъ въ городѣ учителямъ. Кириллъ обнаружилъ такую любовь и такія способности къ наукѣ, что возбуждалъ всеобщее удивленіе. Одинъ дошедшій до насъ по преданію, записанному ученикомъ св. Кирилла, случай изъ дѣтской жизни его еще больше привязалъ его къ книжнымъ занятіямъ. Однажды Кириллъ съ своими сверстниками вышелъ на любимую въ то время соколиную охоту, но вѣтеръ унесъ его любимаго кречета. Кириллъ изъ этого понялъ, что онъ рожденъ не для развлеченій и съ этого времени сталъ еще усерднѣе заниматься наукой, преимущественно изучая великія творенія св. Григорія Богослова. Но эти творенія, исполненныя глубины мысли и мудрости, не легко давались еще не

¹⁾ Голубинскій, Исторія Русской Церкви, т. 1-й, 2-я пол. стр. 200. Нѣкоторые ученые указываютъ иное мѣстонахожденіе этой горы.

окрѣпшему дѣтскому разуму и Кирилль пламенно молилъ Бога, чтобы Онъ открылъ ему путь къ познанію истины. Богъ внялъ его молитвѣ. Когда Кириллу исполнилось 14 лѣтъ, то по ходатайству своего знатнаго придворнаго родственника ¹⁾ по имени Θεоктиста, онъ былъ взятъ въ Константинополь, чтобы обучаться вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ Михаиломъ III. Въ Константинополь онъ отличался не меньшимъ усердіемъ и успѣхами въ наукахъ, чѣмъ и въ родномъ городѣ. Въ короткое время Кирилль изучилъ все науки, которыя тогда считались необходимыми для всякаго образованнаго человѣка: грамматику, геометрію, творенія Гомера, діалектику, риторику, ариѳметику, астрономію и проч. Учителями его были знаменитѣйшіе ученые того времени, между которыми особенно выдавался учитель философіи, извѣстный поборникъ православія, Фотій, впоследствии бывшій патріархомъ. Этотъ великій мужъ имѣлъ особенно сильное вліяніе на умственное и нравственное развитіе Кирилла и даже сдѣлалъ его, какъ одного изъ лучшихъ своихъ учениковъ, приближеннѣйшимъ своимъ другомъ ²⁾. Чрезвычайные успѣхи Кирилла въ наукахъ и особенно въ философіи были причиной того, что онъ получилъ почетное наименованіе философа. По окончаніи образованія Кирилла, покровитель его, упомянутый придворный сановникъ Θεоктистъ, предлагалъ ему вступить въ супружество со своею крестною дочерью, говоря, что это откроетъ ему путь къ великимъ почестямъ и къ блестящей карьерѣ. Но не къ нимъ влеклось сердце юноши: онъ желалъ весь предаться наукѣ, какъ дѣлали его великіе духовные наставники— Григорій Богословъ и Василій Великій. Однако, по настоянію Θεоктиста и самого императора, Кирилль на 24-мъ году своей жизни долженъ былъ принять священнической санъ и былъ поставленъ бібліотекаремъ константинопольской патріаршей бібліотеки при Софійскомъ соборѣ. Но уединеніе продолжало влечь къ себѣ Кирилла и онъ скоро оста-

¹⁾ Платоновъ, Жизнь и подвиги первоучит. слав. Кирилла и Мѳеодія. Духовный Вѣстникъ, 1862 г. кн. 2, стр. 295.

²⁾ Fortissimus ejus amicus, какъ свидѣтельствуетъ Анастасій Библіотекаръ въ предисловіи къ Константинопольскому собору 869 года. См. Лавровскій, Кирилль и Мѳеодій, стр. 203, пр. 5 и стр. 204.

вилъ почетную должность и скрылся на одномъ изъ острововъ Мраморнаго моря ¹⁾); долгое время — цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ — искали его и наконецъ нашедши уговорили принять новую должность, именно мѣсто учителя философіи въ одной изъ лучшихъ константинопольскихъ школъ. И на этой должности Кириллъ обнаружилъ свою великую ученость и глубокое знаніе догматовъ православной вѣры, дважды посрамивъ противниковъ православїя своимъ сильнымъ словомъ.

Первый случай былъ такого рода. Осужденный и сосланный за упорную вражду къ св. иконамъ, бывший патріархъ Анній, или Іоаннъ, не хотѣлъ признать себя окончательно побѣжденнымъ. Изъ мѣста своей ссылки онъ распускалъ слухи, что низвергнуть съ патріаршей кафедры единственно по насилію, а что побѣдить его въ спорѣ о догматахъ вѣры никто не можетъ. Такое хвастовство, могло показаться простому народу истиной: нужно было доказать еретика, что онъ жестоко заблуждается и для этой цѣли былъ избранъ императоромъ молодой ученый — Кириллъ. Надменный иконоборецъ, увидѣвъ его, сначала не хотѣлъ вступать съ нимъ въ состязаніе, какъ съ неопытнымъ и не заслуживающимъ вниманія юношей. Но Кириллъ скоро показалъ ему, что хотя онъ и молодъ возрастомъ, но старѣе его въ познаніи догматовъ вѣры. Посрамленный зрѣлыми доводами Кирилла, Анній долженъ былъ признаться побѣжденнымъ и съ позоромъ отказался отъ дальнѣйшихъ преній.

Скоро Кириллу представился и другой случай обнаружить свою мудрость и глубокое знаніе догматовъ православной вѣры. Въ Константинополь пришло посольство отъ сарацинъ ²⁾ съ приглашеніемъ вступить съ ихъ учеными въ

¹⁾ Такъ объясняетъ Голубинскій (Истор. Рус. Цер., стр. 298) выраженіе панновскаго житія Кирилла: „на оуское море“ (гл. IV). Другіе хотятъ видѣть здѣсь указаніе на Босфоръ. См., напр., Раскі, Vieh., стр. 90, пр. 6. Платоновъ, Духовный Вѣстн., 1862 г., стр. 297.

²⁾ По Горскому (Москвитянинъ, 1843 г., стр. 413, пр. 7) Кириллъ путешествовалъ къ эмиру Мелитинскому. Того же мнѣнія держатся и вѣкоторые другіе ученые, напр., Платоновъ (Духов. Вѣстн., 1862 г., кн. 2, стр. 306 — 307, пр. 10). Но Вальбасовъ (Кириллъ и Меодій, ч. II, стр. 152—153, пр. 3) считаетъ это предположеніе сомнительнымъ, а Голубинскій (Истор. Рус. Цер., т. 1-й, 2-я полов., стр. 293) прямо утверждаетъ, что Кириллъ путешествовалъ къ самому халифу.

преніе относительно христіанскаго ученія о Св. Троицѣ. Сарацины были по религіи мусульмане и сильно заботились о распространеніи своей вѣры, какъ мирными средствами, такъ—и чаще—при помощи меча и огня. Отказаться отъ ихъ приглашенія было для императора опасно, потому что они были очень сильны и воинственны и могли въ случаѣ отказа затѣять кровопролитную войну съ Византійской имперіей. Императоръ принялъ вызовъ для защиты православнаго ученія избралъ уже извѣстнаго ему своимъ разумомъ и ученостью Кирилла. Послѣдній съ радостію согласился на этотъ великій и многотрудный подвигъ и въ сообществѣ одного просвѣщеннаго мужа Георгія Асинкрита отправился къ сарацинамъ. Пренія съ сарацинами были на столько успѣшны, что мусульманскіе ученые, досадуя на свои неудачи и озлобясь на Кирилла за его побѣды, рѣшили было отравить его. Но Господь сохранилъ жизнь и здравіе Своего избранника и онъ возвратился въ свою страну не только здоровъ и невредимъ, но и одаренный большими дарами и почестями отъ мусульманскаго князя.

Прибывъ въ Константинополь Кириллъ отказался отъ всѣхъ предлагаемыхъ ему почестей и даже отъ прежней должности учителя философіи и ушелъ съ однимъ только слугою въ нѣкоторое уединенное мѣсто, гдѣ и предался исключительно заботамъ о спасеніи своей души. Затѣмъ онъ перешелъ на Олимпъ въ монастырь своего брата Меѳодія и оба они посвящали все свое время молитвѣ и занятіямъ наукой. Съ этого времени свв. братья уже не разставались другъ съ другомъ до самой смерти одного изъ нихъ.

Въ 858 г. пришло въ Константинополь посольство отъ хазаръ. Хазары были по вѣрѣ язычники и жили въ южной части теперешней Россіи, между устьями Волги и морями Чернымъ и Азовскимъ, а частію и на Крымскомъ полуостровѣ. Въ этой же мѣстности, среди хазаръ жило также не мало іудеевъ и сарацинъ; и тѣ и другіе изъ нихъ старались привлечь хазаръ въ свою вѣру. Колеблясь стать на ту или другую сторону и желая найти истинную вѣру, хазары обратились въ Константинополь, прося у императора такого мужа, который способенъ былъ бы одержать побѣду и надъ іудеями и надъ магометанами и въ такомъ

случаѣ общали принять христіанство. Выборъ императора опять палъ на Кирилла и онъ опять съ прежнею готовностію отправился въ путь, но на этотъ разъ уже не одинъ, а вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ ¹⁾. Такъ какъ іудеи, съ которыми теперь приходилось имѣть дѣло Кириллу, не знали ни греческаго, ни славянскаго языковъ, то, чтобы не затрудняться переговорами чрезъ переводчика, Кириллъ рѣшился изучить еврейскій языкъ. Съ этою цѣлью онъ на пути къ хазарамъ, остановился въ Херсонѣ, гдѣ скоро вполнѣ достигъ желаемаго. Здѣсь же Кириллъ нашелъ евангеліе и псалтирь, писанныя „русскими письменами“ ²⁾. Но братьевъ задержало въ Херсонѣ не только изученіе Кирилломъ еврейскаго языка, но также и другое дупеспасительное дѣло.

Еще за 700 слишкомъ лѣтъ до прихода братьевъ въ Херсонъ сюда былъ сосланъ и здѣсь замученъ за вѣру во Христа св. Климентъ, папа Римскій. Мощи его были брошены въ море съ тяжелымъ якоремъ на шеѣ, чтобы христіане не могли достать ихъ оттуда. Свв. Кириллу и Меѳодію пришло на мысль отыскать мощи великаго угодника Божія, память о которомъ все еще жила въ устахъ херсонскихъ христіанъ. Съ разрѣшенія мѣстнаго епископа они вмѣстѣ съ нимъ и множествомъ херсонскаго духовенства сѣли на корабль, доѣхали до мѣста, на которомъ, по преданію, лежали св. мощи, извлекли ихъ, при чудесной помощи Бо-

¹⁾ Нѣкоторые ученые, напр., Вильбасовъ (Кириллъ и Меѳодій, ч. II, стр. 162, пр. 1) полагаютъ, что Кириллъ совершилъ эту поѣздку одинъ. Но ихъ соображенія не выдерживаютъ критики, въ виду прямого свидѣтельства паннонскаго житія Меѳодія (гл. IV); поэтому другіе ученые принимаютъ, что и Меѳодій въ путешествіи къ Хазарамъ сопутствовалъ младшему своему брату. См., напр., Платонова, Духов. Вѣстн., 1862 г., кн. 2, стр. 311 и Голубинскаго, Исторія Русск. Цер., т. I, 2-я пол., стр. 293.

²⁾ Это извѣстіе паннонскаго житія Кирилла (гл. VIII) послужило предметомъ споровъ среди ученых. Одни считаютъ это мѣсто вставкой какого нибудь позднѣйшаго переписчика (Горскій, Москвитян., 1843 г., стр. 414, пр. 9; Бодинскій, О времени происхожд. слав. письменъ, стр. 101); другіе видятъ въ этихъ письменахъ готскій переводъ священнаго писанія Ульфяла (Платоновъ, Духовн. Вѣстн., 1862 г., стр. 330, пр. 16. Голубинскій, Ист. Рус. Цер., стр. 291—292, пр.). По мнѣнію Голубинскаго, эти найденныя Кирилломъ книги, впервые натолкнули его на мысль ввести у славянскихъ народовъ богослуженіе на ихъ языкѣ (ibid.). Есть и такіе ученые, которые видятъ въ найденныхъ Кирилломъ книгахъ глаголическіе памятники.

жіей, изъ моря, привезли въ Херсонъ и часть положили въ мѣстномъ храмѣ, а часть взяли съ собой. Благословляемые жителями Кириллъ и Меѳодій отправились далѣе къ цѣли своего путешествія и, наконецъ, прибыли въ столицу хазарскаго хана, находившуюся недалеко отъ Каспійскаго моря. Здѣсь свв. братья были приняты съ должными имъ, какъ посламъ Константинопольскаго императора, почестями и по обычаю побѣдоносно отразили всѣ нападенія на христіанскую религію какъ іудеевъ, такъ и магометанъ. Ихъ доказательства превосходства христіанства предъ другими религіями были столь убѣдительны, что какъ самъ ханъ, такъ и многіе изъ остальныхъ хазаръ приняли христіанство и крестились. Благодарный ханъ предлагалъ Кириллу и Меѳодію богатые дары, но они отказались отъ нихъ и просили только освободить греческихъ плѣнниковъ. Ханъ исполнилъ ихъ просьбу и свв. братья, послѣ многихъ лишеній и опасностей на пути, вернулись наконецъ въ Константинополь съ благодарственнымъ письмомъ отъ хана къ императору. Свв. братья, предпринимали свое дѣло не изъ какихъ-либо своекорыстныхъ расчетовъ и поэтому они отказались отъ всѣхъ поѣздокъ, которыя имъ предлагалъ императоръ въ награду за ихъ великій подвигъ. Св. Меѳодій ушелъ въ свой монастырь, гдѣ братія скоро избрала его своимъ настоятелемъ, а св. Кириллъ поселился въ Константинополь при церкви свв. апостоловъ и весь предался своимъ любимымъ занятіямъ — молитвѣ и изученію наукъ.

Но описанные труды свв. Кирилла и Меѳодія были еще, такъ сказать, только приготовленіемъ къ самымъ драгоцѣннымъ приснопамятнымъ для насъ русскихъ и для всѣхъ славянъ вообще подвигамъ. Доселѣ свв. братья трудились для православной церкви среди чуждыхъ славянскому племени народовъ. Но скоро по возвращеніи отъ хазарскаго хана, для нихъ настало время потрудиться на пользу исключительно славянства. Страна, въ которую ихъ теперь предназначалъ Промыслъ Божій, называлась Моравіей.

Моравія находилась къ сѣверу отъ рѣки Дуная по соѣдству съ нѣмецкими землями. Почти до самаго IX в. отъ Рожд. Хр. моравы по религіи были язычниками, а въ политическомъ отношеніи состаряли слабое государство. Поль-

зуюсь послѣднимъ обстоятельствомъ, нѣмцы подчинили ихъ своей власти, — моравы должны были платить имъ дань. Завоевавъ Моравію, нѣмцы принесли сюда и христіанство, но оно плохо прививалось среди моравскаго народа и причиною этого было само же латинско-нѣмецкое духовенство, потому что оно не столько заботилось о томъ, чтобы сѣять въ Моравіи сѣмена истинной вѣры, сколько о томъ, чтобы собирать по больше доходовъ, вымогая ихъ нерѣдко при помощи силы, что, конечно, не могло нравиться моравамъ. Такъ дѣло шло довольно долго. Но мало по малу моравское государство стало крѣпнуть и усиливаться, а вмѣстѣ съ этимъ у моравовъ явилось стремленіе свергнуть съ себя нѣмецкое владычество и добиться политической и церковной самостоятельности. Особенно удачно велъ дѣло освобожденія своей родины отъ господства чуждой національности моравскій князь Ростиславъ. Нѣсколькими удачными войнами онъ почти совершенно свергнулъ съ себя нѣмецкое иго и значительно усилилъ свое государство. Но нѣмцы не хотѣли такъ скоро помириться съ тою мыслию, что Моравія освободится изъ подъ ихъ власти. Поэтому между ними и моравами возникла продолжительная и жестокая борьба. Хотя Моравія теперь уже была довольно сильнымъ государствомъ, но одной ей было всетаки не подъ силу управиться со своимъ могущественнымъ врагомъ: необходима была сторонняя помощь какого-нибудь государства, которое сочувственно отнеслось бы къ стремленію моравовъ приобрести свѣтскую и духовную самостоятельность. Выбирая такую страну, моравы остановились на Греціи, никогда неладившей съ нѣмцами¹⁾. И вотъ около 862 г., когда Моравіи особенно сильно угрожала опасность со стороны нѣмцевъ,

¹⁾ По паннонскимъ житіямъ, причина отправленія Моравскими князьями посольства въ Византію заключалась въ желаніи ихъ имѣть у себя богослуженіе на родномъ языкѣ (Житіе Меодія, гл. V. Житіе Кирилла, гл. XIV). Но при всемъ довѣрїи къ этимъ источникамъ, мы въ данномъ случаѣ не можемъ принять ихъ свидѣтельства. Хотя авторомъ паннонскихъ житій и былъ несомнѣнно одинъ изъ современниковъ и учениковъ свв. братьевъ, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ забывать, что онъ былъ человекъ своего времени и поэтому иногда, хотя можетъ быть и не намеренно, долженъ былъ передавать событія съ большею или меньшею степенью субъективизма.

князь Ростиславъ, посоветовавшись предварительно съ подчиненными себѣ князьями, — своимъ племянникомъ Святополкомъ и цавнонскимъ княземъ Коцеломъ, — послалъ въ Константинополь посольство, прося у императора помощи противъ враговъ и подчиня за это свою церковь константинопольскому патріарху ¹⁾).

Моравы не могли сами придти къ мысли ввести у себя славянское богослуженіе, потому что, недавно принявши христіанство, они не успѣли еще достроить до кратки тѣхъ порядковъ, которые въ это время были приняты и практиковались на Западѣ. „Полагать, — говоритъ Голубинскій (Истор. Рус. Цер., т. I, 2-я пол., стр. 283), — чтобы народъ, только что принявшій христіанство, могъ найти общій существующій порядокъ неправильнымъ, могъ возстать и протестовать противъ него, значить, предполагать нѣчто противное всякой вѣроятности и всякой исторической логикѣ“. Не могли также моравы придти къ указанной мысли и по примѣру Византійской церкви, какъ думаютъ нѣкоторые ученые (напр., Лавровскій, стр. 251 и друг.), потому что въ IX в. сама Византія вовсе не была склонна вводить или покровительствовать принципу народности въ богослуженіи подчиненныхъ себѣ народовъ (см. Воронова, Главнѣйшіе источники исторіи свв. Кирилла и Мѳеодія. Кіевъ. 1877 г., стр. 102. Голубинскаго, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 32—33), а напротивъ, вездѣ вводила языкъ греческій, какъ римская церковь — латинскій. Итакъ, цѣль посольства Ростислава была чисто политическаго характера.

¹⁾ „Союзъ политической, — говоритъ Голубинскій (Истор. Русск. Цер., т. I, 2-я пол., стр. 284), — въ то время необходимо долженъ былъ сопровождаться и союзомъ церковнымъ, т. е. Моравы, ища заключить съ греками первый союзъ, необходимо должны были вмѣстѣ съ тѣмъ предложить себя въ зависимость отъ патріарха константинопольскаго, вмѣсто бывшей до тѣхъ поръ зависимости отъ папы римскаго“. Независимо отъ этого соображенія почтеннаго историка можно поставить и еще нѣсколько доводовъ въ пользу того, что въ первое время пребыванія Кирилла и Мѳеодія въ Моравіи, послѣдняя была въ церковномъ союзѣ съ Константинополемъ, а не съ Римомъ: 1) ни одинъ источникъ не даетъ видѣть никакихъ слѣдовъ сношеній свв. братьевъ съ папствомъ до 867 г.; если бы эти сношенія были, то неофициальные источники, особенно западные, не преминули бы упомянуть объ этомъ, — ergo Кириллъ и Мѳеодій были до 867 г. независимы отъ папы; 2) они были независимы отъ Зальцбурга, которому раньше была подчинена Моравія въ церковномъ отношеніи. Это до очевидности ясно изъ слѣдующаго мѣста зальцбургскаго меморандума. Авторъ его жалуется папѣ, что въ Моравіи соблюдались всѣ постановленія и распоряженія зальцбургскаго архіепископа только до тѣхъ поръ, „*dum nova orta est doctrina Mefhodii philosophi*. (Бильбасовъ, ч. I, Monumenta diplomatica, № IV, стр. 126). И дѣйствительно, братья безъ разрѣшенія зальцбургскаго архіепископа освѣщали, на примѣръ, церкви. Изъ всего этого выводъ можетъ быть только одинъ, что Кириллъ и Мѳеодій, а значить и моравская церковь, въ разсматриваемое время, были подчинены константинопольскому патріарху, а не римскому папѣ.

Въ Константинополѣ чрезвычайно обрадовались моравскому посольству. Для православной восточной церкви предстояло новое приобрѣтеніе. Императоръ тотчасъ созвалъ соборъ и на немъ было рѣшено отправить въ Моравію греческое духовенство, которое наставило бы юный народъ въ истинахъ православной вѣры. Но кому поручить столь важное дѣло? Вотъ вопросъ, который теперь предстояло рѣшить. Выборъ императора и патріарха палъ на Кирилла, какъ на человека, охотно шедшаго на труды и подвиги, предписываемые ему верховною властію, уже извѣстнаго своею опытностію въ миссіонерскомъ дѣлѣ и притомъ отлично знавшаго славянскій языкъ, потому что родина его Солунь была окружена славянами. Св. Кириллъ былъ приглашенъ на соборъ и тотчасъ же съ величайшею готовностію согласился на новый и самый трудный изъ всѣхъ предпринятыхъ имъ доселѣ подвиговъ, не смотря даже на свои тѣлесныя немощи. Но отлично понимая какое благотворное вліяніе на умы и сердца слушателей можетъ оказывать православное богослуженіе, если только оно совершается на понятномъ народу языкѣ и зная, что въ области западнаго патріархата вездѣ практикуется только одинъ, непонятный для большинства народовъ, латинскій языкъ, св. Кириллъ рѣшился ввести въ Моравіи богослуженіе на славянскомъ языкѣ¹⁾. Для этого нужно было прежде всего перевести на этотъ языкъ богослужебныя книги. Кириллъ тотчасъ же по своемъ назначеніи, не откладывая исполненія своего намѣренія, приступилъ къ составленію славянскихъ письменъ и затѣмъ началъ свой переводъ съ самой необходимой для богослуженія и домашняго чтенія книги, именно съ св. евангелія. Первые слова, переведенныя св. Кирилломъ съ греческаго на славянскій языкъ, были: „Искони (въ началѣ) бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово“. Св. Меѳодій дѣятельно помогъ своему брату въ предпринятомъ трудѣ. Совершивъ,

¹⁾ Изъ сказаннаго въ двухъ послѣднихъ примѣчаніяхъ съ необходимостію нужно вывести то заключеніе, что идея равноправности славянскаго языка въ богослуженіи, наравнѣ съ греческимъ и латинскимъ, составляетъ неотъемлемую собственность св. Кирилла. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ не могъ заимствовать ея ни отъ Моравовъ, ни отъ Грековъ, то значить она возникла первоначально въ его собственномъ умѣ, а не въ чьемъ-либо другомъ.

такимъ образомъ, необходимыя приготовленія къ своему дѣлу и получивъ одобреніе императора и благословеніе патриарха, свв. братья оставили Константинополь и въ половинѣ 863 г. ¹⁾ прибыли на мѣсто назначенія въ Моравію ²⁾.

Съ великою радостію приняли свв. Кирилла и Меѳодія князь Ростиславъ и весь народъ моравскій и не напрасна была ихъ радость. Свв. братья тотчасъ же стали дѣятельно совершать то дѣло, для котораго пришли. Они ревностно продолжали переводъ на славянскій языкъ различныхъ необходимыхъ для совершенія богослуженія книгъ. Св. Кириллъ, при содѣйствіи Ростислава, завелъ также школу, въ которой обучалъ моравовъ грамотѣ и св. службамъ. Въ короткое время были переведены свв. братьями и изучены учениками св. Кирилла всѣ церковныя службы: вечерня, по-вечеріе, полуношница, утренняя, часы, литургія и пр. Но свв. братья не ограничились только приготовленіями къ введенію славянскаго богослуженія, переводя книги и обучая учениковъ. Они и сами совершали службы на понятномъ народу языкѣ ³⁾. Прошло для Моравіи то тяжелое время,

¹⁾ Время прихода Кирилла и Меѳодія въ Моравію опредѣляется на основаніи слѣдующихъ соображеній. Братья пробыли въ Моравіи, по паннонскому житію Кирилла, около 3½ лѣтъ. Въ Римъ они прибыли въ концѣ 867 г., вскорѣ по смерти папы Николая I († въ ноябрѣ 867 г.), не заставъ его нѣсколькими днями (Итальянская лег. гл. IX). Если положимъ около года на путешествіе братьевъ изъ Моравіи въ Римъ,—потому что во время этого путешествія они имѣли довольно продолжительныя остановки въ Панноніи и въ Венеціи,—то между прибытіемъ братьевъ въ Моравію и приходомъ въ Римъ получится промежутокъ времени около 4½ лѣтъ, т. е. время прихода ихъ въ Моравію упадетъ приблизительно на начало или половину 863 г.

²⁾ Мы ведемъ Кирилла и Меѳодія изъ Константинополя прямо въ Моравію, потому что намъ кажется болѣе нежели сомнительнымъ фактъ остановки ихъ въ Болгаріи во время путешествія въ Моравію,—фактъ, который нѣкоторые ученые призываютъ не подлежащимъ никакому сомнѣнію (см. напр. Раски, Viek, стр. 142 и слѣд. Лавровскій, стр. 80 и слѣд.). Объ этой остановкѣ ни слова не говорятъ ни официальные источники, ни—главнов—паннонскія житія, которыя не опускаютъ ни одного болѣе или менѣе важнаго факта и авторъ которыхъ былъ родомъ болгаринъ. Да и вообще непосредственное участіе Меѳодія въ дѣлѣ обращенія и крещенія болгарскаго князя Бориса весьма сомнительно (см. Воровова, Главнѣйш. ист., стр. 100—102). Славянское богослуженіе занесено въ Болгарію, вѣроятно, уже учениками св. Меѳодія.

³⁾ Хотя паннонскія житія прямо и не говорятъ, что Кириллъ и Меѳодій сразу же по прибытіи въ Моравію приложили идею равноправности славянскаго языка

когда жители ея присутствовали при богослуженіи, ничего не понимая изъ того, что читають и поють латинскіе священники. Теперь каждое слово, каждое дѣйствіе совершающаго богослуженіе священника стало для нихъ понятно и вразумительно. Велика была радость славянъ и велика благодарность свв. братьямъ. Но если Моравы радовались, воздавая хвалы Богу на своемъ родномъ языкѣ, то иначе отнеслось къ дѣлу мѣстное латино-нѣмецкое духовенство. Народъ и раньше уже не любившій его за своекорыстіе и вымогательства, теперь вовсе не хотѣлъ знать ни его, ни непонятнаго латинскаго богослуженія. Прежніе доходы, изъ-за которыхъ только и хлопотало нѣмецкое духовенство, теперь ускользають изъ его рукъ. И вотъ латино-нѣмецкіе епископы стали доказывать свв. Кириллу и Меѳодію, что, вводя славянское богослуженіе, они совершаютъ не только новое, но совершенно незаконное дѣло. Они утверждали, что совершать службы можно только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ, но никакъ не на славянскомъ. Но свв. братья словами Священнаго Писанія твердо опровергали ихъ лжемудрованія, назвали „тріязычниками“ и продолжали свое святое дѣло, проповѣдуя Слово Божіе, освящая храмы, совершая въ нихъ божественныя службы и искореняя разныя заблужденія, посѣяныя латинскимъ духовенствомъ среди простаго народа. Нападки латинскаго духовенства, конечно, не ограничились бы одними только словесными спорами, если бы физическая сила была на ихъ сторонѣ. Но теперь они не могли ничего сдѣлать свв. братьямъ, потому что послѣдніе были охраняемы и защищаемы самимъ княземъ Ростиславомъ.

въ богослуженіи, наравнѣ съ еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, но странно было бы предполагать, что этого вовсе не было. Если Кириллъ устраиваетъ школу, въ которой обучаетъ не чему либо иному, а именно церковнымъ службамъ, то, безъ сомнѣнія, съ чѣсто практической цѣлью. Да и что могло быть препятствіемъ для свв. братьевъ въ осуществленіи ихъ заветной цѣли? Латинское духовенство? Но Кириллъ и Меѳодій были совершенно независимы отъ него. Привычка моравовъ къ латинскому богослуженію, какъ думаетъ Гинцель (*Geschichte*, s. 42, *bet.* 12 und. s. 40, *bet.* 6)? Но трудно предположить привычку тамъ, гдѣ христіанство еще только что стало укрѣпляться и гдѣ обращеніе духовенства съ народомъ и богослужебный языкъ не могли даже расположить къ себѣ народъ. Вотъ почему показаніе италіанской легенды (гл. VII) о совершеніи св. братьями славянскаго богослуженія заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія.

Но скоро обстоятельства, до этого времени столь благоприятствовашія свв. Кириллу и Меодію, нѣсколько измѣнились и повидимому въ пользу латино-нѣмецкаго духовенства. Князь Ростиславъ, не получая изъ Константинополя желаемой помощи противъ своихъ враговъ нѣмцевъ, задумалъ разорвать свои прежнія сношенія съ нимъ и опять отдать свою церковь въ вѣдѣніе римскаго папы ¹⁾. Кириллъ и Меодій, доселѣ дѣйствовашіе по благословенію Константинопольскаго патріарха, теперь уже не могли ограничиваться только этимъ. По переходѣ Моравіи опять въ зависимость отъ Рима, свв. братьямъ предстоялъ двоякій исходъ: или, оставивъ свое святое и такъ блистательно начатое дѣло, возвратиться обратно въ Константинополь, предоставивъ моравскій народъ своекорыстному латино-нѣмецкому духовенству; или, оставаясь въ Моравіи, признать надъ собою власть папы и хлопотать, чтобы онъ дозволилъ имъ совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Изъ любви къ своему дѣлу свв. братья избрали послѣднее, тѣмъ болѣе, что они не видѣли ничего предосудительнаго въ подчиненіи себя папѣ, котораго они и вся церковь въ то время еще уважали и чтили, какъ патріарха западной половины церкви ²⁾. Поэтому, склонившись на просьбу моравскаго народа, искренно любившаго свв. первоучителей и ихъ плодотворное для славянства дѣло, они остались въ Моравіи. Этимъ обстоятельствомъ воспользовалось латино-нѣмецкое духовенство,

¹⁾ Такъ весьма резонно объясняетъ дѣло Вильбасовъ (ч. I, стр. 64—66). Согласно съ нимъ, хотя и не подкрѣпляя своего мнѣнія никакими доводами, говорить и Голубинскій (Ист. Русск. Церк. т. I, 2-л пол. стр. 293). Необходимо принять мнѣніе этихъ ученыхъ, потому что иначе останется непонятной дѣятельность свв. братьевъ въ Моравіи и побѣдка ихъ въ Римѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ свв. братьевъ въ Моравію, они дѣйствовали, несомнѣнно, совершенно самостоятельно, не входя ни въ какія сношенія съ западными церковными властями, и вдругъ, по прошествіи только 3½ лѣтъ ѣдутъ въ Римъ, чѣмъ признаютъ свое подчиненное положеніе по отношенію къ папѣ, такъ какъ раньше знали власть одного только Константинопольскаго патріарха. А если такъ, то, значить, Моравія, бывшая до путешествія Кирилла и Меодія въ Римъ независимой отъ папы, къ этому времени перешла въ его вѣдѣніе. Что же касается до побужденій къ этому со стороны Ростислава, то мы считаемъ достаточными указанныя Вильбасовымъ, т. е. политическія соображенія (Вильбасовъ, ч. I, *ibid.*).

²⁾ Это объясняется тѣмъ, что въ IX в. западъ еще держался единенія съ востокомъ, отпаденіе же его произошло гораздо позже, именно въ XI в.

увидѣвшее въ переходѣ свв. Кирилла и Меѳодія подѣ власть папы поводъ и возможность перейти отъ споровъ и пререканій къ фактической борьбѣ съ своими противниками; оно стало жаловаться папѣ на свв. братьевъ, выставляя послѣднихъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ и указывая главнымъ образомъ на то, что они незаконно ввели у моравовъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Папа Николай I, желая самъ разслѣдовать на сколько Кириллъ и Меѳодій были дѣйствительно виновны, потребовалъ ихъ къ себѣ на судъ ¹⁾).

Признавая папу законнымъ патріархомъ запада и сознавая необходимость разрѣшенія съ его стороны славянскаго богослуженія, свв. Кириллъ и Меѳодій готовно ѣдутъ въ Римъ, взявъ съ собою часть обрѣтенныхъ ими въ Херсонѣ мощей св. Климента. Это было въ половинѣ 866 г. Путь свв. братьевъ лежалъ чрезъ владѣнія паннонскаго князя Коцела. Послѣдній принялъ ихъ такъ же радостно, какъ и Моравы и св. братья пробыли у него довольно долгое время. Коцелу такъ понравилась вновь избрѣтенная славянская грамота, что онъ далъ св. Кириллу до 50 учениковъ для обученія ей. Въ знакъ своей благодарности и уваженія

¹⁾ Лавровскій (Кириллъ и Меѳодій, стр. 275) хотеть объяснить поѣздки Кирилла и Меѳодія въ Римъ нѣсколько иначе. По его мнѣнію дѣло должно представлять такъ: св. братья, пришедши на западъ, сразу же столкнулись съ мѣстнымъ духовенствомъ. Это вызвало споры и наконецъ жалобу нѣмцевъ на Кирилла и Меѳодія въ Римъ (о переходѣ Моравіи въ вѣденіе котораго Лавровскій не говоритъ ни одного слова), вслѣдствіе чего папа вызвалъ ихъ въ Римъ. Очевидно — Лавровскій считаетъ Кирилла и Меѳодія подсудными и подчиненными папѣ съ самаго перехода ихъ на западъ. Но мы опять повторяемъ, что съ этимъ согласиться никакъ нельзя. Тогда пришлось бы признать, что Кириллъ и Меѳодій были способны на незаконный поступокъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они сами считали себя подвластными папѣ, то развѣ они могли бы довольствоваться только разрѣшеніемъ Константинопольскаго патріарха на введеніе въ Моравіи, напримѣръ, славянскаго богослуженія? Очевидно, что, вводя славянское богослуженіе Кириллъ и Меѳодій пока не считали нужнымъ искать санкціи папы и значить считали себя независимыми не отъ него, а отъ Константинопольскаго патріарха. А при такомъ положеніи дѣло, какое значеніе для нихъ могли имѣть жалобы нѣмцевъ въ Римъ и вызовъ папы? Конечно, нельзя совершенно отрицать догадки Лавровскаго о жалобахъ нѣмцевъ папѣ, но жалоба нѣмцевъ и вызовъ папы могли имѣть смыслъ только тогда, когда Моравія, послѣ кратковременнаго союза съ Константинополемъ, снова перешла въ вѣдѣніе папы. Вотъ причина, почему св. братья сначала дѣйствуютъ самостоятельно, а потомъ, по вызову папы, ѣдутъ въ Римъ хлопотать о дозволеніи славянскаго богослуженія.

къ свв. братьямъ, Коцель самъ проводилъ ихъ до самой границы своихъ владѣній и предлагалъ имъ дары, но Кирилль и Меодій по смиренію отказались.

Но если такъ радостно встрѣчали и провожали свв. братьевъ славяне, то латинское духовенство по прежнему встрѣчало ихъ враждебно. Лишь только Кирилль и Меодій пришли въ Венецію, лежавшую на пути въ Римъ, какъ противъ нихъ составилъ цѣлый соборъ изъ латинскихъ епископовъ и монаховъ, „тріязычниковъ“, какъ и моравскія они утверждали, что ни апостолы, ни отцы церкви, не позволяли никогда совершать богослуженія на славянскомъ языкѣ. Св. Кирилль и здѣсь побѣдоносно отразилъ нападенія „тріязычниковъ“ и братья продолжали свой путь въ Римъ. Остановки у Коцела и въ Венеціи сильно замедлили путешествіе Кирилла и Меодія, такъ что они прибыли въ Римъ уже къ концу 867 г., когда вызвавшій ихъ папа Николай I умеръ.

Братьевъ встрѣтилъ преемникъ Николая Адріанъ II. Встрѣча была торжественная и почетная, потому что Кирилль и Меодій принесли съ собой мощи св. Климента, но когда дѣло зашло о дозволеніи славянскаго богослуженія, то Адріанъ II на первыхъ порахъ отнесся къ просьбѣ братьевъ не особенно благосклонно ¹⁾. Весь западъ привыкъ

¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что паннонскія житія, рассказывая объ одобреніи славянскаго перевода священныхъ книгъ Адріаномъ II, вслѣдъ за упоминаніемъ о приходѣ Кирилла и Меодія въ Римъ, передаютъ только конечный результатъ переговоровъ между братьями и папой объ этомъ предметѣ. Странно было бы предположить, что изъ одного только уваженія къ личностямъ Кирилла и Меодія папа сразу перемѣнилъ свой взглядъ на вѣковой обычай западной церкви — совершать богослуженіе на латинскомъ языкѣ. Кромѣ того его не могло не останавливать и то соображеніе, что его поспѣшное согласіе на просьбу Кирилла и Меодія не могло поираться римскому и нѣмецкому духовенству. Да и сами паннонскія житія сохранили вѣкоторое указаніе на то, что дѣло не обошлось безъ споровъ и разсужденій. Изъ житія Меодія (гл. VI) видно, что братьямъ приходилось вступать въ споры съ „тріязычниками“ и что папа рѣшилъ этотъ споръ, принявъ сторону Кирилла и Меодія. И самъ Адріанъ въ своемъ посланіи къ моравскимъ князьямъ говоритъ, что онъ разрѣшилъ славянское богослуженіе „по зрѣломъ обсужденіи“. Причина, по которой паннонскія житія обходятъ первоначальную постановку папой славянскаго дѣла и сообщаютъ только конечный исходъ его, кроется, по нашему мнѣнію, въ нежеланіи автора выставить папу, — уважаемаго имъ, — недоброжелателемъ дѣла, которому онъ самъ глубоко сочувствовалъ.

слышать богослуженіе на латинскомъ языкѣ и вдругъ являются два лица, которыя просятъ папу измѣнить этому обычаю. Хотя въ сущности папѣ и выгодно было исполнить просьбу Кирилла и Меѳодія, потому что этимъ онъ могъ надѣяться привлечь на свою сторону какъ ихъ самихъ, такъ и весь моравскій народъ, но онъ, конечно, не могъ рѣшиться на это сразу, тѣмъ болѣе, что низшее римское духовенство было противъ нововведенія свв. братьевъ. Долго тянулись переговоры между свв. братьями и папой, прежде чѣмъ послѣдній наконецъ дозволилъ совершеніе въ славянскихъ земляхъ богослуженія на народномъ языкѣ. Св. Кириллу не суждено было дожидаться этого папскаго разрѣшенія. Во время переговоровъ онъ, вообще не обладая крѣпкимъ здоровьемъ, неожиданно заболѣлъ и скончался 14 февраля 869 года ¹⁾.

Трогательна была кончина св. Кирилла. Почувствовавъ скорое приближеніе своей кончины, св. Кириллъ не опечалился, а напротивъ радовался тому, что наконецъ прекращается его многотрудное земное поприще и наступаетъ время соединенія съ Богомъ, къ Которому всегда стремилась душа св. первоучителя славянскаго. Передъ смертію онъ пожелалъ принять ипоческій санъ, постригся и перемѣнилъ свое прежнее мірское имя Константинъ на имя Кириллъ, подъ которымъ онъ обыкновенно и извѣстенъ. Черезъ 50 дней послѣ принятія монашескаго сана св. Кириллъ почувствовалъ, что пришелъ конецъ его временной жизни. Сильно опасаясь того, что папа и послѣ его смерти будетъ уклоняться отъ дозволенія славянскаго богослуженія, св. Кириллъ возлагаетъ свою надежду на одного только Бога. Въ горячей молитвѣ онъ проситъ Господа, чтобы Онъ погубилъ „тріязычную ересь“ и соединилъ все славянство въ едино ²⁾. Въ то же время онъ старается поддер-

¹⁾ 869-й годъ, какъ годъ смерти Кирилла, принимаютъ всѣ изслѣдователи, исключая тѣхъ, которые не признаютъ достовѣрности панновскихъ житій. Изъ такихъ укажемъ Гинцеля (Jeshichte, S. 39—50, вст. 2) и Вильбасова (ч. I, стр. 68).

²⁾ Въ молитвѣ Кирилла о погубленіи „тріязычной ереси“, намъ кажется, можно видѣть нѣкоторый намекъ на то, что въ это время славянское богослуженіе не было еще разрѣшено. Намъ кажется, что эту молитву слѣдуетъ ста-

жать энергію своего брата въ намѣреніи продолжать хл о поты предъ папой, не смотря ни на какія препятствія со стороны противниковъ славянскаго богослуженія. „Мы, братъ, — говорилъ св. Кириллъ, — тянули съ тобой одну борозду и вотъ я падаю на градъ, кончаю дни мои; а ты очень любишь гору (Олимпъ, гдѣ былъ монастырь св. Меѳодія), но не думай ради ея оставлять нашего служенія, потому что имъ ты лучше можешь быть спасенъ“. Какъ глубоко должны были проникнуть эти трогательныя слова въ душу Меѳодія, горячо любившаго своего брата! Простившись затѣмъ со всѣми окружающими, св. Кириллъ мирно отошелъ ко Господу. Доброта его сердца, мудрость и благочестіе снискали ему любовь всѣхъ знавшихъ его и кончина его была горько оплакиваема. Хотя св. Кириллъ умеръ въ Римѣ, но онъ всегда помнилъ свою родину. Св. Меѳодій, зная объ этой привязанности и по давнишнему завѣщанію матери, хотѣлъ унести тѣло брата изъ Рима въ Грецію и папа сначала изъявилъ было на это свое согласіе, но по совѣту своихъ епископовъ, отмѣнилъ это рѣшеніе и только по вторичной просьбѣ св. Меѳодія дозволилъ похоронить тѣло Кирилла въ церкви св. Климента, мощи котораго были принесены братьями въ Римъ. Впослѣдствіи Римляне совершенно позабыли объ этомъ, такъ что теперь уже не извѣстно, гдѣ обрѣтаются драгоцѣнные для насъ останки нашего первоучителя.

Потерявъ любимаго брата, Меѳодій одинъ продолжалъ отстаивать славянское богослуженіе. Папа все еще колебался и не зналъ; на чью сторону ему склониться — на сторону Меѳодія, или „тріязычниковъ“. Но эти колебанія по смерти Кирилла продолжались уже не долго. О Меѳодіи вспомнилъ Паннонскій князь Коцель, у котораго свв. братья останавливались на пути въ Римъ. Онъ прислалъ къ папѣ посольство, прося отпустить къ нему Меѳодія ¹⁾. Теперь

вить въ связь съ послѣдующимъ увѣщаніемъ св. Кирилломъ Меѳодія энергично продолжать начатое дѣло. Если Кириллъ увѣщаетъ Меѳодія не падать духомъ, то, значитъ, онъ видитъ еще серьезныя препятствія своему дѣлу, и таковымъ для него могло быть все еще продолжавшееся колебаніе Адріана II.

¹⁾ Причины того, почему одинъ только Коцель вспомнилъ теперь о Меѳодіи заключалась въ томъ, что Ростиславъ былъ сильно занятъ войною съ вѣяцами и ему было не до того. См. Лавровскаго, стр. 323—325.

колебаться было уже нельзя. Откажи Адрианъ Коцелу и славяне также легко могли отпасть отъ Рима, какъ и пришли къ нему Папа задумалъ уступить просьбѣ Меѳодія, надѣясь, что въ благодарность за это онъ будетъ способствовать сближенію славянства съ Римомъ. Къ тому же—папа всегда могъ и отмѣнить то, что теперь позволялъ. И вотъ Адрианъ II созываетъ соборъ, торжественно разрѣшаетъ Меѳодію славянское богослуженіе, передаетъ анаѳемѣ противниковъ, его и, посвятивъ Меѳодія, бывшаго доселѣ только простымъ монахомъ, въ пресвитерскій санъ ¹⁾, отсылаетъ его къ Коцелу съ посланіемъ, въ которомъ, сообщая о разрѣшеніи славянскаго богослуженія, вообще старается выставить себя благожелателемъ славянства, рассчитывая, конечно, что и оно будетъ отвѣчать ему тѣмъ же чувствомъ. Но папское непрямодушіе сказалося таки и здѣсь: Адрианъ II не призналъ полной равноправности славянскаго языка въ богослуженіи и прибавилъ въ своемъ посланіи, что на литургіи евангеліе должно читаться сначала по-латыни, а потомъ по-славянски.

Когда Меѳодій прибылъ въ Паннонію, то его тамъ встрѣтили съ прежнею радостію; но извѣстіе о смерти св. Кирилла глубоко опечалило всѣхъ. На этотъ разъ Меѳодій пробылъ въ Панноніи очень не долго: едва только онъ прибылъ туда, какъ Коцель снова отослалъ его къ папѣ, прося посвятить его въ санъ епископа „на столъ св. Анд-

---

¹⁾ Многие, какъ католическіе (Ginzel, Geschichte стр. 23, пр. Racki, Vieh. стр. 221—222), такъ и православные ученые (напр. Бильбасовъ, ч. I, стр. 68; ч. II, стр. 199.) не принимаютъ въ данномъ случаѣ свидѣтельства паннонскаго житія Меѳодія (гл V) и отвергаютъ посвященіе его Адрианомъ II во священническій санъ. Но вѣтъ достаточныхъ оснований для этого. То обстоятельство, что Меѳодій еще до прихода въ Моравію былъ настоятелемъ монастыря, ничуть не противорѣчитъ показанію паннонскаго житія. Въ то время настоятелями монастырей могли быть и простые монахи, не имѣющіе сана священника (Лавровскій, стр. 234, Голубинскій, Ист. Русск. Церк. т. I, стр. 294). Лавровскій (ibid) указываетъ и примѣръ этому изъ современной эпохи въ лицѣ Игнатія. Кроме того, и Адрианъ, называя въ своемъ посланіи Меѳодія сыномъ, а не братомъ,—какъ прилично называть епископу епископа и какъ это практиковалось,—намекаетъ на священническій санъ Меѳодія. (Подробнѣе объ этомъ см. у Лавровскаго, стр. 233—238).

роника“, одного изъ 70 учениковъ Господа Иисуса Христа, который, по преданію, былъ первымъ епископомъ Панноніи.

Снова Меодій въ Римѣ и снова папѣ предстоитъ трудный для разрѣшенія вопросъ. Тѣ земли, въ которыхъ проповѣдывалъ и былъ первымъ епископомъ св. Андроникъ, издавна считались принадлежащими къ епархіи зальцбургскаго архіепископа. Значитъ, если бы папа учредилъ здѣсь самостоятельную епископскую кафедру, то этимъ нарушилъ бы права нѣмецкаго духовенства, а это повело бы его къ борьбѣ съ нимъ, на которую папѣ не хотѣлось рѣшиться. Но и не исполнить просьбы Коцела для папы было невыгодно. Тогда ему грозила опасность лишиться расположенія славянъ и господства надъ ними, а папѣ, естественно, это было не желательно. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Адріанъ II рѣшился выпутаться изъ него слѣдующимъ образомъ. Онъ исполнилъ просьбу Коцела, посвятивъ Меодія въ епископскій санъ и давъ ему права самостоятельнаго архіепископа, но не предпринялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы оградить его отъ нападеній нѣмецкаго духовенства и такимъ образомъ и славянъ удовлетворилъ и не вооружилъ противъ себя нѣмецкое духовенство.

Тотчасъ по прибытіи въ Паннонію св. Меодій сталъ такъ же ревностно трудиться здѣсь на пользу славянства, какъ раньше трудился съ Кирилломъ въ Моравіи. И здѣсь стали, съ прибытіемъ Меодія, раздаваться въ храмахъ звуки славянскаго богослуженія, привлекавшіе къ себѣ всѣхъ славянъ: латинскія церкви опустѣли ¹⁾... Но не долго продолжалось это торжество славянской народности, всего только около полоторыхъ лѣтъ. Коцель былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы защитить Меодія отъ ярыхъ нападокъ нѣмцевъ, а другой сильный защитникъ Меодія князь Ростиславъ уже не могъ помочь ему. Отстаивая самостоятельность своей

¹⁾ Вотъ что говорятъ объ этомъ зальцбургскій меморандумъ: *Quidam graecus, Methodius nomine, noviter inventis sclavinis litteris linguam latinam, doctrinamque romanam atque litteras austorales laturas philosophice superducens viles cere fecit cuncto populo ex parte missas et evangelio ecclesiasticumque officium illorum, qui nec latine celebrantur.* Изъ этихъ словъ видно, что латинское богослуженіе, съ приходомъ Меодія стало для славянъ ненавистно. Гельб. ч. I, Monum. clipI. стр. 124—125.

родины, онъ погибъ вслѣдствіе измѣны роднаго своего племянника Святополка, который, желая самъ завладѣть престоломъ дяди, захватилъ его въ свои руки и потомъ выдалъ нѣмцамъ. Сначала Ростиславъ былъ присужденъ къ смертной казни, но потомъ помилованъ германскимъ императоромъ и томился теперь въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей. Вся Моравія попала подъ власть нѣмцевъ: ею правили два нѣмецкіе графа ¹⁾). Такимъ стѣспительнымъ положеніемъ Моравіи воспользовались враги Меѳодія нѣмецкіе епископы, чтобы выжить его изъ предѣловъ Моравіи. „Ты учишь въ нашей области“, говорили они, собравъ противъ Меѳодія соборъ. Меѳодій съ достоинствомъ отвѣчалъ, что онъ занялъ архипастырскую кафедру не самовластно, но поставленъ ихъ же прямымъ начальникомъ папой ²⁾) и этимъ далъ понять нѣмцамъ, что они поступаютъ незаконно, спрашивая у него отвѣта въ томъ, въ чемъ собственно виноватъ былъ папа. Видя, что Меѳодій не признаетъ себя виновнымъ и не намѣренъ оставить своего дѣла, епископы рѣшились на беззаконное дѣло—расправиться съ Меѳодіемъ своимъ судомъ безъ вѣдома папы. Страшнымъ мученіямъ подвергли Меѳодія: его томили тюремнымъ заключеніемъ, подолгу держали на открытомъ воздухѣ подъ холодомъ и дождемъ и даже били конскими плетьюми ³⁾). Измучивши не-

---

1) См. Платонова, Духовный Вѣстникъ. 1862 г., кн. 2, стр. 511. Лавровскій, стр. 243. Бильбасовъ, ч. I, стр. 71—72.

2) „Азъ, еще быхъ вѣдѣлъ, яко ваша есть... но св. Петра есть“, т. е. папа есть главный начальникъ въ западной церкви и слѣдовательно ему принадлежитъ власть назначать кого угодно на ту или другую епископскую кафедру: у него ищите суда.

3) Особенно яркими красками описаны мученія Меѳодія въ письмѣ папы Іоанна VIII къ Германриху епископу Пассавскому. Приводимъ отрывокъ изъ него въ подлинникѣ. „Ad deflendam pravitatem tuam nonnisi fontem lacrimarum ut propheta Ieremias sufficere credimus. Cujus enim ut non dicamus episcopi, secularis cujus quin immo tyranni seviciam temeritas tuo non excessit, vel bestialem feritatem non transcendit, fratrem et coepiscopum nostrum Methodium carceralibus poenis afficiens et sub divo diutius acerrimo hiemis et nimborum immonitate castigans atque ab ecclesiae sibi commissae regimine substrahens et adeo in insaniam veniens, ut in episcoporum concilium tractum equino flagello percuteres nisi perhiberis ab aliis. Труды Киев. Дух. Ак. 1881 г. кн. 8, стр. 405.

виннаго страдальца, наконецъ, сослали его въ ссылку ¹⁾, гдѣ онъ и пробылъ цѣлыхъ три года ²⁾). Напрасно онъ требовалъ и просилъ своихъ мучителей, чтобы они пустили его въ Римъ для папскаго суда, нѣмцы не внимали его мольбамъ. Напрасно чрезъ довѣренныхъ своихъ учениковъ онъ неоднократно жаловался на свои несчастія самому папѣ ³⁾ и отъ него не получилъ онъ не только помощи, но и слова утѣшенія. Что же папы? почему они не помогли Меѳодію, если сами были причиною его страданій? Къ стыду папства мы не видимъ съ его стороны искренняго расположенія къ Меѳодію и славянству, но одну только своекорыстную расчетливость. Когда Адрианъ II узналъ о заключеніи и ссылкѣ Меѳодія, совершенныхъ безъ его вѣдома, суда и дозволенія, то былъ сильно оскорбленъ этимъ нарушеніемъ своихъ правъ, какъ западнаго патріарха. Онъ, конечно, сильно хотѣлъ бы наказать дерзкихъ епископовъ и освободить Меѳодія. Но свойственная папамъ расчетливость удержала его отъ этого. Вооружившись противъ нѣмцевъ тогда, когда они были въ полной силѣ въ Моравіи, онъ не могъ бы съ ними ничего подѣлать, такъ какъ нѣмецкіе епископы были бы поддержаны свѣтскими властями. И вотъ не осмѣливаясь ничего предпринять, папа ждетъ — не улучшится ли политическое положеніе славянъ, не склонится ли побѣда на ихъ сторону — и до тѣхъ поръ оставляетъ невиннаго страдальца Меѳодія на произволь нѣмцевъ. Въ такихъ ожиданіяхъ Адрианъ II

1) Послѣ открытыхъ въ 1880 г. въ Британскомъ музеѣ писемъ Іоанна VIII къ Адальвину, архіепископу зальцбургскому, и его суффраганамъ, касательно этого обстоятельства, дѣйствительность его, возбуждавшая раньше большія сомнѣнія, не оспорила. См. Научное движеніе по вопросу о Кир. и Меѳ. Труды Киев. Дух. Ак. 1881 г., авг., стр. 401—406.

2) Такое показаніе даетъ инструкція Іоанна VIII Павлу Анконскому (см. Труды Киев. Дух. Ак. 1881 г., авг., стр. 402), по паннонскому же житію этотъ срокъ продолжался 2½ года. „Незначительная разница въ показаніяхъ иностраннаго (паннонскаго) житія („полтретья лѣта“) и инструкціи (три года) объясняется, можетъ быть тѣмъ, что паннонское житіе говоритъ собственно о заключеніи въ тюрьмѣ, а инструкція считаетъ время отъ начала судебного процесса“. Вороновъ. Научное движеніе по вопросу о Кир. и Меѳ. Труды Киев. Дух. Ак. 1881 г., стр. 407, пр.

3) Инструкція Павлу Анконскому: „Vos... o damnastis episcopum... apostolicam sedem per ipsum triennium plurimis missis et epistolis proclamantem“. Труды Киев. Дух. Ак. 1881 г., стр. 403, пр.

и умерь — въ 872 г. На папскій престолъ взошелъ Іоаннь VIII, человекъ хитрый и расчетливый болѣе нежели какой-либо изъ его предшественниковъ. Этотъ папа еще менѣе, чѣмъ Адріанъ II могъ рискнуть своими выгодами въ пользу Меѳодія, онъ опять таки все ждалъ возможности вступить за Меѳодія и смирить нѣмецкихъ епископовъ, но опять же думалъ сдѣлать это только тогда, когда борьба славянъ и нѣмцевъ окончится въ пользу первыхъ¹⁾. И Іоаннь VIII дѣйствительно дождался таки этого времени.

Святополкъ, какъ было раньше сказано, измѣнившій дядѣ своему Ростиславу, не долго былъ вѣренъ и нѣмцамъ и, выждавъ удобное время, измѣнилъ и имъ, перешелъ на сторону Моравовъ и нѣскольکو разъ разбилъ нѣмецкія войска и выгналъ ихъ изъ Моравіи. Затѣмъ самъ перешелъ въ наступленіе и такъ счастливо повелъ войну, что она скоро кончилась очень выгоднымъ для славянъ миромъ²⁾. Теперь папа могъ уже не бояться вражды нѣмцевъ, славяне всегда были въ состояніи постоять за себя и вотъ Іоаннь VIII, прежде медлившій и выжидавшій, теперь смѣшитъ возстановить свои поруганныя права. Онъ шлетъ въ Паннонію особаго посла, который долженъ былъ заняться разборомъ дѣла. Папа зналъ, что нѣмцы, считая епархію Меѳодія принадлежащею себѣ, не будутъ особенно уступчивы и поэтому онъ поручилъ своему легату сдѣлать имъ какія-либо незначительныя съ точки зрѣнія папъ, уступки. Нѣмцамъ особенно не нравилось то, что Меѳодій ввелъ въ Моравіи славянское богослуженіе и папа, чтобы соблюсти собственныя выгоды, рѣшился пожертвовать имъ³⁾. Прибывъ въ Паннонію, пал-

1) Такое объясненіе папской трехлѣтней нерѣшительности и потомъ энергическаго вѣшатательства, намъ кажется столь естественнымъ и сообразнымъ съ началами папской политики по отношенію къ славянамъ, что мы прибавимъ къ сказанному въ текстѣ только то, что и вѣшатательство папы въ распри Меѳодія съ нѣмцами посить тотъ же отпечатокъ своекорыстія; папа не столько хлопочетъ о личности Меѳодія, сколько о нарушеніи своихъ собственныхъ правъ, какъ патріарха и верховнаго судіи западной половины церкви

2) См. Бильбасова, ч. I, стр. 73.

3) Беръ 873 г.,—въ продолженіе котораго произошли описываемыя событія,—какъ годъ перваго за ршеніи славянскаго богослуженія, мы примыкаемъ къ большинству ученыхъ и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ соображеній Ворз-

скій посоль доказывалъ незаконность притязаній нѣмцевъ на Мораво - Паннонскую каѳедру, потому что самъ папа отдалъ ее въ распоряженіе Меодія; укорялъ ихъ въ нарушеніи папскихъ правъ преданіемъ незаконному суду архіепископа, безъ вѣдома главнаго духовнаго іерарха западнаго папы; грозилъ предать ихъ церковному суду, если они не отпустятъ Меодія на свободу. Въ то же время онъ общалъ имъ, что Меодій не станетъ совершать славянскаго богослуженія, такъ какъ папа запрещаетъ это. Папскія угрозы, а главнымъ образомъ уступка, достигли своей цѣли. Нѣмецкіе епископы освободили Меодія изъ заточенія и онъ перешелъ теперь въ Моравію, подъ защиту Святополка¹⁾. Но нѣмцы всетаки еще не хотѣли признать его совершенно самостоятельнымъ архіепископомъ, чего особенно добивался папа. Чтобы окончательно смирить ихъ, папа обратился къ свѣтскимъ властямъ Германіи, требуя ихъ содѣйствія²⁾. Настоятельныя требованія папы были выполнены только въ 875 г. Меодій признанъ самостоятельнымъ архіепископомъ Мораво - Паннонской каѳедры. Богъ наградилъ Святополка за то, что онъ принялъ Меодія подъ свое покровительство. Съ того времени Моравія подъ его правленіемъ стала все болѣе и болѣе разширяться въ своихъ предѣлахъ и процвѣтать во внутренней жизни. Враги же Меодія, бывшіе виною всѣхъ его страданій не избѣгли Божіаго наказанія: одинъ за другимъ они скоро умерли³⁾.

нова объ этомъ предметѣ (Главнѣйш. ист., стр. 286). Этотъ же годъ принимаютъ и слѣдующіе ученые: Гиппель, стр. 61—62, пр. 2. Рачка, стр. 299. Лавровскій, стр. 378 и слѣд. Антиэнциклика, стр. 69. Вильбасовъ, слѣдую Дюммлеру, принимаетъ 878 г. (ч. I, стр. 19).

1) Инструкція Павлу Анконскому повелеваетъ послѣднему во что бы то ни стало, не смотря ни на какія препятствія, перевести Меодія въ Моравію. Труды Кіев. Дух. Ак. 1881 г., стр. 404, пр. 1.

2) См. письма Иоанна VIII къ Людовику, отъ 873 и Карломану отъ 875 у Вильбасова, ч. I, Monumenta diplomatica, стр. 127—129. Такъ какъ Людовикъ и Карломанъ поддерживали своихъ епископовъ въ ихъ притязаніи на право владѣнія паннонской епархіей, которыя (притязанія) основывались на римскомъ правѣ давности, то въ этихъ письмахъ папа главнымъ образомъ и опровергаетъ примѣненіе этого закона къ данному случаю. Эти письма также уясняютъ—къ чему собственно стремился папа, отстаивая Меодія. Не личность его, а Паннонская епархія была, очевидно, предметомъ заботливости папы.

3) Адалъвинъ зальцбургскій умеръ въ 873 г. Германрихъ пассаевскій—въ 874, а Ганнонь фрейзингенскій въ 875. См. Вороновъ, Научное движ. Тр. Кіев. Дух. Ак. 1881 г., авг., стр. 409.

Поселившись въ Моравіи, Меѳодій опять ревностно продолжалъ дѣло служенія славянству и, не смотря на папское запрещеніе, продолжалъ совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Да и могъ ли онъ послушаться въ этомъ папы, когда запрещеніе послѣдняго было совершенно незаконно? Меѳодій получилъ разрѣшеніе совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ торжественно и оффиціально, послѣ обсужденія дѣла на соборѣ, а запрещеніе было дано безъ всякаго опроверженія правильности дѣйствій Меѳодія и притомъ тайно: о немъ зналъ только папскій посоль, враги Меѳодія и самъ онъ. Да и самъ папа вовсе не хотѣлъ бы запрещать славянское богослуженіе и сдѣлать это только въ угоду нѣмцамъ. Притомъ, прекратить славянское богослуженіе и замѣнить его латинскимъ для Меѳодія значило отказаться отъ всѣхъ плодовъ, которыхъ онъ достигъ раньше; тѣмъ любимаго брата, на смертномъ одрѣ увѣщавшаго его не покидать начатаго дѣла, еще больше ободряла Меѳодія въ его законномъ ослушаніи. И вотъ ненавидимые латинскому духовенству славянскіе звуки продолжали раздаваться въ Моравіи.

Этого нѣмцы не могли долго выносить и опять начали свои козни. Видя, что сторону Меѳодія держитъ Святополкъ и зная какъ важна его поддержка для Меѳодія, они стали стараться привлечь князя на свою сторону и дѣйствительно скоро добились своего. Они внушили Святополку, что Меѳодій учитъ неправильно и Святополкъ готовъ былъ имъ вѣрить ¹⁾. Заручившись поддержкой съ этой стороны, латинско-нѣмецкое духовенство начинаетъ дѣйствовать уже гораздо рѣшительнѣе. Доносы за доносами сыплются въ Римъ съ самыми тяжелыми обвиненіями противъ Меѳодія. Его обвиняютъ въ неправославномъ ученіи объ исхожденіи Св. Духа и въ ослушаніи папскому распоряженію совершать

1) Объ этомъ можно заключать изъ посланія Іоанна VIII къ Святополку отъ 879 г. (Сильбасовъ, ч. I, Mon. dipl. стр. 129—130). Папа пишетъ: „но вы колеблетесь въ правой вѣрѣ, какъ мы то узнали изъ донесенія пресвитера Іоанна, котораго вы къ намъ прислали“. Очевидно, Святополкъ не зналъ кого ему слушать—нѣмцевъ или Меѳодія.

богослуженіе на латинскомъ языкѣ¹⁾). Непріятны были папѣ эти жалобы: онъ видѣлъ, что, обвиняя Меѳодія, нѣмцы какъ бы упрекають его самого, поставившаго на епископскій престоль неправославнаго человѣка; но сторону нѣмцевъ держалъ Святополкъ и папѣ не оставалось дѣлать ничего иного, какъ вызвать Меѳодія въ Римъ и, разсмотрѣвъ обвиненія, показать врагамъ Меѳодія, что они неправы и обличить ихъ такимъ образомъ предъ Святополкомъ. Итакъ, Іоаннъ VIII принимаетъ на себя личину строгости и въ 879 г. пишетъ къ Меѳодію письмо, въ которомъ перечисляетъ обвиненія, взведенныя на него нѣмцами и зоветъ его для оправданія въ Римъ. Послушный законнымъ требованіямъ своего вышшаго пачальника, Меѳодій отправляется и въ 880 г. прибываетъ предъ папскій престоль. Трудно было хитрому и изворотливому папѣ выполнить то, что онъ задумалъ. Меѳодія обвиняли въ томъ, что онъ не хочетъ исповѣдывать исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, какъ уже въ это время учила почти вся западная церковь и обвинители, собственно говоря, были правы, потому что Меѳодій дѣйствительно держался не этого ложнаго ученія, а православнаго восточнаго,—именно, что Духъ Св. исходитъ отъ одного только Отца²⁾). Самъ папа Іоаннъ VIII, хотя по наружности и

1) На эти доносы Іоаннъ VIII ясно указываетъ въ посланіяхъ къ Святополку и Меѳодію отъ 879 г. „Мы очень удивились, услышавъ, что Меѳодій... иначе учить, чѣмъ онъ исповѣдывалъ устно и письменно предъ апостольскимъ престоломъ“... О славянскомъ богослуженіи папа пишетъ Меѳодію: „Также слышали мы, что ты поешь литургію на варварскомъ, т. е. на славянскомъ языкѣ. Поэтому-то мы... запрещали совершать божественныя службы на этомъ языкѣ“ (Бильбасовъ, ч. I, Моп. dipl. стр. 129—131). Изъ первой выдержки видно, что или нѣмцы не хотѣли точно и ясно формулировать своего обвиненія противъ Меѳодія, или самъ Іоаннъ не рѣшался писать Святополку и Меѳодію, что дѣло идетъ о Filioque.

2) Правословіе Меѳодія въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа не можетъ быть подвергнуто никакому сомнѣнію. Оно свидѣлствуется многими источниками. Изъ неофициальныхъ: 1) Панновскимъ житіемъ Меѳодія (гл. I и XII); 2) Древними службами Кирилла и Меѳодія (см. Кирилло-Меѳ. сб. стр. 25, пр. 2, 288 и 294); 3) Пространнымъ житіемъ св. Климента (гл. V). Это же удостовѣряють и официальные источники: 1) Посланіе Стефана VI. Въ немъ папа, изложивъ догматъ объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына и заявивъ, что такого ученія держится нѣмецъ Вихишъ, вслѣдъ за тѣмъ пишетъ: „Относительно же Меѳодія мы крайне удивились, слыша, что онъ уорно держится суетвѣрія, а не назидаетъ“.

держался православнаго ученія и даже увѣрялъ въ своемъ православіи Константинопольскаго патріарха Фотія, но въ душѣ былъ согласенъ съ лжеученіемъ нѣмцевъ ¹⁾. Ему такимъ образомъ приходилось или покривить душой и признать православнымъ ученіе Меѳодія и вмѣстѣ съ тѣмъ выставить и себя православнымъ въ глазахъ Меѳодія и еретикомъ въ глазахъ нѣмцевъ, или осудить его, признать его ученіе еретическимъ и такимъ образомъ обличить себя самого предъ православнымъ востокомъ ²⁾. Папа выбралъ первый исходъ, потому что нуждался въ помощи константино-

вил, споръ, и не мира и если такъ, то мы совершенно отвергаемъ его вѣру„
2) Посланіе Іоанна X къ епископамъ Спалатрской церкви. „До насъ дошелъ слухъ, что въ предѣлахъ вашей провинціи распространяется ученіе, не встрѣчающееся въ св. Писаніи. Недостойно пренебрегать ученіемъ евангелія и слѣдовать ученію Меѳодія, имя котораго мы не встрѣчаемъ въ числѣ святыхъ“.

1) Лавровскій (стр. 418) и авторъ Антиэнциклики (стр. 25) хотятъ видѣть въ Іоаннѣ VIII исполнѣ православнога въ отношеніи ученія объ исхожденіи Св. Духа, но они неправы. Уже Левъ III признавалъ Filioque догматически правильнымъ и необходимымъ для спасенія души ученіемъ (Кохомскій, ученіе древней церкви объ исхожденіи Св. Духа. СПб. 1875 г. стр. 88—92) Этотъ папа энергически возсталъ только противъ внесенія Filioque въ Символь (ibid. стр. 44). Современные Кириллу и Меѳодію папы Николай I, Адрианъ II, Іоаннъ также относились къ Filioque. Николай I, отстаивалъ Filioque, поручилъ Реймскому архіепископу и подчиненнымъ ему епископамъ написать опроверженіе восточнаго ученія объ этомъ предметѣ. (Антиэнц. стр. 23, н.с.) и даже не прочь былъ внести Filioque въ Символь (ibid.). Адрианъ II не призналъ прибавки Filioque къ символу (ibid. а также Рачки, стр. 201, Гинцель, стр. 110), но не видно, чтобы онъ не былъ согласенъ со своими предшественниками относительно догматической стороны этого ученія. Іоаннъ VIII, въ посланіи на Константинопольскій соборъ 869 г., обнаруживаетъ себя противникомъ прибавки Filioque къ символу (см. Дух. Бес. 1859 г. кн. 7, стр. 1—4), но признавалъ правильность самого ученія, или лучше относился къ нему съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ (Бильб. ч. I, стр. 83—84) Лавровскій и Антиэнциклика хотятъ изъ вышеупомянутаго посланія вывести православіе Іоанна, но самое бѣгдсе чтеніе его показываетъ, что здѣсь вовсе нѣтъ и рѣчи о правильности или неправильности догмата, а все дѣло идетъ только о томъ—слѣдуетъ или нѣтъ прибавлять Filioque къ символу.

2) При несомнѣнномъ православіи Меѳодія и при взглядѣ на личность Іоанна VIII, ставившаго „политику выше морали, выше собственной совѣсти, даже выше вопросовъ религіи“ (Бильбисовъ, ч. I, стр. 85), намъ кажется достаточнымъ указать на одно только это побужденіе. Нужно замѣтить, что въ это самое время Іоаннъ хлопоталъ предъ Визанціей о помощи противъ Сараценовъ (ibid. стр. 91). Другое, конечно, объясненіе требовалось бы, если бы Іоаннъ VIII былъ человѣкъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій.

польскаго императора и потому что расчеты брали у него верхъ надъ требованіями совѣсти; но такъ какъ противъ этого могли возстать приверженцы нѣмцевъ, которыхъ было не мало въ Римѣ, то папа для усиѣннѣйшаго достиженія цѣли употребилъ хитрость: онъ предложилъ Меодію вопросъ о его вѣрѣ въ такой неопредѣленной формѣ, что Меодій могъ, ни мало не покрививъ душой, отвѣтить на него утвердительно. Папа спросилъ — такъ ли Меодій учитъ объ исхожденіи Св. Духа, какъ повелѣваетъ церковь и учать св. отцы. Меодій отвѣчалъ утвердительно и папа произнесъ оправдательный приговоръ. Второй пунктъ обвиненія — ослушаніе Меодія — пайдентъ былъ папой столь же несновательнымъ: недавно запрещенное славянское богослуженіе разрѣшено и даже одобрено. Вотъ какъ относилось современное Кириллу и Меодію папство даже къ своимъ собственнымъ распоряженіямъ.

Но отстоявъ Меодія по двумъ главнымъ пунктамъ обвиненія, которыми затрогивалась его собственная честь, папа изъ осторожности дѣлаетъ нѣмцамъ уступку. Обвинивъ Меодія въ двухъ тяжкихъ преступленіяхъ, нѣмцы были вполне увѣрены, что достигнутъ сверженія Меодія съ епископской кафедрой и поэтому вмѣстѣ съ Меодиємъ былъ посланъ въ Римъ и новый кандидатъ на Моравскую кафедру. Это былъ нѣмецъ Вихингъ, извѣстный своей ненавистью къ славянамъ а вмѣстѣ съ тѣмъ хитрымъ и коварнымъ характеромъ ¹⁾. Такъ какъ, оправдавъ Меодія папа оставилъ его, конечно, въ прежнемъ санѣ, то Вихингу приходилось вернуться домой ни съ чѣмъ. Но папа нашелъ возможнымъ выполнить желаніе нѣмцевъ, хотъ и не вполне. Онъ посвятилъ Вихинга въ епископскій санъ и назначилъ ему въ управленіе одну часть епархіи Меодія ²⁾, хотъ и зналъ, что онъ назначаетъ

1) См. Лавровскаго, стр. 434. Антициклику, стр. 48. Вильбасовъ, ч. I, стр. 93.

2) Именно, папа поставилъ Вихинга во епископы г. Нитры, въ Панноніи. Что въ этомъ фактѣ нужно видѣть только уступку папы нѣмцамъ, а не желательное ему дѣйствіе, какъ думаютъ нѣкоторые ученые (Лавровскій, стр. 135—136; Антициклика, стр. 50), это видно уже изъ стараній его оградить Меодія отъ нападеній нѣмцевъ. Впрочемъ, принимая во вниманіе то, что Іоаннъ безъ сомнѣнія зналъ національность и личныя качества Вихинга, мы вовсе не намѣрены оправдывать его въ своекорыстной уступчивости.

помощникомъ Меѳодію одного изъ его недруговъ. Впрочемъ, чтобы нѣсколько обезпечить Меѳодія со стороны новаго врага, Іоаннъ VIII повелѣлъ Вихингу во всемъ подчиняться волѣ своего архіепископа, а этому послѣднему далъ право употреблять противъ своихъ враговъ самыя строгія мѣры церковныхъ наказаній. ¹⁾

Тотчасъ же по возвращеніи Меѳодія и Вихинга въ Моравію послѣдній, при ревностномъ содѣйствіи остальныхъ нѣмцевъ, началъ свои интриги. Онъ постарался убѣдить Святополка, что папа, не смотря на оправданіе Меѳодія, не довѣряетъ ему и тайно поручилъ ему—Вихингу надзоръ за Меѳодіемъ. Святополкъ дался въ обманъ и нѣмцы стали дѣлать Меѳодію столько непріятностей, что онъ не выдержалъ наконецъ и пожаловался папѣ на притѣсненія, протодушно спрашивая его—справедливо ли то, что утверждаетъ Вихингъ ²⁾. Папа и тутъ ничего не сдѣлалъ для Меѳодія: онъ ограничился одними только соболѣзнованіями и утѣшеніями и интриги нѣмцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ страданія Меѳодія, продолжались попрежнему и довели его наконецъ до того, что онъ употребилъ послѣднюю мѣру по отношенію къ своимъ врагамъ, именно, предалъ Вихинга анаѳемѣ ³⁾. Такъ въ постоянныхъ трудахъ и горестяхъ шла

1) „Упрямые и непослушные, пишетъ папа къ Святополку въ посланіи отъ 880 г., въ силу тѣхъ статей, которыя мы Меѳодію передали и вамъ послали, должны быть изгнаны изъ церкви и изъ предѣловъ вашихъ“ (Бильб. ч. I, Mon. dipl. стр. 133). Къ сожалѣнію, статьи, о которыхъ упоминаетъ здѣсь папа, не сохранились до нашего времени.

2) До насъ не сохранилось письма Меѳодія къ папѣ съ этою жалобою, но о содержаніи его можно судить по отвѣтному письму Іоанна отъ 881 г. Іоаннъ VIII между прочимъ пишетъ: „Никакое другое посланіе отъ насъ къ нему (Святополку) не было писано, и мы ни открыто, ни тайно не приказывали тому епископу (Вихингу) и не предпріявали ему дѣлать что либо иное, чѣмъ ты дѣлаешь. Еще менѣе заслуживаетъ вѣротія то, будто мы взяли съ того епископа клятву, такъ какъ даже и въ разговорѣ мы ничего не говорили ему объ этомъ дѣлѣ“. Бильбасовъ, ч. I, Minum. dipl. стр. 135

3) Фактъ несомнѣненъ, потому что о немъ, кромѣ пространнаго житія Климента (гл. VII), говоритъ еще и посланіе Стефана VI: *anathemo vero pro contemptenda catholica fide, qui indixit in caput redundabit ejus* (Бильбасовъ, ч. I, Mon. dipl. стр. 142). Судя потому, что объ отлученіи Вихинга не упоминаетъ посланіе отъ 881 г. и по характеру самого Меѳодія, который употребилъ его конечно только какъ послѣднее средство противъ Вихинга, нужно думать, что оно было произведено Меѳодіемъ незадолго до смерти.

жизнь св. Меѳодія. Но посылая испытанія, Богъ послалъ ему въ концѣ его жизни и утѣшеніе.

Стараясь чѣмъ либо досадить Меѳодію, нѣмцы, между прочимъ, прибѣгли къ слѣдующему средству. Зная, что Меѳодій, какъ уроженецъ греческаго государства и какъ истинный сынъ восточной церкви, дорожить хорошимъ о себѣ мнѣніемъ своихъ соотичей, хитрые нѣмцы стали увѣрять Меѳодія, что константинопольскій императоръ сильно гнѣвается на него и даже ищетъ убить его. Меѳодій былъ этимъ очень опечаленъ, но Господь скоро утѣшилъ своего избранника. Неожиданно отъ императора пришло письмо, въ которомъ онъ выражалъ свое желаніе увидѣть Меѳодія и принять его молитву. Меѳодій тотчасъ отправился въ Константинополь и былъ привѣтливо встрѣченъ императоромъ и патріархомъ. Они одобрили его труды, оставили себѣ изъ его спутниковъ пресвитера и діакона и нѣкоторые изъ переведенныхъ Меѳодіемъ въ Моравіи богослужебныхъ книгъ и щедро одаривъ его опять отпустили въ Моравію.

Недолго уже оставалось жить св. Меѳодію и онъ спѣшилъ теперь окончить свой трудъ перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Многое уже было сдѣлано въ этомъ отношеніи, какъ обоими братьями, такъ и однимъ Меѳодіемъ по смерти Кирилла, такъ что теперь потребовалось только шесть мѣсяцевъ, чтобы совершенно закончить переводъ священнаго писанія¹⁾. Этотъ трудъ былъ совершенъ подъ руководствомъ св. Меѳодія двумя изъ его учениковъ. Совершивъ свое великое дѣло, святой старецъ уже спокойно могъ ждать кончины, приближеніе которой онъ уже чувствовалъ. Видя его тѣлесную немощь и сознавая, что въ немъ они лишаются великой и сильной поддержки, ученики просили св. Меѳодія, чтобы онъ самъ назначилъ себѣ достойнаго преемника. Меѳодій и самъ сознавалъ всю важность этого дѣла и избралъ себѣ въ преемники такого мужа, который особенно былъ пригоденъ для этой цѣли.

1) Необходимо думать, что Меѳодій занимался переводомъ какъ богослужебныхъ книгъ, такъ и книгъ священнаго писанія, не только въ послѣднее время своей жизни, но и во все продолженіе ея, такъ что переводъ, о которомъ разсказываетъ 15 гл. Паннонскаго житія, былъ только завершеніемъ великаго труда. Иначе трудно объяснить краткость времени, уотребленнаго на него.

Онъ указаль на вѣкоаго Горазда, одного изъ любимыхъ учениковъ своихъ родомъ Моравя, зная что единоплеменникъ всего лучше можетъ понимать нужды своего народа ¹⁾. Когда наступило вербное воскресенье, то Меѳодій, вошедши въ церковь вмѣстѣ съ своими духовными дѣтьми, заочно благословиль ²⁾ константинопольскаго императора, потомъ благословиль моравскаго князя, народъ и предсказаль свою кончину черезъ три дня. Когда наступилъ этотъ день, то Меѳодій, предалъ духъ свой Господу, мирно отошелъ къ нему это было 6 апрѣля 885 г.

Смерть св. Меѳодія была тяжелымъ ударомъ не только для его учениковъ, но и для всего славянства: съ нею въ Моравіи погнбло все, что здѣсь было пасаждено свв. братьями. И кто же былъ виновникомъ всего этого? Папа Стефанъ VI, ближайшій преемникъ Іоанна VIII. Этотъ папа прямо и открыто перешель на сторону нѣмцевъ ³⁾ и оказался открытымъ врагомъ славянства. Скоро по смерти Меѳодія онъ прислаль въ Моравію пословъ, которымъ пору-

1) Житіе Меѳодія (гл. XVIII) указываетъ еще два мотива для избранія Горазда, а именно—знаніе латинскаго языка и правосвѣріе. Но несомнѣнно, что эти мотивы имѣли при избраніи вѣдъ оепенное значеніе. Нельзя думать, что изъ учениковъ Меѳодія одинъ только Гораздъ звалъ латинскій языкъ. Точно также, ставя необходимымъ условіемъ для своего преемства православіе, Меѳодій, конечно, не думаль этимъ обличать остальныхъ учениковъ въ неправосвѣрїя. А если, такимъ образомъ, по двумъ другимъ условіямъ и остальные ученики Меѳодія были годны для занятія Моравской кафедрѣ по смерти Меѳодія, то значить выборъ послѣдняго остановился на Гораздѣ главнымъ образомъ потому, что онъ одинъ обладалъ и третьимъ необходимымъ для этого условіемъ. Лавровск. стр. 452—455.

2) Выраженіе панноскаго житія „благодѣти“—*feliciter agere, vivere*. Отсюда „казавъ благодѣти“—пожелавъ счастливо жить, благослови въ Антиэнциклика, стр. 102.

3) Чрезвычайно трудно объяснить эту рѣдкую переимѣну въ папской полиникѣ. Іоаннъ VIII, хотя и по требованію собственныхъ выгодъ, но всетаки иногда оказываль Меѳодію покровительство, а Стефанъ открыто и рѣзко объявляель себя его врагомъ и переходилъ на сторону нѣмцевъ. Единственнымъ объясненіемъ этому можетъ служить то, что Святополкъ все болѣе и болѣе подчинялся вліянію придворной своей нѣмецкой партіи и Стефанъ VI, при своемъ крутомъ и рѣшительномъ характерѣ уже не считаль нужнымъ поддерживать славянскую національность. При томъ же Меѳодій вовсе не содѣйствовалъ интересамъ Рима—не привязываль славянъ къ папѣ, а напротивъ, прививаль къ нимъ принципы восточнаго православія, разъединяль славянство и папство.

чить свергнуть съ кафедры Горазда, будто бы незаконно поставленнаго Меодіемъ въ преемники себѣ, а на его мѣсто поставилъ извѣстнаго Вихинга ¹⁾. Кромѣ того Стефанъ VI написалъ письмо и самому Святополку, въ которомъ обвиняетъ умершаго Меодія въ томъ, что тотъ не принималъ ложнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и за это предаетъ его анаѣмѣ, совершенно запрещаетъ славянское богослуженіе и совѣтуетъ изгнать учениковъ св. Меодія изъ предѣловъ Моравіи ²⁾. Такъ то отнеслось папство къ неощаженнымъ трудамъ свв. братьевъ...

Но иначе отнеслась къ памяти Кирилла и Меодія восточная церковь. Изгнанные изъ Моравіи ученики св. Меодія перешли въ Болгарію, гдѣ православіе еще раньше было посѣяно греческими проповѣдниками; здѣсь нашли себѣ самый радупный пріемъ и укрѣпили въ народѣ любовь къ памяти свв. Кирилла и Меодія. Скоро они были причислены къ лику святыхъ, имъ составлены службы и для чествованія памяти ихъ избраны особые дни ³⁾. Житія свв. первоучителей также появились скоро послѣ ихъ смерти и составляли поучительное чтеніе для всѣхъ восточныхъ христіанъ ⁴⁾. Когда мы Русскіе приняли христіанство изъ Константино-

¹⁾ Successorem, quem Methodius sibimet contra omnium sanctorum patrum statuta constituere praesumpsit, ne ministret nostra apostolica auctoritate interdicite, donec suam nobis praesentiam exhibeat et causam viva suum viva voce exponat. Инструкція Стеф. VI, данная имъ своимъ легатамъ, посылаемымъ къ Святополку въ 885 г. Тр. Киев. Дух. Ак. 1881 г. авг. стр. 413, пр. и 414.

²⁾ Contumaces et inobedientes... quasi zizaniorum seminateres ab ecclesiae gremio abici canimus... et a vestris finibus procul exclusi precipimus. См. Вильб. ч I, Mon. dipl. стр. 143. Это предписаніе папы дѣйствительно скоро было исполнено. Болг. Лег. гл. 8—14.

³⁾ Службы эти помѣщены въ Кирилло-Меод. сборникѣ, стр. 235—271 и 285—297. Объ установленіи особыхъ дней памяти Кирилла и Меодія см. Святцы при остромировомъ евангеліи (Рукопись XI в.) и „Русскій календарь по мѣсячнымъ мнѣямъ IX—XIII вв.“ И. И. Срезневскаго, СПб. 1862, стр. 13.

⁴⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ множество списковъ павнонскихъ житій, сохранившихся до нашего времени. Вороновъ (Главнѣйш. ист. стр. 65, I и стр. 66, пр.) насчитываетъ 17 списковъ житія Кирилла и 8 списковъ житія Меодія.

поля, то благоговѣнное почитаніе памяти свв. братьевъ, какъ первыхъ учителей и просвѣтителей славянскаго племени, перешло и къ намъ, и до сихъ поръ всякій русскій съ благовѣніемъ произноситъ и всегда будетъ произносить дорогія имена свв. Кирилла и Меѳодія.

Г. Смирновъ.

Кирилло-Меѳодіевскій славянскій переводъ Библіи.

Труды св. Меѳодія по довершенію начатаго имъ вмѣстѣ съ братомъ его св. Кирилломъ перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ.—Судьбы славянской Библіи и въ связи съ нею духовнаго просвѣщенія въ Моравіи, Болгаріи, Сербіи и у насъ на Руси.—Высокое значеніе заслугъ св. первоучителей славянскихъ для нашего отечества.—Первоначальный Кирилло-Меѳодіевскій переводъ Библіи со стороны языка. Отношеніе къ нему нынѣшняго славянскаго текста.

Пространное или такъ называемое паннонское житіе св. Меѳодія, архіепископа Моравскаго, просвѣтителя славянъ, сохранило намъ трогательныя предсмертныя слова св. Кирилла къ своему брату: се, брате, двѣ соупроуга баховѣ, единноу бразду тажца. И азъ на лѣсъ падаю, свон дѣъ съконьуакъ. А ты любини гороу кельми, то не можи, горы ради, ѳстанити оучении своего. паге бо можешн кынии спасенъ быти. ¹⁾ „Мы съ тобою—говорилъ св. Кириллъ брату — какъ два вола вели одну борозду. И я падаю на своей чертѣ,—день мой кончился. А ты, я знаю, сильно, любишь гору, ²⁾ но для нея не оставляй трудовъ ученія своего, коимъ ты вѣрнѣе спасешъ душу“. Вотъ какой завѣтъ оставилъ своему брату св. Кириллъ—продолжать начатое дѣло учительства, просвѣщенія славянъ христіанскою вѣрою и перевода на славянскій языкъ священныхъ книгъ!... Св. Меѳодій, который и прежде—по выраженію житія—„съ покорьма“ повиновался своему млад-

¹⁾ По пергам. списку XII—XIII вѣк. Московскаго Успенскаго собора № 175 (18). Напечат. въ Читеніяхъ Общ. ист. и древн. рос., 1865 г., I, стр. 6.

²⁾ Разумѣется монастырь на горѣ Олимпѣ.

шему брату, ¹⁾ охотно и въ точности исполнилъ его завѣтъ. Не удалился онъ въ уединеніе на Олимпъ, а провелъ всю свою остальную жизнь среди славянъ... Припомнимъ главнѣйшіе моменты жизни и дѣятельности сего святаго мужа, нашего первоучителя, тысячелѣтнюю память котораго нынѣ чествуемъ.

Вскорѣ послѣ блаженной кончины брата, Меѳодій, по просьбѣ Коцела, посвященъ папою въ епископа Панноніи. Не могли быть, конечно, этимъ довольны латино-нѣмецкіе епископы, получавшіе прежде десятины и бенефиціи отъ славянской паствы, которая теперь отходила къ св. Меѳодію. И вотъ начинаются ихъ интриги, и ведутся не безуспѣшно: нѣмцамъ удалось даже захватить силою Меѳодія и отправить его въ заточеніе („къ Сьвабъ“). Только чрезъ два съ половиною года возвратился Меѳодій изъ своего заточенія. И моравяне съ радостію принимаютъ его теперь какъ своего архіепископа и учителя, — и Моравія духовно и въ политическомъ смыслѣ процвѣтаетъ. ²⁾ Не умолкли однако интриги латино-нѣмецкихъ епископовъ. И къ какимъ только мѣрамъ они не прибѣгаютъ! То распускаютъ слухъ, что папа имъ отдаетъ власть въ Моравіи, а Меѳодія и его ученіе велитъ изгнать, ³⁾ то шлютъ доносъ за доносомъ папѣ, который, хотя и оправдалъ Меѳодія на соборѣ 880 г., однако какъ бы въ угоду нѣмцамъ назначилъ помощникомъ ему, епископомъ Нитранскимъ нѣкоего пресвитера Викинга, ⁴⁾ одного изъ самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Меѳодія и славянскаго богослуженія. То распускаютъ молву, что на Меѳодія гнѣвается Императоръ Константинопольскій, ⁵⁾ то ста-

¹⁾ Ibid. стр. 5.

²⁾ Ibid. стр. 8.

³⁾ Ibid. стр. 9.

⁴⁾ Послание папы Іоанна VIII къ Святополю отъ 880 г.—Родомъ нѣмецъ. Викингъ, по словамъ самыхъ современниковъ, былъ человекъ „turbulentus et ambitiosus, ipsisque Bavaris invisus“ (Vita S. Clementis, episc. Bulg., ed. Fr. Miclosich. Wien, 1847, p. XIV, not.).

⁵⁾ „Да аще и обращеть, ихъсть кѣмоу живота ииѣти“. Случилось напротивъ. Императоръ Василій пригласилъ Меѳодія къ себѣ въ Константинополь, принялъ съ честію, оставилъ у себя въ учениковъ его „попа и діакона съ книгами“, и отпустилъ его съ дарами. Также благословно привялъ его и патрирхъ Фотій.—Житіе св. Меѳодія, въ Чт. Общ. ист. и древн. стр. 9—10.

раются вооружить Святополка противъ Меодія... ¹⁾ Шестнадцать лѣтъ управлялъ св. Меодій Паннонскою и Моравскою епархіей и мирно скончался 6 апрѣля 885 г. въ Велеградѣ Моравскомъ.

Подвиги учительства Меодій началъ вмѣстѣ съ приснопамятнымъ братомъ своимъ Константиномъ (въ монашествѣ Кириллъ). Промыслъ Божій, избравшій братьевъ въ апостоловъ славянъ, издѣлства приготавливалъ ихъ къ сему высокому служенію. Надобно замѣтить, что по характеру братья довольно отличались одинъ отъ другаго. Природа Константина была по преимуществу созерцательная: онъ не чувствовалъ охоты къ свѣтской жизни. ²⁾ Меодій же довольно долгое время былъ начальникомъ славянской области, „княженія“, — по всей вѣроятности, близъ Солуны. ³⁾ Продолжительная служба Меодія въ славянской области давала ему средства хорошо изучить не только языкъ славянъ, который оба брата, какъ родомъ Солуныяне, и прежде знали, но и ихъ обычаи, бытъ и характеръ. И если св. Кириллу по справедливости принадлежитъ инициатива дѣла учительства и изобрѣтеніе славянскихъ письменъ, то и Меодій въ этомъ дѣлѣ могъ быть полезенъ брату именно своимъ практическимъ знакомствомъ съ языкомъ и бытомъ славянъ. Есть извѣстіе, ⁴⁾ что Константинъ крестилъ нѣсколько тысячъ, славянъ, именно 4050 человекъ, въ Брѣгальницѣ, — по всей вѣроятности, въ области, которою управлялъ братъ его Меодій, и написалъ для нихъ книги на славянскомъ языкѣ.

¹⁾ Греческое житіе св. Климента, еп. болгарскаго, напечат. съ русскимъ переводомъ въ юбилейномъ изданіи Моск. Университета, 1855 г., стр. 8—9.

²⁾ „Человѣкъ исключительный по своей натурѣ, Константинъ съ самаго дѣтства давалъ ожидать въ себѣ не чиновника и не человѣка отъ міра сего, а учителя христіанской мудрости, созерцательной и дѣятельной“. Голубинскій, Е. Исторія русской церкви, М. 1881, I: 2, стр. 290.

³⁾ Отецъ ихъ, Левъ, занималъ въ этомъ родномъ своемъ городѣ должность другарія (*δρουγγάριος*), что значитъ помощникъ или товарищъ стратега, т е по нашему—должность помощника или товарища генераль-губернатора.—Голуб., *ibid.*

⁴⁾ Въ житіи Константина по южно-славянскому краткому изводу, XV—XVI вѣк., найд. Гильфердингомъ въ Призревѣ. Напечат. въ Извѣст. 2-го Отд. Академіи Наукъ, т. VI, 1858, стр. 383—386. Ср. въ Зап. Акад. Н. т. V: 2, 1864, стр. 254—255, въ примѣч., мнѣніе академика А. Куника.

Возможно, что Константинъ, по возвращеніи изъ Сарацинской миссіи, ¹⁾ отправился къ Меѳодію въ его славянское княженіе, ²⁾ и здѣсь, ближе познакомившись съ славянами, съ помощію брата, составилъ славянскую азбуку. ³⁾ По свидѣтельству черноризца Храбра, славянскія письмена изобрѣтены въ 855 г., ⁴⁾ что близко подходитъ къ сообщенному выше извѣстію житія Константина по краткому южнославянскому изводу... ⁵⁾.

Если бы свв. братья оставили намъ одну азбуку, столь прекрасно составленную, то и тогда по справедливости заслуживали бы вѣчной благодарности и памяти отъ потомства. Но къ чему прежде всего прилагаютъ братья свое изобрѣтеніе? „И тогда (Кириллъ) сложи писмена, и науха бесѣдунисати еѳѣльскую: искони бѣ слово, и слово бѣ у бѣа, и бѣгъ бѣ слово“ и прочая ⁶⁾ Итакъ вотъ первый подвижъ ихъ просвѣтительной дѣятельности—переводъ Евангелія! Участіе Меѳодія

¹⁾ Относится она къ 851-му году. Константину было тогда 24 года, а родился онъ 827 г., ибо скончался 869 г. 14 февр., будучи 42 лѣтъ отъ роду.—Жит. Конст., стр. 8 и 29, въ Чтен. Общ. Ист. и древн. 1863, кн. 2.

²⁾ Въ то время, когда Меѳодій еще не удалился для иноческихъ подвиговъ въ монастырь, находившійся на мало-азійскомъ Олимпѣ.—А о мѣстонахожденіи Олимпа въ Малой Азіи см. у Голубинскаго, I, 2, стр. 290)

³⁾ До изобрѣтенія азбуки св. Кирилломъ, славяне—по извѣстному свидѣтельству Храбра—пользовались для письма „чертами и рѣзами, греческими и римскими буквами“. Калайдовичъ, К. Іоаннъ экзархъ болгарскій, М. 1824, стр. 189.

⁴⁾ Ibid. стр. 192.

⁵⁾ Припомнимъ, что въ должности начальника славянской области Меѳодій пробылъ довольно долгое время: „сѣтворъ же къ томъ княженіи лѣта многа“ Жит. Меѳ. въ Чт. 1865, 1, стр. 4.—Мнѣніе, что славянская азбука составлена въ 862 г. основывается у насъ преимущественно на сочиненіи О. М. Бодянскаго; таковъ выводъ его обширной и ученой книги: „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“, 1855 г. Но выводъ этотъ, при огромной учености, которою онъ обставленъ, имѣетъ до сихъ поръ характеръ гипотезы, всею нами принятой. См. въ Кирилло-Меѳод. Сборникѣ, изд. М. П. Погодинымъ, М. 1865, письмо Гильфердинга, стр. 146—156 и рѣчь Погодина, стр. 108—121. Тоже видно изъ разбора разныхъ мнѣній о семъ предметѣ въ книгѣ самого Бодянскаго. Не лишне замѣтить, что Бодянскому, когда онъ писалъ свою книгу, не былъ еще извѣстенъ краткій южно-славянскій изводъ житія Кирилла, открытый Гильфердингомъ въ Призренѣ въ 1858 г. Важность показанія этого житія признавалъ И. И. Срезневскій,—см. „Славно-русская палеографія XI—XIV вв., Срезневскаго“ (посмертное изданіе), СПб. 1885 г., стр. 60, 69 и 70.

⁶⁾ Житіе Кирилла, въ Чт., 1863 г., 2, стр. 23.

въ семь, равно и въ послѣдующихъ переводахъ ясно за-
свидѣтельствовано его житіемъ: „иъсалтырь бо бѣ тъкѣмо и
сканглѣне съ апѣльмъ и избранными слоужьбами прѣккыными, съ
философомъ прѣложилъ (Меөодій) иръкѣе“..¹⁾ Но послѣ трех-
лѣтней слишкомъ дѣятельности въ Моравіи, скончался св.
Кирилль, только начавъ переводъ свящ. писанія съ грече-
скаго на славянскій языкъ! Много еще оставалось дѣла
Меөодію.. И среди разнообразныхъ трудовъ своихъ по
управленію обширною епархіей не забываетъ онъ этого
главнѣйшаго труда. Не задолго передъ своей кончиной, Ме-
өодій „ѡквргъ къса мѣлкъы, и нечаль скою на къ възложь (т.
е. не смотря на препятствіе со стороны своихъ противни-
ковъ католиковъ — иѣмцевъ и положившись на Бога) — къ
оуѣеникъ скоихъ посажъ дѣка поны скоронисца зѣло, прѣложи ѡ
бѣрзѣ къса книги испѣльн, разкъ макавѣн, ѡ грѣуьска възыка въ
словѣнъскѣ, шестню иѣць, илѣнъкъ ѡ марта иѣца до дѣкою десатю
и шестню днѣ ѡкѣабра иѣца... тѣгда же и номоканонъ, рѣкше
законоу правло, и оуѣскыа книги прѣложи.“²⁾ Такимъ обра-
зомъ завершилъ св. Меөодій свой апостольскій трудъ среди
славянъ переводомъ свящ. книгъ на тотъ языкъ, на кото-
ромъ онъ уже научилъ ихъ молиться....

По истинѣ несповѣдимы пути промысла въ историчес-
скихъ судьбахъ народнаго развитія! Черезъ нѣсколько мѣ-
сяцевъ по окончаніи перевода Библии св. Меөодій умираетъ...
Казалось-бы, съ нимъ должно погибнуть и его дѣло! Враговъ
было такъ много, враги были сильны и столь ожесточены
въ своей фанатической ненависти, что въ одно мгновеніе
могли наброситься и истребить „вся книги“, оставленныя
св. первоучителемъ. И что же? Самая ненависть эта слу-
жить къ укрѣпленію и преуспѣянію въ славянскомъ мірѣ
совершеннаго имъ: онъ умираетъ, ученики его изгоняются,
расходятся по разнымъ славянскимъ племенамъ, но уносятъ
съ собою Библию, проповѣдуютъ имя Христово и научаютъ
читать Слово Божіе на родномъ языкѣ, — полагаютъ прочное
начало и основаніе христіанскому просвѣщенію. Посѣянныя
плодоносныя сѣмена быстро развиваются, растутъ и прино-

1) Чтен. 1865 г., 1, стр. 10.

2) Ibid.

сять плодъ то въ той, то въ другой славянской землѣ. Не проходитъ и полстолѣтія, какъ въ Болгаріи появляется „Золотой вѣкъ“ царя Сумеона, „наполнявшаго палаты свои книгами,“ — блестящій вѣкъ столько же въ политическомъ смыслѣ, сколько и въ смыслѣ славянскаго просвѣщенія: тутъ уже не одна Библия въ палатахъ славянскаго царя-книголюбца, а много книгъ, и книги по всѣмъ отраслямъ богословскаго и человѣческаго вѣдѣнія. Между тѣмъ какъ въ Моравіи и другихъ славянскихъ поселеніяхъ, ближайшихъ къ латино-германскому Западу, непосредственно послѣ кончины св. Меѳодія начинается борьба, почти непосильная, кончившаяся утратою политической и церковной независимости, — въ Болгаріи, а затѣмъ у насъ на Руси и въ Сербіи дѣло Кирилло-Меѳодійскаго просвѣщенія все болѣе и болѣе растетъ и укрѣпляется. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ архипастырей сербскихъ, св. Савва, ревностно потрудившійся въ утвержденіи православной вѣры среди сербовъ, завершаетъ свою просвѣщенную дѣятельность обновленіемъ и устройствомъ Хиландаря, знаменитаго славянскаго монастыря на Аѳонѣ, гдѣ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, буквально были „Славянскія Аѳины“ среднихъ вѣковъ. Правда, ни болгары, ни сербы, при всѣхъ временныхъ и удачныхъ попыткахъ (при Сумеонѣ, обоихъ Асѣняхъ, — при Душанѣ) не могли образовать прочнаго и сильнаго государства: тѣ и другіе подпали подъ иго турокъ, тяготѣвшее надъ ними болѣе четырехъ столѣтій. Славянское просвѣщеніе въ Болгаріи и Сербіи неизбѣжно должно было пасть. Но за то при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ оно продолжало развиваться въ иной странѣ, столько же славянской. Русь, принявшая греко-славянское просвѣщеніе отъ родственной Болгаріи и уже въ первые два вѣка успѣвшая развернуть блестящую литературно-книжную дѣятельность (Иларіонъ, преп. Несторъ, Кирилль Туровскій и др.), имѣвшая также своихъ „князей-книголюбцевъ“ (св. Владиміръ, Ярославъ и др.), послѣ покоренія Болгаріи и Сербіи турками, одна осталась носительницей и продолжательницей славянскаго просвѣщенія.

Мы здѣсь не будемъ распространяться о величій дѣла и достохвальныхъ заслугахъ для православной Россіи нашихъ св. первоучителей: и то и другое неоспоримо и очевидно.

Если наше отечество установилось, окрѣпло, выросло подъ вліяніемъ и охраною православной вѣры, то не должно забывать, что эта вѣра принесена къ намъ и сохраняется въ славянскихъ письменахъ и въ славянскомъ переводѣ свящ. писанія и богослужебныхъ книгъ, совершенномъ тысячу лѣтъ тому назадъ св. первоучителями славянъ. „Явившись къ намъ на славянскомъ нарѣчїи — говоритъ ученѣйшій нашъ богословъ историкъ—вѣра православная съ перваго раза пришлась сильно по сердцу Русскому. Она привязала насъ къ себѣ двоякими узами: и влутреннимъ своимъ достоинствомъ, своими духовными благами и сладостнѣйшими обѣтованіями человѣку, и внѣшнюю своею одеждою или тѣмъ глаголомъ, которымъ намъ вѣщала“ ¹⁾. Славянскія письмена и то, что передано въ нихъ, предохранили насъ отъ западнаго папскаго ига, избавили насъ и отъ излишней опеки грековъ, сохранили нашу народность въ неприкосновенной чистотѣ, посѣяли въ насъ сѣмена образованности, науки и всѣхъ благъ духовныхъ. Чудный, величавый, благозвучный языкъ славянскій, на которомъ св. Кириллъ и Меөодій изложили свой переводъ, сразу же поднялъ нашихъ предковъ надъ состояніемъ варварства, грубости и косности, положивъ въ нихъ начало развитія религіознаго, умственнаго и эстетическаго ²⁾... Согласно съ предметомъ нашихъ специальныхъ занятій, позволимъ обратить вниманіе достопочтеннаго собранія на языкъ и текстъ Кирилло-Меөодіевскаго перевода свящ. писанія.

Прожитое тысячелѣтіе не прошло безслѣдно для „внѣшней одежды“ или языка Кирилло Меөодіевскаго перевода свящ. писанія. Современный церковнославянскій языкъ, состоя въ генетическомъ родствѣ съ языкомъ св. славянскихъ первоучителей, всетаки далеко уклонился отъ нормы того Кирилло-Меөодіевскаго языка. И это естественно: языкъ также живетъ, развивается и измѣняется и въ звукахъ и въ формахъ. Древніе языки съ теченіемъ времени обыкновенно утрачиваютъ отличавшее ихъ богатство и разнообразіе звуковъ и

¹⁾ Макарій, Исторія христіанства въ Россїи до равноап. князя Владиміра, Спб. 1846, стр. 258.

²⁾ Изъ слова прот. І. К. Яхонтова (Странникъ, 1884, май, стр. 108—109)

грамматическихъ формъ. Тому же закону слѣдовалъ и древній церковнославянскій языкъ. Весьма рано къ тому же на него стали воздѣйствовать мѣстные славянскіе языки: болгарскій народный, нѣсколько позднѣе сербскій и нашъ русскій, нашъ родной языкъ всего болѣе. Новый славянскій языкъ, утративъ многія формы грамматическія, которыя обогащали древній славянскій, принялъ за то другія, частію заимствованныя изъ образовавшихся живыхъ языковъ русскаго, сербскаго, коимъ говорили переписчики книгъ, частію же и изобрѣтенныя позднѣйшими грамматиками... Весьма рано возникли рецензіи рукописей—болгарская, русская и сербская. Рецензіи эти первоначально касаются главнымъ образомъ звуковыхъ отличій. Уже въ древнѣйшее время, когда еще и въ русскихъ и въ сербскихъ рукописяхъ, какъ въ болгарскихъ, текстъ оставался древнеславянскій, позволительна была одна уступка живому говору, потому что была неизбежна. Въ Кирилло-Меѳодіевскомъ языкѣ были звуки, коихъ уже не знали русскій и сербскій языки (носовые и вѣк. др.). Писцы русскіе и сербы, не умѣя правильно употреблять эти чуждые имъ звуки и начертанія (напр. ж, ѡ) еще съ XI в. если не раньше, начали замѣнять ихъ соотвѣтствующими своими звуками, домашними (напр. древнеслав. ж=рус. и серб. оу, древнеслав. ѡ=рус. ѡ, серб. е и т. д.). Такимъ образомъ, древнеславянскія рукописи весьма рано видоизмѣнялись привнесениемъ въ нихъ руссизмовъ и сербизмовъ. Но и славянскій текстъ Библіи недолго оставался неприкосновеннымъ. Измѣненія текста были двухъ родовъ: а) когда устарѣвшія или ставшія непонятными слова замѣняли другими, болѣе употребительными понятными, что было совершенно естественно и даже необходимо особенно при переходѣ памятника изъ одной мѣстности въ другую (изъ Моравіи въ Болгарію, изъ Болгаріи въ Сербію или Русь), и б) когда исправители славянскаго перевода сносились съ греческими стихами, бывшими у нихъ въ рукахъ, и когда, слѣдовательно, разночтенія славянскихъ списковъ имѣютъ себѣ основаніе въ иныхъ греческихъ чтеніяхъ или вариантахъ. Замѣненіе однихъ словъ другими, положившее начало славянскимъ синонимамъ, началось весьма рано: когда русскій переписывалъ съ болгарскаго извода, то естественно онъ замѣнялъ незнакомыя ему

болгарскія слова своими русскими. Точно также писецъ сербъ замѣнялъ незнакомыя ему болгарскія слова своими сербскими. Рано также исправители или можетъ быть переписчики стали обращаться къ греческимъ спискамъ и по нимъ исправлять древній славянскій переводъ. Несомнѣнныя доказательства на это представляютъ уже древнѣйшіе списки библейскихъ книгъ. Не говоримъ уже о ненамѣренныхъ поврежденіяхъ текста, объ ошибкахъ, которыя дѣлались переписчиками. Каждый переписчикъ вносилъ что нибудь новое въ свою рукопись, что чрезъ списываніе распространялось далѣе и въ другихъ рукахъ получало новыя приращенія.

Можно ли же добраться до подлиннаго Кирилло-Меөодіевскаго перевода Библии? Если бы сохранились подлинныя рукописи отъ времени св. Кирилла и Меөодія, не трудно было бы опредѣлить характеръ первоначальнаго перевода. Но такихъ рукописей нѣтъ.... Тѣмъ не менѣе составить истинное понятіе о немъ можно только посредствомъ критическаго изученія сохранившихся древнихъ списковъ библейскихъ книгъ. Ограничивая свой кругозоръ переводомъ Евангелія и Апостола, скажемъ, что сохранилось много древнихъ списковъ этихъ книгъ, и Кирилловскаго и глаголическаго письма, и болгарскихъ, и русскихъ, и сербскихъ. Нужно только разобраться въ нихъ, отдѣлить общее отъ частнаго, первоначальное и древнѣйшее отъ позднѣйшаго, словомъ, выдѣлить позднѣйшія наслоенія, историческія и діалектическія, а равно происшедшія и отъ ошибокъ переписчиковъ. Это должна сдѣлать научная критика библейскаго текста чрезъ сравненіе списковъ между собою и съ греческимъ подлинникомъ. Чѣмъ и больше и древнѣе будетъ такихъ документовъ, тѣмъ безопаснѣе по нимъ можно составить сужденіе. Обыкновенно ни одинъ изъ древнихъ списковъ Библейскихъ книгъ не заключаетъ въ себѣ первоначальный славянскій переводъ во всей чистотѣ, но каждый изъ нихъ содержитъ большіе или меньшіе слѣды перевода первоначальнаго. Впрочемъ, не вдаваясь здѣсь въ подробности о тѣхъ критическихъ началахъ, какія приняты нами для выдѣленія того, что въ древнихъ славянскихъ спискахъ Библии можетъ быть относимо къ остаткамъ подлиннаго Кирилло-

Меѳодіевскаго перевода ¹⁾, мы позволимъ себѣ предложить вашему вниманію только общіе выводы относительно первоначальнаго славянскаго перевода Евангелія и Апостола.

1. Св. Кирилль и Меѳодій первоначально перевели на славянскій языкъ Евангеліе и Апостоль—апракосы, то есть, избранныя чтенія, расположенныя въ особенномъ порядкѣ для церковнаго употребленія. О св. Кириллѣ прямо замѣчено, что онъ, по изобрѣтеніи письменъ, началъ переводить: „искони бѣ слово, и слово бѣ в бѣга, и бѣгъ бѣ слово“. Этими словами пасхальнаго чтенія начинается обыкновенно Евангеліе-апракосъ. Іоаннъ экзархъ болгарскій также ясно говоритъ, что св. Кирилль „прѣлагаль (переводилъ) отъ *Євангеліа и Апѣла ѱзборъ* ²⁾“. Но, по всей вѣроятности, уже св. Меѳодій, дополнивъ недостававшее въ первоначальномъ переводѣ, расположилъ Евангеліе и Апостоль въ ихъ обыкновенномъ порядкѣ.

2. Для перевода свв. братья первоучители имѣли подъ руками греческіе списки, сходные съ сохранившимися до нашего времени древнѣйшими греческими кодексами Новаго Завѣта. Тщательное сличеніе древнѣйшихъ славянскихъ рукописей Евангелія и Апостола съ греческимъ текстомъ по разнымъ онаго спискамъ (особенно въ послѣднемъ изданіи Тишендорфа) ³⁾ именно показываетъ, что древнѣйшій славянскій переводъ весьма часто слѣдуетъ чтеніямъ греческихъ кодексовъ IV—VI вв.: Синайскаго, Александрійскаго, Ватиканскаго, Ефремовскаго, Кембриджскаго, Клермонтскаго и другихъ, съ ними сходныхъ. Для образца вотъ нѣсколько мѣстъ изъ Евангелія, слѣдующихъ чтеніямъ вышеозначенныхъ

1) О семъ см. въ нашемъ изслѣдованіи: „Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.“ М. 1879, стр. 12—22. — Для восстановленія первоначальнаго евангельскаго и апостольскаго текста мы пользовались всѣми—по возможности извѣстными древними списками изъ коихъ главнѣйшіе списки *Евангелія*: глаголическіе Ассеманіевъ, Зографскій и Маринскій и изъ Кирилловскихъ-Остромировъ, Саввинъ, Галичскій 1144 г. Никольскій и др.—*Апостола*: Толковный 1220 г., Охридскій, Слѣпченскій, Македонскій, Шиматовацинъ и друг.

2) Казаидовичъ, Іоаннъ экз. болг., стр. 129. Новое изданіе въ Чтен. Общ. Ист. и древн. 1877, 4 кн., стр. 3.

3) Tischendorf, C. Novum Testamentum graece. Editio octava critica major. Vol. I, Lipsiae, 1869; Vol. II, 1871—1872.

греческихъ кодексовъ. Іоан. 1, 28 си къ вифанѣи быша ¹⁾ (нынѣ — къ Вифанѣрѣ). 5, 2 ѣсть же въ нѣрлѣмѣхъ на оубѣи коуѣли (нынѣ — ѡкула кѡпѣль. 5, 4 аггелъ бо гѣи на всако время шѣшесѣ въ коуѣли (нынѣ — сѡждаше къ кѡпѣль). 6, 40 се бо ѣсть кола оѣа моего (нынѣ — кола послѣкшаго мѣ). 7, 39 не оу бо бѣ дѣхъ стѣи данѣ (нынѣ „данѣ“ опуш.) 11, 41 кѣзаша же камень (нынѣ прибавлено: и дѣже бѣ оумерый лежѣ). 20, 16 глѣ ѣмоу скренскы райкоуѣни (нынѣ „скренскы“ опуш.). 9, 21 самого вѣпросите кѣздрастѣ имать (нынѣ — самѣ кѡздрастѣ имать, самого вѣпросите). 17, 5 и нынѣ прослѣкѣ ма ты оуе оу тебе самую слакою юже имѣхъ прѣже даже не бѣ мѣрѣ оу тебе (нынѣ — юже имѣхъ оу тебе прѣже мѣрѣ не бѣсть, т. е. съ перестановкою слова „оу тебе“). Матѣ. 11, 2 слышавъ ноимѣ къ ѡзлѣици дѣла хѣа послѣкѣ оуѣеникы сконми ²⁾ (нынѣ — послѣ дѣлѣ ѡ оуѣици сконми). Іоан. 9, 8 яко прѣсѣтель бѣ ³⁾ (нынѣ — ѣако слѣпѣ къ). 12, 47 і аште кто услѣшитъ глѣ мои і не сѣдрѣшитъ іхъ (нынѣ — и не вѣрѣетъ) и проч. и проч. Нынѣ эти мѣста исправлены по инымъ, болѣе позднимъ греческимъ спискамъ ⁴⁾.

3. Первоначальный Кирилло Меѡодіевскій переводъ Евангелія и Апостола заключалъ въ себѣ много словъ и оборотовъ старинныхъ, происхожденія мораво-паннонскаго и южно-славянскаго, позднѣе вышедшихъ изъ употребленія. Таковы напр. слова, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ Кирилловскихъ и особенно въ глаголическихъ спискахъ *Евангелія*: балши, кѣслѣнати, жаліе или ждѣ, искръ, закленѣти или закленити, кленати, мисѣ, матроути, неприязнь, склазь, сытити, рѣснота, сѣзгло, тепсти, хланати, ѡдро ⁵⁾ и др., и *Апостола*: ашоуѣти или ошюѣти, краска, неѣмоуѣдно, неприюзнь, рѣснота, сытити или испытити, тепсти, хланати ⁶⁾ и др. Нынѣ всѣ эти слова замѣнены новыми, общепонятными.

¹⁾ Текстъ приводимъ по Галичскому списку 1144 г.

²⁾ По Остромирову Евангелію 1056 г. Изд. А. Востокова (Сиб. 1843).

³⁾ Послѣднія два мѣста приводятся по Зографскому глаголическому четвероевангелію XI в. Изд. В. Ягичъ (Берлинъ, 1879).

⁴⁾ Особенности чтенія или варианты въ древнемъ переводѣ Апостола изложены въ нашемъ изслѣдованіи о немъ (М. 1879).

⁵⁾ См. въ Слово указателѣ къ Маріинскому четвероевангелію, изд. акад. И. В. Ягичемъ, Сиб. 1883

⁶⁾ Въ нашемъ изслѣдованіи объ Апостолѣ, стр. 315. 331. 219. 263. 295. 329.

4. Отличіе первоначальнаго Кирилло-Меѳодіевскаго перевода отъ нынѣшняго текста особенно рѣзко выражается въ передачѣ нѣкоторыхъ, чаще встрѣчающихся словъ и выраженій. Такъ, напр. и въ Евангеліи и въ Апостолѣ греч. *γραφῆ, γραφαί, γράμματα* переводятся однимъ словомъ „книги“ (по древнему употребленію этого слова въ значеніи письменности вообще, Свящ. Писанія въ частности, также письма, буквы, какъ лат. *litterae*), *κόσμος* — кось миръ ¹⁾, *μουούγενής* — мноуадми. *ὁ πονηρός, σατανᾶς, διάβολος* — не-приказнѣ, тисъ—ютеръ. *ῥῶρα*—година и т. д. ²⁾. Нынѣ эти греческія слова переводятся иначе.

5. Первоначальный Кирилло-Меѳодіевскій переводъ отличается точностію, вѣрностію подлиннику и ясностію, при большей или меньшей свободѣ переложенія. — Вотъ нѣсколько примѣровъ свободной передачи греческихъ словъ и оборотовъ: *ἐλλαβῆς* переводится устыникъ, *μακροθυμέω* — трпимъ. *παράδοξος* — дикнѣ ³⁾; *εὐχαριστῶ* хвала, *εὐάρεστος* — оугоднѣми, *μακροθυμία* — трпильствнѣ, трпильнѣ, *ὀλουρευτής* — гоубнѣтель ⁴⁾ и т. д. Нынѣ всѣ эти слова переведены съ греческаго языка съ буквальною точностію. — При вообще дословной передачѣ подлинника, соблюдаются, однакожъ, требованія славянскаго синтаксиса. Такъ, имя существительное въ зависимости отъ другаго существительнаго переводится прилагательнымъ; вмѣсто родительнаго падежа существительнаго, зависящаго отъ другаго существительнаго, употребляется въ переводѣ обыкновенно дательный падежъ; греческое неопредѣленное съ предлогомъ *εἰς τὸ* передается просто неопредѣленнымъ ⁵⁾ и т. д. Позднѣе стали ближе держаться буквальной точности, иногда даже въ ущербъ требованіямъ славянскаго языка.

332. 269.—Здѣсь же можно отмѣтить особенности словообразованія и произношенія, указывающія на Паннонію и южнославянскія земли: братръ, гебесьскъ; благодѣтъ, трѣвна, питѣти, подрѣжати, проповѣдѣти и т. д., см. въ Словоуказателѣ г. Ягича къ Маріинскому четвероевангелію.

1) Прибавленіе „вьсь“ дѣлалось, по всей вѣроятности, для объясненія и усвоенія понятія миръ. См. Буслаевъ, *Θ. О вліяніи христіанства на слав. языкъ*. М. 1848, стр. 193; его же, *Истор. Очерки*, т. I, Спб. 1861, стр. 106.

2) См. Словоуказатель г. Ягича и наше изслѣд. объ Апостолѣ.

3) См. Словоук. г. Ягича.

4) См. въ наш. изслѣд. объ Апостолѣ, стр. 213. 266. 215. 297. 315. 331. 266.

5) Примѣры см. *ibid.* стр. 218.

6. Кирилло-Меодіевскій переводъ съ самаго начала отличался замѣчательною чистотою выраженія христіанскихъ понятій, произшедшею вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ. Это должно быть поставлено тѣмъ въ большую заслугу св. славянскихъ первоучителей, что до нихъ языкъ славянскій не имѣлъ ни литературы, ни даже настоящаго письма. Это свойство первоначальнаго славянскаго перевода особенно рѣзко выдается по сравненію его съ Готѣскимъ переводомъ Ульфилы, IV в. Готѣскій переводъ Ульфилы — по изысканіямъ проф. г. Буслаева, при первомъ взглядѣ поражаетъ яркостію языческой дѣйствительности, безпрестанно выступающей разнообразными намеками сквозь идеи христіанскія. Отвлеченность христіанскаго ученія передается осязательными образами, взятыми изъ языческаго быта, выраженіями, взятыми изъ устъ язычника и омрачающими чистоту христіанскихъ идей. Въ славянскомъ переводѣ, напротивъ, мы видимъ, что переводчики старались передать христіанскія понятія во всевозможной чистотѣ: все, что напоминало обрядъ или обычай языческой и противный христіанству, они считали не достойнымъ евангельской чистоты ¹⁾. Такъ, напр. греч. *δαίμων* переводится въ славянскомъ текстѣ словомъ бѣсъ ²⁾, болѣе въ отвлеченномъ смыслѣ злаго духа. У Ульфилы же находимъ еще самые свѣжіе слѣды преданій языческихъ: нашему бѣсу у Ульфилы соотвѣтствуютъ два слова: *unhuldo* и *skohsl*. Первое есть какъ бы переводъ нашего стариннаго „неприѣзнь“ (такъ переводится иногда въ Евангеліи и Апостолѣ греч. *ὁ ποιηρὸς*, чаще передаваемое словомъ *лѣкакин* ³⁾) и означаетъ языческое божество. Самое слово образовалось, вѣроятно, чрезъ отрицаніе отъ милостивой богини *Holdâ*, для означенія богини немилостивой. Греческой *Діанѣ* соотвѣтствовали въ нѣмецкой старинѣ и *Holdâ* и *Unholdâ*: въ смыслѣ языческомъ она была милостива, въ понятіяхъ христіанъ переходила въ злое, демоническое существо. Другое готѣское слово для бѣса *skohsl* значитъ колдунъ, чародѣй и соотвѣт-

¹⁾ Буслаевъ, О вліяніи христіанства на слав. языкъ, стр. 90—101.

²⁾ Словоуказ. г. Ягича къ Мар. Ев., стр. 482

³⁾ Ibid стр. 529—532.

ствуесть славянскому и нашему русскому „кощей“, въ значеніи мѣологическомъ (слич. чешское *kauzlo*, колдовство и наше костить - ругать). Итакъ, славянское языческое слово, отвергнутое нашимъ переводомъ Свящ. Писанія, удерживается въ готѣскомъ. Греч. *μυστήριον* переводится по славянски тайна (Лук. 8, 10) въ отвлеченномъ смыслѣ сокрытаго; у Ульфила же переводится словомъ *gupa*, означающимъ колдовство, ворожбу — опять съ намекомъ языческимъ ¹⁾... Не одними общими, отвлеченными понятіями славянскіе переводчики передавали христіанскія идеи, но и уже готовыми словами христіанскаго значенія, можетъ быть задолго до перевода уже утвердившимися въ славянскомъ языкѣ. Эти христіанскія слова вошли въ переводъ Свящ. Писанія какъ бы по преданію уже христіанскому. Таковы, напр. крестъ, олтарь, церковъ ²⁾. Онѣ были уже всѣмъ понятны, совершенно ославянились, ходили въ устахъ народа, ранѣе перевода Свящ. Писанія, вытѣснивъ собою языческія понятія, имъ соотвѣтствующія. Такія готовые слова тѣмъ охотнѣе заимствовались первыми переводчиками, чѣмъ менѣе напоминали онѣ славянамъ старину и ихъ прежнія, языческія вѣрованія. — Въ свою очередь христіанство и именно переводъ Свящ. Писанія имѣли величайшее вліяніе на развитіе, возвышеніе и облагороженіе славянскаго языка. „Слово Божіе, оглашаясь на языкѣ необразованномъ, выводитъ его изъ предѣловъ домашняго, односторонняго возрѣнія на общечеловѣческое поприще отвлеченной, нравственной мысли. Живость начальнаго впечатлѣнія уступаетъ величію влагаемой въ словѣ идеи, и христіанство сглаживаетъ съ языка его изобразительность, воспитанную язычествомъ, точно также какъ ниспровергаетъ мраморныя изображенія видимыхъ божествъ. Слѣдовательно, возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго понятія, совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, получаетъ первое и рѣшительное направленіе отъ перевода Свящ. Писанія ³⁾“.

¹⁾ Буслаевъ, О вл. христ., стр. 101—105.

²⁾ О происхожденіи и значеніи этихъ словъ см. Буслаева, о вл. христ. стр. 107—115, Miklosich, Die Fremdwörter in den Slavischen Sprachen, Wien, 1867, B. 9, 30—31, 42 и его же Die Christliche Terminologie der Slov. Sprachen, Wien, 1875, B. 10—11, 17—18, 29—30, 38—39. Ср. изложеніе вопроса о чужихъ словахъ въ церковно-славянскомъ языкѣ въ статьѣ г. Пыпина (Вѣстникъ Европы, 1874, октябрь, стр. 711—720).

³⁾ Буслаевъ, О вл. христ., стр. 89.

Вмѣстѣ съ переводомъ Свящ. Писанія къ славянскимъ народамъ внесенъ былъ цѣлый міръ новыхъ понятій, съ которыхъ должно было начаться для нихъ новое, христіанское просвѣщеніе.

7. Въ Кирилло - Меодіевскомъ переводѣ Свящ. Писанія замѣтно обиліе грецизмовъ, естественно объясняющееся тѣмъ, что оригиналъ для перевода былъ греческій. Такъ, въ евангеліе и Апостоль взяты греческія слова *ἄγγελος*, *γέννα*, *διάβολος*, *ἱερεὺς*, *χορβᾶν*, *κρίνον*¹⁾, *μαμωνᾶς*, *πάσχα*, *πήρα*, *σίκερα*, *σκηνή*, *τράπεζα*²⁾ и т. д. Для насъ въ данномъ случаѣ важно отмѣтить, что въ первоначальномъ Кирилло - Меодіевскомъ переводѣ грецизмовъ несравненно болѣе. Кромѣ грецизмовъ, и доселѣ остающихся неприкосновеннымъ достояніемъ языка церковнаго, въ первоначальный славянскій переводъ Свящ. Писанія взято много и другихъ греческихъ словъ. Вотъ эти слова — въ *Евангеліи*: *ἀρχισυνάγωγος*, *βλασφημία*, *βλασφημέω*, *γασοφυλάχιον*, *γναφεύς*, *Δεκάπολις*, *ἐγκαινία*, *ἔλαιον*, *ἐφημερία*, *κάμηλος*, *καταπέτασμα*, *χειρῖαι*, *κεντορίων*, *κρανίον* (*κρανίου τόπος*), *οἰκονόμος*, *ὀλοκαύτωμα*, *παράκλητος*, *παρασκευή*, *παροησις*, *ράββι*, *σχάνδαλον*, *σκανδαλίζω*, *σκηνοπηγία*, *σπεῖρα*, *στρατηγός*, *συχάμινος*, *συχομορέα*, *τετράρχης*, *τροβλίον*, *χλαμός*, *ὑποκλιτής*, *ὕσσωπος*³⁾; въ *первыхъ пяти посланіяхъ ап. Павла*: *ἄηρ*, *ἄκροβυστία*, *ἀνάθεμα*, *ἀποστολή*, *ἀπόστολος*, *βάρβαρος*, *βραβεῖον*, *διάκονος*, *ἐθνάρχης*, *εἰδώ-*

¹⁾ Названія растений и благовоиі южнаго климата, чуждыхъ славянамъ, передавались чужестранными словами, чему доказательствомъ служить слѣдующее мѣсто въ Остромировомъ Евангеліи, Иоан. 12, 3: **принѣвши литрѣ мѣра мѣрѣдѣ пиствникиа** (Востокъ, А. Остром. Ев., л. 142). Такъ и нынѣ. Въ греческомъ подлинникѣ почти тѣже звуки, какъ и въ славянскомъ текстѣ: *λίτραν μύρου νέσδου πιστικῆς*; особенно силенъ грецизмъ *πιστικниа*, коимъ передается *πιστικός*, собственно—цѣльный, чистый, несмѣшанный. Такой же грецизмъ находимъ въ Остром. Ев. Марк. 14, 3: **алавастрѣ мура мѣрѣдопиствникиа** (л. 229 об.), *ἀλάβαστρον μύρου νέσδου πιστικῆς* (нынѣ только восстановлена синтаксическая связь греческаго текста: *ἀλαβάστρῃ μύρα мѣрѣдопиствникиа*). См. Буслаевъ, О вл. христ. стр. 204—205.

²⁾ См. Словоуказатель г. Ягича къ Мар. Евангелію.

³⁾ См. эти слова въ славянскоі транскрипціи въ Словоуказателѣ г. Ягича къ Маріин. Евангелію.

λιον, εἰδωλολάτρης, εἰδωλολατρεία, ἐπιστολή, εὐαγγελιστής, εὐαγγέλιον, κανών, κλίμα, οἰκονομία, οἰκονόμος, παιδαγωγός, περιτομή, σκάνδαλον, στάδιον, σύμφυτος, ὑπόστασις¹⁾. Имѣ въсь эти слова переведены по-славянски.

8. Самый языкъ первоначальнаго славянскаго перевода Библии, при необыкновенной стройности и благозвучности, отличается величественными, изящными, правильными и разнообразными формами. Эту стройность, разнообразіе и красоту рѣчи составляютъ полныя и усѣченныя формы, въ извѣстныхъ случаяхъ соблюдаемыя въ склоненіяхъ, строго повсюду соблюдаемыя двойственные числа, два неокончательныхъ склоненія, и нѣкоторыя другія вышедшія изъ употребленія формы и обороты.

Таковы свойства славянскаго перевода Библии, совершеннаго назадъ тому тысячю лѣтъ свв. просвѣтителями славянъ, Кирилломъ и Меѳодіемъ!

Цсправлялся этотъ Кирилло-Меѳодіевскій переводъ, начиная съ самой глубокой древности, и въ Болгаріи, и въ Сербіи, и всего болѣе на Руси. Измѣнялось правописаніе, брались другіе греческіе списки, старались ближе держаться греческаго подлинника, замѣнялись — болѣе или менѣе въ широкихъ размѣрахъ — одни слова и выраженія другими, переводились по славянски оставшіяся непереверденными греческія и вообще чужія слова. И вновь переводили Евангеліе и Апостоль. Новые переводы (или редакціи), явившіеся на Руси, весьма значительно и послѣдовательно отличаются отъ первоначальнаго Кирилло-Меѳодіевскаго перевода. Но не имѣли они широкаго распространенія: одинъ изъ нихъ, болѣе древній, сохранился относительно въ небольшомъ количествѣ списковъ²⁾, другой совершенный святителемъ Алексіемъ,

¹⁾ См. въ нашемъ изслѣдованіи объ Апостолахъ (м. 1879).

²⁾ Важнѣйшіе изъ списковъ этой древне-русской, второй (въ отличіе отъ первой, первоначальной Кирилло-Меѳодіевской) редакціи суть *Евангелія*: Мстиславово, Юрьевское, Добрыловское 1164 г., Симоновское 1270 г. и др., *Апостолы*: Толстовскій, Погодинскій, бывш. Хлуд. № 33 и 37 и нѣкот. др. новыя, неизвѣстныя по имени. Переводчики Свящ. Писанія въ Россіи стремились во 1-хъ, привести славянскій переводъ въ возможно-большее согласіе съ греческимъ текстомъ, бывшимъ въ ихъ время въ употребленіи въ греческой церкви. Для сего ими принимались въ соображеніе греческіе списки Константинопольской рецензіи отъ IX-го и слѣдующихъ вѣковъ, нрѣдко также греческія чтенія, встрѣчаю-

всего только во одномъ спискѣ, хронящемся въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ)¹⁾. Какъ первоначальный славянскій переводъ принесенъ къ намъ изъ южнославянскихъ странъ, такъ съ юга же появились въ XV в. въ Россіи исправленные (но съ текстомъ въ основѣ древнимъ, Кирилло-Меодіевскимъ) и болѣе однообразные списки Евангелія и

щіяся у Экуменія (X в.) и Теофилакта Болгарскаго (XI в.). Во 2-хъ, они желали сдѣлать славянскій переводъ сколь возможно вразумительнымъ и понятнымъ для русскаго читателя. Для сего Мораво-Паннонскія, также болгарскія и вообще южно-славянскія слова, ставшія непонятными для русскіихъ, они замѣняли— въ самыхъ широкихъ размѣрахъ— другими, русскими словами, или же образовывали слова на русскій ладъ; греческія и вообще чужія слова, оставленныя въ древнѣйшихъ южно-славянскихъ спискахъ безъ перевода, они передавали соответствующими славянскими.—Относительно Апостола все это подробно изложено въ нашемъ о немъ изслѣдованіи (М. 1879). Но тоже самое имѣетъ полную силу и относительно вышеуказанныхъ списковъ Евангелія. Мы, конечно, здѣсь не можемъ входить въ подробности относительно особенностей вариантовъ и перевода этой древне-русской редакціи. Ограничимся указаніемъ того, какъ въ ней передаются по славянски греческія слова, оставленныя безъ перевода и въ древнихъ спискахъ первой, Кирилло-Меодіевской редакціи и въ нынѣшнемъ печатномъ текстѣ (славянскій переводъ приводимъ по Евангелію Мстиславоу, начала XII-го в. рукоп. Моск. Архангельскаго Собора): *ἄδης*—**тѣмныи обнизъ**, *ἀμήν*—**право**, *ἀρχιερεὺς*—**старѣшина жрѣуьскъ** (*ἀρχιεπίσκοπος*—старѣшина пирюу въ Юр.), *ἀρώματα*—**воннѣ**, *ἀσάριον*—**мѣра**, *ἀφειδρών*—**проходъ**, *βαῖα*—**вѣтвие**, *βύσσος*—**уьрваеница** (*γαζοφυλάκιον*—**храмъ кровнии** въ Юр.), *γέεννα*—**езеро огниое**, *θηνάριον*—**пѣназь**, *δράχμα*—**дѣтмница**, *ἔλαιον*—**масло древаною** (*ἐπενοῦτης*—срацица и одежда въ Юр. и Добр. Евв.), *Ἰουδαία*—**жидовьская** (ср. *γραμμᾶσιν ἑβραϊχοῖς*, Лук. 23, 38—книгами жидовьскими), *κῆσος*—**дань**, *κοδράντης*—**цата**, *κρίνον*—**цвѣтьць**, *λεπτόν*—**мѣднница**, *λίον*—**пѣръ**, *μαμωνᾶς*—**исправдиое богатство**, *μύρον*—**масть**, *νάρδος πιστική*—**мардъ кѣрнѣ**, *πορφύρα*—**блѣграница**, *σπεῖρα*—**народы**, *σπεκουλάτωρ*—**коинъ**, *στάδιον*—**попѣрнице**, *σουδάριον*—**оуброуць**, *τέχτων*—**дрѣводѣла**, *τίτλος*—**дѣска**, *χιτών*—**котыга**... Разночтенія изъ Мстиславова, Юрьевскаго, равно какъ и изъ многихъ другихъ списковъ Евангелія XI—XVII вв. приводятся въ трудѣ о. архимандрита Амфилохія: „Четверо-Евангеліе Галичское 1144 года... Москва, т. I—III, 1882—1883“.

1) Отличительною чертою перевода святителя Алексія служить его дословная вѣрность и близость къ греческому тексту. Многочисленныя доказательства буквальности сего перевода приводятся о. архим. Амфилохіемъ въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1885, № 4, а въ указанномъ выше трудѣ этого почтеннаго археолога (изданіи Галичскаго четвероевангелія) помѣщены всѣ вообще

Апостола въ ихъ полномъ видѣ, по евангелистамъ и посланіямъ. Списки эти въ концѣ XV в. при извѣстномъ ревнителѣ православія архіепископѣ Новгородскомъ Геннадіѣ вошли въ полное собраніе свящ. книгъ (древнѣйшій списокъ 1499 г. въ Московской Синодальной библиотекѣ). Одинъ изъ списковъ Геннадіевскаго собранія послужилъ основаніемъ для издателей Острожской библии, какъ въ свою очередь Острожское изданіе (1580—1581 г.) перепечатывалось и оставалось въ употребленіи у насъ въ теченіи ста семидесяти лѣтъ — вплоть до Елизаветинскаго изданія библии (въ 1751 г.) по исправленному и принятому Свят. Синодомъ тексту¹⁾, который потомъ и былъ принятъ въ изданіяхъ Библейскаго Общества²⁾ и въ позднѣйшихъ Синодальныхъ³⁾. Такимъ образомъ нынѣшній нашъ библейскій текстъ находится въ прямомъ родствѣ съ первоначальнымъ переводомъ, который оставили намъ, какъ самое драгоценное наслѣдіе, свв. Кириллъ и Меѳодій. И чрезъ тысячу лѣтъ на ихъ апостольскомъ трудѣ воспитываются православныя чада Русской Церкви.

Г. Воскресенскій.

разнотенія евангельскаго текста по Чудовскому списку святителя Алексія. — Полная характеристика славянскаго перевода, совершеннаго симъ святителемъ Русской земли, потребовала бы много времени и мѣста, и потому мы ограничимся здѣсь однимъ замѣчаніемъ. Въ противоположность древне-русской редакціи Новаго Завѣта, въ трудѣ святителя Алексія находимъ непереуведенныя греческія и вообще чужія слова, не только тѣ, кои встрѣчаются еще въ древнихъ спискахъ первой, Кирилло-Меѳодіевской редакціи, но и многія другія. Вотъ эти слова — въ *Евангелии*: βάτος, δαίμων, ἕτερος, ἡγεμών, ἡγούμενος, οἰκονομία, πρεσβύτερος, σταφυλή, στείρα, στρατηγός и др. (онѣ приводятся въ разнотеніяхъ къ Галицкому Евангелію въ трудѣ о. архим. Амфилохія); въ *первомъ пяти посланіяхъ Ап. Павла*: ἀσέλγεια, γράμματα, δαιμόνιον, διακονία, διάκονος, εἰκὼν, εὐτραπέλια, κανὼν, οἰκονομος, προσφορά, στείρα (см. въ наш. изслѣдованіи, стр. 36, — здѣсь же и общая характеристика перевода Апостола по списку святителя Алексія).

1) Исправленіе это начато еще при Петрѣ Великомъ и по его повелѣнію въ 1712—1724 г. См. Чистовича, И. Исправленіе текста славянской библии передъ изданіемъ 1751 г. въ Прав. Обзорѣніи, 1860, апрѣль, стр. 479—510.

2) Первое изданіе этого Общества вышло въ 1816 г., — со времени Острожской библии, это было 23-е изданіе.

3) См. описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синодальной библиотекы А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, т. I, введеніе, стр. VIII—IX, и Чистовича, И. Исторія перевода библии на русскій языкъ, — въ Христ. чтеніи, 1872, мартъ, стр. 397—404, 420.

Значеніе святыхъ Кирилла и Меѳодія, какъ учителей народа русскаго.

Двадцать три года тому назадъ, именно въ 1862 году, когда совершилось тысячелѣтіе со времени основанія Россійскаго Государства, русскіе впервые, послѣ многихъ лѣтъ забвенія, стали праздновать память первоучителей, перво-просвѣтителей славянскихъ, свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія, и день праздника въ честь ихъ приуроченъ былъ къ 11-му мая. Въ слѣдующемъ за симъ 1863 году праздновалось, — съ особою торжественностію въ Москвѣ, — тысячелѣтіе самой просвѣтительной дѣятельности свв. братьевъ среди славянъ, также 11 мая. Въ этотъ день, въ память свв. Кирилла и Меѳодія были многія по Москвѣ торжественныя засѣданія и собранія, подобныя настоящему и между прочимъ въ Обществѣ любителей Россійской словесности. Въ этомъ Обществѣ предсѣдатель его, покойный М. П. Погодинъ держалъ рѣчь и въ ней, исчисливъ заслуги свв. первоучителей съ ихъ учениками и послѣдователями для странъ славянскихъ вообще и въ частности для Россіи, высказалъ между прочимъ слѣдующія слова, довольно рѣзкія, но весьма сильныя и правдивыя: „Вотъ что сдѣлали для Русскаго народа свв. Кирилль Меѳодій! А что наши такъ называемые учителя, нещующіе быть передовыми людьми, что они сдѣлали для народа въ этомъ отношеніи? Они — ничего; ничего не только въ сравненіи съ дѣйствіями свв. Кирилла и Меѳодія, но и вообще ничего! И находятся еще бессмысленные между ними, которые хотятъ вырвать изъ рукъ у Русскаго народа эту единственную для него духовную пищу, то-есть Богослуженіе на славянскомъ языкѣ, переведенное трудами св. первоучителей славянскихъ“. Да что же безъ нея будетъ съ народомъ! Чѣмъ замѣнять ее

передовые безумцы? Неужели они думаютъ, что горячешнымъ ихъ бредомъ, наполняющимъ современные листы, которые разноситъ ежедневно вѣтеръ, можетъ удовлетворяться русскій добрый, толковый православный народъ? Неужели они думаютъ, что изъ ихъ *ничего* можетъ произойти что нибудь путное и прочное. *Ex nihilo nihil fit*, кромѣ развѣ нигилистовъ, взаимно другъ друга уничтожающихъ и погрязающихъ въ своемъ нелѣпомъ ничтожествѣ? Туда имъ и дорога! 1) Вчера исполнилось тысячелѣтіе со дня кончины одного изъ первоучителей славянскихъ, св. Меѳодія, — и мы собрались здѣсь, въ этой залѣ, освященной также 11 мая 1863 года, для чествованія его собственно памяти. Но такъ какъ оба первоучителя, по выраженію одного изъ нихъ, были подобны двумъ воламъ, „одну борозду тянувшимъ“, 2) то воспоминаніе объ одномъ изъ нихъ невольно влечетъ за собою воспоминаніе и о другомъ, какъ и древнѣйшія памяти обоихъ святыхъ въ кругу церковномъ приурочиваются то къ 11-му мая, а то къ 6-му апрѣля. 3) Это и понятно. Они оба вмѣстѣ были виновниками духовнаго просвѣщенія славянъ: Кирилль, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ начиналъ, а Меѳодій, послѣ блаженной кончины Кирилла, довершалъ это великое дѣло. Въ 22 года, начиная съ 863-го и кончая 885-мъ годомъ, ихъ обоюдными трудами просвѣщены были страны славянскія: Болгарія, Моравія, Паннонія, Чехія, нѣкоторыя части Польши и Угорской Руси и т. д... 22 года, (думалось мнѣ), прошло съ тѣхъ поръ, какъ сказаны были приведенныя слова М. П. Погодина, а они и теперь имѣютъ полную силу. Они заставляютъ невольно придумать надъ вопросомъ о томъ, что сдѣлано было свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ для просвѣщенія странъ славянскихъ вообще и Россіи въ частности, и что сдѣлано было и дѣлается нами русскими въ отношеніи въ просвѣщенію нашему... Но такъ какъ просвѣтительная дѣятельность св. первоучителей славянства, вообще понимаемая, слишкомъ широка

1) Кирилло—Меѳод. Сборн. стр. 93. Москва, 1865 г.

2) Пани. житія, см. тамъ же, стр. 30.

3) См. напр. въ Кирилло—Меѳод. Сборн. стр. 309.

томы ограничались изслѣдованіемъ вопроса о значеніи собственно учительной дѣятельности чествуемыхъ нынѣ святыхъ для русскаго народа и при томъ именно для русскихъ начальныхъ народныхъ училищъ въ ихъ прошедшемъ, настоящемъ и, насколько возможно и желательно, также въ будущемъ. Считаю излишнимъ говорить о томъ, какъ важенъ вопросъ объ этихъ училищахъ, долженствующихъ воспитывать вѣрныхъ сыновъ для матери — церкви и отечества, — опору счастливой будущности той и другаго, — и потому прямо приступаю къ дѣлу.

Въ нѣкоторыхъ нашихъ древнихъ богослужебныхъ книгахъ встрѣчается молитва „предъ начатіемъ ученія отрокомъ“ съ слѣдующими между прочимъ словами моленія іерея о отрочати: *Дай же ему, Господи, отъ Давидова разума, отъ Соломони премудрости, и отъ Кирилловы хитрости. Дай же ему стояніе съ іереи и со всеми святыми Твоими* (см. Кирил. — Меѳ. сбор. стр. 448). Въ этихъ не многихъ словахъ ясно начертанъ весь планъ, живо обрисованъ весь характеръ, прямо указано направленіе древне-славянскихъ и древне-русскихъ начальныхъ училищъ, съ возведеніемъ ихъ по началу къ одному изъ первоучителей славянскихъ. Кириллова азбука или, что тоже, церковно-славянская грамота, съ ея не хитрою счетною премудростію; Псалтирь царя Давида и Часословъ, которыхъ многіе новые учителя и учительницы такъ не долюбиваютъ, и правоучительныя изреченія мудрости Соломоновой: вотъ весь немногосложный планъ начального обученія тѣхъ временъ. Церковность (стояніе съ іереи): — вотъ основной характеръ ихъ. Религіозность (стояніе со всѣми святыми): — вотъ истинное направленіе ихъ. Что это и дѣйствительно такъ было, о томъ пусть скажетъ исторія.

Обученіе въ указанномъ сейчасъ видѣ, въ христіанской церкви ведетъ свое начало отъ начала самаго христіанства и опирается на заповѣди, данной самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ первоучителямъ христіанскимъ — св. Апостоламъ: *идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Матѳ. 28, 19—20). Согласно этой заповѣди, соединяющей съ таинствомъ крещенія

и начальное наставленіе въ истинахъ христіанской вѣры, дѣйствовали св. Апостолы. Согласно ей дѣйствовали и преемники Апостоловъ — пастыри и учителя христіанской церкви, слѣдуя ихъ примѣру и строгому правилу (Апост. прав. 58). Древнѣйшія огласительныя училища, подобныя Александрійскому, были прямымъ выраженіемъ послушанія этой заповѣди и дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла Апостольскаго ученія. Не иначе дѣйствовали и своимъ подчиненнымъ внушали дѣйствовать также позднѣйшіе пастыри и учителя церкви вселенской: свв. Аѳанасій Великій, Григорій Богословъ, Василій Великій Іоаннъ Златоустый и мн. др. 10-е правило VII-го вселенскаго собора прямо ставитъ въ обязанность пресвитеру: „да идетъ учить отроковъ и домочадцевъ (въ своемъ приходѣ), читая имъ Божественное Писаніе: ибо для сего и священство получилъ“. А VI-й вселенскій соборъ 19-мъ правиломъ указываетъ пастырямъ и времена для такого наученія пасомыхъ: „по вся дни, наипаче же во дни воскресныя“. При этомъ Псалтирь обыкновенно была самою любимую книгою для чтенія, своего рода христоматіею. Въ предисловіи къ славянской грамматикѣ *Мелетія Смотрицкаго*, отчасти передѣланной и изданной въ Москвѣ въ 1648 году, говорится о многихъ изъ пастырей и учителей Греческой церкви, которые, въ своей юности, сами учились подобнымъ образомъ, а затѣмъ такъ же учили и другихъ. При этомъ обыкновенно высказывается, что тотъ или другой изъ нихъ, послѣ обученія „грамотѣ“ или иногда и „грамматикіи“, „первѣе убо Божественныя Писанія наша навъче“ (л. 12; срав. 2, 3 и др.). А о Николаѣ Студитѣ и прямо говорится, что „по наученіи Псалтыри пустиша его родителя въ Константинь градъ“ (л. 13 об.), подобно тому, какъ это случилось съ однимъ изъ первоучителей славянскихъ—св. Кирилломъ. Такимъ же образомъ въ IX вѣкѣ научены были и потомъ учили сами чествуемые нынѣ святые, родившіеся, учившіеся и по началу долго дѣйствовавшіе въ Греціи. Родившись въ Солуни или Ѳессалоникахъ въ Македоніи, населенной тогда, какъ и теперь, болѣе славянами, нежели греками, и происходя отъ благочестивыхъ и знатныхъ родителей, они научены были всему, чему возможно было въ то время научиться, при

совершенномъ отсутствіи высшихъ школъ государственныхъ и при господствовавшемъ повсюду обученіи частномъ. При семъ о Кириллѣ (въ мірѣ Константинѣ) говорится, что онъ довершалъ свое образованіе въ Константинополѣ при дворѣ Императорскомъ вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ подъ руководствомъ знаменитаго Фотія, бывшаго потомъ патріархомъ Константинопольскимъ. Между прочимъ свв. братья изучили „грамматикію“; кромѣ того „прилежашу святыхъ книгъ“ и твореній отеческихъ, изъ коихъ св. Кириллъ особенно любилъ творенія св. Григорія Богослова ¹⁾. „Бслѣ же ученія“ они являли „на себѣ тихій образъ“ ²⁾. Бывъ такимъ образомъ просвѣщены сами, и видя, какъ много на ихъ родинѣ, — въ Солунѣ и Македоніи — остается славянъ, которыхъ еще не коснулся, а по нѣкоторымъ причинамъ и не могъ коснуться свѣтъ такого же просвѣщенія, они горѣли желаніемъ и ихъ сдѣлать участниками этого духовнаго свѣта. Но какъ было исполнить это благое желаніе? Славяне не имѣли письменъ или азбуки. Они дотолѣ писали только „рѣзьями“ или „чертами“, какъ свидѣтельствуется въ X вѣкѣ черноризецъ Храбръ ³⁾; а не то, такъ пользовались письменами чужестранными: греческими или латинскими ⁴⁾. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ они не могли далеко уйти въ своемъ просвѣщеніи. А просвѣщать безъ письменъ значило, по выраженію самого св. Кирилла — начинателя дѣла, тоже, что „на водѣ бесѣду написать“? ⁵⁾ Тогда св. Кирилла осѣнила свѣтлая мысль — составить для славянъ, на основаніи греческаго и съ помощію другихъ извѣстныхъ ему алфавитовъ, славянскую азбуку и чрезъ посредство ея преподавать имъ свѣтъ ученія Божественнаго. Мысль сообщена св. Меөодію и въ послѣднемъ, какъ все доброе, нашла для себя полное и глубокое сочувствіе. Дѣло составленія сла-

¹⁾ Пани. жит. Кир. въ Кир.-Меө. Сборн. 11 и 12. Слич. *Добровскаго*, Кир. и Меө. стр. 104.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Рукоп. Моск. дух. акад. № 145 л. 380.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Пани. жит. Кир. въ Кир.-Меө. Сборн. стр. 21.

вянской азбуки для св. братьевъ тѣмъ болѣе осуществимо было, что славянскій языкъ имъ обоимъ, какъ солунянамъ, былъ извѣстенъ весьма хорошо, какъ языкъ родины ихъ. Посылая ихъ для проповѣди евангельской въ славянскія земли, императоръ греческій прямо говорилъ имъ: „вы бо еста селунянина: да селуняне все чисто словенскы бесѣдуютъ“¹⁾. Но при всемъ томъ, сознавая великость и важность этого дѣла съ его послѣдствіями, св. Кирилль съ братомъ и иными избранными для того же дѣла сотрудниками начали его молитвою къ Богу и только свыше ожидали для себя истиннаго просвѣщенія. „Шедъ же философъ, — говорится о Кириллѣ въ житіи его, — по первому обычаю на молитву се наложи и съ ивѣми поспѣшники. Вскорѣ же е ему Богъ яви, послушае молитвы своихъ рабъ. И абіе сложи письмена и начеть бесѣду писати Евангельску: *ископи бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога; и Богъ бѣ Слово* и прочее“²⁾. Это было въ 855 году, по ясному свидѣтельству упомянутаго черноризца Храбра³⁾. Начавъ трудъ перевода священныхъ книгъ съ греческаго языка на славянскій такъ называемымъ „изборомъ“, т. е. евангеліями, избранными для церковныхъ чтеній годоваго круга, начинающагося недѣлею Пасхи, св. Кирилль съ братомъ и иными споспѣшниками своими на первое время ограничился лишь не многими, самыми необходимыми изъ этихъ книгъ для ежедневнаго богослуженія — самаго перваго и ближайшаго, но въ то же время и важнѣйшаго изъ способовъ духовнаго, христіанскаго просвѣщенія. Именно переведены были по началу: Апостоль, также въ „изборѣ“; Псалтирь; Паремейникъ; Часословъ и нѣкоторыя другія книги. Св. Кирилль, быть можетъ, предчувствовалъ, что его собственно борозда на нивѣ духовнаго просвѣщенія славянъ не будетъ долга, и

1) Тамъ же, стр. 19.

2) Св. Пан. жит. Кир. и то же житіе по Шафарыку, тамъ же стр. 21 и 107.

3) См. указ. рукоп. Моск. дух. ак. № 145. Срав. также болѣе близкое ко времени изобрѣтенія славянской азбуки свидѣтельство римскаго папы Іоанна VIII въ XVII томѣ Mansi, Consil. collectio, epist. 247. Это письмо папы приводится также у *Водянскаго* въ его изслѣдованіи „о времени происход. слав. письменъ“, въ Кирилло-Мевод. сборникѣ и др.

потому спѣшили воспользоваться этимъ не многимъ для дѣлей просвѣщенія. Къ тому же его съ братомъ и прямо торопили дѣломъ императорскій дворъ и великая церковь Константинопольская. Едва они успѣли заронить первыя, такъ сказать, сѣмена на нивѣ духовнаго просвѣщенія славянъ Македонскихъ, какъ въ 858 г., по порученію императора и патріарха, должны были отправиться съ просвѣтительною миссіею къ Хозарамъ, обитавшимъ въ южной части теперешней Россіи. А въ 862 году славяно-паннонскіе и моравскіе князья Ростиславъ, Святополкъ и Котель, по всей вѣроятности услышавъ о зачаткахъ духовнаго просвѣщенія между славянами македонскими, послали къ императору греческому Михаилу пословъ съ такою просьбою: „людемъ нашимъ поганства ся отвергавшимъ и по христіанескыя законъ держащимъ учителя не имамъ (не имамы)¹⁾ таковаго, иже бы ны въ свой языкъ истую вѣру христіанскую сказалъ, да быша и ны страны, того зряще, подобили бы ся намъ. То послѣ намъ, владыко, епископа и учителя таковаго. Отъ васъ бо на вся страны всегда добрый законъ исходитъ“²⁾. Царь и патріархъ избрали для сего великаго дѣла опять двухъ святыхъ братьевъ — Кирилла и Меодія и отправили ихъ въ западныя славянскія страны. На пути въ эти страны свв. Кириллъ и Меодій остановились не надолго въ Дунайской Болгаріи и успѣли посѣять доброе сѣмя въ сердцѣ князя этой страны Бориса, который вскорѣ и самъ крестился и обратилъ своихъ подданныхъ въ христіанскую вѣру, пользуясь тѣми же славянскими письменами, которыя избрѣтены были св. Кирилломъ. Между тѣмъ свв. апостолы славянскіе прибыли въ Моравію и Паннонію, князь и Ростиславъ „собравъ ученикы, вдасть я учить“³⁾. А вотъ и ходъ и плоды этого наученія, съ помощію славянской грамоты: „вскорѣ же ся весь церковный чинъ предложи и научи я утреніи и годинамъ обѣдней и вечерней, и павечерницы, и тайнѣй службѣ. И отверзошася,

1) Рѣчь идетъ главнымъ образомъ отъ лица Ростислава, какъ могущественнѣйшаго между названными и другими сосѣдственными князьями славянскими.

2) См. Панн. жит. въ Кир.-Мео. Сбор. стр. 18—19.

3) Тамъ же, стр. 21.

по пророческому словеси, уши глухихъ услышати книжная словеса, и языкъ яснь бысть гугнивымъ“¹⁾). Такимъ образомъ это наученіе было по объему начальное или, какъ теперь говорятъ, элементарное, по характеру — церковное, по направленію — религіозное, духовное. Черезъ 5—6 лѣтъ послѣ начала просвѣтительной дѣятельности св. братьевъ между славянами западными они оба вызваны были въ Римъ по дѣламъ церковнымъ. Въ Римѣ и скончался одинъ изъ нихъ, — св. Кириллъ въ 860 году, оставивъ Меѳодію завѣтъ — не покидать, ради монастырскаго уединенія, которое такъ всегда любилъ Меѳодій, — той нивы духовнаго просвѣщенія, на которой они оба съ благословеннымъ уже успѣхомъ столько потрудились. И Меѳодій свято исполнилъ этотъ завѣтъ. Возвратившись въ Моравію, онъ продолжалъ и еще болѣе расширялъ въ границахъ дѣла, начатое съ братомъ, дѣйствуя въ томъ же духѣ и неустанно до самой кончины своей, послѣдовавшей въ 885 году 6 апрѣля. Именно съ одной стороны онъ, съ сотрудниками своими — прежними и новыми учениками, увеличилъ число книгъ, переведенныхъ ранѣе съ братомъ: имъ переведена была вся Библія, за исключеніемъ книгъ Маккавейскихъ, переведены были всѣ, бывшія къ тому времени въ употребленіи греческой церкви богослужебныя книги, также „Номоканонъ, рекше закону правило, и отеческыя книги“²⁾); а съ другой — неумолимо продолжалъ и самъ учить клириковъ и мірянъ „закону хрестыянскому“ устно и письменно и, въ качествѣ архипастыря, поставленныхъ имъ пастырей и учителей словомъ и примѣромъ побуждалъ дѣлать то же; устраивалъ храмы Божіи — эти хрестіанскія училища благочестія и при нихъ ставилъ школы и учителей — пастырей церкви не только въ Моравіи, но и по окрестнымъ странамъ славянскимъ; поощрялъ иноческую жизнь, самъ будучи строгимъ инокомъ и зная, какъ сильно дѣйствуетъ слово ученія, подтверждаемое жизнью и т. д., такъ что „велими начать рости Божіе ученіе и стрижиныцы (т. е. духовенство) множитися во всѣхъ градѣхъ“, — замѣчаетъ жизнеописатель св. Меѳодія³⁾). Даже не далѣе, какъ

1) Тамъ же, стр. 21—22. Св. Иса. 29, 18.

2) Тамъ же, стр. 39.

3) Тамъ же, стр. 35.

за три дня до блаженной кончины своей, св. Меөодій, уже больной, не престававь поучать паству свою въ церкви и здѣсь же, предчувствуя близость кончины, намѣтилъ преемника себѣ по архипастырству и духовному учительству въ лицѣ ученика своего Горазда, который, по его собственному засвидѣтельствуванію, происходилъ изъ той же „земли“ Моравской и былъ „научень добръ“¹⁾. Гораздъ и другіе ученики свв. Меөодія и Кирилла продолжали дѣло ихъ, въ томъ же духѣ, какъ въ Моравіи, Панноніи и сопредѣльныхъ съ ними областяхъ, простираясь и до юго-западныхъ окраинъ нашего отечества, такъ и въ южныхъ славянскихъ странахъ: въ Дунайской Болгаріи, гдѣ тому особенно благопріятствоваль вѣкъ царя Симеона, въ Сербіи и др.

Но между тѣмъ какъ на той нивѣ, въ которую болѣе всего положено труда первоучителями славянскими, — въ Моравіи, Панноніи и сопредѣльныхъ съ ними славянскихъ областяхъ, вскорѣ послѣ ихъ блаженной кончины, начали возрастать и усиливаться волчцы и тернія латинства, уже къ XII вѣку заглушившія посѣянные ими добрыя сѣмена, — на востокъ, именно въ нашемъ отечествѣ, начинался разсвѣтъ дня, переносившій сюда закатившееся на западѣ солнце, чтобы такимъ образомъ какъ бы исправить его теченіе, не совсѣмъ естественно начавшееся на западѣ. Духъ свв. Кирилла и Меөодія — славянскихъ просвѣтителей, не находя покоя тамъ, на западѣ, перенесся къ намъ въ Россію, южныя части которой они, еще живя во плоти, посѣтили раньше странъ западныхъ и, какъ можно полагать на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, обрѣли уже здѣсь нѣкоторые лучи свѣта Христова.²⁾ Но это предположеніе имѣеть силу не только въ отношеніи къ обитателямъ южныхъ областей русскихъ, а и среднихъ и сѣверныхъ. При Новгородскомъ князѣ Рюрикѣ и Кіевскихъ князьяхъ: Аскольдѣ и Дирѣ, современникахъ свв. Кирилла и Меөодія, на Руси христіане уже были несомнѣнно, хотя и по преимуществу изъ пришельцевъ — варяговъ (норманновъ). Еще болѣе увеличилось число христіанъ въ началѣ X вѣка; при Игорѣ и Ольгѣ на Руси было

1) Тамъ же, стр. 40.

2) Мы имѣемъ въ виду обстоятельства миссіи ихъ у хозаровъ въ 858 году.

уже много церквей, изъ коихъ Кіевская „соборная,“ т. е. приходская церковь св. Іліи упоминается въ договорѣ, заключенномъ между Игоремъ и Византійскими Императорами въ 944 году. Если были церкви, то само сабою разумѣется были и священно и церковно-служители; если же были священно и церковно-служители, то было и лежавшее на ихъ обязанности наставленіе христіанъ, оглашеніе въ связи съ таинствомъ крещенія. Но мы идемъ и еще дальше. Быть не можетъ, чтобы христіанами на Руси до Владиміра были одни только варяги. Иначе и при Владимірѣ не совершилось бы того, что совершилось. Не даромъ лѣтописцы напи, сравнивая Владиміра съ солнцемъ, бабку его Ольгу сравниваютъ съ луною, сіявшею среди ночи язычества. Хоть свѣтъ луны есть и заимствованный, однако онъ освѣщаетъ много пространства и предметовъ, даетъ имъ свой свѣтъ. Мы полагаемъ въ силу этого, что и до Владиміра свѣтъ христіанства на Руси необходимо проникалъ и сердца коренныхъ жителей ея славянъ. Съ другой стороны изъ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ мы знаемъ, что Русскіе имѣли въ IX—X вѣкахъ сношенія не только съ Греками, отъ которыхъ, конечно, ближе всего могло быть ими заимствовано и богослуженіе и духовенство, и въ столицѣ которыхъ — Константинополь была даже варяжская церковь, ¹⁾ но съ Болгарами Дунайскими и Угорскими русскими, уже просвѣщенными христіанствомъ. Что же удивительнаго, если и до Владиміра въ Россію проникалъ уже по мѣстамъ свѣтъ просвѣщенія славянскаго, заимствованный такимъ образомъ изъ того же источника, — отъ свв. Кирилла и Мефодія? Но если и это все болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, то въ отношеніи къ временамъ Владиміра, котораго не напрасно и народныя былины называютъ „краснымъ солнушкомъ“, мы вступаемъ уже прямо въ область несомнѣннаго. Бывъ по происхожденію отъ племени варяжскаго, онъ уже на столько ослабился, что и коренными славянами признанъ былъ за своего народнаго князя, такъ что считалъ себя въ правѣ не только лишь тайно, какъ дѣдъ его Игорь, быть христіаниномъ, но и открыто уподобиться болгарскимъ князьямъ Бо-

1) *Е. Е. Голубинскаго* Ист. рус. церкви I. 1, стр. 62. Москва. 1880.

рису и Симеону, просвѣщеннымъ отъ свв. Кирилла и Меодія, и быть просвѣтителемъ своего народа свѣтомъ христіанства чрезъ поголовное крещеніе его, такимъ образомъ явиться истиннымъ солнцемъ для Россіи, быть для нея тѣмъ, чѣмъ были Кириллъ и Меодій для Славянъ западныхъ. Подобно св. Кириллу и Меодію, и равноапостольный князь Владиміръ, приступая къ столь великому дѣлу, какъ духовное просвѣщеніе народа, предваряетъ его молитвою. Именно еще предъ взятіемъ Корсуня Владиміръ, самъ уже христіанинъ, обращается къ Богу съ такою молитвою: „Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у Тебе прошу, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди хрестыяны и попы на свою землю, да научятъ люди (мой) закону хрестыянскому“. ¹⁾ И послѣ взятія Корсуня Владиміръ подлинно привелъ съ собою въ Кіевъ многіе „люди хрестыяны и попы“; а вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ и славянскія богослужебныя книги—трудъ св. Кирилла и Меодія. ²⁾ Заручившись такимъ образомъ всѣмъ, что необходимо было для наученія народа своего закону христіанскому, Владиміръ въ царствѣ своемъ теперь „нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ“. Затѣмъ, какъ бы въ прямое соотвѣтствіе древнему порядку наученія, соединявшагося съ таинствомъ крещенія, лѣтописецъ непосредственно присовокупляетъ, что тотъ же „Володимеръ, пославъ, нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное, ³⁾ т. е. приведеннымъ изъ Греціи ученымъ людямъ „хрестыаномъ и попомъ“. ⁴⁾ „Симъ же, добавляетъ къ сему лѣтописецъ о дѣтяхъ, раздаюмъ на ученье книгамъ, сбысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: во оны дніи услышатъ глушіи словеса книжная, и яснь будетъ языкъ гугнивыхъ“ ⁵⁾, т. е. добавляетъ совершенно тоже самое, что мы уже видѣли у паннонскаго жизнеописателя св. Меодія объ учительной дѣятельности послѣдняго и ея плодахъ. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ о Владимірѣ,

¹⁾ Такъ передаетъ монахъ Іаковъ. См. тамъ же, стр. 111.

²⁾ См. тамъ же, стр. 144—145.

³⁾ Полн. Собр. рус. лѣтоп. I, 51. „Нарочитое чади“—знатные люди, бояре.

⁴⁾ Голубинскаго Ист. рус. церкви I: 1, стр. 155; см. тамъ же стран. 582.

⁵⁾ Полн. собр. рус. лѣт. I, 51.

что и самъ онъ „бѣ любя словеса книжна“. ¹⁾ Не удивительно поэтому, что Владиміръ такъ сильно желалъ и другимъ въ своемъ царствѣ духовнаго просвѣщенія. Потому же не удивительно, что ближе всего онъ постарался сдѣлать причастными этого просвѣщенія своихъ собственныхъ дѣтей. И изъ нихъ о мученикѣ Борисѣ и князѣ Ярославѣ мы имѣемъ положительныя лѣтописныя сказанія, свидѣтельствующія объ ихъ образованіи и начитанности. Ярославу, вскорѣ послѣ кончины Владиміра, досталось въ удѣлъ и самое великое княженіе, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и продолженіе начатаго отцемъ его по дѣлу духовнаго просвѣщенія народа русскаго. И онъ явился достойнымъ преемникомъ славы отца. Въ продолжительное время княженія своего (1019 — 1054) Ярославъ утвердилъ на прочныхъ основаніяхъ дѣло, начатое св. первоучителями славянскими и перенесенное въ Россію равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, также расширивъ дѣло духовнаго просвѣщенія умноженіемъ способовъ послѣдняго и распространеніемъ предѣловъ его, какъ св. Меодій расширилъ дѣло, начатое братомъ его Кирилломъ. Вотъ какъ древне-русская лѣтопись изображаетъ отношеніе Ярослава къ дѣлу духовнаго просвѣщенія и самое это дѣло, имъ совершенное. „И при семъ, — говоритъ о немъ древнѣйшая лѣтопись, — нача вѣра хрестыанская плодiti ся и разширати, и черноризци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и во дне; и собра писецѣ многы, и прекладалше отъ Грекъ на Словѣнское письмо, и списаша книги многы, и сниска, имиже поучащеса вѣрпни людье, наслаждаются ученья Божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть, другой же насѣть, ини же пожинають и ядятъ пищу бескудну: тако и сей. Отець бо сего Володимерь взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ: сей же насѣя книжными словеса сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываетъ полза отъ ученья кпижного; книгами бо кажемѣ и учимѣ есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 54.

таемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ, се бо суть рѣкы напаяющы вселеную, се суть исходища мудрости и т. д. „Ярославъ же се, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви святой Софѣи, юже созда самъ. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстамъ, поставляя попы, и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ (т. е. содержаніе), веля имъ учить люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, ¹⁾ и приходити часто къ церквамъ, и умножшася прозвутери, людье хрестыянстіи. ²⁾ Равнымъ образомъ, подобно отцу своему, Ярославъ въ 1030 году, пришедши въ Новгородъ, „собра отъ старость и отъ поповыхъ дѣтей 300, и повелѣ учить книгамъ“. ³⁾ Итакъ не составляетъ ли все это продолженія и развитія дѣла, начатаго свв. Кирилломъ и Меөодіемъ и перенесеннаго на Русь Владиміромъ?— Въ лѣтописномъ сказаніи предъ нами ясно выступаютъ отдѣльныя черты этого великаго дѣла: 1) трудъ перевода книгъ „отъ Грекъ на Словенское письмо“ продолжается, простираясь на множество книгъ („списаша книгы многы“), очевидно еще не переведенныхъ дотолѣ на славянскій языкъ; ибо, судя по тому, что Ярославъ, при своей собственной любви къ книгамъ, такъ ярко живописуемой лѣтописцемъ, отличался и горячею ревностію въ „снисканіи“ книгъ, было бы странно предполагать, что переведенныя имъ и при немъ книги были уже ранѣе того переведены свв. Кирилломъ и Меөодіемъ или учениками ихъ въ Болгаріи при Симеонѣ, который въ этотъ отношеніи былъ очень сходенъ съ Ярославомъ. 2) А эти, равно какъ и ранѣе переведенныя книги нужны были именно для большаго и большаго распространенія просвѣщенія на Руси. Какъ самъ Ярославъ „любимъ бѣ книгамъ, прилежа имъ и почитая е часто въ нощи и въ дне“, такъ этого же онъ желалъ и для всѣхъ своихъ подданныхъ. Онъ глубоко сознавалъ, что „велика бываетъ полза отъ ученья книжного“ и потому не щадилъ ни времени, ни силъ, ни матеріальныхъ издержекъ къ дальнѣйшему и дальнѣйшему распространенію этого ученія по землѣ своей. Съ этою цѣлію онъ,

1) Срав. вышеприведенное 10-е правило VII всл. собора.

2) Полн. собр. рус. лѣтоп. I, 65—66. лѣтоп. Лаврен.

3) Лѣтоп. Новгор. подъ 1030 год.

3) кромѣ существовавшихъ со временъ Владиміра, устрояеть „ины церкви по градомъ и по мѣстамъ“. Онъ зналъ, что на Руси несравненно больше безграмотныхъ, нежели грамотныхъ. И если для грамотныхъ мѣстами духовнаго просвѣщенія могутъ служить школы, то для безграмотныхъ такими мѣстами служатъ по преимуществу храмы съ ихъ богослуженіемъ, съ таинствомъ крещенія, которое предполагало собою наученіе, съ проповѣдью слова Божія и т. д. Иными мѣстами духовнаго просвѣщенія для безграмотныхъ могли служить 4) иноческія обители, гдѣ и словомъ и житіемъ монашествующіе издревле поучали притекающихъ въ сія обители мірянъ. И мы помнимъ, что Ярославъ самъ „любяше излиха черноризыцѣ“ и что при немъ „черноризыци почаша множитися и монастыреве починаху быти“. Для искавшихъ же, подобно ему, высшей степени духовнаго просвѣщенія чрезъ наученіе книжное, Ярославъ учреждаетъ 5) училища нарочитыя какъ при церквахъ, то есть приходскія, съ учителемъ—священникомъ во главѣ, такъ и особыя, каковымъ было училище Новгородское, стоявшія впрочемъ также подъ высшимъ наблюденіемъ если не епископа (какъ это было въ отношеніи къ училищу Новгородскому), то пресвитера. 6) Учителями во всѣхъ этихъ училищахъ были по преимуществу пресвитеры или „попы“, „понеже тѣмъ есть поручено Богомъ“. Но это не исключало возможности и того, чтобы не только остальные члены клира (діаконы и причетники), а и частныя грамотѣи, мірскіе „люди хрестьяны“ учреждали у себя на дому частныя школы грамотности. 7) Пособіемъ для учителей въ утвержденіи и распространеніи ими духовнаго просвѣщенія, равно какъ и для дальнѣйшаго самообразованія научившихся грамотѣи и основаніямъ вѣры и благочестія въ помянутыхъ школахъ являются библіотеки при церквахъ, подобныя той, которая учреждена была Ярославомъ при церкви св. Софіи въ Кіевѣ. Подобныя же библіотеки устраивались и при монастыряхъ частію изъ жертвованныхъ рукописныхъ книгъ, а частію написанныхъ самими иноками. 8) Согласно всему, доселѣ сказанному, всѣ эти училища преслѣдовали цѣль чисто практическую: по наученіи славянской азбукѣ и простѣйшему счету (численная система опиралась на той же славянской

азбукѣ) обучить чтенію книгъ и пріохотить къ этому чтенію. Это же свидѣтельствуемъ и о томъ, что такое обученіе было лишь начальное, элементарное. 9) Изъ сказаннаго же явствуемъ, что характеръ обученія въ училищахъ времени Ярослава былъ чисто церковный. Ярославъ и самъ „бѣ любя церковныя уставы“, и училища устраивалъ при церквахъ, и учителями въ нихъ поставлялъ „попы“ и ученіе въ нихъ направлялось при немъ ближе всего къ церковности. Нужно было образовать контингентъ способныхъ къ должностямъ священно и церковно-служительскимъ людей, — и онъ образовывался въ упомянутыхъ училищахъ. Больше и негдѣ ему было образоваться. Если же такъ, то само собою разумѣется, что ближе всего нужно было обучить церковно-славянской грамотѣ, за тѣмъ Псалтири (пожалуй и съ возслѣдованіемъ) и Часослову, а далѣе уже и другому, соотвѣтствующему тѣмъ же предметамъ обученія. 10) Наконецъ изъ того же сказаннаго видно, что направленіе обученія въ древнерусскихъ училищахъ было вполне религіозное, духовное. За это ближе всего говоритъ уже то, что мы сейчасъ сказали о характерѣ обученія въ этихъ училищахъ, а за тѣмъ самая выраженія лѣтописца о пользѣ, пріобрѣтаемой отъ ученія книжнаго, о множествѣ книгъ, при Ярославѣ появившихся, „ими же поучающеса вѣрніи люди, наслаждаются ученья *Божественнаго*“. Далѣе лѣтописецъ и перечисляетъ отчасти область читаемаго книжнаго матеріала. И посмотрите, какой это матеріалъ: „пророческыя бесѣды, евангельскыя ученья и апостольская, житыя святыхъ отецъ“¹⁾ и т. д. Да и самый составъ оригинальной и переводной литературы времени Ярослава и вообще домоягольскаго періода ясно говоритъ о томъ же религіозно-нравственномъ, духовномъ направленіи тогдашняго просвѣщенія на Руси. Не говоря уже о такихъ произведеніяхъ, какъ дошедшія до насъ произведенія современника Ярославова, митрополита Иларіона — истаго славянина, нѣсколько позже его жившаго Теодосія Печерскаго, который, по словамъ жизнеописателя его Нестора, и самъ читалъ исключительно „*Божественныя* кни-

¹⁾ См. въ привед. мѣстѣ Полн. Собр. рус. лѣт. т. I.

ги“¹⁾ и оставилъ намъ также сочиненія религіозно-нравственныя, а равно также другихъ современныхъ имъ и позднѣйшихъ писателей, даже произведенія, повидимому, свѣтскія, какъ напримѣръ лѣтописи, всѣ насквозь проникнуты религіознымъ и нравоучительнымъ тономъ, какъ то мы могли отчасти видѣть уже и на приведенныхъ отрывкахъ. Тоже должно сказать и о переводной литературѣ. Только въ нѣкоторыхъ хронографахъ встрѣчаются эпизоды свѣтскаго тона; такимъ же тономъ отличается и приложеніе къ хронографу Іоанна Малалы, подъ особымъ заглавіемъ: „книга Александръ“, въ которой передаются баснословныя сказанія о подвигахъ героя Македонскаго; да два—три сочиненія по риторикѣ и философіи, имѣвшія самый ограниченный кругъ читателей. А за всѣмъ этимъ выступаетъ обильная по содержанию переводная литература религіозно-нравственнаго или и историческаго, но съ нравоучительнымъ оттѣнкомъ, характера. Въ домонгольскій періодъ, начиная съ Ярослава, переведены были съ греческаго многія и истолковательныя на Библию сочиненія, и догматическія, и нравоучительныя и другія сочиненія подобнаго рода, такъ что для выучившихся грамотѣ въ матеріалъ для чтенія, не смотря на отсутствіе книгопечатанія и медленность въ списываніи книгъ рукописныхъ, недостатка не было. Къ сказанному мы не можемъ не добавить еще замѣчанія о томъ, что было особенно любимымъ предметомъ чтенія у нашихъ предковъ разсматриваемаго времени. Это были прежде всего и болѣе всего: Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и Часословъ и нѣкоторыя другія изъ богослужебныхъ книгъ: за тѣмъ Житія святыхъ и Прологи. „Прологъ наизустъ!“ — было обычнымъ въ то время, какъ и послѣ, признакомъ хорошаго знатока своего дѣла — учителя. Далѣе, изъ твореній отеческихъ предпочтительнымъ вниманіемъ пользовались творенія: св. Іоанна Златоустаго, св. Ефрема Сирина и нѣк. др. Въ другія какія либо книги, не исключая даже и остальныхъ частей Библии, кромѣ вышеупомянутыхъ, наши предки вообще (не принимая въ расчетъ людей спеціально книжныхъ) боялись углубляться изъ

¹⁾ Житіе препод. Осодосія, составленное Несторомъ, вошло въ Печерскій Патерикъ, гдѣ и можно его видѣть.

опасенія, какъ бы умъ за разумъ не зашелъ и какъ бы не сдѣлалось такого же умопомраченія, какое случилось съ Никитою Печерскимъ, по сказанію Патерика о немъ, отъ углубленія въ нѣкоторыя книги Ветхаго Завѣта.

Итакъ вотъ то достояніе со стороны просвѣщенія, которое мы приняли во время оно отъ чувствуемыхъ нынѣ святыхъ; вотъ въ какомъ видѣ оно перешло отъ нихъ къ намъ и вотъ какъ привилось и укрѣпилось у насъ на Руси. Наши предки, какъ мы сейчасъ показали, остались вѣрны завѣту первоучителей славянскихъ. Они не гнались за многимъ, а старались только о томъ, чтобы, заручившись начальными основаніями грамотности, перейти къ чтенію или, какъ говорилось въ старину, къ „почитанью“ книгъ Божественныхъ или святыхъ и вынести отсюда душевную пользу. Въ этомъ смыслѣ и съ церковной каеедры поучаетъ своихъ слушателей знаменитый проповѣдникъ XII вѣка Кириллъ, епископъ Туровскій. Именно онъ увѣщаетъ ихъ „почитать святыя книги“ и не извиняться тѣмъ, что дескать „не наше есть дѣло почитанье книжное, но червечское“. Говорящихъ же: „аще и чту, но не разумѣю“, онъ наставляетъ очистить сердце и душу къ пріятію премудрости, о невѣдомомъ же вопрошать мудрѣйшихъ себе и съ вѣрою ждать вразумленія отъ Бога ¹⁾). Въ такомъ же видѣ просвѣщеніе на Руси шло и въ послѣдующія времена. Конечно, много препятствій дальнѣйшему развитію его, выходу изъ предѣловъ простой грамотности и начитанности было со стороны княжескихъ усобиць и два съ половиною вѣка (XIII — XV) тяготѣвшаго надъ Русью монгольскаго ига. Между тѣмъ какъ на западѣ Европы, при болѣе благопріятныхъ къ развитію просвѣщенія условіяхъ, за это время появились даже и университеты, Россіи нѣкогда было подумать объ учрежденіи и среднихъ учебныхъ заведеній. И только съ XVI вѣка, благодаря перемѣнѣ къ лучшему въ политическомъ быту Россіи, а также благодаря введенію и распространенію въ ней книгопечатанія, появляются сперва по окраинамъ (въ Кіевѣ, Острогѣ, Слуцкѣ и др.), а затѣмъ (въ XVII вѣкѣ) и въ Москвѣ подобныя заведенія. Но и они всѣ характера преимущественно церковнаго и направленія глав-

1) См. его „Наказанье“ міринамъ.

нымъ образомъ духовнаго. Лишь съ Петра Великаго начинается собственно свѣтское образованіе въ Россіи по западно-европейскимъ образцамъ. Сперва цифирныя и профессиональныя школы, съ 1755 года первый университетъ въ Москвѣ, а затѣмъ и по связи съ нимъ — гимназіи и т. д. были первыми учрежденіями этого рода. Но съ одной стороны и за весь XVIII вѣкъ духовно-учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ было гораздо больше, нежели свѣтскихъ, а съ другой — не только эти учебныя заведенія, а и учрежденныя Екатериною Великою съ 1786 года такъ называемыя „народныя училища“ совершенно не касались собственно *народа, въ его массу*. Здѣсь по прежнему было въ ходу духовное просвѣщеніе въ томъ его видѣ и объемѣ, въ какомъ оно унаслѣдовано было отъ первоучителей славянскихъ нашими предками. Здѣсь за всѣ восемь вѣковъ оно продолжало быть на степени грамотности и большей или меньшей начитанности. Здѣсь по прежнему духовенство было главнымъ просвѣтительнымъ составомъ. Училища народныя по прежнему группировались преимущественно при церквахъ и монастыряхъ, служившихъ, опять по прежнему, школами и для безграмотныхъ. Это были по прежнему вообще училища вѣры и благочестія. Даже планъ, система и методъ обученія грамотности мало терпѣль измѣненій за все это время. Для примѣра и сравненія вотъ слова Геннадія, архіепископа Новгородскаго (1485 — 1504) о томъ, въ чемъ состояло и должно было состоять, какъ велось и, по его мнѣнію, должно было введено быть дѣло этого обученія, въ видахъ подготовленія даже къ занятію должностей священнической или вообще священно-церковнослужительскихъ: „сперва пусть будетъ истолкована азбука съ гравями, потомъ подтительная; за тѣмъ выучить твердо Псалтырь съ возслѣдованіемъ; когда (учащійся) выучить это, можетъ канонархатъ и читать всякую книгу“¹⁾. Такъ было въ XV вѣкѣ, а безъ сомнѣнія и гораздо раньше, согласно выше изложенному. Беремъ другой примѣръ изъ XVII вѣка. Въ 1648 году, какъ мы замѣтили мимоходомъ раньше, въ Москвѣ вышла, съ дополненіями и переработкою, славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго.

¹⁾ Филар. Черниг. Ист. руск. цер. стр. 123. Спб. 1869.

Въ предисловіи къ ней между прочимъ говорится: „видѣте ли любимици, яко повсюду учить Божественное Писаніе, священнымъ писменемъ учитися, и въ сицевыхъ упражнятися, а не въ лукавыхъ нашихъ обычаяхъ“; затѣмъ самая грамматика называется „Божіимъ дарованіемъ“ и далѣе отъ лица ея говорится: „младенцемъ есмь, яко читательница, началомъ моимъ (т. е. звукомъ: а) въ началѣ своего бытія. тонкимъ своимъ и острымъ гласомъ воздухъ предираетъ, еже бо азъ восклицоветъ; и тѣмъ пищу себѣ испрошаетъ. Дѣтищамъ же, яко хранительница, яко на воспріятіе своего бытія пѣстуны призываетъ. Отрочатомъ же яко быстрозрительная наставница, яко вся качества и количества не премолчаветъ, но всяко вопрошаетъ, и вѣдаться понуждаетъ. Юношамъ, яко цѣломудрію учительница. Мужемъ, яко любимая сожительница. И престарѣвающимся, яко всечестная собесѣдница“¹⁾ и т. д. Сообразно этимъ началамъ излагается затѣмъ и весь грамматическій матеріалъ. Но это уже грамматика. А вотъ прямо азбука, или „букварь славенскими, греческими, римскими писмены, учитися хотящимъ и любомудріе въ пользу душеспасительную обрѣсти тщащимся“, изданный въ Москвѣ въ 1701 году, трудами Θεодо́ра Поликарпова. Въ немъ на первомъ планѣ стоитъ гравюра, изображающая сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, съ такою стихотворною подписью:

„Духа Святаго даръ въ день пятьдесятный
 „Апостоломъ бысть въ языкъ инъ пріятный.
 „Имъ ученіе всюду по вселеннѣй,
 „Во вся языки къ жизни благоденнѣй“.

Это здѣсь указываетъ на то же значеніе изученія грамоты, какое въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго указано въ наименованіи ея „Божіимъ дарованіемъ“. Въ томъ же смыслѣ ведется затѣмъ и предисловіе къ изданію букваря. Особенно замѣчательны слѣдующія слова изъ этого предисловія: „Тѣмъ же убо, о трудолюбивии мудрости пчелы, сѣмо слетайтесь ко еже созерцати въ разнопестровидномъ греческаго ученія вертоградѣ благоуханную разумоподательныхъ и вѣрокрѣпительныхъ цвѣтовъ красоту, церковными отцы,

¹⁾ Лист. 39 об. и 40.

баснотворцы устроеную... Здѣ объюхаете троязычно, по единомудренно по православному греческія церкви уставу возслѣдованіе молитвъ, псалмовъ, святаго сѣмвола, ангельскаго подздравленія къ приснодѣвѣ Богоматери Маріи, и прочая по чину восточныхъ сочленено. Здѣ укрѣпитесь законами, не отъ Солона и Ликурга преданными, но отъ создателя Бога другу Его Моисею на дву скрижалѣхъ дарованными десятословно, и прочими не отъ Цицерона и Сократа, но отъ церковныхъ украсителей цвѣтословіями, сугубаго челоука сугубая чувства, къ добродѣтелямъ наставляющими воспутеводствитесь. Здѣ осяжете стихи не Овидіевы, ниже Виргиліевы, но крайнѣйшаго ума богословіи Григоріа, не точію града Назіанза, но и всемірна свѣтильника мудростихотворный плодъ, его же и единъ стихъ проюдолить каменообразное сердце челоуку умословесну. Не Есопа фригійскаго здѣ смѣхотворныя узрите басни типографско зрими, но обряцете себѣ предложенъ стостепенный въ небо восходъ, стоглавъ глаголю Геннадіа патріарха святаго, егоже къ благочестію возвожденіе, аще Іаковлѣ лѣствицѣ уподобитъ кто, не погрѣшитъ негли, яко возводящъ въ горній Сіонъ и челоуки многоплотны, аки ангелы безплотны¹⁾. Затѣмъ предъ самымъ началомъ славянской азбуки находимъ въ букварѣ новую гравюру, изображающую Богоматерь и по сторонамъ ея святителей: Петра, Алексія, Іону и Филиппа, съ стихотворною же подписью внизу:

„Подъ твою милость, Дѣво, прибѣгаемъ,

„Сына ти Бога ѿ ты воспѣваемъ.

„Вамъ въ молбахъ стоятъ Росски святители,

„Мудрости, правды блази учителя“.

Самая азбука славянская идетъ именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ ее изображалъ Геннадій, архіепископъ Новгородскій, то есть сначала идетъ азбука (славянскій алфавитъ), съ указаніемъ раздѣленія буквъ на гласныя и согласныя и соединенія ихъ въ слоги (границы) двухсложныя (ба, ва, га и пр.) и трехсложныя (бла, вла, гла и т. д.); потомъ поддательная: „А. Ангель. Ангельски. Архангель. Архангели. Архангельскій (А. Аггль. Аггльски и т. д.) Б. Богъ. Божество.

1) Листъ 4 об. и 5.

Божественный (Б. Бѣ. Бѣтво. Бѣтвенный)⁴ и пр. Не забыта и просодія: „оξία или острая. Варіа, или тяжкая. Ерикъ. Паеркъ“ и пр. Также начальныя основанія счетной премудрости отъ ā (1) до ĩ (10000), съ добавленіемъ: „по сихъ и прочая да разумѣются“¹⁾. На оборотѣ листа, излагающаго эту счетную премудрость, находимъ опять гравюру, которая изображаетъ комнату домашняго учителя съ учениками и учителемъ, а внизу гравюры снова стихи:

„Хвалити Бога человекѹ всякѹ
 „Долгъ учиться писменъ словесъ знаку.
 „Ученіемъ бо благо разумѣть,
 „Въ царство небесно съ святыми успѣть.
 „Тѣмже юніи въ трудѣ семъ бывайте
 „Время и часовъ въ гулбѣ не теряйте“.

Матеріаль для чтенія въ букварѣ предлагается тотъ самый, какой указанъ въ предисловіи, т. е. исключительно „Божественный“.

Въ 1708 году, какъ извѣстно, введена въ употребленіе русская гражданская азбука. Но и эта азбука, не говоря уже о томъ, что не изгнала изъ употребленія прежней церковно-славянской азбуки, была почти совершенно и во всемъ такую же, какъ и послѣдняя, только безъ титлъ. Доказательство того можно видѣть въ книжицѣ: „Юности честное зеркало“, которой изданіе у насъ подъ руками было второе (Спб. 1740) и въ которой, какъ извѣстно, по началу изложена азбука и основаніе счетной премудрости. Мы не говоримъ уже о церковно-славянскихъ азбукахъ, букваряхъ, книжкахъ подъ заглавіями: „Начальное ученіе отрокомъ“, или: „Начальное ученіе человекомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго писанія“ и под. печатаемыхъ и доселѣ, а потому всѣмъ доступныхъ. Ихъ внутреннее и въ значительной мѣрѣ внѣшнее сходство съ охарактеризованнымъ букваремъ Θεодора Поликарпова всякимъ быть можетъ провѣрено. Мы помнимъ, конечно, также и Псалтирь съ Часословомъ, по которымъ не одинъ только Кутейкинъ училъ Митрофанушку, а и всѣ почти учили до послѣдняго времени въ училищахъ, устроенныхъ по образцу

1) Л. 10.

древне-русскихъ. За послѣднюю четверть XVIII столѣтія по официальнымъ даннымъ значилось только 10 школъ сельскихъ собственно, съ 300 учащихся. Эти школы устроены были по образцу упомянутыхъ выше quasi — „народныхъ училищъ“ Екатерининскаго времени, съ курсомъ теперешнихъ двухклассныхъ и трехклассныхъ училищъ. Само собою разумѣется, что онѣ устроены были только въ селахъ большихъ, жившихъ городевою жизнію. Но никто не исчислялъ, да и не могъ бы исчислить множества училищъ, бывшихъ по истинѣ церковно-приходскими въ древнемъ, вышеуказанномъ смыслѣ, и носившихъ обыкновенно домашній, семейный характеръ. А между тѣмъ они были вѣковыми рассадниками просвѣщенія. Только изрѣдка и вскользь они удостоиваются вниманія правительства, да и то благодаря поводамъ, не всегда благовиднымъ, каковъ на примѣръ уже не разъ указываемый собранію членовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія случай, имѣвшій мѣсто въ Тулѣ въ 1786 году. Разумѣю прямое распоряженіе губернской власти: „воспретить всѣмъ священно и церковно-служителямъ г. Тулы имѣть въ домахъ своихъ школы для обученія юношества російской грамотѣ, такъ какъ у нихъ обученіе преподается не по правиламъ“¹⁾. Высшая правительственная власть, конечно, не предполагала возможности такихъ уродливыхъ распоряженій мѣстныхъ властей, когда учреждала помянутыя „народныя училища“, ради процвѣтанія коихъ и сдѣлано было то распоряженіе губернской власти въ Тулѣ. Наконецъ только въ текущемъ столѣтіи высшая правительственная власть принялась за просвѣщеніе народа и въ его массѣ, именно крестьянства или „хрестыянства“. Да это и понятно и вполне правильно. Свѣтъ просвѣщенія духовнаго, какъ и физическаго начинается съ высшихъ слоевъ, а затѣмъ уже, по возможности, проникаетъ собою и низшіе слои, которые часть лучей его принимаютъ въ себя и отъ слоевъ среднихъ и высшихъ. Такъ было издревле, и не въ одной Россіи. Такъ было и

¹⁾ Этотъ случай указывался въ торжественныхъ голичныхъ собраніяхъ Общества люб. дух. просвѣщенія въ 1881 и въ прошедшемъ 1884 годахъ. См. Чт. въ Общ. люб. дух. просв. за 1882 г. т. III, стр. 27, и рѣчь о. протоіерея П. А. Смирнова, стр. 49. Москва, 1884.

въ разсматриваемое время у насъ въ Россіи. Вскорѣ же послѣ учрежденія министерствъ, именно 24 января 1803 года изданы были „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“, которыя черезъ два года послѣ того, по надлежащемъ сношеніи съ Святѣйшимъ Синодомъ, и приведены были въ дѣйствіе. Въ этихъ „Правилахъ“, кромѣ постановленій объ университетахъ, гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, мы находимъ постановленія и объ „училищахъ приходскихъ“. Въ виду состоявшагося въ прошломъ году Высочайшаго утвержденія „правиль о церковно-приходскихъ школахъ“, интересно будетъ прослѣдить официальное, такъ сказать, движеніе дѣла о нихъ съ 1803 года. „Всякой церковной приходъ, — сказано въ „предварительныхъ правилахъ“ 1803 года, — или два прихода вмѣстѣ, судя по числу прихожанъ и отдаленію ихъ жительства, должны имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище (п. 3). Приходскія училища въ казенныхъ селеніяхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей; въ помѣщичьихъ селеніяхъ онѣ предоставляются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ (п. 4). Въ приходскихъ училищахъ за порядкомъ ученія наблюдаетъ смотритель училища того уѣзда, къ которому они принадлежатъ (п. 5). Въ приходскихъ училищахъ учитель обучаетъ чтенію, письму, и первымъ дѣйствіямъ ариѳметики; наставляетъ въ главныхъ началахъ Закона Божія, въ благонравіи, въ обязанностяхъ къ Государю, начальству и ближнему, и вообще простымъ, яснымъ и состоянію учащихся соотвѣтственнымъ образомъ старается дать имъ правильное понятіе о вещахъ. Ученіе продолжается отъ окончанія полевыхъ работъ до начала оныхъ въ слѣдующемъ годѣ (п. 32). *Какъ весьма бы полезно было, еслибъ приходскіе священники и церковно-служители сами исправляли должность учителей, столько соотвѣтственную ихъ званію:* то Святѣйшій Синодъ и долженъ пещись, чтобы въ непродолжительномъ времени сіе произведено было въ дѣйствіе безъ малѣйшаго отягощенія какъ для священниковъ, такъ и прихожанъ (п. 33). ¹⁾ Въ общемъ Св. Синодъ согласился въ послѣд-

¹⁾ Сборникъ постановленій по минист. народ. проsv. т. I, стр. 14. 18—19 Спб. 1864.

немъ пунктѣ „правиль“ съ министерствомъ и сдѣлалъ лишь незначительныя частныя ограниченія въ примѣненіи ихъ къ дѣлу ¹⁾). Соотвѣтственно этому начертанъ былъ и самый „Уставъ учебныхъ заведеній“, въ которомъ между прочимъ сказано было о приходскихъ училищахъ, что они „учреждаются для двоякой цѣли: 1, чтобы приуготовить юношество для уѣздныхъ училищъ, если родители пожелаютъ, чтобы дѣти ихъ продолжали въ оныхъ ученіе; 2) чтобы доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическихъ и нравственныхъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предрассудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію (п. 119). Учебныя пособія въ приходскихъ училищахъ состоятъ въ слѣдующемъ: таблицы азбучныя, таблицы для складовъ, букварь Россійскій, прописи и руководство къ чистописанію, первая часть ариѳметики, сокращенный катихизисъ, краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, о сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья, Правила для учащихся и Дѣтской другъ (п. 132) Учители приходскихъ училищъ должны обучать и поступать по правиламъ, предписаннымъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: Руководство учителямъ 1-го и 2-го классовъ (п. 133). Они каждое 1-е число мѣсяца подаютъ отчетъ объ ученикахъ начальству своему“ т. е. смотрителю училищъ (п. 135). Въ казенныхъ селеніяхъ о священникѣ и объ одномъ изъ почетныхъ жителей, которымъ ввѣряется надзираніе за приходскимъ училищемъ, смотритель уѣздныхъ училищъ чрезъ директора представляетъ на утвержденіе университету. Въ помѣщичьихъ селеніяхъ предоставляется волѣ помѣщиковъ, какъ учредителей таковыхъ училищъ, поручить ли смотрѣніе за оными другому кому - либо достойному носить сію должность, или самимъ имѣть непосредственный за оны-

---

¹⁾ См. тамъ же, стр. 353—357. Между прочимъ св. Синодъ постановилъ, что бы „училищъ въ домахъ священно-и церковно-служителей не учреждать, а отводить для сего особые дома отъ свѣтскаго Правительства, не подалеку отъ жилищъ священно-и церковно-служителей и прихожанъ“ (стр. 355).

ми присмотръ“ (п. 138). ¹⁾ Въ виду того, что священно-и церковно-служителей и ихъ дѣтей, получившихъ образованіе въ среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, было не достаточно для занятія учительскихъ должностей во всѣхъ приходскихъ училищахъ, министерство народнаго просвѣщенія нашлось вынужденнымъ открыть въ 1817 году при главномъ педагогическомъ институтѣ, такъ называемый, „второй разрядъ“ его—прототипъ позднѣйшихъ учительскихъ семинарій, „для образованія учителей приходскихъ и уѣздныхъ училищъ“ ²⁾. Въ 1828 году декабря 8-го вышелъ новый уставъ учебныхъ заведеній, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Этимъ уставомъ приходскія училища, „особенная цѣль учрежденія“ коихъ была „распространеніе первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому нужныхъ свѣдѣній между людьми и самыхъ низшихъ состояній (§ 4), открываются повсюду, гдѣ лишь представятся къ тому средства; но учредители обязаны имѣть при каждомъ законоучителя изъ живущихъ въ томъ мѣстѣ, или въ сосѣдствѣ священниковъ (§ 5). Когда помѣщики въ своихъ имѣніяхъ, а въ городахъ и селеніяхъ, принадлежащихъ казнѣ, или вольнымъ хлѣбопашцамъ, городскія и сельскія общества желаютъ завести новое приходское училище, то относятся къ штатному смотрителю училищъ того уѣзда; онъ о семъ представляетъ съ своимъ заключеніемъ губернскому директору училищъ и къ представленію долженъ всегда быть приложенъ письменный отзывъ священника, назначаемаго въ законоучители (§ 6). Директоръ, разрѣшая открытіе новаго приходскаго училища, доноситъ о томъ университету для свѣдѣнія (§ 7)“. Священникъ назначается законоучителемъ рядомъ съ другимъ учителемъ, преподающимъ остальные предметы (§§ 23, 30 и др.). Рядомъ съ штатнымъ смотрителемъ, „ближайшій за училищемъ надзоръ поручается“ еще „благочинному священнику, къ вѣдомству коего принадлежитъ приходъ“ (§ 9). Однако „по званію надзирателя, благочинный не дѣлаетъ самъ собою никакихъ распоряженій; ему только предоставляется право, замѣтивъ упущеніе или

¹⁾ Тамъ же, стр. 330,332,333.

²⁾ Тамъ же, стр. 1011.

иные беспорядки, обращать на нихъ вниманіе учителя и увѣдомлять уѣздныхъ смотрителей: штатнаго и почетнаго, о состояніи училища (§ 10). Въ учителя приходскихъ училищъ опредѣляются штатнымъ смотрителемъ уѣзда люди всякаго состоянія, но не иначе, какъ доказавъ на испытаніи въ уѣздномъ училищѣ, что имѣютъ нужныя для сего знанія и способность обучать. При семъ смотритель освѣдомляется объ ихъ нравственныхъ качествахъ и поведеніи, стараясь удостовѣриться заранѣе, что они безъ вреда для учащихся могутъ быть допущены къ исправленію должности учителей (§ 11). Общества и помѣщики, или иные частные люди, коими учреждаются или содержатся приходскія училища, имѣютъ право представлять кандидатовъ въ учителя оныхъ; сіи кандидаты должны быть предпочитаемы другимъ, однако же съ наблюденіемъ всѣхъ правилъ, означенныхъ въ предшедшей 11 статьѣ (§ 12). Во всѣхъ приходскихъ училищахъ, въ городахъ и селеніяхъ, обучаются: 1) Закону Божію, по краткому Катихизису и Священной исторіи. 2) Чтенію по книгамъ церковной и гражданской печати и чтенію рукописей. 3) Чистописанію. 4) Четыремъ первымъ дѣйствіямъ Ариеметики (§ 15). Способъ обученія въ приходскихъ училищахъ можетъ быть двоякій: *обыкновенный* или *по методу Ланкастера* (§ 17). Занятія въ классѣ начинаются и оканчиваются молитвою: учитель приказываетъ одному изъ учениковъ, по очереди, читать оную вслухъ и наблюдаетъ, чтобы прочіе слушали со вниманіемъ и благоговѣніемъ (§ 24). Всякое приходское училище имѣетъ одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія книги, таблицы и прочія учебныя пособия, соотвѣтствующія введенному въ ономъ способу обученія. Сверхъ того, при каждомъ, по мѣрѣ возможности составляется небольшое собраніе правоучительныхъ и другихъ полезныхъ книгъ, соотвѣтствующихъ понятію людей нижняго состоянія; ихъ могутъ брать для чтенія не только ученики, но и прочіе грамотные жители селенія (§ 28). Учители, и въ особенности обучающій Закону Божію священникъ, должны не терять ни въ какомъ случаѣ изъ виду главной, то есть нравственной цѣли воспитанія. Объясняя ученикамъ своимъ святые истины христіанской вѣры и правила добродѣтели, они должны стараться,

чтобы вѣренныя имъ дѣти не только безъ затрудненія понимали ихъ наставленія, но и привыкали чувствовать всю важность оныхъ и важность своихъ настоящихъ и будущихъ обязанностей къ Богу, къ себѣ, ближнимъ и постановленнымъ надъ ними властямъ“ (§ 30) ¹⁾.

Въ 1842 году многія церковно-приходскія училища слились съ новоучрежденными училищами вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ. Но сущность ихъ программы, характеръ и направленіе преподаванія и управленія остались прежними ²⁾. Государственная власть способствовала размноженію приходскихъ училищъ отпускомъ денежныхъ средствъ, лѣса изъ казенныхъ рощъ на устройство зданій для нихъ ³⁾; ограждала ихъ отъ учителей иностраннаго происхожденія и инославныхъ исповѣданій ⁴⁾ и т. д. И онѣ умножались и процвѣтали до самыхъ тѣхъ поръ, пока вызванное послѣ 1861 года къ бытію земство не приняло въ свои руки начальнаго народнаго образованія, такъ что въ 1865 году, напримѣръ, числилось однихъ собственно церковно-приходскихъ школъ 21,420, въ коихъ обучалось 413,524 чел. дѣтей обоюга пола. И это на 32,010 приходоу во всей имперіи, тогда какъ всѣхъ остальныхъ начальныхъ народныхъ училищъ, со включеніемъ и инородческихъ, еврейскихъ и проч. за то же время было только 14,046 ⁵⁾. Разница огромная. Услуга духовенства государству великая. А сверхъ того, кто считаль, сиросимъ опять, число домашнихъ училищъ, которыя духовенство, а также и грамотѣи открывали по всей Имперіи?—Какой либо священникъ, діаконъ или причетникъ открываетъ у себя на дому школу на 5 — 10 человекъ изъ крестьянъ, причемъ нерѣдко вмѣстѣ съ послѣдними учатся и его собственныя дѣти; самъ терпитъ стѣсненія и неудобства, но все-таки усиленнымъ трудомъ, который не рѣдко раздѣляютъ съ нимъ взрослые члены его семьи обоюга пола, достигаетъ того,

¹⁾ Тамъ же, т. II отд. 1, стр. 154—159.

²⁾ См. тамъ же, т. II отд. 2, стр. 246—247.

³⁾ Тамъ же, стр. 663—664. Указъ 28 окт. 1846 г.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 913—914. Указъ 9 сент. 1849.

⁵⁾ См. Статист. Временникъ Росс. Имп. т. I, стр. 58 табл. народ. образов. Срав. Твер. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 4, стр. 109 и др.

чего достигали подобные учителя со временъ свв. Кирилла и Меѳодія, то есть обученія грамотѣ (чтенію, письму, счету) и доставленія возможности читать „*Божественныя книги*“. При этомъ въ ходу были совершенно тѣ же учебныя средства и пособія, какія бывали и въ старину. Но что я говорю? По всей вѣроятности, не я одинъ изъ здѣсь присутствующихъ получилъ начальное образованіе въ такой скромной школѣ, а наблюдать ихъ или знать о ходѣ обученія въ нихъ приходилось, безъ сомнѣнія, многимъ, если не всѣмъ. И мы помнимъ, конечно, съ какимъ довѣріемъ поселяне отдавали своихъ дѣтей въ такія школы, зная, что и плату за обученіе, привыкшіи довольствоваться не многимъ, учитель возьметъ не большую и научитъ ихъ хорошему, Божественному. Мы не забудемъ, съ какою любовію вышедшіе изъ такихъ школъ принимались, по старинному обычаю, за чтеніе книгъ Божественныхъ: Псалтири, Часослова, Четихъ-Миней и др. и съ какою жаждою искали ихъ и под. П, къ чести высшаго Правительства, должно сказать, что оно не стѣсняло, какъ тульская губернская власть, въ 1786 году, подобнаго рода учительскую дѣятельность, а и наоборотъ, поощряло. Полагая ограниченія для обучающихъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи лицъ, особливо изъ иностранцевъ, оно прямо указывало, что эти ограниченія не относятся: „а) къ російскимъ подданнымъ, занимающимся обученіемъ одной грамотѣ; б) къ священно и церковно-служителямъ греко-російскаго исповѣданія, обучающимъ также грамотѣ и Закону Божию и в) къ родителямъ, родственникамъ или другимъ лицамъ, обучающимъ чему либо дѣтей добровольно, не изъ платы, по родству, по дружбѣ или по знакомству“¹⁾. Не забыты были и другіе древніе способы духовнаго просвѣщенія за все разсмотрѣнное время. Кто не знаетъ, прежде всего, апостольской дѣятельности такихъ лицъ, истинно шествовавшихъ по слѣдамъ чествуемыхъ нынѣ святыхъ, какъ св. Стефанъ Пермскій, св. Гурій Казанскій, въ новое время — почившіи архипастырь Москвы Иннокентій и мн. др.? Этотъ же самый святитель Москов-

¹⁾ Сборн. востан. по вѣдом. мин. нар. просв. т. II отд. 1, стр. 353. Указъ 12 іюня 1831 года.

скій, когда былъ еще приходскимъ священникомъ въ Иркутскѣ, употреблялъ въ дѣло и иной, указываемый 19-мъ правиломъ VI всел. собора, способъ духовнаго просвѣщенія: воскресныя поучительныя собесѣдованія въѣбогослужебныя ¹⁾. А развѣ это единственный примѣръ? Посмотрите, въ какомъ они ходу и теперь. Посмотрите въ этомъ отношеніи хотя бы на дѣятельность Общества любителей духовнаго просвѣщенія ²⁾ и т. д. А что говорить о храмахъ съ ихъ богослуженіемъ и проповѣдью и о монастыряхъ, — этихъ вѣковыхъ училищахъ истинно духовнаго просвѣщенія, въ которыя и доселѣ не перестаютъ притекать вѣрные сыны православной Церкви? Развѣ все это не поприща учительной дѣятельности главнымъ образомъ духовенства, совершаемой по высокимъ образцамъ, даннымъ свв. Кирилломъ и Меөодіемъ и усвоеннымъ древне-русскою Церковію? А плоды этой дѣятельности развѣ сокрыты отъ исторіи? Кому не извѣстно, сколько вѣковъ такое духовное просвѣщеніе народа русскаго служило крѣпчайшею опорю благосостоянія государства и самого народа? Кто не знаетъ, какія услуги оказывало оно отечеству въ години великихъ бѣдъ и напастей, во времена важныхъ предпріятій? Насажденные въ умахъ и сердцахъ народа русскаго духовными учителями его вѣра и благочестіе утверждали его силы къ отраженію напастей и бѣдъ, къ побѣдѣ надъ врагами, къ совершенію великихъ предпріятій или подвигами его къ мученической смерти за Вѣру, Царя и Отечество. Припоминая, напримѣръ, Куликовскую битву, мы рядомъ съ именемъ князя Димитрія Донскаго не можемъ не припомнить и имени великаго угодника Божія препод, Сергія съ героями-монахами: Пересвѣтомъ и Ослябею. Припоминая смутныя времена междоцарствія, мы не можемъ не вспомнить, рядомъ съ именами Минина, Пожарскаго и др. и именъ патріарха Гермогена, архимандрита Діонисія, Авраамія Палицына и др., и такъ далѣе. Наконецъ достаточно будетъ сказать, что въ Высочайшемъ манифестѣ по случаю введенія всеобщей воинской повинности, въ 1874 году, было отъ лица самого Государя Императора

¹⁾ См. рѣчь о. протоіерея П. А. Смирнова, выше упомянутую, стр. 43.

²⁾ См. отчетъ Общества за 1883—84 г., стр. 10 и дал. срав. 8.

выражено, что „истинное просвѣщеніе народа“ онъ считаетъ „основаніемъ и залогомъ его будущаго благоденствія“ ¹⁾, а черезъ 10 лѣтъ послѣ того, именно въ прошломъ году, г. министръ народнаго просвѣщенія прямо заявилъ о духовенствѣ русскомъ, что оно „съ первыхъ временъ основанія Русскаго государства стояло во главѣ распространенія образованія въ народѣ“ ²⁾. Ясно, какое значеніе имѣетъ истинное просвѣщеніе и какая мѣра участія въ движеніи его на Руси принадлежитъ духовенству.

Но посмотримъ на дѣло и съ иной стороны. Мы выше сказали, что церковно-приходскія школы, служившія главными рассадниками этого просвѣщенія за все время тысячелѣтняго существованія ихъ на Руси, процвѣтали только до 1865 года. Послѣ этого времени онѣ стали все болѣе и болѣе упадать и сокращаться въ своемъ числѣ, такъ что къ прошедшему году ихъ осталось уже не болѣе 4,000 во всей Имперіи, вмѣсто почтенной цифры 21,420 числа ихъ въ 1865 году. Что за причина этого прискорбнаго явленія? Мы упомянули при этомъ имя земства. Такъ развѣ земство было причиною этого? — Нѣтъ! причины кроются глубже, въ исторіи нашего прошедшаго. Этихъ причинъ нужно искать въ томъ времени нашей исторіи, когда у насъ слишкомъ широко растворились, такъ сказать, двери и окна для западно-европейскаго къ намъ вліянія. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на положеніе вещей до Петра Великаго и сравните съ нимъ положеніе дѣлъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Въ старину, если и бывали еретики, раскольники или крамольники, то ихъ дѣянія являются не болѣе, какъ дѣтскими, въ сравненіи съ дѣянiami невѣровъ и крамольниковъ XVII—XIX вѣковъ. А самымъ лучшимъ и ближайшимъ мѣриломъ для сравненія могутъ служить теперешніе наши раскольники или старовѣры, держащіеся въ массѣ своей на степени понятій и убѣжденій XVII вѣка. Что можетъ быть общаго между ними и новѣйшими нигилистами, атеистами и пр.? А между тѣмъ эти послѣдніе прямо выработались изъ нигилистовъ, атеистовъ и пр. XVIII столѣтія. Нѣтъ сомнѣнія,

¹⁾ Полн. Собр. Закон. Собр. втор. т. 49 отд. 1, стр. 2.

²⁾ Циркуляръ къ попечителямъ округовъ отъ 24 іюля 1884 г. за № 10370.

что Петръ Великій, щедрою рукою сѣя на Руси сѣмена просвѣщенія западно-европейскаго, имѣлъ въ виду одно только доброе. Указомъ 26 сентября 1701 года онъ повелѣлъ, чтобы во всѣхъ школахъ преподавать науки, „*свято и неотступно держась во всемъ догматовъ Восточныхъ Православныхъ церкви*“¹⁾. Тоже самое и гораздо позже въ Духовномъ Регламентѣ, гдѣ говорится между прочимъ, что „*ученье доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе. Но сіе накрѣпко наблюдать подобаетъ, чтобы было ученіе доброе и основательное*“²⁾. И въ частности относительно духовенства: „*того ради пастырскій чинъ отъ Бога установленъ, дабы отъ Священнаго Писанія научалъ вѣрное себѣ стадо*“³⁾. Тѣ же начала лежали въ основаніи законоположеній и преемниковъ Петра. Тѣмъ не менѣе широкое сткрытіе путей ко вліянію западно-европейской цивилизаціи на Россію, при преемникахъ Петра, особливо при Екатеринѣ II-й, дѣлавшееся все шире и шире, принесло болѣе вреда, нежели пользы Россіи. Дѣло въ томъ, что западный міръ къ тому времени и въ религіозномъ, и въ нравственномъ, и въ соціальномъ и въ другихъ отношеніяхъ уже весьма значительно былъ испорченъ; а Русскіе еще не успѣли достаточно окрѣпнуть во всѣхъ этихъ отношеніяхъ къ тому же времени, чтобы здраво критически отнестись ко всему, отнѣ входившему, и отличить худое отъ добраго, особливо тонко прикрытое оболочкой послѣдняго. А такъ какъ по общему закону испорченной природы своей чловѣкъ отъ юности своей болѣе прилежитъ къ злему, нежели доброму, то и вышло во многомъ какъ разъ наоборотъ противъ того, чего ожидалъ самъ Петръ и его преемники отъ введенія западно-европейской цивилизаціи въ Россію. Подражаніе всему иностранному скоро перешло въ обезьянство и простиралось до мелочей, всѣмъ извѣстныхъ, часто смѣшныхъ, но больше того грустныхъ. Мы будемъ, конечно, говорить только о сторонахъ дѣла, идущихъ къ нашей бли-

1) Полн. Собр. Закон. Собр. первое. Законы 1701 г.

2) Въ отдѣлѣ „о домахъ училищныхъ, учителяхъ“ и пр.

3) Во II-й части, пр. 10.

жайшей цѣли. Мы знаемъ, какое значеніе имѣли въ Россіи идеи протестантизма въ чисто богословской области, какую силу имѣли у насъ въ свое время идеи Волтера, Руссо и другихъ подготовителей французской революціи 1789 года въ области религиозныхъ, нравственныхъ и социальныхъ убѣжденій, какъ проникали и прививались къ намъ педагогическія утопіи того же Руссо, Базедова, Песталоцци и другихъ современниковъ и послѣдователей ихъ ¹⁾, и т. д. И плоды всѣхъ этихъ вліяній не умели показаться. Православіе, какъ православіе, которое въ чистомъ видѣ проповѣдали и передали намъ чувствуемые нынѣ святые и которое дотолѣ крѣпко хранили предки наши, для многихъ изъ русскихъ стало исчезать въ туманѣ теоріи равенства всѣхъ религій, ихъ безразличія не только въ сферѣ христіанства, но и въ области религіи вообще. Въ итогѣ получался такъ называемый религиозный индифферентизмъ. Для настроенныхъ такъ людей формы, въ которыя облекалось православіе, не имѣли никакого значенія. Не имѣли значенія и требованія, которыя предъявляло оно къ своимъ послѣдователямъ. Зачѣмъ я буду ходить въ храмъ къ богослуженію, — думалось такимъ людямъ, — когда могу молиться и дома? Зачѣмъ я буду соблюдать постъ, когда поститься вообще вредно и когда я могу быть и безъ этого хорошимъ христіаниномъ? и т. д. Убѣжденіе въ исключительной истинности одного только такъ называемаго „внутренняго христіанства“, какъ извѣстно, было присуще во время оно и Правительству, не говоря о множествѣ частныхъ лицъ. Но такъ думала еще сравнительно лучшая часть русскаго общества. Что же сказать о значительномъ числѣ людей, прямо отрицавшихъ не только православіе, а и всякую религію, о матеріалистахъ, отрицавшихъ бытіе Бога, какъ Духа и бытіе души человѣческой и др.?—Между тѣмъ индифферентизмъ религиозный естественно велъ къ индифферентизму и нравственному. Миѣ ли раскрывать предъ вами тѣ уродливыя формы, въ которыхъ стала выражаться тогда первооснова всякой нравственности, — любовь къ Богу и ближнимъ?

1) Эта послѣдняя сторона дѣла обстоятельно раскрыта въ не разъ упомянутой рѣчи о. протоіерея П. А. Смирнова.

Кому не извѣстны, хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ, мномо благотворительныхъ учрежденій и заведеній, которыми наградило насъ оное время, не говоря о частныхъ проявленіяхъ извращенной любви къ Богу и ближнимъ? — На ряду и въ ближайшей связи съ тѣмъ уже тогда начались изрѣдка разсудительныя, а больше безразсудныя крики о *свободѣ* во всемъ: въ религіи, въ нравственности, въ социальномъ положеніи, въ дѣлѣ воспитанія и обученія, въ печати и т. д. Кому не извѣстны тѣ прискорбныя случаи проявленій этого стремленія къ свободѣ, которыми ознаменовалась послѣдняя четверть прошедшаго и первая четверть нынѣшняго столѣтія? Многіе, безъ сомнѣнія, знаютъ и то, какая глубокая скорбь, поэтому, спѣдала сердце благостнѣйшаго изъ Монарховъ, — Александра Благословеннаго, въ послѣдніе годы его царствованія. Слѣдовавшее за его смертію декабрьское возмущеніе 1825 года было прямымъ и естественнымъ исходомъ того же положенія вещей. И только желѣзная воля и десница императора Николая Павловича способна была на тридцать лѣтъ сковать всякія подобныя стремленія, хотя, конечно, и въ это время были отдѣльныя попытки къ восстановленію мвимо поправныхъ и стѣсненныхъ правъ на свободу, то по поводу польскаго возмущенія, а то по поводу іюльской революціи 1848 года. Внутренняя же работа сторонниковъ того же разрушительнаго направленія продолжалась безостановочно и въ это время. И лишь только прошли Николаевскія времена, какъ сразу всплыли наружу все прежнія броженія. Крики о *свободѣ во всемъ* стали все громче и громче, все назойливѣе и назойливѣе. И если въ Николаевскія времена они не выражались по крайней мѣрѣ въ печати, то теперь ихъ свободно разносила печать періодическая и не періодическая, которая и сама, какъ бы почуявъ свободу, стала плодиться и размножаться до того, что вскорѣ стала представлять собою море великое и пространное, въ которомъ, на ряду съ тѣмъ, что было добро въ духовную снѣдь, развелись и гади, ихже нѣсть числа. Теперь появились въ изобиліи на Руси столь любезныя многимъ, но за то и столь многими не понимаемая въ своей сущности выраженія: *свобода религіи, свобода совѣсти, свобода печати* и т. д. Сама печать раздѣлилась

на либеральную и консервативную, а представители либо сторонники того или другого лагеря ея получали названіе либераловъ и консерваторовъ, при чемъ первые считались за передовыхъ, а послѣдніе за отсталыхъ рутинеровъ. Не трудно понять, къ какому изъ этихъ разрядовъ стали относить духовенство, съ его вѣковымъ историческимъ призваніемъ по начальному образованію народа въ духѣ православія и христіанскаго благочестія... Но и это еще не все. „Погодите! ужó не то еще будетъ!“ зловѣще говорила одна помѣщица на первыхъ порахъ примѣненія къ дѣлу безсмертнаго акта прошлаго царствованія, -- освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 году“. ¹⁾ Съ дарованіемъ свободы народу, совпавшимъ съ тысячелѣтіемъ Россіи, а слѣдовательно съ тысячелѣтіемъ и ея духовнаго просвѣщенія, терминъ: *свобода* былъ какъ бы освященъ самою правительственною властію. И пошелъ онъ теперь гулять по всей Россіи, истолковываемый во всевозможныхъ смыслахъ и прилагаемый едва не ко всѣмъ областямъ мысли и жизни. Куда какъ на руку пришелъ онъ неблагонамѣреннымъ изъ любителей свободы (либераловъ)! Они стали истолковывать его въ смыслѣ полной разнузданности по отношенію ко всѣмъ, мнимо стѣснительнымъ узамъ религіозно-правственнымъ и соціальнымъ. Въ отношеніи къ церкви напр. эта свобода истолковывалась, какъ свобода отъ подчиненія ея уставамъ, требованіямъ, суду іерархіи и пр. Въ отношеніи къ Государству она проповѣдывалась, какъ свобода отъ стѣснительныхъ будто бы условій существующаго порядка управленія, быта общественнаго и домашняго и т. д., при чемъ, понятно, взывалось къ необходимости расширения правъ самоуправленія, болѣе равномернаго распредѣленія имуществъ, ранговъ и т. д. Въ отношеніи къ школамъ она возвѣщалась, какъ освобожденіе учениковъ и воспитанниковъ отъ слишкомъ строгихъ будто бы требованій дисциплины, высвобожденіе изъ подъ опеки учебно-воспитательнаго персонала и под. 2) И мы не мало уже видѣли

1) Щедрина (Салтыкова). Пестрыя письма, въ Вѣстникѣ Европы за 1885 г. февраль.

2) Срав. Русск. слово 1861 г. дек. отд. рус. литер. стр. 23; 26; 37 -39 и др. Гражданинъ 1875 прилож. № 9; стр. 13 и мн. др.

прискорбныхъ послѣдствій этой проповѣди среди учащейся молодежи за послѣднія 30 - 20 лѣтъ. ¹⁾ Но и этого мало. „Погодите! уже не то еще будетъ!“ какъ бы говорили обстоятельства. До 1861 года вся эта вакханалія по отношенію ко всему, освященному сѣдою древностію, совершалась лишь въ сферѣ такъ называемой интеллигенціи, среди высшихъ и среднихъ классовъ народа, и въ нихъ подготовляла почву для своихъ дальнѣйшихъ разрушительныхъ работъ. Народа въ собственномъ смыслѣ слова она еще не касалась. Онъ по прежнему любилъ Церковь и Царя; по прежнему строго исполнялъ свои религіозныя, нравственныя и социальныя обязанности, конечно сообразно мѣрѣ своего разумѣнія; по прежнему внималъ слову своего батюшки - священника, съ прежнимъ благоговѣніемъ притекалъ въ иноческія обители и т. д. и т. д. Но едва лишь пронеслось и среди его дорогое имя свободы, какъ и на его здоровомъ организмѣ вскорѣ оказались язвы той же болѣзни, которою до толѣ страдали одни лишь зачумленные изъ высшихъ и среднихъ сословій. Тѣсно связанное съ дарованіемъ свободы отъ крѣпостной зависимости широкое развитіе и примѣненіе къ жизни всѣхъ сословій начала самоуправленія давало вожакамъ и сторонникамъ разрушительнаго (отрицательнаго, нигилистическаго) направленія полный просторъ распространить свое „хождение“ и „въ народъ“ для посѣва и въ немъ своихъ плевель. Мы уже не будемъ говорить о тѣхъ социалистическихъ бредняхъ, группировавшихся около принципа свободы, которыя стали они разными путями распространять въ народѣ. Мы пойдемъ прямо къ нашей ближайшей цѣли. Вожаки и сторонники помянутаго направленія хорошо знали, что крестьяне, вѣковымъ наученіемъ и воспитаніемъ въ лонѣ церкви, настроены далеко не такъ, чтобы съ ними легко было справиться и внушить имъ то, что было имъ несродно, но чего хотѣлось самимъ вожакамъ. Зная это, они взялись за молодое поколѣніе крестьянства, за его перевоспитаніе, за народную школу. „Когда взята будетъ школа, — писалъ одинъ изъ нихъ (Писаревъ),

---

¹⁾ Объ этомъ можно читать едва не во всѣхъ газетахъ.

тогда побѣда будетъ упрочена, тараканъ будетъ пойманъ“. ¹⁾ И они не ошибались. Они видѣли плоды этого на школахъ не только высшихъ, но и среднихъ, которыя ко времени тысячелѣтія Россіи были уже достаточно развращены тѣмъ, что творилось въ области русской словесности „съ нележкой“, какъ выразился въ той же рѣчи, изъ которой мы дѣлали нынѣ выдержку, М. П. Погодинъ, „руки Бѣлинскаго“. Но для того, чтобы овладѣть школою народною, нужно было устранить изъ нея все прежнее, не согласовавшееся съ ихъ намѣреніями. Ясно, кого и что нужно было устранить. Земство, — вожаки хорошо знали это, и не ошибались, — въ общемъ будетъ конечно на ихъ сторонѣ, а не на сторонѣ духовенства съ его рутинными' будто бы пріемами народнаго воспитанія. А прежде, нежели устранить то и другое, нужно было на дѣлѣ показать то, чѣмъ было бы возможно, какъ лучшимъ, замѣнить устранимое. Сюда ближе всего отнеслось составленіе учебниковъ грамотности и книгъ для народнаго чтенія. Въ этомъ отношеніи къ ихъ услугамъ были всѣ новѣйшія усовершенствованія педагогическія, все движеніе науки впередъ. Тутъ и звуковая метода обученія грамотѣ и другія усовершенствованія методики и дидактики пошли въ ходъ. Тутъ и плоды сравнительнаго языковѣдѣнія, усилившаго теоретическое, вмѣсто прежняго практическаго, изученіе языка, нашли себѣ мѣсто. Короче сказать, прежніе учебники грамотности (азбуки и буквари) оказались теперь якобы никуда не годными. Тоже и относительно матеріала для чтенія въ начальныхъ училищахъ. Мы помнимъ, что уже въ 1804 году министерство народнаго просвѣщенія проектировало ввести въ приходскія училища между прочими книгу: „Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья“. Теперь же и того болѣе, оказалось возможнымъ изгнать *Псалтирь* и *Часословъ* изъ начальныхъ школъ, чтобы замѣнить ихъ якобы болѣе полезными книгами, въ которыхъ бы сообщались свѣдѣнія и „о душевныхъ качествахъ свиньи, пѣвки и лягушки“, ²⁾ и объ

¹⁾ Москов. Вѣдом. за 1884 г. № 347.

²⁾ См. № 347, Москов. Вѣдом. за 1884 г.

условіяхъ соціального быта вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ, и объ улучшеніи экономическихъ условій этого быта и о прочемъ, о чемъ дотолѣ крестьяне не знали и не имѣли нужды знать. Для примѣра беремъ „Русскую азбуку для домашняго обученія дѣтей чтенію“, составленную *А. Великановымъ* и изданную въ Москвѣ въ 1859 году. Въ предисловіи къ азбукѣ своей составитель говоритъ: „Сначала дитя заучиваетъ нѣсколько буквъ въ ихъ разнообразныхъ начертаніяхъ. Эти буквы взяты изъ слова *пѣтушокъ*. Потомъ слѣдуютъ склады, составляющіе это слово; наконецъ предлагается связное его начертаніе сперва для произнесенія цѣликомъ, а затѣмъ для прочтенія по складамъ. Такъ поступаемъ мы и съ прочими словами пѣсенки о пѣтушкѣ, пропуская буквы, уже извѣстныя по предшествовавшимъ словамъ. Въ заключеніе представляемъ мы всю эту пѣсенку, которую слѣдуетъ прочитать только по верхамъ. Такимъ образомъ дитя мало по малу знакомится съ буквами и ихъ назначеніемъ, *освобождается отъ продолжительнаго, скучнаго и утомительнаго для него долбленія отдѣльныхъ складовъ: ба, ва и т.*„ д. Ясно, на какую систему обученія грамотѣ намекается послѣдними словами предисловія. Тоже и въ отношеніи къ матеріалу для чтенія въ той же азбукѣ. Въмѣсто прежнихъ молитвъ, десятословія, нравоученій и под., мы здѣсь видимъ почти только одни стихотворенія, да и то, на ряду съ хорошими, вовсе не подходящія къ возрасту дѣтей, двухсмысленныя (напр. „Старый волкъ“ на стр. 76 и дал.) или же и такія, какъ „Бѣдность“ Никитина, „Нищій“ изъ сборника Щербини и под. Но это еще въ 1859 году; а что стало твориться въ томъ же отношеніи съ 1861 года, о томъ грустно и вспоминать. Если для примѣра взять одинъ каталогъ *Ив. Кальнева* (Одесса, 1876 г.), представляющій собою списокъ учебниковъ и книгъ для чтенія, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за время съ 1864 и 1875 годъ, то и при этомъ мы должны прійти въ изумленіе отъ того, что тогда одобрялось и что, на оборотъ, не удостоивалось одобренія къ употребленію въ народныхъ училищахъ. Одобрялось на примѣръ, на ряду съ добропорядочнымъ, множество и такихъ учебниковъ грамотности и книгъ для чтенія, ко-

торыя или были не выше посредственности или же заключали въ себѣ свѣдѣнія, положительно способныя извратить всѣ понятія дѣтей, насаждаемыя въ нихъ Церковію, и на оборотъ нигдѣ не упомянуты даже въ числѣ „допущенныхъ къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ“ такія книжицы и книги, какъ: „Начальное ученіе человѣкомъ хотящимъ учиться книгъ Божественнаго писанія“; „Азбука для православныхъ“ (Москва, 1868) и др. или: Псалтирь, Часословъ и под. Старинный буквослагательный методъ, по которому мы учились, былъ жестоко осмѣиваемъ не только въ печати періодической и не періодической, но и на театральной сценѣ. Не только юноши, обученные по новымъ методамъ, но, къ стыду своему, и старики, не знавшіе другихъ методовъ, кромѣ буквослагательнаго, заливались хохотомъ, когда какой-нибудь лицедѣй пародировалъ чтеніе по прежнему чтенію: „б + а = ба, б + у = бабу, ш + к + а = бабушка р + о = ро — д + п + а = родна + я = родная п + р + и = при, ш + л + а = пришла г + о = го, л + о = голо, д + в + а = голодна + я = голодная и под. Равно также и о Псалтирь съ Часословомъ не только люди, не причастные дѣлу воспитанія, но и прямо назначаемые на должности учителей и учительницъ отзывались съ явнымъ пренебреженіемъ. По всей вѣроятности не мнѣ одному бросился въ глаза случай, отмѣченный въ № 51 Московскихъ Вѣдомостей за текущій годъ. Это — случай, касающійся одной учительницы, которая поклялась, „что не допустить Часослова и Псалтири въ школу, гдѣ учить“. Но такъ какъ „обскурантная“ попечительница школы заставила ее нарушить клятву, то сообщавшая о ней это пріятельница ея — одна изъ „медичекъ“ (т. е. слушательница медицинскихъ курсовъ) заключила свой рассказъ словами: „любопытно будетъ посмотрѣть, какъ-то она будетъ учить по Часослову: азъ, ангелъ, архангельскій! Вѣроятно, — добавляетъ авторъ статьи, — образованная дѣвица полагала, что Часословъ есть азбука, только не по звуковому методу“. Такъ дѣло стало имѣться съ учебниками грамотности и книгами для чтенія, ранѣе бывшими въ употребленіи въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Подобное же нѣчто случилось и съ прежними учителями, т. е. священно и церковно-служителями, благодаря тѣмъ же вожакамъ, желавшимъ „поймать

таракана“ и нашедшимъ также сильное и живое содѣйствіе въ свѣтскихъ властяхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Уже въ 1862 году поднятъ былъ официальный путемъ вопросъ о томъ, въ чьемъ вѣдѣніи должны находиться народныя училища ¹⁾. И конечно не духовенству, по старинному, предоставлялась эта честь. Въ 1863 году, когда еще не учреждено было по всей формѣ такъ называемое земство, были изданы министерствомъ народнаго просвѣщенія „Временныя правила начальныхъ народныхъ школъ“ въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ ²⁾. Курсъ ихъ былъ установленъ почти совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ устанавливаемъ былъ онъ въ 1828 году, съ добавленіемъ лишь „церковнаго пѣнія“. ³⁾ Въ то же время въ § 15 означенныхъ „правилъ“ было сказано: „Въ училищахъ православнаго исповѣданія приходскій священникъ наблюдаетъ вообще за религіознымъ и нравственнымъ направленіемъ въ училищѣ и въ случаѣ надобности сообщаетъ свои замѣчанія учителю и лицамъ, завѣдующимъ училищемъ. Если бы замѣчанія эти не были приняты въ уваженіе, приходскій священникъ доноситъ о томъ Училищному Совѣту“. Законъ Божій въ нихъ также предоставлялось преподавать приходскому священнику. Но вотъ въ 1864 году учреждены были земства, — и сразу сказалось, что они не желали продолженія прежнихъ порядковъ. А министерство народнаго просвѣщенія какъ бы трусило предъ этою новою силою въ Государствѣ Монархическомъ. Все дѣло завѣдыванія народными училищами, къ числу которыхъ отнесены и церковно-приходскія, перешло теперь къ училищнымъ совѣтамъ: уѣзднымъ и губернскимъ, въ которыхъ участію духовенства оставлена лишь весьма незначительная доля ⁴⁾. Львиная доля участія въ этомъ дѣлѣ предоставлена земству и члены же отъ земства одни и обязаны были давать годичный отчетъ зем-

¹⁾ Собр. Закон. 1862 г. № 37,873.

²⁾ Собр. Зак. 1863 № 39,411.

³⁾ См. § 12 этихъ „Правилъ“. Именно: „а) Законъ Божій (Краткій Катихизисъ и Свящ. Исторія); б) Русскій языкъ, чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати и письмо; в) Первая четыре дѣйствія ариметики и г) Церковное пѣніе“.

⁴⁾ См. ст. 19-ю „Полож. о нач. нар. уч.“ въ Полн. Соб. Зак. 1864 № 41,068.

скому собранію о состояніи народныхъ училищъ¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ ст. 15 Высочайше утвержденнаго въ 14-й день іюля 1864 г. „Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ“ сказано уже, что „Законъ Божій преподается въ народныхъ училищахъ священникомъ или же *особымъ законоучителемъ*, съ утвержденія епархіальнаго начальства, по представленію училищнаго совѣта“; прочіе же предметы предоставлялось преподавать, кромѣ священо и церковно-служителей, и тѣмъ лицамъ, „которые получили на званіе учителя или учительницы особое разрѣшеніе училищнаго совѣта“. (ст. 16). Такимъ образомъ духовенство прямо уже оттираемо было, а на мѣсто его выставлялись лица обоего пола, которыхъ училищнымъ совѣтамъ заблагоразсудилось бы поставить учителями и учительницами въ начальные народныя училища. Въмѣстѣ съ тѣмъ за тотъ же 1864 годъ мы наблюдаемъ и нѣсколько случаевъ закрытія приходскихъ училищъ въ разныхъ городахъ²⁾. Но „погодите! уже не то еще будетъ!“ какъ бы говорило время. Почти до конца 1867 года еще живъ былъ великій святитель, слово котораго читлось добрыми людьми во всѣхъ сферахъ управленія Государства Россійскаго и который прямо отсовѣтывалъ всякую ломку въ дѣлѣ столь важномъ, какъ народное образованіе³⁾. Въ 1865 году министерство народнаго просвѣщенія уже представило было Государю докладъ „о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ имъ въ исполненіи постановленія о введеніи въ народныя школы обученія церковному пѣнію“⁴⁾. Вѣроятно уже тогда хотѣли, чтобы въ школахъ, вмѣсто церковныхъ пѣснопѣній, были въ ходу пѣсни въ родѣ: „Ахъ! вы сѣни“ и под. Государь однако потребовалъ, чтобы спросили о томъ мнѣнія митрополита Московскаго,—и конечно церковное пѣніе осталось предметомъ обученія въ народныхъ школахъ, хотя и со введеннымъ уже въ 1864 г. ограниченіемъ: „тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно“.

1) См. ст. 21 того же „Положенія“.

2) См. Собр. Зак. №№ 40,751; 41,046 и др.

3) См. Моск. Вѣд. за 1864 г. № 347. Справ. Русь 1864 г. № 19.

4) См. Собр. Зак. за 1865 г. № 42,812.

Но едва только угасъ свѣтильникъ свѣта, свѣтившій на всю землю Русскую, едва только смѣжились недремлющія очи великаго старца, едва только умолкло его мощное слово, какъ уже ни для кого изъ стоявшихъ у кормила заправленія народьямъ просвѣщеніемъ лицъ не было удержу отъ стремительнаго движенія по тому скользкому пути, на который онѣ вступили со времени провозвѣщенія слова: *свобода* (*libertas*). Земство все болѣе и болѣе забирало въ свои руки начальныя народныя училища, обращая для сего церковно-приходскія въ земскія, все болѣе и болѣе оттирало духовенство отъ занятія учительскихъ должностей и т. д. Само министерство народнаго просвѣщенія изъ прежняго союзника духовенству въ ихъ общемъ великомъ дѣлѣ стало какъ бы во враждебное къ нему отношеніе. Съ этою то цѣлю и въ этой-то мысли — оттереть духовенство отъ завѣдыванія начальнымъ образованіямъ, министерство, подобно земству, стало обращать церковно-приходскія школы въ министерскія. Съ этою же цѣлю оно нашло нужнымъ увеличить прежнее число учительскихъ семинарій и институтовъ до возможнаго maximum'a. Такъ въ одномъ 1871 году открыто было много новыхъ учительскихъ семинарій въ учебныхъ округахъ: Московскомъ, Казанскомъ, Харьковскомъ и Одесскомъ, а равно и въ другихъ мѣстахъ Имперіи¹⁾. Въ 1872 году директора учительскихъ семинарій вступаютъ и въ число членовъ училищныхъ совѣтовъ съ правомъ голоса. За тѣмъ, если въ 1864 году первенствующимъ членомъ, по крайней мѣрѣ, губернскаго училищнаго совѣта былъ назначенъ епархіальный архіерей, то чрезъ 10 лѣтъ послѣ того и это найдено излишнимъ. Въ „проектѣ новаго Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ“, Высочайше утвержденномъ 25 мая 1874 года предсѣдательство въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ прямо предоставлено губернскому предводителю дворянства, также какъ въ уѣздномъ — уѣздному²⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ и членовъ отъ духовенства для засѣданія въ собраніяхъ губернскаго и уѣзднаго училищнаго совѣтовъ назначено только по одному³⁾. Далѣе, если

1) См. Собр. Зак. 1871 г. №№ 49056, 49987, 50007, 50279.

2) См. ст. 27-ю „Положенія“ въ Полн. Собр. Зак. 1874 г. № 53,574.

3) См. тамъ же.

„Положеніемъ“ 1864 года еще оставлено было за приходскимъ священникомъ вышеуказанное право наблюденія за религіознымъ и нравственнымъ направленіемъ въ училищѣ вообще, то въ 1874 году и это найдено также излишнимъ. Оно предоставлено предводителю дворянства, какому либо изъ мѣстныхъ жителей и самому архіерею, „который или самъ обозрѣваетъ оныя (училища), или поручаетъ это особо назначаемымъ имъ для сего духовнымъ лицамъ и, буде признаетъ нужнымъ, сообщаетъ свои по сему предмету замѣчанія и соображенія непосредственно министру народнаго просвѣщенія“¹⁾. Какъ ясно эта часть „Положенія“ гласила: „дальше, дальше нужно держать духовенство отъ начальной народной школы!“ Ближайшее же наблюденіе за училищами предоставлено инспекторамъ и директорамъ народныхъ училищъ²⁾. Инспекторамъ же народныхъ училищъ дано было право и дѣлать представленія о назначеніи лицъ обоего пола на учительскія должности, при томъ не только по всѣмъ другимъ предметамъ, на которыя священно-церковно-служители теперь уже почти и не назначались, а и по Закону Божію, по которому, кромѣ того, преподавателемъ могъ быть и не священникъ, а лицо свѣтское³⁾. И послѣ всего этого и подобнаго нужно удивляться, что значеніе духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія съ 1864 года стало понижаться?! что церковно приходскія школы съ того же времени стали мало по малу падать?! Не нужно ли, наоборотъ, удивляться тому, какъ то и другое до сихъ поръ хотя въ извѣстной-то мѣрѣ уцѣлѣло? Вѣдь съ министерствомъ и земствомъ бороться было нельзя. А мы знаемъ, что одинъ изъ органовъ послѣдняго—газета „Земство“ проводила мысль извѣстнаго (нынѣ умершаго), почтеннаго министра земствомъ и земствомъ педагога, барона *Корфа*, чтобы совсѣмъ отнять у священниковъ право законоучительства, ставила на карту самое существованіе Закона Божія, какъ

¹⁾ Ст. 17-я „Новаго Положенія“ 1874 г. Св. ст. 41.

²⁾ Ст. 18. 20 и дал. того же Положенія.

³⁾ Ст. 16 и 18. Въ послѣдней статьѣ подъ „духовными“ лицами нужно разумѣть конечно и священно-церковно-служителей; по больше здѣсь разумѣлись окончившіе и не окончившіе курсъ въ духов. учеб. заведеніяхъ. Ибо не даромъ здѣсь поставлено выраженіе: „духовныя“ (лица), тогда какъ въ Положеніи 1864 года прямо: „священно-церковно-служители“.

предмета обученія въ народныхъ школахъ ¹⁾, и под. Подъ ладъ этой газетѣ пѣли и другія періодическія изданія, какковы: „Голосъ“, „Новости“, „Русская Мысль“ и др., прямо, хотя и голословно, утверждавшія, что духовенство не способно къ рациональному преподаванію въ начальныхъ народныхъ училищахъ, что и некогда ему заниматься этимъ преподаваніемъ, въ виду его служебныхъ и матеріальныхъ интересовъ и т. д.... Такимъ образомъ, вожакъ раньше упомянутаго движенія въ Россіи, по отношенію къ народной школѣ, въ значительной мѣрѣ достигли своей цѣли ближайшей—устраненія прежнихъ учебниковъ грамотности и книгъ для чтенія, равно какъ и прежнихъ учителей, въ начальныхъ народныхъ школахъ и замѣненія тѣхъ и другихъ своими. А чрезъ это они достигли въ извѣстной мѣрѣ и цѣли дальнѣйшей, — развращенія молодаго поколѣнія крестьянства и настроенія его въ пользу своихъ идей. Начавъ учиться грамотѣ не съ молитвы: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, и „Боже въ помощь мою вонми, и вразуми мя во ученіе сіе“ ²⁾, а съ „пѣтушковъ“ и подобныхъ прелестей, и продолжая ученіе въ томъ же родѣ, сельская молодежь такимъ образомъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ отторгалась отъ „Божественнаго“, отъ церковнаго. вмѣсто храма Божія, новые педагоги устраивали прогулки въ лѣсъ и поля, въ воскресные дни. Ученики знакомились съ „міровѣдѣніемъ“, а не знакомились съ тѣмъ, что есть *единое на потребу*, и т. д. Но мало этого, познакомившись съ „міровѣдѣніемъ“, ученики сельскихъ школъ возмнили о себѣ не вѣсть что. Они стали думать, что они умнѣе не только своихъ родителей и старшихъ односельчанъ, но и самого священника. Если же такъ, думалось имъ, то зачѣмъ же и въ церковь ходить? Чему тамъ научишься? —И стали ходить, вмѣсто цер-

¹⁾ См. статью *Корфа* въ означенной газетѣ за 1882 годъ, подъ заглавіемъ: „Быть или не быть Закону Божію въ народной школѣ“?

²⁾ См. „Начальное ученіе челоѣвкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія“. При этомъ не можетъ не отмѣтить и того обстоятельства, что между тѣмъ какъ, сколько мы помнимъ, въ Уставѣ 1828 года начертано было и то, чтобы въ приходскихъ училищахъ классы начинались и оканчивались молитвою, въ правилахъ 1864 и 1874 года этого уже нѣтъ. Должно быть молитву сочли излишнею.

кви, въ трактиры, кабаки и того худшія заведенія. Непочетничество въ отношеніи къ родителямъ усилилось до ужасающихъ размѣровъ, семейные раздѣлы стали обычнымъ явленіемъ, пороки въ сельской молодежи умножились. Уже на школьной скамьѣ, напр., сельскій мальчишка, видя поощрительный примѣръ въ учителѣ или учительницѣ, причулся дѣлать папироски и курить и т. д. Но и это еще не все. „Погодите! ужъ не то еще будетъ!“ Съ глубокимъ прискорбіемъ мы должны указать на то обстоятельство, что если въ первомъ изъ многихъ адскихъ покушеній на драгоценную жизнь Царя-Освободителя рука крестьянина спасла эту жизнь для блага Россіи, то въ позднѣйшихъ покушеніяхъ, на ряду съ людьми болѣе или менѣе интеллигентными, принимаютъ участіе уже лица и крестьянскаго сословія. Вожаки извѣстнаго направленія такимъ образомъ достигли своей цѣли: „тараканъ“ былъ ими „пойманъ“. Говорить ли уже о страшномъ событіи 1-го марта 1881 года? Но довольно!... Обратимся лучше къ тому, что еще осталось въ нашихъ рукахъ не утраченнымъ изъ завѣщаннаго намъ предками нашими, чтобы исправить поврежденія, уже сдѣланныя, и предотвратить большее зло на будущее время. Еще не все потеряно. Еще есть время и возможность исправить поврежденія. Еще есть много непочатаго въ широкой области духовнаго просвѣщенія дорогаго для всѣхъ насъ Отечества. И прежде всего, въ простомъ народѣ, среди старшихъ поколѣній его, еще живо и свѣжо преданіе о связи школы съ церковію и служителями послѣдней. Представители этихъ поколѣній, — а ихъ цѣлыя милліоны, — какъ то инстинктивно отвращались и отвращаются отъ новыхъ школъ съ ихъ часто неприванными радѣтелями о благѣ и просвѣщеніи его и вмѣсто того — сыновне приникаютъ къ лону духовно родившей и воспитавшей ихъ матери — Церкви съ ея служителями. Такъ одинъ сельскій учитель на съѣздѣ народныхъ учителей въ Москвѣ, 7-го сентября 1882 года, въ своемъ докладѣ, между прочимъ, указывалъ, какъ на главную причину неуспѣха министерскихъ и земскихъ школъ, на недовѣріе и вражду къ школамъ со стороны крестьянъ, обусловливаемая введеніемъ въ нихъ учебниковъ, подобныхъ учебнику барона Корфа: „Нашъ другъ“. Другой учитель

говорилъ, что крестьянинъ желаетъ отъ школы того, чтобы сынъ его, а чрезъ сына и самъ онъ, получалъ отъ школы назиданіе себѣ. Но узнавъ отъ сына, что учитель задалъ послѣднему читать на урокъ статью изъ книжки барона Корфа „обо вшахъ, клопахъ“ и т. п. мерзостяхъ, онъ съ отвращеніемъ отплевывается, запрещаетъ сыну читать урокъ и даже беретъ его изъ школы, охотнѣе отдаетъ его учить на домъ къ дьячку или грамотѣю ¹⁾. Такимъ образомъ „послѣ школъ съ государственными льготами по воинской повинности, съ науками о *міровѣдѣніи* и о *правахъ четвертаго сословія* крестьяне нерѣдко отдають своихъ дѣтей для окончательнаго образованія отставнымъ солдатамъ, церковнымъ сторожамъ и разнымъ начетчицамъ“ ²⁾. Въ простомъ народѣ еще доселѣ находится много людей, которые любятъ читать „Божественныя книги“, а не разныя книги для народнаго чтенія, расплодившіяся въ послѣднее 25-лѣтіе. А главное въ немъ, къ счастью, еще не угасла вѣра, — эта твердыня, съ которою онъ жилъ благополучно цѣлое тысячелѣтіе; въ немъ еще сильна любовь къ Престолу и Отечеству, чтобы легко поддаться внушеніямъ помѣшанныхъ на мысли о необходимости разрушенія существующаго порядка вещей. Онъ не лишенъ и здраваго смысла, чтобы не усмотрѣть, отъ кого льется рѣчь искренняя и согласная съ укоренившимися въ немъ убѣжденіями и чьи уста изливають ядъ аспидовъ изъ подъ языка, хотя бы и въ красныхъ словахъ. Наконецъ мы должны указать и еще на одну добрую и вождельнную черту въ простонародномъ воззрѣніи на дѣло народнаго просвѣщенія. Если новѣйшіе педагоги, учителя и учительницы народныхъ школъ помѣшаны на томъ, чтобы какъ можно больше, разными способами и методами облегчить для дѣтей простаго народа трудъ начальнаго обученія ихъ грамотѣ, то далеко не такъ смотритъ на дѣло самъ простой народъ. Какъ народъ, съ дѣтства привыкшій къ усиленному труду и считающій его необходимою принадлежностію человѣка, самимъ Богомъ предназначеннаго къ тому, чтобы *въ потѣ лица* своего снискивать себѣ пропитаніе

¹⁾ См. Руков. для сел. паст. за 1882 г. ч. 3 стр. 332—333.

²⁾ Моск. Вѣдом. 1884 № 347.

(Быт. 3, 19), онъ считаетъ и начальное обученіе за трудъ, облегченіе котораго понижало бы его значеніе, какъ труда. Я хорошо помню, что въ домашней школѣ, гдѣ я получилъ начальное образованіе и гдѣ все напоминало школу времени Ярослава, между фразами, которыя мнѣ, вмѣстѣ со сверстниками моими по школѣ — крестьянскими мальчиками, приходилось писать, была одна: „хотя корень ученія горекъ, но плоды его сладки“. Незабвенный учитель нашъ всегда сопровождалъ написаніе этой фразы приличными наставленіями, касательно ея смысла и приложенія къ жизни учащихся. И наставленія его не были безплодны. — Но и не въ простомъ только народѣ, а и въ среднихъ и высшихъ классахъ его было, есть и, вѣримъ, найдется много людей, на сочувствіе которыхъ можно смѣло опереться въ мысли о необходимости и пользѣ союза школы народной съ Церковію и ея служителями, изначала установившагося и нынѣ еще не совсѣмъ прерваннаго. И въ шестидесятыхъ годахъ и послѣ, во времена едва не всеобщаго мракобѣсія и упоенія жаждою *свободы во всемъ*, не переставали и теперь не перестаютъ раздаваться голоса сильные и разсудительные, направленные къ тому, чтобы отрезвить русскую мысль и дать направленіе теченію ея именно въ этомъ, думаемъ, вполне здоровомъ смыслѣ. Сюда изъ періодической печати, кромѣ большинства духовныхъ, относятся и такія свѣтскія изданія, какъ: „Московскія Вѣдомости“ *М. Н. Каткова*, „Русь“ *И. С. Аксакова*, „Новое Время“ и нѣкоторыя другія. Сюда же въ печати не періодической относятся не прекращавшіяся изданія Св. Синода и вообще духовнаго вѣдомства, каковы учебники грамотности и книги для назидательнаго чтенія, не говоря о прямо-богослужебныхъ, въ большинствѣ даже и не оповѣщенные (за время 1864 г. и дальн.) министерствомъ народнаго просвѣщенія и не помѣщенные въ его каталоги книгъ для употребленія въ начальныхъ народныхъ училищахъ¹⁾, и нѣкоторыя другія. — Но

---

¹⁾ Для убѣжденія въ истинѣ сказаннаго можно взять хотя бы упомянутый выше и составленный Кальневымъ „Систематическій каталогъ книгамъ, разсмотреннымъ ученнымъ Комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ“. Одесса, 1876.

за то же время было и теперь есть много людей, въ томъ же тонѣ настроенныхъ, не говорившихъ о себѣ въ печати, однако же неуклонно дѣйствовавшихъ въ томъ же духѣ на поприщѣ служенія пользамъ Отечества вообще и на педагогическомъ поприщѣ въ частности. Это были и суть истинные любители духовнаго просвѣщенія, любящіе это послѣднее не *словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истинно* (1 Иоан. 3, 18). Они не любили и не любятъ говорить о себѣ и своей дѣятельности, — и мы не будемъ называть ихъ досто-почтенныя имена, чтобы не нарушить ихъ скромности. Мы вѣруемъ, что имена эти уже записаны въ книгѣ живота. Наконецъ, развѣ не должны одобрить насъ въ той же мысли, не далѣе какъ въ прошломъ году, изреченныя отъ самаго Престола милостивыя слова: „Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ?“ А эти слова, какъ извѣстно, прямо сказаны по случаю возстановленія упавшихъ было церковно-приходскихъ школъ, иначе сказать, по случаю возстановленія едва не прерваннаго союза школы съ Церковію. Не безъизвѣстно намъ также и то, что надежными истолкователями Державной воли объ этомъ возстановленіи являются представители высшаго управленія духовнымъ вѣдомствомъ и теперешнее министерство народнаго просвѣщенія. Имѣя же такую надежную и крѣпкую опору, смѣло вступимъ на путь, указываемый Державною волею, выразившеюся въ приведенныхъ словахъ! Этотъ путь есть не сомнительно тотъ царскій путь въ отношеніи къ духовному просвѣщенію народа, которымъ шествовала Церковь вселенская, которымъ шествовали нынѣ чествуемые и во храмахъ поминаемые на ряду съ вселенскими святителями и учителями святители и первоучители славянскіе и которымъ шествовали, по слѣдамъ свв. Кирилла и Меөодія, до послѣдняго времени, учителя нашей отечественной Церкви и нашего народа, ихъ, можно сказать, преемники въ духовно-просвѣтительной дѣятельности. Не будемъ въ столь великомъ, предстоящемъ намъ дѣлѣ, пренебрегать и тѣмъ, что доселѣ добыто наукою вообще и педагогикою въ частности, отдѣляя изъ всего этого для своего дѣла только доброе и держась только добраго, по запо-

вѣди Апостола. Вѣдь и свв. первоучители наши не пренебрегали тѣмъ, что доставляла имъ тогдашняя мудрость, какъ на примѣръ, въ изобрѣтенїи славянскихъ письменъ, въ переводѣ съ греческаго на славянскій и въ наставленїи поучаемыхъ. Слава Богу, у насъ есть чѣмъ провѣрить и испытать доброту доставляемаго современнымъ знанїемъ и наукою: непреложная истина Слова Божїя, ученїе вселенской Церкви, образецъ ученїя свв. Кирилла и Меодїя и доброе прошедшее въ нашей отечественной церковной практикѣ. И мнѣ ли излагать подробности пользованїя таковымъ критерїемъ, когда это взяли на себя сами архипастыри нашей церкви и другїе болѣе меня сильныя въ словѣ и дѣлѣ люди? Только въ качествѣ любителя духовнаго просвѣщенїя я осмѣливаюсь напомнить о немъ Обществу любителей того же просвѣщенїя и въ этомъ же смыслѣ дерзаю продолжить мои напоминанїя и воззванїя.—Въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенїя весьма важное имѣютъ значенїе собранїя книгъ для чтенїя, иначе—библіотеки. Онѣ составляли предметъ усердной заботливости нашихъ первоучителей, объ устройствѣ ихъ заботились наши великіе князья: Владимїръ и Ярославъ; заботились и послѣдующїе князья, цари и архипастыри русскїе. При самомъ основанїи своемъ, которое, какъ мы замѣтили въ началѣ рѣчи, счастливо совпало съ возстановленїемъ памяти святыхъ первопросвѣтителей славянскихъ, Общество любителей духовнаго просвѣщенїя также обнаружило усердную о томъ заботливостъ¹⁾, плодомъ каковой заботливости является между прочимъ и находящееся въ этой залѣ. При теперешнемъ, довольно значительномъ распространенїи грамотности въ народѣ жажда къ чтенїю среди его еще болѣе усилена, нежели какъ то было въ 1863 году. И къ глубокому сожалѣнїю, она нерѣдко обращается на такїя недоброкачественныя произведенїя печати, какъ „Разбойникъ Чуркинъ“ или и того хуже. Посему доставленїе просвѣщаемымъ если не обильной, то по крайней мѣрѣ здоровой пищи духовной должно составлять предметъ

1) См. рѣчь о протоіерея В. П. Рождественскаго въ Чтен. Общ. люб. проsv. за 1863 г. ч. 1, стр. 168 и дал. Срав. также записку объ учрежденїи Общества тамъ же, стр. III и дал.

особенной заботливости любителей духовнаго просвѣщенія. И въ этомъ намъ есть къ кому обратиться за совѣтомъ и помощію. Свв. первоучители оставили намъ не только образъ, да послѣдуемъ стопамъ ихъ, но и весьма значительную бібліотеку, трудами ихъ составившуюся, изъ которой мы можемъ почерпнуть въ изобиліи живую воду чистаго ученія и на основаніи которой смѣло можемъ составлять наши бібліотеки для народнаго чтенія. Да уже и сдѣлано многое въ этомъ отношеніи, между прочимъ — Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія въ его изданіяхъ. Остается продолжать дѣло въ томъ же направленіи и способствовать, по мѣрѣ силъ, также другимъ сроднымъ по задачѣ учрежденіямъ и лицамъ къ распространенію въ народѣ того же, то есть именно духовнаго просвѣщенія. Будемъ также крѣпко держаться и за другіе, указаные намъ свв. первоучителями нашими и оставленные исторіею добраго прошедшаго, способности духовнаго просвѣщенія народа, — разумью храмовое богослуженіе, ипочество, миссіонерство и др. Будемъ всѣми силами стараться поддерживать ихъ и словомъ, особливо печатнымъ, и дѣломъ, не взирая на крики противнаго лагеря и не смущаясь выходками нигилистовъ, индифферентистовъ и прочихъ — *истовъ* противъ благоуспѣшности развитія этихъ способовъ. Мы по историческому опыту знаемъ, какъ много пользы получилъ народъ благодаря этимъ способамъ; а отъ нигилистовъ и прочихъ — *истовъ*, кромѣ худаго, мы пока еще ничего не видали съ тѣхъ поръ, какъ стали раздаваться ихъ крики. — Но, что главнѣе всего въ предстоящемъ намъ великомъ дѣлѣ, будемъ начинать и сопровождать это дѣло тѣмъ, чѣмъ начинали и сопровождали его свв. первоучители наши, равноапостольные Кириллъ и Меодій, равноапостольный князь Владиміръ и другіе просвѣтители народа, — горячею молитвою къ Богу *Отцу свѣтовъ* (Іак. 1, 17), да послетъ и намъ — просвѣтителямъ или готовящимся быть просвѣтителями и просвѣщаемымъ нами свѣтъ Свой и истину Свою и да разгонитъ тьму и мглу, распространившуюся за послѣднее время надъ нашимъ отечествомъ и ослѣпившую духовныя очи многихъ изъ сыновъ его.

Такимъ отношеніемъ къ дѣлу просвѣщенія массъ народ-

ныхъ мы снова приблизимъ ихъ къ тому свѣтлому идеалу, отъ котораго насильственно отторгасмы были въ теченіе послѣднихъ 20-ти слишкомъ лѣтъ; а чрезъ то послужимъ, въ мѣру силъ своихъ, къ созиданію и укрѣпленію тѣхъ великихъ силъ народа, которыя такъ дивно прославили себя въ прошедшія времена и столько ознаменовали Россію глубокою, беззавѣтною преданностію его Церкви, Престолу и Отечеству, по которыя нѣсколько поразшатаны были за тоже послѣднее время. И ничѣмъ лучше, думаю, какъ этимъ отношеніемъ къ дѣлу, мы не воздадимъ должной чести памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія и не возвеселимъ блаженнаго духа ихъ, начавшаго сіе святое дѣло.

Иванъ Корсунскій.

Отношеніе свв. Кирилла и Меѳодія къ западной церкви *).

II.

Отношеніе Кирилла и Меѳодія къ догматическимъ вѣрваніямъ, обрядамъ и вообще обычаямъ запада.

Исторія Filioque на западѣ. Отношеніе Filioque папы Льва III. Взгляды на этотъ догматъ современныхъ Кириллу и Меѳодію папъ—Николая I, Адріана II, и Иоанна VIII. Свидѣтельства источниковъ о православіи Кирилла и Меѳодія въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа. Мнѣнія объ этомъ протестанскихъ ученыхъ. Мнѣнія католиковъ и опроверженіе этихъ мнѣній. Споры Меѳодія съ нѣмецкимъ духовенствомъ о догматѣ объ исхожденіи Св. Духа. Вызовъ Меѳодія въ Римъ и признаніе его православія. Отношеніе Меѳодія къ западному обычаю поститься въ субботу. Какого обряда держались Кириллъ и Меѳодій. Переводъ Св. Писанія съ греческаго языка. Мнѣнія Гинцеля и опроверженіе его. Свидѣтельство источниковъ объ употребленіи Кирилломъ и Меѳодіемъ греческаго обряда. Несостоятельность мнѣнія Гинцеля о слѣдованіи Кирилла и Меѳодія латинскому обряду.

Изъ предыдущей главы видно, что свв. братья, тѣсно связанные съ востокомъ какъ воспитаніемъ, такъ по всей вѣроятности, и національными связями, во все время своего пребыванія на западѣ были проникнуты прежними симпатіями къ востоку. Какъ они сами, такъ и востокъ, въ лицѣ императора и патріарха, а равно и ихъ враги — нѣмецкое духовенство—признаютъ эту тѣсную связь свв. братьевъ съ востокомъ. Но что это было такое, что связывало между собою востокъ и свв. братьевъ? До сихъ поръ мы касались въ этомъ отношеніи только общихъ фактовъ и не затрогивали еще частныхъ пунктовъ—возрѣній, въ которыхъ свв. братья были солидарны съ востокомъ, а коснуться этого необходимо, потому что однихъ общихъ разсужденій о един-

*) Продолженіе См. кн. Чтеній за мартъ—апрѣль.

ствѣ возрѣвній Кирилла и Меѳодія съ востокомъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы ясно представить себѣ отношенія ихъ къ западу.

Хотя западъ этого времени, т. е. IX вѣка, представляетъ еще слишкомъ мало различій въ вѣроученіи по сравненію съ востокомъ и хотя эти различія еще носятъ характеръ частныхъ ученій помѣстной церкви и почти не имѣютъ претензій на обще-церковное значеніе, однако уже начинается, подъ влияніемъ церковныхъ споровъ, возникшихъ между патріархомъ Фотіемъ и римскими папами, различіе между церквами въ догматическомъ и обрядовомъ отношеніяхъ. Теперь начали выясняться духъ и направленіе церквей, до этихъ поръ еще рѣзко не обособившіеся. Такъ, въ IX вѣкѣ догматъ *Filioque* уже почти повсемѣстно утвердился на западѣ и самими папами уже считается необходимымъ, для спасенія души, хотя еще и не внесенъ въ символъ вѣры, потому что Римъ еще не могъ рѣшиться на такое свословіе. Римская церковь имѣла нѣкоторыя отличія отъ греческой и въ обрядахъ, но такимъ различіямъ тогда не придавали еще большаго значенія. Но если разности въ догматахъ и обрядахъ еще и не выяснились окончательно, если они теперь еще только начинаютъ обращать на себя вниманіе членовъ той и другой церкви, то всетаки они уже существуютъ и этого достаточно для того, чтобы выдвинуть вопросъ объ отношеніи Кирилла и Меѳодія къ тому или другому уклоненію запада отъ пути православія. Поэтому, доказавъ, что вообще Кириллъ и Меѳодій были солидарны съ востокомъ, мы теперь разсмотримъ частные пункты, въ которыхъ въ IX вѣкѣ расходились востокъ и западъ и посмотримъ куда въ этомъ отношеніи клонились Кириллъ и Меѳодій. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ, конечно, коренному заблужденію западной церкви — ученію объ исхожденіи Св. Духа. Къ рѣшенію вопроса — признавали ли свв. братья этотъ догматъ, или нѣтъ — мы теперь и обратимся.

Въ первый разъ ложное ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына (*Filioque*) появилось въ Испаніи въ VI вѣкѣ. Тамъ оно возникло по слѣдующему поводу. Испаніей владѣли въ это время Вестготы, сначала строго державшіеся

арианства, но при епископѣ севильскомъ Исидорѣ, обратившіеся въ православіе ¹⁾). Аріане, какъ извѣстно, учили, что Сынъ Божій неединосущенъ Отцу и такимъ образомъ низводили Сына Божія на низшую степень, сравнительно съ Отцомъ. Когда Вестготы обратились въ православіе, то былъ собранъ въ 589 году соборъ въ Толедо (третій Толедскій соборъ) для утвержденія ученія о единосущіи Отца и Сына. На этомъ то соборѣ и явилось въ первый разъ ложное ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, неправильно выведенное изъ ученія о единосущіи всѣхъ лицъ Св. Троицы. Излагая это ученіе, Вестготскій король Рикаредъ въ своемъ исповѣданіи вѣры, представленномъ на этотъ соборъ, пишетъ: „иной есть Отецъ, который родилъ, иной Сынъ, который рожденъ; но тотъ и другой имѣютъ единосущное божество: и Отецъ, отъ котораго Сынъ и который не есть отъ другаго, и Сынъ который имѣетъ Отца, но безъ всякаго начала и уменьшенія имѣетъ божество, въ которомъ Онъ совѣченъ и соравенъ Отцу; равнымъ образомъ о Духѣ Св. намъ должно исповѣдывать и провозглашать, что онъ исходитъ отъ Отца и Сына и съ Отцомъ и съ Сыномъ единосущенъ“ ²⁾). Соборъ принялъ это исповѣданіе. „Всякій, — постановилъ онъ между прочимъ, — кто не вѣруетъ и не будетъ вѣровать, что Духъ Св. отъ Отца и Сына исходитъ, и не будетъ говорить, что Онъ совѣченъ и единосущенъ Отцу и Сыну, да будетъ анаеема“ ³⁾). Какъ видимъ, этотъ соборъ въ виду собственно нашего догмата если и касается его, то только мимоходомъ какъ необходимаго слѣдствія, вытекающаго изъ ученія о единосущіи всѣхъ лицъ Св. Троицы. Никакого прибавленія къ самому символу вѣры еще не было сдѣлано ⁴⁾); выведено только ученіе. Это ученіе долго не выходило изъ предѣловъ Испаніи, хотя и развивалось тамъ далѣе, такъ что на восьмомъ Толедскомъ соборѣ (658 г.), мы уже видимъ при-

¹⁾ Кохомскій. Ученіе древней церкви объ исхожденіи Св. Духа. Историко-догматическій очеркъ. С.-Петербургъ 1875 г.

²⁾ Кохомскій *ibid.* стр. 68—69. Лебедевъ. Церковь Римская и Византійская въ ихъ взаимныхъ догматическихъ и церковно обрядовыхъ спорахъ въ IX, X и XI вѣкахъ. Чтенія Общ. люб. дух. пр. 1875 г. т. I, стр. 23.

³⁾ Кохомскій *ibid.* стр. 69. Лебедевъ *ibid.*

⁴⁾ Кохомскій, стр. 70.

бавки къ Никео-Цареградскому символу: *ex Patre et Filio procedentem* ¹⁾, а на одиннадцатомъ она окончательно утверждена ²⁾. Въ концѣ VIII или въ началѣ IX вѣка ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына изъ Испаніи перешло во Франкскую церковь ³⁾, хотя на первыхъ порахъ было встрѣчено тамъ и не особенно сочувственно, такъ что знаменитый Алкуинъ считалъ употребленіе этого символа преступленіемъ противъ отеческихъ опредѣленій ⁴⁾. Но оно гораздо успѣшнѣе стало тамъ развиваться съ тѣхъ поръ, какъ его принялъ подъ свою защиту императоръ Карлъ Великій. Этотъ знаменитый по своимъ завоеваніямъ императоръ хотѣлъ оставить по себѣ память и въ церковной исторіи и поэтому принималъ большое участіе въ дѣлахъ церкви. Будучи открытымъ врагомъ грековъ въ политическомъ отношеніи, онъ такимъ же является и въ церковномъ отношеніи, стараясь возвести до сихъ поръ частное ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына на степень догмата. Это онъ попытался сдѣлать на Ахенскомъ соборѣ 809 года. Франкскіе лѣтописцы не оставили намъ свѣдѣній касательно того, какъ шли на Ахенскомъ соборѣ, разсужденія объ этомъ предметѣ, но до насъ сохранилась переписка по этому поводу между Карломъ и папой Львомъ III, изъ которой можно видѣть, къ какому рѣшенію пришелъ соборъ. По окончаніи собора Карлъ послалъ къ папѣ пословъ съ письмомъ отъ своего имени, въ которомъ излагаетъ сначала побужденія къ новому излѣдованію догмата и затѣмъ доказываетъ мысль объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына на

1) Ibidem, стр. 76.

2) Ibid. стр. 77.

3) Точно опредѣлить время этого событія очень трудно. Несомнѣнно только изъ исторіи собора Фріульскаго (791 г.), что въ концѣ VIII в. уже дѣлали попытки оправдать *Filioque*. Такъ напр., патриархъ Аквилейскій Павлинъ, участникъ Фріульскаго собора, пытается доказать, что прибавленіе къ символу *Filioque* ничуть не противорѣчитъ смыслу символа отцовъ I вселенскаго собора. Лебедевъ. Римъ и Византія. Чтенія Общ. люб. дух. просв. 1875 г. т. I, стр. 93—94.

4) Алкуинъ называетъ прибавленіе къ символу слова *Filioque* „испанскимъ заблужденіемъ“. „*Hispanici erroris sectas tota vobis caute intentione et symbolo catholicae fidei nova nolite inserere*“, пишетъ онъ Лионскому духовенству. См. Кирьяло-Мее. сборн. Филарета, стр. 63, пр. 30.

основаніи священнаго писанія и твореній отцовъ и учителей церкви, преимущественно-западныхъ и всего болѣе— блаженнаго Августина. Какъ принялъ это ученіе папа Левъ III?

Лавровскій, ¹⁾ опровергая Рачкаго, старается доказать, что Левъ III отвергъ постановленіе Ахенскаго собора, не только относительно прибавки *Filioque*, но и въ догматическомъ отношеніи, т. е. возсталъ противъ самаго ученія. Но это мнѣніе Лавровскаго, какъ сейчасъ увидимъ, ни на чемъ не основано и произошло единственно вслѣдствіе его увлеченія полемикой съ католическими писателями. Еще до Ахенскаго собора Левъ III уже имѣлъ случай заявить, какъ онъ смотритъ съ догматической точки зрѣнія на это ученіе. Символь съ испанскимъ прибавленіемъ былъ занесенъ франкскими монахами въ палестину. Но этотъ символъ былъ здѣсь отвергнутъ: франкскіе монахи встрѣтили отпоръ со стороны одного іерусалимскаго монаха Іоанна, принадлежавшаго къ монастырю св. Саввы. Принужденные предать анафемъ свою „ересь“ (такъ было названо въ Палестинѣ новое ученіе) предъ собраніемъ вѣрующихъ, монахи однако не удовлетворились этимъ и писали жалобу къ папѣ Льву III. Папа отослалъ ихъ посланіе къ императору Карлу (послѣ чего этотъ послѣдній и счелъ нужнымъ собрать Ахенскій соборъ), а франкскимъ монахамъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „вѣруемъ въ Отца Сына, и Духа Святаго, равно исходящаго отъ Отца и Сына“. ²⁾ Такимъ образомъ, еще до прихода пословъ отъ Карла послѣ Ахенскаго собора, Левъ III уже заявилъ, что онъ считаетъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына совершенно правильнымъ. Тоже видимъ и въ отвѣтѣ папы Льва посламъ Карла. Когда послы послѣдняго пришли въ Римъ и вручили папѣ письмо императора, въ которомъ, какъ мы видѣли, доказывается исхожденіе Духа св. и отъ Сына, на основаніи священнаго писанія и западныхъ отцевъ, то Левъ сказалъ имъ: „и я такъ думаю и содержу вмѣстѣ съ сими писателями и согласно ученію священнаго писанія; если кто захотѣлъ бы иначе думать, или учить объ

¹⁾ Лавровскій, стр. 406.

²⁾ Кохомскій, стр. 88.

этомъ предметѣ, я запрещаю ему, и если мыслящій противное не обратится и не захочетъ содержать вѣру по смыслу этихъ свѣдѣтельствъ, я совершенно отвергаю его". 1) Когда же послы спросили папу: „можетъ ли невѣрующій или не знающій этого спастись“? то Левъ III отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что кто способенъ дойти до уразумѣнія этого догмата путемъ „тончайшаго созерцанія“, т. е. научнаго изслѣдованія, но не хочетъ этого сдѣлать, тотъ не можетъ спастись. 2) Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію Лавровскаго, необходимо признать, что папа Левъ III считалъ догматически правильнымъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и считалъ его, хотя впрочемъ и условно, необходимымъ для спасенія.

Иначе этотъ папа отнесся ко внесенію этого ученія въ символъ вѣры. Онъ рѣшительно отвергъ просьбу пословъ Карла утвердить своимъ авторитетомъ прибавку *Filioque* къ Никео-Цареградскому символу. Папа говорилъ, что непозволительно дѣлать прибавленія тамъ, гдѣ это запрещено; что св. отцы, составлявшіе символъ, лучше знали какое ученіе въ немъ слѣдуетъ помѣстить и какое опустить; что наконецъ, въ символѣ выражены не всѣ тайны вѣры. Далѣе папа даетъ посламъ наставленіе—какъ вывести утвердившійся во франкской церкви обычай пѣть на литургіи символъ съ прибавленіемъ *Filioque*. Но не довольствуясь этимъ, Левъ, по уходѣ пословъ, для сохраненія Никео-Цареградскаго символа въ неповрежденной цѣлости, приказалъ сдѣлать двѣ серебряныя доски и на нихъ вырѣзать по-гречески и по латыни этотъ символъ (безъ *Filioque*) и эти доски положилъ въ храмѣ св. Петра, сдѣлавъ къ нимъ слѣдующую надпись: *Haec (scuta) Leo posui amore et cautela orthodoxae religionis.* 3)

1) Кохомскій, стр. 91—92.

2) Кохомскій, стр. 92.

3) Т. е. эти (доски) положилъ я, Левъ, изъ любви и въ охраненіе православной вѣры. Эти-то слова и подли Лавровскому поводъ утверждать, что Левъ III стоялъ не за цѣлость символа только, а и за самый, содержащійся въ немъ догматъ. Но изъ предшествующаго уже достаточно ясно видно, что разумѣтъ въ данномъ случаѣ Левъ подъ охраненіемъ православной вѣры. Онъ заботился только о сохраненіи составленнаго отцами втораго вселенскаго собора символа отъ произвольныхъ вставокъ въ него.

Объ этомъ поступкѣ Льва III свидѣтельствуяютъ два лица—Анастасій Библіотекаръ, уже извѣстный намъ и Петръ Даміани, писатель X вѣка, самъ видѣвшій эти доски. ¹⁾ Хотя, такимъ образомъ, Левъ III и твердо стоялъ за неповрежденность символа, но подтвердивъ догматическую правильность самаго ученія, онъ тѣмъ самымъ способствовалъ развитію и утверженію его западной церкви. Когда въ франкской церкви было получено разрѣшеніе учить, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына, то Карлъ Великій и его единомышленники стали употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы провести это ученіе въ народъ и такимъ образомъ прибавка *Filioque* къ символу теперь стала уже дѣломъ времени ²⁾.

Итакъ, въ началѣ IX вѣка въ римской церкви относительно разсматриваемаго ученія находимъ странную двойственность и нерѣшительность. Папы желали бы сдѣлать прибавку къ символу, считая ее вполне законною, но боялись сдѣлать это, чтобы не нарушить прямаго запрещенія вселенскаго собора. Тоже видимъ и въ продолженіе всего этого вѣка, хотя дѣло къ концу вѣка явно уже начинаетъ клониться скорѣе къ прибавкѣ, чѣмъ противъ нея. Посмотримъ какъ относились къ означенному догмату современные Кириллу и Меөодію папы.

Что касается Николая I, то онъ, кажется, былъ очень склоненъ принять *Filioque*. Такой образъ мыслей его проглядываетъ въ допущеніи введенія этого догмата въ Болгарію. Какъ извѣстно, болгары приняли христіанство изъ Византіи. Въ концѣ 864 или въ началѣ 865 года въ Константинополь былъ крещенъ ихъ князь Борисъ ³⁾, который принялъ теперь имя своего воспріемника императора Михаила. Но не прошло и двухъ лѣтъ послѣ этого, какъ Борисъ Михаилъ обращается въ Римъ съ просьбою прислать священниковъ, которые научили бы его правой вѣрѣ ⁴⁾.

¹⁾ Лавровскій, стр. 406. Кохомскій, стр. 94. Антиэциклика, стр. 21—22.

²⁾ Кохомскій, стр. 95.

³⁾ Голубинскій. Краткій очеркъ исторіи церкви Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 22—27 и 225—249 и всѣ новѣйшіе ученые, касающіеся этого предмета.

⁴⁾ Объясненіе этого факта,—не входящее въ нашу задачу,—см. у Лавровскаго (стр. 93—102), и также у Голубинскаго (Краткій очеркъ, стр. 27—28 и 249—250).

Обрадованный этою просьбою, Николай шлетъ въ Болгарію двухъ епископовъ — Формоза Портуанскаго и Павла Понудонійскаго ¹⁾, съ полномочіемъ поставлять священниковъ. Эти епископы усердно припялись уничтожать то, что до нихъ было насаждено восточными миссіонерами и вводить римское ученіе и римскіе обряды. Такимъ образомъ, въ Болгарію зашло и Filioque, доселѣ здѣсь неслыханное. Патріархъ Фотій, до этого времени не придававшій значенія этому ученію, какъ имѣющему характеръ частнаго мнѣнія, еще не имѣющаго претензіи на общецерковное употребленіе его ²⁾, теперь, когда оно стало проникать уже въ предѣлы восточнаго патріархата, не могъ не заявить протеста съ своей стороны. Онъ пишетъ окружное посланіе къ восточнымъ патріархамъ ³⁾, въ которомъ съ силою и основательностію опровергаетъ ложное ученіе запада. Такимъ образомъ, ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, допущенное западомъ въ Болгаріи, должно было или прекратиться, или отстаивать свое существованіе. Николай I естественно предпочелъ послѣдній исходъ. Защиту догмата онъ поручилъ нѣмецкому духовенству, среди котораго заблужденіе объ исхожденіи Св. Духа было особенно сильно распространено. По его порученію, Гинкмаръ, архіепископъ Реймскій, повелѣлъ подчиненнымъ своимъ епископамъ, чтобы они „отвѣчали на возраженія грековъ, присланныя въ Галлію панюю Николаемъ“ ⁴⁾. Епископы не замедлили защитою не только догмата, но и обрядовыхъ разностей между востокомъ и западомъ. Недовольствуясь этимъ, Николай хлопочетъ о соборѣ, который и состоялся, уже послѣ смерти его, въ Вормсѣ въ 868 году, въ присутствіи королей Карла Лысаго и Людовика Нѣмецкаго. Соборъ постановилъ слѣдующее опредѣленіе относительно исхожденія св. Духа: „*Spiritum enim sanctum unum atque aequalem cum Deo Parte et Filio credimus esse Deum, unius substantiae, unius quoque naturae,*

¹⁾ Вильбасовъ, ч. I, стр. 89.

²⁾ Лавровскій, стр. 407.

³⁾ Encyclica ad archiepiscopales thronos per orientem obedientes. Издана Мивемъ — *Patrologiae cursus completus*. Въ Духовной Бесѣдѣ 1859 года, кн. 6, стр. 177—189 и 219—232.

⁴⁾ Антиэнциклика, стр. 23.

nes tamen genitum vel creatum, sed a Patre Filioque procedentem esse Spiritum“¹⁾. Еще до этого постановленія папа Николай, какъ сказано выше, умеръ и его очевидное намѣреніе догматизировать ложное ученіе объ исхожденіи Духа Св. и отъ Сына не было приведено въ исполненіе.

Мѣсто Николая на папскомъ престолѣ занялъ Адрианъ II, который не рѣшился на прибавку къ символу²⁾. Но мы не видимъ съ его стороны и протеста противъ опредѣленій Вормскаго собора, изъ чего имѣемъ право заключить, что и этотъ папа, какъ и его ближайшіе предшественники, сочувствовали самому догмату, но не хотѣлъ допустить измѣненія въ символѣ.

Теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ—какъ относился къ Filioque папа Іоаннъ VIII. Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ для насъ важнѣе, что имя этого папы тѣсно связано съ именемъ св. Мееодія по вопросу о Filioque. Предъ этимъ папою былъ обвиненъ Мееодій въ неправославіи и имъ же и оправданъ. Понятно, поэтому, что выясненіе религиозныхъ воззрѣній этого папы, а также и вообще его характера, имѣетъ для насъ величайшее значеніе. Нѣкоторые ученые³⁾ хотятъ видѣть въ Іоаннѣ VIII вполне православнаго. Къ, этому ихъ главнымъ образомъ побуждаетъ то обстоятельство, что этотъ папа призналъ православнымъ св. Мееодія, чего будто бы онъ не могъ сдѣлать, если бы не былъ согласенъ съ нимъ относительно Filioque. Но, съ одной стороны, оправданіе Мееодія не есть еще доказательство православія Іоанна VIII и мы увидимъ, что онъ оправдалъ Мееодія не по убѣжденіямъ, которыхъ у него, можетъ быть, вовсе и не было, а по своимъ личнымъ расчетамъ. Съ другой стороны, тоже обстоятельство, т. е. оправданіе Мееодія папой, даетъ поводъ католическимъ писателямъ съ равнымъ правомъ доказывать, что Кириллъ и Мееодій, признавали Filioque. Намъ кажется, что гораздо ближе къ истинѣ мнѣніе объ этомъ Бильбасова, весьма основательно выведенное изъ характера этого папы.⁴⁾ Іоаннъ VIII, говоритъ Биль-

1) Ibid.

2) Parku-Viek, стр. 201. Гинцель Geschichte, s. 110, пр. 20.

3) Лавровскій, стр. 418. Антиэнциклика, стр. 25.

4) Къ Бильбасову, повидимому, примыкаетъ и Вороновъ, стр. 254.

басовъ, родился, чтобы быть государственнымъ человѣкомъ; онъ обладалъ всѣми способностями, необходимыми для политическаго дѣятеля, и среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ не упускалъ изъ виду ни одной изъ возможныхъ комбинацій. Онъ заключалъ союзы и нарушалъ ихъ съ неприязненною удивительною. Изъ страха передъ сарацинами, въ надеждѣ снова получить утерянную Болгарію и ради союза съ Византіей, онъ нисколько не задумался и съ спокойной совѣстью призналъ Фотія, торжественно проклятаго римскою церковію, патріархомъ и почтилъ его изысканною похвалою. Онъ не обращалъ вниманія на ортодоксію современниковъ и пренебрегалъ приговоромъ потомства; политическія выгоды стояли у него выше догматическихъ тонкостей Filioque. Іоаннъ VIII можетъ быть признавъ двуличнымъ, безсовѣстнымъ, даже безчестнымъ человѣкомъ; но онъ отличался такими дарами ума, такою энергіей духа, что въ свѣтской исторіи папства его имя должно быть постановлено на ряду съ именами Николая I и Григорія VII^а. 1) Эта характеристика Іоанна VIII вполне гармонируетъ со всею его политикою какъ по отношенію къ константинопольскому двору, такъ и по отношенію къ Меѳодію, съ чѣмъ мы еще не разъ встрѣтимся. При такомъ характерѣ этого папы нечего и спрашивать каковы были его убѣжденія по отношенію къ догмату Filioque. При всѣхъ случаяхъ обнаружить свое мнѣніе по этому вопросу онъ поступаетъ уклончиво и всегда сообразуясь съ политическими своими разсчетами и согласно съ требованіями обстоятельствъ. Примѣромъ этого можетъ служить его посланіе къ Фотію, по случаю константинопольскаго собора 879 года 2). На этомъ соборѣ, между прочимъ, былъ затронутъ и вопросъ объ исхожденіи Св. Духа). Дѣло касалось главнымъ образомъ догматической стороны вопроса, т. е. правильности или неправильности самого ученія, но Іоаннъ VIII въ своемъ посланіи искусно уклоняется отъ этой стороны дѣла и толкуетъ только о прибавкѣ въ символу. Вотъ подлинныя слова этого посланія, относящіяся къ нашему вопросу: „Твое братство (Іоаннъ обращается къ

1) Вильбасовъ, ч. I, стр. 83—84.

2) Это посланіе въ русскомъ переводѣ помѣщено въ Духовной бесѣдѣ за 1859 г. кн. 7, стр. 1—4. О подлинности его см. Лавровскаго, стр. 422 и слѣд.

3) Лавровскій, стр. 175.

Фотію) знаетъ, что бывшій незадолго предъ симъ вашъ посланный, испытавъ насъ касательно *святаго символа*, нашель, что мы соблюдаемъ его цѣлымъ, какимъ онъ изначала преданъ намъ, ничего не прибавляя и не убавляя, ибо знаемъ сколь тяжкое осужденіе ожидаетъ осмѣлившихся это сдѣлать. Итакъ, чтобы успокоить васъ касательно того *члена*, который былъ причиною соблазна въ Божіихъ церквахъ, еще разъ объявляемъ твоей честности, что мы не только не произносимъ его, но и осмѣлившихся по безразсудству сдѣлать это вначалѣ, осуждаемъ, какъ нарушителей божественныхъ словесъ и искажителей богословія Владыки—Христа, Апостоловъ и отцовъ ¹⁾. Эти слова, давая примѣръ искусства, съ которымъ Іоаннъ VIII обходилъ щекотливые вопросы, вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти уясняютъ то, какъ онъ относился къ *Filioque*, — онъ не считалъ еще возможнымъ допустить прибавку его къ символу. Но такъ какъ мы не находимъ въ этихъ словахъ никакого указанія на отношеніе его къ самому ученію, то считаемъ необходимымъ допустить, что въ этомъ отношеніи Іоаннъ VIII не отличался отъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ и преемниковъ, съ мнѣніемъ одного изъ которыхъ, именно Стефана VI, яраго сторонника ученія объ исхожденіи Духа св. и отъ Сына, мы скоро встрѣтимся.

Итакъ, вотъ въ какомъ состояніи находилось въ современной Кириллу и Меодію западной церкви ложное ученіе объ исхожденіи Св. Духа. Франкская церковь исповѣдывала и, со времени императора Карла, прибавляла къ символу *Filioque*. Собственно римская церковь еще колеблется въ этомъ отношеніи между уклоненіемъ франковъ и православіемъ востока. Она, съ одной стороны, признаетъ это ученіе догматически правильнымъ, а съ другой—на прибавленіе къ символу слова *Filioque* смотритъ, какъ на дѣло незаконное. Обратимся теперь къ Кириллу и Меодію и посмотримъ—какъ они относились къ этому заблужденію запада.

Что касается Кирилла, то прежде всего нужно замѣтить, что ни одинъ памятникъ, современный свв. братьямъ, не даетъ намъ указаній относительно того, какъ онъ смотрѣлъ

¹⁾ Духовная Бесѣда. 1859 г. кн. 7, стр. 2—3.

на Filioque. И это не будетъ нисколько удивительно, если сообразить обстоятельства жизни этого великаго мужа. Большую часть своей жизни онъ провелъ на востокъ, гдѣ и помину не было о Filioque. Небольшой же сравнительно періодъ времени, проведенный имъ западъ, не представляетъ ни одного случая, который далъ бы ему поводъ высказать православный, или иной какой либо, взглядъ на Filioque. При томъ, какъ замѣчаетъ Ваттенбахъ ¹⁾, „солунскіе братья, проникнутые духомъ истиннаго христіанства, какъ видно, вообще избѣгали догматическихъ споровъ“. Это по преимуществу имѣетъ отношеніе къ Кириллу, который, со времени перехода на западъ, весь предался своей миссіонерской дѣятельности. При такомъ характерѣ жизни и дѣятельности св. Кирилла, біографъ его не имѣлъ нужды и побужденій упоминать о его мнѣніи касательно спорнаго между востокомъ и западомъ вопроса. Документальные же источники не могутъ дать объ этомъ никакого свидѣтельства уже по одному тому, что всѣ они относятся по своему происхожденію ко времени по смерти Кирилла и содержатъ поэтому указанія только на разные моменты жизни св. Меѳодія. Но для несомнѣннаго утвержденія православія св. Кирилла въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа нѣтъ никакой нужды въ свидѣтельствахъ современниковъ. Намъ достаточно только вспомнить о его воспитаніи и дружбѣ съ патріархомъ Фотіемъ. Мы уже говорили о томъ — какое вліяніе имѣлъ Фотій на своихъ учениковъ. Несомнѣнно, что Кириллъ никогда не забывалъ тѣхъ наставленій, которыя ему преподавалъ его великій учитель. Если же мы теперь вспомнимъ съ какою ревностію этотъ послѣдній возсталъ противъ введенія Filioque въ Болгаріи и какъ ясно и доказательно онъ опровергалъ это ученіе въ своемъ окружномъ посланіи, о которомъ мы упоминали выше, то у насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что ученикъ его такъ же ясно и отчетливо усвоилъ себѣ православное ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ одного Отца и при всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни твердо хранилъ его.

Доказывая православіе св. Кирилла, православные ученые

¹⁾ Reitrage zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen. Wien. 1849 s. 13.

обыкновенно ссылаются на такъ называемое „Написаніе о правой вѣрѣ“, ¹⁾ которое по его надписанію приписываютъ самому св. Кириллу. ²⁾ Послѣ критики этого источника Вороновымъ, который весьма вѣскими соображеніями и доводами доказалъ, что есть много основаній сомнѣваться въ его подлинности, ну жнооставить мнѣніе о непререкаемости его свидѣтельства. Но уменьшая значеніе названнаго источника, во всякомъ случаѣ, нельзя вовсе отвергать его въ нашемъ вопросѣ. Не принимая его за подлинное исповѣданіе самого Кирилла, мы всетаки должны видѣть въ немъ голосъ преданія восточной церкви о православіи св. Кирилла, — голосъ тѣмъ болѣе заслуживающій вниманія, что восточная церковь никогда не забывала великихъ просвѣтителей славянства, а наоборотъ свято чтитъ и помнитъ ихъ и слѣдовательно могла сохранить у себя и память объ ихъ православіи. Значеніе этого источника выясняется и изъ побужденій, по которымъ онъ составленъ. Доказывая происхожденіе „Написанія о правой вѣрѣ“ въ XII вѣкѣ, Вороновъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, ³⁾ что этотъ источникъ написанъ по поводу возникшихъ въ XII в. въ константинопольской церкви споровъ о выраженіи: „Отець болій Мене есть“, которое нѣкоторые хотѣли принимать въ аріанскомъ смыслѣ. Указавъ на тѣсную связь нашего документа съ упомянутыми спорами, Вороновъ говоритъ слѣдующее: „Не есть ли оно (Написаніе) болгарское произведеніе XII в., приписанное св. Константину только для большей авторитетности этого вѣроизложенія въ Болгаріи, столь чтившей свв. первоучителей и признававшей ихъ своими просвѣтителями“? ⁴⁾ Правъ или нѣтъ въ своемъ предположеніи о времени и мѣстѣ написанія нашего источника Вороновъ,

1) „Полное заглавіе: написаніе о правой вѣрѣ, взущенное Константиномъ блаженнымъ философомъ, учителемъ о Божѣ словенскому языку“. Издано въ подлинникѣ Срезневскимъ въ его „Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ“, выш. IV стр. 47 и сл. Русскій переводъ — въ Воскресномъ чтеніи 1841 г., № 45, ст. 407—412.

2) Филаретъ. Кирилло—Меод. сборникъ, стр. 61—68. Антиэнциклика, стр 26—31. Лавровскій, стр. 425—429.

3) Вороновъ. Главнѣйш. источн. стр. 259—260.

4) Вороновъ. Главнѣйш. ист. стр. 264.

это для насъ въ данномъ случаѣ имѣеть мало значенія. Для насъ важно то, что авторъ исповѣданія придаетъ въ вопросѣ объ исхожденіи Св. Духа авторитетъ имени св. Кирилла и тѣмъ свидѣтельствуетъ о его православіи. Авторъ имѣеть намѣреніе опровергнуть возникшія въ церкви лжеученія и для этого не находитъ лучшаго средства, какъ прикрыться именемъ такого лица, православіе котораго было для его соотечественниковъ выше всякаго сомнѣнія. Онъ выбираетъ имя св. Кирилла и этимъ неопровержимо доказываетъ, что увѣренность въ православномъ образѣ мыслей св. Кирилла была очень сильна въ церкви автора. Такимъ образомъ, если разсматриваемый памятникъ и нельзя считать принадлежащимъ самому св. Кириллу, тѣмъ не менѣе свидѣтельство его имѣеть весьма важное значеніе, какъ голосъ церкви, свято хранившей память о святомъ мужѣ. Посмотримъ теперь, что даетъ онъ для опредѣленія отношенія Кирилла къ Filioque. Авторъ отъ лица св. Кирилла начинаетъ свое „Написаніе“ ученіемъ о Св. Троицѣ и, между прочимъ, такъ излагаетъ догматъ объ исхожденіи Св. Духа: „Вѣрую... и въ единъ Духъ Св., исходящъ отъ Бога Отца единаго и съ Отцомъ и Сыномъ благословимый же и славимый“. Такимъ образомъ, авторъ „Написанія“ приписываетъ св. Кириллу не западное ученіе—Filioque, а наоборотъ дѣлаетъ удареніе на словахъ „отъ Бога Отца единаго“ и значитъ усвоетъ ему православный образъ мыслей. Изложивъ затѣмъ ученіе православной церкви о воплощеніи Сына Божія, авторъ заявляетъ, что онъ чтитъ святыхъ иконы и, наконецъ, въ заключеніе дѣлаетъ слѣдующую, интересную для насъ, прибавку: „сиде азъ свою вѣру исповѣдаю и съ приснымъ моимъ братомъ Меодіемъ и поспѣшникомъ въ Божіи службѣ, въ сей бо есть спасеніе и упованіе, и сія предаевъ своимъ ученикомъ“. Для насъ въ этой прибавкѣ важно то, что авторъ связываетъ по нашему вопросу имена обоихъ братьевъ, приписывая имъ одинаковый образъ мыслей въ отношеніи къ ученію объ исхожденіи Св. Духа, а православный образъ мыслей Меодія по этому предмету не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ онъ засвидѣтельствованъ и документальными и неофициальными источниками, современными свв. братьямъ. Обратимся сначала къ послѣднимъ.

Прежде всего подтвержденіе православія Меөодія находимъ въ томъ, что истинно-православное ученіе объ исхожденіи Св. Духа высказывасть одинъ изъ непосредственныхъ учениковъ его—авторъ паннонскихъ житій. Въ предисловіи къ житію Меөодія авторъ, изложивъ коротко ученіе о Св. Троицѣ, говоритъ о Св. Духѣ: отъ того же Отца и Святый Духъ исходитъ, яко же рече самъ Божиимъ гласомъ: „Духъ истиненъ, иже отъ Отца исходитъ“. ¹⁾ Это чисто православное ученіе объ исхожденіи Св. Духа, заявляемое непосредственнымъ ученикомъ св. Меөодія и при томъ,—что особенно важно — безъ всякихъ полемическихъ цѣлей, несомнѣнно было плодомъ ученія самого Меөодія и имъ передано своимъ ученикамъ, одинъ изъ которыхъ и является свидѣтелемъ православія своего учителя. Другое, но уже не косвенное, а положительное и прямое доказательство православія Меөодія даетъ тотъ же ученикъ его и въ томъ же своемъ произведеніи. Повѣствуя о борьбѣ Меөодія съ нѣмецкимъ духовенствомъ во время его пребыванія въ Моравіи, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Сихъ же всѣхъ не терпя старыи врагъ... въздвиже нѣкая на нь... овы явѣ, а другая тай, *иже болятъ иопаторьскою ересію*, и слабѣйшая совращаютъ къ себѣ съ праваго пути, глаголюще: намъ есть папезъ власть даль, а сего велить вонъ изгнати и *ученіе его*“. ²⁾ Авторъ ясно и рѣшительно различаетъ здѣсь, съ одной стороны нѣмецкое духовенство съ его „иопаторьскою ересію“, а съ другой Меөодія и его ученіе. Но что это такое за иопаторская ересь, съ которой не было согласно ученіе западной церкви объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына (Υἱὸς καὶ Πατὴρ), ³⁾ которое, какъ мы видѣли раньше и какъ видимъ теперь, было сильно распространено среди нѣмцевъ. Распространяя это ложное ученіе, нѣмцы встрѣтили, какъ видимъ, сильный отпоръ со стороны православнаго Меөодія.

Кромѣ этихъ двухъ свидѣтельствъ современника и ученика св. Меөодія мы имѣемъ и еще указанія на православ-

1) Житіе Меөодія гл. I.

2) Житіе Меөодія гл. XII.

3) Лавровскій, стр. 403. Антиэнциклика, стр. 19.

ный образъ мысли его въ неофициальныхъ источникахъ позднѣйшаго происхожденія. Эти указанія даютъ намъ древнія службы Кириллу и Меѳодію, составленныя скоро послѣ паннонскихъ житій, послужившихъ для нихъ источникомъ. Такъ, въ службѣ свв. Кириллу и Меѳодію, по списку изданному Григоровичемъ, ¹⁾ мы находимъ слѣдующій тропарь: „Меѳодіе блаженне... отъ Отца утешителѣ не отъ Сына явѣ глаголя исходяща“. ²⁾ Подобнаго же содержанія тропарь находится и въ спискѣ, найденномъ А. В. Горскимъ въ Московской Синодальной библиотекѣ. Вотъ этотъ тропарь: „Ересымъ всѣмъ противнъ явися благодатію Меѳодіе, достойными отвѣты (отъ) Отца Параклита исходяща а не Сыноу глаголя нъ равнѣствомъ Троицю чести исповѣдающе“. ³⁾ Горскій такъ переводитъ этотъ тропарь: „Благодатію Божіею ты противъ всѣхъ ересей далъ достойный отвѣтъ, и Параклита (Духа Св.) именовалъ исходящимъ отъ Отца, а не отъ Сына, научая воздавать Троицѣ равную честь“. ⁴⁾ Эти два показанія служатъ не маловажнымъ подтвержденіемъ православнаго ученія Меѳодія о Св. Духѣ. Службы, какъ мы сказали, написаны по житіямъ и слѣдовательно въ данномъ случаѣ только точнѣе и опредѣленнѣе выражаютъ то, что въ житіяхъ замѣчено мимоходомъ. Вотъ что говоритъ о послѣднемъ тропарѣ Горскій. „Здѣсь ясно указывается на отношеніе Меѳодія къ возникшему тогда спору между церквами—восточной и западной объ исхожденіи Духа Св. и свидѣтельствуется православіе славянскаго проповѣдника и пастыря“. ⁵⁾ Наконецъ, сохранилось еще одно свидѣтельство православія Меѳодія въ неофициальномъ источникѣ, правда довольно позднемъ по происхожденію, но заслуживающемъ вниманія, какъ голосъ церковнаго преданія. Въ пространномъ житіи св. Климента, или Болгарской легендѣ, читаемъ: „Великій Меѳодій не переставалъ дѣлать князьямъ всѣ увѣщанія, то наставляя ихъ въ благочестивой жизни, то передавая имъ чистые догматы церкви...

¹⁾ Кирилло-Меѳ. сбор. стр. 243—257.

²⁾ Второй по счету тропарь. См. Кирилло-Меѳ. сборн. стр. 251.

³⁾ Кирилло-Меѳ. сборн. стр. 294.

⁴⁾ Кирилло-Меѳ. сборн. стр. 282.

⁵⁾ Ibid.

Ибо были тогда такіе, которые хотѣли преобразовать и измѣнить догматы церкви Божіей, постановленные нашими отцами, и многіе уязвляли души свои введенною франками порчею, утверждая, что Сынъ рожденъ отъ Отца и что Св. Духъ исходитъ отъ Сына, Мудрствованія такихъ... святой опровергалъ отчасти словами Самого Господа, отчасти ученіями святыхъ отцовъ“¹⁾.

Показанія неофициальныхъ источниковъ, свидѣтельствующія о православіи Меөодія въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, находятъ себѣ подтвержденіе также и въ документальныхъ. Мы теперь упомянемъ только о двухъ изъ нихъ, какъ болѣе важныхъ, а именно—посланіи Стефана VI къ Святополку, написанномъ тотчасъ же по смерти Меөодія и одновременной съ нимъ инструкціи того же папы, данной его легатамъ: Доминику—епископу и Іоанну и Стефану—пресвитерамъ, съ которыми и было послано упомянутое посланіе. Похваливъ Святополка за приверженность къ престолу св. Петра, и пожелавъ ему всякихъ благъ, папа вслѣдъ затѣмъ довольно пространно доказываетъ истинность ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. „Иное, говоритъ онъ, лице Отца, иное Сына, и иное Духа Св.; ибо Отецъ—ни отъ кого (т. е. не рождается и не исходитъ), Сынъ отъ Отца, Духъ Св. — отъ того и другаго (ab Utroque). Духъ Св. есть Духъ Отца и Сына безъ всякаго промежутка (sine ullo intervallo)“.²⁾ Далѣе папа приводитъ доказательство этого изъ священнаго писанія, ссылаясь на апостоловъ Іоанна и Павла и на слова Самого Іисуса Христа, въ которыхъ, по его мнѣнію, содержится это ученіе. Затѣмъ, порекомендовавъ Святополку въ епископы нѣкаго Вихинга, какъ человѣка вполнѣ правовѣрнаго въ вышеизложенномъ смыслѣ, папа переходитъ къ Меөодію. „Относительно же Меөодія, пишетъ онъ, мы крайне удивились услышавъ, что онъ упорно держится суетвѣрія, а не назиданія, споровъ, а не мира, и если это такъ, то мы совершенно отвергаемъ его вѣру“.³⁾ Тѣ же мысли относительно Filioque, только короче изложенныя, заключаются и въ упомянутой выше

1) Болгарская легенда, гл. 5.

2) См. Вильбасова ч. I, Monum. diplomat. стр. 139.

3) Вильбасова, ч. I. Monum. diplom. стр. 142.

инструкціи. ¹⁾ Болѣ яснаго и рѣшительнаго доказательства православія Меѳодія въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, какое содержится въ приведенныхъ документахъ, кажется, не можетъ требовать самая строгая и взыскательная критика. Подробное изложеніе и доказательства догмата—*Filioque* и вслѣдъ затѣмъ упоминаніе о неправовѣрїи Меѳодія и осужденіе его до очевидности ясно показываютъ, противъ кого собственно писалъ и кого старался опровергнуть папа Стефанъ VI. Православное ученіе Меѳодія успѣло привлечь къ себѣ многихъ славянъ, но несогласіе ихъ въ этомъ ученіи съ Римскою церковью отдаляло ихъ отъ папскаго престола, что, конечно, не могло нравиться папамъ. Вотъ причина появленія посланія и подробнаго изложенія догмата.

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ, какъ неофициальныхъ, такъ и документальныхъ источниковъ, ясно, что оба брата - Кириллъ и Меѳодій исповѣдывали догматъ объ исхожденіи Св. Духа (не говоря уже о томъ, что они не принимали прибавки *Filioque* къ никеопареградскому символу) согласно съ восточною православною церковію и противъ укоренившагося въ западной церкви лжеученія относительно этого предмета. Этотъ выводъ долженъ неизбѣжно сдѣлать всякій безпристрастный изслѣдователь. Мы можемъ подкрѣпить его словами двоихъ протестантскихъ писателей, внимательно изучавшихъ эпоху дѣятельности Кирилла и Меѳодія; ссылаемся на нихъ потому, что такое или иное рѣшеніе этого вопроса было для нихъ положительно безразлично и что, поэтому, католики не могутъ заподозрить ихъ въ пристрастіи къ православію. Вотъ что говоритъ Ваттенбахъ ²⁾: „изъ позднѣйшихъ обстоятельствъ (т. е. во время папствованія Іоанна VIII), кажется, съ достовѣрностію слѣдуетъ, что Меѳодій никогда не принималъ римскаго ученія, будто Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына“. Такой же отзывъ находимъ и у другаго протестантскаго ученаго Дюммлера. „Мы не смѣемъ сомнѣваться, говорить онъ,

¹⁾ *Spiritus sanctus a Patre et Filio, nec ingenuitus dicitur, ut duo Patres, nec genitus, ut duo Filii, sed procedens dicitur.* Научное движеніе по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи. Труды Кіевск. Дух. акад. 1881 г. кн. 8, стр. 412.

²⁾ Wattenbach. Beiträge, s. 23.

что Меөодій, въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа, слѣдовалъ греческой церкви, и поэтому вступилъ въ рѣзкое противорѣчіе съ франкскимъ духовенствомъ“¹⁾.

Но не то говорятъ писатели католическіе. Задавшись цѣлю во чтобы то ни стало доказать, принадлежность Кирилла и Меөодія къ западной церкви, они не хотятъ уступить востоку и въ данномъ пунктѣ. Filioque въ это время составляло, можно сказать, единственную разницу въ догматическомъ ученіи востока и запада; значить, если бы католики допустили православіе Кирилла и Меөодія по этому пункту, то тѣмъ самымъ подорвали бы свои доказательства въ самомъ корнѣ. Особенно тяжело сдѣлать справедливое сознаніе православія Кирилла и Меөодія для католиковъ — славянъ, потому что на принадлежности братьевъ къ западу они основываютъ свои надежды на объединеніе всего славянства подъ властію папы. И вотъ эти писатели, подъ влияніемъ предзанятой мысли, не обинуясь утверждаютъ, что свв. Кириллъ и Меөодій были православны не въ восточномъ, а въ западномъ смыслѣ; что они исповѣдывали исхожденіе Св. Духа и отъ Сына и не пѣли только символа съ прибавленіемъ Filioque; что если бы это было не такъ, то папа никогда не возвелъ бы ихъ въ санъ епископовъ западной церкви; что Іоаннъ VIII не оправдалъ бы, а осудилъ Меөодія, обвиняемаго предъ нимъ нѣмецкимъ духовенствомъ въ неправовѣрїи²⁾). Постараемся отвѣтить на эти доводы католиковъ.

Мы уже видѣли, что въ свидѣтельствахъ объ отношеніи Кирилла и Меөодія къ Filioque нигдѣ нѣтъ и помину о прибавкѣ его къ символу, а напротивъ вездѣ дѣло идетъ о догматической сторонѣ вопроса, т. е. слѣдуетъ, или не слѣдуетъ вѣрить въ то, что Св. Духъ исходитъ и отъ Сына. Поэтому, оставивъ этотъ доводъ (если только его можно назвать доводомъ) католиковъ, какъ уже достаточно опровергнутый нами, мы прибавимъ только нѣсколько словъ о невозможности допустить съ ними, чтобы споръ Меөодія

1) Dümmler. Die Pannonische legende vom heiligen Methodius. Archiv für Kunde oesterreichischer Geschichtsquellen. Wien. B. XIII. 1854, s. 195.

2) Racki Viek. s. 330. Ginzal. Geschichte, s. 46—47, amm. 5. Leger. Cyrilje et Methode, chap. VIII, pag. 141.

съ франкскимъ духовенствомъ касался не догмата, а только прибавки къ символу. Во первыхъ, невозможно допустить, что бы враги Меѳодія, вступая съ нимъ въ споръ касательно *Filioque* ограничились бы только тѣмъ—поетъ ли Меѳодій символъ съ прибавкой, или безъ прибавки, а не заботились бы узнать—какъ же вѣруеть онъ. Несомнѣнно, затрогивая въ спорахъ вопросъ о прибавкѣ и не сходясь въ этомъ, переходили къ обсужденію справедливости ея, т. е. сводили вопросъ на догматическую почву. Иначе споры были бы невозможны. Кромѣ того, за спорами, какъ увидимъ, послѣдоваль со стороны нѣмцевъ доносъ въ Римъ, которымъ Меѳодія обвиняли въ неправославіи. Какъ могли нѣмцы жаловаться папѣ на то, что Меѳодій поетъ символъ безъ прибавки, когда, какъ мы видѣли, папы въ это время сами поступали въ этомъ отношеніи такъ же, какъ поступалъ и Меѳодій? Что папы въ это время еще не прибавляли къ символу *Filioque*, это, безъ сомнѣнія, было хорошо извѣстно нѣмецкому духовенству и оно не могло разсчитывать на осужденіе Меѳодія только за уклоненіе отъ этой прибавки. Очевидно, что для успѣшности своего обвиненія (а нѣмцы, безъ сомнѣнія, разсчитывали на нее) имъ необходимо было обвинить Меѳодія въ чемъ либо такомъ, что, не только имъ, но и папѣ должно было казаться преступленіемъ, т. е. въ ложномъ, по взгляду запада, ученіи касательно исхожденія Св. Духа, а не въ пѣніи символа безъ прибавки. Словомъ, утверждая, что Меѳодій отвергалъ только прибавку къ символу слова *Filioque*, католики лишаютъ всякаго смысла споры его съ нѣмцами по этому предмету и доносъ послѣднихъ въ Римъ, съ цѣлю обвиненія Меѳодія въ неправославіи.

Второе основаніе католиковъ въ пользу исповѣданія братьями *Filioque*, состоящее въ томъ, что въ противномъ случаѣ папа не удостоилъ бы ихъ посвященія во епископскій санъ,—подобно предыдущему, не выдерживаетъ критики. Дѣйстви-тельно, при посвященіи во епископскій санъ обыкновенно требовали отъ лица, принимающаго этотъ санъ, оффиціальное исповѣданіе вѣры. О Меѳодіи извѣстно, что онъ, при вступленіи въ этотъ санъ *verbis et litteris* излагалъ свое

исповѣданіе вѣры. ¹⁾ Хотя, какъ увидимъ ниже, Кирилль никогда не былъ епископомъ, однако очень возможно, что и онъ, во время своего пребыванія въ Римѣ, какъ миссіонеръ, дѣйствовавшій въ римскомъ патриархатѣ, тоже долженъ былъ свидѣтельствовать свое православіе. ²⁾ Но это еще не даетъ католикамъ никакого права утверждать то, что они утверждаютъ. Въ оффиціальныхъ, публичныхъ исповѣданіяхъ вѣры обыкновенно излагалось не частное ученіе какой либо церкви, а общецерковное, утвержденное и признанное правильнымъ всею вселенскою церковію и пока какое либо мнѣніе не было санкціровано всею церковію, оно не могло войти въ оффиціальное изложеніе вѣры. ³⁾ Достаточно привести въ примѣръ этого Фотія, отъ котораго осталось нѣсколько общительныхъ посланій. Во всѣхъ этихъ посланіяхъ Фотій формулируетъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа такъ, какъ это было тогда принято во всей церкви, т. е. что Духъ Св. исходитъ отъ Отца, ⁴⁾ а между тѣмъ тотъ же Фотій извѣстенъ какъ первый, кто сталъ употреблять болѣе точную формулу для изложенія этого ученія. Онъ первый сталъ писать, что Духъ Св. исходитъ *эх тоῦ Πατρὸς μόου* или *эх μόου τοῦ Πατρὸς*. ⁵⁾ Но эту болѣе точную формулировку догмата Фотій употреблялъ не въ публичныхъ исповѣданіяхъ вѣры и вообще не въ какихъ бы то ни было оффиціальныхъ документахъ, а въ своихъ частныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ ложнаго ученія запада, и преимущественно франкской церкви. Этимъ же требованіемъ—заключать въ публичныхъ исповѣданіяхъ вѣры и вообще во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ только общественное ученіе—объясняется и то, что и римскіе папы въ своихъ общительныхъ грамотахъ удерживаются отъ прибавки *Filioque*, хотя и признаютъ правильность ея съ догматической стороны. Такъ, Адрианъ II, по свидѣтельству Фотія, *Spiritum a Patre procedere docebat*. ⁶⁾ Мы уже видѣли, что и Иоаннъ VIII въ по-

¹⁾ См. посланія папы Иоанна VIII къ Святополку и Меводію отъ 879 г. Бильбасовъ, ч. I, *Monum diplom.* стр. 129—131.

²⁾ Вороновъ. Главнѣйш. источн. стр. 252—253.

³⁾ Вороновъ. Главнѣйш. источн. стр. 255.

⁴⁾ Цитаты см. у Воронова, *ibid.*

⁵⁾ Цитаты ст. у Воронова, стр. 254.

⁶⁾ Вороновъ. Главнѣйш. источн. стр. 256, прим.

сланіи на константинопольскій соборъ 879 г. дѣлаетъ тоже. Понятно теперь, какія требованія могъ предъявить папа по отношенію къ Меоодію, при посвященіи его во епископа, и отъ Кирилла, при засвидѣтельствovanіи имъ своего православія. Отъ братьевъ могли требовать, и, конечно, только и требовали, изложенія общецерковнаго вѣроученія, а не частнаго мнѣнія западной церкви. Выполнить же это требованіе свв. братья могли и должны были по требованію каноновъ церкви и ничуть не противорѣча собственнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, что они, конечно, и сдѣлали.

Опроверженіе третьяго основанія, представляемаго католиками въ пользу своего мнѣнія объ исповѣданіи Кирилломъ и Меоодіемъ догмата Filioque, — состоящаго въ томъ, что если бы Меоодій не исповѣдывалъ его, то папа Іоаннъ VIII не оправдалъ бы его и не призналъ бы православнымъ, — это основаніе, собственно говоря, падаетъ само собою при столкновеніи съ показаніями источниковъ, несомнѣнно доказывающихъ православіе Меоодія и, особенно послѣ нашего знакомства съ личностію Іоанна VIII, представляется совершенно излишнимъ. Если бы Меоодія призналъ православнымъ въ западномъ смыслѣ человекъ самъ глубоко убѣжденный въ святости и истинности догмата Filioque, тогда, конечно, еще были бы нѣкоторыя основанія для того, чтобы нѣсколько усомниться въ свидѣтельствахъ источниковъ. Но Меоодія оправдываетъ не кто другой, какъ Іоаннъ VIII, человекъ, далеко не имѣвшій твердыхъ убѣжденій, а наоборотъ готовый мѣнять и измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію, если только этого требовали его политическія соображенія. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности вопроса о догматическихъ вѣрованіяхъ братьевъ, мы рассмотримъ исторію обвиненія Меоодія нѣмецкимъ духовенствомъ предъ папой въ лжеученіи и постараемся выяснитъ истинныя причины оправданія его Іоанномъ VIII отъ взведенныхъ на него обвиненій. Это, между прочимъ, послужитъ отчасти къ большому выясненію и самой личности папы Іоанна VIII и его отношенія къ истинамъ религіи.

Слѣды споровъ между Меоодіемъ и нѣмецкимъ духовенствомъ Моравіи изъ за Filioque видны еще почти съ самаго начала его дѣятельности тамъ въ качествѣ самостоятельнаго

архіепископа. Еще въ жалобѣ нѣмцевъ на Меөодія въ 873 г. находимъ указаніе на несогласіе его въ ученіи съ ними. Изложивъ историческія права зальцбургскаго архіепископа на Мораво-Паннонскую епархію, авторъ зальцбургскаго меморандума такъ заключаетъ его: „такъ было, пока не явился какой-то грекъ, именемъ Меөодій, который въ своей высокоумѣрвой мудрости, вытѣснивъ латинскій языкъ, римское ученіе и древне-обычныя латинскія буквы, сдѣлалъ и проч“... „Такъ это соблюдалось пока не появилось новое ученіе Меөодія“ ¹⁾. Въ приведенныхъ словахъ уже заключается нѣкоторое указаніе на различіе ученія Меөодія отъ ученія западной церкви, заставившее нѣмецкое духовенство жаловаться папѣ. Судя потому, что нѣтъ никакихъ указаній на послѣдствіе этой жалобы, можно думать, что она не имѣла успѣха у папы, по причинамъ, съ которыми мы познакомимся ниже. Но первая неудача не охладила нѣмцевъ: на Меөодія обильно посыпались новыя и болѣе настойчивыя обвиненія въ неправославіи. Жалобы эти были поддержаны моравскимъ княземъ Святополкомъ ²⁾ и папа уже не могъ оставить ихъ безъ вниманія. Поэтому онъ въ 879 году вызываетъ Меөодія особымъ посланіемъ ³⁾ къ себѣ на судъ. Одновременно съ этимъ посланіемъ Іоаннъ VIII пишетъ и другое на имя Святополка ⁴⁾, извѣщая его о вызовѣ Меөодія. Въ этихъ обоихъ посланіяхъ папа выставляетъ причину, по которой онъ вызываетъ Меөодія въ Римъ, въ слѣдующихъ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ посланіи къ Меөодію онъ пишетъ: „Хотя ученіями твоей проповѣди ты долженъ бы вести къ спасенію и наставленію народъ Божій, ввѣренный тебѣ, какъ бы духовному пастырю, однако мы слышали, что ты распространяешь не то ученіе, которое св. римская церковь приняла отъ самого князя апостоловъ, и которое она ежедневно проповѣдуетъ, и тѣмъ вводишь народъ въ заблужденіе. Поэтому мы симъ посланіемъ нашего апостольства повелѣваемъ тебѣ ни мало не медля позаботиться тотчасъ явиться къ намъ, чтобы мы изъ твоихъ устъ услышали и узнали,

1) Билбасовъ Mon. dipl. стр. 124—124.

2) Билбасовъ. ч. I, стр. 81.

3) Ibid. Monum. diplomat. стр. 130—131.

4) Ibid. Mon. diplom. 129—130.

такъ ли ты исповѣдуешь и такъ ли проповѣдуешь, какъ устно и письменно обѣщаль ты вѣрить святой римской церкви, или нѣтъ, чтобы мы точно познали твое ученіе.“¹⁾ Въ тѣхъ же почти выраженіяхъ сообщаетъ папа причину вызова Меѳодія на судъ и въ письмѣ къ Святополку. „Мы очень удивились услышавъ, что Меѳодій, вашъ архієпископъ, который былъ рукоположенъ и посланъ къ вамъ, нашимъ предшественникомъ, именно папою Адрианомъ, иначе учить, чѣмъ онъ исповѣдывалъ устно и письменно предъ папскимъ престоломъ. Поэтому-то мы послали къ нему, что бы онъ безостановочно прибылъ къ намъ, чтобы намъ услышать изъ устъ его, такъ ли онъ держитъ и вѣруетъ, какъ исповѣдывалъ, или нѣтъ.“²⁾ Какъ видно изъ этихъ выдержекъ, папа не считалъ нужнымъ или возможнымъ прямо и опредѣленно высказать то, въ чемъ собственно обвинялся Меѳодій и это вполне сообразно, какъ съ обстоятельствами дѣла, такъ и съ характеромъ самого Іоанна VIII. Какъ мы уже видѣли, Іоаннъ VIII былъ тонкій политикъ, всегда старавшійся уклониться отъ прямого образа дѣйствій, обойти вопросъ стороною и особенно тогда, когда этого требовали его политическія соображенія. Обстоятельства же даннаго дѣла требовали со стороны Іоанна VIII наибольшей осмотрительности. Съ одной стороны, нѣмецкая партія, сильная при дворѣ Святополка и въ самомъ Римѣ, домогалась обвиненія Меѳодія въ неправославіи, т. е. въ отверженіи западнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Папа не могъ не имѣть въ виду исканій этой партіи и значитъ долженъ былъ показать хотя намѣреніе осудить Меѳодія. Съ другой стороны, онъ не могъ этого сдѣлать уже по одному тому, что это не входило въ его личные расчеты. Обвинивъ Меѳодія, согласно требованію нѣмецкой партіи, Іоаннъ VIII тѣмъ ясно указалъ бы на свою солидарность съ нѣмцами въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа и заявилъ бы себя противникомъ восточнаго ученія объ этомъ предметѣ. Но тогдашнія его отношенія къ Византіи были не таковы, что бы умный и расчетливый папа могъ рѣшиться на ссору съ нею. Въ это время Риму грозила опас-

1) Вильбасовъ, ч. I, стр. 81.

2) Ibid стр. 82.

ность со стороны Сарацинъ, сильно беспокоившихъ Италію и даже подступавшихъ къ самому Риму ¹⁾). Іоаннъ VIII обратился за помощію къ византійскому императору и дѣйстви-тельно послѣдній послалъ свой флотъ противъ Сарацинъ. Въ такихъ обстоятельствахъ папа не могъ рѣшиться прямо высказать, что онъ намѣренъ осудить Меодія за согласіе его въ вѣроученіи съ Византіей, предъ которой онъ теперь заискивалъ. Дѣло такъ или иначе могло огласиться и для Іоанна окончиться большою непріятностію. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи—между нѣмецкой партіей, съ одной стороны и Византіей, съ другой,—Іоаннъ VIII не могъ придумать ничего лучшаго, какъ обойти прямую постановку дѣла и постараться убить двухъ зайцевъ сразу — и успокоить нѣмецкую партію, показавъ видъ желанія осудить Меодія и остаться правовѣрнымъ въ глазахъ Меодія и востока. Понятна теперь эта неопредѣленность фразъ, въ которыхъ Іоаннъ вызываетъ Меодія въ Римъ; понятно, почему онъ не высказываетъ—въ какомъ смыслѣ онъ понимаетъ неправославіе—въ обще-ли церковномъ, или только въ смыслѣ франко-нѣмецкомъ. Дальнѣйшая его тактика вполнѣ подтверждаетъ наше соображеніе относительно его желанія избѣжать прямой постановки вопроса и уладить дѣло мирнымъ путемъ, не раздражая нѣмцевъ и соблюдая собственные интересы.

Вслѣдъ за вызовомъ папы Меодій, „ни мало не медля“, отправился въ Римъ и прибылъ туда въ концѣ 879 года. Подробности его пребыванія здѣсь неизвѣстны, потому что никто изъ современниковъ не оставилъ объ этомъ свидѣтельствъ. Все, что можно сказать о ходѣ суда надъ Меодиємъ, заключается лишь въ письмѣ самого Іоанна къ Святополку отъ 880 г. ²⁾, ваписанномъ вслѣдъ за оправданіемъ Меодія. Въ этомъ посланіи, писанномъ хитрымъ дипломатомъ, мы должны отыскать отвѣты на всѣ наши вопросы. Оно не велико, но читая между его строками, можно прослѣдить отчасти процессъ надъ Меодиємъ. Для суда надъ нимъ папа не созывалъ собора, ³⁾ а ограничился только пригла-

¹⁾ Бильбасовъ, ч. I, стр. 83.

²⁾ Бильбасовъ. ч. I. *Monum diplom.* стр. 131—134.

³⁾ Бильбасовъ, ч. I, стр. 87.

шеніемъ нѣсколькихъ епископовъ и конечно такихъ, за ревность которыхъ онъ могъ поручиться. Что папа не собиралъ собора, это видно уже изъ того, что онъ не упоминаетъ объ этомъ въ своемъ посланіи, что онъ конечно сдѣлалъ бы, если бы это дѣйствительно было. Кромѣ того, акты этого собора не могли бы безслѣдно исчезнуть изъ церковныхъ хроникъ Рима: всѣ акты единственнаго собора 879 г. и единственнаго же 880 г. сохранились вполнѣ. ¹⁾ Въ этомъ поступкѣ Іоанна опять таки нельзя не видѣть чрезвычайной его осторожности и дипломатической хитрости. Созвавъ соборъ, онъ уже не могъ бы схитрить и уклониться отъ прямой постановки вопроса, такъ какъ въ числѣ членовъ собора нашлись бы, конечно, многіе приверженцы пѣмецкой партіи, враждебной Меѳодію. Поставивъ, такимъ образомъ, дѣло въ зависимость только отъ своего личнаго рѣшенія, папа уже могъ дѣйствовать не стѣсняясь, что онъ и дѣлаетъ. Прежде всего онъ измѣняетъ постановку вопроса, сравнительно съ прежними своими посланіями. Тамъ онъ выставляетъ обвиненіе Меѳодія въ неправильномъ ученіи, а здѣсь сводитъ все дѣло къ одной только внѣшней сторонѣ—къ символу. Кромѣ того, въ прежнихъ письмахъ Іоаннъ VIII говорить объ отступленіи Меѳодія только отъ ученія римской церкви, а здѣсь упоминаетъ и объ ученіи вселенской церкви и даже самого Христа. Вотъ какъ былъ поставленъ вопросъ: „Мы испытывали Меѳодія, такъ ли онъ вѣруетъ въ символъ православной вѣры и такъ ли поетъ св. литургію, какъ извѣстно держать св. римская церковь и какъ то распространено и передано св. отцами на вселенскихъ соборахъ, согласно евангельскимъ постановленіямъ Господа нашего Іисуса Христа“. ²⁾ Нельзя не замѣтить, что вопросъ былъ поставленъ чрезвычайно искусно. Ни одинъ изъ соборовъ, признаваемыхъ въ это время римскою церковію, на которые опирается папа, не только не утверждалъ, но и не постановлялъ никогда прибавки къ символу *Filioque*. Не признавала пока этой прибавки (а не ученія, конечно) и римская церковь и самъ Іоаннъ и слѣдовательно Меѳодій

---

¹⁾ Ibid.

²⁾ Бильбасовъ, ч. I, стр. 86.

могъ съ чистою совѣстію отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Какъ пишетъ папа, Меѳодій далъ такой отвѣтъ на предложенный ему вопросъ, что онъ „вѣруеть и поеть (символь) согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, какъ то учить св. римская церковь и какъ то передано св. отцами“¹⁾ Иного отвѣта и не могъ дать Меѳодій и папа, напередъ знавшій этотъ отвѣтъ и желавшій его, тотчасъ произносить оправдательный приговоръ. „Мы, находя его православнымъ въ церковныхъ ученіяхъ и полезнымъ для всѣхъ церковныхъ надобностей, отсылаемъ его къ вамъ назадъ для дальнѣйшаго управленія предоставленной ему церковью“²⁾

Итакъ, разсмотрѣвъ исторію развитія на западѣ ложнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и состояніе этого ученія въ римской церкви въ періодъ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, и прослѣдивъ по источникамъ отношеніе къ этому ученію свв. братьевъ, мы показали всю несправедливость попытки католическихъ писателей доказать, что свв. братья держались западнаго ученія объ исхожденіи Св. Духа. Мы нашли, что Кириллъ и Меѳодій относительно этого догмата были совершенно согласны съ восточною церковію, т. е. не только не прибавляли къ никео-цареградскому символу слова *Filioque*, но отвергали и самый этотъ догматъ, что и служило для нихъ предметомъ споровъ съ нѣмецкимъ духовенствомъ. Какъ мы уже имѣли случай раньше замѣтить, разность въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа составляла единственное существенное отличіе востока и запада въ разсматриваемый періодъ времени. Другія разности, церковно-обрядоваго характера, не имѣютъ такого серьезнаго значенія, какъ догматическія, но обратившись и къ этимъ незначительнымъ отличіямъ востока и запада, мы найдемъ, что и въ нихъ Кириллъ и Меѳодій были солидарны не съ послѣднимъ, а съ первымъ.

Къ числу маловажныхъ отступленій запада, времени Кирилла и Меѳодія, съ которыми, по свидѣтельству источниковъ, они не были согласны, относится, упоминаемый въ нѣкоторыхъ документальныхъ источникахъ, постъ въ суббо-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Бяльбасовъ, ч. I, стр. 86.

ту—мы называемъ это отступленіе запада отъ практики древней церкви маловажнымъ въ томъ смыслѣ, что вообще обрядовыя разности никогда не считались ни восточными, ни западными отцами церкви существеннымъ препятствіемъ къ единенію и общенію церквей. Но въ нашемъ вопросѣ и это отличіе востока отъ запада и отношеніе къ нему Кирилла и Меѳодія имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ и догматическое ученіе. Если окажется, что и къ этимъ маловажнымъ отличіямъ востока отъ запада Кириллъ и Меѳодій относились въ духѣ восточной церкви, то это будетъ немаловажнымъ подтвержденіемъ того, что въ болѣе важныхъ вопросахъ они и подавно были вѣрны востоку.

Что въ періодъ жизни Кирилла и Меѳодія постъ въ субботу былъ уже сильно распространенъ на западѣ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Для утвержденія этого достаточно сослаться на извѣстное окружное посланіе патріарха Фотія, въ которомъ онъ, перечисляя и опровергая догматическія и обрядовыя нововведенія римскихъ легатовъ въ Болгаріи, упоминаетъ и постъ въ субботу. Это же посланіе служить свидѣтельствомъ и того, что на востокѣ этотъ обычай не былъ въ употребленіи,—Фотій говоритъ о немъ, какъ о нововведеніи запада и приводитъ правила соборовъ, которыми этотъ постъ былъ запрещенъ ¹⁾. Уже одно то, что другъ св. Кирилла Фотій вооружается противъ субботняго поста, даетъ возможность заключить, какъ относились къ нему свв. братья. Но кромѣ этого косвеннаго свидѣтельства, у насъ есть болѣе прямыя—показанія документовъ. Въ извѣстномъ уже намъ посланіи Стефана VI, послѣ доказательства исхожденія Св. Духа и отъ Сына, находятся указанія и наставленія о постахъ, въ числѣ которыхъ, какъ обязательный, выставляется и постъ въ субботу ²⁾. Хотя въ этомъ посланіи и не говорится прямо, что Меѳодій не слѣдовалъ и не училъ другихъ соблюдать постъ въ субботу, однако упоминаніе о необходимости соблюденія этого поста мы принимаемъ за положительное свидѣтельство въ пользу того, что здѣсь дѣло направляется противъ Меѳодія. Мы

¹⁾ Духовная Бесѣда, 1859 г. кн. 6, стр. 224—225.

²⁾ Вильбасовъ. Monum. dipl. стр. 140—142.

дѣлаемъ это на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ раньше привели это посланіе въ подтвержденіе православія Меѳодія въ ученіи о Св. Духѣ. Именно, мы знаемъ, что цѣль этого посланія состояла въ искорененіи всего того, что папѣ казалось несогласнымъ съ ученіемъ римской церкви и вводителемъ чего былъ Меѳодій. Если папа подробно развиваетъ ученіе объ исхожденіи Св. Духа и о постахъ, то именно потому, что по этимъ пунктамъ съ нимъ несогласенъ былъ Меѳодій. Если же это такъ, то остается признать, что Меѳодій держался противоположнаго ученія по этимъ предметамъ, т. е. не исповѣдывалъ *Filioque* и не признавалъ поста въ субботу.

Переходя къ вопросу, какого обряда держались Кириллъ и Меѳодій при совершеніи богослуженія, мы прежде должны опредѣлить языкъ, съ котораго свв. братья переводили книги, необходимыя для богослуженія, потому что это будетъ немаловажнымъ подкрѣпленіемъ въ пользу того или другаго рѣшенія вопроса. Если богослужебныя книги были переведены съ латинскаго, то значитъ обрядъ былъ латинскій, а если—съ греческаго, то—греческій. Первое, что перевелъ св. Кириллъ для богослужебнаго употребленія, было Евангеліе, переводъ котораго былъ сдѣланъ еще до отхода братьевъ изъ Константинополя въ Моравію, какъ рассказываетъ паннонское житіе Кирилла ¹⁾. Послѣ разговора съ императоромъ о томъ, имѣютъ ли моравы „боуквы въ езыкъ свои“, св. Кириллъ, узнавъ, что у нихъ этого нѣтъ, „на молитву се наложи и... абіе сложи письма, и начеть бесѣду писати евангельску: испрѣва бѣ слово, слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово и прочее“. Іоаннъ экзархъ Болгарскій свидѣтельствуетъ, что св. Кириллъ съ братомъ Меѳодіемъ „отъ евангелія и апостола преложили изборъ“ ²⁾. Эти два свидѣтельства показываютъ, что Кириллъ и Меѳодій переводили не четвероевангеліе, а такъ называемое евангеліе „апракосъ“, приуроченное къ богослужебному употребленію—тѣмъ, что въ нихъ евангеліе излагалось не во всей полнотѣ и послѣдовательности, какъ оно вышло изъ рукъ св. писателей, а

¹⁾ Житіе Кир. гл. XIV.

²⁾ Калайдовичъ. Іоаннъ экзархъ Болгарскій. Москва. 1824 г., стр. 129. Невоструевъ. Кирилло-Меѳ. сборн. стр. 209.

по недѣльнымъ чтеніямъ, начиная съ дня св. Пасхи и кончая евангеліями на дни святыхъ, чтимыхъ церковію. Къ этимъ евангеліямъ обыкновенно прилагался въ концѣ и мѣсяцесловъ съ положенными въ немъ чтеніями на извѣстные праздники и дни нарочитыхъ святыхъ ¹⁾). Уже одно то, что это евангеліе переведено Кирилломъ еще въ Константинополь, говоритъ въ пользу перевода его съ греческаго, а не латинскаго языка. За то же говорить и восточное происхождение братьевъ и большее знакомство ихъ съ греческимъ, нежели съ латинскомъ языкомъ. Но больше всего въ пользу перевода „апракоса„ съ греческаго языка говорятъ филологическія соображенія. Вотъ что говоритъ объ этомъ Невоструевъ, послѣ сличенія древнихъ апракосовъ, дошедшихъ до нашего времени.—съ греческими подлинниками: „Надобно отдать полную справедливость первоначальному переводу славянскаго евангелія относительно его точности и близости къ подлиннику“ (которымъ Невоструевъ считаетъ греческіе образцы). „Разныя его (славянскаго евангелія) чтенія,—говоритъ онъ немного спустя,—или варианты находятся въ древнихъ греческихъ спискахъ, какъ это видно изъ древняго сличеннаго текста у Тишендорфа (*Novum Testamentum Graece, editio septima, critica major, Lipsiae, 1859 года*). Но преимущественно сіи варианты встрѣчаются въ спискахъ византійской или константинопольской фамиліи, и часто также въ евангельскомъ текстѣ истолковательныхъ бесѣдъ св. Іоанна Златоуста“ ²⁾). Такое близкое сходство древнихъ славянскихъ апракосовъ съ греческими списками положительно доказываетъ, что Кириллъ съ Меодіемъ пользовались при переводѣ евангелія именно ими, а не какими либо другими источниками, такъ какъ древніе славянскіе списки суть только позднѣйшіе списки съ труда свв. первоучителей.

Но католическіе писатели не хотятъ знать ничего подобнаго, если это не подходитъ къ ихъ видамъ. Единственно поэтому Гинцель никакъ не хочетъ признать перевода еван-

¹⁾ Эти изборныя евангелія и апостолъ по-гречески называются *Ευαγγέλια*, или *Αποστολος έκλαγαδία* или *λογάδιον*. (См. Невоструева. Кирил.-Меод. сб. стр. 210) Образчикъ подобнаго евангелія сохранился до нашего времени въ такъ называемомъ Остромировомъ евангеліи.

²⁾ Кирилло-Меод. сборн. стр. 221—222.

гелія съ греческаго языка, а напротивъ утверждаетъ, что онъ сдѣланъ съ латинской Вульгаты ¹⁾. Сознвая внутренно полнѣйшую несостоятельность своего произвольнаго предположенія, Гинцель самъ не осмѣливается привести никакихъ доказательствъ въ его пользу, и опирается на Копитара. Дѣйствительно, нельзя отрицать того, что древніе списки славянскихъ евангелій представляютъ нѣсколько вариантовъ, сходныхъ съ Вульгатой. Но это нисколько не говоритъ въ пользу Гинцеля и Копитара. Во первыхъ, нѣкоторые изъ этихъ вариантовъ, помимо Вульгаты, можно найти въ тѣхъ или другихъ греческихъ спискахъ, значить, они могли быть заимствованы изъ нихъ, а не изъ Вульгаты ²⁾. Другіе же варианты, которыхъ нельзя объяснить изъ греческихъ списковъ, объясняются изъ свойствъ самаго языка славянскаго ³⁾. Наконецъ, можно допустить и то, что Кириллъ и Меодій могли имѣть подѣ руками Вульгату, но только какъ пособіе, а не какъ первоисточникъ. Противъ послѣдняго говоритъ весьма незначительное количество словъ, напоминающихъ Вульгату ⁴⁾, — незначительное при мысли о томъ, что Вульгата была источникомъ для перевода.

Итакъ, все говоритъ за то, что евангеліе переведено Кирилломъ и Меодиёмъ съ греческаго языка. То же нужно сказать и о всѣхъ другихъ книгахъ Священнаго Писанія, переведенныхъ, по свидѣтельству источниковъ, братьями на славянскій языкъ. По панновскому житію Меодій „отъ ученикъ своихъ посади два попы скорописца зѣло, преложи въ борзѣ вся книги исполнь, развѣ Маккавей отъ греческа языка въ словенскъ, шестью мѣсяцъ, наченъ отъ марта мѣсяца ⁵⁾. Одно проложное житіе Меодія также говоритъ, что Меодій „преложи всѣ 60 книгъ Ветхаго и Новаго завѣта отъ греческа въ словенскы“ ⁶⁾. Тоже говоритъ и Іоаннъ экзархъ Болгарскій: „великій Меодій, архіепископъ Божій,

¹⁾ Ginz. Geschichte s. 112.

²⁾ Примѣры см. у Невостр. Кир.-Меод. сб. стр. 222.

³⁾ Ibid. стр. 223.

⁴⁾ У Копитара ихъ только 9: церковь, алтарь, крестъ, попь, постъ, пекло, среда, цесарь и олтъ. См. Лавровск. стр. 473.

⁵⁾ Жит. Меод. гл. XV.

⁶⁾ Филаретъ. Кирило-Меод. сб. стр. 74, пр. 45.

братъ сего (Кирилла) преложи вся уставныя (каноническія) книги — 60 отъ Еллинска языка... въ Словенскъ“¹⁾. По свидѣтельству памятниковъ, Кирилль и Меѳодій не ограничились только переводомъ книгъ Священнаго Писанія, но перевели вообще всѣ необходимыя для богослуженія книги. Нѣкоторыя изъ нихъ поименованы въ этихъ источникахъ, каковы: Парамейникъ, Часословъ, Служебникъ, чины таинствъ съ чиномъ погребенія, Октоихъ (Дамаскина), Номоканонъ (не Фотія, и Іоанна Схоластика) и „прочая книги“, которыя непоименованы²⁾. Всѣ эти книги переведены несомнѣнно съ греческаго языка, какъ свидѣлствуютъ источники и самыя ихъ наименованія.

Цѣль перевода всѣхъ перечисленныхъ книгъ, какъ Священнаго Писанія, такъ и богослужебныхъ, была чисто практическая—употребленіе при богослуженіи. Отсюда ясно, что Кирилль и Меѳодій совершали богослуженіе по греческому обряду, такъ какъ и богослужебныя книги, ими употребляемыя, были составлены по этому обряду. Невоструевъ для утвержденія этой мысли считаетъ достаточнымъ указать только на переводъ евангелія. Переводъ евангелія апракоснаго, говоритъ онъ, т. е. расположеннаго по чтеніямъ, наблюдаемымъ православною церковію въ теченіе всего года, съ текстомъ константинопольской фамиліи и православнымъ мѣсяцесловомъ, оставя въ сторонѣ все прочее, одинъ служить непререкаемымъ свидѣтельствомъ того, что Кирилль и Меѳодій ввели между славянами греческую, православную службу“³⁾. Но кромѣ этого, такъ сказать, апіорическаго доказательства слѣдованія Кирилла и Меѳодія греческому обряду, мы имѣемъ на это и прямыя указанія письменныхъ источниковъ, хотя и несовременныхъ свв. братьямъ. Такъ, Діоклейскій священникъ свидѣлствуетъ, что св. Кирилль совершалъ богослуженіе „more graecorum“ (т. е. по греческому обряду)⁴⁾. Подобныя же свидѣтельства можно

1) Калайдовичъ. Іоаннь экзархъ Болгарскій стр. 129. Филаретъ. Кирилло-Меѳ. сборникъ, стр. 72.

2) Цытаты см. у Филарета—Кир.-Меѳ. сб. стр. 70—76.

3) Кирилло-Меѳ. сборн. стр. 233.

4) Добровскій. Кирилль и Меѳодій, стр. 28.

видѣть въ распоряженіяхъ папъ относительно введенныхъ Меодіемъ въ славянскихъ земляхъ обрядовъ, которыя (распоряженія) папы дѣлали послѣ смерти послѣдняго. Такъ, папа Іоаннъ X въ посланіи къ спалатрскому архіепископу, упрекнувъ его сначала въ томъ, что въ предѣлахъ его епархіи распространено ложное ученіе Меодія, „котораго, по замѣчанію папы, нѣтъ между святыми“, прибавляетъ: „Мы увѣщаемъ васъ совершать божественныя службы въ славянской землѣ по обряду Римской церкви, т. е. на латинскомъ языкѣ, а не на какомъ либо иномъ“¹⁾. Очевидно, что въ Далмаціи Меодіемъ было введено, или зашло туда какъ либо иначе изъ странъ, гдѣ онъ проповѣдывалъ, богослуженіе по обряду греческой церкви, а не римской и что оно успѣло уже тамъ крѣпко утвердиться. Еще болѣе вѣское доказательство того, что Кириллъ и Меодій держались греческаго обряда, представляетъ посланіе папы Іоанна XIII къ Богемскому королю Болеславу отъ 972 г.²⁾, въ которомъ, разрѣшая устройство епископской кафедры и женскаго монастыря, папа, какъ необходимое условіе этого, прибавляетъ, что „богослуженіе должно быть совершаемо не по обряду или сектѣ народовъ Болгарскаго, или Русскаго... но учреждаемое епископство должно во всемъ слѣдовать учрежденіямъ и постановленіямъ апостольскаго престола“. Очевидно, обряды учрежденные Меодіемъ въ Богеміи, не были одинаковы съ римскими, но приравняются папой къ болгарскимъ и русскимъ и, слѣдовательно, были тождественны съ греческими³⁾. Повидимому всѣ выше приведенные доводы въ пользу слѣдованія свв. братьевъ восточному обряду опровергаются однимъ мѣстомъ паннонскаго житія Кирилла. Именно, въ XVIII главѣ этого житія, по списку, изданному Шафарикомъ, находятся слѣдующія слова папы Адріана II, относительно св. Кирилла: „за святую его и любовь въ

---

1) Вильбасовъ, ч. I, Monum. diplom. стр. 153.

2) Ibid. стр. 155—156.

3) Болгарія въ это время принадлежала греческой церкви и слѣдовательно держалась и обрядовъ ея. Россія въ это время также была знакома съ христіанствомъ и при томъ, какъ утверждаетъ, ссылаясь на Палацкаго, Вильбасовъ, граничила своими западными владѣніями съ Богемскими землями. Вильбасова ч. I, стр. 42.

римскіи обычаи, пришьдь погребу и въ моемъ гробѣ“¹⁾. Но списокъ Шафарика есть единственный, въ которомъ это мѣсто читается такъ; во всѣхъ же безъ исключенія спискахъ, изданныхъ Бодянскимъ, оно читается слѣдующимъ образомъ: за светыню его и любовь, римскіи обычаи преступль, погребу и въ моемъ гробѣ“²⁾.

Возставая, какъ мы уже видѣли, противъ перевода свв. братьями Священнаго Писанія съ греческаго языка, съ цѣлью въ корнѣ подорвать всякую возможность утверждать то, что Кириллъ и Меѳодій держались восточнаго обряда, католическій писатель Гинцель старается и другими доводами подтвердить, что они никогда не совершали богослуженія и въ частности литургіи—по греческому обряду. Въ доказательство невозможности допустить это, Гинцель приводитъ нѣсколько несостоятельныхъ соображеній и ни одного положительнаго свидѣтельства источниковъ. Вотъ резюме доводовъ Гинцеля: 1. Кириллъ и Меѳодій, дѣйствуя въ области западнаго патріархата, въ которомъ былъ распространенъ латинскій обрядъ, не могли не приноравливаться къ нему. 2. Жалуясь на Меѳодія въ Римъ, противники его упоминаютъ и возстаютъ только противъ богослужебнаго языка, но никогда не упоминаютъ объ обрядѣ. 3. Меѳодій употреблялъ въ богослуженіи символъ вѣры. Такъ какъ этотъ обычай вошелъ у нѣмцевъ въ употребленіе скоро послѣ Толедскаго собора, то Меѳодій могъ заимствовать его только у нихъ и значить—изъ латинской литургіи. 4. Іоаннъ VIII требовалъ отъ Меѳодія чтенія Евангелія сначала на латинскомъ, и потомъ на славянскомъ. Это также говоритъ за латинскій обрядъ, потому что если бы Меѳодій служилъ по греческому обряду, то вмѣсто чтенія латинскаго евангелія на папа рекомендовалъ бы ему греческое³⁾.

Доводы, подобные вышеприведеннымъ, безъ сомнѣнія, не заслуживаютъ, по своей очевидной несостоятельности, подробнаго разбора; поэтому мы ограничимся по поводу ихъ

1) Památky, стр. 25.

2) Чтенія въ обществѣ любит. ист. и др. рос. 1863 г. кн. 2-я стр. 29, 64, 92, 123, 156, 187 и 220.

3) Ginzel. Geschichte, s. 105—112, параграфъ 27.

только немногословными замѣчаніями. Что касается перваго довода Гинцеля, относительно его прежде всего нужно сказать, что Гинцелю еще слѣдовало бы доказать самое свое положеніе, что свв. братья были зависимы отъ западнаго духовенства. Мы уже имѣли случай, разъясняя смыслъ посольства Ростислава въ Константинополь, замѣтить, что въ этомъ событіи выразилось желаніе моравовъ добиться, между прочимъ, независимости своей церкви отъ зальцбургскаго архіепископа. Значить, пришедши въ Моравію въ качествѣ восточныхъ миссіонеровъ, свв. братья на первыхъ порахъ вовсе не должны были приравниваться къ обычаямъ, практиковавшимся въ зальцбургской епархіи. А что они дѣйствительно не сообразовались съ ними, не только во время союза Моравіи съ Константинополемъ, но и послѣ своей поѣздки въ Римъ, тому свидѣтелемъ является авторъ зальцбургскаго меморандума, въ которомъ, какъ мы уже видѣли, прямо говорится, что установленія Зальцбурга свято сохранялись въ Моравіи только до тѣхъ поръ, пока не явился туда Меөодій. Да кромѣ того, обряды греческой церкви въ то время и на западѣ еще считались дозволенными и употребленіе ихъ не было пока противно папѣ. Такъ. Іоаннъ VIII, запрещая Меөодію славянскую литургію, считаетъ однако вполне дозволенной и законной греческую, ставя ее наравнѣ съ латинской ¹⁾. Этимъ объясняется и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается то, что и тогда, когда Меөодій сталъ въ непосредственную зависимость отъ папы, онъ не прекращалъ употребленіе греческаго обряда. Это же подтверждается и тѣмъ, что противники Меөодія хлопочуть только о запрещеніи славянскаго языка въ богослуженіи, который отвлекалъ отъ нихъ народъ и не придаютъ значенія самому обряду, что для нихъ было безразлично. Что касается доказательства Гинцеля отъ символа, то ему можно только удивляться. Почему онъ думаетъ, что Меөодій заимствовалъ обычай пѣть на литургіи символъ непременно отъ нѣмцевъ, когда этотъ обычай существовалъ и на востокѣ

¹⁾ Vel in latina vel in graeca lingua, sicut ecclesia. Dei, tota urbe effusa, cantat. См. посланіе папы Іоанна VIII къ Меөодію отъ 879 г. Бильбасовъ ч. I. Monum. diplomat. стр. 131.

еще съ VI вѣка ¹⁾). Безъ сомнѣнія, обычай пѣть символъ на литургіи Кирилль и Меѳодій принесли съ востока, и это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что они употребляли символъ безъ прибавки *Filioque*, тогда какъ у нѣмцевъ онъ пѣлся съ этой прибавкой. Для опроверженія довода Гинцеля, заимствованнаго изъ распоряженія Іоанна VIII читать евангеліе на литургіи сначала по латыни, а потомъ по славянски, при чемъ не упоминается о греческомъ языкѣ, Лавровскій приводитъ слова другаго католическаго писателя, который, конечно не намѣренно, опровергаетъ Гинцеля. Вотъ что говоритъ Билый: „мудрый папа заповѣдалъ читать евангеліе по латыни для того, чтобы вызвать тѣмъ уваженіе къ языку, на которомъ западная церковь совершаетъ службу Божию и на которомъ престоль римскій, средоточіе единства, выдаетъ свои повелѣнія и распоряженія. Между слушателями въ тѣхъ областяхъ могли быть и такіе, которые разумѣли и латинскій языкъ; но едва ли находились понимавшіе языкъ греческій (за исключеніемъ греческихъ священниковъ), — а въ такомъ случаѣ повелѣніе папы читать предъ народомъ славянскимъ евангеліе на греческомъ языкѣ было бы не только излишне, но и неблагоприятно. Латинизмъ заступаетъ здѣсь мѣсто единства церкви, какъ языкъ мертвый; языкъ же греческій, какъ живой, выражалъ бы народность, которая, однакоже должна уступить въ странѣ Моравской первенство господствующему языку славянскому“ ²⁾).

Показавъ такимъ образомъ несостоятельность доводовъ Гинцеля относительно литургіи Кирилла и Меѳодія, мы снова повторяемъ прежнюю мысль, что она, какъ и другія церковныя службы, была совершаема свв. братьями по греческому обряду. Вообще изслѣдуемый теперь нами вопросъ настолько самъ по себѣ ясенъ, что и большинство католическихъ писателей соглашаются въ немъ съ православными, оставляя Гинцеля въ одиночествѣ. Въ числѣ остатковъ греческаго обряда, сохранившихся до настоящаго времени, Билый ставитъ обрядъ освященія воды, существующій и нынѣ въ моравской агендѣ. „Онъ, говоритъ Билый, совершается и въ Чехіи и составляетъ отрывокъ греческой ли-

1) Лавровскій, стр. 404 и 472.

2) Лавровскій, стр. 472—473.

тургии, идущей отъ свв. Кирилла и Меодія; ни одна со-
сѣдняя епархія, ни въ Силезіи, ни въ Польшѣ, ни въ
Австріи, ни даже въ Венгріи, не знаетъ вовсе этого обряда,
длинныя молитвы котораго, часто повторяемыя заклинанія и
благословенія крестомъ свидѣлствуютъ явственно о его
греческомъ происхожденіи¹⁾). Если вспомнимъ сохранив-
шіяся въ древней римской базиликѣ фрески, о которыхъ мы
уже упоминали, то мы придемъ къ тому заключенію, что и
таинство Кирилль и Меодій совершали по обряду церкви
греческой, а не римской. Это свидѣлствуетъ фреска,
изображающая крещеніе Меодиємъ славянина не чрезъ обли-
ваніе, а чрезъ погруженіе.

Н. Серебrenниковъ.

---

¹⁾ Лавровскій, стр. 475—476.

Пропаганда папства въ наши дни среди славянъ.

Едва ли можно найти въ мірѣ какое либо другое учрежденіе или общество, которое бы задавалось такими широкими стремленіями и такъ далеко простирало свои замыслы, располагая въ тоже время и столь пригодными и совершенными для достиженія своихъ цѣлей средствами, какими задается и обладаетъ такъ называемый римскій католицизмъ, во главѣ съ своимъ непогрѣшимымъ римскимъ первосвященникомъ. Всѣ его интересы и вся многоразличная дѣятельность въ концѣ концовъ сводится ни къ чему иному, какъ только къ тому, чтобы какъ можно болѣе возвысить міровое значеніе папства и расширить предѣлы его власти на столько, чтобы оно могло представлять изъ себя силу, съ которою бы ничто въ мірѣ не могло сравняться и предъ которою бы все преклонялось. По полнотѣ данной свыше власти, свѣтской и духовной, небесной и земной, папа, по теоріи католицизма, долженъ быть въ полномъ смыслѣ владыкою вселенной. Въ ней онъ занимаетъ тоже положеніе, какое занималъ бы и самъ Христосъ, если бы видимо жилъ среди людей, и даже больше,—онъ не только единственный намѣстникъ Христа на землѣ, но, по выраженію нѣкоторыхъ фанатическихъ католиковъ—мечтателей и „третье воплощеніе Божества на землѣ“. Противоестественно было бы поэтому, если бы папа, занимая такое исключительное положеніе на землѣ и обладая соединенными съ званіемъ земнаго „Божества“ преимуществами, въ тоже время не имѣлъ возможности фактически пользоваться принадлежащими ему по праву прерогативами божественнаго всемогущества. Желаніе католицизма предоставить папѣ возможность пользоваться своею властію, далеко не всѣми признаваемою за законную, и слѣжить источникомъ тѣхъ широкихъ замысловъ, которыми заявлялъ себя католицизмъ въ прежніе вѣка и продолжаетъ

заявлять до сихъ поръ. А замыслы эти дѣйствительно широки, широки на столько же, на сколько широка и сама вселенная. Вся вселенная со всѣми населяющими ее разумно-нравственными существами, скоро-ли, долго-ли, но должна будетъ признать надъ собою, по планамъ папства, верховную власть римскаго папы. Его вѣдѣнію и власти не подлежитъ только то, что находится за предѣлами этого міра. Въ предѣлахъ же видимаго міра нѣтъ мѣста, нѣтъ государства, народа и отдѣльнаго человѣка, который бы имѣлъ право стоять внѣ зависимости отъ римскаго папы—цезаря и котораго бы можно противопоставить ему въ качествѣ равнаго съ нимъ. Короче говоря—въ немъ современные народы должны признать такого же владыку—полубога, какими для древняго міра были римскіе цезари, предъ могуществомъ и силою которыхъ въ свое время преклонялся весь древне-языческій міръ.

Перенесши на папу древне-римскую идею о всемірномъ господствѣ и задаваясь такою необъятно-широкою цѣлю, какъ приведеніе всѣхъ народовъ къ подножію папскаго престола. римскій католицизмъ обладаетъ въ то же время и исполнѣ пригодными для осуществленія своихъ намѣреній средствами. Правда, у него нѣтъ тѣхъ многочисленныхъ римскихъ легионовъ, при помощи которыхъ держали міръ въ повиновеніи древне-римскіе цезари, но за то у него есть такіе истребительные снаряды, тактика и выправка, такая военная и дипломатическая мудрость, противъ которыхъ навѣрно не устоялъ бы ни одинъ изъ извѣстнѣйшихъ римскихъ полководцевъ, политиковъ, дипломатовъ; наука и опытъ въ теченіе столѣтій не прошли даромъ для него и нынѣшніе владыки міра научились вести пропаганду своей идеи такъ, какъ едва ли можетъ вести кто другой съ равнымъ искусствомъ и умѣніемъ. Дѣйствительно, нужно испытать на какомъ нибудь дѣйствиіе римско-католической пропаганды, чтобы исполнѣ познать, что это за страшная военная сила. Въ самомъ дѣлѣ, что такое римско-католическая пропаганда?—Это, по мѣткому опредѣленію одного духовнаго журнала („Странника“), такая *страшная военная сила*, какой не имѣетъ ни одно государство, и сила въ буквальномъ значеніи — военная, организованная такъ, что разомъ можетъ дѣйствовать на всѣхъ пунктахъ и наилучшими орудіями,

секретъ которыхъ знаетъ только она и не выдаетъ ни за какія сокровища. Ея задача — медленно, но не щадя ничего — завоевать міръ и не только всюду водрузить католическій „крыжъ“, но и нивелировать политическій строй и все духовное развитіе царствъ и народовъ подъ одинъ уровень греко-римской и католическо-христіанской цивилизаціи, съ идеей папы — цезаря, какъ всемірнаго и всемогущаго властителя во главѣ угла... Для народовъ или отдѣльныхъ племенъ стать жертвою католической пропаганды въ концѣ концовъ значитъ не только смѣнить одну вѣру на другую, но и отдаться въ полное духовное порабощеніе римскаго папы — цезаря, принять его законы, исторію, его мысль, его фантазію, — словомъ, все будущее своего независимаго народнаго существованія поставить на тѣхъ устои, которые исторически выработаны въ римскомъ цезаро-папизмѣ.

Для народовъ некультурныхъ, каковы напр. многіе изъ дикарей — язычниковъ стараго и новаго свѣта, быть обреченными въ жертву римско-католической пропагандѣ еще не составляетъ большаго несчастія. Просвѣщеніе ихъ свѣтомъ христіанской истины, хотя бы и въ духѣ католическихъ тенденцій, — что совершаетъ католицизмъ, нужно замѣтить, въ настоящее время въ весьма широкихъ размѣрахъ, — составляетъ всетаки весьма важный шагъ впередъ на пути религіозно нравственнаго развитія такихъ народовъ, содѣйствуя въ тоже время и ихъ культурному развитію. Притомъ, здѣсь католицизмъ дѣйствуетъ съ меньшею настойчивостію и не имѣетъ поводовъ проводить среди дикарей свои разрушительные принципы во всей ихъ широтѣ и послѣдовательности. Совсѣмъ иной результатъ получается, когда папство опутываетъ сѣтями своей пропаганды и тѣ народы, окатоличеніе которыхъ вызывается не религіозно-нравственнымъ состояніемъ этихъ народовъ, а оказывается нужнымъ для достиженія религіозно-политическихъ тенденцій самаго папства. Стать жертвою римско-католической пропаганды въ такихъ случаяхъ значитъ не только перемѣнить вѣроисповѣданіе, но вмѣстѣ съ этимъ и вполне отречься отъ своей національности и національныхъ идеаловъ въ пользу Рима съ его міросозерцаніемъ и идеалами, отречься и отъ своей личной самостоятельности, подчинивъ свою

мысль и чувство не истинѣ самой въ себѣ, а римскому папѣ, одному изрекающему глаголы жизни вѣчной. При достиженіи своихъ религіозно-политическихъ цѣлей папская пропаганда не останавливается до тѣхъ поръ, пока обреченный ей въ жертву народъ и самъ не усвоитъ папскихъ тенденцій и обезличившись вполне, не сольется въ своихъ мысляхъ и чувствахъ съ мыслью и чувствомъ святаго отца. Но что всего хуже бываетъ въ такихъ случаяхъ, такъ это то, что преслѣдуя интересы папства, пропаганда, при избраніи для себя арены дѣйствій, не обращаетъ никакого вниманія на то, христіанской или нехристіанской вѣры держится народъ, обратившій на себя милостивое вниманіе римскаго первосвященника. Будетъ ли онъ языческимъ, магометанскимъ, православнымъ — все равно обрекается въ жертву римско-католической пропагандѣ, если того требуютъ интересы папства. Всякій христіанинъ, только не римскій католикъ, въ глазахъ католицизма является въ такихъ случаяхъ ничѣмъ нелучшимъ язычника. Христіаниномъ, имѣющимъ возможность достигнуть спасенія, онъ можетъ стать лишь только тогда, когда подчинится власти римскаго первосвященника...

Болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ въ настоящее время удостоивается заботливаго вниманія папства славянскій православный народъ. Значительную долю своего вниманія папство удѣляло славянамъ и до настоящаго времени. Можно даже сказать, что католицизмъ постоянно, съ момента появленія христіанства на славянской территоріи, старался возобладать надъ совѣстію славянскихъ исповѣдниковъ православія. Эти усилія куріи, какъ извѣстно, остались и не безъ успѣха, особенно среди тѣхъ славянъ, которые расселились среди романо-германскихъ народовъ. Только немногимъ изъ послѣднихъ удалось сохранить себя отъ духовнаго порабощенія Риму и остаться вѣрными полученному первоначально отъ Востока православію, всѣ же остальные сдѣлались жертвою римско-католической пропаганды, хотя и не сразу и не безъ борьбы. Такъ олатинились чехи, хорваты, словенцы, словаки, а поляки стали даже любимѣйшею дочерью римской куріи; ихъ, послѣднихъ, какъ олатинившихся болѣе всѣхъ другихъ

славянскихъ племень, папство даже выставило для борьбы съ російскимъ православіемъ на западныхъ окраинахъ Россіи, гдѣ они уже издавна дѣйствуютъ и, какъ извѣстно, не безъ успѣха. Болѣе или менѣе свободными отъ сѣтей римско-католической пропаганды до послѣдняго времени оставались только славяне Балканскаго полуострова, бывшіе вынужденными вмѣсто этого выносить въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ тяжелое иго турокъ — магометанъ. Турки до извѣстной степени щадили вѣру и національность подвластныхъ имъ славянъ и потому эти народы, за немногими исключеніями, остались вѣрными православію. Но съ освобожденіемъ ихъ отъ турецкаго ига и съ расширеніемъ въ этомъ краѣ послѣ несчастнаго Берлинскаго трактата политическихъ вліаній Австріи, этой постоянной и вѣрнѣйшей союзницы папства, и Балканскіе славяне должны были сдѣлаться жертвою римско-католической пропаганды, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни одного православнаго славянскаго племени, куда бы тѣми или иными путями не проникла пропаганда папства и среди котораго тайно или явно не дѣйствовала бы эта страшная католическая военная сила. Сѣтями этой пропаганды теперь окружено все православное славянство, начиная съ австрійскихъ славянъ, гдѣ для нея особенно благоприятны условія и кончая западными окраинами Россійской имперіи. Во всѣхъ православныхъ славянскихъ странахъ можно найти приспособленныя къ достиженію этихъ цѣлей католическія учрежденія, начиная съ миссіонерскихъ станновъ, съ прямою цѣлію религіозной пропаганды и кончая благотворительными учрежденіями всевозможныхъ формъ и назначеній, организованныхъ въ высшей степени искусно и цѣлесообразно. Въ настоящій моментъ это стремленіе католицизма возобладать надъ совѣстію славянскихъ исповѣдниковъ православія является тѣмъ болѣе опаснымъ для послѣднихъ, что папство, вынуждаемое ходомъ историческихъ событій, на окатоличеніи славянъ имѣетъ въ виду строить свое будущее могущество, такъ павшее въ романо-германскомъ мірѣ и потому имѣетъ сильныя побужденія вести среди этихъ народовъ свою пропаганду съ особенною настойчивостію и постоянствомъ, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями.

Мотивы для этого дѣйствительно у папства, конечно,— съ его точки зрѣнія, есть довольно сильныя. Скрываются они въ томъ печальномъ положеніи, какое создала папству въ настоящее время исторія. Въ романо-германской Европѣ папство, какъ извѣстно, переживаетъ теперь тяжелое время. Обаяніе его на Западѣ въ послѣднее время значительно пошатнулось. Положимъ, что не въ первый разъ папству приходится тяжелый кризисъ. Стремленіе его захватить въ свои руки преобладающее значеніе въ церкви, обществѣ и государственной жизни народовъ, стать первостепенною силою всегда создавало папству враговъ. Но въ прежнее время если правительства и поднимали борьбу съ нимъ, то оказывались бессильными предъ нимъ, потому что послѣднее имѣло на своей сторонѣ благочестивыхъ католиковъ, для которыхъ интересы папства были тождественными съ интересами церкви. Нынѣ совсѣмъ другое дѣло и кризисъ является болѣе труднымъ. Не говоря уже о томъ, что между современными государствами нѣтъ ни одного, которое бы обнаруживало безкорыстную готовность поддерживать и защищать папство, которое поставило себя въ натянутыя или враждебныя отношенія къ свѣтскимъ властямъ, нынѣ и между католиками немного находится такихъ, которые принимаютъ близко къ своему сердцу потери папства; всѣ научились понимать, что безнадежное положеніе папства не признакъ безнадежнаго положенія церкви и гоненіе на первое не есть гоненіе на церковь, и потому очень равнодушно относятся къ потерямъ папства. Но теряя почву въ старо-германской Европѣ можетъ ли папство вмѣстѣ съ этимъ отказаться и отъ своихъ стремленій къ всемірному господству, признавъ ихъ анахронизмомъ? Очевидно, нѣтъ. Отказаться отъ этого значило бы подвергнуть осужденію всю вѣковую исторію папства, къ чему конечно, нельзя пока признать папство способнымъ. Вмѣсто этого самоосужденія оно постаралось найти для себя другой, болѣе подходящий выходъ изъ своего затруднительнаго положенія и дѣйствительно нашло его. По соображеніямъ папства, утраченное въ одномъ мѣстѣ оказалось возможнымъ восполнить пріобрѣтеніями въ другомъ, и при помощи этихъ новыхъ пріобрѣтеній снова возстановить утраченную силу и могущество. Такія свѣтлыя перспективы надеждамъ и видамъ

папства открылись на Востокъ, въ славянскомъ мірѣ, и сюда то, въ виду всей Европы, отметающей отъ папства, не признающей его притязаній на всемірное господство и ставящей прямо и почти въ упоръ вопросъ „быть или не быть“ папы послѣдняго времени Пій IX и Левъ XIII обратили свои взоры. Взглянувъ въ сторону славянскаго міра, они увидѣли, что здѣсь для нихъ „жатва многа“ и что всѣмъ сателлитамъ папскимъ, оставшимся и остающимся послѣ изгнанія изъ другихъ европейскихъ государствъ не у дѣль, дѣло найдется и дѣло такое, что при ловкости и умѣньи, которыхъ имъ не занимать стать у кого бы то ни было, хотя бы и у самого князя Бисмарка, — успѣхъ возможенъ, а вмѣстѣ съ успѣхомъ среди славянъ можно будетъ торжественно заявить о своей силѣ и тамъ, гдѣ ея не признаютъ или гдѣ сомнѣваются въ ней, тамъ — на западѣ! Задача для папства, такимъ образомъ, великая, цѣль ясно и точно опредѣленная.

Имѣя такіе сильные мотивы для достиженія сколь возможно скорѣйшаго окатоличенія славянъ, само собой понятно, что папство не остановится ни предъ какими препятствіями при осуществленіи своей великой задачи. Уже самая важность вопроса объ окатоличеніи славянъ при современномъ положеніи папства и при той блестящей роли, какую могутъ, по соображеніямъ вѣнчшняго папы, играть славяне въ будущихъ судьбахъ папства, говоритъ за серьезность его намѣреній. Серьезность своихъ намѣреній папство, впрочемъ, вовсе не думаетъ и скрывать, какъ этого можно было бы ожидать. Напротивъ, при каждомъ удобномъ случаѣ какъ сами папы, такъ и ихъ фанатическіе послѣдователи спѣшатъ заявить о своемъ желаніи сблизиться съ славяно-схизматиками, и о томъ, что дѣлаютъ все возможное къ тому, чтобы облегчить для нихъ возможность доступа къ „любеобильнымъ материнскимъ объятіямъ римской церкви“. Особенно ясно и рѣшительно были высказаны такіе намѣренія въ 1881 г., когда клеветы папства состряпали такъ назыв. пилигримство въ Римъ представителей разныхъ славянскихъ народностей на поклоненіе папѣ и для принесенія ему благодарности за канонизацію св. Кирилла и Меѳодія (въ 1880 г.) преподнесшему славянамъ такой „великій даръ“ (бул. канонизаціи славянскихъ первоучителей носить на

„Grande munus“) съ одной стороны „изъ любви къ славянскимъ народамъ“, а съ другой— „въ виду увеличивающагося могущества славянскаго племени“. Церковно-политическіе замыслы святаго отца раскрылись въ это время во всей своей наготѣ и неприглядности. Пользуясь удобнымъ историческимъ моментомъ, папа въ своей рѣчи къ славянскимъ паломникамъ заявилъ, что римская церковь намѣрена окатоличить весь славянскій міръ, не исключая и русскихъ, и объединить всѣхъ славянъ чрезъ подчиненіе римскому престолу. Выказавши о такомъ, неслыханномъ, по своей дерзкой притязательности, намѣреніи, папа позаботился и о томъ, чтобы придать своимъ замысламъ нѣкоторый видъ законности и оправдать свои предполагаемыя въ славянскомъ мірѣ завоеванія. Оказывается, что папы имѣютъ полное право на окатоличеніе православныхъ славянъ, потому, что стремясь къ этому, они хотятъ только возвратить славянъ къ той церкви, отъ которой они отторглись 1000 лѣтъ тому назадъ. Это со всею ясностію, по увѣренію папы, открывается изъ того, что просвѣтителями славянъ были люди, будто бы не знавшіе надъ собой никакой другой власти, кромѣ власти римскаго первосвященника, и руководившіеся въ своей дѣятельности прямыми и непосредственными указаніями Рима. Вся апостольская дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія, этихъ, по выраженію одного католическаго писателя, „наикатоличнѣйшихъ изъ католиковъ“ совершалась среди славянъ отъ имени не кого-либо другаго, какъ отъ имени римскаго престола, и при его поддержкѣ и покровительствѣ, и потому ясно, что если, благодаря ихъ просвѣтительной дѣятельности, имѣвшей мѣсто, по увѣренію папства, даже въ Кіевѣ и Москвѣ (тогда еще несуществовавшей), славяне стали христіанами, то очевидно подвѣдомственны юрисдикціи той же власти, которой были подвѣдомственны ихъ первоучители. Выводъ отсюда, очевидно, тотъ, что если папство заботится о возвращеніи славянъ-схизматиковъ въ лоно католической церкви, а послѣдніе съ своей стороны отзовутся на этотъ „братскій“ призывъ, то въ этомъ случаѣ не только не произойдетъ никакой исторической ошибки, но и возстановится историческая правда. Особенно же желательно было бы папству видѣть сынами святой своей церкви насъ, русскихъ

схизматиковъ. Такое предпочтительное вниманіе предъ всѣми другими славянскими народностями обуславливается тѣмъ, что русскій народъ болѣе другихъ, по словамъ папы, „силенъ своимъ числомъ, могуществомъ, особенно же богатствомъ“ и потому особенно усердно нужно молиться свв. Кириллу и Меѳодію, „чтобы эти святые предстательствовали предъ Богомъ за этотъ народъ, разорвавшій тѣ узы, коими эти св. апостолы связали его съ св. Петромъ и съ римскою церковію“ ¹⁾).

Высказывая съ такою прямою и откровенностію свои намѣренія относительно славянъ, само собою понятно, что папство не ограничивается одними словами и однимъ приглашеніемъ во имя высокочтимыхъ всѣмъ славянскимъ міромъ св. Кирилла и Меѳодія переимѣнить православіе на латинство. Имя славянскихъ первоучителей католицизмъ поднимаетъ только какъ знамя, подъ которымъ намѣренъ вести свою религіозно-политическую пропаганду среди славянства и дѣйствительно ведетъ, сосредоточивъ для этой дѣятельности всѣ имѣющіяся у него силы въ разныхъ славянскихъ краяхъ. И замѣчательное дѣло, тѣ самыя государства, которыя испытали на себѣ весь гнетъ папскаго деспотизма и теперь стараются стряхнуть съ себя папское иго, оказываются самими дѣятельными союзниками папства въ этомъ походѣ противъ славянства, въ виду чего, конечно, и самый походъ становится еще болѣе грознымъ и опаснымъ, особенно для мелкихъ славянскихъ народностей. Особеннымъ усердіемъ въ этомъ отношеніи отличается Австро-Венгерія, швабо-мадья-ро-жидовская монархія, насчитывающая въ своемъ численномъ составѣ до 14 славянскихъ народностей: она ревностно дѣйствуетъ въ видахъ и цѣляхъ папства, стараясь въ свою очередь опереться на него, какъ на могучую религіозно-политическую силу въ томъ наступательномъ и неустанномъ движеніи nach Osten (на Востокъ), которое направляется къ всецѣлому поглощенію славянства нѣмецкимъ элементомъ, къ германизации или онѣмеченію. Въ предѣлахъ Австро-Венгерской монархіи и вообще тамъ, гдѣ она законно и незаконно пользуется вліяніемъ и властію, въ на-

¹⁾ См. Странникъ 1881. III. 444, ст. „Церк. жизнь у славян“.

стоящее время и сосредоточивается римско-католическая пропаганда, дѣлая по временамъ отсюда набѣги и на другія славянскія области. Свой обзоръ путей и средствъ, къ какимъ прибѣгаетъ эта пропаганда при достиженіи своихъ цѣлей, мы и начнемъ съ изображенія ея дѣятельности въ средѣ тѣхъ славянъ, которыхъ судьба поставила въ необходимость быть подданными австрійской апостолической державы.

Изъ всѣхъ неолатинившихся австрійскихъ славянъ едва ли какому нибудь другому славянскому племени приходится столько переносить отъ латино-іезуитской пропаганды, сколько переносить на себѣ небольшое славянское племя русиновъ (по переписи 1880 г.—2.608,105 душъ), населяющее Галицію. Галиція является одною изъ такихъ областей, къ которой издавна папство питаетъ особенное расположеніе и въ силу этого удостоиваетъ наибольшей доли своего отеческаго попеченія и милостей. Еще папа Урбанъ VIII выразился о галицкихъ русинахъ: „О, мои русины, на васъ я возлагаю надежду на возвращеніе востока (въ католицизмъ)!“ Теперешній папа имѣетъ ту же надежду. По случаю канонизаціи свв. Кирилла и Меодія онъ говорилъ:... „ut Vestro exemplo innumeri Vestri (русскіе) in errore manentes ad unicum salutis ovile redeunt...“ Русинамъ будто бы дѣйствительно выпадаетъ на долю такая по истинѣ великая историческая задача, и они совершатъ ее, нужно лишь вытравить въ нихъ, по выраженію издающейся въ Львовѣ іезуитской газеты „Русскій Сіонъ“, „москалефильство“ и „ложное представленіе“ о „схизмѣ“ т. е. православіи, распространяемое своими и заграничными агитаторами. (Вытравленіемъ этихъ представленій и занялась римско-католическая пропаганда въ этомъ краѣ, дѣятельно поддерживаемая преобладающею послѣ русиновъ частію населенія—поляками. Поляки вездѣ, гдѣ бы они ни находились, являются постоянными и вѣрными союзниками или точнѣе—орудіями папства въ борьбѣ послѣдняго съ православіемъ. Проникнутые духомъ фанатической ненависти къ православной „схизмѣ“ и русскому народу, они всѣми правдами и неправдами стараются содѣйствовать злѣйшему врагу православія и сла-

1) См. Странникъ 1883 г. III т. 124 стр. въ ст. „Церк. жизнь у славянъ“.

внѣства, и вездѣ, гдѣ представляется къ тому возможность, надѣясь чрезъ это прїобрѣсть и нѣкоторыя выгоды для себя. Такими мы ихъ видимъ и въ Галиціи. Пользуясь выгодами своего матеріальнаго и общественнаго положенія и благоволеніемъ австрійскаго правительства, они являются страшнѣйшими врагами галицкихъ русиновъ и такъ какъ русины почти всѣ греко-унїаты ¹⁾ и говорятъ русскимъ языкомъ, то истребленіе всего русскаго (ополяченіе) и замѣна унїи католицизмомъ — главное, чего поляки стараются добиться всѣми силами. Обратитъ русскихъ въ „поляковъ“ — ихъ завѣтная цѣль, но ни въ чемъ иномъ, какъ въ православїи, хотя бы это была унїя, они не видятъ наиболѣе важнаго препятствїя къ достиженію этой цѣли. „Что намъ поможетъ, говорятъ они, колонизація школы и государственныхъ учрежденїй, если церковь будетъ постоянно противо-дѣйствовать осуществленію польской идеи (даже и въ Австріи не могутъ жить безъ мечтаній о „великой Польшѣ“). Но когда падутъ папы, Русь (галицкіе русскіе) перестанетъ существовать“ ²⁾.

Главнѣйшими и искуснѣйшими дѣятелями на поприщѣ окатоличенія русиновъ являются представители разнаго рода монашескихъ орденовъ. Такъ, для іезуитовъ, послѣ изгнанія ихъ изъ другихъ европейскихъ государствъ, Галиція стала настоящимъ гнѣздомъ. На подмогу имъ явились и члены другихъ воинствующихъ орденовъ, такъ что по обилію разныхъ представителей воинствующаго католицизма, Галиція въ настоящее время являетъ изъ себя суцій „трезвонный островъ“ сатирика Рабле, страну, въ полномъ смыслѣ населенную и загаженную „пѣвчими птицами“ разныхъ цвѣтовъ и колеровъ (монаховъ), насланныхъ сюда по волѣ того, котораго этотъ сатирикъ назвалъ *raregan*’омъ (папа), и о которомъ справедливо говоритъ, что это единственный экземпляръ въ своемъ родѣ. Здѣсь находятся на лицо члены всѣхъ монашескихъ орденовъ, начиная тощимъ, но хитрымъ іезуитомъ и кончая безобразно тучнымъ доминиканцемъ. Въ послѣднее

¹⁾ Совращеніе Галичанъ въ унїю, эту переходную ступень отъ православїя къ католицизму, совершилось въ сравнительно недавнее время, именно въ началѣ XVIII вѣка.

²⁾ Русь. 1881 г., № 30.

время между всѣми этими птицами появилась одна особая порода, неизвѣстная зоологамъ временъ Рабле (XVI в.), самая хищная и злющая, наименовавшая себя „змартвых-встанцами“ или воскресенцами. ¹⁾ Въ основѣ этого новаго ордена слиты во едино цѣли латинства и полонизма. Возникновеніе его, по словамъ почтеннаго профессора Кояловича, относится ко временамъ усмиренія польскаго бунта 1831 года. Послѣ разгрома революціонныхъ бандъ, часть революціонеровъ эмигрировала въ Римъ и тамъ образовала подъ покровительствомъ папы Григорія XVI „общину воскресенія“, намекая этимъ на главную цѣль своего подвижничества. Однако до послѣдняго времени воскресенцы собирались лишь съ силами и пробовали себя на предпріятіяхъ сравнительно легкихъ. Община эта, умножившись еще приливомъ новыхъ постанцевъ послѣ смуты 1863 г. при Пии IX, сильно благоволившемъ къ полякамъ, была преобразована въ орденъ. Но только въ 1881 г. эта новая отрасль іезуитства приступила къ своей главнѣйшей цѣли, къ подготовкѣ торжества польскому дѣлу. По ходатайству Льва XIII, который вошелъ въ соглашеніе съ революціонною польскою партіею и при содѣйствіи ея задумалъ нанести самый коварный ударъ галицко-русской народности и уніи, воскресенцамъ дозволено было селиться въ Галиціи ²⁾. Трудно себѣ даже и представить, какую злую насмѣшку надъ русскою народностію допустилъ папа, поставляя отдѣленіе этого ордена въ Галиціи. Для достиженія цѣлей латино-полонизма онъ вмѣнилъ въ обязанность членамъ его ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣйствовать въ духѣ русской народности, учить и говорить по русски, казаться поборниками русской народности. Польскіе мятежники должны быть ратоборцами за русскую народность— что можетъ быть исторически-несообразнѣе этого?!.. Поселившись въ Галиціи, нежеланные-непрощенные, гости не замедлили не только легко и вальготно расположиться на новомъ мѣстѣ, но по возможности занять положеніе полныхъ хозяевъ, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе повести порученное имъ дѣло „душеспасенія“ „несчастливыхъ полусхизма-

¹⁾ См. Странникъ. 1883. г. III. т. 123—4 стр. ст. Церк. жизнь у Славянъ.

²⁾ Русь. 1882 г. № 4.

тиковъ-галичанъ. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ дѣятельность извѣстный поборникъ русской народности и страдалецъ за свои убѣжденія о. І. Наумовичъ: „Іезуиты и воскресенцы“, говорить онъ въ своей аппеляціи къ папѣ по поводу латинопольскихъ притѣсненій галиційскихъ русиновъ, „отъ воли которыхъ (т. е. новыхъ пришельцевъ) зависятъ наши епископы, наши капитулы, переворачиваютъ весь нашъ іерархическій строй: они удаляютъ отъ насъ неповинующихся имъ епископовъ ¹⁾ и католиковъ, дабы имъ самимъ, подобно волкамъ, безопаснѣе было свирѣпствовать въ потерявшемъ своихъ пастырей стадѣ, и на самомъ дѣлѣ они свирѣпствуютъ уже во всѣхъ нашихъ учрежденіяхъ неслыханнымъ до сихъ поръ образомъ, самовольно распоряжаясь въ нашихъ церквахъ, какъ будто бы онѣ были ими воздвигнуты и ими держатся, распространяя въ нашемъ народѣ, ужасно сказать, предубѣжденіе и презрѣніе къ собственнымъ его пастырямъ и, такимъ образомъ, насаждая плевелы среди нашихъ вѣрныхъ христіанъ. Они осмѣиваютъ обряды (восточные и западные) на столько, что даже при совершеніи таинства евхаристіи не страшатся обманывать нашихъ вѣрующихъ, подавая имъ крошечную частицу хлѣба съ виномъ неосвященнымъ. Они произносятъ хулу на святыхъ и избранниковъ Божіихъ, напр. на особенно чтимаго у насъ св. Николая, называя его схизматикомъ. Они подвергаютъ осмѣянію всѣ обряды и обычаи греческой церкви, которые у насъ обезображены и испорчены въ значительной степени, благодаря безграничному вліянію тѣхъ же латинскихъ монаховъ“. По ихъ проискамъ даже внѣшняя обстановка уніатскихъ церквей стала обращаться въ совершенное подобіе латинскихъ костеловъ: стали уничтожаться греческіе иконостасы, завелись

---

¹⁾ Такъ въ 1882 удаленъ былъ отъ управленія, благодаря ихъ проискамъ, галицко-русскій митрополитъ Іосифъ Семибратовичъ. Его вина предъ латинополовизмомъ состояла только въ томъ, что онъ не былъ *гонителемъ* русскаго церковнаго обряда и русской народности, хотя и не былъ какимъ нибудь „москалефиломъ“ или „схизматикомъ“. Оказывается, что для цѣлей латинополовизма нуженъ ярый гонитель и фанатическій ненавистникъ „схизмы“, безпрекословно повинующійся новоприбывшимъ дѣятелямъ. Въмѣсто Іосифа, какъ извѣстно, митрополитомъ назначенъ его родственникъ-Сильвестръ Семибратовичъ (Русь. 1882 г. № 48).

монстраціи (латинскія дарохранительницы), колокольчики, наплечники и даже музыкальные органы. Въ весьма недавніе годы дано уніатскому духовенству небывалое въ греческой церкви право совершать таинство евхаристіи даже три раза въ день ¹⁾).

Отъ такихъ ловкихъ дипломатовъ и искусныхъ дѣятелей, какъ іезуиты съ своею достойною отраслю въ лицѣ восресенцевъ, не ускользнуло отъ вниманія, что не смотря на всѣ усилія, успѣхъ латино - польской пропаганды въ этомъ краѣ все-таки невозможно обезпечить до тѣхъ поръ, пока жива и сильна главнѣйшая просвѣтительная сила въ этомъ краѣ и главнѣйшій оплотъ русской народности и греческаго обряда—духовенство. Духовенство, благодаря тѣмъ исключительнымъ соціальнымъ условіямъ, въ какія поставлена жизнь галицко - русскаго народа, играетъ дѣйствительно весьма важную роль въ этомъ краѣ. „Русскому человѣку, говоритъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ по этому краю, привыкшему къ болѣе, чѣмъ скромной роли православнаго священства, галицкій священникъ покажется явленіемъ, во всякомъ случаѣ, выходящимъ изъ ряда тѣхъ общественныхъ категорій, которыя составляютъ въ умѣ каждаго на основаніи строя окружающей жизни. Загляните въ списки членовъ любого галицкаго общества, прочитайте воззванія галицкихъ газетъ въ различныхъ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ, вы увидите, что вездѣ не только почетное, но и первое мѣсто принадлежитъ духовенству, что на него во всѣхъ случаяхъ возлагается особенная надежда. Начиная съ рейхстага и кончая сельскими обществами, вы вездѣ увидите священниковъ то въ качествѣ офіціальныхъ представителей народа, то въ качествѣ дѣйствительныхъ руководителей его дѣлъ. Указаніе на малочисленность галицкой интеллигенціи и, слѣдовательно, на неизбежность сосредоточенія народнаго представительства въ лицѣ духовенства не будетъ полнымъ объясненіемъ факта; его можно объяснить только общимъ строемъ галицкой жизни. Русская интеллигенція въ Галичинѣ дѣйствительно бѣдна, не многочислена, и по положенію не самостоятельна, поэтому ника-

---

¹⁾ Церк. Вѣстникъ. 1883 г. № 41.

кой опоры для народности представлять не можетъ. Единственнымъ якоремъ спасенія народности является церковь и церковный обрядъ, говорящій объ отдаленной старинѣ и такимъ образомъ поддерживающій народное историческое чувство. Кому же оберегать этотъ обрядъ отъ все болѣе и болѣе частыхъ посягательствъ на его чистоту, какъ не духовенству, связанному съ народомъ самыми тѣсными узами. Галицкое духовенство съ честію исполняетъ свою задачу, являясь такимъ образомъ вѣрнымъ стражемъ своей народности;... свой церковный обрядъ оно лелѣетъ и бережетъ, какъ зеницу ока¹⁾. Оберегая обрядъ, духовенство въ тоже время неустанно трудится и на поприщѣ умственного и религіозно - нравственного просвѣщенія и развитія своего народа. „Оно—это духовенство—основало не меньше 2,000 народныхъ школъ въ двухъ галицко - русскихъ епархіяхъ, учредило нѣсколько десятковъ стипендій для русской учащейся молодежи, написало, напечатало и распространило въ народѣ множество популярныхъ книжекъ различнаго содержанія²⁾, основало и содержитъ нѣсколько бурсъ для дѣтей бѣднаго народа, посѣщающихъ школы, основало и содержитъ нѣсколько обществъ, исключительно для народа дѣйствующихъ, издаетъ нѣсколько популярныхъ газетъ для народа, основало не меньше 1,000 братствъ трезвости, около 200 вспомогательныхъ кассъ, и столько же читаленъ, научало и научаетъ народъ какъ лучше вести хозяйство, поощряетъ къ ремеслу, трудолюбію, трезвости“ и³⁾ т. д. и т. д. Надъ такимъ порядкомъ вещей давно задумывались и поляки и римская курія. Являясь просвѣтительною силою въ краѣ и въ тоже время связующимъ элементомъ между настоящимъ галицкихъ русскихъ и ихъ православнымъ прошедшимъ, галицкое духовенство сильно вредило успѣхамъ пропаганды и потому давно не нравилось поборникамъ латинизаціи и полонизма. На уничтоженіе этого-то элемента

1) Извѣстія Слав. благотв. общества. 1884 г. № 10 стр. 12.

2) Нѣкоторыя изъ такихъ книжекъ, написанныя о. Наумовичемъ, извѣстны и нашей читающей публикѣ. Многіе изъ его новыхъ разсказовъ для народа были помѣщены въ нашихъ журналахъ и газетахъ, напр. въ „Странникѣ“, „Руси“, „Соврем. извѣст.“.

3) См. Церк. жизнь у славянъ. Странн. 1883 г. I. 129.

и замѣну его другимъ и обратили преимущественное свое вниманіе новые дѣятели латино - польской пропаганды.

Само собой понятно, что къ достиженію этой цѣли всего вѣрнѣе можетъ вести вліяніе черезъ школу. И дѣйствительно, враги православія и народности всѣми способами и постарались проникнуть въ русскія духовныя школы, что конечно при содѣйствіи общества и власти имъ и удалось. Занимая здѣсь мѣста начальниковъ и наставниковъ, они сообразный съ своими тенденціями сообщаютъ характеръ и воспитанію обучающагося юношества, изгоняютъ изъ употребленія русскій языкъ, замѣняя его латинскимъ, преподаютъ вмѣсто каноновъ восточной церкви римское церковное право ¹⁾ и т. п. Не ограничиваясь этимъ, они, для подготовленія священниковъ въ греко-уніатскіе приходы, основываютъ и свои собственныя школы. Такъ, первымъ практическимъ шагомъ воскресенцевъ, по появленіи ихъ въ Галиціи, было устройство такой школы во Львовѣ и вербовка въ нее русскихъ мальчиковъ, преимущественно сиротъ духовенства и безпріютныхъ русскихъ дѣтей, по всей Галиціи при помощи своихъ агентовъ и доброжелателей. Эта „русская бурса змартвыхвстанцевъ“, учрежденная въ противобѣсъ будто бы „схизматическимъ посѣвамъ“ въ Галиціи, есть такое „воспитательное заведеніе, въ которомъ бы юношество *греко-уніатскаго* обряда, рядомъ съ гимназическимъ образованіемъ, получало основательное *католическое* образованіе“. Цѣль ея— „устранить существующее недоразумѣніе между поляками и русскими въ Галиціи“. Путь, какимъ будетъ устраняться это недоразумѣніе таковъ: „если окажется болѣе многочисленный составъ русскихъ священниковъ (благодаря, конечно, воспитанникамъ интерната), которые будучи вѣрны своей народности (?), смѣлѣе, чѣмъ это дѣлаютъ до сихъ поръ, будутъ проповѣдывать и вводить въ своихъ приходахъ въ жизнь *католическія* основы, то не трудно предвидѣть, что много уменьшится недовѣріе поляковъ и сама собою утихнетъ борьба“. Таковы цѣли и задачи новой школы. И она пользуется сочувствіемъ и

1. См. Русь. 1883 г. № 22 (апелляція Наумовича. стр. 44). ср. Русь. 1884 г. № 11. 54 стр.

субсидіями не только поляковъ (на львовскомъ сеймѣ этому учрежденію, съ злоумышленіями противъ русской народности, поляки порѣшили дать субсидію, не смотря на протесты русскихъ депутатовъ, въ 10,000 гульденовъ), но и австрійскаго императора, который пожертвовалъ на нее 500 гульденовъ ¹⁾. Другая такая же школа открыта недавно въ Добромильскомъ монастырѣ. Открытіе ея сопровождалось новымъ, еще болѣе возмутительнымъ дѣяніемъ папства, именно—преобразованіемъ и отобраніемъ нѣкоторыхъ греко-уніатскихъ монастырей въ Галиціи.

Подобно тому, какъ въ древней Руси, монастыри въ Галиціи имѣли широкое религіозно-нравственное и просвѣтительное вліяніе на народъ. Само собой понятно, что это не могло нравиться исконнымъ врагамъ русской народности. Чтобы парализовать это вліяніе, обусловливавшееся въ прежнее время, по объясненію о. Наумовича (въ его аппелляціи), ихъ правильною организаціею въ духѣ чистаго православія, враги послѣдняго разрушили „превосходное ихъ старинное устройство“, замѣнивъ оное „организаціею новѣйшихъ религіозныхъ орденовъ, въ родѣ латинскихъ нищенствующихъ орденовъ“. вмѣстѣ съ уменьшеніемъ чисто русскихъ монастырей и увеличеніемъ монастырей латино-польскаго обряда, уменьшилось и число русскихъ монаховъ; да и оставшіеся то немногіе монахи были поставлены въ такое положеніе, что строгое соблюденіе иноческихъ уставовъ и науки, чрезъ что „нѣкогда назидался вѣрный народъ и укрѣплялся въ духѣ истинно-христіанскомъ“, стали невозможны. Достигнувши деморализаціи монастырей, католицизмъ не остановился на этомъ. Оказалось нужнымъ ихъ еще болѣе реформировать. И какими низкими побужденіями воспользовался папа въ дѣлѣ преобразованія галицкихъ уніатскихъ монастырей. Монастырями этими управлялъ протоархимандритъ или провинціалъ Климентъ Сарницкій, человѣкъ корыстный и порочный. Галицкія газеты прямо говорятъ, что при сколько нибудь твердой власти низложеннаго митрополита Іосифа (Семибратовича) Сарницкій давно бы былъ осужденъ за растрату монастырскаго имущества и за явный

¹⁾ Русь. 1881 г. № 30 и 1882 г. № 4.

развратъ. „Одинъ челоѣкъ (разумѣтся Сарницкій), говоритса въ галицкомъ „словѣ“, который своимъ поведеніемъ заслуживалъ лишь удаленіе изъ чина св. Василя, ввелъ въ обманъ св. престоль... чтобы избавиться отъ наказанія (по канону de concub...). Вотъ этотъ - то достойный представитель уніи, этотъ - то Кириллъ Терлецкій нашихъ временъ, чтобы избавиться отъ явной бѣды, представилъ папѣ планъ преобразованія уніатскихъ монастырей на іезуитскій ладъ, ¹⁾ и папа дѣйствительно воспользовался имъ, конечно, обезпечивши предварительно согласіе на задуманныя преобразованія со стороны австрійскаго правительства. Въ срединѣ 1882 года (1 мая) онъ издалъ буллу, которою всѣ галицко - русскіе уніатскіе монастыри, устроенные по чину св. Василя Великаго (василіанскіе), отдавались въ полное вѣдѣніе іезуитовъ съ цѣлю не только переустройства этихъ монастырей по правиламъ ордена сыновъ Лойолы, но и постепеннаго замѣщенія всѣхъ греко - уніатскихъ приходоѡ патерами іезуитами. И какая была низкая ложь и пограніе всѣхъ Божественныхъ и челоѣческихъ законовъ пущена въ этомъ дѣлѣ! При возстановленіи базилианскаго ордена, дозволено латинянамъ т. е. въ настоящемъ случаѣ полякамъ переходить въ унію, но безъ права возвращаться назадъ въ латинство. Смыслъ этой хитрости, очевидно, таковъ: полякъ — латинянинъ, перешедшій навсегда въ унію, всѣми силами старается ополячить и олатинить унію, чтобы приблизить ее къ прежней его вѣрѣ и прежней его національности. Этимъ именно способомъ и въ старыя времена болѣе всего была уродуема унія, такъ какъ уніатамъ не было смысла оставаться въ уніи и разумнѣе казалось дѣлаться совсѣмъ латинянами и поляками. На первый разъ этою буллою передавался іезуитамъ Добромильскій монастырь со всѣми его имуществами, въ Премышльской епархіи, въ которомъ повелѣвалось устроить новаціатъ ²⁾. Булла появилась 1 мая, а 2 іюня она уже была приведена въ исполненіе. Католицизмъ, какъ видно, не терпитъ медлительности въ своихъ

¹⁾ Церковн. Вѣстникъ. 1882 г. № 29.

²⁾ Булла эта приведена въ русск. перев. въ Стравинкѣ. 1882 г. іюль. стр. 496—498.

дѣйствіяхъ... Какъ только Добромильскій монастырь, со всѣмъ его имуществомъ, коего оказалось до 200,000 гульденовъ, сталъ достояніемъ іезуитовъ, они тотчасъ же позаботилось объ открытіи въ немъ школы или новаціата, въ которой уже въ 1884 г. насчитывалось до 40 питомцевъ и нѣкоторые успѣли кончить и отправиться миссіонерами въ Болгарію. Въ рукахъ такихъ опытныхъ педагоговъ, какъ іезуиты, воспитаніе въ этой школѣ клонится къ тому, чтобы проходящихъ школу сдѣлать отчаянными фанатиками католической идеи, истребившими въ себѣ до корня всякія поползновенія, идеалы и стремленія, кромѣ слѣпago послушанія этой идеѣ, замѣняющей все—моральныя побужденія къ дѣятельности, идеалы, жизнь... ¹⁾ Отъ нихъ ожидаются и основатели проектируемыхъ подобныхъ же монастырей въ Галиціи и въ другихъ славянскихъ земляхъ; отсюда же должны выходить будущіе пастыри русскаго народа и притомъ преимущественно высшихъ іерархическихъ степеней. По предположеніямъ папства эта будущая іерархія должна послужить цѣлямъ папства не только въ Галиціи, но и внѣ ея, „среди членовъ той религіозной семьи (православно-русской), которые живутъ за ея предѣлами“ (слова буллы).

Въ апрѣлѣ 1884 года іезуиты заняли въ Галиціи и другой монастырь—Лавровскій, гдѣ намѣрены такъ же заняться воспитаніемъ будущихъ пастырей. Теперь ждутъ своей очереди превратиться въ разсадники латино-полонизма и всѣ остальные русскіе монастыри, числомъ около двухъ десятковъ, ибо іезуиты, конечно, не останутся на этихъ только двухъ ²⁾. Галичане, какъ извѣстно, протестовали противъ этого насилія предъ австрійскимъ правительствомъ, но ихъ протесты пока остаются безъ послѣдствій. Нынѣ, какъ недавно сообщалось въ газетахъ, имъ разрѣшено обратиться съ петиціею на имя русскаго императора.

Захватывая школы, монастыри, для „вытравленія схизмы“ іезуиты ведутъ и печатную пропаганду въ Галиціи. Такъ во Львовѣ съ этою цѣлію начало выходить въ 1883 г. на

1) Объ устройствѣ и организаціи Добромильскаго новаціата см. Странникъ. 1884 г. марта. 509—511 стр.

2) Русь, 1884 г. № 11.

русскомъ языкѣ официальное „Письмо епархіальное“ подъ титуломъ „Русскій Сіонъ“, которое занялось не только вытравленіемъ, но и хотеть доказать, что папы не даромъ возлагаютъ на русиновъ надежду чрезъ нихъ „возвратить Востокъ“ и „ихъ закордонскихъ (заграничныхъ) братій (т. е. насъ русскихъ или, по крайней мѣрѣ, малороссовъ) въ лоно католической церкви“. Съ первыхъ же №№ оно начало печатать родъ „Указателя добраго пути“ галицко-русскимъ священникамъ-уніатамъ, составленнаго неизвѣстнымъ, но опытнымъ и знающимъ іезуитомъ, обстоятельно излагающимъ, что и какъ нужно дѣлать, чтобы прекратить всѣ пути вліянію „схизмы“. Въ тѣхъ же видахъ въ немъ печатано обширное изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Унія и православіе“ извѣстнаго историка уніи д-ра Пелеша, который между прочимъ высказываетъ, что „славянскіе народы лишь тогда двинутся впередъ, когда станутъ способными къ исполненію возложенной на нихъ Провидѣніемъ задачи, когда послушаются гласа Божія и соединятся съ католическою церковію надъ скалою, „ей же и врата адова не одолѣютъ“. Здѣсь же доказывается правота римскихъ догматовъ и „побѣдноно поражается заблужденіе православія“, даже относительно Кирилла и Меодія. Оказывается, что въ ученіи своемъ они были „наикатоличнѣйшими изъ католиковъ“ ¹⁾. Замѣтимъ кстати, что одинъ изъ католическихъ ксендзовъ (Добшевичъ) въ своей брошюрѣ доказывалъ, что и наша св. княгиня Ольга была... *католичка*. Можно ждать, что скоро будутъ доказывать, что и Владиміръ былъ католикъ, да и вся Русь католическая... Едва-ли нужно указывать, что всѣ такого рода книги и изданія іезуитско-польская партія старается всѣми силами распространить среди уніатскаго духовенства и народа, препятствуя въ тоже время распространенію книгъ и изданій съ противоположнымъ, православно-русскимъ направленіемъ, все равно—идутъ-ли они изъ Россіи, или принадлежать къ числу выходящихъ въ Галиціи. Изъ русскихъ духовныхъ журналовъ болѣе частымъ конфис-

¹⁾ Это впрочемъ нисколько не мѣшало задержать доставку по адресу посланныхъ изъ Россіи въ Галицію предъ праздникомъ въ честь Кирилла и Меодія изображенія этихъ святыхъ, какъ сообщалось объ этомъ въ газетахъ.

каціямъ подвергается „Странникъ“, а изъ галицко-русскихъ газетъ и журналовъ, участь которыхъ всѣхъ одинаково печальна (ни одного дня не проходитъ, чтобы не былъ конфискованъ, № какой-либо изъ этихъ изданій), новый львовскій епископъ Сильвестръ нѣкоторые даже и прямо запретилъ читать уніатскому духовенству. Такую участь постигли „Слово“, „Новый Проломъ“ и „Наука“, издающаяся о. Наумовичемъ ¹⁾).

Но жестоко бы ошибся тотъ, кто, не будучи знакомъ съ дѣятельностію іезуитско-польской пропаганды вообще и предположивши, что въ нашъ цивилизованный вѣкъ невозможны грубыя насилія надъ цѣлою національнію, подумалъ, что дѣятельность этой пропаганды въ Галиціи и ограничивается только вліяніями на уніатовъ черезъ школу и печать и, что если случится здѣсь захватъ чужой собственности (монастырей), то это нужно считать крайнею и исключительною мѣрою. Напротивъ, такія „крайнія и исключительныя“ мѣры латино-полонизма въ его борьбѣ съ православіемъ и русскою національнію можно встрѣтить въ этомъ краѣ на каждомъ шагу. Здѣсь все, что только носитъ на себѣ печать русской народности: языкъ, азбука, церковь и т. д. подвергается неумолимому и беспощадному преслѣдованію поляковъ, которые не разбираютъ средствъ, лишь бы достигъ вождѣльной цѣли — ополяченія Руси, такъ что русинъ живетъ постоянно со страхомъ и трепетомъ, боясь даже собственной тѣни. Особенно приходится терпѣть отъ продѣлокъ латино-полонизма духовенству. Положеніе уніатскаго священника таково, что „все, чтобы онъ ни сказалъ или подумалъ, считается запрещеннымъ, опаснымъ, грѣшнымъ для уніи и Австріи“. Священниковъ, сознающихъ себя русскими и говорящихъ и пишущихъ на этомъ языкѣ, стараются вовсе не допускать къ мѣстамъ. Распространеніе въ печати клеветъ на духовенство, преслѣдованіе лучшихъ его представителей, стремленіе посѣять раздоры между нимъ и народомъ, чтобы подорвать его авторитетъ и унижить въ глазахъ пасомыхъ — все это стало обычнымъ явленіемъ въ уніатской Галиціи. Одновременно съ этимъ ведется, при помощи разнаго рода

¹⁾ Церк. Вѣст. 1884 г. № 1.

насилій и вообще—безъ всякаго разбора средствъ, дѣятельная католическая пропаганда въ народѣ. Такъ, въ уніатскіе церковные праздники русскіе люди вызываются въ суды, русскіе солдаты гонятся на ученье; трехраменные кресты запрещаются и замѣняются католическими; въ церкви вводятся католическіе обряды, а противящіеся тому священники обвиняются въ „схизмъ“ и преслѣдуются. Для совращенія простаго народа въ католицизмъ распространяются между ними книжки *Serga Iezusa*, въ которыхъ рассказывается о *вымышленныхъ* чудесахъ; устраиваются іезуитскія миссіи; въ проповѣдяхъ поносится православная церковь, какъ еретическая и православный обрядъ Евхаристіи называется дьявольскою трапезою. Благодаря такого рода приѣмамъ, совращеніе русскаго народа въ католицизмъ или, какъ выражается «Слово», «душехватство» стало обычнымъ явленіемъ въ Галицкой Руси. Число уніатовъ быстро уменьшается, а «*owieczki*» латинскаго обряда, по словамъ той же газеты, «родятся, какъ грибы послѣ дождя». Бракосочетаніе—самый удобный случай для совращенія въ католицизмъ; если уніать встрѣчаетъ какія-либо препятствія къ бракосочетанію со стороны своего духовенства, то ксендзы внушаютъ ему, что это вымогательство русскихъ поповъ, совѣтуютъ ему заявить старостѣ о своемъ желаніи перейти въ католицизмъ и послѣ того не только вѣнчаютъ, но даже ссужаютъ безпроцентно деньгами на свадьбу. Если русская дѣвушка выходитъ замужъ за поляка, то ксендзъ записываетъ ее въ латинскую вѣру. И всякими другими случаями, перечислять которые было бы утомительно, пользуются ксендзы, при содѣйствіи шляхты, для совращенія русскихъ въ католицизмъ ¹⁾.

Не смотря однако на весь гнетъ и на всѣ усилія латинопольской партіи какъ можно скорѣе достигнуть совершеннаго окатоличенія уніатовъ, существуютъ все-таки нерѣдкіе случаи, что природныя и естественныя чувства русиновъ, чего въ нихъ поляки еще далеко не успѣли вытравить, берутъ перевѣсъ надъ навязываемымъ имъ съ запада противоестественнымъ славянскою природѣ образомъ мыслей и чувствъ въ формѣ уніи и католицизма и они такъ или иначе открыто

¹⁾ Русь. 1881 г. № 30.

заявляютъ о сочувствіи къ вѣрѣ своихъ праотцевъ—вѣрѣ православной. Въ подтвержденіе этого можно, напр. указать на сохранившійся изстари среди галичанъ обычай посѣщать Почаевскую лавру, для всего западнаго края являющуюся тѣмъ же, чѣмъ, напр. въ Россіи служить Троице-Сергіева или Кіевскія лавры. Не мало было прилагается стараній въ прежнее время, не мало прилагается и теперь къ тому, чтобы отбить у галичанъ охоту отъ посѣщенія любимой православной святыни. Но ни указы духовной власти, чтобы священники старались предотвращать великій грѣхъ посѣщенія лавры, вмѣсто галицкихъ іезуитскихъ святынь, ни запрещенія гражданской власти выдавать паспорта за думавшимъ побывать въ лаврѣ—не достигаютъ своей цѣли. «Отъ дѣдовъ — прадѣдовъ привыкли наши люди, говоритъ галицкій «Проломъ», посѣщать Почаевъ и никто не убѣдитъ ихъ въ томъ, что Пречистая Дѣва (Почаевская) попала въ расколъ, какъ внушаетъ духовенству убѣждать народъ митрополичья куренда (указъ)¹⁾. Въ виду нерѣдко повторяющихся въ послѣднее время такихъ случаевъ, естественнымъ является вопросъ, какъ относится къ подобнаго рода заявленіямъ сочувствія къ православной вѣрѣ латинополонизмъ, цѣли и виды котораго такъ противоположны подобному настроенію галицко-русскаго народа? Самый лучший отвѣтъ, какой только можно дать на этотъ вопросъ, даетъ безъ сомнѣнія еще всѣмъ памятный *львовскій процессъ*, прекрасно характеризующій, на что способенъ латинополонизмъ въ своемъ фанатическомъ преслѣдованіи русской національности и православной вѣры. Возмутительное насилие и произволь здѣсь достигли такихъ размѣровъ, что заставили говорить даже американскую печать о безвыходно-тяжеломъ положеніи русскихъ галичанъ. Позволимъ себѣ, хотя бы кратко, передать сущность этого дѣянія.

Все дѣло началось съ того, что одинъ греко-уніатскій приходъ (Гнилички Малыя), находящійся вблизи нашей границы, заявилъ *намѣреніе перейти въ православіе*. По австрійскимъ законамъ, подобное заявленіе ни въ какомъ случаѣ не могло считаться преступнымъ: переимѣна вѣроиспо-

¹⁾ См. „Странникъ“ 1884 г. Мартъ. 507 стр. Ст. „Церк. жизнь у Славянъ“.

вѣданія здѣсь допускается, но въ Австріи изстари обыкновенно такъ ведется, что закономъ дозволенное одной какой-либо національности составляетъ иногда уже прямо „государственное преступленіе“ — для другой и преслѣдуется какъ преступленіе. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Заявленіе о переходѣ въ православіе такъ сильно взбудоражило умныя и горячія головы галицкой латино-польской и польско-иезуитской интеллигенціи и польскихъ властей, что они открыли цѣлый государственный заговоръ противъ цѣлости и нераздѣльности апостолической монархіи, устроенный будто-бы москвофильскими агитаторами и славянофильскими комитетами и охватившій уже всю восточную Галицію и Буковину. Имъ, конечно, тотчасъ же повѣрили и немедленно по всей Галиціи начались повальные обыски и аресты; болѣе или менѣе видныхъ общественныхъ дѣятелей и публицистовъ изъ русинъ, почти поголовно, забрали и посадили въ тюрьмы, не пощадивъ даже старца, предъ которымъ буквально благоговѣють и которымъ справедливо гордятся русины—о. Намовича; и онъ былъ заподозренъ въ сношеніяхъ съ заговорщиками и отправленъ въ тюрьму. А когда одинъ галицко-русскій депутатъ въ австрійской палатѣ обратилъ вниманіе на тѣ безчисленныя клеветы и насилія, какимъ подвергаются его земляки со стороны поляковъ, никто не отвѣтилъ ни единымъ словомъ, кромѣ поляка, который не постыдился заявить, что „русины того и стоятъ, по дѣломъ имъ“ и, что „съ увіатами въ Россіи и не то дѣлали“ и т. д.

Въ то время, какъ ни въ чемъ неповинные галичане должны были отбывать свое тюремное заключеніе, поляки старались всѣми способами возстановить противъ нихъ общественное мнѣніе и разжечь страсти. Судъ еще не начинался, а ихъ уже заранѣе осудили по всѣмъ пунктамъ, угрожая чуть не висѣлицей. Открылся, наконецъ, и судъ, на которомъ одиннадцать человѣкъ галичанъ, изъ самыхъ сильныхъ и видныхъ дѣятелей, слѣдовательно, самыхъ ненавистныхъ полякамъ, явились предъ судилищемъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ „государственномъ заговорѣ“. Тридцать дней ровно продолжалось судебное разбирательство и, за отсутствіемъ даже малѣйшихъ указаній на существованіе „славянофильскаго заговора“, все судебное разслѣдованіе волей-

не волей пришлось сосредоточить на разборѣ и разсмотрѣніи общественно-публицистической дѣятельности подсудимыхъ. Такъ какъ вопросъ о переходѣ (несостоявшемся) уніатовъ-гниличанъ фигурировалъ въ числѣ главныхъ пунктовъ обвиненія, то подвергнуть былъ самому строгому детальному обсужденію, при чемъ о. Наумовича заставили читать цѣлыя лекціи объ отличительныхъ особенностяхъ православія и католицизма, о греческой и римской церкви, объ уніи и т. д., и поднимался даже вопросъ — *о вызовѣ въ судъ экспертовъ богослововъ*, съ цѣлю разъясненія возбужденныхъ богословскихъ церковно-историческихъ вопросовъ. Чѣмъ же однако кончилось это траги-комическое тридцатидневное разбирательство? Финалъ далеко не оправдалъ труда и ожиданій латино-полонизма: присяжные благоразумно отклонили отъ себя позоръ обвиненія неповинно оклеветанныхъ и вынесли оправдательный приговоръ всѣмъ подсудимымъ, за исключеніемъ четырехъ, въ томъ числѣ о. Наумовича, какъ виновныхъ „въ нарушеніи общественной тишины и спокойствія“, за что и подвергнуты „тюремному заключенію срокомъ отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ разъ въ двѣ недѣли“¹⁾.

Такія дѣла продѣлываетъ іезуитско-польская партія въ Галиціи, этомъ несчастномъ осколкѣ нашего великаго русскаго народа, обязаннаго выносить на своихъ плечахъ тягость всей злости поляковъ и адской силы іезуитскаго ордена, и никто, кромѣ самихъ несчастныхъ русиновъ, не возстаетъ противъ насилій и безчинствъ, напротивъ, что касается нѣмцевъ, то они всячески потакаютъ и мирволятъ полякамъ. Сильные и вѣрою и сознаниемъ народности лучшіе представители Галиціи не поддаются однако замысламъ папства и уже обдумали практическое средство противодействовать папѣ. Они направляютъ всѣ жалобы въ Вѣну — австрійскому правительству, которое въ ближайшее время, безъ сомнѣнія, должно будетъ давать отвѣтъ русскимъ посламъ. Кромѣ того, при всемъ неистовствѣ польско-австрійскихъ властей

5. _____

¹⁾ Желających познакомиться болѣе подробно съ этимъ замѣчательнымъ процессомъ отсылаемъ къ статьямъ „Странника“ (1882 г. мартъ и сент.), откуда мы сдѣляли краткое извлеченіе.

въ Галиціи, галицкіе русскіе обладаютъ все-таки значительными средствами къ самозащитѣ. Они не мало имѣютъ органовъ печати, распространенныхъ въ народѣ и въ нихъ многое высказываютъ. Они имѣютъ многочисленныя общества, еще болѣе тѣсно связанныя съ народомъ. Но что еще прочнѣе, въ рукахъ галицко-русскаго народа находится большое количество народныхъ русскихъ книгъ, въ которыхъ необычайно счастливо соединены научныя достоинства, горячая любовь къ русской вѣрѣ и народности и поразительная удобопонятность для самаго простаго человѣка.

Съ другой стороны и излишнее усердіе враговъ православія можетъ привести какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ. Это начало сказываться тотчасъ же послѣ львовскаго процесса. То, что прежде совершалось тайнѣ, по словамъ одной русской газеты, теперь дѣлается гласно, открыто. Русины во всеуслышаніе говорятъ: мы — отдѣльный народъ, мы любимъ нашу народность, нашу прародительскую вѣру и будемъ защищать ихъ всѣми силами. Идея самобытности, сознанія своего народнаго достоинства, послѣ процесса проникла въ массы. Народу читали все, что подсудимые говорили въ судѣ, и народъ во многихъ отношеніяхъ прозрѣлъ и понялъ, что такое унія, откуда она взялась, какъ шатко ея положеніе, какъ трудно связать ея римскіе интересы съ интересами народности и съ народными преданіями и чаяніями. Народъ уразумѣлъ, что его монастыри проданы іезуитамъ, что дѣти его пастырей теперь воспитываются подъ опекой и руководствомъ оо. іезуитовъ и воскресенцевъ. ¹⁾ Результатъ немаловажный и располагающій скорѣе къ оставленію уніи въ пользу православія, чѣмъ католицизма. Единичные примѣры этого мы уже и видимъ. Такъ, тотчасъ же послѣ судебного разбирательства въ Гниличкахъ сынъ о. Наумовича, докторъ Николай Наумовичъ во всеуслышаніе заявилъ, что унію съ Римомъ онъ считаетъ средствомъ ополяченія Руси и потому возвращается къ вѣрѣ своихъ праотцевъ ²⁾. Тоже самое сдѣлалъ товарищъ о. Наумовича по заключенію, Залуцкій, человѣкъ не-

¹⁾ Страникъ 1882 г. III 142 стр. (ст. Церк. жизнь у славянъ).

²⁾ Страникъ, 1882 г., мартъ, 449—450 стр.

ученый, простой, безхитростный; какъ только пришлось ему сѣсть во второй разъ въ тюрьму, онъ *принялъ православіе*, и на всѣ угрозы и увѣщанія духовника-іезуита рѣшительно отвѣчалъ, что „какъ осужденный за православіе“, обязанъ онъ сдѣлаться православнымъ, потому что иначе его могли бы считать челоѡкомъ безъ сознанія и убѣжденія, а такимъ онъ не хочетъ быть. Остальные заключенные (о. Наумовичъ, Плоцанскій и др.), хотя и не заявили еще намѣренія принять православіе, но раздѣляютъ тѣ же убѣжденія относительно страшной неправды, на которой теперь держится унія, не приносящая ничего народу, кромѣ горя и тяжкихъ оскорбленій ¹⁾. Такія же точно убѣжденія высказываются и лучшими представителями галицко-русского народа. Такъ годъ тому назадъ на одномъ изъ многочисленнѣйшихъ львовскихъ соборій (вѣчей), — каковыя теперь начали собираться для обсужденія средствъ къ самозащитѣ русской народности въ Галиціи, — одинъ изъ главныхъ ораторовъ молодой адвокатъ М. П. Кароль, указывая злоупотребленія іезуитовъ и ихъ козни противъ вѣры и народности, между прочимъ высказалъ: „дойдетъ до того, что Русь наша принуждена будетъ бросить унію и перейти обратно въ православіе (голоса; да, да, вѣрно! *Насъ заставляютъ вернуться въ православіе!*). Дѣло доходитъ уже до крайности: надъ нами совершаютъ насиліе, хотятъ лишить насъ нашей народности или принудить къ тому, чтобы мы оставили унію (голоса — такъ вернемтесь въ православіе! Въ православіе! Въ православіе!) ²⁾. При такой солидарности всѣхъ сословій и крѣпкой рѣшимости въ защитѣ правъ своей вѣры и національности даже и поляки начинаютъ дрожать за успѣхъ своихъ посягательствъ и не безъ основаній. Передъ этимъ іезуитско-польская партія получила не менѣе поучительный урокъ отъ галицко-русской интеллигенціи по случаю одного изъ безстыднѣйшихъ своихъ посягательствъ“ во время областного „соборчика“ въ Львовѣ, состоявшаго изъ представителей галицко-русского духовенства. Не смотря на всѣ униженія, оскорбленія и насмѣшки надъ самымъ

¹⁾ Ibid. 1884 г., мартъ, 504 стр.

²⁾ Русь, 1884 г., № 11.

именемъ русскимъ (рутены, москали), не смотря на всѣ клеветы (московскіе шпіоны, подкупленные панславы), насмѣшки надъ вѣрой (хлопская вѣра), разбойничьи захваты чужой собственности (доброчильскій и лавровскій монастыри), засаженіе въ тюрьму лучшихъ людей и т. д. и т. д. — іезуитско-польская партія предложила не только открыто отречься отъ всего, что дорого и мило, какъ свое родное, но и почтительно заявить чувства признательности, пасть въ ноги тому, кто все видитъ и все знаетъ, всему даетъ тонъ и направленіе, но и перстомъ не двинетъ, чтобы помочь вамъ въ бѣдѣ, ослабить униженіе и угнетеніе?!... Да, ловкіе іезуиты подали мысль обратиться къ папѣ съ адресомъ, предупредительно составили проектъ адреса и предложили подписать. А въ адресѣ высказывается ни болѣе, ни менѣе, какъ осужденіе всѣхъ любимѣйшихъ и популярнѣйшихъ дѣятелей галицко-русскаго народа, готовность пожертвовать всѣмъ, даже *жизнію*, чтобы оставаться въ уни и содѣйствовать привлеченію Востока къ святой римской церкви, противодѣйствовать схизмѣ и другія пріятныя вещи для святаго отца... Само собой понятно, что адресъ не только не былъ подписанъ, но и вызвалъ совершенно заслуженное общее неудовольствіе. „Едва ли кто нибудь, пишутъ по этому поводу въ одной галицко-русской газетѣ, такъ тяжело компрометировалъ Римъ, какъ авторъ этого адреса“¹⁾...

Не менѣе чувствительнымъ, конечно, нужно признать и ударъ, нанесенный галичанами латино-полонизму по поводу недавняго Кирилло-Меѳодіевскаго торжества. Въ той грандіозной манифестаціи противъ Россіи и православнаго славянства, какую имѣло въ виду устроить папство въ Велеградѣ на Кирилло-Меѳодіевскомъ праздникѣ, поляки, какъ извѣстно, присвоили себѣ главную дѣятельную роль. Само собой понятно, что имѣя въ виду прежде всего выставить себя, они въ то же время рассчитывали и дѣятельно хлопотали о томъ, чтобы и галичанъ привлечь въ Велеградъ и составить изъ нихъ внушительную депутацію. Но какъ жестоко пришлось разочароваться этому, вѣчно осужденному на малоуміе, польскому племени. Не смотря на всѣ угрозы и клеветы, не

¹⁾ См. Страникъ. 1884 г., мартъ, 506 стр.

смотря на всѣ крики, что „здѣсь дѣйствуетъ москалефильская пропаганда“ и „панславитскіе агенты“, галичане рѣшительно отказались ѣхать вмѣстѣ съ поляками въ Велеградъ и участвовать въ демонстраціи противъ Россіи. Вмѣсто Велеграда они отправили депутатовъ на Кирилло-Меѳодіевскій праздникъ въ православную Россію, въ Петербургъ, а не туда, гдѣ враги православія и славянства задумали выступить противъ нее съ враждебными манифестаціями. Къ празднику 6 апрѣля въ Петербургъ изъ Галиціи, какъ извѣстно, прибыли— о. Наумовичъ, Площанскій—издатель „Слова“, Марковъ—издатель газетъ „Проломъ“ и „Вѣче“ и еще пять человекъ изъ галицкихъ уніатовъ (Москов. Вѣд. 1885 г. № 93). Такое тяготѣніе уніатовъ-галичанъ къ родной по вѣрѣ и крови православной Россіи дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что можетъ быть уже недалеко то зремя, когда они стряхнутъ съ себя навязанную имъ унію и возвратятся къ вѣрѣ своихъ праотцевъ, чрезъ что,—конечно, при поддержкѣ нашего правительства, — избавятся и отъ возмутительныхъ насилій латино-полонизма. Слухи такого рода, по крайней мѣрѣ, существуютъ. Намъ, конечно, ничего не остается болѣе, какъ желать ихъ скорѣйшаго осуществленія...

Николай Малиновскій.

(Продолженіе будетъ).

Рѣчь, сказанная въ Р—ой Духовной Семинаріи преподавателемъ А. Д—имъ 6 апрѣля 1885 г.— въ день тысячелѣтія смерти св. Меѳодія, архіепископа Мораво-Паннонскаго.

Торжественное богослуженіе, крестные ходы, общественное молебствіе, цѣлдневный звонъ «доброшумныхъ» колоколовъ въ нынѣшній день—что все это значить? Икона св. Кирилла и Меѳодія, особенно чувствуемая при нынѣшнемъ богослуженіи, чтеніе и раздача народу ихъ жизнеописанія, пѣніе имъ тропарей, кондаковъ и гимновъ, изъ устъ въ уста перелетающія по всему славянскому міру (и даже внѣ его) ихъ имена—все ясно говоритъ каждому, что Кириллъ и Меѳодій виновники настоящаго торжества. Но за что же имъ такая честь и слава? За отвѣтомъ приходится обратиться къ житіямъ ихъ и легендамъ о нихъ. Тамъ найдете вы, что св. Кириллъ былъ извѣстенъ въ Константинополѣ, какъ ученый мужъ—«философъ» и «книжникъ», временно преподавалъ тамъ философію, въ диспутѣ побѣдилъ иконоборца Яннія, или Іоанна, бывшаго константинопольскаго патріарха, ѣздилъ къ сарацинамъ и тамъ восторжествовалъ надъ магометанами, у хозаръ склонилъ нѣкоторыхъ къ христіанству и крестилъ; кое-гдѣ найдете, что Кириллъ оставилъ послѣ себя нѣсколько самостоятельныхъ литературныхъ произведеній. Вы встрѣтитесь съ указаніями, что братъ его Меѳодій нѣкоторое время управлялъ славянскою областію, подвизался въ монастырѣ и сдѣланъ былъ игуменомъ. Наконецъ всюду увидите, что оба брата вмѣстѣ предприняли путешествіе къ славянамъ,—переводили священныя и богослужебныя книги на славянскій языкъ, начертывая ихъ славянскими письменами, изобрѣтенными св. Кирилломъ, что Меѳодій сдѣлался первымъ архіепископомъ Мораво-Паннонскимъ, дѣятельно насаждалъ во ввѣренныхъ ему и сосѣднихъ областяхъ православіе и отстаивалъ его въ борьбѣ съ врагами. Однако остается пока въ силѣ прежній вопросъ: но что же

изъ всего этого доставило свв. братьямъ такую громкую славу, что теперь весь славянскій міръ торжественно празднуетъ ихъ память? Тѣже житія и легенды намѣчаютъ, а исторія славянскаго міра подробно раскрываетъ отвѣтъ на этотъ насущный вопросъ нынѣшняго дня.

Не ученость Кирилла прославила его въ потомствѣ: ученость его меркла предъ славою ученаго Фотія, его учителя;—не преподаваніе философіи: исторія даже и не знаетъ, какъ велъ Кириллъ свои бесѣды съ учениками, насколько былъ полезенъ имъ и насколько сильно поддавались они его вліянію, знаетъ только, что онъ недолго занимался этимъ дѣломъ и никто—ни онъ самъ, ни правительство—не думали видѣть въ этомъ дѣлѣ истинное призваніе и заслугу Кирилла;—не побѣда надъ Яніемъ: въ то время иконоборство уже умирало и побѣда надъ однимъ иконоборцемъ не могла привести чего либо существенно важнаго и новаго въ естественный ходъ событій;—не диспутъ съ сарацинами и хозарами: и тамъ и здѣсь диспутъ былъ удачнымъ для Кирилла словопрениемъ, но почти безъ практическихъ послѣдствій, потому что магометане и евреи, уступивъ въ спорѣ, остались по прежнему одни при коранѣ, другіе при Ветхомъ Заветѣ, только 200 хозаръ съ коганомъ во главѣ (капля въ морѣ!) склонились будто бы къ христіанству, да и тѣ не заложили прочнаго зданія христіанской церкви въ средѣ своихъ сородичей;—не оставленные Кирилломъ сочиненія: ихъ очень немного и они очень незначительны по содержанію, —именно «слово на перенесеніе мощемъ преславнаго Климента, исторически имуще бесѣду», не извѣстное еще теперь описаніе его преній съ хозарами и приписываемое ему, хотя можетъ быть и ошибочно, «Написаніе о правой вѣрѣ», представляющее собою изложеніе правосл. ученія о св. Троицѣ, воплощеніи Бога Слова и иконопочтаніи ¹⁾). Равнымъ образомъ Меѳодія выдвинуло, какъ великаго мужа, не управленіе его Славоніей: онъ не измѣнялъ тамъ гражданскаго и соціальнаго строя, онъ не улучшилъ тамъ хозяйственнаго положенія, —по крайней мѣрѣ ничего подобнаго не знаетъ о немъ исторія, самъ онъ очевидно тяготился своимъ гражданскимъ положеніемъ и не дорожилъ имъ, если удалился въ монастырь;—не званіе игумена въ Полихроніевомъ монастырѣ: игуменство его ничѣмъ не ознаменовалось въ глазахъ историка;—не званіе, наконецъ, перваго архіепископа Мораво-Паннонскаго: мало ли первыхъ архіепископовъ и епи-

1) См. Голубинскаго. Исторія р. церкви М. 1881 г. I т. I полов. стр. 743—744.

скоповъ осталось малоизвѣстными и даже совсѣмъ неизвѣстными въ той или другой странѣ?! Остается *миссіонерская дѣятельность* *обоихъ братьевъ среди славянъ*; вотъ къ ней-то и приурочиваются ихъ заслуги, къ ней то и сводится ихъ значеніе. Не будь этого, вѣроятно, пропали бы безъ слѣда и игуменство Меѳодія, и управленіе его Славиніей, и названіе Кирилла философомъ, и диспуты его, и ученые труды, но все это отыскалось и собралось, потому что все это совершено было людьми, сказавшими громадную услугу славянскому міру своими трудами по просвѣщенію ихъ христіанствомъ. Не даромъ поэтому ихъ имена въ исторіи встрѣчаются оба вмѣстѣ и они неразлучны съ эпитетомъ «славянскихъ первоучителей». Такъ называютъ ихъ старинныя житія, похвальныя слова и службы, такъ величаютъ ихъ новѣйшія изслѣдованія и гимны.

Славянскій міръ въ то время разбился на множество отдѣльных племенъ, они населяли балканскій полуостровъ и области выше него до береговъ балтійскаго моря, южныя и среднія области нашей Европейской Россіи; между славянами особенно выдавались въ то время болгары, сербы, моравы, богемцы, поляки и русскіе. Нѣредко вступали они въ борьбу другъ съ другомъ и сосѣдями; нѣкоторые изъ нихъ сложились въ независимыя княжества. Рано начавшіяся столкновенія съ христіанами повели къ тому, что христіанство къ половинѣ IX в. уже проникло въ славянскія земли. Такъ въ Македоніи, Фракіи и Мизіи славяне-язычники вошли въ соприкосновеніе съ туземцами-греками, крещенными раньше, чѣмъ было покорены славянами. Въ южныхъ областяхъ Россіи готы, имѣвшіе своего епископа и совершавшіе христіанское богослуженіе на своемъ языкѣ еще въ началѣ IV в., и греческіе колонисты, имѣвшіе въ IV в. уже нѣсколько епархій на таврическомъ полуостровѣ, знакомили съ христіанствомъ входившихъ съ ними въ общеніе славянъ. Болгары, покорившіе фракійскихъ и македонскихъ славянъ и слившіеся съ ними въ одинъ народъ, часто дѣлали набѣги на византійскую имперію, уводили греческихъ плѣнниковъ или оставляли своихъ и чрезъ нихъ узнавали о Христѣ. Особенно успѣшно дѣйствуетъ здѣсь христіанская проповѣдь съ начала IX в. — со времени побѣдоноснаго Крума, когда очень много плѣнниковъ было выведено изъ христіанскихъ восточныхъ областей. Исторія сохранила имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: адрианопольскаго епископа Мануила, монаха Феодора Куфары, Кинамона и др. христіанская проповѣдь проникла даже въ княжескую семью. — Есть преданіе, что Енработа или Боинъ (IX в.), сынъ кн. Мортагона, принялъ кре-

шеніе и былъ замученъ своимъ братомъ Маломіромъ. Наконецъ Борисъ, часто входившій въ непосредственное обращеніе съ христіанскими государями, рѣшился принять крещеніе и окрестить болгарскій народъ; въ 861 г. онъ и дѣйствительно крестился, принявъ имя Михаила. Сербы, пришедшіе на мѣста ихъ теперешняго жительства въ VII в. при Византійскомъ импер. Иракліѣ, имъ же въ первый разъ были крещены чрезъ присланныхъ имъ священниковъ изъ Рима (около 640 г.); второй разъ они сами просили импер. Василія Македонянина, при которомъ на время потеряли пріобрѣтенную раньше самостоятельность, прислать къ нимъ священниковъ и крестить оставшихся въ язычествѣ сербовъ (около 870 г.). Просьба была уважена и всѣ сербы, кромѣ югозападныхъ арентавъ или наречанъ, тогда же приняли христіанство. Къ западнымъ сербамъ—хорватамъ и далматинцамъ—оно шло изъ западной Европы преимуществу чрезъ итальянскихъ миссіонеровъ. Изъ западной же Европы—чрезъ нѣмецкихъ миссіонеровъ—оно проникло къ балтійскимъ славянамъ, моравамъ, паннонцамъ, богемцамъ и полякамъ. Германскіе императоры, особенно Карлъ V. и Оттонъ, равно какъ католическіе епископы и архіепископы сосѣднихъ съ славянами областей заботились о христіанской миссіи между ними. Первые пользовались для этого оружіемъ или мирными переговорами съ славянскими князьями; вторые посылали отъ себя миссіонеровъ въ лицѣ священниковъ, которые сами признавали надъ собою власть пославшихъ ихъ епископовъ и крещенныхъ славянъ приводили подъ ихъ же власть. Такимъ образомъ въ Панноніи архіеп. Зальцбургскій, въ Моравіи Пассаускій и въ Богеміи Регенсбургскій были и руководителями миссіонерскаго дѣла и церковными правителями. Вообще къ половинѣ IX в. въ славянскомъ мірѣ сильно стала дѣйствовать христ. миссія. Къ этому времени почувствовалась нужда взойти славянамъ въ кругъ другихъ европейскихъ народовъ, потерялась прежняя замкнутость, при которой каждый славянскій «родъ съ своимъ родомъ живяше», начались постоянныя столкновенія съ христіанскими народами, образовались сильныя славянскія государства, стало невозможнымъ при этомъ оставаться долге въ язычествѣ и варварствѣ; и вотъ нѣкоторые изъ славянскихъ князей заканчиваютъ свои переговоры съ сосѣдними государями иногда принятіемъ христіанской вѣры; таковы напр. Борисъ болгарскій (861 г.) и 14 чешскихъ (богемскихъ) князей, крестившихся въ Регенсбургѣ (845 г.).

Итакъ славянскій міръ историческими обстоятельствами призывался

въ христіанскую церковь. Но насколько удовлетворительно отвечала на этотъ зовъ дѣйствовавшая тамъ миссія?

Откуда было ближе, отсюда въ большинствѣ случаевъ и получали христіанство славяне: юговосточные—отъ грековъ, а сѣверные и западные—отъ нѣмцевъ или итальянцевъ. Первые были проводниками православія, вторые—католичества. Къ тому времени православіе и католичество уже различались между собою, хотя окончательнаго раздѣленія церквей еще не произошло: католичество—въ отличіе отъ православія—усвоило ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына и о главенствѣ папы въ церкви, запрещало давать мірянамъ чашу съ кровію Господнею, священникамъ проводить брачную жизнь и совершать таинство муропомазанія, требовало поста въ субботу и т. п. Тоже *разъединеніе*, какое существовало между православіемъ и католичествомъ, вносилось миссіонерами и въ среду славянъ; это выражалось и въ іерархическихъ отношеніяхъ: одни славянскія племена подчинялись папѣ, другіе знали Константинопольскаго патріарха. Такимъ образомъ удобрялась почва для усиленія вражды между отдѣльными славянскими племенами,—вражды еще раньше проявлявшейся и на будущее время грозившей славянскому міру опасностію полнаго разъединенія и вмѣстѣ съ тѣмъ разслабленія. Но этого мало. Священники, дѣйствовавшіе въ средѣ славянъ, неудачно выполняли свою миссіонерскую роль. Католическіе заботились только о большемъ количествѣ крещаемыхъ, облагая ихъ десятиною въ свою пользу и другими сборами въ пользу епископовъ, а вовсе не о внутреннемъ просвѣщеніи христіанскою вѣрою принявшихъ ее; притомъ же они нерѣдко являлись интриганамъ при дворахъ славянскихъ князей, дѣйствуя въ духѣ нѣмецкихъ императоровъ. Такимъ образомъ они должны были казаться не только *плохими миссіонерами*, но и людьми, *политически опасными* для славянской народности и *экономически тяжелыми* для народнаго благосостоянія. Греческіе священники были лучше, но тоже далеко не удовлетворяли нуждамъ крещаемыхъ. Между греческими миссіонерами гораздо лучшими были тѣ, которые не присылались официально изъ Византіи, но миссіонерствовали по своей ревности къ этому дѣлу, какъ напр. Куфара, Мануилъ и др.; но такихъ было очень немного и притомъ они дѣйствовали въ очень ограниченномъ кружкѣ лицъ. Постановленія соборовъ Франкфуртскаго 734 г., Турскаго 802 г., двухъ Ахенскихъ 802 и 847 г., даже простой здравый смыслъ должны были говорить латинскимъ и греческимъ миссіонерамъ, что для успѣховъ проповѣди среди славянъ нужно ве-

сти ее на ихъ родномъ—славянскомъ языкѣ. Но они большею частію не знали его и волей-неволей объяснялись на греческомъ, латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; а у латинскихъ миссіонеровъ составилось даже предубѣжденіе противъ славянскаго языка: они утверждали, что только на трехъ языкахъ—еврейскомъ, эллинскомъ и римскомъ, на которыхъ была сдѣлана надпись на крестѣ Христовомъ, можно славить Бога, и потому не хотѣли допустить богослуженія, равно какъ богослужебныхъ и священныхъ книгъ, на славянскомъ—варварскомъ языкѣ; это такъ называемые «триязычники» или «пилатники». Нѣкоторые ученые, какъ напр. Е. Голубинскій ¹⁾, на основаніи сказаній черноризца Храбра и автора житія Климента Бѣлицкаго, думаютъ, что и греки того времени не хотѣли давать славянамъ народнаго богослуженія и всюду вводили греческое. Въ сравнительно лучшихъ, повидимому, условіяхъ находились славяне, заселявшіе южныя области между Дунаемъ и Дономъ, потому что тамъ еще въ IV в. существовалъ переводъ Священнаго Писанія и совершалось богослуженіе на готскомъ языкѣ; но на самомъ дѣлѣ съ уходомъ отсюда готовъ все это, вѣроятно, прекратилось, а если и существовало, то не было собственно славянскимъ и народнымъ; по удаленіи готовъ, съ которыми прежде славяне были въ постоянномъ общеніи, и тѣмъ поддерживали знаніе готскаго языка ихъ переводъ Свящ. Писанія обратился для славянъ въ мертвый малопонятный памятникъ, притомъ же въ VIII—IX в. такъ рѣдко встрѣчаемый, что удивлялъ собою грековъ, когда тѣ его находили, и принимался ими иногда за «русскій» переводъ ²⁾. Такимъ образомъ не будетъ преувеличенія, если скажу, что для успѣховъ Христовой проповѣди *недостигало у славянъ проповѣди о Христѣ, книгъ и богослуженія на славянскомъ языкѣ*. Рѣчь латинская, нѣмецкая или греческая, которой говорили и совершали церковныя службы миссіонеры, была понятна лишь очень немногимъ славянамъ,—именно тѣмъ, которые путемъ столкновенія съ сосѣдними народами познакомились и съ ихъ языками; но и для нихъ христіанство, облачаемое въ формы чуждаго языка, не могло казаться настолько своимъ, настолько близкимъ, насколько казалось бы, если бы проповѣдывалось на ихъ родномъ языкѣ. А громадное большин-

1) Ист. р. Церкви I т. 2 изд., стр. 285—286 примѣч.

2) Готскій именно переводъ думаютъ видѣть многие ученые въ томъ русскими писателями написанныхъ евангеліи и псалтири, которыя—по словачь біографа (Паннонскія житія)—нашелъ Кириллъ въ Херсонесѣ. Нѣкоторые же съ меньшимъ основаніемъ признаютъ ихъ за греческія или славянскія.

ство, не понимавшее чужихъ языковъ, обрекалось на нѣчто очень курьезное: оно должно было смотрѣть въ глаза проповѣднику, наблюдать его жесты, слышать отдѣльные звуки, вылетающіе изъ его усть, — то протяжные, то короткіе, то высокіе, то низкіе, не понимая ихъ смысла: при богослуженіи опять тѣже звуки и дѣйствія безъ смысла. Ничто не могло говорить уму и сердцу, навѣвалась одна только скука; слушатели уподоблялись глухимъ, ничего не понимая, а священники — гугнивымъ, говоря непонятно (пользуясь сравненіемъ жизнеописателя св. первоучителей). О познаніи христіанской вѣры, объ усвоеніи ея и проведеніи въ жизнь нечего было думать при такихъ условіяхъ христіанской проповѣди; самое большее, что могло быть, — это внѣшнее принятіе христіанства, выражающееся лишь актомъ крещенія. Просвѣщать же народъ христіанской вѣрой безъ народной проповѣди и безъ народнаго богослуженія, по меткому выраженію св. Кирилла, тоже, что «писать бесѣду на водѣ». Историческіе примѣры и дѣйствительно подтверждаютъ это: хорошо извѣстны неудачные труды Павлина въ Нортумберландѣ, галльскихъ миссіонеровъ въ Саксоніи и рядомъ съ ними очень успѣшная дѣятельность Григорія и Цсаакія, просвѣтителей армянскихъ, Патрикія Ирландскаго, Айдана Нортумберландскаго, Лутгера Саксонскаго и др.; обратимся къ исторіи болгаръ и здѣсь найдемъ разительный примѣръ: многіе изъ нихъ, крещенные во времена Пракля, впоследствии, добившись политической самостоятельности, отпали отъ христіанства и опять возвратились къ нему лишь при Василии Македонянинѣ, когда были покорены имъ. Вотъ какъ прочно насаждалось христіанство въ средѣ славянъ! Такимъ образомъ греческая и латинская миссія дѣйствовала у нихъ широко, но многого, — именно самаго существеннаго, — не доставало для успѣшнаго просвѣщенія ихъ христіанствомъ. Если вѣрить Паннонскому житію, этотъ недостатокъ чувствовался и сознавался тогда нѣкоторыми славянами; такъ Ростиславъ Моравскій, племянникъ его Святополкъ и Коцель Паннонскій, хорошо зная, что въ ихъ владѣніяхъ дѣйствуютъ латинскіе миссіонеры, въ 862 г. обратились къ Константинопольскому императору Михаилу III съ просьбою прислать имъ учителя, «ниже бы народу въ свой языкъ истинную вѣру христіанскую ~~сказалъ~~». Восполнить этотъ недостатокъ и такимъ образомъ удовле~~творит~~ь общеславянской нуждѣ взяли на себѣ свв. братья, Кириллъ и Меодій.

То была сложная и трудная задача; не мало практическаго ума, филологическихъ знаній, и силы воли требовала она отъ тѣхъ, кто

за нее брался: нужно было составить славянскую азбуку, перевести на славянскій языкъ нужныя книги, подготовить славянскихъ учителей и священнослужителей, устроить славянскія епархіи и вступить въ борьбу съ врагами этихъ нововведеній. *Обстоятельства жизни подготовили* въ обоихъ братьяхъ всѣ качества, требуемыя отъ нихъ, какъ будущихъ просвѣтителей славянскаго міра. Отъ природы надѣленный сильнымъ умомъ, Кирилль развилъ его своими учеными трудами; рано выступившій на диспутахъ, онъ приобрѣлъ находчивость въ спорѣ и показалъ стойкость своихъ православныхъ убѣжденій; взявши на себя дѣло учительства, онъ познакомился съ школьной обстановкой и узналъ, какъ легко чрезъ школу проводить тѣ или другія воззрѣнія; предприимчивая путешествія къ сарацинамъ и хозарамъ, онъ заранѣе приготовился къ трудамъ миссіонера; родившись и дѣтство свое проведя въ Македоніи, гдѣ жило много славянъ, онъ научился славянскому языку, такъ что могъ «бесѣдовать чисто словенскы»; на основаніи одного стариннаго свидѣтельства нѣкоторые ученые даже утверждаютъ, что отецъ Кирилла, Левъ, былъ родомъ славянинъ ¹⁾. Меѳодій, когда «держалъ княженіе славенско», имѣлъ возможность ближе узнать бытъ, воззрѣнія и нужды славянскаго народа, своими личными подвигами въ монастырѣ онъ закалилъ въ себѣ волю и своимъ путешествіемъ къ хозарамъ, также какъ и братъ его, подготовилъ себя къ миссіонерской скитальческой жизни, управляя Славиніей въ качествѣ воеводы и монастыремъ Полихроніевымъ въ качествѣ игумена, онъ кромѣ того практически подготовлялся и къ будущему управленію Мораво-Паннонскаго церковію. Самъ императоръ Михаилъ III, лично знавшій св. Кирилла, смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, наиболѣе способнаго для выполненія указанной выше задачи: «знаю, что ты слабъ, говорилъ онъ ему, когда получена была просьба Ростислава, но нельзя тебѣ не пойти къ нимъ (славянамъ), кромѣ тебя никто другой не можетъ выполнить ихъ прошенія», «съ твоимъ умомъ—продолжалъ онъ, уговаривая Кирилла составить азбуку для славянъ и перевести для нихъ нужныя книги, «аще хочеши, то можетъ тебѣ Богъ дати». Обстоятельства дѣйствительно показали, что Кирилль и Меѳодій были способны выполнить и *удачно выполнили* взятую на себя задачу.

¹⁾ См. *Бумарина* Россія Слб. 1838 г. ч. IV стр. 14--19; *Априлова* Болгарскіе квижники Кирилль и Меѳодій. Одесса 1884 г. *Макарія* Исторія христ. въ Россія до Владиміра Слб. 1846 г. стр. 20, 3—5 и др. Самое свидѣтельство см. у *Добровскаго* Кирилль и Меѳодій (въ переводѣ Погодина) 1825 г. стр. 35.

Славяне въ то время не имѣли у себя своей азбуки. По паннонскому житію импер. Михаилъ III заявилъ Кириллу, что тщетно искали и отецъ и дѣдъ его; по свидѣтельству черноризца Храбра, «славяне чертами и рѣзами чытаху и гадаху, погани суще; крестивше же ся, римскими и гречьскими письмены нуждахуся писати,—словенска рѣчь бѣ не устроена». Напрасно нѣкоторые ученые (Копитаръ и др.) старались доказать, что къ половинѣ IX в. уже существовали у русскихъ славянъ свои письмена и книги, что такъ называемая глаголица появилась у славянъ раньше Кирилловой азбуки; большинство новѣйшихъ изслѣдователей противъ нихъ ¹⁾, да и старинныя житія и легенды представляютъ обыкновенно Кирилла или Меодія, или обоихъ вмѣстѣ *первыми изобрѣтателями славянской азбуки* ²⁾. Разбирая древнія свидѣтельства о ея составленіи, можно вмѣстѣ съ Срезневскимъ придти къ убѣжденію, что именно Кириллъ, а не Меодій—какъ говорится въ сравнительно немногихъ сказаніяхъ ³⁾—сложилъ азбуку ⁴⁾. Нѣкоторые ученые думаютъ, что Кириллъ самостоятельно дошелъ до этой мысли, какъ и до признанія необходимости дать славянамъ понятное имъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, что толчкомъ къ большей продуманности этой мысли послужила случайная встрѣча Кирилла съ готскими («русскими») евангелиемъ и псалтирью и что въ головѣ Кирилла созрѣлъ планъ приготовить славянамъ переводныя книги еще до прибытія Моравскаго посольства въ Константинополь ⁵⁾. Есть даже такіе, которые думаютъ, что Кириллъ началъ выполнять эту задачу еще тогда, когда жилъ съ братомъ на Олимпѣ или одинъ при церкви св. Апостоловъ въ Константинополѣ. Но Паннонское житіе представляетъ дѣло такъ, что Кириллъ только послѣ прибытія моравскихъ пословъ узналъ о томъ, что у славянъ нѣтъ своихъ письменъ, изобрѣлъ азбуку и перевелъ необходимыя книги на славянскій языкъ. Устарѣло уже то мнѣніе (Добнера), которое приписывало Кириллу составленіе глаголицы ⁶⁾; теперь ему усвояютъ изобрѣтеніе той азбуки, которая носитъ названіе *кириллицы* и представляетъ не мало отличій отъ гла-

1) Добровскій, Срезневскій, Макарій, Голубинскій и др.

2) См. у Макарія *ibid.* стр. 191—200.

3) Добровскаго стр. 32—35.

4) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1848 г. июль, стр. 27—28.

5) Голубинскаго I т. 2 полов. стр. 285—6.

6) Журн. Мин. Нар. Просв. *ibid.* стр. 54.

голицы. Она есть собственно греческая азбука, дополненная новыми буквами для выраженія тѣхъ звуковъ славянскаго языка, которыхъ не доставало въ греческомъ. Она сначала состояла изъ 38 буквъ— 24 греческихъ и 14 новыхъ (б, ж, с, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, њ, ѣ (для звуковъ њ и я), ю, ѧ (юсъ=ен) и ж=он). Изъ новыхъ буквъ только одна—ж—изобрѣтена самостоятельно Кирилломъ; остальные или заимствованы изъ еврейскаго (ц, ч, ш, щ), или образованы изъ греческихъ чрезъ ихъ измѣненіе (б изъ β, э и ѡ изъ ρ), соединеніе (ы), или же чрезъ употребленіе нѣсколькихъ начертаній одной и той же греческой буквы для обозначенія отдѣльныхъ буквъ (ѧ—ε, ѧ—α, ж измѣненны ѧ). Впослѣдствіи Кириллица пополнилась буквами: ѧ (я), двумя іотированными юсами (ѧ, ѧ) и обратнымъ э¹⁾.

Переводъ необходимыхъ для славянъ книгъ Кириллъ началъ съ Евангелія Іоанна. Въ 4 съ половиной года онъ успѣлъ переложить богослужебный izborъ Евангелій и Апостола, Псалтирь, Паремейникъ и весь тогдашній кругъ собственно богослужебныхъ книгъ— часословъ, октоихъ, общую мѣню и краткій церковный уставъ. А Меѡдій послѣ его смерти съ помощниками перевелъ еще всю библію, кромѣ Маккавейскихъ книгъ, Номоканонъ Іоанна Схоластика, Кириллово описаніе преній съ хозарами и нѣсколько святоотеческихъ твореній. Не сохранилось подлинныхъ рукописей Кирилла и Меѡдія; древнѣйшіе памятники, писанные кирилловскими буквами, относятся уже къ X вѣку, такъ что и до настоящаго времени остается мѣсто догадкамъ относительно того, на какое изъ славянскихъ нарѣчій первоначально были переложены священныя и богослужебныя книги. Одни изслѣдователи указываютъ на болгарскій языкъ (Шлецеръ, Шафарикъ, Вепелинъ, Востоковъ, Шевыревъ, Максимовичъ, Новицкій, Априловъ, Бодянский, Макарій и др.), другіе — на сербскій (Добровскій, Полевой, Луцій, Шеплебенъ, Меховита и др.), третьи—на словацкій (І. Хр. Іоарданъ, Чапловичъ), четвертые—на крайно-виндскій (Копитаръ, Гриммъ), пятые—на моравскій (Іоаннъ экз. Болгарскій, Евгений, Калайдовичъ, Голубинскій и др.), шестые наконецъ -- коренной общеславянскій языкъ или смѣшанный Сербо-Болгаро-Македонскій (Погодинъ и др.). Скорѣе всего, такъ какъ Кириллъ и Меѡдій дѣйствовали въ Моравіи и Панноніи и туда именно были призваны, они на Моравскій языкъ и переводили богослужебныя книги; а тѣ, переходя въ сосѣднія области, подвергались тамъ переложенію и измѣненію; такъ напр. можно думать—

1) Голубинскій. *ibid.* стр. 235—6.

на основаніи сказанія Черноризца Храбра— о сдѣланномъ въ Болгаріи Климентомъ Величскимъ измѣненіи Кирилло - Меѳодіевскихъ переводовъ ¹⁾.

Съ славянскими письменами и переведенными на славянскій языкъ книгами должно было пойти быстро впередъ *дѣло проповѣди*. Пройдя чрезъ Болгарію, съ захваченными изъ Константинополя священниками пришли Солунскіе братья въ Моравію и остановились въ Дѣвинѣ (впослѣдствіи Велеградѣ, теперь уже не существующемъ ²⁾). Тамъ выступили они съ проповѣдью на народномъ языкѣ, организовали славянское богослуженіе и подготовили изъ данныхъ имъ Ростиславомъ учениковъ будущихъ священниковъ и миссіонеровъ, которые могли бы читать славянскія письмена, совершать церковныя службы и учить народъ. Кириллъ, Меѳодій и ихъ ближайшіе помощники — Гораздъ, Климентъ, Савва, Наумъ и Ангеларій были учителями моравовъ. Изъ Дѣвины они предпринимали путешествія и по другимъ областямъ Моравіи, всюду поучая народъ и вводя славянское богослуженіе. Въ Панноніи Коцель сдѣлалъ тоже, что Ростиславъ въ Моравіи, — набралъ учениковъ для обученія славянской грамотѣ и упросилъ братьевъ, когда они ѣхали въ Римъ, заняться съ ними. Тогда же они посѣтили Далматинцевъ и Хорватовъ, насаждая тамъ тѣже сѣмена, что въ Моравіи и Панноніи. Но всетаки Моравія и Паннонія оставались главнымъ мѣстомъ ихъ дѣятельности. Кириллъ трудился недолго — 4 съ половиною года; но за то трудился съ увлеченіемъ и показалъ путь, по которому нужно было идти христіанской миссіи послѣ его смерти: на этомъ пути стояла школа, какъ рассадникъ миссіонеровъ, славянское богослуженіе и книги, какъ руководства для христіанскаго просвѣщенія паствы. Онъ хорошо сознавалъ, что такъ именно нужно идти и что отъ этого зависитъ спасеніе славянъ. Поэтому-то предъ смертію такъ трогательно уговаривалъ онъ своего брата продолжать дѣло, надъ которымъ трудились вмѣстѣ— всахивать ту борозду, которую вели сообща, но на которой одинъ уже палъ. Меѳодій исполнилъ завѣтъ брата и 16 лѣтъ въ качествѣ святителя ревностно просвѣщалъ паннонцевъ и моравовъ. Скоро сказались плодотворные плоды такой дѣятельности. Народъ всюду съ радостію слушалъ понят-

¹⁾ Ibid. стр. 295.

²⁾ Онъ разрушенъ въ Хв. Мадьярами и находился на часъ пути отъ нынѣшняго Велеграда по линіи отъ Вѣны въ Краковъ и Варшаву или въ Преровъ, — на $\frac{1}{4}$ часа пути отъ теперешней станицы Ungarisch Hradisch—„Угорскаго Городища“ (рефер. Пальмова).

ную ему проповѣдь и богослуженіе на народномъ языкѣ; всюду отверзались уши глухихъ и раскрывался языкъ гугнивыхъ, всюду оставлялось язычество, поражаемое христіанствомъ, какъ напр. у наречанъ, всюду оставлялось чуждое латинское и греческое богослуженіе и пустѣли приходы латинскихъ и греческихъ священниковъ, такъ что нѣкоторые, какъ напр. Рихвальдъ паннонскій, должны были выѣхать изъ славянскихъ земель. Даже такія области, какъ Богемія и Польша, захотѣли принять христіанство: Боривой былъ крещенъ самимъ архіеп. Меодіемъ, лично освятилъ онъ тамъ церкви въ Литомышлѣ и Лѣвомъ Градцѣ; въ Польшу на Вислу онъ, по преданію, посылалъ миссіонеровъ. Епископія Мораво-Паннонская разрослась еще при его жизни въ большую архіепископію, такъ что власть Меодія простиралась и на сосѣднія славянскія области. вмѣсто прежняго разлада въ церковной жизни стало вводиться единеніе: Моравія, Паннонія, Богемія, Польша, Болгарія, Хорватія, Далматія и др. славянскія земли стали стремиться къ константинопольскому патріарху и нѣкоторые изъ нихъ рѣшительно заявили это. Громадное большинство славянъ принимало православное христіанство съ православными обрядами, какъ оно было проповѣдуемо св. Кирилломъ, Меодіемъ и ихъ учениками. Напрасно католическіе ученые и самъ папа въ своей энцикликѣ 1880 г. стараются показать, что они были проводниками католичества и папизма: исповѣданіе вѣры, приписываемое Кириллу, предсмертное завѣщаніе Меодія, многія житія и легенды говорятъ противъ нихъ; а одинъ діоклейскій священникъ въ 1161 г. прямо заявилъ, что «святѣйшій мужъ Константъ (Кириллъ) ввелъ у славянъ литургію по обычаю грековъ (more graecorum)»³⁾.

Итакъ подъ вліяніемъ дѣятельности Кирилла и Меодія, славянскій народъ просвѣщался, объединялся около православной вѣры и славянской грамоты, вступалъ во взаимоотношеніе и приходилъ къ сознанию своей народности. Результаты очень важныя для славянской цивилизаціи, но очень нежелательныя нѣмцамъ, старавшимся забрать славянскій міръ въ свои руки, латинскимъ миссіонерамъ, поддерживавшимъ ихъ, и папѣ желавшему подчинить своей власти славянъ и соперничавшему въ то время съ Константинопольскимъ патріархомъ. Такимъ образомъ, должны были появиться интриги, клеветы и открытыя *нападки на Кирилла и Меодія* и его учениковъ, какъ

3) Подробнѣе см. объ этомъ въ Анти-энцикликѣ Харьк. 1882 г. гл. VII—VIII.

нарушителей желательнаго католическо-нѣмецкой партіи порядка. Со всѣмъ этимъ и дѣйствительно пришлось встрѣтиться имъ. Писался противъ нихъ голосъ нѣмецкаго и итальянскаго духовенства, зараженнаго миѣніемъ пилатниковъ: «Не славится Богъ вашимъ дѣломъ». Славить Бога можно только тремя языками—еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ... Какъ дерзнули вы придумать для славянъ писмена и учить ихъ по славянскимъ книгамъ, когда никто другой прежде васъ не осмѣлился сдѣлать это, — ни апостолы, ни папа, ни древніе отцы». Другой голосъ—«иопаторовъ»¹⁾ сталъ вторить первому: славянскіе учителя учатъ не такъ, какъ исповѣдывали св. отцы и соборы, они—ариане. Преданные папѣ лица говорили, что Кириллъ и Меѳодій отторгаютъ отъ римскаго престола то, что издавна и законно принадлежало ему. Сами папы подчасъ внимали этимъ голосамъ: Николай I-й вызывалъ св. братьевъ къ себѣ въ Римъ, но не дождался ихъ; Іоаннъ VIII, второй преемникъ Николая, посылалъ парочнаго въ лицѣ Анконскаго епископ. Павла съ запрещеніемъ архіеп. Меѳодію отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ (873 г.). Лѣтъ чрезъ 5 (878 г.) пришли въ Моравію двѣ грамоты, выдаваемыя за буллы того же Іоанна VIII (но въ подлинности, которыхъ въ настоящее время нѣкоторые сомнѣваются), — одна на имя Меѳодія, другая — кн. Святополка: первая упрекаетъ Меѳодія въ томъ, что онъ, не смотря на посланное раньше чрезъ Павла Анконскаго запрещеніе, продолжалъ совершать службы на варварскомъ языкѣ, предписываетъ впредь совершать ихъ только на латинскомъ или греческомъ языкахъ и вызываетъ Меѳодія въ Римъ на отвѣтъ; вторая убѣждаетъ князя содержать вѣру «по разуму св. римской церкви» и извѣщаетъ, что Меѳодій за несогласное съ нею ученіе потребованъ къ отвѣту. Наконецъ, въ 885 г. стала извѣстна еще болѣе грозная булла, приписываемая папѣ Стефану VI, но по всей вѣроятности составленная злѣйшимъ врагомъ Меѳодія, его викаріемъ, Нитранскимъ епископомъ, нѣмцемъ Викингомъ. Здѣсь Меѳодій выставляется нарушителемъ клятвы, будто бы данной имъ надъ гробомъ св. Петра въ томъ, что не будетъ совершать службъ на славянскомъ языкѣ, отвергается его «суетная вѣра», впредь подъ страхомъ анаемы запрещается славянское богослуженіе и дозволяется лишь объясненіе Слова Божія на славянскомъ языкѣ. Чтoby смутить Меѳодія, враги его упустили слухъ, что будто Константинопольскій

¹⁾ Допускающихъ исхожденіе Св. Духа и отъ Сына (ὁρίζ).

императоръ гнѣвается на него и грозитъ ему смертію, если захватить его; клеветали на него предъ моравскимъ кн. Святополкомъ и германскимъ импер. Людовикомъ, вызвали его даже на соборный судъ и наконецъ, 2 съ половиною года продержали его въ заточеніи въ Швабскомъ замкѣ (870—872 г.). Много находчивости нужно было св. братьямъ, чтобы поражать козни противниковъ и побѣждать ихъ въ спорахъ, много терпѣнія и воли, — чтобы сносить постоянныя нападенія и среди нихъ неуклонно идти своею дорогою. Но достаточно было ума и находчивости у св. Кирилла, чтобы отстоять законность славянскаго богослуженія, добиться отъ Адриана II, освященія славянскихъ книгъ и оффиціального дозволенія на совершеніе впредь славянскихъ службъ. Достаточно было непреклонности и воли у св. Меодія, чтобы не отказываться отъ своего дѣла: сидѣнье въ швабскомъ заточеніи не сдѣлало его уступчивѣе, — папа Іоаннь VIII освободилъ его; клеветы предъ папою и Константинопольскимъ дворомъ разрушались самимъ Меодіемъ, смѣло ходившимъ въ Римъ и Константинополь, — разрушались чрезъ открытое исповѣданіе правой вѣры; запрещенія совершать славянское богослуженіе, пусть бы они расточались даже въ буллахъ и облекались въ грозную форму, — не выполнялись имъ. Оба — и Кириллъ и Меодій — готовы были жертвовать всѣмъ своимъ благосостояніемъ, лишь бы осуществлялась завѣтная ихъ идея о народномъ богослуженіи и внутреннемъ просвѣщеніи христіанствомъ славянъ. Такъ дорога была для нихъ эта идея! Своими трудами умѣло привили они ее къ жизни славянскихъ народовъ, а въ лицѣ своихъ учениковъ подготовляли людей, которые послѣ нихъ также умѣлою рукою стали бы охранять эту идею отъ неблагопріятныхъ вліяній и способствовать скорѣйшему ея росту.

Въ 885 г. на утренней зарѣ 6 апрѣля славянскій міръ потерялъ послѣдняго изъ Солунскихъ братьевъ - просвѣтителей, Меодія. Идея, за которую ратовалъ онъ при жизни вмѣстѣ съ философомъ Кирилломъ, осталась безъ поддержки ея непосредственныхъ носителей и представителей; остались ихъ труды, какъ выраженіе этой идеи и залогъ ея жизни на послѣдующее время. Теперь только настала пора, когда эта идея сама должна была проявить свое достоинство, свою внутреннюю, присущую ей, силу, жизненность и благотворное для славянскаго міра значеніе, независимо отъ лицъ, ее впервые выразившихъ и пропагандировавшихъ. Идея познается по плодамъ: живуча не та идея, которая, какъ искра, моментально охватываетъ

умы и сердца людей, а затѣмъ скоро забывается, напротивъ — та, которая, — быстро или медленно распространяясь (это все равно), — держится твердо и долго, которая, не смотря на всевозможныя препятствія, сживается съ народнымъ складомъ и въ продолженіи вѣковъ оживляетъ народъ. Цѣлое тысячелѣтіе прошло со времени смерти Меодія. Въ такой долгій срокъ, пора было дѣлу славянскихъ братьевъ потерять характеръ заманчивой новинки и обнаружиться въ своемъ истинномъ, *объективномъ* значеніи, пора было этому дѣлу принести и плоды свои, пора было и *исторіи безпристрастно оцнить дѣло Кирилла и Меодія*. Насколько позволять рамки публичной рѣчи, покажемъ, что же обнаружилось предъ взглядомъ историка.

Весенній «свѣтающій день», какъ выражается Паннонское житіе, видѣлъ кончину святителя Меодія. Плачевное для Моравіи событіе совпало съ радостнымъ для ви́шней природы временемъ—временемъ дневнаго разсвѣта и весенняго оживленія, какъ будто сама природа предъказывала, что умирающій святитель оставляетъ послѣ себя задатки для разсвѣта и оживленія славянскаго міра, что теперь настало удобное время этому міру воспринять идею своихъ первоучителей, какъ ви́шней природѣ въ весеннюю пору возрастить сѣмена растений. Сообща Кирилломъ и Меодиёмъ проведена была борозда, брошены въ нее новыя сѣмена; одни еще лежали въ землѣ, другія уже взошли, а нынѣ принесли плодъ при жизни Меодія; послѣ него имъ предстояло расти, въ той же бороздѣ разлетаться по другимъ мѣстамъ и тамъ прививаться; тернія, каменистая почва и чужіе люди были ихъ врагами; но они проявляли свою жизненность. Прощаясь предъ смертію съ своею паствою, св. Меодій пророчески говорилъ ей: «по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада, еже отторгать людей вслѣдъ себѣ». Они-то и должны были явиться противниками идей и дѣла его. На самомъ дѣлѣ исторія славянъ полна борьбы православія и народности въ церковной жизни съ врагами той и другой. Такими врагами были нѣмцы, папа, ревнители католичества — ливонцы, австрійцы и поляки, иногда даже и греки. Сильнѣе всего сказывалось ихъ давленіе на западныхъ славянахъ и православныхъ жителей Польши; поэтому тамъ въ настоящее время слабѣе проявляются остатки Кирилло-Меодиѣва дѣла. Но отнюдь нельзя сказать, чтобы оно совсѣмъ безъ слѣда пропало и тамъ. У славянъ же, болѣе свободныхъ отъ чуждаго вліянія, какъ у юговосточныхъ сербовъ, болгаръ и русскихъ;

прочіѣ держится то, за что нѣкогда стояли св. Солунскіе братья. Бѣглый очеркъ церковной жизни у славянъ покажетъ все это какъ нельзя лучше.

Начнемъ съ *Моравіи*, которая при жизни Кирилла и Меѳодія, была источникомъ свѣта и благоустройства для славянъ. Сейчасъ же за смертію Меѳодія нѣмецкая партія взяла верхъ; Викингъ Нитранскій перешелъ въ Велеградъ; при поддержкѣ Святополка усилились латинскіе миссіонеры и всюду стали вводиться латинскіе обычаи; сторонники Меѳодія подверглись лишенію имущества и свободы; непосредственные ученики его были изгнаны изъ Моравіи и разнесли повсюду—по Болгаріи, Польшѣ и Богеміи—сѣмена, полученныя отъ своего учителя. Но скоро самъ Викингъ подвергся изгнанію, и дѣло солунскихъ братьевъ опять восторжествовало: утвердилось славянское богослуженіе съ греческими обрядами и славянской іерархіей. Такъ продолжалось не долго. Въ началѣ X в. Паннонія и Моравія потеряли свою самостоятельность: часть отошла къ богемцамъ, часть была покорена венграми и наконецъ все въ XVI в. перешло подъ власть австрійскаго дома Габсбурговъ. Венгерское правительство (особенно въ лицѣ Эмерика и Бѣло IV въ XIII в.) и впослѣдствіи австрійское стали на сторону католической партіи и прибѣгали ко всякаго рода притѣсненіямъ, чтобы ослабить и даже уничтожить православіе, а вмѣстѣ и народность покоренныхъ славянъ. Однако приверженность къ православію въ нихъ была такъ сильна, что въ XI в. они взбунтовались, прогнали латинскихъ священниковъ, убили князя Петра и на венгерскій престолъ возвели православнаго Андрея, клятвой обязавъ его не стѣснять ихъ въ отправленіи прежнихъ обрядовъ (1046 г.); въ XII в. восточные обряды и славянское богослуженіе были еще преобладающими; въ XIII в. сами папы, видя что прямое преслѣдованіе славянскаго богослуженія и православныхъ обрядовъ не удастся, сдѣлали уступку,—они дозволили все это моравскимъ славянамъ, требуя только, чтобы они подчинялись епископамъ, поставленнымъ папою. Съ теченіемъ времени эти епископы при поддержкѣ католическаго правительства и единомышленныхъ священниковъ мало по малу распространяли въ народѣ латинскіе обычаи и латинское служеніе, тѣмъ и другимъ замѣняя православныя обряды. Такимъ путемъ они сдѣлали очень многое; но всетаки не удалось окончательно уничтожить остатки православной старины: слѣды ея до сихъ поръ замѣтны тамъ даже въ римско-католическихъ общинахъ. Въ такъ называемыхъ Гайдукскихъ городахъ — Бешермены, Дорогъ,

Шобошло, въ цѣломъ Шобольтскомъ комитатѣ богослуженіе и теперь совершается по греко-славянскому уставу, хотя проповѣди говорятся и пѣснопѣнія поются на мадыарскомъ языкѣ; даже пѣснопѣнія эти оканчиваются припѣвомъ древнеславянской пѣсни «Господи, помилуй»!

Въ Богеміи еще при Боривоѣ введено было православіе съ славянскимъ богослуженіемъ и книгами, заимствованными у моравовъ. Латинство стало пускать здѣсь корни только съ конца X в. при Болеславѣ II. Въ это время открылась латинская епископія въ Прагѣ, основано было нѣсколько латинскихъ монастырей и даже стало, по повелѣнію папы, распространяться латинское богослуженіе. Особенно много трудился для этого второй пражскій епископъ Адальбертъ или Войтѣхъ. Въ XIII—XIV в. еще болѣе усилилось латинское вліяніе. Православные съ неохотою принимали латинскія нововведенія, оказывали противодѣйствіе, когда у нихъ отнимали славянское богослуженіе и у мірянъ—свхаристическую чашу, когда вводили инквизицію, безбрачіе духовенства и т. п.; чешскіе князья и священники неоднократно просили у папы разрѣшенія на славянскія службы. Но все было напрасно. Папа Григорій VII (1096 г.) окончательно запретилъ ихъ; нѣмцы нѣсколько разъ силою вводили латинское богослуженіе и иногда разоряли монастыри, бывшіе средоточіями православія, какъ напр. Еммаусскій на р. Сазавѣ¹⁾. Въ XV в. открылось сильное гусситское движеніе: народъ сталъ требовать возстановленія православныхъ обрядовъ; сами гусситы вступили въ сношенія съ Константинополемъ. По всему видно было, что въ это время еще жила въ народѣ преданность старинѣ, унаслѣдованной отъ Меоводія. Но въ XVI в., когда чехи окончательно подпали власти Габсбургскаго дома, который издавна отличался приверженностію къ католицизму, латинство опять подняло голову. Послѣ битвы при Бѣлой горѣ (1620 г.) чешскій языкъ сталъ изгоняться изъ школъ, судовъ и, по прежнему, изъ церквей, католичество объявлено единственно терпимой религіей, іезуиты получили въ свои руки воспитаніе юношества и направили всѣ усилія къ тому, чтобы окончательно подавить въ чешскомъ народѣ сознаніе своей народности, истребить памятники его древней исторіи и литературы, передѣлать чешскую исторію на свой образецъ и т. п. Только въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія подѣ вліяніемъ дѣятельности чешскихъ патріотовъ Добров-

¹⁾ Въ 1097 г. латиняне окончательно завладѣли имъ и уничтожили славянское богослуженіе.

скаго, Шафарика, Палацкаго и др. воскресло въ чешскомъ народѣ стремленіе къ національности, а вмѣстѣ къ гусситству и православію. Пражскій университетъ сталъ во главѣ этого движенія.

Подобнымъ же образомъ православіе и народность были вытѣсняемы и во всѣхъ другихъ славянскихъ странахъ, въ различныя времена присоединявшихся къ Венгріи и Австріи, — именно у сербовъ иллирійскихъ (въ Далмаціи и Хорватіи) и на военной границѣ, въ Славоніи, Истріи, угорской землѣ и Галичинѣ. Къ *иллирійскимъ* или приморскимъ *сербамъ* очень рано (еще въ IX в.) перешли изъ Моравіи или Болгаріи богослужебныя книги и ввелось славянское богослуженіе. Напрасно соборы въ Силѣтѣ и Салонѣ 925, 928, 1059, 1063 г. и др. запрещали славянское богослуженіе, напрасно епископы, присылаемые изъ Италіи, отказывали въ замѣщеніи священническихъ должностей лицамъ, знавшимъ славянскій языкъ, напрасно Кирилловы письма назывались готекими и самъ Меодій — еретикомъ, — славянское богослуженіе продолжало существовать. Силѣтскій (въ Италіи) митрополитъ, которому поручено было слѣдить за церковными дѣлами въ этой области, долженъ былъ по неволѣ терпѣть славянское богослуженіе; даже самъ папа Иннокентій IV въ 1248 г. далъ свое разрѣшеніе на это особой грамотой, впрочемъ подъ условіемъ введенія глаголическихъ, а отнюдь не Кирилловскихъ писемъ. Впослѣдствіи такое разрѣшеніе повторялось не разъ и издавались глаголическими письменами богослужебныя книги на народномъ языкѣ. Для того, чтобы разорвать связь западныхъ сербовъ съ восточными, гдѣ сильно было православіе и утвердилась Кириллица, и чтобы послѣ этого удобнѣе окатоличивать первыхъ и втягивать ихъ въ связь съ римскимъ престоломъ, ревнители католической пропаганды иногда распространяли тамъ мнѣніе, что Кирилломъ составлена именно глаголица, и сами, оставляя ее, мало по малу замѣняли глаголическія начертанія латинскими буквами. На сколько сильна въ настоящее время у иллирійскихъ сербовъ преданность славянскому богослуженію, можно видѣть изъ слѣдующаго: извѣстнѣйшій въ настоящее время ревнитель католичества между хорватами дьяковарскій еп. Штросмайеръ въ своемъ «Пастырскомъ посланіи» по поводу нынѣшняго праздника пишетъ: «по великой милости Божіей у насъ — хорватовъ до днесь сохранился обычай, что славянская миша (литургія) по обряду западному читается на языкѣ славянскомъ. Противъ этого священнаго обычая въ теченіи цѣлыхъ столѣтій велась борьба, но напрасно, и нѣтъ силы, которая могла бы сла-

вянскій языкъ въ нашемъ отечествѣ устранить изъ богослуженія¹⁾. А славянскій комитетъ въ Лайбахѣ (въ Карніоліи) рѣшилъ просить у центрального комитета по празднованію Меѳодіева юбилея, чтобы онъ обратился къ папѣ Льву XIII съ ходатайствомъ о дозволеніи славянскаго богослуженія всѣмъ славянамъ въ католическихъ странахъ. Близость Италіи, преданной Риму, и вліяніе австрійскаго правительства сказались тѣмъ, что у приморскихъ сербовъ усилилось католичество. Но всетаки тамъ и теперь есть православныя епископства, которыя поддерживаютъ связи съ восточными славянами и отъ нихъ достаютъ себѣ богослужебныя книги Кирилловскаго письма. Всѣ онѣ, вмѣстѣ съ сербами, перешедшими *«военную границу»* при сербскомъ патріархѣ Арсеніѣ Черноевичѣ (1690 г.), состоятъ подъ вѣдѣніемъ автокефальнаго Карловинцаго митрополита, который недавно (1848 г.) получилъ отъ австрійскаго правительства титулъ патріарха австрійскихъ православныхъ сербовъ. Православные выдержали всевозможныя стѣсненія, иногда горячо отстаивали православныя обычаи предъ католическими соборами (какъ напр. хорватскій епископъ Андрей Дудичъ въ Тридентѣ) и теперь рѣшительно заявляютъ, что для нихъ невозможенъ переходъ въ католичество²⁾. Всѣхъ православныхъ сербовъ въ предѣлахъ Австріи въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія насчитывалось не меньше 700 тысячъ на полтора милліона жителей; кромѣ того не меньше 30 тысячъ униатовъ, у которыхъ сохранилось много остатковъ православія и которые особенно теперь заявляютъ стремленіе къ очищенію православнаго богослуженія отъ католическихъ примѣсей. *Горскіе русскіе*, не смотря на всевозможныя притѣсненія, также въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ охраняли православіе и только въ прошломъ столѣтіи Пришевская и Мукачевская епархіи привлечены къ униі съ римскою церковію, причемъ православныя обряды стали постепенно подмѣняться латинскими. Въ *Галиціи* (Червонной Руси), когда она была подъ властію русскихъ князей, крѣпко держалось православіе, затѣмъ венгры, поляки и наконецъ австрійцы, подчинявши ее себѣ, стали разными мѣрами вводить тамъ католичество или унию. Впрочемъ православіе не уничтожилось окончательно: въ Буковинѣ и Трансильваніи насчитывалось въ тѣхъ же годахъ около милліона православныхъ (въ этомъ числѣ и православныя румыны); даже униаты не потеряли привер-

¹⁾ Narodny Listy № 64. 1885 г.

²⁾ Страшникъ 1883, мартъ стр. 511—выписка изъ „Заставы“.

женности къ православнымъ обычаямъ: такъ недавно галицкій митрополитъ нарочно созывалъ соборъ, чтобы очистить уніатское богослуженіе во вѣранныхъ ему церквахъ отъ чуждыхъ примѣсей ¹⁾.

Въ *Польшу*, часть которой сначала входила въ Велеградскую архіепископію Меодія, ввелось славянское богослуженіе и православные обряды; только въ концѣ правленія Мечислава (IX в.) здѣсь сталъ утверждаться католицизмъ. На его сторонѣ были короли, а затѣмъ шляхта и іезуиты, пришедшіе въ Польшу при Сигизмундѣ II и со времени Стефана Баторія начавшіе сильно вліять на правительство. Постепеннымъ давленіемъ, иногда и крутыми мѣрами Польша была окатоличена. Но всетаки приверженность къ православію давала себя чувствовать: посты согласно съ католическимъ уставомъ вошли въ практику не раньше XIII в. (съ 1248 г.), священное писаніе стало читаться въ церквахъ по польски (а не старо-славянски) только въ XIV в., когда народъ пересталъ понимать чисто славянскую рѣчь; безбрачіе священниковъ не ввелось вполнѣ даже въ XV в.; Св. дары преподавались мірянамъ подъ обоими видами до времени Тридентскаго собора (полов. XVI в.). Даже и теперь остались памятники православія въ Польшѣ: таковы Яблочинскій монастырь (въ Люблинской губ.), мѣстечко Дрогочинъ (тамъ же), село Моховъ въ Грубешовскомъ уѣздѣ), сохранившіе православную вѣру и обычаи; въ селѣ Бабицахъ недавно подъ уніатскимъ престоломъ найдены православный престолъ и подъ нимъ богослужебныя православныя книги ²⁾.

Между южными и восточными сербами католическая пропаганда имѣла значительный успѣхъ только у *Герцеговинцевъ* и *Босняковъ*, благодаря тому, что они подпали власти (съ X в.) окатоличенныхъ хорватовъ или венгровъ; впрочемъ православныхъ и теперь тамъ больше, чѣмъ католиковъ: именно въ Герцеговинѣ на 200 слишкомъ тысячъ душъ всего населенія приходится православныхъ до 100 тыс., а католиковъ меньше 50 тыс.; въ Босніи на 850 тыс. жителей считается православныхъ до 300 тыс., католиковъ до 135 тыс., остальные—магометане ³⁾. Но въ собственной *Сербіи* (королевствѣ) и въ *Черногоріи* (прежней Діоклеѣ или Зетѣ) прочно утвердились начала Кирилло-Меодіева дѣла. Здѣсь очень рано были приняты славянское

¹⁾ См. Духовн. Бесѣду 1863 г. т. 17 и 1859 г. т. V.

²⁾ Дух. Бес. 1863, т. 18.

³⁾ Голубинскаго Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской (Москва 1871 г.), стр. 585, 569.

богослуженіе и книги, написанныя Кирилловскими буквами. Утвержденію православія особенно много способствовали кн. Стефанъ Неманя (XII в.) и сынъ его Ротиславъ, въ иночествѣ Савва. Онъ сдѣлался автокефальнымъ архіепископомъ Сербіи, позаботился объ уничтоженіи латинской пропаганды, о внутреннемъ устройствѣ церкви и подъемѣ просвѣщенія въ народѣ. Съ его времени идетъ цѣлый рядъ писателей, заявившихъ о себѣ переводными и самостоятельными трудами. Сербскіе короли Владиславъ, Урошъ Великій, Милутинъ, Стефанъ Дечанскій отличались такимъ усердіемъ къ православію, что поддерживали его даже у сосѣдей— въ Далмаціи и Рагузѣ. Стефанъ Душанъ (XIV в.) возвысилъ Сербское королевство до высшей степени процвѣтанія; это привело къ образованію особаго Сербскаго патріархата. Чтобы охранить Сербію отъ латинскаго вліянія, онъ грозилъ всеѣмъ распространителямъ католичества ссылкой на рудокопни, а совращающимся въ него — лишеніемъ гражданскихъ правъ. Благодаря всему этому, православіе окончательно утвердилось въ Сербіи и Черногоріи, которая выдѣлилась изъ нея послѣ Стефана Душана. Попытки папъ завязать религіозные переговоры съ Сербскими королями не приводили къ желаемымъ результатамъ: короли или боялись касаться религіозныхъ вопросовъ при своихъ политическихъ переговорахъ съ папами, или же, вступая въ религіозные переговоры, скоро прекращали ихъ, понимая, чего хотятъ папы; бывало даже такъ, что самъ народъ заявлялъ готовность лучше отдаться туркамъ, чѣмъ папѣ,— такъ напр., было при княгинѣ Еленѣ, когда она рѣшилась подчиниться папѣ, чтобы избѣжать турокъ (XV в.). Православіемъ такъ дорожить и съ его обычаями такъ сроднился сербскій народъ, что сербомъ только и называютъ тамъ православнаго, серба же, принявшаго католичество, -- латиняномъ, а перешедшаго въ магометанство — туркомъ.

Въ *Болгаріи* при Борисѣ, вызванные имъ изъ Рима, миссіонеры стали выгонять православныхъ — греческихъ и славянскихъ священниковъ и вводить латинскіе обычаи; но это продолжалось недолго. Самъ Борисъ снова обратился къ православнымъ миссіонерамъ. Особенно упрочилось православіе съ того времени, какъ пришли сюда ученики Меѳодія, выгнанные изъ Моравіи по его смерти Климентъ Великій и пресвитеръ Константинъ дѣятельно продолжали здѣсь труды Меѳодія. Первый собралъ до 3 съ половиною тысячъ учениковъ и самъ съ помощію другихъ занимался ихъ обученіемъ. Такимъ образомъ положено было начало просвѣщенію страны. Время князя Симеона,

второго преемника Бориса, было золотымъ періодомъ болгарской письменности. Онъ характеризуется сильнымъ литературнымъ движеніемъ; много появилось тогда переводныхъ и самостоятельныхъ произведеній. И въ послѣдующее время, не смотря на постигшія Болгарію бѣдствія, продолжались въ ней литературныя работы, хотя съ меньшей энергіей. Болгарія не отставала отъ Греціи даже по развитію богослужебнаго чина. Православіе утвердилось въ ней такъ прочно, что передалось румынамъ теперешней Трансильваніи, Темешварскаго баната и Буковины; только богомилство находило себѣ много сторонниковъ между болгарами, но это потому, что оно носило на себѣ отпечатокъ народности; съ теченіемъ времени и оно уничтожилось. Начала народности, положенныя по идеѣ Кирилла и Мееодія въ основу церковнаго устройства Болгаріи, повели къ образованію здѣсь автокефальной архіепископіи и затѣмъ патріархіи. Но греки оказались врагами этой народности и самостоятельности болгарской церкви. Покоривъ ненадолго болгаръ въ XI в. они не только душили ихъ церковной независимости, но даже высшія іерархическія каѳедры стали замѣщать греками. Католики хотѣли было воспользоваться открывшимся неудовольствіемъ болгаръ и подчинить ихъ папѣ, но ничего не могли сдѣлать съ преданностію ихъ православію. Положеніе дѣлъ въ Болгаріи скоро опять нѣсколько улучшилось. Но въ XVII—XVIII в. греки снова подавили на Болгарію. Заботясь объ эллинизации болгаръ, они закрыли тамъ патріаршую каѳедру, отдавали высшія іерархическія каѳедры исключительно грекамъ и болгарамъ, отказавшимся отъ своей народности, замѣняли славянское богослуженіе греческимъ—въ собственной Болгаріи только по городамъ, а въ южной Македоніи даже и по селамъ; въ школахъ первое мѣсто отводили греческому языку, епископы нерѣдко называли богослуженіе славянское «богохульною ересью», проклинали славянскій языкъ, топтали ногами славянскія богослужебныя книги и даже истребляли памятники славянской письменности. Такими мѣрами они и дѣйствительно добились того, что болгары—горожане къ 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія почти совсѣмъ потеряли свою народность: начали говорить греческимъ языкомъ, презирая все славянское; народность уцѣлѣла лишь въ сельскомъ населеніи. Но вотъ раздался убѣдительный и одушевленный голосъ патріота болгарскаго, Юлія Венелина, напоминавшій о славянскихъ первоучителяхъ,—поднялись болгары, устыдились прежней измѣны своей народности, завели собственныя народныя школы, добились поставленія іерарховъ изъ болгаръ, всту-

пили даже въ борьбу съ Константинопольскимъ патріархомъ изъ - за самостоятельности своей церкви и разорвали съ нимъ связь, когда онъ не захотѣлъ уступить. Ревнители католической пропаганды воспользовались этимъ: литературно — чрезъ газеты «Болгарія» и «Турція» — и практически — чрезъ іерархію и непосредственное воздѣйствіе на болѣе видныхъ изъ болгаръ — они добились того, что нѣкоторые согласились на унію съ западомъ (1860 г.); она держалась и держится среди болгаръ непрочно: одни изъ уніатовъ уже оставили ее, другіе заявляютъ твердое намѣреніе сохранять православную вѣру и обряды ¹⁾).

Въ Россіи отозвалось произведенное Кирилломъ и Меѳодіемъ среди Закарпатскихъ славянъ движеніе, и благодаря тому, что вышнія условія здѣсь были несравненно лучше, чѣмъ тамъ, болѣе укрѣпились начала этого движенія. Правда, христіанство начало заноситься въ Россію отъ грековъ, но много помогла насажденію его здѣсь и Болгарія. Святославъ I, князь русскій, водилъ съ собою въ Болгарію славяно-русскія племена и оставался тамъ съ ними подолгу. Столкновенія съ туземцами-уже христіанами, совершаемое у нихъ славянское, понятное и русскимъ, богослуженіе не мало подвинули впередъ успѣхи христіанства между послѣдними. Когда при Владимірѣ св. образовалась въ Россіи православная церковь, вступила въ близкія сношенія съ болгарскою: заимствовала отсюда книги, принимала иногда іерарховъ и т. п. Съ самаго начала введено было славянское богослуженію и, при недостаткѣ образовательныхъ средствъ, сдѣлалось для на рода и источникомъ познанія о догматахъ и нравственныхъ требованіяхъ христіанской вѣры. Уваженіе къ славянскому богослуженію мало по малу перенеслось на самый языкъ богослужебныхъ книгъ и на Кириллову азбуку, такъ что, когда первый отступилъ отъ разговорнаго, къ нему обращались русскіе писатели, стараясь этимъ придать своей рѣчи «высокій слогъ» или «стиль» (Ломоносовъ и др.); а когда появилась такъ называемая «гражданская печать», народъ всетаки продолжалъ считать и считаетъ необходимымъ обучать дѣтей грамотѣ напередъ по церковно-славянской азбукѣ и церковно-богослужебнымъ книгамъ; у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ это уваженіе къ церковнославянской грамотѣ доходитъ до того, что въ изученіи ея они видятъ условіе здоровья, силы, ума и благоче

1) Голубинскій *ibid.* стр. 183—192; 295—328.

стія русскаго народа ¹⁾. Заимствованныя изъ Болгаріи, переводныя книги положили начало нашей самостоятельной литературѣ. Медленно вводимое, просвѣщеніе съ конца XVII вѣка быстро поднималось и въ нынѣшнемъ столѣтіи стало на довольно значительной высотѣ, такъ что самостоятельныя работы русскихъ ученыхъ—богословскія и свѣтскія—иногда обращаютъ на себя вниманіе даже въ западной Европѣ. Принятые въ Русской Церкви начала народности повели къ тому, что сверглось иго греческой іерархіи, явился самостоятельный патріархъ (1589 г.) и наконецъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ (1721 г.). Православіе, разъ усвоенное, такъ и осталось народною вѣрою. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, перѣдко удивлялись приверженности русскихъ къ православію ²⁾. Напрасны были всѣ попытки католиковъ отклонить русскихъ въ латинство или унию: переговоры, литературныя произведенія, тайная пропаганда и насильственные дѣйствія (шведовъ, ливонцевъ и поляковъ)—все пропало даромъ. Слово «латиняниѣ» было иѣкогда даже ругательнымъ въ устахъ православнаго жителя сѣверной Россіи; а въ сознаніи народномъ «русскій» мыслился и мыслится не иначе какъ съ эпитетомъ «православный». Только въ югозападной Россіи—Малороссіи и Бѣлороссіи—сильны были успѣхи католичества: высшіе классы прямо переходили въ него, а народъ массами влекся въ унию; и долго существовала эта униа? Но за то сколько уловокъ, сколько гражданскихъ и религіозныхъ стѣсненій, сколько открытаго насилія и жестокихъ преслѣдованій понадобилось для этихъ успѣховъ католичества и папизма! И всетаки въ концѣ концовъ самыя успѣхи оказались такъ эфемерны. Народъ, по неволѣ переходившій въ унию, при первомъ удобномъ случаѣ перебѣгалъ въ православную церковь или поднималъ руку на своихъ религіозныхъ притѣснителей. Стоитъ только вспомнить возстанія Наливайки, Сагайдачнаго, Тараса Бульбы, Павлюка, Острияницы, Богдана Хмѣльницкаго и Гайдамаковъ, чтобы видѣть, какъ жестоко расплачивался народъ за насилія католиковъ. Стоитъ вспомнить, какъ охотно и поспѣшно бросали унию и массами въ нѣсколько десятковъ и сотенъ тысячъ переходили въ православіе Малороссы и Бѣлороссы, когда присоединялись къ Московской Руси (при Алексѣѣ Михайловичѣ и Екатеринѣ II), какъ легко развалились остатки униі при Николаѣ Павловичѣ (1839 г.),

¹⁾ *Голось Москвы* 1885, № 56; *Русь* 1884 № 11, стр. 20—23; № 19, стр. 25—32.

²⁾ См. у Рущинскаго. Религіозный бытъ русскихъ XVI—XVII в. по свидѣтельствамъ иностранцевъ.

какъ наконецъ сами униатскіе епископы (Лисовскій и Іосифъ Симашко) заботились объ очищеніи униатскаго богослуженія отъ католическихъ примѣсей, чтобы видѣть, какъ твердо держались восточныхъ обрядовъ югозападные русскіе, находясь въ униі. Немного осталось теперь униатовъ и тѣ преимущественно въ областяхъ, ближайшихъ къ Польшѣ, которыя поддавались больше колонизации, чѣмъ обрусѣнію. Еще менѣе успѣшно дѣйствовала въ Россіи протестантская пропаганда.

Итакъ сѣмена, посѣянные Кирилломъ и Меѳодіемъ, прививались всюду среди славянъ; но ростъ ихъ зависѣлъ отъ того, гдѣ какую почву и какія стороннія вліянія встрѣчали они. У западныхъ славянъ, гдѣ были мало благопріятны условія для ихъ развитія, они хотя и взошли, но или глохли подѣ вліяніемъ католической пропаганды и германизации, или же должны были расти рядомъ съ чуждыми растеніями и такимъ образомъ не достигать полного роста. У восточныхъ же славянъ, особенно въ восточной Сербіи, Болгаріи и Россіи, они взяли верхъ надъ всѣми невзгодами. Тамъ усвоена была кириллица; тамъ принялось славянское богослуженіе и православные обряды; тамъ на народныхъ самостоятельныхъ началахъ поставлено было церковное управленіе, которое сдѣлалось хорошимъ охранительнымъ средствомъ старинныхъ православныхъ обычаевъ; тамъ развивалось и славянское просвѣщеніе; тамъ остались цѣлыми и черты славянской народности, которая у другихъ славянъ—вмѣстѣ съ православіемъ и славянскимъ богослуженіемъ или ослабѣла (какъ у Хорватовъ, Далматинцевъ, Босняковъ), или совсѣмъ пропала (какъ напр. у балтійскихъ славянъ—онѣмеченныхъ); тамъ народность сдѣлалась источникомъ сильныхъ движеній (подобныхъ гусситскому и нынѣшнему болгарскому) къ самобытной культурѣ и политической самостоятельности; тамъ водворилась идея общеславянской націи; отсюда поѣтому въ нынѣшнемъ столѣтіи идетъ поддержка и оживленіе другихъ славянъ; отсюда даетъ себя чувствовать и та сила славянскаго міра, съ которой приходится считаться Западной Европѣ и отъ которой иные ждуть возрожденія для Запада ¹⁾, разлагающагося подѣ вліяніемъ, то изсушающаго сердце и мертвящаго свободу католичества, то распускающаго мысль и волю протестанства. И все это выросло на началахъ Кирилло-Меѳодіевскаго дѣла: не даромъ, когда у тѣхъ или другихъ славянъ поднимается сильное движеніе съ цѣлію возстановленія православія и народности, оно поднимается большею частію подѣ зна-

¹⁾ См. Beilage zu № 99 des „Vaterland“ 1881 г.

менемъ Кирилла и Меѳодія. Такимъ образомъ тысячелѣтняя исторія славянскаго міра показываетъ, что Кирилль и Меѳодій своимъ дѣломъ и идеей имѣли важное значеніе для славянъ: они его «просвѣтители, первоучители и апостолы», какъ часто называются они въ житіяхъ и службахъ; они же вдохновители и охранители чувства народности въ славянскихъ народахъ, какъ часто величаются въ устахъ народа и въ тѣхъ или другихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Славянскій міръ давно созналъ заслуги своихъ просвѣтителей и признательно отнесся къ нимъ. Память о нихъ сохраняется во всѣхъ славянскихъ земляхъ, даже у Лужицкихъ Сербовъ, которые окончательно потеряли свою народность и никогда не стояли въ прямомъ отношеніи къ дѣлу Кирилла и Меѳодія. Сколько преданій, легендъ, житій, службъ, похвальныхъ словъ, замѣтокъ и научныхъ изслѣдованій имѣютъ своимъ предметомъ ихъ жизнь и заслуги! Рано стала чтиться память ихъ какъ святыхъ патроновъ славянскаго міра — у восточныхъ славянъ съ XI и можетъ быть X вѣка, у западныхъ — съ XIV (не раньше 1347 г.). Въ Прагѣ былъ основанъ въ честь ихъ монастырь и сюда привезена изъ Рима часть мощей св. Кирилла (въ XIV в.). Въ Россіи слѣды признанія Кирилло-Меѳодіевыхъ заслугъ замѣтны также очень рано — именно въ первоначальной лѣтописи (XI—XII в.); въ 1869 г. возстановлено церковное чествованіе славянскихъ просвѣтителей; а въ нынѣшнемъ году постановлено поминать ихъ на ряду съ вселенскими и русскою церкви святителями. Настоящее юбилейное торжество, въ которомъ принимаетъ живое участіе весь славянскій міръ выказываетъ во всемъ блескѣ ту степень уваженія къ Кириллу и Меѳодію, на какой оно стоитъ здѣсь. Это уваженіе отъ славянъ переходило и къ итальянцамъ, когда еще не установилось окончательно враждебныхъ отношеній между Восточною и Западною церквами. По распоряженію папы Адріана II тѣло умершаго Кирилла было съ полною торжественностію погребено въ церкви св. Климента; римляне поставили на гробъ его икону и предъ ней неугасимую лампаду. Самая церковь Климента была украшена фресками, содержаніемъ которыхъ служили дѣла Кирилла и Меѳодія и на которыхъ оба они изображены съ нимбами ¹⁾. Скоро впрочемъ католическій западъ сталъ или забывать, или презирать свв. братьевъ, вѣроятно

¹⁾ Описаніе ихъ см. въ Neuentdeckte Fresken aus dem Leben der heil. Apostol Cirill u Method in Rom—Dyduka (Wien. 1869 г.) и Römische Ausgrabungen in letzten Decennium-Csell-Fels'a (Hildburghansen 1870 г.).

увидавъ, что они разсматриваются славянами, какъ насадители православія. И только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда славянскій міръ особенно оживился и почувствовалъ стремленіе, подъ знаменемъ своихъ первоучителей, возвратиться въ лоно Православной Церкви, отстоять свою народность и объединиться въ одну націю, католическій западъ измѣнилъ свою тактику. Явились сочиненія (Штульца, Гинцеля, Билаго и Рачкія), гдѣ Кирилль и Меѳодій выставляются преданными сынами папства. Самъ папа Левъ XIII въ 1880 году разослалъ энциклику, которою предписалъ торжественно чествовать память славянскихъ первоучителей и въ которой высказалъ тоже мнѣніе, что и помянутые сейчасъ авторы. Въ католическомъ мірѣ произошло сильное движеніе. Тронулись католическіе западные славяне, пилигримами явились они въ Римъ, цѣловали туфлю папы и выразили ему свою благодарность; заложено было нѣсколько храмовъ въ честь новыхъ формально канонизованныхъ святыхъ славянскаго міра; сталъ чествоваться память о разныхъ событіяхъ ихъ жизни и дѣятельности, напр. тысячелѣтній юбилей соборнаго постановленія (въ Римѣ 880 г.), оффиціально дозволившаго славянское богослуженіе. Особенно оживленно стали готовиться съ прошлаго года къ достойному празднованію нынѣшняго юбилейнаго дня: составлялись комитеты, предлагались проекты разныхъ ходатайствъ предъ папою, учебныхъ заведеній, храмовъ, программы праздновація и т. п., разсылались пастырскія посланія и воззванія, высказывались различныя мнѣнія въ газетахъ и пр. Когда во всѣхъ уголкахъ славянскаго міра стало выражаться сильное желаніе почтить память Меѳодія въ этотъ день и въ православныхъ церквахъ начались приготовленія къ его чествованію, католическій міръ пришелъ въ еще большее движеніе: сталъ создавать болѣе грандіозные планы и одушевляться болѣе смѣлыми надеждами. Съ каждымъ днемъ становятся все яснѣе и яснѣе эти надежды и желанія: ревнители католичества хотятъ отдѣлить западныхъ славянъ отъ восточныхъ, чтобы удобнѣе окатоличивать первыхъ; съ этою цѣлью проектировали на нынѣшнее празднество собрать въ Римъ или Велеградъ только западныхъ славянъ; иногда же не стѣсняясь прямо приглашали всѣхъ ихъ къ подчиненію папѣ и къ католичеству ¹⁾. Они думали приблизить къ себѣ и всѣхъ славянъ, показывая видъ, что будто сочувствуютъ славян-

¹⁾ Напр. прокламація Загребскаго комитета и графа Белькреди къ австрійскимъ православнымъ сербамъ; пастырское посланіе Штросмайера и др.

скому національному движенію и дорожать, стоящими на знамени этого движенія, именами славянскихъ первоучителей; наконецъ надѣются обмануть славянь, выдавая ихъ первоучителей за преданныхъ сыновъ папства и католичества, и такимъ образомъ думая придать католическую окраску (вмѣсто православной) тому знамени, которое съ именами Кирила и Меодія поднимается въ славянскомъ мірѣ. Но православные славяне и даже униаты понимаютъ происки католиковъ и стоятъ на сторожѣ. Россія еще въ 1882 году отвѣтила на нихъ антиэнцикликой, гдѣ подробно разоблачены хитрость и желанія папы Льва XIII. Чехи, моравы и сербы съ своей стороны говорили и писали: не пойдемъ на общее празднованіе, куда насъ созываютъ ревнители папизма; пойти туда—значить лѣзть въ петлю, устроенную врагами славянь и православія ¹⁾. Судя по новѣйшимъ корреспонденціямъ, такъ дѣйствительно и поступили православные западные славяне: Велеградъ теперь видитъ въ себѣ сравнительно малое количество богомольцевъ, и то преимущественно изъ окрестныхъ селъ, собравшихся сюда. Въ виду всего этого позволяю себѣ надѣяться, что планы и желанія папистовъ не осуществятся; славянскій міръ, оживившійся въ нынѣшнемъ столѣтіи, пойдетъ впередъ начатою дорогою; пользуясь болѣе благопріятными политическими обстоятельствами, осуществитъ съ большимъ, чѣмъ прежде, удобствомъ свое стремленіе къ просвѣщенію, православію и народности; вмѣстѣ съ этимъ внесетъ въ себя большее единство и разрушитъ рознь, теперь его раздѣляющую. Самъ св. Кириль, насадитель тѣхъ началъ, изъ которыхъ развивается самобытность и крѣпость славянскаго міра, своей молитвой и покровительствомъ осѣняетъ и окрыляетъ мои надежды «Погуби, Господи, тріязычную ересь—молился онъ предъ смертію—и возрасти церковь Свою множествомъ, и, вся въ единомушіе совокупль, сотвори изрядны люди, единомысляща о истинней вѣрѣ Твоей и правѣмъ исповѣданіи, вдохни же въ сердца ихъ слово Твоего ученія. Твой бо есть даръ».

А. Д—й.

¹⁾ Странникъ *ibid.* стр. 505—512.

Внутреннее обозрѣніе.

Газетныя толки по поводу 1000-лѣтняго юбилея свв. Кирилла и Меодія.

Великій всеславянскій праздникъ въ честь первоучителей свв. Меодія и Кирилла, праздникъ религіозный, національно-политическій, праздникъ культуры и просвѣщенія, литературы и науки славянскаго міра не оставленъ безъ вниманія нашею свѣтскою періодическою печатью. Напротивъ, вниманіе и интересъ, съ какими отнеслась она къ тысячелѣтнему юбилею памяти свв. Меодія и Кирилла, рѣдко выпадаютъ на долю другихъ событій въ общественной жизни. Печатные органы различныхъ направленій почти съ одинаковымъ радушіемъ открыли свои страницы для обмѣна мыслей по поводу всеславянскаго торжества. Конечно, мы разумѣемъ не извѣстія и сообщенія изъ разныхъ мѣстъ о характерѣ и способѣ празднованія, входящія въ составъ обычнаго газетнаго матеріала; мы имѣемъ здѣсь въ виду разсужденія о смыслѣ и значеніи тысячелѣтняго юбилея, различныя мнѣнія, высказанныя въ періодической свѣтской печати относительно самаго дѣла свв. Меодія и Кирилла и значенія его въ историческихъ судьбахъ славянства вообще и русскаго народа, какъ главнаго представителя славянскихъ племенъ, въ частности. Фактъ этотъ — такой громаднѣйшій интересъ къ исторіи и историческому значенію дѣятельности солунскихъ братьевъ — явленіе, по нашему мнѣнію, — знаменательное и весьма отрадное. Знаменательное потому, что самыя подвиги славянскихъ первоучителей, ихъ просвѣтительные труды составили эпоху первостепенной важности въ судьбѣ славянскаго міра. Благодаря нашимъ первоучителямъ, славянскія племена входятъ въ семью европейскихъ народовъ и начинаютъ свою настоящую историческую жизнь. Понятно, что вниманіе и интересъ къ жизни и дѣятельности тѣхъ, которые послужили виновниками этого переворота въ судьбѣ славянъ, желаніе сознательно отнестись къ этому перевороту, оцѣнить его смыслъ и значеніе не могутъ не быть знаме-

пательными. Они являются живымъ свидѣтельствомъ самой тѣсной связи между современнымъ нашимъ состояніемъ и далекимъ историческимъ прошлымъ; они служатъ залогомъ того, что, созидая свое будущее, мы не только не останемся глухими къ урокамъ прошлаго, но напротивъ всячески постараемся извлечь изъ нихъ все, что можетъ послужить надлежащимъ руководствомъ въ жизни и дѣятельности. И такъ какъ въ этой провѣркѣ новаго древнимъ, въ этомъ критическомъ сравненіи и оцѣнкѣ современной дѣйствительности и историческаго прошлаго заключается ручательство нашего прогресса, нашего преуспѣянія во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности—въ религіозной, нравственной, умственной, политической, социальной,—то и нельзя не порадоваться, что такое выдающееся событіе въ нашей жизни, каково празднество тысячелѣтнаго юбилея свв. Меодія и Кирилла, обратило наши мысли и взоры къ прошедшему, что представители и выразители общественнаго сознанія откликнулись на зовъ тысячелѣтной давности, общающей и предлагающей полезныя и назидательныя уроки.

Какія же мысли и чувства высказаны были въ нашей свѣтской періодической печати по поводу всеславянскаго торжества? И прежде всего, какъ смотрять органы ея на смыслъ и значеніе самаго торжества? На этотъ послѣдній вопросъ мы получаемъ различныя отвѣты, далеко не сходныя между собою. Не безъ удивленія и недоумѣнія прочитали мы слѣдующія строки въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ: «праздникъ въ честь Кирилла и Меодія», сказано тамъ, есть праздникъ *литературный*, такъ какъ они дали письмена, безъ которыхъ и развитіе литературы было бы не мыслимо. Какъ праздникъ литературный, онъ и понятенъ только высшему слою общества, а живо сочувствовать ему могутъ только самыя интеллигентныя люди, *аристократія ума* (курсивы принадлежатъ подлиннику). Золотая середица только не находитъ ничего страннаго въ предпринимаемыхъ торжествахъ, не острить по поводу ихъ, а низшій слой—такъ тотъ только съ любопытствомъ смотритъ на все, ничего не понимая» («Новости» отъ 7 апр. № 94). Здѣсь что ни слово, то или неправда или преувеличеніе. Прежде всего ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что праздникъ въ честь Кирилла и Меодія есть только литературный праздникъ. Безъ сомнѣнія, изобрѣтеніе славянской азбуки и начало литературнаго славянскаго языка, связанныя съ именами Кирилла и Меодія, даютъ празднеству въ честь ихъ полное право быть и литературнымъ праздникомъ. Но изобрѣтеніемъ азбуки и образованіемъ литературнаго языка не исчерпывается

дѣятельность солуцскихъ братьевъ; это были только средства для другой болѣе высокой цѣли—просвѣщенія славянъ свѣтомъ христіанской вѣры; а вмѣстѣ для прочнаго обоснованія дальнѣйшаго ихъ религіознаго, нравственнаго и умственнаго развитія. Если же съ этой точки зрѣнія смотрѣть на дѣятельность свв. Кирилла и Меодія, то никакъ нельзя сказать, что праздникъ въ честь ихъ есть только литературный праздникъ. Это скорѣе всенародный славянскій праздникъ общественной, гражданской и политической жизни, и вмѣстѣ праздникъ церковный, религіозный. А въ этомъ смыслѣ онъ можетъ быть понятенъ не одному только высшему слою общества, и сочувствовать ему могутъ не только «самые интеллигентные люди», не одна «аристократія ума». И простой народъ, не говоря уже о полубразованномъ классѣ нашего общества, легко пойметъ, что вѣрой своей, которой онъ такъ крѣпко держится и «Божественными» книгами, которыя почти единственно и доставляютъ ему пріятное и желательное чтеніе, обязанъ первоучителямъ славянскимъ; пойметъ это простой народъ не умомъ, а скорѣе сердцемъ, и въ душѣ своей почувствуетъ глубокую благодарность къ святымъ братьямъ. — Правда, что и «золотая середина» и «низшій слой» не знаютъ многого изъ исторіи жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меодія, многое здѣсь они будутъ не въ состояніи постигнуть и оцѣнить надлежащимъ образомъ, какъ это сдѣлаютъ «самые интеллигентные люди». Однакожъ и они, по крайней мѣрѣ — по скольку дѣятельность первоучителей была прежде всего религіозная, поймутъ и оцѣнятъ ее, поймутъ, какое благо получили они изъ рукъ свв. Кирилла и Меодія. И уже поэтому какъ «золотая середина» не будетъ только «не находить ничего страннаго въ предпринимаемыхъ торжествахъ, не острить по поводу ихъ», такъ и «низшій слой» не будетъ «только съ любопытствомъ смотрѣть на все, ничего не понимая»; они найдутъ въ себѣ и сочувствіе къ этому празднеству и будутъ участвовать въ немъ по мѣрѣ своего разумѣнія, наряду съ классомъ интеллигентнымъ, «аристократіей ума». Такъ это на самомъ дѣлѣ и было, въ чемъ убѣждаютъ насъ сообщенія, помѣщенные въ различныхъ газетахъ. Такъ, напр., петербургскій корреспондентъ «Голоса Москвы» за 9 апр. въ № 96, говоря о празднованіи свв. Кириллу и Меодію, замѣчаетъ, что въ С.-Петербургѣ чрезвычайно рѣдко можно наблюдать столь высокое всеобщее одушевленіе, какимъ сопровождалось настоящее празднество. Развернемъ еще другую газету Кіевлянинъ, № 77-й отъ 7 апр. Здѣсь въ передовой статьѣ читаемъ: «Кіевъ вполне достойно чествуетъ память нашихъ

первоучителейъ. Огромныя толпы народа во всѣхъ церквахъ и во время торжественныхъ процессій, собиравшіяся по собственному почину, безъ всякихъ предварительныхъ приглашеній особыми комитетами, какъ это было сдѣлано по поводу велеградскаго торжества, свидѣтельствуютъ, что въ нашемъ народѣ жива память о славянскихъ апостолахъ и имена ихъ свято чтутся народомъ, достойно поминающимъ своихъ учителей». Очевиднымъ доказательствомъ этого послѣдняго, — памяти народной о свв. Кириллѣ и Меодіѣ, — можетъ служить тотъ фактъ, указываемый «Кіевляниномъ» въ той же передовой статьѣ, что острожское Кирилло-Меодіевское Братство, учрежденное въ мѣстности, бывшей нѣкогда въ предѣлахъ архіепископства св. Меодія, находитъ для себя живую поддержку въ чувствахъ народа, дорого чтущаго своихъ учителей. Въ Братство посылаются пожертвованія со всѣхъ концовъ Россіи, куда только проникаютъ свѣдѣнія о его дѣятельности. Братчиками состоятъ постоянные жители С.-Петербурга, Москвы и даже Якутска. Конечно, этого не могло бы быть, если бы въ массѣ совсѣмъ не существовало свѣдѣній о славянскихъ апостолахъ, ихъ дѣятельности и заслугахъ; народъ знаетъ это, цѣнить и потому чтить память святыхъ братьевъ. Этимъ-то и объясняется тотъ энтузіазмъ народный, который обнаружился въ Кіевѣ по случаю церковнаго торжества у памятника св. Владиміра въ такихъ широкихъ размѣрахъ и въ такой величественной формѣ, какъ описываетъ это репортеръ «Кіевлянина». Живое сознательное отношеніе народной массы къ празднику констатируется также въ рѣчахъ, произнесенныхъ на торжественныхъ собраніяхъ различныхъ обществъ и учреждений. Такъ проф. Флоринскій на засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Кіевѣ говорилъ между прочимъ: «великій «честный» праздникъ справляетъ святая Русь и какъ справляетъ: единодушно, единомысленно, съ искренней теплой вѣрой и радостнымъ чувствомъ, тихой торжественной молитвой и поучительнымъ назиданіемъ. На всемъ пространствѣ нашей необъятной родины не найдется ни одной церкви, ни одной школы, гдѣ бы въ эти дни съ благоговѣніемъ не произносились имена Кирилла и Меодія, незабвенныхъ солунскихъ братьевъ, и гдѣ бы не воспоминались ихъ подвиги для славянскаго племени. И большіе города, и бѣдныя деревушки одинаково участвуютъ въ славномъ торжествѣ. Свѣтскія и духовныя власти, образованные классы народа, славянскія и другія просвѣтительныя общества, представители науки и литературы спѣшатъ ознаменовать чествованіе памяти славянскихъ просвѣтителей разными дѣяніями, соответству-

ющими духу воспоминаемаго событія. Установлены особые дни празднованія памяти Кирилла и Меѳодія, изданы службы святымъ братьямъ, строятся на память ихъ церкви, въ народѣ распространяются въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ сказанія о жизни и дѣяніяхъ святыхъ братьевъ; имъ посвящается цѣлый рядъ научныхъ и популярныхъ изданій, ихъ именемъ отмѣчены новооснованныя учрежденія и общества, преслѣдующія національныя и просвѣтительныя цѣли. Многое уже сдѣлано, но еще болѣе предположено сдѣлать. И теперь, какъ въ другіе важные моменты народной жизни, Русь встала какъ одинъ человѣкъ. Праздникъ вышелъ вполнѣ національнымъ («Кіевлянинъ» № 78-й отъ 9 апр.). Точно также проф. Кочубинскій свидѣтельствуєтъ, что «живой восторженный откликъ на встрѣчу сегодняшнему дню несетя со всей земли русской и указываетъ на то, что мы внутренне чувствуемъ свою правоту и вѣрность тысячелѣтнему ученію славянскихъ просвѣтителей («Одесскій Листокъ» № 77-й отъ 7 апр.). Въ виду всего этого нѣсколько странными представляются сообщенія фельетониста «Новостей»; одиноко онъ заявляетъ, что «мало тепла внесъ отпразднованный юбилей въ нашу студеную общественную атмосферу, мало возбудилъ искренняго къ себѣ интереса, не говоря ужъ о народной массѣ, а въ средѣ самой интеллигенціи и только какъ бы скользнулъ по ледяной поверхности петербургскихъ сердецъ, отдѣлавшихся изъ приличія соблюденіемъ одной лишь формальной церемоніальности. Въ общемъ вышло громко, ясно, сухо и холодно («Новости» № 94-й, 7 апр.). Можетъ быть, это и можно сказать о петербургскихъ сердцахъ того кружка, въ которомъ вращается фельетонистъ «Новостей»; относительно же настроенія всего русскаго народа едва-ли будетъ справедливо утверждать тоже самое. Приведенное нами выше служить достаточнымъ противовѣсомъ сообщенію «Новостей», не говоря уже о многочисленныхъ сообщеніяхъ, напечатанныхъ въ другихъ газетахъ и полученныхъ изъ разныхъ мѣстностей обширнаго русскаго царства, — сообщеніяхъ, свидѣтельствующихъ, что вездѣ сочувствуютъ празднеству, вездѣ сознательно относятся къ нему, понимаютъ, какой смыслъ заключается въ этомъ праздникѣ. Очевидно, онъ не есть только литературный праздникъ, понятный одной «аристократіи ума».

Впрочемъ, къ нашему крайнему удивленію, въ томъ самомъ № «Новостей», который мы цитовали выше, проводится и другой взглядъ на смыслъ и значеніе праздника. Въ фельетонѣ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ и нѣчто по поводу Кирилло-Меѳодіевскаго юбилея», мы читаемъ: «празднуемый юбилей отождествляется у насъ съ тысячелѣт-

ней годовщиной русской грамотности, русскаго просвѣщенія, начало которымъ положили славные первоучители своимъ великимъ изобрѣтеніемъ. Отождествленіе — совершенно основательное... И далѣе: «тѣмъ и достойна вѣчной благодарной памяти апостольская миссія свв. Кирилла и Меѳодія, что они, распространяя Христово ученіе, поставили себѣ задачей одухотворить его и осмыслить въ умахъ прозелитовъ просвѣщеніемъ. Они изобрѣтаютъ новую письменность, переводятъ Священное Писаніе на понятный ихъ паствѣ языкъ съ тѣмъ, чтобы вѣра ея была не слѣпа, а сознательна, чтобы Христосъ сталъ для нея живымъ Богомъ, руководящимъ творческимъ идеаломъ въ помыслахъ и поступкахъ. Они начали съ того, что вручили своимъ ученикамъ ключъ къ вѣрѣ—ея ученіе и содержаніе». Если же такова была дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія, если цѣлю и плодомъ ея было умственное, а первѣе всего религіозно-нравственное просвѣщеніе, то и празднованіе тысячелѣтняго юбилея такихъ дѣятелей получаетъ болѣе широкій смыслъ и значеніе, чѣмъ тотъ, какой дается въ понятіи литературнаго праздника.

Этотъ широкій смыслъ и значеніе праздника въ честь свв. Кирилла и Меѳодія, помимо приведенныхъ сейчасъ строкъ изъ «Новостей», въ достаточной степени выясненъ другими органами свѣтской періодической печати. Болѣе полно и обстоятельно въ этомъ отношеніи высказались такъ называемые консервативные органы.—«Чествуя память обоихъ великихъ славянскихъ первоучителей», говорятъ «Московскія Вѣдомости». мы какъ бы празднуемъ день рожденія нашего народа на Божій свѣтъ. Ими положено первое начало существованія нашей народности и предопредѣлены судьбы нашего отечества прежде, чѣмъ оно обозначилось и сложилось. Никто въ эпоху ихъ дѣятельности не могъ предвидѣть, гдѣ произрастетъ ея плодъ и сѣмя какихъ событій таилось въ ихъ апостольскомъ призваніи» (№ 92-й, 5 апр. см. передовую статью). «Новое Время» какъ бы раскрываетъ и дополняетъ мысль «Московскихъ Вѣдомостей». «Намъ нѣтъ причины, говорить оно, придумывать софизмы, чтобы чествовать память славянскихъ просвѣтителей. Намъ дана счастливая доля—хранить во всей чистотѣ и умножать насажденіе солунскихъ братьевъ. Но именно на Руси можно видѣть, какое сокровище оставили славянству его просвѣтители. Что такое была Русь X вѣка по сравненію съ старѣйшими славянскими землями? Безлюдная, беззащитная, почти дикая страна. Но она не разблалась по клочкамъ, не разсыпалась, а все росла и росла, укрѣплялась матеріально и духовно, между тѣмъ какъ одни изъ болѣе культурныхъ западныхъ славянъ безслѣдно раство-

рились въ волнахъ враждебнаго имъ германизма, другіе утратили политическую независимость, а отчасти и духовную самобытность. И эта разница въ судьбахъ восточнаго и западнаго славянства, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ (Кочубинскій), даетъ прямое указаніе, что такое сдѣлали для славянства его просвѣтителі: славяне, оставившіе церковь Меѳодія или неуспѣвшіе со-всѣмъ пріобщиться къ ней, потеряли и народную самостоятельность; за то тѣ славяне, которые въ самыя тяжелыя минуты испытаній не оставляли наслѣдія Меѳодія, свято соблюли свое «я», свое народное достоинство и свободу» («Новое Время» № 3269, 6 апр.). Это— историческіе факты, которые легко провѣряются и современнымъ положеніемъ славянскихъ народовъ. Не говоря уже о Россіи, этомъ колоссѣ славянства, изъ мелкихъ славянскихъ племенъ только тѣ пользуются въ настоящее время тою или другою степенью политической свободы и независимости, которыя во всей чистотѣ хранятъ завѣты и наслѣдіе первоучителей. Пусть нѣкоторые изъ нихъ— болгары, сербы,— недавно освободились отъ тяжкаго ига магометанства и освободились крѣпкою рукою другой православной державы. Но едва ли это могло бы случиться, если бы они не сохранили православія, перевоспитались подъ вліяніемъ иного духа и утратили подобно польскому племени свою симпатію къ родственнымъ славянскимъ племенамъ. Маленькая Черногорія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ находитъ въ себѣ силы отстаивать свою самостоятельность и независимость, успѣваетъ въ своемъ подвигѣ и своимъ мужествомъ и стойкію возбуждаетъ невольное удивленіе и уваженіе къ себѣ. Между тѣмъ другія славянскія племена, особенно изъ подвластныхъ Австро-Венгріи, утративши жизненный начала, полученныя ими въ православіи отъ первоучителей, утратили вмѣстѣ съ тѣмъ и свое политическое бытіе и или совсѣмъ слились съ своими поработителями, забывъ даже о своей національности, или же, хотя и живутъ подъ чуждою властію особою отъ господствующаго народа жизнью, за то все находятся въ опасности потерять одинаковую участь съ первыми. Что же касается русскаго народа, то и ему судьба опредѣлила страшныя невзгоды, но онъ съ честію вышелъ изъ борьбы съ ними. Ни княжескія междоусобія, ни татарское владычество, ни времена междуцарствія не могли сломить его и привести къ разложенію и уничтоженію. И это потому, что въ русскомъ народѣ прочно утвердился тотъ связующій цементъ, который вложенъ былъ въ него трудами свв. Кирилла и Меѳодія, потому что сознанію его прочно привились жизненныя начала православія—залогъ его цѣлости и непри-

косповенности. Прекрасно все это изображаетъ г. Розенгеймъ въ своемъ стихотворенїи, написанномъ по случаю праздника.

У насъ, говоритъ онъ между прочимъ,— Церковь-Мать, твердыня православья,

Христовой правдою и кротостью сильна,

Не знаетъ похотей земнаго суеславья

И властолюбїя не вѣдаетъ она.

У насъ святители, душею безгранично

Съ народомъ слитые, печальники о немъ,

Смиранные въ своемъ величїи владычномъ,

Великіе въ святомъ смиренїи своемъ,

Они и самый санъ свой въ подвигъ обращали

Смиренья страднаго землѣ своей родной

Въ години грозныя, въ дни скорби и печали

Ей петуводною являлися звѣздой.

Мы, чада Церкви той,—мы, сербы и болгары,—

Какъ любящую мать ее мы берегли,

Ни сила масульманъ, ни папства злыя чары

Насъ съ нею разлучить до нынѣ не могли.

И Церковь та средь насъ спасла и сохранила

Во всѣ невзгодныя былыя времена

Наслѣдіе святыхъ Меодїя и Кирилла,

Ихъ вѣру правую, языкъ и письмена.

Та Церковь нашъ народъ могучїй воспитала,

Который все за Русь и вынесъ и стерпѣлъ,

Та Церковь въ немъ жила, та церковь съ нимъ страдала

И съ нею лишь одинъ вѣкъ семьѣ славянъ сѣумѣлъ

Держать славянскїй стягъ и честно и высоко,

Въ години тяжкія подъ шумомъ бурь и грозъ

И имя и языкъ славянскїе далеко

По свѣту Божьему побѣдами разнесъ,

Отъ моря льдистаго до граней Гималая

И отъ Карпатскихъ горъ до тѣхъ далекихъ странъ,

Гдѣ берегъ, бурными волнами омывая

Широко охватилъ восточный океанъ.

Естественно, поэтому, какъ Россїи, такъ и другимъ славянскимъ племенамъ, сохранившимъ дары Провидѣнїя, ниспосланные имъ чрезъ свв. Кирилла и Меодїя, праздновать память этихъ великихъ мужей: весь славянскїй міръ празднуетъ здѣсь память виновниковъ своего бытїя, хранителей и руководителей своихъ за весь тысяче-

лѣтній періодъ исторіи славянства. — При этомъ само-собою очевидно, что изъ всѣхъ славянскихъ племенъ — русское болѣе другихъ воспользовалось трудами солунскихъ братьевъ. «Всѣ апостольскіе подвиги Кирилла и Меѳодія», говорилъ г. Барсовъ, Е. В., въ торжественномъ засѣданіи Совѣта Московскаго Университета и Императорскаго Общества Исторіи и Древности Россійскихъ, «всѣ просвѣтительные труды ихъ учениковъ, вся болгарская образованность, созданная ихъ школой, совершились какъ будто для того, чтобы перейти въ душу и исторію славянскаго народа, болѣе юнаго, болѣе мощнаго и крѣпкаго, того народа, который искони назывался Русью. Не идея всеславянскаго единства, въ коей ищутъ спасенія другія славянскія племена, не политическія страсти, коими движутся иные народы, вызываютъ въ насъ благоговѣйное чествованіе славянскихъ апостоловъ. Ихъ великое дѣло было пережито нами въ нашей собственной исторіи — въ русской мысли, въ русскомъ чувствѣ и русскомъ подвигѣ. Съ каждымъ періодомъ нашей исторіи ихъ образы и лики все ярче и ярче выступали въ общественномъ сознаніи. Ихъ помнила, имъ молилась, ихъ чествовала и Русь кievская, и Русь монгольская и Русь московская. Во всѣ эти эпохи наша исторія отражала въ общественной жизни разныя стороны христіанства и своимъ прогрессивнымъ движеніемъ обязана славянской грамотѣ и книгѣ, данной намъ славянскими апостолами» (Моск. Вѣд. № 95, 8 апрѣля). Если же такъ, если труды приснопамятныхъ первоучителей послужили въ благо Россіи болѣе, чѣмъ для всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, то она болѣе, чѣмъ эти послѣднія, обязана помнить и почитать память своихъ благодѣтелей.

Какими же средствами славянскіе апостолы совершили свой великій подвигъ? Чѣмъ они заслужили столь великую признательность со стороны славянъ? — Вотъ вопросы, на которые свѣтская печать даетъ единогласный отвѣтъ: прежде всего изобрѣтеніемъ славянской грамоты. «Величайшее дѣло славянскихъ первоучителей есть безспорно изобрѣтеніе славянской грамоты» (Моск. Вѣд. № 92, 5 апр.). По словамъ другой газеты, «изобрѣтеніе славянскихъ письменъ ставитъ святыхъ братьевъ на ряду съ величайшими благодѣтелями челоуѣчества и даже выдвигаетъ ихъ изъ ряда послѣднихъ» (Новороссійскій Телеграфъ, № 3028, 6 апр.). Легко понять это, если обратить вниманіе на то, какое значеніе для народа имѣютъ языкъ и письменность. Языкъ, утверждаютъ «Современныя Извѣстія», есть первое основаніе народнаго единства. Тѣмъ болѣе великое дѣло для народнаго бытія вообще и для скрѣпленія его связи — языкъ въ пись-

менахъ. Только чрезъ письма вырастаетъ племя въ народъ; его самосознаніе, его творчество не замираетъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ рѣчью, не остается нѣмымъ подобно памятникамъ зодчества; не подвергается искаженіямъ подобно устному преданію. Потому-то если Русь—народъ, и если этотъ народъ, великанъ, создалъ великана—государство, то прежде всего обязана она обстоятельству, по видимому, незначительному, что она получила азбуку и получила литературу,—азбуку и литературу, назначенныя было для другихъ, но которыя она унаслѣдовала и которыя она сберегла изъ всѣхъ единоплеменниковъ, не исключая и тѣхъ, для кого та азбука и первоначальная письменность были назначены». — Но славянскіе первоучители не только изобрѣли письма; они сдѣлались родоначальниками нашего образованнаго языка, нашей осмысленной рѣчи. «Изъ устъ «простой чади» берутъ наши первоучители безграмотную «мовь» и «говоръ», заключающіе въ себѣ много грубаго и варварскаго, а также склонность къ усвоенію даже тюрко-финскихъ элементовъ и къ безконечному дробленію на нарѣчія. Въ горниль своего высокообразованнаго духа они растапливаютъ элементы славянской рѣчи, отдѣляютъ отъ нихъ постороннее, соединяютъ лучшее, что породилъ гений племени, и это лучшее, оставляя въ немъ гибкость и подвижность, формируютъ по высокимъ образцамъ самаго совершеннаго языка греческаго. Изъ этого процесса славянскія «мовь» и «говоръ» возвращаются и въ уста племени и въ самую письменность уже языкомъ, однимъ изъ совершеннѣйшихъ въ числѣ новоевропейскихъ языковъ, языкомъ литературнымъ, языкомъ, способнымъ ясно, точно и изящно выразить самыя глубокія и высокія понятія христіанства, языкомъ, который не падетъ въ борьбѣ съ другими. Этотъ поставленный на высокую степень совершенства языкъ св. Кирилла и Меѳодія сталъ языкомъ Церкви и письменности для всѣхъ славянъ. Даже тѣ западные славяне, какъ Чехи, Поляки, Моравы, Хорваты и другіе, уже лишившіеся кириллицы и славянскаго Богослуженія на зарѣ своей исторической жизни, пользовались этимъ языкомъ какъ языкомъ Церкви и письменности. Русскій народъ, первый по своему могуществу въ семьѣ славянскихъ народовъ, пользовался этимъ драгоценнымъ даромъ святыхъ первоучителей до начала XVIII вѣка, какъ языкомъ своей письменности; до настоящихъ же дней вмѣстѣ съ южными славянами неизмѣнно хранить его какъ языкъ своей православной Церкви. — И нынѣшній живой литературный нашъ русскій языкъ, первенствующій среди всѣхъ славянскихъ нарѣчій, своими совершенствами чрезвычайно многимъ обязанъ языку церковнославянскому, который мы слы-

шимъ въ Церкви отъ дней нашего дѣтства до могилы. Поэтому не только наши древніе русскіе писатели, начиная съ Нестора и автора «Слова о полку Игоревѣ», но и новѣйшіе—отъ Ломоносова до Карамзина, отъ него до Пушкина, и отъ Пушкина до нашихъ современниковъ—все мы являемся въ дѣлѣ языка учениками нашихъ первоучителей. А языкъ—великое дѣло: по славянски—языкъ и народъ—одно и тоже» (Моск. Вѣд. № 95, 8 апр. Изъ рѣчи, сказанной на торжествѣ въ Лицеѣ Цесаревича Николая г. Назаревскимъ, преподавателемъ этого заведенія). Та же мысль относительно зависимости современного русскаго языка отъ церковнославянскаго, вліянія послѣдняго на первый, высказана была въ тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и нѣсколько ранѣе, именно въ передовой статьѣ № 93-го отъ 6 апр.: «языкъ Кирилла и Меѳодія сталъ основой нашего народнаго образованія, основой русскаго языка. Въ немъ первоначальная стихія нашего нынѣшняго слова. «Мы, прибавляетъ газета, должны свято блюсти этотъ первоначальный источникъ, возобновлять и поддерживать внутреннюю связь съ нимъ нашей нынѣшней литературной рѣчи, какъ должны поддерживать связь нашей церковной науки съ первоисточниками богословскаго вѣдѣнія». Съ этими послѣдними словами нельзя не согласиться: современный нашъ литературный языкъ, удалившись отъ первоначальнаго славянскаго и принявши много чуждыхъ, несвойственныхъ ему элементовъ, утратилъ не мало въ своихъ достоинствахъ,—ясности, краткости, силы и выразительности.

Весьма важно, такимъ образомъ, было изобрѣтеніе письменъ и образованіе славянскаго литературнаго языка; но оно приобрѣтало еще большую важность въ виду того обстоятельства, что первое употребленіе, данное новому языку, было—проповѣдь Христіанства.

Во первыхъ, давши съ перваго раза такое именно назначеніе новому языку—служить дѣлу проповѣди христіанства,—славянскіе апостолы тѣмъ самымъ оказали, по мысли «Московскихъ Вѣдомостей», громадную услугу Православію. Разсуджая о созданіи первоучителями общеславянскаго литературнаго языка, онѣ восклицаютъ: слава братьямъ солуцкимъ! Слава нашимъ первоучителямъ! Это было истинно творческимъ дѣяніемъ. Они положили начало новому міру великихъ созиданій и, руководимые Промысломъ, въ моментъ расторгненія Апостольской Церкви, обезпечили вѣрнымъ залогомъ бытіе восточнаго православія. Недаромъ встрѣтили они лютое сопротивленіе въ мѣстахъ ихъ проповѣди у западныхъ славянъ, которые находились въ чертѣ вѣдѣнія римскаго владыки. Ихъ обвинили въ ереси и, иска-

жая истину, въ укоръ имъ учили, что Бога не достойтъ хвалить иными языками кромѣ еврейскаго, греческаго и римскаго, по писанію Пилатову на крестѣ Господнемъ». И далѣе: Кириллъ и Меѳодій возвели новый пришедшій въ міръ народъ къ исторической жизни; они создали новую въ мірѣ силу, которой суждено свое назначеніе въ домостроительство Промысла, силу, которой при возникшемъ раздѣленіи Церкви суждено пребыть на Востокѣ въ противоположность возникшему на западѣ движенію. Если бы Кириллъ и Меѳодій не освятили нашъ первобытный языкъ и не возвели бы наше слово въ Богослужебный органъ, то не осталось бы мѣста и не было бы сосуда для Восточно-Православной Церкви, не кому было бы исполнять дѣло ея судьбы» (№ 93, 6 апр.). И въ самомъ дѣлѣ: весь тогдашній православный міръ имѣлъ свою опору въ греческомъ византійскомъ императорѣ, и только въ немъ одномъ; западная половина вселенской Церкви уже готова была отдѣлиться, и вскорѣ же дѣйствительно отдѣлилась отъ Православія, принявъ въ свое ученіе множество измышлений и лжи; слѣдовательно на западѣ Православіе не могло найти никакой поддержки. Но и Византійская Имперія того времени потеряла обаяніе прежней сильной всемірной державы. Съ одной стороны на западѣ формировались новыя сильныя государства, уже независимыя отъ византійскихъ императоровъ, принявшія христіанство въ извращенной римскою церковію формѣ. Съ другой стороны, сама Византійская Имперія отчасти расшатывалась вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, отчасти была тѣснима виѣшними врагами: съ востока ей угрожалъ напоръ магометанства, съ сѣвера—язычество въ лицѣ болгаръ. Правда, около этого времени появлялись сильные императоры, каковы: Левъ армянинъ, Василій Македонянинъ и др.; они, одерживая побѣды надъ виѣшними врагами, еще поддерживали имперію. Особенно успѣшна была борьба съ языческими болгарами у Константина Копронима; онъ почти первый изъ византійскихъ императоровъ нанесъ тяжелые удары новому славянскому царству. Не смотря однакожь на это, Византійская Имперія перѣдко должна была трепетать за свое существованіе. И скоро пришло то время, когда греческіе императоры поставлены были въ необходимость обращаться на западъ за помощью противъ своихъ враговъ. Но оказывалось, что эта помощь можетъ быть куплена только цѣною Православія. Очевидно, такимъ образомъ, послѣднее—Православіе—должно было найти другой, болѣе надежный пріютъ, среди народа крѣпкаго, свѣжаго, еще не растратившаго своихъ духовныхъ дарованій и силъ. Такимъ народомъ и являются славяне—моравы, болгары, а потомъ Русь. Но если бы

они приняли христіанскую вѣру на языкѣ чуждомъ, то она, какъ ясно само собою, не могла бы скоро и прочно утвердиться въ нихъ. Теперь же иное дѣло: когда источники христіанскаго вѣроученія и Богослуженіе явились на національномъ славянскомъ языкѣ. тогда открылась возможность устройства славянской церкви съ народнымъ клиромъ. «Какъ скоро явились Слово Божіе и литургія на славянскомъ языкѣ, говорилъ въ свое время одинъ изъ первыхъ русскихъ изслѣдователей о жизни Кирилла и Меѳодія, долженъ былъ явиться и священникъ—славянинъ, слѣдовательно и своя іерархія у славянъ, какъ важное условіе для процвѣтанія каждой церкви въ своемъ народѣ. И дѣйствительно, первымъ дѣломъ славянскихъ просвѣтителей было приготовить изъ мѣстныхъ жителей разумныхъ служителей алтаря. Въ Моравіи, куда прибыли по просьбѣ Ростислава, они, по словамъ ихъ жизнеописателя, собрали учениковъ и учили ихъ славянской грамотѣ, чтобы приготовить изъ нихъ священниковъ. Въ Панноніи князь Коцель, самъ выучившійся славянской грамотѣ, далъ имъ для обученія 50 учениковъ, съ которыми они отправились въ Венецію для посвященія ихъ на духовныя должности. По просьбѣ сего князя самъ Меѳодій скоро посвященъ былъ въ санъ епископа Паннонскаго, и затѣмъ по требованію Моравовъ былъ провозглашенъ папою архіепископомъ Моравскимъ и всѣхъ славянскихъ земель» («Голосъ Москвы» № 93, 6 апр.). Этимъ завершено было дѣло устройства славянской іерархіи, славянскаго клира, а вмѣстѣ и устройство церкви славянской. Св. Меѳодій ревностно заботился о приготовленіи учениковъ и всюду поставлялъ священниковъ изъ природныхъ славянъ «Отъ того дне», замѣчаетъ жизнеописатель, «начи рости Божіе ученіе и стражники (священники) множитися во всѣхъ градѣхъ и поганіи увѣроваша въ истинный Богъ». Число всѣхъ рукоположенныхъ св. Меѳодіемъ простиралось до 200. Такимъ образомъ судьба православія была обезпечена: оно уже привилось къ жизни славянъ, а слѣдовательно нашло себѣ среди нихъ надежный пріютъ.

Во-вторыхъ, первое употребленіе славянскаго языка и письменности тотчасъ же по ихъ появленіи на дѣло проповѣди христіанства имѣло громадное значеніе для самихъ славянъ, принимавшихъ новое ученіе. Важно было именно то обстоятельство, что на новомъ языкѣ, новомъ съ внѣшней стороны, но оставшемся національнымъ, роднымъ для славянъ,—на этомъ языкѣ, по выраженію поэта,

... Завѣтъ любви и правды христіанской

Воспринять былъ тогда славянскою душой.

Выражаясь же прозаическимъ языкомъ—появленіе славянской письменности, по характеру своему—христіанской, не осталось безъ должнаго вліянія на народъ, пользовавшійся этою письменностію, въ смыслѣ упроченія въ его сознаніи истинъ христіанства. «Святая православная вѣра, совершившая чудеса въ нашей отечественной исторіи, быстро и успѣшно распространилась въ нашемъ отечествѣ главнымъ образомъ благодаря свв. Кириллу и Меѳодію, такъ какъ ими языкъ словенскій содѣланъ сокровищницею духа и жизни, святымъ Кивотомъ Божественныхъ таинъ. Слово Божіе, проповѣдуемое на родномъ языкѣ нашимъ предкамъ, покоряло сердца ихъ и обращало ко Христу; открывшееся сейчасъ по обращеніи богослуженіе на понятномъ языкѣ постепенно ознакомляло съ широкимъ содержаніемъ Христіанской вѣры и поучительными примѣрами благочестивой жизни. Такимъ образомъ пріобрѣтались и упрочивались христіанскія понятія вмѣсто прежнихъ языческихъ суевѣрій, слагалась христіанская жизнь вмѣсто языческаго печестія (Кіевлянинъ № 77, 7 апр.; изъ слова, произнесеннаго въ день юбилея въ Кіево-Софійскомъ кафедральномъ соборѣ прот. М. Д. Златоверховниковымъ). Благодаря тому же обстоятельству, христіанскія истины съ перваго же раза могли сдѣлаться достояніемъ народной массы, а потому усвоились различными слоями общества одновременно и въ дѣлѣ религіи не было того вреднаго раздѣленія народа на образованныхъ и невѣждъ, «*ugbani*» и «*ragani*», какое видимъ въ латинствовавшихъ странахъ; религія не оставалась исключительно въ рукахъ ученаго сословія, т. е. только людей знающихъ языки латинскій и греческій. Достаточно было научиться грамотѣ, достаточно было даже безграмотному войти въ церковь, и онъ слышалъ тамъ Слово Божіе, ему понятное по мѣрѣ его разумѣнія» («Голосъ Москвы» № 103, 16 апр.; изъ рѣчи г. Поливанова, директора Моск. частной гимназіи на торжествѣ въ этомъ заведеніи).—Наконецъ, «такъ какъ самая письменность появилась у славянъ первоначально только ради вѣроученія, то она невольно сразу стала въ ихъ глазахъ дѣломъ высокой важности. Не житейскія нужды низшаго порядка вызвали славянина на грамотность, а исканіе вѣчной истины и только ея исканіе побудило его обратиться къ перу и книгѣ. Отъ этого выиграло значеніе книги въ глазахъ славянина и русскаго человѣка. Съ книгой онъ не шутитъ. Книга ему не забава, и не орудіе выгоды, а предметъ священный... Не удивительно, что вся народная литература русская, долго ограничиваясь почти исключительно содержаніемъ духовнымъ, пріучила русскаго человѣка высоко ставить

книжную мудрость и строго отличать ее отъ мудрости житейской, которая служитъ нуждамъ практическимъ: экономическимъ, юридическимъ и политическимъ. Самыя эти неизбѣжныя нужды жизни русскій народъ привыкъ регулировать въ идеалѣ своемъ согласно основнымъ законамъ высшей мудрости, мудрости Божественной» (*ibidem*).—Кромѣ всего этого появленіе ученія Христіанской вѣры и нравственности и богослуженія на славянскомъ языкѣ имѣетъ и другой глубокой смыслъ, получаетъ особое значеніе, если посмотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія, указанной въ «Голосѣ Москвы»; именно, переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ,—этотъ тяжелый подвигъ Кирилла и Меѳодія, бывшій для нихъ источникомъ страданій и преслѣдованій,—является важною *реформою*, шедшею въ разрѣзъ съ принятою церковною практикою и господствовавшими понятіями, провозгласившею новый принципъ равноправности всѣхъ языковъ въ противоположность существовавшему до сихъ поръ въ римской церкви ученію о томъ, что только три языка, — еврейскій, греческій и латинскій,—могутъ быть языками церкви и богослуженія. «Важность произведенной Кирилломъ и Меѳодіемъ реформы и величіе ихъ подвиговъ открываются изъ того, что они, ставъ выше предразсудковъ своихъ современниковъ, самымъ дѣломъ призвали славянскія племена, по выраженію лѣтописца, къ прославленію величія Божія на родномъ языкѣ и тѣмъ самымъ положили начало сознательному и разумному усвоенію Слова Божія и церковнаго богослуженія, между тѣмъ какъ ихъ противники лишали народъ этого блага, обрекали его на духовную нищету и рабскую зависимость отъ другихъ. Такимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій за шесть съ половиною вѣковъ доставили славянскому міру то благодѣяніе, котораго лишены были западные европейскіе народы въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и которое народы германскаго происхожденія получили только въ XVI в. Лютеровымъ переводомъ Библии и нѣмецкимъ богослуженіемъ» («Голосъ Москвы» № 93, 6 апр.). Справедливо поэтому замѣчаетъ «Нѣвлянинъ» въ передовой статьѣ: «если германцы благовѣрно чтутъ заслугу Лютера, переведшаго на нѣмецкій языкъ Библию, то во сколько выше должна чтиться славянами заслуга солунскихъ братьевъ, совершившихъ свой великій подвигъ много вѣковъ ранѣе, для народовъ почти невѣдомыхъ, для сѣверныхъ и восточныхъ «варваровъ» и «скифовъ», въ которыхъ только пророческая мысль мудреца, прозрѣвающая даль грядущихъ столѣтій, могла открыть зародышъ великихъ народовъ, могущественныхъ и славныхъ государствъ. Память объ

этомъ подвигѣ будетъ вѣчно жива въ славянствѣ и чѣмъ шире будетъ развиваться славянское самосознаніе и самопознаніе, тѣмъ живѣе будетъ чувство благоговѣнія къ первымъ творцамъ его» (№ 76-й, 6 апр.).

Если бы вновь изобрѣтенная письменность и славянскій литературный языкъ.—эти продукты гениальнаго творчества свв. Кирилла и Меодія, — имѣли только изъясненное сейчасъ значеніе въ жизни и исторіи славянъ, то и тогда имена приснопамятныхъ учителей славянства вполне были бы достойны внесенія въ лѣтописи исторіи, чтобы ихъ духовное потомство вѣчно съ благодарностію и благоговѣніемъ памятовало объ ихъ дѣятельности, ихъ подвигахъ, совершенныхъ ради безкорыстной цѣли-просвѣщенія свѣтомъ истиннаго богопознанія людей, жившихъ во тьмѣ язычества. Между тѣмъ указанными выше благотворными слѣдствіями далеко не исчерпывается просвѣтительная дѣятельность свв. Кирилла и Меодія; еще доселѣ произрастають плоды ея, еще доселѣ вліяніе ея сказывается въ другихъ сферахъ жизни славянской. Разумѣемъ здѣсь область культуры и просвѣщенія славянскихъ народовъ вообще, а русскаго—въ особенности. Значеніе дѣятельности первоучителей въ этой области признается всѣми органами свѣтской періодической печати безъ различія направленій и раскрыто ими довольно обстоятельно.

«Нельзя ни забыть, ни извратить, ни затѣнить, того, что солунскіе братья явились среди славянъ свѣточами національной славянской культуры, съ ея особою славянскою письменностію, что ихъ труды всецѣло посвящены были созданію славянскаго просвѣщенія, славянской литературы, что они боролись и страдали за сохраненіе славянской народности» («Новое Время» № 3269, 6 апр.). «Первоучители положили краеугольный камень славянской культуры и ихъ знамена стали дорогимъ знаменемъ, подѣ которое стекаются славянскія племена, раздѣленные религіозными воззрѣніями, политическими и географическими границами. Въ 1000-лѣтній періодъ своей жизни много невзгодъ пришлось испытать славянству; но свѣточъ, возженный солунскими братьями, никогда не угасалъ; и въ настоящее время онъ служитъ путеводнымъ маякомъ, указывающимъ путь къ свѣту и истинѣ» («Кіевлянинъ» № 76, 6 апр.). «Дѣло Меодія и Кирилла не литературная только заслуга, не частное улучшеніе языка науки, не вкладъ только въ личную жизнь избранныхъ людей, имѣющихъ вкусъ къ утонченностямъ богословія и философіи; дѣло Кирилла и Меодія—не менѣе какъ созданіе того, что на языкѣ запада называется ци-

визитаціей въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова,—цивилизациі восточно-европейской, на которую съ уваженіемъ начинаетъ смотрѣть и западъ. Это—освѣженіе общей исторіи человѣчества новыми народными силами; это—появленіе въ ней новаго самообытнаго дѣятеля» («Голосъ Москвы» № 103, 16 апр. въ цитов. выше рѣчи г. Поливанова). Такіе цѣнные, имѣющіе всемірно-историческое значеніе результаты основаніе и источникъ свой имѣютъ въ томъ же изобрѣтеніи славянской письменности: «изобрѣтеніе славянской грамоты положило начало нашему книжному слову, школьному образованію и всякому умственному развитію. Дѣло славянскихъ просвѣтителей получаетъ особенную важность вслѣдствіе того, что изобрѣтена ими грамота приспособительно къ славянскому языку, богатому, выразительному и благозвучному. Чужой языкъ вноситъ чужія понятія и производитъ часто влеченія, удаляющія отъ родныхъ обычаевъ, національныхъ интересовъ и роднаго склада жизни; тогда какъ родной языкъ есть могущественное средство объединенія людей и сохраненіе того, что принято называть народностію» («Кіевлянинъ» № 77, 7 апр.). Эту послѣднюю мысль — относительно сохраненія въ культурѣ и цивилизациі славянъ національнаго характера — развиваетъ и въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» г-мъ Юрченко, который, поставивши въ своей рѣчи «о характерѣ и значеніи дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія» вопросъ, что заставляеть насъ такъ торжественно праздновать память ихъ, въ отвѣтъ дѣлаеть характеристику нравственной личности солунскихъ братьевъ и показываетъ, что жизнь ихъ достойна всяческаго подражанія; но особенную заслугу первоучителей онъ видитъ въ изобрѣтеніи ими письменности, ибо «письмена создали свою отдѣльную литературу; они же помогли національной самостоятельности. Пока у народа нѣтъ своего литературнаго языка, до тѣхъ поръ онъ находится въ подчиненіи у того народа, на чьемъ языкѣ онъ пишетъ (№ 3028, 6 апр.). «Первоучители», говоритъ точно также г. Назаревскій, «въ образованіи славянъ создаютъ устой національности, которые должны охранить славянъ отъ поглощенія другими народами» (Моск. Вѣд. № 95, 8 апр.). Путь, которымъ первоучители достигли этого, г. Назаревскій также видитъ въ томъ, что на ряду съ древнѣйшею письменностію — греческою и латинскою, раньше письменности нѣмецкой они создаютъ для славянъ письменность національную Немудрено, что знаменитый Шлецеръ такъ восторженно отзывался о подвигѣ свв. Кирилла и Меѳодія; «привѣтствую васъ», говорилъ онъ, оканчивая свое изслѣдованіе о русской

начальной лѣтописи, «безсмертные изобрѣтатели славянской азбуки. Какъ малъ противъ васъ эльзасскій монахъ Отдеришь, или кто бы ни былъ тотъ пѣмецъ, который осмѣлился первый писать на своемъ языкѣ, но для сего рабски только скопировалъ латынскую азбуку» (ibidem). — Велика, такимъ образомъ, была заслуга содунскихъ братьевъ, если они обезпечили для славянъ культуру и образование и придали тому и другому національный характеръ. Но оказывается, что Кириллъ и Меѳодій сдѣлали еще болѣе; именно, въ христіанствѣ они дали и общечеловѣческую основу для образованія славянъ. «Какъ съ христіанствомъ неразрывно соединено дѣло образованія, такъ и съ апостольствомъ свв. Кирилла и Меѳодія нераздѣльно связано начало общаго славянскаго просвѣщенія. Они были не только апостолами, но и первоучителями всѣхъ славянъ. Что же положили они въ основу этого просвѣщенія? Не замкнутость и не косиѣніе на низшей ступени историческаго бытія. Въ основу славянской образованности они полагаютъ общечеловѣческое достоиніе — христіанство, истины коего своими переводами Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ дѣлаютъ доступными для всѣхъ. Какой безконечный міръ, скрытый папизмомъ отъ народа запада за латинскимъ языкомъ богослуженія и Библии, открылся славянамъ!» (ibidem). Такимъ образомъ у славянъ національная церковь вмѣстѣ съ славянскою письменностію хранила ихъ народность, служила источникомъ ея силы и жизненности; а христіанство поставило ихъ на путь общечеловѣческаго развитія.

«Новости», считая справедливымъ отождествленіе отпразднованнаго юбилея съ тѣсячелѣтней годовщиной русской грамотности, русскаго просвѣщенія, считая, слѣд., славянскихъ первоучителей виновниками послѣдняго, а труды ихъ — основой и исходнымъ пунктомъ просвѣщенія, утверждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что указанное отождествленіе въ тоже время наводитъ на довольно огорчительныя мысли и, между прочимъ, указывающія на причину, будто бы, безучастія массы къ отпразднованному торжеству, «Великіе-ли успѣхи», разсуждаетъ фельетонистъ «Новостей» въ № 94, отъ 7 апр., «сдѣлали на Руси за истекшее 1000-лѣтіе грамотность и просвѣщеніе? По послѣднему счету статистики приходится въ среднемъ выводѣ, что-то, десять грамотныхъ на 90 неграмотныхъ. Если дѣло будетъ идти съ такимъ же ни шаткимъ ни валкимъ успѣхомъ, то можно надѣяться, что съ Божьей помощью драгоцѣнное изобрѣтеніе Кирилла и Меѳодія сдѣлается у насъ достояніемъ всѣхъ безъ изыатія чрезъ десять 1000-лѣтій отъ его начала приблизительно. Другой не менѣе существенный вопросъ, какое

употребленіе дѣлается изъ драгоцѣннаго изобрѣтенія? Въ какой мѣрѣ оно служитъ просвѣщенію? Гоголевскій Петрушка зналъ грамоту и любилъ заниматься чтеніемъ, но, кажется, даже Селифанъ сомнѣвался въ его просвѣщенности. Очевидно, что грамотны-ли или неграмотны Петрушки, — для торжества великой идеи первоучителей безразлично, никакого проку нѣтъ». То правда, конечно, что образованіе и просвѣщеніе далеко не стоятъ у насъ на той высотѣ, какъ это было бы желательно; правда, что у насъ среди простаго народа еще до сихъ поръ неграмотныхъ гораздо болѣе, чѣмъ грамотныхъ, и, не смотря на то, просвѣщеніе и образованіе туго развиваются и распространяются въ массѣ; правда, наконецъ, и то, что просвѣщеніе у насъ въ большинствѣ не ушло далѣе простой грамотности, умѣнья читать, чего, конечно, нельзя назвать *просвѣщеніемъ* въ собственномъ смыслѣ слова. При всемъ томъ, по нашему крайнему разумѣнію, разсужденія фельетониста «Новостей» были бы болѣе умѣстны во времена гоголевскаго Петрушки; тогда они болѣе соответствовали бы дѣйствительному положенію дѣла народнаго образованія; но съ тѣхъ поръ времени прошло не мало и что было тогда, то теперь — «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой». Фельетонистъ «Новостей», намъ кажется, нѣсколько утрируетъ исторію русскаго просвѣщенія и слишкомъ скептически смотритъ на современное его состояніе и прогрессивное движеніе. Съ того времени, когда гоголевскій Петрушка наслаждался только самымъ процессомъ чтенія, не разбирая, какая книга попадетъ подъ руку, особенно же со времени уничтоженія крѣпостнаго права народное образованіе сдѣлало значительный шагъ впередъ. И если тогда въ образѣ Петрушки можно было воплотить наиболѣе распространенный, господствующій типъ грамотѣевъ изъ нашего простаго народа, то теперь писатель беллетристъ допустилъ бы большую ошибку и сказалъ бы неправду, если бы повторилъ въ данномъ случаѣ Гоголя. Мы не говоримъ уже о томъ, что Гоголь, изображая въ своихъ произведеніяхъ по преимуществу отрицательныя стороны русской жизни, и въ созданіи типа грамотника изъ простаго народа не уклонился отъ принятаго разъ направленія и обратилъ вниманіе только на отрицательныя черты, оставивши въ сторонѣ положительныя. Въ виду этого, очевидно, по созданному Гоголемъ отрицательному типу русскаго грамотѣя — простолюдина нельзя судить о современномъ этому типу положеніи просвѣщенія среди простаго народа. Тѣмъ болѣе, конечно, невозможно это по отношенію къ нашему времени; теперь крестъ-

янинъ читаетъ книгу не безъ разбора, не первую, попавшуюся ему на глаза и не наслаждается только процессомъ чтенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно проникнуть ходя въ одну какую-нибудь крестьянскую семью, гдѣ одинъ изъ членовъ—грамотный. Тамъ наблюдатель имѣлъ бы возможность видѣть, съ какимъ интересомъ этотъ грамотѣй читаетъ полезную и назидательную книжку и съ какимъ вниманіемъ слушаютъ его остальные члены семьи, а иногда и посторонніе посѣтители, нарочно и явившіеся сюда затѣмъ, чтобы послушать чтеніе; наблюдатель можетъ иногда замѣтить здѣсь, что слушатели далеко не безучастно относятся къ содержанію читаемой книжки, но нерѣдко высказываютъ свои замѣчанія,—одобрительныя или нѣтъ, — смотря по впечатлѣнію, производимому на нихъ слышаннымъ, и по мыслямъ, какія тогда зарождаются у нихъ, вообще же по силѣ своего разумѣнія. Мы не будемъ спорить противъ того, что это еще сравнительно очень рѣдкое явленіе, тѣмъ не менѣе оно дѣйствительный фактъ; во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что нашъ простой народъ ищетъ полезнаго и назидательнаго чтенія и не довольствуется книжками для «народнаго чтенія», въ обиліи появляющимися въ настоящее время, составители которыхъ, повидимому, только и разсчитываютъ на крайнюю ограниченность пониманія у простаго народа. Если же современные грамотные люди изъ этого класса нашего общества не наслаждаются только процессомъ чтенія, но, хотя и мало, все же обнаруживаютъ, какія бы то ни было сознательныя отношенія къ содержанію прочитаннаго, его смыслу и характеру, и читаютъ не всякую книгу, какая попадетъ подъ руку, то это ясный знакъ, что для русскаго народа проходить,—если уже не прошло, —то время, когда просвѣщеніе его можно было и слѣдовало отождествлять съ грамотностію. Русскій народъ дѣйствительно начинаетъ *просвѣщаться* въ собственномъ смыслѣ этого слова. И нужно надѣяться, что распространеніе такого просвѣщенія съ наступленіемъ втораго 1000 лѣтія отъ своего начала пойдетъ далеко не такъ медленно, не съ такимъ «ни шаткимъ ни валкимъ успѣхомъ», какъ это было въ теченіе перваго тысячелѣтія. Если до сихъ поръ русскій народъ просвѣщался слабо и медленно, то на это были свои причины. Теперь у насъ не можетъ быть ни княжескихъ усобицъ, ни татарскаго владычества, ни крѣпостнаго права, ни другихъ подобныхъ невзгодъ, способныхъ если не окончательно подавить, то на долгое время задержать и во всякомъ случаѣ значительно замедлить нормальное развитіе и распространеніе образо-

ванія. Да и средства просвѣщенія, какими располагаетъ или можетъ располагать русскій народъ въ настоящее время, несравненно богаче и цѣлесообразнѣе, чѣмъ тѣ, какія были въ распоряженіи у него въ теченіе перваго 1000-лѣтія. Это безспорныя истины.—Фельетонистъ «Новостей», далѣе, хочеть повидимому, утверждать, будто вѣра русскаго народа въ теченіе перваго тысячелѣтія оставалась и до сихъ поръ остается слѣпою, безсознательною, будто Христось для него совсѣмъ не былъ «живымъ Богомъ, руководящимъ творческимъ идеаломъ въ помыслахъ и поступкахъ», будто бы, словомъ, Христово ученіе не одухотворено и не осмыслено просвѣщеніемъ въ умахъ прозелитовъ—русскаго народа. Такъ нельзя думать,—нельзя въ виду дознаннаго и обслѣдованнаго характера русскаго простаго народа, его нравственной фізіономіи. То терпѣніе, которое онъ обнаруживалъ при разныхъ историческихъ невзгодахъ, та покорность промыслу съ сознаниемъ неудовлетворительности своего нравственнаго состоянія, являвшіяся у него при постигавшихъ его несчастіяхъ въ общественной или частной жизни, его неизмѣнная религіозная настроенность, наконецъ другія чисто христіанскія добродѣтели—любовь къ ближнему, сочувствіе его радостямъ и скорбямъ, прямодушіе, незлобіе даже въ отношеніи къ врагамъ и т. п.,—все это свидѣлствуетъ, что нравственное христіанское ученіе не было воспринято русскимъ народомъ только внѣшнимъ образомъ, но напротивъ проникло въ его духовное существо, перевоспитало его, возшло въ плоть и кровь и стало неотъемлемымъ его достояніемъ, что, слѣд., Христось былъ для него «живымъ Богомъ, руководящимъ творческимъ идеаломъ въ помыслахъ и поступкахъ». А въ этомъ и состоитъ *просвѣщеніе* въ болѣе глубокомъ смыслѣ слова. Пусть русскій народъ не знаетъ ни математики, ни физики и химіи, ни философіи и исторіи, ни литературы, ни другихъ наукъ. Но вѣдь все это въ концѣ концовъ суть средства къ освобожденію нравственной личности челоуѣка отъ рабства матеріальной природѣ, къ приобрѣтенію господства надъ послѣдней, къ возвышенію духа,—иначе къ просвѣщенію. Однако если русскій народъ достигалъ той же цѣли другими путями, помимо математики, физики, химіи и т. д., то конечно странно было бы поставить это въ вину ему. Пусть онъ достигъ этой цѣли въ недостаточной мѣрѣ и шелъ къ ней слишкомъ медленно; пусть такой недостатокъ и такая медленность обусловлены были именно отсутствіемъ образовательныхъ средствъ. Но что же было дѣлать русскому народу, когда ему негдѣ было взять ихъ, да

и историческіе обстоятельства сложились такъ, что онъ не могъ бы, пожалуй, воспользоваться ими надлежащимъ образомъ, примѣнить ихъ къ дѣлу. если бы даже они и были на лицо? Придетъ время и будемъ надѣяться—скоро, когда и для простаго народа будутъ доступны такія образовательныя средства. Теперь же пока его не въ чемъ винить. Вотъ если съ началомъ втораго 1000-лѣтія дѣло пойдетъ старымъ порядкомъ и далѣе, какъ въ первомъ 1000-лѣтіи, тогда, конечно, велика будетъ вина русскаго человѣка. Но этого, къ счастью, не будетъ, какъ можно надѣяться по сказанному выше. По сему фельетонисту «Новостей» не мѣшаетъ нѣсколько умѣрить свой пессимизмъ, какъ не имѣющей достаточнаго основанія въ дѣйствительномъ положеніи вещей.

Свѣтская періодическая печать не оставила, наконецъ, безъ вниманія и еще одну сторону въ жизни славянскаго міра, гдѣ дѣятельность свв. Кирилла и Меодія также имѣетъ громадное значеніе и гдѣ вліяніе ея обнаруживается и до сихъ поръ; это—сфера взаимныхъ отношеній между различными славянскими племенами.

«Проповѣдники царства не отъ міра сего», говорилъ въ своей рѣчи г. Назаревскій, «первоучители наши не были провозвѣстниками политическаго объединенія славянскихъ племенъ; на водруженной ихъ руками въ славянскомъ мірѣ хоругви начертали для всѣхъ славянъ: единство церковное, единство православія, единство языка и образованія съ сохраненіемъ своихъ особенностей, но и безъ замкнутости по отношенію къ другимъ народамъ, безъ коснѣнія въ своихъ несовершенствахъ и недостаткахъ» (Моск. Вѣд. № 95, 8 апр.). «Славянскіе апостолы своимъ дѣломъ и самымъ именемъ своимъ способствовали объединенію и скрѣпленію многочисленнаго славянскаго племени. Вложивъ въ разрозненныя славянскія вѣтви единое христіанское начало, составивъ для всѣхъ ихъ одну грамоту и даровавши всѣмъ имъ въ славянскомъ переводѣ Слово Божіе и богослужебныя книги, они оживили ихъ однимъ духомъ, завязали между ними духовное родство, которое много крѣпче кровнаго родства, установили въ своемъ имени славянскихъ апостоловъ и просвѣтителей общій центръ для нихъ и сдѣлали ихъ чуткими къ взаимному положенію и всеславянскому интересу. Сознанія племеннаго и особенно религіознаго единенія имѣетъ вообще могущественное значеніе въ исторіи. Оно образуетъ государства, превозмогаетъ историческія затрудненія, соединяетъ людей противъ враговъ, создаетъ политическую крѣпость, и прочное, почтенное положеніе въ мірѣ» («Кіевлянинъ» № 77, 7 апр.). Сознаніе такого

единенія довольно осязательно заявило о своемъ существованіи среди славянскихъ народовъ въ день воспоминанія о святыхъ первоучителяхъ. Прежде всего оно обнаружилось, конечно, въ почти единодушномъ празднованіи славянами 1000-лѣтняго юбилея свв. Кирилла и Меѳодія. Фактъ этотъ констатированъ между прочимъ проф. Флоринскимъ въ его рѣчи на торжественномъ собраніи Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ Кіевѣ. «Не одна Русь, говорилъ почтенный профессоръ, славить память незабвенныхъ апостоловъ — просвѣтителей. Въ томъ великомъ хвалбномъ гимнѣ Кириллу и Меѳодію, который теперь возносится къ небесамъ, съ безчисленными русскими голосами сливаются голоса всѣхъ другихъ славянскихъ народностей, маленькихъ и раздробленныхъ, частію недавно вызванныхъ къ новой политической и духовной жизни, частію доселѣ остающихся подъ тяжелымъ гнетомъ иноземцевъ. Вездѣ, гдѣ только раздастся еще славянская рѣчь, — въ Болгаріи, Сербіи, Словинской Землѣ, въ Венгріи, Моравіи, Чехіи, Галиціи (частію даже въ Польшѣ), такъ либо иначе празднуется память великихъ начинателей славянскаго просвѣщенія. Быть можетъ не вездѣ это празднованіе сознательное и искреннее. На мѣстѣ подвиговъ втораго изъ братьевъ, св. Меѳодія, какъ извѣстно, состоялось уже особое торжество, устроенное не столько въ честь славянскихъ апостоловъ, сколько изъ другихъ не совсѣмъ чистыхъ побужденій. Тѣмъ не менѣе и западные славяне, какъ тѣ, которые доселѣ пользуются плодами дѣятельности святыхъ братьевъ, такъ и тѣ, которые не умѣли или не успѣли сберечь полученное ими драгоценное достояніе, позаботились о чествованіи великаго дня кончины св. Меѳодія. Россія, какъ мощная и вѣрная хранительница великаго наслѣдія, приготовившаяся праздновать этотъ день величественно, но скромно, безъ политическихъ демонстрацій, естественно не могла не привлечь къ себѣ взоры тѣхъ представителей западнаго славянства, которые поняли противорѣчіе между прежними и нынѣшними отношеніями Рима къ славянскимъ апостоламъ и ихъ дѣятельности и по достоинству оцѣнили всю фальшь и лицемеріе современныхъ сторонниковъ папства. Католическій Велеградъ собралъ не все славянство. Не мало истинныхъ славянъ отказались отъ поѣздки на мнимую могилу св. Меѳодія и отъ удовольствія слушать *латинскую* мессу, совершаемую въ честь защитника *славянской* литургіи. Они ограничились своимъ мѣстнымъ празднованіемъ или собрались чествовать память св. братьевъ вкупѣ съ православною Россіею» (Кіевлянинъ № 78, 8 апр.). Но, очевидно, это единеніе

славянѣ не могло ограничиваться только однимъ пунктомъ—почита-ніемъ памяти святыхъ первоучителей. Съ личностью нераздѣльно связана ея дѣятельность; послѣдняя вообще служить необходимымъ предикатомъ первой, вытекаетъ изъ понятія личности и потому въ своемъ характерѣ и направленіи отражаетъ характеръ и направленіе своего производителя, — въ каждомъ частномъ случаѣ данной личности, служить выраженіемъ ея во внѣ. Посему и славяне при воспоминаніи о своихъ первоучителяхъ и просвѣтителяхъ не могли отдѣлать ихъ личности отъ ихъ дѣятельности. Если славянамъ и дорога память о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, то единственно ради подвиговъ, совершенныхъ этими послѣдними для блага славянъ и обнаруживающихъ высокій умъ первоучителей и высокія ихъ добродѣтели. Прославляя же подвиги приснопамятныхъ своихъ апостоловъ, славянскія племена не могутъ не сойтись въ пониманіи смысла и значенія этихъ подвиговъ въ историческихъ судьбахъ славянства, — смысла и значенія, о которыхъ было говорено выше. А отсюда взаимное сочувствіе, сознаніе племеннаго единства, тѣсный союзъ въ религіозной, нравственной и умственной сферахъ жизни среди славянскихъ племенъ возникаютъ сами собою. — Подтверженіе этого мы и можемъ найти въ тѣхъ привѣтствіяхъ, которыя были присланы въ Россію изъ разныхъ славянскихъ земель, на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Чтобы лучше видѣть, насколько въ нихъ выражается указанное сознаніе единенія, мы приведемъ нѣкоторыя изъ поздравительныхъ телеграммъ, присланныхъ по случаю торжества въ наши славянскія благотворительныя общества. Вотъ на примѣръ привѣтствіе изъ Пловдива (Филиппополь): Населеніе восточной Румелии, праздно торжественно 1000-лѣтній юбилей славянскаго просвѣтителя св. Меѳодія, привѣтствуетъ всѣхъ трудящихся о преуспѣваніи славянства. Варненскіе болгары пишутъ, что они при торжественномъ чествованіи перваго 1000-лѣтія памяти св. Меѳодія возносятъ Всевышнему теплыя молитвы за преуспѣяніе славянскихъ народовъ на пути, предначертанномъ славянскими первоучителями. Съ юго-западнаго предгорія православнаго славянства на Адриатическомъ морѣ, съ Черной горы желаютъ, чтобы скоро осуществилась идея нашихъ апостоловъ въ объединенномъ славянствѣ Изъ Земуни пишутъ: Въ день памяти блаженной кончины равноапостольнаго Меѳодія и одновременно въ день прославленія 1000-лѣтняго торжества его духа между славянами, которымъ онъ съ своимъ братомъ Кирилломъ далъ славянское письмо и славянскую рѣчь, «Общество для рас-

пространенія грамотности въ Сербіи», исполненное любовью къ единоплеменнымъ братьямъ—русскимъ, шлетъ сердечный привѣтъ обществу въ Кіевъ, мать всѣхъ русскихъ народовъ, который сегодня веледѣпно прославляетъ имя нашихъ солунскихъ просвѣтителей, желаемъ, чтобы сегодняшнее обще-славянское празднество стало новымъ залогомъ прочной взаимности славянства для его общаго блага и на славу его имени. Изъ Бѣлграда въ привѣтствіи митроп. Михаилу высказываютъ желаніе, чтобы великій общеславянскій праздникъ свв. Кирилла и Меѳодія сталъ залогомъ единенія, единомыслія и крѣпкой вѣры въ счастливую будущность всѣхъ славянскихъ племенъ, въ ихъ славу, прогрессъ и укрѣпленіе православія; при этомъ просятъ преосв. Михаила быть истолкователемъ такихъ чувствъ и пожеланій предъ русскимъ народомъ. Такія же привѣтствія получены были въ Россіи и изъ другихъ мѣстностей, гдѣ только живутъ славяне—изъ Кракова, Львова, Познани, даже Берлина. Смыслъ всѣхъ этихъ привѣтствій очень ясенъ. О чемъ они могутъ свидѣтельствовать, какъ не о томъ, что всѣ славянскія племена сознаютъ себя однимъ народомъ, который, хотя и раздѣляется названіями на нѣсколько различныхъ группъ, но по духу, стремленіямъ, задачамъ и цѣлямъ своего историческаго призванія, по чувствамъ взаимной любви, не смотря на существующее видимое раздѣленіе, незримо составляетъ одно цѣлое. Такимъ образомъ единеніе среди славянскихъ племенъ несомнѣнно существуетъ и причину или источникъ своего происхожденія имѣетъ въ дѣятельности солунскихъ братьевъ.—Но оно обнаруживалось и ранѣе, на первыхъ даже порахъ жизни славянства, едва успѣваго просвѣтиться ученіемъ Христіанской вѣры. Не даромъ славянскимъ племенамъ пришлось выдержать сильный напоръ чуждыхъ народностей, пытавшихся воспрепятствовать ихъ духовному объединенію. Болѣе всего имъ пришлось потерпѣть со стороны папства, съ самаго начала христіанской жизни славянъ желавшаго принять ихъ подъ свою опеку. Римско-католическій клиръ уже тогда воздвигъ гоненіе на славянскую письменность и славянское богослуженіе, т. е. на то самое, что и было въ данномъ случаѣ важнѣе всего, что главнымъ образомъ и служило объединенію. «Московскія Вѣдомости, посвятивши этому предмету передовую статью, припомнили нѣкоторые факты изъ исторіи отношеній Рима къ славянамъ.

Когда св. Меѳодій назначилъ своимъ преемникомъ Горазда, тогда римско-католическій клиръ, видя съ какою ревностію Гораздъ, по смерти св. Меѳодія, началъ управлять ввѣренною ему паствою и

опасаясь, чтобы въ немъ не ожилъ другой Меѳодій, лишилъ Горазда епископской власти, на его мѣсто поставилъ Викинга, отверженнаго св. Меѳодіемъ, и снова всѣми средствами сталъ преслѣдовать славянское богослуженіе. Въ папскомъ письмѣ отъ 14 іюня 879 г. на имя св. Меѳодія читаемъ слѣдующее: «слышали мы, что ты поешь литургію на варварскомъ, т. е. славянскомъ языкѣ. Потому мы уже нашимъ письмомъ, отосланнымъ къ тебѣ чрезъ Павла, епископа Анконскаго, запрещали совершать божественныя службы на этомъ языкѣ, но или на латинскомъ, или на греческомъ, какъ то поеть Церковь Божія, раздѣленная по всему земному шару и распространенная у всѣхъ народовъ». Папа Стефанъ VI идетъ еще далѣе: «Мы весьма удивились», пишетъ онъ, «услышавъ, что Меѳодій предавъ лжеученію, а не назиданію, враждѣ, а не миру, и если это такъ, какъ мы слышали, то лжеученіе его мы совершенно осуждаемъ. Божественныя службы и святыя таинства и священнодѣйствія литургіи, которыя тотъ же Меѳодій осмѣлился совершать на славянскомъ языкѣ... ни коимъ образомъ впредь никто да не дерзнетъ совершать. Ибо Божіею и нашею апостольскою властію мы запрещаемъ это подъ страхомъ узъ проклятія». А Григорій VII объясняетъ причины, по которымъ будто бы нельзя допустить совершенія богослуженія на славянскомъ языкѣ, дозволенія чего просилъ у него Вратиславъ, король Богемскій; «на эту просьбу, пишетъ Григорій VII, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дано согласіе. Всемогущему угодно было, чтобы Св. Писаніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было сокровенно, дабы иначе, еслибы оно для всѣхъ было совершенно ясно, не подверглось бы униженію и презрѣнію». Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ запрещеній и прямыхъ преслѣдованій, богослуженіе на славянскомъ языкѣ на западѣ падало все болѣе и болѣе и съ XI в. почти совсѣмъ исчезло у всѣхъ славянъ римско-католическаго исповѣданія. — Такъ какъ славянское богослуженіе удержалось въ Болгаріи и особенно распространилось въ Россіи, то на западѣ стали называть самое славянское богослуженіе болгарскою или русскою схизмою. Этотъ взглядъ на славянское богослуженіе остается въ Римѣ и у римскихъ клерикаловъ до нашихъ дней включительно, что наглядно доказываетъ само велеградское торжество: тамъ на 1000-лѣтнемъ юбилеѣ св. Меѳодія положено было совершить *митинскую* мессу. Сопоставляя факты такого рода съ принятымъ въ римско-католической церкви торжествомъ 1000-лѣтняго юбилея свв. Кирилла и Меѳодія, при чемъ славянскіе Апостолы были причислены къ лику святыхъ этой церкви, «Московскія Вѣдомости» обраша-

ють къ служителямъ ея слѣдующія слова Иисуса Христа, сказанныя Имъ книжникамъ и фарисеямъ: *Горе вамъ книжники и фарисеи лицемеры, яко зыждите гробы пророческія и красите раки праведныхъ. И глаголете: аще быхомъ были во дни отецъ нашихъ, не быхомъ убо общины имъ были въ крови пророкъ. Тѣмъ же сами свидѣтельствуете себѣ, яко сынове есте избившихъ пророки. И вы исполните мѣру отецъ нашихъ* (Мѡ. XXIII, 29—31). Но нынѣшніе книжники и фарисеи, продолжаютъ Моск. Вѣд., превзошли древнихъ своею злобой. Іудейскіе фарисеи, устроая гробницы пророкамъ и праведникамъ, выражали дѣйствительное раскаяніе и желаніе почтить ихъ память. А развѣ нынѣшніе устроители велеградскаго торжества могутъ сказать о себѣ: если бы мы были во дни отцовъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови? Нѣтъ, нынѣшніе ратники Рима плоть отъ плоти и кость отъ костей Викинга и его партіи. Они остаются тѣже самые (№ 92, 5 апр.).—Такимъ образомъ «враги славянскіе очень рано поняли значеніе подвига святыхъ первоучителей и уже самъ св. Меѡдій долженъ былъ вынести тяжелья страданія отъ нихъ. Но даже въ западномъ славянствѣ не потухла искра, брошенная первоучителями его. Временами, какъ при Гуссѣ и Жижкѣ, она вспыхивала огромнымъ пожаромъ. Не загасла она и нынѣ—будемъ оптимистами въ этомъ случаѣ. Какъ бы далеко ни завели западныхъ славянъ ихъ національныя потери, какъ бы ни ухищрялись враги славянства раздѣлять ихъ для легчайшаго порабощенія, но теперь уже не загаситъ того священнаго огня народности у славянъ, а присутствіе его даже слѣпые начинаютъ видѣть... Раньше или позже, но онъ прорвется наружу чрезъ темные своды, его удерживающіе, и западное славянство увидитъ тогда, что у него есть недоразумѣнія съ восточными славянами, но нѣтъ и не должно быть ни разномыслія ни вражды» («Новое Время» № 3269, отъ 6 апрѣля).

Однакоже, вопреки увѣренности и оптимистическимъ ожиданіямъ «Новаго Времени», есть такіе «слѣпые», которые не только теперь не видятъ присутствія у славянъ «священнаго огня народности», но и въ будущемъ отрицаютъ пока возможность его появленія. Вотъ какъ разсуждаютъ эти «слѣпые»: Два человекъ берутся за колоссальный трудъ организациі славянской церкви, и, какъ орудіе для достиженія этой цѣли, за организацию славянскаго письма. Создается обширная письменность, создается художественный литературный языкъ, переводится Священное Писаніе, появляются нравственно

философскіе трактаты, сборники научныхъ данныхъ, словомъ просвѣщенію широко растворяется дверь въ славянскую землю. Подвигъ первоучителей, совпавшій по времени съ первыми стремленіями нѣмецкаго сосѣда поработить славянъ, пробудилъ въ послѣднихъ народное самосознаніе, которое сдѣлалось оплотомъ противъ нѣмецкихъ поползновеній. Такимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій явились спасителями славянъ не только отъ духовнаго, но и отъ политическаго порабощенія ихъ нѣмцами. Казалось бы, что имена этихъ людей, сдѣлавшихъ такъ много для всего славянскаго племени, должны были бы послужить связующимъ звеномъ, своего рода цементомъ для единенія славянъ. Но встрѣчаемъ ли это мы на самомъ дѣлѣ? Увы! дѣйствительность даетъ отрицательный отвѣтъ. Пресловутая славянская рознь сказалась даже теперь, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы достойно почтить память нашихъ первоучителей. Западные славяне, пачушные внушеніямъ Ватикана,—того самаго Ватикана, который въ вѣковъ называлъ Кирилла и Меѳодія схизматиками и только при чинѣшемъ папѣ причислилъ ихъ къ лику святыхъ,—первые задумали празднества въ Велеградѣ, демонстративно направленные противъ Россіи и православія. Такимъ образомъ ясно стало, что даже память о Кириллѣ и Меѳодіѣ оказалась безсильной предъ пагубной рознью. Славяне до сихъ поръ еще не прониклись той истинной, о которой говорится въ старой — престарой баснѣ о связкѣ прутьевъ; прописныя истины вродѣ: «Concordia res parvae crescunt, discordia—magnaе dilabuntur» и до сихъ поръ еще представляются намъ какими-то парадоксами. Отвѣтственность за эту рознь каждая сторона сваливаетъ на другую и старается доказать правоту свою; но лучше признать, что виновны обѣ стороны, что каждая изъ нихъ принесла свой камень для созданія китайской стѣны, раздѣляющей ихъ, и, такъ обр., помѣшала осуществленію той миссіи, о которой говоритъ И. С. Аксаковъ въ посланіи къ Ригеру: «служить просвѣщенію общечеловѣческому, служить истинѣ и высшей правдѣ своею правдою—свойствами и особенностями славянскаго духа». Тысячелѣтнія поминки первоучителей застаютъ славянъ въ томъ же положеніи, въ какомъ они были и прежде, безъ малѣйшаго просвѣта, безъ луча надежды покончить съ вѣковою рознью... Встало новое утро, но безъ вѣщей зари... («Одесскій Листокъ» № 76-й, 6 апр.).

Много горькой правды высказано здѣсь «Одесскимъ Листкомъ», и опровергать всѣ его положенія въ цѣломъ составѣ нѣтъ возможности,—это нужно признать. Тѣмъ не менѣе есть вполне достаточ-

ныя основанія, по которымъ и безусловно согласиться съ разсужденіями названной газеты тоже нельзя. — Какъ мы и раньше могли видѣть, тѣ органы печати, въ которыхъ утверждается существованіе среди славянскихъ племенъ сознанія ихъ духовнаго единства, связи родственной по языку, по вѣрѣ, по культурѣ и образованію, вообще по ихъ историческому прошлому и настоящему — эти органы не отрицаютъ и печальнаго факта раздѣленія славянъ. Но на этотъ фактъ указанные органы смотрятъ нѣсколько иначе, чѣмъ «Одесскій Листокъ» и другіе, такъ что возрѣнія тѣхъ и другихъ расходятся чуть ли не до противоположности. Если мы выйдемъ въ это различіе, то поймемъ, почему, во-первыхъ, одни потеряли надежду на объединеніе славянъ, а другіе еще надѣются, и кто, во-вторыхъ, правъ въ своихъ убѣжденіяхъ. — Всякому, внимательно просматривающему газетныя разсужденія по вопросу, существуетъ ли сознаніе единства у славянъ или нѣтъ, высказанныя людьми, склоняющимися въ сторону положительнаго рѣшенія, всякому, говоримъ, легко видѣть, что защитники этого мнѣнія, если и признаютъ фактъ розни у славянскихъ племенъ, то считаютъ его случайнымъ, временнымъ явленіемъ, вызваннымъ не по винѣ самихъ славянъ, но исключительными историческими обстоятельствами. Выраженіе этого взгляда находимъ, между прочимъ, въ упомянутомъ уже нами стихотвореніи г. Розенгейма:

... не съумѣлъ народъ сберечь свое единство.
 Въ среду славянскую, какъ тать ночной порой,
 Ворвался гордый Римъ, лукавое латинство
 Внесло въ нее разладъ съ духовною враждой.
 И раздѣлилося славянство на два стана,
 И на вѣкъ Римъ сковалъ отпадшихъ племена,
 И съ вѣрой ихъ отцовъ, не устыдяся обмана,
 Онъ подмѣнилъ языкъ и выкралъ письмена.
 И огласилися славянскіе амвоны
 Тамъ словомъ Божіимъ на языкъ чужомъ
 И въ храмахъ раздалися латинскіе каноны...

Припомнимъ, что Римъ обнаружилъ попытку поработить себѣ славянскія племена еще на самой зарѣ ихъ христіанской жязни. Что же тогда представлялъ изъ себя славянскій міръ? Нѣсколько разрозненныхъ племенъ, еще не успѣвшихъ проникнуться надлежа-

щимъ образомъ, ни сознаніемъ религіознаго единства, ни сознаніемъ единства политическихъ интересовъ. Напротивъ, Римская церковь, точнѣ римскій клиръ и тогда представлялъ собою строго организованное учрежденіе, снабженное цѣлымъ арсеналомъ не только орудій защиты, но и нападенія, и всегда имѣвшее въ своемъ распоряженіи легіоны ревностныхъ слугъ, обязанныхъ и готовыхъ на всякое самопожертваніе по первому манію руки римскаго первосвященника, зорко и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, оберегавшаго властолюбивые интересы римскаго престола. Какое же сопротивленіе сильному римскому клиру могъ оказать разрозненный славянскій міръ? Пусть бы даже отдѣльныя славянскія племена мужественно принялись отстаивать свою независимость — религіозную и политическую, какъ и бывало на самомъ дѣлѣ. Но имѣя въ виду силы, какими тогда располагали противныя стороны, не трудно догадаться, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. При томъ римскому клиру помогали и другіе враги славянъ — нѣмцы, также желавшіе подчинить ихъ себѣ въ политическомъ отношеніи. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на то, что напоръ какъ римскаго клира, такъ и нѣмецкихъ князей длился не годъ, не два, не десять, не двадцать лѣтъ, а цѣлые вѣка. Въ такомъ случаѣ для славянскихъ народностей, разрозненныхъ, не успѣвшихъ крѣпко сплотиться въ одно цѣлое, борьба съ столь сильными врагами была слишкомъ затруднительна. Потому болѣе слабыя изъ этихъ народностей должны были уступить. Такимъ образомъ распаденіе славянства совершилось не по его собственной винѣ, не по его инициативѣ, но вслѣдствіе вторженія въ его внутреннюю жизнь романо-германской стихіи. Это вторженіе не могло, конечно, остаться безъ послѣдствій; романо-германская стихія, какъ сильнѣйшая, должна была ассимилировать себѣ болѣе слабые элементы славянской народности, увлечь жизнь славянства по новому направленію; подобно тому какъ небольшой ручей не можетъ сохранить своего направленія, когда встрѣчается съ широкимъ потокомъ, но исчезаетъ въ послѣднемъ и вмѣстѣ съ нимъ идетъ по новому пути, такъ точно случилось и съ нѣкоторыми славянскими племенами. Приразившись романо-германской стихіи, они должны были или совсѣмъ утратить отличительныя черты славянской народности, ея духа и характера, или, не подвергаясь такому лишенію, — усвоить себѣ чуждые элементы, свойственные стихіи романо-германской, которые, не смѣшиваясь съ природными славянскими особенностями, но тѣмъ не менѣе прочно утвердившись въ западномъ славянскомъ мірѣ, живутъ

въ немъ и до сихъ поръ. Они-то—чуждые элементы—и были причиною того, что

«на праздникъ примиренья

На свѣтлый праздникъ нашъ легла разлада тѣнь.

Плоха надежда на возвращеніе въ лоно славянства первыхъ—совсѣмъ утратившихъ свой національный характеръ. Но всегда можно надѣяться, что вторые когда нибудь отбросятъ всѣ чуждые, пришлые элементы и сольются съ остальнымъ славянскимъ міромъ, сохранившимъ свое достояніе въ цѣлости и неприкосновенности. И эта надежда можетъ держаться до тѣхъ поръ, пока у западныхъ славянъ, отторгнутыхъ отъ цѣлага славянства, останется хоть одна точка соприкосновенія съ нимъ. Въ настоящее же время, именно по случаю 1000-лѣтняго юбилея Кирилла и Меодія, для такой надежды дано прочное основаніе въ тѣхъ чувствахъ и мысляхъ, какія высказаны были западными славянами, также въ ихъ сочувствіи къ русскому народу, торжественно отпраздновавшему юбилей. Изъ различныхъ мѣстъ, гдѣ есть славяне (изъ Бѣлграда, Цетинье, Варны, Филиппополя, Львова, Познани, Кракова, даже Берлина), на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ (болгарскомъ, сербскомъ, чешскомъ, польскомъ и др.) были присланы въ Россію выраженія братской любви; во всѣхъ привѣтствіяхъ высказывались надежды и даже увѣренность, что общеславянское торжество станетъ новымъ залогомъ взаимности славянства для его общаго блага и на славу его имени. Стало быть, есть же что нибудь у всѣхъ славянъ и у западныхъ, что питаетъ и поддерживаетъ въ нихъ эту увѣренность; не безъ основанія же зародилась и живетъ въ нихъ надежда на возможность объединенія всѣхъ славянъ. Безъ сомнѣнія здѣсь сказывается, хотя можетъ быть и темное въ отдѣльныхъ случаяхъ, сознаніе духовнаго родства славянскихъ племенъ. Имѣя все это въ виду, нельзя не соглашаться съ тѣми органами нашей печати, которые высказываютъ одинаковыя со всѣми славянскими народами надежды, одинаковую увѣренность. Нельзя также не сочувствовать и средствамъ, какія предлагаются съ этой стороны въ цѣляхъ объединенія славянъ. «Пожелаемъ, говорилъ напр. г. Назаревскій, чтобы и западные славяне, напизмомъ оторванные отъ своихъ собратій и вовлеченные въ круговоротъ романо-германской жизни, возстановили у себя и Кирилло-Меодіевскій языкъ въ богослуженіи и тѣснѣ въ самомъ духѣ жизни сомкнулись съ тѣми, кто 1000 л. оставались вѣрными завѣтамъ

своихъ великихъ и святыхъ первоучителей. Тогда нечего будетъ имъ поднимать другую поддѣльную хоругвь, а не ту, которая развѣвается у русскихъ и южныхъ славянъ. И можетъ быть съ принятіемъ опять свитка, на коемъ начертана Кириллица, по крайней мѣрѣ для книгъ богослужебныхъ, въ ихъ духѣ совершится благотворный переворотъ, послѣ котораго загорится и заря политической независимости» (Моск. Вѣд. № 95, 8 апр.).

Совсѣмъ иначе думаютъ скептики. Утверждая, что славяне до сихъ поръ еще не прониклись истиной, выраженной въ баснѣ о связкѣ прутьевъ, что въ пагубной розни виновны обѣ противныя стороны, скептики тѣмъ самымъ признаютъ, что рознь эта возникла вполне и единственно по собственной инициативѣ славянъ. Въ такомъ случаѣ явиться она могла только вслѣдствіе уклоненія которой нибудь изъ сторонъ или обѣихъ вмѣстѣ отъ основныхъ стихій славянской національности. Подъ уклоненіемъ же здѣсь должно разумѣть непониманіе или коренное извращеніе смысла историческаго назначенія славянства, его національнаго характера и интересовъ, короче—заблужденіе относительно всего того, что входитъ въ понятіе народности и связано съ нимъ. Если же такъ, и если это заблужденіе продолжается уже нѣсколько вѣковъ, то не трудно понять, что воспитанныя въ немъ поколѣнія не скоро откажутся отъ него, и не по нежеланію, а по другимъ причинамъ, лишающимъ ихъ свободы располагать собою. Дѣло въ томъ, что народъ, по собственному разсужденію удалившійся отъ первоначальныхъ стихій своей народности, тѣмъ самымъ какъ бы совершенно перерождается, становится какъ бы другимъ народомъ. Съ нимъ въ данномъ случаѣ происходитъ тоже самое, что часто можно наблюдать и въ отдѣльномъ человѣкѣ. Пусть этотъ послѣдній или подъ вліяніемъ какой идеи, или по чему другому, приходитъ къ мысли, что его настоящія воззрѣнія и убѣжденія, все то, чѣмъ онъ жилъ до сихъ поръ, на самомъ дѣлѣ не можетъ быть признано въ качествѣ принципа жизни и дѣятельности. Тогда умъ его, работая въ направленіи, указанномъ данною идеєю, создастъ новый взглядъ на міръ, на жизнь, на цѣль ея и основы практической дѣятельности. Понятно, что это будетъ уже не тотъ человѣкъ, какимъ онъ раньше былъ и различіе будетъ тѣмъ глубже и очевиднѣе, чѣмъ сильнѣе противоположность между прежними и новыми его взглядами, а вмѣстѣ и возвратъ къ прежнему будетъ тѣмъ невозможнѣе, чѣмъ полнѣе совершилась перемѣна. Противъ этого, полагаемъ, возражать нечего. Но тоже самое можно сказать

и относительно цѣлаго народа, съ тѣмъ лишь различіемъ, что масса всегда гораздо болѣе склонна къ консерватизму, чѣмъ отдѣльный человѣкъ, а потому, съ одной стороны, переворотъ въ ней труднѣе и медленнѣе, съ другой—и возвращеніе назадъ становится для нея еще болѣе невозможнымъ. Прилагая теперь эти общія положенія къ данному случаю—къ современному состоянію разрозненныхъ славянскихъ племенъ, у которыхъ, будто бы, рознь произошла по ихъ собственной инициативѣ, вслѣдствіе уклоненія отъ первоначальныхъ стихій своей народности, извращенія основныхъ чертъ въ характерѣ ея духовной сущности, мы и должны будемъ придти къ тому печальному выводу, къ которому пришелъ «Одесскій Листокъ», будто «1000-лѣтнія поминки первоучителей застаютъ славянъ въ томъ же положеніи, въ какомъ они были и прежде, безъ малѣйшаго просвѣта, безъ луча надежды покончить съ вѣковой рознью»... Но, во первыхъ, мы знаемъ, что рознь произошла не по винѣ самихъ славянъ. А во вторыхъ, это было бы похоже на правду въ томъ только случаѣ, еслибы западные славяне дѣйствительно стали безусловно чуждыми остальному славянскому міру, еслибы порвали всякую связь съ нимъ, такъ что у нихъ совершенно исчезло бы существовавшее когда-то сознаніе духовнаго родства со всѣмъ славянствомъ по языку, духовнымъ особенностямъ, стремленіямъ, историческому призванію, словомъ, еслибы славянская фізіономія настолько измѣнилась въ нихъ, что утратилось бы національное родство ихъ съ другими славянскими племенами. Но сознаніе такого родства, какъ опять мы видѣли выше, несомнѣнно присуще и западнымъ славянамъ, хотя и не въ той мѣрѣ, въ какой это было бы желательно; т. е. у нихъ совершилось только усвоеніе рядомъ съ особенностями славянской народности и чуждыхъ ей элементовъ. И въ то время, какъ послѣдніе—чуждые элементы, раздѣляютъ славянство, мѣшаютъ его объединенію, первыя напоминаютъ и западнымъ славянамъ объ ихъ духовномъ родствѣ со всѣмъ славянскимъ міромъ и влекутъ къ соединенію съ нимъ. Такимъ образомъ у западныхъ славянъ, по нашему мнѣнію, совершился внутренній разладъ, раздвоеніе въ ихъ внутреннемъ, духовномъ существѣ. Когда уничтожится этотъ внутренній разладъ путемъ перевѣса національныхъ особенностей, тогда уничтожится и рознь. Значитъ, нужно только всѣми силами и средствами стремиться къ уничтоженію указаннаго внутренняго разлада въ западномъ славянствѣ. А достиженіе этой цѣли не невозможно. Слѣдовательно, и излишній скептицизмъ по отношенію къ будущей судь-

бѣ славянскихъ племень, къ возможности соединенія разрозненныхъ въ настоящее время славянскихъ элементовъ, не оправдывается дѣйствительностію.

«Новое Время» говорить: нынѣшній всеславянской праздникъ,— это помимо воли отдѣльныхъ славянъ могучій толчокъ для нихъ въ смыслѣ сближенія для братскихъ чувствъ и взаимной помощи. Еще не кончились для славянства историческія испытанія, еще не мало потребуется отъ него искупительныхъ жертвъ за старые грѣхи, прежде чѣмъ упрочится его будущность. Но его уже не съѣдятъ: у него есть будущность великаго культурнаго племени, и тѣмъ скорѣе займетъ славянство принадлежащее ему мѣсто, чѣмъ скорѣе эта проклятая рознь смѣнится взаимностію. Намъ остается только вполне присоединиться къ этому голосу надежды, равно какъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто высказался подобнымъ же образомъ. Будемъ надѣяться, что когда нибудь, можетъ быть и нескоро, но настанетъ тотъ день, когда всѣ славяне соединятся вмѣстѣ, чтобы служить просвѣщенію общечеловѣческому, служить истинѣ и высшей правдѣ своею правдою—свойствами и особенностями славянскаго народнаго духа». Другими словами, — чтобы исполнить завѣты своихъ великихъ апостоловъ-первоучителей, свв. Кирилла и Меѳодія, такъ много сдѣлавшихъ для всего славянства.

А. В— овъ.

Иностранное обозрѣніе.

Латинское прославленіе первоучителей славянскихъ.

Изъ всѣхъ церковно-политическихъ событій, наиболѣе волновавшихъ въ послѣдніе мѣсяцы западный римско-католическій міръ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимаетъ празднество, устроенное папствомъ въ честь апостоловъ славянскихъ, свв. Кирилла и Меѳодія въ Велеградѣ, мѣстѣ архіепископства св. Меѳодія. Если смотрѣть на это латинское прославленіе первоучителей славянскихъ съ исторической точки зрѣнія, то кажется, что воспоминаніе 1000-лѣтней годовщины со времени блаженной кончины Меѳодія во все не должно бы получать въ римско-католическомъ мірѣ того тревожнаго и жгучаго характера, какой оно получило въ дѣйствительности. Стоитъ только перенестись отъ настоящаго времени къ отдаленной эпохѣ, въ которую жили и дѣйствовали свв. солунскіе братья и сравнить характеръ и подвиги ихъ апостольской дѣятельности среди славянъ съ настоящимъ положеніемъ кирилло-меѳодіевской идеи на западѣ, чтобы видѣть, какъ далеко стоятъ интересы папства и поработеннаго имъ духовно-западнаго славянства отъ кирилло-меѳодіевскихъ началъ жизни и духа и потому какъ мало основаній можетъ имѣть западная церковь придавать живой интересъ этому чисто православному, славянскому воспоминанію. Въ самомъ дѣлѣ, — что имѣетъ общаго съ кирилло-меѳодіевскими идеями папство, такъ заботившееся о возможно торжественнѣйшемъ прославленіи апостоловъ славянства и что осталось отъ плодовъ ихъ апостольской дѣятельности у католическихъ славянъ? Что касается отношеній папства къ дѣлу славянскихъ апостоловъ, то исторія насъ убѣждаетъ только въ томъ, что папство подвергало рѣзкому и беспощадному осужденію все то, что такъ или иначе соприкасалось съ личностію и дѣятельностію славянскихъ просвѣтителей. Сами Кириллъ и Меѳодій низводились даже до названія еретиковъ и не разъ какъ сами они, такъ и ихъ ученіе подвергались анаѳемѣ отъ римскихъ

епископовъ; имя ихъ было такъ ненавистно благочестивымъ католикамъ, что противопоставили имени св. Меодія своего католическаго святаго — Яна Непомуко, чтобы изгладить и самую память о Меодіѣ. Переведенныя ими богослужебныя книги разбискивались и торжественно сожигались, избобрѣтенный ими алфавитъ преслѣдовался и изгонялся изъ употребленія.— Не много общаго можно найти съ кирилло-меодіевскими началами жизни и духа и у западныхъ славянъ—католиковъ, не смотря на то, что среди нихъ и для нихъ жили и дѣйствовали свв. Кирилль и Меодій, за нихъ боролись противъ пѣмцевъ и латинниковъ, за нихъ положили души свои. Благодаря систематическимъ и жестокимъ гоненіямъ на послѣдователей Кирилла и Меодія, западнымъ славянамъ не пришлось пожинать плодовъ своихъ первоучителей; они потеряли свою «душу живу», за которую такъ ратовали свв. братья. Отъ Кирилла и Меодія они, по сознанію одной славянской католической газеты (хорватск. «Slobodъ») имѣютъ не болѣе, чѣмъ католики отъ Лютера, или магометане отъ Христа.

При такомъ положеніи кирилло-меодіевскаго дѣла на западѣ казалось бы, что если и дѣйствительно возможно здѣсь желаніе почтить 1000 лѣтнюю годовщину со времени кончины св. Меодія, то не только въ этомъ воспоминаніи не должно бы быть ничего надменно—вызывающаго и демонстративнаго, но оно должно бы быть проникнуто духомъ покаяннаго смиренія. Послѣ тѣхъ посягательствъ на честь имени св. первоучителей и на вѣроисповѣдныя труды ихъ папству, кажется, естественнѣе было бы, прежде чѣмъ приступить къ чествованію памяти ихъ, назначить, по выраженію автора извѣстной «Антиэнциклики», «день покаянія», дабы загладить всѣ прегрѣшенія «непогрѣшимыхъ» папъ какъ вообще противъ восточнаго православія, такъ и въ особенности противъ личности и достославной памяти св. просвѣтителей славянъ и, такимъ образомъ, примириться съ Богомъ и послѣ этого приступить къ призидеству въ честь ихъ. Для западныхъ же славянъ — католиковъ, загубившихъ у себя вѣру и слова славянскихъ апостоловъ, это славянское тысячелѣтіе должно быть ничѣмъ инымъ, какъ напоминаніемъ о многихъ горькихъ утратахъ изъ того, что насаждали, ради чего трудились славянскіе учителя, и вмѣстѣ со скорбію объ этомъ не должно бы вызывать въ нихъ ничего другаго, кромѣ желанія возсоздать свое славянство въ духѣ Кирилла и Меодія, желанія хоть нѣсколько приблизиться къ нимъ своими мыслями и чувствами.

Такой смыслъ, по чувству исторической правды, должно бы получить устроенное въ Велеградѣ латинское прославленіе славянскаго тысячелѣтія. Но... при устройствѣ этого торжества вездѣ и всюду агитировала и дѣйствовала твердая и опытная рука римской куріи, уже достаточно заявившая свое умѣнье къ построенію разнаго рода затѣйливыхъ комбинацій. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, если при всей извѣстной способности іезуитизма къ беззащѣчивому извращенію историческихъ фактовъ и при своемъ умѣнии строить историческіе и логическіе софизмы, Римъ искажилъ историческую правду и относительно Кирилла и Меѳодія, а сказавши ее и задумавши на основаніи этого искаженія устроить въ честь ихъ празднество, сообщилъ своеобразный, соотвѣтствующій своимъ цѣлямъ и видамъ, характеръ самому празднику.

И дѣйствительно, при устройствѣ этого торжества, папство стало на такую точку зрѣнія, что человѣку, знакомому съ исторіей вѣковыхъ отношеній папства къ кирилло-меѳодіевскому дѣлу, не остается ничего болѣе, какъ выразить крайнее изумленіе при видѣ той беззащѣчивой изворотливости и исторической лжи, которую въ данномъ случаѣ допустили непогрѣшимые намѣстники Христа на землѣ. Въ религіозномъ отношеніи оно стало ни болѣе ни менѣе, какъ на ту точку зрѣнія, что славянскіе апостолы были въ единеніи съ римскою церковію, отъ ея имени и при ея поддержкѣ, водрузили христіанское знамя среди славянъ и что поэтому считать кирилло-меѳодіевское торжество своимъ роднымъ имѣютъ право только тѣ славяне, которые пребываютъ въ единеніи съ римскою церковію, а «славяне-схизматики» т. е. русскіе, болгары, сербы и др., сохраняющіе у себя до сихъ поръ проповѣданное св. братьями православіе восточной церкви, имѣютъ на это не болѣе правъ, чѣмъ протестанты и магометане.

Не нова, впрочемъ, такая точка зрѣнія на предметъ въ устахъ римско-католической іерархіи. Вотъ уже около 25 лѣтъ, какъ вѣрные помощники папства — іезуиты, великіе мастера на всѣ руки, ревностно работаютъ въ этомъ направленіи и всѣми способами стараются превратить Кирилла и Меѳодія изъ еретиковъ, какими они доселѣ считались, въ «наикатоличнѣйшихъ изъ католиковъ». Начало «этой, по выраженію одного публициста, наглой интриги, этой возмутительной узурпаціи св. именами Кирилла и Меѳодія» восходитъ къ концу пятидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія. Въ это время истекало тысячелѣтіе отъ начала дѣятельности св. апостоловъ сла-

вянскихъ и католицизмъ задумалъ устроить въ честь ихъ юбилейное торжество. Съ цѣлю подготовленія общества къ новой затѣ папства, католическая іезуитская наука въ это время въ первый разъ стала лживо доказывать, что Кириллъ и Меѳодій были католики, проповѣдовали въ Моравіи и Панноніи римско-католическое ученіе и были въ полномъ единеніи съ римскою церковію, подчинены были непосредственно ея юрисдикціи и не имѣли никакой моральной связи и зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Съ этою же цѣлю въ юбилейныхъ рѣчахъ и проповѣдяхъ во время самаго торжества въ 1863 г. на всѣ лады повторялись, что Кириллъ и Меѳодій были католики и должны считаться святыми католической церкви. Въ тѣхъ же видахъ римско-католическое духовенство устроило разнаго рода торжественныя процессіи, храмы въ честь юбиляровъ, часовни, составляло брошюры для народа, молитвы объ обращеніи всѣхъ славянъ въ католичество подъ кирилло-меѳодіевскимъ знаменемъ и т. п. Тоже самое повторилось и въ 1869 г., когда католицизмъ устроилъ юбилей по поводу 1000-лѣтней годовщины со дня кончины св. Кирилла. Послѣ этихъ, такъ сказать, пробныхъ и подготовительныхъ мѣръ на нашей памяти католицизмъ пошелъ и дальше. До послѣдняго времени св. Кириллъ и Меѳодій хотя и были признаваемы католиками, но еще не возводились на небо католическихъ святыхъ, гдѣ давно уже сіяли Яны Непомуко, Кунцевичи, Лойолы и др. Но въ 1880 году папа Левъ XIII возвелъ Кирилла и Меѳодія и на небо, чѣмъ, по мнѣнію завзятаго католическаго епископа—Штроссмайера, ихъ премного обязалъ. Излагая довольно подробно заслуги славянскихъ первоучителей въ духѣ католическихъ воззрѣній, папа въ своей буллѣ о канонизаціи, сдѣланной впрочемъ не столько ради этихъ заслугъ, сколько «изъ отеческой любви папы къ славянамъ» и «въ виду возрастающаго политическаго значенія этого племени», между прочимъ внушалъ, что Кириллъ и Меѳодій были съ своею проповѣдію и въ Россіи—въ *Кіевѣ и Москвѣ*. Комментаторы папскихъ идей пошли еще дальше. Одинъ изъ нихъ, лучше другихъ понявшій идеи и намѣренія папства и заслужившій за это общія похвалы отъ ультрамонтанской прессы и отъ святаго римскаго престола, именно — знаменитый хорватскій патріархъ Штроссмайеръ, архіепископъ Діаковарскій ¹⁾, въ изданной имъ въ 1881 г. брошюрѣ о Кириллѣ и

¹⁾ Штроссмайеръ можетъ служить живымъ примѣромъ той беззастѣнливой изворотливости и быстрыхъ превращеній, какія возможны у папистовъ. На послѣднемъ ватиканскомъ соборѣ (1870 г.) онъ, какъ извѣстно, выступилъ въ каче-

Меодіѣ доказывалъ ни больше ни меньше, какъ ту мысль, что «задачею жизни апостоловъ славянскихъ было удалить славянъ отъ начинавшейся тогда схизмы и привести ихъ подъ власть Рима», что цѣлю всей ихъ дѣятельности было «утвердить между славянами церковное единеніе съ Римомъ, хотя и съ сохраненіемъ національных особенностей». Черезъ годъ послѣ канонизаціи, когда славянъ заставили благодарить за опоздавшую на 1000 лѣтъ канонизацію, устроивъ такъ называемое пилигримство въ Римъ представителей разныхъ славянскихъ народностей, тѣже самыя мысли повторилъ папа и устно, предъ лицемъ всего западнаго славянства. Въ своей рѣчи къ славянскимъ паломникамъ онъ сказалъ слѣдующее: «Сюда въ Римъ, — говорилъ святой отецъ, — св. братья (апостолы славянъ — Кириллъ и Меодій) приходили по долгу служенія давать отчетъ; здѣсь цѣлость вѣры съ клятвою (?) они утвердили на гробѣ св. апостоловъ; здѣсь (?) получили достоинство епископское и посвященіе. Предпочетнымъ письмомъ (sic) былъ удостоенъ отъ римскаго престола Меодій, — по его власти и повелѣнію возвратился въ Моравію, съ епископами и священниками, коихъ сотрудничествомъ пользовался для управленія церковными дѣлами въ славянскихъ странахъ. А Кириллъ началъ свой апостольскій долгъ, когда мощи нашего предка Климента I обрѣлъ и принесъ въ Римъ. Не случайно произошло, что онъ здѣсь и умеръ и на долю Рима выпала честь, что Климентъ и Кириллъ почиваютъ вмѣстѣ ¹⁾. Плоды тѣснаго единенія (съ апо-

---

ствѣ рьянаго противника папской непогрѣшимости (см. его рѣчь въ „Странникѣ“ за 1872 г.). Такимъ же противникомъ онъ явился и спустя нѣсколько лѣтъ послѣ собора, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ его письма къ частнымъ лицамъ, въ которыхъ онъ выражался, напр. такъ: „Римъ злоупотребляетъ своею властію ad destructionem... Онъ не заботится о спасеніи душъ, — путемъ евангельскимъ не слѣдуетъ онъ“... „Папство представляетъ изъ себя символъ раздора и розни“... и т. п. И вотъ этотъ-то человѣкъ, считавшійся личнымъ врагомъ Пія IX, смотрѣвшій на себя, какъ на мученика антиримскихъ убѣжденій, въ 6—7 л. превратился въ нѣчто, совсѣмъ неизнаваемое. Въ брошюрѣ о Кириллѣ и Меодіи онъ не только принесъ полное исповѣданіе послѣднихъ римскихъ догматовъ о непогрѣшимости папы, о церковномъ всевластствѣ и т. д., но и явился вѣрнымъ слугою папства, готовымъ служить его властолюбивымъ стремленіямъ.

¹⁾ Есть преданіе, что Кириллъ дѣйствительно былъ похороненъ въ Римѣ. Но на это до послѣдняго времени папы не обращали вниманія. Съ прибытіемъ въ Римъ паломниковъ вспомнили и объ этомъ. Оказалось, что нынѣ существующая древняя церковь въ честь св. Климента стоитъ на развалинахъ другой, разрушенной въ XI в. И когда раскопали эту, еще болѣе древнюю церковь, въ ней

стольскимъ сѣдалищемъ) для вашихъ апостоловъ явились скоро: ибо, когда имъ случалось, что бываетъ вообще съ людьми, попасть въ затрудненія и утѣшенія,—они получили отъ апостольскаго сѣдалища защиту, напр. отъ Николая I (?), Адріана II, Іоанна VIII, а также милость и отеческое попеченіе, а послѣдующіе за ними наши предѣстники безпрестанно (?) благосклонно обращались съ славянами... Памятники вашей исторіи свидѣлствуютъ, что римскій престолъ не только охранялъ св. вѣру славянъ, но и общественное благополучіе». (Холмск. Варш. В. 1881 г. № 17).

Поставивши на такую, такъ мало сообразную съ исторической истиной, почву вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, папство не скрыло и тѣхъ цѣлей, какія оно преслѣдовало въ данномъ случаѣ. Гонимое и преслѣдуемое въ романо-германскомъ мірѣ, потерявъ здѣсь расположеніе не только правительствъ, которыя всѣ находятся въ болѣе или менѣе враждебныхъ отношеніяхъ съ папствомъ, но и не пользуясь прежнею беззавѣтною преданностію къ себѣ со стороны добрыхъ католиковъ, папство задумало возстановить утраченное обаяніе и могущество въ романо-германской Европѣ при помощи возраждающихся и входящихъ въ силу славянъ. Прикрѣпленіе къ святому престолу тѣхъ изъ нихъ, которые уже успѣли окатоличиться—съ одной стороны, а съ другой—приобрѣсть себѣ расположеніе и со стороны тѣхъ, которые остались вѣрными полученному въ началѣ православію, но среди которыхъ при искусствѣ и умѣньи вести дѣло можно дѣйствовать въ интересахъ папства не безъ успѣха,—и было цѣлію, для которой папство выдвинуло такъ имъ прежде ненавидимыхъ св. Кирилла и Меѳодія, чтобы, прикрываясь ихъ именами, начать осуществленіе хитро придуманнаго плана и успѣшнѣе вести религіозную пропаганду. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы обезпечить успѣхъ пропаганды среди славянъ, папству прежде всего необходимо привлечь сочувствіе славянскихъ племенъ къ себѣ. Но мыслимо-ли это, когда даже и надъ высоко-чтимыми всѣмъ славянскимъ міромъ именами Кирилла и Меѳодія тяготѣетъ папское осужденіе? Очевидно, новые планы папства требовали измѣненій въ отношеніяхъ папства къ лич-

---

окапались фрески, изображающія дѣянія апостоловъ славянства, а подъ фресками кирпичный выступъ, который, по преданію, обозначаетъ мѣсто погребенія честнаго тѣла св. Кирилла. Зброшено и не нужно было это мѣсто до 1881 г.; тогда, въ 1881 г., оно понадобилось; понадобится, конечно, и теперь. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что объявятъ найденными и самыя мощи. Но, избави Богъ отъ такого подлога!...

ности славянскихъ первоучителей. Требовалось въ интересахъ папства не только отмѣнить и уничтожить въ славянахъ память о прежнихъ папскихъ гоненіяхъ на Кирилла и Меѳодія и ихъ дѣло, но и показать свое сочувствіе къ ихъ дѣятельности и готовность почитать ихъ самихъ. Только идя этимъ путемъ, можно рассчитывать на привлеченіе симпатій славянъ къ себѣ. Обстоятельства же складывались какъ нельзя болѣе благопріятно для того, чтобы можно было ступить на этотъ новый путь, не возбуждая особенно сильныхъ подозрѣній. Приближалось время 1000-лѣтнихъ Кирилло-меѳодіевскихъ юбилеевъ, что могло быть достаточно сильнымъ поводомъ заявить о своихъ новыхъ воззрѣніяхъ на дѣятельность Кирилла и Меѳодія и на ихъ самихъ. И католицизмъ дѣйствительно заявилъ объ этомъ. Иезуитская наука, какъ мы указали, въ какіе-нибудь 20—25 лѣтъ обратила славянскихъ первоучителей въ «наикатоличнѣйшихъ изъ католиковъ», а папы утвердили это своею санкціею. Возводя постепенно солунскихъ братьевъ изъ чистилища на небо католическихъ святыхъ, папство, не дѣлая впрочемъ значительныхъ уступокъ католическому славянству, не дозволяя, напр. осуществиться давнишнему и постоянному желанію католическихъ славянъ — употребленію славянскаго языка въ католическомъ богослуженіи, въ то же время дѣйствовало всѣми способами и для достиженія истинной своей цѣли—привлеченія и прикрѣпленія славянъ къ святому престолу. Всѣ до сихъ поръ бывшіе юбилеи, со всѣми не продажными, а даровыми индульгенціями для посѣтившихъ во время юбилеевъ Велеградъ и вообще такъ или иначе выразившихъ свое сочувствіе къ заботамъ папства о прославленіи Кирилла и Меѳодія, ясно были рассчитаны на привлеченіе къ католицизму симпатій славянъ въ обезпеченіе дальнѣйшихъ завоеваній въ славянскомъ мірѣ, которые въ Болгаріи, напр. усилились тотчасъ же послѣ юбилея въ 1863 году. Не даромъ была оказана славянамъ и «великая милость» («Grande munus» — названіе буллы 1880 г. 20 сент.) канонизаціи св. Кирилла и Меѳодія: съ расширеніемъ политическихъ вліяній Австріи въ силу несчастнаго «Берлинскаго трактата» на южное славянство, въ эту сторону направились и влеченія папства; канонизаціею Кирилла и Меѳодія имѣлось въ виду расположить южное славянство въ пользу папы, дать такое же теченіе папской пропагандѣ, какое дано политическимъ захватомъ союзнику папства — Австріи, вызвать въ союзъ съ этою «лоскутною» монархіею австрійскій католическій панславизмъ ¹⁾...

1) Преимущественно ради привлеченія симпатій южныхъ славянъ къ католицизму булла „Grande munus“, между прочимъ, указывала и на то, что Кирилль

Съ этою же цѣлю — привлеченія къ католицизму симпатій славянъ съ легкой руки самого папы, утверждавшаго, что общественное благополучіе славянъ можетъ развиваться только въ связи послѣднихъ съ римскою церковію, католическіе публицисты при всякомъ удобномъ случаѣ старались пропагандировать и ту идею, что славянство, призванное «преобразить состарившіяся и опустѣвшія до крайней степени эгоизма міръ запада» (Штроссмайеръ), свою великую историческую роль можетъ совершить только подъ покровительствомъ св. престола и черпая здѣсь силу, только въ папствѣ можетъ найти точку опоры въ борьбѣ съ враждебными ему элементами. Даже и Россія будто-бы «не иначе можетъ преодолѣть внутреннія и вѣдшія замѣшательства и улучшить свои отношенія къ *даровитѣйшему* славянскому племени (польскому), какъ приблизившись къ римскому престолу».

Такой смыслъ и цѣль получило въ ловкихъ рукахъ папства имъ же самимъ вызванное и имъ же направляемое Кирилло-меѳодіевское движеніе на западъ, начавшееся еще съ конца 50 годовъ и особенно усилившееся въ наши дни. Въ той систематической и послѣдовательной цѣпи дѣйствій, какія папство употребляло Кирилло-меѳодіевскимъ знаменемъ для достиженія своихъ цѣлей, настоящее Велеградское празднество, очевидно, есть ничто иное, какъ тотъ заключительный пока моментъ, къ которому ревностно и усердно подготовляло папство славянскій міръ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Еще въ то время, когда оно устраивалось, ни для кого не было тайной

и Меѳодій были съ проповѣдію въ Россіи, — въ Кіевѣ и Москвѣ. Смыслъ этого напоминанія очевидно тотъ, что православная Россія, разорвавши связь съ католическимъ Римомъ, этимъ самымъ нарушила завѣты своихъ учителей, повиновавшихся римскому апостольскому престолу и, что поэтому остальные славяне, не рискуя нарушить „историческую правду“, должны возвратиться въ лоно церкви своихъ первоучителей. Напоминаніемъ о ихъ путешествіи въ то время въ еще несуществовавшую Москву, папство, слѣдовательно, хотѣло отвлечь въ тоже время съ православной Россіи и естественныя симпатіи южныхъ славянъ (въ пользу Рима). Замѣтимъ кстатѣ, что съ подобными же цѣлями въ нынѣшнемъ году римская курія пустила слухъ о склонности теперешняго царьградскаго патріарха Іоакима IV къ униі съ Римомъ. Связь этого слуха съ послѣдними интригами папства относительно православныхъ славянъ не подлежитъ сомнѣнію. Цѣль же его та, что если православное славянство не соединится съ Римомъ подъ Кирилло-меѳодіевскимъ знаменемъ 6 апрѣля, то оно будетъ стоять не только внѣ источника спасенія—римской церкви, но будетъ оставлено и греками, которые теперь готовы признать главенство папы.

его религіозно-политическая подкладка. Напротивъ, для всѣхъ было очевидно, что это славянское торжество должно было представлять изъ себя ничто иное, какъ «попытку превознестъ латинство въ славянствѣ, отвлечь славянъ отъ православной Россіи и увѣнчать задуманное польско-іезуитской партіи дѣло организаціи такъ называемаго латинскаго панславизма, который съ теченіемъ времени долженъ поглотить православное славянство» (Кіевлянинъ). Устроители этого торжества желали, по мѣткому выраженію почтеннаго профессора Кояловича, «показать полноту славянской жизни у западныхъ славянъ и оскудѣніе ея у русскихъ и другихъ славянъ». Исключительно съ этими цѣлями и устраивалось это торжество, задуманное заблаговременно, систематически подготовлявшееся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и своимъ великолѣпіемъ долженствовавшее поразить славянъ запада. Вѣрное и послушное орудіе римскаго престола — поляки даже не считали нужнымъ и скрывать такихъ тенденцій Велеградскаго праздника. Съ обычною своею задорностію и дерзкою откровенностію они прямо заявляли, что праздникъ устроится исключительно для заявленія славянами (точнѣе — поляками) ихъ принадлежности въ римской церкви и западной цивилизаціи противъ греческой схизмы и монгольскаго (т. е. русскаго) варварства (см. Новое Время. 1885 г. за 23 февр.).

Такой же точно вызывающій и демонстративный противъ Россіи и православнаго славянства характеръ имѣли, какъ извѣстно, и Кирилло-Меѳодіевскіе западные юбилеи въ 1863 и 1869 годахъ, особенно первый изъ нихъ, отличавшійся обиліемъ торжествъ и манифестацій разнаго рода. На оживленные торжества этого юбилея, особенно шумно праздновавшіяся съ 5 іюля въ продолженіи 8 дней и потомъ повторявшіяся до конца года, въ Велеградъ съѣхались полонники со всѣхъ концовъ латино-славянскаго міра во главѣ съ своими вождями, между которыми были и епископы. ¹⁾ Но Велеградское Кирилло-Меѳодіевское торжество 1885 г. своими размѣрами и своею грандіозностію должно было превышать все видѣнное когда-либо славянами прежде. Своимъ великолѣпіемъ и величественными

¹⁾ На Велеградское празднество въ этомъ году прибыли: 1 кардиналъ, 1 архіепископъ, 1 еписк., 12 прелатовъ, 1758 священниковъ и до 500.000 паломниковъ (см. Странникъ 1885 г. Апр. 639 стр.). Юбилей 1869 г. далеко не отличился такимъ обиліемъ паломниковъ и самыя торжества прошли довольно блѣдно, потому, что симпатіи многихъ славянъ направились къ другому юбилею, въ честь 500 л. памяти Яна Гусса, совпавшему съ Кирилло-Меѳодіевскимъ.

манифестаціями оно должно было поразить не только славянъ запада, но и показать міру, что католицизмъ еще не анахронизмъ въ настоящее время, а сила, которая можетъ вести и наступательную войну противъ всѣхъ, не признающихъ за нимъ такой силы. Приготовленія къ этому торжеству были такъ шумны и задорно-вызывающіи, что австрійское правительство, въ предѣлахъ котораго папство намѣревалось устроить величественное обнаруженіе жизненности и силы латинства въ славянствѣ, принуждено было нѣсколько сдерживать неумѣренную горячность устроителей торжества, не смотря на все свое сочувствіе къ этому движенію и готовность поддерживать его. И такія приготовленія велись не нѣсколькими человекѣми и не пять-шесть недѣль, а цѣлый годъ и цѣлыми комитетами, изъ которыхъ центральный комитетъ въ Берно (Büro), главнымъ городѣ Моравіи, заключалъ въ себѣ до 67 членовъ, среди которыхъ числились первыя имена въ странѣ. Цѣлый годъ открыто и громогласно созывались славяне Запада и Востока, Сѣвера и Юга въ Велеградъ отъ имени этого центрального комитета. Въ то время, какъ онъ разсылалъ свои приглашенія и образованныя изъ этого комитета 9 комиссій для различныхъ специальныхъ цѣлей приѣма, разработывали способы приѣма сотенъ тысячъ гостей и программы торжества, въ другихъ славянскихъ земляхъ образовавшіеся комитеты дѣятельно работали по устройству паломничества въ Велеградъ. Пропаганда идеи паломничества велась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Большая часть органовъ католическо-славянской прессы въ передовыхъ и специальныхъ статьяхъ, въ корреспонденціяхъ и голосахъ изъ публики ежедневно удѣляла долю вниманія этой идеѣ. Въ послѣднее полугодіе въ каждый воскресный день даже съ кафедръ проповѣдниковъ слышался призывъ въ Велеградъ, объявлялась воля папы на это и даже— полное отпущеніе грѣховъ тѣмъ, которые совершатъ это богоугодное дѣло. Индульгенціи не продавались, а отдавались даромъ и не только католикамъ, но и «схизматикамъ», которые вняли бы папскому гласу. Въ обществѣ, аристократическія дамы работали надъ декораціями, которыя должны были украшать паломническія процессіи, надъ дарами, которые имѣли быть торжественно принесены въ Велеградъ (Новое Время. № 3278). Особенно усердно агитировали въ пользу паломничества поляки, всегда чуткіе къ тому, что носить антирусскій и антиславянскій характеръ и даже учредившіе для этой цѣли въ Познани особенный меѳодіевскій комитетъ, чтобы дать возможность участвовать въ величественномъ Велеградскомъ торжествѣ и бѣднымъ

классамъ славянскаго населенія разныхъ странъ, устроители торжества позаботились и о удешевленіи для нихъ проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, равно какъ и объ денежныхъ вспомоствованіяхъ немущимъ. Въ самомъ Велеградѣ были приготовлены квартиры на сотни тысячъ человѣкъ. Казалось, все было предусмотрѣно и всѣ подготовлены къ предстоявшему торжеству, такъ что трудною могла быть и самая мысль о томъ, что празднество можетъ не удался. И дѣйствительно, заправители его были въ полной увѣренности, что хлопоты всѣхъ комитетовъ, циркуляры, воззванія не останутся безъ сочувственнаго отклика. Корреспондентъ «Новаго Времени» (№ 3264) передаетъ, что приливъ гостей высшими духовными сановниками Моравіи, знакомыми со всѣми приготовленіями, ожидался такой громадный, что они совѣтовали ему, корреспонденту, если онъ желаетъ видѣть все торжество, быть на мѣстѣ еще за нѣсколько дней до праздника, дабы найти себѣ помѣщеніе, если и не въ самомъ Велеградѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ 10 м. отъ него. Увѣренность ихъ въ успѣхъ была полная.

Но, съ другой стороны, для тѣхъ, которые не желали обманываться, предъ наступленіемъ праздника стали показываться зловѣщіе для папства и устроителей торжества признаки, давашіе сильный поводъ сомнѣваться въ успѣхахъ задуманной манифестаціи. Чѣмъ болѣе приближался рѣшительный моментъ, чѣмъ болѣе разоблачались скрытыя пружины всей «акціи», тѣмъ менѣе вѣроятнымъ становился успѣхъ Рима. Во многихъ концахъ славянскаго міра стали еще до праздника раздаваться протесты противъ приданнаго ему характера, не предвѣщавшіе ничего хорошаго. Заправители торжества думали было разсѣять тревожныя слухи о манифестаціи въ Велеградѣ противъ Россіи, но не находилось вѣровавшихъ имъ, и протесты и отказы отъ участія въ немъ продолжали раздаваться.

Устроителямъ торжества желательно было, какъ извѣстно, видѣть въ Велеградѣ и русскія депутаціи, и съ этою цѣлію послано было и въ наше отечество приглашеніе пожаловать на латинское празднество! Но, къ великому огорченію приглашавшихъ, оно даже не было и напечатано ни въ одной русской газетѣ. Самая мысль о возможности поѣздки въ Велеградъ, кѣмъ-то дѣйствительно высказанная, заглохла столь же скоро, сколь скоро и возникла. Не болѣе благопріятный отвѣтъ встрѣтило приглашеніе велеградскаго комитета и въ другихъ православныхъ славянскихъ краяхъ. Въ отвѣтъ на подобное приглашеніе сербская газета «Застава» напр. писала въ свое время: «не пойдемъ въ Велеградъ, потому что насъ зовутъ

туда не для того, чтобы прославить память славянскихъ апостоловъ, учившихъ насъ любви и просвѣщенію! Не пойдемъ, потому что воззваніе къ намъ гласитъ: «соберемся тамъ, чтобы, укрѣпить надежду, что въ кирилло-меоодіевскихъ воспоминаніяхъ есть могучая привлекательная сила, способная ускорить наступленіе того времени, котораго св. отецъ Левъ XIII столь искренно желаетъ, времени, когда попытка къ соединенію восточной и западной церкви станетъ осуществившимся фактомъ. При теперешнемъ положеніи дѣль и мы не сдѣлаемся католиками, ни вы православными. Да, не хотимъ дотрогиваться до большихъ мѣсть, не хотимъ подъ знаменемъ церковнаго соединенія вступать въ борьбу съ своими братьями, а потому — не пойдемъ въ Велеградъ!» (См. Стран. 1885 г. № 3, стр. 511 — 512). Точно въ такомъ же духѣ и тошъ отвѣчалъ на призывъ пожаловать подъ крыло католической церкви и органъ далматинскихъ сербовъ — «Серб. Лист.» (см. Изв. слав. Благотв. Общ. 1885 г. № 3), въ своей статьѣ «нехотимъ въ Велеградъ»!

Не разсчитывая на пріѣздъ православныхъ, можно было устроить манифестацію и изъ однихъ славянъ — католиковъ, которыхъ считается до 20 милліоновъ. Но и среди нихъ славянская совѣсть какъ бы инстинктивно заявила протестъ противъ затѣй папства. И эти славяне, еще до праздника стали обнаруживать или холодность, которую едва могъ ожидать Римъ въ такихъ размѣрахъ, или прямо отказъ принять участіе въ демонстраціи противъ Россіи, какъ напр. у чеховъ и хорватовъ. Обращаютъ на себя вниманіе въ этомъ отношеніи разсужденія хорватскихъ газетъ. Среди хорватъ еще живы воспоминанія о недавней продѣлкѣ надъ ними папства ¹⁾ и потому всѣ народныя газеты одинаково несочувственно отнеслись къ Велеградскому приглашенію. Въ одной изъ популярнѣйшихъ хорватскихъ газетъ,

¹⁾ Продѣлка папства состоитъ въ слѣдующемъ. Въ рѣчи папѣ (1881 г.) изъ которыхъ видное мѣсто занимали хорваты, она между прочимъ дозволила (такъ, по крайней мѣрѣ, поняли папу) употребленіе славянскаго языка при богослуженіи, вмѣсто латинскаго во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Восгоръ отъ этого позволенія былъ неописанный. Но какъ великъ былъ восторгъ 5 юля 1881 г., такъ же было горько разочарованіе черезъ годъ. Въ 1882 года г. хорваты, во главѣ съ Штрессмайеромъ, хотѣли примѣнить къ дѣлу папское кобийнейное дозволеніе. Но что же оказалось? Пала, канонизованный Кирилла и Меоодія и одобрявшій все ихъ ученіе, слѣдов. и славянскую литургію, черезъ годъ отмѣнилъ свое распоряженіе и запретилъ славянское богослуженіе. „Поучайтесь народы и смотрите, каковыя насъ мученія подвергавать!“... говорить, по этому поводу одна изъ хорватскихъ газетъ (Sloboda)

въ органѣ партіи Старчевича—«Sloboda» отъ имени хорватъ—католиковъ сдѣлано было такого рода заявленіе: у хорватовъ, какъ у чеховъ и поляковъ, ничего не осталось отъ Кирилла и Меодія, даже они отъ своихъ учителей имѣютъ менѣе, чѣмъ магометане отъ Христа, католики отъ Лютера. Если бы устраивалось это торжество Россією, къ которой Кирилль и Меодій принесли культуру и цивилизацію, то мы, говоритъ газета, приняли бы участіе въ торжествѣ въ Россіи, но «въ Велеградѣ намъ—хорватамъ дѣлать нечего». Органъ другой хорватской партіи, газета «Pozor» не во всемъ соглашаясь съ сужденіями «Slobodы» заявляетъ, что хорваты могли бы отправиться въ Велеградъ только въ томъ случаѣ, если тамъ будетъ славянское богослуженіе. «Но имъцы латинскою службою погребли славянщину и мы не можемъ отправиться прославлять ихъ дѣло». Возврѣній послѣдней газеты держался даже и самъ Штросемаейеръ (см. Стран. 1885 г. № 3, стр. 509—510). Готовность пріѣхать въ Велеградъ до послѣдней минуты не оставляла только поляковъ и относительно ихъ дѣйствительно, ни у кого не было сомнѣнія, что они возьмутъ на себя роль представлять въ своемъ лицѣ все славянство. Только на нихъ и еще на случайныя депутаціи, которыя легко могли найтись среди и тѣхъ славянъ, лучшіе вожди которыхъ отказались ѣхать, славный комитетъ по устройству торжества и имѣлъ право рассчитывать и строить свои надежды, не покидавшія его до послѣдней минуты...

Но... какъ жестоко пришлось ему разочароваться! Разочарованія полнѣе того, какое потерпѣло въ этой «акціи» папство, трудно себѣ и представить; дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. *Налатинское празднество не явилось ни одного гостя, ни прикосланца, ни католика*—говоритъ очевидецъ Велеградскаго торжества. Кажется, и злой сатирикъ едвали бы могъ выдумать что-нибудь болѣе саркастическое надъ куріей, чѣмъ это дѣйствительное фіаско торжества. «Правда, тамъ было около 15 тысячъ крестьянъ изъ окрестностей, цифра, вѣрно выставленная въ телеграммахъ и заставлявшая думать, что успѣхъ все-таки значительный, такъ какъ если бы эти 15 тысячъ были членами депутаціи изъ разнаго рода славянскихъ земель, то за ними можно бы предполагать сотни тысячъ сочувствующихъ. На дѣлѣ же не такъ: ежегодно на храмовой праздникъ бывшаго цистерціанскаго монастыря собирается 12—17 тыс. сельскаго населенія, для котораго св. Меодій—свой мѣстной святой, очень почитаемый, но о славянскомъ значеніи котораго имя ничего неизвѣстно. Нынѣ явилось 15 т., цифра значительная, но менѣе

максимальной («Новое Вр.» № 3, 278). Кромѣ этихъ крестьянъ на праздникъ никто не явился. Не пріѣхали не только чехи, хорваты, но даже и Штроссмайеръ, инициаторъ всего дѣла, не пріѣхалъ потому, что зналъ отлично, что не будетъ разрѣшено даже и въ этотъ великій день славянское богослуженіе. Что всего удивительнѣе и поразительнѣе, не явились даже и поляки; почему не явились—пока еще не выяснилось. вмѣсто того, чтобы лично явиться и засвидѣтельствовать свои «вѣрнопопданническія» чувства св. престолу и выразить сочувствіе къ латинскому празднеству, славянскіе католическіе народности ограничились одной присылкой въ день юбилея телеграммы «славному комитету велеградскаго торжества». Во всѣхъ телеграммахъ (иные въ 200—300 словъ) повторялось на всѣ лады одно и то же—отказъ. Одни поздравляли съ праздникомъ и сожалѣли, что не могутъ участвовать въ такомъ блестящемъ и многочисленномъ сонмищѣ, другіе извинялись подъ болѣе или менѣе прозрачными предлогами, третіе—прямо отказывались, четвертые—не соглашались съ формою торжества, иные протестовали противъ приданнаго ему характера, другіе осуждали и обвѣщали вожаковъ и т. д., а всѣ вмѣстѣ—отказывались пріѣхать.

Заправителей велеградскихъ торжествъ такое фіаско такъ поразило, что всѣ члены «славнаго комитета» скрылись неизвѣстно куда, не оставивъ даже и своего адреса. Полагали, что если не явились гости въ первый день, то пріѣдутъ въ слѣдующіе и потому вереница экипажей съ флагами были отправляемы къ каждому поѣзду на станцію для пріема почетныхъ гостей, но увы!—всѣ экипажи возвращались пустыми. Длинные накрытые столы съ яствами и питіями оставались незанятыми, гостиницы—пустовали. Такъ всѣ празднества, при совершенномъ отсутствіи интеллигенціи, и пришлось совершить только въ присутствіи однихъ крестьянъ, которые и на праздникъ-то были одинъ день, возвратившись на другой день къ обычнымъ своимъ занятіямъ—признакъ, что они вовсе не предполагали видѣть въ настоящемъ велеградскомъ торжествѣ что-нибудь необыкновенное, отличное отъ прежнихъ ежегодныхъ праздниковъ.

Непродолжительны и не шумны были поэтому и самыя празднества. Корреспондентамъ, явившимся сюда, даже вовсе нечего было и описывать, такъ что не пришлось выручить и тѣхъ издержекъ, какія были употреблены ими на дорогу въ Велеградъ и обратно (Кіевлянинъ, 1885 г. № 73). Ихъ впрочемъ и было только 5 человекъ. Въ чемъ же однако состояли самыя торжества? Католическія,

со словъ ихъ и другія газеты, какъ извѣстно, чтобы скрыть истину, распускали объ нихъ далеко не вѣрныя извѣстія. Эти газеты были наполнены краснорѣчивыми описаніями блестящихъ успѣховъ велеградскаго торжества, стеченія народа, пріѣзда славянскихъ гостей, заобѣдненныхъ тостовъ, процессій, иллюминацій и пр. Тѣже извѣстія, которыя описывали это событіе не въ такихъ краскахъ, были задерживаемы въ телеграфныхъ учрежденіяхъ и не доходили по назначенію. Но теперь проникли въ печать описанія и изъ болѣе чистыхъ источниковъ, такъ что можно себѣ представлять, насколько дѣйствительно блестящи были велеградскія празднества. Корреспондентъ одной большой русской газеты, бывшій въ Велеградѣ въ день праздника 6 апрѣля (по нов. ст.), при описаніи празднествъ, за неимѣніемъ матеріала, могъ сообщить всего лишь нѣсколько строкъ о видѣнномъ въ Велеградѣ. Передадимъ это немногое: празднество открылось процессіями, направлявшимися отовсюду изъ окрестностей Велеграда къ главной церкви въ честь Кирилла и Меѳодія ¹⁾; впереди всѣхъ шли мальчики и дѣвочки, въ вѣнкахъ изъ бумажныхъ цвѣ-

¹⁾ Кромѣ того, что церковь эта посвящена Кириллу и Меѳодію и имѣетъ въ числѣ статуй и статуи славянскихъ первоучителей, она не имѣетъ болѣе ничего славянскаго; такія церкви можно видѣть дожинами во Франціи и Италіи. По близости съ этимъ храмомъ находится „Кирилка“, маленькая часовня (ок. 3 саж. въ длину и высоту), которую народъ чтитъ гораздо болѣе, чѣмъ главный обширный храмъ. Происхожденіе „Кирилки“ можетъ быть отнесено ко временамъ св. Кирилла. Замѣчательна судьба этой „Кирилки“. Во времена латинскихъ гоненій на славянство ее переименовали въ „костеликъ тѣла Господня или вечера любви“ и затѣмъ постепенно оставляли въ забвеніи, сначала обративши въ кладбищенскую церковь; съ переводомъ кладбища на другое мѣсто, хотѣли уничтожить и самую церковь, но случайно сохранили, давъ ей назначеніе... „служить сладою для хозяйственныхъ цѣлей владѣльцевъ и арендаторовъ велеградскихъ имѣній“. Въ 1855—1857 гг. „Кирилка“ обращена была.. страшно сказать—въ конюшню; въ ней сберегали себѣ п солому. Въ 1863 г., когда Римъ началъ ухаживать за славянами и готовился къ кирилло-меѳодіевскому юбилею, вспомнили о „Кирилкѣ“ и возстановили ее. Вишняя форма осталась таже, но внутри нѣтъ ничего, напоминающаго о старинѣ: иконы, надписи и т. п., все въ ней латинское (изъ рѣчи проф. Пальмова). Замѣтить кстати, что и Велеградъ, въ которомъ латиняне праздновали славянское тысячелѣтіе, есть не тотъ Велеградъ, въ которомъ былъ епископомъ и въ которомъ похороненъ Меѳодій. Меѳодій былъ похороненъ, что впрочемъ еще спорный вопросъ, и епископствовалъ въ старомъ Велеградѣ, находящагося въ часовомъ разстояніи отъ новаго, нынѣ существующаго. Новый возникъ лишь въ 1202 г., какъ это доказываетъ съ убѣдительною ясностію вслѣдъ за другими учеными и нашъ извѣстный словистъ проф. Бу-дильовичъ.

товъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, благодаря тихой погодѣ не гаснувшихъ, за ними—взрослые дѣвушки и юноши въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, затѣмъ—хоругви, распятіе, и ксендзы, ксендзы... Процессія замыкалась со всѣхъ сторонъ зрителями изъ окрестныхъ крестьянъ. По прибытіи въ громадный храмъ совершилось богослуженіе на *латинскомъ* языкѣ, при пѣніи выписаннаго изъ Вѣны хора «Вѣнскаго Славянскаго Пѣвческаго Общества». Этому обществу, специально существующему для пѣнія славянскихъ пѣсенъ, приказано было пѣть «миссу» по латински; процѣть по славянски дозволено было только одну пѣснь Богородицѣ и это было единственнымъ славянскимъ явленіемъ цѣлаго праздника, его первымъ и послѣднимъ словомъ. Была сказана приличная случаю и проповѣдь, но какая проповѣдь? Не говоря ни слова о славянствѣ, о переводѣ Библии, о языкѣ, азбукѣ, проповѣдникъ ограничился только прославленіемъ «Метода, знаменитаго предшественника нынѣшняго архіепископа моравскаго, поборника папскаго главенства, врага схизмы» и приглашеніемъ слушавшихъ быть еще болѣе щедрыми къ римской церкви и облегчать страданія папы... Послѣ богослуженія предполагались рѣчи, тосты, приемы депутацій, иллюминаціи и т. д. и т. д., но за совершеннымъ отсутствіемъ пріѣзжей интеллигенціи и депутацій, ничего этого и быть не могло... Вотъ и все, что могъ сказать корреспондентъ о велеградскомъ празднествѣ (см. «Новое Время» № 3,278). Неудивительно, что поѣздка въ Велеградъ корреспондентовъ не окупилась за неимѣніемъ матеріала для описаній.

Такъ прошла первая «октава» велеградскаго праздника. Пораженные такимъ крайнимъ неуспѣхомъ задуманной манифестаціи, правители торжества думаютъ утѣшить себя теперь тѣмъ, что болѣе успѣшно пойдетъ кирилло-меѳодіевское празднество въ слѣдующія октавы—въ концѣ іюля и потомъ въ августѣ, но шатки подобныя надежды. Едвали придется имъ быть болѣе счастливыми и въ слѣдующіе разы. Впрочемъ, очень естественно утѣшать себя такими надеждами. Безъ надежды человѣкъ не живетъ.

Сопоставляя съ этою неудавшеюся манифестаціею наше православное, славянское торжество въ честь своихъ первоучителей, нельзя не видѣть, какой рѣзкій контрастъ является въ данномъ случаѣ между латинскимъ и православно-славянскимъ празднествомъ. Крайне блѣдно и вяло прошло, при всѣхъ своихъ шумныхъ приготовленіяхъ, велеградское празднество, напротивъ, при неторопливыхъ и тихихъ приготовленіяхъ православнаго славянства, свѣтло и торжественно

совершилось празднованіе всеславянскаго торжества среди нихъ, во главѣ съ православною Россією. Враги православнаго славянства, чтобы свалить вину съ больной на здоровую голову, когда узнали, что русскіе, сербы, болгары, рѣшили отказаться фигурировать въ роли кающихся схизматиковъ, приуготовленной имъ папствомъ, стали говорить: «схизматики дѣлають демонстрацію противъ насъ, католическихъ славянъ, вмѣсто того, чтобы принять братски протянутую руку, чтобы воспользоваться единственнымъ случаемъ показать славянамъ возможность нашего единства». Но они жестоко ошибаются, прибѣгая къ такому, завѣдомо ложному софизму для объясненія своего не успѣха. Не желаніемъ устроить демонстрацію противъ католицизма объясняется успѣхъ нашего праздника и не успѣхъ латинскаго. Среди православныхъ славянъ ни у кого не было, да и не могло быть мысли о подобной демонстраціи. Православное славянство, твердо хранящее завѣты своихъ учителей, каждый день чувствуетъ апостоловъ славянскихъ въ своемъ славянскомъ богослуженіи и потому не нуждается ни въ какихъ искусственныхъ возбужденіяхъ и демонстраціяхъ для достойнаго прославленія своихъ учителей въ день торжества своей существующей вѣры, полного упованій на будущее. Но нельзя, конечно, не признать и того, что если задуманная латинская демонстрація противъ Россіи и православної церкви не удалась въ Велеградѣ, вслѣдствіе отказа другихъ славянъ присутствовать тамъ, то славянское торжество въ русской столицѣ и во всемъ русскомъ государствѣ, на сторонѣ котораго были, несомнѣнно, и симпатіи многихъ не поѣхавшихъ въ Велеградъ, должно было получить и дѣйствительно получило еще болѣе величественный характеръ. По мимо всякихъ искусственныхъ подстроеній оно показало, гдѣ нужно искать истинный центръ славянства, центръ того будущаго славянскаго единенія, на которое такъ претендовалъ Велеградъ. Не съ Велеградомъ, а съ Россією оказывается нераздѣльною славянская идея; ложность австро-папскаго панславизма и симпатіи къ Россіи всего славянства, не только православнаго, но и католическаго обнаружилась въ это время во всей полнотѣ и рельефности, такъ, что можетъ быть и исполнится пророчество папскаго листка *Moniteur de Rome*, что праздникъ въ честь Кирилла и Мефодія составитъ поворотный пунктъ въ исторіи славянства, хотя въ Римѣ этотъ поворотъ представляютъ въ совершенно иномъ видѣ.

Журнальное обозрѣніе.

Празднество 6 апрѣля въ честь славянскихъ первоучителей, какъ извѣстно, вызвало на свѣтъ цѣлый рядъ изданій, посвященныхъ памяти Кирилла и Меѳодія. Наши журналы какъ духовные, такъ и свѣтскіе въ свою очередь также помѣстили на своихъ страницахъ рядъ статей по поводу этого празднества. Съ этими статьями мы и намѣрены познакомить читателей.

Обозрѣніе такихъ статей начинаемъ съ журнала «Странникъ», который посвятилъ празднованію 6-го апрѣля весь апрѣльскій № своего изданія. Въ этомъ № за статьей отъ редакціи — *«тысячелѣтіе памяти св. равноапостольныхъ просвѣтителей славянскихъ и торжество шестаго апрѣля»* — прежде всего помѣщена статья свящ. Вл. Маркова — *«жизнь и апостольски-подвижническіе труды св. Кирилла и Меѳодія»*. Въ этой статьѣ авторъ обращаетъ главнымъ образомъ вниманіе на то, что дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія распадается на двѣ половины — на миссіонерскую дѣятельность до посольства славянскихъ князей и на просвѣтительную дѣятельность свв. братьевъ среди западныхъ славянъ. Первая половина служить какъ-бы приготовленіемъ ко второй. Въ путешествіяхъ къ сарацинамъ и хозарамъ свв. братья закаляютъ себя на дальнѣйшіе апостольскіе труды, въ спорахъ съ представителями различныхъ религій еще болѣе утверждаютъ въ истинѣ православной религіи, въ тишинѣ монастырской жизни нравственно окрѣпляютъ, возвышая свой духъ надъ требованіями плоти. Такъ приготовленные, они выступаютъ на великое дѣло просвѣщенія свѣтомъ Христовой истины славянъ. И не смотря на всѣ «козни враговъ» остаются вѣрными истинной православной церкви, въ лонѣ которой они воспитали и приготовили себя для апостольской дѣятельности. Они защищаютъ противъ триязычниковъ права славянскаго языка при богослуженіи, они опровергаютъ «попатовскую» ересь, смѣло опровергаютъ предъ возводимыя на нихъ обвиненія. Но одинъ изъ братьевъ, св. Кириллъ,

умираетъ, завѣщавъ св. Меѳодію продолженіе начатаго дѣла, и послѣдній оставался вѣрнымъ завѣщанію брата, энергично продолжаетъ дѣло въ томъ же духѣ и направленіи. Онъ переходитъ изъ одного славянскаго княжества въ другое, посѣвая сѣмена истины Христовой, организуетъ около себя общество юныхъ проповѣдниковъ, опровергаетъ клеветы враговъ среди нѣмецкаго духовенства, старавшагося уничтожить свитое дѣло, братьевъ, апостоловъ славянъ... Умирая св. Меѳодій, по примѣру своего брата, завѣщаетъ своимъ ученикамъ пребыть твердыми въ посаженіи св. православной церкви среди ихъ братьевъ-славянъ. — За статьей свящ. Маркова далѣе слѣдуютъ статьи: *«послѣднія минуты жизни св. Кирилла — философа и брата его св. Меѳодія, архіеп. Моравскаго, предсмертная и «прощальная молитва бѣсѣда—завѣщаніе»* А. П. Одинъ изъ учениковъ свв. первоучителей передаетъ въ краткомъ разсказѣ о послѣднихъ дняхъ и минутахъ жизни св. Кирилла-философа... «яко же ся приближи година, да покой примѣ, представится на вѣчное житіе, воздвигъ Богу руцѣ свои, сотвори молитву со слезами...» Св. Кирилль молился, чтобы Господь сохранилъ его словесную наставу и утвердилъ ее въ истинахъ вѣры и правды (приводится самый текстъ молитвы). Другой «самовидѣцъ» дѣлъ свв. Кирилла и Меѳодія рассказываетъ, что св. Меѳодій, приближаясь къ смерти, увѣщевалъ своихъ учениковъ, чтобы они хранили тотъ залогъ, который приняли отъ апостоловъ и по временамъ отъ отцовъ и который потребуется отъ нихъ обратно въ день воздаянія» (слѣдуетъ самый текстъ завѣщанія). — *«Кирилло-Меѳодіевскій переводъ Библии на славянскій языкъ и что отъ насъ требуется въ отношеніяхъ къ нему?»* В. Лебедева и А. П—ва. Эта статья служитъ окончаніемъ помѣщенныхъ въ предъидущихъ книгахъ «Странника» (январь, февраль и мартъ) статей: «Кирилло-Меѳодіевскій переводъ Библии на Руси». Въ настоящей апрѣльской статьѣ доказывается, что исторія Кирилло-Меѳодіевскаго перевода на Руси показываетъ, что древняя русская церковь съ заботливостію исправляла ошибки, попадавшія въ библейскія рукописи. Такая заботливость объ исправленіи текста можетъ служить свидѣтельствомъ противъ слѣпой привязанности раскольниковъ къ старинному тексту Библии. Многія изъ славянскихъ библейскихъ рукописей подвергались серьезному изученію замѣчательнѣйшихъ изъ нашихъ филологовъ—славистовъ (Востоковъ, Срезневскій, Бодянской и др.) преимущественно лингвистическо-филологическихъ, палеографическихъ; но для историко-критическаго обозрѣнія славянскаго библейскаго текста у насъ очень мало

сдѣлаю. На насъ, принявшихъ драгоцѣнное сокровище св. апостоловъ славянства лежитъ обязанность восполнить этотъ пробѣлъ. Для того, чтобы изучить славянскій текстъ какой либо одной библейской книги, нужно изучать текстъ этой книги не по одной рукописи, а по возможности по всѣмъ сохранившимся до нашего времени. Что касается метода возстановленія древняго перевода изъ разнообразныхъ рукописныхъ чтеній, то принимая во вниманіе, что первоначальный славянскій переводъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ, можно рекомендовать слѣдующій способъ: 1) между различными чтеніями разнообразныхъ текстовъ выдѣлать и доказать первоначальное или подлинное чтеніе книги; 2) опредѣлить отношеніе славянскаго перевода къ оригиналу (т. е. греческому подлиннику), отмѣтить степень свободнаго отношенія перевода къ оригиналу, опредѣлить зависимость въ образованіи словъ и цѣлыхъ выраженій перевода и оригинала, и въ 3) относительно сравненія славянскаго перевода съ греческимъ подлинникомъ — доставить новыя болѣе или менѣе вѣрныя данныя о трудно разрѣшимомъ обстоятельствѣ славянскаго перевода Библии. Трудъ крайне сложный и громадный, но обязательно необходимый. — *«Слово похвально» св. Кириллу и Меѳодію (на славянскомъ, по рукоп. XVI в.).* Память св. апостоловъ славянскихъ чтится на Руси съ первыхъ вѣковъ христіанства: въ лѣтописи Нестора сохранился рассказъ объ ихъ апостольскихъ подвигахъ, въ Остромировомъ Евангеліи (XI в.) ихъ имена занесены въ мѣсяцесловъ. Но самымъ яркимъ свидѣтельствомъ ночтанія памяти св. Кирилла и Меѳодія служатъ похвальные слова имъ, помѣщавшіяся въ церковно-учительныхъ сборникахъ и Четьи-Минеяхъ. Списки такихъ словъ сохранились древнѣйшіе отъ XII—XIII в., позднѣйшіе отъ XVI—XVII в. (въ Макарьевскихъ Четьи-Минеяхъ). Авторъ ихъ, по изслѣдованію историковъ, «безспорно былъ славянинъ». Въ литературномъ отношеніи эти слова заслуживаютъ вниманія, какъ памятникъ древне-славянскаго церковнаго проповѣдничества. — *«Просвѣтителю славянъ и славянское богослуженіе»*. Н. П. — Начало русскаго просвѣщенія и дальнѣйшая судьба его тѣсно связаны съ переводомъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въѣствъ съ переводомъ св. кнѣзь было установлено богослуженіе на общепринятомъ для славянъ языкѣ и этимъ открылась возможность широкаго распространенія христіанства среди славянъ и объединенія ихъ въ богослуженіи. — Надъ переводомъ священныхъ книгъ проевѣтителю славянъ трудились съ самаго начала своего пре-

ыванія въ Моравіи и до своей кончины. По лѣтописцу Нестору, трудами ихъ были переведены всѣ греческія церковно-богослужебныя книги, но такая громадная работа не могла быть совершена двумя лицами даже и во все время ихъ просвѣтительной дѣятельности. Необходимо думать, что Кирилль и Меѳодій переводили прежде всего то, что существенно необходимо для отправления богослуженія. Составитель паннонскаго житія говоритъ, что св. Кирилль преложилъ и научилъ моравовъ утрени и годинамъ, вечерни, повечерницъ и тайной службъ; ясно, что кромѣ свящ. писанія нужно предполагать переводы служебника и требника, псалтири съ часословомъ и октоиха. «И были словени, слышаще величія Божія на своемъ языкѣ». Радость совершенно понятная. Христіанское богослуженіе есть тѣснѣйшій союзъ челоуѣка съ Богомъ; въ богослуженіи челоуѣкъ выражаетъ свою вѣру, надежду и любовь къ Богу и изливаетъ предъ нимъ свои скорби и страданія. . . А для этого необходимо, чтобы оно совершалось на понятномъ для народа языкѣ. Переводъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ открывалъ славянамъ во всей полнотѣ основныя начала высшаго знанія. Народъ въ храмахъ слышалъ понятную славянскую рѣчь и имѣлъ возможность понимать возвышенный смыслъ христіанскаго богослуженія; богослужебныя книги перешли въ его обиходную жизнь и стали предметомъ домашняго чтенія. Русскіе князья, духовенство, особенно монастыри распространяютъ церковно-славянскія книги во множествѣ списковъ. Но коль скоро установлено было богослуженіе на славянскомъ языкѣ, должна была возникнуть и славянская письменность. Появленіе новыхъ праздниковъ въ воспоминаніе отечественныхъ событій и русскихъ святыхъ требовало новыхъ церковныхъ службъ. Хотя эти службы составлялись преимущественно греками, тѣмъ не менѣе появлялись нерѣдко и русскіе составители, внося въ свои произведенія національный русскій духъ. Такимъ образомъ, славянская грамота, переводъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ положили прочное основаніе для нашего просвѣщенія въ духѣ православія и народности. — «*Отношеніе папства къ дѣлу славянскихъ первоучителей во время блаженной кончины св. Меѳодія*». А. М. Дѣятельность папства по вопросу о славянской церкви находилась въ строгой зависимости отъ обстоятельствъ, въ которыхъ папы находились относительно моравскихъ и паннонскихъ князей, относительно Зальцбургскаго архіепископа, затѣмъ св. Меѳодія и его паствы и наконецъ относительно системы, которую усвоилъ себѣ Римъ со времени папы

Николай I. Соображаясь съ этими и подобными вещами, папы и издавали тѣ или другія приказанія относительно славянской церкви и св. славянскихъ проповѣдниковъ. Этимъ самымъ руководился и папа Стефанъ VI. О времени, въ которое жилъ этотъ папа, Нейдекеръ говоритъ, что это было время, когда папы были креатуры и орудія самыхъ возбужденныхъ политическихъ партій. — Латино-нѣмецкіе прелаты, взявшіе послѣ 880 г. перевѣсъ въ Моравскомъ княжествѣ, обвинили св. Меѳодія въ различныхъ отступленіяхъ отъ ихъ ученія. Стефанъ VI принялъ обвинительное письмо на св. Меѳодія и рѣшилъ поступить относительно его самымъ строгимъ образомъ. Сохранилось два документа, которые представляютъ намъ какъ именно поступилъ папа въ этомъ дѣлѣ: а) посланіе папы къ князю Святополку и б) инструкція его Доминику епископу и Іоанну и Стефану пресвитерамъ, отправляющимся къ славянамъ. Въ первомъ документѣ папа говоритъ: «мы весьма удивились, услышавъ, что Меѳодій преданъ лжеученію, а не назиданію, враждѣ, а не миру; и если это такъ, какъ мы слышали, то лжеученіе его мы совершенно осуждаемъ. А анаѳема за презрѣніе католической вѣры падеть на главу того, кто объявилъ ее»... Въ инструкціи же вышешюименованнымъ лицамъ папа писалъ: «... литургическія и другія святѣйшія службы, которыя также Меѳодій предпочелъ совершать на славянскомъ языкѣ, властію апостольской совершенно запрещаются... премника, котораго Меѳодій самъ собою, вопреки постановленіямъ всѣхъ святыхъ отцовъ, рѣшился поставить, вы запретите апостольскимъ авторитетомъ, чтобы онъ не служилъ, пока не явится къ намъ лично и лично не изложитъ намъ своего дѣла». Нѣкоторые католическіе писатели (напр. Прессути, Бартолини) въ своихъ сочиненіяхъ объ отношеніи папъ къ св. Кириллу и Меѳодію проходятъ эти документы молчаніемъ и о папѣ Стефанѣ VI не говорятъ ни слова; другіе (напр. іезуитъ Раттингеръ и проф. Баланъ) стараются или умалить ихъ значеніе или истолковать въ пользу папы. Но не смотря на всѣ эти усилія, остается несомнѣннымъ одно, что папство возбрало славянское богослуженіе, осудило и подвергло анаѳемѣ св. Меѳодія и его ученіе и православное его исповѣданіе назвало лжеученіемъ. — *Кирилло-Меѳодіевская идея въ современномъ западномъ славянствѣ. Русскою славянина.* Исторія жизни св. Кирилла и Меѳодія, ихъ трудовъ, апостольской и просвѣтительной дѣятельности среди славянъ ясно открываетъ предъ нами ту глубокую духовно-нравственную связь, которая составляетъ основаніе ихъ жизни, главное на-

чало въ ихъ дѣятельности и непремѣнное условіе для успѣха ихъ апостольской миссіи. Распространеніе евангельской истины, приобщеніе къ церкви вселенской милліоновъ славянскихъ народовъ и утвержденіе между ними истинной Христовой вѣры—это именно было первымъ и священнѣйшимъ желаніемъ св. нашихъ первоучителей и осуществленіе его положило начало самобытной славянской культурѣ, просвѣщенію и политической независимости. Но сохранило ли славянство послѣдіе своихъ первоучителей? Западные славяне отступили отъ завѣщаннаго имъ св. первоучителями единства съ церковію вселенской, разорвали связь съ Кирилло-Меѳодіевскимъ преданіемъ *единой* славянской азбуки и общей славянской грамотности и потеряли, наконецъ, данную имъ св. первоучителями идею народной и церковной независимости въ единеніи вѣры и любви съ церковію вселенскою. Но не смотря на эту великую утрату, западные славяне громко заявляютъ о томъ, что Кирилло-Меѳодіевская идея во всей своей полнотѣ отразилась у нихъ—западныхъ славянъ. Эти заявленія начались еще задолго передъ 1863 годомъ, когда подъ вліяніемъ научной разработки древностей, языка и исторіи, громко заговорили о Кирилло-Меѳодіевской славянской идеѣ, и достигли самого полного развитія въ 1863 году. Тогда на западѣ печатались сочиненія о Кириллѣ и Меѳодіи, устраивались братства ихъ имени, торжественныя процессіи и т. п. Всѣ эти торжества были ведены подъ вліяніемъ и съ благословенія Рима, который настойчиво преслѣдовалъ дѣло св. Кирилла и Меѳодія. Цѣль, которую преслѣдовало папство во всѣхъ этихъ торжествахъ, была — чрезъ имена Кирилла и Меѳодія привлечь въ лоно латинской церкви славянъ, оставшихся вѣрными православію. Для достиженія этой цѣли устроенъ былъ теперь въ Римѣ коллегіумъ преимущественно для юго-славянъ. Этой же цѣли служила и латинская пропаганда среди болгаръ Македоніи и Фракіи, успѣвшая представить на юбилей 1863 г. нѣсколькихъ болгарскихъ представителей униатовъ. Такъ понималась Кирилло-Меѳодіевская идея въ 1863 г. во время тысячелѣтняго юбилея прибытія св. Кирилла Меѳодія къ западнымъ славянамъ: вмѣсто Кирилло-Меѳодіевской идеи единенія всѣхъ славянъ въ лоно единой православно-вселенской церкви проповѣдывалась пропаганда латинства между православными; вмѣсто завѣщаннаго единодушія между славянами проповѣдывался и поддерживался въ ихъ средѣ раздоръ, который еще при жизни свв. первоучителей сѣяли между славянами ихъ враги нѣмцы и латинники.

«Преподобный Несторъ, лѣтописецъ, о свв. Кириллѣ и Ме-

водѣ». А. Пономаревъ. Преподобный Несторъ, нашъ историкъ-бытописатель, свидѣтель успѣховъ и упроченія христіанскаго Кирилло-Меодіевскаго просвѣщенія на Руси, первый, 800 лѣтъ тому назадъ, оцѣнилъ и величіе подвига свв. первоучителей и сказалъ о нихъ *первое* славяно-русское слово. Упомянувъ подъ 6406 (898 г.) о нашествіи угровъ на западно-славянскія земли, въ которыхъ имѣла мѣсто проповѣдническая дѣятельность свв. Кирилла и Меодія, онъ переносится мыслію къ послѣднимъ... «Сима же (т. е. Кир. и Мео.) пришедшема, начаста съставлявати письмена азъбуковная словѣньски, и предложиста Апостоль и Еуангелъе: ради быша словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ: посемъ же предложиста Псалтырь и Охтайкъ и прочая книги»... Народная церковь, въ смыслѣ полноправности каждаго «языка-народа», какъ и отдѣльнаго члена его, и «книжное ученіе», въ широкомъ смыслѣ христіанскаго просвѣщенія чрезъ церковь, школу и книги—вотъ главное, что видитъ въ подвигѣ свв. первоучителей нашъ лѣтописецъ. Во «Внутреннемъ церковномъ обзорѣннѣ», которое помѣщено за указанными выше статьями, авторъ затрогиваетъ слѣдующіе вопросы: къ предстоящему тысячелѣтію священной памяти великихъ славянскихъ первоучителей: думы и воспоминанія, факты и ожиданія, важность воспоминаемаго событія и печальный пунктъ этихъ воспоминаній; начало православія въ племени и борьба его въ жизни; искусь великому дѣлу славянскихъ первоучителей на христіанскомъ западѣ и духовное торжество дѣла въ исторіи: какъ и куда началами православія направлялась жизнь славянская—русская, и какъ подъ его воздѣйствіемъ расширялась жизнь нравственная—духовная; основоположенія православія; дальнѣйшее движеніе православія въ жизни, и побѣдная его сила въ строительствѣ жизни народной и государственной; истина великаго дѣла первоучителей, какъ истина всей—міровой *вселенскости* и *новой* великій смыслъ, приданный ими вселенскому дѣлу въ фактѣ: съ чѣмъ мы вступаемъ въ другое тысячелѣтіе и чего пожелаемъ себѣ и міру?... За «Внутреннимъ церковнымъ обзорѣннѣмъ» помѣщено обзорѣніе церковной жизни у славянъ. Предметомъ этого обзорѣнія служить: отвѣтъ нѣмцевъ на приглашеніе въ Велеградъ,—церковный характеръ велеградскихъ празднествъ, что сдѣлано и дѣлается у юго-западныхъ и восточныхъ славянъ, чтобы достойно почтить память славянскихъ первоучителей, и что у насъ. — Заявленія, предположенія и желанія. Славянскій міръ тысячу лѣтъ назадъ и теперь: славяне Австро-Венгрии, въ ихъ общественномъ и полити-

ческомъ положеніи, — чехо-моравяне: ихъ мечты и дѣйствительность, — поляки, ихъ привилегированное положеніе и отношеніе къ остальному славянству, — сербо-хорваты католики, — православные сербы: натискъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, — словаки подъ гнетомъ венгровъ, — босняки и герцоговины, а также и не менѣе ихъ «обездоленные» русскіе Галиціи и Буковины, подъ австро-венгерскимъ владычествомъ. Православные сербы королевства Сербіи и Черногоріи. Славяне подъ турецкой властію: Македонія и ея современное положеніе, — отношенія къ Румелии и къ княжеству Болгарскому, — греко-болгарскій вопросъ и угрожающіе признаки новыхъ, страшныхъ осложненій на Балканскомъ полуостровѣ. Въ концѣ книжки помѣщенъ еще обзоръ славяно-русской печати юбилейнаго Кирилло-Меѳодіевскаго года и юбилейныхъ Кирилло-Меѳодіевскихъ изданій (св. Синода, Славян. Общ. и др.).

Въ «*Православномъ Обозрѣніи*» ко дню празднованія тысячелѣтней памяти славянскихъ первоучителей помѣщена статья С. «*Паннонскія житія, какъ источникъ для біографіи свв. Кирилла и Меѳодія*» (февр. кн.) и затѣмъ въ приложеніи «*святые Кириллъ и Меѳодій, Апостолы славянскіе*» (март. 7 кн.) съ изданія Славянскаго Общества. Въ первомъ и наиболѣе важномъ отдѣлѣ статьи г. С. рѣшается вопросъ о времени происхожденія такъ называемыхъ Паннонскихъ или пространныхъ житій свв. Кирилла и Меѳодія. Авторъ сначала излагаетъ три различныхъ рѣшенія этого вопроса: одна категорія изслѣдователей (Чинцель, Бильбасовъ) считаетъ эти житія произведеніемъ позднѣйшаго времени, — памятниками легендарнаго характера, и лишаетъ житія всякой научной цѣнности. Вторая группа ученыхъ (Вороцовъ и др.) происхожденіе житій относятъ къ половинѣ X вѣка, когда еще живы и свѣжи были преданія о дѣятельности свв. первоучителей славянскихъ, хотя сказанія о нихъ начали облекаться въ образъ легенды. Третья группа ученыхъ (Шафарикъ, Горскій, Голубинскій) относятъ происхожденіе житій къ концу IX в., признаетъ, что написаны они непосредственно послѣ кончины св. Меѳодія, кѣмъ-либо изъ учениковъ и очевидцевъ блаженной жизни и подвиговъ свв. Кирилла и Меѳодія. Путемъ критическаго анализа первыхъ двухъ рѣшеній вопроса о времени написанія житій, авторъ обнаруживаетъ научную ихъ несостоятельность, ставоваясь рѣшительно на сторонѣ последней группы ученыхъ, которые считаютъ житія не легендами, а вполне достоверными и безусловно важными источниками для біографіи свв. братьевъ. Слѣдующія части статьи

г. с. посвящены рѣшенію вопроса о первоначальномъ языкѣ, мѣстѣ и авторѣ житій. Критикуя сочиненіе Воронова («Обозрѣніе источниковъ для біограф. Кирилла и Меѳодія»), авторъ приходитъ къ тому заключенію, что житія написаны а) на славянскомъ языкѣ, б) къмъ либо изъ западныхъ славянъ, учениковъ св. Меѳодія, в) въ Панноніи или области князя Кочела. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ авторъ соглашается со взглядомъ покойнаго А. В. Горскаго, который признаетъ, что житія написаны «въ странѣ, признававшей церковную зависимость отъ римскаго престола, но православной, однако не въ Моравіи, а въ области Кочела» (Кирилло-Меѳод. сборникъ). Послѣдняя часть статьи посвящается сравнительной цѣнности Паннонскаго житія и такъ называемой Итальянской легенды. Вопросъ о сравнительной цѣнности этихъ двухъ историческихъ памятниковъ рѣшается авторомъ въ томъ смыслѣ, что легенда есть жалкая компиляція изъ славянскихъ источниковъ, преимущественно же изъ Паннонскаго житія и, какъ такая, никакого историческаго значенія не имѣетъ. Общее заключеніе статьи таково: Паннонскія житія нужно разсматривать какъ самый главный и самый достовѣрный изъ всѣхъ источниковъ для біографіи Кирилла и Меѳодія. Они должны быть критеріемъ при оцѣнкѣ исторической важности и достоинства всѣхъ прочихъ источниковъ относительно того же предмета.

Въ апрѣльской книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* помѣщено—*жизни и подвиги свв. Кирилла и Меѳодія, просвятителей славянъ*, съ изданія Славянскаго Общества и затѣмъ *пѣснь канони преподобныхъ Кириллу и Меѳодію*, составленная митр. моск. Филаретомъ.

Немало интересныхъ статей по поводу празднованія памяти славянскихъ первоучителей помѣщено на страницахъ *Извѣстій Славянскаго Общества*. Такъ здѣсь помѣщены, напримѣръ, — *Службы свв. Кириллу и Меѳодію*, М. С. — Славянскія службы свв. Кириллу и Меѳодію, говоритъ авторъ, составлялись и употреблялись въ храмахъ съ самаго начала ихъ прославленія церковію, а это прославленіе началось вскорѣ послѣ ихъ смерти, еще при непосредственныхъ ученикахъ ихъ, какъ показываютъ составленныя однимъ изъ нихъ, св. Климентомъ, житія святыхъ славянскихъ первоучителей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ содержаніе самыхъ службъ, сохранившихся въ древнихъ рукописяхъ. Древніе списки славянскихъ службъ открыли первые: В. И. Григоровичъ — на Аѳонѣ, въ Зографскомъ монастырѣ, и прот. А. В. Горскій — въ Московской Синодальной библіотекѣ. Ислѣдованія объ этихъ службахъ — Григоровича,

Горскаго и Казанскаго—собраны въ кирилло-меѳодіевскомъ сборникѣ. Кромѣ того имъ посвящена особая глава въ сочиненіи покойнаго проф. Кіев. Духов. Академіи А. Воронова, гдѣ онъ говоритъ: «Эти древнія службы св. первоучителямъ—на 14 февр. и 6 апр.—представляютъ въ себѣ весьма важный и, повидимому, наиболѣе близкій къ пространнымъ (паннонскимъ житіямъ) памятникъ для исторіи Кирилла и Меѳодія). Взаимное отношеніе между обоими канонами такое же, какое замѣчается и въ пространныхъ житіяхъ. Каноны написаны въ честь каждаго изъ первоучителей отдѣльно, и хотя канонъ на 6 апр. подписывается именемъ обоихъ святыхъ братьевъ, но тѣмъ не менѣе всѣ тропари посвящены св. Меѳодію, какъ въ канонѣ на 14 февр. св. Кириллу, и лишь три тропаря вмѣстѣ съ Меѳодіемъ прославляютъ и Кирилла. Это обстоятельство показываетъ, что и каноны, такъ же, какъ житія, такъ же и похвальныя слова св. первоучителей, принадлежатъ оба одному автору и написаны въ одно время, на особые дни празднованія памяти св. братьевъ. Языкъ и слогъ обоихъ каноновъ не пренятствуетъ видѣть въ нихъ произведенія одного времени и одного автора. Что касается содержанія каноновъ, то заключающіяся въ нихъ историческія указанія весьма близки къ показаніямъ пространныхъ житій. Всѣ событія жизни и всѣ моменты дѣятельности св. братьевъ, указанные въ житіяхъ намѣчены, въ краткихъ, конечно, и общихъ чертахъ, и въ канонахъ; изъ такихъ событій не опущено ни одно, и съ другой стороны не дано почти ни одного новаго указанія, о которомъ бы не упоминалось въ житіяхъ». Кромѣ этихъ службъ отдѣльно: св. Кириллу 14 февр. (извѣстной по многимъ рукописямъ) и св. Меѳодію 6 апр. (извѣстной только по рукописи Григоровича), существуетъ еще канонъ обоимъ «святыма учителяма словѣнску языку», Кириллу философу и блаженному Меѳодію. Этотъ канонъ открытъ А. В. Горскимъ. По примѣру греческихъ каноновъ, онъ имѣетъ свой акростихъ, хотя это и не отмѣчено передъ канономъ. Акростихъ состоитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Кирилла философа и блаженна Меѳодія пою».—Достойно замѣчанія, что въ февральской и апрѣльской мнѣяхъ Синод. бібліотеки, въ которыхъ открыты вышеупомянутые каноны А. В. Горскимъ, стихиры и тропари каноновъ *положены на ноты для пѣнія*.—Службы просвѣтителямъ славянъ имѣла не только славянская православная церковь, но и греческая. Есть мнѣніе (проф. Воронова), что указанные выше древнѣйшія службы свв. Кириллу и Меѳодію были составлены первоначально на греческомъ языкѣ и

потомъ переведены на славянскій. Но это гипотеза еще не оправданная; греческій текстъ этихъ древнихъ службъ не извѣстенъ. Но есть печатное изданіе греческой службы св. седмичисленникамъ, въ которой прославляются подвиги Кирилла и Меѳодія съ ихъ пятью преемниками: Гораздомъ, Климентомъ, Наумомъ, Саввою и Ангеларіемъ. Эта замѣчательная служба, свидѣтельствующая о высокомъ почитаніи славянскихъ просвѣтителей греческою церковію, въ извлеченіяхъ изъ рѣдкаго изданія первой половины прошлаго вѣка, напечатана съ русскимъ переводомъ А. Ѳ. Гильфердингомъ въ Русской Бесѣдѣ за 1859 г.—существовали службы свв. Кириллу и Меѳодію и у нѣкоторыхъ славянъ — католиковъ, именно въ Далмаціи и Хорватіи, гдѣ по мѣстамъ употреблялось глаголическое письмо и въ богослуженіи родной языкъ. Службы свв. Кириллу и Меѳодію отысканы въ нѣкоторыхъ бревіаріяхъ. По своимъ формамъ и внутреннему характеру онѣ не отличаются отъ другихъ службъ католическихъ миссаловъ и бревіаріевъ; онѣ составлены по уставу римской церкви и примѣнительно къ образцамъ общихъ службъ — частію исповѣднику и епископу, частію исповѣднику не епископу. По латинскія по формѣ и характеру, въ содержаніи своемъ эти службы заключаютъ значительный элементъ славянскій. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей этихъ службъ состоитъ въ томъ, что историческое содержаніе ихъ заимствовано значительною частію изъ источниковъ восточно-славянскихъ. — *Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Велеграда. И. Пальмова (Февраль)*. Велеградъ, гдѣ недавно собирались славяне-католики для чествованія памяти св. славянскихъ братьевъ, по словамъ автора, не тотъ Велеградъ, гдѣ дѣйствительно находилась, но теперь неизвѣстно, гдѣ заросла могила св. Меѳодія, и гдѣ ранѣе этотъ святой вмѣстѣ съ братомъ своимъ св. Кирилломъ жилъ и подвизался на пользу просвѣщенія славянъ. Нынѣшній Велеградъ — *новый*, отстоитъ отъ *старого* на одинъ часъ пути и не представляетъ вообще для славянъ и въ особенности для православныхъ, какихъ-либо достопамятныхъ святынь, — напротивъ его исторія и современное состояніе свидѣлствуютъ только о томъ, что онъ никогда не былъ свидѣтелемъ и хранителемъ истиннаго Кирилло-Меѳодіевскаго духа и направленія. Св. нашествіемъ мадьяръ на среднедунайскую равнину, въ началѣ X вѣка окончательно пала Великая Моравія и разрушена до основанія ея столица Велеградъ, а вмѣстѣ съ этимъ уничтожена была велеградская святыня, — уничтоженъ былъ храмъ, гдѣ учили св. братья Кириллъ и Меѳодій. Тамъ не менѣе

воспоминанія объ этой святынѣ долго оставились въ памяти народной и хранились какъ дорогое наслѣдіе Кирилло-Меѳодіевской старины, Далѣе до сихъ поръ остатки этой старины сказывается въ нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ среди западныхъ славянъ обычаяхъ восточной церкви: такъ, напр., сохранился въ Чехіи и Моравіи обычай три раза въ году святить воду (наканунѣ Богоявленія, въ великую субботу и предъ Троицынымъ днемъ—обычай, давно уже исчезнувшій въ латинской церкви), употребляется троеперстный крестъ по примѣру восточной церкви, не говоря уже о многочисленныхъ остаткахъ древнихъ византійскихъ крестовъ, сохранившихся въ различныхъ мѣстахъ Чехіи и Моравіи. Не смотря однако на привязанность народа къ родной Кирилло меѳодіевской старинѣ, сила враждебная старалась истребить эту старину и на ея развалинахъ укрѣпить свои латинонѣмецкія нововведенія. Къ сожалѣнію, на помощь врагамъ шли руководители народа — его такъ называемые интеллигентные вожди и представители: короли, марграфы, князья и пр. Эта враждебная сила систематически дѣйствовала и по отношенію къ Велеграду, стараясь всячески латинизовать его и совсѣмъ искоренить воспоминанія о немъ въ памяти народной. Прежде всего, не имѣя возможности искоренить въ народѣ воспоминанія о старомъ Кирилло-меѳодіевскомъ Велеградѣ, враги латинизаторы воздвигли новый Велеградъ и вскорѣ затѣмъ, отбросивъ эпитетъ «новый», назвали его вообще Велеградомъ, съ которымъ народъ связывалъ дорогія ему Кирилло-меѳодіевскія воспоминанія, и присоединили къ нему атрибуты, не только не согласные, но и со всѣмъ противные православной Кирилло-меѳодіевской старинѣ. Въ 1198 г. маркграфъ Моравскій Владиславъ Генрихъ положилъ основаніе новому Велеграду устройствомъ монастыря, въ который вскорѣ затѣмъ призваны были латинскіе монахи — цисцерціанцы. Эти цисцерціанцы, первоначально пришедшіе изъ Франціи, и начали собою ту страшную латинизацію Велеграда, которая постепенно и систематически проходитъ чрезъ всю исторію существованія велеградскаго цисцерціанскаго монастыря до 1784 г., и которая перешла затѣмъ въ послѣдующую эпоху, когда на мѣстѣ монастыря осталась «фара» (т. е. приходская церковь) со старою латинскою обстановкою и латинскими священниками. Въ новѣйшее время, обобранный и разгромленный въ 1784 г. велеградскій храмъ стали возстановлять, но, стараясь придать ему внѣшнее великолѣпіе бывшаго цисцерціанскаго, удерживаютъ и въ подробностяхъ возстановляютъ его внутренній характеръ опять прежній—цисцерціанскій. Новость состоитъ развѣ только

въ томъ, что въ храмѣ по сторонамъ главнаго алтаря (престола) стоятъ двѣ статуи св. Кирилла и Меѳодія съ особенностями латинскихъ изображеній. Въ недавнее время, а именно въ 1881 г., принесена въ новый Велеградъ малѣйшая частичка мощей св. Кирилла, которую папа Левъ XIII подарилъ велеградскимъ паломникамъ для храненія ея въ мѣстномъ храмѣ: эту частичку въ настоящее время выставляютъ и показываютъ въ Велеградѣ благочестивымъ паломникамъ во дни чествованія св. Кирилла и Меѳодія. Но исторія этой частички очень темная: документальныхъ данныхъ объ ней нѣтъ, и въ Велеградѣ, равно какъ и въ самомъ Римѣ, знаютъ объ ней можетъ быть только съ 1881 г., когда именно нужно было папству и его поклонникамъ связать съ Римомъ дорогія славянству имена св. Кирилла и Меѳодія.—Таковы особенности въ церковной обстановкѣ новаго велеградскаго храма. Есть въ Велеградѣ еще другой любопытный памятникъ прошлаго: это—такъ называемая «Кирилка», небольшая церковь (съ однимъ престоломъ), находящаяся близъ сѣверныхъ стѣнъ бывшаго велеградскаго цистерціанскаго монастыря. Народное преданіе связываетъ ее съ воспоминаніями о времени дѣятельности св. Кирилла и Меѳодія въ Моравіи; но готическій стиль ея заставляетъ ученыхъ относить ея начало по крайней мѣрѣ къ XIV в. Вѣроятно, на этомъ мѣстѣ, или въ какомъ-либо другомъ ближайшемъ, находилась часовня или церковь, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Кирилки; но пришлые латинскіе монахи—цистерціанцы, вмѣсто древней «Кирилки», построили въ новомъ Велеградѣ опять новую Кирилку и, изгнавъ изъ употребленія это послѣднее названіе, дали ей опять названіе новое—по имени специально латинскаго праздника «Тѣла Господня» или «Вечери Господней». Съ этимъ именемъ Кирилка оставалась долго, пока совсѣмъ не была заброшена, въ особенности послѣ погрома на Велеградѣ въ 1784 г., въ царствованіе австрійскаго императора Іосифа II. Только въ недавнее время, въ 1863 г., Кирилка опять была возстановлена съ прежнимъ латинскимъ характеромъ и обстановкою. Посвящена она теперь во имя опять специально латинскаго праздника «трехъ королей» (6 января, когда въ православной церкви празднуютъ Богоявленіе или крещеніе Господне), поставлены въ ней по сторонамъ престола латинскія надписи, указывающія обновителя ея, латинскаго оломуцкаго архіепископа, кардинала Фридриха Фюрстенберга, и п. Впрочемъ, есть въ новой Кирилкѣ замѣчательное живописное изображеніе Спасителя, благословляющаго правою рукою по образу благословенія православной

церкви, а въ лѣвой держащаго книгу. Изображеніе это, можетъ быть, уцѣлевшее отъ древнихъ временъ, указываетъ на восточное происхожденіе. А еще болѣе говорить о востокѣ другая икона, находящаяся теперь въ Кирилкѣ, икона эта — православное изображеніе св. Кирилла и Меодія, присланное на Велеградъ въ [1869 года ко дню тысячелѣтія смерти св. Кирилла С.-Петербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго общества. вмѣстѣ съ этою иконою прислана была и лампада, которая въ настоящее время перенесена изъ Кирилки въ главный велеградскій храмъ. Кромѣ главнаго храма и такъ называемой Кирилки нѣтъ въ теперешнемъ Велеградѣ ничего болѣе или менѣе заслуживающаго вниманія: строенія большаго монастыря заняты теперь арендаторами отобранныхъ монастырскихъ имѣній и частію уже приспособлены къ новымъ хозяйственнымъ потребностямъ, а новыя обитатели — временныя рабочіе составляютъ почти исключительную паству вновь (съ 1784 г.) образовавшагося здѣсь прихода, если не считать прилегающей сюда небольшой деревни прежнихъ монастырскихъ поселенцевъ. Вообще грустную и невеселую картину представляетъ современный Велеградъ, а воспоминанія о его прошлой исторіи — исторіи гоненія его учредителей и обитателей противъ истиннаго Кирилло-Меодіевскаго духа дополняютъ и еще болѣе омрачаютъ непосредственное, личное тяжелое впечатлѣніе. Эти воспоминанія невольно навязываются на мысль при первомъ даже приближеніи къ новому Велеграду, около котораго уже рѣзко бросаются въ глаза статуи латинскаго св. Яна Непомука. Исторія канонизаціи этого святаго связана съ самыми скорбными страницами изъ лѣтописи страданій чешкоморавскаго народа: канонизованный въ началѣ XVIII в. вмѣсто излюбленнаго народнаго вождя Яна Гусса, боровшагося противъ латинизаціи чешкоморавской церкви, онъ естественно не имѣетъ ничего общаго съ кирилло-меодіевскими преданіями и поэтому его статуи способны возбудить въ каждомъ доброжелателѣ славянства чувство скорби и чувство искренняго сожалѣнія.

«Историческій Вѣстникъ» ко дню празднованія славянскихъ первоучителей помѣстилъ на своихъ страницахъ (март. кн.) статью проф. Кочубинскаго — *«Тысячелѣтіе славянскаго самосознанія»*. Въ этой статьѣ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что представлялъ собою славянскій міръ тысячу лѣтъ тому назадъ, и въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ сосѣднимъ латино-нѣмецкимъ народамъ. «Перенесемся въ Среднюю Европу за тысячу съ небольшимъ лѣтъ назадъ,

говорить авторъ. Она уже крѣпко охвачена славянами. Они прочно установились отъ устья Лабы (Эльбы, корень, можетъ быть, въ славянскомъ лабудъ, лебядь, съ эпитетомъ бѣлая) на сѣверѣ и вдоль Залы, мимо Чешскихъ горъ, горами Каринтіи и восточнаго Тироля, до впаденія Сочи на югѣ, у Адриатики, даже съ уклономъ на западъ, ибо западнѣе Аквилей и Града еще въ XII в. находимъ городъ *Velo-gradum*. Знаменитая долина средняго Дуная, сначала узкая межъ горъ чешской котловины и славянскихъ Альпъ Тироля и Штирии, а потомъ расширяющаяся до размѣра степей нашего южнаго края, была заселена славянами, еще, впрочемъ, не такъ давно (начало IX столѣтія) освободившимся отъ засидѣвшихся у нихъ азіатскихъ гостей—аваровъ. Долина—равнина искони богатая, плодородная—Токайская лоза ведетъ свою исторію отъ стараго Рима, она, естественно, рано привлекла благосклонное вниманіе и западныхъ, нѣмецкихъ, сосѣдей славянъ средней Европы. Дѣйствительно, въ то время, какъ Карлъ Великій хозяйничаетъ среди славянъ Балтійскаго поморья и на средней Лабѣ, испытываютъ грозу нѣмецкихъ вторженій и чешскіе славяне на верхней Лабѣ, а Баварія успѣваетъ подчинить себѣ славянъ въ Тирольскихъ и Каринтійскихъ Альпахъ и уже заходила въ сердцевину славянской территоріи въ средней Европѣ—въ Паннонію (край къ нынѣшнему Пешту). Спокойною беззаботною жизнью жилось однимъ славянамъ Дакіи—въ нынѣшней Трансильваніи. Глубоко ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что славяне, жившіе въ IX столѣтіи на среднемъ Дунаѣ и въ Трансильваніи, были варвары, дикари. Правда, о культурной жизни ихъ ничего не скажетъ исторія. Но гдѣ безмолвствуетъ человекъ съ своею скудною лѣтописью, знающейя обычно съ избранными міра, тамъ громко, во всеуслышаніе, глашаетъ языкъ: «тутъ жизнь была, тутъ жизнь цвѣла, только имѣяй уши слышати да слышать»... Если кто обратится къ языку мадьяръ, этихъ прямыхъ культурныхъ наслѣдниковъ славянъ средняго Дуная, онъ найдетъ, что вся масса словъ въ ихъ языкѣ, относящихся къ быту земледѣльческому, промышленному, социальному и государственному (а здѣсь и выражается духовная цѣнность народа), отъ бороны и молота и до воеводы и короля, принадлежитъ языку славянъ и на первомъ мѣстѣ—славянъ средняго Дуная и Трансильваніи. О той же мѣстной культурѣ свидѣтельствуетъ и другой языкъ—языкъ географическихъ именъ Трансильваніи.—Сравнительно легкая добыча славянъ обуславливалась не столько неблагоприятными данными природы, сколько образомъ ихъ политической жизни: уже старый византиецъ,

не безъ справедливой усмѣшки, замѣтилъ о нашихъ предкахъ, что они способны къ одному—жить по мелочамъ, дѣйствовать врозь. Но не смотря на свои успѣхи, нѣмецкій сосѣдь понималъ, что путемъ одного открытаго насилія, испытаннымъ путемъ огня и меча не легко привести къ итогу свои заявленные счеты съ славянами Средней Европы: они засѣли въ громадномъ краѣ—отъ Балта до Адрія, да и не мало ихъ. Сведеніе счетовъ облегчилось, когда Карлъ Великій заключилъ духовно-политическій союзъ съ римскимъ первосвященникомъ: союзъ двухъ мировыхъ силъ—папы, воскресившаго въ своей особѣ міровладычную идею языческаго Рима, и объявленной имъ новой Римской имперіи нѣмецкаго племени—открылъ надежнѣйшее орудіе порабоженія славянъ. Правда, уже раньше являлись межъ славянъ западные миссіонеры. Но судьба этихъ миссіонерскихъ попытокъ была жалка: проповѣдникъ постройтъ церковь, поставитъ священника; но вскорѣ славянская община возстаетъ, поднимаетъ крамолу, изгоняетъ священника и возвращается къ родной старинѣ. Не языческій фанатизмъ, не слѣпая ненависть къ христіанству руководили каждый разъ возстававшими общинами—нѣтъ, въ ихъ протестѣ противъ яко бы насаждавшихся сѣмянъ религіи любви лежала глубокая причина: она нехотя указана извѣстнымъ сотрудникомъ Карла Великаго, Алкуиномъ. Когда одинъ баварскій миссіонеръ (Арноль, архіеп. Зальцбурга) собирался на проповѣдь къ славянамъ средняго Дуная, Алкуинъ напутствовалъ его слѣдующими пожеланіями: будь глашатаемъ истины, милости, но не вымогателемъ десятины. Навию мотивированная въ началѣ правиломъ: чтобы молочка овечекъ не трогать, а довольствоваться однимъ, другимъ клокомъ шерсти, эта теоретическая десятина скоро стала иною на практикѣ, и отъ овечки бралась не только шерсть, но и шкурка. Эта-то десятина, эти безжалостныя вымоганія со стороны нѣмецкихъ проповѣдниковъ христіанской любви—вотъ что возмущало язычниковъ—славянъ. Но теперь эта ненавистная десятина стала неизбѣжной, всякій вооруженный протестъ—крамола ничтожнымъ, когда за латино-нѣмецкимъ попомъ прошелъ безчувственный нѣмецкій солдатъ съ инстинктами каннибала: оба общими силами защищаютъ свои позиціи, оба утверждаются крѣпко. Церковь порабощаетъ духовно и матеріально, имперія—политически, и обѣ дѣйствуютъ согласно, въ гармоніи. Плоды, и обильные, гармоническихъ дѣйствій церкви и имперіи обнаружались скоро. Уже въ 836 г., въ сердцѣ Панноніи, у Блатенскаго озера образуется нѣмецкій ленъ, для князя Прибины, измѣнившаго своимъ. Нѣмецкій дворъ непосредственно вмѣшивается въ дѣла другаго

сосѣднаго князя. Въ то же время Паннонія и Моравія, формально края христіанскіе, уже считались за сосѣдными нѣмецкими епархіями. Опасность полнаго политическаго порабощенія во очію, и она, естественно, сознается прежде всего среди тѣхъ славянъ, которые первые образовали у себя государство-славянъ Моравіи. Ихъ князь Ростиславъ, по совѣщаніи съ лучшими людьми, отправляетъ пословъ въ Константинополь—за христіанствомъ. Это было около 862 года. Послы не скрывали, что они и люди ихъ уже христіане, но что, смущаемые торгашескими пріемами проповѣди, они требуютъ проповѣдниковъ мысли, истины, а не десятины, которые сказали бы народу «всякую правду». Въ отвѣтъ на это моравское посольство, изъ Константинополя отправились къ славянамъ Моравіи и Панноніи два брата изъ Солоникъ, Кирилль и Меѳодій, образованные и испытанные миссіонеры. И братья сказали призывавшимъ дѣйствительно «всякую правду», явились тѣмъ, чѣмъ желали видѣть ихъ призывающіе—спасителями отъ духовнаго и политическаго порабощенія со стороны нѣмецкаго сосѣда. Но въ чемъ былъ ихъ рычагъ спасенія? Кирилль и Меѳодій объявили себя міру исповѣдниками истины, милости, чего напрасно добивались отъ своихъ лучшіе люди Запада, какъ Алкуинъ. Эта ихъ правда и христіанская любовь къ человѣку сказались прежде всего въ начатой братьями сейчасъ же организаціи церкви, но съ народнымъ языкомъ въ ней, какъ ея органомъ, для чего они занялись организаціей славянскаго письма для своей паствы, а затѣмъ переводомъ священнаго Писанія и нужнѣйшихъ церковныхъ книгъ. Этимъ положено было основаніе, краеугольный камень новой въ христіанствѣ письменности и литературѣ—славянской. Всякое насиліе было далеко отъ братьевъ. На склонѣ XIX ст. мы не въ состояніи, говоритъ авторъ, дать себѣ точнаго отчета въ томъ, что сдѣлали для нашихъ славянскихъ предковъ IX ст. св. братья и главнымъ образомъ св. Меѳодій, которому, по случаю смерти Кирилла, суждено было принять главнѣйшій трудъ по устроенію славянской церкви, славянскаго литературнаго языка и письменности: мы слишкомъ избалованы разнообразіемъ и изысканностію формы произведеній человѣческой мысли, слова, готовы забыть стариковъ. Но, если мы перенесемся на мѣста нынѣшняго Берлина, Парижа, за тысячу лѣтъ назадъ, то увидимъ не блестящую картину: здѣсь—топи и лѣса славянъ браниборскихъ, тамъ—едва подымающіеся интересы литературы и науки (самъ Карлъ Великій былъ едва грамотень). И вотъ—въ это самое время среди славянъ Моравіи и Пан-

ноніи является человекъ, который раскрываетъ передъ ними широко искусство письма, удачно прищипованнаго къ выраженію славянской рѣчи, и этимъ снабжаетъ ихъ навсегда могущественнымъ орудіемъ умственнаго развитія и самозащиты. Если бы подвигъ Меѳодія ограничивался одной этой педагогическою дѣятельностію, то и тогда заслуга его безсмертна въ исторіи славянъ. Но подвигъ Меѳодія выше: Меѳодій создаетъ цѣлую обширную письменность, живущую и понынѣ въ славянской православной церкви, создаетъ литературный языкъ, который, по времени первый въ Европѣ, съ изяществомъ и точностію передаетъ самыя глубокія и возвышенныя мысли христіанскаго ученія: славянскій переводъ священнаго Писанія, какъ онъ вышелъ изъ подъ пера Меѳодія, художественный, образцовый, ибо онъ близокъ къ своему греческому оригиналу и въ то же время свободный, благородный. Конечно, такой переводъ сразу явиться не могъ; но на медленной, продолжительной выработкѣ его, съ тщательными сличеніями, выправками, выработывался самый литературный языкъ, который тогда же былъ употребленъ Меѳодіемъ на осуществленія смѣлой мысли—о бокъ съ греческой и латинской церковной письменностію космополитическаго характера создать національную письменность—славянскую, но на точномъ основаніи той и другой, преимущественно же греческой. Являются въ славянскомъ переводѣ назидательныя слова отцевъ церкви, біографіи знаменитѣйшихъ подвижниковъ и дѣятелей христіанства, нравственно-философскіе сборники, сборники церковнаго права. Есть нѣкоторое основаніе полагать, что была сдѣлана попытка, въ подражаніе монастырской лѣтописи сосѣдней Германіи, создать свою лѣтопись, и первыя основанія знаменитой нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ», можетъ быть, нужно вести изъ Панноніи, а не просто изъ пасхальныхъ таблицъ Византіи. Но плодотворное, благое вліяніе разнообразной культурной, истинно христіанской дѣятельности св. Меѳодія среди славянъ Моравіи и Панноніи не ограничивается областію средняго Дуная: оно проходитъ и въ далекіе уголки славянскаго міра, вездѣ полагая основы для славянской народной церкви, полагая основы національной письменности, народнаго самосознанія. Такъ, первые памятники чешскаго языка—это глагольскіе памятники церкви св. Меѳодія (листки Киевскаго миссала и Пражскаго требника). Когда, спустя немного времени, славянская каѳедра Меѳодія была разнесена, и на ея развалинахъ водрузилъ свой побѣдный стягъ ликующій противникъ въ Прагѣ, когда вразумительныя слова гимна Меѳодія «Господи, помилуй» смѣ-

нились звуками «Kuge eleuson», пробужденное къ самосознанію чувство чешскаго народа ухватывается за послѣдніе остатки бывшей славянской церкви у себя, леплеть и грѣть ихъ — до лучшихъ временъ... Но и древнѣйшіе памятники нашей русской письменности связаны съ тѣмъ же общимъ источникомъ просвѣщенія — краемъ мораво-паннонскимъ: житіе чешскаго князя Вячеслава (ум. 936 г.), члпъ службы при перенесеніи его мощей въ 940 г. изъ Болеславы въ Прагу, сохранились только въ русскихъ рукописяхъ. Самыя знаменитыя паннонскія біографіи Кирилла и Меодія, въ ихъ старѣйшемъ видѣ, имѣются въ русскихъ копіяхъ — въ рукописи XII стол. Межь Панноніей и Києвомъ посредникомъ были Прикарпатскія земли, а Болгарія въ нашемъ раннемъ просвѣщеніи не при чемъ. Даже славяне, жившіе по бассейну Одры и Вислы, испытывали на себѣ просвѣтительное вліяніе церкви и языка св. Меодія: у такъ называемыхъ сербовъ — дужичанъ, этого послѣдняго остатка тѣхъ славянъ, христіанская терминологія (церковь, попъ и др.) изъ языка Меодія. Меодіева церковь была извѣстна и старымъ полякамъ, извѣстнымъ славянамъ «на Вислѣхъ». — Обстоятельства складывались самымъ благопріятнымъ образомъ для славянъ: дѣйствіе славянской проповѣди христіанства было сильно всюду. Дробныя славянскія племена, благодаря своей испоконной политической ползучести готовыя было уже стать навѣки рабочимъ матеріаломъ въ рукахъ циническаго, но умнаго сосѣда, призывались къ взаимному общенію, единенію, могущественнымъ словомъ народнои церкви, и на спасающій зовъ ея слышались одни радостные отклики. Видѣлось въ ближайшемъ будущемъ духовное обновленіе славянскаго міра, его мирное вступленіе въ великую общину христіанъ, перерожденіе его судьбъ... Но, можетъ быть, нигдѣ и никогда близорукость и инертность носителя свѣтской власти, т. е. дѣятельность единичнаго лица, не понимавшаго духа времени, потребности дня, не проявлялась, въ общей жизни народа, въ такихъ губительныхъ послѣдствіяхъ, какъ это было съ моравскимъ княземъ Свѣтополкомъ въ его безучастныхъ отношеніяхъ къ Меодію и къ созданному имъ его великому дѣлу славянской церкви и славянскому просвѣщенію. Эта поражающая насъ, отдаленныхъ потомковъ, безучастность князя къ судьбѣ «великаго гражданина Моравской земли» сказалась не только въ покорномъ допущеніи самоуправнаго, незаконнаго вверженія его знаменитаго святителя въ баварскую тюрьму на три года со стороны злобствовавшихъ сосѣднихъ епископовъ Германіи, — это предводительный актъ,

но еще больше въ добровольномъ и предупредительномъ преданіи себя въ распоряженіе своихъ лисьихъ совѣтниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ викарій Меоодія, Вихингъ, будущій канцлеръ нѣмецкой имперіи. Дѣло имперіи было сдѣлано: защита ея интересовъ была проведена съ художествомъ. Умирающій Меоодій, на зарѣ 6-го апрѣля 885 г., во вторникъ страшной седмицы, избралъ въ преемника себѣ образованнѣйшаго изъ своихъ учениковъ, Горазда, уроженца Моравіи и высокаго происхожденія; но Горазду дѣйствовать долго не пришлось на нивѣ родной. Вихингъ съ своею игрушкою, княземъ Святополкомъ, не для того боролся противъ Меоодія съ такою энергіею и съ рискомъ для себя, чтобы его избранному преемнику оставить поле битвы, а самому отступить: въ Гораздѣ продолжалъ жить Меоодій. И Вихингъ является предъ Святополка съ новой, поражающей насъ своимъ содержаніемъ буллою папы Стефана V. Допускаемъ, что она добыта была путемъ наговоровъ и лжи, но она имѣла страшные практическіе результаты. Она уполномочивала «любезнѣйшаго собрата» Вихинга строго бдѣть надъ посяянными «заблужденіями» отъ покойнаго Меоодія и особенно надъ противящимися и упрямыми разносителями «плеведь»: ихъ выбросить изъ лона церкви и угнать далеко, далеко за предѣлы державы Святополка. Говорить ли, кто здѣсь подразумѣвается?.. Естественно, Гораздъ съ своими товарищами. Они уже еретики. Горазду и его многочисленнымъ товарищамъ и дѣятелямъ по созданію славянской церкви и славянскаго просвѣщенія былъ скоро указанъ путь вонъ изъ Моравіи, данъ обязательный маршрутъ спуститься по Дунаю, и мощи Горазда почіють доселѣ въ глухой Албаніи. Болгарія и Кіевъ приняли въ себя результаты великой исторической дѣятельности Меоодія, приняли его «стадо святое, ходящее по землѣ чуждой», выражаясь словами священной пѣсни его учениковъ, и—дали плодъ сторицею».

Заключивъ свое обозрѣніе въ настоящей разѣ статью: «*Мысли бѣлорусса о Братствахъ*»,—помѣщенною въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за м. мартъ. Авторъ даетъ историческій очеркъ дѣятельности древнихъ православныхъ Братствъ, существовавшихъ въ Западной Россіи съ XV в. и далѣе. Изъ этого очерка онъ приходитъ къ выводу, что древнія Западно-русскія Братства, какъ то подтверждаетъ исторія Православной Церкви въ Западной Россіи множествомъ документальныхъ данныхъ, имѣли чрезвычайно важное значеніе какъ оплотъ православія и русской народности среди пришлыхъ иновѣрцевъ, преимущественно римско-католиковъ съ іезуитами во главѣ. Эти послѣдніе,

когда западно-русскій край попалъ подъ власть Польша, затѣяли цѣлый рядъ преслѣдованій ни въ чемъ неповиннаго народа: предали поруганію св. православную вѣру, духовенство и церкви, которыя отдавались въ арендное содержаніе евреймъ, отняли всякое право и значеніе у православнаго народа и духовенства, отнимали имущества, обременяли народъ непосильными налогами и постепенно довели его до нищенскаго рабскаго состоянія. Но православный народъ не упалъ духомъ, а еще тѣснѣе сплотился около своихъ святынь; уповавъ на милость и помощь Божию и для своей защиты и противоборства учредилъ повсемѣстно православныя церковныя Братства, цѣлью коихъ было охранять церкви и ихъ достояніе, чистоту православнаго ученія и религіозно-правственнаго быта своихъ единовѣрцевъ. И эти Братства въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій сохранили вѣру и народность во всемъ западно-русскомъ краѣ. Послѣ, во время польскаго возстанія въ 1863 г., тѣ же Братства опять оказали большую помощь въ благоустройствѣ церквей и церковно-приходскихъ школъ, возобновивъ и укрѣпивъ въ дѣлахъ родной вѣры ту Братскую взаимную связь, любовь и единеніе, которыя возбудили духъ христіанской ревности ко благу святой Церкви и чадъ ея. Въ виду такой плодотворной дѣятельности Братствъ, въ 1864 г. правительство, признавая пользу, а въ западныхъ губерніяхъ даже необходимость возобновленія дѣятельности церковныхъ Братствъ, рѣшилось дать имъ болѣе прочную и опредѣленную организацію и указать условія, которыя могутъ быть нужны для разрѣшенія учрежденія и возстановленія церковныхъ Братствъ, чѣмъ были уничтожены существовавшія здѣсь прежде произвольность и случайность. Тогда же гг. министромъ внутреннихъ Дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода были составлены основныя правила для учрежденія православныхъ церковныхъ Братствъ. Вслѣдъ за изданіемъ этихъ правилъ отчасти возобновили свою дѣятельность ранѣе учрежденныя Братства, отчасти были основаны новыя въ различныхъ мѣстахъ Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ уже успѣли заявить себя съ самыхъ лучшихъ сторонъ. Такъ Виленское Свято Духовное Братство уже успѣло въ незначительное сравнительно время принести не мало пользы православно-русскому дѣлу въ краѣ, давъ многимъ бѣднымъ церквамъ, народнымъ школамъ и учрежденіямъ помощь и поддержку, оказавъ возможныя пособія значительному числу лицъ, присоединившихся къ православной церкви, и многимъ бѣднымъ православнымъ, преимущественно вдовамъ съ малолѣтними дѣтьми, содержа на свои средства дѣтскій пріютъ и женскую смѣну при

одномъ изъ приходскихъ училищъ, и наконецъ издавая сочиненія религіозно-нравственнаго содержанія въ духѣ православной церкви и помогая бѣднымъ учащимся (отчетъ Братства за 1884 годъ). Въ томъ же направленіи шла дѣятельность и другихъ Братствъ. А въ послѣднее время на нѣкоторыя изъ нихъ, напр. на упомянутое уже Виленское Свято духовское, возложена еще чрезвычайно важная и сложная обязанность завѣдывать всѣми церковно-приходскими школами епархіи въ качествѣ епархіальнаго училищнаго совѣта. Надо надѣяться, что и въ этомъ отношеніи Братства оправдаютъ ожиданія всѣхъ, сочувствующихъ ихъ стремленіямъ и цѣлямъ. Однакоже въ настоящее время при всѣхъ приходскихъ церквахъ западнаго края существуютъ Братства только номинально, такъ что дѣятельность ихъ на пользу церкви и прихода ничѣмъ особеннымъ не выражается. Между тѣмъ если бы имъ дана была правильная организація, они могли бы быть живыми и полезными дѣятелями въ чертѣ дацкой мѣстности; но для этого необходимо, чтобы образованныя сословія, особенно духовенство, принимали болѣе живое участіе въ дѣятельности Братствъ. Между тѣмъ, нѣкоторые священники и чиновники, прибывшіе на службу въ Западный край изъ великорусскихъ губерній послѣ 1883 года всѣми мѣрами старались уничтожить въ сельскихъ приходсахъ существующія Братства, не виданныя ими въ остальной Россіи. Такимъ образомъ, говоритъ авторъ, у насъ много было уничтожено древнихъ памятниковъ народнаго творчества и благочестивыхъ обычаевъ. Логика жизни, продолжаетъ онъ, и наука требуютъ, чтобы къ историческимъ памятникамъ и народнымъ преданіямъ относились съ уваженіемъ и съ почтеніемъ къ тому народу, который не смотря на четырехъ вѣковую религіозную борьбу подъ гнетомъ Польши умѣлъ сохранить о нихъ добрую память. Братства эти слѣдуетъ не расформировывать, а возстановить, оживить и дать имъ силу и значеніе не только изъ уваженія къ исторической ихъ заслугѣ, но и для пользы Церкви и православнаго народа. Къ этому вызываютъ слѣдующія обстоятельства, какъ думаетъ авторъ. Послѣ того какъ милостію царскою народъ освобожденъ отъ крѣпостной зависимости, быть его преимущественно матеріальный, повидимому сталъ улучшаться, но такъ какъ къ этой свободѣ народъ нашъ всетаки не былъ предварительно подготовленъ, то не вездѣ ею разумно и пользуется. Вслѣдствіе этого постепенно среди народа развиваются тѣ слабости, которыя не были свойственны его предкамъ въ такомъ ужасномъ размѣрѣ и такъ насъ, очевидцевъ, поражающемъ; а именно:

своеволіе, разгуль, страшное пьянство, побоища и убійства, неуваженіе къ родителямъ и старшимъ, развитіе кулачества и міроѣдства, расточительность, неуваженіе къ собственности ближняго, вообще упадокъ нравственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и упадокъ религіи и т. п., словомъ, постепенное развитіе безнравственности въ народѣ, такъ что и новая наша прогрессивная школа народная, основанная якобы на самыхъ велемудрыхъ началахъ и существующая уже двадцать лѣтъ для возрожденія народа, не только оказалась безсильною дать доброе и разумное направленіе народу, уяснить и улучшить бытовую жизнь его, но еще мѣстами посѣяло тѣ тлетворные плевелы вѣка сего, съ которыми нашъ народъ по милости Божіей еще не былъ знакомъ. Въ такихъ слабостяхъ и недостаткахъ народа обвиняють духовенство, будто бы неспособное назидать, вразумлять, предостерегать и вообще охранять народъ отъ гибельной порчи. Но духовенство всегда съ готовностію отзывалось на запросы времени и жизни, всегда съ живымъ сочувствіемъ относилось ко всѣмъ мѣропріятіямъ правительства, направленнымъ къ возвышенію умственнаго и нравственнаго уровня народа, охотно содѣйствовало этимъ мѣропріятіямъ, а иногда цѣликомъ проводило ихъ въ жизнь. И народъ видѣлъ все это, а потому привыкъ видѣть въ священникѣ перваго своего совѣтника и друга. Но бѣда была въ томъ, что такая дѣятельность духовенства рѣдко находила себѣ сочувствіе и содѣйствіе со стороны интеллигентныхъ классовъ и вообще лицъ близко стоящихъ у власти. Оттого весьма часто въ осуществленіи самыхъ прекрасныхъ реформъ, клонящихся ко благу народа, между дѣятелями и исполнителями появлялся разладъ, оказывалось отсутствіе солидарности и единства не только дѣйствій, но и воззрѣній: Священникъ говорилъ народу одно, посредникъ — другое, мировой судья — третье и т. д. Отсюда, естественно, народъ долженъ былъ растеряться въ этомъ хаосѣ мнѣній, сужденій и понятій и потерять довѣріе ко всѣмъ и каждому; съ другой стороны легко сталъ внимать всякимъ лжеученіямъ и толкамъ, порожденнымъ тлетворнымъ вѣяніемъ вѣка. Чтобы возстановить нарушенное такимъ образомъ равновѣсіе во всѣхъ сферахъ общественной жизни, чтобы возстановить утраченное единство и затѣмъ открыть для всѣхъ путь къ истинному прогрессу, требуется проникнуться мыслию и убѣдить народъ, что всѣ мы съ нимъ единомысленны, у всѣхъ насъ одно и то же просвѣщеніе, одна и та же полезная всѣмъ книга науки, одна и та же вѣра и т. д., словомъ, одни и тѣ же стремленія и цѣли. Но вотъ вопросъ: гдѣ найти точку опоры, тѣ мѣста и учрежденія, въ кото-

рыхъ могъ бы успокоиться духъ нашъ и могла бы сосредоточиться общность нашихъ интересовъ ко благу церкви, государства и народа? Для этой цѣли, по мысли автора, и могли бы служить православныя церковныя Братства; они бы и могли быть выразителями идеи общности нашихъ интересовъ во имя Св. Церкви, отечества и народа не только въ принципѣ и теоріи, но и на дѣлѣ. Въ составъ этихъ Братствъ должны войти всѣ безъ исключенія сословія отъ вельможи до поселянина включительно, дабы и сей послѣдній на дѣлѣ убѣдился, что у всѣхъ цѣли и стремленія ко благу народа одни и тѣ же, и живѣе воспріялъ бы благодѣянія, которыя правительство предлагаетъ для его возрожденія. Въ братскихъ собраніяхъ могъ бы происходить общій обмѣнъ мыслей и стремленій и основаться тотъ гармоническій братскій союзъ, который необходимъ для исполненія нашей общей задачи на пользу отечества. Лишь православныя церковныя Братства могли бы возстановить истинно-христіанскую жизнь, жизнь вѣрную основнымъ принципамъ православной Церкви и Русскаго государства. При взаимномъ братскомъ общеніи всѣхъ сословій и обоюдномъ вліяніи скоро изгладились бы и недостатки всѣхъ сословій: духовенство въ своей дѣятельности воспрянуло бы и ожило, ободряемое вліяніемъ, сочувствіемъ, содѣйствіемъ и примѣромъ передовыхъ сословій и поддержкой своей же паствы, а многіе лица интеллигентныя, образованныя пріобрѣли бы то, что потеряли въ своемъ временномъ заблужденіи, особенно если бы нравственное вліяніе Братствъ распространилось на всѣ сферы общественной жизни и дѣятельности. Указавши далѣе важность и значеніе въ исторіи славянъ вообще и русскаго народа въ частности просвѣтительныхъ трудовъ Кирилла и Меодія и необходимость самаго широкаго изученія и примѣненія къ жизни оставленнаго ими намъ церковно-славянскаго языка, которому мы такъ много обязаны, авторъ высказываетъ убѣжденіе, что такая задача не была бы возможна для выполненія односторонними силами, но за то легко достижима для общебратскаго союза. И авторъ вполне увѣренъ, что знаменитые роды русскихъ князей, бояръ, вельможъ, предки коихъ съ такою честью служили пользѣ Россіи, равно какъ именитые лица и чины разныхъ вѣдомствъ, званій и состояній, представители науки, школы, печати, земства и всѣ, кому дорого благоденствіе Россіи, съ братскою любовью и живымъ участіемъ протянуть руку помощи для столь высокой и святой цѣли и въ братскомъ союзѣ взаимопомощи составить то одно величественное цѣлое, которое съ Божіею помощію вольетъ жизненный бальзамъ во всѣ наши хроническіе недуги и въ тоже время составитъ перуко-

творенный памятникъ памяти свв. Кирилла и Меодія отъ благодарныхъ сыновъ Россіи. Они были братьями по духу и плоти, уподобимся же имъ и мы въ союзѣ братской любви. Авторъ далѣе надѣется, что первопрестольная Москва первая сдѣлаетъ починъ открытіемъ съ этою цѣлью православнаго церковнаго Кирилло-Меодіевскаго Братства въ годъ 1000-лѣтняго ихъ юбилея, а за нею всѣ грады и всей Россіи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ были бы центральными Братствами: Московское для внутреннихъ губерній, Петербургское — для сѣверныхъ, Кіевское — для южныхъ и Виленское Св.-Духовское — для западныхъ губерній; къ нимъ же какъ вѣтви къ одному дереву, примкнуть Братства во всѣхъ епархіальныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, во всѣхъ сельскихъ приходахъ и монастыряхъ, а также непременно при всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ только существуютъ церкви, и не номинально законоучители для братскихъ заботъ о цѣлесообразномъ воспитаніи и развитіи душевныхъ и тѣлесныхъ силъ ихъ питомцевъ. Если бы могъ основаться у насъ такой общій и повсемѣстный союзъ-братскій подъ покровомъ православной церкви, ради общихъ намъ насущныхъ интересовъ вѣроисповѣдныхъ, отечественныхъ и народныхъ, то—думаетъ авторъ: а) среди насъ и народа нашего не существовало бы тѣхъ недоумѣній, разрозненности и фальши, которыя парализуютъ всѣ добрыя начинанія въ видахъ правильнаго, скорого и прогрессивнаго возрожденія и развитія нашего младенчествующаго народа; б) не было бы столь удобной почвы для развитія безнравственности, разныхъ лжеученій, толковъ и сектъ; в) не было бы столь свободной арены для необузданныхъ вольнодумцевъ и враговъ церкви и государства, проповѣдующихъ и проводящихъ въ печати, обществѣ и жизни разныя сумасбродства и утопіи и тѣмъ бѣзнящихъ неискусившуюся и неопытную нашу молодежь; г) не было бы вовсе мѣста той подпольной крамолѣ, которая своими адскими злодѣяніями опозорила Россію и насъ, сыновъ ея, такъ какъ въ разслабленной лишь и разрозненной семьѣ могутъ рождаться подобныя изверги; д) если мы всѣ это чувствуемъ и сознаемъ, то слѣдуетъ серьезно всѣмъ подумать о благовременной помощи, а не надѣяться на законъ, власть и силу, когда въ насъ самихъ, какъ въ чадахъ Христовой церкви, должно созидаться благоденствіе церкви и отечества. Свою статью авторъ заключаетъ выраженіемъ готовности пожертвовать свою посильную лепту въ основной капиталъ Братствъ, открытія которыхъ онъ такъ желаетъ.

Библиографическій указатель. Литература о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ, просвѣтителѣхъ славянскихъ.

съ приложеніемъ перечня историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ правительственныхъ и общественныхъ Архивахъ и Библиотекахъ.

І. Рукописи.

Въ *Архивъ Новгородской Духовной Семинаріи* хранится гимнъ, посвящ. свв. Кириллу и Меѳодію. Кѣмъ былъ написанъ этотъ гимнъ и къ какому времени онъ относится, неизвѣстно.

Въ *рукописяхъ* Новгородской Софійской бібліотеки, принадлежащихъ теперь *Петербургской Духовной Академіи*, недавно найдена «Азбучная молитва св. славянскаго апостола Кирилла (Константина), въ списекъ XVI вѣка. Памятникъ этотъ представляетъ довольно любопытное явленіе въ старо-славянской литературѣ; но вышелъ ли онъ изъ-подъ пера самого св. изобрѣтателя славянскихъ письменъ Кирилла—остается пока нерѣшеннымъ. Особенность этой молитвы состоитъ въ томъ, что каждой буквѣ алфавита соответствуетъ стихъ молитвы, начинающійся непременно съ той буквы, противъ которой стоитъ.

Въ *монастырѣ св. Пантелеймона на Авонѣ* хранится пергаменная рукопись, въ которой помѣщенъ тропарь св. славянскимъ первоучителямъ Кириллу и Меѳодію, отличающійся значительною своеобразностью, по сравненію съ тропаремъ, нынѣ изданнымъ С.-Петербургскимъ Славянскимъ благотворительнымъ Обществомъ.

Сказаніе како состави св. Кириллъ Словеномъ писмяна противу языку.— Ср: листы: 228—232. Сборникъ разн. почерковъ XV и
Отд. III. май. 1

XVIII вѣковъ, іп 4^о на 323 лл. № 603—1111 Библиотека Москов. Главн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ.

Примѣч.: Нач: прежде убо Словене не имѣху писмень... Напеч., у Калайд. въ I. Екс. Болг. стр: 189.

Молитва Константина философа, нарицаемаго Кирилла съ творена Азбукою. Ср: листы 501 и 502. Рукопис. полууставн. XVI вѣка, іп 4^о на 543 лл. № 478—958 хранится въ тойже Библиотекѣ.

Примѣч.: Нач. А. Азъ словомъ симъ помолюся Богу. Напечатано въ концѣ Кирилла и Меѳодія Г. Добровскаго, перев. М. Погодинымъ. М. 1825 г. іп 4^о съ большими отличіями противъ сего списка.

Что есть философія? ср: листы 519—531 тамъ-же.

Примѣч.: Нач. Божіимъ человѣческимъ бытіемъ разумъ... (См. каталогъ Востокова) напечатано въ книгѣ Кириллъ и Меѳодій Добровскаго, перев. М. Погодинымъ. М. 1825 г. стр. 110 и слѣд. (см. Ст. Горскаго о житіи Кирилла и Меѳодія).

Полууставная рукопись XVII вѣка, іп 4^о на 593 лл. содержитъ книгу глаголемую *Цалею*. Въ 131 й главѣ; въ концѣ оной листъ 568. Во святыхъ отца нашего *Меѳодія* Епископа Патарскаго слово о Царствіи языковъ послѣднихъ временъ... № 448—916 хранится тамъ же.

Сборникъ полууставн. XV вѣка іп 4^о на 202 листахъ, № 332—712 хранится тамъ-же, листы 1 и 2, 175—178 об. и 181 об. приведены выписки изъ Меѳодія Патарскаго.

Сборникъ скорописн. половины XVII вѣка, на 616. листахъ, содержитъ книгу глаголемую Меѳодія Памфилійскаго или Патарскаго въ 7-ми словахъ, іп 4^о № 296—675, хранится тамъ-же.

II. Книги на русскомъ языкѣ.

Кириллъ и Меѳодій, Словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе Юсіфа Добровскаго. Перев. съ нѣмецкаго М. Погодина. Москва, въ тип. С. Селивановскаго. 1825 г. іп 4^о. Изд. Коммиссіи печатан. Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, состоящ. при Москов. Главн. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

Въ концѣ приложены: житія словенскихъ учителей Кирилла и Меѳодія, изъ прологовъ, и отрывокъ о Кириллѣ изъ одного хронографа.

Слово въ недѣлю Ваій св. Меѳодія, Епископа Патарскаго. Христіанск. Чтеніе. 1837 г. II. 8.

Болгарскіе книжники, или какому славянскому племени собственно принадлежитъ Кирилловская азбука? В. Априлова. Одесса 1841 г.

- 1) Журн. Мин. Народн. Просв. 1842 г. ч. 33, отд. 6 стр. 93—99.
и 2) Сынъ Отеч. 1842 г. ч. I. Кн. 2. Отд. 6, стр. 1—8 и ч. 2
№ 3, отд. 6, стр. 12—13.

Дѣйствительно-ли Св. Кирилль Солунскій авторъ латинскихъ Апологовъ (Притчей). П. Лавровскій. Журн. Мин. Народн. Просв. ч. СXXXIX.

Кирилль и Меодій, Славянскіе просвѣтителі, сочиненіе Филарета, епископа (прежде) Рижскаго. М. 1846 г. in. 8°.

Кирилль и Меодій.—Славянскіе просвѣтителі.—Филареть, еписк. Рижскій. Чтенія Общ. Истор. и Древн. Рос. 1846—47 г. кн. IV. 1—28. Кн. V стр. 29—30.

О древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меодію. А. Горскаго. Творен. Св. Отцевъ. 1856 г. XV.

Житіе и труды преподобныхъ отецъ нашихъ Меодія и Константина, нареченнаго Кирилла, епископовъ Моравскихъ, учителей Славянскихъ. Заимствовано изъ Минеи-Четьи. Спб. Синодальной тип. 1856 г. 68 стр. in 8°. (На церковно славян. языкѣ).

О древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меодію. См. прибав. къ твор. Св. Отц. въ русск. перев. т. XV (кн. I). 1856 г. стр. 33—48.

Рец. въ Жур. Мин. Н. Пр. ч. XC. (№ 6), отд. VI стр. 107—108.

Святый Меодій, епископъ Патарскій († въ царств. Діоклитіана). См. прибав. къ Твор. Св. Отц. въ рус. перев. ч. XVI. 1857 г. стр. 158—209.

Житіе преподобныхъ Кирилла († 869 г.) и Меодія, просвѣтителей Славянъ. См. житіе св. русск. церк. мѣс. февр. стр. 137—220.— (Выписано изъ двухъ рукописныхъ Минеи Сергіевой Лавры №№ 8 и 94).

Св. Меодій, епископъ Патарскій. С. Модестова. Творен. Св. Отцевъ. 1857 г. XVI.

Предисловіе св. Кирилла, просвѣтителя Славянскаго къ переводу Евангелія А. Θ. Гильфердинга. Русск. Бесѣда. 1858. I, годъ III, кн. 9-я. отд. II, стр. 108—116. О рукописи, писанной Сербскимъ уставомъ XIII вѣка.

О Глаголитахъ или Славянахъ, имѣющихъ богослуженіе на Славянскомъ языкѣ, но по Римскому обряду. В. В. Духовная Бесѣда, т. VII. 1859 г. №№ 38 и 39, стр. 391—406, 430—441.—Свѣдѣнія о состояніи о исторіи глаголитскихъ богослужебныхъ книгъ и вообще глаголитовъ, изъ исторіи славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меодія и славянскаго богослуженія, изданной докторомъ I. А. Гинцелемъ въ 1857 году, съ замѣчаніями относительно тѣхъ мнѣній, съ которыми нельзя согласиться.

Къ которому, году Св. Писаніе переведено св. Кирилломъ и Меѳодіемъ на славянскій языкъ? Свящ. Н. Оглоблина. Руков. для сельск. Пастыр. 1860 г. т. I. № 16 стр. 420—436.

Замѣтка (о празднованіи тысячелѣтней годовщины Кириллу и Меѳодію). Е. К. Руков. для сельск. пастырей, 1860 г. т. I. № 2, стр. 56—58.

Древне-славянскій памятникъ, дополняющій житіе Словенскихъ Апостоловъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія. В. Григоровича. Учен. Зап. Имп. Казанс. Унив., т. I. 1862 г. вып. I отд. I стр. 1—11 и стр. 1—29. (Отд. отт. Казань въ Унив. Тип. 1862 г. in 8° 29 стр.).

Житіе и труды преподоб. отецъ нашихъ Меѳодія и Константина, нареченнаго Кирилла. Москва въ Синодал. тип. 1862 г. in 8°, 56 стр.

Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. (Въ память тысячелѣтія славянской грамоты и перевода библіи на славянскій языкъ) И. В., Платонова, съ примѣчаніями Духовн. Вѣстн. т. II. 1852 г. № 6—8, стр. 281—310, 311—356, 545—611. (Отд. оттискъ. Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Соч. И. Платонова, написанное въ честь и похвалу блаженнымъ изобрѣтателямъ славянской грамоты, по поводу истекающаго, въ настоящемъ 1862 г., тысячелѣтія совершеннаго ими ея изобрѣтенія равно и перевода книгъ Св. Писанія на славянскій языкъ. Харьковъ, въ Универ. тип. 1862 in 8°, 76 и 58 стр.).

Дѣятельность свв. Константина (Кирилла) и Меѳодія среди еракійскихъ, македонскихъ и болгарскихъ славянъ. Сочиненіе студента Историко-филологическаго факультета Ив. Пигулевскаго, удостоенное золотой медали Унив. Извѣст. (Кіевск.) 1862 г. № 5 приложение стр. 1—44. (Отд. отт. Кіевъ, въ Универ. тип. 1862 г. 8° 44 стр.).

О жизни и трудахъ св. Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянскихъ. Ѳ. Лебединцева. Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1862 г. № 16.

Святые Константинъ (нареченный Кириллъ) и Меѳодій, учителя славянскіе. Ив. Бѣляевъ, стр. 331—363. Душеполезное Чтеніе 1862 г. Августъ.

О св. просвѣтителяхъ славянъ Кириллѣ и Меѳодіѣ, какъ изобрѣтателяхъ славянской грамоты Прибавл. къ Подольск. Епарх. Вѣдом. 1862 г. № 11 стр. 336—339.

Празднованіе въ Москвѣ памяти св. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Странникъ, т. II. 1862 г. кн. 6, отд. IV, стр. 205—209.

Празднованіе памяти Кирилла и Меѳодія въ Москвѣ. Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1862 г. № 12 стр. 427—430.

11 Мая въ Москвѣ. (Празднованіе въ память святыхъ первоучителей и апостоловъ славянскихъ—Кирилла и Меѳодія). День. 1862 г. № 33.

По случаю исполненія тысячи лѣтъ славянской библіи, перевода святыхъ Кирилла и Меѳодія. Свящ. Николая Оглобина. Руковод. для Сельск. Пастырей. 1862 г. т. III №№ 38 и 42 стр. 65—80, 231—248.

О Кириллѣ и Меѳодіи и тысячелѣтней ихъ годовщинѣ (письма къ редактору) А. Гильфердинга. День. 1862 г. №№ 25. 28—31.

Дѣятельность свв. Константина (Кирилла) и Меѳодія среди Фракійскихъ, Македонскихъ и Булгарскихъ Славянъ. Пугилевского. Кіевъ. 1862 г. in 8°.

Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Духовн. Вѣстн. 1862 г. іюнь—августъ.

Кириллъ и Меѳодій какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ. Харьковъ 1863 г. in 8°.

О славянской библіотекѣ Кирилла и Меѳодія, основанной студентами въ Кіевѣ. День. 1863 г. № 1 тоже. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. СХVII (№ 2) отд. VI стр. 116—118.

Св. Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ. Соч. П. Лавровскаго. Харьковъ. 1863 г. Отчетъ о 7-мъ при сужд. нагр. гр. Уварова, (статья О. Бодянскаго).

Празднованіе преподобнымъ Кириллу и Меѳодію и пѣснь канона въ честь имъ, составленная Филаретомъ м. московскимъ. Душеполезн. Чтеніе 1863 г. II, 5, 83—86.

Святые Кириллъ и Меѳодій, словенскіе первоучители. М. П. Погодина. Русск. Вѣдом. 1863 г. № 1, 3, 4 и 7.

Отрывки изъ разсужденія о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, читаннаго предсѣдателемъ М. П. Погодинымъ, въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 11 мая. Москов. Вѣдом. 1863 г. № 135.

Св. Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники и учителя у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ. П. А. Лавровскаго. Духовн. Вѣстн. 1863 г. т. V, (май—августъ) стр. 83—141, 155—252, 315—422, 475—579, т. VI, (сентябрь—ноябрь) стр. 1—86, 135—

270. (Отд. отд. Харьковъ, въ Университ. тип. 1863 г. in 8° VII и 588 стр).

Святые Кириллъ и Меѳодій просвѣтителѣ Славянъ. К. Петрова. Оло-нецк. губ. Вѣдом. 1863 г. № 21 тоже Смоленск. губ. Вѣд. № 29.

Святые Меѳодій и Кириллъ, просвѣтителѣ славянскіе. Пр. К—въ, Полтав. Епарх. Вѣдом. 1863 г., ч. неофф. т. I, №№ 11 и 12 стр. 417—426, 457—471.

По поводу памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія. Ѳ. Буслаева. Москов. Вѣдом. 1863 г. № 101.

Извлеченіе житія Св. Отцевъ Кирилла и Меѳодія, изъ Четирхъ Миней св. Димитрія Ростовскаго Н. Г. Симб. Губ. Вѣдом. 1863 г. №№ 22—25, 27 и 29.

Въ память славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія. Кіевскій Телегр. 1863 г. № 42. стр. 170—171.

Память святыхъ Меѳодія и Кирилла въ Россіи и у насъ въ Полтавѣ. Пр. К—въ. Полтавск. Епарх. Вѣдом. 1863 г., ч. неофф. т. I. № 10 стр. 404—410.

О празднованіи въ честь святыхъ Меѳодія и Кирилла 11 мая. Правосл. Обзор. 1863 г. т. X, (№ 4) отд. II, стр. 224—230.

Празднованіе преподобнымъ Кириллу и Меѳодію 11 Мая. Душеполезн. Чтен. 1863 г. ч. II, май, отд. I, стр. 83—86.

Духовная новость. (Изданіе службы свв. Кириллу и Меѳодію) Николая Сушкова. Душеполезн. Чтеніе, 1863 г. ч. I, (мартъ) отд. II, стр. 105. Также Правосл. Обзор. т. X. (№ 3) отд. II, стр. 172—173. Прибавл. къ Тамбов. Епарх. Вѣдом. № 10 стр. 284.

По поводу праздника въ честь славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія. Безсараб. Обл. Вѣдом. 1863 г. № 19.

Празднованіе дня памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія въ Новгородской духовной семинаріи (11 мая). А. Громачевскаго. Дух. Бесѣда 1863 г. т. XVIII. № 22 стр. 146—153, тоже прибавленіе къ Калуж. Епарх. Вѣд. № 10 стр. 179—182.

Празднованіе въ честь св. учителей славянскихъ въ Новгородской духовной семинаріи. Странникъ. 1863 г. т. II (май) отд. IV, стр. 52—56.

О празднованіи памяти св. Кирилла и Меѳодія, письма: изъ Бѣлгорода (Курск. губ.) Петербурга и Петрозаводска. День. 1863 г. № 20 и 21.

По поводу тысячелѣтней годовщины свв. Кирилла и Меѳодія. Велешанина. День. 1863 г. № 18.

Тысячелѣтіе славянской письменности. Олонец. губ. Вѣдом. 1863 г. № 19.

Слово въ день св. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянскихъ. (Сказ. 11 мая 1863 г. въ Кіев. Соф. Каедр. Соборѣ свящ. А. Колосовымъ). Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1863 г. № 11 отд. II, стр. 303—311.

Слово на день св. равноапостольныхъ учителей славянскихъ Меѳодія и Кирилла въ 1863 году. Свящ. А. Колосова. Руков. для сельск. пастыр. 1863 г. т. II, № 20, стр. 77 --- 86. Тоже Странникъ т. II (май), Отд. IV, стр. 46—52.

Слово къ славянамъ, въ день празднованія тысячелѣтія пришествію св. Кирилла и Меѳодія въ землю славянскую, произнесенное протоіереемъ Михаиломъ Раевскимъ въ церкви Императорскаго Россійскаго посольства въ Вѣнѣ. Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1863 г. № 12, отд. II, стр. 347—353. Тоже Правосл. Обзор. т. XI (№ 5), отд. I, стр. 1—7.

Письмо изъ Рима (о раскольникахъ въ базиликѣ св. Климента съ цѣлію отыскать мощи св. Кирилла) А. П. Духовн. Бесѣда 1863 г., т. XIX, № 46, стр. 475—481.

Къ восточной или западной церкви принадлежали св. Кириллъ и Меѳодій? Тыминскаго. Вѣстн. Юго-зап. и Зап. Россіи. 1863 г., годъ I, т. III, кн. IX (мартъ), отд. II, стр. 111—142.

Характеръ католическаго праздника въ память тысячелѣтія св. Кирилла и Меѳодія. П. Л. С.-Петербургскія Вѣдом. 1863 г. №№ 135 и 137, стр. 453—454, 561—562.

Словаки на праздникъ Кирилла и Меѳодія. Иллюстр. Газета 1863 г. т. XII, № 20, стр. 318.

Празднованіе тысячелѣтія въ честь свв. Кирилла и Меѳодія славянами западными. В. Г. Полтавск. Епарх. Вѣдом. 1863 г. ч. неоффиц. т. I. № 10, стр. 411—416.

Слово, говоренное въ Бѣлградѣ высокопреосвященнымъ архіепископомъ бѣлградскимъ и митрополитомъ сербскимъ Михаиломъ 11 мая 1863 года, въ день святыхъ Кирилла и Меѳодія (переводъ съ сербскаго) Руков. для сельск. паст. 1863 г., т. II, № 33, стр. 535—539.

Слово въ день святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, славянскихъ просвѣтителей, 11 мая 1863 года. Духовн. Бесѣда, т. XVІІІ. № 22, стр. 154—159.

Слово въ день равноапостольныхъ св. Кирилла и Меѳодія. Ив. Дубасова. Прибавл. къ Тамбовск. Епарх. Вѣдом. 1863 г., № 16, стр. 445—448.

Кирилло Меѳодіевское училище бесплатнаго обученія. Сѣверная Почта. 1864 г., № 114, стр. 457. Тоже. Еженед. прибавл. къ Русск. Инвал. № 23.

Праздникъ и актъ въ память св. просвѣтителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, въ Новгородской Духовной Семинаріи 11 мая 1864 года. Пав—скаго. Прибавл. къ Подольск. Епарх. Вѣдом. 1864 г., № 17, стр. 598—606. Тоже. День № 21. Прибавл. къ Тульск. Епарх. Вѣд. т. 6, № 13, стр. 48—55.

Слово въ день святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, славянскихъ просвѣтителей, 11 мая 1864 года. Архимандрита Макарія. Духовн. Бесѣда. 1864 г. т. XXI, № 22, стр. 119—125.

Праздникъ и актъ, въ память св. просвѣтителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, въ Новгородской Духовной Семинаріи, 11 мая 1864 г. Пав—скаго. Новгородск. Губ. Вѣдом. 1864 г. № 22. Тоже. Странникъ, т. II, кн. 5, отд. IV, стр. 30—36.

Св. Кириллъ и Меѳодій — славяне, а не греки (отрывокъ изъ разсужденія) М. П. Погодина. Правосл. Обзор. 1864 г., т. XIV (№ 5), отд. I, стр. 1—9.

Притчи святаго Кирилла—философа, учителя славянскаго. С. А. Соболевскаго. Русскій Архивъ. 1864 г. вып. 2, столб. 172—177.

О притчахъ св. Кирилла. Осипа И. Коларя. Русскій Архивъ. 1864 г. вып. 4, столб. 434—446.

Братское привѣтствіе русскаго слѣпца Григорія Шириева близкимъ сердцу единоплеменнымъ славянамъ. Спб., въ тип. Маркова и въ тип. Департ. Удѣловъ 1864 г. въ л. 16 стр. и 1 л. изобр. св. Кирилла и Меѳодія. Тоже Литовск. Епарх. Вѣдом. № 12, стр. 412—448.

Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, въ память о совершившемся тысячелѣтїи славянской письменности и христіанства въ Россіи. Изд. по опредѣл. Моск. Общества Любителей русск. словесности. М. Погодинымъ. М. 1865 г. Вѣстн. Европы 1866 г. № 2, отд. 2, стр. 19—25.

Объясненія: 1) по поводу передовой статьи «Московскихъ Вѣдомостей 1865 г. № 171. О Рижской газетѣ. 2) По поводу житія Меѳодія. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1865 г. № 3.

Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ до дѣятельности св. первоучителей и просвѣтителей славянскихъ племенъ относящихся. — Состав. О. М. Бодянскимъ. — А. Памятники отечественные на славянскомъ языкѣ: 1) Пространныя или паннонскія житія—Константина философа. — Списки I—XVI. Чтенія Общ. Истор. и Древн. Росс. 1863 г. кн. II, стр. 1—224, 1864 г. кн. II, стр. 225—298. Житіе Меѳодія—архіепископа Моравскаго. — Списки I—VIII, тамъ же 1865 г. кн. I, стр. 1—96. Похвальное Слово Кириллу и Меѳодію. — Списки I—XV. — Чт. 1865 г. кн. II, стр. 1—64. 1866 г. кн. II, стр. 64—152 (см. о о семь собраніи.—Чт. 1867 г. кн. I, стр. 179—182).

Жизнь св. Кирилла и Меѳодія. И. В. Бѣляевъ. Изд. Общества Распространенія полезныхъ книгъ. Москва. 1865 г. in 8°.

Руководство для сельскихъ пастырей, 1868 г., стр. 335—336. (Рец. И. Э.).

Замѣтки провинціала съ береговъ маленькой рѣчки, впадающей въ большую. Статья Пим—а. День. 1865 г. № 25 и 26.

Между прочимъ о тысячелѣтней годовщинѣ св. Кирилла и Меѳодія.

Праздникъ и актъ въ память святыхъ просвѣтителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія, 11 мая 1865 г. Духовная Бесѣда, 1865 г. № 24.

Празднованіе въ Вяземскомъ духовномъ училищѣ въ честь славянскихъ просвѣтителей святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія. Свящ. А. Бѣлкинъ. Смоленскія Епарх. Вѣдом. 1865 г. № 22.

Святые равноапостольные Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ, и вліаніе ихъ подвиговъ на народное образованіе, какъ всего славянскаго міра вообще, такъ и Россіи въ частности. Сочиненіе А. С. Князева. (Изданіе слѣпца Гр. Ширяева), съ 16-ю изображеніями, гравиров. Л. Сѣряковымъ, по рисункамъ Ф. Бронникова. СПб. Въ тип. А. Траншея. 1866 г. in 4°, 4 нен. 68 и VIII стр., съ гравир. загл. л., съ полтипажами въ текстѣ и 16 ю отд. рис.

Изданіе раскошное, замѣчательное въ типографскомъ отношеніи, напечатанное изящнымъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ.

1. Иллюстрированная Газета. 1867 г., т. 19 № 12.
2. Недѣля 1866 г. № 34.
3. Вѣстн. Европы 1866 г. № 4 стр. 28—30.
4. Духовная Бесѣда 1867 г. № 11.
5. Грамотѣй 1867 г., кн. 5 стр: 102—109.
6. Еженедѣльное прибавленіе къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» 1866 г. № 7—8 (окт.—ноябр.), стр: 49—56. (Извлеченіе).
7. Страникъ, 1866 г. № 12 стр: 13—19. (Рец. П. Матвѣевскаго).
8. С.-Петербургскія Вѣдомости. 1867 г. № 8. (Статья В. С.).
- и 9. Сборникъ миѣнній Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1869 г., стр: 119—121.

Праздникъ и актъ въ память святыхъ Кирилла и Меѳодія въ Новгородской семинаріи. Архимандритъ Макарій. Церковная Лѣтопись Духовной Бесѣды, 1866 г. № 23.

Замѣтка И. П. (По поводу празднованія памяти Кирилла и Меѳодія). Московскія Вѣдомости 1866 г. № 112.

Слово въ день святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянскихъ, соч. Архимандрита Фотія. Изданіе слѣпца

Григорїя Ширяева. СПБ. 1866 г. Въ тип. А. Траншея, in 4° 17 стр.

Преподобные Кириллъ и Меѳодїй просвѣтителї славянъ. (Изданїе ред. журн. «Мїрской Вѣстникъ»). СПБ. 1866 г. Въ тип. В. Спиридонова, in 12°, 10 стр. съ 1 л. рис. (Изображенїе ликовъ обоихъ святыхъ).

Кто были наши первоучителї святыя Кириллъ и Меѳодїй, славяне или греки? И. В. Платоновъ. Духовный Вѣстникъ, 1866 г. № 2 стр. 200—219.

О значенїи славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодїя въ исторїи русской Церкви. Вятскїя. Епарх. Вѣдом. 1866 г. № 9 стр. 323—348.

Празднованїе Харьковскими уѣздными и 3-мя приходскими училищами дня св. первоучителѣй славянскихъ. Кованько. Харьковскїя Губ. Вѣдом. 1866 г. № 45.

По поводу празднованїя памяти св. Кирилла и Меѳодїя (передовая статья). Московскїя Вѣдомости. 1867 г. № 102.

Слово въ день славянскихъ просвѣтителѣй Меѳодїя и Кирилла. Статья А. Ел—скаго и Д. Орлова. Полтавскїя Епарх. Вѣдом. 1867 г. № 12 и 13.

Два слова на 11 мая 1867 г. въ день св. Кирилла и Меѳодїя. Н. А. Сергїевскїй и Н. Добровъ. Православное Обзорїенїе. 1867 г., т. 23 № 5 стр. 93—104. Тоже Русскїй. 1867 г. № 15—16.

Духовно-литературное торжество въ Саратовской семинарїи, 11 мая, въ память славянскихъ просвѣтителѣй, святыхъ Кирилла и Меѳодїя. Саратовскїя Епарх. Вѣдом. 1867 г. № 14.

Заслуги св. Кирилла и Меѳодїя. П. Романовъ. Вятскїя Епарх. Вѣд. 1867 г. № 23.

Похвала святымъ просвѣтителѣямъ славянъ Кириллу и Меѳодїю. (Изъ «Чтенїй въ Обществѣ Исторїи и Древностей Россїйскихъ») Духовная Бесѣда. 1867 г. № 18.

Благотворное влїянїе на Россїю трудовъ и подвиговъ святыхъ Кирилла и Меѳодїя. Статья И. Э—скаго (Экземплярскаго?) Руководство для сельскихъ пастырей, 1867 г. № 15.

Жизнь св. равноапостольныхъ первоучителѣй славянскихъ Кирилла и Меѳодїя. (Составлено съ изустныхъ разсказовъ или уроковъ, преподаваемыхъ въ одной крестьянской школѣ). СПБ. Въ тип. Артил. журнала. 1867 г. in 16°, 38 стр.

Рѣчь сказанная на Кирилло—Меѳодїевскомъ всеславянскомъ праздникѣ, 11 мая 1867 г. въ С.-Петербургѣ, Урошемъ Милутиновичемъ, Духовная Бесѣда. 1867 г. № 28.

Острожское Кирилло-Меодіевское Православное Церковное Братство, стр. 67—71. Уставъ этого братства стр. 71—84. *Душеполезное Чтеніе*. 1865 г., июнь.

Кирилло-Меодіевскій Сборникъ. Вып. 2. Изд. И. Мартыновъ. Парижъ и Лейпцигъ. 1867 г. in 32° XVI и 154 стр.

Содержаніе. О шести разницахъ въ ученіи восточной и западной церкви. Сочиненіе Смотрицкаго, протестъ на Кіевскій соборъ. Его-же. Посланіе къ Кириллу Лукарису. Его-же. Письмо къ В. Реутскому. Его-же.

Изображенія славянскихъ первоучителей и просвѣтителей, св. Кирилла и Меодія, на поляхъ образы святителя Николая Скоропомощника, находящагося въ Аѳонскомъ Дохіарскомъ монастырѣ, съ литографированнымъ изображеніемъ—О. М. Бодянской. Чтенія Общ. Истор. и Древн. Росс. 1868 г. кн. I. стр. 247—260.

Были-ли святые Кириллъ и Меодій славяне или греки. Отвѣтъ М. П. Погодину. П. Лавровскаго. *Русскій*. 1868 г. № 26.

Разборъ книги Вильбасова о Кириллѣ и Меодіѣ, ч. I. Кириллъ и Меодій—по документамъ и источникамъ. СПБ. 1868 г. Чтенія Общ. Истор. и Древн. Росс. 1868 г., кн. II стр. 215—228.

Римскіе папы и славянскіе первоучители. (Изъ лекцій, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ). В. Вильбасовъ. Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1868 г., т. 138 № 5. стр. 327—377.

Нѣсколько словъ по поводу новаго труда о славянскихъ первоучителяхъ. П. Мельгунова. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1868 г. № 12. стр. 215—228.

Здѣсь говорится о соч. Г. Вильбасова.

Святые Кириллъ и Меодій. Иллюстрированная Газета. 1869 г. № 8 и 9.

Статуя св. Кирилла и Меодія въ Прагскомъ Тогнскомъ соборѣ. Всемирная Иллюстрація. 1869 г., т. I. № 13.

Разсказъ про жизнь и труды святыхъ Кирилла и Меодія, равноапостольныхъ первоучителей славянскихъ. Мірское Слово. 1869 г. № 10.

Празднованіе памяти св. Кирилла и Меодія. Церковная Лѣтопись Духовной Бесѣды. 1869 г. № 9 и 10, тоже Голось. 1869 г. № 131.

Отъ чего въ нашемъ обществѣ еще недостаточно распространено чествованіе памяти св. славянскихъ первоучителей. Изъ слова пр. I. Л. Янышева. Воскресное Чтеніе. 1869 г. № 4.

Праздникъ и актъ въ Орловской духовной семинаріи, въ память тысячелѣтія со дня кончины св. Кирилла, просвятителя славянъ, 14 февраля 1869 г. Орловскія Епарх. Вѣдом. 1869 г. № 5 стр. 465—476.

Слово въ день памяти первоучителей славянскихъ. Прот. А. Воскресенскаго. Душеполезн. Чтеніе. 1869 г. II. 5, 54—60.

11 Мая 1870 г. въ Москвѣ и въ Моск. Д. Академіи (слово о значеніи праздника въ день св. Кирилла и Меѳодія. Каптерева). Душеполезн. Чтеніе. 1870 г. II б. 5, 28—34.

Празднованіе тысячелѣтней памяти первосвятителей славянъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, 14 февраля 1869 г., въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Статья. В. В. Московскія Епарх. Вѣдом. 1870 г. № 19.

Просвѣтителі славянъ св. Кириллъ и Меѳодій. В. И. Кельсіевъ. (Съ рисункомъ) *Нива*. 1870 г. № 5, 6 и 8.

Память святыхъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія. Статья I—а. Д—рія. Московскія Епарх. Вѣдом. 1870 г. № 19.

Память святыхъ и равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія въ предѣлахъ югозападнаго края Россіи. А. Хойнацкій. Руководство для сельскихъ пастырей. 1871 г., т. 2, № 18, стр: 10—20, № 19; стр. 58—68 и № 20; стр. 90—97.

Празднованіе памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія. *Голосъ*. 1871 г. № 133.

Память святыхъ равноапостольныхъ просвѣтителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Рѣчь, читанная въ годичномъ собраніи славянскаго Комитета. Свящ. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Православное Обзорѣніе. 1871 г. № 5. стр. 617—628.

Албанскія преданія о св. Кириллѣ и изобрѣтенной имъ азбукѣ. Вижентій Макушевъ. Варшавскій Дневникъ. 1871 г. № 100.

Кириллъ и Меѳодій. В. Кельсіевъ. Семейные Вечера. 1871 г. (Отд. для юнош.) № 6 стр: 69—80, № 7 стр. 48—60.

Славянскіе проповѣдники, св. Кириллъ и Меѳодій (переведено изъ журнала: *Revue chrétienne*. 1871 г. № 10). Духовная Бесѣда. 1872 г. № 11, 13, 14, 15 и 16.

Рѣчь П. А. Лаврова въ день св. Кирилла и Меѳодія, 11 мая 1872 г. Журналъ Мѣнѣст. Народн. Просвѣщ. 1872 г., ч. 161, № 6 стр. 111—119.

Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности святыхъ первоучителей и просвѣтителей славянскихъ племенъ относящихся, составляемое О. М. Бодянскимъ. Паннонское житіе Кирилла. Списки XIII—XVI. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1873 г. № 1; стр. 399—534.

Чтенія для народа, святыя Кириллъ и Меѳодій просвѣтителі славянъ.

П. Роговъ. Читано въ Соленомъ городкѣ. (Приложеніе къ журналу: «Народная Школа». 1874). СПБ. 1874 г. in 8°, 16 стр.

Святые Кирилль и Меодій просвѣтителі славянъ. *Нива* 1874 г. № 13 стр. 199—200.

Святые Кирилль и Меодій апостолы славянъ. Нилъ Поповъ. Мисіонеръ, 1874 г. № 14 стр: 133—136

Просвѣтителі славянъ, св. равноапостольные Кирилль и Меодій. Съ 6-ю рисунками. СПБ. 1874 г. Тип. бр. Пантелѣевыхъ. Изд. Мірскаго вѣстника, in 8° 60 и 2 н. стр: (Напеч. 3000 экз.).

Житіе преподобныхъ Кирилла и Меодія, просвѣтителі славянъ. Москва, in 12° 1874 г. (Напеч. 7200 экз.).

Житіе преподобныхъ Меодія и Кирилла. СПБ. 1874 г., in 12°. (Напеч. 3000 экз.).

Значеніе проповѣдническихъ трудовъ равноапостольныхъ Кирилла и Меодія для славянскихъ народовъ. Духовная Бесѣда. 1876 г. № 28.

Жизнь и труды св. Кирилла и Меодія, епископовъ Моравскихъ, просвѣтителі славянъ. Москва. 1876 г. Тип. Торлецкаго и Терихова, in 8°, 16 стр, (Напеч. 6000 экз.).

Житіе просвѣтителі славянъ св. Кирилла и Меодія. СПБ. 1876 г. Тип. Траншеля, 8° 31 стр. (Напеч. 5000 экз.).

Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меодія. А. Воронова. Труды Кіевской Духовн. Академіи. 1876 г. Октябрь, стр: 118—225. 1877 г. Январь, стр. 76—149. Апрельъ, стр. 143—202. Августъ, стр: 435—478. Сентябрь, стр. 666—731.

Вопросы критики относительно нѣкоторыхъ источниковъ для исторіи св. Кирилла и Меодія, Ив. Малышевскаго. Труды Кіевской Духовн. Академіи. 1877 г. Декабрь, стр. 791—799.

Отрывокъ изъ Путешествія Епископа Порфирія Успенскаго въ Афонскіе монастыри и скиты въ 1846 году. (О св. Кириллѣ просвѣтителѣ славянъ моравскихъ). Труды Кіевской Духовн. Академіи, 1877 г. Октябрь, стр. 79—110.

Къ вопросу объ источникахъ для исторіи свв. Кирилла и Меодія. А. Воронова. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1878 г. Январь, стр. 220—245.

Научное движеніе по вопросу о свв. Кириллѣ и Меодіи. А. Д. Воронова. Труды Кіевской Духовн. Академіи. 1881 г. Августъ, стр. 391—416.

Меодій, еп—пъ Моравскій, просвѣтитель славянъ, св. ср. стр. 19. Описаніе церковно славянскихъ и Русскихъ Рукописей Императорской

Публичной Библиотеки, ч. I, состав. А. Θ. Бычковымъ. СПб. 1882 г. 8°.

Судьба Моравской Церкви послѣ смерти св. Меодія (885 года). Булгаковъ. Орлов. Епарх. Вѣдом. 1884 г. № 18, стр. 1145—1156, № 19, стр. 1210—1224.

Предстоящее (въ будущемъ году) тысячелѣтіе кончины славянскаго Апостола Меодія. М. Кояловичъ. Церкви. Вѣстн. 1884 г. № 49, 8 декабря.

Тысячелѣтіе св. Кирилла и Меодія. Церкви. Общ. Вѣстн. 1884 г. № 148. 16 декабря.

По поводу тысячелѣтняго чествованія памяти св. Меодія Церкви. Обществ. Вѣстн. 1884 г. № 149, 19 декабря.

Общая программа празднованія юбилея свв. Кирилла и Меодія, стр. 4 и 5 Моск. Церкви. Вѣдом. 1885 г. № 1, 1 января.

По вопросу о празднованіи памяти святителя Меодія 6 апрѣля текущаго года (письмо въ Редакцію). Прот. А. Хойнацкаго. Церкви. Вѣстн. 1885 г. № 2 стр. 24—26.

Чешскіе и словацкіе голоса о Велеградскомъ торжествѣ. Церкви. Обществ. Вѣстн. 1885 г. № 11, 25 января, стр. 2 и 3 № 12, 27 января, стр. 2 и 3.

Къ исторіи Кирилло-Меодіевскаго славянскаго перевода Библии на Руси. В. Лебедева. Странникъ, 1885 г., январь, стр. 3—29.

Наканунѣ предстоящихъ Кирилло-Меодіевскихъ празднествъ: какъ мы русскіе будемъ праздновать день памяти своихъ первоучителей: за явленіе проф. Будиловича о мѣстѣ стараго моравскаго Велеграда, гдѣ собственно погребенъ св. Меодій и предложеніе православнымъ посѣтить это мѣсто, независимо отъ того, что затѣваютъ католики—паписты въ новомъ чешскомъ Велеградѣ, — что предполагается у насъ и чѣмъ можемъ и должны мы достойно и достопамятно отпраздновать и почтить день памяти своихъ первоучителей: а) въ интересахъ и въ оборонѣ церкви русской, православія и народностей славянскихъ, и б) для чести русскаго имени и для блага того просвѣщенія, основаніе которому положено св. моравскими братьями,—заявленія и предложенія относительно этого Ал. П. тамъ же стр. 132—148.

Еще о празднованіи тысячелѣтія кончины св. Меодія. М. Кояловича. Церкви. Вѣстн. 1885 г. № 5, 2 февраля, стр. 87—88.

Къ вопросу о предстоящемъ празднованіи 6 апрѣля (2 письма въ Редакцію: I. П. Поликротова и II. Д. Правдина) Церкви. Вѣстн. 1885 г. № 5, 2 февраля, стр. 91 и 92.

Участіе латышей въ празднованіи юбилея святыхъ Кирилла и Меѳодія. *Москов. Вѣдом.* 1885 г. № 43, 13 февраля.

Стихотвореніе на память святымъ и равноапостольнымъ Кириллу и Меѳодію, первоучителямъ славянскимъ. Владимірск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 4, 15 февраля.

Празднованіе старообрядцами памяти св. Меѳодія. *Новое Время.* 1885 г. № 3221, 15 февраля.

О славянскомъ праздникѣ въ честь св. Меѳодія и Кирилла. Е. С. тамъ же.

О празднованіи юбилея свв. Кирилла и Меѳодія (передов. ст.) стр. 141—142 и стр. 150 и 151. *Москов. Церковн. Вѣдом.* 1885 г. № 8. 17 февраля.

О дѣятельности заграничныхъ комитетовъ по празднованію славянскаго юбилея. *Русск. Курьеръ.* 1885 г. № 47, 18 февраля.

Программа славянскаго праздника въ Кіевѣ, утвержденная кіевскимъ славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ. *Русск. Курьеръ.* 1885 г. № 48, 19 февраля.

Къ вопросу о празднованіи тысячелѣтія св. Меѳодія. *Новое Время.* 1885 г. № 3231, 25 февраля.

Св. Равноапостольные Кириллъ и Меѳодій. С. Солнцевъ, стр. 183—91. Смоленскія Епархіальн. Вѣдом. 1885 г. № 4. 28 февраля.

Извѣстія о празднованіи дня 6 апрѣля, стр. 183. *Москов. Церковн. Вѣдом.* 1885 г. № 10, 3 марта.

Тысячелѣтіе славянскаго самосознанія. А. А. Кочубинскаго, стр. 608—619. *Историч. Вѣстн.* 1885 г., мартъ.

Западно славянская пресса о предстоящемъ празднествѣ святыхъ Кирилла и Меѳодія. *Русскій Курьеръ,* 1885 г. № 62, 5 марта.

Къ велеградскому торжеству В. К—нъ. *Москов. Вѣдом.* 1885 г. № 63, 5 марта.

О празднованіи тысячелѣтія кончины просвѣтителя славянъ св. Меѳодія. Тамбовскія Губ. Вѣдом. 1885 г. № 26, 6 марта.

Объ изданіяхъ Святѣйшаго Синода ко дню тысячелѣтія блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меѳодія. *Русскій Курьеръ,* 1885 г. № 65, 8 марта.

Литература, относящаяся до свв. Кирилла и Меѳодія. Вѣстникъ. Изд. Ѳ. А. Гиляровымъ, въ Москвѣ. 1885 г. № 590, 8 марта.

Объ изданіяхъ Св. Синода ко дню тысячелѣтія блаженной кончины

первоучителя славянъ св. Меодія. Москов. Вѣдом. 1885 г. № 65, 7 марта.

Отзывъ Познанскаго Меодіевскаго Комитета. Москов. Вѣдом. 1885 г. № 67, 9 марта.

Ко дню чествованія блаженной кончины св. Меодія, архіепископа моравскаго, просвѣтителя славянъ.—По поводу приготовленія къ празднованію тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меодія. Наканунѣ юбилея. С. Пономаревъ. Москов. Церкви. Вѣдом. 1885 г. № 11, 10 марта, стр. 197—200.

Распоряженіе Св. Синода касательно почитанія памяти свв: Кирилла и Меодія, стр: 204.—Извѣстія изъ Сербіи по поводу празднованія тысячелѣтія кончины св. Меодія, стр. 206. Москов. Церкви. Вѣдом. 1885 г. № 11, 10 марта.

Приготовленіе къ церковно-народному торжеству 6 апрѣля въ Россіи и у граничныхъ славянъ. Извѣстія Сиб. Славянск. Благотвор. Общества 1885 г. № 3.

Музыкальныя изданія къ 1000 лѣтнему юбилею св. Меодія. Д. П. Никольскаго. Извѣстія Сиб. Славянск. Благотв. Общества 1885 г. № 3.

Жизнь и подвиги свв. Меодія и Кирилла, учителей славянскихъ. Ср. стр. 103—114. Прибавленіе къ Тульск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 4, 15 февраля.

Слово въ день тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія архіепископа Моравскаго, первоучителя славянъ (6 апрѣля 1885 г.) протоіерей Димитрій Никитинъ. Ср. стр. 160—168. Тульск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 5, 1 марта.

Жизнь и подвиги святыхъ Кирилла и Меодія. Ср. стр. 225—251. Смоленск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 5, 15 марта.

Жизнь и подвиги свв. Кирилла и Меодія, просвѣтителей славянъ. Ср. стр. 173—211. Тверск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 6, 15 марта.

Слово преосвященнаго Димитрія, бывшаго архіепископа Волынскаго, въ день св. равноапостольныхъ Меодія и Кирилла, просвѣтителей славянскихъ. Ср. стр. 191—195. Тульск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 6, 15 марта.

Краткое сказаніе о житіи святыхъ Кирилла и Меодія, просвѣтителей словенскихъ.

Предсмертная молитва св. Кирилла философа.

Предсмертное наставленіе паствѣ св. Меодія, архіепископа Моравскаго.—Сѣдалны, Величаніе, Тропарь и Кондакъ.—Кантата для Меодіевскаго юбилея.—Еще по поводу празднованія тысячелѣтія свв Ки-

рилла и Меодія. — Ср. Московск. Церков. Вѣдом. 1885 г. № 12, 17 марта.

Къ торжеству празднованія памяти св. первоучителей славянъ Кирилла и Меодія. Правит. Вѣстн. 1885 г. № 63, 20 марта.

Слово о важномъ значеніи предстоящаго чествованія тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія, просвѣтителя славянъ. Стр. 236 и 237.

Поученіе о важномъ значеніи предстоящаго чествованія тысячелѣтія блаженной кончины св. Меодія. Стр. 238. Москов. Церковн. Вѣдом. 1885 г. № 13, 24 марта.

Приготовленія къ празднованію памяти свв. первоучителей славянъ Кирилла и Меодія. Москов. Вѣдом. 1885 г. № 86, 30 марта.

Постановленіе С.-Петербургской Думы о празднованіи 6 апрѣля. — Изданія къ празднику св. Меодія. — Библиографія: объ изданіяхъ Св. Синода ко дню тысячелѣтія блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меодія. — Брошюры, изданныя ко дню тысячелѣтія кончины св. Меодія. — Постановленіе Московской Городской Думы о празднованіи 6 апрѣля и нѣсколько замѣчаній по поводу его. К.—Москов. Церковн. Вѣдом. 1885 г. № 14, 31 марта.

Празднество 6 апрѣля. — Стихотвореніе въ честь свв. Кирилла и Меодія. — Гимнъ Чайковского. — Хвалебная пѣснь Д. Н. Соловьева. Вѣстникъ. Изд. въ Москвѣ Ѳ. А. Гиляровымъ. 1885 г. № 602, 31 марта.

По поводу чествованія свв. Кирилла и Меодія. (Передов. статья) Москов. Листокъ 1885 г. № 86, 29 марта; № 89, 1 апрѣля.

Латинское празднованіе славянскаго тысячелѣтія. Бѣлградъ. 7 апрѣля, вечеромъ. (Корреспонденція «Новаго Времени»). — Наканунъ. — День праздника. — О. И. (оконч. буд.). Новое Время. 1885 г. № 3264, 1 апрѣля.

Празднество святыхъ Кирилла и Меодія въ Велеградѣ. Русскій Курьеръ. 1885 г. № 89, 3 апрѣля.

Кирилло-Меодіевскій праздникъ. Новое Время. 1885 г. № 3266, 3 апрѣля.

Солунь и Велеградъ. Вѣстникъ. Изд. въ Москвѣ Ѳ. А. Гиляровымъ. 1885 г. № 605, 4 апрѣля.

Память о свв. славянскихъ первоучителяхъ въ первой напечатанной въ Москвѣ азбукѣ. А. Радонежскій. Москов. Вѣдом. 1885 г. № 92, 5 апрѣля.

Ученое изслѣдованіе Добровскаго о свв. Кириллѣ и Меодіи, переве-
Отд. III май. 2

денное на русскій языкъ М. П. Погодинымъ. Е. Б. Москов. Вѣдом. 1885 г. № 92, 5 апрѣля.

Тысячелѣтіе просвѣтителей славянскихъ. Новое Время. 1885 г. № 3269, 6 апрѣля.

Славянскіе просвѣтителі свв. Кириллъ и Меѳодій.—Велеградское торжество.—Изданія Св. Синода къ 6-му апрѣля. Русск. Курьеръ. 1885 г. № 92, 6 апрѣля.

Тысячелѣтіе памяти свв. Кирилла и Меѳодія. (885—1885 г.). Прав. Вѣстн. 1885 г. № 74. 6 апрѣля.

Свв. Кириллъ и Меѳодій (перед. статья) Москов. Листокъ. 1885 г. № 94, 6 апрѣля, въ этомъ-же № помѣщены 2 стихотворенія о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, одно Л. Пальмина, другое И. Вашкова.

Памяти первоучителей славянскихъ стихотвореніе Николая Головина. Дѣтская Помощь. 1885 г. № 4, 6 апрѣля.

Слово въ день тысячелѣтней памяти св. Меѳодія просвѣтителя славянскаго Пр. А. Иванцова-Платонова, тамъ-же.

Свѣтлое торжество объединителей и просвѣтителей славянъ св. Кирилла и Меѳодія А. Тиличева, тамъ-же.

Замѣтки по поводу тысячелѣтія славянскихъ первоучителей: I. Нѣсколько словъ отъ редакціи (въ замѣнъ бесѣды съ читателемъ).—II. Предполагаемое Кирилло-Меѳодіевское Братство въ Москвѣ.—III. По поводу постановленія Московской Городской Думы 19 марта свящ. Н. А. Пономарева, тамъ-же.

Празднованіе памяти святыхъ первоучителей славянскихъ. Москов. Вѣдом. 1885 г. № 95, 8 апрѣля.

Торжество въ память свв. Кирилла и Меѳодія. Московскій Листокъ. 1885 г. № 95, 7 апрѣля.

Свв. Кириллъ и Меѳодій Стихотвореніе Н. Г—ва. Вѣстникъ. Изд. въ Москвѣ Ѳ. А. Гиляровымъ. 1885 г. № 607, 7 апрѣля.

Москва 7 апрѣля.—Свв. Кириллъ и Меѳодій.—Первоначальный Кирилло-Меѳодіевскій переводъ Библии. Г. Воскресенскій. Наслѣдіе свв. Кирилла и Меѳодія—Церковно-Славянскій языкъ и его литература. А. В.—Судьбы Славянскаго Богослуженія на западѣ. А. Дородницынъ.—Вопросъ о единеніи церквей въ связи съ чествованіемъ памяти свв. Кирилла и Меѳодія. Н. Заозерскій.—Библіографія: Изданія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества ко дню тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія.—Кирилло-Меѳодіевское братство въ Астрахани.—Азбучная молитва св. Кирилла.—Кирилло-Меѳо-

дѣвскій праздникъ въ Велеградѣ. Москов. Церкви. Вѣдом. 1885 г., № 15, 7 апрѣля.

Празднованіе памяти святыхъ первоучителей Славянскихъ, (перед. статья) Моск. Вѣдом. 1885 г. № 94, 7 апрѣля.

Памяти святыхъ первоучителей Славянскихъ Кирилла и Меодія, Стихотвореніе К. Случескаго. Москов. Вѣдом. 1885 г. № 94, 7 апрѣля.

Тысячелѣтіе просвѣтителѣй Славянскихъ. В. Пр. Новое Время 1885 г. № 3270, 7 апрѣля.

Русскія изданія въ память тысячелѣтія 6 апрѣля 1885 года. Библиографъ. Моск. Вѣдом. 1885 г. № 89, 91 и 94.

Академическое торжество въ память свв. Кирилла и Меодія. «Русск. Курьеръ» 1885 г. № 94, 8 апрѣля.

Празднованіе памяти свв. первоучителей Славянскихъ въ Москвѣ. «Русск. Курьеръ» 1885 г. № 94, 8 апрѣля и № 95, 9 апрѣля.

Празднованіе дня 6 апрѣля въ С.-Петербургѣ. Моск. Вѣдом. 1885 г. № 96, 9 апрѣля.

На 1000-лѣтіе памяти Кирилла и Меодія. Стихотвореніе Н. А. Свѣтзарова. «Русск. Курьеръ» 1885 г. № 95, 9 апрѣля.

Слава Кириллу и Меодію. (Стихотвореніе Старорусскаго появившееся въ 1863 г., и впервые напечатанное въ «Духовной Бесѣдѣ»).

Хвалебная пѣснь первоучителямъ Славянъ. Д. Н. Соловьева. Гимнь въ честь ихъ же М. П. Розенгейма. «Тамб. Губ. Вѣдом.» 1885 г. № 34, 9 апрѣля.—Изъ тѣхъ же Губ. Вѣдом. № 36 видно, какъ сообщаетъ Д. Смирновъ, стихотвореніе написано не Старорусскимъ, а бывшимъ воспи таникомъ Новгородской Духовной Семинаріи *В. Тихомир-овымъ* въ 1863 г.

Кирилло-Меодіевскій праздникъ въ Тамбовѣ. «Тамб. Губ. Вѣдом.» 1885 г. № 34, 9 апрѣля.

Слово въ день тысячелѣтія памяти св. равноапостольнаго просвѣтителя Славянъ, архіепископа Моравскаго Меодія, протоіерей Георгій Хитровъ. «Тамб. Губ. Вѣдом.» 1885 г. № 34, 9 апрѣля.

Празднованіе памяти свв. Кирилла и Меодія въ С.-Петербургѣ. «Русск. Курьеръ» 1885 г. № 95, 9 апрѣля—№ 96, 10 апрѣля.

Рѣчь произнесенная Высокопреосвященнѣйшимъ Іоаннікіемъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ при празднованіи памяти свв. Кирилла и Меодія въ Московской Духовной Семинаріи. Моск. Вѣдом. 1885 г. № 97, 10 апрѣля.

Кирилло-Меѳодіевская идея. В. Ламанскій, «Новое Время» 1885 г. № 3276, 13 апрѣля.

Тысячелѣтіе 885 и 1885 годовъ. Свв. Кирилль и Меѳодій.— Стихотвореніе Случевского,—6 апрѣля 1885 г. Стихотвореніе Розенгейма.—«Новости Дня» 1885 г. № 99, 13 апрѣля.

Празднованіе памяти свв. первоучителей Славянскихъ въ Москвѣ.— Изъ Сергіевъ Посада. Празднованіе тысячелѣтія кончины св. Меѳодія въ Московской духовной академіи и посадской прогимназіи.—Торжество 1000-лѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія, Архіепископа Моравскаго, въ 6 день апрѣля, въ Виѳанской Духовной Семинаріи. Празднованіе Кирилло-Меѳодіевскаго торжества на Перерывѣ. Николай Виноградовъ.—Изъ Гор. Рузы (о томъ же торжествѣ). Свящ. Сергій Сокольскій.—Изъ села Царицына Московск. уѣз. (о томъ же торжествѣ) И. Шухвостовъ.—Изъ Висбадена (о томъ же торжествѣ). В.—Празднованіе въ честь первоучителей Славянскихъ въ С.-Петербургѣ. «Москов. Церковн. Вѣдом.» 1885 г. № 16, 14 апрѣля.

Латинское празднованіе славянскаго тысячелѣтія. Ольмюцъ. (Корреспонденція «Новаго Времени») «Новое Время». 1885 г. № 3278, 15 апрѣля.

6 апрѣля (ср. стр. 243—250). Слово въ день тысячелѣтія со времени блаженной кончины св. Меѳодія, первоучителя Славянъ. (Произнесено въ Кафедральномъ соборѣ). Симеоновской церкви свящ. Николай Лебедевъ (ср. стр. 250—255). Слово въ день празднованія тысячелѣтія со дня кончины св. равноапостольнаго Меѳодія (Произнесено предъ молебномъ въ мужской гимназіи). Протоіерей Григорій Первухинъ (ср. стр. 255—258). «Тверск. Епарх. Вѣдом.» 1885 г. № 8, 15 апрѣля.

6 апрѣля 1885 г.—Тысячелѣтіе со дня кончины св. равноапостольнаго Меѳодія просвѣтителя Славянъ (Очеркъ жизни и просвѣтительности свв. Кирилла и Меѳодія въ доступномъ пониманію простаго народа изложеніи).—Протоіерей І. Кобяковъ. Тамб. Губ. Вѣдом. 1885 г. № 32, 4 апрѣля, № 33, 6 апрѣля, № 39, 20 апрѣля, и № 40, 23 апрѣля.

Меѳодіевскій юбилей у православныхъ славянъ. Р. «Москов. Вѣдом.» 1885 г. № 112, 25 апрѣля.

Славянскіе первоучители свв. Кирилль и Меѳодій. В. М. Михайловскій, ср. стр. 1—12. «Русская Мысль». 1885 г. апрѣль.

Слово въ день тысячелѣтія кончины св. Меѳодія, просвѣтителя Славянъ. Преподаватель Семинаріи В. Троицкій, ср. стр. 277—289. Тверск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 9, 1 мая.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ въ Тверской Духовной Семинаріи по случаю празднованія тысячелѣтія годовщины блаженной кончины св. Меодія 6 апрѣля 1885 года. Преподаватель Семинаріи В. Морошкимъ. Тверск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 9, 1 мая, стр. 290—309.

Праздникъ св. Меодія, равноапостольнаго просвѣтителя славянъ. Костромск. Епарх. Вѣдом. 1885 г. № 7, стр. 184—191.

Къ вопросу о празднованіи 6 апрѣля:

I. О свв. и равноапостольныхъ Меодіѣ и Кириллѣ. Протоіерей Ѳ. Иорданскій. Ср. стр. 156—162, тамъ-же.

II. Патріархъ Фотій, какъ соучастникъ великаго дѣла свв. Кирилла и Меодія. Ср. стр. 162—164, тамъ-же.

III. Стихотвореніе на память свв. и равноапостольнымъ Кириллу и Меодію, первоучителямъ славянскимъ. Ср. стр. 164 и 165, тамъ-же № 11.

Лавровскій, П. А. Былъ-ли святой Кириллъ Солунскій епископомъ. Стр. 161—175. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1885 г. апрѣль.

Объ изданіяхъ Св. Синода ко дню 1000-лѣтія блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меодія. Стр. 97—100, тамъ-же.

Кириллъ и Меодій. Ихъ жизнь, апостольскіе подвиги и ученые труды. Литературная полемика изъ-за этихъ братьевъ между католическими и православными писателями. В. Никитинъ. Тамбовск. Губерн. Вѣдом. 1885 г. № 32, 33, 36, 37, 42, 45, и 46.

Отношеніе свв. Кирилла и Меодія къ западной церкви. Н. Серебренникова. Ср. стр. 288—330. Чтенія въ Обществ. Любит. Духовн. Просвѣщ. 1885 г. мартъ—апрѣль.

Жизнь св. Кирилла и Меодія. 52 стр. М. 1885 г. in 8°. (Тип. Снегирева). 6000 экз.

Кирилло-Меодіевское празднество въ Велеградѣ. Газета А. Гатцука. Изд. въ Москвѣ, 1885 г. № 9, 6 марта, стр. 138 и 139.

Празднованіе свв. Кирилла и Меодія.—Значеніе Кириллицы. Тамъ-же, № 11, 22 марта, стр. 177—180.

Къ празднику 6 апрѣля. Тамъ-же, № 12, 1 апрѣля, стр. 199.

Городъ Солунь, въ которомъ родились свв. Кириллъ и Меодій. Тамъ же, № 13, 6 апрѣля, стр. 211; при этомъ № прилагается малорусскій хвалебный гимнъ св. Кириллу и Меодію, съ нотами, «Хвала св. Кириллові та Меодію».

Чествованіе 1000-лѣтней годовщины смерти св. Меодія. Тамъ-же, № 14, 13 апрѣля, стр. 221—223.

Стихотворенїя ко дню 1000-лѣтїя кончины св. Меѳодїя. Тамъ-же, стр. 223—225.

Велеградъ. Тамъ-же, стр. 230 и 231. По празднованїю 1000-лѣтїя св. Меѳодїю. Тамъ-же. № 15, 20 апрѣля, стр. 242 и 243.

Католическое чествованїе Меѳодїевского юбилея. Р. Москов. Вѣдом. 1885 г. № 131, № 14 мая и 132, 15 мая.

Новый церковно-славянскїй памятникъ съ упоминанїемъ о славянскихъ первоучителяхъ. М. С. Дриновъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г. Апрѣль. стр. 176—205.

Житїе свв. Кирилла и Меѳодїя просвѣтителей славянъ. Въ память тысячелѣтїя, составл. А. Н. Бахметевой. Изящное изданїе, съ изображенїемъ святыхъ и 6-ю картин. изъ ихъ жизни. М. 1885 г.

«Славянскїй мїръ», посвященный тысячелѣтней памяти первоучителей свв. Кирилла и Меѳодїя 885—1885. Историко-географическое изслѣдованїе, съ двумя хромолитографированными картами, изъ коихъ одна шестидесятиверстнаго масштаба, изображающая юго-западное славянство, 9-ю литографированными картами и 36-ю картографическихъ набросковъ-клише; при этомъ двойной географическїй словарь; составлена генераль-майоромъ А. Ф. Риттихомъ, изданїе книгопродавца В. М. Истомина.

Карта разселенїя славянъ въ IX столѣтїи во время свв. Кирилла и Меѳодїя. Составилъ профессоръ Кочубинскїй.

Кириллъ, учитель славянъ, ср. отд. I (рукописей) стр. 3 (№ 3), стр. 44 (№ 118, л. 172) и стр. 73, № 194, л. 28 об. Библиотека Императорскаго Общества Исторїи и Древностей Россїйскихъ. М. 1845 г. in 8°.

Меѳодїй, епископъ патарскїй, ср. отд. I, стр. 49, № 137, стр. 90 № 208, л. 206 и стр. 91, № 211, л. 4,—тамъ же.

Кириллъ (Константиинъ) философъ. Его труды, ср. стр. 92, № 43, стр. 123, № 54, стр. 201, № 88 и стр. 493, № 271. обстоятельн. описанїе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и росїйскихъ, хранящ. въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстого. Изд. П. Строева, съ 24 гравиров. изображ. шрифтовъ. М. 1829 г. in 8°.

Тысячелѣтняя годовщина кончины св. Меѳодїя, стр. 488—490.

Легенда о свв. Кириллѣ и Меѳодїи, стр. 490 и 491.

Часовня въ память св. Кирилла въ Римѣ, стр. 491.

Историческїй Вѣстникъ. 1885 г., май.

Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодїи въ славянской философіи рѣчь И. В. Ягича, читанная имъ въ публичномъ собранїи 2 Отдѣленїя Императорской Академіи Наукъ, 5 апрѣля 1885 г. Спб. 1885 г. in 8° 60 стр.

Юбилейный выпускъ извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, посвященный празднованію 1000-лѣтія памяти св. Меодія, вышелъ въ объемъ 5¹/₄ листовъ и содержитъ въ себѣ описанія торжества 6-го апрѣля въ Россіи и въ православно-славянскихъ земляхъ, — торжественныхъ собраній славянскихъ обществъ и юбилейныя рѣчи профессоровъ: К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Ламанскаго, М. Θ. Миллера, Θ. И. Успенскаго, М. И. Соколова, библиографію и проч.

Празднованіе тысячелѣтія свв. Кирилла и Меодія, передовая статья. Вѣстникъ. Изд. Θ. А. Гиляровымъ, въ Москвѣ, 1885 г. № 632, 18 мая.

Сказаніе, како состави св. Кириллъ философъ Азбуку по языку словенску, и книги переведа отъ греческихъ на словенскій языкъ (выпис. изъ Патріар. Книгохр. въ Москвѣ). *Повѣсть Древн Росс.* 1776, г. 56, V.

III. Опытъ иностранной библиографіи.

Ginzel. Geschichte der Slavenapostel Cyrill imd Method imd der Slavichen Liturgie. Leitmeritz. 1857. in 8°.

Штульць. Zivot svatych Cyrilla a Methoda. Brno. 1857. in 8°.

Archiv für Oestereichischer Geschichts quellen. B. XIII. S. 147—155. Помѣщено изслѣдованіе житія Меодія.

Cyryll. (ср. стр. 93—94. Encyklopedja Powszechna. tome VI. Warszawa 1861. in 8°).

Cyrillus ac Methodius, Apostoli Slavorum post 1000 annos celebrati hac biographia I. Slavicola. Leopoli. 1863. in 8°.

Cyrille et Méthode. Etude historique sur la conversion des slaves au christianisme. Par Louis Leger. Paris. 1868. in 8°.

Neuentdeckte Fresken aus dem Leben der heil. Apostel Cyrill und Method in Rom. Von B. Dudik. Wien. 1869. in 4°.

Oslaveni, tiscileté pamatky prvo svétitele Slovanu Sv. Cyrilla 14—26 úncra 1869 r. v Petrohradê a v Moskvê. Praha. 1869. in 8°.

Zivot svatych apostolu slovanskych Cirilla a Methodia. Bohumil Hakl. Hradec Kralov. 1870 in 12°.

Drie sluzbe simskoga obreda za svetkovinu svetih Cirila i Metuda. I. Bercic. Zagreb. 1870. in 8°.

Die Legenden vom heiligen Cyrillus. Ernst Dümmler imd Franz Miklosich. Wien. 1870. in 8°.

Vita Sancti Methodi ruscicoslovenice et latine, edidit Fr. Miklosich. Vindobonae. 1870. in 8°.

Cyryl i Metody. Streszczenie najnowszych poszukiwan. L. Rettel. Paryz. 1871. in 8°.

Saint Method, apôtre des slaves et les lettres des souverains pontifes conservées au British Museum, parle R. P. I. Martinov. 1880.

Die heiligen Cyrill und Method. Wien. 1881.

σκέτους). Ибо, сіяя свѣтомъ своихъ ученій, ты какъ бы умертвилъ (ἀπεκρώσας) всѣхъ отвергавшихъ благолѣпное поклоненіе святымъ иконамъ, которое созерцая крѣпко уже утвердившимся, Іанній всецѣло носрамился, содѣлавшись вторымъ Іудею, отвергшимся лицезрѣніа Христова. Ты, обличающій отметающихъ икону Христову.

3) (Ἀδιαλείπτως) ¹⁾ Умоляя непрестанно Христа за прославляющихъ съ вѣрою тебя, отче, да избавятся отъ всякіа ереси; а сонлетшему для любящихъ *Его* пѣснь сію, блаженне, даруй оставленіе прегрѣшеній, молитвами твоими, святой Меодіе; испроси же дароватися миру съ небеси стаду твоему, и, укрѣпивъ благочестивѣйшаго царя на враги, сохрани *его* до конца, избличая отметающихъ икону Христову.

СВ. МУЧЕНИКУ ЛЕОНИДУ И СЕДМИ ДѢВАМЪ ²⁾.

(Апрѣля 16-го).

Кондакъ, мѣся 3-й. Подоб. Дѣва днесъ.

Свѣтлое празднество въ честь богоносныхъ дѣвъ прознаменуетъ собою (προδιαγράφει ἐηλουσα) праздникъ Рождества Христова: ³⁾ ангелы съ радостію сонлетаютъ имъ вѣнцы; мученики съ ликованіемъ пѣнословятъ; ибо чрезъ нихъ пріемлютъ *ближенную* кончину себѣ семь дѣвъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

¹⁾ Сего икоса въ кондакарѣ Питры нѣтъ; онъ заимствованъ изъ Аѳонскаго кондакарія (см. кондакарій архим. Амфилохіа, стран. 225).

²⁾ Переведено изъ Anal. засга; заимствовано Питрою изъ Корзвнск. кодекса. Твореніе неизвѣстнаго пѣнописца, подражателя св. Роману Сладкопѣвцу. Авростихъ неполный: Τού (ταπεινός). Въ Аѳонск. кондакаріи сихъ кондака и икосовъ нѣтъ.—Святой мученикъ Леонидъ, и съ нимъ семь дѣвъ,—пострадали за исповѣданіе имени Христова при нечестивомъ императорѣ Діоклитіанѣ (въ концѣ III-го или въ началѣ IV в. по Р. Христовѣ) въ самый день св. Пасхи. О семи дѣвахъ, бывшихъ подъ его святымъ водительствою, въ славянской мивѣ упоминается, что онѣ были оущены казнителями въ море, и чудеснымъ образомъ, подкрѣпляемые сіюю свыше, прошли по морской поверхности тридцать стадій (каждая стадія заключаетъ въ себѣ пространство въ 600 греческихъ футовъ, или 125 шаговъ); но онѣ были настигнуты мучителями, и потоплены ими въ морской глубинѣ, посредствомъ привязанныхъ къ нимъ тяжелыхъ камней. Имена сихъ св. мученицъ: *Харіесса, Ника, Гамна, Калиса, Нунехія, Василисса и Θεοδора*.

³⁾ Это выраженіе, по примѣчанію Питры, употреблено пѣнописцемъ по особенному уваженію (singulari respectu) къ подвигу св. мученицъ, въ изображеніи торжества которымъ онъ почелъ не излишнимъ представить свѣтлое подобіе происшествій, сопровождавшихъ столь великое, необычайное событіе въ мірѣ, какъ рожденіе по плоти Христа Спасителя.

Иконы:

1) (Τῆς σοφίας δοτήρ) Мудрости Подателю, Ты, Первовиновникъ совершеннаго вѣдѣнія, непостижимый Умъ, необъятная чина божественныхъ глаголаній (λέξεων), Источникъ мышленія, сущимъ во тьмѣ Свѣтильниче, Самъ подаждь мнѣ слово и разумѣніе, дабы воспѣть державу Твою и прославить твоихъ подвигоносцевъ: Ты воспріялъ за нихъ плоть, и плотію родился отъ Дѣвы, плотію же самоизвольно претерпѣлъ крестъ и смерть, Спасе. Ради Тебя, посему, и они совершаютъ *свой* подвигъ, *си* семь дѣвъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

2) ("Οτε) Когда всю землю наполняло нечестіе, тогда зломрадіе (отъ жертвенныхъ животныхъ) и самыя идольскіе жертвенники оскверняли собою весь міръ: заражался воздухъ, свѣтъ помрачался; царилъ великій страхъ, *возшла* сильная опасность; вѣрные терпѣли преслѣдованіе; были развѣдываемы градъ и пустыня; самыя пещеры, (служившія убѣжищемъ) для вѣрныхъ, раскапывались. Въ *сіе-то* время былъ найденъ и схваченъ *неверными* Леонидъ, сохранявшій крѣпкое мужество съ нятію другими женами; вмѣстѣ съ ними онъ пришелъ въ Коринѣъ, дабы пострадали семь дѣвъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

3) (Ἰσαχυθεῖς) Крѣпкій духомъ, *св. мученикъ*, схваченный, какъ повѣствуется, былъ веденъ въ Коринѣъ, и держали его во узахъ, шедшаго и поспѣшавшаго къ Траянополю (не по настоящему пути, но) по грубому тернію (ἐἰς πᾶσαν τῆς γλῶσσης), для радостнаго воспріятія вѣнца вышняго званія (Филипп. III, 14). Посему все множество народа, и стражи его, дивились и изумлялись *ему*, и давали ему возможность (χωρᾶν) уйти и скрыться, куда бы ни пожелалъ онъ; они совѣщались даже и совершенно освободить его отъ *мучилшнаго* ристалища, гдѣ, *наконецъ*, пострадали *оня* семь дѣвъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

4) (Τὴν τοιαύτην βουλήν) Отъ такого *лестнаго* совѣщанія Леонидъ уклонился (πέφευγεν); укрѣпившись же духомъ, онъ снабдилъ благочестивыя сердца сподвижницъ своихъ божественными словесами, умативъ ихъ ученіемъ Евангелія ¹⁾, дабы онѣ могли противостоять діаволу и волѣ его. Въ числѣ прочихъ были *тогда* двѣ, хотя, по возрасту *своему*, малолѣтнія дѣвы, но, по духу *своему*, одаренныя силою Хри-

¹⁾ Древніе борцы, когда приготовлялись на противоборство, имѣли обыкновеніе намазать себя. „Ut enim athletae, говоритъ Пинтра, luctaturi ἀλείφονται πρὸς τοὺς ἀγῶνας, sic VII virginum pectora verbis sacris incitantur et unguuntur.

ствою,—*Хариесса* (Χάρισσα) и *Нунехия*, которыя охотно совершаютъ совокупный подвижъ страданія,—седмъ дѣвъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

5) (Ἄμα) Вмѣстѣ съ сими тремя, предстоятъ двѣ другія крѣккія сподвижницы, *Ника* и *Галима*, съ непоколебимымъ навсегда *святымъ* убѣжденіемъ. Онѣ, съ того времени, какъ были взяты *на мученіе*, не умолкали отъ непрестанныхъ и неослабныхъ пѣснопѣній ¹⁾, и *не представляли* отъ слезъ, прославляя Бога даже до конца страданія своего. Научилъ же ихъ *сему* Леонидъ, мужъ, поистинѣ, разумный и, по *твердой* своей волѣ (ἐκ τοῦ βίου), благоспособный къ дѣлу той *духовной* мудрости (τέχνης), чтобы пребывали въ непорочной чистотѣ (παρθενεύειν) седмъ дѣвъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

6) (Παρελάβανεν) Для сего Леонидъ съ утра собиралъ Христовыхъ дѣвъ къ усыпальницѣ (ἐπὶ τὸ κοινητήριον) прежнихъ мучениковъ, и (уготовляя ихъ на подвижъ мученичества) намазалъ ихъ тамъ божественными писаніями и собственными убѣжденіями, научая ихъ, чему нужно, дотогѣ, пока видѣлъ *въ нихъ на самомъ дѣлѣ* то, что требовалось *съ его стороны*. Онѣ, посему, исполнялись мужествомъ *духовнымъ*, взирая на прежнихъ страдальцевъ—подвижниковъ, мученіями и язвами которыхъ, какъ бы живыми примѣрами, Леонидъ пользовался для наученія ихъ, предупреждая, чтобы онѣ не уклонялись (отъ пути имъ указаннаго), какъ седмъ вѣрныхъ Христу дѣвъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

7) (Ἐμμενόντων) Въ то время, какъ они долго пребывали въ молитвахъ ко Христу, отроковица Хариесса вдругъ повергается въ сонъ, и видитъ *Святаго* Духа, несущаго съ небеси вѣнцы побѣдныя, и укрѣпляющаго *ее* на подвижъ мученическій. И, вотъ, когда она только еще испускала изъ устъ своихъ рассказы (осемь сновидѣній), посланные отъ начальника войны, тотчасъ сдѣлавъ *на нихъ* нападеніе, повлекли ихъ, вмѣстѣ съ Леонидомъ, къ судилищу предъ игемона, дабы преданы были на мученіе седмъ дѣвъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

8) (Ἰδού) И вотъ, когда всѣ собрались, вывели, какъ повѣстуется, двухъ другихъ *дѣвъ*, одну—почтенную вдовицу, именемъ *Камису* (Καλλιδα), и другую—*Теодору*, цвѣтущую красотою и, *сверхъ кра-*

1) Въ славянской Ч.—Миней упоминается, что св. мученицы, *седмъ дѣвъ*, когда ходили по поверхности моря, благодарили Бога, прославляя Его пѣснью *Маріамны*, сестры прор. Моисея, воспѣтою ею по переходѣ Израильтянъ чрезъ Черное море; пѣснопѣніе, какъ повѣстуется, начинала св. мученица *Хариесса*.

солы, еще болѣе сіяющую своєю юностію: но сія непорочная дѣва (здѣсь хорошо упомянуть о кончинѣ ея), съ раннямъ презрѣніемъ своимъ къ красотѣ дѣвической, совершенно приуготовила себя тогда къ мученичеству. Почему и случилось ей пострадать вмѣстѣ съ прочими дѣвами, илѣ—седми дѣвамъ вмѣстѣ съ Леонидомъ.

СВ. МУЧЕНИКАМЪ ТИМОФЕЮ И МАВРѢ ¹⁾.

(Мая 3-го).

Кондакъ, гласъ 4-й. Подоб. Вознесыйся...

Вы, понесшіе многообразныя поруганія, и воспріявшіе отъ Бога вѣнцы, молитесь Христу за насъ, блаженные, совершающихъ всечестную (πνεύματος) память вашу, ты, преславный Тимофее съ Маврою, да умирить градъ и люди. Ибо Оупъ есть вѣрныхъ утверженіе.

Икосы:

1) Воспѣваю гробъ и честную раку мощей твоихъ, ²⁾ и величаю болѣзни и страданія, которыя ты мужественно ³⁾ претерпѣлъ; почему умоляю тебя, умилостиви и ко мнѣ Христа, воздаятеля твоего, да даруетъ мнѣ слово благодати *Своей* (λόγον ἐν χρίτῃ), да возмогу прославить *священныя* брани твои. Ибо никто изъ человѣковъ не можетъ достойно восхвалить подвиги твои (ἀριστέας),—какъ мужественно вступилъ ты въ ристалище, и избличалъ лукавыя мудрованія мучителя: поелику Богъ есть утверженіе вѣрныхъ.

2) Нѣтъ возможности высказать вполнѣ всѣ чудеса твои, преблаженне,—какъ, *находясь* въ юномъ возрастѣ, ты пришелъ въ ристалище, избличая враговъ своихъ; почему они, изумляясь твоему дерзновенію, воскипѣли *на тебя* гнѣвомъ, и, бичуя, принуждали тебя принести жертву бездушнымъ каменіямъ, *этимъ* злоухищреніямъ демонскимъ. Ты же, подлинно, стоялъ безтрепетнымъ, вопія: «На небесахъ живетъ Богъ мой; Ему только приношу жертву, Ему охотно приношу *свои* молитвы,

¹⁾ Переведено изъ Anal. sasga; Питрою заимствовано изъ Тавринскаго кодекса. Твореніе неизвѣстнаго иѣсописца, подражателя св. Ромѣну Сладкопѣвцу; безъ акростиха. Въ Афон. кондакаріѣ помѣщены гѣже кондакъ и икосы.—Св. Тимофеей былъ чтецомъ церковнымъ въ селеніи *Перапейскомъ* (въ Греціи); пострадалъ въ Оивандѣ вмѣстѣ съ юною супругою своею, Маврою, не болѣе какъ послѣ 20-ти дневнаго брачнаго сожитія съ нею, въ царствованіе Діоклитіана.

²⁾ Въ Афонск. кондакаріѣ между сими словами прибавлено: καθ' ὅρων.

³⁾ Καρτερῶς; въ Афон. конд. ἀλγῆθῶς.

поручаю душу и тѣло, и всегда пою: ибо Христось есть утверждение вѣрныхъ».

3) Ты, страстотерпче, возлюбившій *паче всего* чертогъ небесный,—тебя не превозмогла любовь родителей и супруги, ¹⁾ ни друзей, ни сродниковъ. Ибо, устремляя всецѣло око души своей ко Христу, Ему единому ты послѣдовалъ. Ради Его ты претерпѣлъ мученія, лишеніе очей, жженіе огнемъ, сильно болѣзненное расторженіе ²⁾ тѣлесныхъ нервовъ, потоками блаженныхъ кровей своихъ потопляя идольскія капища, подавляя ужасомъ лукавыя мудрованія мучителей: ибо Христось есть утверждение вѣрныхъ.

СВ. МУЧЕНИЦЪ МАРИНѢ ³⁾.

(Юля 17-го).

Кондакъ, гласъ 2-й Подоб.: Вышнихъ ища...

Крѣпко вооружившись духомъ, Марино, ты явно поразила врага, и принесла сама себя въ жертву Христу, стяжавъ тѣмъ себя богатство некрадое, вопія къ Нему: «Тебя единого, Слове мой, я возлюбила.

¹⁾ Св. мученица Мавра первоначально, какъ еще очень юная и обладавшая не малымъ богатствомъ, по страху мученій, и для угожденія мучителю игомону, согласилась склонять мужа своего къ жертвоприношенію идоламъ, и уже сдѣлала попытку къ сему; но вскорѣ, по его молитвѣ, благодатію Божіею, пришла къ спасительному убѣжденію не разлучаться съ мужемъ своимъ для полученія вмѣстѣ съ нимъ небеснаго мученическаго вѣнца.

²⁾ 'Επάσεις: въ Аѳ. код. ἐπάλλεις (пораженія).

³⁾ Переведено изъ Anal. sacra; заимствовано Питрою изъ Корвинск. кодекса. Твореніе, по замѣчанію Питры, — принадлежашее св. Феодору Студиту, quem plura, какъ говорить ояъ, si quis eius poemata eolverit, sat aperte produnt. Въ аеонск. кондакаріѣ сихъ кондака и икосовъ нѣтъ. Что касается до акростиха, то Питра говоритъ, что такъ какъ у Свиды нѣгдѣ имя св. мученицы пишется: Μαρτῖνα, то имя сіе, очевидно, находилось и въ акростихѣ.—Св. мученица Марина родилась въ Антиохіи Писидійской, была дщерію родителей невѣрныхъ; отецъ ея былъ языческимъ жрецомъ. По смерти матери своей, воспитавшись въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ отца, она слушала со вниманіемъ и усердіемъ рассказы христіанъ о Христѣ Спасителѣ и Его ученіи, и, послѣ сего, настолько утвердилась въ вѣрѣ Христовой, что, пришедши въ совершенный возрастъ, не склонилась ни на какія прельщенія мучителя, начальника Восточныхъ странъ, Оливерія (по чтенію славян. минеи: Олимерія), который, плѣнившись тѣлесною ея красотою, сильно желалъ взять ее себѣ въ замужство, и съ совершенною непреклонностію духа своего претерпѣла всѣ муки, даже до блаженной кончины своей, бывъ усѣчена мечемъ. Предъ самымъ усѣбноеніемъ ея, между прочимъ, произошло великое землетрясеніе и явленіе

Икосы:

1) (Μύρον) Муро благовонное Сый Слове, благоухай мое сердце; (ибо Писаніе явно изъяснило ¹⁾) о Тебѣ *какъ* о Мурѣ, дабы я возмогъ благогласно прославить стратотерницу Марину; да примениши ее всегда, какъ жертву Тебѣ благоприятную, какъ доблестно совершившую святыи подвигъ мученичества, ибо сила ея—Ты, къ которому она вопіяла: «Тебя единого, Спасе мой, я возлюбила».

2) (Ἀπασχ) Вся земля, поистинѣ, нынѣ веселится, честная Марино, празднуй память твою: ибо тебя необычайно озарилъ *славю и честію* Краснѣйшій Женихъ твой, котораго вельми возлюбивъ, ты зывала къ Нему: Съ пламенною вѣрою и съ усердною душею нынѣ я устрежилася къ Тебѣ, и скоро къ Тебѣ посиѣшаю, возгорѣвшись любовію къ Тебѣ; ибо смерть я почла *для себя* жизнію: Тебя единого, Спасе мой, я возлюбила».

3) (Ῥήματα) Слова *свои* подтвердивъ самымъ дѣломъ, ты укрѣплена была, Марино, Святымъ Духомъ и молитвою; почему просіяла свѣтомъ души своея болѣе, чѣмъ добротою лица *своего*. Видя сіе, страшный и безумный Оливрій приступалъ къ тебѣ съ ласкательствомъ, намѣреваясь на самомъ дѣлѣ (δῆρδεν) соблазнить тебя. Но постыжденъ былъ тобою этотъ ненавистникъ добра; ибо ты зывала ко Господу: «Тебя единого, Спасе мой, я возлюбила».

въ небесной славѣ Господа Иисуса Христа, призывавшаго ее, какъ возлюбленную невѣсту Свою въ вѣчно—блаженный покой Свой; отъ чего всѣ объмы были ужасомъ, и самый *спекуляторъ*, или—исполнитель казни, упалъ на землю въ безпамятствѣ; но св. Марина подняла его, дабы исполнить повелѣнное. Это было въ царствованіе Діоклитіана. По полн. Мѣсяц. Востока, ковчина ея полагается около 275 г. (Ч. II, стр. 208.) „Рука ея хранится въ Ватопедскомъ монастырѣ, на Авопѣ, и въ проскинитаріи 1701 г. говорится, что до сего времени чудодѣйствуетъ,—изгоняетъ демоновъ и врачуетъ всакую болѣзнь. У западныхъ она называется то Мариною, то Маргаритою, и считается помощницею въ родахъ“. *Полн. мысли. Вост., тамъ же.*

1) Ὑπερφύωτο —зн. *изъяснило* или: *показало*. Въ Свящ. Писаніи нѣтъ прямого свидѣтельства, гдѣ бы Сынъ Божій буквально наименованъ былъ *муромъ*, или *благоуханіемъ*; но есть свидѣтельства въ томъ же Писаніи, что благодать Божія изображается какъ благоуханіе и муро; напр. въ псалмѣ 132-мъ ст. 2-мъ, Божія благодать укрѣпляющая и связующая человѣковъ узами братскаго и мирнаго единенія, изображается какъ *муро наглавъ, сходящее на браду, браду Ааріону, сходящее на омы одежды его*. Слѣдовательно, и Сынъ Божій, какъ истинный Богъ, въ Св. Писаніи представляется Источникомъ муръ и благоуханія духовнаго, или благодати Своей.

4) (Εἰξας εὐδ' ἔλωσ) Ты нисколько не уступила убѣжденіямъ беззаконнаго мучителя, и съ дерзновеніемъ исповѣдала Господа. Ибо, возымѣвъ къ Нему все свое усердіе (ἔφεσιν), дѣво, ты съ цѣломудренными духомъ претерпѣла множество мученій, и, благодушно укрѣпивъ сердце свое мужествомъ и размышленіемъ, обнаружила въ себѣ умъ непоколебимый; почему и усердно вопіяла: «Тебя единаго, Спасе мой, я возлюбила».

5) (ὦ τῆς ἀφάτου κηδεμονίας) О, Сколь неизреченно промышленіе Бога и Спасителя! Ибо, богатъ Сый, Онь волею восхотѣлъ обнищать (насъ ради. 2 Кор. VIII, 9). Посему, какими устами принесу моленіе (ἱκεσίαν) Ему, почтившему естество наше, слабое и въ землю обращающееся? Но, впрочемъ, съ благодареніемъ пріемля и то, что нынѣ имѣю (οὐλίπερ), молю: «да не презряши мене, хотя и многими одержимъ я прегрѣшенными; но пощади, молитвами Рождшія Тя: Тебя единаго, Спасе мой, я возлюбилъ».

СВ. ПЕРВОМУЧЕНИЦЪ ΘΕΚΛῆ 1).

(Сентября 24-го).

Кондакъ, гласъ 2-й. Самогласенъ.

Ты, явившій Θεклу первомученицею между женами, камъ блистающій вѣнецъ между подвижницами, ущедри насъ по неизреченному благоутробію Твоему. Дикіе звѣри ее не устрашили, но и каменія не поразили; ибо Самъ Ты подаешь рабамъ Твоимъ силу. Ты, прославившій Θεклу, Христе, спаси насъ.

Икосы:

1) (Θεόν) Нынѣ съ усердіемъ предпоставимъ, вѣрныя, Бога 2) началомъ (πρόδρομον) нашей слова, совершая преславную память первомученицы Θεклы; ибо она всегда невидимо ликуеть съ нами, и, таинственно освящая всѣхъ насъ, побуждаетъ (προτρέπεται) черезъ сіе

1) Переведено изъ Anal. sacr; заимствовано Питрою изъ кодекса Крнитоферратинскаго (Стуртоферратенсі). О пѣснописцѣ сего творенія Питра замѣчаетъ: Nec poëta latet, si fuerit Thecla certe inter elegantes saec, IX melodos computanda, какъ видно изъ акростиха: Θέκ(λα). Въ Аѳон. кондакарѣ сихъ кондака и икосовъ нѣтъ.—Свѣдѣніе о св. первомученицѣ было помѣщено въ книгѣ: „Кондаки и икосы разн. церквн. пѣснописцевъ, стр. 17-я, 2-го листа, и 84-я. Св. Θεкла почитается равноапостольною: она проповѣдывала Евангеліе Христово въ *Селевкии*, гдѣ совершала великія и многоразличныя чудеса.

2) Имя Божіе.

непрестанно превозносить Христа, Любителя своего и Учителя, взывая: «Привидите, будемъ чадами свѣта, да воспоемъ вкупѣ: <Ты, Христе, прославившій Ѳеклу, спаси насъ».

2) (*Ἐκκλησιαστής*) Нося непрестанно въ сердце своемъ Христа, Ѳекла мужественно презрѣла земнаго любителя и смертнаго (*φάρμακον*) жениха, и всѣ удовольствія сей временной жизни; возжепшись же безмѣрною любовію къ самому Христу, молитвенно взывала къ Нему: Женипе мой, Нетлѣнный Слове, Тебя вельми люблю, Тебя ищу, Тебя лобызаю; съ тобою сраспинаюсь на крестѣ и спогребаюсь; не презри мене, едине Безсмертне». Ты, Христе, прославившій Ѳеклу, спаси насъ.

3) (*Καταλυχασθῆισα*) Озаривъ умъ своей божественною любовію, Ѳекла, затѣмъ, съ ненасытнымъ наслажденіемъ *слушаетъ* слово Божіе; ¹⁾ предъ всѣмъ собраніемъ народа, предъ всѣми присными ей дѣвами, она идетъ въ средину ристалища. Она, такимъ образомъ, направила себя къ вѣчному лицезрѣнію Бога. Возведши же очи свои горѣ, она вмѣстѣ съ тѣмъ очистила (*ἄξιουεν*) слухъ и обоняніе свое, дабы представить себя Богу непорочною во всѣхъ членахъ своихъ. Ты, Христе, прославившій Ѳеклу, спаси насъ.

СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦѢ АНАСТАСІИ *узрѣвательницы* ²⁾.

(Декабря 22-го).

Кондакъ, гласъ 3-й Подоб.: Дѣва днесъ...

Дѣва страсготерпица нынѣ поразила и убила врага Евы, устремившись *противъ него* всею силою своей вѣры: мучители, съ своими казнями, приносятъ ей обиліе славы (*πληροφροσύνην*); ангелы съ вѣнцами побѣды торжественно сопровождаютъ ее (*δορυφροσύνην*). Посему чрезъ нее спаси насъ, Спасе міра, Сый надъ всѣми, Боже.

¹⁾ Псал. XXXVI, 4. Здѣсь вмѣстѣ указывается на то обстоятельство, что она была слушательницею св. Ап. Павла во *Иконіи*, въ домѣ *Онисифора*, о которомъ упоминаетъ самъ же св. Апостоль (Тим. 2 посл. I, 16).

²⁾ Переведено изъ Ана1, засга; Питрою заимствовано изъ Корзьянск. кодекса. Твореніе неизвѣстнаго пѣнописца, подражателя св. Романа Сладкопѣвцу, какъ видно далеко незаконченное: *Το(υ) Τ(απεινου)*... Въ Афон. кондакарѣ сихъ кондака и икосовъ нѣтъ. — Св. Анастасія была родомъ Римлянка, дочь знаменитыхъ и славныхъ родителей. Отецъ ея былъ язычникъ, но мать христіанской вѣры. Сія послѣдняя отдала дщерь свою въ наученіе благочестивому мужу, именемъ *Хрисогоону*, отъ котораго она совершенно научилась христіанскому благочестію, и кромѣ того приобрѣла сильную охоту къ чтенію божественныхъ писаній, чѣмъ болѣе—и болѣе утверждалась въ вѣрѣ во Христа. По

Икосы:

1) (Τοῦ Σωτῆρος) Исаія, ботословства, проповѣдуетъ божественное вочеловѣченіе Спасителя нашего, какъ и Павелъ священноявленный: нынѣ во всю землю изыде въщаніе небесное, и содѣлало ее обильно плодоносящею. Множество святыхъ, мучениковъ воинства приносятъ дары на небесѣхъ *Судящему* (τῷ ἐν οὐρανοῖς); ибо всякое отечество язычниковъ (ἔθνων) поклоняется Ему. Ихъ украшеніе — честная Анастасія, міра Спасителю, Сый надъ всеми, Боже.

2) (Ὁδηγός) Сія богоизбранная дѣва была путеводительницею вѣрнымъ, подобно какъ древле Моусей *евреямъ* въ Египтѣ (τοῖς ἐν Αἰγύπτῳ). Но нынѣ совершенно болѣе прежняго. Ибо тамъ не все получили въ наслѣдіе Іерусалимъ: здѣсь же все содѣлалось наслѣдниками Іерусалима небеснаго. Древле Іисусъ (*Навигъ*) только предъизобразилъ крестъ: а нынѣ, Христе Іисусе, Боже Предвѣчный (какъ и по ученію Моусея) Ты *все сіе* исполнилъ, міра Спасителю, Сый надъ всеми, Боже.

3) (Τροπαιῶνον) Побѣдительницею ли нареку ее, или учительницею? Воспою ли ее *какъ* доблетную подвижницу, или *какъ* невѣсту (Христову) и виноградную лозу? Назову ли ее крѣпкою скалою, (πέτρην), столпомъ, стѣною, или кораблемъ, плывущимъ съ обиліемъ *сокровищъ туда*, гдѣ *уготованъ* рай небесный? Или, *наконецъ* — божест-

---

смерти благочестивой матери своей, *Фавсты*, она отдана была въ замужство отцемъ своимъ невѣрному *Помпайю*, который былъ однимъ изъ вельможей царскихъ. Св. Анастасія, отъ начала до конца, не соизволила на себѣ бракъ, и молитвами своими испросила себѣ у Бога, чтобы дѣвство ея оставалось неприкосновеннымъ, въ совершенной чистотѣ, по объѣту ея. Молитва ея была услышана: Помпайъ вскорѣ умеръ отъ потопленія въ морѣ, бивъ отравленъ съ посольствомъ къ царю Персидскому. Послѣ того она постоянно пребывала въ *Македоніи*, въ городѣ *Никей*, у одной благочестивой вдовицы, именовъ *Теодотіи*. Здѣсь свободно уже раскрыла она все сокровища благочестиваго сердца своего для благоугождения Богу и для пользы и спасенія ближнихъ. Особеннымъ дѣломъ ея благочестія было посѣщеніе заключаемыхъ въ темницахъ и помощь имъ во всехъ нуждахъ: *многимъ узы разрѣши своимъ попеченіемъ тайнымъ, многимъ слабу принесе, многихъ отъ неисцельныхъ ранъ своими руками труждающихся и врачующи исцели; многихъ, полумертвыхъ бывшихъ, своимъ служеніемъ оживи*, — почему и получила наименованіе *узоръшительницы*. Такою благочестивымъ служеніемъ ближнимъ, и въ особенности христіанамъ, она сдѣлалась извѣстною гонителямъ христіанства, отъ которыхъ претерпѣла многоразличныя жестокія мученія, изъ которыхъ послѣднимъ было распростертіе тѣла ея между четырьмя столицами и жженіе огнемъ. По блаженной кончинѣ, тѣло ея, однакоже, осталось не поврежденнымъ отъ огня. Жизнь и страданіе ея относятся во время царствованія Діоклитіана.

венною пристанію, къ которой направляя путь *свой*, прибѣгаемъ мы, окруженные многоразличными искушеніями? Что еще скажу? Ибо ей все приличествуетъ; поелику, чрезъ свѣтозарную вѣру *свою* (πίστεϊ λαμπρᾷ), она все имѣетъ во Христѣ, совершивъ до конца *заповѣданное* въ *божественныхъ* Евангеліяхъ, Спасе міра, Сый надъ всѣми, Боже.

СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ 1).

(Ноября 24-го).

Кондакъ, гласъ 3-й. Подоб. Дѣва днесь...

Нынѣ витійствууетъ мученица Екатерина, которая обличила ученіе безвѣрія риторовъ. Ангель съ небесъ предсталъ ей, свыше подая силу, воспріявъ которую, она мужественно стала (въ ристалищѣ); ибо Христось есть утвержденіе мучениковъ.

Икосы:

1) (Γῶ φωτί σου) Свѣтомъ Твоимъ, Христе, просвѣти мое сердце, и Духомъ Твоимъ исполни уста моя, да достойно воспую Твою стратотерпицу. Ибо она, поистинѣ, вооруживъ себя словомъ и благодатию, мудростію и духомъ, обличила множество риторовъ гордившихся тщетою (ματαίωσις). Симъ всеружіемъ *Святыхъ* Троицы, всесчастная *дѣва* привела ихъ къ Богу, своему Владыкѣ и всѣхъ Спасителю. Ибо Христось есть мучениковъ похвала.

1) Переведено изъ Анал. засга к. Пятры, которымъ заимствовано изъ Тавринск. кодекса; твореніе неизвѣстнаго пѣснописца, подражателя св. Роману Сладковѣвцу. Судя по краткости акростиха: ΓΟῶ, твореніе сіе далеко незаконченное. Въ Афон. кондакарѣ свхъ кондака и икосовъ нѣтъ.—Согласно повѣствованію славян. Ч.-Минск. св. великомученица Екатерина была дочерію императора *Консты*, царствовавшаго прежде Максимиана. При чрезвычайно-рѣдкихъ способностяхъ, получивъ образованіе во всѣхъ наукахъ современной ей Эллинской школы, она, дабы не ослабить въ себѣ стремленія къ любомудрію, по достиженіи совершеннаго возраста, рѣшилась сохранить навсегда свое дѣвство, и посему отказалась отъ всѣхъ предложеній къ брачному сожитію, нисколько не обращая вниманія на то, что, при своей необыкновенной красотѣ и счастливѣйшихъ успѣхахъ умственнаго просвѣщенія, она, какъ царская дочь, могла и имѣла всѣ права, съ теченіемъ времени, возсѣдать на царственномъ престолѣ. Мать ея, жена царя Консты, бывъ потаенная христіанка; а посему и дочь свою, Екатерину, она поручила своему духовному отцу для просвѣщенія ея свѣтомъ вѣры Христовой; отъ него и пріяла себѣ св. крещеніе мудрая Екатерина. Случаемъ къ принятію ею мученической кончины, было слѣдующее обстоятельство. Нечестивый императоръ Максиминъ, прибывъ въ

2) (Ὁ σοφία) Утвердившій въ началѣ (πρῶτον) премудростію своею землю на водахъ (Псал. СXXXV, 6), Онъ и нынѣ послалъ ангела своего; ибо все совершается по волѣ Его. Послѣшивъ (на помощь), Онъ сказалъ мученицѣ: «Мужайся и крѣпись; не бойся воющихъ на тебя: ибо ногами твоими попрутъ вознесшій древле на высоту рогъ свой (Пс. LXXIV, 5), и лукаво прельстившій въ раю Адама, побѣжденъ же отъ тебя силою *Святыхъ* Троицы. Ибо Христосъ есть мучениковъ похвала.

3) (ὑπο τούτων ἐπιθύς λεχθέντων) Вскорѣ, послѣ сихъ словъ, премудрая *дѣва* ополчилась на врага съ небоязненнымъ духомъ, и, ставъ мужественно предъ витіями, сказала: «Слѣпоумные, познайте, кто—всѣхъ Творецъ, котораго незаконные присудили пригрозить къ древу *креста*, да отъ вѣка умершихъ оживотворить нынѣ отъ истлѣнія, и Своимъ хотѣніемъ приведетъ ихъ ко Отцу со *Святыхъ* Его Духомъ. Ибо Христосъ есть мучениковъ похвала.

ТОЙ ЖЕ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦѢ ¹⁾.

Кондакъ гласъ 2-й. Подоб. Вышнихъ щца...

Издѣтка бывъ одарена богато Божіею мудростію, и обуздавъ страшные языки витій, ты предала себя на мученія съ радостію, пре-

Александрію, гдѣ жила св. Екатерина, пожелалъ устроить жертвоприношеніе всѣмъ богамъ языческимъ, какихъ почитали въ сей странѣ: предъ лицомъ его является св. Екатерина. и, нисколько не страшась, порицаетъ всю низость и пустоту языческаго идолослуженія. Максиминъ со всѣхъ козцевъ царства своего созываетъ всѣхъ знаменитыхъ въ то время мудрецовъ, ученыхъ философовъ и витій, дабы опровергнуть ученіе проповѣдуемое св. Екатериною; но послѣ перваго знаменитѣйшаго философа, который, въ разсужденіи объ истинномъ Богѣ, остался ею побѣжденнымъ, всѣ другіе собранные каремъ учене и философы сознались предъ нимъ, что вѣроученіе христіанское, которое проповѣдуетъ Екатерина, неопровержимо. Тогда разлрванный царь повелѣваетъ ихъ казнить, и они, посему, приняли мученическую кончину, исповѣдавши предъ Богомъ свои прегнія—ложныя убѣжденія; а св. Екатерина долгое время оставалась въ заключеніи въ темницѣ. Здѣсь посѣтила ее императрица, жена Максимина, послѣ особеннаго, быяшаго ей, чуднаго сновидѣнія, имеемъ *Августа*, въ сопровожденіи главнаго изъ царскихъ вельможъ, *Порфирія*, съ 200 воиновъ. Послѣ богомудраго собесѣдованія со св. Екатериною, всѣ они увѣровали тутъ же во Христа. По сему случаю Максиминъ, какъ упорнѣйшій язычникъ, всѣми мѣрами желая остановить успѣхи христіанства въ своемъ царствѣ, послѣ другихъ жесточайшихъ мученій, повелѣлъ казнить св. Екатерину мечнымъ усѣченіемъ во главу. Царствованіе Максимина, согласно хронологіи „Поли. Мѣсяцосл. Востока“, продолжалось отъ 305-го до 315 г. по Р. Хр.

¹⁾ Переведено изъ Анал. сага; заимствовано Питрою изъ Корзинскаго кодекса. Твореніе неизвѣстнаго пѣснописца, подражателя св. Роману Сладкопѣвцу. Въ Афон. кондакаріи на греч. языкѣ сихъ кондака и икосовъ вѣтъ.

славная, благопокорно творя молитву къ *Божественному* любителю своему за всѣхъ насъ.

Икосы:

1) (Τί σοι, Χριστέ) Что тебѣ принесу, Христе, я окаянный? И какими воздамъ Тебѣ словами за всѣ дары, которые Ты далъ мнѣ, Человѣколюбче,—я, не имѣющій языка *способно* къ пѣснопѣнію, при неуправленномъ къ истинѣ разумѣ? Но дерзая на благоутробіе Твое, Преблаже, воспую память мудрыя подвигоносицы, Екатерины; ибо она явила себя украшеніемъ и похвалою женъ и мужей, творя молитву къ *Божественному* Любителю своему за всѣхъ насъ.

2) (Ὁλωσ) Совершенно безсиленъ умъ, или же слово *мое*, къ тому, дабы изрещи *всю* пучину чудесъ твоихъ, Екатерино: ибо ты, богоизбранная, преисполненная мудрости издѣтска, изучивъ всякое писаніе Аскліпія, Гомера и Платона, и ученія Виргилія, Галена и Евсевія, и наставленія Аристотеля, ¹⁾ содѣлалась Христовою ученицею, творя молитву къ *Божественному* Любителю своему за всѣхъ насъ

3) (ὑποβλήθεις) Одержимый, по дѣйствию лукаваго, идолонействствомъ, царь Максентій повелѣваетъ приносить жертвы демонамъ, распространивъ написанный законъ (δόγμα) *своей* повсюду. И превеликое множество *народа* стекалось для исполненія *сею* велѣнія, принося къ жертвенникамъ жертвы. Но Екатерина, увидѣвъ сіе, приблизилась къ повелителю, проповѣдая вѣру во *Святую* Троицу, и моляся Христу, преславная, творя молитву къ *Божественному* Любителю своему за всѣхъ насъ.

4) (Τὸν ἀληθῆ) Отъ премудрыхъ устъ *своихъ* славная отроковица возвѣстила предъ Максентіемъ истинное ученіе (λόγον) вѣры. «Для чего ты», говоритъ она, «собравъ безконечное множество *людей*, погубляешь души всѣхъ *ихъ*? Познай», говоритъ, «Сотворившаго все *единымъ* словомъ, и ниспровергшаго идоловъ честною страстію Своею и крестомъ. Ибо я познала Его, отвергнуши (μη στέργουσα) любовь къ ложному богопочтенію, *служенію* богамъ твоимъ». Ты, творящая молитву къ *Божественному* Любителю своему за всѣхъ насъ.

1) „Кто же, теперь, этотъ Аскліпій? Кто Евсевій, замѣчаетъ к. Питра. И какъ явился здѣсь Виргилій? Ибо довольно извѣстны свѣту Гомеръ, Платонъ, Галень, Аристотель. А тотъ Аскліпій, котораго прекрасный пѣснописецъ хочетъ представить современнымъ и извѣстнымъ Екатерину, быть можетъ, тотъ самый философъ Аскліпій, который потрудился собрать ученія Платона и Аристотеля... Евсевій, по моему мнѣнію, долженъ быть Евсевій Аравійскій, о которомъ говоритъ Фотій in cod. 231“.

СВ. МУЧЕНИЦЪ АГАΘΙΙ 1).

(Февраля 5-го).

Кондакъ, гласъ 2-й. Подоб. Вышнихъ ища...

Единый благій Богъ, вѣдый доброту твою *еще* отъ твоего младенчества, честная Агаѳіе, избавивъ тебя отъ лукаваго сообщенія, 2) сподобилъ нестипыныя славы, —ты, Владыку всяческихъ за насъ убожающая.

Икосы:

1) (Ἐκ τοῦ Θεοῦ) Получивъ олъ Бога имя свое, ты, преславная мученице, отъ юности избрала себѣ благую часть, которая, по слову Спасителя нашего, никогда не отъимется отъ тебя. Но *какъ* вѣчная участница блаженныхъ селеній, ты умилостивляешь Господа за насъ, рабовъ твоихъ, да престанемъ отъ лукавыхъ дѣяній и спасемъ *тобою*, преславная, Владыку всяческихъ за насъ убожающая.

2) (Ἦναι λοιπὸν) Впрочемъ дабы показать терпѣвіе твое удобопрѣмѣннымъ (ἐπιμετάρτων), 3) Агаѳіе, мученице многострадальная, неукротимый звѣрь (мучитель) возгарается сердцемъ своимъ съ яростію, и усиливается мучить тебя, избирая для тебя всякій видъ мученій, отсѣкая твои члены, и отторгая два сосца, которые, послѣ того, въ лучшемъ видѣ даровалъ тебѣ первоверховный апостоль. Ты, Владыку всяческихъ за насъ убожающая.

3) (Σὺ ἐν τῇ σκέπῃ) Къ твоему нынѣ прибѣгаю покрову, благоименитая мученице 4), и къ твоимъ стонамъ съ вѣрою припадаю: раз-

1) Переведено изъ „Anal. засга“ к. Питры, которымъ заимствовано изъ Тавринскаго кодекса; твореніе неизвѣстнаго лѣсописца.—Въ Аѳ. кондакарѣ слыхъ кондака и икосовъ нѣтъ. Св. мученица Агаѳіа была родомъ изъ Сициліи, дочь благородныхъ и богатыхъ родителей, воспитанная въ христіанскомъ благочестіи; она добровольно, сама по себѣ, отказалась отъ всѣхъ выгодъ земнаго своего положенія, чтобы только сподобиться вѣнца мученическаго. Изъ повѣствованія о ея страданіяхъ за Христа, особенно примѣчательно то, что, Божіею благодатію и силою, мучители, при испытаніи всѣхъ видовъ казней, остались совершенно безсильными предъ нею, такъ что она, послѣ всѣхъ мученій оставшись невредимою, блаженнымъ образомъ скончалась, бывъ отвѣдена въ темницу, гдѣ совершила молитву ко Господу о принятіи души своей отъ сего міра въ горнія, небесныя, селенія.

2) Πονηρῶς μίξως. Сими словами указывается на избавленіе ея Господомъ отъ сожительства съ нечестивымъ мучителемъ *Кинтиліаномъ*, который сильно былъ увлеченъ ея красотою. Кинтиліанъ былъ *воеводою* на островѣ Сициліи.

3) Т. е. не твердымъ.

4) *Агаѳіа*—на греческомъ языкѣ: Ἀγαθή, добрая, прекрасная.

гони (λύσον) печаль души моея, да не ниспадетъ она во глубину отчаянія, безвременно упишемъ отягчаемая, и предастъ забвенію словеса пѣсни, которую благовременно (καλῶς) нынѣ воспѣлъ я: но, по мѣрѣ моей любви къ тебѣ, воздай мнѣ покровительствомъ своимъ, Владыку всяческихъ за насъ ублажая.

ТОЙ ЖЕ СВ. МУЧЕНИЦѢ 1).

Кондакъ, мисль 4-й. Подоб.: Явился еси...

Кровьюми страданій своихъ, Агаѳіе, мученице преславная, ты богомудро увѣнчала дѣвственную свою чистоту, и радуешься вмѣстѣ съ ангелами, проси всѣмъ нетлѣнный вѣнецъ.

Икосы:

1) Нынѣ я созерцаю здѣсь дѣвственный праздникъ и нетлѣнный чертогъ, и множество дѣвъ свѣтлыхъ, честныхъ, прекрасныхъ. Подобно какъ небо, красуется преславный (τίμιος) бракъ и чертогъ въ вышнихъ, — которыхъ (дѣвъ) и ложе нескверно. Но не могу достаточно описать въ похвадахъ всю ихъ доброту; ибо червь есмь, и какъ я, низостиѣйшій (χαμερπής) достигну *толковой* высоты? Кто же подастъ мнѣ крилъ голубинѣ (Пс. LIV, 7), да поспѣшу прославить востекшихъ къ пріятію почести вышняго званія (πρὸς τὸ βραβεῖον τῆς ἀνωθεν κλήσεως).

2) Ты, даровавшій пчелѣ *способность* собирать сладость, это тѣлесное врачество, и оному (ἐτέρω) червю 2) мудрость производить шелковыя нити, подаждь и душѣ моей силу исткать пѣснями похвалу чудесамъ твоимъ и прославленіе Твоимъ подвигоносцамъ. Ниспосли мнѣ сѣмя благодати, Слово, дабы я, какъ червь по землѣ пресмыкающійся, украсился пѣснопѣніями Тебѣ, и изъяснилъ добродѣтели Агаѳіи, отъ души пламенно возлюбившей Тебя, претерпѣвшей ради Тебя мученія, и востекшей къ пріятію почести вышняго званія.

1) Переведено изъ Anal. sasga; Питрою заимствовано изъ Корвинскаго кодекса; твореніе неизвѣстнаго пѣснописца, подражателя св. Роману Сладкопѣвцу. Акростихъ неполный: (Ἦ)πο(ς), и далеко незаконченный, по замѣчанію Питры, который говоритъ, что, въ полномъ акростихѣ, ἔπος legebatur olim cum longa serie rerum et certaminum Catanensis uirginis. Въ Аѳон. кондакахъ и икосовъ нѣтъ.

2) Питра здѣсь замѣчаетъ: Это, быть можетъ, единственный нашъ пѣвтъ, который воспѣлъ шелководичнаго червя, и какъ это взявши, послѣ смѣреннаго и стройнаго стиха: σκώληξ γὰρ ὑπάρχει.

СВ. ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЪ ЕВДОКІИ ¹⁾.

(1-го марта).

*Кондакъ, гласъ 2-й. Под.: Твердыя и болю-
тыцанныя.*

Уязвившись любовію ко Христу, и послѣдовавъ стопамъ Его, подобно какъ дщерь царева, ты украсила, всечестная мученице, душу *свою*, Евдокіе, и нынѣ вѣнчанная получила блаженную жизнь и наслажденіе.

¹⁾ Переведено изъ Анал. засгг; заимствовано Питрою изъ Тавринскаго кодекса. Твореніе неизвѣстнаго, — подражателя св. Роману Сладкопѣвцу. Изъ начальныхъ буквъ икосовъ видно, что акростихъ здѣсь только начинающійся, по подражанію св. Роману: ГоѠ. Въ Аѳонскомъ кондакаріи сихъ кондака и икосовъ нѣтъ.—Св. преподобномученица Евдокія родомъ Самарянка, жила во времена Римскаго императора Траяна (98 — 117 г. по Р. Хр.), въ *Иліополи*, древнемъ городѣ, сопредѣльномъ съ Іудеею. Пришедши въ совершенный возрастъ, она долгое время сопровождала въ крайнемъ непотребствѣ и развращеніи, какъ извѣстѣйшая всѣмъ блудница, каковымъ способомъ, согласно повѣствованію о ней въ славянской Ч.-Минеѣ, она собрала себѣ богатство столь великое, съ каковымъ могли равняться только царскія сокровища. Господу угодно было исхитить ее изъ бездны погибели, въ которой находилась она, чрезъ нѣкоего благочестиваго инока, именемъ *Германа*. По близости жилища своего къ хижинѣ, въ которой пребывалъ св. Германъ, она, въ ночной тишинѣ, слышавъ однажды, что, по обыкновенію, онъ читалъ отъ божественныхъ писавій—о послѣдней судьбѣ міра, о страшномъ судѣ Божиимъ, о вѣчныхъ мукахъ, уготованныхъ для грѣшниковъ и безконечномъ блаженствѣ для праведниковъ,—столь сильно поражена была слышаніемъ всего этого, что не могла уснуть во всю эту ночь, и затѣмъ немедленно пригласила съ себѣ св. Германа, чтобы онъ подробно изъяснилъ ей все ученіе истинной вѣры, приводящее ко спасенію. Дѣйствіемъ всеосиявающей и спасающей благодати Божіей, Евдокія тотчасъ объявляетъ сему благочестивому мужу—страннику, что она вполне убѣдилась его словами, и согласна вполне принять христіанскую вѣру; послѣ чего вскорѣ принимаетъ св. крещеніе, и затѣмъ вскорѣ же поручаетъ епископу Иліополя все множество грѣховнымъ образомъ нажитаго ею богатства, прося его раздать все оное нищимъ и употребить, по его усмотрѣнію, на дѣла благочестія; сама же посвятила себя строгому иноческому житію, въ которомъ превзошедши всѣхъ о Христѣ сестръ своихъ, была поставлена игуменіею монастыря въ которомъ подвизалась. Съ теченіемъ времени, она достигла столь высокой степени благочестія и близости своей къ Богу, что совершила множество великихъ чудесъ, какъ, напримѣръ, неоднократно воскресивъ мертвыхъ. Св. подвижница сія сподобилась принять вѣнецъ мученической, когда, на мѣсто умершаго игемона, благочестиваго христіанина—Диогена, вступилъ въ управленіе злочестивый и лютый гонитель христіанъ, игемонъ *Викентій*.

Икосы:

1) (Τὸν Θησαυρὸν) Отъ сокровища божественной мудрости, и, подлинно отъ самой Премудрости, отъ прѣзобильнаго Источника благъ и и благодатныхъ дарованій, съ вѣрою испрашиваю каплю слова, да достойно воспую сіяющую мученическимъ вѣнцемъ правды, отроковицу, пречестную Евдокію, дѣву и непорочную мученицу, которая и въ страданіяхъ, вѣнчавшись вмѣстѣ съ праведными, обрѣла, Человѣколюбче, жизнь блаженную и наслажденіе.

2) (Ὁλβον φειρόμενον) Ты, мученице, оставивъ тѣльное и скоропреходящее богатство, сохранила себѣ сокровище некрадомое; ибо свѣтло, какъ роза отъ терній, произникши отъ отеческаго нечестія, ты пожгла скверну еллинскаго развращенія; получивъ же призваніе и благодать съ небеси, ты, преславная, врачуешь наши болѣзни душевныя и тѣлесныя, стремясь къ блаженной жизни и наслажденію.

3) (ὑπεραστράπτουσα) Сіяя красотою *своею* паче лучей солнечныхъ, ты *вмѣстѣ съ тьмою* превосходишь *всѣхъ* свѣтозарною добротою души *своей*. Ибо родители сохраняли ее въ чертогѣ, какъ дѣву, поистинѣ, благоволеніемъ на то Божіимъ, какъ показано. Но она, презрѣвъ дальнее, и ища царствія горняго, сокрушила лженменныхъ боговъ, какъ бездушныхъ (Ὡς μὴ ζῶντας), и воспріяла блаженную жизнь и наслажденіе.

СВ. ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦѢ ФЕВРОНИИ ¹⁾.

(25-го іюня).

Кондакъ, гласъ 4-й. Подб.: Явился еси...

Прославимъ, вѣиные, въ пѣсняхъ Февронію, оставившую все земное издѣтка; ибо она попрапа врага, и получила сугубый вѣнецъ побѣды.

¹⁾ Переведено изъ Анал. саста; заимствовано Питрою изъ Тавринскаго кодекса (f. 121); твореніе неизвѣстнаго пѣснописца, подражателя св. Роману Сладкопѣвцу, начинающееся, надъ икосами, акростихомъ: Τῶ. Въ Ае. кондакаріи помѣщены кондакъ и три икоса (см. кондакаріи архимандрита Амфилохія, стран. 124 и 187). Св. преподобномученица Февронія, съ двухлѣтнаго возраста, воспитывалась въ женскомъ монастырѣ, въ *Сивасполѣ*, древнемъ Ассирійскомъ городѣ; достигши совершенныхъ лѣтъ, она совершенно посвятила жизнь свою на служеніе Богу въ непорочномъ дѣвствѣ; пострадала въ царствованіе Діоклитіана (184—305 гг. по Р. Хр.), бывъ принуждаема отъ мучителя къ выходу въ замужество, по чрезмѣрной красотѣ своей, и отвергнуши всѣ предлагавшіяся ей земныя прельщенія.

Книга пророка Аввакума.

(*Опытъ историко-критическаго экзегетическаго изслѣдованія*).

Вступленіе.

Книга пророка Аввакума имѣетъ такія особенности, которыя побуждаютъ къ изслѣдованію ея. Для библіологическаго изслѣдованія особенный интересъ книги заключается въ отсутствіи прямыхъ указаній на время ея происхожденія. Для экзегета книга Аввакума представляетъ особенный интересъ по своеобразности рѣчи: образы, встрѣчающіеся въ ней, и обороты рѣчи—во многихъ случаяхъ единственны въ Библии. Кромѣ того, содержаніе книги, отличающееся особенною задушевностью и сердечностью, но часто несвязное, (что приводило критиковъ къ предположенію о вставкахъ, пропускахъ, утратахъ извѣстныхъ отдѣловъ и т. п.) вызываетъ на особенно внимательный анализъ ея. Послѣ такого анализа, предъ нами возстаетъ цѣльный, живой образъ пророка съ его произведеніемъ, и вся книга дѣлается понятною и въ высшей степени интересною и поучительною. Второстепеннымъ мотивомъ, примѣнимымъ и ко всякой другой ветхозавѣтной книгѣ,—можетъ служить опредѣленіе достоинствъ и недостатковъ перевода LXX и славянскаго перевода, сравнительно съ существующимъ нынѣ еврейскимъ текстомъ. Западные экзегеты отдають исключительное предпочтеніе еврейскому тексту и унижаютъ переводъ LXX. Съ запада этотъ взглядъ переходитъ и къ намъ, въ униженіе славянскаго перевода. Такая односторонность, въ виду древняго уваженія церкви и богослововъ къ переводу LXX, въ настоящее время не можетъ быть оставлена безъ вниманія. Планъ и порядокъ нашего изслѣдованія будетъ соответствовать общепринятому и самому естественному, т. е. мы сначала займемся рѣшеніемъ исаго-

гическихъ вопросовъ и преимущественно, самаго труднаго и важнаго въ настоящемъ случаѣ, — вопроса о времени служенія Аввакума. Затѣмъ, будемъ послѣдовательно объяснять книгу, пользуясь филологическимъ разборомъ еврейскаго текста. Въ виду особенностей книги, о которыхъ выше говорили, къ филологическому разбору присоединимъ психологическій анализъ. Историко-критическому изслѣдованію книги предпошлемъ необходимый анализъ содержанія ея.

Въ заключеніе, скажемъ объ источникахъ и пособіяхъ, которые были извѣстны намъ при составленіи изслѣдованія. Историко-критическія изслѣдованія: T. Eichhorn. Allgemeine Bibliothek. 1800 г. 10-й т. статья Фридриха: ueber Habakuk's Zeitalter und Schriften. I. Eichhorn. Einleitung in das Alte Testament. 1823 г. 4-й т. Bertholdt, Historisch—kritische Einleitung in Alt. u. Neue Test. 1814 г. 4-я ч. Nehjörn. Handbuch der historisch-kritischen Einleitung in d. Alte Testament. 1844 г. 2 ч. — 2 вып. j. Jürst. Geschichte der Biblischen litteratur, 1870 г. 2-я ч. Keil. Lehrbuch des historisch-kritischen Einleitung in d. Al. Testament. 1873 г. Fr. Delitzsch. De Habacuci prophetae vita atque aetate. Leipsiac. 1843 г.

Комментаріи. Святоотеческія толкованія: Кирилла Александрійскаго: Ἐξηγήσεις ὀπομνηματικῆς εἰς τὸν προφήτην Ἀββακούμ. По изданію Миня 1859 г. въ LXX томѣ его патрологіи. Блаж. Иеронима: Commentariorum in Habacue prophetam liber primus et secundus. По изданію Реатина 1616 г. въ 5-мъ томѣ всѣхъ твореній Иероним. Блаж. Θεодорита толкованіе на книгу пророка Аввакума. По русскому переводу. Москва 1857 г. въ 4-й части твореній Θεодорита. Блаж. Θεοφιλάκτα: Ἐξηγήσεις εἰς τὸν Ἀββακούμ. По Вѣнскому изданію 1763 г. съ переводомъ Фоскара.

Позднѣйшіе комментаріи: Schnurrer. Dissertationes philologico-kriticae. 1786 г. in. carmen Habakuk. Rosenmüller. Scholia in Habakucum. 1813 г., въ общихъ схоліяхъ на Ветхій Завѣтъ. Maurer Commentarius grammaticus criticus in Vet. Testamentum 1838 г. 2 й т. Hitzig. Kurzgefasstes exegetisches Handbuch zum Alten Testament. 1838 г. Die zwölf kleinen Propheten. Fr. Delitsch. Der prophet Habakuk.

Leipzig. 1843 г. L. Reinke. Der prophet Habakuk. Brixen. 1870 г. Keil. Biblischer Commentär ueber die zwölf kleinen Propheten. 1873 г.

Въ изслѣдованіи будутъ кратко упоминаться слѣдующія сочиненія: Winer Lexicon Hebraicum manuale. 1828 г. Штейнбергъ. Еврейско-Халдейскій словарь. Вильна 1878 г. (на Русскомъ языкѣ). Конкорданція Нолодія. Разумѣемъ Латинское изданіе въ 1679 г. Шлейснеръ (безъ оглавленія сочиненія). Разумѣемъ его Novus thesaurus Philologiko-kriticus. 1820 г. Русское изслѣдованіе о пр. Аввакумѣ, помѣщенное въ Христіанскомъ Чтеніи за 1867 г. 2-я часть. Варианты еврейскаго текста приводимъ по сборникамъ: Кенникоттъ. (Извѣстное сочиненіе: Uetus Testamentum Hebraicum cum variis lectionibus 1780 г.) и Де-Росси (Variæ lectiones Ueteris Testamenti. 1785 г.). Варианты перевода LXX—по соч. Гольмеза: Uetus Testamentum Graecum cum variis lectionibus 1827 г. Древніе переводы—по полиглоттѣ Вальтона 1600 г. и гекзапламъ Оригена, по изданію Монфокона 1713 г.

За неимѣніемъ въ типографіи еврейскаго шрифта, мы принуждены были пользоваться латинскимъ шрифтомъ для еврейскихъ словъ. Считаемъ долгомъ оговориться, что нѣкоторыя еврейскія буквы мы писали своеобразно и можетъ быть не вполне правильно. Такъ: буквы зайнь и цаде писали чрезъ z (зеть); букву йать чрезъ j; букву шинъ чрезъ sch (по нѣмецкому произношенію); буквы синъ и самехъ чрезъ s, при чемъ невольно иногда допускалась неправильность, когда эта буква употреблялась между двумя гласными (напр. nasaa, maasee и т. п.). По правиламъ латинскаго языка буква s въ этихъ случаяхъ должна произноситься какъ z, чего въ еврейскомъ языкѣ не требуется. Конечныя буквы: га, алефъ и аинъ въ еврейскомъ языкѣ непріизносимыя мы принуждены были писать чрезъ произносимыя а и h. Покорнѣйше просимъ читателей-гебраистовъ за справками и повѣрками, при чтеніи нашего сочиненія, обращаться къ еврейской Библии; цитаты употребленія еврейскихъ словъ мы всегда старались тщательно указывать.

Содержаніе книги.

Въ виду того, что рѣшеніе историко-критическихъ вопросовъ, относящихся къ книгѣ пророка Аввакума, будетъ основываться на содержаніи ея, считаемъ нужнымъ прежде всего познакомить читателя съ этимъ содержаніемъ.

Вся книга раздѣляется на три главы; первая глава содержитъ предсказаніе гибели іудеевъ, вторая—гибели халдеевъ, третья—гибели вообще зла и наступленіе месіанскаго спасенія. Въ первой главѣ послѣ надписанія книги (1 ст.), указывающаго на писателя, его служеніе и характеръ содержанія книги, опредѣляется поводъ для пророчества. Нарушеніе правосудія, господство произвола и беззаконія, насиліе и коварство въ современномъ пророку іудейскомъ народѣ вызываютъ въ пророкѣ вопль скорби и просьбу къ Господу о помощи (1—4 ст.). Въ отвѣтъ на эту скорбь и просьбы, Господь успокоиваетъ его предуганіемъ близости наступленія страшнаго для беззаконниковъ „дѣла“ — нашествія халдеевъ (5—6 ст.). Халдейское нашествіе должно вселить ужасъ въ сердца беззаконниковъ, потому что халдеи — народъ опасный, обладаютъ быстрою конницею, мужественными и коварными всадниками. Халдеи жадны до плѣнниковъ и грабежа, и своей жадности могутъ удовлетворить при помощи своего искуснаго войска. Единственная надежда на спасеніе отъ жестокихъ халдеевъ заключается въ вѣрѣ въ Бога, всегда спасавшаго іудеевъ (11—12).

Но вѣра въ любящаго Іегову колеблется у пророка въ виду современнаго беззаконія; послѣднее влечетъ за собою жестокое наказаніе. Поэтому пророкъ проситъ Бога прекратить распространеніе современнаго беззаконія въ Іудеѣ (13—14). Иначе, халдеи съ своими страшными сѣтями поберутъ и перебьютъ, истребятъ до конца всѣхъ іудеевъ (15—17).

Во второй главѣ пророкъ упоминаетъ о своемъ намѣреніи стать на стражу своего служенія и вопрошать Господа о концѣ страданій іудеевъ отъ руки халдеевъ (1—2). На вопросъ пророка скоро слѣдуетъ отвѣтъ Господа съ предварительнымъ повелѣніемъ записать его на скрижаляхъ и

требованіемъ отъ пророка вѣры (3—4). Откровеніе, которое должно быть записано на скрижаляхъ, начинается признаніемъ, что люди жадные и надменные сами собою никогда не успокоиваются. Но чѣмъ болѣе ненасытна ихъ страсть, тѣмъ печальнѣе конецъ ихъ (5). Такими хищниками ненасытными будутъ халдеи. Ихъ печальный конецъ воспѣтъ будетъ въ народныхъ пѣсняхъ и притчахъ. Въ пѣсни или притчѣ будетъ возвѣщаемо горе халдеямъ за то, что они грабили другіе народы и имущество ихъ, какъ бы залогъ, собирали въ свои кладовыя. Ограбленные народы востанутъ и отмстятъ халдеямъ грабежемъ за ихъ насиліе (6—8). Въ притчѣ будетъ возвѣщаемо горе халдеямъ за ихъ ложную надежду на собственную безопасность. Насильственные мѣры, употребляемыя халдеями въ видахъ собственной защиты, принесутъ имъ только безславіе (9—10). А постройки и крѣпости ихъ будутъ обличать ихъ нечестіе и отягчать ихъ совѣсть (11—13). Насиліе и деспотизмъ халдеевъ немѣстны будутъ при распространеніи вѣдѣнія славы Господней по всей вселенной (14). Приточки, далѣе, будутъ возвѣщать халдеямъ горе за ихъ коварство въ обращеніи съ поработаемыми и поработченными народами. За это коварство и насиліе въ Іудеѣ и другихъ странахъ халдеи выпьютъ до дна чашу гнѣва Господня и потерпятъ страшное униженіе (15—17). Имъ не поможетъ тогда и бездушное произведеніе рукъ человѣческихъ — идолы. Напротивъ, идолопоклонство только принесетъ пятое и послѣднее горе (18—19). Въ заключеніи главы пророкъ сливается съ будущими приточниками въ общей непоколебимой вѣрѣ въ величіе Іеговы и могущество Его надъ всей вселенной (20).

Третья глава начинается надписаніемъ, указывающимъ на ея ритмическій характеръ и церковное употребленіе (1). Пророкъ воспоминаетъ свое смущеніе при слухѣ о паденіи Іудеи. Лишь вѣра въ Іегову, спасавшаго прежде Израиля и предназначавшаго къ будущему при Мессіи спасенію, успокоиваетъ его. Поэтому пророкъ проситъ Господа совершить скорѣе это спасительное дѣло (2). Онъ уже созерцаетъ наступленіе спасенія подъ образами Синайскаго Законодательства. Іегова уже, видитъ пророкъ, выступилъ къ Синаю съ своими громами и молніями, славою Его напол-

нилась уже, какъ и тогда, вся земля (3—4). Грозное шествіе Его будетъ предварено погibelью зла(5). Какъ и при Синайскомъ шествіи, земля и живущіе на ней враги Израиля будутъ трепетать (6—7). Грозное шествіе Иеговы назначено, какъ и тогда, для спасенія Израиля, во исполненіе клятвъ, данныхъ предкамъ іудейскаго народа (8—9). Для спасенія Израиля назначаются чудеса въ земномъ мірѣ, горахъ, рѣкахъ—и небесномъ—солнцѣ и лунѣ (10—12). Пророкъ видитъ погibelь зла и всѣхъ враговъ Израиля подъ образами погibelи Фараона (13—15). Далѣе пророкъ снова воспоминаетъ свое смущеніе при вѣсти о паденіи Іуден. Но вѣра побѣждаетъ это тягостное смущеніе, опасное въ виду необходимости утѣшенія для іудеевъ (16). Благодаря своей свѣтлой вѣрѣ, пророкъ выражаетъ полную рѣшимость постоянно радоваться о Богѣ Спасителѣ, не смотря на всѣ видимые признаки Его неблаговоленія къ Іудеѣ (17—18). Отъ грядущей же опасности для іудеевъ, пророкъ вѣритъ, онъ будетъ спасенъ Господомъ, сокрытъ въ безопасномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ имѣть возможность постоянно славословить Господа на своей псалтири (19). .

Жизнь пр. Аввакума и время происхожденія его книги.

Имя пророка Аввакума *shavakuk* отъ *shavak* обнимать, прижимать—дита (2 Ц. 4, 16), означаетъ обнимающее, любящее существо и соотвѣтствуетъ русскому выраженію: человекъ сердечный. По общему мнѣнію, имя пророка Аввакума вполне соотвѣтствуетъ характеру самого пророка, какъ онъ выразился въ его книгѣ, такъ что нѣкоторые ученые (Розенмиллеръ) считали имя пр. Аввакума нарицательнымъ. Древніе и новые богословы объясняли имя пр. Аввакума въ значеніи лица, обнимающаго своею любовію Бога и соотечественниковъ. При объясненіи книги пр. Аввакума, мы увидимъ строгое соотвѣтствіе имени пр. Аввакума его характеру.

О происхожденіи пророка Аввакума, обстоятельствахъ и времени его жизни, въ его книгѣ не сохранилось свѣдѣній. Изъ его книги неизвѣстно даже имя и званіе его отца. Но, можетъ быть, благодаря отсутствію біографическихъ свѣдѣ-

ній о пр. Аввакумѣ въ его книгѣ, о немъ составилось очень много преданій. Древнѣйшее преданіе объ Аввакумѣ находится въ переводѣ LXX, въ неканоническихъ прибавленіяхъ къ книгѣ пр. Даніила. Въ неканоническомъ рассказѣ о Вилѣ и Драконѣ (въ 14 главѣ кн. Даніила) говорится, что когда пр. Даніиль за оскорбленіе бога Вила посаженъ былъ въ ровъ львиный, страдалъ отъ голода, то Ангелъ Господень велѣлъ Аввакуму, шедшему съ похлебкой въ поле, идти въ Вавилонъ. Духомъ Господнимъ Аввакумъ былъ перенесенъ изъ Іудеи въ Вавилонъ и, накормивъ Даніила, возвратился въ Іудею. Это преданіе помѣщено и въ переводѣ Θεодотіона.

Другое преданіе объ Аввакумѣ встрѣчается у Елифанія въ сочиненіи: „О жизни пророковъ“ (De vita prophetarum. cap. XVI). По его сказанію, пр. Аввакумъ происходилъ изъ Веозохера, изъ колѣна Симеонова. Во время нашествія Навуходоносора на Іерусалимъ, Аввакумъ убѣжалъ въ Иудею. По удаленіи Навуходоносора изъ разрушеннаго Іерусалима, Аввакумъ возвратился въ Іудею. Онъ былъ послѣ того у пр. Даніила въ Вавилонѣ и, по возвращеніи оттуда въ Іудею, предсказалъ скорое освобожденіе іудеевъ изъ Вавилонскаго плѣна. Спустя два года по возвращеніи іудеевъ изъ Вавилонскаго плѣна, пророкъ Аввакумъ умеръ и съ честію похороненъ на своемъ полѣ. Во времена Евсевія и бл. Іеронима указывали гробницу Аввакума между Кеиломъ и Говою. — Эти преданія, сохранившіяся въ произведеніяхъ, употреблявшихся у христіанскихъ толкователей, были извѣстны христіанамъ. У іудеевъ были еще свои преданія объ Аввакумѣ. По свидѣтельству древнѣйшаго іудейскаго преданія, записаннаго въ трактатѣ *seder olam*, пр. Аввакумъ проходилъ свое служеніе при іудейскомъ царѣ Манассіи и былъ ученикомъ пр. Наума. Другое преданіе сохранилось въ мидрашахъ. По нему, пр. Аввакумъ считается современникомъ пр. Исаи; онъ отождествляется съ упоминаемымъ у Исаи стражемъ, который увидѣлъ паденіе Вавилона (Ис. 21, —10). Іудейскимъ толкователямъ извѣстно было также таргумистическое сказаніе о Вилѣ и Драконѣ, сходное съ помѣщеннымъ въ переводѣ LXX. Всѣми изчисленными преданіями объ Аввакумѣ пользовались долгое время толкователи его

книги. Но съ теченіемъ времени авторитетъ подобныхъ преданій палъ. Протестанты, отвергшіе авторитетъ церковнаго преданія, не могли вѣрить іудейскому преданію. Выродившееся изъ протестантства отрицательное направленіе отвергало авторитетъ не только не библейскихъ преданій, но и самой Библии. Очевидно, богословамъ новаго направленія не было нужды держаться древнихъ преданій объ Аввакумѣ. Но отвергая авторитетъ древнихъ сказаній, богословы, тѣмъ не менѣе, не могли оставлять безъ отвѣта вопроса о времени жизни пр. Аввакума. Богословы начали искать въ содержаніи книги пр. Аввакума указанія на время и обстоятельства его жизни.

Основаніемъ для разнообразныхъ мнѣній о времени жизни пр. Аввакума и происхожденіи его книги служило содержаніе книги, или такъ называемые „внутренніе признаки“. Богословы отрицательнаго направленія обращали преимущественно вниманіе на пророчество Аввакума о нашествіи халдеевъ (1, 5—17) и паденіи ихъ (2, 5—20). И то и другое пророчества должны имѣть для себя поводъ въ современномъ политическомъ состояніи Іудейскаго народа. Поводомъ для произнесенія перваго, очевидно, могла служить близость сраженія Іудеевъ съ Халдеями, сраженія несчастнаго для Іудеевъ. А поводомъ для произнесенія втораго уже результатъ этого несчастнаго сраженія, т. е. печальное состояніе Іудей подъ властію Халдеевъ. Выходя изъ этихъ принциповъ ученые изслѣдователи могли относить происхожденіе разсматриваемой книги „не ранѣе, какъ къ 4-му году царствованія Іоакима, царя Іудейскаго“. Въ этомъ году было первое сраженіе (при Кархемисѣ) между Іудеями и Халдеями, которое кончилось подчиненіемъ (хотя и неокончательнымъ) Іудей Халдеямъ (ок. 608 г. до Р. Х.). Предъ Кархемисскимъ сраженіемъ пророкъ могъ предсказать нашествіе на Іудею Халдеевъ, а послѣ него умѣстно пророчество о паденіи ненавистныхъ Халдеевъ. Подобные же „естественные“ поводы могли находиться въ послѣдующее время — при Іоакимѣ, Іехоніи и Седекіи, такъ какъ и въ это время бывали сраженія съ Халдеями, несчастныя для Іудеевъ. Но во всякомъ случаѣ, ранѣе 4-го года Іоакима, по мнѣнію этихъ богословъ, нельзя найти повода для про-

рочествъ Аввакума (см. изслѣдованія Эйхгорна, Бернгольда, Гитцига, Фюрста и пр.). Богословы ортодоксальнаго направленія обращали вниманіе на нравственное состояніе Іудейскаго народа, по описанію Аввакума (1, 1—4), и не находя яркихъ картинъ преступленій народа, свойственныхъ вѣку Іоакима и позднѣе, относили время Аввакума къ царствованію благочестиваго Іосіи (Кейль и Деличъ). Наконецъ, третьи (и въ томъ числѣ неизвѣстный русскій изслѣдователь книги Аввакума вслѣдъ за Куртціусомъ, Витсіемъ, Яномъ), на основаніи довольно темнаго свидѣтельства 4 Цар. 21, 10—12; 2 Пар. 33, 18, относили время жизни Аввакума къ царствованію Манассіи. Конечно, на основаніи содержанія книги пр. Аввакума богословы не рѣшались составлять подробной біографіи пр. Аввакума, но нѣкоторые, тѣмъ не менѣе, находили въ книгѣ Аввакума указаніе на его происхожденіе (на основаніи надписи и подписи 3 главы) изъ Левіина колѣна.

Слѣдую принятому въ западной богословской литературѣ методу рѣшенія вопроса о личности пр. Аввакума, и мы, не возстановляя полной біографіи пророка, попытаемся опредѣлить только время его жизни. За исходный пунктъ въ опредѣленіи времени жизни пр. Аввакума мы будемъ принимать содержаніе его книги. Но такъ какъ въ книгѣ пр. Аввакума нѣтъ указаній на время жизни пророка, то нужно сравнить содержаніе ея съ содержаніемъ пророческихъ книгъ и рѣчей, время появленія коихъ опредѣленно извѣстно. Богословы относятъ служеніе Аввакума къ царствованіямъ Манассіи, Іосіи, Іоакима, Іехоніи и Седекіи. Въ царствованіе Іосіи и его преемниковъ, до паденія Іерусалима, проходили свое служеніе пророки Софонія, Іеремія и Іезекиль. О царствованіи Манассіи сохранилось ясное свидѣтельство въ историческихъ Вѣто-завѣтныхъ книгахъ. Попытаемся теперь сравнить содержаніе книги пр. Аввакума съ перечисленными памятниками съ тѣхъ сторонъ, на какія обращаютъ вниманіе изслѣдователи книги пр. Аввакума. Ортодоксальные богословы обращаютъ вниманіе на характеристику нравственнаго состоянія современниковъ Аввакума и видятъ въ ней указаніе на царствованіе Іосіи. Для того, чтобы согласиться или отвергнуть это мнѣніе, нужно сопо-

ставить характеристику нравственнаго состоянія современниковъ у пр. Аввакума съ подобной же характеристикой у Софоніи и въ первыхъ 20 главахъ Іереміи, — произнесенныхъ при Іосіи. Той же характеристикой нужно руководиться и для царствованія Манассіи, принимая во вниманіе свидѣтельства историческихъ Вѣтхо-Завѣтныхъ книгъ. Западные богословы отрицательнаго направленія обращаютъ вниманіе на пророчество Аввакума о нашествіи и паденіи Халдеевъ. На основаніи его относятъ служеніе Аввакума къ 4-му и слѣдующимъ годамъ царствованія Іоакима. Въ это время проходили свое служеніе пророки Іеремія и Іезекиль. На основаніи сопоставленія ихъ пророчествъ съ рѣчами Аввакума, можно принять или отвергнуть мнѣніе отрицательныхъ богослововъ. Приступимъ къ указанному сопоставленію.

Обличительныя рѣчи Аввакума, изображающія нравственное состояніе его современниковъ, отличны отъ пророческихъ рѣчей, произнесенныхъ при Іосіи. Отличительную черту пророковъ Софоніи и Іереміи, жившихъ въ эту эпоху, составляетъ рѣзкость въ обличеніи современныхъ Іудеевъ въ крайнемъ нечестіи и предсказаніе естественнаго результата современнаго состоянія—паденія Іудеи и Іерусалима. Пророчества Софоніи и Іереміи, въ разсматриваемый періодъ, начинаются, продолжаются и заканчиваются подобными обличеніями и предсказаніями (Соф. 3 гл. 1—4. 1, 2—18. Іер. 1, 16—22; 2, 1—37; 3 гл. и т. д. всѣ главы начинаются и оканчиваются обличеніями). Пророчества Аввакума, съ этой стороны, существенно отличны. Послѣ лишь краткаго замѣчанія о современныхъ беззаконіяхъ пророкъ переходитъ къ изображенію Халдейскаго войска и производимыхъ имъ опустошеній, зависимости его отъ Божественнаго промысла и ожидающей его гибели за притѣсненіе Іудеи. А молитва Аввакума (3 гл.) нисколько не касается современнаго нравственнаго разложенія. Кромѣ особенной рѣзкости, обличительныя рѣчи Софоніи и Іереміи отличаются отъ подобныхъ же рѣчей предыдущихъ пророковъ по предметамъ обличенія — современнымъ порокамъ. У Софоніи напр. говорится о легко мысліи и вѣроломствѣ ложныхъ пророковъ и объ оскверненіи святыни священниками (3, 4)—о порокахъ,

не обличаемых древними пророками. Отъ изображаемаго Софонією религиозно-нравственнаго состоянія пророковъ и священниковъ прямой переходъ къ обличеніямъ Іереміи. У Іереміи въ первый разъ упоминается твердо организованный и сплоченный классъ ложныхъ пророковъ. Еще Исаія говорилъ о нежеланіи Іудеевъ слушаться истинныхъ пророковъ (30, 10—12). Исаія не говорилъ, чтобы въ его время находились исполнители своеволія Іудеевъ — ложные пророки. При Софоніи уже, вѣроятно, слабые зародки этого класса существовали, хотя и не пользовались особеннымъ вліяніемъ и не были такъ опасны для политическаго и нравственнаго состоянія Іудеевъ. При Іереміи они уже были въ большомъ количествѣ и пользовались сильнымъ вліяніемъ, почему и вызвали грозныя рѣчи пророка (23, 9—40. 2, 8. 5, 31. 13, 6, 13—15).

Въ такой же прогрессіи шло образованіе современнаго Іереміи класса священниковъ. Исаія обличалъ только лицемерное служеніе народа (1, 13—15) и нетрезвость священниковъ (въ переносномъ, можетъ быть, смыслѣ, 28, 11). Софонія приписывалъ имъ уже оскверненіе святыни, попраніе закона (3, 4), а Іеремія считалъ ихъ виновниками общаго нравственнаго разложенія; вмѣстѣ съ Іезекилемъ, можетъ быть, онъ былъ очевидцемъ ихъ идолопоклонства даже въ храмѣ (2, 8. 6, 13—15. 8, 8—13. 10, 21, 23, 16. Іезек. 8, 11). Потому-то въ первыхъ же своихъ рѣчахъ Іеремія произнесъ грозный судъ надъ священниками, за что въ послѣдующее время терпѣлъ отъ нихъ преслѣдованія (20 гл., кн. Іеремія).

Кажется, нетрудно понять, почему Софонія и Іеремія обличали указанные пороки. Они составляли главный корень и причину дальнѣйшихъ пороковъ народа и ожидавшаго его паденія. Священники и пророки служили какъ бы центромъ и сердцемъ политической и нравственной жизни Іудеевъ. Порча ихъ свидѣтельствовала о сухости и безплодіи всего Іудейскаго народа, неспособности къ дальнѣйшему существованію. Съ этого-то порока и начинали свое леченіе духовные врачи — истинные пророки. Съ него, конечно, началъ бы и всякій другой современный пророкъ. У Аввакума нѣтъ подобнаго обличенія, слѣдовательно, нѣтъ основанія согла-

шаться съ мнѣніемъ ортодоксальныхъ западныхъ богослововъ и считать Аввакума современникомъ Іосіа.

Также отличны обличительныя рѣчи Софоніи и Іереміи противъ идолопоклонства. Отличіе идолопоклонства при Манассіи и слѣдующихъ царяхъ, до паденія Іерусалима, заключалось въ распространенности его и образованіи новыхъ культовъ (поклоненіе воинству небесному). Пр. Софонія, послѣ предсказанія истребленія всего съ лица Іудей, прямо говоритъ объ истребленіи Ваала, жрецовъ его, звѣздопоклонниковъ и т. п. (1, 2—5). Такъ важно было это преступленіе Іудеевъ. Пророку Іереміи въ призваніи открыто Господомъ, что судъ надъ Іерусалимомъ вызванъ воскресеніемъ Іудеями оміама чужеземнымъ богамъ и дѣламъ рукъ человѣческихъ (1, 16). Первая обличительная рѣчь его начинается изображеніемъ забвенія Іудеями дружества съ Іеговою (2, 1), продолжается указаніемъ на перемѣну боговъ (11 ст.), и заканчивается обличеніемъ въ измѣненіи пути (36 ст.). Во второй рѣчи пророкъ говоритъ о блудодѣйствѣ Іудеевъ съ богами всевозможныхъ націй (3 гл.) и т. д. Отъ современниковъ Манассіи не осталось пророческихъ писаній, но они, очевидно должны начинаться, продолжаться и заканчиваться обличеніемъ идолопоклонства, потому что историческія Ветхозавѣтныя книги считаютъ его нечестивѣйшимъ изъ царей. Все описаніе его царствованія состоитъ изъ перечисленія „мерзостей“, заимствованныхъ у язычниковъ и введенныхъ имъ въ Іудеѣ (4 Цар. 21, 1—16). Въ послѣдній, благочестивый, періодъ его царствованія люди продолжали „жрать на высокихъ“ (4 Цар. 21, 16. 2 Пар. 33, 16).

Пророчества Аввакума отличаются отъ рѣчей Софоніи, Іереміи и современниковъ Манассіи въ этомъ отношеніи, потому что въ нихъ не упоминается объ идолопоклонствѣ. Подобное забвеніе идолопоклонства встрѣчается только у пророковъ Исаи и Михея, а уже никакъ не у современниковъ Манассіи и слѣдующихъ Іудейскихъ царей. Такимъ образомъ, сравненіе обличительныхъ рѣчей даетъ право не считать Аввакума современникомъ, какъ Іосіа и Іоакима, такъ и Манассіи.

Указаннаго сопоставленія, кажется, достаточно, чтобы отвергнуть мнѣніе ортодоксальныхъ западныхъ богослововъ. Если историческія Ветхозавѣтныя книги дають поводъ считать царствованіе Іосіа въ нравственномъ отношеніи довольно свѣтлымъ и, такимъ образомъ, прилагать къ нему характеристику Аввакума, то рѣчи Софоніи и Іереміи представляютъ его въ совершенно иномъ свѣтѣ, и потому заставляютъ дѣлать иные историко-критическіе выводы. Историческія Ветхозавѣтныя книги не дають уже сами права считать Аввакума современникомъ Манассіи.

Перейдемъ къ разбору мнѣній богослововъ отрицательнаго направленія, въ связи съ ихъ принципами и доводами.

Разсмотримъ пророческія рѣчи въ собственномъ смыслѣ, т. е. содержащія предсказанія будущихъ событій. У Аввакума есть предсказаніе нашествія Халдеевъ и паденія ихъ. Эти предсказанія заставляютъ богослововъ относить время пророческой дѣятельности Аввакума къ 4-му году царствованія Іоакима. Но отъ 4-го года Іоакима — въ Библии есть письменный памятникъ: рѣчь пророка Іереміи, въ 25 главѣ его книги (какъ видно изъ 25, 1). Чтобы убѣдиться въ справедливости или несправедливости предположеній ученыхъ, нужно сопоставить указанную рѣчь Іереміи съ пророчествами Аввакума.

У пророка Іереміи, въ 25 гл., послѣ обличеній въ идолопоклонствѣ и другихъ порокахъ, вызвавшихъ гнѣвъ Божій на Іудею, говорится, что Господь приведетъ въ Іудею Навуходоносора, который превратитъ ее въ пустыню (25, 9—10). Іудеи тогда отправятся въ Вавилонъ и пробудутъ тамъ 70 лѣтъ (11 ст.). По истеченіи 70 лѣтъ, Вавилонъ и земля Халдейская сдѣлаются вѣчною пустынею (12—13). Халдеевъ поработаютъ многіе и сильныя цари и народы (14). Такъ какъ Навуходоносоръ долженъ былъ напасть на Іудею послѣ Кархемисскаго сраженія, въ которомъ кромѣ Іудеевъ участвовали Египтяне, Моавитяне, Филлистимляне-Тиряне, Сидоняне и проч., то Іеремія предсказываетъ, что эти народы падутъ отъ меча и не встанутъ (15—27).

Очевидно, пророчество Іереміи и рѣчи Аввакума различаются между собою. Пророчество Іереміи несравненно опредѣленнѣе. Оно содержитъ извѣстное современникамъ

имя Навуходоносора; оно опредѣляетъ количество лѣтъ плѣна, предрекаетъ освобожденіе изъ него, время паденія Вавилона и даже называетъ побѣдителей его. Оно содержитъ предсказаніе участникамъ Кархемисскаго сраженія. Ничего подобнаго нѣтъ у Аввакума. Кромѣ одного имени Халдеевъ, довольно общей характеристики ихъ и такой же общей характеристики будущей участи ихъ у Аввакума нѣтъ ничего.

Современникъ Кархемисскаго сраженія, если и не сказалъ бы о лѣтахъ плѣна, то упомянулъ бы о Навуходоносорѣ, о времени паденія Вавилона и объ участи Тира, Сидона и другихъ участниковъ Кархемисскаго сраженія. Итакъ, рѣчи Аввакума отличаются отъ пророческихъ рѣчей, произнесенныхъ предъ Кархемисскимъ сраженіемъ. Критики преимущественно обращаютъ вниманіе на пророчество Аввакума о паденіи Халдеевъ. Это пророчество, по ихъ мнѣнію, могло быть произнесено въ утѣшеніе соотечественниковъ только послѣ Кархемисскаго сраженія, т. е. не ранѣеятаго года царствованія Іоакима. Но во все правленіе Іоакима пр. Іеремія проходилъ свое служеніе. Нѣкоторыя изъ его рѣчей произнесены въ пятомъ и слѣдующихъ годахъ царствованія Іоакима. Для подтвержденія или отверженія предположенія критиковъ о времени жизни пр. Аввакума, нужно сопоставить эти рѣчи Іереміи съ пророчествами Аввакума.

Пророкъ Іеремія, послѣ нашествія Навуходоносора произноситъ обличеніе Іудеямъ за отступленіе отъ закона Іеговы, въ противоположность Рихавитамъ (35, 14—17). Такая рѣчь, очевидно, вызывалась современнымъ настроеніемъ Іудеевъ. Нашествіе Навуходонора не повергло Іудеевъ въ отчаяніе, не смирило и не обратило къ Богу, а вызвало политическое и соціальное броженіе, ропотъ на Бога; ложные пророки ободряли уведенныхъ въ плѣнъ скорымъ возвратомъ оттуда, дворъ устраивалъ заговоры и заключалъ союзы съ иноплеменными царями. Рѣчь Іереміи о Рихавитахъ должна была доказать виновность Іудеевъ, обратить ихъ къ истинному средству спасенія, смирить и подавить вредныя политическія волненія. Такое же значеніе имѣло и чтеніе пророчествъ Іереміи въ слухъ Іоакиму и народу (36 гл.). За сожженіе пророчествъ Іеремія предсказываетъ паденіе Іудей и безчестную смерть Іоакима (36 гл.). Не о паденіи

Халдеи, а о завоеваніи Халдеями Іудеи—вотъ о чемъ говорить Іеремія (36, 29. 35, 17). Очевидно, въ періодъ такого броженія рѣчь Аввакума о гибели Халдеевъ подлила бы масла въ огонь, возбудила бы бунтъ и ускорила паденіе Іерусалима. Такая рѣчь была бы свойственна ложному пророку, а не истинному (Іезек. 10—16)¹⁾.

По аналогіи съ утѣшительными рѣчами Іереміи, кажется, естественнѣе отнести пророчество Аввакума къ началу царствованія Седекіи, послѣ отведенія въ плѣнъ Іехоніи (Такъ думалъ бл. Іеронимъ). Дѣйствительно, рѣчь Іереміи (24 гл. — о хорошихъ смоквахъ), произнесенная въ это время, носитъ уже утѣшительный характеръ. Но въ утѣшеніи Іереміи далеко нѣтъ того, что въ утѣшеніи Аввакума. Іеремія не говоритъ о паденіи Халдеи, зная, что подобная рѣчь поддержала и разожгла бы только мятежные порывы Двора. Напротивъ, въ утѣшеніе онъ говоритъ о возвращеніи истинныхъ и покорныхъ Богу и Вавилонскому игу Израильтянъ (5—6 ст.), а вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ объ отведеніи въ плѣнъ Седекіи и паденіи Іерусалима. Вмѣсто пророчества о паденіи Халдеи, Іеремія предсказываетъ, что Седекію и „худыхъ“ Іудеевъ Господь предастъ на озлобленіе и злостраданіе во всѣхъ царствахъ земныхъ, въ причту и посмѣяніе и проклятіе во всѣхъ мѣстахъ (9 ст.) Пророкъ Іезекіиль въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ это время, также не упоминаетъ о паденіи Халдеи. Да и вообще, у пророка Іезекіиля, въ раду рѣчей на всѣ почти современные иноземные народы, нѣтъ только рѣчи на Вавилонъ. Одна такая рѣчь была неумѣстна даже и послѣ паденія Іерусалима. А по мнѣнію критиковъ, кажется, она необходима болѣе всѣхъ другихъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, нужны Іудеямъ и пророку рѣчи о паденіи Тира, Сидона, Египта и пр.? Имъ лучше и отраднѣе, да и пророку желательнѣе бы знать и говорить о паденіи Халдеи. Однакоже пути Промысла не согласны съ неразумными

¹⁾ Можетъ быть, рѣчь Аввакума (въ 1 главѣ) о нашествіи Халдеевъ произнесена въ это время? (хотя и не согласно съ принципами критики). Но всѣ рѣчи, какъ и выше объяснено, послѣ Кархемисскаго сраженія должны упоминать о Навуходоносорѣ и бывшемъ уже нашествіи (Іер. 27-я гл.). У Аввакума ни того ни другаго упоминанія нѣтъ. Напротивъ, Халдеи, по рѣчамъ пр. Аввакума, еще незнакомы Іудеямъ и живутъ вдали отъ Палестины (1, 9).

и прихотливыми, а въ то время и опасными ¹⁾, желаніями человѣка. Очевидно, рѣчь Аввакума въ это время была-бы неумѣстна.

Наконецъ, по аналогіи съ рѣчами Іереміи, естественнѣе всего временемъ пророчествъ Аввакума слѣдовало-бы признать окончательное паденіе Іерусалима, отведеніе въ плѣнъ Седекіи. Къ этому времени относятъ служеніе Аввакума Фридрихъ, Бертольдъ, Розенмиллеръ. Но рѣчи Іереміи и Іезекиля на иноземные народы, произнесенныя въ это время, при сходствѣ по предметамъ рѣчи, по характеру своему отличны отъ пророчества Аввакума. Ближе и естественнѣе всего, конечно, ставить рѣчь Аввакума въ параллель съ рѣчами Іереміи на Халдеевъ (50 и 51 гл.). Но при сходствѣ предметовъ рѣчей характеръ и содержаніе послѣднихъ различны.

Отличительную черту рѣчей Іереміи на Халдеевъ отъ рѣчей предыдущихъ пророковъ (Исаи, Аввакума) составляетъ указаніе на подчиненіе имъ Іудей, какъ на совершившійся фактъ (50, 11), на участіе Навуходоносора въ сокрушеніи Израильскихъ костей (33, 51. 34, 43), на разрушеніе храма (51, 51). Посѣщеніе царя Ассирійскаго, т. е. паденіе Ассиріи, пр. Іеремія признаетъ совершившимся фактомъ (48 ст.). Признаніе уже совершившимся фактомъ пораженія чрезъ Вавилонскаго царя различныхъ сильныхъ царствъ (51, 20—21); наименованіе въ числѣ враговъ Вавилона царей Араатскихъ, Минійскихъ и Аскеназскихъ (51, 27); наконецъ, особенная подробность въ описаніи построекъ Вавилона—города (51, 58 толстыя стѣны, высокія ворота), образа взятія его (50, 14, 29. 51, 31—32 ст. броды рѣкъ захвачены, ограды сожжены); администраціи свѣтской, духовной (князи, мудрецы, областеначальники, градоправители (51, 57) вотъ черты, свидѣтельствующія о пророкѣ современникѣ и очевидцѣ Вавилонскаго могущества и паденія Іерусалима.

У Аввакума, кромѣ общаго закона неизбѣжности паденія Халдеевъ, какъ жестокихъ поработителей и грабителей, нѣтъ ни одной черты близкаго знакомства съ Вавилономъ и его отношеніемъ къ Іудеямъ и другимъ народамъ.

---

¹⁾ Подобныя рѣчи въ это время произносили только ложные пророки. (Іер. 28-я гл. въ противоположность письму Іереміи. Іер. 29-я гл.).

Напротивъ, упоминаніе о существованіи храма (2, 20) и Іерусалима (1, 12), о будущемъ нашествіи Халдеевъ (1, 6. 3, 16), — ясно свидѣтельствуетъ, что Аввакумъ не пережилъ паденія Іерусалима и плѣна соотечественниковъ.

Пророчества Аввакума о Халдеяхъ не могутъ быть, такимъ образомъ, даже сравниваемы съ пророчествами Іереміи, произнесенными послѣ паденія Іерусалима.

Итакъ, содержаніе рѣчей Аввакума, Софоніи, Іереміи и Іезекіиля, опровергаетъ мнѣніе западныхъ богослововъ ортодоксальнаго и раціоналистическаго направленія. Но область фактическихъ данныхъ для принятія или непринятія мнѣнія западныхъ ученыхъ не ограничивается сопоставленіемъ содержанія произведеній. Противъ добытыхъ доселѣ данныхъ съ нѣкоторымъ (не болѣе!) правомъ могутъ сказать, что различіе пророческихъ рѣчей объясняется не временемъ, а лицами-пророками. Пророки современники имѣли различную миссію, преслѣдовали различныя цѣли, а потому обращали вниманіе на различныя пороки и приносили рѣчи съ различнымъ содержаніемъ. Но и согласившись даже съ этимъ весьма непрочнымъ аргументомъ (особенно въ отношеніи къ характеру пророчествъ о Халдеяхъ), все-таки нѣтъ основанія согласиться съ мнѣніемъ западныхъ ученыхъ. Противъ этихъ мнѣній можно указать на рѣзкое различіе въ языкѣ книгъ Аввакума, Софоніи, Іереміи и Іезекіиля. Въ этомъ отношеніи можно обратить вниманіе на различіе въ словоупотребленіи Аввакума и позднѣйшихъ пророковъ. Никто не будетъ отвергать того безспорнаго факта, что слова имѣютъ свои законы жизни и смерти. Какъ нѣтъ человѣка, и вообще живаго существа, которое сохранило-бы свою жизнь въ теченіи многихъ столѣтій и перемѣнъ въ жизни народовъ, а напротивъ, одни люди умираютъ, другіе нарождаются и т. д., такъ и слова въ извѣстномъ языкѣ народа одни выходятъ изъ употребленія — умираютъ, другія входятъ — нарождаются съ теченіемъ времени. Тоже самое премѣнимо (и сознается учеными) и къ еврейскому языку. Одни еврейскія слова получили свое существованіе въ болѣе древнее время жизни еврейскаго народа и его языка (архаизмы), встрѣчаются въ древнѣйшихъ Ветхозавѣтныхъ книгахъ, и съ теченіемъ времени вышли изъ употребленія; другія появились позднѣе и

замѣнили собой въ позднѣйшихъ Ветхозавѣтныхъ книгахъ древнія слова. На этомъ законѣ основывается извѣстная библіологамъ исторія еврейскаго языка. Этимъ же закономъ воспользуемся и мы въ настоящемъ случаѣ. Сопоставимъ употребляемыя у Аввакума еврейскія слова съ древними по происхожденію Ветхозавѣтными книгами и позднѣйшими — начиная съ книги Софоніи. Дальнѣйшіе (въ примѣчаніи) примѣры покажутъ, что много въ книгѣ Аввакума встрѣчается словъ, которыя употребляются въ древнѣйшихъ Ветхозавѣтныхъ книгахъ, но въ позднѣйшихъ не встрѣчаются, а замѣняются новыми словами. Много также приведено будетъ словъ, употребляющихся въ позднѣйшихъ Ветхозавѣтныхъ книгахъ, но не встрѣчающихся у Аввакума (хотя и былъ для этого поводъ) и въ другихъ древнѣйшихъ книгахъ ¹⁾).

¹⁾ Слѣдующіе примѣры, думаемъ, подтверждаютъ нашу мысль:

jahir — надменный Авв. 2, 5. Прит. 21, 24 = gadal (глаг.) Соф. 2, 8. gah — Іер. 13, 15. gevah — Іер. 13, 17.

Scheerit — остатокъ Соф. 2, 7. 3, 13. У Іереміи преимущественно предъ другими книгами. Іез. 36, 3. 4. 1 Цар. 4, 43. jeter Авв. 2, 6. Быт. 49, 3.

Misrar — сѣть. Авв. 1, 15—16. Ис. 19, 8. 51, 20. = Sobek Іер. 4, 7. sebakaj — Іер. 52, 22. 3 Цар. 7, 17.

Mattarah — стража. Іер. 32, 8. 12. 33, 1. 37, 20. Пл. Іер. 3, 12. daek — Іер. 52, 4. Неем. 3, 25. = mischmeret — Авв. 2, 1. Лев. 8, 35. Чис. 1, 53.

Rosen — князь. Авв. 1, 10. Суд. 5, 3. Пс. 2, 2. Прит. 2, 15. Ис. 40, 23. = sar Соф. 3, 3. Іер. 1, 18. Исключительно въ позднѣйшей литературѣ употребляютъ: sagan. — Іер. 51, 23. 28. Іез. 23, 6. Дан. 3, 2. Неем. 2, 16.

Fachah — Іер. 51, 23. 28. 57. Іез. 23, 6. 23. 3 Цар. 10, 15. Неем. 5, 5. 14. gab — Іер. 39, 13. 41, 1.

Safach — присоединять — Ав. 2, 15. 1 Цар. 2, 19. 36. Ис. 3, 16. 14, 1. 37, 30. = asaf — Соф. 3, 18—19. Іер. 4, 5.

Fug — холодѣть, замерзать. Ав. 1, 4. Быт. 45, 26. Пс. 36, 8. 75, 2. = kar — Іер. 18, 14.

Finnah — башня. Соф. 1, 16. 3, 6. Іер. 31, 38. 40. 2 Пар. 22, 24. = mazog — Ав. 2, 1. mibzar — Авв. 1, 10.

Mézucah — насиліе, грабительство. Соф. 1, 15. Пс. 107, 6. 13. 19. 28. = chamas — Авв. 1, 2. Быт. 6, 11. 13. Суд. 9, 24. schod — Ав. 1, 4. Ис. 59, 7. Прит. 21, 7.

Kup — плакать. Іер. 9, 17. Іез. 27, 32. 32. 16. 2 Пар. 35, 25. Отсюда существительное kinah — Іер. 7, 28. 9, 10. Вмѣсто этого слова у Аввакума и въ древнѣйшихъ книгахъ употребляется maschal — Ав. 2, 5. Чис. 23, 7. Ис. 14, 11.

Rakab — гниль. Авв. 3, 16. Прит. 10, 8. 12, 4. Ос. 5, 12. Ис. 40, 20 = nischat (прилагательное) — Іер. 13, 7.

Представленныхъ (въ примѣчаніи) примѣровъ достаточно (особенно, если принять во вниманіе не большую величину книги пророка Аввакума) для подтвержденія нашей мысли. Въ произведеніяхъ современниковъ - пророковъ едва-ли возможно указанное различіе въ словоупотребленіи. Точно также оно невозможно у писателей, жившихъ чрезъ небольшой другъ отъ друга промежутокъ времени: напр. у современниковъ послѣдней половины царствованія Манассіи (какъ предполагаетъ авторъ русскаго изслѣдованія книги пр. Аввакума) и начала царствованія Іосіи (служеніе Софоніи и Іереміи). Вымираніе и народженіе словъ происходятъ въ большіе промежутки времени. Отъ произведеній Іереміи и Іезекіиля книга пр. Аввакума отличается чистотою языка. Языкъ книгъ Іереміи и Іезекіиля носитъ сильнѣйшіе слѣды вліянія арамейскаго діалекта. (Сравн. Knobel. *sekemias chaldajzans*. 1832 г.) Этыхъ слѣдовъ нѣтъ въ книгѣ Аввакума.

Послѣднимъ, сейчасъ представленнымъ доводомъ, можно закончить разборъ различныхъ мнѣній о времени жизни Аввакума. Перейдемъ къ положительному рѣшенію вопроса о времени жизни Аввакума.

Гораздо труднѣе, кажется, отвѣтить положительно на вопросъ о времени пророческаго служенія Аввакума. Когда же Аввакумъ жилъ и произнесъ свои рѣчи?

Богословы отрицательнаго направленія признаютъ, что ранѣе царствованія Іоакима нельзя найти повода для пророчества противъ Халдеевъ. На замѣчаніе, что Исаія въ царствованіе Езекии находилъ поводъ для пророчествъ противъ Вавилона (Ис. 13—14. 21, 1—10. 46 гл.), они отвѣчаютъ своимъ общепризнаннымъ положеніемъ, что указанная главы и рѣчи не принадлежатъ Исаіи (см. всѣ исагогики и комментаріи рационалистическаго характера). Но не пользуясь и этой quasi непрочной опорой, можно найти поводъ для пророчествъ Аввакума противъ Халдеевъ ранѣе царствованія Іоакима. Въ книгахъ Паралипоменонъ упоминается, что на нечестиваго сына Езекии, Іудейскаго царя

Schelatit—стрѣла. Іер. 51, 11. Іез. 27, 11. 4 Цар. 11, 10. 2 Пар. 23, 10; chez—Авв. 3, 10. Быт. 49, 23. Чис. 24, 8.

Schafirig—шатерьъ. Іер. 43, 10. Дан. 4, 9. 18. = mischkan Авв. 1, 6. Исх. 25, 9. 26, 1.

Манассію, Господь послалъ Ассирійскихъ полководцевъ, которые взяли его и увели въ плѣнъ въ Вавилонъ. Онъ въ цѣпяхъ рабства вспомнилъ объ Іеговѣ и былъ возвращенъ на престолъ Іудейскій (2 Пар. 33, 11).

Кажется, подобныя политическія отношенія могли дать достаточный поводъ для рѣчей Аввакума. Сила и армія Халдеевъ въ это время были уже извѣстны востоку, отношенія ихъ къ другимъ народамъ начали уже достаточно выясняться, а нашествіе на Іудею ясно предрекало ихъ будущія столкновения, о которыхъ говорили пророки и ранѣе.

Итакъ, если нашествіе Вавилонскаго царя при Іоакимѣ, по мнѣнію критиковъ, могло служить поводомъ для рѣчи Аввакума, то отведеніе въ Вавилонъ Манассіи могло быть не менѣе резоннымъ и естественнымъ поводомъ для тѣхъ же рѣчей. Для народа, опечалившагося погибелью царя, эти рѣчи могли послужить утѣшеніемъ и поддержкою. (Что и признано уже въ русской литературѣ. Христ. Чт. 1867 г. 2 ч., 685—87 стр.).

Но и ранѣе, еще во времена Исаи и Михея т. е. при царѣ Езекии могъ быть поводъ для пророчествъ противъ Халдеевъ. Достаточнымъ поводомъ для нихъ могло быть посольство къ Езекии Вавилонскаго царя, Мерадахъ-Валадана (Ис. 39 г.).

По поводу этого посольства и чрезчуръ радушнаго пріема, оказаннаго ему въ Іерусалимѣ, Исаія предсказалъ будущее подчиненіе Іудеи Вавилонскому игу и отведеніе Іудеевъ въ Вавилонскій плѣнъ (39, 4—11. 49, 17—18. 2 Пар. 32, 31).

Современникъ пророка Исаи, пр. Михей, предсказалъ, что Іудеи будутъ страдать подобно родильницѣ, выйдутъ изъ своего города и дойдутъ до Вавилона, — тамъ они будутъ искуплены и спасены Богомъ (4, 9—10). Пророкъ Михей не ставилъ своего пророчества въ связь съ частнымъ историческимъ событіемъ, какъ Исаія. Вѣроятно, основанія для него находились въ общихъ политическихъ отношеніяхъ Вавилона къ Іудеямъ и другимъ народамъ.

Съ другой стороны, едва ли можно думать, что посольство Мерадахъ-Валадана (Ис. 39, 1) вызывалось личною дружбою монарховъ и уваженіемъ къ благочестію Езекии. Въ такомъ

случаѣ странна была бы рѣчь Исаи. Съ большею вѣроятностью можно предполагать, что Езекиа, обманувшійся въ надеждѣ на Египеть, началъ вести переговоры о союзѣ противъ Ассиріи, съ сильными Халдеями. Такому союзу, сочувствовалъ Мерадахъ-Валаданъ и, при удобномъ поводѣ, послалъ дары и посольство. При такихъ политическихъ планахъ понятно и нѣкоторое, можетъ быть вынужденное дипломатами-послами, самохвальство Езекии (имъ конечно нужно было знать, силенъ-ли, и надеженъ-ли союзникъ). Еще понятнѣе, при такихъ политическихъ планахъ, грозная рѣчь Исаи. „Настоящій коварный союзникъ употребить Іудею для побѣды надъ своимъ врагомъ, Ассиріей, а потомъ самъ ограбить и поработить ее“ — вотъ смыслъ рѣчи Исаи. При предположеніи такихъ же политическихъ комбинацій, понятна рѣчь пр. Михея. Она, можетъ быть, имѣла цѣлю поколебать распространившуюся и въ Іудейскомъ народѣ симпатію къ сильнымъ Халдеямъ.

Подобныя событія, историческіе факты и вообще сочувствіе Іудеевъ къ Вавилону — вотъ достаточный поводъ пророчествамъ Аввакума о папештвіи Халдеевъ. Пророчество о гибели Халдеевъ стояло уже въ связи съ первымъ и необходимо было для самого пророка и вѣрующихъ Іудеевъ. Оно было также необходимо, какъ предсказаніе Михея, что въ Вавилонѣ Іудеи будутъ искуплены и спасены отъ всѣхъ враговъ (4, 10). Оно утѣшало пророка и народъ. Это мнѣніе мы рѣшаемся признать справедливымъ. Пр. Аввакумъ, по нашему мнѣнію, былъ современникомъ прр. Исаи, Михея и царя Езекии.

Какія же положительныя данныя въ рѣчахъ Аввакума побуждаютъ считать его современникомъ Езекии? Поводомъ и основаніемъ для нашего мнѣнія служить описаніе современнаго пророку религіозно-нравственнаго состоянія Іудеевъ, существенно отличное отъ описанія его современниками Манасси, Іоси, Іоакима и послѣдующихъ Іудейскихъ царей.

Пророкъ Аввакумъ только въ двухъ стихахъ 1-й главы касается современнаго нравственнаго состоянія Іудейскаго народа и находитъ преимущественно отсутствіе правосудія: нечестивый одолеваетъ праведнаго, поэтому возможно грабительство и насиліе, вражда и раздоръ, говоритъ пророкъ.

Такое слабое обличеніе возможно только при благочестивомъ Езекии. О сынѣ его, Манассіи, въ историческихъ Ветхозавѣтныхъ книгахъ замѣчается, что онъ былъ нечестивѣйшимъ изъ Іудейскихъ царей, наполнившимъ города идолами и кровію. Преемникъ Манассіи, Іосія, не скоро началъ свое покаяніе и не могъ исцѣлить народа отъ нравственныхъ недуговъ, принятыхъ отъ Манассіи (что подтверждаютъ вышеприведенныя свидѣтельства пророковъ Іереміи и Софоніи).

Объ Іоакимѣ и послѣдующихъ царяхъ нечего уже и говорить: характеристика ихъ и ихъ времени въ рѣчахъ пророка Іереміи всѣмъ извѣстна. Сходная почти тождественная съ Аввакумомъ (и по буквѣ), характеристика нравственнаго состоянія встрѣчается только у пр. Исаи въ 1-й главѣ (21—23 ст.), и у пр. Михея (2, 1—2. 7, 2—3—Ав. 1, 3—4—Судья беретъ взятки). Оба пророки — современники Езекии.

На этомъ основаніи можно считать пр. Аввакума современникомъ Исаи и Михея, пророкомъ, проходившимъ свое служеніе въ Іудейскомъ царствѣ, во второй половинѣ правленія Езекии. (714—700 г. до Р. Х). Попробуемъ подтвердить свое предположеніе анализомъ языка книги пророка Аввакума.

Какъ рѣзкимъ различіемъ языка книги пророка Аввакума отъ книгъ Софоніи и Іереміи доказывали различіе во времени жизни писателей - пророковъ, такъ сходствомъ языка книги Аввакума съ произведеніями современниковъ цара Езекии будемъ доказывать современность писателей. Во время Езекии проходили свое служеніе и писали свои книги пророки Исаія, Михей, и Осія. Въ книгѣ пророка Аввакума встрѣчается чрезвычайно много оборотовъ рѣчи и выражений, сходныхъ съ оборотами и выраженіями современниковъ Езекии и ни съ кѣмъ изъ другихъ писателей. Много, далѣе, встрѣчается у Аввакума словъ, употребляемыхъ только современниками Езекии. Есть, наконецъ, слова съ особеннымъ значеніемъ, встрѣчающимся только у Аввакума и современниковъ Езекии. Такое близкое сходство, признаваемое всѣми богословами (по отношенію только къ Исаи), думаемъ, есть доказательство современности писателей. Сходные, тождественные, обороты рѣчи и значенія словъ заимствованы изъ

современнаго разговорнаго языка. На ту же современность, думаемъ, указываетъ особенная чистота и изящество языка книги Аввакума. Его чистоту и красоту сознавали всѣ изслѣдователи книги, начиная съ Эйхгорна ¹⁾, но подъ вліяніемъ предзанятыхъ взглядовъ или нерѣшительности не дѣлали изъ этого факта надлежащаго вывода. Чистота языка Аввакума, свидѣтельствующая, по выраженію Эйхгорна, о веснѣ Еврейской поэзіи, естественно и необходимо доказываетъ, что Аввакумъ жилъ въ эту весеннюю пору — при Исаи и Езекии. Наше предположеніе, такимъ образомъ, есть лишь прямой выводъ или констатированіе мысли, допускаемой всѣми учеными, повторявшими характерное выраженіе Эйхгорна ²⁾.

1) Соловей не поетъ въ тяжкую зиму, въ вымершей рошѣ, такъ и Аввакумъ пѣснословилъ не при умиравшемъ языкѣ еврейскомъ. Языкъ и выраженіе его для этого слишкомъ прекрасны; его творчество слишкомъ оригинально; его цвѣты—кряккія, полная чада весны, не слабыя и тощія, какъ въ зиму: короче, онъ долженъ былъ слагать свое поэтическое твореніе въ цвѣтущее время еврейскаго языка. (Eichhorn. Einbitung. in Alt-Tést. 3, 291, 295 ss.).

2) Въ языкѣ книги пр. Аввакума видно сходство съ книгами Исаи, Михея и Осіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Надписаніе пророчества Аввакума: *massah ascher chazah* (1, 1) тожественно съ надписаніемъ пророчества Исаи (13, 1. 19, 1. 21, 11. 22, 1) и пр. Наума, современника Исаи (1, 1) (См. Христ. Чтеніе. 1852 г. 1, 526). У другихъ пророковъ не встрѣчаются такіа надписанія.

Авв. 1, 3—глаголъ *navat* употребляется преимущественно у Исаи. (5, 30, 38, 11. 42, 18).

Выраженіе (Авв. 1, 4) „изводить судъ“ (*jaza'a mischfat*), въ значеніи: совершать провосудіе, тожественно Ис. 42, 2—4.

Авв. 1, 5. глаголъ *zafag* въ значеніи: возвѣщать, тожеств. Ис. 52, 14.

Авв. 1, 7—*goj pogaa*—Ис. 18, 27.

Авв. 1, 12—*jehovah elohai kedozshi*—идиотизмъ Исаи.

Авв. 1, 13—Слово *mikmag*—сѣть—употребляется только еще у Исаи (19. 8. 51, 20).

Образъ (Авв. 2, 1): „Я сталъ на стражу мою“, сходенъ съ образомъ, употребленнымъ у Исаи (21, 8. 11—12). На это сходство двухъ пророковъ еще Иудеи обращали вниманіе и отождествляли Аввакума съ „стражемъ“ Исаи. (См. мидраши и толкованіе Раши).

Выраженіе (Авв. 2, 1): „видѣлъ слово Господне“ — употребляется еще у Исаи (2, 1).

Сравненіе (Авв. 2, 5) жадныхъ людей съ теоломи, расширяющимъ (*gachab*) свою душу (*nefesch*), тожественно съ Ис. 5, 14.

Авв. 2, 5—*pasab machal*—Ис. 14, 4. Мих. 2, 4.

Изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ главнаго и существеннаго вопроса—о происхожденіи книги пр. Аввакума—можемъ заключить библиологическій отдѣлъ въ изслѣдованіи книги пр. Аввакума. Другіе исагогическіе вопросы, напр. о единствѣ и систематичности рѣчей Аввакума и мнимыя историческія свидѣтельства о происхожденіи ихъ, разберемъ при послѣдовательномъ объясненіи книги пр. Аввакума, съ которымъ постараемся вскорѣ познакомить читателей.

П. Юнгеровъ

(Продолженіе будетъ)

Авв. 2, 8—eter ammim = Мих. 5, 3. Ис. 4, 3. 6, 12. 7, 22. Вообще прочество объ „остаткѣ“ святаго народа считается характеристикой вѣка Исаи. Sendien und Kritik. 1866. 450 s.).

Авв. 2, 12. boneh ir bedammim и beavelah = Мих. 3, 10.

Авв. 2, 14 вполнѣ сходенъ съ Ис. 11, 9.

Авв. 2, 18—19. Эти стихи давно вызвали въ богословахъ предположеніе о заимствованіи ихъ изъ Ис. 44, 9—20. (Ср. Куерер. Prop. Iegemia. 136 s.).

Авв. 2, 20—morec scheker = Ис. 9, 14.

Авв. 3, 3—tehillato maleah haarez = Ис. 6, 3.

Авв. 3, 3—глагол. schachab—падать употребляется еще только у Исаи (2, 9. 11. 17. 5, 15. 25, 12. 26, 5).

Авв. 3, 11—глагол. dusch молотить = Ис. 25, 10. 28, 27—28. Ос. 10, 11. Мих. 4. 13. Въ другихъ книгахъ совершенно почти не употребляется. При этомъ слово dusch прилагается къ истребленію народовъ. У всѣхъ этихъ пророковъ употребляется выраженіе: молотить народы.

Выраженіе (Авв. 3, 13): „обнажать основаніе“ чего-нибудь, въ смыслѣ: до конца уничтожать, тождественно съ Мих. 1, 6.

Авв. 3, 16—jom zarah = Ис. 22, 5. 33, 2. 37, 3.

Выраженіе (Авв. 3, 17): „смоковница, обманывающая (kachach) своими плодами“ въ значеніи: безплодная, тождественно съ Ос. 9, 2 (въ приложеніи къ винограднику).

Авв. 3, 17—sedemah въ значеніи: поле не засѣянное, употребляется еще только у Ис. 37, 26.

Авв. 3, 17—moschia = Ис. 12, 2. 17, 10. 45, 15. Мих. 7, 7.

Выраженіе (Авв. 3, 18): „я буду радоваться о Господѣ, веселиться о Богѣ спасенія моего“, тождественно по еврейскому тексту съ Мих. 7, 7.

Выраженіе (Авв. 3, 19): „постоянно буду славить Бога спасителя моего на псалтири моей“ тождественно съ выраженіемъ Езекии. Ис. 38, 20.

Очеркъ исторіи Греческой церкви со времени паденія Константинополя до нашихъ дней *).

Главнымъ орудіемъ къ совращенію въ латинство грековъ, какъ мы видѣли, служили іезуитскія школы ¹⁾). Чтобы еще болѣе воспитать грековъ въ духѣ и правилахъ латинской церкви, іезуиты учредили даже епископскія кафедръ, такъ что въ каждой епископіи греческой была епископія латинская ²⁾). Чтобы пропаганда шла успѣшнѣе, они простерли свою дерзость далѣе.

Хозяевами св. мѣстъ Іерусалима, послѣ того какъ послѣдній подпалъ подъ власть турокъ, турецкимъ правительствомъ оставлены были греки. Лица другихъ вѣроисповѣданій могли только поклоняться св. мѣстамъ; если же ихъ духовенство желало служить, то должно было совершать это съ вѣдома и согласія грековъ. Латинскимъ монахамъ захотѣлось отнять у грековъ такія преимущества. Подобная попытка была сдѣлана латинскими монахами въ первый разъ при патр. Германѣ. Воспользовавшись отсутствіемъ Германа изъ Іерусалима, они поставили жертвенникъ на мѣстѣ расцятія и стали отправлять здѣсь церковныя службы. Узнавъ объ этомъ, Германъ, по прибытіи во Іерусалимъ, собственноручно низвергнулъ жертвенникъ, а потомъ чрезъ нѣсколько времени (въ 1537 г.) отправился въ Константинополь, гдѣ султанъ Сулейманъ далъ ему указъ, подтверждавшій всѣ права православныхъ на св. мѣста. При патр. Софроніѣ IV произошло новое столкновеніе между православными и латинскими монахами. Православные Вилеємскіе отцы въ одно время оставили великую церковь и ключи отъ св. гроба на

---

*) Окончаніе. См. Май—Іюнь 1884 г.

¹⁾ Брошюра Брянцева: „Кириллъ Лукарисъ“, стр. 26.

²⁾ Ibid. стр. 23.

храненіе латинскимъ монахамъ. На требованіе (это было на другой день) возвратить ключи латиняне отвѣчали отказомъ и насильно сдѣлались обладателями св. пещеры. Завязался процессъ. Французскій посланникъ, пріѣхавшій въ Іерусалимъ, предложилъ мѣстнымъ судьямъ 6000 ф. золота и латиняне выиграли, захвативъ кромѣ отнятаго у грековъ и Голгоу. Четырехъ-угольная часть послѣдней у лобнаго мѣста правда вскорѣ была возвращена Софроніемъ, но это стоило ему а) большихъ издержекъ, и б) западная часть Голговы осталась всетаки за латинянами. Такъ было до патріарха Теофана. Въ 1629 г. онъ прибылъ въ Виелеемъ и наканунѣ Рождества Христова во время литаніи хотѣлъ съ своимъ духовенствомъ пройти чрезъ сѣверную дверь св. пещеры въ южную. Свѣдавъ объ этомъ, латинскіе монахи заперли дверь, ключи взяли себѣ, сказавъ, что они у пономоря, который обѣдаетъ. Теофанъ сталъ дожидаться, но недождался. Тогда онъ отправился въ Іерусалимъ, показалъ здѣсь мѣстному судѣ султанскіе хризовулы и возвратилъ православнымъ и виелеемскую пещеру и Голгоу. Чрезъ нѣсколько времени онъ удалился изъ Іерусалима, боясь мщенія латинскихъ монаховъ, въ женской одеждѣ дошелъ до Итолемаиды, отсюда отправился въ Константинополь, явился къ султану Мурату IV, который далъ ему указъ, отнимавшій у латинскихъ монаховъ и передававшій во владѣніе грекамъ всѣ св. мѣста, присвоенныя было первыми, именно: мѣсто распятія, Голгоу, виелеемскую пещеру, садъ, дворъ и церковь около пещеры. За такую милость Теофанъ обѣщался платить 1000 піастровъ въ пользу дома бѣдныхъ, устроеннаго Ахметомъ (султаномъ). Несмотря на неудачу, латинскіе монахи въ 1633 г. начали новыя нападенія на православныхъ. Они подкупили визиря Ибрагима пашу, который, выскобливъ имя грековъ и замѣнивъ его именемъ франковъ въ Кодексѣ султана Сулеймана, выхлопоталъ имъ указъ, по которому владѣніе Виелеемомъ переходило въ руки латинянъ. Султанъ получилъ за это 16.000, а Ибрагимъ 25.000 флориновъ, собранныхъ латинскими монахами при помощи пословъ католическихъ державъ: французскаго и испанскаго. Получивъ указъ, латиняне немедленно выгнали православныхъ изъ Виелеема. Патр. Теофанъ не могъ стерпѣть явной несправед-

ливости. Онъ подалъ султану записку, въ которой изложены были вся хитрость и лукавство Ибрагима паши. Отправлень былъ въ Иерусалимъ чиновникъ, который, разсмотрѣвъ дѣло, нашель сторону православныхъ правую. Виоелеемъ опять возвращень былъ православнымъ. Не такъ счастлива была борьба съ латинскими монахами патр. Нектарія. Въ его патріаршество латиняне присвоили себѣ первенство служенія въ великой церкви въ Вербное воскресенье. Сколько ни оспаривалъ право этого первенства у латинянь Нектарій, его хлопоты остались безъ успѣха. При содѣйствіи австрійскаго посланника латинскіе монахи одержали верхъ надъ православными. Въ патріаршество Досиоея латинскіе монахи, вспомошествоваемые французскимъ посланникомъ Денъйделемъ, старались отнять у православныхъ кувуклій св. гроба (часовня надъ гробомъ Господнимъ, самое священное мѣсто для христіанъ) и Виоелеемъ; но въ этомъ отношеніи ихъ старанія были тщетны. Патр. Досиоей въ 1675 г. выхлопоталъ у султана указъ, во всемъ сходный съ указомъ Мурата IV, данный на имя патріарха Теофана. Французскій посланникъ всячески старался было оклеветать православныхъ предъ султаномъ; но Досиоей въ новомъ донесеніи султану опровергъ эти клеветы и въ томъ же 1675 г. получилъ второй хризовуль, которымъ рѣшительно утверждены были права православныхъ относительно св. мѣсть. Въ 1677 г., въ бытность Досиоея въ Константинополь, который прибылъ сюда, избѣгая мести раздраженныхъ латинскихъ монаховъ, и по его ходатайству воспослѣдовалъ новый третій хризовуль, запрещавшій латинянамъ первымъ отправлять литанію и предоставлявшій это право православнымъ іерусалимскимъ отцамъ. Между тѣмъ какъ патр. Досиоей одерживалъ такимъ образомъ надъ латинянами побѣду за побѣдой, латинскіе монахи строили новыя ковы для православныхъ. Въ 1688 г. они возобновили свои притязанія на овладѣніе св. мѣстами. Патр. Досиоей не снесъ этихъ притязаній. Онъ отправился въ Адрианополь, гдѣ отъ султана Сулеймана получилъ хризовуль, во всемъ согласный съ прежде изданнымъ этого рода документами съ слѣдующимъ только добавленіемъ: „Франки не должны молиться въ храмѣ прежде грековъ, не должны вносить туда крестовъ и хо-

ругвей, знаменъ и всякаго рода идоловъ, не совершать литургіи въ кувукліѣ; должно быть уничтожено все, что ввели они вновь, внутри и внѣ Іерусалима должны находиться только 36 членовъ братства.“ Но когда былъ изданъ этотъ хризовулъ, Австрія начала угрожать турецкой имперіи войною. Латинскіе монахи воспользовались этимъ случаемъ. Они обѣщали туркамъ помощь противъ Австріи. Послѣдовалъ новый указъ относительно св. мѣстъ и теперь въ пользу латинскихъ монаховъ. Въ силу указа латинскіе монахи отняли у грековъ первенство въ нѣкоторыхъ св. мѣстахъ, съ кувуклія сняли престолъ и уничтожили его украшенія, срыли престолъ Вознесенія, взяли половину сѣверной части Голгофы, мѣсто распятія, обрѣтенія Креста Господня, Геосиманію и Виѳлеемъ, разрушили иконостасъ Виѳлеемскаго собора, едва построенный въ 4 года и произвели много другихъ злодѣйствъ. Досиѣе былъ тронуть до глубины души дѣйствіями латинскихъ монаховъ. Въ 1689 г. онъ направъ всѣ усилія, чтобы уничтожить указъ данный латинскимъ монахамъ. Патріархъ былъ такъ правъ, что в. ви-зирь ничего не могъ возразить ему. Латинскіе монахи снова потерпѣли ¹⁾. Такъ при всѣхъ усиліяхъ латинскимъ монахамъ не удалось стать хозяевами св. мѣстъ Іерусалима. При всемъ томъ ихъ пребываніе на востокъ не осталось безъ послѣдствій. Въ мѣстѣ съ іезуитами они совершили свою службу римской церкви. Мы не можемъ съ точностію опредѣлить, каковъ былъ успѣхъ ихъ пропаганды, но нѣтъ сомнѣнія, что они приобрѣли чадъ для римской церкви. Левъ-Алліцій вообще говоритъ о грекахъ: послѣ паденія Константинополя греки оставили свою ненависть къ латинянамъ и вошли съ ними въ тѣсное общеніе ²⁾ Замѣтимъ, что эти слова сказаны о грекахъ въ XVII в.

Стараясь подѣйствовать на грековъ чрезъ неудавшуюся коалицію европейскихъ государей противъ турокъ, отправляя на востокъ разнаго рода миссіонеровъ, папы употребляли и другія мѣры, чтобы привлечь православныхъ восточ-

¹⁾ Прав. Обзор. г. 1869 г. Второе полугодіе. См. статью архимандрита Григорія Паламы: изъ исторіи Іерусалимскаго патріаршества.

²⁾ Брошюра Бранцева, стр. 23.

ныхъ христіанъ къ уніи съ западною церковію. Съ этою цѣлію папы входили съ востокомъ въ письменныя сношенія: то предлагая православнымъ ввести у себя тотъ или другой римскій обычай, какъ сдѣлалъ это напр. папа Григорій XIII въ 1583 г., приславшій при письмѣ патріарху Іереміи II новый календарь и просившій названнаго патріарха ввести присланный календарь въ своей церкви ¹⁾, то льстиво приглашая представителей восточной церкви подписать флорентійскую унію, каковаго приглашенія удостоился напр. патр. Кириллъ Лукарисъ въ 1626 г. отъ кардинала Брандина, дѣйствовавшаго отъ лица папы, ²⁾ то соглашаясь даже на нѣкоторыя уступки грекамъ, на оставленіе имъ ихъ церковнаго обряда, какъ поступилъ напр. папа Бенедиктъ XIV, что видно изъ его буллъ, въ одной изъ которыхъ („Allatae sunt“) отъ 26 іюня 1755 г. онъ повелѣвалъ римскимъ миссіонеромъ не нарушать греч. обряда, а въ другой отъ 1 марта 1756 г. приглашалъ грековъ принять улучшенный евхологіумъ, увѣряя что чрезъ это у грековъ ничто не переменится. ³⁾ Новое время представляетъ намъ замѣчательную попытку привлечь православный востокъ къ религіозной уніи съ западомъ со стороны Пія IX. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, именно 6 января 1848 г., онъ издалъ энциклику къ восточнымъ, состоящую изъ двухъ совершенно равныхъ половинъ. Въ началѣ энциклики говорится, что съ первыхъ дней своего понтификата онъ папа Пій IX направилъ свой взоръ на православныя націи востока, которыя требовали его вниманія болѣе, чѣмъ по одной причинѣ. На востокѣ Христомъ и Апосталами было возвѣщено Божественное ученіе, здѣсь ученики Спасителя основали много церквей, которыя носятъ ихъ славныя имена, востокъ славенъ св. мужами: Игнатіемъ, Поликарпомъ, Григоріемъ Нисскимъ и др., на востокѣ подъ предводительствомъ папы происходили вселенскіе соборы, защищавшіе каѳолическую вѣру отъ нововводителей. Хотя въ послѣдствіи немалая часть восточныхъ христіанъ отпала

¹⁾ Малышевскаго, Мелетій Пигасъ, стр. 237—239.

²⁾ Брошюра Брявцева, стр. 84. 85.

³⁾ Пихлеръ, стр. 528.

отъ истинной вѣры, однако значительная часть пребывала и пребываетъ всетаки въ единеніи съ истинною католическою церковію. Къ этой-то *значительной части* и обращается прежде всего папа. Онъ увѣдомляетъ католическихъ духовныхъ и мірянъ востока, что онъ недавно послалъ въ Константинополь архіепископа Иннокентія Сидонскаго просить у султана защиты католической церкви на востокѣ, увѣряетъ, что греческая литургія хотя и разднится отъ латинской, но можетъ быть одобрена, сообщаетъ, что нѣкоторые латинскіе и даже греческіе епископы и другіе благочестивые люди составили уже одобренный имъ планъ для основанія общества, имѣющаго цѣль болѣе утвердить и распространить на востокѣ католическую церковь. (Это планъ „Восточнаго общества“). Послѣ этого начинается вторая часть энциклики. Папа посылаетъ миръ и любовь тѣмъ восточнымъ, которые хотя и почитаютъ Христа, но отдѣлились отъ престола Петра. Сказавъ за сѣмъ, что его обязанность—приводить заблудшихъ овецъ на истинный путь, папа взываетъ: „Слушайте нашего голоса вы всѣ, которые правда на востокѣ называетесь Христовымъ именемъ, но не находитесь ни въ какомъ общеніи съ святою римскою церковію, — именно вы, которые въ духовныхъ должностяхъ и обязанностяхъ руководите остальными. Вспомните о состояніи вашей церкви до раздѣленія и посмотрите, какую пользу принесло вамъ раздѣленіе. Вы не могли сохранить единства ученія и церковной практики между вами самими, не говорю уже съ церковію западною. Разсудите, можетъ-ли быть единая католическая и апостольская церковь при столь большомъ раздѣленіи вашей церкви, которую вы сами отказываетесь признать въ общеніи съ римскою церковію“. Папа приводитъ безчисленные доказательства въ пользу того, что епископы всѣхъ восточныхъ странъ всегда были согласны въ томъ, что папа глава церкви. Далѣе энциклика говоритъ: „Мы не налагаемъ на васъ никакой другой тяжести, кромѣ той, чтобы вы возвратились къ единству, приняли истинную вѣру, которой учить католическая церковь и пребыли въ общеніи съ престоломъ Петра. Въ обрядѣ вашемъ будетъ отвергнуто только то, что вошло въ него во время раздѣленія и противорѣчитъ вѣрѣ и католическому единству. Энциклика оканчивается выраженіемъ полнаго желанія ско-

рѣйшаго возвращенія отпавшихъ въ лоно католической церкви ¹⁾.

Энциклика папы, послѣ того какъ получена была на востокѣ, вызвала здѣсь довольно сильное движеніе. Противъ нее возвысили голосъ не только отдѣльныя лица, ²⁾ но и вся восточная церковь. Патріархъ Анеимъ константинопольскій въ маѣ тогоже 1848 г. издалъ окружное посланіе, которое было подписано 4 патріархами: Анфимомъ константинопольскимъ, Іерооеемъ александрійскимъ, Меоодиємъ антиохійскимъ и Кирилломъ іерусалимскимъ, 18 членами константинопольскаго Синода, 4 членами Синода антиохійскаго и 7 членами іерусалимскаго Синода. Посланіе указываетъ на необходимость содержать чистую первоначальную вѣру, чтобы тѣмъ самымъ можно было побѣждать хитрость сатаны. „Каѳолическая церковь, говорится въ посланіи, даже до этого дня беретъ надъ нею верхъ (хитростію) и будетъ всегда славно побѣждать ее. Громовая стрѣла проклятія 7 вселенскихъ соборовъ будетъ отнимать мужество у всякой вновь возвышающейся ереси. Такою опасною ересью въ древнее время было аріанство, въ настоящее время папство. Но какъ первое исчезло, такъ и послѣднее погибнетъ и услышитъ могущественный голосъ съ неба: „оно пало!“ 15 обвиненій возводитъ посланіе на римскую церковь, особенно относительно *Filioque*, окропленія вмѣсто крещенія, отказа чаши мірянамъ, запрещенія дѣтей миропомазывать, запрещенія брака священникамъ, непогрѣшимости папы, извращенія всѣхъ древнихъ ученій и обычаевъ. Всѣ приверженцы ереси *Filioque*—еретики, и правовѣрующимъ не нужно имѣть съ ними религіознаго общенія. „Ортодоксія, говорятъ представители восточной церкви, должны быть узнаваема непокаедрѣ, а по лицу, занимающему каѳедру... Никакая каѳедра на столько несвята, чтобы не могла приражаться къ ней никакая ересь и папы и патріархи могутъ подпасть анаѳемѣ“. Православіе восточныхъ сберегало каѳолическую церковь съ чистой дѣвственности; чрезъ союзъ любви и приверженность къ своей общей матери (Церкви) они сое-

¹⁾ Пихлеръ стр. 532—535.

²⁾ Напр. Маркораль, безимянный авторъ отвѣта на энциклику и др. Пихлеръ, стр. 486.

динены въ единствѣ вѣры, запечатлѣнной семью печатями вселенскихъ соборовъ. Далѣе представители восточной церкви пишутъ: „У насъ ни патріархи, ни соборы не могутъ вводить новизнъ, ибо высшій стражъ религіи есть тѣло самой церкви, народъ, который не допускаетъ никакого измѣненія своихъ отеческихъ преданій, какъ это испытали многіе папы. Послѣ этого опровергаются всѣга писаній и отцовъ, приводимыя въ энцикликѣ въ пользу приматства папы Не на Петрѣ, но на исповѣданіи его была основана Церковь. Три вопроса, обращенные къ Петру Христомъ, означали только троякое отрицательство перваго отъ Спасителя и утвержденіе его снова въ апостольскомъ достоинствѣ. Резиденціей св. Петра былъ не Римъ, но Антиохія. Что отцы говорили о единеніи съ римскою церквію, то относится къ древнему ортодоксальному Риму. И въ древности за римскимъ епископомъ не признавалось никакого первенства въ юрисдикціи, онъ имѣлъ значеніе, какъ только преимущественнѣйшій братъ ¹⁾). Такъ встрѣчена была на востокѣ энциклика папы! Едва ли можно думать, что вліяніе, произведенное его на православномъ народѣ востока, было въ пользу папы. Отвѣтъ восточныхъ патріарховъ долженъ былъ парализовать это вліяніе. Впрочемъ чрезъ нѣсколько лѣтъ папа былъ утѣшенъ. Грекоболгарская распря послужила поводомъ къ тому, что часть болгаръ въ 1860 году отдѣлилась отъ Константинопольскаго патріарха и признала надъ собою власть папы ²⁾).

Въ то время, какъ римскіе папы всеми мѣрами старались распространить католицизмъ на Востокѣ, константинопольская церковь должна была защищать себя еще отъ другаго вліянія, вліянія протестантовъ. Вся разница въ отношеніяхъ католиковъ и протестантовъ къ Константинопольской церкви состоитъ въ томъ, что отношенія послѣднихъ были болѣе умѣренны, безъ насилій, безъ происковъ и обмана. Протестанты старались дѣйствовать на грековъ разумно, путемъ убѣжденій. Къ такому образу дѣйствій располагали протестантовъ историческія побужденія. Отдѣлив-

¹⁾ Пихлеръ, стр. 489. 490.

²⁾ Ibid. стр. 541.

шись отъ Рима, они скоро однако почувствовали свою одинокость, скоро сознали непрочность той почвы, на которую имъ пришлось стать. А потому, чтобы защитить себя и основанія своего ученія отъ нападенія папистовъ, сообщить ему болѣе силы и значенія въ глазахъ христіанскаго міра, они рѣшились войти въ сношенія съ восточною церковію, начали дѣлать попытки къ соединенію ея съ собою.

Первымъ знакомцемъ изъ православныхъ грековъ со протестантами былъ Антоній епархъ корцирецъ. Вскорѣ послѣ отдѣленія протестантовъ отъ церкви римской, корцирецъ много хлопоталъ предъ ними, увѣщавая ихъ къ миру въ виду грозящей опасности отъ турокъ. Въ этомъ тонѣ онъ писалъ Меланхтону въ 1543 году: „неумѣстно теперь спорить о призракахъ, чтобы пща неба, не потерять земли“. За тѣмъ, въ 1555 году велъ переписку съ Меланхтономъ грекъ Іоаннъ Діасоринось, обѣщавшій прислать ему (Меланхтону) греческія книги изъ Элады „нѣкогда счастливой, теперь несчастной“. Но еще болѣе заинтересовалъ протестантовъ діаконъ константинопольской церкви Димитрій, который въ 1558 году былъ посланъ въ Германію отъ патріарха Іоасафа II отчасти для собранія милостыни, отчасти съ цѣлію узнать ученіе церкви протестантской, и развѣдать не пожелаютъ ли лютеране соединиться съ восточною церковію. Димитрій прибылъ въ Виртембергъ, прожилъ здѣсь около полутора года, былъ принятъ Меланхтономъ дружелюбно и бесѣдовалъ какъ съ нимъ, такъ и другими протестантскими учеными. Димитрія съ любопытствомъ спрашивали о церквахъ востока, объ ученіи и богослуженіи. Послѣ бесѣды Меланхтонъ вручилъ Димитрію письмо къ патріарху Іоасафу и при немъ Аугсбургское исповѣданіе (1559 г.). Въ письмѣ къ патріарху Меланхтонъ выражаетъ скорбь о тревоженіяхъ испытываемыхъ церковію; благодаритъ Бога, что еще сохранились церкви во Фракіи, Греціи и Азіи; увѣряетъ, что въ протестантскихъ церквахъ звучитъ ученіе пророковъ и Апостоловъ, воздастся уваженіе отцамъ и соборамъ, отвергаются и древнія ереси и суевѣрія, наконецъ проситъ патріарха не вѣрять клеветамъ папистовъ на протестантовъ,

но быть безпристрастнымъ испытателемъ обѣихъ сторонъ и защитникомъ Божественной истины ¹⁾).

Какъ принялъ Іоасафъ письмо Меланхтона—неизвѣстно. Вѣроятно несомнѣнъ благосклонно; потому что при этомъ патріархъ былъ инокъ Пахомій Русанъ, начавшій едва ли не первый полемику съ протестантами, порицая ихъ особенно за неуваженіе къ церковной святнѣ. Какъ бы то ни было, но такъ начавшіяся сношенія съ протестантами, принимаютъ при патріархѣ Іереміи 2-мъ болѣе оживленный характеръ. Главнымъ двигателемъ ихъ былъ Мартинъ Крузій, профессоръ греческой и латинской словесности въ Тюбингенской академіи. Въ сношеніяхъ съ греками онъ преслѣдовалъ двѣ цѣли: научную и религіозную. Для цѣли научной сношенія съ греками служили для него наилучшимъ средствомъ къ собранію необходимыхъ матеріаловъ для изученія востока вообще, и въ частности для изученія греческаго языка письменнаго и живаго. Въ отношеніи къ цѣли религіозной—Крузій былъ продолжателемъ дѣла Меланхтона и ему нуженъ былъ прочный союзъ съ греками. Свои сношенія съ Константинополемъ Крузій началъ съ 1573 года. Случай былъ слѣдующій: въ этомъ году отправлялся въ Константинополь посоль Максимиліана 2-го Давидъ Унгадій, который просилъ Тюбингенскую академію дать ему ученаго богословія—проповѣдника. Съ нимъ посланъ былъ знатокъ греческаго языка Стефанъ Герлахъ, съ которымъ Крузій отправилъ къ Константинопольскому патріарху Іеремію письмо и при немъ переведенную на греческій языкъ одну проповѣдь. Кромѣ Крузія, къ тому же патріарху написалъ посланіе и докторъ Тюбингенской академіи Іаковъ Андреа. Въ своемъ посланіи Андреа высказываетъ намѣреніе преобразовать востокъ посредствомъ соединенія съ нимъ, на тѣхъ условіяхъ, чтобы греки и протестанты, какъ члены одного тѣла Христова, были крещаемы во Христа и вѣровали въ одного Искупителя. Герлахъ все посланное съ нимъ, по приѣздѣ въ Константинополь, вручилъ патріарху, отъ котораго и былъ принятъ благосклонно. Но прежде, чѣмъ Іеремія удостоилъ своимъ отвѣтомъ Андреа и Крузія,

¹⁾ Малышевск. „Мелетій Пигасть“ стр. 208.

оба Тюбингенскіе богословы написали патріарху новое посланіе съ приложеніемъ другой проповѣди, написанной въ протестанскомъ духѣ. Въ новомъ посланіи Андреѣ и Крузій говорили, что протестанты только въ нѣкоторыхъ несущественныхъ мѣстныхъ обычаяхъ отличаются отъ грековъ, и что въ основномъ ученіи, какъ оно передано Свящ. Писаніемъ и семью первыми соборами они совершенно согласны съ ними и желаютъ только, чтобы этотъ союзъ единства въ вѣрѣ заключенъ былъ еще тѣснѣе. Получивъ и прочитавъ это новое посланіе, патріархъ отвѣтилъ Тюбингенскимъ богословамъ своимъ письмомъ, въ которомъ коротко объявилъ имъ; пусть протестанты всегда твердо сохраняютъ истинную вѣру греческую и не удаляются отъ Библии, семи соборовъ и отцевъ церкви; пусть сохраняютъ какъ записанное, такъ и устное преданіе; пусть они обратятся къ восточной церкви; такъ какъ послѣдняя есть мать всѣхъ церквей, и по благодати Божіей славится вѣрнымъ храненіемъ Апостольскихъ и отеческихъ преданій; она обладаетъ преимуществомъ чести и поставлена во главѣ церквей; ея долгъ, чтобы всѣ христіанскія церкви какъ въ литургіи, такъ и во всемъ остальномъ, слѣдовали ея порядку. Такъ завязалась переписка между Константинополемъ и Тюбингеномъ.

На посланіе Іереми тюбингенскіе богословы отвѣчали новымъ посланіемъ къ патріарху, въ которомъ писали, что они не нововводители, что относительно существенныхъ догматовъ, они не рознятся отъ грековъ и хранятъ ту самую вѣру, которая преподана св. Апостолами, пророками, св. отцами и утверждена семью соборами. Посылая при этомъ патріарху пять новыхъ экземпляровъ Аугсбургскаго исповѣданія на греческомъ языкѣ, — исповѣданія, которое съ древнегреческаго Михаиль Кантакузень перевелъ на новогреческій языкъ, тюбингенскіе богословы просили у патріарха суда о посланномъ исповѣданіи. „Быть можетъ, прибавляли они, Небесный Отецъ щедротъ чрезъ возлюбленнаго Сына Своего сдѣлаетъ насъ и васъ послѣдователями единаго Спасителя.., и градъ Константина и Тюбингенъ соединятся союзомъ христіанской любви“.

На письмо и посылку патріархъ отвѣтилъ тюбингенцамъ,

что онъ въ скоромъ времени вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ выскажетъ свое мнѣніе о присланномъ ему исповѣданіи вѣры.

Чтобы дѣло предполагаемой уніи шло удачнѣе, тюбингенскіе богословы завязали письменныя сношенія съ нѣкоторыми изъ образованныхъ грековъ, каковы напр. Іоаннъ и Ѳеодосій Зигомалы. Они просили послѣднихъ содѣйствовать въ начатыхъ сношеніяхъ о вѣроисповѣдномъ союзѣ. Просвѣщенные греки отеслись къ просьбѣ сочувственно. Старшій Зигомала въ отвѣтномъ письмѣ къ Крузію говорилъ: „Есть здѣсь римскіе монахи—паписты. Когда узнали они, что сюда прислано ваше исповѣданіе, то стали необычайно кричать противъ васъ. Я противувосталъ имъ за васъ, говоря, что вы разногласите съ ними ради многихъ злоупотребленій ихъ въ вѣрѣ и нелѣпыхъ мнѣній, что въ этомъ отношеніи мы съ вами во многомъ сходимся, а съ ними расходимся“. Затѣмъ младшій Зигомала извѣщаетъ, что исповѣданіе принято патріархомъ благосклонно, что для обстоятельнаго разбора его, онъ собиралъ членовъ патріархіи, и что готовъ уже отвѣтъ на него, писанный имъ—Зигомалою¹⁾. Между тѣмъ патріархъ не спѣшилъ своею подписью составленнаго отвѣта, но относился къ нему осмотрительно и подвергалъ неоднократно разсмотрѣнію Синода. Наконецъ, отвѣтъ былъ готовъ и отправленъ тюбингенцамъ, которые получили его 18 іюня 1576 года. Въ этомъ отвѣтѣ, все согласное въ Аугсбургскомъ исповѣданіи съ ученіемъ православной церкви было одобрено и утверждено, а все не согласное опровергнуто и отвергнуто. Въ отвѣтѣ патріархъ добавляетъ: „знаю, что ученіе о нѣкоторыхъ догматахъ не будетъ пріятно вамъ, но мы убѣждены, что вы, какъ мужи ученые, соединяющіе съ глубокимъ образованіемъ и благоразуміемъ, ничего не предпочтете истинѣ—Господу нашему Іисусу Христу“²⁾.

Получивъ отвѣтъ и отдавая ему справедливость, Крузіи и Андреа прислали Іереміи объясненія, въ которыхъ, защищая пункты своего ученія, не согласныя съ ученіемъ православнымъ, вступаютъ съ послѣднимъ уже въ полемику. Принимая въ основу всего одно Св. Писаніе, они защищаютъ на утонченныхъ толкованіяхъ Писанія *filioque*. Далѣе, раз-

¹⁾ Малышевск. стр. 212.

²⁾ Ibid. стр. 214.

суждаютъ съ протестантской точки зрѣнія объ оправданіи вѣрою и добрыхъ дѣлахъ, о таинствахъ, о молитвѣ и милостынѣ за умершихъ, объ обѣтахъ и монашествѣ.

Такихъ объясненій тюбингенскихъ богослововъ патріархъ не оставилъ безъ вниманія. Онъ основа отправилъ въ Тюбингенъ посланіе съ убѣжденіемъ, чтобы протестанты оставили свои заблужденія. Между тѣмъ Крузія разширялъ свои корреспонденціи съ учеными греками болѣе и болѣе. Кромѣ Зигомалы, онъ писалъ въ 1577—8 г. Митрофану Беррійскому, Симеону Кавасилѣ. Гавріилу Северу и другимъ. Всѣ письма Крузія касались собственно ученыхъ интересовъ, но при этомъ онъ не упускалъ изъ виду и вопроса вѣроисповѣднаго. Онъ посылалъ и самому патріарху разные отвѣты на мѣста свящ. Писанія, при этомъ онъ посылалъ и подарки на Востокъ, — все это побудило ученыхъ грековъ вступить съ Западомъ въ возможно близкія отношенія. Пользуясь такими обстоятельствами, протестанты не медлили проводить въ среду грековъ и свои тенденціи. Такъ назначенный (1578 г.) вмѣсто Герлаха новый проповѣдникъ—Швейгеръ старался распространить между греками лютеранскій катихизисъ и намѣренъ былъ пропагандировать между ними Аугсбургское исповѣданіе. Сношенія протестантовъ съ православными, такимъ образомъ, стали дѣлаться опасными уже для религіи и церкви. Въ то же время Іеремія получилъ новое письмо отъ осьми тюбингенскихъ богослововъ. На это письмо Іеремія отвѣчалъ уже съ нѣкоторою раздражительностію. Хваля любовь тюбингенцевъ о Христѣ, онъ говорилъ, что въ виду такъ явно обнаруженныхъ тюбингенцами произвольныхъ толкованій Свящ. Писанія и св. отцовъ, онъ (Іеремія) думалъ было и не отвѣчать, слѣдуя постановленію Павла: „еретика чловѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся“. Но чтобы молчаніе не было принято за знакъ согласія нашего съ вами..., мы рѣшились еще разъ отвѣчать вамъ, хотя уже увѣрились, что вы никогда не можете согласиться съ нами“ ¹⁾. Защищая особенно догматъ объ исхожденіи Св. Духа и говоря о другихъ предметахъ кратко, Іеремія заключаетъ свое посланіе: „такъ какъ вы упорно

¹⁾ Малышевск. стр. 219.

продолжаете отрицать извѣстные догматы и установленія церкви, въ числѣ ихъ и такіе, которые принимаютъ старшій и новшій Римъ, а между тѣмъ у васъ самихъ разногласіе умножается, превознося св. отцовъ словами, вы на дѣлѣ не уважаете свидѣтельствъ ихъ, приводимыхъ нами, ставите на мѣсто ихъ—авторитетъ свой и своихъ новыхъ учителей, и такимъ образомъ хотите лишить насъ главной опоры въ разсужденіяхъ о вѣрѣ, чѣмъ и освобождаете насъ отъ обязанности продолжать ихъ: просимъ васъ впредь не утруждать насъ своими писаніями. Идя своею дорогою, болѣе не пишите къ намъ о догматахъ, а если угодно, то развѣ только ради дружбы“. Это посланіе за подписью Іеремія и Θεодосія Зигомалы было отправлено изъ Константинополя 6 іюля 1581 года ¹⁾).

Тюбингенскіе богословы написали на него отвѣтъ подъ названіемъ „Antidotum“, отвѣчать на который Іеремія не считалъ уже нужнымъ.

Несмотря на то, протестанты не переставали искать союза съ греческою церковію. 6 іюня 1599 года они отправили въ Константинополь письмо, въ которомъ выражали желаніе соединиться съ греками; благодаря чистотѣ ихъ ученія, показывали свое отвращеніе къ униі съ Римомъ и приложили исповѣданіе вѣры въ 18 членахъ. Въ Константинополь тогда не было никакого патріарха. Правителемъ константинопольской церкви былъ патріархъ Александрійскій Мелетій (Пи́га). На письмо протестантовъ онъ отвѣчалъ въ слѣдующемъ году изъ Египта. Въ своемъ письмѣ къ протестанту Бронивіусу отъ 24 ноября 1600 года, онъ объявилъ: „что сожалѣеть, что они отдѣлены другъ отъ друга не только далекими землями, но раздѣлены и въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ всѣ христіане должны быть одного мнѣнія“. При этомъ Мелетій выразилъ надежду, что придетъ когда нибудь время, когда Богъ положитъ конецъ этому раздѣленію, когда они пожелаютъ жить во взаимной любви и дружбѣ“ ²⁾).

До сихъ поръ всѣ стремленія протестантовъ къ униі съ

¹⁾ Мальяшевск., стр. 220—221.

²⁾ Pichler, стр. 462.

Востокомъ оканчивались полною неудачею. При всей неудачѣ своихъ попытокъ, протестанты однако не падали духомъ. Имъ все еще хотѣлось и они надѣялись рано или поздно соединиться съ востокомъ. Патріаршество Кирилла Лукариса особенно повидимому благопріятствовало ихъ мечтамъ. Остановимся на интересной исторіи этого замѣчательнаго челоуѣка.

Уроженецъ Крита, воспитанникъ (благодаря Мелетію Пигѣ) греческой коллегіи въ Венеціи, потомъ университета въ Падуѣ, цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ проведенной въ Италіи, Кириллъ, казалось, не долженъ былъ вынести отсюда ненависти къ католикамъ и католицизму. Но вышло совершенно наоборотъ. Во все время своего патріаршества онъ былъ заклятымъ врагомъ іезуитовъ и вообще папства и папистовъ. Сдѣлавшись послѣ Александріи, гдѣ въ званіи патріарха онъ управлялъ церковію 19 лѣтъ (1602—1621), патріархомъ церкви Константинопольской, Кириллъ началъ упорную борьбу съ „двуязычными змѣями“, какъ онъ называлъ іезуитовъ, и другими проповѣдниками латинства во вѣренной его надзору и управленію церкви. Чтобы успѣшнѣе вести борьбу, Кириллъ сблизился съ протестантами. Съ послѣдними онъ вошелъ въ сношенія еще въ то время, когда въ санѣ архимандрита путешествовалъ по западной Европѣ подъ предлогомъ собиранія милостыни, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлю ближайшаго знакомства съ состояніемъ церковныхъ дѣлъ на западѣ и съ спорными пунктами западнаго вѣроученія. Во время этого путешествія Кириллъ познакомился со многими протестанскими учеными, а также со многими высокопоставленными лицами изъ протестантовъ. Протестанты тѣмъ охотнѣе примкнули къ Кириллу, что, считая себя также врагами папства, они хотѣли собственнымъ вліяніемъ на восточную церковь парализовать при посредствѣ патріарха вліяніе на ту же церковь католиковъ. Вся исторія константинопольскаго патріаршества Кирилла представляетъ непрерывную борьбу съ іезуитами, борьбу, вслѣдствіе которой онъ пять разъ былъ низводимъ съ патріаршаго престола, и во время которой ему много помогали протестанты.

Принявши кормило правленія константинопольскою цер-

ковію, Кирилль созвалъ соборъ изъ подвластныхъ ему епископовъ, и вмѣстѣ съ ними опредѣлилъ предостеречь православныхъ отъ сношеній съ католиками и въ частности съ іезуитами. Въ такомъ духѣ написана была грамота и разослана повсюду. Такимъ образомъ первый ударъ іезуитамъ былъ нанесенъ. Имъ оставалось теперь отстаивать себя. Какъ же они отнеслись къ Кириллу? Согласившись съ Григоріемъ еп. Амасійскомъ и собравъ 20,000 талеровъ, они оклеветали Кирилла предъ папшею Гуссейномъ, какъ друга европейцевъ и измѣнника. Кирилль былъ низложенъ, а мѣсто его занялъ Григорій еп. Амасійскій. Послѣдній управлялъ константинопольскою церковію только три мѣсяца. Во все это время Кирилль не переставалъ оправдываться предъ турецкимъ правительствомъ; но такъ какъ его оправданія не имѣли силы, то онъ вынужденъ былъ обратиться за помощію къ посланникамъ англійскому и голландскому. Благодаря посредничеству послѣднихъ, Григорій Амасійскій былъ низложенъ; но Кирилль все таки не получилъ патріаршества. Этого мало. Іезуиты обратились за содѣйствіемъ къ посланнику французскаго двора графу де Сези, ревностному католику. Вмѣстѣ съ послѣднимъ, въ апрѣлѣ 1623 года они сдѣлали новый доносъ турецкому правительству: будто Кирилль сносится съ герцогомъ тосканскимъ и замышляетъ предать ему одинъ изъ острововъ Архипелага. При этомъ Гуссейнъ получилъ еще 20,000 талеровъ. Доносъ и деньги достигли своей цѣли: Кирилль былъ заточенъ на о. Родосъ какъ государственный преступникъ.

Патріаршій престолъ занялъ другой приверженецъ іезуитовъ Анѳимъ II, еп. Адрианопольскій. Радость папы и іезуитовъ была велика, но не слишкомъ продолжительна. Гуссейнъ скоро умеръ, а о заточеніи Кирилла узналъ англійскій король Іаковъ I, знѣвпій и уважавпій Кирилла. Онъ далъ предписаніе своему посланнику, Томасу Ру, потребовать отъ Порты освобожденія Кирилла, въ противномъ случаѣ объявить ей прекращеніе съ нею всякихъ сношеній англійскаго двора. Порта испугалась энергическаго протеста Іакова. Кирилль былъ освобожденъ и снова занялъ патріаршій престолъ. Это было въ сентябрѣ 1624 года. Анѳимъ испросилъ у Кирилла прощеніе и удалился на Аѳонскую гору. Второй

періодъ патріаршества Кирилла продолжался восемь лѣтъ. Въ эти восемь лѣтъ Кириллъ не переставалъ разоблачать всѣ козни и происки іезуитовъ. Онъ не одинъ разъ подвергался было новой опасности лишиться патріаршаго престола. Въ одно время приплыли къ Босфору отважные казаки и стали угрожать столицѣ турецкой имперіи. Этимъ воспользовались іезуиты. Черезъ французскаго посланника они внушили правительству, что казаки подступили къ Константинополю по прояскамъ Кирилла, которому хотѣлось возмутить грековъ и побудить ихъ къ возстанію. Велѣдствіе доноса великій визирь готовъ былъ уже излить свой гнѣвъ на патріарха, но казаки отступили, а самъ Кириллъ поспѣшилъ оправданіемъ себя предъ турецкимъ правительствомъ; оправданіе его приобрѣло тѣмъ большую силу, что за него вступились опять посланники англійскій и голандскій. Благодаря всему этому, происки іезуитовъ въ настоящемъ случаѣ не имѣли успѣха.

Также безуспѣшны были интриги ихъ противъ патріарха и въ другой разъ. Усердные слуги папы черезъ нѣсколько времени послѣ, рассказаннаго событія снова постарались было оклеветать Кирилла: будто онъ сносится съ казаками и испанскимъ дворомъ. Но при посредствѣ знакомыхъ уже намъ посланниковъ Кириллъ разрушилъ клевету предъ Портой.

Раздраженные неудачами, противники Кирилла употребили новыя усилія къ низверженію патріарха. Они вооружили противъ него недовольныхъ имъ епископовъ; при чемъ сыпали имъ и правительству золото щедрою рукою. Произошло возмущеніе. Кириллу угрожала даже смерть. Онъ на время удалился изъ Константинополя, а патріаршій престолъ занялъ приверженецъ іезуитовъ Исаакъ еп. Халкидонскій. Но въ отсутствіе Кирилла, православные, при содѣйствіи пословъ англійскаго и голандскаго, успѣли собрать значительную сумму денегъ и поднесли ее турецкому правительству. Правительство сначала колебалось. Но посланники потребовали возвращенія Кирилла. Порта смирилась. Кириллъ возвратился въ Константинополь.

Скоро іезуитамъ представился было новый случай оклеветать патріарха предъ правительствомъ. Недовольный невѣ-

жествомъ клира и народа, Кирилль старался возвысить умственный уровень того и другаго. Съ этою цѣлю въ 1627 году, при содѣйствіи посла англійскаго, онъ открылъ въ Константинополѣ типографію, которую привезъ изъ Лондона ученый грекъ Метакса въ готовомъ и устроенномъ видѣ. Было выпущено нѣсколько сочиненій греческихъ писателей: Геннадія Схоларія, Максима Маргунія и Мелетія Пиги, направленныхъ противъ латинянъ, а также нѣсколько поученій самаго Кирилла и отдѣльныхъ трактатовъ его о греческой вѣрѣ противъ іудеевъ и магометанъ. Кирилль не подозревалъ, чтобы открытіе типографіи могло разрѣшиться для него бурей. На самомъ дѣлѣ вышло такъ. Іезуиты сначала хотѣли было привлечь на свою сторону Метаксу, но когда имъ это не удалось, они стали распускать слухъ, что Метакса лютеранинъ, врагъ турецкаго правительства и даже посягали на его жизнь. Англійскій посланникъ Томасъ Ру защитилъ Метаксу; онъ далъ ему помѣщеніе въ собственномъ домѣ. Это возбудило въ іезуитахъ еще большую ярость. Теперь они вооружились не противъ одного Метакса, но и противъ Кирилла. Они донесли великому визирю, что Кирилль напечаталъ въ Англіи сочиненіе противъ ученія Магомета и что онъ снова хочетъ напечатать его въ типографіи Метаксы. Они достали книжку патріарха, въ которой онъ защищалъ Божество Иисуса Христа противъ іудеевъ и магометанъ; испортили въ ней нѣкоторыя мѣста, направленные противъ турокъ и подослали одинъ экземпляръ испорченной книги великому визирю. Кромѣ того іезуиты донесли визирю, что Лукарисъ и Метакса издають и другія книги, направленные противъ корана съ цѣлю возбудить грековъ къ революціи и что многія, напечатанныя въ этой типографіи книги отосланы уже къ казакамъ и проч. Клеветѣ повѣрили. Типографія была разрушена. Метакса едва успѣлъ скрыться въ домѣ англійскаго посланника, а Кирилль въ домѣ посланника голландскаго. Іезуиты повидимому достигли цѣли. Но посланники англійскій, голландскій и шведскій потребовали отъ визиря строгаго разслѣдованія дѣла о типографіи. Великій визирь поручилъ разсмотрѣть книги, напечатанныя въ типографіи Метаксы двумъ грекамъ—ренегатамъ. Разсмотрѣніе показало, что въ книгахъ нѣтъ ни-

чего такого, что автора или типографщика дѣлало бы достойнымъ смерти. При этомъ относительно книги, въ которой разсуждалось о магометанской религіи, дѣло было рѣшено такъ, что если султанъ позволилъ христіанамъ заниматься своею религіею, то они, издавая свое ученіе въ печати, также мало виновны, какъ если бы они ограничивали это дѣло только своею проповѣдью. Такимъ образомъ іезуиты снова потерпѣли фіаско въ борьбѣ съ непобѣдимымъ Лукарисомъ.

Этого мало. Въ томъ же 1627 году у Лукариса завязалось новое дѣло съ іезуитами. Изъ Рима прибылъ въ Константинополь посланникъ и привезъ отъ кардинала Брандини опредѣленіе католической консисторіи объ обвиненіи патріарха въ преступленіяхъ противъ турецкаго правительства. Исполненіе опредѣленія было поручено французскому посланнику. Въ новой интригѣ Лукарису ничего не оставалось дѣлать болѣе, какъ обратиться къ своимъ прежнимъ покровителямъ. Лукарисъ такъ и сдѣлалъ. Посланники: англійскій, голландскій, шведскій и даже венеціанскій поставили дѣло такъ, чтобы патріархъ вышелъ изъ разставленной для него западни не только невредимымъ, но чтобы правительство удовлетворило патріарха изгнаніемъ изъ турецкой имперіи іезуитовъ. Такъ какъ по разслѣдованіи дѣла дѣйствительно оказалось, что патріархъ правъ, а клеветники его виноваты, потому во 1-хъ, что они клеветники и возмутители общественнаго спокойствія, во 2-хъ въ ихъ книгахъ нашлось много такого, что по турецкимъ законамъ подвергало ихъ наказанію; то іезуиты согласно съ требованіемъ посланниковъ, хотя и на время, но были изгнаны изъ предѣловъ турецкой имперіи.

Покровительство, оказанное Кириллу посланниками англійскимъ, голландскимъ и шведскимъ въ 1627 году, было послѣдней услугой Константинопольскому патріарху со стороны протестантовъ. Въ дальнѣйшее время своего патріаршества Кириллъ хотя и велъ постоянную борьбу съ іезуитами, благодаря которымъ онъ еще четыре раза былъ лишаемъ патріаршаго престола ¹⁾, и четыре раза снова возводимъ на

¹⁾ Поводомъ ко второму низложенію Кирилла съ патріаршаго престола послужило слѣдующее обстоятельство. Константинопольская патріархія ко времени

этотъ престоль, но послѣднее возведеніе совершилось уже безъ помощи и содѣйствія вліятельныхъ протестантовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что Кирилль былъ многимъ

Кирилла впаала въ большіе долги. Желая поправить дѣло Кирилль Лукарисъ послалъ за сборомъ милостыни одного изъ подвластныхъ себѣ епископовъ, именно Кирилла Контариса, еп. Беррійскаго. Послѣдній былъ воспитанникъ іезуитовъ. Порученное ему дѣло онъ исполнилъ со всѣмъ тщаніемъ, только довѣренность къ нему патріарха онъ употребилъ во зло. По прибытіи въ Константинополь на собранныя въ Россіи деньги онъ рѣшился купить себѣ санъ патріарха. При помощи французскаго посла онъ достигъ цѣли. Лукарисъ былъ обвиненъ въ кражѣ и насильно низведенъ съ патріаршаго престола.

Но получивъ званіе патріарха Кирилль Беррійскій не долго оставался въ этомъ званіи. Онъ не могъ заплатить турецкому правительству всей обязанной ему суммы. Помощь французскаго посланника оказалась въ этомъ отношеніи весьма слабою. Поэтому чрезъ 6 дней своего патріаршества Кирилль Беррійскій былъ лишенъ патріаршаго престола. Послѣдній занялъ, по желанію папсты, опять Лукарисъ.

Третій періодъ патріаршества Лукариса продолжался подутора года. Поводомъ къ третьему низведенію его съ патріаршаго престола послужило вмѣшательство Кирилла въ дѣла Іерусалимской церкви. Воспользовавшись несогласіемъ между французскимъ посланникомъ и австрійскимъ уполномоченнымъ изъ за покровительства св. мѣстъ, Кирилль выхлопоталъ у турецкаго правительства указъ, въ силу котораго церковь Гроба Господня, Вилеємская часовня и Геосиманскій садъ перешли во власть грековъ. Этого было достаточно, чтобы французскій посланникъ, другъ папы и іезуитовъ разразился страшнымъ гнѣвомъ на Кирилла. Онъ сталъ клеветать на патріарха в. визирю и щедро сыпалъ ему золото. Кирилль въ третій разъ былъ низведенъ съ патріаршаго престола и заточенъ на островъ Тенедосъ. Его мѣсто занялъ Фессалоникійскій епископъ Аванасій Пателларій, орудіе іезуитовъ, предложившій турецкому правительству 60,000 долларовъ при своемъ вступленіи на патріаршій Константинопольскій престолъ. Но подобно Кириллу Беррійскому, Аванасій Пателларій не долго сидѣлъ на патріаршемъ престолѣ: чрезъ 60 дней онъ лишился его и долженъ былъ отправиться въ свою прежнюю епархію. На престолъ Конст. церкви былъ вызванъ снова Лукарисъ.

Четвертый періодъ патріаршества Кирилла продолжался одинъ годъ и два мѣсяца. Хотя Пателларій и былъ удаленъ изъ Константинополя, по ему было жалко патріаршаго престола. Изъ Фессалоникъ онъ бѣжалъ по этому въ Анкону и отсюда писалъ папѣ объ утвержденіи его въ званіи патріарха. Папа общалъ утвердить его въ этомъ званіи, если Аванасій подишетъ Римскій символъ. Пателларій не согласился на это и чрезъ Молдовалахію прибылъ въ Константинополь. Здѣсь при помощи своихъ приверженцевъ онъ успѣлъ свергнуть Кирилла съ патріаршаго престола. Невинный страдалецъ подвергся четвертому заточенію на островъ Хиосъ. Во время его заточенія въ Константинопольской патріархіи произошли страшные безпорядки. Аванасій Пателларій въ одной проповѣди позволилъ себѣ слишкомъ прямо высказаться за Римскаго папу, какъ главу церкви.

обязанъ протестантамъ, хотя послѣдніе, какъ замѣтили мы выше, покровительствуя Кириллу, имѣли не совсѣмъ чистые виды. При содѣйствіи патріарха имъ хотѣлось распространить протестантизмъ на Востокъ. Дѣйствительно, въ 1629 году въ Женевѣ явилось исповѣданіе вѣры съ именемъ Кирилла, исповѣданіе, которое пропитано было кальвинскими тенденціями.

Нѣтъ сомнѣнія, что это исповѣданіе не принадлежитъ Кириллу Лукарису. Правда, противники Кирилла указываютъ

Въ приверженности къ латинству онъ былъ обличенъ другимъ Аванасіемъ. Это возбудило православныхъ противъ патріарха. Замѣшательствомъ воспользовался Кириллъ Беррійскій. Съ кучею денегъ онъ явился къ пашѣ Ибрагиму и снова получилъ патріаршій престолъ. При немъ, какъ другіе іезуитовъ, послѣдніе опять стали усиливаться въ Константинополѣ. Желая прочіе утвердиться на патріаршемъ престолѣ, онъ вмѣстѣ съ іезуитами сталъ стараться о совершенномъ уничтоженіи Лукариса. Есть свидѣтельства, что были подкупаемы морскіе разбойники схватить Лукариса, выдать его іезуитамъ, которые хотѣли заточить невинно низверженнаго патріарха въ какой нибудь французской крѣпости, или гдѣ нибудь въ пашской области. Но замыслы Контариса и іезуитовъ не удались. Съ о. Хиоса Лукарисъ былъ переведенъ на болѣе безопасный о. Родосъ. Кромѣ того, Контарисъ вооружалъ противъ себя всѣхъ своимъ поведеніемъ: пьянствомъ, корыстолюбіемъ и т. п. Вслѣдствіе этого Контарисъ во второй разъ былъ лишенъ патріаршаго престола. По просьбѣ православныхъ патріаршій престолъ занялъ одинъ изъ учениковъ Лукариса, Неофитъ митрополитъ Ираклійскій³. Но Неофитъ согласился принять первосвятительскій жезлъ для того только, чтобы передать его своему глубокоуважаемому наставнику. Съ этою цѣлю онъ самъ пожертвовалъ всѣмъ своимъ имуществомъ; клиръ и народъ также собрали посылки и приношенія, — и Кириллъ Лукарисъ былъ вызванъ изъ ссылки. По прибытіи его въ Константинополь Неофитъ вручилъ ему пастырскій жезлъ и Лукарисъ снова вступилъ на вселенскій престолъ, но уже въ послѣдній разъ.

Пятый періодъ патріаршества Кирилла продолжался полтора года. Его противники во что бы то ни стало рѣшились погубить его. Представился къ этому и случай. Султанъ Амурадъ IV предпринялъ походъ противъ персовъ. Въ его отсутствіи казаки взяли Азовъ и готовы были подплыть къ самому Константинополю. Враги Лукариса воспользовались обстоятельствами. Они внушили Ибрагиму пашѣ, что Азовъ взять по внушенію патріарха, что послѣдній готовится возбудить всѣхъ грековъ и дожидается только приплыва къ Константинополю своихъ хищныхъ единовѣрцевъ. Паша сообщилъ доносъ султану. Послѣдній немедленно повелѣлъ предать патріарха смерти. 28 іюня 1638 г. патріархъ былъ удушенъ и тѣло его было брошено въ море. Православные отыскали тѣло мученика и тайно погребли его въ монастырѣ св. Андрея. Черезъ нѣсколько лѣтъ патріархъ Пароеній II торжественно совершилъ погребеніе надъ Лукарисомъ, прахъ его перенесъ на о. Холки, гдѣ онъ покоится до сихъ поръ въ Богородицкомъ монастырѣ.

на его письма, писанныя имъ будто въ періодъ Александрійскаго патріаршества (отъ 1618—1620) къ голландскому государственному совѣтнику Давиду Вельгельму, — письма, въ которыхъ Кириллъ выражаетъ не только желаніе основательнѣе изучить кальвинское вѣроисповѣданіе, для чего просить у Вельгельма постоянно новыхъ книгъ, но прямо называетъ ученіе Кальвина православнымъ, себя—вѣрующимъ въ это ученіе, а греческую церковь—суетвѣрной и упорной. Но въ подлинность этихъ писемъ вѣрить нельзя. Всѣ эти письма—подложны. Дѣло въ томъ, что отъ того же періода сохранились другія письма, которыя также приписываются Кириллу, и которыя написаны имъ къ протестантскимъ ученымъ, —одно въ 1612 г. къ Утенбогаерту, другое въ 1616 г. къ Кентерберійскому епископу. И въ томъ и въ другомъ письмѣ Кириллъ является ревностнымъ защитникомъ православїя и въ частности греческой церкви съ ея несчастнымъ положеніемъ. Скажутъ: отъ 1612 или 1616 г. до 1618 прошло довольно времени, — взгляды Кирилла могли измѣниться. Но во 1-хъ два года времени для искренней перемѣны религіозныхъ убѣжденій не вполне достаточно; во 2-хъ своихъ православныхъ религіозныхъ убѣжденій Кириллъ ни когда не измѣнялъ. Это увидимъ мы послѣ. Теперь же обратимся къ другому основанію, которое приводятъ противники Кирилла для обвиненія его въ кальвинизмъ.

Этимъ другимъ основаніемъ противники считаютъ опять письма Кирилла къ разнымъ лицамъ реформатскаго исповѣданія, въ которыхъ онъ уже прямо упоминаетъ объ исповѣданіи вѣры въ духѣ кальвинизма и не отрицаетъ, что это исповѣданіе принадлежитъ ему. Но во 1-хъ объ этихъ письмахъ никто не говоритъ, кромѣ Арсенія, а соборъ Іерусалимскій прямо утверждаетъ, что Кириллъ не писалъ ничего такого, что приписываютъ ему еретики; во 2-хъ между письмомъ Кирилла и письмомъ Хрисосула, секретаря Кирилла, которое реформатъ Аймаъ приводитъ въ доказательство кальвинства перваго есть несообразности. Такъ въ письмѣ, означенномъ 1632 г., Кириллъ говоритъ, что онъ до этого времени ничего не писалъ, кромѣ исповѣданія, а въ письмѣ—означенномъ 1629 года, Хрисосулъ свидѣтельствуемъ, что Кириллъ написалъ катехизисъ (неизвѣстно

какой) и книгу противъ іудеевъ и магометанъ, которые были напечатаны въ 1627 году; въ 3-хъ въ одномъ письмѣ описывается свиданіе Кирилла съ французскимъ посланникомъ Новителемъ, въ которомъ Кирилль призналъ исповѣданіе, показанное Новителемъ, за свое. Но самъ Новитель словами патріарха Пароенія свидѣтельствуесть, что кальвинизмъ Кирилла, — клевета враговъ, что Кирилль держался совершенно противоположнаго кальвинскому образу мыслей.

Далѣе противники Кирилла указываютъ на то, что когда вышло исповѣданіе вѣры, то Кирилль не счелъ нужнымъ оправдать себя предъ православными письменно въ взводимой на него клеветѣ. Это служить явной уликой неправославія Кирилла, особенно если принять во вниманіе постоянныя симпатіи Кирилла къ протестантамъ. Но 1-хъ симпатіи Кирилла къ протестантамъ имѣли скорѣе, такъ сказать, политическій характеръ, чѣмъ религіозный; во 2-хъ есть свидѣтельство, (собора Іерусал.), что когда явилось исповѣданіе вѣры, то Кирилль отрицался его устно предъ всею церковію; письменнаго отрицанія исповѣданія, за что собственно онъ и былъ осужденъ соборомъ Константинопольскимъ, онъ не дѣлалъ, и не дѣлалъ потому, что не было очевидныхъ доказательствъ на то, чтобы исповѣданіе было его произведеніемъ. Впрочемъ, по свидѣтельству Бланкарда, въ періодъ своего послѣдняго заточенія Кирилль писалъ апологію своего православнаго исповѣданія противъ клеветъ латинявъ. Эта апологія вслѣдствіе смутныхъ обстоятельствъ того времени не вышла въ свѣтъ. Не есть ли эта апологія письменное отреченіе отъ Женевскаго исповѣданія и не на него ли намекаетъ Пароеній, когда говоритъ, что Кирилль свидѣтельствовалъ свою вѣру въ греческіе догматы и исповѣданіемъ.

Обращаясь къ положительнымъ даннымъ, мы рѣшительно не находимъ ничего такого, что набрасывало бы на Кирилла тѣнь подозрѣнія его въ неправославіи. Когда Кирилль былъ еще архимандритомъ, онъ былъ посланъ Мелетіемъ (Пигою) въ Литву по дѣлу уни. Здѣсь, кромѣ католиковъ, выражали желаніе соединиться съ православною церковію и протестанты. Но относительно послѣднихъ Кирилль писалъ Мелетію, что протестанты не могутъ быть приняты въ об-

щеніе съ православною церковію; потому что ихъ ученіе и обряды производятъ не только вредъ и замѣшательство въ восточной и западной церквахъ, но приносятъ въ христіанскія государства развращеніе правовъ. Съ восточною церковію они согласны только въ томъ, въ чемъ согласны съ нею жида и магометане, т. е. что Богъ есть одинъ Творецъ и Правитель міра, справедливый, добрый, наказующій злыхъ и награждающій добрыхъ и т. д.

Человѣкомъ твердыхъ православныхъ убѣжденій Кириллъ остался и во время своего патріаршества. Сильное слово его почти не умолкало. Изъ устъ его на церковной кафедрѣ постоянно слышались святые истины православной вѣры, правила христіанской жизни и обличеніе неправомыслящихъ. Этимъ характеромъ, помимо проповѣдей, отличаются и грамоты Кирилла, писанныя имъ въ разсматриваемый періодъ. Въ 1622 г. онъ даетъ грамоту іеромонаху Іосифу, отправлявшемуся въ Бѣлую Русь. Въ этой грамотѣ Кириллъ высказываетъ между прочимъ свой взглядъ на протестантство, какъ на вредное и богохульное ученіе. Въ 1625 году онъ написавъ грамоту къ московскому царю Михаилу Ѳеодоровичу, въ которой вопреки ученію протестантовъ, Кириллъ ясно свидѣтельствуетъ о своемъ глубокомъ почитаніи святыхъ мощей. Третья грамота, написанная Кирилломъ также въ Россію, говоритъ о почитаніи имъ мѣра, мощей, о его заботѣ о православномъ богослуженіи и церковныхъ обрядахъ.

Наконецъ, православная паства Кирилла всего скорѣе и лучше могла бы замѣтить наклонность Кирилла къ протестантизму и оттолкнуть себя отъ него, какъ неправомыслящаго. Но этого не было. Паства глубоко любила и уважала Кирилла, что и доказала она особенно во время низведеній и возведеній Кирилла на патріаршій престолъ.

При всей невинности патріарха Кирилла Лукариса въ составленіи женевскаго исповѣданія вѣры, послѣднее тѣмъ не менѣе произвело много волненій и соблазна какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Даже въ Россіи женевское исповѣданіе вызвало волненія. Правда, патр. іерусалимскій Ѳефанъ успокоилъ православныхъ русскихъ, но на западѣ и востокѣ волненія не прекращались. Реформаты говорили, что

восточная церковь на ихъ сторонѣ; дѣйствительно протестантскій епископъ Тома Мартонъ въ своемъ сочиненіи прямо ссыался на женевское исповѣданіе, какъ на исповѣданіе вѣры восточной церкви, согласное съ исповѣданіемъ церкви реформатской. Съ другой стороны будучи распространяемо между православными греками, женевское исповѣданіе естественно знакомило грековъ съ кальвинскою ересью и многіе изъ нихъ, соблазняясь именемъ Лукариса, едва ли не принимали эту ересь.

Чтобы предотвратить соблазнъ, снять съ себя клевету, восточной церкви необходимо было доказать предъ лицомъ не только православнаго, но и инославнаго міра, что она никогда не измѣняла самой себѣ. Восточная церковь дѣйствительно такъ и сдѣлала. Еще въ 1633 году Матѳей Коріафиль, епископъ иконійскій опровергъ женевское исповѣданіе вѣры съ именемъ Кирилла. Но этого очевидно было не достаточно. Съ 1633 года прошло еще пять лѣтъ до удаленія Кирилла съ патріаршаго престола; между тѣмъ во все это время Кириллъ сначала не хотѣлъ, а потомъ не могъ публично отвергнуть пресловутое женевское исповѣданіе, — клевета слѣдовательно осталась неснятою ни съ него, ни съ восточной церкви. Отсюда ясно, что имени Кирилла необходимо было противопоставить авторитетъ собора. Въ 1638 году, въ самый годъ удаленія Кирилла съ патріаршаго престола, патріархи: іерусалимскій Теофилъ, александрійскій Митрофанъ вмѣстѣ съ митрополитами, епископами и прочимъ клиромъ прибыли въ Константинополь и здѣсь составили соборъ подъ предсѣдательствомъ Кирилла Беррійскаго, вновь ставшаго послѣ извѣстнаго уже намъ низведенія его съ патріаршаго престола патріархомъ константинопольскимъ. На соборѣ было рассмотрѣно исповѣданіе вѣры съ именемъ Кирилла. По рассмотрѣніи, отцы собора произнесли анаѳему на всѣ тѣ пункты исповѣданія, которые были неправославными; анаѳема была произнесена на всѣхъ принимающихъ исповѣданіе и на самаго Кирилла Лукариса ¹⁾, на послѣдняго впрочемъ потому, что онъ не писалъ на него опроверженія. Такъ свидѣтельствуетъ іерусалимскій соборъ 1672

---

¹⁾ Брошюра Бранцеви, стр. 26—28.

года. Въ одномъ изъ опредѣленій этого собора говорится, что „соборъ Константинопольскій подвергъ Кирилла анаѳемѣ не потому, чтобы признавалъ его за составителя исповѣданія, или признавалъ его еретикомъ, но потому, что Кириллъ, въ теченіе шести лѣтъ слѣдующихъ за изданіемъ въ свѣтъ главъ женевского исповѣданія и притомъ зная о смутахъ, произведенныхъ, вслѣдствіе толковъ, будто церковь восточная сдѣлалась кальвинскою, ничего не предпринялъ къ опроверженію главъ (исповѣданія), хотя отъ многихъ слышалъ побужденія и убѣжденія къ тому. Изъ сего заключаая, что онъ не совсѣмъ чистъ отъ обмана въ отношеніи къ православной вѣрѣ и не позаботился какъ должно о наствѣ, церковь и подвергла его проклятію, хотя онъ и не былъ въ дѣйствительности таковымъ“¹⁾.

Заявивъ на константинопольскомъ соборѣ протестъ противъ клеветы на восточную церковь, пастыри восточной церкви однако не удовольствовались этимъ. Съ одной стороны то обстоятельство, что соблазнъ и волненія, возбужденныя женевскимъ исповѣданіемъ, продолжались и послѣ собора 1638 г., съ другой, вѣроятно, сознаніе строгости осужденія Кирилла, какому подвергъ послѣдняго константинопольскій соборъ, заставили пастырей восточной церкви снова собраться на соборъ. Этотъ второй соборъ открытъ былъ въ Яссахъ 1642 г. Почему соборъ состоялся именно въ Яссахъ, мы не знаемъ. Не знаемъ также ничего и о составѣ этого собора. Намъ извѣстно только опредѣленіе яскаго собора. Онъ снова произнесъ анаѳему на неправославные пункты женевского исповѣданія и на всѣхъ принявшихъ и принимающихъ это исповѣданіе. Что касается Кирилла, то онъ освобожденъ былъ на этотъ разъ отъ новой анаѳемы. Причина — не въ снисходительности къ Кириллу (потому что богоносные отцы не имѣютъ пристрастія къ лицу и не предпочитаютъ людей или что другое Богу), а въ томъ, что Кириллъ никогда не былъ признаваемъ за кальвинствующаго, или мыслящаго иначе, нежели какъ мыслить восточная церковь²⁾.

1) Приб. къ Твор. св. отцевъ, г. 1872, кн. 3, стр. 609, ст. „Объ іерусалимскомъ соборѣ 1672 г. .

2) Брошюра Брянцева, стр. 128 и 129.

Но какъ ни энергически защищалась восточная церковь отъ взведенной на нее клеветы, будто она впала въ кальвинскую ересь, дѣло самозащиты не кончилось соборами константинопольскимъ и яскимъ. Вскорѣ, какъ можно полагать, вслѣдствіе изданія женеваго исповѣданія между католиками и протестантами произошли споры о пресуществленіи и о поклоненіи таинству евхаристіи. Во главѣ католиковъ стояли Арнольдъ и Николь, во главѣ протестантовъ сталъ реформатскій пасторъ Клодъ. На основаніи свидѣтельствъ отцевъ греч. церкви католики утверждали, что ученіе о пресуществленіи не есть только ученіе римской церкви, но и церкви греческой. Съ своей стороны противники католиковъ говорили, что ученіе о пресуществленіи принадлежитъ только римской церкви, въ которой оно появилось довольно поздно (въ XI в.), и что этого ученія никогда не знала и не знаетъ церковь греческая. Опровергая Клода, не довольствуясь отцами греч. церкви, Арнольдъ и Николь заручались свидѣтельствами самихъ протестантовъ, что церковь греческая не согласна въ ученіи о евхаристіи ни съ лютеранами, ни съ кальвинистами. Арнольдъ и Николь приводили 29 такихъ свидѣтельствъ. Кромѣ того, Арнольдъ и Николь призвали къ себѣ на помощь современныхъ пастырей восточной церкви. Здѣсь введено и свидѣтельство русской церкви. Защитники католическаго ученія о таинствѣ евхаристіи собрали и прочитали всѣ извѣстія о Россіи протестантскихъ и католическихъ писателей. У всѣхъ этихъ писателей было найдено, что русская церковь вѣритъ въ пресуществленіе. Кромѣ путешественниковъ, Арнольдъ и Николь обращались съ просьбою къ нѣкоторымъ лицамъ, знавшимъ и посѣщавшимъ Россію, а также просили французскаго посланника при шведскомъ дворѣ Помпона доставить чрезъ шведскаго резидента въ Москвѣ Лиліенталя свѣденія относительно занимавшаго католиковъ и протестантовъ вопроса. Воспользовавшись пребываніемъ русскаго посольства въ Парижѣ, Арнольдъ и Николь вошли въ личныя сношенія съ священникомъ этого посольства съ цѣлю узнать, какаго ученія о таинствахъ держатся русскіе. Въ то же время друзья Арнольда собирали свѣдѣнія объ интересовавшемъ ихъ предметѣ и отъ нѣкоторыхъ епископовъ греческихъ. Но всего

этого имъ было недостаточно. Друзьямъ Арнольда пужно было заручиться свидѣтельствами высшихъ представителей греч. церкви. Съ этою цѣлю они просили французскаго посланника въ Константинополь Ноантеля отобрать на мѣстѣ свѣдѣнія касательно ученія греч. церкви о таинствахъ и въ частности объ евхаристіи. Ноантель лично обращался къ іерархамъ востока, спрашивалъ ихъ, какъ они учатъ о таинствѣ свхаристіи, рассылалъ латинскихъ монаховъ съ програмою вопросовъ, на которые нужны были отвѣты греч. пастырей для опроверженія кальвинистовъ, давалъ убѣжище гонимымъ іерархамъ и отъ нихъ отбиралъ нужные отзывы. Всѣхъ значительнѣе былъ отвѣтъ константинопольскаго патріарха Діонисія Ларискаго, подписанный тремя смѣненными прежде патріархами константинопольскими, патріархомъ александріцскимъ Паисіемъ, 36 митрополитами и епископами константинопольскаго патріархата. Помимо отвѣта на вопросы о таинствахъ, указанные пастыри восточной церкви дали отвѣты и на другія вопросы, наприм. какъ учить восточная церковь о наслѣдственномъ грѣхѣ, о епископскомъ санѣ, о монашествѣ, почитаніи святыхъ и проч. Получивъ отвѣты отъ патріарха Діонисія, друзья Арнольда въ скоромъ времени подобные же отвѣты получили и отъ Антиохійскаго патріарха Макарія, къ которому они (друзья Арнольда) также обращались съ просьбою сообщить свѣдѣнія касательно занимавшаго ихъ предмета. Не доставало голоса Иерусалимской церкви. Здѣсь патріаршій престолъ занималъ въ то время Досиѳей. Въ дѣлѣ Арнольда и друзей его Досиѳей не раздѣлялъ образа мыслей патріарховъ константинопольскаго и александрійскаго. Въ этомъ случаѣ онъ былъ послѣдователемъ своего предшественника Нектарія, который не совѣтовалъ Паисію александрійскому отвѣчать латинянамъ, которые требуютъ отъ пастырей восточной церкви исповѣданія вѣры для того во 1-хъ, какъ говорятъ они, чтобы имѣть свидѣтельство образа мыслей восточной церкви о святыхъ и таинствахъ, 2-хъ для того, чтобы этимъ свидѣтельствомъ опровергнуть лютеранина, живущаго во Франціи и утверждающаго, будто восточная церковь несогласна съ западною по предмету таинствъ, доказательствомъ чего служитъ исповѣданіе вѣры восточной церкви, съ именемъ Кирилла,

имѣющееся у означеннаго лютеранина и взволновавшее всю церковь. Совѣтъ Нектарія, какъ мы видѣли, не достигъ своей цѣли. За то Досиоей оказался единомысленникомъ Нектарія. Когда друзья Арнольда попросили и у него исповѣданія вѣры, онъ, вмѣсто того, чтобы дать это исповѣданіе, вмѣстѣ съ Нектаріемъ рѣшился открыть соборъ, чтобы разрушить уже давнюю клевету на церковь восточную, будто исповѣданіе вѣры съ именемъ Кирилла есть исповѣданіе вѣры всей восточной церкви. Соборъ открытъ былъ въ Іерусалимѣ 16 марта 1672 г. На немъ присутствовали, кромѣ Досиоея, 4 митрополита, 2 архіепископа іерусалимскаго патріархата, 1 архимандритъ и нѣсколько игуменовъ различныхъ іерусалимскихъ монастырей, представители нѣкоторыхъ церквей, находившихся въ ближайшихъ сношеніяхъ съ іерусалимскою церковію и наконецъ нѣсколько духовныхъ лицъ разныхъ городовъ св. земли, всего 60 человекъ. Ислѣдовавъ надлежащимъ образомъ предметъ разсужденій, соборъ наконецъ постановилъ опредѣленіе, которое раздѣляется на 6 главъ. Въ первой главѣ доказывается, что церковь восточная никогда не знала Кирилла Лукариса такимъ, какимъ представляютъ его противники, и не признавала главъ за его сочиненіе. Въ доказательство приводится мѣста изъ поученій Кирилла, содержащія въ себѣ ученіе, совершенно противное тому, какое находится въ 18 главахъ и 4 отвѣтахъ на вопросы женевскаго исповѣданія. Всѣхъ отрывковъ изъ поученій Кирилла приведено 28. Во второй главѣ утверждается мысль, что если признать Кирилла авторомъ главъ женевскаго исповѣданія, то нужно признать, что онъ издалъ эти главы совершенно тайно безъ объявленія кому либо изъ восточныхъ, тѣмъ болѣе безъ объявленія церкви каеолической. Для удостовѣренія принадлежности какого-либо церковнаго акта патріарху, говорить соборное дѣяніе, необходимо должны быть соблюдены три условія: 1) нужно, чтобы его подписали находящіеся при немъ архіереи и ученые клирики; 2) чтобы актъ этотъ былъ занесенъ въ кодексъ великой церкви и подписанъ такъ же, какъ и подлинная записка; 3) чтобы онъ вписанъ былъ въ этотъ кодексъ кѣмъ либо изъ патріаршихъ клириковъ. Въ третьей главѣ объявляется, что исповѣданіе Кириллово не

есть исповѣданіе восточной церкви по самымъ формальнымъ условіямъ, какимъ подлежатъ акты такого рода. Чтобы принадлежать церкви восточной, кромѣ вышеупомянутыхъ условій, исповѣданіе должно имѣть еще подписи прочихъ патріарховъ и согласіе всѣхъ членовъ клира и прочихъ знаменитыхъ по жизни и учености лицъ. Въ четвертой главѣ предлагается и раскрывается слѣдующая дилемма: или невозможно допустить, чтобы восточные признали Кириллово исповѣданіе за свое, или если признаютъ, то невозможно, чтобы они были христіане. Въ пятой главѣ приводятся опредѣленія соборовъ яесскаго и константинопольскаго, какъ доказательства той же непричастности восточной церкви Кириллову исповѣданію и объясняется разность сужденія указанныхъ соборовъ относительно Кирилла. Наконецъ въ 6 главѣ, въ отрицаніе 18 главъ и 4-хъ отвѣтовъ на вопросы, приписываемыхъ Кириллу, излагается истинное ученіе о тѣхъ же предметахъ церкви восточной въ такомъ же числѣ главъ или членовъ и отвѣтовъ ¹⁾).

Такъ защищала греко-восточная церковь чистоту православной вѣры своей отъ нововведеній и нападеній со стороны католицизма и протестантизма. Но не одни соборы отстаивали цѣлость и неприкосновенность вѣры. Историческіе памятники свидѣтельствуютъ, что на защиту вѣры и церкви противъ Запада, на Востокѣ возставали и частныя лица, писавшія противъ западныхъ нововведеній въ XV, XVI, XVII, XVIII и XIX вѣкахъ.

Изъ писателей XV вѣка, первое мѣсто занимаетъ патріархъ Константинопольскій Геннадій Схоларій. Научая своихъ пасомыхъ истинамъ православной вѣры, Геннадій оставилъ послѣ себя множество сочиненій, которыя остаются большею частію неизданными. По содержанію онѣ раздѣляются на философскія, богословскія и фаторскія, т. е. церковныя проповѣди и рѣчи: Догматическихъ сочиненій противъ латинянь считаютъ около 27. Замѣчательныя изъ нихъ: 1) Синтагма или исповѣданіе вѣры; 2) о происхожденіи Св. Духа; 3) о предопредѣленіи и предвѣденіи; 4) о воплоще-

¹⁾ См. ст. Объ Іерусалимскомъ соборѣ 1872 г. въ приб. къ Твор. Св. Отц., г. 1872, в. 3, стр. 569—604.

ніи Слова Божія; 5) о зависти; 6) бесѣда о тѣлѣ Господа Іисуса Христа въ таинствѣ причащенія; 7) о состояніи душъ, по разлученіи ихъ съ тѣлами; 8) обличеніе заблужденій іудеевъ; 9) трактатъ о томъ, совершенствуется ли умъ ангеловъ; 10) замѣчанія на соборъ противъ патріарха Векка; 11) о различіи между Божественнымъ дѣйствіемъ и существомъ; 12) о прибавленіи къ символу *filioque*; 13) о супружествѣ священниковъ; 14) противъ допускающихъ слѣпой рокъ и многобожниковъ ¹⁾). Досиѳей, патріархъ іерусалимскій, приписываетъ Геннадію еще разговоры: 1) Ольвіанъ, Евлогій и Венедиктъ; 2) Неофронъ и Палетимъ, — въ этомъ послѣднемъ Неофронъ защищаетъ нововведенія, а Палетимъ защищаетъ древность и уважаетъ ее.

Наконецъ Геннадій оставилъ множество молитвъ и пѣсней духовныхъ.

Изъ писемъ Геннадія къ различнымъ лицамъ замѣчательно особенно посланіе его къ обществу православныхъ въ Прагѣ. Въ немъ онъ утверждаетъ вѣрныхъ чадъ церкви въ праотеческомъ благочестіи, убѣждая ихъ не увлекаться новыми ученіями. Слогъ сочиненій Схоларія отличается ясностію, неизысканъ, вездѣ плавленъ и пріятенъ даже при простотѣ выраженія. Доводы его сильны и во всемъ отражается знаніе божественныхъ догматовъ ²⁾).

Изъ XVI столѣтія лѣтописи православной церкви на Востокѣ представляютъ не болѣе семи христіано-православныхъ писателей. Замѣчательные между ними: 1) Мануиль Пелопонезскій; 2) Пахомій Ракенднть; 3) Максимъ Маргуній; 4) Гавріиль Северъ; 5) Максимъ Пелопонезскій; 6) Іеремія 2-й Транось и 7) Мелстіи Пигасъ. Характеръ сочиненій ихъ полемическій. Обличеніе отступленій Запада отъ ученія вселенской церкви составляетъ главный предметъ ихъ.

Мануиль Пелопонесецъ написалъ апологію, или опроверженіе возраженій на 10 главъ, присланныхъ ему однимъ изъ западныхъ писателей. Доводы его, по словамъ Икономоса, отличаются особенною ясностію и показываютъ въ сочиненіи

1) Христіан. Чтеніе 1851. 1. стр. 132—133.

2) Ibid. стр. 134.

телѣ отчетливое знаніе Священнаго Писанія. Онъ написалъ еще трактатъ о происхожденіи Святаго Духа.

Пахомій Ракедидъ написалъ 32 догматическихъ сочиненій. Его разсужденія о бытіи Бога, о твореніи, о домостроительствѣ воплощенія показываютъ основательное знаніе имъ Богословія. Противъ латинянъ Пахомій написалъ апологіи, въ формѣ діалектической; а противъ лютеранъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *κατὰ ἀποκατηγόρων* (противъ неубажающихъ святыхъ). Онъ же написалъ восемь канонѣвъ церковныхъ и въ томъ числѣ службу современнику своему св. Виссаріону, митрополиту Ларисскому, и житіе его ¹⁾).

Максимъ Маргуній, хорошо владѣвшій латинскимъ языкомъ, написалъ: 1) Епхиридїонъ о происхожденіи Св. Духа; 2) Два опроверженія претивъ архіепископа колосскаго Андрея, совратившагося къ латинству; 3) Разговоръ между латинствующимъ и грекомъ, и множество писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя изданы. Какъ твердый защитникъ православія, онъ много написалъ еще противъ іезуитовъ и францисканъ.

Гавріилъ Северъ, митрополитъ филadelphійскій, знаменитый пастырь 16-го вѣка, написалъ разсужденіе о святыхъ таинствахъ, о пяти разностяхъ, о частицахъ на св. Дискосѣ и о коливѣ и нѣсколько другихъ мелкихъ сочиненій противъ нововведеній Запада, подкрѣпляя мысли свои священнымъ писаніемъ. Изъ писемъ его замѣчательны—къ Мелетію Пигѣ.

Гермонахъ Максимъ целопонезскій, ученикъ Мелетія Пиги, написалъ: 1) Епхиридїонъ о ереси папской. Сочиненіе сіе написано на простомъ общенародномъ языкѣ; 2) Бесѣды на всѣ воскресные дни; 3) Собраніе всѣхъ изреченій Ветхаго Завѣта о воплощеніи Сына Божія. Объ Епхиридїанѣ Максима одинъ ученый говоритъ: „въ сочиненіи семь видѣвъ глубоко благочестивый умъ, хотя языкъ его простъ; ибо съ намѣреніемъ приспособленъ къ разумнѣю простымъ христіанъ; доводы сильны“ ²⁾).

Геремія 2-й Транось, патріархъ константинопольскій, въ трехъ отвѣтныхъ своихъ письмахъ къ лютеранамъ раскрылъ

¹⁾ Христ. Чтеніе. 1851. I, стр. 304--305.

²⁾ Христ. Чтеніе. 1851. I, стр. 307, 308 и 309.

слѣдующія истины православнаго ученія: о Тріединомъ Богѣ, о члѣпахъ вѣры, о прародительскомъ грѣхѣ, о вѣрѣ оправдывающей, о добрыхъ дѣлахъ, о церкви, о таинствахъ, о томъ, что въ церкви есть и несовершенные, о крещеніи, о покаяніи, о призваніи святыхъ, о монашеской жизни, о постановленіяхъ церковныхъ, о свободномъ произволеніи, о послѣднемъ судѣ, о причинахъ грѣха, объ исповѣди, о тайной вечери, объ употребленіи таинствъ. Кромѣ сего онъ написалъ посланіе къ ученымъ германцамъ—о таинствѣ Евхаристіи, а также изложеніе греческихъ обычаевъ и разныя письма ¹⁾).

Мелетій Пигасъ оставилъ послѣ себя множество сочиненій. Замѣчательныя изъ нихъ слѣдующія: 1) Бесѣды поучительныя; 2) Разговоръ: православный христіанинъ; 3) Строматы, за которыя называли его новымъ Климентомъ; 4) изъясненіе на Символь вѣры и молитву Господню; 5) трактатъ противъ мнѣнія о чистилищѣ и 6) множество писемъ догматическаго содержанія, которыя утверждали православныхъ въ вѣрѣ отцевъ и обличали навѣты лютеранъ, папистовъ и прочихъ противниковъ православія. Всѣ эти письма особенно о происхожденіи Св. Духа и другихъ нововведеніяхъ Запада, о главенствѣ папы и о флорентійскомъ лжесоборѣ, показываютъ въ авторѣ истинно просвѣщеннаго ревнителя вѣры. Таковыхъ писемъ насчитываютъ до 300. Слогъ Мелетія необработанъ, но глубина мыслей въ сочиненіяхъ изумительна ²⁾).

Изъ церковныхъ писателей XVII вѣка, кромѣ Кирилла Лукариса такъ ревностно защищавшаго православіе отъ вліяній со стороны Запада и заботившагося о распространеніи просвѣщенія между современниками, замѣчательны по трудамъ ученымъ и политическимъ: 1) Георгій Кесарій. Это былъ замѣчательный тогдашняго времени мужъ, пользовавшійся славою великаго богослова. Онъ держалъ преніе съ Луэпріаномъ, Антоніемъ Легеромъ, по поводу псевдолукарисова исповѣданія, породившаго большое волненіе въ Константинополѣ. Онъ написалъ много сочиненій, изъ которыхъ большая часть содержанія полемическаго. 2) Митрофанъ

¹⁾ Христ. Чтеніе. 1851. I, стр. 313—314.

²⁾ Ibid. стр. 317—318.

Критопулъ, получившій образованіе, по настоянію Кирилла Лукариса, въ *Охроніи* (1618—23), онъ познакомился тамъ съ науками германскими, и издалъ исповѣданіе восточной церкви. Съ 1630 по 1641 г. онъ былъ патріархомъ Александрійскимъ. 3) Максимъ Калліепопольскій, ученикъ Лукариса (1637 г.). Онъ первый переложилъ новый завѣтъ на простой греческій языкъ; 4) Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій, уроженецъ Молдавскій (1619 г.). Онъ получилъ извѣстность чрезъ свое „православное исповѣданіе“, извѣстное подъ его именемъ. Оно было написано для его паствы. Но на первыхъ парахъ въ немъ были заподозрѣны папскія и протестантскія идеи, а потому оно вновь было пересмотрѣно и исправлено Мелетіемъ Сиригомъ и другими греческими и русскими богословами. По исправленіи оно утверждено было подписомъ патріарховъ и обнародовано въ 1642 г., какъ исповѣданіе Восточной церкви. 5) Мелетій Сиригъ, получившій образованіе въ Падуѣ. По обозрѣніи исповѣданія Могилы, онъ написалъ 24 богословскихъ главы противъ латинянъ; 6) Теофилъ Коридаллей, родомъ аеніянинецъ, получившій образованіе въ Патавіи, онъ написалъ догматическое посланіе къ Покиску—ректору Кіевской школы; 7) Нектарій, патріархъ Іерусалимскій, родомъ изъ Крита (1676 г.). Онъ былъ однимъ изъ передовыхъ богослововъ того времени. Подъ руководствомъ Коридалея получивши образованіе въ Аеннахъ, онъ составилъ хронографію и написалъ нѣсколько сочиненій противъ латинянъ, а также возраженіе противъ папской власти, изданное въ Яссахъ 1682 года. Это одно изъ лучшихъ произведеній Нектарія, совмѣщающее въ себѣ все, что только сказано было противъ папы сторонниками Восточной церкви, оно служитъ наилучшимъ источникомъ для всѣхъ стремящихся къ ниспроверженію папства. Въ немъ мѣтко и сильно представлено историческое доказательство противъ папскаго возвышенія. Оно направлено къ опроверженію сочиненія, написаннаго въ защиту папы монахомъ Петромъ францисканскимъ въ Іерусалимѣ. 7) Николай Карамей (1672 г.) изъ Янитъ. Занимался философію, медициною и богословіемъ, онъ оставилъ много сочиненій по этимъ тремъ отраслямъ знанія. Кромѣ того, онъ написалъ „обличеніе на несправедливо возстающихъ противъ единой

Заеолической церкви“ и обличительное слово противъ папы; к) Иоаннъ Каріофилъ, ученикъ Коридаллея, занимавшійся болѣе философійю, чѣмъ богословіемъ; 9) Паисій Лигаридъ изъ Хиоса. Получивши образованіе въ Римѣ, онъ сначала ратовалъ за латинство, но потомъ обратившись къ православію, онъ написалъ въ защиту его горячую апологію и нѣсколько другихъ сочиненій противъ латинянъ и протестантовъ ¹⁾). Въ концѣ XVII вѣка жилъ славный Досіеѣй, патріархъ іерусалимскій. Онъ издалъ сочиненіе прежнихъ писателей и свои собственныя, направленныя противъ папы и церкви Римской. Кромѣ того онъ написалъ исторію іерусалимскаго патріарха; 10) Современникомъ его былъ Александръ Маврокордомъ, мужъ умный и многоязычный, описавшій современныя ему въ Турціи событія ²⁾).

Изъ писателей XVIII вѣка замѣчательна: 1, Хрисанфъ, патріархъ іерусалимскій (1707). Получивши образованіе въ Парижѣ, онъ оставилъ много богословскихъ и философскихъ сочиненій, между которыми особенно важно „о свѣтскихъ и церковныхъ должностяхъ“ и „о пяти восточныхъ патріаршихъ престолахъ. 2) Братья—Іоанникій и Софроній—Лихуды изъ Кефалоніи. Получивъ образованіе въ Патавіи и Венеціи, они были іереями и занимали должности наставниковъ въ Кефалоніи, Тессавіи, Македоніи и Константинополѣ. Въ 1685 году по просьбѣ царя Θεодора Алексѣевича, они прибыли въ Россію и учредили въ Москвѣ академію, въ которой преподавали греческую и латинскую филологію, риторику, философію и богословіе. Въ защиту православной церкви они написали много сочиненій; кое что перевели на славянскій языкъ и исправили славянскія письмена. Иоанникій умеръ въ 1717 году, а Софроній въ 1730. 3.) въ 1714 году выступаетъ на сцену церковной дѣятельности, замѣчательный знатокъ греческой, еврейской, латинской, итальянской и французской филологіи Ілія Маніатъ. Получивъ образованіе въ Венеціи, онъ былъ сначала священнослужителемъ великой Константинопольской церкви, а потомъ епископомъ въ Калаврїи. Его слова, писанныя простымъ народнымъ

¹⁾ D. Κυριάκου. «Δοκίμιον ἐκκλησιαστικῆς ιστορίας», стр. 323—324.

²⁾ Ibid. стр. 325.

языкомъ и составленныя съ большимъ ораторскимъ искусствомъ — полны жизни и силы. Въ продолженіи многихъ вѣковъ восточная церковь не видѣла такого ученаго оратора, который пользовался бы всеобщою любовію народа. Меніать замѣчательнѣе не какъ ораторъ только, но и какъ богословъ — полемистъ. Его сочиненіе „*πῆτρῶς σχηδῶλα*“, въ которомъ изобличаются неправомысліе и нововведенія Римской церкви, есть одно изъ лучшихъ политическихъ произведеній того времени. Въ стремленіи папъ къ главенству Меніать усматриваетъ самую существенную причину отдѣленія. 4) Мелетій Янинскій (1714 г.). Получивъ образованіе въ Венеціи, онъ былъ сначала митрополитомъ Арты, а потомъ Аѳинъ. Онъ написалъ церковную исторію, которая раздѣлена на столѣтія и доведена до 1695 года. Ему принадлежатъ и въкоторыя другія сочиненія. 5) Аѳонасій Коминиъ Псиланти (1789 г.). Получивъ образованіе въ Патавіи, онъ написалъ 12 кнѣвъ о событіяхъ церковныхъ и гражданскихъ. Последняя часть его труда издана въ Константинополѣ въ 1870 году.

6) Александръ Эладій, написавшій на латинскомъ языкѣ сочиненіе о состояніи восточной церкви въ его время ¹⁾. 7) Евстратій Аргентинскій (1760). Получивъ образованіе въ *ἀλλή Γερμάνας*, онъ отличился знаніемъ еврейской и арабской философіи. Живя въ Александріи, онъ успѣшно одержалъ побѣду надъ папскими послами и написалъ ученое сочиненіе „объ опрѣснокахъ“. Кромѣ того онъ написалъ сочиненія: о крещеніи, о чистилищѣ и противъ папы. 8) Евгений Булгарисъ родился въ Керкирѣ 1717 года, а умеръ въ 1800 году. Онъ зналъ языки эллинскій, латинскій, германскій, итальянскій, еврейскій, халдейскій, турецкій, арабскій, и русскій. Его переводъ Енеиды Виргилія съ латинскаго на греческій гемеровскимъ гекзаметромъ изобличаетъ въ немъ тонкое знаніе латинскаго и древнегреческаго языковъ. Съ латинскаго онъ перевелъ и замѣчательное твореніе *Σοφροχάζης* объ исхожденіи Св. Духа. Онъ написалъ церковную исторію обнимающую вѣкъ первый, богословскую систему, православное исповѣданіе и книгу противъ латинянъ. 9., Никифоръ Θεοτοκъ родомъ изъ Керкиры. Получивши образованіе въ

1) *Δοκίμιον* стр. 325. 326.

Италіи, онъ отличился филологическими, математическими и богословскими познаніями. Онъ былъ преемникомъ Булгариса на Херсонской архіепископской кафедрѣ, а отсюда переведенъ въ Астрахань. Изъ его сочиненій богословскихъ замѣчательно „хоріаходѣрѣи“ (толкованія воскресныхъ чтеній), въ которомъ на греческомъ языкѣ изъясняются Евангелія и Апостолы, читаемые въ продолженіи года въ воскресные дни. Кромѣ того, Θεотокъ написалъ сочиненіе противъ папской церкви и много другихъ ¹⁾. 10., Никодимъ Святоторецъ. Это былъ мужъ трудолюбивый и богословъ—самоучка. Онъ занимался главнымъ образомъ собраніемъ и толкованіемъ церковныхъ каноновъ, переложеніемъ святоотеческихъ толкованій свящ. писанія на простѣйшій языкъ, изъясненіемъ церковныхъ пѣсней, переложеніемъ синаксарій и составленіемъ другихъ сочиненій, относящихся къ церковной практикѣ.

Изъ церковныхъ писателей XIX вѣка замѣчательны слѣдующія: 1) Аѳанасій Парій (1813 г.), начальникъ Хиосской школы. Кромѣ философскихъ трудовъ, онъ оставилъ изложеніе божественныхъ догматовъ вѣры и „противника папы,“ или подвиги Марка Ефесскаго, жизнь Климента Булгариса и Григорія Паламы. 2. Мудрый Кѳансъ (1822 г.). Онъ написалъ филологическое и критическое изъясненіе пастырскихъ посланій Ап. Павла къ Тимофею и Титу съ цѣлію показать—какое образованіе и какія добродѣтели должны украшать служителей христіанства. Въ предисловіи онъ показалъ, какія необходимы въ церкви преобразованія для того, чтобы она возвратилась къ своему древнему благолѣпію и явилась достойною своего высокаго назначенія. Средствомъ къ тому онъ считаетъ просвѣщеніе и научное образованіе клира, нравственно-религіозное воспитаніе народа чрезъ проповѣдь Евангелія, сокращеніе длинныхъ молитвъ и продолжительныхъ постовъ, а вмѣстѣ съ этимъ уничтоженіе въ церкви почетныхъ титуловъ и бюрократизма. Для религіознаго образованія юношества, онъ перевелъ православный катехизисъ—Платона. 3., Стилианъ Власопулъ. Въ защиту греческой церкви онъ написалъ сочиненіе на итальянскомъ

¹⁾ Ibid стр. 327. 328.

языкъ, которое Филитъ перевелъ послѣ на греческій языкъ, оно богато свѣдѣніями историческими и богословскими. 4) Анфимъ, патріархъ іерусалимскій, написалъ богословскую систему и толкованіе на псалмы. 5) Констанцій 1-й, патріархъ константинопольскій (1859 г.). Онъ написалъ сочиненіе о разногласіи православныхъ и армянъ, о достославныхъ мужахъ по паденіи Византіи и отвѣтъ на окружное посланіе папы Пія IX. 6) Константинъ Типальдосъ м. ставропольскій. Онъ перевелъ свящ. писаніе на простой народный языкъ и оставилъ послѣ себя разныя сочиненія (1850 г.). 7) Славный и образованный писатель Стурдза. Онъ написалъ разныя сочиненія на греческомъ, русскомъ и французскомъ языкахъ, въ которыхъ говорилъ о разныхъ церквахъ востока и запада, и помѣстилъ отвѣтъ на окружное посланіе папы Пія IX. Наконецъ, за послѣднее время въ Турціи отличались богословскимъ образованіемъ: Караѳеодори и Илія Танталидисъ, издатель панскихъ обличеній, и Хіозскій митрополитъ Григорій, написавшій „голосъ православія“ и сочиненіе о соединеніи армянъ съ православными ¹⁾.

Свящ. В. Архангельскій.

---

1) Δοκίμιον Δ. Κερίάκου. Стр. 328. 329. 330.

Очерки изъ исторіи Русской Церкви въ періодъ Московской митрополіи (1237—1588 г.)

ГЛАВА II.

Состояніе церковнаго управленія и іерархіи.

Во время перваго нашествія Монголовъ пропалъ безъ вѣсти Кіевскій митрополитъ Іосифъ, родомъ грекъ. На его мѣсто, благодаря старанію Галицкаго князя Даниїла, избранъ былъ въ Россіи и получилъ рукоположеніе отъ патріарха Кирилль III, родомъ русскій (около 1246 г.). Митрополичій дворъ былъ раззоренъ, и новый митрополитъ сталъ искать себѣ новаго жилья. Вслѣдъ за движеніемъ южнорусскихъ обывателей въ сѣверовосточную Русь, въ видахъ большей безопасности отъ монголовъ, пошелъ и онъ во Владимірское княжество, занимавшее тамъ первенствующее мѣсто. Но впрочемъ, хотя во Владимірѣ онъ проживалъ чаще, чѣмъ гдѣ либо, однако онъ еще не перенесъ сюда своей кафедры, не перевелъ сюда своихъ клирошанъ и большею частью тратилъ время на разъѣзды по южно-русскимъ и сѣверовосточнымъ епархіямъ. Только преемникъ его Максимъ сдѣлалъ *Владиміръ* своимъ кафедральнымъ городомъ (1299 г.), посадивши Владимірскаго епископа въ Ростовъ. Третій митрополитъ Петръ, полюбивъ Московскаго князя Ивана Калиту, и, можетъ быть сознавая возвышающееся значеніе Московскаго княжества, поселяется на жительство въ *Москву* (1325 г.), строить каменную церковь Успенія Пр. Богородицы, предуказываетъ на то, что городъ этотъ „будетъ славенъ между всѣми городами русскими, что святители будутъ въ немъ жить“, и здѣсь передаетъ свой духъ Богу. Но какъ при немъ, такъ и при его ближайшихъ преемникахъ Москва отнюдь не считалась ка-

едральнымъ городомъ. Каѳедры митрополита лишь были въ Кіевѣ и Владимірѣ. Только съ теченіемъ времени мало-помалу въ Москвѣ заведена была недостававшая каѳедра. Константинопольскіе патріархи долго не могли освоиться съ этимъ перенесеніемъ митрополичьей каѳедры на сѣверъ Россіи: въ своихъ грамотахъ они называли русскаго митрополита „Кіевскимъ и всея Россіи“; а о Владимірской каѳедрѣ русскаго митрополита впервые говорятъ они лишь съ 1354 г. „Соборнымъ дѣяніемъ чрезъ нашу соборную грамоту — говоритъ Константинопольскій патріархъ — повелѣваемъ, чтобы какъ святѣйшій митрополитъ Россіи Алексій, такъ и всѣ его преемники пребывали во Владимірѣ и имѣли Владиміръ своею каѳедрою неотъемлемо и неизмѣнно навсегда. Но пусть и Кіевъ числится ихъ собственнымъ престоломъ и первою каѳедрою архіерея, если останется цѣлымъ. А послѣ Кіева и съ нимъ пусть будетъ второю каѳедрою и мѣстомъ пребыванія и успокоенія для русскаго митрополита святѣйшая епископія Владимірская, въ которой онъ безирепятственно... да совершаетъ поставленія чтецовъ и иподіаконовъ, рукоположеніе діаконовъ и іереевъ и все прочее, что подобаетъ... мѣстному архипастырю“). Подобное же читается въ грамотѣ Константинопольскаго собора 1380 г. на имя митр. Пимена: „онъ долженъ называться Кіевскимъ и вслѣдъ затѣмъ Владимірскимъ и всея Россіи, по примѣру прежняго митрополита Алексія“). Имя Москвы до самаго митрополита Герасима (1433—5 г.) не встрѣчается въ титулѣ русскаго митрополита, и только послѣ смерти митрополита Іоны (1461 г.) онъ перестаетъ называться Кіевскимъ.

Удалившись на сѣверъ Россіи, митрополитъ естественно подчинился вліянію, сначала Владимірскаго, а затѣмъ Московскаго князей и сравнительно рѣдко сталъ посѣщать южно-русскія епархіи. Отсюда возникло неудовольствіе южно-русскихъ князей и епископовъ. Они стали выражать желаніе имѣть своего митрополита для южной Россіи. Когда же юго-и западно-русскія области попадали власти литовскихъ князей и польскихъ королей, это желаніе дѣлалось болѣе рѣшительнымъ, потому что они стремились поставить новоподчиненныя русскія области въ совершенную

независимость отъ сѣверной Россіи. Московскимъ митрополитамъ и иногда Константинопольскимъ патріархамъ приходилось въ этихъ случаяхъ бороться за *единство русской митрополіи*.

Стремленіе южно-русскихъ князей имѣть своего митрополита сказывается очень рано. Послѣ смерти митрополита Максима (2-го митр.) явились два кандидата на вакантную кафедру: игумень Геронтій, выставленный, вѣроятно, Владимірскимъ княземъ и Ратскій игумень Петръ, избранный Владимірскимъ княземъ Георгіемъ Львовичемъ. Оба они пріѣхали въ Константинополь; только Геронтій нѣсколько запоздалъ. Поэтому патріархъ Аѳанасій поставилъ митрополитомъ *Петра* (1308 г.). Итакъ южно-русскій кандидатъ получилъ митрополичью кафедру въ Россіи, но онъ не остался въ Галичѣ, какъ хотѣлось было князю Георгію, а переѣхалъ въ Москву. Волей-неволей Георгій съ этимъ помирился. Но при *Θεοгностѣ*, преемникѣ св. Петра, снова обнаруживается желаніе южно-русскихъ епархій имѣть своего митрополита. Неизвѣстный по имени, Галицкій епископъ получилъ митрополичьи права и открылъ особую митрополію въ Галичѣ, подчинивъ ей всѣ Волинскія епархіи (т. е. Владиміро-Волинскую, Холмскую, Черемышльскую, Луцкую и Туровскую). Московскій митрополитъ и великій князь (Симеонъ) принесли жалобу Константинопольскому императору (Іоанну Кантакузену) и патріарху (Исидору Бухиру). Тѣ постановили закрыть митрополію въ Галичѣ и Волинскія епархіи снова подчинить Кіевскому и всея Россіи митрополиту (1347 г.); объявили объ этомъ, какъ въ Галичѣ, такъ и въ Москвѣ и потребовали Галицкаго епископа на судъ въ Константинополь. Чѣмъ кончилось дѣло епископа, неизвѣстно; только *Θεοгностъ* дѣйствительно получилъ власть надъ волинскими епархіями и воспользовался ею во время ихъ обзорѣнія (1348 г.). Однако желаніе имѣть особаго митрополита подолжаетъ твердо держаться въ южно-русскихъ областяхъ. Выраженіемъ этого можетъ служить поступокъ инокъ *Θеодорита*. Еще при жизни *Θеогноста* онъ (1352 г.) явился къ Константинопольскому патріарху и просилъ поставить его на кафедру русской митрополіи, увѣряя, что *Θеогностъ* скончался. Патріархъ (Филоѳей) предлагаетъ ему

подождать, пока онъ наведетъ справки; но тотъ не захотѣлъ быть обличеннымъ въ своемъ обманѣ, удалился въ Болгарію и тамъ отъ Терновскаго патріарха получилъ посвященіе въ санъ митрополита. Приѣхавъ въ Россію, онъ сѣлъ на каѳедрѣ въ Кіевѣ и выдалъ себя за законнаго митрополита, претендуя даже на подчиненіе себѣ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ епископовъ (напр. Новгородскаго). Патріархъ вынужденъ былъ писать грозныя грамоты въ Россію, чтобы не признавали здѣсь Θεодорита митрополитомъ, самого его лишая священства; но тотъ не скоро смирился; только при митрополитѣ *Алексіи*, преемникѣ Θεогноста (послѣ 1354 г.), онъ сходитъ со сцены. На мѣсто его выступаетъ другой, болѣе сильный, противникъ Московскаго митрополита, именно Романъ, поддерживаемый Литовскимъ княземъ Ольгердомъ. Этотъ, узнавъ объ избраніи въ Москвѣ Алексія преемникомъ Θεогносту, захотѣлъ противопоставить ему своего кандидата, чтобы или вліять черезъ него на сѣверовосточную Русь, если удастся ему получить всероссійскую каѳедру, или въ крайнемъ случаѣ охранить литовскія и русскія земли, бывшія подъ его властью отъ вліянія Москвы, если придется Роману только надъ ними получить митр. власть. Оба кандидата, Алексій и Романъ встрѣтились въ Константинополѣ (1354 г.) и получили здѣсь посвященіе въ санъ митрополита. Естественно, что вслѣдъ за этимъ открылись несогласія. Еще изъ Константинополя и тотъ и другой посылали пословъ къ тверскому епископу, требуя церковной дани; по приѣздѣ же ихъ въ Россію „состоялся положительный мятежъ во святительствѣ“. Алексій былъ принятъ въ Москвѣ, а Романъ—въ Литвѣ въ Волыни, но такъ какъ предѣлы ихъ митрополій не были опредѣлены, то оба претендовали на подчиненіе себѣ всѣхъ русскихъ епархій. Это заставило патріарха созвать въ Константинополѣ соборъ (1356 г.), который и постановилъ: Алексію считаться митрополитомъ Кіева и всей Россіи, а Роману—Литовскимъ, послѣднему имѣть подъ своею властью епархіи литовскія и волынскія, а каѳедру—въ Новгородкѣ литовскомъ. Но Романъ и послѣ того продолжалъ врываться въ предѣлы кіевской митрополіи, производить тамъ поборы, мятежи и даже кровопролитіе. Чтобы усмирить его, патріархъ

уступилъ ему еще брянскую епархію; но это не удовлетворило Романа. Поэтому патриархъ нарядилъ слѣдствіе надъ дѣйствіями Романа. Однако Романъ не дожилъ до его окончанія († 1361 г.). Алексій тогда сдѣлался митрополитомъ всея Россіи. Но Ольгердъ не могъ помириться съ нимъ. Онъ препятствовалъ ему объѣзжать юго-западные епархіи, и разъ даже схватилъ и ограбилъ его свиту, самого его заключилъ въ тюрьму, и, можетъ быть, умертвилъ бы, если бы тотъ не ушелъ тайно. Во враждѣ къ митроп. Алексію сходился съ Ольгердомъ еще его шуринъ, тверской князь Михайлъ Александровичъ, боровшійся съ Москвою. Оба они отправили на митрополита жалобы къ константинопольскому патриарху. Ольгердъ писалъ, что Алексій совсѣмъ не посѣщаетъ южной Россіи; а Михайлъ Тверской, — что будто бы по коварству Алексія великій князь Московскій держалъ его въ тюрьмѣ (1368 г.). Патриархъ уговаривалъ Алексія помириться съ князьями и посѣщать литовскія епархіи, подобныя же примирительныя письма плетъ и Ольгерду; но ничто не помогло; Ольгердъ къ прежнимъ жалобамъ прилагаетъ еще новыя, обвиняя Алексія въ томъ, что онъ будто бы принимаетъ къ себѣ и освобождаетъ отъ присяги литовскихъ перебѣжчиковъ и „благословляетъ москвитянъ на пролитіе крови“, въ заключеніи же рѣшительно требовалъ: „дай намъ другаго митрополита на Кіевъ, на Смоленскъ на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній Новгородъ“ — т. е. на земли литовскія и тѣ изъ русскихъ, которыя были недовольны Москвою и митрополитомъ Алексіемъ (1371 г.). Въ то же время и съ подобнымъ же требованіемъ обратился къ константинопольскому патриарху еще польскій король Казиміръ III, владѣвшій многими Волынскими областями и Галиціей. Онъ даже отправилъ за митроп. саномъ епископа Антонія съ согласія князей и бояръ Волынскихъ. Патриархъ долженъ былъ уступить и рукоположить Антонія въ галицкаго митрополита съ подчиненіемъ ему Владиміро-волынской, перемышльской, холмской и галицкой епархій (1371 г.). Скоро (1370 г.) было двинуто впередъ и дѣло по жалобамъ Ольгерда на митр. Алексія. Патриархъ (Филовей) для разслѣдованія дѣла отправилъ въ Россію инока Кипріяна, родомъ серба. Тотъ явился къ митр. Алексію,

лестью заискалъ себѣ его расположеніе, уговорилъ его не беспокоиться и общалъ за него ходатайствовать предъ патріархомъ; а между тѣмъ втайнѣ стремился самъ сѣсть на его мѣсто; для этого по отъѣздѣ изъ Москвы заручился расположеніемъ Ольгерда и другихъ князей, приготовилъ ложныя обвиненія на Алексія, отъ лица литовскихъ князей, самъ составилъ грамоты съ просьбою поставить для нихъ митрополитомъ Кипріяна, съ угрозою въ противномъ случаѣ отдаться римскому престолу и отправился въ Константинополь. Патріархъ и на этотъ разъ уступилъ: Кипріянь (1376 г.) сдѣланъ былъ митрополитомъ кievскимъ и литовскимъ, съ правомъ на всю Россію послѣ смерти Алексія. Такимъ образомъ на Руси явились одновременно три митрополита: Алексій, Антоній и Кипріянь и три каѳедры: въ Москвѣ, Галичѣ и Кіевѣ. Кипріянь, управляя литовскими и южно-русскими епархіями, не хотѣлъ однако этимъ удовлетвориться: онъ домогался низложенія митр. Алексія и объявлялъ о себѣ, что его патріархъ благословилъ на всероссійскую митрополию. Но замыселъ не удался. Въ Москвѣ съ цѣлью охранить сѣверовосточную митрополию отъ Кипріяна, еще при жизни св. Алексія былъ избранъ преемникомъ ему архимандритъ *Митяй* (Михаилъ), духовникъ великаго князя Димитрія Донскаго; а по смерти Алексія получены были отъ патріарха грамоты, гдѣ онъ требовалъ, чтобы отнюдь не принимали въ Москвѣ Кипріяна, и предоставлялъ митрополичьи права Митяю. Этотъ послѣдній дѣйствительно сталъ пользоваться своими правами еще до рукоположенія и своею энергичною дѣятельностью возбудилъ противъ себя сильное недовольство въ духовенствѣ. Кипріянь задумалъ воспользоваться этимъ. Торжественно съ большой свитой онъ пріѣхалъ въ Москву, но послѣ ругательствъ, насмѣшекъ и насилій былъ позорно выпровоженъ отсюда (1378 г.) Митяй съ огромною свитой и съ бланками, скрѣпленными княжескою печатью, отправился за рукоположеніемъ въ Константинополь; но на дорогѣ померъ. Свита избрала на мѣсто него архимандрита *Пимена*, на одномъ изъ бланковъ написала актъ объ его избраніи, и путемъ подкуповъ добилаь его рукоположенія (1380 г.). Кипріянь былъ лишенъ Кіевской и всея Россіи каѳедры, и получилъ себѣ лишь Литву и Малую Россію.

Когда въ Москвѣ узнали о поставленіи Пимена, великій князь сказалъ: „Я не посылаю Пимена ставиться въ митрополиты..., Пимена я не принимаю и видѣть его не хочу“ и послалъ звать въ Москву *Кипріана*. Тотъ явился и торжественно вступилъ на кафедру; Пимень же былъ схваченъ на дорогѣ и вмѣстѣ съ своей свитой посаженъ въ монастырское заключеніе (1381 г.). Но впрочемъ и Кипріанъ не долго пользовался расположеніемъ великаго князя. Съ одной стороны грамоты патріарха за Пимена, съ другой побѣгъ Кипріана въ Тверь во время нашествія Тохтамыша на Москву, настроили великаго князя противъ Кипріана, и онъ рѣшительно объявилъ ему, что не хочетъ его на митрополи терпѣть (1382 г.). Позванъ былъ и съ почетомъ принять митрополитъ Пимень. Но и этотъ не могъ утвердиться на кафедрѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ избранъ кандидатомъ на мѣсто его Діонисій, епископъ Суздальскій, отправленъ въ Константинополь и получилъ тамъ благословеніе отъ патріарха. Не пришлось однако ему сѣсть на Московскую митрополию: на дорогѣ онъ былъ захваченъ Кіевскимъ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ и умеръ въ заключеніи (1385 г.). Положеніе Пимена въ виду враждебнаго отношенія къ нему великаго князя было очень плохо, — его осудилъ даже на низложеніе Константинопольскій соборъ. Послѣ его смерти (1389 г.), послѣдовавшей вслѣдъ за этимъ, Кипріанъ возвратился въ Москву и получилъ такую грамоту отъ Константинопольскаго собора и патріарха: „настоящимъ синодальнымъ дѣяніемъ постановляемъ, чтобы митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи и былъ и пазывался киръ Кипріанъ, который до конца своей жизни да завѣдываетъ ею и всѣми областями ея... И всѣ послѣ него митрополиты всея Россіи да будутъ такими же, послѣдующа одинъ послѣ смерти другаго. И это да сохранится неварушимо отнынѣ впредь во всѣ вѣки... И никогда да не нарушится настоящее дѣяніе и постановленіе ни нами, ни преемниками нашими, ибо опытомъ удостовѣрились мы въ томъ, какъ велико зло — раздѣленіе и раздробленіе на части сей церкви и какъ велико добро имѣть одного митрополита въ цѣлой этой епархіи“. Подъ властью Кипріана объединились Московская и Кіевская митрополіи. Только Галицкая

и Перемышльская епархіи, бывшія подѣ властью Польши, не входили въ составъ русской митрополіи. Еще при жизни Кипріяна назначень былъ ему преемникъ, *Фотій*, съ правомъ на всю Россію и дѣйствительно по смерти Кипріяна (1406 г.) былъ рукоположенъ въ митрополита Кіевскаго и всея Россіи (1408 г.) Но какъ при рукоположеніи его, такъ и послѣ дѣло не обошлось безъ попытокъ къ отдѣленію южной митрополіи. Узнавъ о смерти Кипріяна, Литовскій князь Витовтъ послалъ къ патріарху Полоцкаго епископа *Феодосія* съ просьбою: „поставьте его намъ митрополитомъ, чтобы онъ сидѣлъ на столѣ Кіевской митрополіи“. Патріархъ (*Матѳей*) не исполнилъ просьбы. Витовтъ временно согласился принять *Фотія*, но подѣ условіемъ, чтобы тотъ жилъ въ Кіевѣ. Когда же, полгода про сидѣвши здѣсь, онъ ушелъ въ 1410 году въ Москву, Витовтъ опять сталъ подумывать объ отдѣленіи южной митрополіи. И вотъ въ 1414 г. вмѣстѣ съ подручными ему князьями онъ отказалъ *Фотію* въ управленіи и литовскими епархіями, послалъ въ Константинополь жалобу на него и просилъ поставить митрополитомъ серба *Григорія Цамблака* или *Семивлаха*, племянника Кипріянова. Получивъ и на этотъ разъ отказъ со стороны патріарха, Витовтъ созвалъ въ Новгородѣ Литовскомъ соборъ изъ духовныхъ лицъ и тѣ послѣ колебаній рѣшили просить патріарха о томъ же; но видя медлительность патріарха, сами 15 ноября 1416 г. рукоположили себѣ митрополита *Григорія Цамблака*, подчинивъ ему семь епархій: Полоцкую, Черниговскую, Луцкую, Владиміровольнскую, Смоленскую, Холмскую и Туровскую. Какъ соборъ, такъ и Витовтъ въ своихъ грамотахъ старались оправдать свой поступокъ указаніемъ на церковные каноны, дозволяющіе собору епископовъ рукополагать митрополита — на бывшіе случаи такого рукоположенія въ Россіи, Болгаріи и Сербіи, на мзду, на которой поставляются въ Константинополь русскіе митрополиты и которая приводитъ къ неурядицамъ въ церковной жизни. Какъ ни старался митрополитъ *Фотій* уничтожить состоявшееся раздѣленіе Русской митрополіи, не могъ этого сдѣлать до самой смерти *Григорія* (1419 г.). Только тогда онъ помирился въ Витовтомъ и временно объединилъ обѣ митрополіи

подъ своею властью. Послѣ его смерти (1430 г.), хотя въ Москвѣ нарекли митрополитомъ Рязанскаго епископа Юву, однако изъ Царяграда пришелъ съ патриаршей грамотой новый митрополитъ, бывший Смоленскій епископъ *Герасимъ*, поставленный не только для Литвы, но для всей Россіи (1433 г.), и, сѣвши на Смоленской каѳедрѣ, сталъ править русскою церковію какъ митрополитъ. Впрочемъ, скоро (1435 г.) онъ былъ сожженъ литовскимъ княземъ Свидригайлomъ. На его мѣсто прибылъ изъ Константинополя митрополитъ *Исидоръ* (1437 г.). Но и этотъ, осужденный соборомъ русскихъ епископовъ за участіе въ Флорентійской уніи (1441 г.), бѣжалъ въ Римъ. Тогда на Московскую и на всея Россіи каѳедру рукоположенъ былъ въ Россіи прежде „нареченный“ митрополитъ *Иона* (1438 г.). Польскій король и Литовскій великій князь Казиміръ IV вмѣстѣ съ другими юго-западными князьями далъ ему грамоту на управленіе и литовскими епархіями (1451 г.). Но не долго пришлось русской митрополи наслаждаться единствомъ и покоемъ. Въ 1458 г. римскій папа Каллистъ III, переговоривши съ Исидоромъ, постановилъ раздѣлить русскую церковь на двѣ половины и одну изъ нихъ, состоящую изъ литовскихъ епархій (Брянской, Смоленской, Перемышльской, Туровской, Луцкой, Владимірской, Полоцкой, Холмской и Галицкой) отдать особому митрополиту. Въ томъ же году патриархъ Константинопольскій Григорій Мамма, проживавшій въ Римѣ, рукоположилъ на эти епархія митрополита *Григорія Булара*, ученика Исидорова, и этотъ снабженный грамотами папскими и патриаршими явился въ Польшѣ. Какъ ни противился Московскій митрополитъ Иона, однако Казиміръ принялъ Григорія и югозападные епископы одинъ за другимъ входили съ нимъ въ общеніе; такъ что послѣ смерти Ионы (1461 г. или еще при его жизни) установилось окончательное раздѣленіе русской митрополи: на сѣверовосточную или Московскую и югозападную или Литовскую. Въ той и другой со времени Ионы и Григорія начался непрерывный рядъ своихъ митрополитовъ; Московскіе перестали уже называться Кіевскими и сохранили лишь титулъ „митрополитовъ всея Россіи“; прежній же титулъ „кіевскихъ и всея Россіи“ перешелъ къ Литовскимъ митрополитамъ. И въ той и дру-

гой митрополіи устанавливаются нѣкоторыя особенности внутренней и внѣшней церковной жизни.

Во время споровъ о единствѣ русской митрополіи значительно распаталась *власть Константиноп. патріарха надъ русской церковію*. Продолжительная опека его надъ нашею церковною жизнью еще въ предшествовавшей періодъ для многихъ изъ нашихъ князей и іерарховъ казалась обременительною и вредною. Теперь же, чѣмъ болѣе устроится и усиливается русское государство, тѣмъ сильнѣе должно было сказываться стремленіе и церковную жизнь въ Россіи поставить самостоятельно на чисторусской почвѣ, освободить русскую митрополію отъ греческой опеки. Такъ это было и на самомъ дѣлѣ. Уже первый митрополитъ даннаго періода, Кириллъ III, былъ избранъ на Руси и только получилъ рукоположеніе отъ Константинопольскаго патріарха. Фактъ знаменательный! Современникамъ его онъ какъ будто предуказывалъ, какого порядка нужно ждать въ послѣдующее время касательно замѣщенія митрополичьей кathedры. Порядокъ этотъ — избраніе митрополита въ Россіи — и дѣйствительно утвердился въ данный періодъ: митрополиты обыкновенно избирались въ самой Россіи или въ княжествѣ Литовскомъ. Правда, Константинопольскіе патріархи стараются удержать свои прежнія права и, утверждая избраннаго на Руси митрополита, иногда заявляютъ, что это дѣлаютъ они въ видѣ исключенія, изъ уваженія къ личнымъ достоинствамъ того или другаго лица; сами даже иногда посылаютъ на русскую митрополію избранныхъ ими кандидатовъ. Но такихъ митрополитовъ за весь данный періодъ мы находимъ лишь 6-хъ: Максима, Θεогноста, Фотія, Исидора, Григорія Булгара и Спиридона; при томъ же сами патріархи все слабѣе и слабѣе протестуютъ противъ складывающагося на Руси порядка и все больше и больше дѣлаютъ уступокъ. Исторія спора о единствѣ русской митрополіи показываетъ, какъ они уступали предъ требованіемъ польскихъ королей, Литовскихъ и Московскихъ князей, даже вопреки своему желанію и постановленіямъ, ставя на Русь заразъ нѣсколько митрополитовъ. Подкушы, которые въ этихъ случаяхъ имѣли мѣсто при патріаршей кathedрѣ, еще больше уронили ея положеніе. Граматы Но-

вгородскаго собора 1416 г. и Витовта свидѣльствуютъ о томъ, что русскіе возмущались этими подкупами и сознавали зло, исходящее отсюда для русской церкви. Когда же избранный патріархомъ митрополитомъ Исидоръ и сами патріархи уклонились въ латинство и подписали актъ Флорентійской уніи (1439 г.), тогда для сѣверо-восточной Руси совѣтъ палъ авторитетъ патріарха. Послѣ осужденія Исидора великій князь Василій Васильевичъ въ своихъ письмахъ къ патріарху и императору писалъ съ горечью объ уклоненіи въ ересь грека Исидора, „все дѣло и прихождение котораго соборъ русскихъ епископовъ находитъ чуждымъ и страннымъ отъ божественныхъ и священныхъ правилъ“ и просилъ прислать въ Русь письменное разрѣшеніе впредь свободно совершать поставленіе для себя митрополита въ нашей землѣ, такъ какъ это нужно и по дальности и непроходимости пути въ Константинополь, по частымъ набѣгамъ татаръ въ русскіе предѣлы, по нестрояніямъ и мятежамъ въ сосѣднихъ странахъ, и потому, что всякому православному христіанину приходится бесѣдовать съ митрополитомъ о духовныхъ своихъ дѣлахъ, а государю— и о гражданскихъ, иногда сокровенныхъ,— между тѣмъ съ митрополитомъ изъ грековъ можно говорить не иначе, какъ чрезъ молодыхъ переводчиковъ, которые такимъ образомъ первые узнаютъ то, чего имъ не слѣдовало бы знать“. Однако письма эти не были отправлены въ Константинополь по случаю введенія тамъ Флорентійской уніи. Сношенія съ Константинополемъ были на нѣсколько времени прерваны. Соборъ русскихъ епископовъ, сознавая, что „церковныя правила не только не возбраняютъ, а напротивъ повелѣваютъ епископамъ извѣстной области поставлять большаго святителя, или митрополита“, самостоятельно поставилъ Іону. Съ патріархомъ въ это время не списывались, даже и не знали, „есть ли уже въ царствующемъ градѣ патріархъ или нѣтъ“ только чрезъ нѣсколько времени послѣ рукоположенія Іоны приготовлена была великимъ княземъ грамота Константинопольскому императору, но едва ли была отправлена по случаю взятія Константинополя турками. На Руси стало ходить мнѣніе, что греки на Флорентійскомъ соборѣ „къ своей гибели отъ истины свернулися, что „развраща-

щеннымъ грековомъ“ вѣрить не нужно, что и въ перво-святительской церкви цареградской — „мерзость и запустѣніе“. Послѣ взятія Константинополя турками къ этому мнѣнію прибавилось еще другое, что греки всё уклонились въ магометанство, что поэтому не должно „принимать поставленія ни на митрополию, ни вообще на владычество отъ цареградскаго патріарха, какъ живущаго во области безбожныхъ турковъ поганаго царя;“ — такъ что инокъ Максимъ грекъ, проживавшій въ Россіи, долженъ былъ писать нарочитыя по этому поводу статьи. По контрасту съ греками, русскіе стали думать о себѣ, какъ хранителей истиннаго православія, и о своемъ государѣ, какъ прямомъ наслѣдникѣ Византійскихъ императоровъ.

Рядомъ съ этимъ сомнѣніемъ русскихъ развивались матеріальное благосостояніе Москвы и политическая сила Московскаго царя и Польскаго короля. Патріархъ же съ паденія Константинополя все болѣе и болѣе бѣднялъ и слабѣлъ; онъ уже сталъ нуждаться въ сторонней правительственной и экономической поддержкѣ, поэтому обращался съ просьбами къ Россіи или чрезъ своихъ пословъ, или самъ лично. Естественно, что при такомъ положеніи Польскій король и Московскій царь должны были свысока смотрѣть на Константинопольскаго патріарха, заботиться о возвышеніи своего митрополита и дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ смѣлѣе, а патріархъ не имѣлъ силъ противиться и долженъ былъ уступать предъ ихъ желаніями и требованіями. Такимъ образомъ открылось, что когда посланный патріархомъ на Кіевскую митрополию митрополитъ Спиридонъ (1476 г.) не былъ принятъ тамъ, патріархъ не могъ настоять на своемъ и долженъ былъ прислать „благословенный листъ“ избранному въ Россіи Симеону, также какъ и его преемникамъ. А когда на соборѣ 1495 г. былъ избранъ кіевскимъ митрополитомъ Макарій, патріархъ дозволилъ и впредь выбирать митрополита на Руси, но только требовалъ для его поставленія получать отъ него благословеніе. Такой обычай съ этого времени и установился въ южной митрополи. По отношенію къ северной митрополи при митрополитѣ Іонѣ патріархъ Геннадій сдѣлалъ еще большую уступку: обязанный матеріальными пожертвованіями со стороны Московскаго

митрополита и великаго князя, онъ дозволилъ на будущее время выбирать и поставлять сѣверо-восточнаго митрополита на Руси соборомъ мѣстныхъ іерарховъ безъ предварительнаго сношенія съ нимъ. Въ такомъ духѣ русскіе епископы на Московскомъ соборѣ 1459 г. постановляютъ: по смерти Іоны повиноваться тому только митрополиту, который по правиламъ св. Апостоловъ и отцевъ, будетъ поставленъ въ соборной церкви на Москвѣ у гроба св. чудотворца Петра; при выборѣ преемника св. Іонѣ (Θеодосіа) такъ и дѣйстви-тельно было поступлено.

Итакъ къ концу XV вѣка Константинопольскій патріархъ поступилъ своимъ правомъ избранія митрополитовъ на Русь, которымъ такъ дорожилъ въ прежнее время. Рядомъ съ этимъ шло ослабленіе и другихъ его правъ. Въ XIII—XIV вѣкахъ онъ еще приглашаетъ къ себѣ на соборы нашихъ митрополитовъ или ихъ уполномоченныхъ, принимаетъ жалобы на митрополитовъ, наряжаетъ судъ надъ ними (Романомъ, Алексіемъ, Пименомъ), иногда вызываетъ на судъ къ себѣ (Кипріана) и низлагаетъ, награждаетъ русскихъ епископовъ архіепископскимъ саномъ (Діонисія Суздальскаго и Θεодора Ростовскаго); разсылаетъ грамоты по различнымъ вопросамъ въ предѣлы русской митрополіи; русскіе сами обращаются къ нему перѣдко за разрѣшеніемъ недоумѣній; митрополиты являются иногда на патріаршихъ соборахъ (митрополитъ Максимъ, Кипріанъ); нѣкоторые монастыри русскіе дѣлаются ставропигіальными патріаршими (Московскій Симоновъ). Но все это было или результатомъ неурядицъ въ русской митрополіи, или традиціоннымъ остаткомъ стариннаго порядка. Поэтому когда во 2-й половинѣ XV вѣка *сѣверо-восточная* митрополія освободилась отъ іерархическихъ смутъ и когда тамъ уже подозрительно стали смотрѣть на патріарха, права его надъ нею фактически перестали существовать. Мѣсто его занялъ соборъ русскихъ іерарховъ: онъ сталъ не только избирать и поставлять, но и судить Московскаго митрополита; во всемъ же прочемъ этотъ послѣдній сталъ полновластнымъ главою Русской церкви.

Осталась лишь *номинальная* зависимость его отъ Константинопольскаго патріарха, которую порвать предстояло

слѣдующему періоду. И только въ южной митрополіи удѣлѣла нѣкоторая часть патріаршихъ правъ. Тамъ митрополитъ испрашивалъ себѣ благословенія у патріарха, сносился съ нимъ по дѣламъ церковнымъ, принималъ отъ него грамоты, подвергался его суду и иногда низлагался имъ. Это обусловливалось съ одной стороны борьбой противъ католической пропаганды и свѣтскихъ притязаній на церковныя дѣла, также какъ и іерархическими неурядицами, побуждавшими искать опоры въ личности патріарха, съ другой—бѣдностью южно-русскихъ епархій, побуждавшей ихъ мало благотворить въ пользу Константинопольской каѳедры, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлавшей патріарха менѣе обязаннымъ передъ ними и менѣе уступчивымъ, чѣмъ предъ богатой Московской митрополіей.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ отношеній къ Константинопольскому патріарху должно было явиться измѣненіе и въ *положеніи русскаго митрополита*; съ другой стороны это вызывалось еще ослабленіемъ, а затѣмъ и полнымъ разрушеніемъ удѣльно-вѣчевого строя. *Каноническія* права митрополита на Руси оставались тѣ же, что были и прежде; они обыкновенно указывались въ благословенныхъ патріаршихъ грамотахъ. Но пользованіе этими правами и *дѣйствительное положеніе* митрополита въ русской церкви подвергалось перемѣнамъ.

Пока существовалъ удѣльно-вѣчевой строй, митрополиты давали благословенныя грамоты по большей части тѣмъ кандидатамъ на епископскія каѳедры, которыхъ избиралъ князь и народъ. Въ вольномъ Новгородѣ этотъ обычай держался дольше, чѣмъ гдѣ либо еще. Съ теченіемъ времени митрополитъ самъ съ своимъ соборомъ избиралъ и поставлялъ епископа, а со времени Василя Темнаго такой порядокъ избранія получилъ законное утвержденіе на соборѣ. Въ этомъ случаѣ дѣло нерѣдко рѣшалось такимъ образомъ: соборъ епископовъ выбиралъ трехъ кандидатовъ, а изъ нихъ одного уже поставлялъ митрополитъ. По отношенію къ епископамъ онъ является „отцемъ и господиномъ“ и преподавалъ имъ нерѣдко благословеніе. Въ своемъ „исповѣданіи“, публично произносимомъ въ церкви предъ рукоположеніемъ, каждый новоизбранный давалъ между про-

чимъ объѣтъ „повиноваться преосвященному господину своему, митрополиту Кіевскому и всея Руси“, соблюдать пошлыны митрополичьяго престола и безъ всякаго возраженія прѣзжать на судъ по митрополичьему зову на соборъ . На соборѣ обыкновенно предсѣдательствовалъ и постановленія его скрѣплялъ своею подписью митрополитъ; онъ же большею частію самъ и созывалъ ихъ. Въ случаѣ какихъ-нибудь церковныхъ или гражданскихъ нуждъ онъ, какъ глава всей русской церкви, разсылалъ по епархіямъ или окружныя грамоты, или частныя посланія. Въ этихъ грамотахъ онъ или вооружался противъ іерархическихъ смуть и еретическихъ мнѣній, или излагалъ правила поведенія мірянъ, духовенства и иноковъ, или давалъ указанія касательно богослужебной практики, или удерживалъ народъ и князей отъ гражданскихъ волненій, или побуждалъ ихъ на какое-нибудь полезное для государства дѣло и т. п. . Митрополитъ самъ объѣзжалъ епархіи и такимъ образомъ непосредственно наблюдалъ за положеніемъ церкви. Въ случаѣ виновности епископовъ онъ самъ или соборно, или даже единолично производилъ надъ ними судъ и лишалъ ихъ кафедры или сана; самъ же иногда и возвращалъ епископу отнятую у него кафедру. Въ 1280 г. напр., митрополитъ Кириллъ III запретилъ было ростовскаго епископа Игнатія за то, что тотъ осудилъ умершаго князя Ростовскаго Глѣба Васильковича и тѣло его вынесъ изъ соборной церкви, но потомъ по просьбѣ князя Дмитрія Борисовича простилъ его и ограничился только строгимъ выговоромъ ; въ 1295 году митрополитъ Максимъ свелъ съ епископіи Владимірскаго владыку Іакова, а въ 1312 г. митрополитъ въ 1351 г. Петръ лишилъ сана сарайскаго еп. Измаила ; митрополитъ Θεогностъ лишилъ кафедру Суздальскаго епископа Даніила, а потомъ снова благословилъ его . Митрополитъ принималъ жалобы на епископа и разслѣдывалъ ихъ. Такъ напр., жаловались (1390 г.) тверское духовенство и міряне на епископа Евѣимія „о мятежи и раздорѣ церковнѣмъ“ ; такъ жаловался (1405 г.) Витовтъ на Антонія Туровскаго ; такъ жаловался Іосифъ Волоколамскій на Новгородскаго архіепископа Серапіона (1509 г.) . Митрополитъ самъ отличалъ тѣхъ или другихъ епископовъ крестчатыми ризами, напр. Θεог-

ность наградили ими Василия Новгородскаго и Алексія Владимірскаго . Митрополитъ даже ограничивалъ канонически опредѣленные права епископовъ, вмѣшиваясь въ епархіальное управленіе; именно онъ сталъ имѣть въ чужихъ епархіяхъ свои „извѣчные“, какъ бы ставропигіальные, монастыри*), присвоилъ себѣ право „мѣсячнаго суда“ въ епаріяхъ, наѣзжая туда чрезъ 3 года или насылая своего намѣстника, производя тамъ въ продолженіи мѣсяца вмѣсто епархіальнаго епископа судъ по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію церковной власти, взимая пошлины и штрафы; наконецъ дозволялъ нерѣдко Псковичамъ, обходя своего епархіальнаго владыку прямо обращаться къ нему въ Москву даже по такимъ дѣламъ, какъ поставленіе клириковъ или упорядоченіе богослужебнаго чина и т. п. Митрополитъ же Исидоръ дошелъ до болѣе произвольныхъ дѣйствій; онъ отнялъ въ Псковѣ судъ, печать, воды, земли и оброки Новгородскаго владыки у его намѣстника и посадилъ здѣсь своего, присоединивъ такимъ образомъ Псковъ къ своей митрополичьей епархіи. Митроп. Максимъ, какъ извѣстно, взялъ себѣ Владимірскую епархію, пославъ Владимірскаго епископа въ Ростовъ.

Такому возвышенію и иногда произвольнымъ дѣйствіямъ митрополита противились было на первыхъ порахъ епархіальные владыки. Они или жаловались на него Константинопольскому патріарху, *) или рѣшительно отказывались ему повиноваться. Это особенно часто замѣчается въ Новгородѣ. Такъ архіепископъ Моисей жаловался въ 1353 г. на „непотребныя вещи, происходящія съ насиліемъ отъ митрополита“—именно на поборы его въ Новгородѣ и на то, что Моисей былъ обдѣленъ крестчатами ризами; преемникъ его Алексій самовольно надѣлъ на себя такія ризы и не слушался митрополита, когда тотъ запрещалъ ему ихъ носить. Въ 1385 г. новгородцы не только не дозволили митроп. Пимену мѣсячнаго суда, но и дали клятвенное обѣщаніе

*) Напр. Чудовъ Московскій, Благовѣщенскій Нижегородскій, Константиновскій и Борисоглѣбскій Владимірскіе.

*) Андрей Тверской—на Петра, Моисей Новгородскій—на Феогноста, Діонисій Суздальскій—на Митяя.

на вѣчѣ „не зваться имъ никогда на судъ къ митрополиту, а судиться у своего архіепископа“. Патріархъ, узнавъ объ этомъ, грамотой требовалъ подчиниться митрополиту, но новгородцы съ пренебреженіемъ ее бросили и остались при своемъ рѣшеніи (1390 г.). Въ слѣдующемъ году они высказали о своемъ постановленіи митроп. Кипріану, когда онъ явился въ Новгородъ, и отказали ему въ судѣ. Кипріанъ наложилъ на весь Новгородъ отлученіе, запретилъ въ немъ церковныя службы и удалился, не преподавъ никому благословенія. Но и это не смутило новгородцевъ: владыка и священники по прежнему продолжали совершать всѣ церковныя службы; послано даже было въ Константинополь посольство съ докладомъ новгородцевъ, что они не хотятъ „судиться у митрополита, не хотятъ, чтобы онъ унижалъ новгородскаго епископа, чтобы митрополитъ приходилъ въ Новгородъ и судилъ въ теченіи одного мѣсяца или чтобы прислалъ къ нимъ своего человѣка для суда“; что если патріархъ не исполнитъ ихъ просьбы, то они „сдѣлаются латинами“. Только побѣда Димитрія Донскаго, который добивался отъ Новгорода „чернаго бора“, заставила ихъ смириться, искать благословенія у московскаго митрополита, съ почетомъ принять новую патріаршую грамоту и дать митрополиту судъ. Иногда новгородскіе владыки, вмѣстѣ съ новгородцами враждуя противъ Москвы, обращались за благословеніемъ къ югозападному митрополиту и считали себя независимыми отъ Московскаго (Евфимій II XV вѣка); иногда же откладывали года на 2—3 полученіе благословенія отъ послѣдняго. Константинопольскіе патріархи въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно стояли на сторонѣ митрополита, подтверждали его рѣшенія и въ своихъ грамотахъ заявляли тому или другому епископу: „ты долженъ оказывать святѣйшему митрополиту своему покорность, къ какой ты обязанъ... А если ты не будешь оказывать въ отношеніи къ своему митрополиту... подобающей покорности по своей обязанности, то знай, что онъ уполномоченъ отъ нашей мѣрности дѣлать съ тобою все, на что имѣетъ право по канонамъ, и то, что въ такомъ случаѣ будетъ имъ сдѣлано, непременно будетъ утверждено согласіемъ и нашей мѣрности. И ты не найдешь отъ насъ

совершенно никакой помощи, если паче чаянія явишься непослушнымъ и непокорнымъ къ утвержденному митрополиту твоему“. Но впрочемъ не столько эти грамоты, сколько естественный ходъ государственной жизни, заставили смолкнуть епископовъ, прежде протившихся митрополиту. Именно въ основѣ подобныхъ протестовъ обыкновенно была политическая борьба между Москвою и другими городами и протесты поддерживались удѣльными князьями или народнымъ вѣчемъ. Поэтому, когда пало удѣльновѣчевое устройство и московскій князь собралъ Русь, вмѣстѣ съ этимъ и епархіи собрались вокругъ кафедры московскаго митрополита. Тогда даже новгородскіе архіепископы стали ѣздить въ Москву. для совѣта съ митрополитомъ. Установившееся избраніе епархіальныхъ епископовъ въ Москвѣ, давая митрополиту возможность участвовать въ ихъ выборѣ, въ свою очередь конечно немало гарантировало митрополичью власть отъ оппозиціонныхъ элементовъ.

Московскій митрополитъ такимъ образомъ сталъ въ совершенно начальническое отношеніе къ епархіальнымъ владыкамъ: прежде бывшее пустымъ титуломъ слово „господинъ или государь“ теперь сдѣлалось дѣйствительнымъ выраженіемъ отношеній Московскаго митрополита къ епископамъ. Онъ не могъ равнодушно выслушивать, когда ктонибудь изъ нихъ называлъ его „братомъ“, и даже посылалъ такому письменный выговоръ. Если прибавить къ этому постепенное освобожденіе отъ власти патріаршей, то окажется, что московскій митрополитъ въ данное время распоряжался дѣлами русской церкви самовластно, какъ бы на правахъ патріарха. Не даромъ поэтому титуловали его „святѣйшимъ“. Въ южной Россіи не было такого возвышенія; ослушаніе епископовъ было здѣсь обычнымъ даже въ XVI вѣкѣ.

Но тоже самое, что возвышало митрополита надъ епископами, вмѣстѣ подготовляло и *ограниченіе* его власти. Это ограниченіе шло съ двухъ различныхъ сторонъ: 1) уничтоженіе удѣловъ и собраніе Руси около Москвы возвысивъ свѣтскую правительственную власть, въ зависимость отъ нея поставило Московскаго митрополита; 2) Права патріарха, потерянные имъ въ отношеніи къ русскому мит-

рополиту, въ концѣ XV вѣкѣ перешли къ собору мѣстныхъ іерарховъ и такимъ образомъ этотъ послѣдній связалъ освободившагося было, митрополита.

1) При установившемся порядкѣ избранія митрополитовъ дома—въ Россіи, естественно, московскій князь получилъ сильное вліяніе на самый выборъ нашихъ первосвятителей и нерѣдко возводилъ на кафедру людей ему преданныхъ и послушныхъ. Извѣстно, напр., что Димитрій Донской, не смотря на долгое сопротивленіе митрополита Алексія, добился при его жизни „нареченія“ митрополитомъ своего духовника Митяя или Михаила; самъ же по своей волѣ избралъ Діонисія Суздальскаго при жизни митрополита Пимена, а митрополитовъ, поставленныхъ безъ его согласія, иногда не принималъ, напр., Кипріана и Пимена. Съ XVI вѣка наши Московскіе государи стали даже обходить соборное избраніе митрополитовъ, сами возводя ихъ на кафедру. Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ иностранецъ, посѣтившій тогда Россію: „прежде митрополиты и архіепископы избирались здѣсь соборомъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ... А нынѣшній государь (Василій III), говорятъ, обыкновенно призываетъ къ себѣ извѣстныхъ ему и самъ изъ числа ихъ избираетъ одного по своему усмотрѣнію“. Такъ напр., были избраны Варлаамъ, Даніиль и Филиппъ II. Если же въ подобныхъ случаяхъ иногда и созывался соборъ святителей, то это было лишь формальной прикрасой, состоявшагося напередъ, единоличнаго государева выбора. „По волѣ“ и подъ давленіемъ царя соборъ даже иногда погрѣшалъ противъ церковныхъ канонівъ; напр., митрополита Іоасафа онъ поставилъ раньше, чѣмъ прежній митрополитъ успѣлъ отречься отъ кафедры. Такое же участіе, если не большій произволь, въ избраніи митрополитовъ практиковалось со стороны свѣтской власти и въ югозападной Россіи. Петръ, Романъ, Антоній и Θεодосій полоцкій были избраны единолично самими великими князьями Галицкими, Литовскими и Польскими. Григорій Цамблакъ избранъ по указанію Витовта, почему послѣдній и счелъ нужнымъ съ своей стороны въ оправданіе этого разослать окружное посланіе. Въ половинѣ XV вѣка Поль-

сколитовскіе короли между другими правами надъ церковною жизнью усвоили себѣ и право утвержденія епископовъ (*jus investiturae*), подъ прикрытіемъ этого права прямо вліяя на ихъ выборъ, или даже единолично избирая ихъ. При такомъ положеніи дѣла естественно, что и на сѣверѣ и на югѣ Россіи митрополитъ нѣсколько обязывался предъ свѣтскою властью и эта послѣдняя старалась о проведеніи на митрополичью каѳедру лицъ послушныхъ и уступчивыхъ. Таковы напр. при Іоаннѣ IV, Кирилль IV, Антоній и Діонисій. Съ митрополитами же, противъ которыхъ были настроены враждебно, князья наши поступали довольно сурово. Димитрій Донской сажаетъ въ тюрьму митрополита Кипріана и Пимена, когда они пріѣхали въ Москву, также совершенно произвольно низлагаетъ Кипріана послѣ его возвращенія изъ Твери, когда онъ убѣждалъ отъ Тохтамыша; митрополита Геронтія едва не лишилъ каѳедры великій князь Іоаннъ III за то, что тотъ разъ при освященіи храма совершалъ крестный ходъ не по солнцу (не „по солонь“); митрополитъ Варлаамъ былъ посаженъ за что-то въ заточеніе Василиемъ III; митрополитъ Даніиль въ малолѣтство Іоанна IV былъ низвергнутъ съ престола Шуйскими, захватившими въ свои руки управление государствомъ. Особенно произвольно обращался съ митрополитами царь и великій князь Иванъ Васильевичъ. Митрополитъ Аѳанасій, видя, что ничего не можетъ сдѣлать съ буйной и развратной опричиной, которую учредилъ царь и съ которой самъ упивался кровью своихъ подданныхъ, счелъ за лучшее оставить каѳедру. На мѣсто его былъ выбранъ архіепископъ казанскій Германъ; когда онъ отказывался занять каѳедру, то былъ „принуждаемъ“ къ тому царемъ и соборомъ. Но чрезъ два дня, когда Германъ осмѣлился дѣлать увѣщанія и совѣты царю, онъ послалъ изгнать его изъ митрополичьихъ палатъ и объявить ему: „ты еще и на митрополию не возведенъ, а уже связываешь меня неволею“. На мѣсто него былъ избранъ игумень Соловецкаго монастыря, Филиппъ II. Этотъ, подобно Герману, отрекался, но „понуждаемый“ на митрополию, смѣло требовалъ уничтоженія опричины, какъ неперемѣннаго условія своего вступленія на каѳедру. Разгнѣванный царь велѣлъ ему сказать, чтобы онъ „въ опри-

чину и царскій домовый обиходъ не вступался и на митрополию ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ее изъ-за того, что царь не отмѣнилъ опричины и не велѣлъ ему вступаться въ царскій домовый обиходъ, а совѣтывалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтывали съ отцемъ его и дѣдомъ...“ Филиппъ уступилъ. Но чрезъ нѣсколько времени сначала тайно на единѣ, а потомъ публично сталъ обличать царя за дѣйствія опричины. Послѣдній началъ гнѣваться. Разъ 22 марта 1568 г. онъ пришелъ въ соборную церковь. Митрополитъ обратился къ нему съ такою рѣчью: „о державный царь!... Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону... Какъ смертный не превозносишь, а какъ образъ Божій, не увлекайся гнѣвомъ... Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь; у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого...“ — „Что тебѣ — чернецу за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ?— со злобой отвѣчалъ ему царь... одно тебѣ говорю, отче святой: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію“. Святитель продолжалъ свои увѣщанія; царь вскрикнулъ: „Филиппъ, не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ“, и, наморщивъ лобъ, вышелъ изъ церкви. Чрезъ нѣсколько дней снова открылось подобное столкновеніе между царемъ и митрополитомъ въ Успенскомъ соборѣ. Царь пришелъ сюда съ опричниками въ черныхъ одеждахъ съ высокими шлыками на головахъ и просилъ у митрополита благословенія. Тотъ молчалъ. Бояре сказали ему: „свягый владыко! къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ благословенія“. Тогда Филиппъ отвѣчалъ грозною рѣчью: „Въ семь видѣ, въ семь одѣяніи странномъ не знаю царя православнаго. Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія: на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ и у язычниковъ есть права, въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣчать милосердіе, — а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь

христіанская. Ты самъ просишь прощенія во грѣхахъ своихъ предъ Богомъ,—прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою.... „Разсерженный царь закричалъ: о Филиппъ! нашу волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами“... на замѣчанія святителя сталъ махать руками, грозить изгнаніемъ и муками. Опричники старались усилить въ Іоаннѣ эту злобу къ святителю. Разъ (28 іюля) во время крестнаго хода вокругъ Новодѣвичьяго монастыря митрополитъ только—что хотѣлъ читать евангеліе, какъ замѣтилъ на одномъ опричникѣ тафью, и сказалъ государю: „чтеніе слово Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ неокровенною головою, а эти откуда взяли агарянской обычай предстоять здѣсь съ покрытыми главами?— „Кто такой?“ спросилъ царь и, обернувшись, ни на комъ не замѣтилъ тафьи; а когда ему сказали, что митрополитъ говорить неправду, издѣваясь надъ его царскою державою, онъ вышелъ изъ себя и публично называлъ святителя лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ. Наряженъ былъ по требованію царя судъ надъ митрополитомъ. Въ Соловецкомъ монастырѣ нашлись лица, которыя поддались на царскія ласки, обѣщанія и угрозы и представили клеветы на митрополита.

На соборѣ, куда онъ былъ призванъ, онъ даже не хотѣлъ оправдываться и, объявивъ, что онъ не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ снѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени, началъ снимать съ себя знаки своего сана. Царь велѣлъ ждать судебного приговора. Этотъ послѣдній скоро состоялся и былъ объявленъ всенародно въ церкви архангела Михаила, гдѣ святитель служилъ обѣдню. Опричники здѣсь же сняли съ него святительское облаченіе, одѣли въ разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и отвезли въ Богоявленскій монастырь. Царь хотѣлъ было съечь митрополита, по обвиненію въ волшебствѣ, но ограничился заключеніемъ его въ сырой тюрьмѣ и ссылкой въ Отрочь Тверской монастырь, гдѣ на слѣдующій годъ (23 декабря 1569 года) приближенный царя Малюта Скуратовъ задушил его подушкою. Болѣе произвольнаго обращенія съ митрополитомъ, кажется, невозможно и представить. Естественно, что при такомъ отношеніи великихъ князей къ мит-

рополиту, этотъ послѣдній чувствовалъ себя шаткимъ на каедрѣ и чтобы, удержаться на ней, долженъ былъ угождать князю. Потому то митрополиты: Аѳанасій, Кирилль IV и Антоній молчали, видя, какъ Іоаннъ IV губить народъ. По этому же митрополитъ Даниль соглашался на не законныя и безнравственныя дѣйствія Василя Ивановича, какъ напр. нарушение клятвы, данной князю Василю Шемячичу въ его безопасности, или разводъ царя съ безплодной женой Соломоніей, насильственное постриженіе ея въ инокини и вступленіе царя въ бракъ съ Еленой Глинской, а Іосифъ Болгариповичъ, южнорусскій митрополитъ, даже старался въ угоду Польскому королю о введеніи латинской уніи въ средѣ православныхъ.

Поставленные въ такую тѣсную зависимость отъ воли князя, митрополиты, естественно, могли терпѣть притязанія его на вмѣшательство въ ихъ права и въ церковное управленіе. Это было и на самомъ дѣлѣ.

Уже извѣстно, что въ южной митрополіи Польсколитовскіе короли съ половины XV вѣка пользовались правомъ утвержденія избранныхъ епископовъ, получивъ это право по наслѣдству отъ Волынскихъ князей; впрочемъ однимъ утвержденіемъ они не довольствовались, а стали сами раздавать епископскія каедры тѣмъ или другимъ лицамъ, — большею частью изъ свѣтскаго сословія, — и иногда заразъ двоимъ-троимъ одну каедру ; а Сигизмундъ I предоставлялъ пользоваться этимъ правомъ даже своей женѣ . Митрополиту оставалось только рукополагать избранныхъ. Короли заступались за поставленныхъ ими епископовъ, пусть бы они были недостойны и не удовлетворяли требованіямъ церковныхъ правилъ ; равнымъ образомъ и въ сильныхъ князьяхъ епископы находили себѣ нерѣдко горячихъ защитниковъ; поэтому-то часто епископы ослушались митрополита. Естественно, что чрезъ это ограничивалось право митрополичьяго суда. Короли даже трактовали судъ надъ епископами, какъ дѣло принадлежащее по праву только имъ — и принимали жалобы на епископовъ . Митрополитъ судилъ епископа только тогда, когда это представлялъ ему самъ король . Въ сѣверной Россіи, хотя притязанія свѣтской власти не доходили до такихъ размѣровъ, однако бывали случаи, когда

великіе князья сами производили судъ и казнь надъ епископами или заступались за нихъ въ спорѣ съ митрополитомъ. Напр., Іоаннъ III заключилъ въ заточеніе Новгородскаго архіепископа Теофила, когда Новгородъ нарушилъ договоръ съ Московскимъ княземъ и передавался Казиміру Литовскому (1480 г.) ; подобнымъ образомъ Василій III сослалъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей Смоленскаго епископа Варсанофія, подозрѣваемаго въ передачѣ Смоленска польскому королю Сигизмунду (1515 г.) ; Іоаннъ III заступился за архіепископа Ростовскаго Вассіана, когда митрополитъ Геронтій взялъ у него Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь и передалъ князю Верейскому (1478 г.) . Іоаннъ IV заточилъ Новгородскихъ епископовъ Серапіона и Пимена, по подозрѣнію въ поддержкѣ Новгородскаго возстанія (1570 г.), а Леонида (1576 г.) велѣлъ лишить жизни (по однимъ сказаніямъ — удавить, по другимъ — зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками).

Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи свѣтская власть нерѣдко брала въ свое непосредственное вѣдѣніе монастыри въ предѣлахъ епископскихъ или даже митрополичьей епархіи. Въ „княжихъ“ монастыряхъ самъ князь назначалъ настоятеля, самъ заправлялъ жизнью монастыря, самъ даже судилъ настоятеля, а митрополиту запрещалъ его „судить и радить“, кромѣ дѣлъ собственно духовныхъ, когда тотъ долженъ участвовать въ судѣ вмѣстѣ съ князьями . На югѣ Россіи такіе монастыри даже передавались нерѣдко въ управленіе, или — лучше сказать — въ аренду свѣтскимъ лицамъ за какія-нибудь гражданскія заслуги или за деньги, и король считалъ себя въ правѣ такъ дѣлать (право подаванія или покровительства — *jus patronatus*). Впрочемъ ставить настоятелей осмѣливались князья Московскіе и короли Польскіе не въ одни только княжи монастыри; равнымъ образомъ сами же произвольно переводили ихъ изъ одного монастыря въ другой. Митрополиту оставалось въ этихъ случаяхъ лишь исполнять требованія князя. Право же утвержденія избираемыхъ архимандритовъ и игуменовъ считалось за обычное право князей какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи; и вотъ что говоритъ на этотъ счетъ 86 отвѣтъ Стоглаваго собора (1551 г.): „по-

вельвають св. правила избирати митрополиту и архіепископомъ, и епископомъ, коемуждо въ своемъ предѣлѣ, архимандритовъ и игуменовъ въ честныя монастыри, и избравъ посылають къ благочестивому царю, и аще будетъ Богу угоденъ и царю, и таковъ... да поставленъ будетъ". Право созывать на соборы епархіальныхъ епископовъ также подвергалось ограниченіямъ. Для этого нужно было согласіе великаго князя; онъ же и утверждалъ своею грамотою соборныя постановленія; самъ иногда присутствовалъ и вельпренія на соборѣ; самъ иногда и настаивалъ на созваніе собора, — хотя бы для маловажныхъ вопросовъ, которые можно было рѣшить иначе; иногда же въ южной Россіи принималъ и апелляціи на соборныя рѣшенія. Митрополить только съ согласія великаго князя могъ измѣнять штатъ своихъ домовыхъ слугъ; на югѣ же Россіи нерѣдко король приурочивалъ себѣ право ставить митрополичьяго „справцу“ (намѣстника), или уполномочивалъ на это кого нибудь еще, напр. Сигизмундъ I—Львовскаго католическаго аруибискупа. Наконецъ всѣ вообще важныя распоряженія свои митрополить могъ выполнять не иначе, какъ съ согласія великаго князя; поэтому-то епископы по дѣламъ церковнымъ, сносясь съ митрополитомъ, обыкновенно вмѣстѣ сносились съ великимъ княземъ, и отъ обоихъ получали рѣшеніе.

2. Съ освобожденіемъ отъ Константинопольскаго патріарха и съ возвышеніемъ на Руси соборовъ, митрополить утратилъ свою судебную власть надъ епископами. Между тѣмъ какъ прежде онъ иногда единолично судилъ и низлагалъ ихъ, теперъ онъ могъ дѣлать это лишь съ своимъ „освященнымъ“ епископскимъ соборомъ, который можно назвать „домашнимъ“. За митрополитомъ осталось въ отношеніи къ судебному процессу право дѣлать внушенія провинившемуся епископу, уговаривать его оставить свою кафедру и даже производить предварительное слѣдствіе; а самый судъ производился соборно и утверждался царскою печатью.

Вообще русскій митрополить, быстро возвышавшійся надъ епископами и въ своемъ отношеніи къ патріарху, съ конца XV вѣка вдругъ еще быстрѣе сталъ терять свое высокое

положеніе. Свѣтская власть съ одной стороны и духовные соборы съ другой — такъ съзузили его власть, что онъ по отношенію къ епархіямъ остался лишь ограниченнымъ администраторомъ, безъ прежнихъ судебныхъ правъ. До болѣе крайней степени дошло это стѣсненіе въ юго западной митрополіи, тѣмъ болѣе, что тамъ и власть патріарха еще признавалась.

Стоя во главѣ управленія Русскою церковію, митрополиты вмѣстѣ съ тѣмъ были и епархіальными архіереями. Епархіи ихъ иногда были очень обширны; въ своей епархіи митрополитъ былъ главою духовенства и мірянъ, судьей ихъ и учителемъ, а вмѣстѣ и хозяиномъ церковныхъ вотчинъ. Такимъ образомъ дѣлъ у митрополита было такъ много, что одному ему невозможно было ихъ выполнять. Поэтому надобились помощники.

Ихъ и дѣйствительно было при немъ не мало. Одни помогали ему вѣдать дѣла епархіальныя, и были тѣже, что у всѣхъ епархіальныхъ владыкъ; другіе же были помощниками собственно по митрополичьему управленію. Такими прежде всего служили епископы по преимуществу сосѣднихъ епархій, съѣзжающіеся въ Москву по вызову митрополита, особенно чisto является въ Москвѣ Коломенскій епископъ, который иногда даже временно управляетъ вакантною митрополіей. Со времени же закрытія Сарайской епархіи, когда епископъ ея поселился въ Москвѣ на Крутицахъ, въ лицѣ его явился постоянный викарій у Московскаго митрополита. Соотвѣтственно своему церковногражданскому значенію и богатству, митрополитъ имѣлъ значительный штатъ служителей. Между ними, какъ и у великаго князя, мы видимъ бояръ, боярскихъ отроковъ, стольниковъ, постельничихъ, печатниковъ и т. п. У митрополита даже было свое войско, надъ которымъ онъ самъ ставилъ воеводу, которое во время походовъ становилось подъ стяги Московскаго князя. Избраніе, или „нареченіе“ митрополитовъ производилось не всегда по смерти наличнаго владыки: такъ напр. при жизни митрополитовъ были наречены имъ преемники: Алексій, Митяй, Фотій, Іона, Ѳеодосій. Особенно часто это практиковалось въ южной митрополіи. Всѣхъ митрополитовъ за данный періодъ было въ сѣверной Руси 25 и въ

югозападной—19 *). Большинство изъ нихъ были родомъ русскіе, хотя встрѣчались иногда греки и балканскіе славяне. Существенными заботами ихъ были отстаиваніе правъ и привилегій церкви предъ монгольскими ханами, великими князьями московскими, литовскими королями польскими, приведеніе въ порядокъ церковнаго управленія, уничтоженіе обнаружившихся недостатковъ въ духовенствѣ, упорядоченіе богослужебнаго строя, нравственное вліяніе на паству и посильная служба интересамъ государства. По *церковной* дѣятельности болѣе выдающимися митрополитами являются: Кирилль III, Максимъ, Петръ, Феогность, Алексій, Кипріанъ, Фотій, Θεодосій, Даниль, Макарій, (въ сѣверной митрополи); Григорій Цамбланъ, Іосифъ II. Салтанъ и Іона III Протасовичъ (въ южной митрополи).

Митрополитъ *Кирилль III* вступилъ на митрополищю кафедру тогда, когда митрополичій дворъ стоялъ раззореннымъ и опустошеннымъ отъ татаръ, когда нѣкоторыя епархіи вдовствовали и священническія мѣста не всѣ были заняты. По этому, не оставаясь къ Кіеву, онъ посвятилъ свои труды на разъѣзды по сѣвернымъ и южнымъ епархіямъ, всюду ставилъ епископовъ и низшихъ клириковъ, „училъ, наказывалъ и въ порядокъ все приводилъ“. Познакомившись лично съ недостатками въ іерархіи и въ богослужебномъ строѣ, онъ позаботился выписать изъ Болгаріи Номоканонъ и дать его въ руководство русскому духовенству; на Владимірскомъ соборѣ 1274 г. предложилъ епископамъ сообща выработать мѣры къ исправленію указанныхъ недостатковъ и составленныя здѣсь правила опубликовалъ по всѣмъ епархіямъ. Наконецъ онъ постарался выхлопотать у хановъ Золотой Орды ярлыки, гарантировавшіе всѣ права и привилегіи русской церкви.

*) Въ *сѣверной* Руси: Кирилль III, Максимъ, Петръ, Феогность, Алексій, Кипріанъ, Пименъ, Фотій, Герасимъ, Исидоръ, Іона, Θεодосій, Филиппъ I, Геронтій, Зосима, Симонъ, Варлаамъ. Даниль, Іосафъ, Макарій, Аванасій, Филиппъ II, Кирилль IV, Антоній и Діонисій.

Въ *югозападной* Руси: Галицкій епископъ, неизвѣстный по имени, Романъ, Антоній, Григорій Цамблакъ, Григорій Булгаръ, Мисаиль, Спиридовъ, Сямонъ, Іона Глезна, Макарій, Іосифъ Болгариновичъ, Іона II, Іосифъ II Солтанъ, Іосифъ III, Макарій II, Сильвестръ Бѣлькевичъ, Іона III Протасовичъ, Илья Куча, и Онисифоръ Петровичъ Дѣвочка.

Митрополитъ *Максимъ* (1283 — 1305), родомъ грекъ, пошелъ по стопамъ своего предшественника. Утвердивъ свою кафедру во Владимірѣ на Клязьмѣ, онъ побывалъ въ Ордѣ для полученія ханскаго ярлыка. объѣзжалъ русскія епархіи и непосредственно слѣдилъ за ихъ состояніемъ, своимъ „Правилкомъ“ ввелъ однообразіе въ практикѣ касательно недѣльныхъ постовъ, и наконецъ участвовалъ въ выработкѣ правилъ касательно богослуженія на константинопольскомъ соборѣ 1301 года.

Митрополитъ *Петръ* (1308—1326 г.) происходилъ отъ благочестивыхъ родителей, проживавшихъ на Волыни; рано выучился грамотѣ и двѣнадцати лѣтъ поступилъ въ монастырь; здѣсь изучилъ иконописаніе и написанныя иконы или раздавалъ даромъ, или продавалъ, обращая вырученныя деньги на помощь нищимъ, служилъ въ пекарнѣ и совершалъ черныя работы на братію, пока не удостоился сана іеродіакона и чрезъ нѣсколько времени—іеромонаха. По благословенію своего наставника, въ уединенномъ мѣстѣ на рѣкѣ Ратѣ онъ основалъ свой монастырь и, управляя имъ въ качествѣ игумена скоро прославился своими подвигами во всей Волыни. Этимъ и объясняется его избраніе на митрополичью кафедру. Во все время своего правленія св. Петръ продолжалъ вести странническую жизнь, передвигаясь съ мѣста на мѣсто; вездѣ „училъ заблудшихъ христіанъ, толковалъ и излагалъ евангельскія и апостольскія писанія, вездѣ ставилъ клириковъ и наставлялъ ихъ“; ѣздилъ въ Орду и подобно предшественникамъ выхлопоталъ у Узбека ярлыкъ. Свидѣтельствомъ его заботъ объ іерархіи и паствѣ осталось „поученіе игуменомъ, попомъ“ и діакonomъ. Въ концѣ своей жизни онъ поселился въ Москвѣ, заложилъ здѣсь каменный храмъ Успенія Божіей Матери и устроилъ при немъ гробъ для себя.

Митрополитъ *Феоноста* (1328 — 1353), родомъ грекъ, поселился въ домѣ своего предшественника въ Москвѣ, но постоянно объѣзжалъ епархіи, разъ былъ въ Греціи и два раза въ Ордѣ. Во второй разъ (1342) кто то изъ русскихъ донесъ Чанибеку, что Феоноста получаетъ много дохода съ духовенства; тотъ началъ требовать, чтобы онъ ежегодно вносилъ дань за себя и все русское духовенство. Феоноста,

не смотря на истязанія, долго не соглашался и достигъ того, что получилъ желаемые ярлики отъ Чанибека и его жены Тайдулы съ утвержденіемъ всѣхъ прежнихъ привиллегій русской церкви. Охраняя предѣлы своей митрополи, Θεогность долженъ былъ вести борьбу съ галицкимъ епископомъ и инокомъ Θεодоритомъ, которые хотѣли отторгнуть отъ его власти южно-русскія епархіи.

Митрополить *Алексій* (1354—1378 г.) происходилъ отъ знатнаго боярина Θεодора, который пришелъ изъ Чернигова въ Москву, здѣсь пользовался благосклонностью великаго князя Давида Александровича и занималъ почетное мѣсто. Елеверій (мірское имя Алексія) рано изучилъ грамоту и „всѣмъ книгамъ извыче“, съ 12 лѣтъ въ немъ обнаружилась необыкновенная перемѣна: онъ сталъ молчаливъ, бросилъ дѣтскія игры, непрестанно читалъ книги и подвизался въ постѣ и молитвѣ. Двадцати лѣтъ онъ уже дѣлается инокомъ въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и здѣсь горячо отдается иноческимъ подвигамъ, по прежнему занимаясь чтеніемъ книгъ. Болѣе двадцати лѣтъ онъ прожилъ здѣсь, пока полюбившій его митрополить Θεогность, не взялъ его къ митрополичьему двору и не сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ. Лѣтъ чрезъ 12 онъ получилъ епископскую каѳедру во Владимірѣ и при жизни Θεогноста нарекается митрополитомъ. Получивши въ Констанчинополѣ рукоположеніе, Алексій долженъ былъ бороться съ Θεодоритомъ, Романомъ, Автономъ и Киприаномъ, отдѣлившими южно-русскія епархіи отъ Московской митрополичьей каѳедры и даже желавшими низложить Алексія. Но онъ не оставлялъ и своихъ пастырскихъ заботъ: объѣзжалъ епархіи, ѣздилъ въ Орду и получалъ тамъ обычные ярлики (отъ Чанибека и Бердибека). Разъ онъ былъ вызванъ туда ханомъ Чанибекомъ по слѣдующему случаю. Жена Чанибека Тайдула лишилась зрѣнія; ничто не помогало. Ханъ, до котораго дошли слухи о силѣ молитвъ и чудотвореніяхъ Алексія, съ угрозою вызвалъ его для исцѣленія болящей. Святитель отслужилъ молебенъ въ Московской соборной церкви и во время его получилъ ободрительное для себя знаменіе: свѣча у раки св. Петра зажглась сама собой; явившись въ Орду, св. Алексій совершилъ молебенъ, зажегъ свѣчу, сдѣланную изъ воска

той, которая чудесно зажглась въ Москвѣ, освятилъ воду, окропилъ ею царицу, и та немедленно прозрѣла. Святитель не чуждался и литературной дѣятельности.

Митрополитъ *Кипріанъ* (1376—1406 г.), родомъ сербъ, съ невыгодной стороны выказавшій себя во время борьбы митрополита Алексія съ Ольгердомъ, однако послѣ окончательнаго занятія московской каѳедры (1390 г.) показалъ себя очень дѣятельнымъ и достойнымъ митрополитомъ. Онъ объѣзжалъ сѣверовосточныя и югозападныя епархіи, подчинилъ новгородцевъ своему мѣсячному суду, въ которомъ они ему было отказали; много потрудился для возстановленія и утвержденія церковнаго суда, для огражденія и уясненія вотчинныхъ митрополичьихъ правъ и даней съ духовенства. Но особенно много заботился онъ объ упорядоченіи богослуженія; для этого разсылалъ по епархіямъ различныя церковныя чинопослѣдованія и уставы, иногда написанныя собственноручно, исправлялъ въ богослужебныхъ книгахъ замѣченныя ошибки, самъ перевелъ съ греческаго языка служебникъ, писалъ наставленія касательно богослужебной практики и снабжалъ церкви антиминсами. Впрочемъ среди этихъ заботъ онъ не оставлялъ и литературной дѣятельности, памятникомъ чего осталось нѣсколько — по преимуществу историческихъ — сочиненій-

Митрополитъ *Фотій* (1408—1431 г.), родомъ морейскій грекъ, съ юныхъ лѣтъ подвизавшійся въ пустынѣ. По вступленіи на московскую каѳедру онъ энергично занялся папствою: словесно и письменно онъ побуждалъ мірянъ и духовенство оставить дурные обычаи и исправиться; когда явилась секта стригольниковъ, онъ употреблялъ мѣры къ ея подавленію; возстановилъ опустошенный митрополичій домъ и возвратилъ митрополичьей каѳедрѣ всѣ угодья и земли, большинство которыхъ по смерти Кипріана было расхищено князьями, боярами и другими лицами; заботился объ единствѣ раздѣлившейся русской митрополии и успѣлъ добиться желаемаго по смерти Григорія Цамблака; наконецъ, по примѣру своего предшественника, не мало сдѣлалъ для богослужебнаго строя.

Митрополитъ *Теодосій* (1461—1464 г.), до занятія московской каѳедры былъ 10 лѣтъ архимандритомъ Чудова

монастыря въ Москвѣ, и около 7 лѣтъ Ростовскимъ архі-епископомъ. Какъ въ Ростовѣ, такъ и въ Москвѣ, онъ заявилъ себя ревностнымъ исправителемъ духовенства. Онъ самъ напр. совершилъ путешествіе въ Бѣлозерскъ, чтобы вразумить на мѣстномъ съѣздѣ Бѣлозерское бѣлое и черное духовенство, которое, наставленій отъ божественнаго писанія и правилъ св. Отцевъ слышать не хотѣло, о церковномъ исправленіи своемъ стадѣ не брегло и всячески заблудило отъ праваго пути, но въ Ростовѣ на глаза къ епископу не показывалось. Въ Москвѣ, видя лѣность и зазорную жизнь духовенства, онъ каждую недѣлю созывалъ его къ себѣ и поучалъ; нѣкоторыхъ—священниковъ и диаконовъ лишалъ священства, а вдовыхъ постригалъ въ монахи. Но все это не понравилось духовенству; поднялся ропотъ. Митрополитъ огорчившись оставилъ митрополичій престолъ и проживалъ 11 лѣтъ въ Чудовомъ монастырѣ, ухаживая за однимъ разслабленнымъ и прокаженнымъ старцемъ; подъ конецъ своей жизни перешелъ въ Сергіеву лавру, гдѣ и скончался.

Митрополитъ *Даніиль* (1522—1532 г.) до вступленія на кафедру нѣсколько лѣтъ подвизался въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ „въ трудахъ, постѣ и молитвѣ“, снискалъ уваженіе братіи и выбранъ былъ игуменомъ. Онъ былъ богословски начитанъ и оставилъ послѣ себя не мало сочиненій. Въ нихъ—словахъ и посланіяхъ—онъ обличаетъ современные пороки мірянъ и духовенства, вооружается противъ вольномыслія и остатковъ ереси жидовствующихъ, даетъ наставленія тѣмъ или другимъ лицамъ касательно образа жизни, отвѣчаетъ на поставленный тогда вопросъ о правѣ владѣнія монастырей землями и въ свое время стоитъ во главѣ сильной литературно-церковной партіи Іосифлянъ. Какъ человѣкъ, дорожившій просвѣщеніемъ, онъ естественно покровительствовалъ иноку Максиму греку въ дѣлѣ перевода святоотеческихъ твореній; но чрезъ нѣсколько времени по честолюбію, не нашедшему удовлетворенія со стороны свободнаго и правдимаго Максима, онъ сталъ питать къ нему непримиримую злобу. По дѣлу развода великаго князя съ женой и по дѣлу Василя Шемякича Даніиль также показалъ въ неприглядномъ свѣтѣ свою нрав-

ственную личность. По неудовольствію князей Шуйскихъ, Даніилъ долженъ былъ оставить кафедру и выдать грамоту, которой признавалъ свою неспособность къ такому высокому служенію и отрекался отъ митрополіи.

Митрополитъ *Макарій* (1542—1563 г.), сначала архимандритъ Можайскаго Лужецкаго монастыря, потомъ Новгородскій архіепископъ и наконецъ митрополитъ Московскій, былъ выдающимся дѣятелемъ. Управляя Новгородской епархіей, онъ расширилъ, обновилъ и богато украсилъ Софійскій соборъ, исправлялъ права духовенства, уничтожалъ беспорядки въ монастыряхъ и вводилъ въ нихъ общежительный уставъ, отправлялъ миссіонеровъ на дальній сѣверъ и принималъ мѣры къ уничтоженію язычества у новокрещенныхъ инородцевъ. Но самымъ любимымъ и главнымъ занятіемъ Макарія было книжное дѣло. Хотя онъ самъ писалъ и не много, но за то поручилъ другимъ или переводить полезныя книги, или составлять вновь жизнеописанія святыхъ, содержалъ при себѣ множество лиццовъ, самъ собиралъ и другимъ поручалъ собирать житія, книги св. Писанія, творенія св. отцевъ и другія назидательныя произведенія, самъ просматривалъ и исправлялъ рукописи. Памятникомъ такихъ трудовъ остались Четыи — Минеи и Степенной списокъ (продолженіе и дополненіе Степенной книги). Сдѣлавшись митрополитомъ, Макарій не оставилъ прежней заботы о собираніи житій; подъ его предсѣдательствомъ и по его инициативѣ на соборахъ 1547 и 1549 г. было канонизовано нѣсколько русскихъ святыхъ; въ 1553 г. разсматривалось дѣло еретиковъ Феодосія Косаго, Башкина, Висковатаго и другихъ, 1551 г. на Стоглавомъ соборѣ подъ его предсѣдательствомъ и руководствомъ, выработывались правила касательно церковнаго управленія, суда, церковныхъ вотчинъ, жизни духовенства и мірянъ, богослуженія и духовнаго просвѣщенія. Въ редактированіи Стоглавника—сборника постановленій этого собора—онъ принималъ личное участіе, и самъ обнаруживалъ ихъ своими грамотами.

Григорій Цамблакъ (1416—1419 г.) родомъ сербъ, племянникъ митрополита Кипріана, проходилъ различныя церковныя должности въ Болгаріи, Малдавіи и Сербіи; вызван-

ный въ Россію своимъ дядею и не заставши его въ живыхъ, онъ остался въ южной Россіи и здѣсь былъ выбранъ въ митрополита. Это былъ вполне православный и образованный пастырь, что видно изъ его поученій (22) и полемиической статьи противъ латинянъ.

Иосифъ II (1509—1521 г.) происходилъ изъ очень знатной фамилии Солтановъ, нѣсколько лѣтъ былъ смоленскимъ епископомъ, затѣмъ въ 1507 году выбранъ былъ и въ 1509 г. поставленъ въ митрополита. Съ самаго начала своего правленія онъ показалъ себя ревностнымъ владыкою. Въ 1509 году онъ созвалъ въ Вильнѣ соборъ противъ различныхъ „нестроеній и безчиній“ въ церкви. Спустя полтора года Іосифъ во главѣ южно-русскихъ епископовъ выпросилъ у Сигизмунда грамоту, подтверждавшую всѣ митрополичьи и епископскія права, такъ часто нарушавшіяся прежде свѣтскими властями; въ 1514 году митрополитъ съ соборомъ епископовъ установилъ празднованіе въ честь почитаемаго въ южной Россіи преп. Елисея Лавришевскаго; заботился о томъ, чтобы сдѣлать жизнь христіанъ болѣе согласною съ требованіями церковнаго устава, для этого разсылалъ своихъ слугъ и приводимыхъ ими виновныхъ судиль; писалъ грамоты съ цѣлю упорядочить отношеніе прихожанъ къ причту, редактировалъ общежительный уставъ и вводилъ его въ южно-русскихъ монастыряхъ; наконецъ, не оставлялъ безъ вниманія и матеріальное благосостояніе митрополичьяго двора.

Іона III Протасовичъ (1568—1577 г.), бывшій Пинскій и Туровскій епископъ, едва вступилъ на митрополичью кафедру, какъ показалъ свою ревность о благѣ церкви. Онъ представилъ Сигизмунду цѣлый рядъ просьбъ съ цѣлю уничтожить болѣе вредныя изъ золъ, отъ которыхъ страдала южная митрополія; просьбы эти касались судебныхъ и имущественныхъ правъ духовенства, уравниенія гражданскихъ правъ православныхъ епископовъ съ католическими, запрещенія отдавать духовныя должности свѣтскимъ лицамъ и т. п. Нѣкоторыя изъ просьбъ дѣйствительно имѣли успѣхъ; а на нѣкоторыя получены были только обѣщанія, оставшіяся невыполненными. Наконецъ не мало заботился Іона и о матеріальномъ благосостояніи Виленскихъ церквей, особенно

своей кафедральной церкви и своего Троицкаго монастыря.

При успѣхахъ христіанской миссіи въ предѣлахъ Россіи, при измѣненіяхъ географическихъ предѣловъ Русскаго государства и при перемѣнахъ въ политической жизни отдѣльныхъ областей, естественно и въ положеніи русскихъ *епархій* происходили своего рода перемѣны. Однѣ изъ епархій были закрыты, другія же открыты вновь; изъ - подѣ власти одного митрополита онѣ переходили иногда къ другому и т. п. Изъ прежде существовавшихъ епархій къ концу даннаго періода упразднились: Владиміро-кляземская (1299 г.), Переяславская, Бѣлгородская, Юрьевская и Черниговская (или Брянская—1500 г.), Галицкая, съ 1414 до 1539 г. оставалась безъ православнаго епископа, а съ 1539 г. получила викарнаго (у южнаго митрополита) епископа. На болѣе или менѣе долгое время открываемы были и къ концу разсматриваемаго періода прекратили свое существованіе слѣдующія епархія: Сарайская (1261—1454 г.), Звенигородская (около 1389 г.) и Юрьевская-Дерптская (1570—1582 г.). Изъ новыхъ епархій къ 1589 г. существовали: Тверская (около 1271 г.), Луцкая (съ 1288 г.), Суздальская (около 1347 г.), Коломенская (около 1353 г.), Пермская (1383 г.) съ кафедрой сначала въ Устьвѣмѣ, а затѣмъ (въ XVI в.) въ Вологдѣ, и казанская (1555 года). Такимъ образомъ всѣхъ епархій къ 1589 году было 18, считая въ томъ числѣ и двѣ митрополичьи — Московскую и Кіевскую. Изъ нихъ 10 состояло подѣ управленіемъ Московскаго митрополита *) и 8—Кіевскаго **). Впрочемъ въ подчиненіи епархій тому или другому митрополиту происходили въ XV—XVI вѣкахъ измѣненія, соотвѣтственно гражданскому отношенію ихъ къ Польшѣ и Москвѣ. Напр. Смоленскъ до 1514 г., состоявшій подѣ властію Польши, принадлежалъ къ кіевской митрополіи и, только взятый Василиемъ Ивановичемъ, долженъ былъ признать власть московскаго митрополита; подобнымъ образомъ Полоцкъ, въ 1563 г. отнятый у поляковъ Иваномъ Васильевичемъ IV вошелъ въ составъ московской ми-

*) Кіевская, Новгородская, Ростовская, Суздальская, Тверская, Коломенская, Рязанская, Смоленская, Пермская и Казанская.

**) Кіевская, Львовская (Галицкая) Владиміровольнская, Полоцкая, Луцкая, Туровская Перемышльская и Холмская (Угорская).

трополи и отпалъ отъ нея, когда въ 1578 г. польскій король Стефанъ Баторій снова возвратилъ его себѣ; черниговская епархія, со времени подчиненія ея Москвѣ, была раздѣлена между сѣвернорусскими епископами (1500 г.). Предѣлы епархій обыкновенно опредѣлялись или границами княжескихъ удѣловъ, соединившихся съ Москвою, какъ было въ прежнее время, или же волею великаго князя. Такъ напр. при Иванѣ III и при Иванѣ IV были присоединены къ пермской епархіи нѣкоторыя церкви въ Вологодскомъ краѣ и Новгородскомъ (Двина, Вага, Холмогоры и Каргополь), принадлежавшія прежде или московскому митрополиту или новгородскому архіепископу. Между епископами велись иногда распри изъ-за предѣловъ епархій. Такъ извѣстно, что рязанскій и сарайскій епископы спорили изъ-за Червленаго Яра, т. е. земель, лежащихъ между рѣками Воронежемъ, Дономъ, Хопромъ и Великой Вороной; митрополитъ Θεогностъ рѣшилъ этотъ споръ сначала въ пользу сарайскаго, а потомъ — рязанскаго епископа; митрополитъ Алексій подтвердилъ въ свою очередь права рязанской каедры на Червленый Яръ. Извѣстны также пререканія относительно Нижняго-Новгорода и Городца между суздальскими епископами и московскимъ митрополитомъ. Первые два суздальскіе епископа довольствовались только Суздалемъ, третій же, Алексій, началъ было величаться „суздальскимъ, новгородскимъ и городецкимъ“; но митрополитъ Алексій отнялъ у него и Нижній-Новгородъ и Городецъ; по смерти же его, суздальскіе епископы Діонисій и Евфросинъ получили въ Константинополѣ отъ патріарха и императора грамоты (1382 и 1389 г.), уполномочивавшія ихъ на владѣніе означенными городами. Только митрополитъ Кипріанъ, поддерживаемый великимъ княземъ Василиемъ Дмитріевичемъ, снова добился у константинопольскаго патріарха возвращенія въ свои руки и навсегда обоихъ этихъ городовъ (1394 г.). Епархія были вообще очень обширны и нерѣдко земли, принадлежащія какой либо одной каедрѣ, были разбиты по разнымъ болѣе или менѣе отдаленнымъ областямъ. Такъ сарайскій и подонскій епископъ, лишившись сарайской каедры и поселившись въ Москвѣ на Крутицахъ, завѣдывалъ церквами въ нынѣшнихъ Орловской, Тульской и Смоленской

губерніяхъ; ростовскій архіепископъ, кромѣ Ростовской области, управлялъ Бѣлозерскимъ краемъ, Устюгомъ и Сольвычегодскомъ; епархія новгородскаго архіепископа обнимала собою всѣ Новгородскія владѣнія, Волокаламскую область и земли въ Вологодскомъ краѣ; московскій митрополитъ, переебравшись на сѣверъ Россіи, приобрѣлъ здѣсь для себя новую епархію, владиміро-московскую, но оставилъ за собою земли, ему принадлежавшія въ южной Россіи; даже послѣ окончательнаго отдѣленія южной митрополии и потери тамъ московскимъ митрополитомъ своей власти, онъ имѣлъ очень обширную епархію: именно въ нее входили Москва, Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Городецъ, Дмитровъ, Кострома, Галичь, Грязовецъ, Пошехонь, Череповецъ Вятка, и земли въ Вологодскомъ раѣ.

По своему *достоинству* не всѣ епископы были равны между собою. Между ними существовало нѣчто въ родѣ мѣстничества, соотвѣтственно которому они разсаживались на соборахъ и подписывались подъ соборными актами. Нѣкоторые даже носили титулъ архіепископовъ. Такими были въ половинѣ XV вѣка епископы Новгородскій, Ростовскій и Полоцкій, и въ XVI вѣкѣ прибавился еще Казанскій. Раньше, во второй половинѣ XIV вѣка, два Суздальскихъ епископа, Діонисій и Евфросинъ, титуловались также въ силу патріаршей грамоты (1382 г.). Архіепископскимъ достоинствомъ награждались иногда лично тѣ или другіе іерархи, независимо отъ занимаемой ими каедръ, и не передавали этого достоинства своимъ преемникамъ; таковъ напр. Исаакій Черниговскій. Нѣкоторые архіепископы и епископы имѣли видимое отличіе отъ другихъ, получая его какъ преимущество чести личной или каедральной. Такъ извѣстно, что Новгородскіе архіепископы Василій (1346 г.) и Моисей (1353 г.), а также епископы Владимірскій Алексій (1352 г.) и Суздальскій Діонисій (1382 г.), по благословенію или митрополита или патріарха, носили крестчатая ризы; преемникъ же Моисея, Алексій, получилъ отъ патріарха выговоръ за самовольное облаченіе въ такую ризу и принужденъ былъ снять ее (1370 г.). На соборѣ (1564 г.) было постановлено Новгородскому и Казанскому архіепископамъ, также какъ Московскому митрополиту, носить

бѣлый клубукъ (вмѣсто чернаго) и печатать выходящія отъ нихъ грамоты краснымъ воскомъ (также вмѣсто чернаго).

Но всѣ эти отличія, какими пользовались одни епископы преимущественно предъ другими, не сопровождались различіемъ въ каноническихъ правахъ ихъ: права были у всѣхъ одинаковы и опредѣлялись общими для всѣхъ законами.

Церковное законодательство, которымъ опредѣлялось внутреннее управленіе нашей церкви, внѣшнія права и положеніе духовенства, за данный періодъ значительно пополнилось и пришло въ болѣе порядокъ. Прежніе церковные уставы Владиміра и Ярослава, Номоканоны Фотія и І. Схоластика, церковное правило митрополита Іоанна II и пр. оставались въ употребленіи даже въ XVI вѣкѣ. Но рано почувствовалась ихъ недостаточность. Еще митрополитъ Кирилль III созналъ „неразумность (невразумительность) церковныхъ правилъ“ и чрезъ болгарскаго князя Іакова Святислава выписалъ переведенную на славянскій языкъ съ греческаго патріаршаго экземпляра книгу правилъ, или *Кормчую* (1270 г.). Въ ней содержались не только церковныя и гражданскія правила (какъ въ Номоканонѣ), но и толкованія на нихъ Аристіана и Зонары. Кормчая эта стала списываться и распространяться по Россіи, при чемъ вносились въ нее измѣненія, сокращенія и добавки; впрочемъ сохранившіеся списки болѣе или менѣе приближаются только къ двумъ древнѣйшимъ редакціямъ, Новгородской Софійской (около 1282 г.) и Рязанской Іосифовской (1284 г.). Будучи сначала собраніемъ только греческихъ правилъ, Кормчая скоро стала пополняться и русскими, прежде дѣйствовавшими и вновь появлявшимися, правилами. Особенно много ихъ въ такъ называемой, „сводной кормчей“, которая исподоволь составлялась къ половинѣ XVI вѣка. Здѣсь послѣ сокращеннаго Фотіева Номоканона помѣщены правила св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, толкованія на нихъ, извлеченія изъ постановленій греческихъ императоровъ, толковаго евангелія и апостола, святоотеческихъ твореній, житій святыхъ и наконецъ нѣсколько статей русскаго происхожденія съ характеромъ каноническимъ или повѣствовательнымъ. Рядомъ съ кормчими у насъ употреблялись и другіе каноническіе сборники съ болѣе частнымъ

содержаніемъ, заимствованные изъ Греціи; извлеченія изъ нихъ иногда вносились въ кормчія книги. Таковы: *покаянный номоканонъ патріарха Константинопольскаго (VI вѣка) Іоанна Постника*, содержащій въ себѣ правила для духовниковъ касательно исповѣди и епитимій; подобный же *номоканонъ безыменнаго автора*, содержащій, кромѣ покаянныхъ, еще правила о правахъ и обязанностяхъ духовныхъ лицъ, о брачныхъ дѣлахъ и семейныхъ отношеніяхъ мірянъ; *пандекты и тактиконъ Никона Черногорца*, гдѣ находится много свидѣтельствъ изъ апостольскихъ и соборныхъ правилъ, святоотеческихъ твореній, древнихъ уставовъ, житій святыхъ и другихъ книгъ относительно разнообразнѣйшихъ предметовъ церковнаго права и церковной жизни. Подобные же сборники составлялись и на Руси; напр. сборники Кирилла Бѣлозерскаго „отъ правилъ св. апостолъ и св. Отецъ“ и „отъ Никонскихъ (Никона Черногорца) правилъ“; или юридическій сборникъ подъ именемъ „мѣрила праведнаго“, употреблявшійся вѣроятно въ напихъ церковныхъ и гражданскихъ судахъ и содержавшій въ себѣ извлеченія изъ греческихъ гражданскихъ узаконеній рядомъ съ русскими. Такимъ образомъ церковное законодательство у насъ все болѣе и болѣе развивалось. Развитие касалось не только формальной его стороны, но и его объема: кромѣ собранія, приведенія въ порядокъ и толкованія древнихъ каноническихъ правилъ, у насъ въ практику входили и новыя. Одни изъ нихъ шли изъ Греціи, другія составлялись на Руси. Пока Русь стояла въ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, постановленія тамошнихъ соборовъ и самихъ патріарховъ принимались въ Русской церкви, какъ обязательныя для нея; таковы напр. постановленія Цареградскаго собора 1301 г., грамоты патріаршаго собора (домашняго) о раздѣленіи или воссоединеніи русской митрополии, о возведеніи какой нибудь каеодры (напр. Суздальской 1382 г.) на степень архіепископіи, — или напр. посланія патріарха какому нибудь епископу о подчиненіи его Московскому митрополиту (1370 г. грамота Алексію Новгородскому). Въ Россіи такое же значеніе для епархій имѣли правила и посланія митрополитовъ, такъ что даже вносились въ кормчія книги. Нѣкоторыя изъ такихъ посла-

ній предназначались для всей Русской церкви, другія же для отдѣльныхъ лицъ и мѣстъ; на ряду съ грамотами касательно христіанской жизни и богослужебной практики, не мало встрѣчается такихъ, которыя опредѣляли границы епархій (напр. грамоты митропол. Θεогноста и Алексія о Рязанской и Сарайской епархіяхъ), отношеніе свѣтской и церковной властей, церковный судъ, церковное управление и жизнь духовенства. Изъ нихъ напр. важны правила митрополитовъ Кирилла III, Петра, Кипріана и Фотія. Но гораздо больше помогли развитію нашего церковнаго законодательства соборы, по вызову нуждъ составлявшіе тѣ или другія постановленія. Въ этомъ отношеніи важны соборы Владимірскій (на Клязьмѣ) 1274 г., Московскій 1503 г., Виленскій 1509 г. и Стоглавый 1551 г. *Владимірскій соборъ* созванъ былъ митроп. Кирилломъ III для уничтоженія, замѣченныхъ имъ, беспорядковъ въ Русской церкви. Онъ выработалъ нѣсколько постановленій на счетъ Богослужебной практики, и вмѣстѣ — испытанія, поставленія и жизни священнослужителей. На это же обратилъ серьезное вниманіе и *соборъ 1503 г.* подъ предсѣдательствомъ митроп. Симона; между его постановленіями особенно важны тѣ, которыя касаются ставленныхъ пошлинъ, вдовыхъ священнослужителей и монастырскихъ вотчинъ. *Соборъ Виленскій* составилъ изъ пастырей, принадлежавшихъ къ юго-западной митрополии, подъ предсѣдательствомъ Кіевскаго митрополита Іосифа II Солтана: здѣсь было 7 епископовъ, 6 архимандритовъ, 7 игуменовъ, 7 протопоповъ и нѣсколько священниковъ. По указанію самого митрополита соборъ разсудилъ „о церковныхъ вещахъ и исправленіи дѣлъ духовныхъ“, и составилъ 15 правилъ, которыя удобно могутъ быть сведены къ 3 группамъ: а) одни касаются поставленія на священныя степени, б) другія — поведенія духовныхъ лицъ и отчасти мірянъ, в) третьи — отношенія свѣтскихъ лицъ къ церкви; послѣднее 15-е правило ограждаетъ авторитетъ всѣхъ составленныхъ правилъ. *Стоглавый соборъ* состоялся въ Москвѣ въ присутствіи царя Ивана Васильевича Грознаго подъ предсѣдательствомъ митроп. Макарія изъ бывшихъ тогда іерарховъ сѣверовосточной митрополии, многихъ архимандритовъ и игуменовъ. На обсуж-

деніе этого собора царь представилъ составленный раньше „судебникъ“ и 37 письменныхъ вопросовъ касательно разныхъ сторонъ церковной жизни (гл. 5.); отцы собора составили по нимъ свои опредѣленія (г. 6—40.); снова представлены были еще 32 царскихъ вопроса и на нихъ даны отвѣты (гл. 41), составлены новыя постановленія или по вызову царскихъ вопросовъ или независимо отъ нихъ (гл. 42—97); все это было послано въ Сергіеву Лавру на разсмотрѣніе бывшихъ тамъ на покоѣ митр. Іосифа, ростовскаго архіепископа Алексія, Чудовскаго архимандрита Вассіана и другихъ; тѣ изъявили свое согласіе на „соборное уложеніе,“ сдѣлавъ замѣчанія относительно нѣкоторыхъ его постановленій (гл. 99); соборъ согласился со многими изъ этихъ замѣчаній и соотвѣтственно имъ измѣнилъ кое-что въ своемъ прежнемъ уложеніи (гл. 100). Таковъ ходъ соборныхъ дѣяній. Памятникомъ ихъ служитъ книга, извѣстная подъ именемъ „стоглава или стоглавника“ и содержащая въ себѣ не только постановленія собора, но и его дѣянія. Она сохранилась во множествѣ списковъ, восходящихъ къ XVI вѣку и удобно сводимыхъ къ тремъ редакціямъ; по двумъ изъ нихъ стоглавъ дѣлится на 100 главъ, *) по третьей же—въ немъ нѣтъ такого дѣленія. Какъ въ вопросахъ царя, такъ и въ постановленіяхъ собора, изложенныхъ здѣсь, затронуты были всѣ стороны церковной жизни: ученіе, училища, богослуженіе, управленіе и церковный судъ, поведеніе духовенства, бѣлаго и монашествующаго, жизнь мірянъ и отношеніе церковной власти къ гражданской; такимъ образомъ разсмотрѣно то, что было предметомъ обсужденія на прежнихъ соборахъ, и многое другое, чего они не касались. Поэтому стоглавъ въ царствованіе Іоанна IV сдѣлался почти такимъ же сводомъ узаконеній для церковной жизни, какимъ былъ для гражданской—его „судебникъ,“ и на практикѣ часто замѣнялъ собою кормчую книгу; только великій Московскій соборъ 1666—7 г. подорвалъ его авторитетъ.

Кромѣ постановленій церковной власти, у насъ были *узаконенія и гражданской власти*, которыя большею частію утверждали собою первыя или гарантировали наличное состояніе церковнаго управленія и суда, и иногда впрочемъ

*) Отсюда получило названіе и книги, и собора.

и приносили вѣчто новое въ церковную жизнь. Таковы напр. ярлыки монгольскихъ хановъ, охранявшіе неприкосновенность вѣры, Богослуженія и законовъ русской церкви, освобождавшіе духовенство и церковныхъ людей отъ гражданскаго суда, ихъ имущество отъ податей въ пользу хановъ и т. п. Таковы многія грамоты русскихъ князей; напр. грамота Литовскаго князя Александра 1499 г. о неприкосновенности святительскаго суда и церковнаго имущества, подобная же грамота Польскаго короля Сигизмунда I (1511 г.), данная по просьбѣ Кіевскаго митроп. Іосифа II для огражденія церковнаго управленія и суда отъ притязаній свѣтскихъ властей; таковы жалованныя и тарханныя грамоты удѣльныхъ и великихъ князей, предоставлявшія духовнымъ лицамъ разныя судебныя и хозяйственныя права на тѣ или другія земли и проживавшихъ тамъ людей; несудимыя грамоты, даваемыя церквамъ и монастырямъ съ цѣлю освобожденія ихъ отъ подсудности духовнымъ или свѣтскимъ лицамъ; указы, скрѣплявшіе соборныя правила, напр. нѣсколько указовъ (дек. 1551 г., Апр. 1552 г. 1572 г.) Іоанна IV, повторявшихъ собою нѣкоторыя постановленія стоглаваго собора, наконецъ и гражданскіе кодексы—судебники Іоанна IV для сѣверной митрополии и Литовскій статутъ Сигизмунда I (1529 г.) для югозападной, кромѣ того, что охраняли церковный судъ отъ вмѣшательства свѣтскихъ властей, служили постояннымъ руководствомъ въ церковныхъ судахъ при обсужденіи дѣлъ гражданскаго характера и наложеніи наказаній.

На основаніи всѣхъ этихъ законовъ и постановленій у насъ съ достаточною ясностью и подробностью опредѣлилось *церковное управленіе*. Во главѣ его стоитъ митрополитъ—въ митрополии, и епископъ—въ епархіи. Послѣдній сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ власть административную, судебную и экономическую, простирая ее на всѣхъ живущихъ въ епархіи, не только духовныхъ, но и мірянъ и земли, приписанныя къ его кафедрѣ. Это прямо указывалось и въ „настоальной“ грамотѣ, которую онъ получалъ отъ митрополита и которой долженъ былъ руководиться въ управленіи паствою. „По преданію св. апостолъ и св. отецъ уставу, еже то уставили предѣлы церквамъ, еписко-

піамъ, да еже что потягло къ которой епископіи, монастыреве, и игумени, и черньци, попы и діакони, и всякъ церковный человекъ, то всѣ подѣ областью и въ послушаніи святителю...; также и села и земли и воды, со всѣми пошлинами, что потягло въ домъ св. Софіи изъ старины..., и ни кто же да не смѣеть въ та дѣла вступатись“—говорить папр. одна изъ такихъ грамотъ Новгородскому архіепископу“. Въ сущности права епископа остались тѣ же, какими были въ предшествующій періодъ, и подверглись измѣніямъ лишь въ частности.

а) *Административная* власть епископа по прежнему выражалась въ поставленіи клириковъ, въ контролъ надъ ними, въ созывѣ духовенства на сѣзды, въ освященіи церквей и въ разрѣшеніи на постройку монастырей, въ выборѣ себѣ помощниковъ по управленію и въ высшемъ надзорѣ за епархіей.

б) *Судебная* власть его была, какъ прежде, очень велика. Церковные уставы Владиміра и Ярослава, опредѣлившіе прежде церковную юрисдикцію, сохраняли свою силу и въ данное время до самого конца періода, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной митрополіяхъ. Поэтому и теперь, какъ прежде, епископу были подсудны всѣ духовныя лица и церковныя люди вмѣстѣ съ его дворовыми людьми и крестьянами какъ по духовнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ, наконецъ всѣ міряне по духовнымъ и нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ. Всѣ эти дѣла и церковныя люди указаны были еще прежними церковными уставами, а въ законодательствѣ даннаго періода повторяются лишь какъ извѣстные. Разница только въ томъ, что теперь начинается объемъ уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ архіерею. Правда, въ ханскихъ ярлыкахъ и въ нѣкоторыхъ княжескихъ грамотахъ, по прежнему, духовенство и церковныя люди отдаются суду епископа по всѣмъ дѣламъ, не исключая разбоя, душегубства и воровства; но въ XV—XVI вѣкахъ гораздо больше встрѣчается такихъ княжескихъ грамотъ, по которымъ или одно душегубство, или душегубство и разбой съ поличнымъ, или даже душегубство, разбой и татьба отдаются въ вѣдѣніе гражданскихъ судовъ. Наконецъ церковная власть на Стоглавомъ соборѣ сдѣлала такое же исключеніе.

Соотвѣтственно различному характеру дѣлъ и лицъ, подсудныхъ церковной власти, епархіальный судъ къ половинѣ XVI вѣка въ обѣихъ митрополіяхъ подраздѣлился на 1) судъ по дѣламъ духовнымъ; 2) судъ по дѣламъ недуховнымъ и наконецъ 3) смѣстный или общій. Вѣдомству перваго, по постановленіямъ Стоглаваго собора, принадлежали всѣ міряне по дѣламъ духовныхъ, т. е. преступленіемъ противъ вѣры и церкви, все бѣлое и монашескую духовенство, какъ по тѣмъ же дѣламъ, такъ и по преступленіямъ противъ обязанностей своего званія, наконецъ настоятели и настоятельница монастырей по всѣмъ духовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Власть втораго не простиралась дальше гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ; именно здѣсь должно было судиться все бѣлое духовенство и міряне—первое по всѣмъ не духовнымъ дѣламъ, вторые—по гражданскимъ дѣламъ, отданнымъ въ подсудность церковной власти. Тоже было и съ чернымъ духовенствомъ до 1551 г.; исключеніе представляли лишь тѣ монастыри, которые получили жалованныя или несудимыя грамоты отъ князя или епископа, освобождавшія всѣхъ лицъ, проживавшихъ здѣсь, отъ подсудности то архіерейскимъ чиновникамъ, то самому архіерею, и отдававшія ихъ въ подсудность или настоятелю, или самому князю. Стоглавый соборъ, запретивъ князьямъ выдавать такія грамоты, однако выдѣлилъ настоятелей и настоятельницъ въ вѣдѣніе исключительно духовныхъ судовъ, а иноковъ и инокинь—въ вѣдѣніе мѣстныхъ монастырскихъ властей. Соотвѣтственно различному характеру дѣлъ въ обѣихъ судахъ, судьями были тамъ и здѣсь различныя лица. Именно въ первомъ были лишь духовные судьи—самъ владыка и его помощники, — архимандриты, игумены, протоіереи, поповскіе старосты и десятскіе священники соборно; если же присутствовали здѣсь свѣтскія лица, то въ качествѣ лишь писцовъ. Въ судѣ по недуховнымъ дѣламъ судили свѣтскіе архіерейскіе чиновники—дворецкій, намѣстники и десятники—и только въ качествѣ депутатовъ сидѣли здѣсь еще отъ духовенства—поповскіе старосты и десятскіе священники, по 2 или 3 на каждую недѣлю, и отъ свѣтской власти—градскіе старосты, цѣловальники и земскій дьякъ (писецъ), назначаемые правительствомъ. И тѣ и другіе смотрѣли,

чтобы судьи „во всякихъ дѣлахъ чинили управу по суду и по обыску въ Божию правду, беспосульно“, и въ случаѣ несправедливости судей доносили церковной или свѣтской власти. Разбирательство дѣлъ того и другаго круга (духовныхъ и не духовныхъ) производилось и при каедрѣ епископа и въ епархіальныхъ округахъ (десятинахъ). Высшее и окончательное рѣшеніе судебныхъ дѣлъ принадлежало самому владыкѣ; для этого окружные суды и каедральные, въ случаѣ предсѣдательства на послѣднихъ намѣстника, дворецкаго или другаго какого нибудь архіерейскаго чиновника должны были вести точные судные списки и отписывать архіерею о дѣлопроизводствѣ, даже посылать ему на разсмотрѣніе самые списки со своими печатями. Смѣстный или общій судъ, какъ и прежде, производился въ тѣхъ случаяхъ, когда искали другъ на друга лица разныхъ вѣдомствъ—духовнаго и мірскаго. Судъ составлялся тогда изъ судей мірскихъ и святительскихъ и главнымъ судьей былъ тотъ, къ вѣдомству котораго принадлежалъ отвѣтчикъ. Если же приходилось быть такимъ отвѣтчикомъ игумену или инокамъ монастыря, имѣющаго несудимую грамату, то въ силу этой самой граматы, освобождающей его отъ архіерейскаго суда, онъ судился или самимъ княземъ, или уполномоченнымъ отъ него бояриномъ, а со 2-й половины XVI вѣка—въ приказѣ Большаго Дворца. Исключеніе изъ смѣстнаго суда представляли тѣ еще случаи, когда церковные владѣльцы имѣли тяжбу съ посторонними лицами о недвижимыхъ имуществвахъ, такая тяжба разбиралась лишь самимъ государемъ съ его боярами. Наконецъ къ князю за окончательнымъ рѣшеніемъ обращались и тогда, когда въ смѣстномъ судѣ представители того или другаго вѣдомства не приходили къ согласію по вопросамъ о тяжбѣ церковныхъ крестьянъ съ посторонними лицами.

в) *Экономическая* власть епископа была очень обширна; она простиралась на имущества не только архіерейскаго дома, но и всѣхъ церквей и монастырей въ епархіи. Обыкновенно у церквей, монастырей и епископскихъ каедръ бывали свои вотчины, надъ которыми церковный владѣлецъ имѣлъ опредѣленные судебныя и хозяйственныя права; эти права часто обозначались въ жалованныхъ и тарханыхъ

граматахъ, выдаваемыхъ на эти вотчины князьями и епископами; здѣсь же указывались и льготы, какими пользовались крестьяне этихъ вотчинъ предъ крестьянами частныхъ вотчинъ. Эти льготы состояли въ томъ, что крестьяне освобождались отъ всѣхъ или только части княжескихъ оброковъ и повинностей, то навсегда, то безсрочно, то на опредѣленный срокъ, равнымъ образомъ — и отъ власти княжескихъ чиновниковъ; хозяйственныя же права церковныхъ владѣльцевъ состояли въ томъ, что они вполне самостоятельно могли распоряжаться своими вотчинами и проживавшими тамъ лицами. Каноны церковные и соборное постановленіе 1500 г. ограничиваютъ эту самостоятельность лишь тѣмъ, что запрещаютъ продавать и отдавать кому-либо въ вѣчное владѣніе церковныя земли. Въ частности церковные владѣльцы могли отдавать земли въ аренду, мѣнять ихъ и покупать новыя, приглашать на нихъ поселенцевъ и заключать съ ними условія, собирать съ земель доходы и съ крестьянъ оброки, наконецъ, назначать отъ себя управителей и инструкціями или наказами передавать имъ свои судебныя экономическія права надъ земельными участками, оставляя себѣ высшій надзоръ за вотчиннымъ хозяйствомъ. Въ такихъ наказахъ обыкновенно говорилось, что прикащикъ или управитель подвѣдомой ему вотчины долженъ заботиться объ улучшеніи здѣсь хозяйства, заключать контракты съ крестьянами, собирать съ нихъ оброки, хранить запасы, расходовать ихъ, наблюдать за точнымъ выполненіемъ крестьянами контракта, даже за ихъ внутреннею жизнью, — разрѣшать имъ браки и пріемъ прохожихъ лицъ, не допускать жительства между ними волхвовъ, бабамъ-ворожеямъ, скоморохамъ, ворами и разбойникамъ, и во всемъ этомъ отдавать отчетъ церковному владѣльцу. Тѣже права, какія имѣлъ всякій церковный владѣлецъ, принадлежали епархіальному архіерею въ его домовыхъ вотчинахъ; какъ сравнительно богатый владѣлецъ, онъ имѣлъ возможность давать или своимъ служилымъ людямъ, или монастырямъ и церквамъ жалованныя грамоты на земельные участки и угоды, принадлежащія его кааедрѣ. Но кромѣ того онъ имѣлъ и нѣкоторыя другія права, какихъ не имѣли другіе церковные владѣльцы. Именно онъ собиралъ съ духовныхъ и мірянъ ему принадле-

жація пошлины и наблюдалъ за хозяйствомъ всѣхъ церквей и монастырей въ епархіи, повѣряя монастырскую казну при замѣнѣ одного настоятеля другимъ и заботясь, чтобы имущество церквей и монастырей употреблялось должнымъ образомъ съ пользою и выгодною для нихъ *), а такъ называемые „домовые“ архіерейскіе монастыри, имѣвшіе свое недвижимое имущество, но приписанные къ архіерейскому дому, стояли въ еще большей зависимости отъ мѣстнаго епископа; именно безъ его разрѣшенія не имѣли права мѣнять и отдавать свои земли въ аренду, у него брали уставныя грамоты, опредѣлявшія отношеніе монастыря къ крестьянамъ, платили ему оброкъ и чрезъ него просили у князя о льготахъ себѣ.

Таковы были права епископовъ въ предѣлахъ его епархіи по канонамъ восточной церкви и постановленіямъ нашей русской церковной и гражданской властей. Но на практикѣ *пользованіе этими правами* было ограничиваемо со стороны митрополитовъ, князей, мѣстныхъ чиновниковъ, народа и самихъ епископовъ. Митрополиты въ чужихъ епархіяхъ имѣли свои извѣстные монастыри, совершали мѣсячный судъ, иногда (какъ во Псковѣ) поставляли клириковъ, стѣсняли епископскаго намѣстника и т. п. Князья своими несудимыми грамотами, а польскіе короли своими „подаваньями“ освобождали множество монастырей и церквей отъ вѣдѣнія епархіальной власти **), вмѣшивались въ поставленіе епископовъ, даже произвольно назначали ихъ, сгоняли съ кафедръ или жалобами предъ митрополитомъ добивались ихъ низложенія. Областные гражданскіе чиновники нерѣдко нарушали неприкосновенность церковнаго суда, управленія и церковныхъ имуществъ; даже „судили и казнили въ церковныхъ вещехъ“ поповъ. Какъ ни грозили проклятіемъ въ своихъ ставленныхъ, жалованныхъ и соборныхъ грамотахъ епископы и митрополиты, какъ ни оговаривали въ своихъ

*) До Стоглаваго собора, которымъ передавался этотъ контроль дворецкому и дьякамъ великаго князя.

**) На югѣ Россіи въ половинѣ XVI вѣка около половины наличныхъ монастырей было изъято изъ-подъ власти епархіальныхъ епископовъ. Несудимыя грамоты выдавались на сѣверѣ Россіи и послѣ Стоглаваго собора, ихъ затрещиваго.

граматахъ неприкосновенность епископскихъ правъ русскіе князья и польскіе короли (Александръ, Сигизмундъ I, Стефанъ Баторій и Сигизмундъ II),—все было напрасно; злоупотребленія продолжались и особенно въ южной митрополіи. При развившемся тамъ правѣ патронатства міряне вмѣшивались во всѣ стороны церковной жизни, напр. въ поставленіе митрополичьяго справцы и клириковъ для церквей, иногда даже запирали соборный храмъ отъ самаго епископа; такъ напр. поступилъ Луцкій староста съ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ (въ XVI вѣка). Народъ иногда поднималъ руку на своего епископа и изгонялъ его изъ города; напр. муромцы, по напрасному подозрѣнію, выгнали отъ себя св. Василія, удалившагося тогда въ г. Рязань († 1294 или 5 году), Ростовцы, по такому же мотиву, прогнали св. Іакова († 1392 г.) Новгородское вѣче до 1483 или 4 года само избирало себѣ архіепископа при помощи жребія, какъ это было прежде въ XII вѣкѣ; даже самый способъ избранія до XIV вѣка былъ тотъ же, но съ XIV вѣка нѣсколько измѣнился; именно онъ производился съ этого времени такъ: выбирались 3 кандидата, жребіи ихъ клались на престолъ въ Софійскомъ соборѣ, послѣдовательно вынимались протопопомъ и выносились народу, послѣдній оставшійся жребій указывалъ будущаго епископа. Понятно, что, имѣя право выбора, новгородцы тѣмъ самымъ нѣсколько связывали своего архіепископа и въ послѣдующей его дѣятельности; въ 1424 г. было даже такъ, что они прогнали отъ себя избраннаго два года назадъ Θεодосія безъ всякой вины съ его стороны, единственно будто бы за то, что онъ былъ „шестникъ“, т. е. приплецъ, не природный новгородецъ. Больше всего производило безпорядки псковское вѣче по своему враждебному отношенію къ новгородскому вѣчу и чрезъ это къ владыкѣ. Оно постоянно вступало въ пререканія съ владыкою то изъ-за мѣсячныхъ судовъ, то изъ-за его намѣстника; обходя своего владыку, сносилось съ московскимъ митрополитомъ, само судило и наказывало священниковъ, иногда отлучало отъ службы вдовыхъ поповъ и дьяконовъ (1468 г.), вмѣшивалось въ управленіе церковнымъ имуществомъ и стѣснило владыку въ поставленіи намѣстника для Пскова, обязавши выбирать

его изъ природныхъ псковичей. Не разъ оно просило себѣ особаго епископа (при Θεогностѣ 1331 г. и Θεодосіѣ 1463 г.) и, получивъ отказъ, въ 1468 году порѣшило управляться въ церковныхъ дѣлахъ безъ владыки овыми выборными священниками, и Новгородскому владыкѣ, когда тотъ уговаривалъ бросить затѣю, отвѣтило, что это необходимо, такъ какъ у него и безъ Пскова очень много дѣлъ, съ которыми онъ едва можетъ справляться; рѣшеніе это было отмѣнено только въ 1470 году по требованію Московскаго государя и митрополита. Впрочемъ народное давленіе на епископовъ въ сѣверовосточной митрополіи держалось только благодаря прежнему удѣльно вѣчевому строю и сильнѣе — тамъ, гдѣ больше и упорнѣе отстаивался онъ; съ паденіемъ же его прекратились и злоупотребленія. Но на югѣ Россіи народъ и особенно болѣе вліятельные міряне, до самаго конца настоящаго періода не упустили изъ своихъ рукъ вліянія на епархіальное управленіе и въ частности на положеніе епископа. Наконецъ сама церковная власть или частными грамотами, или соборными постановленіями вносила ограниченіе въ кругъ непосредственно ей подлежащихъ правъ; напр. епископъ и митрополитъ выдавали часто жалованныя грамоты, освобождавшія тѣ или другіе монастыри отъ подсудности ему или его чиновникамъ, передавая въ этомъ случаѣ свою власть настоятелямъ; на Стоглавомъ же соборѣ церковная власть сама отказалась въ пользу свѣтской отъ повѣрки монастырскихъ кассъ.

Такъ какъ кругъ архіерейскихъ правъ и обязанностей былъ очень широкъ, а потому дѣлъ и лицъ подлежащихъ его вѣдѣнію было очень много, то понадобилось много лицъ и рукъ, чтобы удобнѣе совершалось епархіальное управленіе. Поэтому епископъ имѣетъ у себя разныхъ *помощниковъ*; одни изъ нихъ остались отъ прежняго времени, другіе—явились вновь; одни—лица духовныя, другія—свѣтскія. Для постоянныхъ совѣщаній по епархіальнымъ дѣламъ у епископа по прежнему находятся *кмирошане*; въ данный періодъ это—не члены только каедральнаго духовенства, но и архимандриты, и игумены, и даже иногда приходскіе священники. Архимандриты, игумены и протоіереи участвуютъ въ духовныхъ судахъ, контролируютъ по порученію

епископа епархіальное духовенство и архіерейскихъ помощниковъ въ назначенныхъ округахъ; наконецъ архимандриты и игумены вѣдаютъ свое монастырское и вотчинное хозяйство, судятъ живущихъ тамъ крестьянъ, и, по постановленіямъ Стоглаваго собора, — всѣхъ иноковъ своего монастыря. *Намѣстники*, появившіеся еще въ прежній періодъ, также существуютъ и теперь, ихъ можно встрѣтить, не только въ большихъ епархіяхъ и у престарѣлыхъ епископовъ, но и у многихъ другихъ; въ XVI вѣкѣ ихъ бывало по нѣскольку въ каждой епархіи; намѣстники иногда сидѣли даже въ незначительныхъ городахъ; напр. митрополитъ Московскій, пока Кіевъ не отошелъ отъ него, кромѣ намѣстниковъ въ Москвѣ, Владимірѣ и Кіевѣ, имѣлъ еще и въ Кричевѣ, городкѣ Бѣлорусскомъ; а Новгородскій архіепископъ, кромѣ Новгорода и Пскова, имѣлъ намѣстника въ Волоколамскѣ. Намѣстники были или духовными, по преимуществу монастырскими, лицами, или же свѣтскими; иногда намѣстниками у митрополита бывали лица въ епископскомъ санѣ. Права намѣстниковъ были очень широки, и притомъ духовныхъ — шире, — чѣмъ свѣтскихъ. Первые какъ бы представляли собою во вѣранныхъ имъ округахъ самихъ архіереевъ и обязаны были „дѣла духовныя управлять, церкви святыми антиминсы новопоставленныя освящать, а ветхія подтверждать, села церковныя и митрополичьи (или епископскія) строить“ (въ порядкѣ держать). Вторые смотрѣли за духовенствомъ, церквами и вотчинами архіерея, собирая съ нихъ доходы въ его и свою пользу. Намѣстники имѣли у себя также, какъ и владыки, помощниковъ. Въ сѣверной митрополіи намѣстники обыкновенно назначались самимъ епископомъ: впрочемъ въ началѣ періода бывали случаи назначенія митрополичьяго намѣстника Константинопольскимъ патріархомъ, а въ южной митрополіи очень часто (въ XVI вѣкѣ) избирали намѣстниковъ или городскіе старосты по волѣ короля, или же вообще міряне и духовенство подлежащаго округа: когда же Львовскій католическій архіепископъ, въ силу королевскаго приказа, ставилъ самъ по нѣскольку намѣстниковъ Кіевскому митрополиту; иногда это дѣлалъ король, и только изрѣдка самъ митрополитъ по своему

желанію назначалъ „справцу“, наконецъ на Львовскомъ соборѣ подѣ председательствомъ митрополичьяго викарія, а впоследствии Кіевскаго митрополита Макарія (II) въ 1539 году было постановлено избирать его соборно клирошанамъ и утверждать — епископу. Остались также отъ прежняго времени *десятники*, — свѣтскіе чиновники, имѣвшіе въ своемъ вѣдѣніи опредѣленные округа — десятины; въ нихъ они производили судъ по не духовнымъ дѣламъ, смотрѣли за духовенствомъ, собирали пошлины на епископа и на себя; ихъ юрисдикцію ограничилъ Стоглавый соборъ, введя въ ихъ недуховные судьи депутатовъ отъ духовенства и князя, и учредивши новыя должности для надзора за духовенствомъ. Это были должности поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ. Такіе духовные надзиратели за духовенствомъ стали появляться еще съ начала даннаго періода съ именемъ поповскихъ или соборскихъ старостъ, но къ половинѣ XVI вѣка еще не вездѣ существовали. Вопросъ о нихъ подробно былъ обсужденъ на Стоглавомъ соборѣ по предложенію царя, и было поставлено учредить цѣлый рядъ духовныхъ властей для надзора за духовенствомъ. Съ этого времени появляются всюду въ городахъ *протопопы*, — кажется, по одному на городъ — и *поповскіе старосты* — по нѣскольку на городъ. Они избираются городскимъ духовенствомъ и утверждаются архіереемъ, получая отъ него наказъ. Для надзора за сельскимъ духовенствомъ сами эти старосты выбираютъ *десятскихъ священниковъ*, контролируя ихъ. Обязанности всѣхъ этихъ лицъ состояли въ слѣдующемъ: „каждому въ своемъ предѣлѣ накрѣпко вѣдать и назиратьъ священниковъ и діаконъ, чтобы они совершали всѣ службы сполна по уставу, чинно и немятежно, сами жили по священству въ чистотѣ и въ прочихъ добродѣтеляхъ, и воздерживались отъ пьянства, да и дѣтей своихъ духовныхъ всѣхъ учили страху Божию и благочестію. А если нѣкоторые священники и діаконы начнутъ жить въ слабости, или нерадѣть о церкви Божіей и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ, то старостамъ и десятскимъ накрѣпко уговаривать такихъ священниковъ и діаконъ, чтобы они покались и исправились...; если же не послушаютъ и не исправятся, то писать объ нихъ святителямъ...; у всѣхъ поповъ и діаконъ

новъ дозирать ставленныхъ, благословенныхъ и отпущенныхъ грамотъ, и у кого не будетъ этихъ грамотъ, такимъ священникамъ и діаконамъ не позволять служить, а посылать ихъ за поруками къ святителямъ для полученія грамотъ...“ Они же съ помощниками, святительскую дань и десятильничіи пошлины собирають вмѣсто десятильниковъ. Если старосты и десяткіе священники не выполняли, какъ должно, своихъ обязанностей, то подвергались наказаніямъ. Надзоръ за ними поручался или соборнымъ священникамъ и протопопу, или же мѣстнымъ архимандритамъ и игуменамъ. Въ качествѣ помощниковъ у всѣхъ указанныхъ лицъ являются *тиуны*, смотрящіе за ставленными, благословенными и другими грамотами у входящихъ въ города духовныхъ лицъ, и выдающіе имъ „знамена“,—свидѣтельства на право службы въ городѣ; *запщики*, объѣзжавшіе церкви и монастыри для сбора архіерейскихъ пошлинъ; *приставы*, *недѣльщики* и *доводчики*, бывшіе разсылными, и *дьяки*—занимавшіеся письмоводствомъ. По управленію архіерейскимъ имуществомъ у архіерея былъ также цѣлый классъ помощниковъ: именно *казначей*, вѣдавшій денежные архіерейскіе доходы и лицъ, собиравшихъ архіерейскія пошлины; *дворецкій*—духовный или чаще свѣтскій, — завѣдывавшій имуществомъ и прислугою архіерейскаго дома, также всѣми архіерейскими вотчинами и служившими тамъ лицами, иногда же по порученію епископа производившій судъ по недуховнымъ дѣламъ; въ волостяхъ за архіерейскими вотчинами смотрѣли *волостели*, имѣвшіе помощниковъ въ *прикащикахъ* и *посельскихъ*, а также низшихъ полицейскихъ слугъ—*тиуновъ*, *доводчиковъ*, *недѣльщиковъ*, *приставовъ*, выполнявшихъ временныя порученія. Волостели, прикащики и иногда посельскіе въ своихъ округахъ имѣли, согласно архіерейскимъ наказамъ, судебную, экономическую и административную власть надъ лицами, проживавшими въ архіерейскихъ вотчинахъ. Накопецъ у архіерея было много своихъ *бояръ* и *дѣтей боярскихъ*, которымъ онъ давалъ нерѣдко временныя, очень важныя, порученія касательно церковнаго суда и надзора за вѣренными ему лицами. До Стоглаваго собора всѣ архіерейскіе чиновники назначались и смѣщались единолично архіереемъ; но Стоглавый соборъ распорядился, чтобы въ

данномъ случаѣ испрашивалось согласіе царя; исключеніе допускалось лишь тогда, когда чиновники возьмутъ „лишнее и посулъ“, епископъ тогда безъ вѣдома царя могъ смѣнять ихъ.

Такимъ образомъ можно видѣть, что количество свѣтскихъ чиновниковъ у епархіальныхъ владыкъ за данный періодъ значительно увеличилось; почти всѣ они получили имена и обязанности приблизительно тѣ же, какіе имѣли княжескіе чиновники этого времени. Такъ какъ тогда не раздѣлялись строго административная, судебная и экономическая стороны въ управленіи, то почти всѣ они сосредоточили въ своихъ рукахъ различныя права и обязанности. Кругъ ихъ правъ былъ иногда очень великъ, такъ что они вмѣшивались въ суды по духовнымъ дѣламъ и управляли низшимъ духовенствомъ. Особенно сильно это чувствовалось до Стоглаваго собора. Не даромъ въ 1503 году ростовскій священникъ Георгій Скрипица обратился на соборѣ къ епископамъ съ такими словами: „священноначальницы!.. Вы надзираете церковь по царскому чину земнаго царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, доводчиками... Вамъ достойтъ пасти церковь Христову священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ“. Стоглавый соборъ своими постановленіями постарался уменьшить существовавшее зло; поэтому то увеличилъ количество духовныхъ помощниковъ по епархіальному управленію, введя сюда архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповскихъ старость и десятскихъ священниковъ, а значеніе свѣтскихъ епархіальныхъ чиновниковъ ограничилъ.

При широтѣ своихъ правъ и обязанностей епископы могли вліять на разныя стороны въ жизни своихъ пасомыхъ, быть отцами для паствы и попечительными главами для своей епархіи. Нужды церкви и государства дѣйствительно вызывали многихъ изъ нихъ на энергичную дѣятельность. Не мало достойныхъ іерарховъ встрѣчаемъ мы въ данный періодъ. *Св. Стефанъ, Питиримъ и Иона* памятны, какъ просвѣтители Пермской области и заступники за притѣняемыхъ ея жителей; *св. Гурій, Варсанфій и Германъ*,—какъ крестители Казанскаго царства; *Серапіонъ еп. Владимірскій (1274—1275)* извѣстенъ, какъ проповѣдникъ. *Діонисій епископъ*

Суздальскій (1364—1384) до занятія епископской каедръ подвизался въ пещерѣ недалеко отъ нижняго Новгорода, сдѣлался архимандритомъ основаннаго имъ Нижегородскаго печерскаго во имя Воздвиженія монастыря, на епископской каедрѣ смѣло вооружался противъ поставленія въ русскаго митрополита Митяя, ѣздилъ въ Псковъ для борьбы съ распространившеюся тамъ ересью стригольниковъ и въ 1384 г. былъ избранъ въ митрополита для Россіи; лично узнавшій его, константинопольскій патріархъ такъ отзывался объ немъ: „мы нашли его достойнымъ всякой похвалы, видѣли пощеніе и слезы его, молитву и милостыню,—все, чѣмъ обозначается Божій человекъ... онъ показалъ ревность къ вѣрѣ и глубокое разумѣніе священныхъ правилъ“... онъ мужъ честный, благочестивый, добродѣтельный, извѣстный хранитель священныхъ канонѳвъ. *Св. Игнатію*, епископу Ростовскому (1262—1288), Ростовская область обязана была водвореніемъ тамъ внутренняго спокойствія. *Симеонъ Тверской* (1243—1280), по свидѣтельству лѣтописи, былъ учителемъ, хорошо зналъ св. книги, благотворилъ нищимъ и сиротамъ, безъ боязни говорилъ правду князьямъ и вельможамъ. Изъ Новгородскихъ епископовъ болѣе извѣстны: *Моисей* (1325—1330; 1352—1359), жизнь котораго такъ описываетъ древній лѣтописецъ: „онъ пасъ церковь свою, какъ пастырь добрый, защищалъ обиженныхъ, берегъ бѣдныхъ и вдовъ; собравъ множество писцовъ, на свой счетъ написалъ множество книгъ,“ въ которыхъ тогда нуждались церкви, „многихъ утвердилъ онъ въ благочестіи своими наставленіями;“ кромѣ того онъ извѣстенъ постройками монастырей и церквей и своимъ подвижничествомъ. Отказавшись въ 1330 г. отъ каедръ, въ продолженіи 20 лѣтъ, пока его снова не упростили ее занять, онъ предавался уединеннымъ подвигамъ; то же повторилось и въ 1359 г., когда онъ окончательно оставилъ паству: въ Сковородской обители два года онъ подвизался въ постѣ и молитвѣ; келейная мантія и вериги его, хранящіеся въ Софійской ризницѣ, служатъ памятниками его подвижнической жизни. *Св. Василій* (1331—1352), занявшій Новгородскую каедру послѣ оставленія ея Моисеемъ, ревновалъ объ украшеніи и сооруженіи храмовъ, даже самъ писалъ для нихъ иконы, при-
8*

малъ участіе въ городскихъ постройкахъ, напр.—стѣны вокругъ города и Волховскаго моста, смѣло усмирялъ поднимавшійся въ городѣ мятежь, старался противодѣйствовать латинскому вліянію, шедшему изъ Швеціи, наконецъ свою любовь къ паствѣ проявилъ во Псковѣ, когда съѣздили туда для подъема упавшаго въ народѣ духа во время свирѣпствовавшей моровой язвы, и безбоязненно совершалъ тамъ крестный ходъ и богослуженіе. Къ сожалѣнію этотъ архипастырь мало углублялся въ предметы вѣры. Св. *Евфимій II* (1429—1458 г.) своею дѣятельностію напоминаетъ Моисея Новгородскаго. Съ 15 лѣтъ подвизавшійся въ пустынномъ монастырѣ, онъ привлекъ къ себѣ вниманіе архіепископа Новгородскаго, блаженнаго Симеона, и сдѣланъ былъ казначеемъ при его кафедрѣ; послѣ смерти этого епископа онъ удалился въ Хутынской монастырь, перешелъ затѣмъ въ качествѣ игумена на Лисичью гору и оттуда взялъ на Новгородскую кафедру. Многіе храмы были или воздвигнуты, или украшены имъ; на архіепископскомъ дворѣ выстроены были каменные палаты, удивлявшія собою современниковъ; много книгъ было переписано на его счетъ и по его распоряженію, много труда было предпринято имъ и много скорбей испытано по поводу неправильнаго суда и поборовъ въ Новгородской области. Но заботясь о паствѣ, преп. Евфимій не оставлялъ и подвижничества: чего днемъ не успѣвалъ онъ сдѣлать по требованію иноческихъ правилъ, то довершалъ ночью; за часъ до утрени вставалъ онъ на келейную молитву и потомъ слушалъ церковную службу; „часто всю ночь проводилъ онъ безъ сна; укрощая плоть, носилъ на себѣ вериги, но о ихъ никто не зналъ до самой его кончины“; на первую недѣлю великаго поста онъ удалялся въ Вяжцкую обитель и тамъ безъ пищи подвизался въ безмолвной молитвѣ. *Геннадій* (1484—1505) является однимъ изъ просвѣщенныхъ пастырей своего времени; извѣстны его старанія о подъемѣ духовнаго образованія среди духовенства, о подавленіи ереси жидовствующихъ и собираніи книгъ Св. Писанія въ полную Библию. Очень многіе изъ епископовъ даннаго періода честуются какъ мѣстные святые за свои личныя достоинства и за свою дѣятельность на пользу паствы. Но, конечно, могли быть рядомъ съ ними и недостойные пастыри; особенно много

такихъ было въ южной митрополіи въ XV — XVI вѣкахъ, благодаря вліянію мірянъ въ замѣщеніи каедръ. „Одни изъ епископовъ здѣсь получали каедры за услуги ихъ сыновей королю и въ уплату королевскаго долга, другіе выпросили, или, вѣрнѣе, купили себѣ каедры разными приношеніями то самому королю, то окружающимъ его лицамъ и купили въ то время, когда каедры были еще заняты наличными епископами“; иногда силою приходилось имъ занимать каедру (напр. Θεодосію Холмскому — Владиміровольнскую) Благодаря этому на каедрѣ появляются лица, несогласующія свою жизнь и дѣтельность съ церковными канонами: одни изъ епископовъ двоеженцы (Кириллъ Терлецкій, Луцкій епископъ, и митроп. Онисифоръ Дѣвочка), другіе (Діонисій Збируйскій, Холмскій епископъ, Леонтій Пельчинскій, Пинскій епископъ и др.) „на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ, безъ всякаго стыда, съ женами и рождаютъ дѣтей“; почти всѣ они отличаются ревностію объ умноженіи своихъ имѣній, объ огражденіи ихъ королевскими грамотами, и полученіи гражданскихъ правъ наравнѣ съ католическими бискупами, нисколько не заботясь о паствѣ, иные даже грабятъ и опустошаютъ имѣнія подвѣдомственныхъ имъ монастырей, многіе живутъ, какъ паны, въ замкахъ, окруженные вооруженными слугами, наѣзжаютъ на чужія земли, производятъ буйство и даже драки между собою: напр. на Кирилла Терлецкаго, епископа Луцкаго, сосѣди постоянно жаловались, обвиняя его въ опустошительныхъ наѣздахъ на ихъ земли и даже въ убійствахъ; такимъ же является Θεодосій Лозовскій, Владиміровольнскій епископъ. Не даромъ паства называла иногда своихъ пастырей не святителями, а „сквернителями“.

Къ *церковному причту* причислялись въ настоящій періодъ тѣ же лица, какія были и прежде: священникъ, дьячекъ, пономарь и просвирня; при каедральныхъ соборахъ видимъ еще протопоповъ. Въ самомъ началѣ періода въ низшемъ духовенствѣ, благодаря татарскому разгрому, чувствовалась большая надобность, и митрополитъ Кириллъ III принужденъ былъ позаботиться объ удовлетвореніи ея. Но съ теченіемъ времени количество духовныхъ лицъ быстро разрослось, а въ XVI вѣкѣ ихъ былъ такой

избытокъ, отъ котораго проистекали крупныя безпорядки. Самыми большими были причты кафедральныхъ церквей; напр. при Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ въ 1552—1554 г. состояли протопопъ, 18 поповъ, протодіаконъ, 4 діакона, архидіаконъ, 2 псаломщика и 17 дьячковъ; при Владимірскомъ Успенскомъ въ 1534 г.—протопопъ, 7 поповъ, протодіаконъ, 4 діакона и пр.; въ некафедральныхъ соборахъ составъ причта былъ меньше, хотя бывало по нѣскольку священниковъ и діаконв; въ приходскихъ церквахъ — городскихъ и сельскихъ былъ или полный причтъ, или неполный — безъ діакона и съ однимъ причетникомъ. Но рядомъ съ этимъ приписнымъ духовенствомъ существовалъ многочисленный классъ безприходныхъ или безмѣстныхъ священнослужителей.

Въ сѣверной и южной Руси издавна существовалъ обычай, въ силу котораго прихожане избирали причтъ для своихъ церквей; для ружныхъ церквей — дворецкіе и другіе княжескіе чиновники, наконецъ на югѣ—для церквей бывшихъ чьимъ нибудь „подаваньемъ“ — тѣ, кому онѣ даны подъ покровительство. Этотъ обычай настолько вошелъ въ силу, что сама церковная власть соглашалась утвердить его своими постановленіями; такъ напр. сдѣлали Виленскій соборъ 1509 г. Іосифъ II и Стоглавый соборъ. Но тотъ же обычай на практикѣ приводилъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Прихожане часто избирали кандидатовъ, не знающихъ грамотѣ, не удовлетворявшихъ каноническимъ требованіямъ, нанимали себѣ бывшихъ подъ запрещеніемъ священнослужителей и предоставляли имъ право служенія безъ архіерейскаго благословенія, переманивали къ себѣ священниковъ изъ другаго прихода, или нанимали для службы монаховъ, не принимали присланныхъ архіереемъ ставленниковъ и прогоняли даже своихъ священниковъ, отбирая отъ нихъ церковныя ключи; дворецкіе и дьяки передавали ружныя церкви тѣмъ кандидатамъ, которые давали больше денегъ, безъ вниманія къ ихъ внутреннимъ качествамъ; на югѣ Россіи часто ставились двоеженцы и троюженцы на священнослужительскія мѣста, церкви по долгу иногда оставались безъ священниковъ, и тамъ чаще, чѣмъ гдѣ либо, было произвольное смѣщеніе членовъ причта и распоряже-

ніе церковнымъ имуществомъ. Понятно, что изъ всего этого косвенно проистекали и другіе крупныя безпорядки: противленіе священниковъ епископской власти, недостойная жизнь ихъ, уступчивость предъ незаконными даже требованіями прихожанъ или патроновъ церкви, произвольное оставленіе своихъ приходоу и скитаніе по чужимъ. Такимъ образомъ и развился классъ безмѣстныхъ священниковъ, которые или были выгнаны прихожанами, или, не сошедшись съ ними, сами оставили ихъ, или наконецъ должны были оставить въ силу архіерейскаго запрещенія. Всюду ходили такіе священнослужители, навимались на службы въ домовыхъ, приходскихъ и монастырскихъ церквахъ; нерѣдко заходили они даже въ чужія епархіи *); предлагали свои услуги и, оказываясь сами уступчивыми, побуждали прихожанъ требовать того же и отъ ихъ пастырей, въ случаѣ же несогласія ихъ,—прогонять ихъ и принимать пришлыхъ. Къ этому еще присоединилось обиліе *крестцоваго* духовенства, обусловленное отчасти тою же причиною, отчасти бѣдностію сельскихъ приходоу. Въ городахъ на перекресткахъ (крестцахъ) улицъ постоянно встрѣчались священнослужители, навимавшіеся для службъ. Это были или безмѣстные, или приходскіе, но пріѣхавшіе въ городъ по разнымъ причинамъ и съ различными дѣлами,—одни по своей волѣ — по дѣламъ монастырскимъ, церковнымъ и даже домашнимъ, другіе по требованіямъ суда— „за поруками, за приставами, по кабаламъ, по срочнымъ, въ бояхъ, грабежахъ и въ прочихъ различныхъ дѣлахъ“. Не всегда приличнымъ образомъ вели себя и эти священнослужители: пьянствовали, бранились и дрались.

Такимъ образомъ нужно было церковной власти позаботиться объ уничтоженіи открывшихся въ духовенствѣ золъ. Съ этого дѣлію она издавала постановленія, направленные къ ограниченію права прихожанъ на замѣщеніе духовныхъ должностей и къ упорядоченію жизни духовенства. Виленскій соборъ 1509 г. предоставляетъ епископу право замѣстить по своему выбору священническую должность, если та не замѣстилась въ продолженіи 3 мѣсяцевъ; митрополитъ

*) Въ Псковъ напр. приходили бѣлые и черные попы не только изъ областей Новгородской, Московской и Тверской, но даже изъ Литвы; т. е. изъ другой—юго-западной митрополіи.

Иосифъ II своей грамотой къ Виленскимъ гражданамъ предписываетъ также поступать въ отношеніи къ тѣмъ священнослужительскимъ мѣстамъ, на которыя прихожане не найдутъ и своевременно не представлять епископу своего кандидата, или же изберутъ негоднаго по мнѣнію епархіальной власти. Избранный непременно долженъ былъ получить благословеніе отъ мѣстнаго епископа (прав. II Виленскаго собора). Этотъ послѣдній, по постановленіямъ соборовъ Владимірскаго 1274 г., Виленскаго 1509 г. и стоглаваго 1551 г., долженъ былъ производить испытаніе новоизбраннаго въ присутствіи его духовнаго отца, другихъ духовныхъ лицъ и свидѣтелей отъ мірянъ. Испытаніе, или „обыскъ“, касались прежней и настоящей жизни испытуемаго лица, его умственныхъ и нравственныхъ качествъ, знанія церковныхъ службъ, возраста, положенія въ обществѣ и т. п. Для руководства составляемы были правила. Кто хочетъ занять священническую, діаконскую и даже причетническую должности, обязанъ былъ имѣть „непорочное житіе“; Владимірскій соборъ въ частности требуетъ, чтобы онъ былъ свободенъ отъ кощунства, воровства, пьянства, прелюбодѣянія и блуда, лихоимства, ябедничества, вольнаго или невольнаго убійства, притѣсненія своихъ слугъ и противоестественныхъ пороковъ. Если откроется виновность новоизбраннаго въ какомъ либо изъ этихъ недостатковъ послѣ поставленія, то онъ подлежалъ запрещенію. Далѣе, тотъ же Владимірскій соборъ требуетъ, чтобы испытуемый зналъ грамоту; зо такъ какъ на практикѣ это правило въ послѣдующее время обходилось, то Стоглавый соборъ считаетъ нужнымъ повторить его съ нѣкоторыми добавками: именно онъ требуетъ въ члены причта ставить „искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ, священное писаніе въ конецъ вѣдующихъ и могущихъ строить все пастырское, исполнять церковный чинъ по божественному уставу“; кто же не достаточно понавѣкъ въ чтеніи и совершеніи церковныхъ службъ, того отсылать къ мастерамъ въ училища, чтобы тамъ доучились, и къ священникамъ соборныхъ церквей, чтобы тамъ практически изучили весь церковный чинъ; въ городахъ для подготовленія грамотныхъ ставлениковъ соборъ предполагалъ открыть училища, гдѣ бы дѣти обучались „грамотѣ, книжному письму, церковному

пѣнію и валойному чтенію (гл. 26 и 89). По постановленію Владимірскаго собора, лицо, ищущее себѣ мѣста въ причтѣ, должно или быть дѣвственнымъ или состоять въ законномъ бракѣ съ дѣвою. Въ послѣдующее время являются на этотъ счетъ болѣе подробныя и ясныя правила. Именно Стоглавый соборъ даже отъ причетниковъ требуетъ, чтобы они были единобрачными, а отнюдь не второбрачными, такъ какъ непристойно двоеженцамъ и троеженцамъ входить въ алтарь и прикасаться къ священнымъ предметамъ: равнымъ образомъ и просвирни должны быть честными единобрачными вдовами не моложе 40 или 50 лѣтъ (гл. 8 и 12). Особенно много правилъ издавалось относительно вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, которые своею заornoю жизнію производили соблазнъ въ обществѣ. Еще митрополитъ Петръ на счетъ нихъ писалъ въ своемъ „поученіи“: „если у попа умретъ попадья и онъ пойдетъ въ монастырь и пострижется, то онъ сохраняетъ свое священство; если же захочетъ пребывать въ мірѣ и любить мірскія сласти, то да не служитъ, и если не послушаетъ моего писанія, да будетъ не благословенъ, равно какъ и тѣ, которые будутъ сообщаться съ нимъ“; митрополитъ Фотій въ своемъ „посланіи во Псковъ о вдовствующихъ попѣхъ“ повторяетъ тоже, и только на время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Псковской области, снимаетъ съ нихъ запрещеніе, чтобы ими пополнить количество недостававшихъ тогда духовныхъ лицъ. На основаніи этихъ правилъ дѣйствовали въ послѣдующее время митрополитъ Θεодосій въ Москвѣ и вѣче во Псковѣ, — первый, заставляя вдовыхъ священниковъ и діаконовъ постригаться въ монашество, а обвиненныхъ въ конкубинатѣ лишая священства, второе само въ 1468 г. отлучило отъ церковныхъ службъ вдовыхъ поповъ во Псковѣ. Но впрочемъ и въ XVI вѣкѣ такихъ священнослужителей было не мало и они продолжали жить по прежнему. Соборъ 1503 г., поэтому, напоминаетъ о прежнихъ правилахъ митрополитовъ Петра и Фотія и дѣлаетъ новое распоряженіе: „всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ воспретить священнослуженіе на будущее время; тѣхъ изъ нихъ, которые обличены или сами сознались въ сожитіи съ наложницами и возвратили свои ставленныя грамоты святителямъ, раз-

лучить съ наложницами и лишить сана, такъ чтобы они жили въ мірѣ, ходили въ мірской одеждѣ и платили подати на ряду съ мірянами; если же кто изъ такихъ, не возвративъ своей граматы, отойдетъ въ дальнія мѣста съ своею наложницею, какъ будто съ женою, и будетъ священнодѣйствовать въ чужихъ епархіяхъ, то виновнаго, по обличеніи, предавать гражданскому суду; тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, которые, по смерти женъ, живутъ чисто и незазорно, стоятъ въ церквахъ на клиросахъ и причащаются въ алтаряхъ, — священникамъ въ епитрихили, а діаконамъ въ стихарѣ съ ораремъ, и за стояніе на клиросахъ (т. е. исправленіе должности чтецовъ и пѣвцовъ) пользоваться четвертою частію церковныхъ доходовъ отъ священниковъ и діаконъ, поступившихъ на ихъ мѣста. Одинъ изъ вдовыхъ священниковъ города Ростова, Георгій Скрипица, выразилъ было въ своемъ посланіи къ отцамъ собора — рѣзкій протестъ. „Вы осудили — писалъ онъ — всѣхъ іереевъ и діаконъ, настоящахъ и будущихъ, за смерть ихъ женъ; но въ смерти они не виновны, смерть наводитъ Богъ. И за такую вину, за посѣщеніе Божіе, вы, какъ злодѣевъ, отлучили отъ священства братію свою, не испытавъ грѣховъ ихъ... Зачѣмъ вы смѣшали добрыхъ со злыми и, не разлучивъ злыхъ отъ праведныхъ, велите постригаться въ монашество, чтобы священнодѣйствовать?.. Писано (въ канонахъ): священнику, впавшему въ блудъ, не священствовать; а о чистыхъ іереяхъ и діаконахъ гдѣ писано, чтобы отлучать ихъ отъ священства и принуждать къ постриженію!.. Вы говорите: мы совершали то ради благочинія, очищая церковь, такъ какъ попы вмѣсто женъ держатъ наложицы. Но разсудите, отъ кого это зло стало въ нашей землѣ: не отъ вашего ли нерадѣнія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства... Прибавлять что нибудь къ правиламъ св. отцевъ, какъ и убавлять отъ нихъ, — за это угрожаетъ проклятіе“. Въ заключеніе онъ убѣждалъ епископовъ помиловать невинныхъ въ зазорной жизни священнослужителей — вдовцовъ, ограничившись отлученіемъ отъ священства нечистыхъ и законопреступныхъ. Но протестъ этотъ остался безъ послѣдствій. Правда, на практикѣ вдовыя поны продолжали совершать

всѣ требы и службы, кромѣ литургіи, но самое постановленіе 1503 г. не было отмѣнено. На Стоглавомъ соборѣ оно нашло себѣ еще новое подтвержденіе. Этотъ соборъ совсѣмъ запрещаетъ какъ бы то ни было священнодѣйствовать вдовымъ попамъ и діаконамъ, кромѣ тѣхъ, которые постригнутся въ монашество; послѣднимъ дозволяетъ служить лишь въ монастыряхъ, а не мірскихъ церквахъ; кто не принимая монашество обѣщаетъ пребывать въ чистотѣ, тѣмъ позволяетъ стоять на клиросѣ и исправлять здѣсь причетническія обязанности, за что получать $\frac{1}{4}$ часть церковныхъ доходовъ, но въ церковныя дѣла отнюдь не вмѣшиваться; даетъ имъ право причащаться въ епитрахильяхъ и стихаряхъ съ ораями, на что должны получать „благословенныя епитрахильныя и орачныя грамоты“ отъ епархіальнаго епископа; наконецъ предписываетъ сгонять съ клироса, лишать церковнаго дохода и исключать изъ разряда лицъ тѣхъ изъ вдовыхъ священнослужителей, которые начнутъ заниматься мірскими дѣлами (гл. 5, и 77 — 81). Для южной митрополіи было въ XVI вѣкѣ обязательно постановленіе Виленскаго собора 1509 года, запрещавшее вдовымъ попамъ и діаконамъ священнодѣйствовать (Прав. 6). Только въ XVII вѣкѣ Московскій соборъ 1667 года отмѣнилъ такое постановленіе, какъ несогласное съ канонами восточной Церкви, хотя и похвалилъ его, какъ временную удачную и разумную мѣру противъ распущенной жизни вдовыхъ священнослужителей. Далѣе постановленіями соборовъ Владимірскаго, Московскаго 1503 г. и Стоглаваго опредѣленъ возрастъ лицъ для замѣщенія духовныхъ должностей—священнической 30 лѣтній, дьяконской—25 лѣтній и иподьяконской 20 лѣтній—согласно 14 и 15 правиламъ Трульскаго собора. Также на основаніи соборныхъ правилъ (4 пр. IV всел. и 83 VI всел.) и грамоты Германа II, Владимірскій соборъ 1274 г. запретилъ ставить въ члены клира рабовъ раньше представленія ими отпускнуя грамоты; а въ грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича митроп. Кипріану (1404 г.), составленной по ихъ обоюдному согласію, встрѣчается еще запрещеніе ставить въ попы или діаконы княжихъ слугъ или его „данныхъ людей“. Изъ чужой епархіи кого либо можно было

посвящать лишь тогда, когда онъ имѣетъ отъ своего епископа „новелѣнную“ или „отпускную“ грамоту (Виленскій соборъ); неизвѣстнаго же кандидата отнюдь не должно поставятъ въ церковныя степени (Владим. соборъ). Чтобы безпристрастнѣе производилось самое избраніе членовъ клира, русскіе соборы одинъ за другимъ запрещаютъ подкупы и мзду при избраніи и поставленіи; такъ соборъ Владимірскій запретилъ епископамъ брать что либо со ставленниковъ больше 7 гривенъ — въ пользу клирошанъ и въ качествѣ „проторовъ“ или вознагражденія убытковъ; соборъ 1503 г. поступилъ еще рѣшительнѣе: „онъ сего времени впредь намъ святителямъ—заявилъ онъ—отъ поставленія архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, поповъ и діаконъ и отъ всего священническаго чина ничего никому не брать и поминковъ никакихъ не принимать; также отъ ставленныхъ грамотъ, печатнику отъ печати и дякамъ отъ подписи, ничего не брать... и пошлнъ отъ ставленія никакихъ не брать; также намъ святителямъ у архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконъ отъ свящ. мѣстъ и отъ церквей ничего не брать, но каждаго ставить безъ всякаго дара и отпускать на его мѣсто“. Стоглавый соборъ также требовалъ „въ попы и во діаконы ставити безо мзды, даже и до самаго ключаря и прочихъ причетниковъ“, хотя дозволилъ брать за посвященіе архимандрита и игумена 1 р., священника 1 р. и гривну, діакона полтину и гривну. Кромѣ того, чтобы гарантировать добросовѣстность поставленія духовныхъ лицъ, еще соборомъ Владимірскимъ было повелѣно совершать его въ храмѣ всенародно и въ присутствіи свидѣтелей, участвовавшихъ при испытаніи, — но отнюдь не тайно. При всемъ томъ по временамъ дѣлались и частныя постановленія, направленныя противъ замѣченыхъ недостатковъ въ жизни духовенства. Именно на соборѣ 1509 г. строго запрещается „подкупаться подъ живыми епископами, архимандритами и священниками“; на Стоглавомъ предписывается прихожанамъ къ своимъ приходскимъ церквамъ, дворецкимъ и дякамъ къ церквамъ ружнымъ избирать членовъ причта, не требуя и не принимая отъ нихъ денегъ и мзды (гл. 41, вопр. 14 и 15); священниковъ же, не имѣющихъ у себя благословенныхъ или ставленныхъ гра-

мать отъ епископа, — не принимать. Равнымъ образомъ на обоихъ этихъ соборахъ запрещалось мірянамъ самовольно прогонять отъ себя поставленнаго епископомъ клирика, а предписывалось въ случаѣ вины послѣдняго доносить объ этомъ епископу, чтобы тотъ сдѣлалъ разслѣдованіе и распорядженіе. Тоже самое можно встрѣтить и въ нѣкоторыхъ митрополичьихъ грамотахъ, напр. грамотѣ Іосифа II къ гражданамъ Вильны. Здѣсь же запрещается мірянамъ брать къ себѣ церковные ключи при освобожденіи священническаго мѣста и самолично давать ихъ вновь поставляемому священнику, „увязывая“ его этимъ къ церкви, но предписывается все это дѣлать епископскому намѣстнику въ присутствіи депутатовъ отъ мірянъ. На переходы клириковъ изъ одной епархіи въ другую соборы 1509 и 1551 года требовали отпускныхъ, а на переходы изъ одного прихода въ другой — переходныхъ грамотъ, которыя можно было получать при каедрѣ епархіальнаго епископа, безъ нихъ же запрещалось совершать священнодѣйствія. Отъ вдовыхъ священнослужителей, стоящихъ на клиросѣ, соборъ Стоглавый спрашиваетъ епитрахильныя и орарныя грамоты (гл. 81); отъ священнослужителей, являющихся въ городъ и нанимающихся здѣсь на службы, — „знамена“; ихъ можно было получить у владычняго тіуна послѣ представленія ему грамотъ ставленыхъ, благословенныхъ и отпускныхъ; впрочемъ не всѣ приходящіе священнослужители могли получить „знамена“, а только тѣ, которые приходили въ городъ по своей волѣ и по своимъ дѣламъ, но отнюдь не тѣ, которые явились по требованію суда. За всѣмъ этимъ, подъ угрозою отвѣтственности, долженъ былъ наблюдать тіунъ (гл. 69). Чтобы поднять нравственный уровень духовенства и удобнѣе слѣдить за выполненіемъ имъ своихъ служебныхъ обязанностей, подробно излагаемыхъ въ ставленныхъ грамотахъ и приложенныхъ къ нимъ поученіяхъ, Стоглавый соборъ увеличилъ количество архіерейскихъ помощниковъ, на которыхъ и возложилъ контроль духовенства. Виновныхъ въ различныхъ порокахъ и нерадѣніи къ своему пастырскому служенію, они обязаны были увѣщавать и въ случаѣ невниманія со стороны тѣхъ представлять на судъ епархіальной власти; въ противномъ случаѣ сами подвергались отвѣтственности (гл. 29). Къ со-

жалѣнію, не всѣ указанныя мѣры осуществлялись на практикѣ; поэтому и послѣ соборовъ 1509 и 1551 года недостатки въ духовенствѣ были очень значительны, особенно въ южной митрополи.

Что касается *юридическаго* положенія духовенства и взаимно-отношенія его членовъ, то можно видѣть, что въ данный періодъ поднимается еще больше значеніе городского духовенства: протопопы и поповскіе старосты являются лицами, принимающими непосредственное участіе въ епархіальномъ управленіи, предъ которыми должны были послушно преклоняться другіе священнослужители (Стол. гл. 29).

Иногда и кое-гдѣ и простые приходскіе священники городскихъ церквей въ качествѣ клирошанъ или членовъ епископскаго совѣта призывались къ участію въ епархіальномъ управленіи. Наконецъ городское духовенство пользовалось правомъ выбора изъ своей среды поповскихъ старостъ, и эти послѣдніе — десятскихъ священниковъ. Сельское же духовенство, по прежнему, оставалось лишь подчиненнымъ. Надъ нимъ возвышается черное духовенство, въ лицѣ своихъ архимандритовъ и игуменовъ надзиравшее за бѣлымъ.

Въ *соціальномъ* отношеніи въ данный періодъ подвинулось впередъ, хотя и не дошло еще до полнаго развитія, обособленіе духовенства въ сословіе. Благодаря тому, что легче было найти грамотныхъ и привычныхъ къ церковной службѣ лицъ въ причетническихъ семьяхъ, естественно происходило то, что выборъ прихожанъ на освободившееся въ причтѣ мѣсто останавливался на ближайшихъ родственникахъ бывшего лица; это вошло едва ли не въ обычай. Въ южной Россіи, напр., когда „подавалась“ владѣльцемъ церковь какому либо слугѣ или попу, то вмѣстѣ съ этимъ ему предоставлялось съ нисходящимъ потомствомъ и право священства здѣсь; въ случаѣ малолѣтства сыновей или внуковъ дозволялось до ихъ возраста держать при церкви наемнаго попа; это прямо обозначалось иногда и въ жалованныхъ грамотахъ; въ церквахъ не „поданныхъ“ также, по свидѣтельству каноника Краковскаго Сакрана (1500 г.), сыновья духовныхъ лицъ имѣли право наслѣдства на тѣ мѣста, которыя занимали ихъ отцы. Этотъ обычай поддерживаютъ и свѣтскія власти; такъ напр. польская королева Бона дала

въ 1520 г. приказъ своему пинскому державцѣ, чтобы въ пинскомъ замкѣ къ Юрьевской церкви былъ опредѣленъ священникъ внукъ тогдашняго, уже состарѣвшагося, священника, „якожь есть обычай въ Россіи, ижь церковь и доходы церковныя на потомки спадаетъ“. Въ законодательствѣ сѣверо-восточной Россіи есть также признаки обособленія духовенства въ наслѣдственное сословіе. Въ ярлыкахъ ханскихъ и въ грамотѣ Василя Димитріевича митрополиту Кипріану различаются братья и дѣти духовныхъ лицъ, проживающіе вмѣстѣ съ послѣдними и въ раздѣлѣ съ ними; въ первомъ случаѣ они освобождались отъ дани, во второмъ же нѣтъ; въ первомъ были церковными людьми, во второмъ—ханскими и княжими; притомъ же въ грамотѣ Василя Димитріевича было замѣчено: „слугъ моихъ и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы не ставить“. А Стоглавый соборъ прямо приговорилъ: „который попъ или дьяконъ овдовѣтъ, а будетъ у него сынъ или братъ, или зять или племянникъ, и на его мѣсто пригожь и грамотѣ гораздъ и искусенъ, ино его въ попы на мѣсто поставити“.

Матеріальное положеніе духовенства, по прежнему, оставалось въ данный періодъ привилегированнымъ; но привилегіи уже подвергались ограниченіямъ. Въ ханскихъ ярлыкахъ все духовенство, церковные люди и церковныя имущества освобождались отъ всякаго рода податей, пошлинъ и повинностей ханамъ: „Весь чинъ поповскій и вси церковные люди, какова дань ни буди, или какава пошлина, или которые доходы, или заказы,—или работы, или сторожа, или кормы—ино тѣмъ церковнымъ людямъ не вѣдѣти, ни слышати того не надобъ“. Поэтому-то татарскіе чиновники, составляя перепись податныхъ лицъ для сбора ханской дани, не включали въ нее только „архимандритовъ, игуменовъ, иноковъ, поповъ, дьяконовъ, клирошанъ и всего причета церковнаго“. Въ послѣдующее время русскіе князья и польскіе короли также давали духовенству и лицамъ, проживавшимъ на церковныхъ земляхъ, различныя льготы, освобождая ихъ то отъ земскихъ и городскихскихъ повинностей, то отъ княжеской дани и сборовъ на свѣтскихъ чиновниковъ, то отъ денежныхъ взносовъ въ городскія ратуши (на юго-западѣ), то отъ торговыхъ и про-

мысловыхъ пошлинъ. Однѣ изъ этихъ льготъ давались на время (отъ 2 лѣтъ и выше) и въ опредѣленной только мѣстности, другія навсегда; однѣ съ оговорками, ихъ ограничивающими, другія—безъ подобныхъ оговорокъ, такъ что вообще льготы духовенства не вездѣ и не всегда были одинаковы *). Наиболѣе значительнымъ ограниченіямъ онѣ подвергались въ XVI вѣкѣ. Именно на сѣверѣ Россіи тогда церковныя земли „положены были въ сохи или обжы“, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя обрабатывались на самихъ церковныхъ владѣльцевъ; крестьяне церковныхъ вотчинъ обязаны были платить оброкъ и отбывать государственныя повинности; равнымъ образомъ и сами священно-церковно-служители, жившіе не на церковной, а на „черной“ землѣ, привлекались къ государственному тяглу, какъ и всѣ черные люди; должны были вносить оброкъ намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ, деньги ямскія, стрѣleckія, пищальныя и др. Наконецъ и бѣлая церковная земля не освобождалась отъ губной повинности, т. е. содержала губнаго старосту. Въ юго-западной Россіи различными универсалами и частными грамотами также духовенство съ половины XVI вѣка принуждалось къ оброкамъ и земскимъ повинностямъ. Въ XVI вѣкѣ сдѣлалось обязательнымъ для духовенства и „городское дѣло“. Правда, еще грамотой кievскаго князя Александра Владиміровича, данной митроп. Исидору въ 1441 г., на митрополичьихъ людей въ Кіевѣ налагается обязанность строить и чинить извѣстную часть городской стѣны и отбывать подводы; правда, что и въ другихъ городахъ, епископы сами на свой счетъ воздвигали городскія постройки; но все это было или мѣстною повинностію, или же—большею частію свободнымъ дѣломъ самаго духовенства, или же наконецъ злоупотребленіемъ со стороны городскихъ чиновниковъ; къ половинѣ же XVI вѣка

---

*) См. Грамоты Василія Димитріевича Кипріану 1404 г., Александра Владиміровича Кіевскаго Исидору 1441 г.; грамоту 1515 г. Владимірскому собору, множество тарханскихъ грамотъ; грамоты Сигизмунда I 1522, 1530 и 1536 г. Въ грамотѣ Василія Димитріевича митроп. Кипріану встрѣчаемъ напр. такіа оговорки: когда князь платитъ „выходъ“ въ Орду, и церковные люди участвуютъ въ платежѣ оброка; когда они торгуютъ въ прикупъ, а не свое продаютъ, то платятъ пошлину и т. п.

„городское дѣло“ является почти всюду—и въ сѣверной и въ южной Руси—обязанностию духовенства. Поэтому въ 1517 г. Псковское духовенство получаетъ приказъ отъ великаго князя помогать при постройкѣ развалившейся кремлевской стѣны; въ 1534 г. Новгородскому и Московскому духовенству по волѣ государя Иоанна IV и матери его Елены дается „урокъ“, — первому при постройкѣ деревяннаго города на Софійской сторонѣ, второму—при сооруженіи стѣны вокругъ Китай—города. Въ XVI вѣкѣ обычною повинностию духовенства сдѣлалась еще „ратная“. Правда, и раньше оно участвовало въ покрытіи военныхъ издержекъ, даже епископы посылали своихъ бояръ, а Новгородскій—и цѣлый полкъ на войну; но всетаки духовенство иногда выражало протестъ противъ производимыхъ съ него сборовъ на ратное дѣло. Такъ напр. во Псковѣ въ 1495 г., когда вѣче хотѣло взять съ своего духовенства конныхъ людей, оно воспротивилось, говоря, что это противно церковнымъ правиламъ. Но когда церковныя земли стали полагаться въ обжи, церковные владѣльцы, наравнѣ съ другими вотчинниками, обязывались собирать и содержать на свой счетъ „даточныхъ людей“, (рекрутовъ), и само духовенство непосредственно привлекалось къ участию въ военныхъ расходахъ, какъ къ должной повинности. Въ 1518 г. Псковское духовенство уже было обязано поставить извѣстное количество коней и телѣгъ, въ 1545 г. духовенство и всего Новгородскаго края — попы, дьяконы, причетники, просвирни, вмѣстѣ со всѣми прочими жителями, должны были по волѣ великаго князя дать съ своихъ дворовъ извѣстное количество ратныхъ людей и пороха для похода на Казань; исключены были лишь дворы Софійскаго кафедральнаго собора, боярскихъ дѣтей и служилыхъ людей Новгородскаго владыки. Накопецъ въ XVI вѣкѣ духовенство обязано было выплачивать пошлину подъ именемъ „полоняничныхъ денегъ“. Хотя прежде оно и выкупало плѣнныхъ, но то было дѣломъ его собственнаго желанія и усердія. Послѣ же Стоглаваго собора расходъ на выкупъ плѣнныхъ раскладывался на сохи и собирался съ нихъ въ видѣ особой пошлины ежегодно; для церковныхъ земель и церковныхъ владѣльцевъ въ этомъ случаѣ исключенія ни было.

Матеріальное положеніе *высшаго* духовенства въ XIII — XVI вѣкахъ вообще было обозначено достаточно, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ даже съ излишкомъ. Свое содержаніе епископы извлекали изъ различныхъ доходныхъ статей; то были недвижимыя имущества, окладные и неокладные сборы. *Недвижимыя имущества* архіерейскихъ каѳедръ были очень разнообразны: дома, дворы, подворья, мельницы, лавки, соляныя варницы, огороды, пашни, лѣса, луга, рѣки и озера, бобровыя и бортныя угодья, наконецъ земли, населенныя крестьянами, — починки, деревни, села, слободы, города и волости. Одни изъ этихъ имуществъ жаловались удѣльными и великими князьями, укрѣплялись за каѳедрами жалованными грамотами, другія дарились богатыми лицами разныхъ званій; третьи вымѣнивались самими епископами и укрѣплялись за ними мѣновыми записями; иныя покупались и закрѣплялись купчими записями. Такъ напр. митрополитъ Петръ купилъ городъ Алексинъ „съ волостями и съ селами, и съ водами, и со всѣми угодьями, что издавна тянули къ тому городу, также съ данью и съ оброками, и съ судомъ, и со всѣми пошлинами“; митрополитъ Кирианъ впоследствии вымѣнялъ на этотъ городъ слободку Святославлію. Не довольствуясь наличными записями (купчими и мѣновыми), грамотами (жалованными и „данными“), епископы обыкновенно испрашивали у каждаго новаго князя грамоты подтвердительныя на свои владѣнія. Очень часто князья давали различныя льготы поселенцамъ, проживавшимъ на церковныхъ вотчинахъ. Поэтому крестьяне, до прикрѣпленія ихъ къ землѣ очень часто перебѣгали съ частныхъ вотчинъ на церковныя. Давались иногда льготы церковныя владѣльцамъ и по сбыту произведеній съ своихъ промысловъ и угодій, напр. беспошлинная торговля и провозъ товаровъ. Благодаря всему этому, церковныя недвижимыя имущества были очень доходны, болѣе всего доходовъ извлекалось изъ вотчинъ и угодій. При нѣкоторыхъ епископскихъ каѳедрахъ ихъ было очень много. Напр. къ концу XV и началу XVI вѣка владѣнія Московскаго митрополита находились въ 15 уѣздахъ: Московскомъ, Владимірскомъ, Ростовскомъ, Суздальскомъ, Переяславскомъ, Муромскомъ, Костромскомъ, Вологодскомъ, Нижегородскомъ,

Бѣлозерскомъ, Коломенскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ, Галицкомъ и Юрьевскомъ; во всѣхъ нихъ было приблизительно 103,500 десятинъ земли. За весь XVI вѣкъ однако владѣнія митрополита продолжали увеличиваться; доходъ его съ недвижимыхъ имуществъ простирался тогда до 3000 руб. Новгородскій архіепископъ былъ еще богаче. Не смотря на то, что въ XV вѣкѣ Иванъ Васильевичъ III отнялъ у него много волостей, въ XVI вѣкѣ однако продолжали считать Новгородскаго владыку самымъ богатымъ между архіереями и къ концу XVI вѣка вотчинные годовые доходы его считали приблизительно въ 10 12 тысячъ рублей. Бѣднѣе были другія епархіальныя каѳедры и изъ нихъ особенно югозападныя. Самою бѣдною въ сѣверовосточной митрополіи при Василиѣ Ивановичѣ считалась Смоленская каѳедра, такъ что на содержаніе ея, по волѣ великаго князя, должны были платить пошлину изъ своихъ доходовъ всѣ русскіе владыки.

Доходность недвижимыхъ имуществъ, приписанныхъ къ епископскимъ каѳедрамъ, кромѣ разныхъ льготъ, зависѣла еще отъ того, какъ пользовались имуществами сами владѣльцы. При избыткѣ земель и угодій, многія изъ нихъ сдавались въ аренду то частнымъ лицамъ, то монастырямъ, то цѣлымъ обществамъ; аренда была или краткосрочная (отъ 1 года и выше), или пожизненная, или потомственная—родовая, или же наконецъ безсрочная; послѣдняя обыкновенно для крестьянъ, которые или жили на этихъ земляхъ, или вновь селились здѣсь по приглашенію. За аренду обыкновенно платился оброкъ деньгами и естественными произведеніями, крестьяне кромѣ того отбывали въ пользу владѣльцевъ личныя повинности (работы) и давали по временамъ разныя пошлыны, опредѣляемыя или обычаемъ, или словесными и письменными договорами. Снимая на оброкъ какой либо церковный участокъ, крестьяне подлежали управленію духовнаго владѣльца или его прикащика; когда же снимали церковную землю частныя лица, то они имѣли право точно также управлять ею и жившими здѣсь людьми, какъ управляли бы сами, духовные владѣльцы, и распоряжаться ею какъ своею собственностію, т. е. обрабатывать ее, устроить разныя хозяйственныя заведенія, приглашать поселенцевъ,

образовывать изъ нихъ крестьянскія общины, села, деревни; но за то не могли ни продавать, ни дарить, ни мѣнять, ни давать въ залогъ арендуемыхъ земель и угодій. Когда кончалась пожизненная и родовая аренда смертію и „изведеніемъ рода“ арендатора, то всѣ постройки и хозяйственные принадлежности, оставшіяся на снятой имъ землѣ, переходили къ церковному владѣльцу. Сравнительно незначительная часть земель и угодій оставлялась архіереями непосредственно для содержанія ихъ самихъ, ихъ двора и каѳедры; такіе участки и угодья обыкновенно назывались „архіерейскими домовыми“. Такимъ образомъ у архіереевъ были свои пашни, сѣножати, огороды, мельницы и т. п. Здѣсь работали обыкновенно сосѣдніе крестьяне по договору съ церковными владѣльцами за взятые ими участки земли. Излишекъ хозяйственныхъ произведеній шелъ въ продажу.

Окладные и неокладные сборы, шедшіе на содержаніе архіерейской каѳедры и лицъ, участвующихъ въ епархіальномъ управленіи, отчасти были тѣ же, что и прежде, нѣкоторые же явились вновь. Они собирались какъ съ духовенства, такъ и мірянъ, какъ съ церковью и монастыремъ, такъ и съ отдѣльныхъ лицъ. Отъ церкви и монастырей, собирались: 1) „*святительская дань*“ или „сборное“, взимаемая на самаго архіерея, какъ главы епархіи, 2) архіерейскій „*подъездъ*“, назначаемый на разъѣзды епископа по епархіи, но впрочемъ собираемый даже и въ томъ случаѣ, если епископъ не обозрѣвалъ самъ епархіи; 3) „*даньскія пошлыны*“ и „*отвозныя деньги*“, платившіяся при доставкѣ дани архіерею; „*съ оброкомъ кунница*“, взимаемая при платежѣ оброка; „*писчее*“, собиравшееся за записи писцами дани и оброка въ книги. Эти пошлыны взи­мались одиѣ деньгами, другія натурою; впрочемъ съ теченіемъ времени и послѣднія перелагались на денежныя; собирались онѣ то дважды, то однажды въ годъ. Размѣры ихъ были не всегда и не вездѣ одинаковы. Все зависѣло отъ воли самого архіерея, отъ произвола его помощниковъ, отъ привилегій, данныхъ церквамъ и монастырямъ княжескими грамотами, и отъ богатства церковей и монастырей. Поэтому иногда бывалъ въ епархіяхъ ропотъ на тяжесть собираемыхъ пошлынъ. Этотъ ропотъ доходилъ нерѣдко до открытыхъ жалобъ; такъ напр. бывало въ Новгородѣ, откуда въ

1353 г. архіеп. Моисей отправилъ въ Константинополь жалобу на митрополита Теоноста; въ Полоцкѣ, изъ котораго на мѣстнаго епископа Симеона въ 1544 г. подана была жалоба Сигизмунду I; а въ Псковѣ даже отказывали Новгородскому архіепископу въ уплатѣ должныхъ пошлинъ. На Стоглавомъ соборѣ было прямо заявлено, что отъ архіерейскихъ десятильниковъ и заѣздчиковъ, которые прежде собирали архіерейскія пошлины, происходитъ „священникамъ и діаконамъ и всему священническому и иноческому чину нужда и продажа великая и налоги тяжкіе“; поэтому было опредѣлено собирать пошлины не чрезъ архіерейскихъ свѣтскихъ чиновниковъ, а чрезъ поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, и собранное сполна представлять епископу на Рождество Христово или на Сборное воскресенье; впрочемъ постановленіе не выполнялось и послѣ собора: пошлины часто собирались десятиниками, то самими приходскими священниками и настоятелями монастырей доставлялись прямо въ архіерейскую казну. Не всѣ церкви и монастыри платили означенныя пошлины. Своими несудимыми и тарханскими грамотами князья и епископы освобождали многія изъ нихъ отъ уплаты или всѣхъ архіерейскихъ пошлинъ или только пошлинъ на его помощниковъ. Наконецъ на нѣкоторыя изъ церквей и монастырей налагались еще особыя пошлины; такова напр. пошлина „за великоденское (пасхальное) яйцо“, взимаемая съ Новгородскихъ и Псковскихъ монастырей и церквей въ пользу Новгородскаго владыки.

Къ сборамъ, взимаемымъ съ отдѣльныхъ лицъ въ пользу архіерейской каѳедры, принадлежатъ пошлины 1) *ставленныя*, получаемыя за ставленную грамоту при поставленіи кого либо на священно-и церковно-служительскую должность. Взиманіе этой пошлины сопровождалось нерѣдко злоупотребленіями. Напр. епископы посылали иногда на свои вотчины для работъ новопоставленныхъ лицъ, если тѣ не въ состояніи были заплатить требуемую за поставленіе сумму, такъ что въ виду этого понадобилось запрещеніе Владимірскаго собора. Сумма за поставленіе произвольно поднималась епископами и открывались по мѣстамъ подкупы ихъ кандида-

тами на священно-церковно-служительскія мѣста. Въ народѣ поднялся сильный ропотъ противъ такого „поставленія на мздѣ“; инокъ Акиндинъ въ особомъ посланіи называетъ его ересью; образовался даже расколъ стригольниковъ, которые больше всего вооружались противъ этого именно недостатка въ жизни духовенства. Поэтому-то русскіе соборы (Владимірскій, Московскій 1503 г. и Стоглавый) или опредѣляли таксу за ставленныя грамоты, или совсѣмъ отмѣняли плату за нихъ; 2) „*благословенная кунница*“ за „благословенныя грамоты“, которыя выдавались ставленнику при его отправленіи на мѣсто; 3) плата за „*отпускныя грамоты*“, выдаваемые при переходѣ изъ одной епархіи въ другую; 4) „*перехожія*“ и „*повичныя гривны*“—при перемѣщеніи діакона или священника изъ одного прихода въ другой; 5) „*крестцовая*“ пошлина—за знамя, получаемое въ городахъ крестцовымъ духовенствомъ; 6) плата дякамъ и печатникамъ за *епитрахильныя и оранныя грамоты*, получаемыя вдовыми священниками и діаконами,—такъ называемый „*писчій*“ и „*печатный алтыны*“; 7) *явленная кунница съ грамотою*,“ взимаемая за представленіе духовенствомъ своихъ ставленныхъ, настольныхъ и благословенныхъ грамотъ новому епархіальному владыкѣ и новому десятиннику въ округѣ; отмѣнена она лишь Стоглавымъ соборомъ; 8) *судебная пошлина* за веденіе церковнаго суда (мѣсячнаго и др.) и взимаемыя съ виновныхъ штрафы. 9) *Штрафы духовныхъ лицъ* за невыполненіе своихъ обязанностей; 10) *вѣчная пошлина* за „вѣчныя знамена“, которыми разрѣшались браки; она взималась въ значительномъ количествѣ или самими знаменщиками, которымъ поручено было давать разрѣшеніе на браки, или священниками, совершавшими вѣнчаніе. Стоглавый соборъ опредѣлилъ собирать эту пошлину разъ въ годъ вмѣстѣ съ другими архіерейскими пошлинами поповскимъ старостамъ и десятскимъ священникамъ, сообразно съ записью браковъ въ приходскихъ книгахъ, при чемъ назначилъ таксу на „вѣчныя знамена:“ за первый бракъ—алтынъ, за второй 2, за третій 4. 11) Плата за *архіерейскія службы* по приглашенію архіерсевъ въ домовыя и приходскія церкви; 12) различныя *пошлины и штрафы съ поселенцевъ*, проживавшихъ на архіерейскихъ вотчинахъ, тѣ же, какія были у другихъ

церковныхъ владѣльцевъ; 13) добровольныя приношенія богатыхъ лицъ и особенно князей; 14) наконецъ въ пользу нѣкоторыхъ архіерейскихъ кафедръ шли по временамъ и особенные доходы; такъ напр. Кіевскій князь Александръ Владиміровичъ своей грамотой предоставилъ Московскому митроп. Исидору особую пошлину — „конское мыто“ въ Кіевѣ у св. Флора и Лавра. Московскій князь Василій Ивановичъ распорядился, чтобы всѣ русскіе владыки платили пошлину изъ своихъ доходовъ на Смоленскую кафедру, а Іоаннъ IV не только удѣлилъ Казанскому архіепископу десятину изъ всѣхъ доходовъ Казанской земли, но и приказалъ отъ всѣхъ владыкъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ собирать на него пособіе деньгами и хлѣбомъ. Митрополитъ, кромѣ доходовъ одинаковыхъ съ прочими епархіальными владыками, еще имѣлъ особые доходы по своему митрополичьему управленію; именно всѣ епархіи обязаны были выплачивать ему пошлины, сами епископы являлись къ нему на поклонъ съ „честью и съ дары“; за мѣсячный судъ въ чужихъ епархіяхъ взыскивались въ пользу него пошлины, штрафы и съ духовенства—подѣзды; шли на него доходы и съ митрополичьихъ „извѣстныхъ“ монастырей, находившихся въ чужихъ епархіяхъ.

Вообще доходы епархіальныхъ архіереевъ были очень велики, особенно до Стоглаваго собора, когда владыки и ихъ чиновники брали большіе поборы. Не даромъ при епископскихъ кафедрахъ мы видимъ многочисленный штатъ бояръ, стольниковъ, отроковъ и другихъ дворовыхъ людей (до 100 человекъ); не даромъ дворъ и домъ митрополита Московскаго и архіепископа Новгородскаго представлялись похожими на великокняжескіе дворцы. Но за то и расходы епископовъ, особенно же митрополита, были очень велики. Епископы платили оброки и пошлины въ княжескую казну, строили себѣ дворы, дома и заводили хозяйство на своихъ земляхъ, участвовали въ городскихъ и церковныхъ постройкахъ, украшали церкви, содержали благотворительныя учрежденія, тратились на выкупъ плѣнныхъ, на вспоможеніе бѣднымъ людямъ, церквамъ и монастырямъ, на „поминки“ (подарки) князьямъ и знатымъ лицамъ, на денежное пособіе государству, особенно во время войнъ; Новгородскій архіепископъ и Мо-

сковскій митрополитъ даже содержали свои полки; наконецъ епископы имѣли большую дворню и много помощниковъ по епархіальному управленію. Правда, что въ пользу нихъ производились съ епархіи особые сборы, какъ-то: „сборная куница“ и плата за антимины и освященіе церквей — на клирошанъ, а десятинники, доводчики, заѣздчики, зазывщичи или зазывныя пошлыны на свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, „людское“ и др. — на архіерейскую дворню; но этихъ сборовъ было недостаточно. Епископы должны были удѣлять своимъ помощникамъ часть изъ своихъ доходовъ; напр. съ нѣкоторыхъ церквей вѣчная пошлына была отдаваема въ пользу каѳедральныхъ причтовъ; за поставленіе духовныхъ лицъ клирошане получали отъ нихъ по опредѣленію Владимірскаго и послѣ — Стоглаваго собора наибольшую часть „ставленной“ пошлыны. Сумма всѣхъ этихъ архіерейскихъ расходовъ иногда, особенно въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напр. военныя операціи, или пріѣздъ государя, бывала такъ велика, что сами епископы входили въ долги. Обыкновенно же расходы съ излишкомъ покрывались доходами архіерейскихъ каѳедръ.

Содержаніе блага духовенства, особенно сельскаго, было гораздо меньше обезпечено. Для содержанія его служили: 1) *церковныя вотчины*, или пожертвованныя князьями, епископами и прихожанами, или же купленныя на церковный счетъ; у сельскихъ церквей вотчины бывали очень малы, — иногда въ 3 десятины пахатной земли и копенъ на 6 сѣна луговой земли; еще рѣже бывали у нихъ маленькія деревеньки отъ 2 дворовъ и выше. „Сельскому причту даются — писалъ одинъ иностранецъ въ началѣ XVI вѣка, маленькіе домики съ полями и лугами, отъ которыхъ они снискиваютъ пропитаніе, какъ и ихъ сосѣди, своими собственными руками... приходовъ, одаренныхъ помѣстьями и владѣніями, не много“. Городскія и преимущественно соборныя церкви владѣли большими пространствами земли и угодьями, такъ что могли сдавать ихъ на оброкъ, даже продавать или отдавать въ ростъ хозяйственныя произведенія. 2) *Руга* отъ казны и прихожанъ. Первая шла по преимуществу на городскія церкви и сравнительно рѣдко на сельскія; вторая — на тѣ и другія. Первая выплачивалась по жалованнымъ и ружнымъ граматамъ,

вторая по „поряднымъ записямъ“, составляемымъ прихожанами по договору съ причтами; какъ та, такъ и другая руга выдавалась или деньгами, или естественными произведениями: хлѣбомъ, медомъ, рыбою и сукномъ (какъ въ Москвѣ). 2) *Добровольныя приношенія* прихожанъ за совершеніе требъ, какъ за крещеніе, исповѣдь, браки, молебны, похороны, панихиды, сорокоусты и т. п.; соборному духовенству платилось иногда за участвованіе въ соборномъ служеніи по случаю освященія какой-либо церкви или храмоваго праздника. Не довольствуясь добровольными приношеніями, духовенство часто притѣсняло мірянъ, производя „великія продажи“ (поборы). Иногда церковная и гражданская власть считала нужнымъ дѣлать внушенія духовенству и даже назначать опредѣленную плату за требы. 4) *Сборы* съ прихожанъ, по меньшей мѣрѣ 4 раза въ годъ, во время великихъ и особенно храмовыхъ праздниковъ. Въ Новгородской области было въ обычаѣ на эти послѣдніе посылать въ монастыри и посадскіе церкви соборнаго дякона, который кромѣ приношенія, лично ему сдѣланнаго, привозилъ съ собою въ Софійскій соборъ такъ называемыя „праздничныя гривны“. 5) Духовенство соборное пользовалось кромѣ того еще различными пошлинами, такова напр. *проскурная* (съ просфоръ) пошлина въ Новгородской области.

Изъ представленныхъ источниковъ, откуда бѣлое духовенство извлекало средства на свое содержаніе, можно видѣть, что городское и особенно соборное духовенство находилось въ несравненно лучшихъ условіяхъ чѣмъ сельское. Это послѣднее должно было пользоваться по преимуществу тѣмъ, что давали ему прихожане, и должны были стоять въ зависимости какъ отъ ихъ усердія, такъ и отъ величины приходовъ. Къ сожалѣнію не всегда прихожане заботились объ обезпеченіи своего причта, приходы же не вездѣ были велики; къ половинѣ XVI вѣка было не мало такихъ приходовъ, которые не въ состояніи были обезпечивать своихъ причтовъ, такъ что инныя церкви стояли лѣтъ по 20 безъ священниковъ, и Стоглавый соборъ вынужденъ былъ запретить постройку лишнихъ церквей, которыхъ не могли обезпечить нужными средствами сами строители. При недостаточности средствъ къ содержанію сельскаго духовенства яв-

ляются съ другой стороны большіе расходы его. Особенно много расходовалось на архіерейскія каѳедры и архіерейскихъ чиновниковъ. Изъ перечня пошлинъ, шедшихъ на архіерея съ бѣлаго духовенства, уже можно видѣть, какъ тяжело было для него архіерейское тягло. Но оно становилось еще тяжеле, когда сами епископы и ихъ помощники допускали злоупотребленія. На Стоглавомъ соборѣ царь Иванъ Васильевичъ заявилъ: „у васъ, святителей, бояре и дьяки, и тѣны, и десятичники, и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не право, и волочатъ и продаютъ..., а десятичники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости... и церкви отъ десятичниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоять многія пусты, безъ пѣнія, и поповъ нѣтъ“ (гл. 5, вопр. 7); клирошане также „чинили великую продажу о антиминосѣхъ“ (вопр. 2 и гл. 47). и вѣчныхъ знаменахъ (вопр. 4). Ко всему этому присоединялись поборы со стороны вліятельныхъ прихожанъ, княжескихъ чиновниковъ и церковныхъ патроновъ при избраніи кандидатовъ на священнослужительскія мѣста; наконецъ, тѣ пошлины и повинности, какія духовенство должно было нести въ пользу государства. Результатомъ всего этого была крайняя бѣдность сельскаго духовенства. По неволѣ оно должно было совершать черныя работы, грязно одѣваться и жить также, какъ поселяне. Неблагопріятны были, поѣтому, условія и къ прохожденію пастырскихъ обязанностей; матеріальный интересъ для духовенства былъ настолько насущнымъ, что поглощалъ все его вниманіе и приводилъ къ злоупотребленіямъ. Явилось въ духовенствѣ мздоимство, отдача денегъ и хлѣба въ ростъ, побѣги въ города или монастыри для найма на церковныя службы (крестцовое духовенство), частые переходы изъ одного прихода въ другой (духовенство переходное) и т. п. Какъ ни ратовали противъ этихъ недостатковъ свѣтская и церковная власти, они продолжали существовать во весь данный періодъ, потому что тѣ же власти не позаботились обезпечить надлежащимъ образомъ матеріальное положеніе сельскаго духовенства и такимъ образомъ оставили жить тотъ корень, изъ котораго выросли злоупотребленія. Правда, митроп. Даніилъ съ Василіемъ Ивановичемъ приговорилъ переписать всѣ приходы въ митрополію, чтобы „полегчать

нѣкоторые изъ нихъ въ даняхъ, на другіе же положить больше“; однако приговоръ остался невыполненнымъ. Съ постепеннымъ обособленіемъ духовенства въ сословіе, все сильнѣе и сильнѣе чувствовались экономическія нужды его, потому что больше и больше являлось въ немъ лишнихъ ртовъ и недобычливыхъ рукъ.

Установившаяся прежде *связь между церковію и государствомъ*, въ XIII—XVI в. еще болѣе закрѣпляется. Постоянно встрѣчаешься съ фактами вліянія первой на второе и на оборотъ. Но въ исторіи ихъ взаимоотношеній можно замѣтить все болѣе и болѣе усиливающееся преобладаніе государства надъ церковію. Прежде только организовавшееся, и состоявшее подъ опекой церкви, въ настоящій періодъ оно отъ удѣльной, безпорядочной жизни приходитъ къ центраціи около Московскаго престола на сѣверѣ и польскаго трона—на юго-западѣ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не только снимаетъ съ себя опеку церкви, но и ее саму ставить въ подчиненіе себѣ. Это послѣднее идетъ также прогрессивно, какъ возвышеніе гражданской власти. Поэтому между началомъ даннаго періода, когда еще существовали удѣлы и при ихъ разрозненности митрополитъ служилъ связующимъ Россію центромъ, и между концемъ, когда удѣлы прекратили свое существованіе и возвысились до самодержавія, Московскій государь и польскій король, замѣтна большая разница въ отношеніяхъ свѣтской власти къ церковной жизни и церковной власти.

Вліяніе свѣтской власти на церковную жизнь выражается въ данный періодъ въ разнообразнѣйшихъ дѣйствіяхъ по всѣмъ сторонамъ церковной жизни. Князья на сѣверѣ Россіи заботятся о насажденіи христіанства во вновь приобрѣтенныхъ областяхъ и о христіанскомъ просвѣщеніи новообращенныхъ, на югѣ же польскій король подъ вліяніемъ католической партіи старается ослабить силу православнаго христіанства, помогая католической пропагандѣ. Русскіе князья сами строятъ храмы и монастыри, открываютъ епархіи, опредѣляютъ ихъ предѣлы, даютъ средства на содержаніе кафедръ и церквей, сами вліяютъ на избраніе духовныхъ лицъ, а съ теченіемъ времени сами даже единолично избираютъ высшихъ представителей церковной власти. На

югѣ Россіи это стало однимъ изъ правъ короля, на сѣверѣ же въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ практиковалось такъ часто, что сдѣлалось обычнымъ явленіемъ. Также произвольно свѣтская власть низлагаетъ іерарховъ, какъ и возводитъ: судъ надъ ними польскій король даже приписываетъ себѣ, какъ свое право. Во внутренней жизни церкви вліаніе свѣтской власти было не меньше. Она издастъ грамоты, опредѣляющія права духовенства, характеръ церковнаго управленія и суда; она выдаетъ грамоты жалованныя и несудимыя, нарушая ими обычныя и каноническія права іерарховъ; она вмѣшивается въ управленіе монастырями, особенно князьими, и церквами, особенно ружными; она приписываетъ себѣ право высшаго суда въ сомнительныхъ случаяхъ смѣстнаго суда; она повѣряетъ монастырскую кассу; она отнимаетъ иногда церковныя имущества; она созываетъ нерѣдко соборы, указываетъ здѣсь на церковныя недостатки и предлагаетъ іерархамъ ихъ уничтожить; она скрѣпляетъ своими печатами важныя распоряженія митрополита, она принимаетъ доклады отъ епископовъ по церковнымъ вопросамъ; она слѣдитъ за ересями, сама борется иногда съ еретиками (такъ напр. на соборѣ 1503 г.); она сама сносится иногда съ константинопольскимъ патріархомъ по церковнымъ нуждамъ (напр. грамоты Василія Васильевича по случаю избранія Іоны); сама, даже непосредственно, уничтожаетъ церковныя недостатки (напр. Іоаннъ IV пишетъ грамоты въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь противъ тамошнихъ беспорядковъ); сама наконецъ ставитъ различныя стѣсненія для церковныхъ іерарховъ, даже въ ихъ частномъ быту, напр. вмѣшиваясь въ избраніе ими помощниковъ себѣ по управленію домовъ и епархіями. Трудно сказать, гдѣ сильнѣе давила центральная свѣтская власть на церковную жизнь, на югѣ ли, или на сѣверѣ Россіи; но несомнѣнно, что мѣстные чиновники больше стѣсняли ее и злоупотребленія были крупнѣе отъ вмѣшательства свѣтскихъ властей въ церковную жизнь—въ южной Россіи. Грамоты, часто издаваемыя князьями и королями на счетъ неприкосновенности церковнаго управленія и суда, были большею частію гласомъ вопіющимъ въ пустыни: на югѣ Россіи ихъ не слушали областные чиновники, имъ не слѣдовали строго и сами короли; на сѣверѣ, если и боялись

ихъ нарушать первые, за то часто обходили великіе князья.

При такомъ положеніи вещей и церковная власть все болѣе и болѣе забиралась въ руки свѣтской и дѣйствовала по его инициативѣ; сравнительно большую самостоятельность она проявляла или въ началѣ періода, когда не настолько еще была сильна свѣтская власть, или въ концѣ—при малолѣтнихъ и неокрѣпшихъ еще политически государяхъ. Соотвѣтственно съ этимъ и степень *вліянія церковной власти* на ходъ гражданскихъ дѣлъ въ различныя времена была различна. При удѣльновѣчевомъ порядкѣ епископы благословляли и „посажали“ князей на княженіе; по ихъ благословенію князья давали жалованныя грамоты, ихъ приглашали при написаніи своихъ духовныхъ завѣщаній, имъ ввѣряли опеку надъ малолѣтними дѣтьми; ихъ отправляли для переговоровъ о наслѣдствѣ, раздѣлѣ земель и вообще для взаимныхъ объясненій; они же перѣдко являются послами при заключеніи мира, обличителями и совѣтниками князя. Вотъ напр. что передаютъ древніе памятники о Симеонѣ, епископѣ Тверскомъ († 1289 г.): „Константинъ, князь полоцкій, называемый Безрукій, желая уколоть своего тіуна, сказалъ въ слухъ всѣхъ епископу: гдѣ будутъ наши тіуны на томъ свѣтѣ? Владыка Симеонъ отвѣчалъ: тамъ же гдѣ и князь. Князю это не понравилось и онъ сказалъ: тіунъ судитъ не прѣво, беретъ деньги, продаетъ и мучитъ людей, дѣлаетъ все худое; а я что дѣлаю? Владыка сказалъ ему: если князь—добрь и богобоязненъ, жалѣетъ людей, любитъ правду и потому выбираетъ въ тіуна или властелина человека добраго и богобоязненнаго, умнаго и правдолюбиваго—то князь будетъ въ раю и тіунъ его съ нимъ. Если же князь безъ страха Божія, не жалѣетъ христіанъ, не думаетъ о сиротахъ и вдовахъ, и поставляетъ начальника злаго, неразумнаго, только бы давалъ ему купы (деньги), пускаетъ его какъ голоднаго пса на падалъ, губитъ людей: то и князь будетъ въ аду и тіунъ его съ нимъ. Говорю вамъ князьямъ и намѣстникамъ: утѣшайте печальныхъ, избавляйте слабыхъ изъ руки сильныхъ. Богатые обижаютъ ихъ, и они къ вамъ приходятъ какъ къ защитникамъ добрымъ. Вы же, князья и намѣстники, подобны дождевой тучѣ, пущающей воду надъ моремъ, а не надъ землею жаждущею. Вы тѣмъ даете и по-

могаете, у которыхъ много серебра и золота, а не тѣмъ, которые не имѣютъ ни пенязя; бѣдныхъ отдаете въ рабство, а богатыхъ надѣляете щедро“. Между епископами особенно большимъ значеніемъ пользовался, какъ и прежде, Новгородскій владыка. Имя его въ новгородскихъ грамотахъ ставилось выше имени не только посадника, но и князя. У него спрашивали новгородцы благословенія на войну и миръ, съ его согласія и даже при его участіи заключались договоры съ удѣльными и великими князьями, даже съ Швеціей, Польшей и Литвой; съ его благословенія возводились постройки, давались жалованныя грамоты; къ нему обращались съ поклономъ и просьбою тѣ, кто хотѣлъ ладить съ новгородцами; имъ скрѣплялись вѣчевыя постановленія, онъ давалъ свое войско во время войны, деньги при нуждахъ города, онъ же выступалъ въ качествѣ примирителя при внутреннихъ смутахъ и верховнаго судіи—въ спорныхъ случаяхъ. Когда палъ удѣльный порядокъ и не стало удѣльныхъ князей, епископы въ городахъ заняли первенствующее мѣсто. Поэтому-то ихъ можно видѣть иногда во главѣ заговора, когда тотъ или другой городъ поднимается противъ Московскаго государя съ цѣлію вернуть свою самостоятельность. Напр. Теофілъ Новгородскій вступаетъ въ переговоры съ Казиміромъ при Іоаннѣ Ш, Варсанофій Смоленскій—съ Сигизмундомъ при Василіѣ Ш. Поэтому же и сами Московскіе князья расправляются съ епископами такъ, какъ будто это были представители города;—ссылаютъ и заключаютъ въ заточеніе, какъ было напр. съ упомянутыми Варсанофіемъ и Теофіломъ. Поэтому же наконецъ и митрополиты, желая привлечь какой либо городъ къ помощи Московскому князю или подавить тамъ возстаніе, дѣйствуютъ иногда чрезъ мѣстнаго епископа и подчиненное ему духовенство *). Ту роль, какую играли въ политическихъ дѣлахъ епископы, брали на себя иногда архимандриты, игумены и городскіе священники, какъ по своей инициативѣ, такъ и по порученію князя или епископа. Съ прекращеніемъ удѣльновѣчеваго строя, съ подчиненіемъ городовъ Московскому великому князю и съ вве-

---

*) Напр. грамоты Филиппа I къ тому же Теофілу, Іоны—къ тверскому еп. Иліи (1451—2 г.).

деніемъ всюду опредѣленныхъ гражданскихъ формъ, епископы утратили свое политическое значеніе. Только соборно осмѣливались они высказывать свое мнѣніе, да и то или по данному на это княземъ дозволенію, или въ угоду великому князю. Такъ напр. на Стоглавомъ соборѣ они высказались за судебникъ Іоанна IV и въ обличительномъ посланіи къ Димитрію Юрьевичу Шемякѣ (1447 г.)—за новый порядокъ престолонаслѣдія, водворившійся въ Москвѣ. Случай, когда епископы единолично осмѣливались бы давать политическіе совѣты великому князю, не зная какъ этотъ приметь ихъ, были исключительными: епископы боялись это дѣлать и предоставляли митрополиту. Изъ ряда вонъ выходитъ обличеніе Вассіаномъ Рыло Ростовскимъ великаго князя Іоанна III за его трусость въ дѣлѣ борьбы съ ханомъ Ахматомъ; но нужно замѣтить, что Вассіанъ былъ духовникомъ князя и пользовался его уваженіемъ. Гораздо шире былъ кругъ политическихъ дѣйствій русскаго митрополита. Онъ былъ главою русской церкви и потому могъ простираť свое вліяніе на всѣ области; онъ былъ ближе къ великому князю и потому могъ удобнѣе вліять на самое средоточіе гражданской жизни. Митрополиты вмѣшиваются въ удѣльныя распри и всевозможными средствами стараются прекратить ихъ. Напр. когда въ 1270 г. новгородцы выгнали князя Ярослава Ярославича и выступили противъ него съ своимъ войскомъ, митрополитъ Кириллъ III послалъ имъ письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: „мнѣ поручилъ Богъ архіепискошію въ русской землѣ, а вамъ должно слушать Бога и меня; не проливайте крови; Ярославъ оставляетъ всякую злобу, за это я ручаюсь; если же вы цѣловали крестъ противъ него, я принимаю на себя епитимію за нарушеніе вами клятвы и отвѣчаю за то предъ Богомъ“; новгородцы послушались совѣта и помирились съ княземъ. Когда Борисъ отнялъ Нижній-Новгородъ у своего брата Димитрія Суздальскаго, то митрополитъ Алексій послалъ въ Нижній-Новгородъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, чтобы уговорить Бориса уступить брату, и тотъ затворилъ тамъ всѣ церкви и прекратилъ богослуженіе; Суздальскаго епископа Алексія, поддерживавшаго Бориса, митрополитъ тогда же лишилъ принадлежавшей ему Нижегородской области (1365 г.); Борисъ долженъ былъ смириться. Когда въ 1328 г.

псковичи укрыли у себя вызываемаго въ орду Тверскаго князя Александра Михайловича и не хотѣли его выдать, митрополитъ Феогностъ „посла проклятіе и отлученіе“ на князя Александра и на псковичей, такъ что они должны были уступить. Дѣйствуя такъ въ данномъ случаѣ, митрополитъ боялся, какъ бы ханскій гнѣвъ за неявку въ орду князя Александра не обрушился на всю Россію, и такимъ образомъ косвенно оберегалъ благосостояніе Россіи. Но извѣстенъ случай митрополичьей дѣятельности и прямо для этой цѣли. Когда Бердибекъ, умертвивши своего отца Чанибека, сдѣлался ханомъ орды, то потребовалъ отъ всѣхъ русскихъ князей новой дани и сталъ собираться на нихъ войною; по просьбѣ великаго князя митрополитъ Алексій отправился въ орду, укротилъ гнѣвъ хана и отклонилъ ожидаемая для Россіи бѣды (1357 г.). Когда приходилось Московскимъ князьямъ бороться съ татарами, митрополиты убѣждали и удѣльныхъ князей выступить на это дѣло. Такъ напр. митрополитъ Іона посылалъ грамоту и Коломенскій епископъ Геронтій къ Можайскому князю Ивану Андреевичу; онъ же призывалъ на помощь и Тверскаго князя Бориса Александровича чрезъ мѣстнаго епископа Ілію. Митрополитъ былъ ходатаемъ за побѣжденныхъ князей и тѣ такъ смотрѣли на него. Еще больше дѣлали русскіе митрополиты въ интересахъ Московскаго великаго князя. Они поддерживали его въ борьбѣ съ его врагами, они старались всѣ русскія области стянуть къ Москвѣ. Къ этому побуждалъ ихъ и самъ князь и ихъ собственные интересы, такъ какъ гражданское объединеніе Россіи способствовало и большому подчиненію епархій власти Московскаго митрополита. Митрополитъ Алексій въ 1364 г. былъ посредникомъ при заключеніи договора между великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ и двоюроднымъ его братомъ Владиміромъ Андреевичемъ; чрезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же митрополитъ наложилъ церковное отлученіе на смоленскаго князя Святослава и другихъ князей за то, что они, нарушивъ клятву, пошли вмѣстѣ съ Ольгердомъ войною противъ Димитрія Іоанновича. Митрополитъ Фотій самъ ѣздилъ въ Галичь, чтобы лично уговаривать Звенигородскаго князя Юрія Димитріевича помириться съ своимъ племянникомъ Московскимъ княземъ Василиемъ

Васильевичемъ; когда тотъ не уступалъ, митрополитъ удался, не благословивъ ни его, ни города; и наконецъ добился своей цѣли: Юрій догналъ его на дорогѣ, упросилъ возвратиться въ Галичъ, дать благословеніе и ему и городу, обѣщая не поднимать руки на племянника (1425 г.). Въ княженіе Василя Васильевича митрополитъ Іона принималъ живое участіе въ борьбѣ его съ Димитріемъ Юрьевичемъ Шемякою. Въ своей окружной граматѣ (1448 г.) святитель убѣждалъ всѣхъ сыновъ Россіи признавать законнымъ великаго князя Василя и не поддерживать Димитрія, сторонниковъ же его уговорилъ покориться великому князю и прекратить кровопролитіе, угрожая въ противномъ случаѣ затворить храмы въ ихъ странѣ; въ слѣдующемъ году митрополитъ даже путешествовалъ съ великимъ княземъ въ Кострому и личнымъ убѣжденіемъ склонилъ Шемяку къ миру. Но примиреніе это оказалось не искреннимъ; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Шемяка поднялся снова въ Галичѣ и, разбитый княземъ, утвердился въ Новгородѣ. Іона нѣсколько разъ посылалъ сюда своихъ пословъ и граматы, убѣждая новгородцевъ не держать у себя князя Димитрія и не ходить съ нимъ на кровопролитіе; архіепископа Евфимія онъ уговаривалъ подѣйствовать, если можно, на Димитрія, склонить его къ уступкѣ, если же это не удастся, не имѣть съ нимъ общенія, какъ съ отлученнымъ отъ церкви (1452 - 3 г.). Извѣстны также посланія св. Іоны въ Вятку, гдѣ Шемяка находилъ для себя помощь; въ одномъ посланіи онъ укоряетъ вятичей за то, что они соединились съ отлученнымъ отъ церкви Шемякою и, вопреки крестному цѣлованію, ходили съ нимъ на вотчины великаго князя, грабили и раззоряли церкви, мучили христіанъ, продавали плѣнниковъ въ поганство и убѣждаетъ ихъ исправиться, угрожая своимъ неблагословеніемъ; во второмъ— онъ даетъ выговоръ вятскому духовенству за то, что оно не старается исправить паствы, и угрожаетъ ему отлученіемъ отъ церкви, если вятичи не покорятся великому князю (около 1452 г.). Извѣстна наконецъ грамата св. Іоны къ Смоленскому епископу Мисаилу, гдѣ онъ уговариваетъ его принять мѣры противъ сторонника Шемяки, Можайскаго князя Ивана Андреевича (1454 г.). Помогая Московскому князю возвышаться надъ другими кня-

зьями, митрополиты принимали участіе и въ дѣлахъ внутренней политики Московскаго княжества. Иногда это участіе проявлялось только въ благословеніи митрополита, иногда въ совѣтахъ, наставленіяхъ и обличеніяхъ, иногда же и во виѣшней дѣятельности. Митрополитъ своимъ благословеніемъ скрѣплялъ договоры великаго князя, своею подписью и печатію онъ же свидѣтельствовалъ и духовныя завѣщанія князя; его благословенія спрашивали князья въ важныхъ гражданскихъ дѣлахъ: „по благословенію отца нашего митрополита“—встрѣчаемъ мы обыкновенно въ важныхъ княжескихъ грамотахъ; не только въ началѣ, но и въ концѣ періода, встрѣчаемся мы съ этимъ. Напр. даже такой царь, какъ Іоаннъ IV, не терпѣвшій посторонняго вмѣшательства въ свой дѣла и вліянія на него, однако заручался благословеніемъ митрополита и собора, когда издавалъ свой судебникъ (1549 и 1551 г.), или когда колебался относительно войны съ Польшей (1551). Митрополиты были совѣтниками великаго князя. Это прямо выражаютъ многіе князья. Напр. Симеонъ Іоанновичъ въ завѣщаніи своимъ братьямъ заповѣдуетъ имъ „слушать“ митрополита Алексія, какъ отца; Василій Васильевичъ въ одной изъ грамотъ Константинопольскому патріарху заявляетъ, что князю приходится бесѣдовать съ митрополитомъ и о гражданскихъ, иногда сокровенныхъ, дѣлахъ. Іоаннъ IV послѣ страшнаго Московскаго пожара 1547 г. публично обратился къ митрополиту Макарію съ такими словами: „молю тебя, святой владыко, будь мнѣ помощникомъ и поборникомъ въ любви“. Случаевъ, когда митрополиты дѣйствительно были совѣтниками и помощниками великаго князя очень много. Митрополитъ *Алексій*, которому поручено было умирающимъ княземъ Симеономъ руководительство юными его братьями, былъ главнымъ руководителемъ Іоанна Іоанновича и послѣ—Димитрія Іоанновича; въ малолѣтство же его онъ стоялъ во главѣ боярскаго думы. Митрополитъ *Геронтій*, хотя не пользовался большимъ вліяніемъ на гражданскія дѣла, тѣмъ не менѣе давалъ совѣты великому князю Іоанну III. Такъ, когда (1480 г.) Ахматъ двинулся въ предѣлы Россіи и великій князь, по внушенію нѣкоторыхъ бояръ, готовъ былъ удалиться въ какое либо безопасное мѣсто, митрополитъ

съ архіепископомъ Ростовскимъ Вассіаномъ и духовенствомъ употребилъ всѣ старанія, чтобы побудить князя на открытую борьбу съ татарами. Тотъ дѣйствительно отправился съ войскомъ; расположивъ его, гдѣ считалъ удобнымъ, однако самъ скоро вернулся въ Москву; митрополитъ и Вассіанъ встрѣтили его здѣсь упреками, предполагая въ немъ трусость; когда же тотъ отправился на битву, митрополитъ благословилъ его; но услыхавъ, что великій князь готовъ заключить съ Ахматомъ миръ, послалъ къ нему отъ лица всего духовенства посланіе, уговаривающее князя вступить въ рѣшительную битву съ татарами и призывающее на это дѣло Божіе благословеніе. При борьбѣ Іоанна III съ Новгородомъ, митрополитъ Геронтій былъ на сторонѣ князя и согласился на мѣсто Теофила послать новаго архіепископа въ Новгородъ. Наконецъ онъ послалъ грамоты и въ Вятку, убѣждая туземцевъ покориться великому князю и не опустошать его вотчинъ. Митрополитъ *Даніилъ* при Василиѣ Ивановичѣ пользовался его неизмѣннымъ благорасположеніемъ, хотя это послѣднее окупалось уступками со стороны митрополита; умирая, Василий Ивановичъ даже „приказалъ“ (отдалъ подъ опеку) малолѣтняго сына и наслѣдника своего Іоанна IV митрополиту Даніилу. Тотъ немедленно по смерти своего благодѣтеля привелъ бояръ и членовъ царской семьи къ присягѣ новому государю и регентшѣ—его матери Еленѣ; чрезъ нѣсколько времени благословилъ Іоанна на княженіе, и пока была жива Елена, принималъ участіе въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики: бывалъ въ думѣ, благословилъ литовскую войну, былъ посредникомъ въ примиреніи Іоанна IV съ его дядею Андреемъ Ивановичемъ. Но по смерти Елены, когда открылась борьба между Бѣльскими и Шуйскими, митрополитъ, стоявшій на сторонѣ первыхъ, вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ, долженъ былъ оставить каѳедру. Ее занялъ митроп. *Іоасафъ* (1539 г.). Онъ поддержалъ Бѣльскихъ и вмѣстѣ съ Иваномъ Бѣльскимъ былъ нѣсколько времени самымъ приближеннымъ къ царю лицомъ и „первосвѣтникомъ“; заботою его было умиротвореніе отечества. Но скоро (1542) Шуйскіе опять взяли верхъ, Бѣльскіе пали: Іоасафъ былъ заключенъ въ заточеніе. Избранъ былъ митрополитомъ *Макарій*. Онъ пользо-

вался большимъ вліяніемъ на государственную жизнь и самого царя; это вліяніе продолжалось, не смотря на суровость и капризъ царя, за все время жизни Макарія. Къ нему прибѣгаетъ царь, когда нужно было защитить Воронцова отъ Шуйскихъ, хотѣвшихъ его убить; у него онъ спрашиваетъ совѣта и долго бесѣдуетъ съ нимъ по вопросу о вступленіи въ бракъ; предъ нимъ изливаетъ свою душу и даетъ обѣтъ исправиться послѣ пожара 1547 г.; у него же проситъ помощи и руководства на слѣдующее время. Такимъ онъ и является послѣ. Только Сильвестръ да Одашевъ могли нѣкоторое время соперничать съ нимъ во вліяніи на царя. Отправляясь въ походъ противъ Казани, царь проситъ молитвъ и благословенія у митрополита; изъ похода нѣсколько разъ списывается съ нимъ; удачу похода приписываетъ мольтвамъ митрополита. На время удаленія изъ столицы царь оставлялъ государство и семью на попеченіе Макарія: „ты, отецъ мой, позаботься, сколько Богъ тебѣ дастъ, во всемъ соблюсти мое царство, а брата нашего и бояръ, здѣсь остающихся, во всемъ наставляй; равно береги духовно и жену мою, царицу Анастасію“ — говорилъ царь митрополиту, оставляя Москву. Зная силу митрополита у царя, Литовскіе паны, чтобы получить отъ послѣдняго желаемое, обращались перѣдко за ходатайствомъ къ митрополиту Макарію; къ нему же обыкновенно шли съ мольбами русскіе, подвергавшіеся царской опалѣ, и добивались, что царь жаловалъ ихъ „для отца своего митрополита Макарія“. Вліяніе его было такъ сильно, что сдерживало царя отъ тѣхъ безчинствъ, какія онъ сталъ совершать впоследствии. Со смертію Макарія какъ бы кончилось и то время, когда митрополиты могли вмѣшиваться въ гражданское управленіе. Самъ Іоаннъ IV сталъ заявлять, что духовенство во главѣ съ митрополитомъ покрываетъ виновныхъ въ крамолѣ бояръ своимъ ходатайствомъ, что „не подобаетъ священникамъ брать на себя царскія дѣла“. При учрежденіи опричины въ 1565 г. была объявлена царемъ оцала, рядомъ съ боярами, и духовенству за прикрытіе имъ бояръ достойныхъ казни. Понятно, что положеніе митрополита чрезъ это стѣснялось; всякій его совѣтъ касательно гражданскихъ дѣлъ могъ показаться подозрительному царю притязаніемъ на его власть. Поэтому - то

митрополитъ Аѳанасій долженъ былъ молча смотрѣть на открывшіяся дѣйствія опричины; поэтому то Германъ, избранный на мѣсто его, былъ удаленъ раньше посвященія; поэтому же Филиппъ II при своемъ вступленіи на митрополичью кафедру получаетъ отъ царя между прочимъ требованіе „въ опричину и царскій домовый обиходъ не вступаться“, и, когда вступился, подвергся заточенію и мученической кончинѣ; поэтому же наконецъ Кирилль IV и Антоній являются не только безмолвными свидѣтелями дѣлъ Грознаго, но и его „потаковниками“, по выраженію князя Курбскаго. Можно было бы при слабомъ царѣ Θεодорѣ митрополиту Діонисію вліять на ходъ гражданскихъ дѣлъ, и онъ старался объ этомъ; но ничего не могъ сдѣлать противъ сильнаго временщика Бориса Годунова.

Въ южной Россіи еще болѣе ограничено было вмѣшательство церковной власти въ гражданскія дѣла. Католическая королевская власть Польши, конечно, не могла терпѣть вліянія православной церкви и поддавалась лишь вліянію католическихъ бискуповъ и магнатовъ. По Городельскому, не разъ подтверждаемому впоследствии постановленію, православные даже лишались права быть въ польской радѣ и на сеймѣ.

Соотвѣтственно тому, какъ ограничивалось политическое значеніе духовной власти, произошло за данный періодъ и ограниченіе *юридическаго* ея значенія. Именно дѣла по душегубству, разбою и кражѣ съ поличнымъ мало по малу отошли въ вѣдѣніе свѣтскаго суда, спорные случаи смѣстнаго суда разрѣшались княземъ, въ суды по не духовнымъ дѣламъ были пущены цѣловальники и земскіе старосты; сами судьи (бояре епископскіе и митрополичьи) ставились съ согласія великаго князя, выдавались несудимыя грамоты церквамъ, монастырямъ и нѣкоторымъ церковнымъ вотчинамъ. Такимъ образомъ былъ суженъ кругъ судебной власти епископа надъ обществомъ и самый судъ его былъ даже поставляемъ подъ контроль власти свѣтской.

Осталось въ прежней силѣ, если только не было расширено, *экономическое* значеніе церкви для государства. Духовенство мало по малу притягивалось къ государственному тяглу, обязываясь платить различныя пошлыны и повинно-

сти; получая въ глухихъ мѣстахъ вотчины, оно старалось о заселеніи и обработкѣ ихъ, содѣйствуя тѣмъ экономіи государственной; оно само строило благотворительныя учрежденія, помогало при выкупѣ плѣнныхъ, давало деньги и войско на военныя и другія нужды государства; даже нерѣдко само по своей иниціативѣ участвовало въ городскихъ постройкахъ.

При тѣсной связи государства съ церковію и при господствѣ перваго надъ второю постепенно стало обнаруживаться въ самомъ устройствѣ церковнаго управленія вліяніе формъ гражданской жизни. Суды церковныя, напр., и все дѣлопроизводство здѣсь копировалось съ свѣтскихъ: дворъ митрополитій и епископскій представлялъ собою подобіе княжескаго двора; управленіе церковными вотчинами было очень похоже на управленіе княжескими вотчинами. Во Псковѣ, подобно земству, само бѣлое духовенство раздѣлилось на общины—купы, приписанныя къ собору и управляемая поповскимъ старостою; сельскіе приходы, какъ и земскія общины, тянули къ городу и входили въ соборныя купы. Такимъ образомъ въ данный періодъ уже даютъ себя чувствовать въ церковной жизни тѣ гражданскіе элементы, которые впоследствии проявились тамъ еще нагляднѣе.

А. Доброклонскій.

Смысль исторіи и идеалы прогресса.

Двѣ публичныя лекціи.

І-я ЛЕКЦІЯ.

Мм. Г.

Предметомъ моей бесѣды съ вами я избралъ на этотъ разъ вопросъ о *внутреннемъ смыслѣ* исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—возможную, въ предѣлахъ публичной лекціи, *оцѣнку* существующихъ разнообразныхъ пониманій задачи исторіи, — *понятій о томъ, что даетъ ей смыслъ и оправданіе*, какъ въ глазахъ самого переживающаго и дѣлающаго ее человѣка, такъ и въ глазахъ спокойно изучающаго ее издали историка. Выбралъ я *этотъ*, а не другой вопросъ въ виду того чрезвычайно важнаго и общаго *интереса*, который принадлежитъ ему и вообще и въ наше время — въ особенности. Какъ извѣстно, изъ всѣхъ земныхъ существъ *одинъ человекъ имѣетъ исторію*; одинъ онъ и пользуется ея плодами и несетъ ея тяготы; одинъ онъ въ своихъ поступкахъ *руководится и своимъ пониманіемъ той роли*, которую призванъ выполнить въ исторіи, служа своею личною жизнію къ осуществленію ея общихъ задачъ, связующихъ все прошедшее челоѣчества со всѣмъ его будущимъ. Одинъ человекъ имѣетъ и *лѣтопись и преданіе* на ряду съ этими своими понятіями о своихъ историческихъ задачахъ и своихъ историческихъ обязанностяхъ. Это такъ потому, что *одному* только челоѣку на земномъ шарѣ недостаточно еще *пережить* свою жизнь просто такъ, какъ она *дана* ему, — въ дурныхъ ли, въ хорошихъ ли условіяхъ; — ему нужно еще и какъ-либо *понять и оправдать* ее передъ собственнымъ сознаніемъ. Это ему необходимо до тѣхъ поръ, пока онъ въ своей дѣятельности остается *сознательнымъ*, пока онъ своими дѣйствіями стремится осу-

ществовать какія-либо свои сознанія *цѣли*, свои *понятія* о должномъ, достойномъ и желательномъ. Менѣе какого-либо другаго существа способенъ человѣкъ наслаждаться просто чувствомъ, что онъ *живетъ*; — онъ требуетъ *непрелѣнно* и отвѣта на вопросъ: *почему и для чего* именно онъ живетъ?, — также какъ и для всякаго сознательнаго дѣйствія своего требуетъ онъ необходимо не только наличности какого-либо *побужденія*, желанія, но и — какого-нибудь опредѣленнаго понятія о томъ, *почему и для чего* ему поступать такъ, а не иначе? Всѣхъ этихъ вопросовъ нѣтъ ни у предметовъ бессознательной природы, ни у животнаго. Нѣтъ въ ихъ дѣйствіяхъ и того *разнообразія*, *тѣхъ колебаній и ошибокъ*, которыми характеризуется всякая человѣческая жизнь, и которыя вносятся въ нее именно этими, чуждыми бессознательной природѣ и животному, вопросами съ ихъ возможными *разнообразными*, ибо добываемыми работой собственной мысли, рѣшеніями. *Свободныя* отъ нихъ — и природа и животное въ своей жизни *не колеблются*, *не заблуждаются и не грѣшатъ*, — а зрѣлище ихъ жизни не возбуждаетъ въ зрителѣ ни горькаго чувства негодованія, ни смѣха ироніи, ни чувства трагизма, ни чувства комизма. Все это составляетъ принадлежность *только человѣческой* жизни, которая вся совершается подъ руководствомъ всѣхъ этихъ, указанныхъ нами, вопросовъ *и разнообразныхъ*, — умныхъ или глупыхъ, полныхъ или неполныхъ, искреннихъ или неискреннихъ, корыстныхъ или безкорыстныхъ отвѣтовъ, которые даетъ на нихъ человѣку его собственное сознаніе, какъ плодъ его же собственной, дурной или хорошей, духовной работы. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ этого своего сознанія, до тѣхъ поръ не въ состояніи онъ отдѣлаться и отъ этихъ вовсе неутилитарныхъ, „*праздныхъ*“ вопросовъ, — и отъ необходимости какихъ-либо отвѣтовъ на нихъ, безъ которыхъ жизнь его лишена для него самого всякаго *смысла и оправданія*, а дѣятельность его — *руководства*.

Хотя вмѣстѣ съ ними вносятся въ жизнь и возможность ошибки, заблужденія, и возможность подвига и преступленія, и трагическое и комическое, — но вмѣстѣ съ ними же вносятся въ человѣческую жизнь и то *богатое разнообразіе* ея формъ и движущихъ ее стремленій, которое такъ

рѣзко отдѣляетъ ее отъ жизни природы и обусловливаетъ собою исключительно человѣческую *способность къ развитію*, исключительно человѣческое достояніе—*исторію*.

Безъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ, безъ *самосознанія* словомъ, — будь оно дурно или хорошо, глубоко или мелко, — нѣтъ ни этого разнообразія стремленій, характеровъ, понятій и поступковъ, ни возможнаго развитія, ни — слѣдовательно—исторіи. И *каково* самосознаніе человѣчества въ данную эпоху, — такова естественно и совершающаяся подъ его руководствомъ, направляемая имъ въ ту или другую сторону *дѣйствительная* жизнь его въ эту эпоху. Поэтому-то одинъ человѣкъ на земномъ шарѣ и несетъ *самъ нѣкоторую отвѣтственность* за свои судьбы. Поэтому же и одна человѣческая жизнь—и притомъ жизнь человѣка не бытоваго, но уже историческаго, сознающаго себя, — жизнь, въ которой идеалъ сознанія является *главнѣйшею* созидающею или разрушительною силою, — представляетъ примѣры такъ называемыхъ *безвыходныхъ* положеній.

Послѣднія неизвѣстны въ безсознательной природѣ, живущей, дѣйствующей и умирающей безъ какихъ-либо своихъ собственныхъ идеаловъ, безъ оцѣнки своей жизни. Ни капля воды, ни комета, ни кристаллъ, ни растеніе или даже животное - не знаютъ такихъ безвыходныхъ положеній; — въ ихъ жизни разрѣшеніе всякой задачи совершенно ясно и неизбѣжно, ибо—во всякомъ данномъ случаѣ — единственное возможное. Возникаетъ ихъ возможность лишь тамъ, гдѣ на мѣсто простаго *переживанія* своей жизни, какъ она дана, выступаетъ стремленіе *устроить* свою жизнь по своему разумѣнію, со всѣми соотвѣтствующими колебаніями, ошибками и разнообразіемъ задачъ и пріемовъ. Поэтому и знаетъ эти положенія одинъ только человѣкъ. Этой печальною повидимому привилегіей онъ обязанъ именно тому, что всякое дѣйствіе его есть осуществленіе какой-либо *сознанной и признанной* имъ желательною или достойною цѣли¹⁾, — что вся его внѣшняя жизнь есть лишь воплощеніе имъ во внѣ своего собственнаго, внутренняго міра²⁾.

¹⁾ А сознать и признавать желательнымъ и достойнымъ онъ можетъ столь многое и различное, и—съ такой различной степенью ясности, полноты и очевидности!

²⁾ А этотъ внутренній міръ отъ его же собственной дѣятельности, равноо-

И поэтому—когда въ послѣднемъ все смутно, все распатано и хаотично, то и внѣшняя жизнь человѣка не можетъ принять никакого опредѣленнаго направленія и устойчиваго строя, но становится вполне безвыходною и—чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе невыносимою. Когда мы говоримъ, что положеніе „безвыходно“, это значитъ, что одновременно съ сознаниемъ всей его тяжести существуетъ и полная неизвѣстность на счетъ того, что именно можно и что должно предпринять для выхода изъ него, для замѣны его другимъ, болѣе сносымымъ. Знаетъ здѣсь человѣкъ только одно то, что *нужно* измѣнить настоящее положеніе, нужно во чтобы то ни стало перейти въ другое, но не знаетъ — *чѣмъ* замѣнить это тяжелое настоящее, — какъ, зачѣмъ и какого искать новаго положенія. Въ *этомъ* отрицательно—критическомъ характерѣ—именно и вся мучительность такъ называемыхъ безвыходныхъ положеній. Таковы въ личной жизни напр. состоянія крайняго ужаса, послѣднихъ степеней отчаянія и физической боли (вызываемыя только отрицательными, неопредѣленными, колеблющимися состояніями мысли и чувства) и т. п., дѣятельная реакція которыхъ выражается или въ оцѣненіи или въ безмысленной и безцѣльной, *неопредѣленной* по своему направленію, но тѣмъ болѣе страстной ¹⁾ перемѣнѣ положеній, — въ метаніи, судорогѣ, агоніи. Въ жизни обществъ и народовъ эти судороги и метанія имѣютъ свой противень въ революціяхъ съ тою же неопредѣленною (ибо опирающейся лишь на отрицательную критику существующаго), а потому естественно и никогда неосуществимой цѣлью — измѣнить настоящее положеніе *quand-tôte*, на *какое-бы то ни было* другое, лишь-бы на другое. Конецъ этихъ метаній, судорогъ, этихъ страстныхъ и нерегулированныхъ порывовъ къ измѣненію ради голаго измѣненія, есть или истощеніе и смерть, или—выходъ изъ прѣжняго неопредѣленнаго положенія въ совершенно-опредѣленномъ, точно и ясно намѣченномъ направ-

---

равной и по направленію, и по энергіи, получаетъ ту или иную опредѣленность, тотъ или другой строй и содержаніе.

¹⁾ Напоинимъ психологическій законъ: эмоциональность душевныхъ движеній *обратно-пропорціональна* ихъ сознательности.

леніи ¹⁾. Безъ яснаго, опредѣленнаго самосознанія, съ одною отрицательной критикою, съ *длящимся* хаосомъ въ области своихъ положительныхъ цѣлей, идеаловъ и критеріевъ жизни, нельзя человѣку долго прожить хотя-бы искусственнымъ подобіемъ исторической, культурной жизни. Быстрое *одичаніе* здѣсь неизбѣжно, такъ-же какъ неизбѣжна физическая смерть для существа, долгое время погруженнаго въ оцѣпенѣніе ужаса, или мятущагося въ судорогахъ. Нельзя *жить* и тѣмъ болѣе *устроить* свою жизнь человѣку, который ясно знаетъ, лишь то, чего онъ *не* хочетъ и во что *не* вѣрить, но не знаетъ и не ищетъ даже узнать, чего-же ему положительно хотѣть отъ себя и отъ жизни и во что вѣрить! ²⁾.

¹⁾ Напомнимъ читателю, знакомому съ психологіей, что *чувства* боли, отвращенія и страданія въ значительной мѣрѣ могутъ быть сведены уже теперь на чрезмѣрную трудность или невозможность *апперципировать* новое впечатлѣніе, т. е. ввести его въ существующія уже въ душѣ и составляющія основу, почву душевной жизни группы представленій и т. п., и черезъ то—упорядочить новое впечатлѣніе, *уяснить* его для души. Эта трудность апперцепціи при неустранимости самаго неподающагося апперципирующей дѣятельности впечатлѣнія и создаетъ указанныя тягостныя чувства. Они такимъ образомъ представляютъ какъ-бы тѣ же судороги, метанія душевной, апперципирующей, *усвояющей* впечатлѣнія дѣятельности. Много поучительнаго въ этомъ отношеніи можно найти у Вундта, Горвича, Дюмова, Булье также какъ и (съ другой точки зрѣнія) у нѣкоторыхъ психологовъ Герbartіанской школы.

²⁾ Отсюда ясно, какъ мало одного развитія *критической мысли* для выполненія задачи жизни, и какъ безконечно—далеки отъ истины ужъ вовсе некритическіе ученики Бокля и „просвѣщенія“ XVIII вѣка, подготовившаго „великую“ революцію, которые вмѣстѣ съ г. Карѣвнымъ признаютъ, что „безусловно-прогрессивное значеніе—имѣеть критика мысли“ (Основн. вопр. филос. Ист. II, 363). Исторія, поучаетъ г. Карѣвъ, состоитъ въ эволюціи надъ—органической среды, совершаемой неразумной дѣятельностью человѣка, и только переработка этой среды критической дѣятельностью мысли есть безусловно-прогрессивный факторъ исторіи (II, 367). А паденію Греціи, а паденію Рима не предшествовали-ли именно времена безусловнаго господства „критической мысли“ и соотвѣтственнаго презрѣнія ко всему историческому, положительному, ко всякому преданію и авторитету?! И отцы нашего нигилизма не торжествовали-ли новаго *устыха* всякій разъ, когда по прочтеніи *изъ писаній—съ обществомъ однимъ уваженіемъ становилось меньше*?! Нужна замѣчательная неспособность мыслить иначе, какъ чужими, вычитанными мыслями, для того чтобы, *видя* передъ собою исторію, сказать съ однимъ изъ безчисленныхъ „знаменитыхъ“ писателей, цитруемыхъ г. Карѣвнымъ: „Исторія человѣчества представляетъ раціональный интересъ лишь (?) какъ переработка культуры помощью мысли. Устыхи послѣдней обозначали великія эпохи жизни человѣчества (переселеніе народовъ? Христіанство? Герман-

Времена помутнѣнія человѣческаго самосознанія, эпохи когда человѣкъ, растерявшій свои положительныя идеалы и вѣрованія, остается именно только съ знаніемъ того, чего онъ *не* хочетъ и во что *не* вѣрить, и со всей остающейся у него еще страстностью способенъ лишь на *критику и борьбу* противъ этого единственнаго достовѣрно и ясно ему вѣдомаго и ему ненавистнаго,—представляютъ самыя тяжелыя моменты его жизни, самыя драматическія, безвыходныя положенія исторіи. Если помощь здѣсь еще возможна, то она состоитъ прежде всего, конечно, въ уясненіи человѣчеству потемненнаго *положительнаго* содержанія его самосознанія,—во внесеніи свѣта и порядка въ смутный хаосъ его только — отрицательныхъ стремленій, въ ясномъ опредѣленіи того положительнаго идеала и критерія жизни, безъ которыхъ человѣкъ,—при самыхъ даже лучшихъ и искреннихъ стремленіяхъ,—можетъ только томительно и бессмысленно метаться, но не сознательно, человѣчно и сколько-нибудь для самого себя сносно жить. *Исторія и философія*,—эти главныя орудія самосознанія человѣчества и питомники его идеаловъ,—въ подобныя тяжелыя времена пріобрѣтаютъ болѣе рѣшительное, истинно-жизненное значеніе, чѣмъ когда-либо. Отъ ихъ направленія и выводовъ въ эти моменты зависитъ дальнѣйшій дѣйствительный ходъ жизни болѣе, чѣмъ отъ любыхъ династическихъ переворотовъ, реформъ, войнъ и даже переселеній. Это такъ потому, что онѣ однѣ затрогиваютъ самый *корень* положенія, т. е. самое сознаніе современнаго, дѣйствующаго въ этой жизни человѣка объ этомъ его положеніи и о своей роли отвѣтственнаго участника въ предстоящемъ его разрѣшеніи въ жизнь или смерть.

Таково-ли наше время? Этотъ вопросъ,—*если* есть счастливыя, для которыхъ онъ еще представляется *вопросомъ*,—рѣшать здѣсь не мѣсто. Да едва-ли существуетъ и надобность въ новомъ его разрѣшеніи послѣ того, какъ столько большихъ и малыхъ талантовъ, столько и худшихъ и лучшихъ умовъ разбирали его и отвѣтили уже на него утвер-

ство?). Подавленіе ея культурными привычками и преданіями влекло за собой замедленіе развитія общества, застой цивилизаци и даже пониженіе ея (прив. у. г. Карѣва II, 362).

дительно. Для оцѣнки нашего времени, насколько и въ какой мѣрѣ оно богато ясными и положительными идеалами, безъ которыхъ, какъ мы видимъ, нормальная жизнь для историческаго, культурнаго человѣка невозможна, достаточно указать на то, что въ немъ съ одной стороны преобладаютъ всякія отрицательныя, пессимистическія стремленія и убѣжденія ¹⁾, а съ другой—чуть-ли не все ускользнувшее отъ власти пессимизма и нигилизма — поработенно *позитивизмомъ*, на мѣсто всякихъ прежнихъ положительныхъ идеаловъ ставящимъ свой идеаль — *приспособленіе* человѣка къ средѣ (т. е. собственно—отрицаніе всякаго идеала) и среды къ человѣку. Не много, какъ видно, идеаловъ, и не богатые содержаніемъ идеалы ²⁾! Какъ-бы то ни было, для насъ несомнѣнно, что не историческому или философскому *эклектизму* или *критицизму*, но лишь вполне цѣльному и оригинальному пониманію исторіи, ея смысла и той роли, которую призванъ въ ней выполнить человѣкъ, можетъ принадлежать какая-либо доля въ разрѣшеніи сложныхъ и смутныхъ вопросовъ, подъ бременемъ которыхъ наше время видимо изнемогаетъ и теряется. Пусть оригинальный философски-историческій взглядъ будетъ одностороненъ, во многомъ даже ошибоченъ; — онъ всетаки окажется и поучительнѣе и цѣннѣе самыхъ искусныхъ и запутанныхъ эклектическихъ узоровъ, Богъ—нѣсть для чего хитро-выплетаемыхъ разными „сочинителями“, тщательно подбирающими обрывки фразъ и мыслей разныхъ умныхъ людей о человѣкѣ и жизни, но никогда не попытавшимися, повидимому, лицомъ къ лицу познакомиться съ

---

¹⁾ *Буддизмъ*—эта религія пессимизма и нигилизма, — вотъ то ученіе, на которое въ наше время съ послѣдними надеждами обращаетъ взоры громадная часть европейской интеллигенціи, жаждущей вѣры и выхода изъ пошлости матеріализма, во утратившей повидимому способность понимать христіанство. Кстати теперь и по ученой литературѣ и даже на мѣстѣ — благодаря желѣзнымъ дорогамъ, каналамъ и т. п. —удобно изучать Буддизмъ. Богъ, котораго нужно отыскивать въ далекомъ краѣ, съ помощью самыхъ послѣднихъ научныхъ изысканій и техническихъ усовершенствованій... какъ это интересно, умно и соблазнительно для нашей ненасытной жажды неизвѣданныхъ еще впечатлѣній и для нашей гордости!

²⁾ Въ двухъ предшествовавшихъ публичныхъ лекціяхъ моихъ, которыя теперь также печатаются (Симптомы и причины современнаго настроенія), я попытался представить характеристику нашего времени именно съ этой стороны.

этими чуждыми и рѣдкими предметами и—собственнымъ умомъ помыслить о нихъ.

Вамъ понятно теперь, Мм. Гг., почему не будетъ парадоксомъ, если я скажу, что отъ такого или иного *пониманія* исторіи (а объ немъ именно и ведется рѣчь) зависить и такая или другая *дѣйствительная* исторія, — почему я имѣлъ основаніе—начать съ напоминанія о томъ важномъ интересѣ, который принадлежитъ вопросу о смыслѣ и задачѣ исторіи не только *вообще*, но — именно въ наше смутное, только — критическое время — въ *особенности*.

Каковы-же возможныя пониманія внутренняго смысла и задачи исторіи, — пониманія, отъ различія которыхъ зависить какъ наша собственная *оцѣнка той роли*, которую мы въ ней разыгрываемъ, и современныхъ намъ, переживаемыхъ нами *событій*, такъ и разнообразное *осужденіе* или *одобреніе*, которыя связываетъ историкъ съ событіями *прошедшей* жизни, — и разнообразныя наши ожиданія или опасенія, внушаемыя намъ наступающимъ *будущимъ*?

Прежде чѣмъ характеризовать передъ вами двѣ кореннымъ образомъ расходящіяся между собою формы историческаго пониманія человѣчества, его историческаго *самосознанія*, считаю необходимымъ указать на то, что самое *глубочайшее основаніе ихъ различія* не есть какое-либо новое—особенное, принадлежащее *специально* одной именно наукѣ—исторіи. Основаніе это одинаково встрѣчается *во всѣхъ сферахъ* человѣческаго міровоззрѣнія, *во всѣхъ формахъ* человѣческой мысли и дѣятельности. И вездѣ оно въ одинаковой мѣрѣ вызываетъ два непримиримо-противоположныхъ *пониманія*, двѣ во всѣхъ отношеніяхъ расходящіяся оцѣнки ихъ *предмета*, будь этотъ предметъ въ данномъ случаѣ природа или душа, или та или другая форма человѣческаго обществитія, или то или иное проявленіе дѣятельности человѣческаго духа.

Это общее основаніе различія двухъ міровоззрѣній коренится въ томъ, что, какой-бы мы предметъ ни избрали для своего изученія, — вездѣ мы можемъ обращать преимущественное вниманіе, признавать *существеннымъ, главнымъ* предметомъ нашей мысли одно изъ двухъ: 1) или ту *дѣятельную производящую* силу, одни внѣшнія, определен-

ныя проявленія которой даются намъ во *внѣшнемъ* опытѣ нашемъ, но которая сама никогда въ этомъ *внѣшнемъ* опытѣ намъ не дана, или-же 2) одни эти *данныя намъ во внѣшнемъ опытѣ опредѣленные проявленія, законченныя состоянія* какихъ-то неизвѣстныхъ, только предполагаемыхъ лежащими въ ихъ основѣ дѣятельныхъ, производящихъ силъ. Опредѣленный *образъ* предмета, даннаго намъ въ опытѣ, опредѣленная, законченная въ моментъ опыта *форма бытія*, — за которыми скрываются отъ насъ производшія ихъ по нашему предположенію *дѣятельныя силы*, — вотъ *два* предмета, данныя мысли всегда, съ чѣмъ-бы она ни имѣла дѣло.

На одномъ изъ нихъ она вынуждена преимущественно сосредоточиться, однимъ изъ нихъ заняться, какъ главнымъ, существеннымъ, съ однимъ изъ нихъ сообразовать и свою постановку вопросовъ и свои приемы рѣшенія ихъ. *Рѣшеніе* въ вопросѣ о признаніи того или другаго изъ двухъ *существеннымъ*, опредѣляющимъ предметомъ нашей мысли или дѣятельности, принадлежитъ тому значенію, какое мы придаемъ *внѣшнему или внутреннему опыту*, подѣляющимъ между собою всѣ возможные предметы и задачи нашей мысли и дѣятельности вообще. Это такъ потому, что во *внѣшнемъ опытѣ* (съ его формою—пространствомъ, движеніемъ въ пространствѣ и т. п.) даются нашей мысли именно однѣ законченныя и раздѣльныя (одна *внѣ* другой) формы *бытія*, одни проявленія, отдѣльныя состоянія какихъ-то *недоступныхъ* этому опыту дѣятельныхъ, производящихъ эти формы, проходящихъ чрезъ эти состоянія силъ; о дѣятельной же *силѣ* мы получаемъ понятіе лишь изъ *внутренняго опыта*, въ которомъ намъ даются наши собственныя *духовныя* дѣятельности (и даются—*внѣ* формы пространственной раздѣльности, внѣшности). Поэтому въ міровоззрѣніи, — которое допускаетъ одинъ *внѣшній опытъ*, *внутренній-же* или вовсе отрицаетъ въ его своеобразности, или придаетъ ему *второстепенное* значеніе, — естественно могутъ быть и признаны существенными лишь тѣ предметы, которые *даны во внѣшнемъ-же опытѣ*, т. е. лишь порядки сосуществованія и послѣдовательности явленій, формъ коснаго бытія; —сама же дѣятельная, производящая ихъ сила, какъ никогда не данная во *внѣшнемъ опытѣ*, здѣсь или вовсе не имѣетъ

мѣста, или если и допускается, то лишь въ смыслѣ конечнаго *предположенія*. И наоборотъ—для міровоззрѣнія, придающаго *внутреннему опыту самостоятельное значеніе*, —и *предметъ* этого внутренняго опыта, самая производящая, дѣятельная *сила*, ея *собственный законъ* и ея *собственная задача* выступаютъ на первый планъ; порядки—же смѣны и сосуществованія ея продуктовъ и проявленій, состояній, формъ бытія теряютъ своей всерѣпающей, всѣ задачи мысли и воли опредѣляющей интересъ. Таково въ концѣ концовъ послѣднее основаніе различія между *идеализмомъ* (философія дѣятельности) ¹⁾ съ одной стороны и всякимъ *реализмомъ*, *матеріализмомъ* и *позитивизмомъ* — съ другой стороны ²⁾. И повторяется оно въ различіи *двухъ* направленій *во всѣхъ* областяхъ нашей мысли, чувства и воли: и въ метафизикѣ и въ психологіи и въ морали и въ искусствѣ и, наконецъ, въ исторіи.

Такъ.—всѣ философскія міровоззрѣнія можно распределить въ *два* большія группы. Для одной —центръ тяжести лежитъ въ понятіи *о существѣ, законахъ и задачахъ* той *первоначальной дѣятельной силы*, (всегда представляемой какъ нѣчто *духовное*, внѣпространственное) безчисленныя отдѣльныя состоянія и продукты которой составляютъ нашъ данный во внѣшнемъ опытѣ, въ пространствѣ міръ; —это *идеализмъ*. Для другой именно эти данныя въ пространствѣ формы бытія, представляющіяся для перваго направленія лишь продуктами или состояніями той первичной, производящей силы, *результатами* ея дѣятельности, и составляютъ главное, —*основное*. Самая *дѣятельность* (духовное) здѣсь представляется лишь однимъ изъ *послѣдствій* такой или иной комбинаціи формъ пространственнаго бытія, однимъ изъ свойствъ этого бытія, чѣмъ то вторичнымъ, производнымъ. Это—реализмъ во всѣхъ его разнообразныхъ формахъ. Вопросъ, раздѣляющій ихъ, есть вопросъ: — что изъ чего? *Дѣятельная сила* изъ бытія или-же *бытіе* изъ дѣятельной силы, духъ изъ вещества, или-вещественное изъ духовнаго?

¹⁾ Образцы ея въ новое время: системы Фихте старшаго, Гегеля, Шопенгауэра.

²⁾ Для которыхъ главное не въ задачѣ и смыслѣ производящей дѣятельности, но въ ея *субстратѣ*, въ субстанціи, въ *порядкѣ смѣны* ея состояній, раздѣльныхъ явленій,

Съ такимъ или инымъ рѣшеніемъ этого вопроса связано и совершенно различное опредѣленіе задачъ *всей* познающей, теоретической мысли. *Дѣятельная сила* не дана во внѣшнемъ опытѣ, составляетъ для реализма нѣчто производное или даже-только *предположеніе*; и поэтому естественно, что реализмъ болѣе или менѣе ограничиваетъ кругъ задачъ познанія однимъ міромъ данныхъ въ опытѣ формъ *бытія*, болѣе или менѣе исключая изъ своей области всякія разсужденія о существѣ, законахъ и задачахъ *дѣятельныхъ*, производящихъ силу. Такъ—самая новая форма реализма, — *позитивизмъ*, вовсе отрицая понятіе производящей *причины*, силы,—оставляетъ для науки лишь вопросъ: *какъ, въ какомъ порядкѣ* сосуществуютъ и смѣняются разныя, данныя во внѣшнемъ опытѣ, (въ пространствѣ) формы бытія, явленія? *но не почему* совершается это сосуществованіе и смѣна? Самый вопросъ, вызывающій познающую дѣятельность мысли, вопросъ *о причинѣ, объ объясненіи* міра явлений,—здѣсь так. обр. отходить на задній планъ. Мысль здѣсь ограничивается одними готовыми, данными ей въ наблюденныхъ, опытныхъ *порядкахъ* явленій *отвѣтами* на нѣкоторые второстепенные вопросы свои, —отвѣтами всегда *приложимыми* въ области этого внѣшняго опыта (ибо изъ нея заимствованными), всегда имѣющими поэтому *утилитарное* значеніе, но утратившими (вмѣстѣ съ вопросомъ: почему и для чего?) большую часть своего *чисто теоретическаго* интереса. Существенное для самой познающей мысли здѣсь представляютъ лишь тѣ *результаты*, которыхъ она достигла на своемъ пути, но не самая ея *дѣятельность*, которая привела къ этимъ результатамъ, съ ея собственными, *внутренними запросами, задачами и требованіями*. Существенное для мысли здѣсь — *не самая мысль!*

То-же противоположеніе идеализма и реализма повторяется и въ *моральной дѣятельности* и въ моральныхъ системахъ. И здѣсь—важное для реализма не въ самомъ *существовѣ* моральной воли и ея безотносительныхъ къ какой нибудь полезности *требованіяхъ*, но въ *результатахъ*, которые достигаются дѣятельностью, въ ея *цѣлесообразности, успѣхѣхъ, или неуспѣхѣхъ. Удача, цѣлесообразность, успѣхъ* — вотъ послѣдніе критеріи нравственнаго достоинства и людей, и

поступковъ для утилитаризма и новѣйшей нравственной теоріи позитивизма, какъ она изложена у Г. Спенсера. Всѣ несчастные, всѣ неуспѣвшіе, недѣлесообразно дѣйствовавшіе и погибшіе въ борьбѣ за свои излюбленныя цѣли — по этой теоріи представляются *eo ipso* и *нечувственными*. И здѣсь, въ противоположность идеализму какого нибудь Канта, Фихте, или французскаго рыцаря съ его девизомъ *lais que dois, advenue que rouga*, самое существо нравственной воли отходить на задній планъ и все вниманіе, весь интересъ сосредоточивается на *результатъ* дѣятельности.

Это-же противоположеніе двухъ міровоззрѣній встрѣчаемъ мы и въ противоположности такъ называемаго *чистаго, идеальнаго искусства*, преслѣдующаго лишь задачу эстетическаго творчества, осуществленія *формъ чистой красоты*, и — новаго, *реальнаго, утилитарнаго искусства*, преслѣдующаго всевозможныя задачи, — и педагогическія, и политическія, даже фізіологическія и психіатрическія, кромѣ именно чисто эстетической задачи достиженія чистой формы красоты. И здѣсь цѣннымъ и руководящимъ являются достигнутые произведеніями искусства *внѣшніе результаты*, но не коренныя задачи, не мотивы и законы самой производящей ихъ эстетической дѣятельности. Понятно отсюда, почему вмѣстѣ съ возрастающимъ преобладаніемъ въ современномъ обществѣ всякаго реализма, утилитаризма и позитивизма, въ этомъ обществѣ все болѣе *утрачивается* нѣкогда бывшее столь живымъ чувство чистой, безотносительной къ пользѣ красоты, также какъ и вкусъ къ тѣмъ произведеніямъ искусства, созданіемъ которыхъ именно руководило это чувство. Наконецъ и въ *практической жизни*, — въ характерахъ, поступкахъ и мнѣніяхъ окружающихъ насъ людей о цѣнности жизни, о достоинствѣ совершающихся передъ ними событій и дѣйствій, не встрѣчаемся-ли мы на всякомъ шагѣ съ тѣмъ-же противоположеніемъ идеализма и реализма? Не знаетъ-ли всякій изъ насъ и людей, преслѣдующихъ и цѣнящихъ вездѣ и во всемъ только *удачу* и *пользу*, и другихъ-болѣе или менѣе если даже недѣйствующихъ *сами*, не мыслящихъ и не создающихъ безкорыстно, — то по крайней мѣрѣ высоко *цѣнящихъ* всякую безкорыстную мысль, поступокъ и произведеніе въ окружающей ихъ жизни? Не знакомо-ли всѣмъ намъ и глу-

бокое различіе между *артистами* въ разныхъ родахъ, *художниками* и *писателями*, изъ которыхъ одни всю свою дѣятельность посвящаютъ *придумыванію* эффектной оригинальности, исканію выгодъ и успѣха, и часто, не смотря на всѣ свои усилія, однако *меньше* получаютъ этой удачи и успѣха, менѣе оригинальны, менѣе способны создать что-либо *дѣйствительно цѣнное* въ своей области, чѣмъ другіе, руководящіеся главнымъ образомъ лишь интересомъ *самого своего дѣла*? Хотя конечно и эти послѣдніе не склонны отказываться отъ встрѣчающейся имъ на пути удачи, но пользуясь ею, они не дѣлаютъ изъ нея самую цѣль своихъ стремленій. Не такъ-ли и человѣкъ, отправившійся гулять *спеціально* для развлеченія, для того чтобы набраться впечатлѣній, не рѣдко находить ихъ въ своей прогулкѣ гораздо менѣе, чѣмъ тотъ, кто вышелъ въ виду какого-либо серьезнаго интереса и дѣла? И не замѣчаемъ-ли мы всѣ какъ, вмѣстѣ съ повсемѣстнымъ возобладаніемъ реализма и утилитаризма, становится у насъ все *меньше и безкорыстно дѣйствующихъ и чувствующихъ людей*, но вмѣстѣ—и менѣе крупныхъ *характеровъ*, глубокихъ *мыслей* и великихъ *произведеній* искусства, также какъ и—менѣе *дѣйствительно счастливыхъ*, удовлетворенныхъ въ этомъ обществѣ, ищущемъ *только* счастья, удовлетворенія,—только результаты цѣняемъ? Въ наше время для большинства даже едва-ли понятна глубокая нравственная и эстетическая правда, заключающаяся въ изрѣченіи идеалиста Шиллера: „что въ нравственной области менѣе благородные цѣнятся по тому, сколько они *даютъ*, болѣе-же благородные-по тому что они *суть*“.

Въ пониманіи историческимъ человѣчествомъ смысла и задачи своей собственной жизни — придающихъ *единство* той на первый взглядъ хаотической смѣнѣ событий, культуръ, народовъ и стремленій, которую мы называемъ исторією, и дающихъ ей передъ нашею мыслью послѣднее внутреннее, земное *оправданіе*, — это общее противоположеніе идеализма и реализма, признанія цѣнности и значенія лишь за добытыми исторією *результатами*, или-же—за *внутренними мотивами*, необходимо вызывающими самый историческій характеръ жизни человѣчества, сказывается въ *особенности* опредѣленно и ярко. Всѣ существующія

попытки понять основаніе внутренняго *единства* исторіи и ея не—трансцендентнаго, земнаго *оправданія* сами собою дѣлятся на двѣ большія группы. Одни видятъ это единство и оправданіе во *внутреннихъ* мотивахъ жизни самосознающаго существа, въ силу которыхъ человѣкъ, по самой природѣ своей, *не можетъ жить* внѣ исторіи, *безъ сознанія себя звеномъ* въ непрерывномъ историческомъ цѣломъ чело-вѣчества. Они видятъ это единство въ томъ, что человѣкъ въ *этомъ сознаніи* именно почерпаетъ послѣднее земное *оправданіе* своему единичному, никогда *не* достигающему законченности въ осуществленіи своихъ личныхъ задачъ и потому само по себѣ въ этой единичности *безсмысленному*, передъ судомъ своего-же собственнаго сознанія, существованію. Для нихъ искомое оправданіе—въ томъ, что это-же самое сознаніе себя *звеномъ* великаго чело-вѣческаго цѣлаго, *продолжающимъ* не имъ начатое, но завѣщанное ему дѣло, которое и *не кончается* вмѣстѣ съ концомъ его личнаго земнаго существованія, — даетъ человѣку и внутреннюю *точку опоры* въ его дѣятельности и — авторитетныя твердыя *цѣли* ей, и *успокоеніе* его духу среди всѣхъ безчисленныхъ неудачъ и недочетовъ его личныхъ стремленій. А успокоеніе это ему столь необходимо!... Столь необходимо оно для его мысли при *одновременномъ сознаніи* имъ и своей личной *отвѣтственности* за свои судьбы, и въ то же время—*невозможности* *принять на самого себя всю* эту страшную отвѣтстве ность во всемъ ея объемѣ! Одно это же сознаніе, по ихъ взгляду, даетъ чело-вѣческому духу и единственную возможность исхода изъ той роковой, вѣчно-смущающей всякую мыслящую душу дилеммы, что человѣкъ и не можетъ жить не стремясь *устроить* свою жизнь по *своему* разумѣнію (какъ самосознающее существо), и въ то же время ежемгновенно долженъ убѣждаться въ невозможности *дѣйствительно* устроить эту жизнь по своему разумѣнію, вполнѣ согласно своимъ расчетамъ, желаніямъ и идеаламъ, освящающимъ его жизненный путь! Вводя единичное существованіе личности *въ* связь со всѣмъ прошедшимъ и будущимъ чело-вѣчества,—давая отдѣльной личности *въ сознаніи этой* связи и устойчивую внутреннюю *опору* и авторитетное *направленіе* дѣятельности и *укрѣпленіе* его силъ и *успоко-*

не всѣхъ мучительныхъ сомнѣній, вызываемыхъ въ душѣ человѣка сознаниемъ и его относительной отвѣтственности и его относительнаго безсилія — исторія уже чрезъ это одно является *внутренно-оправданною*, необходимою, ея внутренняя задача — намѣченною и ея единство — несомнѣннымъ само по себѣ, для того историческаго воззрѣнія, о которомъ я говорю ¹⁾).

Противоположное историческое пониманіе ищеть и единства исторіи, и ея задачи, и ея оправданія не въ этихъ ея *внутреннихъ мотивахъ*, въ силу которыхъ сознающее себя челоѣчество не можетъ жить внѣ исторіи, — но лишь въ тѣхъ конечныхъ *результатахъ*, которые добываются всею историческою работою челоѣчества, — въ *осуществленіи* этою работою, когда-нибудь, въ отдаленномъ будущемъ, въ дѣйствительной жизни челоѣчества извѣстныхъ *отвлеченныхъ идеаловъ* права, справедливости, мира, равенства, сво-

¹⁾ Исторія здѣсь является естественнымъ послѣдствіемъ *самосознательности* челоѣка. Дѣйствительно, пока челоѣкъ себя сознаетъ и можетъ жить и дѣйствовать лишь *такъ, какъ себя* сознаетъ; — пока онъ не можетъ и жить. не стремясь устроить самъ свою жизнь и не убѣждаясь въ тоже время въ своемъ безсиліи дѣйствительно самодержавно устроить ее; — пока онъ не въ состояніи вполнѣ сбросить съ себя непосильное бремя отвѣтственности за эту свою жизнь, какъ не въ состояніи и принять на себя всю эту тяжелую отвѣтственность, — до тѣхъ поръ не можетъ онъ не искать вчѣ себя восполняющей опоры и оправданія своей жизни, не можетъ довольствоваться замкнутымъ въ себѣ, единичнымъ существованіемъ своимъ. Онъ неодоливо побуждается искать *связи, общенія* съ тѣмъ, что можетъ дать эту необходимую его духу опору, оправданіе. Это стремленіе къ общенію съ *имымъ*, чѣмъ онъ самъ, высшимъ, восполняющимъ его сознанную собственную ограниченность и безсиліе, является такимъ образомъ естественнымъ слѣдствіемъ роковаго *идеализма*, самосознательности челоѣческой души, пытающихся въ ней вѣчно рядомъ и *гордость*, сознаніе своей силы — и *смирненіе* одинаково чужды душѣ животнаго. Два главныхъ выраженія имѣеть это стремленіе въ челоѣческой и — только въ челоѣческой жизни. Въ религіи, *возсоединеніи* съ Богомъ, челоѣкъ находитъ своей жизни искомую опору и оправданіе *трансцендентныя*, выходяція за предѣлы явленій чувственнаго опыта. Въ другой формѣ это же стремленіе проявляется въ общеніи съ *земнымъ*, являющимся, опытнымъ *челоѣчествомъ*, въ общности съ которымъ своей личной жизни челоѣкъ ищеть и находить для нея земное, опытное оправданіе. Это — исторія. Безъ этого идеализма, безъ этой самосознательности, питающей въ душѣ вмѣстѣ и гордость и смиреніе, нѣтъ ни *религіи* ни *исторіи*; а ихъ-то присущностью челоѣвѣку и характеризуется наиболее ярко *челоѣчность*!

боды, благоденствія, извѣстныхъ формъ общежитія и т. п. Противоположность этихъ двухъ историческихъ пониманій и ея совпаденіе съ очерченною выше противоположностью идеализма и реализма совершенно очевидно. На припаровленномъ къ пріемамъ исторической мысли языкѣ эту противоположность можно выразить, какъ противоположность между лежащими въ основѣ двухъ историческихъ воззрѣній—идею *развитія* съ одной и идею *прогресса* съ другой стороны. Эти два понятія, — развитіе и прогрессъ, — не смотря на свое существенное различіе, нерѣдко смѣшиваются даже и въ научномъ изложеніи. Ограничимся здѣсь лишь самымъ общимъ опредѣленіемъ и разграниченіемъ ихъ. *Подъ развитіемъ, въ противоположность разложенію*, разумѣется переходъ простѣйшихъ формъ жизни генетически (по внутренней, заключающейся въ ихъ собственномъ существѣ) необходимости, въ сложнѣйшія, т. е. обладающія, при большей *расчлененности* и разнообразіи органовъ и отправленій, вмѣстѣи большею ихъ *взаимозависимостью*, большею слѣдовательно крѣпостью внутренняго *единства*. Здѣсь — дѣло *только* въ усложненіи и единствѣ. Понятіе же прогресса противопоставляется понятію регресса, — не *упрощенія* (въ которомъ, какъ напр. въ уравненіи лицъ и положеній, въ механизациі общественнаго строя и т. п., многіе именно и видятъ самую сущность прогресса), но *ухудшенія* жизни, т. е. уменьшенія въ ней счастья, справедливости, силы и т. п. ¹⁾.

Такъ какъ эти двѣ идеи лежатъ въ основѣ, составляютъ,

¹⁾ Наиболѣе ярко и картинно, хотя и безъ всякаго философскаго обоснованія, выразилъ изъ извѣстныхъ намъ русскихъ писателей эту противоположность идей развитія и прогресса К. Н. Леонтьевъ въ послѣднихъ главахъ своей замѣчательной, не смотря на всѣ ея парадоксы, недоумѣнія, неломовки самопротиворѣчія и ненужныя рѣзкости, книгѣ „Византизмъ и Славянство“. Авторъ этой книги, сходясь въ опредѣленіи самого процесса развитія (какъ усложненія, дифференціаціи и т. п.) со всѣми теоретиками *развитія* (какъ напр. Г. Спенсеръ) становится совершенно оригинальнымъ, показывая *противоположность* этому развитію *прогресса* (эгалитарно-либеральнаго, утилитарнаго, космополитическаго etc.), который однако *самимъ же* процессомъ развитія въ извѣстный моментъ человеческой жизни вызывается, полагая *конецъ* дальнѣйшему развитію и—начало *разложенію*, общественной и культурной смерти. Каковы бы ни были недостатки въ выраженіи и развитіи этой мысли въ книгѣ „Византизмъ и Славянство“, — сама мысль на-

такъ сказать, „красную нить“ двухъ противоположныхъ пониманій смысла исторіи,— то мы и будемъ называть впередъ, для краткости, эти послѣднія просто,—одно—*теорією развитія*, а другое — *теорією прогресса*. Самая яркая разграничительная черта между этими двумя теоріями состоитъ какъ мы видимъ въ томъ, что для первой смыслъ и оправданіе исторіи лежатъ не *въ ея*, не въ ея концѣ, но въ ней самой, *въ самомъ историческомъ процессѣ* и его внутреннихъ мотивахъ. Поэтому для нея и историческій смыслъ, и начало исторической оцѣнки всякаго отдѣльнаго событія, эпохи, историческаго характера—лежатъ *въ нихъ же самихъ*, а не заимствуются изъ какихъ-нибудь внѣшнихъ имъ отвлеченныхъ идеаловъ или критеріевъ отдаленнаго будущаго. Историкомъ здѣсь поэтому можетъ быть лишь *художникъ*, а не отвлеченный мыслитель¹⁾). Для теоріи же прогресса и смыслъ и оправданіе какъ всей исторіи, такъ и всѣхъ ея отдѣльныхъ эпохъ, событій и характеровъ лежатъ *не въ нихъ самихъ*, но внѣ ихъ,—не въ самомъ *процессѣ исторіи*, но въ тѣхъ результатахъ, къ которымъ ^Онъ долженъ будто бы привести человѣчество въ концѣ ист^Оріи. Изъ этого основнаго характеристическаго различія двухъ направленій съ логическою необходимостію вытекаютъ и всѣ послѣдующія.

Такъ, прежде всего, понятно, что для теоріи развитія, для которой существененъ и дорогъ выше всего *самый процессъ* историческаго развитія,— столь-же дорого и неприкосновенно должно быть и необходимое *условіе развитія*, съ устраненіемъ котораго исчезаетъ и самая возможность дальнѣйшаго историческаго процесса,— дальнѣйшей *человѣчной жизни*. А такимъ условіемъ прежде всего представляется возможное *разнообразіе* человѣческихъ характеровъ, стремленій, формъ жизни, культуръ и т. п. Поэтому-то этимъ разнообразіемъ, *обогащающимъ, украшающимъ жизнь и необходимо движущимъ ее къ развитію*, и дорожатъ наиболѣе всѣ теоретики развитія. Такъ Гердеръ, который — первый

столько оригинальна и глубока, что нельзя не пожалѣть о томъ, что эта замѣчательная книга у насъ такъ мало известна.

¹⁾ Прекрасно доказываетъ эту мысль В. П. Герье въ своемъ „Очеркѣ развитія науки исторіи“.

крупный представитель этой теоріи, особенно всесторонне защищаетъ это разнообразіе, какъ *условіе и законъ* исторіи вообще. Онъ равно отрицаетъ какъ *единство* человѣческихъ *расъ*, такъ и то, чтобы онѣ были предназначены къ достиженію *одной и той-же степени и формы* культуры, общественной и политической жизни. Всякій народъ живетъ и развивается по своему, своеобразно; по своему же бываетъ онъ и счастливъ, и *только* путемъ этого своеобразнаго развитія и выполняетъ онъ свою частную задачу въ общемъ дѣлѣ исторіи, въ развитіи *человѣчности*. Ни одинъ народъ, ни одно поколѣніе не служатъ простымъ *средствомъ* для осуществленія наибольшаго счастья *грядущихъ* народовъ и поколѣній, — но всякій, самъ по себѣ, такъ-же цѣненъ, какъ и *все* человѣчество, взятое во всѣ времена. Какъ нѣтъ *одной*, для всего человѣчества, *формы счастья*, благоденствія, такъ не существуетъ и *единой* для всего человѣчества, идеальной *формы политической жизни*. И такая исторія, которая была-бы написана съ точки зрѣнія постепеннаго водворенія на землѣ какой-либо единой идеальной формы счастья и политической жизни, была-бы, по его выраженію, die glänzendste Truggeschichte ¹⁾.

Съ меньшимъ лиризмомъ, но большею философскою основательностью, развиваетъ тѣ-же мысли Лотце въ послѣднихъ книгахъ своего „микрокосма“. Блестящія мѣста въ защиту разнообразія, какъ основнаго закона исторіи, встрѣчаемъ мы также у Вильгельма Гумбольдта ²⁾; у Дж. Ст. Милля — въ лучшемъ изъ его произведеній „О Свободѣ“, въ Россіи — у К. Н. Леонтьева въ его „византизмъ и славянство“ ³⁾ и

1) Herder. Phil. u. Gesch. XI. p. 387—388.

2) Das, worauf die ganze Groesse des Menschen zuletzt beruht, wonach der einzelne Mensch ewig ringen muss, und was der, welcher auf Menschen wirken will, nie aus den Augen verlieren darf, ist Eigenhuemlichkeit der Kraft und der Bildung (W. v. Humboldt Ideen zu einem Versuch u. s. w. p. 11). Она— das höchste Gut, welches die Gesellschaft giebt (I. c. p. 19).

3) Въ постепенномъ *смѣшеніи, уравненіи* всѣхъ характеровъ, политическихъ и культурныхъ типовъ, художественныхъ стилей и т. п. г. Леонтьевъ видитъ лавиный признакъ начинающагося разложенія, вымирания государствъ и культуръ. „Нынешній прогрессъ, говоритъ онъ поэтому, не есть процессъ развитія; онъ есть процессъ вторичнаго сѣвительнаго упрощенія, процессъ разложенія для тѣхъ государствъ, изъ которыхъ онъ вышелъ или которыми крѣпко усвоилъ

у многихъ другихъ. (нпр. у Н. Я. Данилевскаго. Н. Н. Страхова).

Но такое разнообразіе представляется и естественно необходимымъ, разъ что для человѣка *историческая жизнь* т. е. жизнь отдѣльной личности, какъ звена, связующаго вовсе *независѣвшее* отъ нея прошедшее съ *очень мало* отъ нея зависящимъ будущимъ—*представляется неизбѣжнымъ закономъ*. Для такой исторической личности, опредѣляемой въ своихъ судьбахъ не однимъ своимъ *личнымъ разумомъ* и не одними мотивами *личнаго благополучія*,—естественно одною изъ руководящихъ ею въ жизни и рѣшающихъ ея судьбы силъ—является *преданіе, традиція* т. е. начала чисто-положительныя, чуждыя космополитическаго, незнающаго индивидуальных особенностей и разнообразія раціонализма ¹⁾. На преданіи и традиціи поэтому основана, по Гердеру, самая возможность *воспитанія челоуѣчности*, составляющаго конечную задачу исторіи ²⁾.

Лотце весь проникнуть тою-же необходимостью чисто положительныхъ, *нераціональных* началъ жизни и отрицаніемъ *самодовольствующей, чисто разсудочной и изъ самой себя устрояющей всецѣло, самодержавно свою жизнь, личности*. „Великій политическій союзъ, говоритъ онъ, вездѣ является преимущественно дѣломъ самой природы, или не одной только природы, но и независимаго отъ отдѣльныхъ лицъ нравственнаго міропорядка, котораго заповѣди людской родъ мало по малу припоминаеть и уясняетъ себѣ въ своемъ общежи-

---

ся (с. 103)“. Господство средняго класса есть тоже упрощеніе и смѣшеніе, ибо онъ по существу своему стремится все свести къ *среднему* типу такъ называемаго „буржуа“ (с. 109).

1) и впрямѣнно поэтому *разнообразныя*, индивидуальные; всеобщимъ, однообразнымъ въ жизни является только чисто *раціональное*.

2) Только сливаясь съ „голосомъ Божиимъ“, т. е. съ развивающимся преданіемъ, и посильно участвуя дѣятельно въ его развитіи и—такимъ путемъ—въ общемъ развитіи челоуѣчности, можетъ человѣкъ „продолжать участвовать въ жизни своихъ потомковъ и тогда, когда и тѣло его уже истлѣло и самое имя его давно забыто“. Это конечно—прямая противоположность теоріи татихъ исторіософовъ, какъ напр. у насъ г. Каргевъ, совершенно серьезно и сочувственно передающій намъ что „неуваженіе къ преданію, стремленіе къ независимости, составляютъ главную существенную черту идеи прогресса, какъ ее понимаетъ Рож. Бэконъ (I. с. II. 290).

тіи. Этотъ союзъ коренится, съ одной стороны, въ сердечной признательности къ тому, что начали развивать предки по части человѣческаго труда и всякой вообще человѣчности, съ другой—въ заботливой любви къ потомству, которому обязаны мы сберечь полученное наслѣдіе и передать приумноженнымъ. Человѣчество, которое вздумало-бы совсѣмъ забыть прошлое и будущее, и устроить формы жизни исключительно лишь въ угоду настоящаго, отличалось бы отъ чистаго скотства одною только лучшею приваровкою своихъ средствъ. Поэтому хотя правда, что механизмъ гражданскаго порядка существуетъ только для общества, а не общество наоборотъ для него, однако все-же нельзя приравнивать и общество къ совокупности всѣхъ одновременно существующихъ въ немъ отдѣльныхъ членовъ. Если-бы и наступилъ вѣроятный случай безъизвѣтнаго согласія всѣхъ ихъ сплошь, они все таки не составили бы собой той всецѣлой общины, которая съ нравственной точки зрѣнія (и ужъ конечно—прибавимъ отъ себя—съ исторической) имѣла-бы право рѣшать съ самодержавнымъ произволомъ участь всѣхъ формъ своего собственнаго существованія“... „Человѣкъ только тогда становится истиннымъ гражданиномъ государства или образованнаго міра, когда чувствуетъ себя настоящимъ, живымъ звеномъ этой непрерывной цѣпи временнаго развитія человѣчности“¹⁾).

Только подъ этими условіями и сохраняется и развивается человѣчность.

Но что-же такое для этихъ писателей самая *человѣчность*? Гердеръ ее опредѣляетъ, какъ „die Kunst unseres Geschlechts“, — не то, что находится въ нашемъ готовомъ, спокойномъ обладаніи, не даромъ доставшееся намъ благо,—но то, что вырабатывается самимъ человѣкомъ путемъ *труда, подвига, а слѣдовательно и подъ условіемъ возможныхъ ошибокъ и заблужденій*. „Выработка въ себѣ этой человѣчности, говоритъ Гердеръ, „должна продолжаться безостановочно, иначе мы всѣ, и низшіе и высшіе, впадемъ въ одичаніе (Brutalität)“²⁾.

У Вильгельма Гумбольдта оиать мы встрѣчаемъ блиста-

1) *Микрокосмъ*, р. пер. II. с. 571—572.

2) Herder. I. с. XI. p. 6—7.

тельные доказательства той мысли, что жизнь безъ труда и борьбы, а слѣдовательно и безъ подвига, но и безъ возможныхъ заблужденій, — не только была-бы чужда *развитію*, лишена *человѣческаго достоинства*, но была-бы лишена и всякаго даже *наслажденія*, придающаго жизни цѣну ¹⁾). Тою же мыслию проникнуто и все сочиненіе Лотце, о которомъ мы говорили ²⁾). Вездѣ—*1-хъ разнообразіе, 2-хъ положительныя начала жизни*, отрицающія самодовлѣющую и чисто-разсудочную, стоящую внѣ исторіи особь, и *3-хъ трудъ, и борьба* жизни — одинаково признаются необходимыми условіями сохраненія и развитія *человѣчности* въ исторіи.

Человѣчность, въ непрерывномъ преемствѣ поколѣній развиваемая и охраняемая ими отъ періодическихъ наливовъ эвдемоническаго одичанія, — вѣчно возрождающаяся среди прерывныхъ трудовъ, увлеченій, страданій и подвиговъ, среди постоянно усложняющихся задачъ жизни, придающихъ ей все большія полноту, смыслъ и красоту, — вотъ въ чемъ для указаннаго ряда мыслителей идеаль и внутреннее оправданіе какъ всей исторіи въ ея цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ историческихъ эпохъ и лицъ. Они не ищутъ этого идеала и оправданія въ томъ, что исторія будто бы ведетъ постепенно къ господству такихъ эгалитарно-либеральныхъ и въ совершенствѣ механизированныхъ формъ общежитія, также какъ и къ упроченію такой внутренней дисциплины *человѣка*, которая *упраздняли-бы* и трудъ и страданіе и ошибки и под-

¹⁾ Das Glueck, zu welchem der Mensch bestimmt is, ist auch kein anderes als welches seine eigene Kraft ihm verschafft, W. v. Humboldt l. c. pp. 21—23; ср. также всю третью главу его книги). Собственность *человѣка* въ гораздо-большей мѣрѣ составляетъ то, что онъ дѣлаетъ, чѣмъ то, чѣмъ онъ владѣетъ (ibid. p. 20).

²⁾ Напр. „Было-бы не въ интересѣ нравственнаго образованія, если-бы обязательная истина каждаго завѣта совѣсти и неразрывная связь всѣхъ ихъ между собою представлялась уму отдѣльнаго лица съ теоретическою очевидностью простаго вычисленія, и если бы не надобилось уже ни живовѣрующаго подвига, ни сердечнаго напряженія для того, чтобы завоевать себѣ жизненной борьбой эту ясность обемичиваго нравственнаго міросозерцанія (*Микрокосмъ* р пер. II. с. 514. Эго — прямая противоположность Г. Спенсеру, выдающему идеаль нравственнаго образованія въ *автоматичности*, въ такой *привычности* нравственныхъ дѣйствій, при которой они совершались бы *инстинктивно*, безъ напряженія, безъ ошибки и безъ сознанія.

живъ жизни, до послѣдней степени автоматизируя ее. Для нихъ конечная цѣль—не упрощеніе ея задачъ сведеніемъ ихъ къ наилучшей *эксплуатации* окружающаго и наилучшему къ нему *приспособленію* во имя благополучія отдѣльныхъ особей, существующихъ только въ настоящемъ и во имя этого настоящаго, безъ прошедшаго какъ и безъ будущаго. Такой „идеаль“—не ихъ идеаль; въ ихъ глазахъ его осуществленіе представляется напротивъ—крайнимъ оскудѣніемъ личной жизни. съ одной стороны, и *концомъ* исторіи, возможности дальнѣйшаго развитія—съ другой. Самый идеаль жизни ихъ—не въ упраздненіи или упрощеніи ея задачъ, а идеаль исторіи, развитія для нихъ не есть *конецъ* исторіи, развитія, лежитъ не *внѣ* самой исторіи. Поэтому же и та мѣра, которою они измѣряютъ достоинство отдѣльныхъ эпохъ и лицъ, тотъ критерій, въ которомъ существованіе тѣхъ и другихъ находятъ свое конечное оправданіе, для этихъ мыслителей—не внѣшніе самимъ этимъ эпохамъ и лицамъ критерій и мѣра, но внутренніе, заключающіеся въ *нихъ самихъ*, какъ *сознающихъ* свою задачу звеньяхъ, связующихъ въ безпредѣльномъ развитіи человѣчности прошедшее съ будущимъ.

Поэтому же и та форма общежитія, которая соотвѣтствуетъ ихъ пониманію цѣли и смысла исторіи, есть именно форма, составляющая условіе развитія тѣхъ или другихъ вѣчныхъ началъ человѣчности, воплощаемыхъ въ исторіи *народами и культурами*,—но не форма наипростѣйшаго, автоматичнѣйшаго и наименѣе полезнаго для личнаго благополучія, мирнаго и сытаго сожитія агрегата космополитическихъ *бытовыхъ особей*,—форма органическая—*культурно государственная* но не разсудочно-договорная—*соціальная*. И самый дѣятельный агентъ исторіи, созидающій и переживающій ее человекъ, представляется здѣсь отнюдь не *самодовольною бытовою особью*, не связанной въ своей мысли и дѣятельности ничѣмъ кромѣ своего настоящаго, разумно-по нятаго интереса,—ни прошедшимъ ни будущимъ ни какимъ-либо идеаломъ. Онъ представляется здѣсь отнюдь не *вполнѣ автономнымъ* въ дѣлѣ устроенія своей жизни и не знающимъ никакихъ авторитетовъ, кромѣ авторитета собственнаго разума, безошибочно рѣшающаго во всеоружіи *знанія* единственный отнынѣ признаваемый существеннымъ вопросъ: какъ и гдѣ *sum utile*

quaerere? Напротивъ — человекъ здѣсь представляется именно *по преимуществу* — историческимъ существомъ, опредѣляемымъ и въ своей мысли и въ чувствахъ, и въ своемъ достоинствѣ и въ своей дѣятельности — какъ всѣми завѣтами прошедшаго, такъ и всею отвѣтственностью за будущее, *одинаково независимыми* отъ требованій его только — личнаго разума и его личнаго благоденствія. Онъ такимъ образомъ является здѣсь далеко не автономнымъ, но подчиненнымъ и совершенно чуждымъ его личному разсудку, разсчету и выбору авторитетамъ, каковы *объективные* положительные авторитеты преданія, вѣрованій и историческихъ задачъ своего народа и т. п. Поэтому онъ рисуется здѣсь и далеко не чисто разсудочнымъ, только разсчитывающимъ и лишь вслѣдствіе несовершенствъ своего разсудка и протекающихъ отсюда *ошибокъ въ расчетъ* страдающимъ и не вполне самодержавно устрояющимъ свои судьбы существомъ. *Рядомъ съ разсудкомъ здѣсь есть и объективные, положительные авторитеты, устрояющіе его жизнь* — иногда и наперекоръ разсудку. — Есть мѣсто поэтому не однимъ вѣрнымъ или невѣрнымъ-разсчетамъ его, но и вопросамъ и вѣрованіямъ, и страхамъ и надеждамъ, — есть мѣсто и тому *интересу*, которымъ полна всякая сильная, бодрая, способная съ энергіей и наслажденіемъ окунуться въ кипучій водоворотъ жизни душа, и котораго конечно не придаетъ жизни никакая масса самыхъ сложныхъ и запутанныхъ *арифметическихъ* задачъ ею задаваемыхъ. Словомъ — историческій человекъ въ этомъ міровоззрѣніи — далеко не прозаическій и скучный Weltbuerger, излюбленный эпохою „просвѣщенія“ прошлаго времени (мы теперь, какъ бывало и прежде, только зады повторяемъ). Это — не всѣ вопросы благополучно рѣшившій, самодовольный и въ тоже время скучающій „общечеловѣкъ“ безъ идеализма, безъ преданій, безъ религіи, безъ поэзіи и безъ всякаго слѣда мистицизма, какъ и безъ семьи и отечества (да пожалуй и безъ собственнаго имени) ¹⁾. Онъ

1) И для чего по-настоящему эти собственные имена, фамиліи и т. п. съ точки зрѣнія разсудочнаго общечеловѣка? Все это вѣдь собственно только своего рода бесполезная поэзія, побрякка „нерациональнымъ“ требованіямъ чувства (вапр. отца, сына, автора книги и т. д.); для практическихъ-же, „существенныхъ“ цѣлей жизни совершенно достаточно было-бы ограничиться простою ну-

здѣсь—именно гражданинъ *своего* государства, *своего* времени и *своей* культуры,—человѣкъ у котораго пошлый утилитаризмъ и сухой, общій, безсодержательный формализмъ разсудка не заглушили еще и не вытравили изъ души ни стремящейся къ тому, что *внѣ* разчетовъ, воли (знающей и *долж* и *подвиж*, а не одинъ расчетъ равновѣсія *правъ и обязанностей*) ни теплоты несомвѣстимаго ни съ какою вѣрностью разчетовъ чувства, — который поэтому еще и энергически *хочетъ* жить и горячо *волнуется* жизнью и *способенъ*, во имя интереса къ ней, нести ее и даже наслаждаться ею.

2-я Д Е К Ц І Я.

Совершенно иное пониманіе того идеала исторіи, осуществленіе котораго придаетъ хаотической на первый взглядъ смѣнѣ ея событій внутреннее единство и разумный смыслъ, встрѣчаемъ мы у значительнаго большинства мыслителей нашего времени, ищущихъ разгадки смысла исторіи не съ точки зрѣнія *самой*, *вызванной* *глубочайшими* *психологическими* *мотивами*, исторіи во всей ея живой полнотѣ, но—съ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія права, экономіи, войны и мира, торжества человѣческой мысли надъ силами природы путемъ роста и распространенія положительныхъ знаній, торжества социальной „идеи“ надъ политической и т. п. Въ ихъ воззрѣніяхъ на человѣка и исторію понятію *прогресса*, какъ постепеннаго воплощенія въ жизни помянутыхъ и подобныхъ имъ отвлеченныхъ началъ придается гораздо важнѣйшее значеніе, чѣмъ понятію *развитія* однѣхъ формъ жизни генетически, подъ неодолимымъ давленіемъ основныхъ душевныхъ требованій, изъ другихъ. Характеризуя съ возможною краткостью взглядъ на исторію этой группы мыслителей въ от-

---

мераціе гражданъ (напр. гражданинъ серіи 49-й, № 192,876, выпуска 1864 года). Не прощали этотъ послѣдній способъ обозначенія гражданъ и не рациональнѣе ли онъ уже потому, что при немъ уже невозможна ошибка въ тождествѣ лица, нерѣдко случающаяся теперь, когда граждане обозначаются именами и фамиліями, могущими совпасть у двухъ лицъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго? И этотъ способъ—не мистификація; онъ уже серьезно предлагался въ-которыми мудрецами космополитическаго „просвѣщенія“!

личіе отъ изложеннаго выше, можно сказать, что всѣ они сходятся въ томъ, что видятъ идеаль, смыслъ и оправданіе исторіи *не въ самомъ ея процессѣ*, (не внутренній смыслъ и критерій для нихъ важень), не въ самомъ возможно полномъ и богатомъ разнообразіемъ формъ развитіи, съ его трудомъ и борьбою, но въ томъ *конечномъ результатѣ*, къ которому этотъ трудъ и борьба имѣютъ будто-бы своимъ назначеніемъ привести человѣчество. Съ достиженіемъ этого результата и его окончательнымъ упроченіемъ въ жизни — трудъ и борьба, цѣною которыхъ онъ купленъ, естественно упраздняются, дальнѣйшее исканіе лучшаго, дальнѣйшее развитіе и исторія теряютъ уже свой *raison d'être*. Наступаетъ золотой вѣкъ такъ сказать безпечальнаго и всячески обезпеченнаго отъ нарушеній *пользованія* плодами предшествующей исторической работы. Въ этой общей характеристикѣ извѣстнаго историческаго міровоззрѣнія уже ясно намѣчены и возможные въ его рамкахъ отвѣты на разные частные вопросы, возникающіе насчетъ опредѣленныхъ свойствъ того конечнаго результата, того строя жизни, въ постепенномъ осуществленіи котораго оно видитъ задачу и смыслъ исторіи, такъ что самая исторія представляется прогрессирующей въ той мѣрѣ, въ какой къ нему приближаетъ и регрессирующей — въ какой отъ него отдаляетъ человѣчество.

Прежде всего — идеальнѣй, законченный и вполне опредѣленный *результатъ* исторической работы, а не процессъ ея, не законъ преемства *въ смѣнѣ разнообразныхъ культуръ и формъ* здѣсь представляется началомъ единства въ исторіи, сводящимъ въ одно осмысленное цѣлое все безконечное многообразіе ея событій и стремленій. Какъ единственное объединяющее начало исторіи, — самый этотъ идеальнѣйшій результатъ ея конечно не можетъ быть мыслимъ иначе, какъ *единый, общій* для всего человѣчества, безъ различія національностей и политическихъ раздѣленій. Иными словами: идеаль будущаго для всякой теоріи прогресса, *по самому существу ея основной мысли*, есть идеаль *космополитическій* и не можетъ быть инымъ. И наоборотъ: историческій взглядъ, отвергающій какой-бы то ни было космополитическій идеаль челоука и общества въ будущемъ, признающій скраобразную индивидуальность въ лицахъ, культурахъ и

учрежденіяхъ за вѣчный законъ жизни вообще и исторической жизни въ особенности, — eo ipso уже по существу своему чужды идеи прогресса, мѣсто которой въ немъ занимаетъ идея развитія. Какъ единый и общечеловѣческій, — или ступшевывающій или не принимающій въ расчетъ все то, что даетъ людямъ, культурамъ и учрежденіямъ ихъ живую своеобразность, идеаль теоріи прогресса есть, далѣе, непремѣнно и *чисто раціоналистическій* идеаль. Это такъ потому что только *понятія* разума и то въ мірѣ и человѣкѣ, что съ ними безусловно согласуется, могутъ быть *всеобщими*, чувства же, вѣрованія, преданія, привычки, — вообще все *положительное*, какъ въ душевной жизни человѣка такъ и въ ея объективныхъ проявленіяхъ (дѣйствіяхъ, выраженіяхъ, учрежденіяхъ) непремѣнно несутъ на себѣ печать индивидуальности и даже — тѣмъ жизненнѣе, ярче и глубже, чѣмъ они индивидуальнѣе. Понятно, поэтому, почему во всякой теоріи прогресса значеніе главной движущей исторію человѣчества силы при дается развитію отвлеченнаго (общаго) разума, *кришки*, росту и распространенію разсудочныхъ знаній (пир. Бокль), *просвѣтительствомъ*, отодвигающему, по мѣрѣ своего усиленія на задній планъ интересы чувства и положительнаго, чуждаго раціонализму вѣрованія, и лишающему постепенно силы чисто-положительные, столь-же чуждые отвлеченному и общему разсудку авторитеты преданія, учрежденія и т. п. Но *космополитическій* и *чисто-раціоналистическій* характеръ идеала теоріи прогресса необходимо вносятъ въ него, какъ существенную, дополняющую ихъ черту, и требованіе развитія *равенства*. Лишь поскольку въ жизни возможно осуществленіе обеспечивающаго „раціональность“, и правильность равенства, — постольку возможно въ ней естественно и осуществленіе космополитическаго и чисто-раціоналистическаго строя какъ общественной такъ и внутренней, духовной жизни человѣка. Наконецъ столь-же естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ тремъ указаннымъ характеристическимъ чертамъ идеала прогресса, которыя *въ три требуютъ* возможнаго *исключенія изъ жизни всего индивидуальнаго, не общеразсудочнаго*, (всякій слѣд. чисто *личной* инициативы, всякой особенности повиманія, вѣрованія и стремленія), — является четвертою и мечта о *возможно-автоматическомъ* прогрессѣ.

тичною, идеальномеханизованною строю идеальной жизни, которая могла-бы сохранять себя подобно совершенному механизму, не колеблемая никакими индивидуальными уклонениями измѣнчивыхъ человѣческихъ помысловъ, страстей и стремлений и отъ нихъ независимая. Космополитизмъ, рационализмъ, господство равенства и автоматическій строй жизни—вотъ главные общіе признаки всѣхъ разнообразныхъ идеаловъ теоріи прогресса!

Всѣ эти четыре указанная нами черты одинаково существенны для исполнѣ—продуманнаго идеала прогресса. Въ разные времена, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ наиболѣе ярко выступала у теоретиковъ прогресса на передній планъ то та, то другая изъ нихъ, не нарушая тѣмъ впрочемъ значенія другихъ въ цѣломъ.¹⁾ Въ наше время (мы далѣе увидимъ, подъ вліяніемъ какого именно „философскаго“ міровоззрѣнія) всего ярче разрисовывается теоретиками прогресса послѣдняя изъ нихъ т. е. идеальное—*автоматическій строй и общественной и духовной жизни достигнуаго совершенства человечества.*

Конечный результатъ исторіи, цѣль прогресса и не можетъ представляться послѣдовательной мысли въ иномъ видѣ. Этотъ результатъ, этотъ идеальный строй жизни мыслится здѣсь вѣдь, какъ *заканчивающій* исторію и разрѣшающій удовлетворительно всѣ главные задачи, ради которыхъ человечество совершало всю свою исторію! Трудъ и борьба въ этомъ строю мыслимы поэтому отнынѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой они нужны для *сохраненія* того, что уже приобрѣтено и для безпечальнаго

¹⁾ Такъ изъ первыхъ, ясно—сформулировавшихъ идею прогресса въ исторіи Кантъ сущность этого прогресса полагалъ въ торжествѣ *космополитическаго права, справедливости (просвѣщеніе—средство для осуществленія этой задачи), Лессинга*—въ космополитическомъ *просвѣщеніи* (Ueb. d. Erz. d. Menscheng. Ernst U. Falk и др.), за которыми сами собой должны послѣдовать и „вѣчный миръ“ и торжество права и т. п. И тотъ в другой имѣютъ знаменитыхъ, хотя и нѣсколько, въ сравненіи съ ними, карикатурныхъ продолжателей. Идею Канта до послѣднихъ нелѣпыхъ крайностей развилъ *Прудонъ* (de la Justice etc.); идею Лессинга—столь недавно еще знаменитый у насъ *Бокль* (первыя главы Исторіи Цивилизаціи въ Англіи). Послѣдней идеѣ въ Россіи особенно посчастливилось. Изъ массы вдохновенныхъ ею „сочиненій“ времени 60-хъ годовъ какъ на особенно забавное по найвости укажу на книжку *Шелунова* „убыточность незнавія“ Едва-ли какая-либо изъ современныхъ литературъ въ состояніи похвалиться равносальнымъ „курьезомъ“!!

пользованія имъ (для владѣнія), но не для ненужнаго уже новосозиданія и развитія. Трудъ и борьба здѣсь естественно сводятся на свой минимумъ, по возможности вовсе устраняются изъ жизни. вмѣстѣ съ ними устраняются изъ идеала жизни и ихъ вѣчные спутники: ошибки, увлеченія, страданія, нарушенія права, война, насиліе, обманъ, страхъ и надежда, также какъ и *ненужные уже болѣе подвигъ и муки творчества!* Это — состояніе спокойнаго и безусловно-обезпеченнаго пользованія всѣми благами культуры, всѣми пріобрѣтеніями прошедшаго, — пользованія, обставленнаго притомъ такими *гарантіями* и въ характерѣ самаго доразвившагося (подъ вліяніемъ положительнаго знанія и учрежденій) до этого состоянія человѣка и въ его общественныхъ учрежденіяхъ, что нарушеніе права и справедливости становится уже *невозможнымъ*. Да оно и немислимо, ибо не имѣетъ уже въ идеальномъ строѣ никакой *raison d'être*. Здѣсь между человѣкомъ и внѣшними формами его жизни, его положеніемъ, его общественною властью и зависимостью (онъ самъ непремѣнно участвуетъ въ постановленіи тѣхъ законовъ, которымъ подчиняется), его потребностями и средствами ихъ удовлетворенія — восстановлено полное равновѣсіе: *человѣкъ вполне приспособился къ своей средѣ и вполне приспособилъ ее къ своимъ нуждамъ*. Для дальнѣйшей борьбы, усилій, работы, съ цѣлью измѣнить эту среду, нѣтъ уже ни *raison d'être*, ни возможности. Да и для необходимости *самаго себя* насиловать въ виду согласованія съ этой средой, — для внутренней борьбы и подвига — въ жизни человѣка, въ совершенствѣ приспособившаго себя къ средѣ и среду къ себѣ, нѣтъ уже мѣста. Постоянно, по мѣрѣ своего совершенствованія, повторяя дѣйствія соотвѣтствующія великому принципу *приспособленія*, и такимъ путемъ (съ помощью наслѣдственности) привыкая къ нимъ какъ къ тому воздуху, которымъ онъ дышетъ, и наоборотъ — отвыкая отъ противоположнаго образа дѣйствій, человѣкъ наконецъ теряетъ самую возможность поступать иначе, чѣмъ какъ того требуютъ условія среды, т. е. поступать *нецѣлесообразно и безнравственно* (для многихъ изъ мыслителей этого направленія оба понятія совершенно совпадаютъ). ¹⁾ При полной

¹⁾ У насъ писатели этого лагеря замѣняли оба выраженія однимъ, какъ со-

гармоніи между человѣкомъ и строемъ общества, общааетъ намъ Г. Спенсеръ, самыя высшія дѣйствія, „требующіяся для гармоническаго веденія жизни, будутъ столь же обычными, какъ и тѣ низшія дѣйствія, къ которымъ мы побуждаемся простыми желаніями. Нравственныя чувства, являясь на сцену въ должное время, на должномъ мѣстѣ и въ должныхъ размѣрахъ, будутъ тогда руководить людьми столь же самопроизвольнымъ, — непринужденнымъ и вполне соразмѣрнымъ образомъ, какъ руководятъ ими теперь ощущенія. ¹⁾ Всѣ дѣятельности, нужныя для общественной жизни стануть пріятными, а всѣ, идущія въ разрѣзъ съ ея требованіями, — непріятными: внутренняя борьба и соучаствующія ей страданія и подвигъ — *упраздняются*. И въ области внѣшняго дѣйствія, наконецъ, привычка и наслѣдственность, постепенно совершенствуя приспособленіе поступковъ къ цѣлямъ, цѣлесообразность дѣйствія, приведутъ въ концѣ концовъ человѣчество къ тому, что всѣ дѣятельности, всѣ работы его будутъ представлять лишь вполне соразмѣрное, а потому и пріятное упражненіе свободныхъ силъ его, не напрягающее ихъ ни чрезмѣрно, ни недостаточно для требованій полного душевнаго и тѣлеснаго здоровья. О чемъ же, послѣ всего этого остается хлопотать и волноваться будущему человѣку, изъ-за чего страдать, что творить и къ чему стремиться?

Остается очевидно лишь — по неизмѣнному порядку природы рождаться, питаться, плодиться и умирать въ этой

единящемъ въ себѣ и то и другое понятіи, а именно — *нераціонально*. Это и *прозе* и характернѣе для духа направленія.

¹⁾ *Спенсеръ*. Осн. науки о нравственности. 160. Опираясь на тѣ-же начала, у насъ г. Карѣевъ высказываетъ счастливую увѣренность, что „при нормальномъ „ходѣ дѣла“ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ люди должны (sic!) рождаться все съ большими задатками къ умственному, нравственному и социальному развитію; съ каждымъ новымъ поколѣніемъ должна все болѣе и болѣе утверждаться такая обстановка жизни человѣка, при которой личность все болѣе получаетъ интеллектуальное, моральное и социальное воспитаніе. (Основныя вопросы философіи исторіи II, 317). Какъ видно — все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно! И счастье — необходимый спутникъ добродѣтели (какъ „раціональнаго“ образа дѣйствій), и сами люди годъ отъ году *должны* становиться умнѣе, добрѣе и лучше! Страшно даже и подумать, до какой степени ума, доброты сердечной и счастья доживетъ человѣчество лѣтъ черезъ тысячу напр., и до какой степени наши отдаленные предки были злы, глупы и несчастны!!

идеальной, не подлежащей уже дальнѣйшей переработкѣ въ высшей и внутренней средѣ, въ которой все уже навсегда регулировано, все согласовано и все предрѣшено. Всѣ функці той и другой среды отнынѣ совершаются безъ всякихъ колебаній и нарушеній съ правильностью и однообразіемъ идеальнаго часоваго механизма: — и производство и потребление, — и мышленіе и чувство. Если здѣсь и остается еще мѣсто какому либо развитію, усовершенствованію. то лишь — развитію въ смыслѣ увеличенія *средствъ* существованія, усовершенствованію *пріемовъ* наивыгоднѣйшаго пользованія силами природы и человѣка для разныхъ “раціональных”, утилитарныхъ цѣлей. А это развитіе въ концѣ концовъ всецѣло сводится къ *увеличенію запаса нашихъ положительныхъ и техническихъ знаній и ихъ широчайшему распространенію въ общество т. е. къ просвѣщенію.* Надъ всѣми силами и авторитетами жизни отнынѣ возвышается сила и авторитетъ положительнаго, практически — приложимаго знанія (*savoir pour grévoir и grévoir pour savoir*) и расчитывающаго, *критическаго разсудка.* Оно всецѣло и безраздѣльно господствуетъ отнынѣ, по благополучномъ одержаніи критическимъ разсудкомъ побѣды надъ стѣснявшими въ прошломъ его автократію и задерживавшими движеніе прогресса силами воображенія, чувства, некритической вѣры, преданія, привязанности къ традиціонному строю жизни и т. д. (Бокль) *Самодовольство и самодержавіе космополитическаго разсудка* — вотъ главный признакъ созрѣвшаго для идеальнаго благоденствія, достигшаго послѣднихъ высотъ прогресса человѣчества! Автономный, ничему кромѣ своего разсуда не подчиняющійся и не поклоняющійся, чисто утилитарный, самодовольный и благоденствующій „гражданинъ вселенной“ — вотъ представитель высшей ступени прогресса, — цвѣтокъ, выхоленію котораго посвященъ весь трудъ исторіи! При вполне благополучномъ и притомъ никогда не сталкивающимся враждебно съ требованіями справедливости выполненіи идеальными особями этого типа однообразной программы человѣческой жизни отъ момента рожденія до смерти, всякому конечно полагается съ нѣкоторой благодарностью вспоминать, въ минуты досуга, о предшествовавшемъ, сошедшемъ со сцены историческомъ

человѣчествѣ. Все же вѣдь оно, это историческое человѣчество, цѣною своихъ страданій, труда и крови способствовало водворенію настоящаго идеально-блаженнаго состоянія, оно искало и создало тѣ блага, которыми отнынѣ возможно безпечально наслаждаться! Но если на достигнутой высотѣ и пріятно и поучительно вспоминать о своихъ оставшихся на полѣ-дорогѣ предкахъ съ нѣкоторою смѣсью благодарности и снисходительнаго сожалѣнія зрѣлаго, спокойнаго мужа къ безпомощнымъ и страстнымъ порывамъ юности, — то въ будущее пристально заглядывать уже не для чего, ибо *нечего ждать* отъ него. Вѣдь оно должно и будетъ повторять впереди лишь то же, что переживается въ идеальномъ настоящемъ! Да и въ окружающее, мирное, благополучное, безтрудное и справедливое настоящее не для чего космополитической особи всматриваться особенно пылливо и особенно имъ интересоваться. И въ этомъ окружающемъ, на всѣхъ самыхъ отдаленныхъ его точкахъ, точно также какъ и въ самые отдаленные по времени моменты будущаго она, эта особь, найдетъ (если не произойдетъ ухудшенія, регресса) только болѣе или менѣе полное повтореніе себя самой, своего счастливо-ограниченнаго положенія, своихъ среднихъ, „раціональных“ задачъ и умѣренныхъ наслажденій, безошибочныхъ, положительныхъ мыслей и справедливыхъ и цѣлесообразныхъ дѣлъ!

Вмѣстѣ съ космополитическимъ уравненіемъ всѣхъ среднихъ интересовъ, характеровъ, положеній и образованій жизни такъ обр. естественно *суживается* тотъ кругозоръ, въ которомъ пылливость мысли также какъ и стремленія воли могутъ находить для себя полное по ихъ запросамъ удовлетвореніе. Шире-ли при этомъ станетъ горизонтъ доступнаго взору и мысли челоѣка окружающаго, или-же тѣснѣе, — въ сущности отнынѣ все равно, такъ какъ и въ широкихъ и въ тѣсныхъ рамкахъ жизнь можетъ и должна давать отнынѣ лишь *одно и то-же*, раціональное, неизмѣнное, вѣчно — повторяющееся въ безчисленныхъ экземплярахъ содержаніе. Для обширныхъ и рѣзко другъ отъ друга обособленныхъ вѣрованіями, интересами, воспоминаніями стремленіями и учрежденіями челоѣческихъ союзовъ, каковы національныя или культурныя государства, въ подобныхъ „идеальныхъ“ условіяхъ жизни, какъ видно,

нѣтъ уже достаточной *raison d'être*. Здѣсь для обиходныхъ нуждъ жизни болѣе или менѣе точно *повторяющихся* другъ друга и потому не имѣющихъ надобности вступать въ особенно тѣсное и глубокое другъ съ другомъ общеніе особей, ¹⁾ совершенно достаточно повидимому и небольшихъ, обладающихъ однородною во всѣхъ отношеніяхъ и на вѣчныя времена организаціей космополитическихъ общинъ, состоящихъ между собою въ живомъ и ничѣмъ не стѣсняемомъ общеніи въ интересахъ мѣны, производства и т. п. Самыя общины эти, призванныя служить лишь космополитическимъ интересамъ среднихъ, благоденствующихъ особей (гл. обр. охраненію порядка), но ничѣмъ не связанныя, не опредѣляемыя ни изъ прошедшаго ни изъ будущаго (неисторическія или скорѣе анти-историческія, вродѣ напр. иногда очень сложно и цѣлесообразно-организованнаго муравейника), ничѣмъ и сами не *связываютъ* этихъ счастливыхъ, неисторическихъ особей, для нуждъ которыхъ онѣ предназначены. Онѣ не являются для этихъ особей даннымъ имъ мимовольно, отъ рожденія, роковымъ образомъ предрѣшающимъ ихъ судьбы и стѣсняющимъ ихъ самоопредѣленіе *fatum*омъ ихъ, — но сами — дѣло ихъ свободнаго соглашенія, основаннаго на рационально — понятomъ всякимъ интересѣ его. ²⁾ Такъ какъ каждый изъ членовъ такой космополитической общины и вся совокупность ихъ, руководясь лишь настоящимъ интересомъ и не будучи связаны ни преданіемъ, ни традиціонной вѣрою, ни національностью, не руководится въ своихъ рѣшеніяхъ ни требованіями прошедшаго ни требованіями будущаго, стоитъ внѣ того или другаго, то понятно, что *ничто кромѣ соглашенія наличной совокупности членовъ общества* не можетъ здѣсь опредѣлять организаціи ихъ формы общежитія. Не такъ въ національныхъ или культурныхъ государствахъ, преслѣдующихъ задачи *историческія*, связанныхъ поэтому и своимъ прошедшимъ и продолженіемъ и развитіемъ его въ будущемъ, и въ которыхъ поэтому одно соглашеніе или

¹⁾ Напоминаю что, словами В. Гумбольдта, „*der bildende Nutzen der., Verbindungen beruht immer auf dem Grade, in welchem sich die Selbststaendigkeit der Verbundenen zugleich mit der Inuigkeit der Verbindung erhaelt.*“ (I. c. 11).

²⁾ Требуемъ непременно „ассоціаціи“ человека съ себѣ подобными.

одинъ общій интересъ *хотя бы и всей наличной* совокупности гражданъ ничего сами по себѣ ни установить ни упразднить не могутъ ¹⁾. Для космополитической общины достаточно, поэтому, *чисто — договорнаго* основанія, *недостаточнога* для національнаго или культурнаго, историческаго государства. Въ этомъ договорномъ, механическомъ (въ противоположность органическому основанію государствъ) основаніи идеальной общины будущаго — теоретики прогресса видятъ даже главный залогъ ея прочности. „Чѣмъ менѣе говоритъ напр. г. Карѣвъ, общество походитъ на организмъ, тѣмъ оно прочнѣе; самое прочное общество можетъ быть только результатомъ общественнаго договора особей, свободно, на равныхъ правахъ примыкающихъ къ союзу, который обезпечивалъ бы за ними свободное развитіе“ ²⁾. И вступленіе особей въ ту или иную общину и выходъ ихъ изъ нея и самая организація общины здѣсь представляются такимъ образомъ дѣломъ вполне свободнаго соглашенія наличной совокупности ея членовъ, основаннаго на обсужденіи всякимъ, *руководясь только своимъ разумомъ*, и своего и общаго интереса. Антагонизмъ между личнымъ самоопредѣленіемъ и объективнымъ порядкомъ и строемъ жизни, между лицомъ и обществомъ, здѣсь является такимъ образомъ окончательно побѣжденнымъ, а служеніе особи задачамъ общежитія — вполне совпадающимъ со служеніемъ ея собственнымъ личнымъ стремленіямъ. Устраненъ онъ также, съ замѣною *политическаго* строя общежитія — *чисто-соціальнымъ*, — изъ *взаимныхъ отношеній* между самими идеальными общинами ³⁾. Въмѣсто этого антагонизма, изгнаннаго

¹⁾ Ср. приведенную выше (I-я л.) выписку изъ *Лотце*.

²⁾ Основные вопросы философіи исторіи. II. 350.

³⁾ Г. Карѣвъ полагаетъ, что для войны долженъ настать конецъ вмѣстѣ съ устраненіемъ изъ идеально-человѣчной жизни безразличной по взгляду „всякаго сколько-либо развитаго человѣка“, борьбы — за существованіе. А главная причина этой борьбы должна исчезнуть съ развитіемъ ума, альтруистическихъ чувствъ и соціальныхъ формъ. „Въ общемъ результатъ полное изгнаніе борьбы за существованіе изъ общества“ говоритъ онъ „нельзя считать совершеною невозможностью, потому что съ одной стороны предѣлъ размноженія можетъ расширяться въ уровень съ самимъ размноженіемъ (которое вовсе не такъ быстро какъ думалъ), пока не достигнетъ предѣла, полагаемаго потенциальными средствами земнаго шара, а съ другой стороны — прогрессъ есть по

уже окончательно изъ жизни отдѣльныхъ совершенныхъ экземпляровъ рода homo, также какъ и изъ отношеній между совершенными общинами, въ которыхъ протекаетъ благополучно и справедливо жизнь этихъ одинаково-образцовыхъ экземпляровъ, отнынѣ воцаряется вездѣ благодѣтельная *контеpaция*. Всюду наступаетъ царство мира и любви, усиленнаго производства и обмѣна цѣнностей,—царство добродѣтельныхъ купцовъ и безкорыстныхъ банкировъ честныхъ и эстетическихъ конторщиковъ и умныхъ и трезвыхъ работниковъ! Всѣ равно и въ мѣру другъ-друга любятъ на земномъ шарѣ; всѣ одинаково хорошо работаютъ и наслаждаются плодами своего труда надъ одинаково хорошо во всѣхъ закоулкахъ земнаго шара воздѣланной, орошаемой, снабженной путями сообщенія и т. п. почвой; всѣ одинаково другъ другу, безъ излишняго напряженія силъ, помогаютъ и одинаково умно другъ-другомъ для своихъ цѣлей пользуются! И не перескажешь всѣхъ прелестей этого идеальнаго строя жизни, имѣющаго наступить, какъ вѣнецъ прогресса, по полномъ приспособленіи человѣка къ средѣ и среды къ человѣку, по полномъ очищеніи и духа человѣческаго и жизни отъ всего *нераціональнаго*, чѣмъ смущалось и отъ чего страдало и восторгалось человѣчество въ ребяческіе, *еще* историческіе вѣка своей жизни! *Политическій* интересъ жизни, вмѣстѣ съ трудомъ, борьбою, развитіемъ и страданіемъ изъ за идеальныхъ историческихъ и народныхъ задачъ, уступилъ здѣсь мѣсто спокойно — трезвому, преслѣдующему лишь вполне реальныя, существенныя цѣли—*соціальному*; *народъ*, своеобразно организованный и своеобразно выполняющій подъ руководствомъ преданій, вѣрованій и органической власти свою особую задачу

необходимости регрессъ плодовитости“ (Ось. вопр. филос. Ист. II, 325). Допустимъ все это. Но развѣ *изъ этого*, изъ предѣловъ питанія и размноженія, изъ-за *средствъ къ существованію* возникаютъ главнымъ образомъ войны между людьми? А розни идей, стремленій, идеаловъ, вѣрованій, культуръ? Человѣкъ вменно тѣмъ то и отличается отъ животнаго, что способенъ бороться не за *голый фактъ* существованія, а за *принципъ*, оправдывающій его. Или всѣ эти могавки розни и борьбы съ *раціональнымъ* развитіемъ ума, чувствъ и учреждений *обесцвѣиваются*,—мысли, идеалы, стремленія и вѣрованія *уравниваются*? Конечно изъ-за „положительныхъ“ званій и положеній вродѣ дважды—два-четыре—войны и борьбы не возникаютъ; но развѣ „раціональнѣе“ развитіе оставить въ душѣ человѣка одно *подобное* содержаніе, вытравивъ изъ нея все иное?

жизни во времени—уступилъ мѣсто агрегату *космополитическихкихъ особей*, объединяемыхъ лишь разумно понятнымъ интересомъ, не продолжающихъ ничего прошедшаго и не начинающихъ никакого будущаго; мѣсто идеи безотносительнаго *дола*, какъ незыблемаго и независимаго ни отъ какихъ внѣшнихъ случайностей правила дѣйствія, занимаетъ арифметически разсудачная идея *обязанности*, обусловленной точно соответствующимъ ей правомъ и отпадающей, коль скоро это право отмѣнено общимъ соглашеніемъ или оказывается неосуществимымъ; мѣсто интереса историческаго и нравственнаго занимаетъ интересъ утилитарный. Эгалитарно-либеральный идеаль жизни людей, равныхъ и въ трудѣ и въ благополучіи и во власти осуществлень! И несчастные и великіе люди отнынѣ равно ненужны и невозможны. Вездѣ богатая и наилучшими способами, согласно со всѣмъ богатствомъ указаній точной, немечтательной науки обрабатываемая земля усердно откармливаетъ безчисленныя поколѣнія безукоризненныхъ, рациональныхъ и довольныхъ собою двурукихъ, а *трудъ и подвигъ* во имя идеала наконецъ уступили мѣсто *наслажденію*, удовлетворенію потребности во имя ея самой! Конечно нѣтъ здѣсь уже мѣста никакимъ надеждамъ и страхамъ, чаяніямъ и гаданіямъ, никакимъ бесплоднымъ и мучительнымъ порывамъ въ область трансцендентнаго (все здѣсь такъ ясно!) и никакому сердечному влеченію ко взаимному дополненію состоящихъ въ рациональномъ и добровольномъ общеніи особей (вѣдь всѣ здѣсь—приблизительно—равны и одинъ для другаго имѣетъ лишь смыслъ орудія труда или наслажденія, контрагента и т. п.). Нѣтъ мѣста ни религіи ни поэзіи ни любви. На очищенномъ отъ нихъ пустырьѣ души „усовершенствованнаго“ человѣка царитъ отнынѣ одно положительное, приложимое знаніе и положительный интересъ; самъ человѣкъ сталъ вполнѣ автономень, а жизнь—автоматична... ..!

Не всѣмъ конечно писателямъ, искавшимъ внутренняго смысла исторіи не въ самомъ процессѣ и законѣ развитія, а въ постепенномъ водвореніи конечнаго, идеальнаго (съ точекъ зрѣнія благополучія, права, справедливости, равенства etc) строя жизни, картина этого строя представлялась со всѣми тѣми чертами, которыя мы сейчасъ пытались сгруппировать

въ одномъ цѣлостномъ очеркѣ, преслѣдуя здѣсь задачу — *указать изъ внутреннюю, необходимую принадлежность* въ послѣдовательномъ мышленіи, а не — изложить ту или другую изъ существующихъ отдѣльныхъ теорій прогресса въ исторіи. То съ одной, то съ другой изъ этихъ чертъ почти каждый изъ нихъ не могъ помириться вполне, тѣмъ большес значеніе и развитіе придавая другимъ, не затрогивающимъ его личныхъ симпатій чертамъ. Почти каждый вносилъ въ этотъ идеалъ болѣе или менѣе удачныя эклектическія дополненія, ограниченія и поправки во имя своихъ эстетическихъ, религіозныхъ, національныхъ и др. привычекъ и потребностей сердца; оказывавшихся болѣе сильными, чѣмъ требованія логики. Но эти послѣднія, къ какимъ-бы чудовищнымъ результатамъ они ни приводили, въ концѣ концовъ *всегда берутъ свое*. Въ умахъ наименѣе способной къ критическому, осторожному и всестороннему мышленію массы — послѣдовательная, хотя бы и чрезвычайно односторонняя мысль всегда возьметъ верхъ надъ всякимъ компромиссомъ и черезъ чуръ уже осмотрительнымъ эклектизмомъ (недаромъ невѣжество тѣмъ опаснѣе чѣмъ оно искреннѣе), и послѣдніе свойственны по-преимуществу именно болѣе привычному къ научному мышленію, менѣе близорукому меньшинству, которое вмѣсто съ тѣмъ — и менѣе энергично. Съ другой стороны — эти эклектическіе варианты не затрогиваютъ *существенныхъ* чертъ набросанной нами общей картины „идеальнаго“ строя жизни, какъ конечной цѣли исторіи, задачи прогресса. Этотъ идеальный строй все таки вездѣ представляется, какъ 1-хъ *соціальный*, 2-хъ *космополитическій*, 3-хъ *элементарно — либеральный*, 4-хъ *утилитарный* и 5-хъ возможно — *механизованный* (наименѣе зависимый отъ личной инициативы и личныхъ особенностей живущихъ въ немъ людей) порядокъ жизни, изъ которой устранены по возможности тягость труда, борьба, страданіе, несправедливость, потребность дальнѣйшаго творчества и развитія, также какъ — и вліяніе всякаго авторитета, кромѣ авторитета критическаго разсудка и положительнаго знанія. Это — порядокъ жизни совокупности представителей типа *средняго*, чисто разсудочнаго, благоденствующаго и автономнаго *человѣка*, но не историческаго, органически развивающагося на

біологическимъ понятіемъ приступаютъ къ объясненію и жизни и исторіи человѣка, не сомнѣваясь въ томъ, что оно окажется вполне достаточнымъ началомъ объясненія и въ этой области. Убѣдившись въ вѣрности своего общаго и элементарнаго опредѣленія жизни, они по странному недоразумѣнію слишкомъ часто склонны объяснять и оцѣнивать *всю* (и самая даже сложныя и индивидуальныя) жизненныя функціи и формы развитія живыхъ существъ вообще и человѣка въ особенности, какъ *только* — *пріемы*, прямыя или косвенныя средства этого элементарнаго процесса приспособленія, изъ него заимствующія *все* свое содержаніе и значеніе. Изъ того, что жизнь есть, но *самому общему* своему опредѣленію, приспособленіе организма къ средѣ, они слишкомъ склонны выводить, безъ дальнихъ околичностей, что *вся* жизнь, во всемъ ея объемѣ, содержаніи и цѣнности, на всѣхъ ея ступеняхъ, низшихъ и высшихъ, есть *лишь* приспособленіе, впѣ и помимо котораго нѣтъ ничего существеннаго и дѣйствительно-цѣннаго во всемъ содержаніи и во всѣхъ формахъ жизни. Съ этой точки зрѣнія и самое человѣческое сознаніе, въ которомъ коренится вся наша человѣчность, наша религія, наука, искусство, нравственность, право, исторія, — объясняется и цѣнится *лишь какъ средство наиболѣе совершеннаго и точнаго приспособленія* наиболѣе сложнаго между всѣми человѣческаго организма къ его земной средѣ, — средство наилучшаго утилизованія человекомъ наличныхъ силъ этой среды и его собственнаго организма для цѣли *выживанія* — *и только!* Это орудіе выше другихъ орудій приспособленія *лишь тѣмъ*, что оно тоньше и точнѣе ихъ; но оно — все-же *лишь орудіе*, средство достиженія цѣлей, которыя ставятся не имъ самимъ, но общимъ біологическимъ процессомъ приспособленія. Вся заслуга сознанія и все его достоинство, поэтому, *не въ положеніи для дѣятельности тѣхъ или другихъ цѣлей*, — цѣли предполагаются уже данными въ необходимости приспособиться къ даннымъ независимо отъ сознанія условіямъ положенія, — но въ согласованіи, подъ его руководствомъ, поступковъ съ ихъ цѣлями, въ *цѣлесообразности дѣйствій*, имъ обусловленныхъ¹⁾. Такимъ образомъ

¹⁾ Г. Спенсеръ даже различіе между добрымъ и злымъ поведеніемъ сводитъ на приспособленіе или неприспособленіе дѣйствій къ ихъ цѣлямъ, т. е. на ихъ

сознаниѣ здѣсь лишается значенія *творческой* силы жизни, вносящей въ нее массу совершенно новаго и личнаго, не заимствованнаго изъ данной ему среды, специфически—человѣчнаго содержанія, и выводится на степень служебнаго орудія органическихъ потребностей, общихъ человѣку со всѣми,—по крайней мѣрѣ съ болѣе развитыми животными ¹⁾). Значеніе за сознаниемъ здѣсь признается чисто — *утилитарное*,—а содержаніе—лишь *данное* ему, независимо отъ его собственнаго запроса, изъ внѣшней или внутренней среды. Всякій *идеализмъ* (а безъ него, какъ мы помнимъ, исторія невозможна), всякая личная особенность мысли и стремленій съ этой точки зрѣнія являются лишь плодомъ *недостаточнаго* или ненормальнаго¹⁾ развитія сознанія, признакомъ *несовершенной* приспособленности человѣка къ тому, къ чему приспособиться—главная задача всей его жизни. И гений и безуміе и преступленіе на этой почвѣ равняются между собою, какъ лишь различные *виды* неудавшагося, несовершеннаго приспособленія. Все то въ содержаніи нашего сознанія, что прямо или косвенно не служитъ этой великой и общей задачѣ приспособленія, здѣсь признается или ненужною, барскою роскошью, или — прямо паразитнымъ и вреднымъ для экономіи жизни, ибо непроизводительно отвлекающимъ наличныя силы ея отъ „существенныхъ“ за-

---

цѣлесообразность или нецѣлесообразность. Но если это такъ, если признаки „добрый“ или „злой“ придаются нами дѣйствующему существу не вслѣдствіе того, что оно поставило ту или иную *цель* своему дѣйствію (цѣли здѣсь предполагаются уже готовыми, данными существу уже въ условіяхъ его положенія) а всилу *цѣлесообразности* въ дѣйствіи, — то конечно любой автоматъ, локомотивъ или хорошей хронометръ по безошибочной цѣлесообразности своихъ дѣйствій имѣютъ болѣе правъ на эпитетъ „добрый“, чѣмъ самый добродѣтельный изъ людей, *которому быть безошибочно — цѣлесообразнымъ всегда мышаетъ сознательность его дѣйствій*, всегда открывающая возможность выбора и ошибки. Только автоматичныя, безсознательныя инстинктивныя дѣйствія бывають безошибочно цѣлесообразны. Впрочемъ Г. Спенсеръ *надѣется* что съ прогрессомъ и „успѣхами просвѣщенія“ всѣ самыя высшія нравственныя дѣйствія сдѣлаются автоматичными, истинными..... Высочій нравственный идеалъ!

¹⁾ И во всякомъ случаѣ—*общихъ* *всѣмъ* людямъ, по крайней мѣрѣ—живущимъ въ *одинаковой* средѣ. Отсюда ясна связь теоріи приспособленія съ идеєю *равенства* и *автоматичнаго* строя жизни (внѣшняго и внутренняго) столь *существенной*, какъ мы видѣли, въ идеалѣ прогресса.

датель, — продуктомъ ея болѣзненнаго развитія. И въ наукѣ и въ искусствѣ и въ общественной жизни и даже въ религіи ¹⁾ съ этой точки зрѣнія признается существеннымъ и дѣйствительно — цѣннымъ *одно утилитарное*, такъ или иначе могущее послужить задачѣ приспособленія. Знаніе признается лишь поскольку оно есть, въ духѣ позитивизма, *savoir pour grévoir* и *grévoir pour savoir*; а такъ какъ для *этой* цѣли достаточно знанія порядковъ сосуществованія и послѣдованія *явленій*, говорящаго намъ *какъ*, но не *почему?* они въ такомъ порядкѣ сосуществуютъ и смѣняются, — то и вопросъ „почему?“ и всякій помыслъ о чемъ либо, что *не—явленіе* изгоняется изъ области знанія, какъ виѣнаучныя и противонаучныя. Искусство допускается лишь какъ особый приемъ популярнаго *изложенія* нравственныхъ или политическихъ воззрѣній той или другой общественной партіи и возбужденія соответствующихъ „гражданскихъ“ страстей и настроеній. Религія цѣнится какъ полезный, но лишь переходный моментъ, — своего рода *педагогическая* уловка въ воспитаніи человѣчества для полной приспособленности человѣка къ цѣлямъ общежитія, — какъ подготовительная школа къ филантропіи и т. п. (мысль Лессинга) Моральность поступковъ сводится на цѣлесообразность ихъ, на *умѣнье* достигать желаемаго успѣха, добиться своего, при чемъ моральнѣйшій человѣкъ есть и наиболѣе имѣющій успѣха, счастливѣйшій, и наоборотъ — несчастный, не достигающій своей предположенной цѣли, а слѣд. нецѣлесообразно дѣйствовавшій, *eo ipso* есть уже и безнравственный человѣкъ ²⁾. Наконецъ и са-

¹⁾ Напомнимъ всѣмъ извѣстныя современныя попытки свести религію всецѣло на филантропію, „добрая дѣла и любовь“ съ устраненіемъ изъ религіи, какъ неважнаго, всѣхъ ея откровенныхъ, мистическихъ, таинственныхъ, чудесныхъ и даже метафизическихъ элементовъ. *Церковь* для религіи, *такъ* понимаемой, конечно также мало нужна какъ и для той мнимой религіи, которая производитъ себя или изъ потребностей чисто — личнаго чувства или изъ *неволимъ* разрѣшаемыхъ разумомъ вопросовъ чисто — личнаго-же теоретическаго міровоззрѣнія, и которая представляетъ лишь разнообразныя виды *автоматрии*. Таковы всѣ исповѣданія, довольствующіяся или вѣрою безъ дѣлъ, или дѣлами безъ вѣры, въ сущности чуждыя и даже враждебныя какъ религіи въ ея настоящемъ смыслѣ, такъ и церкви.

²⁾ Изъ болѣе крупныхъ писателей этого направленія поистинѣ изумительныя разсужденія, приводящія къ подобнымъ выводамъ, мы встрѣчаемъ напримѣръ у Г. Спенсера, въ Основанія науки о нравственности“.

мая исторія, измѣненіе учреждений, жизнь и борьба государствъ, культуръ и народовъ—оправдываются лишь какъ формы постепенно совершенствующагося приспособленія чело-вѣка къ его общественной (надъ—органической) средѣ и этой среды—къ нуждамъ и потребностямъ индивида ¹⁾. Задачи науки для науки (неутилитарные вопросы знанія, напр. метафизика) чистаго (нетенденціознаго, не гражданскаго) искусства, религіи для религіи (не для цѣлей *дисциплины* „ветхаго Адама“ только) также какъ и задача развитія для самого развитія отходятъ на задній планъ, если не относятся прямо къ вреднымъ, бессмысленнымъ и празднымъ за-тѣямъ устарѣлаго и эгоистическаго, „сытаго“) идеализма. Творчество, гений, подвигъ и страданіе сводятся на одинъ уровень съ болѣзнью, недоразвитостью ³⁾, преступленіемъ и уродствомъ, такъ какъ и въ первыхъ и въ послѣднихъ одинаково проявляется несовершенное приспособленіе орга-низма къ средѣ,—не органической и надъ—органической, и негодность въ данномъ случаѣ сознанія (*затемненнаго* всякими идеалами и страстями), какъ орудія такого трезваго приспособленія. А въ приспособленіи—вся задача, вся цѣн-ность и людей и начинавій, — въ приспособленности — все достоинство людей и поступковъ! Любопытно было-бы за-глянуть въ душу познѣйшему историку и угадать, какое впечатлѣніе произведетъ на него это ликующее и самоувѣ-ренное господство теоріи „приспособленія“, какъ высшаго

---

1) Съ этой точки зрѣнія понятно почему, словами г. *Страхова*: „просвѣщеніе для многихъ современныхъ людей состоитъ преимущественно въ отрицаніи всякихъ духовныхъ требованій, какъ устарѣлыхъ предрасудковъ; свобода—только въ освобожденіи отъ давящей силы капитала; справедливость—только въ равно-мѣрномъ распредѣленіи матеріальныхъ удобствъ жизни (*борьба съ Западомъ* II. 51).

2) Любопытно, что современные писатели очень щедро приписываютъ сытость и правдоность именно идеализму, наперекоръ опыту всѣхъ вѣковъ, показываю-щему намъ сытымъ, спокойнымъ и чуждымъ творчества — вездѣ и всегда „при-способившійся“ *реализмъ*!

3) У насъ г. *Картевъ* наиримѣръ даже выставляетъ такое положеніе: „Про-грессъ міросозерцанія состоитъ въ постепенномъ подчиненіи творчества кри-тической мысли (О. в. фил. истор. II. 385). Много любопытнаго въ этомъ при-ложеніи теоріи приспособленія можно встрѣтить въ книгѣ г. *Дриля* „малолѣт-нѣтніе преступники“.

закона и задачи жизни именно *въ наше время*, — время когда все, начиная отъ эпидеміи самоубійства (возводимого даже въ теорію), господства пессимизма, протеста нигилизма противъ *всякой* культуры и небывалаго развитія въ обществѣ преступленій и нищеты, и кончая чуть не ежедневными опытами общественнаго и государственнаго переустройства, свидѣлствуетъ о томъ, что современное человѣчество переживаетъ ¹⁾ именно періодъ величайшей такъ сказать *от-способленности* человѣка отъ той среды, въ которой ему назначено жить!? Не злѣйшею ли пропіею жизни покажется ему все это ликующее *недоумьніе* и не повторитъ-ли онъ невольно древняго „*quem vult perdere — dementat*“?!

Мы здѣсь не имѣемъ возможности подвергнуть подробному разбору попытку примѣненія эволюціонистскаго понятія о жизни вообще къ объясненію и оцѣнкѣ жизни человѣка и человѣчества, къ опредѣленію задачи и смысла *исторіи*. Ограничимся немногими и несложными замѣчаніями. Конечно, жизнь всякаго органическаго существа вообще, — и дурная и хорошая, и сложная и простая, — представляетъ намъ случай дѣятельнаго приспособленія его къ окружающей средѣ, ибо *безъ этого приспособленія жизнь вовсе невозможна*. Я, съ моими легкими, не могу дышать въ водѣ, а рыба, съ своими жабрами — на воздухѣ ²⁾. Но если приспособленіе есть несомнѣнно *conditio sine qua non* жизни, то *исчерпывается-ли* этимъ однимъ, самымъ *общимъ* и чисто — *отрицательнымъ признакомъ все содержаніе* понятія жизни въ его положительности и индивидуальности, сложности ³⁾? Ко-

¹⁾ Яркими и къ сожалѣнію слишкомъ вѣрыными по отношенію къ Европѣ, чертами обрисовано это состояніе современнаго человѣчества въ книгѣ No 1 d a u: die conventionellen Zügen der Culturmenschheit. (Гл. I. pp. 1—36).

²⁾ Хотя конечно, отсюда не слѣдуетъ еще, что *все время*, пока я буду окруженъ воздухомъ, а рыба — водою, и я и рыба будемъ благополучно дышать я — только дышать!

³⁾ Исчерпывается-ли иначе содержаніе понятія *вида* признаками, составляющими содержаніе понятія *рода*? Всякій школьникъ, прослушавшій курсъ элементарной логики, конечно отвѣтитъ отрицательно, вспомнивъ законъ обратнаго отношенія объема и содержанія понятія, (видовое понятіе входитъ въ объемъ родового какъ его часть, родовое входитъ въ *содержаніе* видового, какъ часть этого содержанія) Но ученымъ повидимому не возбраняется незначіе такихъ слишкомъ простыхъ истинъ, знаніе которыхъ обязательно для школьника.

нечно нѣтъ! Я, пишушій сейчасъ эти строки, безъ сомнѣнія представляю, со всей моей настоящей обстановкой, одинъ изъ сложныхъ случаевъ общаго закона тяготѣнія, пропорціональнаго массамъ и обратно—пропорціональнаго квадратамъ разстояній. Но конечно и я самъ и вся моя обстановка, и эти строки, которыя я пишу, имѣютъ и иное содержаніе и иную цѣнность, чѣмъ только *частный случай*, примѣръ міроваго закона тяготѣнія. Нельзя характеризовать и оцѣнивать все это въ отличіе отъ другихъ людей, обстановокъ и строкъ одними видоизмѣненіями въ комбинаціи разныхъ массъ и разстояній. Сказавъ о какой-либо книгѣ, что она есть тяжелое и непрозрачное тѣло, конечно всякій будетъ правъ. Но онъ будетъ правъ лишь *до тѣхъ поръ*, пока не скажетъ, что она есть *только* тяжелое и непрозрачное тѣло, въ которомъ нѣтъ никакихъ иныхъ свойствъ кромѣ этихъ, общихъ книгѣ со всѣми физическими тѣлами вообще. Если смѣшнымъ и лишеннымъ всякаго слѣда логики нашли-бы мы всякаго, кто вывелъ бы изъ положенія „всякій человѣкъ есть животное“ — положеніе что и обратно „всякое животное есть человѣкъ“, — то ту же самую смѣшную логическую ошибку, только съ другаго конца, дѣлаетъ тотъ, кто изъ того, что въ человѣкѣ *есть* признаки рода животное, выводитъ что никакихъ *иныхъ* признаковъ, кромѣ этихъ родовыхъ, въ человѣкѣ вовсе *и нѣтъ*, что такимъ образомъ содержаніе видового и родового понятія *совпадаютъ*, т. е. видъ не есть видъ, лишень отличительнаго признака ¹⁾. Эту то ошибку и дѣлаютъ тѣ, кто думаютъ опредѣлить и объяснить человѣческую жизнь и исторію однимъ *совершенствомъ ющимся приспособленіемъ* организмовъ къ средѣ (сначала — неограниченной, а затѣмъ—надъ — органической), хотя нѣтъ сомнѣнія что эта жизнь и исторія и *невозможны* внѣ приспособленія и *не совершается* внѣ его, такъ что во всякомъ явленіи ихъ можно *указать* слѣды дѣйствія общаго закона приспособленія ²⁾. Положительный смыслъ ихъ, задача и

¹⁾ А отличительные признаки именно и важны для характеристики.

²⁾ Но такое указаніе въ частномъ явленіи присутствія одного изъ общихъ законовъ конечно не исчерпываетъ еще предмета и не объясняетъ его въ его *особенности*; также на примѣръ, какъ указавъ во всѣхъ явленіяхъ, что они имѣютъ начало, середину и конецъ, что не требуетъ особаго напряженія мысли или

характеристическій *ихъ* законъ не могутъ быть опредѣлены и поняты изъ одного этого наиболѣе общаго и элементарнаго ихъ условія. Элементарныя и общія условія и образованія жизни вообще, какъ *родовыя*, гораздо менѣе опредѣляютъ положительное содержаніе и направленіе *той или другой* жизни (напр. специфически—человѣчной, самосознательной) чѣмъ позднѣйшія, частныя, болѣе индивидуальныя ея условія и образованія. — Такъ и вообще въ экономіи какого-либо живаго существа позднѣйшіе по времени и сложнѣйшіе органы его, позднѣйшія образованія его развитія играютъ для *его* дѣятельности и судеб болѣе важную, опредѣляющую роль, чѣмъ первичныя, болѣе раннія (или остающіяся навсегда въ зачаточномъ состояніи, или опредѣляющія только родовой характеръ существа, но не его индивидуальныя судьбы) ¹⁾. Такъ и въ человѣческой жизни. Самое важное, рѣшающее все значеніе принадлежитъ здѣсь именно самому высшему, индивидуальному и позднѣе другихъ выступающему на сцену проявленію ея,—сознанію и самосознанію съ его собственными, часто стоящими внѣ всякаго отношенія къ задачѣ „приспособленія“ и выживанія, и не смотря на то дающими однако нашей жизни *весь* ея интересъ, направленіе, цѣну и достоинство вопросами, стремленіями и потребностями. Достаточно (повторю сказанное въ др. мѣстѣ) напомнить о „безкорыстныхъ“ вопросахъ никогда не умирающей въ челоѣкѣ, какъ бы ни одичалъ онъ (приспособился?) метафизики и религіи, о вполнѣ „безполезныхъ“ съ точки зрѣнія приспособленія чувствахъ комизма и трагизма, о потребности игры впечатлѣній и мыслей, безцѣльнаго развлеченія и безкорыстной дѣятельности вообще ²⁾, неудовлетвореніе которой можетъ повести къ серь-

---

громадныхъ знаній,—мы ни одного изъ нихъ конечно не объяснили-бы этимъ и не охарактеризовали-бы, ничуть не подвинулись-бы въ его познаніи (ничто подобное впрочемъ съ большими надеждами предпринималъ когда-то проф. Съчеповъ въ „рефлексы головного мозга“).

1) И чѣмъ высшую ступень занимаетъ существо въ іерархіи развитія (чѣмъ оно сложнѣе, индивидуальнѣе), тѣмъ ярче, очевиднѣе подтверждаетъ оно эту истину. Изъ эмбриологіи мы знаемъ, что зародышъ нашъ постепенно проходилъ всѣ главныя ступени животнаго царства, а многое-ли въ моей жизни опредѣляется тѣмъ, что я когда-то по строенію былъ близокъ напр. къ рыбѣ?!

2) Ср. по этимъ вопросамъ небольшое, но замѣчательное разсужденіе покойнаго D u m o n t : *Theorie scientifique de la sensibilité.*

езному душевному разстройству; — о смѣхѣ, объ эстетическомъ и религіозномъ созерцаніи, о порывахъ творчества и жадѣ подвига, томящихъ иногда даже самаго закоренѣлаго буржуа, объ общемъ всему человѣчеству и практически сильнѣйшемъ изъ всѣхъ понятій ума понятіи о свободѣ воли и т. д. ¹⁾—для того чтобы показать, какая бездна наиболѣе постоянно дѣятельныхъ и энергичныхъ пружинъ духовной жизни человѣка, какая подавляющая масса содержанія и интересовъ ея не находятъ себѣ въ эволюціонистскомъ понятіи о жизни, какъ о чисто — утилитарномъ процессѣ приспособленія, не только никакого *оправданія* (все это скорѣе отспособляетъ человѣка отъ среды, чѣмъ приспособляетъ его къ ней) но даже и никакого объясненія. Какъ же можетъ это утилитарное, бѣдное и чисто — отрицательное понятіе приспособленія, безпомощное и бесплодное уже въ области личной психологіи, привести къ пониманію смысла и задачи несравненно сложнѣйшей исторіи? Или для того чтобы душевная жизнь его и исторія стали *воплнь — понятны ему и воплнь рациональны*, —человѣчеству нужно поскорѣе выкинуть за бортъ все не — утилитарное, о чемъ мы сейчасъ говорили и, отказавшись отъ *всего* богатства своего духа — остаться при этой скудной понятности и приспособленности ²⁾?

А между тѣмъ подъ преобладающимъ вліяніемъ этого именно понятія о приспособленіи, какъ высшемъ законѣ

¹⁾ Это понятіе конечно *меньше* какого-либо другаго можетъ ужиться съ теоріей, видящей смыслъ и задачу жизни въ приспособленіи. А между тѣмъ *практическое* господство его въ дѣйствительной жизни безспорно, и всѣ споры между детерминистами и индетерминистами въ теоріи — *здѣсь* не могли его поколебать и никогда не поколеблѣютъ.

²⁾ Если у низшихъ животныхъ (у болѣе развитыхъ, —слоновъ, собакъ, лошадей, даже кошекъ, мы встрѣчаемъ уже зачатки своего рода эстетической потребности, игру съ предметами, которымъ придается повидимому *условное* значеніе и т. п.) мы можемъ еще объяснить все содержаніе ихъ жизни однимъ приспособленіемъ, можемъ смѣло отрицать всякое безкорыстное, неутилитарное идеальное стремленіе, то слѣдуетъ-ли намъ *въ ниль* видѣть образецъ для себя? Вѣдь, словами *Лотце*: кто возьметъ себѣ руководителемъ природу животныхъ, дойдетъ съ этимъ только до сознательнаго скотства, а ужъ отсюда не до человѣчности (Микросомъ р. пер. II, 435). Вопросъ въ томъ; идти-ли намъ къ обезьянѣ (ей вѣдь тоже въ ея жизни все ясно!) или — *отъ* обезьяны?

жизни, и слагается въ наше время преимущественно представленіе объ идеальномъ строѣ жизни, „составляющемъ задачу и конечное оправданіе историческаго процесса“. Оно дастъ нашему времени мѣрило прогресса или регресса жизни у большинства современныхъ писателей, ищущихъ въ исторіи не развитія, составляющаго само себѣ цѣль и внутреннее оправданіе отдѣльныхъ существованій и эпохъ, но *прогресса*, приближенія жизни къ какому то конечному и будто бы совершеннѣйшему состоянію. Это состояніе представляется имъ, какъ мы видѣли, въ формѣ состоянія совершенной, не оставляющей уже болѣе ничего желать, приспособленности человѣка къ средѣ (неорганической и надъ—ограниченной) и этой среды — къ человѣку. Средства, которыми осуществляется такая приспособленность, воспитывающія къ ней постепенно человѣчество: развитіе и распространеніе положительнаго знанія съ одной стороны и—цѣлесообразная организація эгалитарно-либеральныхъ формъ общегитія съ другой. Результатъ: безтрудность, миръ, благоденствіе, равенство и полная раціональность жизни, очищенной отъ всего безполезнаго — и отъ великихъ людей и отъ всякихъ страстей, неосуществимыхъ порывовъ и идеаловъ.

Анти-историческій характеръ изложенной теоріи прогресса настолько очевиденъ, что на немъ едва-ли есть надобность настаивать. Сказать, что задача исторіи есть упраздненіе исторіи,—не все-ли это равно, что сказать, что задача жизни есть смерть?! Конечно жизнь неизбѣжно *кончается* смертью, какъ и исторіи человѣчества, какъ и свѣту согревающаго землю солнца долженъ когда-нибудь наступить конецъ. Но *конецъ* чего-либо не есть конечно *eo ipso цель, задача и оправданіе* того, что кончилось. Какъ смерть, конецъ земной жизни, можетъ представляться *оправданіемъ* ея лишь тому, кто въ смерти видитъ лишь переходъ къ иной, высшей и лучшей жизни, тому-же кто въ загробную жизнь не вѣритъ,—тому и земная жизнь, никогда не осуществляющая своей задачи, должна казаться безцѣльною игрой, „пустою и глуною шуткой“: — такъ и тотъ, кто видитъ задачу исторіи въ томъ лишь, чтобы она скорѣе кончилась, долженъ-бы сказать: „лучше-бы ея и вовсе *не было* уже сна-

чала!“¹⁾ И это *говорили*.—Но конечно не *такое* долженъ быть отвѣтъ на вопросъ о *положительномъ смыслѣ* исторiи; это, напротивъ,—утвержденiе ея прямого *безсмысла*!

Но теорiя прогресса не только по существу своему не можетъ быть *историческою* теорiею,—чѣмъ однако притязаетъ быть; она кореннымъ образомъ грѣшитъ еще и во *всѣхъ* своихъ основныхъ началахъ. Эти начала, какъ мы видѣли, выражаются въ требованiи *раціоналистическаго, космополитическаго, уравнительнаго и автоматическаго* строя жизни. Но ни одно изъ этихъ требованiй стольже-въ дѣйствительности *неосуществимо*, какъ осуществленiе ни одного изъ нихъ и *нежелательно*.

Требованiе, чтобы строй жизни сдѣлался вполне *раціональнымъ*, т. е. жизнь не содержала въ себѣ ничего, что не было-бы измышлено разумомъ или по крайней мѣрѣ санкціонировано имъ, со *своей* точки зрѣнiя,—ничего слѣдовательно *чисто-положительнаго* (преданiе, религiя, національное государство), естественно связано съ требованiемъ, чтобы самъ живущiй этою жизнью человекъ сталъ *чисто-разсудочнымъ* существомъ. Но онъ и *не есть* чисто-разсудочное существо, и никогда *не можетъ* быть имъ по очень простой причинѣ. Эта причина—въ томъ, что *психологически*—разсудокъ, мышленiе, познанiе и т. п. вовсе не суть какiя-либо *самодовольствующiя, основныя, самостоятельныя* состоянiя или способности души. Психологiя давно уже оставила внѣ всякаго сомнѣнiя ту истину, что *всѣ* состоянiя сознанiя, отъ самыхъ простѣйшихъ и до самыхъ сложныхъ, могутъ возникать лишь на основанiи *волевой* дѣятельности. Самое элементарное состоянiе сознанiя, которое мы находимъ вездѣ, гдѣ есть хотя проблескъ жизни вообще, есть *самочувствiе*;—а оно зарождается лишь въ *дѣятельныхъ усилiяхъ*, напряженiяхъ, которыхъ совершающее ихъ существо *не можетъ не чувствовать*! *Ощущенiе* тоже дается намъ лишь тѣми органами, которыми мы можемъ произвольно двигать, которые снабжены сложными мускульными аппаратами (и

¹⁾ Такова мысль современнаго философа, Э. ф. Гартмана, который *по-своему правъ*, находя „реалистическими“ мечтанiя Ж. Ж. Руссо о возвращенiи культурнаго человечества къ его *до-культурному* состоянiю, и предпочиталъ,—волею слѣдовательно, со *своей* точки зрѣнiя,—возвращенiе ко времени *до сотворенiя* мира („Phil. d. Unbew. p. 748“).

даютъ намъ много мускульныхъ ощущеній); самый богатый ими, самый подвижной изъ органовъ—глазь—даетъ намъ и самыя ясныя и точныя ощущенія, а почти неподвижная (по произволу,—не дающая мышечныхъ ощущеній) печень и не доставляетъ намъ ничего, кромѣ смутныхъ *общихъ чувствъ*, да и то лишь—при заболѣваніи. Насколько-же всякій актъ собственно *мысленія* требуетъ, смотря по своей сложности, напряженія *вниманія*,—тоже волевой дѣятельности,—это всякому извѣстно. Вездѣ въ основѣ *познавательныхъ*, умственныхъ состояній души лежитъ *воля*, вѣдомая себѣ дѣятельность. Она такимъ образомъ, а не умъ, есть *первичное, основное въ душевной жизни*; и тотъ умъ, который теорія прогресса хочетъ сдѣлать самодовлѣющимъ и единственнымъ руководителемъ жизни,—есть въ дѣйствительности лишь *друдіе*, которое постепенно создаетъ себѣ воля для успѣшнѣйшаго, цѣлесообразнѣйшаго осуществленія *своей* собственной задачи. Умъ самъ по себѣ ничего не *полагаетъ*, но познаетъ то, что *ему* положено; онъ и не *направляетъ* волю, но лишь такъ сказать освѣщаетъ ей избранный *сю* *самую* путь. Онъ—чисто *формальное* начало, само по себѣ,—не направленное волею, —безразличное, какъ безразличенъ, ни вреденъ ни полезенъ, и динамитъ, пока его какая либо воля не заставитъ служить дурной или хорошей цѣли. И *ему*—то при этомъ быть верховнымъ распорядителемъ жизни.....?!

Тамъ, гдѣ умъ дѣйствительно, *сложившись* однажды подъ творческимъ давленіемъ воли, отбѣсняетъ ее въ душѣ на задній планъ и *становится* такимъ самостоятельнымъ распорядителемъ,—тамъ его исключительное верховенство и приводитъ всегда къ весьма-плачевнымъ послѣдствіямъ. Почему мы находимъ тѣхъ людей о которыхъ говоримъ, что они „*живутъ исключительно умомъ*“,—бездушными, холодными, черствами, сухими, и скучными? почему индійскій браминъ только *послѣ* того какъ онъ все въ жизни испыталъ, все передѣлалъ, *узналъ и понялъ* въ кругѣ своей жизни, отправляется въ пустыню, и — отправляется ожидать *смерти* вмѣсто того чтобы обогативъ свой умъ, умудряясь опытомъ, съ большею энергіею, *дѣятельнѣе жить*? Почему и каждый изъ насъ къ *старости*, по мѣрѣ того какъ ему все въ кругѣ пережитого имъ становится яснѣе, понятнѣе, какъ умъ беретъ у него перевѣсть

надъ прочими силами души, постепенно утрачиваетъ и теплоту чувства и *интересъ* къ жизни, безъ котораго поддерживать необходимую для жизни энергію можетъ лишь безстрастное и не всѣмъ данное чувство *дома*? Почему все это?

Въ отвѣтъ напомнимъ гамъ мм. гг., одинъ изъ основныхъ психологическихъ законовъ. Онъ гласитъ: „душевныя состоянія имѣютъ тѣмъ *меньше волнующій* насъ характеръ, чѣмъ они *сознашельнѣе*“. Чѣмъ *яснѣе* сознание, тѣмъ *менѣе* душевнаго волненія, *тѣмъ меньше чувствива* (сравните въ этомъ отношеніи зрѣніе, обоняніе, чувства боли). Въ душѣ, въ которой осталось-бы одно сознание, *одинъ умъ*, — вовсе исчезло бы, по этому закону, *чувство*. А что придаетъ теплоту и интересъ жизни, энергію волѣ, какъ *не чувство именно*? И мудро-ли послѣ этого, если исключительное развитіе въ обществѣ-ли (старыя общества: Римъ нпр.) въ лицѣ-ли (старые люди) *ума, сознательности*, всегда болѣе или менѣе сопровождается ослабленіемъ энергіи воли, скукою и утомленіемъ жизнью? Тѣ, кого поддерживаетъ чувство *дома*, могутъ еще при этомъ жить и дѣйствовать далѣе, но тѣ, у кого этого чувства нѣтъ—естественно склоняются къ *отрицанію жизни*. Такъ и дѣлаютъ нѣкоторые нессимисты ¹⁾. И прибавлю—не даромъ *чистый рационализмъ* ²⁾ всегда кончался и не могъ не кончатся отрицательными выводами.

Но еслираціонализмъ невѣренъ психологически, а господство его на практикѣ приводитъ къ чисто-отрицательнымъ результатамъ, къ бесплодному критицизму и скептицизму, къ *обезцвѣченію* жизни и *ослабленію* жизненной энергіи человѣка,—если поэтому *неосуществимы* сколько-либо прочно ни чисто рациональный (чуждый всякихъ положительныхъ началъ) строй жизни ни исключительно *разсудочный*, чуждый страсти, чувства и вѣры человѣкъ,—то въ равной мѣрѣ никогда неосу-

¹⁾ Напомнимъ одно изъ основныхъ положеній Э. ф. Гартманнова нессимизма: „чѣмъ жизнь сознательнѣе, тѣмъ она несчастнѣе“. Если въ этомъ положеніи и высказывается истина, то лишь въ томъ смыслѣ, какой мы сейчасъ старались выяснить (т. е. въ смыслѣ ослабленія чувства, энергіи, интереса къ жизни), но отиудъ не въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему самъ Гартманнъ, видящій въ развитіи сознания параллельное ему „разрушеніе иллюзій“, которыми только будто-бы и заманиваетъ насъ жизнь.

²⁾ Не имѣя возможности развивать здѣсь эту мысль, сошлюсь на книгу В. С. Соловьева. „Критика отвлеченныхъ началъ“.

ществимы прочно въ жизни ни *космополишическій* ея строй, ни *равенство*.

Оба возможны лишь въ *такой* жизни и для *такихъ* людей, въ которыхъ ничего нѣтъ кромѣ чисто-раціональнаго, обще-разсудчнаго. Водворенію обоихъ безусловно враждебно все *положительное*, пераціональное и въ строѣ жизни и въ душѣ человѣческой: и національное, данное помимо договора и критики государство, и историческое откровенное вѣрованіе и церковь и преданіе, и всякая *особенность* чувства, народнаго, родоваго, семейнаго или личнаго характера. Все это — только дано, человѣку, положительно; все это только *ограничиваетъ его личный* умъ, разсудокъ, давая его дѣятельности *не отъ него уже зависящее направленіе* и окраску, внося въ жизнь начало обособленія, индивидуальности и разнообразія, а такъ какъ *разнообразіе* есть первое условіе развитія, исторіи, то и — возможность самаго развитія, самой исторіи. Раціонализмъ, вращающійся въ области *общихъ* безличныхъ понятій и формъ, или заимствующихъ свое содержаніе отъ нихъ, или вовсе безсодержательныхъ, естественно *возстаетъ* противъ всѣхъ этихъ положительныхъ, *разнообразящихъ жизнь и мѣшающихъ водворенію равенства* началъ. Мы уже говорили выше о замѣнѣ въ теоріи прогресса историческаго, національнаго *государства* — союзомъ договорныхъ, космополитическихъ *общинъ*. *Вѣрованія* для этой теоріи, начиная отъ Лессинга и до Бокля также должны отступать на задній планъ по мѣрѣ завоеваній, успѣховъ знаній *разума* ¹⁾. Бокль даже отождествляетъ *вѣру*, такъ какъ въ основѣ ея нѣтъ разсудочной критики, — съ суевѣріемъ, преобладаніемъ воображенія надъ разумомъ. И относительно *преданія* Бокль считаетъ всякое уменьшеніе уваженія къ преданію, къ историческому прошлому, *за шагъ впередъ по пути прогресса* ²⁾. Какую малую цѣну придаетъ все это направленіе бесполезному искусству и *чувству*, такъ постоянно обманывающему всѣ ра-

¹⁾ Напр. у Лессинга: Die Ausbildung geoffenbarter. Wahrheiten in Vernunftwahrheiten ist schlechterdings nothwendig... Als sie geoffenbart waren, waren sie freilich noch nicht Verunftwahrheiten, aber sie wurden geoffenbart um es zu werden (Wercke VIII, 67).

²⁾ Изъ всѣхъ разнообразныхъ путей, которыми воображеніе искажаетъ истину, самый вредный — преувеличенное уваженіе къ прошедшему. Это уваженіе противно *всѣмъ* началамъ разсудка и есть ничто иное, какъ снисходительность поэтиче-

счета ума, такъ *нераціональному*, всѣмъ хорошо извѣстно ¹⁾; доходить дѣло даже до протеста противъ національнаго, не сочиненнаго сразу *языка* и до проектовъ созданія одного общечеловѣческаго языка! Но такой языкъ уже существуетъ—это—*цифры*, банкирскіе счета; только едва ли *этимъ* языкомъ можно выразить какую либо глубокую мысль, или—написать поэтическое произведеніе! Но отъ всего этого *нераціональнаго* человѣчество никогда не можетъ отказаться, безъ него оно не *можетъ жить*! Космополитическая тенденція, враждебная ему—не разъ уже осуществлялась въ исторіи, и всегда кончалась—*смертью*: такъ въ міровластительномъ Римѣ, который разрушился, какъ скоро соединилъ въ себѣ *весь міръ*; такъ, по библейскому сказанію, и въ Вавилонѣ, все—соединившемъ въ одной общей работѣ и приведшемъ къ „смѣшенію языковъ“, къ одичанію ²⁾). Что же касается до *равенства* ³⁾, то оно никогда еще не было осуществлено въ *культурномъ* обществѣ; если же бы и осуществилось когда-либо, то *развитіе*, исторія, стали бы вмѣстѣ съ тѣмъ невозможны, а личная жизнь, лишенная инициативы и характера, утратила бы длясамихъ ея носителей весь

скаго чувства ко всему неизвѣстному, отдаленному. Вотъ почему въ эпохи, когда разумъ былъ сравнительно говоря, бездѣятельнѣе, это чувство было сильнѣе, чѣмъ теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что ослабленіе будетъ продолжаться, постоянно возрастая, и что въ той же самой мѣрѣ будетъ усиливаться сознаніе прогресса, такъ что мѣсто уваженія къ прошедшему заступитъ надежда на будущее (*Исторія цивилизаціи въ Англіи*, р. п. 100—101).

1) У того же Бокля ср. любопытныя разсужденія о томъ, что такое литература („литература сама—по себѣ дѣло пустое“), каковы ея задачи и т. п. въ той же книгѣ сс. 198—199.

2) На этотъ счетъ много хорошихъ замѣчаній можно встрѣтить у *Канта* (*Weske. ed Hart. IV pp. 356, 298 и д.*).

3) Наиболье талантливый изъ проповѣдниковъ *равенства*—несомнѣнно Прудонъ. И народы и государства, по его теоріи, гибнутъ вслѣдствіе преобладанія въ ихъ жизни *идеала* (l'absolu) надъ справедливостью, равенствомъ и—крѣпнуть и блаженствуютъ, благодаря преобладанію справедливости, равенства надъ идеаломъ. Поэтому—прогрессъ есть *элиминація* изъ жизни идеала и торжество равенства. А такъ какъ кульминаціонный пунктъ всѣхъ идеаловъ есть идея Бога, то прогрессъ есть—*rétrogradation de Dieu*, а его лозунгъ—*guerre à Dieu!* Вся задача жизни для Прудона формулируется какъ *élimination de l'absolu la purgation des idées, la balance du moi par le moi, qui veut dire—la réduction de toutes les théories sociales, politiques, économiques, religieuses, à l'égalité pure* (этюдъ 7-й de la Justice etc. р. 124).

свой *интересъ*. Съ этимъ соглашается — это проповѣдуетъ даже такой прогрессистъ, какъ Д. Ст. Милль ¹⁾).

Наименѣе сомнѣній можетъ возбуждать *несуществованность* и *нежелательность автоматическаго* строя и общественной жизни и внутренняго міра самого человѣка. *Чѣмъ* привлекаетъ къ себѣ, спрашивается, этотъ идеалъ автоматически, безъ всякихъ колебаній и нарушеній выполняющаго свои отправления общественнаго строя? Конечно — лишь своей полной *раціональностью, правильностью и безошибочностью*. Положимъ, что въ дѣйствіяхъ автомата не можетъ дѣйствительно быть ни нераціональности, ни неправильности ни ошибки. Ошибаются, колеблются, совершаютъ и преступленія и глупости только *живыя, сознательныя* и руководящіяся въ своихъ дѣйствіяхъ сознаниемъ существа. Но *они же одни и чувствуютъ*, — для нихъ однихъ ихъ жизнь и имѣетъ *смыслъ и цѣну*. Всѣ мы знаемъ, какъ всякая наша дѣятельность, по мѣрѣ того, какъ она становится болѣе *привычною*, совершается нами все *легче, правильнѣе и автоматичнѣе*, — но и доставляетъ намъ все — менѣе и менѣе ощущеній и чувствъ, все — менѣе даетъ *пищи* и интереса нашей душевной жизни, переходя накопецъ въ почти безсознательный, *механически и безинтересно* для насъ проявляющійся инстинктъ. И такими-то, не дающими душѣ никакой *пищи* и содержанія, безсознательными и безинтересными, хотя и *безъ труда и ошибки* выполняемыми инстинктами хотятъ замѣнить нашу сознательную, — а потому открывающую возможность и ошибки и подвига и преступленія, — но исполненную для насъ *интереса, цѣнную* намъ жизнь! Ошибокъ тогда конечно не будетъ, какъ не будетъ и подвига, и самаго интереса и сознанія о ней.

Но *чѣмъ же и для чего* жить тогда человѣку, обращенному въ совершеннаго, безошибочнаго автомата, и лишенному всего интереса въ жизни, всѣхъ ощущеній и чувствъ своихъ, всего богатства своего духа? Правильностью и раціональностью своей жизни.....?! Но *для чего* онѣ? Могутъ ли онѣ *сами по себѣ* придавать смыслъ и цѣну жизни для автоматически, безсознательно переживающихъ ее существъ? Конечно нѣтъ. Смыслъ и цѣнность имѣютъ жизнь и самый міръ лишь по скольку они, — раціональны они или нѣтъ, правильны или неправильны, — но *сами* сознають, чув-

¹⁾ Въ О. „Свободѣ“.

ствують и цѣнять свою жизнь. Отнимите у міра и у человѣка, автоматизировать ихъ, это сознаніе *своей* жизни, *цѣнность* ея для нихъ, — и самое существованіе ихъ утратить смыслъ и возможность оправданія, обратится въ «пустую и глупую шутку». *„Для чего нужна жизнь, если она сама себя не нужна?“*

Что *развитіе и исторія* невозможны для человѣка и общества, ставшихъ автоматами, — это несомнѣнно: автоматъ только *повторяетъ* тождественныя движенія. Такимъ образомъ и съ этой стороны теорія прогресса представляется не формою *историческаго*, но формою *анти-историческаго* пониманія. Но даетъ *это* соображеніе — основаніе осудить ее лишь въ томъ случаѣ конечно, если для насъ несомнѣнно, что *сама исторія* дѣйствительно *нужна, необходима* для человѣка, чтобы онъ жилъ человѣчно. Итакъ — послѣдній вопросъ: *нужна ли* намъ дѣйствительно исторія? Не лучше ли намъ вовсе безъ нея, безъ ея сложныхъ задачъ, заботъ, тревогъ и тяжелыхъ стѣсненій?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ я старался дать вамъ, мм. гг. уже въ предшествующей лекціи. Да; исторія *нужна* человѣку; безъ нея жизнь для него, разъ онъ выпелъ изъ первобытной дикости, *невозможна, невыносима*. Сознющее себя существо, каковъ человѣкъ всегда и вездѣ, не можетъ жить, не стремясь *устроить* свою жизнь; и въ тоже время онъ ежемгновенно *убѣждается* въ *невозможности* устроить ее воплиѣ по своимъ расчетамъ. Сознющее себя существо не можетъ дѣйствовать иначе какъ по *своимъ* цѣлямъ, *своимъ* понятіямъ о должномъ, желательномъ и цѣнномъ; *зная* это, человѣкъ не можетъ считать себя вовсе безотвѣтственнымъ за свои судьбы, — но онъ въ тоже время не въ состояніи и принять на себя *всю* эту тяжелую отвѣтственность. Человѣкъ не можетъ довольствоваться, какъ сознающее существо, тѣмъ только, что онъ *живетъ*, но ему нужно и *оправдать* передъ собою свою жизнь. *Пока* онъ сознаетъ себя, и *потому* что онъ сознаетъ себя, ему нужны такимъ образомъ и *опора*, и *руководство* и *оправданіе*. И *ничего* то этого не находитъ, онъ и не можетъ найти въ *себѣ самомъ* — въ собственномъ сознаніи; онъ себѣ роковымъ образомъ *не довлѣтъ!* Восполнить эту его ограниченность, дать ему эту жизненно-необходимую опору, эотъ руководство и оправданіе

можетъ только *сознанная связь его съ тѣмъ, что внѣ его, выше его, и руководитъ его судьбами, направляетъ ихъ.* Такую сознательную связь съ *вышнимъ*, дающимъ ему опору, руководство и оправданіе, и находить человѣкъ, съ одной стороны — въ *положительной религіи*, а съ другой — въ *исторіи*, съ ея положительными началами, — въ сознаниіи себя звеномъ въ развитіи великаго цѣлаго человечества, съ любовью предолгающимъ не имъ начатое, завѣщанное ему, — и не съ нимъ кончающееся дѣло, какъ и въ оправданіи своихъ судьбъ *этимъ* именно сознаниемъ. Понятно поэтому, мм. гг., что *внѣ* исторіи и религіи, внѣ положительныхъ началъ жизни сознающему себя человѣку и „жить скучно и умирать страшно“.

А не этими ли послѣдними словами именно—всего лучше можно охарактеризовать душевное состояніе вполнѣ—современнаго человѣка, сохранившаго лишь способность къ критикѣ и отрицанію,—къ скукѣ, страху и отчаянію,—но утратившаго и всѣ свои *положительные* идеалы и самый смыслъ „положительнаго“ и самое даже сознание жизненной необходимости жить *исторически*?!

Пусть человѣкъ, поставившій себя *внѣ вѣсѣхъ этихъ* связей и опоръ, замкнувшійся въ гордомъ одиночествѣ своего самодовольнаго разсудка, не желающій знать ни прошлаго ни будущаго, живущій только собою и для себя,—отказавшійся отъ всякаго инаго оправданія своего случайнаго торжества или своей случайной гибели кромѣ того, что они *совершились*, и съ презрѣніемъ отвергшій всякую опору и руководство, кромѣ заимствованныхъ имъ изъ самаго себя,—самодовольнаго и самодержавнаго—и мнить себя *на высотѣ!* Но на этой высотѣ такъ тоскливо, одиноко, такъ холодно и такъ мертвенно и безнадежно,—такъ не *отъ кого* и не *откуда* тамъ ждать отвѣта на всѣ самые жаркіе и мучительные вопросы и запросы души, которыхъ намъ никогда не заглушить въ себѣ! Нѣтъ; тотъ, кто еще *хочетъ* жить и дѣйствовать, кто *хочетъ надѣяться* и стремиться и любить,—тотъ не пойдетъ на эту мертвую высоту. Кончу безсмертными словами Гете:

Wer nicht mehr liebt und nicht mehr irrt,
Der lasse sich begraben!

О молитвѣ православной церкви за усопшихъ инославныхъ христіанъ ¹⁾.

Вопросъ о молитвѣ за умершихъ инославныхъ христіанъ—одинъ изъ тѣхъ богословскихъ вопросовъ, которые преимущественно предъ многими другими богословскими вопросами должны имѣть и дѣйствительно имѣютъ самое жизненное значеніе. Онъ касается не того отвлеченнаго вѣрованія, которое въ такомъ или иномъ, часто не представляемомъ даже ясно, видѣ можетъ жить въ нашемъ сознаніи, не безпокою нашего сердца, не вызывая собою никакихъ волненій и недоумѣній въ жизни, а—той нравственно-дѣятельной мысли, которая усвоится не умомъ главнымъ образомъ, а сердцемъ нашимъ, и не иначе можетъ жить въ насъ, какъ такъ или иначе выражаемая во виѣ — въ нашихъ дѣлахъ.

Предметомъ своимъ вопросъ о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ касается съ одной стороны молитвы, какъ наивысшаго и общедоступнаго выраженія нашей религіозности (набожности-вѣры), съ другой— тѣхъ изъ ближнихъ нашихъ, которые и для простаго сердца болѣе многихъ другихъ нуждаются въ этой самой религіозности нашей. Поэтому и становится онъ, какъ понятно это и само собою, такимъ животрепещущимъ богословскимъ вопросомъ, такое или иное рѣшеніе котораго можетъ и должно занимать собою не богослововъ только по призванію и занятіямъ, а даже и тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые вообще-то менѣе первыхъ склонны заниматься и интересоваться богословскими вопросами. Въ послѣднее же время жизненное значеніе этого вопроса особенно какъ-то выдвинулось впередъ въ виду того простаго факта, что въ наши дни матеріально-плотскія отношенія, несомнѣнно болѣе жизненныя, чѣмъ духовно-религіозныя вообще, такъ перемѣшались между собою православныхъ и инославныхъ, вѣрующихъ и не-вѣрующихъ, что нынѣ не рѣдкость уже въ одной той же семьѣ

¹⁾ Читано въ очередномъ собраніи Общества Любителей дух. просвѣщенія 27 мая.

встрѣтить и тѣхъ и другихъ. Каждый изъ насъ знаетъ конечно не малое число фактовъ такого рода.

Будучи такимъ жизненнымъ по своему предметному значенію, вопросъ о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ христіанъ по своему содержанію принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ въ символическихъ книгахъ нашей вѣры нѣтъ прямого, точнаго и опредѣленно въ подробностяхъ высказаннаго ученія. Имѣя въ этихъ книгахъ лишь общее принципиальное рѣшеніе свое, вопросъ этотъ въ практическомъ своемъ приложеніи рѣшается различно. Въ данномъ случаѣ мы ссылаемся не на частныя мнѣнія и поступки отдѣльныхъ вѣрующихъ, а на административныя рѣшенія его различными представителями нашей церковной власти. Между тѣмъ какъ одни епископы не дозволяютъ совершать и не совершаютъ объ усопшихъ инославныхъ христіанахъ не только заупокойныхъ литургій, а и панихидъ, «чѣмъ конечно глубоко оскорбляютъ православныхъ родственниковъ усопшихъ», другіе дозволяютъ, а третьи запрещаютъ даже читать надъ такими усопшими и Псалтирь, какъ то принято у насъ въ православной церкви.

Понятно отсюда, почему жизненное значеніе этого вопроса выражается не только въ томъ, что такое или иное рѣшеніе его занимаетъ весьма многихъ изъ вѣрующихъ, а и въ томъ, что онъ вызываетъ въ нихъ нерѣдко смущенія, волненія, недоумѣнія и даже огорченія. Всякій изъ насъ если не испыталъ чего либо подобнаго самъ на себѣ, то по меньшей мѣрѣ не разъ слыхалъ объ этомъ; хотя нельзя не сознаться въ томъ, нельзя не подивиться тому, что не смотря на широкое, конечно сравнительно, распространеніе у насъ печатнаго слова не только свѣтскаго, а и духовнаго, доселѣ эти смущенія, недоумѣнія, огорченія и вопросы высказывались больше устно, чѣмъ письменно или печатно.

Вотъ почему съ такимъ живымъ интересомъ и вниманіемъ встрѣчена была нашимъ обществомъ не только духовнымъ, а и свѣтскимъ статья г. М. Б. въ 91 № Московскихъ Вѣдомостей о томъ, «можетъ ли православная церковь молиться за усопшихъ не православныхъ христіанъ». Съ истиннымъ удовольствіемъ и радостію прочитали мы эту статью, благодарные автору ея прежде всего за самое возбужденіе поставленнаго въ ней вопроса. Горячо сочувствуемъ мы высказаннымъ авторомъ статьи недоумѣніямъ и волненіямъ по поводу поставленнаго имъ вопроса, и раздѣляемъ съ нимъ его мнѣніе объ этомъ, къ сожалѣнію высказанное имъ не такъ ясно и полно,

какъ бы желалось. Но по этому же самому съ одной стороны, съ другой въ виду тѣхъ перетолковъ объ этой статьѣ, которые не разъ уже пришлось намъ выслушать объ ней, мы и рѣшились взяться за перо, имѣя въ виду дополнить недосказанное въ ней и разъяснить не выясненное.

Но прежде своей рѣчи о данномъ предметѣ считаемъ нужнымъ привести самую статью М. Б. и сказать нѣсколько словъ о сущности толковъ объ ней и перетолковъ ея.

Вотъ эта статья:

«Во вторникъ на Фоминой недѣлѣ, православная церковь возносила молитвы свои за всѣхъ усопшихъ христіанъ; пользуясь этимъ днемъ, чтобы послѣ долгихъ колебаній и размышленій обратиться наконецъ съ вопросомъ тревожащимъ многихъ православныхъ ко всѣмъ лицамъ лучше меня знающимъ истинный духъ и значеніе догматовъ и обрядовъ нашей православной церкви. Надѣюсь, что этимъ путемъ я получу тотъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, котораго мнѣ пока не удавалось слышать въ частныхъ бесѣдахъ съ уважаемыми мною духовными лицами и знатоками каноническаго права. Если же и тутъ я потерплю неудачу, то вѣроятно наши высшія духовныя власти найдутъ полезнымъ окончательно разрѣшить своимъ авторитетнымъ словомъ этотъ вопросъ въ ту или другую сторону, дабы онъ впредь не возникалъ и не смущалъ умы и сердца вѣрующихъ.

Мнѣ давно уже приходилось задумываться надъ этимъ вопросомъ; послѣднимъ же поводомъ, побудившимъ меня доискаться по мѣрѣ силъ моихъ удовлетворительнаго разрѣшенія его послужило слѣдующее обстоятельство:

Недавно въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, въ люте; ранскомъ семействѣ, скончалась молодая дѣвушка, пятнадцати лѣтъ родители, убитые горемъ, ищутъ утѣшенія въ молитвѣ. посылають въ мѣстный женскій монастырь просить монахиню читать надъ усопшею Псалтирь. Мать игуменя отказывается, говоря, что у нихъ это случай небывалый, надо спросить архіерея. Архіерей не позволилъ. Дѣвица эта училась въ институтѣ; подруги, любившія ее, просятъ своего законоучителя отслужить по ней панихиду; онъ отказывается. Начальница института ѣдетъ за разрѣшеніемъ къ преосвященному; тотъ запрещаетъ.

Итакъ, въ данномъ случаѣ запрещено было не только служить панихиду по усопшей, но даже читать православному лицу, въ утѣшеніе родственниковъ, Псалтирь, книгу, которая читается всѣми

христіанами и читалась даже въ то время, когда христіанъ въ настоящемъ смыслѣ этого имени даже не было.

Между тѣмъ, съ другой стороны, всѣмъ извѣстно, что часто повторяются случаи разрѣшенія нашими духовными властями не только чтенія Псалтири и служенія панихидъ по умершимъ неправославнымъ христіанамъ, но и совершенія православныхъ обрядовъ при отиѣваніи и погребеніи ихъ на православныхъ кладбищахъ. Примѣровъ много; укажемъ только на недавніе всѣмъ извѣстные: погребеніе лютеранъ принца Ольденбургскаго, генерала Тотлебена и графа Баранова и совершеніе панихидъ по православному обряду по недавно умершемъ католикѣ камеръ-курьерѣ Д. Н. Ингано.

Чѣмъ же руководствуется наше духовенство, разрѣшая въ одномъ случаѣ и запрещаая въ другомъ? Вотъ этотъ именно вопросъ и подаетъ поводъ къ грустнымъ недоумѣніямъ.

Единственное утвержденное Св. Синодомъ правило, которымъ отчасти можетъ руководствоваться при рѣшеніи этого вопроса наше духовенство, заключается въ указѣ 1797 года, данномъ епархіальнымъ архіереямъ на ихъ запросъ о погребеніи умершихъ на военной службѣ лютеранъ, католиковъ и реформатовъ за отсутствіемъ ихъ пастора. Въ этомъ указѣ сказано: *«въ такомъ случаѣ какъ они ученіе Евангельское содержатъ и надежду полагаютъ во Христа Спасителя всего міра, а притомъ опредѣлили себя на защиту правовѣрнаго нашего отечества, священникамъ полковымъ тѣла ихъ провожать съ мѣста до кладбища въ ризахъ и епитрахили, и опускать въ землю при пѣніи стиха *Святый Боже* и пр.»* Вторичный вопросъ Св. Синоду былъ сдѣланъ въ 1800 году епископомъ Веніаминомъ Нижегородскимъ въ той же формѣ, но относительно всѣхъ вообще неправославныхъ христіанъ, хотя, и не состоящихъ на военной службѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ въ слѣдующей формѣ: *«Поелику подобныя обстоятельства могутъ встрѣтиться и въ другихъ епархіяхъ и отъ того произойти епархіальнымъ архіереямъ въ разрѣшеніи дозволенія на погребеніе тѣлъ содержащихъ католическую, реформатскую или лютеранскую религію затрудненія, то для единообразнаго во всѣхъ епархіяхъ съ умирающими изъ нихъ по вышеписанному (то есть по указу 1797 г.) поступленія послать куда слѣдуетъ указъ».*

Этотъ указъ касается только погребенія неправославныхъ христіанъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ духовныхъ лицъ католическаго, лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій, но онъ имѣетъ важное принципиальное значеніе. Если дѣйствіе этого указа ограничи-

вается вышеуказанными мѣстностями, то это очевидно только съ тою цѣлью, чтобы тамъ, гдѣ есть на лицо духовенство неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій, между ними и православнымъ духовенствомъ не возникало препирательствъ относительно погребенія тѣлъ неправославныхъ христіанъ, которые къ тому же не подвергаются опасности остаться безъ церковнаго христіанскаго папства при погребеніи. Но изъ того же указа видно, что православная церковь не чуждается лицъ «содержащихъ ученіе Евангельское и полагающихъ надежду во Христѣ Спасителѣ всего міра», хотя бы они и не принадлежали къ православному вѣроисповѣданію и готова въ случаѣ надобности молиться за нихъ и совершить надъ ними обрядъ погребенія. Ясно, что наши духовныя власти могли бы, руководствуясь духомъ этого указа, разрѣшать встрѣчающіеся вопросы, подобныя вышеупомянутому, всюду и всегда въ истинно-христіанскомъ, примиряющемъ смыслѣ. На самомъ же дѣлѣ вопросы эти разрѣшались, какъ мы видѣли, совершенно произвольно, разнообразно, по личному усмотрѣнію духовныхъ лицъ, вызывая недоумѣнія въ средѣ истинно вѣрующихъ. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы Св. Синодъ издалъ новый указъ «для единообразнаго во всѣхъ епархіяхъ съ умирающими неправославными христіанами поступленія».

Для большаго уясненія предложеннаго мною вопроса можно бы, мнѣ кажется, раздѣлить его на двѣ части: 1) Можно ли православнымъ молиться за души усопшихъ неправославныхъ христіанъ? и 2) Можетъ ли быть совершаемо по этимъ усопшимъ какое-либо богослуженіе съ установленными православною церковью обрядами?

На первый вопросъ, по моему мнѣнію, можетъ быть только отвѣтъ утвердительный. Не только можно, но *должно* православному христіанину молиться о спасеніи души какъ живыхъ, такъ и умершихъ ближнихъ его, къ какимъ бы вѣроисповѣданіямъ они не принадлежали. Въ волѣ Божіей принять наши моленія, наше же дѣло—любить ближняго и отъ всего сердца, словомъ и дѣломъ радѣть о спасеніи души его (а этимъ самымъ и о спасеніи нашей души), не входя въ разсужденіе о степени его грѣховности. Грѣхи же его всѣ, за исключеніемъ только хулы на Духа Святаго, могутъ быть, по свидѣтельству Самого Спасителя, отпущены милосердіемъ Бога не только въ сей вѣкъ, но и въ будущій, то-есть послѣ смерти. Ученіе Иисуса Христа—любовь и милосердіе, которое Онъ шель проповѣдывать язычникамъ, даже не искавшимъ истины, и было бы противно любви христіанской церкви отказывать приходящимъ къ ней,

просящимъ молитвъ ея. Спаситель принесъ Себя въ жертву не только за всѣхъ живыхъ людей, но за всѣхъ умершихъ, и сказалъ: «Любите другъ друга такъ, какъ Я возлюбилъ васъ». Апостолы учили, что любовь не умираетъ, но переходить съ ея предметомъ и за гробъ. Эта безсмертная любовь и есть основаніе молитвы вообще и заупокойной въ частности. Любовь проявляется прежде всего въ молитвѣ, ходатайствѣ предъ Богомъ за ближнихъ, слѣдовательно молитва за усопшихъ есть плодъ нашей къ нимъ любви. Самъ Господь требуетъ отъ насъ, если мы желаемъ спасти себя, посильнаго нашего участія къ дѣлу спасенія ближнихъ, какъ живыхъ такъ и умершихъ. Это основная заповѣдь. Помощь наша умершимъ заключается въ милостынѣ и молитвѣ; Господь сказалъ: «Молитесь другъ за друга»; «Просите и дастся вамъ». Ни въ писаніи Ветхаго Завета, ни въ Евангельскомъ ученіи, ни въ преданіяхъ Св. Апостоловъ, ни въ ученіи Свв. Отцевъ и учителей церкви, ни въ постановленіяхъ соборовъ, нигдѣ нѣтъ запрещенія молиться за христіанъ не православныхъ! Вездѣ говорится о томъ, что мы должны молиться за ближнихъ усопшихъ въ надеждѣ воскресенія жизни вѣчной, молиться *обо всемъ, непрестанно, за вся человеки*. Но если возможны и душеспасительны молитвы единичныя, то возможны и еще болѣе душеспасительны молитвы общественныя. Если могутъ молиться объ усопшихъ ближнихъ православныя міряне, то могутъ за нихъ же молиться лично отъ себя и вмѣстѣ съ мірянами также и православныя духовныя лица. Во всемъ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

Иное дѣло молитва церковная, обставленная при богослуженіи извѣстными обрядами. Тутъ мнѣнія могутъ быть различныя, хотя и тутъ истинное христіанское чувство можетъ быть только одно.

Мы уже говорили, что церковь молится во вторникъ на 9-миной недѣли обо всѣхъ усопшихъ въ вѣрѣ. Главная же молитва объ усопшихъ бываетъ въ Мясопустную Родительскую Субботу, когда церковь напоминаетъ намъ о второмъ пришествіи Христа и о будущемъ страшномъ судѣ и всѣ живые снискиваютъ себѣ милосердіе Бога своею молитвою объ умершихъ, и потому въ этотъ день сама Св. Церковь какъ задолюбивая Матерь молится обо всѣхъ умершихъ, дабы купно съ нами и они стали одесную Судіи. Притомъ въ эту субботу Церковь по своему человеколюбію особенно молится о тѣхъ умершихъ, кои, какъ говорить синаксарій, *узаконенныхъ псалмовъ и псаломъ-ной памяти не получили*. Обращаясь къ Спасителю, Церковь въ

этотъ день молится между прочимъ такъ: «Молимся прележно: рабы Твоя упокой во дворѣхъ Твоихъ, и въ нѣдрахъ Авраама, *отъ Адама даже до днесь*, послужившія Тебѣ чисто». И далѣе: «Вся призираая плотскія долги наши, Спасе нашъ, *во всякомъ возрастѣ всего рода человѣка*, предъ судищемъ Твоимъ постави не осуждены Тебѣ Создателю отвѣщающія». Въ синаксаріи читаемомъ въ тотъ же день, между прочимъ говорится и о томъ, что св. Макарій Великій, найдя на пути сухой черепъ «мужа нечестива эллина», спросилъ его: «Бываетъ ли когда во адѣ какое либо чувство утѣшенія» и черепъ отвѣтилъ ему: «большое облегченіе имѣемъ, когда ты, отче, молишься за усопшихъ», и святой отецъ сталъ еще болѣе молиться о нихъ. Далѣе въ томъ же синаксаріи говорится, что «богомерзкаго Θεофила Θεодора царица святыми мужми и исповѣдники отъ мученій исхити и спасе». Св. Василиій Великій въ своей литургіи молится объ умершихъ такъ: «Помини Боже, *всѣхъ* прежде усопшихъ о надеждѣ воскресенія жизни вѣчныя», а затѣмъ уже іерей поминаетъ данныя имена усопшихъ *православныхъ* христіанъ. Св. Іоаннъ Златоустъ учитъ молиться за *всѣхъ* христіанъ, праведниковъ и грѣшниковъ. Правда, всѣ эти молитвы были установлены Церковью и Святыми Отцами въ то время, когда еще не было ни католиковъ, ни протестантовъ; но въ то время уже были еретики и хотя святыя учителя Церкви запрещали общеніе съ живыми еретиками и молитву вмѣстѣ съ ними, они однако нигдѣ ни однимъ словомъ не запрещали молиться о спасеніи души умершихъ еретиковъ, которые однако даже христіанами не считались. Католики же и протестанты нашею Церковью считаются христіанами, а не еретиками. Истинный примѣръ христіанской любви къ ближнимъ показать намъ Св. Апостоль Павелъ, молившійся даже за ожесточенныхъ враговъ Спасителя, іудеевъ (*Римл. IX, 1—3*): «Истину глаголю о Христвѣ, не лгу, послушествующей ми совѣсти моеи Духомъ Святымъ: Яко скорбь ми есть велія, и не престающая болѣзнь сердцу моему. *Моллибыхся бо самъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моеи, сродничѣхъ моихъ по плоти*». Можемъ ли мы поэтому сомнѣваться, что молитва нашей церкви о спасеніи вѣрующихъ христіанъ, какого бы исповѣданія они ни были, будетъ не угодна Богу и не согласна съ Его святою волей? Богъ послалъ въ міръ Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, «да вѣрующіе въ Него спасутся». Это и есть главное, твердое основаніе нашей молитвы за усопшихъ христіанъ, «содержащихъ ученіе Евангельское и полагающихъ надежду во Хри

стѣ Спаситель всего міра», какъ сказано въ вышеупомянутомъ указѣ Св. Синода 1797 года разрѣшающемъ погребать неправославныхъ христіанъ по обряду православной церкви.

Покойный митрополитъ Филаретъ Московскій (*Письма къ архимандриту Антонію*, ч. IV, № 1369, стр. 277) говоритъ, что «о живомъ лютеранинѣ можно пѣть молебенъ и просить ему благодати Божіей, привлекающей въ единство истинной церкви». Объ умершихъ же лютеранахъ онъ говоритъ такъ: «Зная нѣкоторыхъ лютеранъ, имѣвшихъ уваженіе и вѣру къ православной церкви, но скончавшихся внѣ соединенія съ нею, въ утѣшеніе присныхъ вѣрныхъ я позволялъ о нихъ молитву, не открытую въ церкви, съ которою они открыто не соединились въ жизни, *а поминовение на проскомидіи и панихидѣ въ домѣ*». Такимъ образомъ и митрополитъ Филаретъ былъ того мнѣнія, что о спасеніи душъ усопшихъ неправославныхъ христіанъ могутъ не только молиться православные въ частной молитвѣ, но могутъ при извѣстныхъ условіяхъ обращаться къ милосердію Божію и церковныя молитвы творимыя іереемъ во время богослуженія и сопровождаемыя обрядами православной церкви.

Это мнѣніе покойнаго владыки, сообщенное мною нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ, не всѣмъ понравилось. Это ясно доказываетъ спорность даннаго вопроса, если даже мнѣніе о немъ такого авторитетнаго лица, какимъ несомнѣнно былъ митрополитъ Филаретъ, можетъ считаться иными духовными лицами неправильнымъ, «либеральнымъ» и даже «человѣкоугоднымъ».

Итакъ, я спрашиваю: 1) могутъ ли православные молиться за усопшихъ неправославныхъ христіанъ и читать надъ непогребенными еще тѣлами ихъ Псалтирь; 2) могутъ ли іереи служить по нимъ панихиды (полныя или съ нѣкоторыми ограниченіями, въ домѣ или во храмѣ), или даже совершать по нимъ заупокойныя обѣдны; и 3) могутъ ли іереи поминать имена ихъ на проскомидіи или на эктезіяхъ?

Если духовными властями будетъ данъ ясный, опредѣленный и обязательный для всѣхъ отвѣтъ на эти вопросы, тогда уже не будетъ мѣста недоумѣніямъ и соблазнамъ, возникающимъ теперь вслѣдствіе того, что никто не знаетъ, на какомъ основаніи иногда намъ позволяютъ, а иногда запрещаютъ молиться о спасеніи душъ усопшихъ христіанъ».

Приведенная нами статья г. М. Б., обнаруживающая, какъ видитъ конечно и самъ читатель, въ авторѣ и искреннюю религіозность и

большую церковную святоотеческую начитанность, написана имъ по поводу глубоко оскорбившаго его недозволенія со стороны одного преосвященнаго одной инокиней читать псалтирь по усопшей родственницѣ М. Б.—лютеранкѣ, по поводу недозволенія, произнесеннаго въ то время, когда надъ другими—такими же лютеранами, другими преосвященными позволялось не только панихиды пѣть, а и погребеніе совершать. Очевидно, нельзя назвать то и другое рѣшеніе епархіальной власти одинаково правильными; на чьей же сторонѣ правда? Вотъ вопросъ, который самъ собою вытекаетъ изъ указанныхъ распоряженій и который ставитъ собственно авторъ, желающій видѣть его положительное рѣшеніе, чтобы «не смущалось болѣе православное чувство вѣрующихъ». Рядомъ текстовъ и выраженій Священнаго Писанія и преданія авторъ приходитъ къ тому заключенію, что свидѣтельство Писанія и преданія дѣйствительно какъ будто оправдываютъ возможность рѣшенія этого вопроса въ примирительномъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе въ заключеніе своей статьи онъ ставитъ лишь на основаніи предложенныхъ имъ данныхъ нѣсколько вопросовъ о томъ, что же именно изъ службъ церковныхъ, совершаемыхъ по усопшемъ, можетъ и что не можетъ быть совершаемо по усопшемъ инославномъ христіанинѣ,— ставитъ вопросы, давая тѣмъ ясно понять, что, по его мнѣнію, хотя молиться за усопшихъ инославныхъ христіанъ вообще можно, но службу церковную править по нимъ въ томъ ея полномъ составѣ и видѣ, какъ она установлена православною церковію для православныхъ усопшихъ, едвали справедливо,— давая ясно понять и цѣль своей статьи, которая состоитъ въ томъ, чтобы не рѣшить данный вопросъ, а лишь вызвать его рѣшеніе со стороны власти и силу имѣющихъ.

Не смотря на это, многіе изъ читателей указанной статьи, съ которыми намъ приходилось говорить объ ней, увидѣли въ ней не вопросъ только, а и самое рѣшеніе его, и именно въ самомъ крайнемъ положительномъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ такихъ читателей не довольны авторомъ за его предположительные вопросы, такъ естественно вытекающіе изъ приведенныхъ имъ данныхъ и обнаруживающіе въ авторѣ смиренное сознаніе своихъ немощей, истины и силы православія ¹⁾; они говорятъ, будто данныя эти да-

---

¹⁾ Не можемъ удержаться отъ желанія указать на одинъ фактъ, однородный, думается намъ, по характеру своему съ вопросительными предположеніями автора и весьма важный для оцѣнки смиренной вѣры, обнаруженной имъ въ этихъ предположеніяхъ. Свидѣтелемъ этого факта намъ пришлось быть лѣтъ шесть тому

ють полное право на всецѣлое уравненіе инославныхъ усопшихъ съ православными въ отношеніи къ церковно-богослужебнымъ молитвамъ за нихъ.

Правда, не проникли еще толки эти въ печать; тѣмъ не менѣе они существуютъ и думается, что не намъ однимъ и не отъ одного читателя указанной статьи, да и не отъ читателя только пришлось слышать ихъ; такъ что едвали справедливо, говоря объ указанной нами статьѣ М. Б. оставить толки эти безъ вниманія. Намъ думается даже, что на самомъ-то дѣлѣ они, равно, какъ и возбуждаемое ими осужденіе современной церковно-административной практики относительно разсматриваемаго явленія, гораздо распространеннѣе того смиренного недоумѣнія, которое высказано авторомъ статьи и которое нравственно обязываетъ всѣхъ, имѣющихъ голосъ, потрудиться надъ его разрѣшеніемъ.

Впрочемъ принимаясь за разъясненіе и пополненіе статьи М. Б., мы не беремся дать окончательный отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ о томъ, можно ли и что именно изъ службъ церковныхъ, установленныхъ для усопшихъ православныхъ (службы эти: заупокойная литургія, поминовеніе на проскомидіи, погребеніе, панихида, литія и чтеніе псалтири) можно и что нельзя совершать по усопшимъ инославнымъ христіанамъ; не считаемъ себя компетентными для такого рѣшенія, отъ котораго отказывались многія «почтенныя духовныя лица». Мы намѣрены предложить отвѣтъ на поставленный вопросъ лишь въ общихъ чертахъ и не въ смыслѣ его рѣшенія, а какъ работу подготовитель-

---

назадъ въ г. Смоленскъ. Въ четвергъ послѣ Троицына дня тамъ бываетъ общая панихида по лишеннымъ христіанскаго погребенія, совершаемая обыкновенно по заходѣ солнца духовенствомъ всего города на кладбищенской горѣ; десятки тысячъ крестьянъ, пришедшихъ нарочито для этой панихиды за десятки и сотни верстъ, наперерывъ спѣшили подставить свою свѣчу къ общей, горѣвшей на курганѣ, напоминающемъ собою могилу; а послѣ панихиды съ крестными знаменіями обходили ряды нищихъ и калѣкъ, раздавая имъ свои копѣечныя и трудовыя милостыни. Умилительное было зрѣлище! Когда я спросилъ нѣкоторыхъ изъ священниковъ, всегда ли и зачѣмъ эта панихида совершается послѣ солнечнаго захода, они отвѣтили мнѣ ссылкой на обычай (!): сиромеи же нѣкоторые изъ крестьянъ такъ растолковали мнѣ это. „Видишь ли; панихида-то эта по тѣхъ, надъ кѣмъ не полагается пѣть ее; ну ежели стануть пѣть ее днемъ-то, да еще въ церкви, какъ бы не прогнѣвался Господь за такую смѣлость; а теперь смиреніе наше авось покроетъ Онъ Своею благостынею“. Какъ вы наивенъ и пусть даже не вѣренъ этотъ отвѣтъ; въ немъ, на нашъ взглядъ, слышится истинно-православное смиренное чувство, одушевляющее этихъ простыхъ людей. А но-то и важно въ данномъ случаѣ.

ную, которая можемъ вызвать такое рѣшеніе. Вотъ почему и отвѣтъ свой мы предлагаемъ прежде всего на обсужденіе почтеннаго собранія любителей духовнаго просвѣщенія.

Въ виду же указанной нами распространенности огульныхъ выводовъ изъ вопроса М. Б., мы думаемъ прежде отвѣта ему лично направить рѣчь свою противъ этихъ именно выводовъ и доказать, что именно М. Б. приведенныя данныя говорятъ не за, а противъ полнаго уравниенія инославныхъ усопшихъ съ православными въ отношеніи къ церковнымъ молитвамъ за нихъ. Но такъ какъ голоса своего защитники этихъ выводовъ печатно не заявили и своихъ данныхъ изъ Писанія, преданія и современной церковной практики, потребныхъ для заключенія полномъ уравниенія инославныхъ христіанъ съ православными въ отношеніи къ церковнымъ службамъ, не привели, а пользуются лишь тѣми, которыя приведены у М. Б., хотя у него и съ другимъ выводомъ эти данныя; то заранѣе просимъ у М. Б. извиненія за то, то въ опроверженіе этихъ выводовъ мы будемъ разбирать его слова и выраженія, неправильно толкуемыя.

I.

И такъ мы утверждаемъ, что приведенныя въ статьѣ М. Б. данныя современной церковной практики, преданія и писанія не даютъ права рѣшать вопросъ о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ христіанъ въ смыслѣ полнаго уравниенія ихъ съ православными въ отношеніи къ нимъ церковныхъ службъ.

1) Прежде всего наша рѣчь будетъ о самой практикѣ современной церкви по отношенію къ усопшимъ инославнымъ христіанамъ. Практика эта, по статьѣ М. Б., да и по собственному наблюденію cadaго изъ насъ, различна; между тѣмъ какъ одни изъ представителей церковной власти дозволяютъ совершать объ усопшихъ инославныхъ христіанахъ все то, что совершается и по православнымъ, другіе запрещаютъ лишь заупокойныя литургіи, дозволяя и поминовеніе на проскомидии и панихиды въ домѣ, третьи запрещаютъ пѣть панихиды вообще, въ домѣ ли то будетъ, или въ церкви, а четвертые наконецъ не дозволяютъ о такихъ усопшихъ и Псалтирь читать. Различіе это, говорятъ многіе, слишкомъ велико, чтобы считать всѣ подобныя рѣшенія однородными, а не противоположными. Но такъ ли? Едва ли.

Случаевъ безусловнаго дозволенія совершать надъ усопшими инославными христіанами все то, что совершается и надъ православными, такъ мало и они такъ единичны, что въ общей массѣ рѣшеній даннаго вопроса они высматриваютъ исключеніями изъ общаго

правила, и нельзя не согласиться, что вообще-то практика современной церкви говоритъ противъ уравненія инославныхъ съ православными и за запрещеніе править о первыхъ службы церковныя.

Правда, церковныя запрещенія богослужебной молитвы объ иновѣрцахъ различны; но при всемъ различіи между ними нельзя не замѣтить одного общаго всѣмъ приведеннымъ выше (2-му, 3-му и 4-му) рѣшеніямъ признака, по которому эти рѣшенія должны быть названы вполне однородными, именно того, что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ рѣчи о молитвѣ вообще и въ частности о домашней молитвѣ, вездѣ рѣчь о молитвѣ церковной, и именно въ той же части, къ которой она должна быть отличаема отъ частной домашней молитвы. Существенная же разница межъ двумя рѣшеніями заключается въ вопросѣ о томъ, что именно въ службахъ церковныхъ должно отличать ихъ отъ частной молитвы: между тѣмъ какъ одни считаютъ не молитвою только, а именно службою церковною только литургію, какъ таинство, другіе относятъ къ церковнымъ же службамъ и остальные богослуженія, въ данномъ случаѣ и панихиду и литію, третьи эти послѣднія считаютъ какъ будто службами церковными, если они совершаются въ храмѣ, а не въ домѣ, иные же признаютъ такія службы за недозволительныя, если они и дома совершаются и даже не въ церковномъ облаченіи. Къ послѣднимъ мы причисляемъ того преосвященнаго, который запретилъ монахинѣ читать по усопшей лютеранкѣ Псалтирь, какъ нѣкоторый видъ церковной службы, никакъ не соглашаясь видѣть въ этомъ поступкѣ безусловное запрещеніе всякой молитвы православныхъ по этой усопшей. Не резонно, думается намъ, ссылаться на то, что «Псалтирь читается всѣми христіанами и читалась даже въ то время, когда христіанъ въ настоящемъ смыслѣ этого имени даже не было»; не резонно, думается намъ, потому, что при чтеніи псалтири по усопшемъ не одно то читается, что читалось, когда и христіанъ не было, не одни псалмы читаются, а и тѣ тропари и молитвы христіанскаго—святоотеческаго происхожденія, которые въ нашихъ церковно-богослужебныхъ и учебныхъ псалтиряхъ печатаются между каѳизмами, а, главное, и та молитва объ упокоеніи души усопшаго, которая составляетъ часть церковнаго «послѣдованія по исходѣ души отъ тѣла». Вотъ, думается намъ, почему и запрещалъ преосвященный чтеніе Псалтири по лютеранкѣ.

Итакъ вся разность современной церковной практики въ рѣшеніи вопроса о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ христіанъ касается того, что должно разумѣть подъ церковной въ собственномъ смыслѣ

слова молитвой, которую нельзя творить по усопшемъ инновѣрцѣ, а не того, должно ли вообще молиться. О молитвѣ вообще и въ частности о домашней молитвѣ въ этой практикѣ нѣтъ рѣчи; церковь учить не творить службу церковную по усопшемъ инновѣрцѣ, *наравнѣ* съ православнымъ. Какой изъ указанныхъ видовъ современной церковной практики долженъ быть признанъ вполне правильнымъ и какъ такой можетъ быть установленъ какъ общеобязательный для всѣхъ, объ этомъ рѣчь ниже. Для опроверженія разсматриваемыхъ нами толковъ важна принципиальная сторона дѣла, именно то, что всѣ представители нашей церковной власти, ничего не говоря о частной молитвѣ за усопшихъ инославныхъ, признаютъ не законнымъ полное уравненіе этихъ усопшихъ съ православными въ отношеніи къ совершенію надъ ними церковныхъ службъ. Иначе, конечно, они и не могутъ дѣйствовать.

Современные представители церковной власти въ данныхъ случаяхъ дѣйствуютъ не «произвольно», а слѣдуя указанію нашего верховнаго собора — Св. правительствующаго Синода, основываясь на указѣ Св. Синода отъ 1797 года, томъ указѣ, на который, какъ на позволяющій, будто бы, такъ желаемое многими уравненіе инославныхъ усопшихъ съ православными въ отношеніи къ нимъ церковной службы, ссылаются сторонники этого желанія. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду не автора разсматриваемой нами статьи, который думается намъ въ словахъ: «указъ этотъ даетъ право рѣшать поставленный вопросъ въ примирительномъ смыслѣ», говорить не о церковно-богослужебной только молитвѣ, а о молитвѣ вообще; мы говоримъ именно о тѣхъ изъ крайнихъ сторонниковъ его, которые не хотятъ признавать никакого различія между молитвою церковною и домашнею. Какъ бы эти толковники ни понимали отмѣченный указъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ ихъ умствованій.

Вѣрно, что первоначально означенный указъ имѣлъ лишь частное и исключительное значеніе; ибо касался тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ духовнаго лица того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежалъ почившій. Но вѣрно также и то, что если ужъ въ указанныхъ мѣстностяхъ православному священнику дозволялось только проводить усопшаго инновѣрца до могилы его съ пѣніемъ: «Святый Боже; то о дозволении чего-либо большаго въ остальныхъ мѣстностяхъ не должно быть и рѣчи. Это заключеніе ясно конечно само собой и безъ новаго разъясненія дѣла было бы; теперь же такое заключеніе тѣмъ болѣе обязательно, что оно прямо

высказано Св. Синодомъ очень недавно. Именно. Въ 1873 г. въ Таврической епархіи возбужденъ былъ вопросъ о погребеніи лицъ неизвѣстной вѣры; предложенный на разрѣшеніе Св. Синода вопросъ этотъ въ указѣ Синода отъ 17 мая 1873 года, данномъ на имя преосвященнаго таврическаго, рѣшенъ былъ такъ: «въ разсужденіи о преданіи землѣ тѣлѣ умершихъ такого рода, когда нѣтъ видимыхъ поводовъ или основаній къ сомнѣнію на счетъ принадлежности умершаго къ христіанству, надлежитъ руководствоваться тѣми правилами, какія постановлены въ указѣ 1800 г. (Полн. собр. зак. № 19, 289; этотъ же указъ есть повтореніе указа 1797 г.) касательно сопровожденія православными священниками тѣлѣ умершихъ иновѣрцевъ съ мѣста до кладбища, не дѣлая отпѣванія ихъ по чину православной церкви».

А что указъ этотъ не только въ послѣднемъ его изданіи (1873 г.), а и въ первомъ, въ которомъ нѣтъ сдѣланнаго въ томъ прибавленія: «не дѣлая отпѣванія ихъ по чину православной церкви», если даже и обобщить значеніе дозволеннаго имъ церковнаго участія въ погребеніи усопшихъ иновѣрцевъ, вовсе не даетъ той мысли, будто православная церковь готова не только молиться за усопшихъ инославныхъ христіанъ, а и совершать надъ ними весь обрядъ погребенія, установленный для православныхъ, не даетъ той мысли, которую на основаніи не точныхъ выраженій М. Б. о возможности «рѣшенія вопроса въ примирительномъ смыслѣ» высказываютъ его крайніе сторонники, это, думается, намъ, точно также весьма ясно видно изъ него. Въ томъ-то и дѣло, по нашему мнѣнію, что разсматриваемый указъ опредѣляемымъ имъ образомъ дѣйствованія православнаго священника по отношенію къ усопшимъ иновѣрцамъ, какъ будто, нарочито хочетъ разграничить личную молитву вѣрующихъ и церковную службу, хочетъ на видъ выставить это различіе. Онъ дозволяетъ и даже, какъ будто, въ обязанность вмѣняетъ священнику, именно какъ представителю православнаго общества, участвовать въ отданіи усопшему инославному брату послѣдняго долга любви, какъ желанія и стремленія помочь ему въ томъ, что мы можемъ, — онъ повелѣваетъ въ церковномъ облаченіи проводить тѣло этого усопшаго до могилы, само собою разумѣется, не безучастно со стороны личного чувства скорби объ его смерти, скорби растворяемой надеждою на Божіе милосердіе и вызывающей молитвенные вопли. Но рядомъ съ этимъ повелѣніемъ о такой готовности священника молиться объ усопшемъ инославному христіанинѣ молитвою не только личною, а и общественною, но только именно молитвою, понимаемою въ смыслѣ прошенія, указъ ставитъ

строгий запретъ относительно совершенія священникомъ церковнаго обряда погребенія и поминовенія, не дозволяетъ ему совершать надъ такимъ усопшимъ не только чинопогребенія и панихиды, а даже и литіи, словомъ не дозволяетъ совершать ни одной церковной службы въ ея полномъ законченномъ видѣ. Правда, указъ повелѣваетъ пѣть при этомъ пѣснь: «Святый Боже», которая принадлежитъ къ числу молитвъ, употребляемыхъ православною церковію при отпѣваніи; но пѣснь эта а) не составляетъ собою цѣлой законченной службы и б) по характеру своего содержанія она существенно отлична отъ другихъ главныхъ молитвъ церковныхъ, какъ это мы увидимъ ниже, и имѣетъ въ виду не одну молитву объ усопшемъ, а и утѣшеніе плачущихъ и болѣзнующихъ, и это послѣднее—главное.

Думаемъ, что мы правильно поняли смыслъ разсматриваемаго нами указа, выраженіемъ котораго и служить современная практика православної церкви относительно усопшихъ инославныхъ христіанъ, по крайней мѣрѣ съ ея принципиальной стороны дѣла. А что смыслъ этотъ подлинно таковъ, и, какъ такой, вполне справедливъ,—православленъ, за это говорить то, что онъ согласенъ съ ученіемъ объ этомъ предметѣ древней церкви, съ тѣмъ ученіемъ, которое, какъ Св. Преданіе, съ Св. Писаніемъ согласное, должно быть поставляемо въ основаніе церковнаго законодательства и церковной практики, согласенъ съ этимъ ученіемъ даже въ той его части, на которую вслѣдъ за М. Б. ссылаются и защитники всецѣлаго уравненія инославныхъ христіанъ съ православными въ отношеніи къ церковной молитвѣ.

2) Къ разсмотрѣнію этого ученія древней церкви мы теперь и приступаемъ.

Нѣкоторые изъ тѣхъ, съ которыми намъ приходилось говорить о занимающемъ насъ вопросѣ, рѣчь свою объ основаніяхъ своего пониманія дѣла предваряли такимъ разсужденіемъ, что для опредѣленія истинности и нравственно-юридической обязательности какого бы то ни было вообще образа дѣйствования современной церкви, а въ частности и современной церковной практики по отношенію къ усопшимъ инославнымъ христіанамъ, нужно прежде всего обращаться къ ученію Господа и вообще рѣшить, какъ поступилъ бы въ данномъ случаѣ Самъ Господь, служащій для насъ образцомъ во всемъ, а не грядмо подыскивать такое или иное рѣшеніе въ ученіи церкви. Это послѣднее, само собою разумѣется, будто бы не можетъ уже имѣть для насъ никакой цѣны, если оно окажется не согласнымъ съ тѣми или иными словами Господа. Но это разсужденіе нельзя назвать справедливымъ.

Протестанты, признающіе одно лишь Писаніе основою и источникомъ своей вѣры и жизни и потому совсѣмъ исключившіе изъ круга своихъ догматическихъ вѣрованій, нравственныхъ обязанностей и обрядовыхъ дѣйствій все то, для чего нельзя найти прямыхъ заповѣдей или свидѣтельствъ въ Писаніи, дѣйствительно, какъ скоровстрѣчаются съ такимъ случаемъ въ жизни, на который нѣтъ прямо указанія въ писаніи, рѣшаютъ его сами, говоря, что такъ поступилъ бы Христосъ; православная же церковь, признавая Евангеліе и все вообще Св. Писаніе лишь осново-положительнымъ зерномъ своей вѣры, принимаетъ и преданіе церковное, какъ развивающее, раскрывающее, восполняющее и объясняющее собою Писаніе. Вѣрно, что Іисусъ Христосъ и Учитель нашъ и Спаситель, но вѣрно и то, что многого, что нужно знать и признавать намъ, Онъ не сказалъ, общавъ послать Духа Св., Который долженъ пребывать въ Церкви Христовой вѣчно, научая ее истинѣ и усвоивъ ей спасеніе Христово. Да, мы вѣруемъ, что тотъ же Духъ Св., Котораго полностью получилъ Господь при крещеніи Своемъ (Мѡ. 3, 16) и Который сошелъ и на Апостоловъ, (Дѣян. 2, 1—36; 15, 28) говоритъ и въ ученіи вселенской церкви — въ опредѣленіяхъ вселенскихъ (и помѣстныхъ утвержденныхъ вселенскими) соборовъ, которыя обычно и начинались тѣми же словами, что и постановленіе собора апостольскаго: *изволися Духу Св. и намъ*, и въ свято-отеческихъ твореніяхъ, по скольку онѣ согласны между собою. Понятно поэтому, почему нельзя умалять значенія ученія вселенской церкви о такомъ предметѣ, о которомъ не говорится въ Писаніи; оно, если только оно подлинно ученіе вселенской церкви, дѣло того же Духа Св., Который едино со Христомъ и Который говорилъ чрезъ апостоловъ. Если же такъ вообще, то также должно быть и въ частности по отношенію къ вопросу о церковной молитвѣ за умершихъ инновѣрцевъ. Прямого ученія Господа объ этомъ именно предметѣ нѣтъ въ Евангеліяхъ, какъ нѣтъ и о многомъ другомъ изъ области религіозно-нравственной жизни человѣка, чего не было при жизни Господа. Какъ же теперь рѣшать то: какъ бы сказалъ и поступилъ Господь въ данномъ случаѣ? Протестантъ подыскивалъ бы подходящее мѣсто Писанія и по собственному разумѣнію и чутью рѣшилъ бы этотъ вопросъ; по вѣрованію же православной церкви рѣшенія этого нужно искать прежде всего въ Св. преданіи, или ученіи вселенской церкви, которое по своему достоинству равно съ Писаніемъ, а по своему содержанію является развивающимъ, восполняющимъ и объясняющимъ Писаніе. И вотъ въ отвѣтъ на поставленный вопросъ мы говоримъ, что Господь поступилъ и насъ научилъ посту-

пать такъ, какъ поступали и насъ учили поступать въ дѣлѣ церковной молитвы за усопшихъ не принадлежащихъ къ церкви Св. отцы и учителя церкви, въ принятомъ вселенскою церковію преданіи ихъ; ибо мы вѣруемъ, что въ Св. преданіи говорить тотъ Духъ Св., Который, будучи едино со Христомъ, говорилъ и чрезъ апостоловъ; вѣруемъ, что Самъ Себѣ противорѣчить этотъ Духъ Св. не могъ и не можетъ. Если же въ параллель съ вселенскимъ преданіемъ о данномъ предметѣ намъ встрѣтятся какъ будто не согласныя съ нимъ слова Писанія, какъ яко бы и есть въ настоящемъ случаѣ, и тогда прямой выводъ отсюда не тотъ, какой желали бы дѣлать умаляющіе значеніе церковнаго преданія, а другой. Тогда слѣдуетъ не прямое ученіе вселенской церкви о данномъ предметѣ отвергать во имя не согласныхъ будто бы съ нимъ словъ Писанія, а при помощи преданія же церковнаго и подъ его же руководствомъ разсмотрѣть оказывающійся повидимому несогласнымъ съ церковнымъ ученіемъ текстъ Писанія; ибо мы вѣруемъ, что правильное пониманіе Писанія возможно только подъ руководствомъ Свято-отеческаго преданія; мы вѣруемъ, что при этомъ не можетъ быть несогласія; вѣруемъ и въ Духа Св. и во едину святую соборную и апостольскую церковь.

Послѣ этихъ представленныхъ нами предварительныхъ замѣчаній достаточно кажется, объясняющихъ то, почему, говоря объ основаніяхъ современнаго церковнаго законодательства и современной церковной практики относительно усопшихъ иновѣрцевъ, мы должны обратиться прежде всего къ церковному преданію, намъ слѣдовало бы приводить самыя свидѣтельства этого преданія, недозволяющія совершать по инославнымъ усопшимъ службы церковныя. Но «и въ ученіи Св. отцевъ церкви, равно какъ и въ самой Бибіи, нѣтъ запрещенія молиться за неправославныхъ, а есть наоборотъ данныя, допускающія такую молитву», такъ съ радостію вслѣдъ за М. Б. указываютъ его крайніе сторонники.

Правда указаніе это несправедливо. Отсутствіе запрещенія, равно какъ и заповѣди о церковной молитвѣ за усопшихъ иновѣрцевъ только въ томъ случаѣ можетъ быть принимаемо за дозволеніе, если тѣ молитвы за усопшихъ, которыя оставлены намъ Св. отцами, по характеру своего содержанія равно могутъ относиться какъ къ православленнымъ, такъ и къ инославнымъ христіанамъ. Если же этого нѣтъ въ нихъ; то ни по какой логикѣ отсутствіе въ ученіи св. отцевъ запрещенія молиться за усопшихъ инославныхъ не можетъ быть понимаемо въ смыслѣ дозволенія совершать эти молитвы по всѣмъ.

Самый характеръ молитвъ въ такомъ случаѣ есть уже, такъ сказать, фактическое запрещеніе употреблять ихъ надъ непринадлежащими къ церкви. Но прежде, чѣмъ приводить свидѣтельства преданія, подтверждающія нашу мысль рассмотримъ всетаки свидѣтельства св. отцевъ, приведенныя М. Б. и съ увлеченіемъ указываемыя защитниками церковной молитвы въ подтвержденіе своихъ мыслей.

Самое важное для сторонниковъ уравненія усопшихъ иновѣрцевъ съ православными въ отношеніи къ церковной службѣ значеніе должно имѣть то свидѣтельство о молитвахъ за усопшихъ, какое находится въ литургіяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго. М. Б. говоритъ объ этомъ свидѣтельствѣ такъ: «св. Василій Великій въ своей литургіи молится объ умершихъ такъ: помяни Боже *всѣхъ*, прежде усопшихъ о надеждѣ воскресенія жизни вѣчнаго, а затѣмъ уже іерей поминаетъ данныя имена усопшихъ *православныхъ* христіанъ. Св. Іоаннъ Златоустъ учитъ молиться за *всѣхъ* христіанъ, праведниковъ и грѣшниковъ. Правда, всѣ эти молитвы были установлены церковію и св. отцами въ то время, когда еще не было ни католиковъ, ни протестантовъ; но въ то время были уже были еретики и хотя святые учителя церкви запрещали общеніе съ живыми еретиками, они однако нигдѣ ни однимъ словомъ не запрещали молиться о спасеніи души умершихъ еретиковъ, которые однако даже христіанами не считались. Католики же и протестанты нашу церковію считаютъ христіанами, а не еретиками»¹⁾.

Отвѣчаемъ. Вѣрно конечно, что въ литургіи Василія Великаго и Іоанна Златоустаго въ совершительной молитвѣ, которую священникъ читаетъ тайно послѣ благословенія хлѣба и вина, (во время пѣнія: Тебѣ поемъ), есть приведенное авторомъ выраженіе: *помяни всѣхъ усопшихъ о надеждѣ воскресенія живота вѣчнаго...* Вѣрно, что и Златоустъ въ III бесѣдѣ своей на посланіе ап. Павла къ филиппійцамъ много говоритъ о великомъ значеніи церковной молитвы за умершихъ христіанъ, разумѣтся, грѣшныхъ. Но вѣрно и то, что совершительная молитва по своему содержанію въ указанной нами части есть повтореніе молитвы проскомидійной. Когда священникъ во время проскомидіи, приготовивши агнецъ, вынимаетъ частицы изъ просфоръ и полагаетъ ихъ на дискосѣ около агнца, онъ поминаетъ всѣхъ

¹⁾ Нельзя не обратить вниманія на подчерки въ вышеприведенной тирадѣ, сдѣланныя какъ будто не безъ тайной мысли выставить на видъ несоответствіе современной церковной практикѣ съ ученіемъ отцевъ. Подчерки эти только умаляютъ достоинство статьи М. Б., нисколько не принося пользы дѣлу.

тѣхъ, за кого имѣеть быть принесенъ этотъ агнецъ, когда онъ претворится въ тѣло Господне, и въ совершительной молитвѣ лишь кратко повторяетъ этихъ *всѣхъ*. Въ проскомидійной же молитвѣ, въ той ея части, которая произносится при вынутіи частицы изъ нятой просфоры, мы читаемъ: *о памяти и оставленіи грѣховъ святѣйшихъ патриарховъ... и всѣхъ въ надеждѣ воскресенія жизни съичныхъ и Твоею общенія усопшихъ православныхъ отецъ и братьевъ нашихъ*. Тоже самое слово: *православныхъ* встрѣчаемъ мы и въ сугубой эктениі въ прошеніи объ усопшихъ. Вотъ почему и послѣ прочтенія совершительной молитвы священникъ поминаетъ данныя имена усопшихъ только *православныхъ* христіанъ, а не *всѣхъ*, какого бы то вѣроисповѣданія ни были тѣ, чьи имена стоятъ иногда въ поминаньяхъ; ибо по здравой логикѣ стоящее въ совершительной молитвѣ слово *всѣхъ* и можетъ обнимать собою только православныхъ, которыхъ указано упоминать въ проскомидіи ¹⁾. И нельзя думать, что слово: *православныхъ* есть вставка, которая появилась уже въ то время, когда на мѣсто «любви широты отеческаго пониманія вѣры» явилось «горделиво—узкое, фарисейское выдѣленіе западныхъ христіанъ подъ именемъ католиковъ и протестантовъ изъ среды восточныхъ—православныхъ» какъ склонны думать очень многіе. Слово: ὁρθόδοξων — *православныхъ* находится въ самомъ древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до насъ греческихъ списковъ литургіи Василія Великаго и Іоанна Златоустаго, именно въ списокъ такъ называемомъ Барбариновомъ, который относится къ VIII еще вѣку (см. Goar *Εὐχολ.*, Praefat. и „Собраніе древнихъ литургій, въ руск. переводѣ, вып. 2, стр. 57). Въ греческихъ и сирскихъ спискахъ древнѣйшей изъ литургій—св. ап. Іакова, въ молитвахъ объ усопшихъ послѣ перечисленія епископовъ и пресвитеровъ въ заключеніи молитвы точно также употребляется обобщеніе: и *всѣхъ*, и прибавляется или то же слово: *православныхъ*, или слова: усопшихъ, вѣрныхъ, *въ истинной вѣрѣ скончавшихся*, слова, которыя должны быть признаваемы за самое точное толкованіе слова: *православныхъ*...

Особенное значеніе въ качествѣ отеческаго подтвержденія мысли о о законности церковной молитвы за усопшихъ неправославныхъ, вслѣдъ за М. Б. придаютъ защитники этой мысли службѣ мясопустной родительской субботы. „Главная молитва ея (церкви—т. е. богослу-

¹⁾ Вотъ, думается намъ, почему вполнѣ справедливы тѣ духовныя лица, которыя называли М. Б. рѣшеніе митрополита Филарета о томъ, что инославныхъ можно помянуть на проскомидіи, либеральнымъ.

жебная,) бываетъ, говорить М. Б., въ мясопустную родительскую субботу... Церковь молится о всѣхъ умершихъ, ... особенно о тѣхъ, кои, какъ говоритъ синаксарій, *узаконенныхъ псалмовъ и пѣсней памяти не получили*. Обращаясь къ Спасителю церковь въ этотъ день молится между прочимъ такъ: *молимся прилежно: рабы Твоя упокой во дѣлѣхъ Твоихъ и въ нѣдрахъ Авраама, отъ Адама даже до днесь послужившія Тебѣ истинно*. И далѣе: *вся презираяй плотскія долги наши, Спасе нашъ, во всякомъ возрастѣ всею роду человѣча предъ судищемъ Твоимъ постави не осужденны Тебѣ Создателю отвѣщающія*."

Прежде чѣмъ приступить къ разбору того, насколько справедливо видѣть въ приведенныхъ выраженіяхъ службы мясопустной субботы указаніе на то, что церковь православная не лишаетъ своихъ богослужебныхъ молитвъ и инославныхъ христіанъ, замѣтимъ, что, если бы такое пониманіе и было справедливо и если бы подѣ неполучившими узаконенныхъ псалмовъ должно было разумѣть именно инославныхъ; и въ такомъ случаѣ немного выиграли бы защитники положительнаго рѣшенія даннаго вопроса. Самое уже то обстоятельство, что объ этихъ людяхъ церковь молится лишь въ нѣкоторые дни въ году и называетъ ихъ неполучившими узаконенныхъ псалмовъ и пѣсней, не пререкаемо свидѣтельствуетъ, что сравнивать инославныхъ христіанъ съ православными въ отношеніи къ церковно-богослужебной молитвѣ не было въ обычаѣ церкви никогда, что по суду церкви о нихъ вообще-то не положено пѣть псалмы и пѣсни церковныя, учиненныя для православныхъ, что если церковь и рѣшается на это, то сверхъ закона—по милости и что объ инославныхъ усопшихъ она лишь изрѣдка дерзаетъ молиться точно также, какъ и объ остальныхъ мертвецахъ человеческого рода—евреяхъ, магометанахъ и даже язычникахъ.

Если же мы повнимательнѣе вемотримся въ указанную службу; то очевидное и съ перваго взгляда ограниченіе въ молитвѣ заусопшихъ иновѣрцевъ, предполагаемое этой службой, должно стать полнымъ исключеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли придавать всѣмъ выраженіямъ нашихъ церковно-богослужебныхъ псалмовъ и пѣсней вообще и разбираемой нами службы церковной въ частности непременно точное значеніе? Можно ли понимать въ строго точномъ смыслѣ слово: *весь*, главное въ данномъ случаѣ? Чтобы опредѣлить истинный смыслъ его, достаточно привести въ параллель съ нимъ другія изъ той же службы, взглянуть на главіе службы и разобрать объясненіе синаксарія.

На ряду съ указаннымъ выше словомъ: *весь*, въ томъ же въ канонѣ находится гораздо большее количество такихъ, въ которыхъ объемъ сло-

ва: *всѣхъ* ограничивается прилагательными: *вѣроу пожившихъ благочестно, усопшихъ благочестно, послужившихъ вѣроу, въ вѣрѣ усопшихъ и надеждѣ жизни вѣчна, вѣрныхъ, православнымъ житіемъ окормленныхъ, во блазаконіи умершихъ и благовѣри, православныхъ, вѣрныхъ всякаго рода чловѣча, присныхъ Твоихъ* и т. п. Въ заголовкѣ же службы, который очевидно долженъ имѣть точное значеніе, прямо значитя: *въ субботу мясопустную память совершаемъ всѣхъ, отъ вѣка усопшихъ православныхъ христіанъ, отецъ и братьи нашихъ*. Что же касается приведеннаго авторомъ выраженія синакарія: *иже узаконенныхъ псалмовъ и пѣсней не получилиа*, нужно замѣтить, что синакарій долженъ быть понимаемъ, какъ проповѣдническое истолкованіе сущности, характера и значенія службы или праздника. Такъ какъ служба эта озаглавлена, какъ память о всѣхъ усопшихъ православныхъ; то понятно, что и выраженія синакарія объясняющія этотъ заголовокъ должны обнимать собою не всѣхъ вообще умершихъ — не только христіанъ, а и язычниковъ, а именно умершихъ православныхъ. Да и самое приведенное авторомъ выраженіе синакарія говоритъ тоже самое; по нему въ настоящій день совершается память о тѣхъ, которые не получили не вообще молитвъ, а именно псалмовъ и пѣсней *учиненныхъ, т. е. установленныхъ церковію*; церковію же установленъ чинъ поминовенія и погребенія только православныхъ христіанъ. А въ обществѣ православныхъ христіанъ не получившими *учиненныхъ псалмовъ* бываютъ или тѣ усопшіе, кои по суду церковной власти лишаются христіанскаго погребенія, каковыми считаются всѣ вообще самоубійцы, если только ихъ самоубійство произошло не въ состояніи умоповрежденія, или безпамятства, вслѣдствіе какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ (Тим. Алекс. прав, 14; Номок. 178), а также измышленно утопившіеся въ водѣ, убитые на разбоѣ (разбойники), на дуэли (Указн. ст. патр. Адриана пункт. 21; Св. Зак. т. XV, ст. 1471—72, изд. 1866) и дѣти, умершія до крещенія, хотя и послѣ нареченія имъ христіанскаго имени (Рук. для с. паст. 1863 г. т. 1, стр. 334—336), или тѣ, кои умерли въ неизвѣстности и тѣла коихъ не могли быть найдены.

Правда изъ того же синакарія М. Б. приводитъ далѣе два разсказа о томъ, что св. мужи и исповѣдники молились за умершихъ отступниковъ отъ вѣры и даже за язычниковъ и были услышаны Богомъ (одинъ разсказъ объ иконоборцѣ Теофілѣ, о которомъ по прошенію Теодоры молились св. мужи и исповѣдники; другой—о Макаріи великомъ, вымолившемъ у Бога прощеніе одному умершему нечестивому эллину):

но и эти рассказы не оправдывают законности совершенія службъ церковныхъ объ усопшихъ инославныхъ христіанахъ, какъ общаго правила. О послѣднемъ изъ указанныхъ случаевъ, бывшемъ съ Макаріемъ великимъ, покойный митрополитъ Филаретъ въ цитируемомъ авторомъ письмѣ своемъ къ архимандриту Антонію говорить, что «дерзновеніе Чудотворца неудобно обратить въ общее правило». То, что митрополитъ Филаретъ сказалъ относительно разсказа о Макаріи, приложено и къ разсказу о Теофилѣ иконоборцѣ. Объ этомъ Теофилѣ синаксарій недѣли первой седмицы великаго поста къ тому же говорить еще, что онъ 1) не былъ отлученъ отъ церкви и 2) при концѣ своей жизни раскаялся. Далѣе. Въ синаксаріи мясопустной субботы между разсказами приведенными у М. Б. есть и еще одинъ разсказъ, представляющій собою основаніе, на которомъ сдѣлалъ свое сужденіе о примѣрѣ Макарія великаго митрополитъ Филаретъ. Разсказъ, этотъ читается такъ: *Григорій бесѣдовникъ* (Двоесловъ) *молитвою царя Траіана спасе, слышавъ отъ Бога никогда же ему о несчастіиъ молитися.* Главная же причина, по которой всѣ эти примѣры не могутъ быть приводимы въ доказательство законности совершенія церковныхъ службъ объ усопшихъ инославныхъ христіанахъ, заключается въ томъ, что всѣ они говорятъ о частной молитвѣ за умершихъ, совершаемой отдѣльными лицами, а не о церковной службѣ.

Итакъ и тѣ данныя преданія, на которыя вслѣдъ за М. Б. ссылаются защитники полнаго уравниенія инославныхъ усопшихъ съ православными въ дѣлѣ церковной молитвы, какъ на говорящія, противъ современной церковной практики, на самомъ дѣлѣ не говорятъ этого. Если же мы поищемъ въ преданіи данныхъ помимо указанныхъ, то дѣйствительно найдемъ именно такія, которыя прямо оправдываютъ эту практику.

Такъ о частной молитвѣ вѣрующихъ за умершихъ, даже невѣрующихъ, въ исторіи древней церкви мы найдемъ не три только приведенные разсказа, говорящіе къ тому же объ отдѣльныхъ лицахъ, любовно молившихся объ упокоеніи не принадлежащихъ къ церкви, а нѣсколько и даже о цѣлыхъ общинахъ христіанскихъ. Въ данномъ случаѣ мы ссылаемся лишь на повѣствованія Евсевія Памфила въ его церковной исторіи о томъ, какъ во время моровой язвы при Константинѣ великомъ въ 312 г. христіане подвластныхъ ему греческихъ городовъ цѣлые дни проводили въ приготовленіи и погребеніи умершихъ—и своихъ и языческихъ, когда послѣднихъ единовѣрцы ихъ бросали на улицахъ (см. Ц. Ист. Евс;

кн. IX, гл. 8; ср. кн. VII, гл. 22). Само собою разумѣется, что эти погребенія, какъ выраженія любви и милосердія христіанъ, не могли обходиться безъ молитвенныхъ вздоховъ и слезъ съ ихъ стороны. И эти подвиги христіанъ не только никогда не осуждались въ Церкви Христовой, напротивъ громко восхвалялись, какъ подвиги вѣры и благочестія.

Но наряду съ этими проявленіями любовной терпимости и восхваденія ихъ, въ той же древней церковной исторіи мы найдемъ не только то, что служба церковная, молитва церковная — богослужбная устанавливалась и совершалась только по усопшимъ православнымъ христіанамъ, не только то, что и св. Отцы только о поминовеніи православныхъ говорили, а и то, что отступившіе отъ вѣры — не состоящіе въ обществѣ истинно вѣрующихъ не были совѣмъ удостоиваемы церковныхъ молитвъ, все равно, были ли эти отступники живы, или уже умерли. За доказательствами первыхъ двухъ мыслей мы отсылаемъ читателей къ твореніямъ Отцевъ и учителей Церкви: Діонисія Ареопагита, Тертулліана (*De corona milit.* с. III), Кипріана Карфагенскаго (ep. 66), Оригена (*in Job. lib III. tom. 1.*), Кирилла Іерусалимскаго (*Catech. Mystag. k. № VI*), блаженнаго Августина (*Serm. ad frat. in Eremo Comm. 44, tom. X.*)¹⁾ и др., и къ нашимъ богослужбнымъ книгамъ, гдѣ содержатся обычные молитвы за умершихъ; въ доказательство же послѣдней указываемъ на установленный въ первой половинѣ IX в. въ константинопольской церкви, оттуда перешедшій и къ намъ и до нынѣ совершаемый у насъ въ воскресенье первой седмицы великаго поста чинъ православія. Къ особенностямъ этого чина церковной службы относятся, такъ называемыя, анаематствованія т. е. церковное, слѣдовательно властное (ибо обязательно произносится пастырями церкви) отлученіе всѣхъ, и прежде когда-либо бывшихъ и теперь живущихъ, отступниковъ истинной вѣры, отрицающихъ и непризнающихъ догматовъ церкви Христовой, отъ молитвенно-церковнаго общенія, лишеніе ихъ церковной молитвы и благодати.

Можно ли послѣ этого говорить, что церковь никогда не лишила даже еретиковъ молитвы, разумѣется, церковной; ибо о церковной молитвѣ, разумѣется, рѣчь наша?..

Въ заключеніе разбора всѣхъ приведенныхъ нами ссылокъ на преданіе, два слова касательно замѣчанія М. Б. о томъ, что «тогда (при

¹⁾ См. самыя эти свидѣтельства въ клягахъ пр. Быстрицкаго: о молитвѣ за умершихъ, и пр. Т. Никольскаго: Разсужденіе о молитвѣ за умершихъ. 1837.

св. Отцахъ) католиковъ и протестантовъ не было и что они все таки христіане, а не еретики». Замѣчаніе это, по нашему мнѣнію, странно. Ибо что выражается словами: «они христіане»? То, что они признають Иисуса Своимъ Спасителемъ Христомъ, хотя и учать о лицѣ Его и совершенномъ Имъ дѣлѣ спасенія не такъ, какъ учимъ мы? Но развѣ Аріій, или Македоній, или Несторій, или Евтихій и т. п., которыхъ доселѣ церковь анаѳематствуетъ, лишая ихъ церковной молитвы, не признавали того же самаго, и не считали себя истинными христіанами. провозглашая православныхъ искажающими ученіе Христа? И все таки они еретики. Почему же искаженіе католиками и протестантами ученія Христова, принятаго свв. Отцами, искаженіе полное, особенно у протестантовъ, обязываетъ насъ считать ихъ такими же вѣрующими во Христа Спасителя, какъ и православные? Вѣдь протестантство въ нѣкоторыхъ своихъ сектахъ только и имѣетъ христіанскаго, что одно имя; ибо отвергаетъ и первородный грѣхъ, а слѣдовательно и самое искупленіе, и благодать таинствъ, а слѣдовательно и спасеніе. Не ужели напр. реформаты и кальвинисты болѣе христіане и менѣе еретики, чѣмъ монофизиты, монофилиты, или иконоборцы?

Правда, мы знаемъ, что и среди православнаго общества нерѣдко встрѣчаются чуть ли ни во что невѣрующіе, точно также, какъ и на оборотъ среди протестантовъ не мало людей вполне достойныхъ назваться истинными христіанами.—но что же изъ того? Въ данномъ случаѣ для насъ важны не тѣ личныя качества ихъ, быть можетъ, не всегда выраженныя въ дѣлѣ, которыя по нашему *частному безправному суду* дѣлають однихъ достойными, а другихъ недостойными церковныхъ молитвъ, а то, что одни удостоены быть въ оградѣ истинной церкви, а другіе не удостоены. Эта, пусть иногда видимая только, принадлежность къ церкви однихъ и не принадлежность другихъ, не можетъ быть все таки понимаема нами иначе, какъ свидѣтельство объ истинной вѣрѣ однихъ и заблужденіяхъ другихъ, данное имъ, по Божію соизволенію власть на то имѣющею церковію вселенскою; и мы не имѣемъ права ставить своего личнаго и безправнаго суда выше суда церковнаго, подтвержденнаго въ своей истинности самымъ несумнѣннымъ фактомъ принадлежности къ церкви однихъ и непринадлежности другихъ ¹⁾).

¹⁾ На этой-то власти, данной вселенской церкви въ лицѣ ея пастырей и основываютъ нѣкоторые изъ архипастырей свое право въ исключительныхъ случаяхъ дозволить церковныя службы объ усопшихъ инославныхъ до подлинно извѣстныхъ

Правда и то, что при переходѣ напр. католическаго священника въ православіе, онъ, если пожелаетъ, принимается и у насъ въ томъ же самомъ санѣ, и что слѣдовательно за католичествомъ признается, какъ будто, истина и благодать; но и это обстоятельство, по нашему мнѣнію, нисколько не ослабляетъ силы древняго правила; поелику касается живаго человѣка, отказывающагося отъ заблужденій папизма, и является правомъ исключительнымъ, частнымъ, а не обычнымъ. Что же касается католиковъ вообще, то вотъ что говоритъ между прочимъ о нихъ «Окружное Посланіе восточныхъ патріарховъ 1848», принятое и россійскимъ Синодомъ: «они *еретики*, и всякое духовное и богослужбное общеніе съ ними *беззаконно*». (См. Окр. Посл. въ русск. переводѣ 1850 г. стр. 9). Что же касается протестантовъ, то объ ихъ еретичествѣ, по суду церкви, нужно ли говорить?..

3. Переходимъ къ разсмотрѣнію ученія Господа и Его Апостоловъ, изложеннаго въ книгахъ Писанія.

Защитники полного уравненія инославныхъ усопшихъ съ православными съ особенною радостію указываютъ на приведенныя М. Б. изреченія Господа о любви ко всѣмъ людямъ, о молитвѣ за всѣхъ людей и даже за враговъ и т. п. «Вотъ что сказалъ бы, говорятъ они, Господь на нашъ вопросъ о молитвѣ за усопшихъ инославныхъ, а не то, чему научаетъ насъ примѣръ древней хотя бы то и вселенской церкви, который, какъ говорите вы, есть будто бы выраженіе ученія Господня». Но такъ ли? Подлинно ли слова эти и подобныя имъ показываютъ, что ученіе церкви о богослужбной молитвѣ за усопшихъ инославныхъ несогласно съ ученіемъ Господа, — не православно? Таковыли подлинно смыслъ приведенныхъ словъ Господа? Даютъ ли они собою мысль о томъ, что можно править службы церковныя обо всѣхъ усопшихъ къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали?

Чтобы правильно понимать слова Писанія, для этого кромѣ преданія, существуютъ и другія не только общедоступныя, а и общеобязательныя средства. Кто жъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ и не признаетъ, что нельзя брать слова извѣстнаго писанія безъ контекста ихъ и безъ снесенія съ другими параллельными имъ словами того же писанія? Такъ вообще, такъ и въ Св. Писаніи. Если же мы приложимъ эту мѣрку къ опредѣленію истиннаго смысла приведенныхъ словъ; то увидимъ, что толковать ихъ, какъ опровергающія указанное выше ученіе церкви, не справедливо.

своего богоугодною живнію точно также, какъ лишать погребенія нѣкоторыхъ православныхъ. Но это право исключительное, частное а не общее.

Вѣрно, что Господь нашъ и словомъ и примѣромъ училъ насъ любить всѣхъ людей (2 Кор. 5, 14; 1 Тим. 2, 6; Евр. 2, 9) и даже враговъ (конечно личныхъ, а не Божіихъ) (Мѡ. 5, 44; Рим. 12, 44); но Онъ же опять и словомъ и примѣромъ училъ насъ присныхъ намъ по духу и плоти любить паче дальнихъ (Іоан. 11, 5. 36; 13, 1. 23; Гал. 6, 10; 1 Тим. 5, 8), и даже душу свою полагать за *други* своя (15, 13). Да, любовь христіанская должна простираться на всѣхъ людей, но она должна имѣть степени и границы, которыя обусловливають собою не только то что мы радѣемъ о близкихъ своихъ по плоти и вѣрѣ больше, чѣмъ о чужихъ намъ, по и то, что мы считаемъ обязанностію своею войну со врагами нашего отечества. На поляхъ брани стоятъ и палатки краснаго креста, открытыя для больныхъ и изъ вражескаго лагеря, но только тѣхъ, которые не отвергають этой помощи и лежа на постели не замахиваются сознательно кулакомъ на милующихъ ихъ. И первообразъ нашихъ нравственныхъ отношеній къ ближнимъ—любовь Божественная не безъ содружества съ правдою и истиною; Сынъ Отчій потому и пролилъ кровь Свою за насъ, что въ этомъ пролитіи крови милость и истина сръѣтостаяся, правда и миръ облобызастаяся (пс. 84, 11; ср. Рим. 3, 25). У насъ ли возможна любовь безъ правды? Космополиты потому и омерзительны, что, проповѣдуя безразличіе въ разсужденіи того, на кого и въ какой мѣрѣ должна простираться любовь къ людямъ, этимъ святымъ словомъ эксплуатируютъ, прикрывая имъ отсутствіе у нихъ всякой любви. Тотъ же, Кто сказалъ: *люби ближняго своего, какъ самаго себя*, училъ Бога любить отъ всея души (Мѡ. 22, 37—39); Онъ же сказалъ: *кто не со Мною, тотъ противъ Меня* (Мѡ. 12, 30); и еще: *кто любитъ отца или матеръ больше Меня, тотъ не достоинъ Меня* (Мѡ. 10, 37). Иначе и быть не должно, пока есть на землѣ несовершенство и зло. Можно ли послѣ этого жертвовать любовью къ Богу любви къ ближнимъ?... Думаемъ, достаточно и этихъ не многихъ параллельныхъ приведеннымъ М. Б. мѣстъ, чтобы видѣть, что если основа нашихъ нравственныхъ отношеній къ ближнимъ—любовь къ нимъ должна быть ограничена правдою и разумомъ, то не иное что можетъ быть и въ разсужденіи о молитвѣ.

Вѣрно, въ Новомъ Завѣтѣ есть слова, что мы должны молиться *о всемъ, непрестанно, за вся человеки*, хотя слова эти и изъ разныхъ книгъ взяты (1-е изъ Мѡ. 21, 22; ср. Мрк. 11, 24; Іоан. 14, 13; второе изъ 1 Сол. 5, 17; Лук. 18, 1. Еф. 6, 18 и третье изъ 1 Тим. 2, 1); но вѣрно также и то, что, по словамъ того же Писанія, и то и другое и третье

должно имѣть свои границы и мѣры; ибо а) не возможно же въ самомъ дѣлѣ молиться безпрестанно; б) молитва не на добро, а для удовлетворенія своихъ похотей даже грѣхъ (Іак. 1, 6. 7), в) и не о вѣсѣхъ ближнихъ нашихъ и не о всемъ молитва пріемлется Богомъ, какъ угодная Ему. Припомните изъ той же Библии примѣры молитвъ не услышанныхъ: изъ Втор. 3, 26—27—о Моисеѣ, изъ 2 Цар. 12, 16. 22. 23—о Давидѣ, изъ Іова 19, 7 и 30, 20—объ Іовѣ и друзьяхъ его, изъ св. отъ Матѳея—о матери сыновъ Зеведеевыхъ (ср Мрк. 10, 35—40), изъ посланій Павла—о немъ самомъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы ссылаемся не только на 2 Кор. 12, 8—9, а и на Рим. 9, 1—3, на какое мѣсто ссылается и М. Б.; ибо, намъ думается, что самая форма выраженія въ указанномъ мѣстѣ (τήχ' ἔμεν' εἶναι—желалъ бы быть) говорить о томъ, что о братьяхъ своихъ по плоти св. апостолъ *когда-то* молился, а не теперь молится, и теперь лишь только желалъ бы молиться. А развѣ еще вы не слышали словъ Іоанна, того Іоанна, который больше вѣсѣхъ апостоловъ поучаетъ насъ любви къ ближнихъ въ своемъ Евангеніи и посланіяхъ и который по справедливости зовется по этому *апостоломъ любви*, развѣ вы никогда не читали и не слышали словъ его: *вотъ какіе дерзновеіе мы имѣемъ къ Нему (Сыну Божію), что когда просимъ чего по волю Его, Онъ слушаетъ насъ. А когда мы знаемъ, что Онъ слушаетъ насъ во всемъ, чего бы мы ни просили; знаемъ и то, что получаемъ просимое отъ Него. Если кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится и Богъ дастъ Ему жизнь, то есть согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти, не о томъ говорю, чтобы онъ молился. Всякая неправда есть грѣхъ; но есть грѣхъ не къ смерти* (1 Іоан. 5, 14—17)? Грѣхъ къ смерти—это хула на Духа Св., которая не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ (Мѳ. 12, 32). Правда, о согрѣшающемъ этимъ грѣхомъ въ словахъ Іоанна молитва намъ не запрещается прямо, но по связи съ предыдущимъ здѣсь рѣчь о силѣ молитвы, которой есть предѣлъ. Если кто будетъ молиться о согрѣшающемъ смертнымъ грѣхомъ, тому нельзя обѣщать, что молитва его будетъ услышана Сыномъ Божіимъ; стало быть, такая молитва будетъ бесполезна и напрасна для того, за кого она приносится, хотя и не бесполезна для самаго молящагося; ибо миръ отвергнутый слушателемъ апостоловъ, по слову Господа, долженъ возвратиться къ апостоламъ, и вообще къ тому, кто возвѣщалъ его (Мѳ. 10, 13).

Не къ тому привели мы великія слова любви обильнаго Іоанна. равно какъ и всѣ предыдущія имъ слова Писанія о любви къ ближнимъ, что она должна имѣть степени и мѣру въ правдѣ, чтобы оправдать этими словами полное запрещеніе всякой вообще молитвы объ умершихъ инославныхъ христіанахъ. Какъ бы мы ни думали о грѣхѣ отсутствія правой вѣры у такихъ христіанъ, грѣхѣ, съ которымъ они сошли въ могилу, гдѣ нѣтъ покаянія, мы на основаніи именно этихъ самыхъ словъ Іоанна о молитвѣ за ближнихъ, равно и тѣхъ примѣровъ не услышанныхъ молитвъ, которые приведены выше, защищаемъ даже мысль о томъ, что каждый изъ насъ лично имѣетъ полное право во имя любви къ такимъ умершимъ не только желать спасенія ихъ, а и просить объ этомъ Бога, признавая впрочемъ полную справедливость и за тѣмъ мудрымъ совѣтомъ М. Филарета, что права нельзя обращать въ общее правило. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, слова эти (Іоанна) и предшествующая имъ рѣчь наглядно и убѣдительно, думается намъ, доказываютъ, что нельзя въ доказательство какой либо частной мысли приводить такіе тексты Писанія, гдѣ говорится *о всѣхъ* и *о всемъ*. Представленные М. Б. тексты Писанія вполне оправдываютъ законность личной частной молитвы нашей объ умершихъ инославныхъ христіанахъ, но они не даютъ собою права говорить на основаніи ихъ о законности именно церковно-богослужебной молитвы за такихъ умершихъ; потому что молитва церковная—не молитва только въ смыслѣ прошенія къ Богу о томъ или другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исповѣданіе вѣры молящихся и таинственное низведеніе на нихъ благодати св. Духа, чрезъ извѣстныя внѣшнія дѣйствія, совершаемое нарочито отъ этого же Духа поставленными на то лицами, т. е. тайнодѣйствіе и священнодѣйствіе. Приведенные тексты ничего не говорятъ объ этихъ существенныхъ свойствахъ и принадлежностяхъ христіанскаго богослуженія.

Само собою понятно, что дабы вполне основательно было заключеніе о томъ, что приведенные тексты не могутъ служить основаніемъ для церковно-богослужебныхъ молитвъ за умершихъ инославныхъ, для этого нужно еще доказать, что сущность христіанскаго богослуженія вообще и церковныхъ службъ за усопшихъ въ частности состоитъ не въ общественности только молитвы, а и въ исповѣданіи вѣры молящихся и въ низведеніи на нихъ благодати Духа Святаго, которое зависитъ не отъ одной любви низводящаго, а обставлено и нѣкоторыми другими условіями. Но рѣчь объ этихъ существенныхъ свойствахъ церковныхъ богослуженій за усопшихъ и условіяхъ приоб-

щенія имъ молящихся, весьма важная для окончательнаго заключенія о бездоказательности, а потому и полной несостоятельности разобраннаго нами мнѣнія крайнихъ сторонниковъ М. Б., прямое свое отношеніе должна имѣть собственно къ вопросамъ, поставленнымъ самимъ М. Б. о томъ, что же собственно изъ службъ церковныхъ можетъ и что не можетъ быть совершаемо объ усопшихъ инославныхъ христіанахъ, и почему. Вотъ почему рѣчью этой мы начинаемъ второй отдѣлъ своего чтенія, посвящаемый нами собственно отвѣту на вопросы М. Б.

II.

Въ заключеніи приведенныхъ выше текстовъ Писанія М. Б. между прочимъ говоритъ: «если возможны и душеспасительны молитвы единичныя; то возможны и еще болѣе спасительны молитвы общественныя. Если могутъ молиться объ усопшихъ ближнихъ православныя міряне; то могутъ за нихъ же молиться лично отъ себя вмѣстѣ съ мірянами также и православныя духовныя лица. Во всемъ этомъ едва ли можно сомнѣваться». Слова эти понятны въ смыслѣ опредѣленія ими сущности церковно-богослужебной молитвы, весьма нравятся защитникамъ положительнаго рѣшенія вопроса о церковно-богослужебной молитвѣ за усопшихъ иновѣрцевъ, и они обыкновенно приводятъ ихъ, какъ логическое основаніе для приуроченія вышеприведенныхъ текстовъ Писанія къ церковной молитвѣ; но несомнѣнно, что такое пониманіе этихъ словъ неправильно и потому ссылка на нихъ указанными мыслителями не справедлива. М. Б. вслѣдъ за этими словами приводитъ другія, которыми ясно даетъ понять, что и по его мнѣнію не въ этой только общественности молитвы заключается сущность церковной службы; онъ говоритъ далѣе: «иное дѣло молитва церковная, обставленная извѣстными обрядами при богослуженіи. Тутъ мнѣнія могутъ быть различныя, хотя и тутъ истинное христіанское чувство можетъ быть только одно». И такъ ясно, что по мнѣнію М. Б. служба церковная есть не молитва только общественная. Не понимаемъ, какимъ образомъ это можетъ быть не ясно его крайнимъ сторонникамъ!

Представьте себѣ, что молится въ церкви цѣлая толпа вѣрующихъ— и міряне и духовныя лица, но молятся не церковно-богослужебными словами и обрядами, а своими собственными, и скажите: будетъ ли это служба церковная? Очевидно нѣтъ. Съ другой стороны для всякаго ясно, что церковная служба останется такою и въ томъ даже случаѣ, если тѣ,

которые хотѣли бы молиться, и не будутъ въ церкви. Какъ часто у насъ объ усопшихъ совершаются и обѣдни и панихиды, за которыми только и бываютъ одни священно-служители. И мы вѣруемъ, что служба церковная совершалась и пользу усопшему принесла, если даже предположимъ, что ни священникъ, ни псаломщикъ желательнаго молитвеннаго чувства объ усопшемъ ни разу не проявили за службой. Ясно значить, что сущность церковной службы не въ томъ, что она совершается въ церкви цѣлымъ обществомъ вѣрующихъ, а въ самыхъ тѣхъ словахъ и обрядахъ, которые бываютъ при этомъ.

Итакъ какіе же это церковно-богослужебные молитвенные слова и обряды таковы, что, по ученію церкви, не могутъ быть совершаемы надъ усопшими инославными христіанами, и почему?

Итъ конечно нужды выписывать намъ весь чинъ погребенія и поминаенія усопшихъ, установленный православною церковію для своихъ чадъ; достаточно остановиться на тѣхъ обрядахъ и молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ этого чина, неумѣстность употребленія которыхъ по отношенію къ инославнымъ не можетъ подлежать спору. Къ числу такихъ обрядовъ и молитвъ, по нашему мнѣнію, относятся по мимо заупокойной литургіи 1) покрытіе тѣла усопшаго церковнымъ покровомъ, знаменующее собою то, что почившій ставитъ себя подъ покровъ и защиту православной церкви, ее одну считая истинною и спасительною; 2) возложеніе церковію на чело почившаго вѣнчика съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери и Іоанна Предтеча, какъ свидѣтельство даваемое церковію почившему въ томъ, что по суду ея почившій за свою вѣру и по молитвамъ Богоматери и святыхъ Божіихъ достоинъ того вѣнца правды, который обѣщанъ любящимъ Бога; 3) предношеніе предъ гробомъ почившаго и возложеніе на перси его святой иконы, какъ знака его вѣры въ Бога и святыхъ Его и надежды на нихъ, выражавшейся при жизни молитвою предъ иконами; 4) вложеніе въ руки почившаго разрѣшительной молитвы, въ которой духовный отецъ почившаго властію іерейскою разрѣшаетъ его отъ грѣховъ, по забвенію и немощи не исповѣданныхъ имъ при жизни; 5) тѣ выраженія молитвенныхъ пѣснопѣній чина погребенія и панихиды, въ которыхъ почившему испрашивается у Бога не только оставленіе прегрѣшеній, а и упокоеніе «со святыми», «со духи праведныхъ скончавшихся, идѣже вси святіи упокоеваются», въ царствіи небеснѣмъ», «въ церкви первенецъ, на небесѣхъ написанныхъ», и т. п. и все это испрашивается за то, что почившій согрѣшилъ, но покался, грѣшилъ волею, а не умомъ, и не отступилъ отъ вѣры

православной до послѣдняго своего издыханія», испрашивается молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ, и 6) возглашеніе церковію вѣчной памяти почившему, той памяти съ похвалами, которая обѣщана праведникамъ.

Какъ видить читатель, одни изъ указанныхъ обрядовъ и пѣснопѣній представляютъ собою, какъ-бы самымъ почившимъ выражаемое, исповѣданіе принадлежности его къ церкви православной, — его вѣры православной: таково возложеніе церковнаго покрова на тѣло почившаго и иконы на перси его; таковы же и тѣ молитвы, въ которыхъ какъ-бы самъ почившій молить Господа, указуя Ему на свое покаяніе и правую вѣру. Другіе же изъ указанныхъ обрядовъ и пѣснопѣній совершаются и произносятся отъ лица церкви, которая, какъ чадолюбивая мать, въ отвѣтъ на исповѣданіе вѣры усопшаго, не только молить за него Жениха Своего, Христа, а и прямо отъ лица послѣдняго обѣщаетъ почившему вѣнецъ правды, уготованный истиннымъ вѣрующимъ. Это обѣщаніе, выражаемое не въ смыслѣ простаго желанія, а въ формѣ властнаго увѣренія, особенно рѣзко выказывается въ чтеніи разрѣшительной молитвы, возложеніи вѣчника, въ возглашеніи вѣчной памяти и въ священническомъ отпустѣ. Отпустъ этотъ имѣетъ значеніе священническаго благословенія; по этому онъ предваряется словомъ: *премудрость*, произносится лицомъ къ предстоящимъ и читается такъ: «Христосъ истинный Богъ нашъ молитвами Богородицы... усопшаго раба Своего въ селеніи ихъ праведныхъ учинить, въ нѣдрѣхъ Авраама упокоить и съ праведными причететь»...

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій, не особенно, кажется, трудно будетъ разсудить о томъ, почему церковь не можетъ совершать эти именно обряды и пѣть эти именно пѣснопѣнія надъ усопшими инославными. Въ самомъ дѣлѣ возможно ли покрывать инославнаго почившаго (не считавшаго при своей жизни православной церкви своею покровительницею) церковнымъ покровомъ, полагать на перси его святую икону, которой не кланялся онъ при своей жизни, (каковы всѣ протестанты), и пѣть тѣ пѣснопѣнія, гдѣ почившій, прося у Бога ввести его въ райскія обители, ссылается на свою правую вѣру и на ходатайство святыхъ Божиихъ? Употребленіе этихъ обрядовъ и пѣснопѣній надъ усопшимъ инославнымъ не будетъ ли означать того, что церковь вопреки своимъ основнымъ правиламъ согласна считать своими чадами и тѣхъ, которые лишь по смерти высказываютъ свое правое исповѣданіе вѣры? Если же такъ, то совершеніе надъ усопшими инославными *всего* чина погребенія или па-

нихиды, которая есть не болѣе какъ сокращеніе того же самаго чина, не будетъ ли не только завѣдомою ложью, а и грубымъ суевѣріемъ, подобнымъ тому, какое по свидѣтельству свв. Златоуста, Теодорита, Теофилакта, Епифанія и другихъ, допускали маркіониты и керинѳіане, совершая крещеніе *мертвыхъ роди*—за мертвыхъ и надъ мертвыми (ср. 1 Кор. 15, 29)? Эти еретики, скрывая подъ постелю мертвеца кого-нибудь изъ живыхъ и заставляя этого послѣдняго отвѣчать вмѣсто умершаго на вопросъ крещенія, мнили чрезъ совершеніе такого обряда какъ-бы насильно заставить Бога считать не крещеннаго умершаго крещенымъ, потому-то и заслужили горячее осужденіе со стороны такихъ любвеобильныхъ пастырей, какъ Златоустъ (см. его толков. на указ. мѣсто посл. Коринѳ.). Не видимъ резоновъ, по которымъ не справедливо было бы переносить это осужденіе и на всѣхъ тѣхъ нашихъ единовременниковъ и единовѣрцевъ, которые желали бы уравнять инославныхъ усопшихъ съ православными въ отношеніи въ церковной молитвѣ объ нихъ.

Да, въ фактъ уравниенія инославныхъ усопшихъ съ православными въ отношеніи къ службамъ церковнымъ объ нихъ, по нашему мнѣнію, помимо полной несправедливости такого уравниенія, умаляющаго до крайней степени значеніе вѣры нашей правой (ибо въ такомъ случаѣ выходитъ, что вѣровать такъ или иначе совершенно безразлично для спасенія) и унижающаго самыхъ святыхъ Божіихъ (ибо въ такомъ случаѣ что лишнее имутъ они сравнительно съ неправовѣрующими?), можно и должно примѣчать съ одной стороны — со стороны иновѣрцевъ и православныхъ ратующихъ за нихъ незаконное посягательство на то, что имъ по праву не принадлежитъ, съ другой же стороны — со стороны служителей церкви православной, службы церковныя правящихъ, расточительство ввѣренныхъ имъ отъ Господа даровъ Божіихъ и превышеніе данной имъ власти.

Чтобы убѣдиться въ истинности этого заключенія, должно припомнить, что по ученію Писанія и преданія, только принадлежащіе къ истинной церкви имѣютъ право пользоваться тѣми дарами благодати, которыми владѣетъ она, какъ *единая* истинная церковь. Въ символѣ вѣры—Никео-Цареградскомъ уже послѣ ученія о вѣрѣ въ *едину, святую, соборную и апостольскую церковь*, т. е. въ то, что такой только церкви принадлежать благодать и истина, спасающія человѣка, повелѣвается исповѣдывать едино крещеніе, т. е. признавать, что благодатные дары Св. Духа должны быть раздаваемы только въ истинной церкви принадлежащимъ и только ими принимаемы. Св. Ап.

Павель, говоря о дарахъ духовныхъ, сравниваетъ истинную церковь Христову, которая одна на землѣ владѣеть ими, съ тѣломъ человеческимъ, въ которомъ многіе различные члены потому только и могутъ служить другъ другу—оживлять другъ друга, что всё они составляютъ одно тѣло, оживляемое однимъ духомъ (1 Кор. 12, 1—40). Изъ этого сравненія апостольскаго вышереченная истина, что дары духовные должны быть раздаваемы только членамъ единой истиной церкви, явствуется съ несомнѣнной очевидностію. Оно и понятно: отнимите отъ живаго тѣла хоть одинъ здоровый членъ его, членъ этотъ умретъ; точно также какъ и наоборотъ,—отнятый членъ сращаемый съ живымъ тѣломъ вновь можетъ ожить, лишь благодаря или чуду (см. напр. Лук. 22, 51 объ исцѣленіи уха Малха), или употребленію такихъ средствъ, которыя нарочито даны намъ для этого отъ Бога въ знаніяхъ нашего ума. Точно тоже должно быть и въ церкви Божіей. Изъ исторіи апостольской церкви мы знаемъ одинъ примѣръ, подтверждающій истинность этого, — это примѣръ Корнилія сотника и домашнихъ его, которые получили Духа Св. еще до крещенія и по поводу обращенія которыхъ ко Христу Ап. Петръ говорилъ между прочимъ, что во всякомъ народѣ боящійся Бога пріятель Ему (Дѣян. 10, 35—44). Правда, это событіе и слова эти нерѣдко приводятся въ качествѣ доказательства противоположной мысли, именно того, что и не принадлежащій къ церкви Христовой—безъ истинной вѣры можетъ быть угоденъ Богу и получать Духа Св.; но 1) и самое событіе, по поводу котораго изречены ап. Петромъ вышеприведенныя слова, и связь рѣчи, и точное значеніе слова: *пріятель* (въ подлинникѣ *δεχτός* отъ *δέχομαι* — принимаю, приемлемый, достойный принятія) говорятъ противъ такого пониманія ихъ и прямо указываютъ на то, что для спасенія даже такихъ людей, какъ Корнилій, благочестивый, боящійся Бога и творившій милостыни, нужно вступленіе въ истинную церковь. Что же касается полученія Корниліемъ и домашними его Духа Св. еще до крещенія; то нужно замѣтить, что здѣсь низведеніе Духа Св. было не дѣломъ церковной власти, обыкновенно совершаемомъ по крещеніи, а нарочитымъ и чрезвычайнымъ, чудеснымъ событіемъ, слѣдовательно непосредственнымъ дѣломъ Самаго Бога, такимъ, которое по самой необычности своей изумило даже Апостола. Стало-быть и этотъ фактъ косвеннымъ образомъ можетъ служить къ подтвержденію той мысли, что церковь не имѣетъ права раздавать отданные въ ея владѣніе дары Духа Св. лицамъ не принадлежащимъ къ ней. Вотъ почему и въ отношеніи

къ живымъ иновѣрцамъ церковь православная выражаетъ любовь свою лишь молитвою о «соединеніи» ихъ—о ниспосланіи имъ благодати, привлекающей ихъ въ единство истинной церкви»; вотъ почему она осудила какъ суевѣріе, и обычай крестить мертвыхъ¹⁾.

Правда, послѣдняя аналогія, равно какъ и наши разъясненія относительно незаконности и неразумности высказываемаго требованія относительно усопшихъ иновѣрцевъ, на первый взглядъ, могутъ казаться безспорно справедливыми только по отношенію къ совершенію надъ такими усопшими заупокойной литургіи, или что то же, таинства евхаристіи, которое по вѣрованію православной церкви должно имѣть безусловно искупительное значеніе, и совершенное надъ неимѣющимъ права на это таинство (ибо оно преподается только истинно-вѣрующимъ) должно имѣть характеръ насилія по отношенію къ Божьему дару, въ немъ преподаваемому. Но если ближе взглянуть въ дѣло, то приведенная аналогія и наши предыдущія разъясненія должны быть справедливыми признаны по отношенію и къ тѣмъ обрядамъ и пѣснопѣніямъ изъ чина погребенія и панихиды, о которыхъ была рѣчь выше.

Вѣрно конечно, что указанные нами обряды и пѣснопѣнія нельзя приравнивать по значенію ихъ къ таинствамъ; но несправедливо и то крайнее мнѣніе, по которому наша церковная обрядность только то и имѣетъ значеніе, что поучаетъ, назидаетъ насъ, просвѣтляетъ умъ, очищаетъ сердце, дѣлая душу нашу достойною просимыхъ нами

---

¹⁾ Еще одно заключеніе по отношенію къ занимающему насъ вопросу должно сдѣлать изъ разсмотрѣннаго нами факта книги Дѣяній апостольскихъ, именно то, что если Богу — Его святой и правосудной волѣ угодно; то Онъ можетъ спасти челоѣка, и ниже вѣсть судьбами, и помимо тѣхъ средствъ, которыя даны имъ въ распоряженіе церкви, особливо ежели средства эти неудобоприложимы къ челоѣку тому. Заключеніе это весьма важно для оправданія церковнаго отказа въ богослужебной молитвѣ усопшимъ иновѣрцамъ отъ обвиненія его въ жестокости. Если представленное нами заключеніе истинно (а можно ли сомнѣваться въ этомъ на основаніи здраваго смысла?); то напрасно въ укоръ церкви говорить, что она, лишая иновѣрцевъ спасительныхъ даровъ благодати, поступаетъ жестоко и даже неразумно; ибо говорить, нельзя же представлять, что всѣ, кто не въ истинной церкви, погибнуть. Напрасно говорить такъ потому, что церковь своимъ отказомъ утверждаетъ не то, что всѣ тѣ погибнуть (за что погибнуть младенцы умершіе не крещенными?), а лишь то, что спасеніе ихъ не во власти церкви и не отъ тѣхъ даровъ благодати зависитъ, которые даны въ пользованіе церкви, и что спасутся ли тѣ люди, мы сказать этаго утвердительно и несомнѣнно обѣщать не можемъ, хотя и можемъ желать этаго, и молиться объ этомъ, и надѣяться на это ..

въ молитвѣ церковной милостей Божіихъ. Такаго значенія нельзя отрицать не только за іудейскою, а даже и за языческою обрядностію, по крайней мѣрѣ въ лучшей ея части. Въ чемъ же преимущество истинно-христіанской церковной обрядности? Припомните ту бесѣду Господа съ Самарянкою, въ которой сказано было Имъ первое слово о сущности истинно-христіанской церковной молитвы въ ея отличіи отъ церковной же молитвы іудейской и самарянской. На вопросъ Самарянки о томъ, гдѣ подобаешь кланяться Богу, Господь отвѣтилъ: *вы не знаете, чему кланяетесь. Позврѣ Мнѣ... что настанетъ время и настало уже, когда истинные поклонники поклонятся Отцу въ Духъ и Истинъ* (Іоан. 4, 23). Узко и неправильно, кажется намъ, понимаютъ эти слова Господа тѣ, которые говорятъ, что здѣсь Господь учить насъ молиться Отцу Небесному не наружною только, фарисейски-ли то лицемѣрною, или язычески-пустословною молитвою (Ср. Мѡ. 6, 1—8), а и внутреннею душою, поколику молитва есть бесѣда души съ Богомъ. Если бы такой только смыслъ заключался въ словахъ Господа; то что новаго, невидѣннаго и невѣданнаго древнимъ міромъ внесъ бы Господь словами этими въ понятіе о молитвѣ человѣческой? Ибо молиться—не наружно только, а и душой умѣли люди и до Господа, и такъ умѣли, что и мы доселѣ словами ветхозавѣтныхъ молитвенниковъ просимъ, благословляемъ и благодаримъ Отца Небеснаго; и доселѣ нѣтъ молитвъ, послѣ молитвы Господней, лучше псалмовъ. Это потому, что въ своемъ происхожденіи они суть данное Самимъ Богомъ слово молитвы, какую должна возносить душа человѣческая къ Богу; это потому, что въ своемъ содержаніи псалмы являются въ полномъ смыслѣ слова бесѣдою души съ Богомъ; ибо въ нихъ не человѣкъ только обращается къ Богу, а и отъ Бога слышится откликъ на зовъ человѣка. Этого отклика божественнаго на свою сердечную молитву искала и самарянка, какъ можно заключить о томъ по ея душевному состоянію ¹⁾. Объ немъ-то очевидно и должна была быть рѣчь Господа въ приведенныхъ словахъ Его о поклоненіи Богу въ Духъ и Истинъ. Итакъ подъ Духомъ здѣсь должно разумѣть Духа Св., какъ явствуетъ это и изъ контекста рѣчи и изъ другихъ параллельныхъ мѣстъ; ибо подъ Духомъ, въ которомъ должно кланяться Отцу,

¹⁾ Ибо быть не можетъ, чтобы самарянка до своей бесѣды съ Господомъ не молилась самою истовою молитвою; иначе нельзя понять ея чистосердечной исповѣди предъ Господомъ въ своемъ поведеніи, нельзя понять и самаго вопроса ея о томъ, гдѣ подобаешь молиться, и того, что она первая удостоилась слышать отъ Господа такое великое слово.

разумѣтся та же вода живая, о которой говорилъ Господь въ началѣ бесѣды, та вода, для полученія которой Онъ потребовалъ отъ Самарянки покаянія и вѣры, и которая, по объясненію евангелиста въ одной изъ слѣдующихъ главъ (7, 37—39), означаетъ Духа Св. и Его благодатные дары. Истина же, и по ученію І. Христа, есть Самъ Онъ (Іоан. 14, 6).

Само собою разумѣтся, что этотъ откликъ Божественный на христіанскую церковную молитву со стороны Духа Св. и Сына Божія прежде всего конечно выражается въ нашихъ таинствахъ — въ причащеніи, когда мы вкушаемъ тѣло и кровь Христовы, Духомъ Св. пресуществленные изъ хлѣба и вина (Іоан. 6, 51—54, 63), въ крещеніи и муропоманіи, гдѣ мы полностью получаемъ въ себя Духа Св., вводящаго насъ въ царство небесное (Іоан. 3, 5). Но если справедливо, что въ противоположность іудейской и самарянской именно *церковной* молитвѣ, о которой говорила Самарянка, и Господь долженъ былъ говорить въ данномъ случаѣ именно о церковной христіанской молитвѣ вообще; то справедливо и то, что указанные свойства должны простираться на всю вообще нашу церковную молитву, что вся вообще наша служба церковная есть не молитва только въ смыслѣ прошенія человѣка къ Богу, а и откликъ Божественный на эти прошенія, что она вообще есть священнодѣйствіе. Что этотъ священнодѣйственный характеръ принадлежитъ не только таинствамъ нашимъ, а и тѣмъ пѣснопѣніямъ и обрядамъ, которыя совершаются какъ бы отъ лица Бога, это вполне раскрываетъ намъ св. ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ.

Разъясняя въ посланіи къ римлянамъ преимущества жизни подъ благодатію предъ жизнію подзаконною, онъ говоритъ: *также и Духъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ, ибо мы не знаемъ, о чемъ молиться, какъ должно; но самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными. Испытующій же сердца знаетъ, какая мысль у Духа, потому что Онъ ходатайствуетъ за святыхъ по волю Божіей* (Рим. 8, 26—27). Изъ этихъ словъ ясно видно не только то, что нашими церковными молитвами руководить Духъ Св., а и то, почему свв. отцы церкви, руководимые этимъ Духомъ, составили молитвенные чины лишь для истинно вѣрующихъ, не дерзая, по волю Божіей, простирать власть свою на неправовѣрующихъ ¹⁾. Еще подробнѣе говорить

¹⁾ Примѣчательно въ этомъ отношеніи то только повидимому маловажное, на самомъ же дѣлѣ весьма знаменательное обстоятельство, что и Самъ Господь нашъ, лично отъ Себя молившійся на крестѣ и за враговъ своихъ (Лук. 23, 34),

о духовности въ указанномъ смыслѣ церковной молитвы св. Апостолъ въ другомъ своемъ посланіи, именно въ 1-мъ посланіи къ коринѳянамъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о дарахъ духовныхъ. Мы не станемъ приводить всего разсужденія Апостола предложеннаго имъ въ этой главѣ, а отмѣтимъ лишь, что по этому разсужденію молитва Духомъ отлична отъ молитвы умомъ и состоитъ въ изреченіи имѣющимъ на себѣ Духа Св. боговдохновенныхъ пророчествъ, благословеній и благодареній, заключаемыхъ возгласомъ *простолюдиновъ* (т. е. мірянъ): аминь.

Вотъ почему эта истина, что священно-богослужебныя молитвы и обряды Духомъ Св. и изрекаются и этаго Духа низводятъ на вѣрующихъ, и прямо иногда выражается въ тайныхъ молитвахъ священника. Такъ въ 7-ой утренней молитвѣ, читаемой священникомъ во время шестопсалмія, говорится: *заче помолитися якоже подобаетъ, не вѣмы, иже не Ты, Господи, Святымъ Твоимъ Духомъ наставили ны*. Благословляя кадило для кажденія, священникъ молится: *кадило Тебѣ приносимъ Христе, еже приеъмъ... вознеси намъ благодать пресвятаго Твоего Духа* И развѣ не тоже ниспосланіе Духа Св. представляетъ собою кропленіе водою (освященною) святою съ произнесеніемъ словъ: *благодать Духа Святаго*, или возгласъ священническій: *миръ вамъ*. Припомните, что онъ тотъ же, который Господь произноситъ повелѣлъ и апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь, (Мѡ. 10, 12 и 13) и который Самъ Онъ произнесилъ по воскресеніи, прибавивъ при семъ: *пріимите Духъ Святъ* (Іоан. 20, 19—22).

Нелѣпы и пошлы часто бывають богослужебныя собранія нѣкоторыхъ сектантовъ въ родѣ скопцевъ, людей божіихъ, и т. п., которые яко бы Духа Святаго вызываютъ своими радѣньями и отъ Него яко бы изрекають разныя несвязныя рѣчи; но основная мысль этихъ нелѣпыхъ обрядовъ, именно, что церковно-богослужебныя пѣснопѣнія и обряды есть низведеніе даровъ Духа Св. на тѣхъ, кто молитвенно участвуетъ въ этихъ собраніяхъ и о комъ приносятся эти молитвы, справедлива. Нелѣпость же и ложь⁴ такихъ собраній ихъ происходитъ отъ того, что они забыли объ истинѣ, въ которой должно кланяться Отцу Духомъ Св. Истина эта — Христось и Его свя-

въ Своей такъ называемой первосвященнической (священнодѣйственной) молитвѣ молится не о всемъ мірѣ, а только о тѣхъ, которыхъ Отець далъ Ему, и о вѣрующихъ во имя Его по слову Его, т. е. о правовѣрующихъ (Іоан. 17, 9—20).

тое слово. Нѣтъ Христа, нѣтъ и Духа Св.; ибо какъ Духъ Св. прин- деть туда, гдѣ не по Христову установленію стремятся получить этого Духа,—не въ церкви Его святой и не по уставамъ ея?...

Представленныхъ нами немногихъ соображеній, думается намъ, вполне достаточно не только для того, чтобы понять, почему мы назвали совершеніе надъ инославными усопшими указанныхъ нами выше церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній и обрядовъ, установленныхъ церковію для православныхъ христіанъ, ложнымъ суевѣріемъ, обнаруживающимъ незаконную притязательность однихъ и превышеніе власти другими, а и для того, чтобы вполне согласиться съ справедливостію такого именно пониманія дѣла.

Итакъ что же? Какой выводъ слѣдуетъ изъ всѣхъ представленныхъ нами во второмъ отдѣлѣ чтенія соображеній по вопросу о церковной молитвѣ за усопшихъ инославныхъ? Какой отвѣтъ дадимъ мы, на основаніи этихъ соображеній въ связи съ данными перваго отдѣла, на вопросы М. Б. о томъ: 1) могутъ ли православные молиться за усопшихъ неправославныхъ христіанъ, и читать надъ не погребенными еще тѣлами ихъ псалтирь; 2) могутъ ли іереи служить по нимъ панихиды (полныя ли то, или съ нѣкоторыми ограниченіями, въ домѣ или въ храмѣ), или даже совершать надъ ними заупокойныя обѣдни и 3) могутъ ли іереи поминать имена ихъ на проскомидіи?

Начнемъ отвѣтъ свой съ послѣдняго вопроса. 1) То обстоятельство, что, говоря о заупокойной литургіи за усопшихъ неправославныхъ, М. Б. прибавляетъ частицу *и даже*, ясно показываетъ, что и самъ онъ сомнѣвается въ возможности совершенія такой литургіи: слѣдовательно онъ безспорно согласится съ нами и въ томъ, что совершеніе такой литургіи, какъ имѣющее характеръ явно незаконнаго насилія по отношенію къ дару Божію, преподаваемому въ таинствѣ евхаристіи, суевѣрно, незаконно и потому совѣмъ невозможно. 2) Меньше, какъ будто, сомнѣнія высказываетъ М. Б. относительно возможности поминовенія именъ такихъ усопшихъ на проскомидіи; но и это не основательно. По уставу церковному, указанному въ служебникѣ, іерей, поминая на проскомидіи то или другое имя, будетъ ли то имя живаго, или усопшаго, долженъ вынуть изъ просфоры (и изъ заупокойной точно также, какъ и изъ заздравной) частицу, которую и полагаетъ на св. дискосѣ возлѣ (ниже) агнца. Послѣ же пресуществленія св. даровъ она правда не претворяется

въ тѣло и кровь Господни, какъ ни одна и изъ другихъ частицъ, кромѣ агнца. Но отъ самой близости своего положенія къ агнцу она получаетъ особое освященіе, наглядно выражаемое въ своемъ значеніи вложеніемъ ея наравнѣ съ другими въ св. потирь для напоенія ея кровію съ произнесеніемъ словъ: «Отмый Господи грѣхи поминавшихся здѣ кровію Твоею честною молитвами святыхъ Твоихъ». Напаясь кровію, частица эта исполняется благодатнаго освященія, которое сообщается душѣ, представленнаго ей. Изъ этихъ данныхъ ясно, кажется, слѣдуетъ, что между поминовеніемъ имени усопшаго только на проскомидіи и совершеніемъ объ немъ заупокойной литургіи нѣтъ никакого существеннаго различія, и если незаконно и потому *нѣ* возможно послѣднее, то *точно также* незаконно и не возможно и первое. Вся видимая разница между поминовеніемъ на проскомидіи только и совершеніемъ заупокойной литургіи будетъ состоять лишь въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ имя усопшаго произносится и въ слухъ всѣхъ предстоящихъ на заупокойной эктениі, а въ первомъ нѣтъ. Но а) эктениа и молитвы предстоящихъ не усиливаютъ значенія таинства и его дѣйствія, точно также, какъ и наоборотъ; б) неслышимое предстоящими произнесеніе имени усопшаго на проскомидіи и не видимое ими вынутіе за него частицы изъ просфоры не умаляетъ указаннаго значенія и дѣйственности для помянутаго безкровной жертвы; в) самое же разграниченіе, дѣлаемое при этомъ, только накидываетъ неблаговидную тѣнь на допускающаго это разграниченіе, вынуждая видѣть въ этомъ разграниченіи не «либерализмъ», а уступчивость изъ «человѣкоугодничества». 3) Переходимъ къ отвѣту на дальнѣйшіе вопросы М. Б. Мы видѣли, что суевѣрно, незаконно, а потому и невозможно совершеніе надъ неправославными чина погребенія, *въ его цѣломъ видѣ*, точнѣе тѣхъ пѣснопѣній и обрядовъ изъ этого чина, въ которыхъ или отъ лица усопшаго исповѣдуются его правая вѣра, или отъ лица церкви обѣщается ему упокоеніе со святыми и вѣчная память во имя крестной голгоуской жертвы, приносимой на литургіи. Панихида же есть не что иное, какъ сокращеніе чина погребенія, но такое, въ которомъ указанные обряды и пѣснопѣнія, если не всѣ, то главнѣйшіе (какъ возглашеніе вѣчной памяти, благословеніе священническаго отпуска, пѣніе: со святыми упокой и т. п.) удержаны точно также, какъ удержаны они въ литіи, или утвержденномъ церковію сокращеніи панихиды. Стало быть, если не возможно совершеніе *всего* чина погребенія, то не возможно и совершеніе панихиды, въ цѣломъ ли ея видѣ, или въ утвержденномъ церковію сокращеніи. Не возможно совершеніе и того, и другаго, и третьяго въ ихъ настоящемъ видѣ не

только въ храмѣ, а и дома; ибо и панихида и литія точно также, какъ и всякая другая служба совершенная имѣющимъ право священнослужителемъ по чину и уставу церковному, остается и дома совершенная по своему значенію тою же службою церковною, какъ священнодѣйствіемъ, низводящимъ на того, за кого совершается она, благодать Святаго Духа. 4) Остается сказать еще одно слово—о чтеніи псалтири. Сущность этого чтенія заключается, какъ говорили мы и выше, въ той молитвѣ, которая имѣетъ характеръ прошенія къ Богу объ упокоеніи усопшаго за его *правую* вѣру и по своему содержанию составляетъ часть церковной службы низводящей дары Духа Св. на вѣрующаго. Не будь этого жесвидѣтельства и значенія, чтеніе псалтири является частною, личною молитвою вѣрующаго; ибо обычно совершается не священнослушателемъ. Ergo понятно...

И такъ ни одна изъ службъ церковныхъ, о которыхъ спрашиваетъ М. Б. и которая установлена Св. Отцами для православныхъ только христіанъ, въ своемъ цѣломъ видѣ не можетъ быть совершаема надъ усопшими инославными христіанами; потому что всѣ они носятъ на себѣ характеръ священнодѣйственаго низведенія даровъ Духа Святаго, которое по силѣ власти данной Господомъ церкви должно быть совершаемо только надъ причастными этимъ дарамъ или способными къ этому причастію.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что церковь, дѣйствуя такъ, т. е. въ предѣлахъ данной ей власти, поступаетъ жестоко; ибо мы вѣруемъ въ Божіе милосердіе, правосудіе и всемогущество съ одной стороны, съ другой не отвергаемъ возможности и даже законности личной и общественной молитвы вѣрующихъ за инославныхъ и даже не христіанъ усопшихъ.

Что же касается того, что авторъ говоритъ о молитвѣ, именно только какъ просьбѣ къ Богу объ такихъ умершихъ, возсылаемой цѣлымъ собраніемъ отдѣльныхъ вѣрующихъ, даже съ предстояніемъ среди этихъ вѣрующихъ—іерея въ священномъ облаченіи, но безъ произнесенія имъ указанныхъ выше пѣснопѣній и безъ совершенія указанныхъ же выше обрядовъ; то и мы думаемъ, что если даже такая молитва будетъ возноситься и въ церкви и словами церковныхъ пѣсней, кромѣ тѣхъ, которые носятъ на себѣ указанный выше характеръ священнодѣйствія, и тогда она будетъ лишь частною—личною, а не церковною молитвою, и въ такомъ смыслѣ вполне возможна и законна. Въ пѣсняхъ тѣхъ нѣтъ ничего кромѣ а) прошенія къ Богу объ оставленіи прегрѣшеній почившаго и объ утѣ-

шеніи плачущихъ и болѣзнующихъ и б) размышленій о суетности жизни и величіи таинства смерти; в) самое же облаченіе священническое въ данномъ случаѣ должно указывать лишь, что эти моленія и назидательныя размышленія совершаются православною церковію. Если по вышеприведенному указу Св. Синода дозволяется и священнику въ церковномъ облаченіи проводить тѣло усопшаго иновѣрца до могилы, съ пѣніемъ: «Святый Боже», и само собою разумѣется не безъ молитвенныхъ воплей съ его стороны; то мы не видимъ резонновъ, почему бы не возможна была и поминовенная (т. е. много времени спустя послѣ погребенія совершаемая) молитва по такомъ усопшемъ, совершаемая также священникомъ и состоящая въ пѣніи пѣсней, не имѣющихъ священнодѣйственнаго характера и значенія.

Такая молитва была бы не церковною, а такъ сказать—общественною молитвою; такая молитва, думается намъ, способна была бы умирить мятущееся чувство и такихъ очевидно искренно вѣрующихъ, какъ М. Б. Ибо смѣемъ надѣяться, что не исказимъ смысла его вопроса, если скажемъ, что онъ, говоря о церковной хотя бы то и сокращенной молитвѣ, ни чего болѣе и не имѣлъ въ виду, ничего болѣе и не желалъ, какъ только молитвеннаго любовнаго сочувствія къ такимъ усопшимъ со стороны цѣлаго общества церковнаго, какъ православнаго, сочувствія способнаго облегчить и его горе сознаниемъ, что и прав. церковь считаетъ это горе горемъ и не грѣхомъ называетъ его молитву; словомъ ничего болѣе и не желалъ кромѣ того, что дѣлали для умершихъ язычниковъ и древніе христіане, допускавшіе общественное погребеніе язычниковъ хотя и не творившіе надъ ними службъ церковныхъ. А то, что они считали возможнымъ, есть тоже, о чемъ, какъ о возможномъ, говоримъ и мы.

Само собою разумѣется, что говоря объ установленіи чина такой общественной молитвы за усопшихъ иновѣрцевъ, мы, имѣя въ виду вышеприведенные примѣры преданія и совѣтъ М. Филарета, говоримъ лишь о тѣхъ изъ этихъ иновѣрцевъ, которые чѣмъ бы то ни было показали свое расположеніе къ православною церкви, т. е. говоримъ о случаяхъ исключительныхъ.

Правда, священникъ не имѣетъ права сдѣлать этого безъ разрѣшенія архіерейской власти, и каждый епископъ отдѣльно не можетъ дать такое рѣшеніе, какъ общее правило для всей церкви; то дѣло Святѣйшаго Правительствующаго Синода, какъ собора церкви россійской. Но наше дѣло желать этого, говорить и просить объ этомъ и надѣяться...

Начиная свою рѣчь, я говорилъ, что предлагаю ее не въ качествѣ рѣшенія даннаго вопроса для собранія любителей дух. просвѣщенія, а на судъ этого собранія мужей мудрыхъ, образъ имущихъ здравыхъ словесъ. Теперь я кончилъ и дерзаю спросить: такъ ли думаю я, или нѣтъ. Если нѣтъ, то скажите, въ чемъ я ошибаюсь. Если же *да*; то да же постыдятся ваши уста сказать на рѣчь эту свое властное: аминь.

Свящ. І. Соловьевъ.

Журнальное обозрѣніе.

Продолжаемъ начатое нами обозрѣніе журнальныхъ статей, посвященныхъ памяти свв. Кирилла и Меѳодія.

Наша періодическая духовная печать продолжаетъ еще помѣщать на страницахъ разныхъ журналовъ статьи, относящіяся къ исторіи славянскихъ первоучителей и разъясненію ихъ подвига. «Странникъ», напримѣръ, помѣстилъ въ книжкѣ за мѣсяць май съ такимъ характеромъ двѣ статьи, одно чтеніе на академическомъ актѣ 6 апрѣля и одно поученіе на тотъ же день. Первая статья— «Моравская паства св. Меѳодія послѣ его кончины»—(П. Θ. Викула) рисуетъ намъ бѣдственное внутреннее состояніе православной церкви въ Моравіи во время непосредственно послѣ кончины ея апостола и архипастыря, св. Меѳодія. Жизнь моравской церкви съ самаго перваго момента ея существованія характеризуетъ постоянная борьба «латино-нѣмецкой» и «славяно-народнической» партій. Св. Меѳодій въ санѣ панно-моравскаго архіепископа твердо отстаивалъ правое дѣло развитія славянской народности и Богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Святое дѣло замѣтно росло при немъ: въ Моравіи образовалась цѣлая самостоятельная митрополія съ нѣсколькими епископствами и довольно значительнымъ числомъ клира. На 6 апрѣля 885 года святитель послѣ пятнадцати-лѣтнихъ трудовъ апостольскихъ скончался, назначивъ себѣ преемника въ лицѣ своего ближайшаго ученика, пресбургскаго епископа св. Горазда. Противная латино-нѣмецкая партія, имѣя на своей сторонѣ князя Святополка I и папу, свергаетъ Горазда съ панно-моравской каѳедры и возводитъ на нее своего кандидата—Вихинга, злѣйшаго врага самого св. Меѳодія, его дѣла и всего славянства. Въ семилѣтнее правленіе Вихинга (885—892 г.) усиленно искоренялось нѣмцами все, что было утверждено въ Моравіи трудами св. Меѳодія и его учениковъ, такъ что во многихъ мѣстахъ латинство смѣнило собою православіе, распространились римскіе обычаи, непонятная латинская служба и т. под. Въ 892 г., когда началась въ Моравіи война Святополка I съ нѣмецкимъ королемъ Арнульфомъ, Вихингъ

оставляетъ моравскую паству, и моравская церковь въ продолженіе двухъ лѣтъ отдыхаетъ отъ раздиравшей ее религіозной борьбы. Въ 894 г. умеръ Святослѣвъ I; его дурные преемники—сыновья, подъявши междоусобицу, не могли уже оказать Арнульфу никакого препятствія распорядиться въ Моравіи всѣми дѣлами въ нѣмецкомъ вкусѣ. Впрочемъ документально не извѣстно, кому принадлежалъ de jure высшій надзоръ за моравской церковью до 898 г., до тѣхъ поръ, когда Арнульфъ, присоединивъ моравскую архіепископію къ поссовской каѳедрѣ, отдалъ опять первую Вихингу. Съ 899 г. для Моравіи начинается новая эра—не продолжительная, но болѣе счастливая. Моймиръ, моравскій князь, почувствовавъ себя со смертію Арнульфа болѣе свободнымъ, пожелалъ освободиться отъ зла нѣмецкой іерархіи и обновить Кирилло-Меѳодіевскую церковь. По просьбѣ его, около этого времени папа Іоаннъ IX присылаетъ въ Моравію трехъ епископовъ и свою буллою возстановляетъ самостоятельность митрополіи св. Меѳодія, какъ и заведенные имъ церковные порядки. Къ несчастію, политическія обстоятельства того времени были слишкомъ не благопріятны для представителей славянства и его дѣятелей. Самъ инициаторъ возобновленія Меѳодіевой церкви подъ гнетомъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ скоро заключаетъ договоръ, однимъ изъ условій котораго было уничтоженіе самостоятельности греко-славянской церкви въ Моравіи. Съ самаго начала десятаго столѣтія Моравія терпитъ вражескія нападенія со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, въ 907 г. совершенно теряетъ свою политическую самостоятельность. Съ того времени и моравская церковь окончательно подпадаетъ власти римской нѣмецкой іерархіи. Папы десятаго вѣка своими указами (коихъ авторъ приводитъ числомъ пять) закрѣпили подчиненіе моравской церкви подножію престола св. Петра.—Другая статья—«Очеркъ изъ исторіи отношеній церкви Болгарской къ церквамъ греческой и латинской съ конца IX до половины XIII в.». В. В. Качановскаго. Эта статья представляетъ исторію борьбы двухъ древнихъ церквей—латинской и греческой изъ-за церкви болгарской, перемѣнный переходъ послѣдней въ вѣдомство то церкви латинской, то греческой. Положеніе болгарской церкви тѣсно связывалось въ то время съ интересами политическими и иногда даже ими обусловливалось: разрывъ политическій немедленно велъ за собою и разрывъ церковный. «Еще во времена св. славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія римскій дворъ, говоритъ авторъ, сильно интересовался судьбами духовной жизни болгарскаго народа». Папа Іоаннъ VIII, владѣя способно-

стями лучшаго государственнаго чловѣка, употреблялъ всѣ усилія своего политическаго такта, чтобы упрочить свое вліяніе въ Болгаріи, стоявшей тогда въ тѣсной связи съ Византіей. Въ видахъ политическихъ, онъ вопреки своимъ симпатіямъ соглашается напримѣръ съ мнѣніемъ св. Меѳодія относительно необходимости Богослуженія на славянскомъ языкѣ, проклятаго римскою церковію, Фотія вновь признаеть въ патріаршемъ санѣ и проч. Дѣйствительно, около того времени были начаты довольно оживленныя сношенія папы съ болгарскимъ княземъ Борисомъ. Въ 866 г. пришли къ папѣ послы отъ болгаръ просить у него высылки священниковъ въ ихъ страну. Папа, разумѣется, не замедлилъ исполнить столь пріятную для него просьбу. Но Византійскіе императоры успѣли склонить Бориса на свою сторону, въ силу чего римскій епископъ Гримуальдъ долженъ былъ оставить свою миссію и удалиться во свояси. Его мѣсто въ Болгаріи занялъ высланный изъ Константинополя, архіепископъ Феофилактъ (около 871 г.). Съ этого времени претензіи римскаго престола на болгарскую церковь должны были на время прекратиться. Въ XII в. поднялась ожесточенная война между болгарами и греками. Въ это время болгары прерываютъ всякую связь съ византійцами и снова вступаютъ въ политическія и религіозныя сношенія съ главою западной церкви. При князѣ Кало - Іоаннѣ (1197 — 1207) въ Болгаріи посланнымъ сюда отъ папы Иннокентія III, капелланомъ Іоанномъ были поставлены два митрополита. Нѣсколько поздиѣ этого факта Болгарія совсѣмъ подчинилась римскому престолу; тырновскій епископъ Василій получилъ въ то время званіе «примаса», а Кало-Іоаннъ былъ коронованъ по католическому обряду. Дружественныя отношенія у болгаръ къ латинянамъ продолжались не долго. Въ XIII в., когда на берегахъ Босфора образовалась латинская имперія, болгарскимъ царямъ было выгодноѣ сблизиться снова съ греками, перенесшими уже свой административный центръ въ Малую Азію — въ Никею. Въ царствованіе Іоанна II Асѣня (1217 — 1241) болгарскаго около 1231 года согласіемъ греческаго императора и четырехъ восточныхъ патріарховъ произошло, наконецъ, возстановленіе тырновскаго патріаршества и воссоединеніе церкви болгарской съ греческою на правахъ автокефальности. Взаимнымъ примиреніемъ грековъ и болгаръ былъ нанесенъ папскимъ замысламъ смертельный ударъ. Съ этого времени католическій западъ снова всталъ въ полемическое отношеніе къ церкви болгарской. Въ концѣ статьи авторъ дѣлаеть свое замѣчаніе на мнѣніе профес. В.

Г. Васильевскаго, высказанное имъ въ статьѣ «болгарское патріаршество при Іоаннѣ Асѣнѣ II» («Ж. М. Н. Просв.» 1885, мартъ), на мнѣніе, что «болгарская церковь постоянно хранила въ полной неприкосновенности свою унию, основанную при царѣ Калоянѣ». — «Вопросъ о языкѣ въ дѣлѣ св. Кирилла и Меѳодія». А. И. Пономарева. — Въ этомъ чтеніи авторъ раскрываетъ всю неразумность и бесполезность стараній папъ утвердить въ западной Европѣ право исключительнаго господства въ церкви и школѣ языка языческаго Рима. Вопросъ о языкѣ, или точнѣе о «трехъ якобы священныхъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ» есть то, что сразу опредѣлило отношенія «греко-славянскаго кирилло-меѳодіевскаго и западнаго романо-германскаго міра». Въ основаніе христіанскаго просвѣщенія славянскихъ племенъ св. Кириллъ и Меѳодій полагали признаніе правъ языка народнаго, открытіе для каждаго народа всѣхъ способовъ къ широкому христіанскому развитію чрезъ церковь и книжное просвѣщеніе, не поступаясь никакими національными особенностями. Такое ученіе римскіе папы тотчасъ объявили заблужденіемъ и всѣми силами стали отстаивать въ церковной жизни право одного языка — *lingua romana*. «Но это упрямство папъ въ вопросѣ о священно-церковныхъ правахъ языка было величайшимъ заблужденіемъ, имѣвшимъ въ результатъ цѣлый рядъ печальныхъ послѣдствій для самой же римской церкви». Св. Кириллъ и Меѳодій только первые выразили и открыто провели въ жизнь народовъ новообращенныхъ мысль, которая на западѣ тогда уже начинала выступать и за которую рѣшительно высказалась самая жизнь. Тогда уже на всѣхъ новыхъ языкахъ стала появляться своя литература, при чемъ сначала церковь съ своей латинской грамотой и латинской школьной наукой оставалась въ сторонѣ. Впрочемъ, папство скоро во всей своей неумолимой строгости предъявило и стало защищать привилегированное положеніе латини, какъ языка церкви и школы. Но не смотря на свое «*veto*», мечъ и анаѳему, папство постепенно, шагъ за шагомъ утрачивало на западѣ преимущества того положенія, притязаніе на которое заявляло. Сколько ни хлопотали папы о сохраненіи *Vulgatŭ* подъ семью печатями, переводы его распространились на всѣхъ новыхъ языкахъ тогда же. «Гораздо болѣе по христіански, съ большей пользой для себя и общеевропейскаго просвѣщенія сдѣлали бы папы, еслибы вмѣсто того, чтобы принимать сторону противниковъ св. Меѳодія въ дѣлѣ о Богослуженіи на славянскомъ языкѣ и о переводѣ на него священныхъ книгъ, они сами присоединились

къ одушевляющимъ его мыслямъ и признали право всѣхъ народовъ имѣть свой языкъ и на немъ внимать и учиться слову Божію».

«Труды Кіевской Духовной Академіи», по случаю славянскаго праздника, помѣстили на страницахъ апрѣльскаго № очень интересную статью свящ. Кл. Фоменко—«Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ казарскими евреями». Содержаніе этой статьи имѣетъ тѣмъ большій интересъ для насъ, что такое или иное разрѣшеніе поставленнаго въ ней вопроса: «кто были тѣ евреи курсунскіе, съ которыми вели пренія о вѣрѣ св. просвѣтителѣ Кириллѣ и Меодіи» — имѣетъ близкое отношеніе къ первоначальному факту нашей отечественной церковной исторіи. Вопреки всѣмъ русскимъ и чужестраннымъ ученымъ нашъ авторъ утверждаетъ, что іудеи, спорившіе о вѣрѣ съ св. Кирилломъ и Меодіемъ и іудеи, предлагавшіе свою вѣру русскому князю Владимиру, были не козары или хозары, а «природные евреи». Это были караимы—ущѣлѣвшіе еще до нашихъ дней, одна изъ сектъ «еврейскихъ протестантовъ». Этыхъ караимовъ нужно разумѣть и подъ «самарянскимъ языкомъ», упоминаемомъ въ житіи св. Кирилла и подъ «жидами козарскими» нашей начальной русской лѣтописи. Какъ же и когда была занесена въ Крымъ эта горсть древнихъ евреевъ? «Какъ и когда одинъ обломокъ десяти колѣнъ Израилевскаго народа могъ быть занесенъ изъ Средней Азіи въ сосѣдній нашъ Крымъ»?—спрашиваетъ авторъ. Для разрѣшенія этого вопроса авторъ припоминаетъ отдаленные вѣка плѣна Вавилонскаго и приходитъ къ мысли, что путь, которымъ остатки десяти колѣнъ Израиля проникли на югъ Россіи, былъ—воинскіе походы персидскихъ царей Кира, Камбиза и особенно Дарія Гистаспа. Евреи, оставшіеся послѣ извѣстнаго освободительнаго указа Кира въ Персіи, тогда же сосредоточили свою дѣятельность на торговлѣ и образовали «торговый типъ семита». Но важно особенно то, что они «образовали вокругъ походныхъ армій, въ то время не знавшихъ еще казеннаго продовольствія, маркитанскіе торгово-промышленные станы» и такимъ образомъ стали всюду проникать, гдѣ только появлялся воинственный мечъ перса. Въ качествѣ маркитантовъ за долго до Р. Х. они проникли съ персидскими войсками и въ Тавриду. Увидѣвъ въ Тавро-Скиѣи еще непочатый въ торговлѣ край, они остались здѣсь, затѣмъ скоро и широко размножившись, расселились по всему полуострову. Впослѣдствіи успѣхи ихъ были здѣсь столь значительны, что въ IX в. іудейство приняли многіе изъ хозаръ во главѣ съ своимъ коганомъ. Къ этому именно

времени и нужно относить вызовъ въ Корсунь св. Кирилла и Меѳодія для преній о вѣрѣ съ евреями. Вызовъ, нужно полагать послѣдовалъ со стороны благочестивыхъ христіанъ Тавриды, которые не могли спокойно переносить широкіе успѣхи іудейства среди пришлыхъ хозарь. «Вотъ кто были тѣ евреи, съ которыми вели пренія о вѣрѣ въ Корсуни просвѣтителі славянъ Кириллъ и Меѳодій». Хозарскими евреями они называются, стало быть, не въ этнографическомъ смыслѣ, а въ географическомъ, такъ какъ жили въ Козаріи, или точнѣе въ Крыму среди козарь. Крымскіе караймы были и тѣ евреи, которые являлись къ намъ при князѣ Владимірѣ съ миссіонерскою цѣлю и къ которымъ «многожды въ нощи востая, отай всѣхъ исхождаше для преній о вѣрѣ преп. Ѳеодосій», когда крымскіе колонисты образовали по сосѣдству съ Киевомъ нѣсколько поселковъ.—Въ майскомъ № того же журнала на праздникъ тысячелѣтія кончины св. Меѳодія, просвѣтителі славянъ помѣщены три «слова» и начало произнесенной на актѣ въ Киевской духовной академіи 7 апрѣля 1885 года, рѣчи—«свв. Кириллъ и Меѳодій» (И. И. Малышевскаго). Въ своей рѣчи авторъ на основаніи древнихъ жизнеописаній подробно и обстоятельно, шагъ за шагомъ слѣдитъ за умственнымъ и нравственнымъ ростомъ славянскихъ учителей. Впрочемъ, онъ болѣе подробно останавливается на біографіи св. Кирилла, показывая какъ и какимъ образомъ этотъ апостоль славянъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей жизни подготавливалъ себя къ ожидавшей его великой миссіи. Родиной св. братьевъ былъ городъ Солунъ на южной окраинѣ Македоніи, а временемъ жизни IX в. «Въ IX в.,—вѣкъ св. братьевъ солунскихъ, едвали былъ другой уголокъ въ греко-славянскомъ мірѣ, гдѣ отношенія мирнаго и добраго сосѣдства между греками и славянами были столь давними и привычными, какъ въ солунской области и вообще Македоніи». Семей, давшей славянскому міру славныхъ учителей, была благословенная семья Льва и Маріи. семья «друнгарія подъ стратегомъ»; т. е. помощника областного военнаго начальника. Въ 827 г. въ этой семьѣ родился Константинъ (Кириллъ). Уже на зарѣ его жизни знаменіе обнаружило его высокое призваніе. Дитя отличалось прекрасными дарованіями, памятью и острою мыслей. Будучи семи лѣтъ, мальчикъ думалъ уже о мудрости, образъ которой разъ видѣлъ во снѣ, возбуждалъ такіе вопросы, которые способны привести въ глубокое раздумье и взрослыхъ. Самые ранніе годы даютъ «предвидѣть въ Константинѣ задатки цѣльной природы, цѣльной личности, способной всецѣло от-

даться преобладанію чувства или стремленію». Константинъ рано началъ свое самообразованіе и самовоспитаніе; школьное обученіе онъ еще въ дѣтствѣ пополнялъ усидчивыми домашними занятіями. Особенную любовь онъ чувствовалъ къ св. Григорію Богослову: нѣкоторыя изъ твореній его онъ изучилъ наизусть. Поэтическія возвышенныя произведенія этого отца производили чарующее впечатлѣніе на Константина, потому что духъ находилъ для себя откликъ въ душевномъ настроеніи юнаго ученика. Самопросвѣщеніе скоро сдѣлалось для Константина всеѣмъ; для знанія разъ онъ готовъ былъ пожертвовать всею долею собственнаго наслѣдства. Обстоятельства благопріятствовали молодому ревнителю науки и просвѣщенія. Въ 842 г. одинъ изъ опекуновъ царя, логоветъ Θεоктистъ вызываетъ пятнадцатилѣтняго Константина ко двору въ Византію. Здѣсь юноша получилъ полную и широкую возможность продолжить свое образованіе подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ. Логоветъ такъ полюбилъ молодого ученаго, что разъ предложилъ Константину устроить его бракъ съ своей крестной дочерью, дѣвицей очень богатой и знатной. Скоро потомъ Константинъ принялъ священнической санъ, сдѣлался патріаршимъ хартофилаксомъ и бібліотекаремъ св. Софіи, а затѣмъ отказавшись отъ этой должности, принялъ на себя должность учителя греческой и христіанской философіи. Съ той поры за нимъ и утвердилось названіе «философа». Скоро на молодого профессора стали возлагать весьма важныя порученія. Первымъ-было преніе Константина съ Іоанномъ Грамматикомъ, бывшимъ Константинопольскимъ патріархомъ, слывшимъ въ свое время великимъ ученымъ. Кроткій видъ и тонъ рѣчи молодого борца православія пристыдилъ и смирилъ гордаго упорнаго иконоборца, а остроумныя и серіозныя отвѣты перваго разбили иконоборческія возраженія и доводы послѣдняго. Вслѣдъ за этимъ Константина ожидалъ еще болѣе трудный апологетически-полемическій подвигъ. Въ 861 г. по рѣшенію царскаго совѣта, Константинъ — философъ, уже извѣстный борецъ православія, отправился для состязанія о вѣрѣ къ сарацинамъ. Научно-философское образованіе, природное остроуміе и широкія познанія Константина помогли ему выйти побѣдителемъ изъ тѣхъ трудныхъ и хитрыхъ вопросовъ, какіе предлагали ему сарацинскіе законники и словопросники. Не довольствуясь или чувствуя свою слабость въ преніяхъ религіозныхъ, «арабскіе мудрецы пробовали испытывать философа вопросами изъ разныхъ художествъ, наукъ, и онъ съ усѣхомъ выдерживалъ преніе», такъ что тѣ принуждены

были съ недоумѣніемъ спросить: «откуда все это знаешь философъ»? Чувство досады за неудавшійся споръ въ болѣе фанатичныхъ изъ мусульманъ возбудило злобную мысль погубить Константина, но съ помощью Бижіею и эта опасность миновала его. Во время путешествія къ сарацинамъ Константинъ видѣлъ въ предѣлахъ калифата христіанское богослуженіе арабское, видѣлъ церковныя книги на арабскомъ языкѣ. Это наблюденіе было не бесполезно будущему переводчику священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Блистательно исполнивъ свою миссію, Константинъ еще прежде влекомый къ отшельничеству, оставляетъ должность придворнаго профессора и удаляется на Олимпъ къ своему родному брату Меѳодію.

Меѳодій старше Константина. Онъ также отличался свѣтлымъ умомъ, кроткимъ характеромъ и глубокимъ христіанскимъ чувствомъ. Промысломъ св. братья были одарены такъ, что одинъ дополняли другаго. Выступивъ изъ родительскаго дома на разные пути, они послѣ долгой разлуки пришли къ одной и той же цѣли. Меѳодій былъ управителемъ славянской области или въ Фессалии, или въ Македоніи. За это время у Меѳодія возникла мысль о христіанскомъ воспитаніи обращенныхъ уже славянъ и о просвѣщеніи еще язычествовавшихъ. Такимъ образомъ «славянское княженіе Меѳодія подготовило его къ его призванію». Около 852 г. онъ, движимый своимъ духовнымъ настроеніемъ, заслуживъ общую любовь къ себѣ подчиненныхъ ему, отказывается отъ княженія и идетъ на гору Олимпъ, гдѣ жили св. отцы и гдѣ существовало нѣсколько киновій. «Здѣсь Меѳодій надѣялся найти добрыхъ собратій въ подвижничествѣ; здѣсь онъ былъ невдали отъ любезныхъ ему славянъ». Сюда то и пришелъ Константинъ. Долго разлученные братья сошлись, чтобы вмѣстѣ подвизаться въ монашескихъ подвигахъ. На Олимпѣ св. братья нѣсколько лѣтъ провели въ книжныхъ занятіяхъ, приготавлиаясь, быть можетъ, помимо своего сознанія и воли къ тѣмъ подвигамъ, какіе имъ предстояло въ скоромъ времени совершить совместно.

«Православный собесѣдникъ» по поводу памяти равноапостольныхъ первоучителей славянъ, въ апрѣльской книжкѣ помѣстилъ одно слово высокопреосвященнаго Палладія на 6-е апрѣля, три рѣчи на тотъ же день, одну статью и одно стихотвореніе А. Попова «свв. Меѳодій и Кириллъ, равноапостольные первоучители славянъ». Въ данномъ случаѣ мы коснемся только рѣчи П. Знаменскаго и передадимъ содержаніе статьи «значеніе просвѣтительныхъ трудовъ святыхъ Кирилла и Меѳодія въ славянорусской жизни и исторіи», А. Царевскаго.

Рѣчь по своему содержанію представляетъ общее историческое освѣщеніе первоучительныхъ заслугъ Кирилла и Меѳодія. Въ очергѣ апостольской дѣятельности св. братьевъ солунскихъ авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ начертываетъ довольно полную и подробную исторію политической и церковной жизни Болгаріи и Моравіи съ того времени, какъ послѣдняя успѣла освободиться изъ-подъ франко-нѣмецкаго господства и образовала довольно сильную державу. «Самая сущность первоучительныхъ заслугъ свв. Кирилла и Меѳодія заключается не въ изобрѣтеніи ими азбуки, а въ самой мысли дать славянамъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ славянскомъ, мысли великой и въ свое время дѣйствительно необычайной при всей повидимому ея простотѣ». Первоначальная христіанская церковь молилась на всѣхъ языкахъ безъ различія и въ этомъ отношеніи была церковію вселенскою, церковію всѣхъ языковъ и народовъ. Но къ IX в. въ умахъ грековъ и римлянъ все болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что въ мірѣ только можетъ быть два языка, на которыхъ можно богословствовать и молиться Богу, это—языкъ греческій и латинскій, да развѣ еще древній священный языкъ еврейскій. Напротивъ солунскіе братья вовсе не раздѣляли такого убѣжденія, они не были похожи на заурядныхъ крестителей варваровъ какъ греческой, такъ и латинской церкви своего времени. «Они желали передать варварамъ христіанскую вѣру, какъ силу духовно-образовательную, возрождающую, на родномъ языкѣ, даже въ родномъ письмени. Страной, гдѣ великое предпріятіе славянскихъ первоучителей впервые получило свое развитіе и приложеніе, приобрѣло надлежащую крѣпость и устойчивость,—такой страной суждено было стать княжеству Моравскому. «Въ Болгаріи солунскіе братья, кажется, вовсе не проповѣдывали, хотя сказанія о ихъ дѣятельности и говорятъ объ этомъ весьма настойчиво». Въ Болгарію славянское богослуженіе было принесено изгнанными изъ Моравіи вскорѣ послѣ кончины Меѳодія, его учениками и только послѣ этого стало распространяться тамъ... «Въ наши дни католичество обратилось къ памяти св. славянскихъ первоучителей, которыхъ такъ рѣшительно причисляло прежде къ еретикамъ, и подняло шумное дѣло о включеніи ихъ въ число своихъ святыхъ, принялось писать объ нихъ газетныя статьи, строить въ честь ихъ храмы, писать ихъ иконы, разумѣется, въ католическихъ облаченіяхъ вопреки показанію древнихъ фресковъ X—XI в. Видно, что, истребивъ у себя всѣ результаты и памятники ихъ подвиговъ, римская церковь уже перестала бояться тревожить

ихъ священную память между своими славянами и рѣшилась дерзновенно вызвать ихъ священныя тѣни въ расчетѣ воспользоваться ихъ явленіемъ для своихъ цѣлей. Современный нашъ католицизмъ пускается въ очень рискованную игру, позволяя своимъ ревнителямъ употреблять священное имя Меодія въ качествѣ азартной ставки противъ православной восточно-славянской церкви, потому что при такомъ громкомъ и широкомъ оглашеніи его католическимъ святымъ въ современномъ смыслѣ, при обращеніи на эту игру столькихъ глазъ, въ числѣ которыхъ могутъ случиться глаза и незастанные разными вѣроисповѣдными туманами, долго ли попасться въ недобросовѣстной подтасовкѣ и передергиваніи? Вышеназванная нами, статья г. Царевского представляетъ довольно пространное разсужденіе по вопросамъ: «чѣмъ велики въ исторіи славянской чествуемыя святители? Какое отношеніе дѣятельность ихъ имѣеть къ нашему времени и намъ—современнымъ славянамъ? Насколько и въ какомъ мѣрѣ они участвовали своими трудами въ славянской жизни, въ нашей силѣ и благосостояніи?» Россія всемъ великимъ и прекраснымъ, что возвысило ее на степень мощной славянской державы, по мнѣнію автора, обязана св. Кириллу и Меодію, принесшимъ въ семью славянскую вообще и къ намъ въ Россію въ частности православную вѣру. Только со времени крещенія жизнь русскихъ славянъ получила полноту и опредѣленность: православная вѣра скрѣпила политическое тѣло Россіи и поддерживала цѣлость и благосостояніе ея государственнаго организма. Православіе вездѣ все собою объединяло, а въ исторіи нашего племени произвело то, что множество разныхъ племенъ, которыя были прежде разрозненны и враждебны, послѣ крещенія составили одинъ нераздѣльный народъ. Дарованное намъ чрезъ св. Кирилла и Меодія, православіе во всей предшествующей исторіи оставалось «несокрушимой нашей силой, народнымъ забраломъ противъ всѣхъ враговъ. Не даромъ русскіе люди въ грозныя годы отечества прибѣгаютъ къ оплоту святой своей вѣры, поднимаютъ ея знамя». Разсматривая заслуги Кирилла и Меодія въ дѣлѣ просвѣщенія славянъ, авторъ довольно подробно останавливается на судьбѣ, составленной ими, славянской азбуки, «кирилло-меодіевской грамоты» и на «магическомъ значеніи ея въ исторіи славянства. Грамота Кирилла и Меодія призвала дикія славянскія племена къ сознательной духовной жизни; съ азбуки кирилло-меодіевской началось такъ называемое возрожденіе забытыхъ, подавленныхъ, полуумершихъ племенъ славянскихъ. Но гораздо болѣе дорогой памя-

никъ просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія имѣемъ мы, славяне въ нашемъ церковно-славянскомъ языкѣ, который впервые былъ внесенъ ими въ область книжнаго міра. Для насъ, русскихъ людей, въ силу своего церковнаго употребленія въ продолженіи десяти вѣковъ кирилло-меѳодіевскій языкъ имѣеть особенное значеніе и цѣну. Языкъ этотъ получилъ въ глазахъ народа священное значеніе и сталъ считаться неприкосновеннымъ. «Эта любовь къ нему и благоговѣніе предъ нимъ и теперь настолько сильны, что отнимають всякую вѣру въ возможность осуществленія неоднократно было возникавшей мысли объ изгнаніи этого языка изъ богослуженія и о замѣнѣ его русскимъ. Да и крайне не желательна была бы эта реформа. Для нашего православнаго народа кирилло-меѳодіевскій языкъ есть неотъемлемая примѣта нашего православія, даже нашей національности: онъ вѣдрился въ жизнь и сознаніе нашего народа, въ его уста и помышленія; лишеніе этого языка было бы лишеніемъ своихъ родовыхъ чертъ; измѣна ему была бы принята за измѣну не только православію, но и своей національности, за отреченіе отъ своихъ отеческихъ самыхъ дорогихъ традицій. Словомъ, это было бы несчастіемъ, отъ котораго да избавить Богъ свою, пока свято хранящую свое святое наслѣдіе, а потому и святую Русь. Что касается вообще значенія кирилло-меѳодіевской литературы, то значеніе ея въ исторіи славянской было велико, вліяніе на жизнь народную такъ могущественно, что не «поддается никакому сравненію и измѣренію». Даже для нашего времени, съ точки зрѣнія строгой, сухой критики научной эта переводная литература Кирилла и Меѳодія сохраняетъ за собой высокій интересъ и научную цѣну. Безъ древняго славянскаго перевода священныхъ книгъ, сдѣланнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ у насъ не было бы исторіи нашего славянскаго языка, древнѣйшая стадія нашего роднаго слова тогда для насъ была бы совершенно потеряна. Письменные труды св. Кирилла и Меѳодія и получившая отъ нихъ свое начало переводная литература стали для славянъ проводниками восточной и западной древне-христіанской цивилизаціи. Съ тѣхъ поръ быстро двинулась и развилась новая славянская цивилизація, вскорѣ достигнувъ поразительнаго богатства. Такъ повліяли книги, принесенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ на умственную жизнь славянъ. Еще сильнѣе было вліяніе ихъ на нравственный строй и жизненные убѣжденія славянскихъ народовъ. Благодаря имъ вѣра православная проникла въ народную массу, благодаря имъ свѣтъ Христовъ тихо и мирно проникъ во всѣ концы и Россіи

уже при св. Владиміръ и измѣнилъ всю нравственную жизнь Руси. Столь же велико и благотворно значеніе нашихъ великихъ апостоловъ народное, національное. Они должны всегда стоять въ глазахъ всего славянскаго міра знаменемъ нашего самосознанія, символомъ нашего духовнаго единства и братскаго мирнаго общеславянскаго союза.

«Христіанское чтеніе» на день тысячелѣтней памяти блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меодія помѣстило одну рѣчь, читанную въ торжественномъ собраніи С.-Петербургской академіи — «Кирилло-Меодіевскія преданія у юго-западныхъ славянъ латинскаго обряда». П. Пальмова (май-іюнь). Авторъ, какъ живой свидѣтель и изслѣдователь кирилло-меодіевской старины, показываетъ, что и западное славянство, не смотря на утрату цѣлаго кирилло-меодіевскаго языка и проч., все-таки помнило въ исторіи своихъ первоучителей и свою память о нихъ время отъ времени такъ или иначе заявляло. Въ исторіи латинизованныхъ славянъ чрезъ всѣ вѣка ихъ религіознаго угнетенія проходитъ стремленіе удержать близкую и дорогую для славянъ кирилло-меодіевскую старину. На юго-западѣ славянскомъ привязанность народа къ завѣтамъ своихъ первоучителей была настолько сильна, что латинизаторы не всегда имѣли возможность бороться съ желаніями народа и вынуждались дѣлать имъ невольныя уступки. Не смотря на всѣ мѣры, принимавшіяся папами для искорененія въ славянахъ воспоминаній всякой памяти о дѣятельности и проповѣди св. Кирилла и Меодія, воспоминанія эти не умирали, такъ что славянское богослуженіе среди западныхъ славянъ отчасти существовало въ XII и слѣдующихъ вѣкахъ. Въ Моравіи напр. уже въ XIV в. воспоминанія народа о св. своихъ просвѣтителяхъ были настолько живы и сильны, что мѣстная латинская церковь вынуждена была установить даже въ честь ихъ церковное чествованіе 9-го марта, которое вскорѣ распространилось и въ сосѣднихъ славянскихъ земляхъ. Исканіе кирилло-меодіевской старины и сильная привязанность къ ней чешскаго народа вызывали его часто на открытый протестъ противъ латинизаціи въ XIV и послѣдующихъ вѣкахъ. Поэтому поводу возникъ въ западномъ славянствѣ цѣлый рядъ движеній въ XIV—XVI вв. Даже къ концу XVIII и началу XIX в. кирилло-меодіевскія воспоминанія не могли исчезнуть въ чешскомъ народѣ, но сохранялись, какъ въ сознаніи привилегированныхъ лицъ, такъ и въ жизни всего народа. Въ Чехіи и Моравіи еще и до сихъ поръ народъ передаетъ легенды о св. Кириллѣ и Меодіи, указываетъ мѣста ихъ проповѣди. Такъ «дѣйствена был

сила проповѣди св. нашихъ первоучителей и среди этихъ славянъ даже въ то время, когда врагъ направлялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы ослабить и совсѣмъ уничтожить у нихъ столь памятную и близкую имъ кирилло-меѳодіевскую старину».

«*Вѣра и Разумъ*» въ № 8, кромѣ слова на 6-е апрѣля прот. Т. Павлова, помѣстилъ рѣчь, читанную въ торжественномъ собраніи Харьковской духовной семинаріи на тему: «свв. Кириллъ и Меѳодій въ своихъ трудахъ по переводу Св. Писанія на славянскій языкъ». О. Смирнова. Авторъ останавливаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на переводѣ славянскими просвѣтителями Библии и другихъ трудовъ ихъ касается лишь настолько, насколько это вызывается намѣченной имъ общою цѣлю. Да и вообще въ ряду прочихъ трудовъ Кирилла и Меѳодія, по мнѣнію автора, нужно считать самымъ яркимъ лучомъ ихъ дѣятельности переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ. Переводъ этотъ и славянское богослуженіе есть важнѣйшая причина, обусловившая успѣхъ обращенія въ христіанство славянъ. Таже причина не допустила, чтобы многочисленныя племена, обитавшія на обширной равнинѣ русскаго государства, приняли исламъ или попали въ сѣти нѣмецкихъ миссіонеровъ. На основаніи свидѣтельства черноризца Храбра можно утверждать, что до Кирилла и Меѳодія славянскаго перевода вовсе не существовало. Взяться за переводъ, какъ извѣстно, побудило славянскихъ первоучителей посольство къ императору Михаилу III отъ моравовъ. Что касается до цѣли этого посольства вообще, то вмѣстѣ съ профес. Голубинскимъ авторъ полагаетъ, что она состояла не въ томъ, чтобы получить отъ грековъ переводъ Св. Писанія и богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ, для котораго тогда не было еще изобрѣтено и азбуки. Цѣль эта была не церковная, но чисто политическая: моравы искали военнаго союза съ греками противъ нѣмцевъ. Но союзъ политическій необходимо долженъ быть тогда и союзомъ церковнымъ. Такимъ образомъ, въ Моравію тогда же отправлены были изъ Константинополя греческіе священники во главѣ съ Константиномъ—Кирилломъ. Въ это время св. Кириллъ изобрѣлъ славянскую азбуку и по собственной инициативѣ приступилъ къ переводу Св. Писанія на моравскій, какъ утверждаютъ одни изслѣдователи славянской старины, или же болгарскій языкъ, какъ думаютъ другіе. Въ своемъ переводчискomъ трудѣ св. Кириллъ слѣдовалъ не порядку расположенія священныхъ книгъ, по порядку «чтеній на вся дня». Имѣя свою цѣлю устроить у моравовъ славянское богослуженіе, онъ прежде всего перевелъ изъ Библии то,

что необходимо было при богослуженіи, т. е. избранныя мѣста изъ Ветхаго и Новаго завѣта. Скоро переложень былъ весь церковный чинъ, образовался «изборъ», въ составъ котораго, вѣроятно, вошелъ почти весь Новый Завѣтъ и необходимое для богослужебныхъ чтеній изъ Ветхаго. По смерти Кирилла (14 февраля 869 г.) его дѣло продолжалъ св. Меодій. Этотъ въ шесть мѣсяцевъ довершилъ то, что осталось недоконченнымъ по переводу Библии по смерти его брата; за исключеніемъ книгъ Маккавейскихъ перевелъ на славянскій языкъ все св. Писаніе. Переводъ сдѣланъ былъ съ греческаго и буквально слѣдуетъ греческому оригиналу. Славянскій переводъ, сдѣланный св. первоучителями славянъ представляетъ высокія литературныя достоинства, что объясняется между прочимъ тѣмъ, что переводчики въ совершенствѣ знали греческую и славянскую рѣчь. Не даромъ древній ихъ жизнеописатель назвалъ ихъ переводъ св. Писанія сокровищемъ, которое «драгоценнѣе всего золота и серебра въ мірѣ».

Свѣтскіе журналы съ своей стороны, какъ извѣстно, помѣстили нѣсколько статей по поводу всеславянскаго торжества. Историческій журналъ «*Кіевская Старина*» — появился съ юбилейной статьей: «Кириллъ и Меодій—просвѣтителі славянскіе» (м. апрѣль). Статья эта затрогиваетъ нѣкоторые любопытные и пока не совсемъ разъясненные вопросы изъ нашего историческаго прошлаго. Начало нашей письменности, говорится здѣсь, теряется въ сумракѣ вѣковъ, но то извѣстный и неоспоримый фактъ, что не вдалекѣ отъ Чернаго моря обитали какіе то русы и что св. Константинъ и Меодій нашли въ Херсонесѣ «евангеліе и псалтырь русскими письмены писано». Каковы были эти письмены, какъ отнеслись къ нимъ св. братья, въ особенности Константинъ, будущій изобрѣтатель славянской азбуки, остается неизвѣстнымъ.—Позволительно однакожь думать, что не однимъ сорокодневнымъ постомъ Константинъ философъ подготовлялъ себя къ начертанію письменъ славянскихъ...

«Еще болѣе невыясненнаго, недосказаннаго, но, какъ намъ кажется, не лишенаго связи съ настоящимъ празднованіемъ въ сказаніи о началѣ у насъ христіанства. Позднѣйшая историческая критика отвергла все любопытное сказаніе о посольствахъ къ Владиміру и посольствахъ отъ него, оставивъ лишь голый фактъ крещенія его и имъ кіевлянъ, назвавъ все остальные легендою. Откуда однако самая легенда, откуда въ ней это самое имя Константина философа и не названнаго по имени его спутника? Въ эпоху крещенія Владиміра эти лица и ихъ дѣй-

ствія стоятъ одиноко лишь въ нашей лѣтописи и ничего общаго имъ и всему лѣтописному сказанію мы не находимъ ни въ византійскихъ, ни въ болгарскихъ, ни въ иныхъ хроникахъ и преданіяхъ, а сто съ небольшимъ лѣтъ назадъ, когда въ Кіевѣ княжили Аскольдъ и Диръ, принявшіе крещеніе отъ грековъ, эти самые лица и дѣйствія, какъ разъ на мѣстѣ и почти тождественны у насъ, какъ и у грековъ и болгаръ. Почему нибудь патріархъ Фотій да говорить въ своемъ посланіи о томъ, что онъ просвѣтилъ русскихъ свѣтомъ вѣры Христовой, а св. братьевъ солунскихъ называетъ своими учениками и сотрудниками въ дѣлѣ благовѣстія Христова. Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься и покопаться. Путь Константина и Меодія изъ Херсонеса къ хозарскому хану не вполне опредѣленъ, а обратный и совѣтъ не извѣстенъ. Между тѣмъ примѣры перенесенія народною памятью преданій и легендъ съ одного времени и лица на другое позднѣйшее столько же не рѣдки во всеобщей, и въ частности въ нашей южно-русской исторіи, какъ и примѣры подтвержденія позднѣйшими разысканіями и письменными памятниками того, что считалось долго только легендами, плодами фантазіи народной... Кто можетъ поручиться, что при дальнѣйшихъ историческихъ изысканіяхъ отвергнутая теперь легенда о пришествіи ко Владиміру греческихъ проповѣдниковъ и одного съ именемъ Константина философа, не найдетъ себѣ дѣйствительнаго историческаго примѣненія и, быть можетъ, въ направленія нами намѣченномъ»...

Г. Бильбасовъ, извѣстный давно начатымъ, своимъ обширнымъ, хотя и не доведеннымъ еще до конца изслѣдованіемъ о св. первоучителяхъ славянъ, откликнулся на юбилейное празднество статьей: «Кириллъ и Меодій славянскіе первоучители», статьей, напечатанной въ «Нови», (томъ 3, № 11). «Вся дѣятельность Кирилла и Меодія, по словамъ г. Бильбасова, свидѣтельствуетъ, что не въ раздорѣ мнѣнія, не въ разгарѣ страстей и не въ утѣсеніи совѣсти должно заключаться чествованіе тысячелѣтней памяти Славянскихъ Первоучителей, а въ той терпимости, какую они выказывали, въ томъ уваженіи къ чужому мнѣнію, какое они проявляли, въ томъ смиреніи, какое они преподали намъ». Въ своей статьѣ авторъ очень подробно передаетъ намъ жизнь и дѣятельность Кирилла и Меодія, при чемъ въ видахъ строгаго безпристрастія съ недовѣріемъ относится къ показаніямъ Паннонскихъ житій и всѣхъ жизнеописаній святыхъ, отождествляемыхъ имъ съ легендами, разбираетъ и комментируетъ ихъ и съ своей стороны по разнымъ воп-

росамъ выставляетъ рядъ собственныхъ соображеній и догадокъ. «Легенды (жизнеописанія), говоритъ онъ, составляемыя по народнымъ разсказамъ, необходимо заключаютъ въ себѣ извѣстную примѣсь вымысла: чѣмъ болѣе теряются историческія черты, тѣмъ болѣе замѣняются онѣ созданіемъ фантазіи». Въ этихъ созданіяхъ фантазіи, разумѣется, нельзя видѣть «исторически-вѣрнаго представленія жизни святаго». Статья эта показываетъ, до какой степени исторія св. Кирилла и Меѳодія во многихъ своихъ частностяхъ еще — «темная исторія», мало обследованная, нуждающаяся въ открытіяхъ новыхъ матеріаловъ и беспристрастной разработкѣ тѣхъ, которые уже извѣстны. Въ своей характеристикѣ, основанной имъ на фактахъ самой жизни св. первоучителей, авторъ такъ очерчиваетъ личность солунскихъ братьевъ. «Св. Константинъ (Кириллъ) былъ всесторонне образованный человѣкъ, обладавшій блестящимъ умомъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Константинъ отличался особенною способностію къ изученію языковъ: онъ хорошо зналъ языкъ славянъ, говорилъ полатыни, понималъ языкъ еврейскій, самаританское нарѣчіе было ему извѣстно. Онъ обладалъ огромною памятью и удивилъ въ Римѣ ученаго Анастасія тѣми цитатами изъ св. отцовъ, которыя онъ приводилъ на память. Онъ много путешествовалъ: ѣздилъ въ землю Хазарскую, къ Азовскому морю, путешествовалъ по Греціи, по землѣ славянской, былъ въ Болгаріи, жилъ въ Моравіи, проѣхалъ всю Италію, посѣтилъ Римъ. По образованію и развитію Константинъ долженъ быть поставленъ наряду съ такими современными ему умами, какъ византійскіе патріархи Анній и Фотій. Жизнь и дѣятельность Меѳодія отличается отъ дѣятельности и жизни Константина всѣмъ направленіемъ его мыслей и поступковъ. Меѳодій былъ поставленъ въ болѣе тѣсныя и болѣе частныя отношенія съ практическими вопросами дѣйствительной жизни; онъ не посвящалъ свой досугъ занятіямъ философіей, не упражнялся въ діалектическомъ искусствѣ. Меѳодію выпало на долю привести въ исполненіе, провести въ жизнь народную то новое, задуманное его братомъ начало, которое должно было воззвать славянскую семью европейскихъ народовъ къ самостоятельному существованію развитіемъ въ ней народнаго самосознанія. Уступая брату въ философскомъ развитіи своего ума, превосходя его въ практическомъ знаніи жизненныхъ отношеній, Меѳодій долженъ быть поставленъ наравнѣ съ Константиномъ по своимъ природнымъ дарованіямъ; его умъ, принявшій иное направленіе, по силѣ своей не уступалъ уму брата; они равно были надѣлены добрымъ

сердцемъ и оба вели жизнь равно благочестивую. Если современники прозвали Константина философомъ, то потомство обязано Меодію благодарностью за его практическую дѣятельность». — Въ той же книгѣ «Нови» помѣщена историческая замѣтка проф. Ор. Миллера: «Первоучители славянъ». Въ этой статьѣ, подписанной именемъ популярнаго профессора, рассказана, главнымъ образомъ, по Паннонскимъ житіямъ, исторія жизни и дѣятельности св. Кирилла и Меодія съ прибавленіемъ изрѣдка собственныхъ замѣчаній автора. «Называя Солунскихъ братьевъ нашими первоучителями, мы, говоритъ авторъ, не должны понимать этого въ прямомъ или буквальномъ смыслѣ. Славяне мѣстами успѣли креститься еще до появленія великихъ братьевъ на свѣтъ, но возможность въ самомъ дѣлѣ приняться ученіемъ христіанскимъ открыта для нашихъ предковъ только этими — въ такомъ углубленномъ смыслѣ первоучителями... Наши Первоучителями стояли совершенно самостоятельно посреди греко-римскаго міра. вмѣстѣ съ славянскою азбукою и славянскимъ богослуженіемъ они оставили намъ, какъ святой завѣтъ, преданія чисто-христіанской церкви, чуждой всякой мірекой примѣси, какъ латинской, такъ и византійской».

«Журналъ Мин. Народ. Просвѣщенія» въ апрѣльской книгѣ помѣстилъ статью профес. Лавровскаго, въ которой доказывается, что св. Кириллъ не былъ епископомъ, какимъ принято его считать. Едва ли не впервые возвышенъ св. Кириллъ въ непринадлежавшій ему санъ въ одномъ сербскомъ прологѣ, относящемся къ первой половинѣ XIV столѣтія. Но степень достовѣрности этого свидѣтельства должна быть слишкомъ ограничена, такъ какъ званіе архіепископа, сколько извѣстно, никогда не приписывалось св. Кириллу не только на Востокѣ, но и на Западѣ. Но разъ причисленный къ ряду епископовъ, Кириллъ тѣмъ удобнѣе продолжалъ пользоваться этимъ званіемъ въ послѣдующее время, что послѣ все менѣе и менѣе уже справлялись съ древними источниками, болѣе затемнялись въ памяти подробности его дѣйствительной жизни, все ярче выступала въ сознаніи всѣхъ одна общая заслуга его — обращеніе славянъ въ христіанство, изобрѣтеніе славянскаго письма и переводъ на славянскій языкъ Св. Писанія. Такимъ образомъ, епископомъ онъ занесенъ былъ въ Четы-Минеи, служившія до послѣдняго времени важнѣйшимъ и непререкаемымъ источникомъ. Среди письменныхъ памятниковъ старины единственнымъ основаніемъ для признанія св. Кирилла епископомъ служить, такъ называемая, итальянская легенда, въ которой,

между прочимъ, говорится, что въ Римѣ при папѣ Адрианѣ II «consecraverunt Constantinum et Methodium in episcopos».

Правда, защитники епископскаго сана св. Кирилла, какъ на доказательство своего мнѣнія, указываютъ еще на изображенія въ римской церкви св. Климента солунскихъ братьевъ въ епископскомъ облаченіи восточной церкви. Но изображенія эти относятся по своему происхожденію тоже къ позднѣйшему времени. — Въ томъ же журналѣ приведено замѣчательное свидѣтельство благоговѣйнаго сохраненія въ болгарской церкви съ древнѣйшихъ временъ памяти свв. Кирилла и Меодія. Это — «Славословіе св. Кириллу и Меодію», помѣщенное въ болгарскомъ синодикѣ XIII вѣка. Вотъ оно: «Кириллу философу, иже Божественное писаніе отъ грѣчскаго языка на бльгарскыи прѣложившому и просвѣщшому бльгарскіи родъ, новому другому апостолу, въ царство Михаила и Теодоры православніе царице матере его, иже Божественную церковь святыми иконами украсившихъ и православіе утврдившихъ, вѣчная память. Меодію брату его архіепископу Моравы панонскыя яко и тому много потрудышусе о словѣнскихъ книгахъ вѣчна ему память».

Журналъ «*Творенія Святыхъ Отцевъ*», кромѣ статьи г. Воскресенскаго «тысячелѣтіе памяти св. Меодія, архіепископа моравскаго, просвѣтителя славянъ» помѣстилъ еще рѣчь проф. Е. Голубинскаго «Святые Константинъ и Меодій, первоучители славянскіе». (1885 г. кн. III). Разказавъ сначала біографію св. братьевъ солунскихъ, авторъ подробнѣе и дальше останавливается на ихъ просвѣтительной дѣятельности между славянами. «Можетъ ли, повидимому, спрашиваетъ авторъ, быть иначе того, чтобы у каждаго народа богослуженіе совершалось на его собственномъ, природномъ языкѣ? — И какъ, повидимому, можетъ быть то, чтобы у какого нибудь народа оно совершалось на чужомъ, непонятномъ для него, языкѣ? Болѣе ясными, чѣмъ въ данномъ случаѣ, требованія здраваго разума, конечно, не могутъ быть. Но еслибы въ человѣческой исторіи все происходило такъ, какъ повелѣваетъ здравый разумъ, то она могла бы быть черезъ-чуръ уже хорошею. Кромѣ разума у человѣка есть еще страсти, и эти то послѣднія и вносятъ въ его исторію разныя явленія противоразумныя». Самомнѣніе и властолюбіе способствовали образованію у Грековъ и Римлянъ того убѣжденія, что общественное христіанское богослуженіе должно быть совершаемо только на ихъ языкахъ греческомъ и латинскомъ, да развѣ еще на языкѣ древнемъ священномъ-еврейскомъ. Моравы, переходя въ IX в. отъ папы подъ власть

патріарха Константинопольскаго, ждали, что и богослуженіе у нихъ будетъ совершаться на греческомъ языкѣ, какъ ранѣе оно совершалось у нихъ на языкѣ латинскомъ. Но Константинъ философъ неожиданно далъ моравамъ богослуженіе на ихъ собственномъ, родномъ языкѣ—славянскомъ. «Время отъ времени Богъ посылаетъ въ міръ своихъ пророковъ для того, чтобы они возвышали голосъ и ополчались браію противъ фальшивыхъ и лживыхъ ученій, которыя одними людьми проповѣдуются и прилагаются или проводятся на дѣлѣ во вредъ другихъ людей: Константинъ философъ принадлежалъ именно къ числу такихъ Божіихъ пророковъ. Право молиться на своемъ собственномъ языкѣ столько же принадлежитъ каждому народу, сколько и право говорить на немъ и даже болѣе того; но несправедливыя человѣческія притязанія хотѣли лишить народы этого права,—и Константинъ, выступая своего рода и въ лучшемъ смыслѣ слова реформаторомъ, рѣшился возстановить это право въ приложеніи къ тому народу, къ которому онъ посылаемъ былъ учителемъ. Надѣленный исключительно живымъ чувствомъ правды, онъ въ состояніи былъ почувствовать всю фальшивость и противуестественность того, что къ славянскому народу долженъ былъ идти съ греческими богослужебными книгами,—и онъ рѣшился устранить это намѣренно созданное противорѣчіе здравому разуму, столько важное по своему практическому значенію. Видѣнныя имъ въ Крыму, готскія священныя книги и готское богослуженіе теперь еще болѣе утвердили его въ мысляхъ и намѣреніи дать моравамъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Константинъ началъ дѣло съ того, что составилъ собственную славянскую азбуку (кириллица). Языкъ, на который перевелъ Константинъ богослужебныя книги, былъ, нужно полагать языкъ моравскій, а не болгарскій какъ думаютъ многіе. «Съ какой стати Константинъ сталъ бы для моравовъ переводить книги на болгарскій языкъ? По поводу посольства моравскаго къ грекамъ онъ выступилъ провозгласителемъ ученія, что каждый народъ долженъ имѣть богослуженіе на своемъ собственномъ, совершенно понятномъ ему, языкѣ, и перевелъ будтобы для моравовъ книги на чужой для нихъ и до нѣкоторой степени непонятный для нихъ языкъ: ясно, что ему—Константину усвоится совершенно невозможное поведеніе». Великость дѣла и заслуги Константина, по мнѣнію автора, состоятъ собственно не въ томъ, что онъ избрѣлъ славянскую азбуку и перевелъ греческія богослужебныя книги на славянскій языкъ, но—въ томъ, что онъ возымѣлъ мысль и ревность и нашелъ въ себѣ мужество сдѣлать это, когда никто не ду-

малъ объ этомъ, когда были всё противъ этого. Не пошли Богъ въ міръ Константина, богослуженіе было бы совершаемо и у насъ на греческомъ языкѣ, и мы бы заняли у грековъ и усвоили вѣру, въ такъ называемое, триязычіе.

По поводу славянскаго предниства, нѣкоторыя изъ нашихъ періодическихъ изданій, какъ извѣстно, выпустили «юбилейные» номера, всецѣло посвященные памяти св. Кирилла и Меѳодія. Такъ поступили, между прочимъ, *«Извѣстія С.-Петербургскаго славянскаго благодѣлительнаго общества»*, посвятившія празднику тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, весь свой апрѣльскій номеръ. На страницахъ этого послѣдняго, кромѣ описаній празднованія тысячелѣтія въ различныхъ мѣстахъ славянскихъ государствъ, помѣщено нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Славянскаго Общества въ С.-Петербургѣ и Одессѣ и одно чтеніе на торжественномъ актѣ въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, 6 апрѣля проф. М. Соколова. Въ своемъ чтеніи: «св. Кирилль и Меѳодій» авторъ мысленно переносится въ эпоху за тысячу лѣтъ назадъ, воспроизводитъ исторію жизни и просвѣтительной дѣятельности славянскихъ апостоловъ, а также воспоминаетъ время, непосредственно слѣдовавшее за кончиною св. братьевъ, первоучителей славянскихъ. Авторъ думаетъ, что инициатива учрежденія между моравами славянскаго богослуженія и перевода на ихъ языкъ св. Писанія принадлежитъ моравскому князю Ростиславу. «Для устраниенія разныхъ неудобствъ, говоритъ авторъ, князь Ростиславъ, рожденный уже и воспитанный въ христіанствѣ, пришелъ къ замѣчательной мысли—удовлетворить нуждамъ христіанства безъ помощи латино-нѣмецкаго духовенства и основать національную церковь со славянскимъ языкомъ. Ростиславу пришла счастливая мысль обратиться съ просьбой о присылкѣ учителей вѣры на славянскомъ языкѣ къ восточному императору и константинопольскому патріарху, въ томъ убѣжденіи, что отъ нихъ, изъ Византіи, добрый законъ исходитъ на всё страны. И онъ не ошибся: Византія оказалась въ этомъ случаѣ вполне на высотѣ своего призванія... Далѣе на совѣтѣ подъ предѣдательствомъ царя, съ участіемъ патріарха, кесаря Варды и другихъ лицъ, на этомъ совѣтѣ Константинъ, прежде чѣмъ принять его рѣшеніе отправиться ему въ моравскую миссію, «поднялъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли моравяне письменность, письменность, которая безусловно необходима для утвержденія истиннаго христіанскаго ученія. Совѣтъ призналъ всю важность поднятаго Констан-

тиномъ философомъ вопроса и принялъ мудрое и благодѣтельное для славянъ рѣшеніе: царь и просвѣщенный дядя его, кесарь Варда, предложили Константину философу попытаться составить для славянскаго языка азбуку и положить основаніе славянской письменности». Такимъ образомъ, св. Константинъ—Кирилль является, по доводу г. Соголова, не инициаторомъ дѣла, столь прославившаго и возвысившаго его въ глазахъ всего славянскаго міра, но только исполнителемъ возложеннаго на него порученія. — Между или въ ряду рѣчей, сказанныхъ въ торжественномъ собраніи славянскаго Общества, въ С.-Петербургѣ особенное вниманіе обращаетъ на себя рѣчь проф. В. И. Ламанскаго: «Кирилло-Меѳодіевская идея». Авторъ въ одной яркой картинѣ представляетъ рѣзкія противоположности между романо-германскимъ и славянскимъ міромъ и значеніе для послѣдняго великой Кирилло-Меѳодіевской идеи. Если новѣйшіе ученые Западную Европу называютъ Европою Карла Великаго, то Европу Восточную по всей справедливости можно назвать «Европою св. Кирилла и Меѳодія». Какъ вся западно-европейская государственность и культура вышла и развивалась изъ монархіи Карла Великаго, какъ съ XI по новѣйшее время романо-германскій міръ не знаетъ другаго историческаго и легендарнаго имени и дѣятеля болѣе популярнаго и общаго всѣмъ романскимъ и германскимъ народностямъ, такъ точно и Восточная Европа не знаетъ и не укажетъ третьяго имени, столь же дорогаго, столь же общаго и извѣстнаго, какъ имена славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія. Проповѣдники царствія Божія, служители вселенской идеи и славянскаго слова, основатели славянскаго просвѣщенія, поборники правъ славянскаго языка и славянскаго племени на одно изъ первокласныхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества, славянскіе первоучители навсегда останутся хранителями и строителями славянскаго единства. Дарованное романо-германцамъ единство Карла Великаго было чисто внѣшнее и искусственное, вскорѣ послѣ его смерти распалось и никогда болѣе вполне не возобновлялось; преподанное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ единство славянское было совсѣмъ иного рода. Они раскрыли славянству вселенскую идею и изъ славянства же взяли матеріалъ и образовали форму для ея воплощенія. Они создали славянамъ органъ просвѣщенія, обративъ ихъ къ познанію и божественнаго откровенія и сокровищъ человѣческой мудрости. Они дали славянамъ и общій органъ взаимнаго разумнія. Кирилло-Меѳодіевская идея, неся славянамъ христіанскую проповѣдь о царствіи Божіемъ, вызвала въ нихъ и стремленія къ совершенствованію-гражд-

данскихъ отношеній и формъ государственнаго общежитія. Судьбы развитія Кирилло-Меѳодіевской идеи въ тысячелѣтней жизни славянства тѣсно связаны съ судьбами всѣхъ его опытовъ государственнаго строенія. Задумавъ избавить свой народъ отъ участи славянъ балтійскихъ и добыть себѣ свободу и независимость отъ монархін Карла Великаго, моравскій князь Ростиславъ обратился въ Цареградъ съ просьбою о присылкѣ ему славянскихъ духовныхъ учителей. Въ пребываніе св. братьевъ въ Моравіи и Панноніи и при покровительствѣ славянской государственной власти, на югѣ и сѣверѣ отъ Дуная, начала устраиваться славянская церковь. Расцвѣтъ славянской письменности, торжество славянской церкви на югѣ совпадаетъ съ лучшими временами Болгарскаго государства при Симеонѣ и Асенѣе и Сербскаго при Нѣманичахъ. По счастью для человѣчества и христіанства, великая Кирилло-Меѳодіевская идея, въ исходѣ X в., въ Руси въ лицѣ Владиміра святаго и мудраго Ярослава нашла себѣ новую благодарную почву. Дальнѣйшая судьба славянской церкви и письменности тѣсно связана съ историческимъ ростомъ Русскаго государства. Въ подражаніе переложенію Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ на языкъ славянскій трудами славянскихъ первоучителей, создалась на Руси цѣлая обширная бібліотека переводовъ Слова Божія на различные инородческіе, большею частію азіатскіе языки. Если утверденію и распространенію Кирилло-Меѳодіевской идеи много способствовало славянское царство, то еще быть можетъ болѣе помогала она его росту и крѣпости. Кирилло-Меѳодіевскіе завѣты и преданія благословляли, освящали и въ значительной степени воспитывали стремленія русскаго населенія къ единству государственному». — Обращаетъ на себя вниманіе также и рѣчь проф. О. Ф. Миллера, въ которой авторъ раскрываетъ дѣйствіе христіанскаго ученія во всей нашей исторіи. Вліяніе христіанства отразилось у насъ въ положеніи верховной власти, самой церкви и устройствѣ сословіи въ государствѣ. «Мы русскіе позже многихъ другихъ услышали слово Божіе, но какъ услышали, такъ и сохранили его на языкѣ Кирилло-Меѳодіевскимъ. Благодаря тому, что въ то время онъ былъ еще болѣе, чѣмъ теперь доступенъ всему народу, прямо въ сердце русскому человѣку стали западать простыя, такъ ясно говоряція сердцу, слова Галлейскихъ рыбаей». Христіанскій духъ, не только заставилъ нашихъ первыхъ князей покинуть свои прежнія кровавыя дѣянія, но внушилъ имъ также непосредственную заботливость о всѣхъ и каждомъ изъ своихъ подданныхъ. «Вдову и сироту оправдате сами; не вдадите сильнымъ

погубити челоуѣка» — пишетъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ извѣстномъ поученіи къ дѣтямъ. «Эта заботливость верховной власти именно о слабыхъ, которую христіанство съ успѣхомъ порою внушало даже самимъ византійскимъ царямъ—этимъ прямымъ наслѣдникамъ римскихъ языческихъ императоровъ—у насъ, на почвѣ славянскихъ патріархальныхъ понятій о власти, освѣщенной и согрѣтой сіяніемъ Христовой правды, выразилась въ возвышенномъ образѣ служилаго государя, пронесенномъ, не смотря ни на что, черезъ рядъ вѣковъ и ярко опять сказавшемся въ лицѣ основателя уже новой Россіи». Наша русская церковь долго оставалась чуждой тому мірскому соблазну, передъ которымъ не устояла верховная власть не только въ Римѣ, но и въ Византіи. Святыя преданія чистаго христіанства нашихъ первоучителей, христіанства, не знающаго ни огня, ни меча лишь только на небольшое время подвергались у насъ нѣкоторому забвенію. Наконецъ, церковь своимъ чистымъ ученіемъ христіанскаго братства и равенства спасала нашихъ вельможъ отъ окончательнаго увлеченія проникавшихъ къ намъ изъ чужбины, духомъ барской гордыни и любоначалія, только церковь могла внушить кн. Курбскому слѣдующія политическія правила: «Царь, еще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ челоуѣкъ, понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной.—Въ Одессѣ выдающаяся юбилейная рѣчь была произнесена профес. Новороссійскаго университета Ѳ. Успенскимъ. Въ своей рѣчи: «на память тысячелѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителей» авторъ затрогиваетъ нѣкоторые изъ любопытныхъ вопросовъ, которыми открывается исторія христіанства на югѣ Россіи и просвѣщенія всей русской земли. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія совпадаетъ съ началомъ русской исторіи. Южная Россія была непосредственной свидѣтельницей проповѣднической и просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Можно надѣяться, что изслѣдованія по древней русской исторіи откроютъ слѣды дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ южной Россіи. Возрождающаяся на Руси память о Кириллѣ и Меѳодіѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленіе нашей исторической и національной памяти. «Въ знаменательную эпоху славянской жизни, когда только что начиналъ разрѣшаться доисторическій мракъ, покрывавшій Восточную Европу, мы встрѣчаемъ славныя имена братьевъ Кирилла и Меѳодія, которые дали славянскимъ народамъ вѣроисповѣдное, національное и литера-

турное знамя. На этомъ знамени написаны историческія задачи славянства, съ нимъ тѣсно связаны и минувшія судьбы его. Рядъ событій выдвинулъ изъ среды славянскихъ народовъ русское племя, которое, по своему могуществу, политическому вліянію и извѣстной всѣмъ роли среди славянъ, является въ настоящее время самымъ виднымъ представителемъ вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и литературныхъ интересовъ славянства». Впрочемъ, русскіе до нѣкоторой степени имѣютъ право вмѣстѣ съ прочими славянскими народами считать себя учениками св. братьевъ Солунскихъ, потому что въ періодъ дѣятельности св. братьевъ русскіе (думаетъ авторъ) не только причастны были христіанскому ученію, но не посредственно слышали его отъ этихъ всеславянскихъ просвѣтителей. Въ дѣятельности славянскихъ апостоловъ есть одно очень важное обстоятельство, прямо входящее въ область древней русской исторіи; это пребываніе Кирилла и Меѳодія въ южной Россіи. Высокопросвѣтительная и всеславянская заслуга св. братьевъ, состоящая въ изобрѣтеніи славянской азбуки и въ переводѣ священнаго писанія на славянскій языкъ, можетъ быть сближена съ дѣятельностію и пребываніемъ ихъ въ южной Россіи и даже частію объяснена этимъ. Есть основанія мѣстомъ изобрѣтенія Кирилломъ славянской азбуки считать Корсунь, можно также въ оставшихся памятникахъ находить указанія на связь кирилловской азбуки съ восточно-славянскимъ языкомъ. Личныя сношенія св. братьевъ съ южно-русскимъ славянскимъ населеніемъ не могли оставаться безъ значенія и въ вопросѣ о языкѣ перевода священнаго писанія. «Эпоха дѣятельности св. братьевъ была въ высшей степени знаменательной въ исторіи славянства. Въ 9 вѣкѣ славяне полагаютъ начало сосредоточенія своихъ силъ и образованія государствъ. Признакомъ того, что извѣстная группа колѣнъ выходила изъ состоянія розни и броженія и вступала въ число государствъ., было тогда просвѣщеніе христіанствомъ и церковная организація. Христіанство было тогда громадной политической и моральной силой въ рукахъ крещенаго языческаго князя, ибо оно давало ему образецъ государственнаго устройства и вѣрныхъ слугъ, чтобы провести новую организацію. Церковь давала направленіе всей политической жизни въ Европѣ. Тогда же ставился вопросъ какъ о политическомъ, такъ и о народномъ началѣ у славянъ. И этотъ вопросъ своевременно и весьма благопріятно для славянъ разрѣшенъ былъ св. братьями».

Библиографія.

О новомъ переводѣ

«Ученія двѣнадцати Апостоловъ», помѣщенномъ въ журналѣ
«Дѣтская Помощь».

Еще въ прошедшемъ году, въ июльско-августовской книжкѣ нашего журнала, въ отдѣлѣ «мелкихъ статей, извѣстій и замѣтокъ» помѣщено было небольшое сообщеніе о вновь открытомъ Никоидійскимъ митрополитомъ Филовеемъ Вриенніемъ въ Константинополѣ памятникъ древне христіанской письменности, озаглавленномъ: *Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*. Послѣ краткаго извѣстія объ его происхожденіи и значеніи тогда предложено было у насъ извлеченіе болѣе замѣчательныхъ мѣстъ изъ него въ русскомъ переводѣ. Скоро послѣ этого сообщенія, именно въ ноябрѣ и декабрѣ прошедшаго же года, въ нашихъ духовныхъ журналахъ: «Труды Кіевской духовной академіи» и «Странникъ» появились и полные переводы этого памятника, съ небольшими вступительными разсужденіями объ его происхожденіи и значеніи; переводъ же г. Попова въ «Трудахъ Кіевской духовной академіи» снабженъ былъ кромѣ того и большими подстрочными при-и-мѣчаніями, касающимися главнымъ образомъ параллельныхъ переведенному памятнику мѣстъ изъ другихъ писаній апостольскаго и послѣ апостольскаго времени. Заграницей же, особенно у нѣмцевъ, объ этомъ памятникѣ появилась цѣлая литература и нѣкоторые переводы этого документа еще въ прошедшемъ году выдержали уже нѣсколь-ко изданій; таковъ напр. переводъ Вюнша. Въ прошедшемъ также году появились на западѣ уже и капитальныя изслѣдованія объ немъ; таково напр. изслѣдованіе Адольфа Гарнака, въ II т. издаваемого имъ *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der alchristl. Litteratur*, подъ заглавіемъ: *Lehre der zwölf Apostel nebst Untersuchungen zur ältesten Geschichte der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts*; съ полнотою и обстоятельностью обслѣдованъ этотъ документъ и въ нѣкоторыхъ англійскихъ сочиненіяхъ.

Документъ этотъ по предмету своего содержанія касается нраво—и вѣроучительнаго распорядка духовной жизни вѣрующихъ; по изложенію своему отличается простотой и безыскусственностію, свойственною писаніямъ первыхъ вѣковъ христіанства; съ нѣкоторыми изъ нихъ, каковы: «посланіе Варнавы», «пастырѣ Ермы», VII книга пост. ап., онъ до буквальности сходенъ не только въ общемъ содержаніи и расположеніи своихъ частей, а и въ слововыраженіяхъ. Этотъ-то документъ, вѣроятно, и имѣютъ въ виду Евсевій и Аѳанасій В. въ упоминаемомъ ими: *Διδαχὴ τῶν ἀποστόλων*, о которомъ до селѣ ученые не знали, какъ думать. Словомъ вновь открытый документъ на столько представляетъ собою интереса по своему происхожденію и значенію, что не только понятнымъ становится вниманіе къ нему ученаго міра, оказанное доселѣ, а и въ высшей степени желательно продолженіе и усиленіе работъ надъ нимъ, и всякое новое слово объ немъ, особенно у насъ на Руси, не могло быть, казалось намъ, принято иначе, какъ съ радостію и сочувствіемъ.

Вотъ почему съ радостнымъ чувствомъ встрѣтили мы появленіе насъ новаго (3-го уже) перевода «Ученія двѣнадцати Апостоловъ», помѣщеннаго въ 8-мъ № журнала «Дѣтская Помощь». Но съ радостными ожиданіями принявшись за чтеніе этого новаго перевода, мы чѣмъ дальше шли въ своемъ чтеніи, тѣмъ все больше изумлялись, поражались и недоумѣвали. Прочитали еще не одинъ разъ и, вполнѣ ужъ разочаровавшись въ своей радости, рѣшились въ предостереженіе и тѣхъ, кои могутъ соблазняться, и тѣхъ, кои соблазняютъ, сказать нѣсколько словъ о тривіальной вульгарности, вольности и неточности этого перевода, «Ученія двѣнадцати Апостоловъ», очевидныхъ неправильностяхъ его, тенденціозно-искажающихъ смыслъ подлинника въ угоду разнымъ неправославнымъ противохристіанскимъ доктринамъ. Прежде всего насъ поразило смѣлое сужденіе переводчика о происхожденіи и достоинствѣ переведеннаго документа, высказанное въ предисловіи къ переводу. Самоувѣренно утверждаетъ онъ здѣсь будто въ этомъ документѣ доносится до насъ голосъ *первыхъ* проповѣдниковъ Евангельской истины, *облеченныхъ силою свыше въ утро Пятидесятницы*, будто произведеніе это *«написано тогда, когда еще были живы люди, слышавшіе Самого Христа»*. «Писаніе это, продолжаетъ онъ вслѣдъ за вышеприведенными словами раздѣляется на двѣ части: одна—отъ первой до шестой главы, а другая—отъ 6-ой до послѣдней главы. *Послѣднія главы касаются уст-*

ройства жизни учеников Христа, въ первыхъ же пяти главахъ записано ученіе Христа людямъ, то самое, которое записано въ V, VI и VII главахъ Евангелія Матѳея, то, которое Христось говорилъ съ горы *въсьмъ простымъ* людямъ—для того, чтобы они узнали это ученіе и могли спастись имъ. Это ученіе есть та самая *благая вѣсть*, которую Христось завѣщалъ ученикамъ проповѣдовать народамъ, та самая, про которую Онъ сказалъ ученикамъ: Мрк. VI, 15. Идите и проповѣдуйте *благую вѣсть* всей твари». Въ послѣсловіи же въ параллель этому мы читаемъ между прочимъ: «Остальные 11-ть главъ говорятъ о *подробностяхъ устройства христіанской общины*, но уже въ этихъ первыхъ пяти главахъ изложено все ученіе, нужное для спасенія души каждаго человѣка. Все это ученіе просто и понятно».

По меньшей мѣрѣ необдуманнѣмъ показалось намъ первое утвержденіе, что въ разсматриваемомъ документѣ до насъ доносится голосъ первыхъ проповѣдниковъ, слышавшихъ Самого Христа. До сихъ поръ покрайней мѣрѣ ни одинъ ученый изъ тѣхъ, которые изслѣдовали этотъ документъ (а ихъ уже много), не относилъ его раньше 80-хъ годовъ по Р. Хр; большинство же думаютъ, что онъ написанъ между 120—160 гг. Да иначе, какъ относить этотъ документъ къ началу 2-го вѣка и признавать неподлинно апостольскимъ произведеніемъ, и нельзя; потому что въ противномъ случаѣ непонятнымъ становится то, что Евсевій Панфилъ и Аѳанасій В. хотя и упоминаютъ объ этомъ документѣ, но какъ о спорномъ и не всѣми признаваемомъ. Конечно, ни редакція, ни переводчикъ не пускались въ бібліографическія и археологическія изысканія и употребили указанныя нами рѣзкія при всей неопредѣленности своей выраженія, имѣя въ виду при этомъ только одно—произвести чрезъ нихъ болѣе «живое нравственное впечатлѣніе на непредубѣжденную душу читателей» (выраженія самаго журнала «Дѣтская Помощь»); но едвали этими благовидными соображеніями можно оправдать указанное преувеличеніе, особенно если обратимъ вниманіе на то неправомысліе, которое дальше предлагается читателямъ подъ именемъ апостольскаго ученія и намекъ на которое находится уже и въ остальной части приведенной нами тирады изъ предисловія и послѣсловія къ переводу.

Чтобы понять указываемый нами намекъ на неправомысліе переводчика, достаточно сказать, что въ остальныхъ 11-ти главахъ переведеннаго документа, въ которыхъ, по словамъ переводчика, „говорится только о подробностяхъ устройства христіанской общины,

вовсе не нужныхъ для спасенія души», и анализа содержанія которыхъ переводчикъ по этому не представляетъ, рѣчь о крещеніи (VII гл.), о постѣ и молитвѣ (VIII гл.), о таинствѣ евхаристіи (IX и X гл.), объ апостолахъ и пророкахъ (XI и XII), о богослужебныхъ собраніяхъ (XIV), объ епископахъ и діаконахъ (XV) и о будущемъ пришествіи Господа (XVI). Нужно, думается намъ, быть слишкомъ предубѣжденнымъ въ пользу переводчика читателемъ приведенныхъ нами строкъ предисловія и послѣсловія его, чтобы не видѣть въ нихъ выраженія того неправомыслія, которое подъ именемъ «новаго духовнаго христіанства» такъ широко распространилось нынѣ не только на западѣ, а и у насъ въ Россіи и которое считаетъ не особенно важными, а потому и не особенно нужными не только тѣ или иные церковные обряды и учрежденія, а даже и такія таинства, какъ крещеніе и евхаристія, думая, что весь этотъ внѣшній распорядокъ духовно-нравственной жизни, оживляющей насъ Духомъ Святымъ, есть не больше, какъ выдумка церковниковъ, и для этого даже въ слово-выраженіяхъ, касающихся вѣры и нравственности стараясь уклоняться отъ терминологіи, общепринятой въ церкви Христовой.

Замѣтили ли вы, читатель, какъ нашъ переводчикъ въ приведенной выше тирадѣ его предисловія переводитъ 15-й ст. XVI гл. евангелія отъ Марка? Греческое слово: τὸ εὐαγγέλιον онъ передаетъ словами: *благая вѣсть*. Повидимому, начто невиннѣе этого приѣма; но и онъ при всей своей невинности и невидности не проста употребленъ, точно также, какъ и такое выраженіе на двѣ строки выше: «это то ученіе, которое Господь говорилъ съ горы всѣмъ простымъ (?) людямъ...» Впрочемъ то, что эти подчеркнутыя нами выраженія и особенно послѣднее не проста употреблены, яснѣе будетъ видно изъ сопоставленія ихъ со множествомъ другихъ въ самомъ переводѣ, къ рассмотрѣнію котораго теперь и слѣдовало бы намъ обратиться.

Но прежде нѣсколько словъ о заглавіяхъ, сдѣланныхъ переводчикомъ предъ каждой главой текста документа...

Да, именно самъ переводчикъ почему-то счелъ нужнымъ каждую главу переведеннаго имъ документа снабдить заглавіемъ. Конечно, въ смыслѣ уясненія содержанія сочиненія заглавіе вообще-то хорошая вещь. Но 1) и въ собственномъ даже произведеніи заглавіе необходимо дѣлать только тамъ, гдѣ содержаніе озаглавливаемыхъ отдѣловъ, по обилію ли то, или разнообразію предметовъ его, безъ заглавія не легко удерживается въ памяти; о главахъ же переведеннаго документа нельзя сказать

ни того, ни другого; ни одна изъ нихъ не содержитъ въ себѣ болѣе 20 строкъ 2) И въ указанныхъ нами случаяхъ заглавіе только тогда можетъ быть полезно, когда оно точно выражаетъ главную мысль озаглавливаемаго отдѣла; въ противномъ случаѣ оно не только не способствуетъ объединенію въ сознаніи читателя содержанія сочиненія, а на оборотъ, только путаетъ, искажаетъ и затемняетъ его представленія; это-то послѣднее и дѣлаетъ иногда своими заглавіями нашъ переводчикъ.

Такъ первую главу, впрочемъ не съ начала ея, которое онъ почему-то оставляетъ безъ заглавія, а съ четвертаго лишь стиха онъ озаглавливаетъ такъ: «первая заповѣдь ученія: Люби Бога, создавшаго тебя». За этимъ заглавіемъ идетъ самый переводъ этой первой заповѣди. Но что же въ ней заповѣдуются намъ? «Благословляйте проклинающихъ васъ, молитесь за враговъ вашихъ и поститесь за тѣхъ, которые обижаютъ васъ, (потому что ¹⁾ то не добро ²⁾), чтобы любить *только* тѣхъ, которые любятъ васъ. Тоже дѣлаютъ и язычники (они любятъ своихъ и ненавидятъ враговъ) и потому у нихъ есть враги ³⁾. Вы же любите ненавидящихъ васъ и тогда у васъ не будетъ враговъ. Берегитесь тѣлесныхъ и мірскихъ *побужденій*. Если кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати къ нему и другую и будешь совершенъ. Если кто принудитъ тебя пройти одну *версту*, иди съ нимъ двѣ. Если кто возьметъ у тебя *кафтанъ* твой, отдай и *рубаху*. Если кто взялъ у тебя твое, *не выворачивай* назадъ, потому что этого нельзя дѣлать. А всякому просящему у тебя дай и не требуй назадъ, потому что Отецъ хочетъ, чтобы у cadaго *было то свое, которое Онъ далъ всѣмъ людямъ*. Блаженъ тотъ, кто по заповѣди даетъ, тотъ *правъ*»...

Мы привели дословно болшую половину первой главы, начиная съ того мѣста, предъ которымъ поставлено нашимъ переводчикомъ указанное заглавіе; но и неприведенный нами конецъ главы говорить о томъ же, о чемъ рѣчь и въ приведенной части. Изъ этой же выдержки для всякаго, думаемъ, ясно, что въ этой главѣ ничего

¹⁾ Скобы въ этомъ мѣстѣ перевода и дальше, точно также, какъ и самый переводъ принадлежать нашему переводчику; въ скобахъ онъ обыкновенно помѣщаетъ собственныя вставки, дѣлаемыя имъ вѣроятно для уясненія текста; почерки же вездѣ наши.

²⁾ Въ подлинникѣ стоитъ слово: *χάρις*; впрочемъ объ этомъ словѣ намъ придется еще говорить.

³⁾ Послѣднихъ трехъ словъ, хотя они и не оскoblены въ разсматриваемомъ нами переводѣ, въ подлинникѣ нѣтъ.

не говорится о любви къ Богу. Еще изъ заповѣдей десятословія каждый изъ насъ знаетъ, что любовь къ Богу, о которой говорятъ первыя четыре, заключается прежде всего въ вѣрѣ въ Бога, въ благоговѣніи предъ Нимъ и Его святымъ именемъ, въ удаленіи отъ идолослуженія, въ посвященіи Богу седьмого дня; а изъ той же самой нагорной бесѣды Господа, перифразъ которой составляетъ настоящая глава, какъ съ особенною настойчивостію объявляетъ и самъ переводчикъ, мы узнаемъ, что приведенными въ нашемъ документѣ словами и Самъ Господь восполнялъ древнюю заповѣдь именно о любви къ ближнимъ, а не о любви къ Богу (Мѡ. 5, 38). Онъ же говорилъ, что заповѣдь о любви къ ближнимъ не таже, что первая заповѣдь о любви къ Богу, а отличная отъ нея—вторая и только *подобна* той (Мѡ. 22, 39). Правда, въ любви къ ближнимъ выражается и любовь къ Богу; вѣрно, что и въ другомъ мѣстѣ сказано, что и Богъ любви есть, и пребывая въ любви въ Бозѣ пребываетъ; но вѣрно и то, что въ той же главѣ посланія Іоанна сказано: «ще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть; ибо не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любити» (1 Іоан. 4, 20). Изъ этихъ словъ посланія Іоаннова ясно видно, что хотя любовь къ Богу и можетъ выражаться въ любви къ ближнему, но не въ существѣ своемъ и далеко не вся, какъ выходитъ то по толкованію переводчика. Ибо если оба эти понятія — о любви къ Богу и о любви къ ближнему не только адекватны, а вполне тождественны, и помимо любви къ ближнему нѣтъ любви къ Богу; то помимо ближняго нѣтъ и Бога. Богъ является не живымъ личнымъ существомъ, какъ учитъ слово Божіе, а какую-то отвлеченною идеею, разлитою въ мірѣ душъ человѣческихъ. Словомъ на мѣсто христіанскаго монотеизма является пантеизмъ, который и на западѣ-то отжилъ, кажется, уже свой вѣкъ. А что по-длинно таково переводчиково пониманіе любви къ Богу и самаго Бога, это онъ еще рѣзче выразилъ въ своемъ послѣсловномъ анализѣ содержанія 1-й главы, въ словахъ: «Въ первой главѣ говорится о любви къ Богу. Любовь къ Богу—въ любви ко всѣмъ людямъ, какъ и сказано въ другомъ мѣстѣ, что Богъ есть *любовь*. Она заключается въ томъ, чтобы любить не однихъ своихъ близкихъ» и т. д.

И такъ какое глубоко неправославное, даже больше, какое противохристіанское ученіе навязываетъ переводчикъ тому писанію, которое по его же мнѣнію написано было тогда, когда живы были слышавшіе

Самого Христа, тому писанію, которое излагаетъ *то самое* ученіе, которое Христось говорилъ съ горы всѣмъ *простымъ* людемъ, навязываетъ, не приступивши еще къ переводу, и навязываетъ въ тоже время въ нѣкоторомъ родѣ насильно! Ибо для незнакомыхъ съ подлинникомъ этого писанія при чтеніи заглавій перевода, первое изъ которыхъ стоитъ даже въ серединѣ главы, совершенно естественно подумать, что и заглавія эти принадлежатъ къ тексту самага документа.

И правда, нѣкоторыя и изъ остальныхъ 15 заглавій точно также, какъ и первое, говорятъ не о томъ, о чемъ рѣчь въ озаглавленными ими отдѣлахъ, каковы напр. заглавія 7, 9, 10, 14 и 15 главъ; но такъ какъ тенденціозная ложь, ихъ стоитъ въ тѣсной связи съ таковымъ же искаженіемъ самага текста этихъ главъ; то мы и оставляемъ указаніе ихъ до разбора самага перевода этихъ главъ; теперь же переходимъ къ разбору самага перевода и именно 1-й главы Ученія двѣнадцати Апостоловъ».

Мы привели переводъ почти всей первой главы «этого ученія и читатели отчасти сами, вѣроятно, уже догадываются о нѣкоторыхъ недостаткахъ разсматриваемаго нами перевода этой главы. Мы говоримъ о поддѣлкѣ переводчика подъ складъ и тонъ простонароднаго говора, которая слышится въ словахъ: *версту, кафтанъ, рубаху, выворачивай*, и которая звучитъ не то какою-то тривіальностью, не то цинизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ этой поддѣлки? Неужели серьезно можно думать о томъ, что слово: кафтанъ, которымъ переведено греческое: ἰμάτιον, проще слова: верхняя одежда, какъ переведено въ русскомъ Евангеліи Мѡ. V, 40? Или слово: рубаха понятнѣе слова: рубашка? Что же касается выраженія: *выворачивай назадъ*: то мы удивляемся даже, какъ могъ придумать его переводчикъ; ибо греч. ἀπαίτέω (изъ ἀπ—отъ, и αἰτέω—прошу, требую) означаетъ: назадъ требую, точно также, какъ и слово μίλιον не означаетъ версту; ибо поперстнаго измѣренія не только во времена автора документа, а и теперь ни гдѣ не знаютъ, кромѣ Россіи.

Впрочемъ указанныя неточности, употребленныя ради болышей якобы понятности и простоты перевода, не искажаютъ смысла подлинника; не то представляютъ собою нѣкоторыя другія слова и выраженія первой главы.

Такъ въ 4 ст. стоящее въ подлинникѣ слово: ἐπιθρομίζω (род. мн.) означаетъ не просто *побужденіе*, какъ нѣчто виѣшнее для души человѣка, какъ переведено нашимъ переводчикомъ, а именно

сильное желаніе, страсть, похоть, овладѣвшую душою человѣка и какъ бы изъ нея исходящую въ видѣ непреодолимаго влеченія; въ такомъ именно смыслѣ употребляется это слово и въ Новомъ Завѣтѣ (Сн. I Петр. 2, 11; Тит. 2, 12; I Юан. 2, 17; Рим. 6, 12; Гал. 5, 16; Еф. 2, 3) и у отцевъ церкви, въ параллельныхъ нашему мѣстахъ (у Клим. Р. 2 Кор. 17; Полик. къ Филип. 5). Смыслъ же этотъ очевидно до противоположности отличенъ отъ указаннаго въ переводѣ.

Точно также невѣрно передаютъ мысль подлинника и слѣдующія слова перевода: «Всякому просящему у тебя дай и не требуй назадъ; потому что Отецъ хочетъ, чтобы у *каждаго было то свое, которое Онъ далъ всѣмъ людямъ*». Смыслъ подчеркнутыхъ нами словъ на взглядъ «непредубѣжденнаго читателя» тотъ, что каждый имѣеть право называть *своимъ* то, что всѣмъ ли то людямъ вообще, или каждому въ отдѣльности дано Богомъ, — то, что имѣеть другой, кто бы этотъ другой ни былъ и что бы онъ ни имѣлъ. Предоставляемъ самимъ читателямъ судить о томъ, далеко ли отсюда до той теоріи социаль-демократовъ, по которой каждый лѣнтяй, оборванецъ считаетъ себя въ правѣ называть своимъ все то, что понравится, или понадобится ему у богача, и не только признавать, а и требовать, — это съ одной стороны, а съ другой стороны далеко ли отсюда до подлиннаго смысла словъ разсматриваемаго памятника, которыя читаются такъ: *πατρις γαρ θελει διδοσθαι ο πατηρ εκ των ιδιων χαρισμάτων*. Буквальный переводъ этихъ словъ долженъ быть такой: *ибо Отецъ хочетъ, чтобы всѣмъ было подаваемо изъ Его даровъ*. Главная мысль этого предложенія очевидно не о томъ, что каждый имѣеть право считать *своимъ*, а о томъ, почему мы, подавая просящему, не должны требовать отданаго назадъ (потому что никто изъ людей не имѣеть права ничего называть своимъ, какъэто и выражено еще яснѣе въ 4-ой главѣ того же «Ученія Апостоловъ» въ словахъ: и ничего не называй своею собственностію—*και ουκ ερεις ιδια ειναι*). Нашъ переводчикъ большое незнаніе греческой грамматики показалъ, отнеся прилагательное: *ιδιων* къ субъекту: *πατρις*, а не къ *ο πατηρ*, какъ бы слѣдовало.

Опустить бы слѣдовало, какъ простую неточность, переводъ въ первой же главѣ слова: *αποφως* (которое означаетъ только: свободный отъ осужденія и наказанія, неповинный) словомъ: *правъ*, если бы и въ этой неточности не скрывалось задней мысли. Дѣло въ томъ, что переводчику, какъ видно, не особенно любя мысль о вѣчномъ мученіи грѣшниковъ, особенно тѣлесномъ мученіи въ огнѣ геенскомъ; поэтому онъ всячески старается, такъ сказать, вычеркнуть ее саму и

даже малѣйшій намекъ на нее изъ текста переведеннаго имъ документа, допуская для этого разныя вольности и неточности въ переводѣ. А что именно изъ-за этой не любви допускаетъ онъ иногда и очень большія вольности и неточности, вотъ тому доказательство. Слѣдующій, предпоследній стихъ первой же главы: «ὁ δὲ μὴ χρεῖαν ἔχων ὅσπερ δίκην, ἵνα τί ἔλαβε καὶ εἰς τί· ἐν συνοχῇ δὲ γενόμενος ἐξετασθήσεται περὶ ὧν ἔπραξε, καὶ οὐκ ἐξελεύσεται ἐκεῖθεν μέχρις οὗ ἀποδῶ τὸν ἔσχατον κοδράντην», онъ переводитъ такъ: «тотъ же, кто беретъ безъ нужды, *долженъ дать* (?) отчетъ, почему и для чего онъ взялъ. *Кто пойманъ (въ сплти маммона) будетъ мучимъ за то, что онъ сдѣлалъ и не высвободится изъ нихъ* до тѣхъ поръ, пока не отдастъ *послѣднее*. Вставленные переводчикомъ для объясненія текста слова: «въ сплти маммона» (по ср. Мѳ. 6, 24; Лук. 16, 9 маммоны?) даютъ всему этому предложенію такой смыслъ, что, кто пристрастенъ къ богатству и вообще къ благамъ земнымъ до того, что сталъ уже рабомъ имъ и не можетъ устоять противъ ихъ соблазновъ, тотъ, если онъ ради удовлетворенія своей страсти къ богатству будетъ брать что-либо у кого, не имѣя въ томъ нужды, будетъ мучиться или отъ этой страсти, или въ своей совѣсти за это попрошайничество, но уже не иначе можетъ освободиться отъ этой страсти, какъ отдавши назадъ все взятое у другихъ (ср. Лук. 19, 1—16). Что именно такой смыслъ заключается въ разбираемомъ нами предложеніи переводчика, что подъ мученіемъ, о которомъ здѣсь у него рѣчь, разумѣется вовсе не мученіе геенское, какъ наказаніе за грѣхъ, а мученіе внутреннее, душевное, сопровождающее собою самую страсть, пока она еще не безповоротно все заглушила въ человѣкѣ, это ясно изъ того, что мученіе это представляется предшествующимъ освобожденію отъ этой страсти, отъ увлеченія соблазнами богатства, и средствомъ къ освобожденію отъ этой страсти и сопровождающаго ее мученія представляется милостыня—раздача всего, что имѣеть человѣкъ. Это послѣднее очевидно возможно только здѣсь на землѣ; слѣдовательно земное до- смертное еще мученіе разумѣеть переводчикъ и въ указанномъ мѣстѣ. Итакъ несомнѣнно, что по нашему переводу въ разсматриваемомъ мѣстѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на вѣчныя мученія въ адѣ; но несомнѣнно также и то, что такой переводъ не только не правиленъ самъ по себѣ, а и переводчику представлялся таковымъ; ибо самъ же онъ въ предисловіи заявилъ, что это «ученіе есть то самое, которое записано въ V, VI и VII главахъ Евангелія Матѳея». Тамъ, именно въ V, 25 и 26 ст. дѣйствительно почти буквально есть то

же самое предложеніе; только вмѣсто: ἐν συνοχῇ γινόμενος, тамъ стоять: εἰς φυλακὴν βλασηθήσῃ. Но 1) оба эти выраженія несомнѣнно тождественны по своей мысли—оба говорятъ о мученіи, въ смыслѣ скорби и стѣсненія; ибо и слово: συνοχῇ, два раза только употребленное въ Новомъ Завѣтѣ, означаетъ именно тугу, стѣсненіе отвѣтъ пришедше (ср. Лук. 21, 25; 2 Кор. 2, 4); 2) въ Евангеліи же отъ Матвѣя, по сличеніи указанного мѣста его съ параллельными ему (Лук. 12, 59; или еще ближе Мѣ. 5, 29, 30; ср. 18, 8, 34. 35 и др.) и по толкованію св. отцевъ рѣчь именно о вѣчныхъ мученіяхъ въ гееннѣ огненной. Съ этимъ-то ученіемъ и не мирится *не по разуму воз- стязующее духовная* мышленіе нашего переводчика, и вотъ онъ, видно, хорошій психологъ, но плохой филологъ, и придумалъ уничтожить это ученіе въ переводимомъ имъ документѣ предложеннымъ имъ вольнымъ, или точнѣе, произвольнымъ и неправильномъ переводомъ. Ради этого же затушевыванія евангельскаго ученія о вѣчныхъ мученіяхъ допущена имъ указанная выше неточность и въ переводѣ слова: ἀθῶρος.

Мы разобрали переводъ одной лишь первой главы и то не всей ¹⁾ и въ немъ уже видѣли не мало вольностей, произвола, неточностей, грубой поддѣлки подъ складъ простонародной рѣчи, искаженія смысла подлинника, допущеннаго очевидно подъ влияніемъ личныхъ далеко не православныхъ тенденцій переводчика. Насколько же больше всего этого намъ придется увидѣть при разборѣ слѣдующихъ словъ, которыхъ всѣхъ по счету 16! Но возьмемъ на себя терпѣніе и пойдемъ въ своемъ разборѣ дальше. Къ нашему счастью, мы можемъ совсѣмъ пропустить вторую главу, въ которой переводчику по самой общности ея содержанія не надъ чѣмъ было проявить своего произвольно-неосновательнаго неправомыслія, и не долго остановимся надъ третьей.

Въ третьей главѣ подозрительными намъ кажутся два мѣста въ переводѣ. 1) Слова подлинника: μὴ γίνου γόγγυσος· ἐπεὶ δὲ ὀδῆγεῖ εἰς τὴν βλασφημίαν, переведены: «не будь недовольнымъ,—недовольство ведетъ къ ругательству». Правда слово: βλασφημία означаетъ и ругательство вообще; но въ виду того, что γόγγυσος (отъ γογγύζω, роптать, ворчать) обозначаетъ не просто недовольнаго, а именно ропщущаго, ворчаливаго, а слово: βλασφημία въ Новомъ Завѣтѣ въ большинствѣ случаевъ означаетъ хулу и именно на Бога—богохульство (см. Мѣ.

¹⁾ Послѣдній стихъ этой главы по своему не употребительному словосочетанію долго вѣроятно еще будетъ подлежать разнымъ перетолкованіямъ со стороны и не такихъ филологовъ, какъ нашъ переводчикъ.

26, 65; Мрк. 2, 7; 14, 64; Лук. 5, 21; Иоан. 10, 33 и др.), естественно было бы перевести это послѣднее слово именно словомъ: богохульство. Если же переводчикъ употребилъ въ данномъ случаѣ слово: ругательство; то не потому ли, что для него, судя по указаннымъ нами выше толкованіямъ его о любви къ Богу, нѣтъ Бога, какъ живаго и личнаго существа, отличнаго отъ душъ человѣческихъ, которыя можно ругать? Конечно, подозрѣніе это мелочно одно и само только въ себѣ; но въ связи съ другими-то такъ ли? 2) Слова подлинника: *οὐ κολληθήσεται ἡ ψυχὴ σου μετὰ ὑψηλῶν, ἀλλὰ μετὰ δίκαιων καὶ ταπεινῶν ἀναστραφήσῃ*, переводчикъ передаетъ такъ: «Сердце твое чтобы не лежало къ высокимъ (и сильнымъ), но пусть прилѣпляется оно къ праведнымъ и смиреннымъ». Поставленнымъ въ скобкахъ словомъ: и сильнымъ, переводчикъ очевидно хотѣлъ объяснить слово: высокимъ, давая понять, что подъ высокими должно разумѣть не тѣхъ, которые сами себя возвышаютъ, не гордыхъ, какъ бы слѣдовало по сравненію этого стиха съ предъидущимъ, гдѣ дается совѣтъ не возвышать самому себя и не превозноситься, а именно высокихъ по внѣшнему положенію. Какъ «праведные и смиренные» у нашего переводчика чуть ли не отождествляются съ «простыми угнетенными»; (ср. указанное ваше слово: прстымъ); такъ на оборотъ всѣхъ вообще высокихъ по внѣшнему положенію онъ, кажется, считаетъ непременно грѣшниками. Что это такъ, что изъ за этого именно онъ и переводъ такой употребилъ и объясненіе даже присоединилъ, это ясно открывается изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ его переводѣ 4-й, 5-й и 10 главъ, къ разбору которыхъ мы теперь и переходимъ.

Въ переводѣ 4-й главы мы встрѣчаемъ между прочимъ такую тираду: «не повелѣвай рабу или служанкѣ. Они вѣруютъ тому же Богу, какъ ты. А то, какъ-бы отъ огорченія они не перестали-бы (!) бояться того Бога, который надъ вами обоими; потому что приходится ювелѣвать не по лицамъ, а тому, кого назначилъ духъ». Соответствующія же имъ слова подлинника таковы: *Οὐκ ἐπιτάξεις δούλῳ σου ἢ παιδίσκῃ, τοῖς ἐπὶ τὸν αὐτὸν Θεὸν ἐλπίζουσιν, ἐν πικρίᾳ σου, μήποτε οὐ μὴ φοβηθήσονται τὸν ἐπ' ἀμφοτέροις Θεόν. οὐ γὰρ ἔρχεται κατὰ πρόσωπον καλέσαι, ἀλλ' ἐφ' οὓς τὸ πνεῦμα ἠτοίμασεν*. Если бы спросить ученика гимназіи, правильно ли переведено послѣднее предложеніе; то и онъ, думается намъ, сказалъ бы, что 1) глаголь *ἔρχεται*, спрягаемый въ наст. времени только въ общемъ залогѣ, и имѣющій среднее непереходное значеніе, никогда нельзя переводить: *приходится*, а всегда лишь только:

приходить, идетъ; 2) что глаголь *καλέσαι* ¹⁾ означаетъ: звать, называть, призывать, приглашать и никогда повелѣвать; 3) что подлежащимъ въ этомъ предложеніи должно быть то существительное единственнаго числа, которое стоитъ на концѣ рѣчи въ предыдущемъ предложеніи, именно слово: Богъ и 4) что все предложеніе должно перевести такъ: ибо Онъ приходитъ призвать (т. е. къ спасенію) не по лицу судя, а тѣхъ кого... Но нашъ переводчикъ нестыдится допускать такія грубыя ошибки, лишь бы только остаться вѣрнымъ своему *убѣжденію*, будто настоящее устройство міра человѣческаго со властями и подданными представляетъ собою ненормальное явленіе, котораго не должно быть и которое приходится переносить пока по необходимости, будто поэтому никакого господства, кромѣ господства духа истины не должно признавать, а отсюда, во имя справедливости и повелѣвать не слѣдуетъ. Мало того. Для вѣрности этому своему убѣжденію онъ не стыдится показать сянеточнымъ беззастѣнчиво навязывающимъ свое лжеученіе такому писателю, которому во имя того, что онъ записалъ ученіе Самого Христа, люди, особенно простые, т. е. малые сіи вѣрующіе повѣрятъ безпрекословно. Да, въ высшей степени нечестнымъ и іезуитскимъ приѣмомъ кажется намъ опущеніе въ началѣ выписанной нами тирады слова: *«во истинѣ—εν πίστις»*, одного только слова правда опущеніе, но такое, которое совершенно искажаетъ смыслъ подлинника очевидно въ угоду указанной нами нецѣльной доктринѣ переводчика.

Въ угоду этой же доктринѣ въ шестой главѣ «Ученія двѣнадцати» переводчикъ наоборотъ прибавляетъ одно тоже словечко: *мірскихъ*; вмѣсто того, чтобы сказать только: наградъ, онъ говоритъ: мірскихъ наградъ. А въ 10-ой главѣ опять въ угоду той же доктринѣ допускаетъ искаженіе текста, нисколько не меньшее видѣннаго нами въ 4-ой; только здѣсь искаженіе это не грамматическое, а логическое. Именно, слова подлинника: *ἐλθέτω χάρις καὶ παρῆλθέτω ὁ κόσμος οὗτος*, онъ переводитъ такъ: «Да царствуетъ милосердіе (и любовь) и да погибнетъ устройство міра сего.

Слово *χάρις* и у свѣтскихъ греч. писателей не означаетъ милосердіе, а лишь грацію, красоту, пріятность, милость, расположеніе, угожденіе, благодарность, на языкѣ же библейско-церковномъ оно получило особое частное значеніе, какъ условный терминъ для выраженія милости,

¹⁾ Не принялъ-ли г. переводчикъ слова: *καλέσαι*, вмѣсто *καλεῖσαι*, по ошибкѣ памяти, а можетъ и зрѣнія?..

расположенія, благодѣянія не вообще, а именно Бога къ людямъ, и еще частнѣе для выраженія дѣла спасенія, совершеннаго Господомъ Иисусомъ Христомъ; нѣтъ возможности привести всѣ цитаты, гдѣ въ такомъ именно смыслѣ употреблено это слово въ Новомъ Завѣтѣ, и вездѣ оно переводится у насъ и по славянски и по русски словомъ: *благодать*, которое означаетъ и благодѣяніе Божіе, помощь Божію, вообще и еще чаще силу Божественную, подаваемую намъ І. Христомъ чрезъ Духа Св. въ таинствахъ и обрадахъ церковныхъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ употреблено это слово и въ нашемъ мѣстѣ, какъ это ясно видно и изъ главнаго содержанія всей этой главы, говорящей о таинствѣ евхаристіи; а потому и предложеніе: ἐλπίετω χάρις должно быть переведено: да придетъ (а не царствуетъ, ибо ἐρχομαι никогда не означаетъ царствую)¹⁾ благодать, т. е. да совершится въ насъ воздѣйствіемъ на насъ Духа Св. спасеніе, принесенное Христомъ, — очищеніе кровію Его грѣховъ нашихъ и воцареніе насъ въ царствѣ славы. Но нашъ переводчикъ не признаетъ таинствъ, какъ такихъ священнодѣйствій, чрезъ которыя мы получаемъ благодать, (подробнѣе объ этомъ при разборѣ его перевода въ 7-й и 9-й главахъ); онъ не знаетъ этой благодати. А это потому, что для него религія не есть взаимоотношеніе двухъ живыхъ личныхъ существъ—Бога и человѣка, и ихъ взаимное воздѣйствіе; вся религія, у него состоитъ въ томъ, чтобы намъ—людямъ любить лишь другъ друга взаимно: ибо Богъ не есть отдѣльное отъ всего человѣчества личное существо, ¹⁾ а лишь нѣкая отвлеченная идея, тожественная со всею совокупностію душъ человѣческихъ. И вотъ вмѣсто слова: *благодать*, является слово: *милосердіе* и въ скобкахъ для его объясненія слово: любовь, т. е. любовь и милосердіе людей другъ къ другу, та любовь, о которой говорилось и въ 1-й и во 2-й главѣ «Ученія Апостоловъ». Словомъ, что сказано въ подлинникѣ о Богѣ, переводчикъ относитъ къ людямъ, и такимъ образомъ, измѣняя значеніе словъ въ ихъ отдѣльности,

¹⁾ Иначе почему бы въ четвертой главѣ слова: γνώστη γὰρ τίς ἐστὶν ὁ τοῦ μισθοῦ καλὸς ἀνταποδοτὴς захотѣлось нашему переводчику перевести не: „потому что ты узнаешь, кто добрый мздовоздатель“, какъ бы слѣдовало, а: потому что ты узнаешь, въ чемъ лучшая награда за добро твое“? Очевидно потому, что для него нелюбы какъ вѣчныя мученія, такъ и вѣчное блаженство въ царствѣ Отца небснаго въ томъ ихъ видѣ, какъ вѣруетъ православная церковь; онъ знаетъ награду за добродѣтель помимо Бога, въ сознаниі правоты и истинности этой добродѣтели и ея пользы.

искажаетъ смыслъ цѣлаго предложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ смыслъ и всего вообще «ученія», и искажаетъ до неузнаваемости...

Точно тоже должно сказать и о словѣ: *κόσμος*. Слово это у свѣтскихъ писателей означаетъ весь этотъ видимый міръ со стороны его красоты и стройности, а на языкѣ библейскомъ и больше всего у Іоанна Богослова, а отсюда и на церковномъ оно употребляется для обозначенія того же видимаго міра, но не съ его нормальной и прекрасной стороны, а съ той, съ которой онъ является враждебнымъ Богу, грѣшнымъ. Лучшимъ толкованіемъ библейско-церковнаго значенія этого слова могутъ служить слова Іоанна Богослова въ его 1-мъ посланіи: *не любите міра* (*τὸν κόσμον*), *ни, яже въ мірѣ... яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская* (2, 15 и 16). О погибели этихъ-то свойствъ настоящаго міра и совѣтуетъ молиться писатель въ словахъ: *да преидетъ міръ сей*. Нашему же переводчику въ этомъ прекрасномъ мірѣ ненормальнымъ,—такимъ, которое должно погибнуть, кажется не грѣхъ людской и не то, что влечетъ къ этому грѣху, а все вообще настоящее устройство его, весь настоящій распорядокъ жизни современнаго человѣка съ подраздѣленіемъ людей на классы по образованію, положенію и богатству, съ различными требованіями долга управленія и подчиненія и т. п., и вотъ онъ слово: *κόσμος* переводитъ словомъ: *устройство міра сей...*

Но довольно о семъ; возвратимся къ покинутой нами 4-й главѣ и послѣ выясненія тѣхъ искаженій, какія допущены нашимъ переводчикомъ, какъ плодъ его вольномыслія, отмѣтимъ въ ней, а вслѣдъ за ней и въ другихъ главахъ имѣющія встрѣтиться цвѣты краснорѣчія нашего переводчика, старающагося всюду показать себя сторонникомъ вульгаризма въ слововыраженіи высокихъ религіозныхъ истинъ и даже самой молитвы Господней.

Вотъ эти цвѣты краснорѣчія нашего переводчика. Въ 4-й главѣ вмѣсто: *имѣй общеніе съ ними—общайся съ ними*; вмѣсто: *не думай двоедушно такъ или нѣтъ,—не двоедушничай и не говори: можно такъ, можно и такъ*, (въ подлинникѣ: *οὐ διψυχῆσεις, πότερον ἔσται ἢ οὐ*). Въ 5-й главѣ—вмѣсто: *любящіе суету* (въ подл.: *μάταια ἀγαπῶντες*)—любители *пустяковъ*. Въ 6-й главѣ вмѣсто: *чтобы кто не увлекъ или не совратилъ тебя съ этого пути* (въ подл. *πλανήσῃ*)—*чтобы кто не сбиль* тебя съ этого пути; вмѣсто: *потому что онъ учитъ тебя внѣ Бога, или не тому, что отъ Бога* (въ подлин. *ἐπεὶ παρεκτός Θεοῦ σε διδάσκει*)—такъ какъ онъ учитъ *не по Божьи*. Въ 8-й же главѣ онъ

такъ переводитъ молитву Господню, которая въ подлинникѣ дословно согласна съ греческимъ текстомъ ея въ Евангеліи отъ Матѳея кромѣ двухъ словъ въ призываніи (ἐν οὐρανῶ вмѣсто Мѳ. ἐν οὐρανοῖς), и по одному слову въ пятомъ прошеніи (ὀφείλημα вм. Мѳ. ὀφειλήματα) и словословіи. «*Отець нашъ, тотъ, что на небѣ! Да будетъ свято Твое имя! Да наступитъ царство Твое! Да совершится желаніе Твое, какъ на небѣ, такъ и на землѣ! Дай намъ пишу достаточную на день и прости намъ то, въ чемъ мы виноваты предъ Тобой, такъ какъ и мы прощаемъ тѣмъ, кто виноваты предъ нами и не введи насъ во испытанія, но избавь насъ отъ зла!*»

Скажите, любвеобильнѣйшій г. переводчикъ, какой смыслъ этихъ измѣненій вашего перевода сравнительно съ роднымъ каждому изъ насъ русскимъ текстомъ молитвы Господней, какъ онъ передается всюду въ православныхъ русскихъ книгахъ? Неужели вы серьезно думали, что этими измѣненіями вы упрощаете пониманіе этой молитвы? Неужели сказать: «Отець нашъ, тотъ, что на небѣ,» понятнѣе, чѣмъ: Отче нашъ, сущій на небѣ, или слово: *наступитъ* вмѣсто: *придетъ*,—*да совершится желаніе*¹⁾ вмѣсто: *да будетъ воля*? Слова же: Ἦὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον переводить: *пишу достаточную*, и совсѣмъ не правильно; ἄρτος значитъ собственно хлѣбъ и именно квасный (отъ αἴρω поднимаю), а ἐπιούσιος (отъ ἐπι—на, и οὐσία—существованіе, бытіе отъ εἶμι)—насущенный, т. е. необходимый для существованія; это же послѣднее понятіе даетъ разбираемому прошенію нѣсколько иной, богаѣ строго нравственный смыслъ, чѣмъ тотъ, который вытекаетъ изъ перевода нашего переводчика. Точно тоже должно сказать о переводѣ и остальныхъ прошеній. Названіе грѣха (ср. Лук, 11, 4) *долгомъ* челоуѣка Богу, на нашъ взглядъ, богаѣ строго и выдержанно, чѣмъ наименованіе его *виною*, какъ у переводчика. Опускаемъ слово: *испытаніе* вмѣсто *искушеніе* въ 6-мъ прошеніи; но не можемъ не остановиться на словѣ *зла* въ 7-мъ, поставленномъ вмѣсто слова: *лукаваю* (въ подл. τοῦ πονηροῦ). Прилагательное πονηρός нашъ переводчикъ выше въ V гл. перевелъ словомъ: *бѣдственъ*, а здѣсь существительнымъ: *зла*, избѣгая, очевидно, на мѣренно слова: *лукавый*, которое всего точнѣе выдерживаетъ основное

¹⁾ Сверхъ того: равнозначительно-ли слово подлинника τὸ θελημα русскому „желаніе“, коего источникъ въ чувствѣ по преимуществу, и которое есть временное проявленіе [этого чувства]? Θελημα—опредѣленіе воли,—воля указываетъ на вѣчное свойство Бога,—какъ личнаго Духа.

понятіе слова: *πονηρος* (отъ *πόνος* трудъ, хлопоты) о чемъ-то причиняющемъ трудъ, хлопоты, беспокойство и вообще зло. Впрочемъ оно и понятно; неправильно употребленное имъ слово по самой своей общности и отвлеченности даетъ ему возможность и переводъ этаго прошенія молитвы Господней, говорящаго о бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, приходящихъ къ намъ отъ діавола, сдѣлать, и сохранить цѣлымъ свое убѣжденіе, будто никакого діавола, какъ личнаго злаго существа, хитростію распространяющаго зло и приносящаго всякій вредъ людямъ, въ котораго по суевѣрію вѣрятъ православные, нѣтъ, а есть зло, какъ отвлеченное понятіе только, или какъ нравственное и физическое явленіе извѣстнаго рода. Но это можетъ быть удобно, только едвали правильно и, главное, справедливо!...

Намъ остается указать и разоблачить еще лишь нѣсколько неправильностей въ новомъ переводѣ остальныхъ главъ «Ученія двѣнадцати Апостоловъ», но за то неправильностей на столько очевидныхъ для каждаго въ своей неправомысленной тенденціозности и на столько важныхъ, что однихъ ихъ слишкомъ было бы достаточно, чтобы отвергнуть этотъ новый переводъ, какъ сектантскій, если бы даже въ немъ кромѣ ихъ и не было еще ничего нехорошаго.

Къ этимъ важнымъ и очевиднымъ сектантскимъ искаженіямъ новоотрытаго древнѣхристіанскаго документа въ видахъ эксплуатированія именемъ этого документа въ свою пользу довѣрчивыхъ читателей «Дѣтской Помощи», мы относимъ прежде всего употребленныя въ 7-й главѣ слова: омовеніе, омывать, вмѣсто: крещеніе, крестить. Самое содержаніе этой главы очевидно для каждаго показываетъ, что въ ней говорится о таинствѣ крещенія; нашъ переводчикъ не хочетъ употреблять этого слова, такъ напоминающаго собою «извѣстный церковный обрядъ, которымъ сопровождается вступленіе въ церковь», и ставитъ слово: омовеніе, не желая видѣть той филологической и логической ошибки, которая является у него при этомъ. Не видѣть же этихъ ошибокъ онъ не могъ. 1) *βαπτίζω*, не только въ библейско-церковныхъ словаряхъ вездѣ переводится специально-христіанскимъ терминомъ: крестить, какъ слово, употребляемое почти исключительно для обозначенія таинства крещенія; а и въ словаряхъ для свѣтскихъ греческихъ писателей оно указано, какъ обозначающее собою погруженіе въ воду, орошеніе водою и даже вообще погруженіе (въ переносномъ смыслѣ, напр., въ долги, *Plut. Galba 21*; *βαπτίζω* происходитъ отъ *βάπτω* — погружать, закапывать, покрывать). 2) Понятіе омовенія, которое употребляетъ нашъ переводчикъ вмѣсто техническаго:

крещеніе (въ смыслѣ погруженія), есть понятіе родовое по отношенію къ понятію обливанія, и потому логически неправильно говорить: если не можешь омывать, то облей, какъ говоритъ нашъ переводчикъ; потому что понятіе обливанія, какъ видовое, само входитъ въ понятіе омовенія. Другое дѣло слово: крещеніе; оно, какъ техническій терминъ для обозначенія (согласно со словопроизводствомъ слова βαπτίζω) именно погруженія, вполне правильно можетъ быть противопоставляемо слову: обливаніе, какъ оно и есть въ данномъ случаѣ текста.

Слѣдующая неправильность находится въ 9—10 и 14-й главахъ. Въ этихъ главахъ говорится о таинствѣ евхаристіи, какъ церковно-богослужебномъ учрежденіи. Его-то очевидно и не признаетъ нашъ переводчикъ, не признаетъ не только въ православномъ смыслѣ, а даже и въ протестантскомъ; по нему, кажется, никакого церковно-богослужебнаго воспоминанія Тайной Вечери и не должно быть. Поэтому переводчикъ употребляетъ всяческія средства, чтобы показать, что въ такомъ древнемъ христіанскомъ документѣ, какъ переведенное имъ «Ученіе двѣнадцати Апостоловъ», ничего не говорится о таинствѣ евхаристіи въ томъ его видѣ, какъ вѣруеть въ него церковь, именующая себя православною.

Тутъ-то прежде всего и помогаютъ ему сдѣланныя имъ заголовки. Такъ 9-ю и 10-ю гл., въ которыхъ говорится объ евхаристіи, онъ озаглавливаетъ: «молитва передъ пищей и питьемъ», и «молитва послѣ пищи и питья», а 14-ю, гдѣ рѣчь о церковной службѣ воскреснаго дня, надписываетъ: «о собраніяхъ». Едва ли кто подумаетъ, что эти заглавія принадлежать лично переводчику, а не самому писателю?... Итакъ первое сокрытіе отъ читателей того, о чемъ говорится въ данномъ мѣстѣ, сдѣлано и какъ будто удачно. Не такъ удачны дальнѣйшія поддѣлки переводчика.

Вотъ какъ читается у переводчика 9-я глава: «что же касается до благодарности (за пищу, то прежде) пищи благодарите такъ: сперва о питьѣ: благодаримъ Тебя, Отецъ нашъ, за святой виноградникъ Давида отрока Твоего, который (виноградъ) Ты открылъ намъ черезъ Иисуса Отрока Твоего. Тебѣ слава во вѣки! А объ подь благодарите такъ: какъ этотъ преломленный хлѣбъ былъ разсѣянъ (въ зернахъ) на холмахъ и соединенъ во едино, такъ да соберутся избранные ¹⁾ Твои съ концевъ земли въ царство Твое; потому что Твоя есть

¹⁾ Кстати отмѣтимъ, что во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоитъ греческое слово ἐκκλησία нашъ переводчикъ употребляетъ не слово: церковь, а избранные, и

слава и сила черезъ Иисуса Христа во вѣки. Но пусть никто не ѣсть, не пьетъ отъ вашей трапезы кромѣ омытыхъ во имя Господне; потому что объ этомъ-то сказалъ Господь: не давайте святыни псамъ». 10-я глава начинается у него такъ: «послѣ того какъ насытитесь, благодарите такъ: «благодаримъ Тебя» и пр.; а 14-я глава—такъ: «въ день Господень, собравшись вмѣстѣ, ѣшьте и благодарите, исповѣдавши прежде грѣхи свои, дабы чиста была ваша жертва»... Ужъ и изъ этого перевода каждый, думается намъ, самъ пойметъ, что здѣсь рѣчь не вообще о пищѣ и питьѣ, какъ озаглавлено у нашего переводчика, а объ такой трапезѣ, къ которой нужно приступать, исповѣдавши грѣхи свои, какъ къ жертвѣ, какъ къ святынѣ, въ которой не имѣютъ права участвовать некрещенные и которая должна быть совершаема въ собраніи въ день Господень,—словомъ о таинствѣ евхаристіи. Понималъ это конечно и нашъ переводчикъ и все таки объ этой святынѣ цѣлыхъ миллионъ рѣшилъ выражаться такъ небрежно и безблагодарно, какъ: *ѣда, питье, ѣшьте*. Конечно, извинительна была бы эта небрежность, если бы она была правильно-точнымъ переводомъ подлинника. Въ томъ-то и дѣло, что во имя этой небрежности переводчикъ допускаетъ и для него самого, конечно, очевидныя неправильности въ переводѣ.

Такъ начало 9-й главы въ подлинникѣ читается такъ: *Περὶ δὲ τῆς εὐχαριστίας, οὕτως εὐχαριστήσατε πρῶτον περὶ τοῦ πατρῷου· εὐχαριστοῦμέν σοι, πάτερ ἡμῶν, ὑπὲρ τῆς ἁγίας ἀμπέλου Δαυὶδ τοῦ παιδός σου...* Ясно и изъ простаго сопоставленія этихъ словъ съ выше приведеннымъ переводомъ ихъ у нашего переводчика, что въ переводѣ этомъ поставленная въ скобкахъ прибавка не справедлива потому, уже, что произвольна; но она и не правильна, какъ не правильна и осталная часть перевода. Слово *εὐχαριστία* дѣйствительно вообще означаетъ благодарность, благодареніе; но въ болѣе частномъ христіанскомъ смыслѣ этимъ словомъ обозначается именно благодарственное молитвословіе къ Богу, имѣющее совершительное значеніе въ таинствѣ причащенія. Отсюда это слово уже со временъ Апостольскихъ стало какъ бы техническимъ терминомъ для обозначенія всего вообще этого таинства, состоящаго, какъ извѣстно, изъ двухъ частей — совершительной молитвы о принесенныхъ хлѣбѣ и винѣ и самаго вкушенія ихъ. Въ такомъ смыслѣ употреблено это слово и

это очевидно, не ради точности перевода, о соблюденіи которой онъ не особенно-то хлопочетъ, какъ можно было видѣть это и въ представленныхъ нами образцахъ, а во имя принципа не имѣть ни въ чемъ общенія съ церковниками.

въ данномъ мѣстѣ, что несомнѣнно знаетъ и нашъ переводчикъ; ибо онъ же въ концѣ 9 главы слова подлинника: *μηδεὶς δὲ φαγέτω μηδὲ πίετω ἀπὸ τῆς εὐχαριστίας ὑμῶν, ἀλλ' οἱ βαπτισθέντες...* перевелъ: пусть никто не ѣстъ, не пьетъ отъ вашей трапезы кромѣ омытыхъ. Итакъ переводчикъ намѣренно искажилъ первыя слова 9 главы, которыя слѣдовало бы перевести такъ: «А относительно евхаристіи, совершайте ее, или благодарите такъ». Неправильно перевелъ онъ и слово *ποτηρίου*, которое означаетъ не питье (*ποτόν*) вообще, а чашу или кубокъ, изъ котораго пьютъ, а въ данномъ случаѣ чашу, наполненную виномъ; ибо дальше слово это прямо замѣняется словомъ: *ἄμπελος* (Ср. I Кор. 10 16; Лук. 22, 14). Переводъ же этого слова; *ἄμπελος* словомъ: виноградникъ, вѣроятно, опечатка; потому что въ слѣдующемъ за симъ придаточномъ предложеніи при мѣстоименіи: *ἧς*—который; относящемся къ тому же слову: *ἄμπελος*, въ качествѣ поясненія этаго отношенія вставлено слово: виноградъ, а не виноградникъ. Словомъ, стало быть, ясно было и для переводчика, что въ данномъ случаѣ рѣчь не объ питьѣ вообще, а о питіи святаго винограда, т. е. питіи его въ таинствѣ евхаристіи. Точно также ясно было для него, что и въ слѣдующемъ предложеніи не о всякой вообще *πῶδ* рѣчь, а объ *κλάσμα*: Слово это (отъ *κλάω*—ломать, отламывать) означаетъ собственно отломокъ, кусокъ; а такъ какъ дальше прямо говорится, что *κλάσμα* эта была разсѣяна нѣкогда по холмамъ, а теперь соединена воедино; то ясно, что здѣсь подъ *κλάσμα* разумѣется зерновой хлѣбъ преломляемый (Ср. I Кор. 10, 16); по сравненію же даннаго мѣста съ 14 гл., и именно тѣмъ мѣстомъ, которое переведено у нашего переводчика: «Собравшись вмѣстѣ ѣшьте и благодарите», а въ подлинникѣ читается: *συναχθέντες κλάσατε ἄρτον καὶ εὐχαριστήσατε*, подъ *κλάσμα* можно разумѣть не только хлѣбъ преломляемый, а и самое преломленіе, и даже вкушеніе преломляемаго хлѣба, но ни въ какомъ случаѣ не *πῶδ* вообще всякой пищи.

Итакъ не только для насъ съ вами, читатель, думаемъ, ясно, что въ рассматриваемыхъ мѣстахъ рѣчь именно о таинствѣ евхаристіи, состоящемъ изъ благодарственной молитвы къ Богу о чашѣ съ святымъ виноградомъ и о святомъ хлѣбѣ преломляемомъ, и изъ вкушенія ихъ вѣрующими, а ясно было все это и для переводчика, который не по невѣднію, а намѣренно и произвольно искажилъ переводъ даннаго мѣста, чтобы какъ-нибудь оправдать свое пониманіе его, выраженное въ заглавіяхъ 9 и 10 главъ, хотя и напрасно.

Слѣдующее мѣсто изъ намѣченныхъ нами для разбора новаго

перевода въ послѣднихъ главахъ «Ученія Апостоловъ» находится въ 11 гл., гдѣ рѣчь о признакахъ истинныхъ и ложныхъ пророковъ. Не одинъ разъ здѣсь встрѣчается выраженіе: ἐν πνεύματι при глаголѣ λαλέω; но ср. съ Іоан. 4, 23, 24 и I Кор. 14, 2; 12, 3 и многими параллельными имъ мѣстами въ твореніяхъ отеческихъ, здѣсь разумѣется молитвословіе, или поученіе, произносимое пророкомъ по вдохновенію, т. е. по непосредственному внушенію и воздѣйствію на говорящаго Духа Св. Нашъ переводчикъ, не признающій таинства, не признаетъ и этого нарочитаго воздѣйствія Духа Божія на душу человѣка, какъ орудія молитвеннаго состоянія человѣка; поэтому онъ вездѣ переводитъ выраженіе: ἐν πνεύματι выраженіемъ: «о духовномъ», «духовное», указывая этимъ на предметъ или содержаніе молитвы или поученія, а не на характеръ происхожденія ихъ. Очевидно, что это не только не правильно, но и не справедливо; ибо о чемъ другомъ, какъ не о духовномъ, Божественномъ и можетъ быть рѣчь въ церковномъ поученіи? ..

Другія неправильности, обнаруживающія въ переводчикѣ не особенно глубокое знаніе греческаго языка, но не искажающія основныхъ мыслей переведеннаго древняго памятника, мы оставляемъ и, скорѣе гоня свою рѣчь къ концу, переходимъ къ 15 главамъ, гдѣ говорится объ епископахъ и діаконахъ.

Глава эта въ подлинникѣ начинается такими словами: χειροτονήσατε οὖν ἑαυτοῖς ἐπισκόπους καὶ διακόνους ἁγίους τοῦ Κυρίου. По установившейся въ христіанской церкви терминологіи слова эти должны быть переведены такъ: «Рукополагайте себѣ епископовъ и діаконѣвъ, достойныхъ Господа». Нашъ переводчикъ не признаетъ ни за епископскимъ, ни за діаконскимъ служеніемъ таинственнаго значенія, происходящаго отъ того, что тѣ и другіе — епископы (а слѣдовательно и пресвитеры) и діаконы не просто избираются и поставляются христіанской общиной, а чрезъ преемственное епископское руковожденіе получаютъ нарочитые дары Духа Св. для своего служенія, и потому переводитъ данныя слова такъ: «Поставляйте себѣ надзирателей и служителей, достойныхъ Господа». Сообразно съ этимъ сдѣлано имъ и заглавіе. Конечно, мы не имѣемъ права требовать отъ переводчика, чтобы самъ онъ признавалъ епископское и діаконское служеніе въ церкви, какъ тайнодѣйственное; но какъ скоро онъ взялся переводить сочиненіе, несомнѣнно вышедшее изъ общества вѣрующихъ въ это служеніе, установившаго для него извѣстную терминологію, взялся переводить это сочиненіе не для

себя, а для того самаго христіанскаго православнаго общества, которое признаетъ и это служеніе и эту терминологию; то онъ, какъ добросовѣстный переводчикъ, не имѣлъ никакого права установившіяся для извѣстныхъ греческихъ словъ спеціальныя, такъ сказать, техническія значенія ихъ замѣнять своими, пусть даже эти послѣднія и правильнѣе въ лексическомъ отношеніи. Въ данномъ же случаѣ онъ не можетъ имѣть и этого оправданія; ибо 1) слова: епископъ и діакопъ не переводъ словъ: ἐπίσκοπος и διάκονος, который никогда не можетъ *опомнѣть* обнимать собою понятіе переведеннаго слова, а тѣ же самыя греческія слова въ русскомъ выговорѣ; 2) глаголь: χειροτονέω и у свѣтскихъ писателей означаетъ не поставлять вообще, а именно избирать въ народномъ собраніи чрезъ поднятіе рукъ избирателями.

Мы кончили свой разборъ новаго перевода недавно открытаго и такъ всѣхъ интересующаго въ силу своей древности и важности христіанскаго документа, извѣстнаго подъ заглавіемъ: «Ученіе двѣнадцати Апостоловъ». И что же? Какой выводъ можно и должно сдѣлать о достоинствѣ этого перевода, а отсюда объ его значеніи и судьбѣ?

Прежде чѣмъ мы сдѣлаемъ этотъ выводъ, да позволено будетъ намъ припомнить объ одномъ переводѣ тоже древнехристіанскихъ греческихъ писаній, читанномъ нами года два тому назадъ.

Мы говоримъ о пресловутомъ «Новомъ Евангеліи графа Л. Толстаго». Евангеліе то снабжено было предисловіемъ, въ которомъ указаны мотивы, заставившіе г. Толстаго сдѣлать новый переводъ; мотивы эти тѣ, что наши каноническія евангелія въ ихъ настоящемъ видѣ искажены — и ненамѣренно древними переписчиками и намѣренно церковниками, которые въ своихъ видахъ многое внесли въ евангелія такого, чего не было на самомъ дѣлѣ. Отсюда само собою вытекала и задача новаго Евангелія — очистить (!) наше старое 2000-лѣтнее евангеліе, (буква въ букву почти тождественное и въ послѣднемъ своемъ печатномъ изданіи и въ Тишендорфовой рукописи IV вѣка и хранимое вселенскою церковію, какъ зеница ока), отъ привзошедшихъ якобы въ него примѣсей и искаженій. Приступивши къ выполненію этой выдуманной задачи безъ науки, безъ исторіи, съ плохимъ знаніемъ греческаго языка и съ большою самоувѣренностію въ чистотѣ своихъ личныхъ религіозныхъ убѣжденій, основанныхъ на личномъ чувствѣ и вкусѣ, графъ представилъ въ своемъ произвольномъ переводѣ нѣчто невообразимо противорѣчивое, туманное, ложно-фальшивое, грубо-нелѣпое и, главное, совершенно бездоказательное. Русскій языкъ его евангелія отдавалъ какимъ-то цинизмомъ, для котораго нѣтъ ничего святаго;

переводъ былъ въ высшей степени неправиленъ не только со стороны лексической, а и грамматической. По содержанию же это былъ не переводъ, а произвольный, основанный не на филологіи, или толкованіи древнихъ отцевъ, а исключительно на личномъ вкусѣ графа, перифразъ нѣкоторыхъ отдѣловъ евангелій, настолько произвольный, что часто нельзя было добратся, какое мѣсто изъ евангелія имѣется у него виду въ извѣстномъ предложеніи или тирадѣ; смыслъ евангельскихъ сказаній искаженъ былъ до не узнаваемости. Изъ евангельскихъ разсказовъ опущено было почти все ученіе Господа о Себѣ Самомъ, какъ личномъ Богѣ, единосущномъ Отцу, и совершенномъ Имъ искупленіи людей отъ грѣха, о Духѣ Св. какъ третьемъ лицѣ Св. Троицы, нисходящемъ на каждого человѣка и усвояющемъ Ему и прощеніе грѣховъ, и вѣдѣніе, и силы къ нравственной жизни, о церкви—объ ея непогрѣшимости вслѣдствіе вѣчнаго пребыванія въ ней Духа Св. и Самого Господа въ таинствахъ, о діаволѣ—какъ зломъ личномъ духовномъ существѣ, объ ангелахъ, о страшномъ судѣ, и многое тому подобное, что составляетъ существенные пункты нашей христіанской вѣры, почерпаемой изъ Писанія и преданія. Съ оставленныхъ же графомъ разсказовъ о чудесахъ Господа снята чудесная окраска и онѣ искаженно представлены простыми до тривіальности событіями. Изъ этихъ оставленныхъ графомъ разсказовъ главнымъ образомъ о нравственныхъ поученіяхъ Господа и Его дѣлахъ милосердія выходило, что Богъ—это какая-то отвлеченная идея добра, долженствующая осчастливить собою міръ человѣческой, но забытая этимъ міромъ и вновь внесенная въ него додумавшимся до нея Христомъ, дѣло спасенія Христова, или, что тоже, вѣра христіанская, спасающая насъ—это уразумѣніе Божественнаго смысла жизни, т. е. уясненіе себѣ людьми и проявленіе ими въ своей жизни сущности добра—любви какъ милосердія; религія—это добрая дѣятельность человѣка въ пользу ближняго во имя Божественной идеи; безъ строго-опредѣленныхъ вѣрованій; воздѣйствія Бога на человѣка, по Писанію и преданію такъ необходимаго для полноты жизни, нѣтъ и быть не можетъ.

Вотъ что мы нашли въ Новомъ Евангеліи графа Толстаго. Словомъ мы нашли въ немъ полное отверженіе всей сущности христіанства и всѣхъ основныхъ истинъ его вѣроученія,—нашли чуть не всѣ лжеученія, съ первыхъ вѣковъ христіанства до нашихъ дней проповѣдуемые не желающими ни во что вдумываться верхоглядями и основательно, полно и обстоятельно разобранныя и опровергнутыя въ ихъ основ-

ныхъ положеніяхъ не только въ твореніяхъ отеческихъ, а и въ современныхъ намъ богословскихъ сочиненіяхъ и журналахъ 1), — нашли всѣ эти лжеученія только, увы! въ самомъ жалкомъ и уродливомъ, вслѣдствіе полной безосновательности, неопредѣленности и противорѣчивости изложенія, видѣ.

Признаемся, въ виду указанныхъ особенностей «Новаго Евангелія» во многихъ случаяхъ слишкомъ очевидныхъ для ума и неособенно, тонкаго, и слишкомъ горькихъ для простаго вѣрующаго сердца, весьма дивились мы, какъ это православные русскіе люди увлекаются этимъ новымъ евангеліемъ, какъ не поймутъ всей его избитой и истасканой пустоты и лживости. Неужели, думалось намъ, не слыхали, или не читали они опроверженія подобныхъ заблужденій, въ обилии разсѣяннаго въ нашихъ духовныхъ книгахъ журналахъ?... А что православные русскіе люди и именно изъ интеллигентнаго высшаго и средняго класса — увлекались, доказательствомъ этому служить то, что не смотря на запрещеніе печатать «Новое евангеліе», оно въ гектографированныхъ спискахъ издано было три, кажется, раза въ полгода.

Мы читали его по второму изданію, и тогда же собирались было печатно разъяснить суть дѣла и изобличить графа и въ полной неаучности его умствованій, ихъ лживости и хвастливой пустотѣ, очевидной противорѣчивости и т. п.; но остановились по двумъ соображеніямъ. 1) Если бы полно и обстоятельно опровергать всѣ яко бы новыя научныя открытія графа; то пришлось бы опровергать почти каждую строку его евангелія и для этого повторять то, что сто разъ уже разъяснено и доказано не только въ поименованныхъ нами сейчасъ богословскихъ и философскихъ сочиненіяхъ и статьяхъ, а и во многихъ другихъ 2) Насъ удержало потомъ и то соображеніе, что новое евангеліе не напечатано, а гектографировано тайно; пожалуй скажутъ, думали мы, что мы права не имѣемъ возражать противъ непечатнаго...

1) См. напр. арх. Михаила „О евангеліяхъ и евангельской исторіи“, пр. Рождественскаго: „Историческое обозрѣніе книгъ новаго завѣта“, Н. Троицкаго „О происхожденіи первыхъ трехъ кап. евангелій“, св. Полотебнова „О евангелія отъ Луки“, пр. Богословскаго „О евангелія отъ Іоанна“, Н. Молчанова о томъ же, Вл. Маркова „О евангелія отъ Маттея“, Сольскаго „О сверхъестественномъ элементѣ въ ново-завѣтномъ откровеніи“, и цѣлый рядъ статей В. Д. Кудряцева, Рождественскаго, Петропавловскаго, Тернера, Тренча и многихъ другихъ (въ журналахъ: Прав. Обозрѣніе, Христ. Чтенія, Чтеніе въ О. Л. Д. Пр., опровергающихъ бредни пантеистовъ и деистовъ, подобія графскимъ Догмат. богословія Филарета Черниговскаго, Макарія лит. и арх. Сильвестра и мн. мн. др.

Съ тѣхъ поръ прошло почти два года, и мы совсѣмъ было забыли и о графѣ Толстомъ и объ его новомъ евангеліи; только не такъ давно изъ какой-то газеты намъ передали печатную вѣсть объ немъ, что онъ занимается физическимъ трудомъ и деньги раздаетъ нищимъ; да теперь еще, когда мы перечитывали въ «Дѣтской Помощи» новый переводъ «Ученія двѣнадцати Апостоловъ» и писали разборъ этого перевода, гр. Толстой опять намъ вспомнился.

Да, въ этомъ новомъ (сравнительно съ переводами журнала «Странникъ» и Труды Кіевской Духовной Академіи) переводѣ «Ученія двѣнадцати Апостоловъ» буквально тѣ же самыя особенности, что и въ «новомъ евангеліи гр.» Толстаго. Тотъ же грубо-тривіальный стиль русскаго языка; таже фальшивая поддѣлка подъ простонародную рѣчь, что и въ «новомъ евангеліи.»; таже плохое знаніе элементарныхъ правилъ греческой грамматики и греческой лексикологіи. Правда, тутъ нѣтъ пропусковъ цѣлыми главами, какъ въ н. евангеліи; но 1) тутъ и опускать—то не изъ чего: весь переведенный документъ въ 200 стиховъ; 2) тутъ въ оправданіе своихъ новшествъ нельзя сослаться ни на десятки тысячъ разночтеній, ни на злоумышленные методичныя въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ совершавшіяся искаженія подлинника церковниками. Только еще два русскіихъ православныхъ перевода «Ученія двѣнадцати Апостоловъ» явилось до этого новаго перевода его; и разночтеній—то указано у Вриеннія и у другихъ не больше 10, или 15 и притомъ разночтеній совсѣмъ незначительныхъ. При всемъ томъ и въ разбираемомъ нами переводѣ мы указали выше пропускъ правда одного слова, но такой, который явно сдѣланъ въ угоду личному убѣжденію переводчика и совершенно безосновательно. Правда и то, что новый переводъ нельзя назвать перифразомъ, какимъ является «Н. евангеліе г.» Толстаго; это все таки переводъ, но переводъ неправильный не только въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, а и въ историческомъ и въ логическомъ и вообще научномъ, переводъ вольный въ смыслѣ произвольнаго. За то, что касается искаженій смысла подлинника въ этомъ переводѣ; то ихъ также много въ немъ, какъ и въ н. евангеліи, конечно сравнительно съ объемомъ того и другаго. Главное же—то, что искаженія эти по своему содержанію и направленію не только однородны, а и буквально тождественны съ искаженіями «Новаго Евангелія». Тоже представленіе Бога въ пантеистическомъ смыслѣ и сущности вѣры христіанской, спасающей человѣка, въ одной доброй милосердой дѣятельности его на пользу ближняго безъ всякихъ умствованій и вѣ-

роvanій; тоже отверженіе таинствъ крещенія и причащенія, какъ священнодѣйствій, въ которыхъ чрезъ видимое посредство мы дѣйствительно соединяемся со Христомъ и получаемъ Духа Св.; воздѣйствіе Духа Св.—какъ личнаго Бога на человѣка, восполняющее собою полноту нашей религіозной жизни, и здѣсь отвергается, какъ и въ н. евангеліи. И здѣсь точно также какъ и тамъ проводятся тѣ же по меньшей мѣрѣ странныя идеи общественныхъ отношеній. Словомъ тѣ же истасканныя и софистическія лжеученія, которыя въ своихъ основныхъ положеніяхъ еще до появленія ихъ въ «Новомъ Евангеліи», сотни разъ были опровергнуты въ богословскихъ сочиненіяхъ и духовныхъ журналахъ. Парраллель выходитъ полная даже въ томъ, что какъ Новое. Евангеліе распространялось главнымъ образомъ среди молодежи, такъ и новый переводъ «Ученія двѣнадцати Апостоловъ» появляется не въ ученое или богословское журналѣ, а въ органѣ Общества о бѣдствующихъ дѣтяхъ въ Москвѣ—въ жур. «Дѣтская Помощь».

Если же такъ, если свойства и достоинства разбираемаго нами перевода «ученія апостоловъ» ниже серьезной критики, если особенно эти однородны по своему характеру и, такъ сказать, содержанію съ особенностями «Новаго евангелія» гр. Толстаго; то ясно, значить, что и этотъ «новый переводъ съ предисловіемъ и послѣсловіемъ» произведеніе пера того же графа Толстаго, что и новое евангеліе. Отсюда и значеніе, или смыслъ его появленія тотъ же, что и смыслъ появленія «новаго евангелія. То и другое написано было графомъ въ оправданіе *своихъ* заблужденій во имя одного лишь самолюбія.

Правда, прежде своего Евангелія графъ издалъ тогда еще «Исповѣдь», гдѣ онъ въ художественныхъ штрихахъ начерталъ тотъ процессъ душевныхъ состояній—томленій, сомнѣній, колебаній и разочарованій, которыя, будто бы, не скоро, но естественно и сами собою привели его къ убѣжденіямъ, высказаннымъ имъ въ его евангеліи. Но внимательное разсмотрѣніе этой исповѣди показываетъ, что эти убѣжденія таились въ графской душѣ и раньше того, какъ показаны они происшедшими; что описанный имъ процессъ душевной жизни не списанъ имъ съ собственной натуры, а составленъ графскимъ умомъ на основаніи отдѣльныхъ наблюденій, какъ дѣлалъ онъ то и въ романахъ; что въ этомъ описаніи онъ не безпристрастный анализъ этихъ движеній представляетъ, а рисуетъ и составляетъ его ¹⁾

¹⁾ За это говоритъ особенно неестественность въ некоторыхъ психологическихъ переходахъ и горделиво—впуская развязность въ изображеніи нѣкоторыхъ тайныхъ душевныхъ движеній.

для оправданія предъ свѣтомъ и успокоенія своего самолюбія за тѣ основныя убѣжденія, которыя высказаны въ евангеліи. Новое «евангеліе» поэтому—не увлеченіе больной души, ищущей свѣта; иначе оно не могло бы остаться такимъ неподвижнымъ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, а упорное во имя самолюбія оправданіе своего невѣрія, желаніе присоваться имъ предъ «малыми сими» малосвѣдущими въ разпознаваніи душевной жизни людской, изгибы которой такъ глубоки и далеки. Пусть де «осанна» кричатъ,—вотъ тотъ мотивъ, по которому написано новое евангеліе.

Такой же смыслъ видимъ мы и въ «новомъ переводѣ» «Ученія двѣнадцати Апостоловъ». Графу нужно было для себя самаго — не для разума, а для самолюбія оправдать предъ тѣми «малыми» свои новоевангельскія убѣжденія, истинность которыхъ такъ изобличалась не этими «православными церковниками», которыхъ можно не слушать, заподозривъ ихъ въ корыстолюбивомъ пристрастіи и косности, а древнимъ документомъ, который нельзя еще заподозрить въ искаженіи и который у всѣхъ на глазахъ. И вотъ является новый переводъ этого документа, искажающій его основныя мысли согласно съ графскими убѣжденіями и помѣщается въ журналѣ «Дѣтская Помощь», распространенномъ главнымъ образомъ между интеллигентнымъ—вышимъ и среднимъ обществомъ. Это общество повѣритъ ему на слово; а церковники?—да они безсильны разоблачить эти искаженія и опровергнуть эти убѣжденія. Вѣдь промолчали же они объ евангеліи!

Таковы, думается намъ, побужденія и задачи, которыя преслѣдуются новымъ переводомъ...

Правы ли мы, въ своемъ пониманіи смысла разсматриваемаго нами произведенія, правы ли мы рѣшившіеся на разоблаченіе этого смысла и этихъ искаженій, допущенныхъ для выясненія указаннаго смысла¹⁾ и будетъ ли толкъ отъ этого разоблаченія, объ этомъ пусть скажутъ люди и время... Я же? *Dixi et animam levavi*...

Свящ. І. Соловьевъ.

¹⁾ Опровергать самыя убѣжденія графа, разоблаченныя нами отъ ихъ прикрасъ, не стоитъ; такъ они малосостоятельны въ своей бездоказательной лживости и мелкости, и такъ давно отвергнуты съ ихъ принципиальной стороны всѣми здравомыслящими и думающими людьми.

Болгарскій Рыльскій монастырь *),

Рыльскій монастырь, получившій свое названіе отъ Рыльской пустыни, орошаемой рѣкой Рыло, по географическому своему положенію находится не въ Болгаріи, а въ Македоніи, вѣрнѣе сказать, въ мѣстности, гдѣ Македонія граничитъ съ Фракіей и Болгарскимъ княжествомъ и лежитъ подъ 40°20' широты и 41°10' долготы. Ближайшіе къ монастырю города: Самоковъ—въ 45, Дупница и Джумая въ 40 верстахъ. Отъ Софіи, столицы Болгарскаго княжества до Рыльскаго монастыря не менѣе 100 верстъ.

1. Мѣстоположеніе монастыря и рѣка Рыло.

Рыльскій монастырь расположенъ между тремя высокими горами, какъ между стѣнами, изъ коихъ двѣ имѣютъ направленіе отъ юго-востока къ сѣверо-западу, а третья отъ запада къ югу. Верхъ послѣдней горы носить названіе Царева верха. Въ небольшемъ разстояніи отъ монастыря на югѣ течетъ рѣка Рыло, отъ которой получили названіе и монастырь и гора Рыльская и село, довольно значительное, называемое Рыльскимъ. Это село находится въ верстахъ 15 отъ монастыря. Рѣка Рыло названа такъ, какъ можно предполагать, потому, что она изрыла, прокопала себѣ русло быстрымъ теченіемъ своимъ подъ гору. Рѣка Рыло вытекаетъ изъ озеръ, находящихся вверху горъ. У самаго монастыря на югъ въ рѣку Рыло впадаетъ небольшая рѣчка Друшлявица, т. е. трясущая, сбивающая все попадающее на пути. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Друшлявицы впадаетъ въ рѣку Рыло другая рѣка, извѣстная подъ именемъ Плиной. У Рыльскаго села впадаетъ въ рѣку Рыло еще нѣсколько малыхъ рѣчекъ, которыя текутъ отъ горъ съ разныхъ сторонъ. Притоки дѣлаютъ рѣку Рыло довольно многоводною; весной иногда она затопляетъ довольно значительныя низменные пространства. Протекая подлѣ селъ: Стобъ, Пороминово и Бараково, рѣка Рыло, наконецъ, впадаетъ въ рѣку Струму (Стримовъ).

*) Составлено по сочиненію іеромонаха Неофита, изд. въ 1879 году.

2. Климатъ и богатство природы.

Вся мѣстность, занимаемая монастыремъ, отличается чистымъ и здоровымъ воздухомъ. Въ зимнее время тамъ не бываетъ сильнаго, невыносимаго холода, потому что монастырь со всѣхъ сторонъ окруженъ высокими горами. Лѣтомъ не бываетъ невыносимаго зноя, потому что монастырь находится на довольно значительномъ возвышеніи, а не у подошвы горъ. Луга, дубравы, садики и лѣсъ на горахъ придаютъ мѣстности красивый видъ и въ тоже время дѣлаютъ воздухъ особенно пріятнымъ. Деревья различныхъ родовъ и видовъ. Горы почти сплошь покрыты высокими и красивыми, какъ кипарисы, тѣястыми буками, многолѣтними дубами и ароматичными тополями. Есть тутъ и береза, и липа, а при рѣчкахъ: ольха, верба и проч. Есть и такія деревья, которыхъ названіе неизвѣстно Болгарамъ. Много способствуютъ охлажденію лѣтняго жара и двѣ рѣчки, протекающія около монастыря. Рыло и Друшлявица. Эти двѣ рѣчки, кромѣ того, приносятъ громадную пользу монастырю. На Друшлявицѣ поставлена мельница; а на Рыло-лѣсопильня и кузница. Обиліе воды даетъ монастырю возможность изготовлять многіе предметы, потребные для него, собственными своими силами. Въ рѣкѣ Рыло водится рыба форель; ловится она довольно въ значительномъ количествѣ. Около монастыря растетъ много травъ, которыя употребляются въ пищу; между таковыми болѣе замѣчательнъ особенный видъ капусты, приготовляемый монахами на зиму. Грибы—всевозможныхъ родовъ въ изобиліи. Не мало тутъ и цѣлебныхъ растений. Климатическія благоприятныя условія даютъ возможность съ особымъ успѣхомъ разводить разнаго рода огородныя растенія, потребныя для монастырской братіи и для богомольцевъ.

Прекрасный климатъ, богатство природы и рѣка Друшлявица и были причиною того, какъ надобно полагать, что ученики и послѣдователи преподобнаго Іоанна Рыльского положили основаніе монастырю не тамъ, гдѣ подвизался преподобный, а именно на этомъ мѣстѣ, столь прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ.

3. Рыльская пустыня. Преподобный Іоаннъ и основаніе Рыльского монастыря.

До поселенія преподобнаго Іоанна въ пустыни, она была совсѣмъ необитаема; ее посѣщали развѣ только охотники, да пастухи. Пустыня Рыльская, начинаясь у Рыльского села, простирается на востокъ отъ монастыря до Самоковского поля и занимаетъ довольно значительное

пространство во всё стороны. Къ югу же, начинаясь при впаденіи рѣки Иліиной въ Рыло, Рыльская пустыня простирается даже до Разлога, а къ сѣверо-востоку и далѣе. Въ этой мѣстности и находятся тѣ озера, изъ которыхъ получила начало рѣка Рыло. Въ районѣ этой пустыни входятъ многія очень высокія горы и мѣстами совсѣмъ голыя. Диаметръ пустыни 16 часовъ ходу, а окружность — 60 часовъ. Монастырь находится почти въ самомъ центрѣ пустыни. Границитъ пустыня къ востоку и сѣверу съ округами Самоковскимъ и Дуническимъ, а къ западу и югу — съ Джумайскимъ и Разлогскимъ. Въ прежнее время вся эта пустыня цѣликомъ принадлежала монастырю, но потомъ нѣкоторыя ея части отошли въ частное владѣніе, проще сказать, насильно отобраны у монастыря. Нѣкоторыя горы, находяціяся въ пустыни и принадлежація монастырю, отдаются отъ монастыря въ аренду овцеводамъ, на другихъ пасутся монастырскія стада. Въ пустынь и до сихъ поръ нѣтъ поселеній; посѣщаютъ ее лишь охотники и пастухи, какъ и въ давнія времена. Въ лѣсистыхъ мѣстахъ водится очень много разнаго рода дикихъ звѣрей и дичи.

Первый поселенецъ въ этой пустынь былъ преподобный Іоаннь, названный Рыльскимъ потому, что жилъ въ этой пустынь и негдѣнно почиваетъ въ Рыльскомъ монастырѣ. Въ знакъ своего глубокаго уваженія къ преподобному, болгарскіе цари передали ему въ собственность и въ вѣчное владѣніе все то пространство земли, которое занимаетъ Рыльская пустыня. Такъ сохранившаяся грамота (Хрсовуль) послѣдняго болгарскаго царя Іоанна Шишмана 1379 года точно и ясно опредѣляетъ границы Рыльской пустыни, переданной въ вѣчное владѣніе преподобному, при чемъ указываетъ и на другія владѣнія въ разныхъ мѣстахъ, также отданныя ему предшественниками Шишмана. Впослѣдствіи многія поземельныя владѣнія внѣ пустыни насильственно отобраны у монастыря, но и при всемъ томъ монастырь еще владѣеть громадною поземельною собственностію. Право владѣнія подтверждено и султанами. Многіе изъ нихъ издали по этому случаю особые *хатишерифы*.

Преподобный Іоаннь, какъ видно изъ жизнеописанія, составленнаго послѣднимъ тырновскимъ патріархомъ Еввѣмиемъ, родился въ Софійской епархіи въ селѣ Скрино, отстоявшемъ верстахъ въ 60 отъ Софіи. Село это въ настоящее время не существуетъ. Родомъ онъ былъ болгаринъ и еще съ дѣтства почувствовалъ призваніе къ иночеству. По смерти своихъ родителей, онъ роздалъ все свое имущество нищимъ и убогимъ и ушелъ въ одинъ изъ ближайшихъ монастырей, гдѣ и при-

нялъ монашество. Приучивши себя къ иноческому житію, преподобный рѣшился оставить монастырь и удалиться въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ, вдали отъ людей, совершенно предаться иноческимъ подвигамъ. Онъ просилъ Бога указать ему такое мѣсто и Господь услышалъ молитву его. Въ одно время, когда преподобный отдыхалъ послѣ трудовъ, Господь явился ему во снѣ и указалъ на близъ лежащія горы и повелѣлъ идти туда. Взявъ съ собою лишь кожанную одежду, которую носилъ, преподобный немедленно отправился въ указанное мѣсто и тамъ поселился въ сдѣланномъ изъ хвороста шалашѣ. Сколько времени онъ пробылъ здѣсь, неизвѣстно. Извѣстно только то, что отсюда онъ перешелъ въ другое мѣсто и поселился въ одной открытой имъ темной пещерѣ, гдѣ и пробылъ двѣнадцать лѣтъ, проводя и дни и ночи въ молитвѣ, трудахъ и подвигахъ. Оставилъ эту пещеру преподобный лишь по неволѣ. На него напали разбойники, избивли его до полусмерти и, утащивъ его далеко отъ пещеры, строго воспретили ему возвращаться въ нее. Возложивъ всю свою надежду на промыслъ Божій, преподобный Іоаннъ пошелъ отыскивать себѣ новое мѣсто, гдѣ бы могъ поселиться и продолжать свои подвиги. Наконецъ, онъ дошелъ до Рыльской пустыни и, на окраинѣ ея нашедши дубъ съ громадной пустотой, поселился тутъ. Какъ ни старался преподобный укрыться отъ людей, но не могъ. Господь видимо хотѣлъ прославить его предъ людьми. Сначала открыли мѣстопребываніе преподобнаго пастухи. Возвратившись домой, они рассказали роднымъ и знакомымъ о подвигахъ святаго. Вѣсть эта быстро разнеслась по всей окрестности. Всѣ снѣшили посмотреть на великаго подвижника и принять отъ него благословеніе. Многіе хотѣли было и остаться тутъ, чтобы также предаться подвижничеству, но преподобный отклонилъ ихъ намѣреніе и, чтобы избѣжать славы человѣческой, удалился съ того мѣста во внутрь пустыни. Здѣсь онъ нашелъ одинъ высокій камень, взошелъ на него и еще съ большимъ усердіемъ предался молитвѣ. На этомъ самомъ камнѣ потомъ былъ устроенъ скитъ, который и до сихъ поръ существуетъ и извѣстенъ подъ именемъ стараго скита и старой постницы. Подъ камнемъ есть пещера. Въ этой пещерѣ и провелъ преподобный остатки дней своей жизни. Померъ онъ, имѣя около 70 лѣтъ отъ роду, въ 946 году, какъ можно предполагать.

Слава о подвигахъ преподобнаго достигла и до тогдашняго царя болгарскаго Петра, сына Симеонова, имѣвшаго резиденцію въ Преславѣ. Прибывъ случайно въ городъ Средецъ (Софію), царь Петръ пожелалъ видѣть преподобнаго и, призвавши девять лучшихъ охотниковъ, прика-

залъ имъ во что ни стало розыскать его, не розыскавши же не возвращаться домой. Охотники немедленно отправились въ Рыльскую пустыню, обошли тамъ всё пустынные мѣста, но преподобнаго не отыскали. Ослабѣвъ отъ голода, они не знали, что имъ дѣлать: возвратиться домой не смѣли, продолжать розыски отъ слабости не могли. Послѣ нѣкотораго раздумья они рѣшили попытать еще счастье и въ скоромъ времени достигли желаемаго. Они нашли жилище преподобнаго и, увидѣвши его, поклонились ему и испросили у него благословіе. Преподобный спросилъ ихъ: зачѣмъ они пришли въ пустыню? Охотники сказали, что ихъ послалъ царь, при этомъ сообщили и подробности царскаго приказанія. Провидя, что охотники уже пять дней ничего не ѣли, преподобный предложилъ имъ небольшой хлѣбъ, которымъ не только насытились всё девять человѣкъ, но около половины хлѣба осталось. Вернувшись къ царю, посланные рассказали ему о такомъ чудѣ, что еще болѣе усилило въ царѣ желаніе видѣть подвижника. Онъ самъ съ своими слугами рѣшился отпрагиться въ пустыню, но на пути встрѣтились непроходимыя мѣста. Это обстоятельство заставило царя отправить къ преподобному пословъ и просить прійти и благословить его. Преподобный отказался. Потерявъ надежду видѣть преподобнаго, царь написалъ ему письмо. Вотъ оно:

«Всечестному отцу Іоанну пустынножителю, Петръ царь. Слышавъ твоя души боголюбивый нравъ, и пустынное вселеніе, не вещественное же и ангельское пребываніе, вкупѣ же и еже отъ міра конечное удаленіе, велики твое вожделѣхъ видѣти преподобіе, и твоихъ медоточныхъ насладитися глаголь, не малу отъ твоего зрѣнія мнѣвъ приплодити ползу, елма желаніе богатствъ и суетная слава, вкупѣ же и сласти не оставляють насъ, въ мори сего суетнаго влающихся житія, возникнуть къ свѣту чистаго и невещественнаго пребыванія: помрачипася бо наша душевная очеса печалію и мятежемъ мірскимъ. И се нынѣ яко отъ сна нѣкоего глубоки возбнувъ, восхотѣхъ твою святость видѣти. Но понеже и сей благодати лишихся окаанный, ради множества моихъ грѣховъ, молюся и припадаю твоему преподобію, отраду нѣкую утѣшенія къ намъ послати, и печали простудити зной: вѣсть бо вѣсть твое преподобіе елики бури міра и мятежей облацы царская обуревати обыкоша сердца».

При письмѣ царь послалъ преподобному много золота и *постническіи смѣди*. Отъ золота онъ отказался и возвратилъ оное царю, а послѣднія пріялъ. На письмо царя подвижникъ отвѣчалъ письмомъ же слѣдующаго содержанія.

«Благочестивому и самодержцу Болгарскаго свитра царю Петру, убогій Іоаннъ. Прошеніе твое все исполнити не полезно намъ есть: обаче вѣры ради твоея и усердія, въ яже намъ ключимыхъ исполняемъ уже, и постническія убо снѣди приѣмлю, злато же твое самъ имѣй: зѣло бо вредягъ таковая иночествующихъ, наипаче же въ пустыхъ и неутѣшнихъ мѣстѣхъ пребывающихъ, во что бо и потребуеть тѣхъ той, иже хлѣба во сытость никогда же приѣмая, ниже самыя воды въ погашеніе жажды; намъ бо еже жити Христосъ, и еже умрети приобрѣтеніе. Твоей убо державѣ, и таковымъ сія ключима суть. Обаче ниже ты діадимую обложенный должень еси въ сихъ усладитися: речено бо есть, богатство аще течеть неприлагайте сердца. Аще бо и писано, держава царю богатство, но во оружія и воинство то истошавати, а не на своя сласти, ко убогимъ же паче и нищимъ, къ нагимъ и безкровнымъ. Тѣмже аще хочещи съ земнымъ и небесное наслѣдовати, царство, буди щедръ, якоже и отецъ нашъ небесный щедръ есть. Не уповай на неправду, и на восхищеніе не желай. Буди кротокъ же и тихъ и благоприступень ко всѣмъ, на всѣхъ отверсти твоя имѣя очи. Да проливается на всѣхъ твоего милванія масло. Да не увѣсть шуйца что творить десница. Да исходятъ нищія радости отъ твоея палаты. Князи же твои похвалы на языцѣ да носятъ. Да сіяеть свѣтлостію добродѣтелей твоя багряница. Чада же твоя да суть воздыханія и слезы. Память же смертная да посѣщаетъ выну твоей умъ. Будущее же царство да мечтаетъ не лѣностно твоя мысли. Валяйся подъ ногама матере твоея церкви. Припадай усердно, и верхъ преклоняй тоя первопрестольникомъ. Яко да царь царствующихъ, и Господь Господствующихъ видѣвъ таковое твое усердіе, подасть ти, яже око не видѣтъ благая, и ухо не слыша, и на сердце челоуѣку не въздоша».

Съ этого времени слава преподобнаго разнеслась по всѣмъ окрестностямъ, отовсюду народъ началъ стекаться къ нему. Одни просили молитвъ преподобнаго, другіе исцѣленія отъ недуговъ и т. д. Не мало нашлось и такихъ, которые поревновали житію преподобнаго и рѣшили остаться при немъ. Это были первые ученики его, положившіе основаніе обители, извѣстной подъ именемъ Рыльскаго монастыря. На пещерѣ, въ которой жилъ подвижникъ, они соорудили храмъ, который существуетъ и до сего времени, хотя и много разъ былъ перестраиваемъ и поновляемъ. Храмъ этотъ теперь называется именемъ преподобнаго; въ немъ хранится и гробъ его. Ученики, руководимые такимъ великимъ по добродѣтелямъ начальникомъ, съ особою ревностію предались молитвѣ и подвигамъ и многіе изъ нихъ удостоились быть причисленными къ

лику святыхъ. Много чудесъ сотворилъ преподобный. Достигнувши глубокой старости и провидя свое къ Богу отшествіе, онъ съ особою ревностію предался молитвѣ, стоя на колѣнахъ и проливая горячія слезы. «Боже, говорилъ онъ, Вседержителю, пріими мя грѣшнаго и недостойнаго раба Твоего, и сочитай ликомъ избранныхъ твоихъ: ничто же бо на земли благо сотворихъ Блаже, Сего ради молю твою благость, повелѣти тебѣ еже пріити ангелу благу, яко да не возбраненъ ми будетъ восходъ отъ духовъ лукавствія». Господи, въ руцѣ Твои предаю духъ мой, сказалъ онъ въ послѣдній разъ и скончался на 70 году отъ роду. Ученики погребли тѣло преподобнаго въ старомъ скитѣ на мѣстѣ подвиговъ его. Померъ преподобный 18 августа 946 года при Болгарскомъ царѣ Петрѣ и Греческомъ Константінѣ, сынѣ Леона премудраго. Когда именно открыты мощи преподобнаго, неизвѣстно. Объ этомъ въ исторіи такъ говорится: «Времени убо не малу прешедшу, благовоіе неизреченное исходжаше отъ гроба его. Яко убо открывша гробъ, видѣша тѣло преподобнаго цѣло всячески, и всякія тли непричастно; благоуханіе же веліе испущающее, и всѣхъ въ божественную ревность подвижушее. И отъ тѣлѣ многая и различная чудеса совершася у гроба его по вся дни, и различныя болѣзни уврачевася». Изъ пустыни мощи преподобнаго, какъ самъ онъ повелѣлъ, явившись во снѣ игумену, были перенесены въ Сердецъ (въ Софію), но когда именно также неизвѣстно; изъ Софіи въ Венгрію, а оттуда снова въ Софію, изъ Софіи же въ Тырново. Послѣднее перенесеніе послѣдовало въ 1208 году. Изъ Тырнова мощи были перенесены въ мѣсто подвиговъ преподобнаго — въ Рыльскій монастырь, гдѣ и почиваютъ въ главномъ храмѣ близъ царскихъ вратъ на солеѣ.

Мы уже сказали, что Рыльская пустыня, до поселенія въ ней преподобнаго Іоанна, была необитаема и совершенно непроходима, вслѣдствіе чего подвижникъ, ища уединенія, и избралъ ее, какъ мѣсто, особенно удобное для подвижничества. Какъ ни старался преподобный укрыться отъ людей, но они нашли его, разумѣется не безъ воли Божіей на то. Собрались около него и ученики, но они жили не тамъ, гдѣ теперь монастырь, а верстахъ въ 5 отъ него, гдѣ теперь находится старый скитъ, называемый обыкновенно «стара постница», и гдѣ скончался и погребенъ былъ преподобный. Когда же положено основаніе собственно Рыльскому монастырю, письменныхъ свѣдѣній не имѣется. Преданіе однакожь утверждаетъ, что еще непосредственные ученики преподобнаго поселились на томъ мѣстѣ, гдѣ монастырь, и по волѣ его. То мѣсто, гдѣ жилъ преподобный, до того скалисто,

и неудобно, что едва не большое число иночествующихъ можетъ поселиться на немъ. Пока еще было мало учениковъ, они могли жить тутъ. Но, съ умноженіемъ числа учениковъ потребовалось для поселенія ихъ болѣе удобное и просторное мѣсто, дабы всѣ жили совмѣстно. Таковымъ признано мѣсто, занимаемое нынѣ Рыльскимъ монастыремъ и тамъ-то поселились ученики преподобнаго, построивъ потребныя для нихъ зданія. При себѣ же преподобный удержалъ двухъ-трехъ учениковъ, а всѣ остальные построили себѣ келіи и тѣмъ положили основаніе монастырю; отъ времени до времени преподобный приходилъ къ нимъ, давалъ наставленія и затѣмъ снова уходилъ въ свою пещеру. Таково преданіе и оно довольно правдоподобно. Поэтому, преподобный Іоаннъ и считается основателемъ Рыльского монастыря. Болѣе же опредѣленный характеръ монастырь получилъ уже впоследствии по смерти преподобнаго. Что въ X вѣкѣ основанъ монастырь, то несомнѣнно. Даже хилиндарскій монастырь на Афонѣ основанъ позже Рыльского.

4. Первоначальное состояніе монастыря.

Въ первое время своего существованія Рыльскій монастырь, какъ можно полагать, находился въ цвѣтущемъ состояніи даже до паденія Болгарскаго царства. Первые насельники монастыря старались во всемъ подражать своему учителю преподобному Іоанну, свято сохраняли преданія и иноческія законоположенія, а это не могло не вліять и на внѣшнее благоустройство монастыря *). Сначала монастырь былъ не великъ, зданія были простыя деревянныя. Въ 1335 году знаменитый кесарь Хрель построилъ новую каменную церковь, соорудилъ пиргъ (башню) и обновилъ всѣ монастырскія зданія, придавъ имъ крѣпость и благолѣпіе. Объ этомъ кесарѣ Хрелѣ даетъ свѣдѣнія Димитрій Кантакузень, написавшій житіе преподобнаго Іоанна Рыльского. «Сихъ же посредеъ вѣщемъ, говоритъ Кантакузень, Сербская цвѣтѣти мняхуся (т. е., когда Болгарская уже процвѣтала). И по времени отъ кралевства на царство пресловущій онъ препоясуетъ Стефанъ. Иже и многія

* Подлинный уставъ иноческаго житія, составленный преподобнымъ Іоанномъ, не сохранился; при разореніи монастыря въ 1390 году вмѣстѣ съ другими предметами древности, и уставъ погибъ. Точная копія съ него сохранилась однако жъ въ монастырской бібліотекѣ. Копія эта снята въ 1385 году съ кожаной хартии священникомъ киръ Дометіаномъ, (ученикомъ преподобнаго Варлаама пустытника, девять лѣтъ подвизавшагося на Черной горѣ и 28 лѣтъ въ старой постницѣ,) впоследствии бывшимъ игуменомъ общежительныхъ Лавръ Рыльскія. Съ этой копіи вновь списана копія священноинокомъ Савватіемъ, ученикомъ Дометіана.

подъ собою учинивъ страны, сана кесарствомъ единого отъ своихъ почти вельможъ, Хреля же мужу имя. Сей убо кесарь Хреля богоноснаго отца Іоанна изрядная услышавъ чудеса, и житіе разумѣвъ, храмъ тому въ Рыльстѣй горѣ отъ основанія воздвиге на мѣстѣ томъ, идѣже постническія доблѣи въ конецъ подвиги прииде».

Созданный Хрелемъ храмъ по архитектурѣ много былъ похожъ на храмъ Хилиндарскаго на Аѳонѣ монастыря. И пиргъ, какъ можно думать, устроенъ также по образцу пирга, существующаго въ сказанномъ монастырѣ. Хрелевскій храмъ былъ съ двумя куполами и имѣлъ два отдѣленія. Впослѣдствіи времени къ нему пристроили еще третье отдѣленіе съ напертью и два придѣла по сторонамъ. Существовалъ этотъ храмъ до 1834 года. Въ этомъ году страшный пожаръ опустошилъ монастырь и на столько повредилъ храмъ, что исправить его уже не было возможности. Привелось сломать и на развалинахъ соорудить новый храмъ.

На пиргѣ (башнѣ) и до сихъ поръ сохранилась слѣдующая надпись: «При държавѣ Господина превысокаго Степана Душана краля съзыде сіи пиргъ господниъ протосевасть Хрель съ трудомъ великомъ и ексадомъ стоу оцѹ Іоаниу и мѣри бѣи нарицаемыи осѣновица *) в ѣ гомѣг. и. е.» (т. е. 1335 года по Р. Хр.).

Этотъ пиргъ хорошо сохранился до настоящаго времени и, какъ видно, сооруженъ искусною рукою. Онъ раздѣляется на пять отдѣленій; внутри пирга устроена каменная лѣстница. Въ самомъ верхнемъ отдѣленіи находится церковь во имя Преображенія. Церковь эта небольшая, но прекрасно устроена. На пиргѣ устроено мѣсто для колокольни и громаднаго размѣра часы. Внизу, на значительной глубинѣ, устроена темница. Какая цѣль имѣлась при устройствѣ этой темницы, неизвѣстно. Въ настоящее время въ нее сажаютъ бѣснующихся и преступниковъ. Въ темницѣ есть особыя *клады*, къ которымъ приковывали осужденныхъ за большія преступленія. Въ темницѣ иногда скрывали отъ нападавшихъ на монастырь разбойниковъ лучшія монастырскія вещи. Самый же пиргъ, нѣтъ сомнѣнія, устроенъ для того, чтобы съ него отражать нападенія злодѣевъ, которыя въ прежнее время были

*) Осѣняющая, покровительствующая. По преданію, эта икона дарована монастырю Греческимъ Императоромъ Манупломъ Комниномъ около 1150 года, когда онъ владѣлъ (офіею (Средецъ) „за возблагодареніе за исцѣленіе, коего получалъ отъ преподобнаго отца Іоанна,“ когда мощи находились въ Софіи.

весьма перѣдки. Съ таковою именно цѣлю были устроены ирриги въ Аѳонскихъ и другихъ монастыряхъ. Для обороны же отъ враговъ, какъ видно изъ исторіи, Болгарскій царь Александръ, отецъ Шишмана, построилъ ирриги по просьбѣ преподобнаго Григорія Синаита и Θεодосія Келифарскаго—около Адрианополя и въ тырновской епархіи.

Упомянутый кесарь Хрель, обновивъ и украсивъ монастырь и снабдивъ его всею необходимыми, и самъ наконецъ принялъ монашество. 11 лѣтъ онъ пробылъ въ монастырѣ въ монашескомъ чинѣ, когда померъ, былъ погребенъ при созданной имъ церкви. На могилу его положили камень съ слѣдующею надписью: «Гробъ же съдѣржитъ нѣма умрѣшвлена кесароу... и проч. въ лѣто быт. м, гѡнд ѳндикѳомъ м. мца дск.» Этотъ камень, при устройствѣ новой церкви, снятъ съ могилы и вдѣланъ въ стѣну церкви съ лѣвой стороны.

Нѣтъ сомнѣнія, что монастырь обязанъ своими громадными имуществами, которыми владѣть, никому другому, какъ тому же Кесарю Хрелю. Пожертвовавъ все свое имущество въ пользу монастыря, нѣтъ сомнѣнія, онъ позаботился обезпечить его и недвижимымъ имуществомъ, закрѣпивъ его за монастыремъ царскими грамотами (Хрисувулы). Впослѣдствіи царь Шишманъ снова утвердилъ за монастыремъ все данныя ему земельныя имущества особою грамотою, изданною 1379 года въ городѣ Софіи, гдѣ онъ тогда находился.

Заботами и средствами Хреля, Рыльскій монастырь былъ приведенъ въ такое цвѣтущее состояніе, что приобрѣлъ право на названіе перво-класснаго и ставропигіальнаго. Но, не долго продолжалось это цвѣтущее состояніе, всего около 60 лѣтъ. Около 1395 или 1396 года турки почти до основанія раззорили и разрушили монастырь. Остались только: церковь и ирригъ. Какимъ образомъ они уцѣлѣли, не понятно. Можно думать, что у раззорителей или времени не хватило, или же не было орудій для раззоренія. Объ этомъ раззореніи такъ сообщается: «Тогда, т. е. по раззореніи многихъ городовъ и селъ и монастырей, и сего богоноснаго отца Іоанна священная обитель, сущая въ рыльстѣй пустыни, въ ней же страдальческое оно и постническое не вещественное же и ангельское во плоти пребывая препроводи житіе, то же добръ зѣло и благолѣпнѣ послѣжде знаменитый онъ кесарь Хрель, во иночествѣ же нареченный Харітонъ монахъ въ честь святому отъ основанія воздвиже и созда, разрушена бывши, конечное пріемлетъ запусѣніе, и бысть ей пребыти въ томъ запусѣніи лѣта довольна».

Сколько именно времени рыльскій монастырь находился въ состояніи

запустѣнія, съ точностію опредѣлить нельзя, но во всякомъ случаѣ не менѣе 60 лѣтъ. Неизвѣстно также, жилъ ли кто-либо изъ иноковъ въ развалинахъ монастыря Вѣриѣ, монастырь совсѣмъ былъ оставленъ и въ немъ долгое время никто не жилъ, вслѣдствіе чего на развалинахъ выросли даже деревья, изъ-за которыхъ видѣлись лишь пиргъ, да церкви. Уновь возстановленъ монастырь тремя братьями по плоти іеромонахамъ: Іоасафомъ, Давидомъ и Теофаномъ, какъ это видно изъ письма ихъ, писаннаго въ 1466 году. Объ этомъ такъ повѣствуется.

Много времени спустя послѣ того, какъ прекратились нестроенія и смущенія въ Болгарской землѣ, нѣкоторые священники, родомъ Болгаре, жившіе близъ Велбужди *) (Кюстендилья) въ селѣ, называемомъ Граница, (которое существуетъ подъ этимъ же именемъ и до сихъ поръ), овдовѣвши, рѣшились всецѣло посвятить себя на служеніе Богу. Они оставили свои дома, свою родину и все, что было имъ дорого въ жизни, ушли въ Рыльскую пустыню и поселились на развалинахъ Рыльского монастыря. Эти священники были три брата по плоти, — сыновья Киръ Іакова епископа Круничскаго, извѣстнаго богоугодною жизнію **). Сначала поселился въ Рыльскомъ монастырѣ Іоасафъ, а потомъ пришли къ нему, спустя нѣкоторое время, и братья. Не мало они потрудились, чтобы возстановить разрушенное. Имъ довелось за-ново сооружать все и они «отъ основанія паки воздвигоша, и совершеннѣ та исправивше и наздавше, благолѣпнѣ украсиша, многіе труды и подвиги отъ нихъ показавше, и иждивенія иждивше» и проч. Возстановленныя братьями монастырскія зданія впослѣдствіи до основанія были разрушены, такъ какъ по завладѣніи Болгарскою землею Турками. разбойники часто-временно нападали на монастырь, жгли, грабили, убивали и раззоряли. Если же что и осталось бы невредимо отъ огня, то должно было разрушиться отъ долговременности.

По возобновленіи монастыря, въ него начали стекаться отовсюду желавшіе посвятить себя на служеніе Богу. Число иноковъ быстро возрасло. Первымъ начальникомъ ихъ былъ Іоасафъ, а по смерти его, братья Давидъ и Теофанъ. Въ это именно время были перенесены и мощи преподобнаго Іоанна изъ Тырнова въ Рыльскій монастырь. Не лишне сказать объ этомъ хотя кратко.

*) Велбужди — верблужьи перси. Такъ называется и по сіе время гора у Кюстендилья.

**) Круничъ — село въ Джумайскомъ округѣ. Оно населено Болгарами, на вѣтѣвшихъ христіанству и принявшихъ мусульманство, что подтверждаютъ и сохранившіеся у нихъ христіанскіе обычаи. Круничскіе Болгаре-Турки — непримиримые враги Болгарь-Христіанъ.

5. *Перенесеніе мощей Пр. Іоанна изъ Тырново въ монастырь.*

Мы уже сказали выше, что мощи Преподобнаго сначала были перенесены въ Софію, потомъ въ Венгрію (г. Острогъ), а оттуда снова въ Софію и затѣмъ при царѣ Іоаннѣ Асенѣ и патріархѣ Василѣ въ Тырново. О послѣднемъ перенесеніи мощей такъ повѣствуется. «Благочестивый же царь Іоаннъ Асея, вся яже на провозженіе святаго честнѣ уготовавъ, патріарху вручи, оставь тому и 300 мужественныхъ воиновъ на провозженіе святаго. Самъ же потщався спѣшнѣ въ свой царскій прежде приде градъ, и церковь начать здати во имя святаго въ славнѣмъ градѣ Трапезицы... 1) И яко увидѣ царь патріарха приходяща, вскорѣ на срѣтеніе его изыде на мѣсто глаголемое Крестецъ со всѣмъ своимъ синклитомъ, и честнѣ лобызавъ мощи святаго, остави тѣхъ ту пребыти на семь дней, дондеже создана бысть церковь: юже освящше честнѣ положиша въ ней преподобнаго мощи». Это было въ 1215 году. 2) Въ Тырново мощи находились до 1255 года, до возвращенія ихъ въ Рыльскій монастырь. Они почивали открыто и на поклоненіе имъ приходили даже изъ далекихъ странъ. Когда же наступили бурныя времена, времена паденія Болгарскаго царства, вѣрующіе, боясь, чтобы невѣрныя не обезчестили святыни, сокрыли мощи вмѣстѣ съ многими священными вещами въ землю, гдѣ они и находились не малое время незнаемы отъ народа. Почти всѣ думали, что во время взятія Тырново мощи плѣнены и унесены неизвѣстно куда. Вновь открыты мощи уже тогда, когда, послѣ долгой продолжительной войны, снова наступила тишина. Рыльскіе иноки не мало обрадовались, узнавъ, что мощи лишь на время были скрыты, но не похищены. Они узнали отъ прибывшаго въ монастырь филиппопольскаго протопопа Іакова. Тамо, т. е. въ Тырново, сказалъ протопопъ, potreбы ради иѣкія со своимъ митрополитомъ бывъ, священнымъ мощамъ преподобнаго съ иными не малыми поклонихся и проч. Возстановители монастыря, братья Давидъ и Теофанъ (Іоасафъ уже скончался) пожелаши удостовѣриться въ истинѣ, что мощи преподобнаго находятся въ Тырново. Они послали туда одного изъ своихъ иноковъ, тырновскаго уроженца, дабы онъ лично провѣрилъ извѣстіе и возвратившись въ монастырь, сообщилъ бы о томъ. Посланный такъ и сдѣлалъ. Возвратившись, онъ подтвердилъ слухъ.

1) Городъ Трапезица—былъ вблизи Тырново.

2) Преданіе утверждаетъ, что построенная царемъ Асеей церковь впоследствии обращена турками въ мечеть.

Тогда братья Давидъ и Теофанъ, по совѣту всего братства, рѣшили обратиться съ просьбою къ благочестивой царицѣ Маріи, называемой еще Коломаріей, объ исходатайствованіи у султана Мурата, дозволенія перенести мощи преподобнаго изъ Тырнова въ Рыльскій монастырь. Въ это время Коломарія—она была дочь сербскаго деспота Георгія—жила близъ города Сересъ. Хотя она была и мачиха султану, но имѣла на него сильное вліяніе. Султанъ относился къ ней, какъ къ родной матери. Коломарія успѣшила исполнить просьбу Рыльскихъ иноковъ. Она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, отправилась къ султану Мурату ¹⁾ и выпросила у него фирманъ (царское повелѣніе), коимъ предписывалось Тырновскому судѣ безотлагательно передать мощи преподобнаго Рыльскимъ инокамъ. Съ этимъ фирманомъ были отправлены въ Тырновъ лучшіе иноки Рыльского монастыря. Когда жители Тырнова узнали о дѣли пришествія Рыльскихъ иноковъ, произвели возмущеніе. Имъ никакъ не хотѣлось разстаться съ столь дорогой для нихъ святыней; они старались выпроводить изъ города пришедшихъ и проводить ихъ въ монастырь, не давъ имъ мощи преподобнаго. Три дня обѣ стороны вели препирательства и споры; дѣло дошло почти до открытаго возстанія тырновцевъ противъ султана. Чтобы положить конецъ крамоулѣ, Тырновскій судья, въ силу султанскаго фирмана, приказалъ немедленно передать мощи инокамъ, но такъ какъ жители оказали сопротивленіе, то онъ вынужденъ былъ употребить силу. Перенесеніе мощей въ Рыльскій монастырь совершилось съ великимъ торжествомъ. Это было въ 1470 году. Въ память возвращенія св. мощей въ монастырь, что случилось въ 30 день іюня, назначено навсегда совершать въ 1-е число іюля всенощное бдѣніе преподобному купно съ безсребренниками Касмой и Даміаномъ и по четвергамъ пѣть молебный канонъ (Параклисисъ). И до нынѣ 1-е іюля празднуется въ монастырѣ. Молебный же канонъ преподобному поется два раза въ недѣлю по вторникамъ и четвергамъ въ соборной церкви послѣ часовъ.

Когда было донесено Коломаріи о перенесеніи мощей въ монастырь, она отъ души порадовалась тому и возблагодарила Господа Бога, «яко во дни ея бысть возвращеніе мощей святаго». Въ хвалу Богу и во всегдашнее воспоминаніе о ней, она тогда же передала посланному дра-

¹⁾ Къ султану Мурату, когда онъ былъ въ Душицѣ, пришелъ поклониться игуменъ съ нѣсколькими иноками. Султану это понравилось и въ знакъ своего благоволенія онъ подарилъ въ монастырь двѣ восковыхъ свѣчи, украшенныя золотомъ, по 36 фунтовъ каждая.

гоцѣнный свѣтлый покровъ на раку святаго. Къ сожалѣнію, этотъ покровъ не сохранился. Преданіе говоритъ, что напавшіе на монастырь грабители раздѣзали его на части и раздѣлили между собою.

Со времени перенесенія мощей, начинается новая эпоха для Рыльского монастыря, продолжающаяся и до нашего времени. Лѣтописи монастыря представляютъ за это время не мало печальныхъ страницъ. По завоеваніи Турками всей Болгаріи утихли громы войны, но злодѣйства и насилія не прекращались и до послѣдняго времени. И въ городахъ трудно было уберечься отъ разбойниковъ, а въ пустыни положительно уже было не возможно. Монастырскія зданія вначалѣ были деревянные и злодѣи легко вторгались въ монастырь, сожигали зданія, грабили и убивали людей. Таковыя вторженія часто-временно повторялись. Особенно пострадалъ монастырь въ 1778 году, 16-го августа. 30 Во Арнаутовъ напали на монастырь, ограбили оный и до основанія разрушили всѣ зданія, кромѣ церкви и ирига. Это было во время султана Гаида. Послѣ этого, монастырь снова былъ возстановленъ такъ, что къ 1818 году и слѣдовъ не осталось отъ прежняго его разрушенія. Въ 1833 году произошелъ пожаръ въ монастырѣ и всѣ монастырскія зданія, какъ деревянные, до тла сгорѣли. Этотъ пожаръ, равно и ранѣ бывшія бѣдствія, которымъ подвергался монастырь, заставили братство подумать о сооруженіи болѣе прочныхъ, каменныхъ зданій. Сооруженіе это потребовало громаднхъ средствъ, но при помощи Божіей и покровительствѣ преподобнаго, братство въ короткое время успѣло устроить такія зданія, которыя представляютъ собою, какъ бы громадную крѣпость и дѣлаютъ уже невозможнымъ частыя нападенія разбойниковъ.

6. Устройство монастыря въ настоящее время.

Монастырь представляетъ собою громадный неправильный четырехугольникъ, восточная сторона котораго длиннѣе прочихъ. Такое устройство монастыря обуславливается кругымъ и сжатымъ мѣстомъ, которое онъ занимаетъ. Постройка настолько фундаментальна, что подобной нельзя встрѣтить ни въ одномъ изъ монастырей Турціи. Все зданіе построено изъ камня съ нѣсколькими башнями, назначеніе которыхъ съ одной стороны придать крѣпость строенію, а съ другой—чтобы лучше отражать нападенія злодѣевъ, если бы таковыя послѣдовали. Внутренняя лицевая сторона зданія представляетъ одну громадную террасу, утвержденную на каменныхъ столбахъ, сдѣланныхъ изъ мрамора. Для выхода на террасу устроены лѣстницы, изъ которыхъ нѣкоторыя

желѣзныя. Все зданіе раздѣляется на шесть отдѣленій. Для сообщенія между этими отдѣленіями устроены желѣзныя двери, которыя постоянно открыты, дабы свободно можно было переходить изъ одного отдѣленія въ другое. Устроены желѣзныя двери на случай пожара. На западъ и на востокъ подъ зданіемъ устроены ворота. Первые называются Дупницкими, потому что отъ нихъ идетъ дорога къ городу Дупницѣ, другія по направленію къ городу Самокову—Самоковскими. Ворота эти, сдѣланныя изъ толстаго желѣза, открываются весьма рѣдко лишь по нуждѣ, когда кто либо пріѣзжаетъ въ монастырь въ экипажѣ. Для входа же въ монастырь и выхода устроены въ воротахъ небольшія дверки, которыя затворяются только на ночь. При воротахъ всегда находятся привратники. Въ прежнее время при каждахъ воротахъ стояло по 10 воиновъ, которыхъ обязанность состояла: охранять монастырь, и сопровождать поклонниковъ, возвращающихся домой и лицъ монастырскихъ, отправляющихся по какимъ либо дѣламъ за монастырскія стѣны. Въ лѣтнее время стража была всегда въ полномъ вооруженіи. Привратники обязаны были слѣдить за всѣми входящими и выходящими, за вносимыми и выносимыми предметами. Съ наступленіемъ вечера ворота затворялись и ключи передавались игумену. Такъ дѣлается и по сіе время, хотя никто и ничто уже не угрожаетъ монастырю. Отворялись и открываются ворота съ восходомъ солнца. Въ ночное время не легко попасть въ монастырь. Запоздавшіе поклонники обыкновенно вынуждены бываютъ переночевать у монастырскихъ воротъ. Отворяются ворота въ ночное время лишь въ экстренныхъ случаяхъ при томъ съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей. Ночью привратники оставляютъ свои мѣста и отдыхаютъ. Въ это время монастырь охраняется двумя монахами, нарочито для того избираемыми. Они обязаны ходить по монастырю и часто-временно давать знать о себѣ другъ другу посредствомъ особыхъ свистковъ.

На сѣверной сторонѣ въ верхнемъ этажѣ устроены помѣщенія для поклонниковъ и для посѣтителей вообще, а прочія три стороны назначены для монашествующихъ. Всѣхъ келій 300. Всѣ онѣ разной величины: есть большія, средія и малыя. Каждая келія дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ одна назначается для инока, а другая для послушника его. Въ нижнемъ этажѣ сѣверной стороны зданія у Самоковскихъ воротъ устроена мельница и надъ ней жилище для работающихъ на мельницѣ. Вода проведена изъ Друшлявицы, текущей у самыхъ воротъ. Мельница работаетъ почти цѣлый годъ, такъ какъ вода въ Друшлявицѣ рѣдко замерзаетъ. Устройство мельницы вполне совре-

менное. Разныя приспособленія выписаны изъ Австріи. Завѣдуютъ мельницею два монаха; иногда въ помощь имъ дается еще бѣлецъ. При мельницѣ устроенъ карцеръ, куда обыкновенно садятъ учинившихъ безчинства, а подлѣ карцера—больница для бѣдныхъ поклонниковъ. Предъ мельницей въ небольшой лавочкѣ, продаются разные съѣстные припасы, приносимые въ монастырь и потребные для поклонниковъ. Подлѣ больницы устроена громадная монастырская пекарня съ фонтаномъ внутри. Хлѣбпеченіемъ обыкновенно занимаются пять человекъ. Таковая же точно пекарня устроена въ послѣднее время и за стѣнами монастыря, въ которой также постоянно готовится хлѣбъ. Рядомъ съ пекарней устроена кухня, раздѣленная на двѣ части. Въ одной изъ нихъ, куда проведена вода, готовится пища, а другая назначена для служащихъ на кухнѣ. Помѣщеніе кухни громадное. За кухней устроенъ подвалъ, гдѣ хранится вино, уксусъ и проч. Далѣе слѣдуетъ довольно обширный погребъ, въ которомъ устроенъ фонтанъ, чтобы всегда имѣть подъ руками воду, потребную для соленья капусты и проч. Приготавливаютъ соленье, мариновку и проч. садовники и огородники. Они же по очередно, по одиночно и завѣдуютъ погребомъ и отпускаютъ потребное для стола монашествующихъ. Ихъ обыкновенно пятеро, но иногда и больше бываетъ, смотря по нуждѣ. За погребомъ слѣдуетъ помѣщеніе, назначенное для приготовления и храненія сыра, называемое *дохярница*. Сыръ готовится съ особымъ вниманіемъ и въ весьма значительномъ количествѣ, такъ какъ на него громаднѣйшій спросъ въ монастырѣ, гдѣ мясо не употребляется. Всѣ сии перечисленные отдѣленія устроены въ нижнемъ этажѣ зданія на сѣверной его сторонѣ даже до Дупничскихъ воротъ. Верхній этажъ этой стороны, какъ было уже сказано, назначенъ для помѣщенія поклонниковъ и для посѣтителей вообще. Вдоль всего зданія идетъ широкая терраса, поддерживаемая мраморными колоннами. Когда бываетъ много поклонниковъ и они не могутъ помѣститься въ отведенныхъ имъ помѣщеніяхъ, тогда и на террасѣ разстилаются циновки и на нихъ размѣщаются поклонники.

Въ западной сторонѣ зданія помѣщаются двѣ церкви и монашескія келіи. Южная заключаетъ въ себѣ: клицарницу, трапезную, больницу и монашескія келіи. Клицарница дѣлится на пять частей. Въ первой помѣщается библіотека, во второй—сосудохранительница, въ третьей—приготавливаютъ просфоры, а послѣднія двѣ назначены для жилища завѣдующихъ клицарницей, должность которыхъ обыкновенно исполняютъ 3—4 монаха, съ двумя послушниками. Старшій изъ нихъ называется *эклесіархомъ*. Обязанности *эклесіарха* и его помощниковъ чрезвы-

чайно сложны и самыя трудныя. Они должны готовить просфоры, раздавать их по церквамъ и продавать поклонникамъ; ставить и зажигать свѣчи во время церковныхъ богослуженій, обмѣтать и мыть полы въ церквахъ, прислуживать въ олтарѣ совершающему богослуженіе, будить братію къ утрени, ударять въ било и звонить въ колокола и проч. Все это требуетъ отъ нихъ особой аккуратности и неуспянной дѣятельности. Обыкновенно совершается до трехъ литургій въ день, а бываетъ, и рѣдко, и 5, и 6. Въ силу необходимости клисары должны быть неуклонно въ церкви при всѣхъ церковныхъ службахъ. Кромѣ того, они же должны готовить и свѣчи, такъ какъ въ монастырѣ нѣтъ свѣчнаго завода. Приготовление свѣчъ идетъ постоянно; на это приготовленіе употребляется клисарами все свободное время, т. е. время, проводить которое они могутъ у себя въ келіяхъ. Просфоры же обыкновенно готовятся и пекутся одинъ разъ въ недѣлю, рѣдко два раза. Вслѣдствіе сего, кстати сказать, рѣдко приносятся въ церковь мягкія просфоры. Притомъ готовятся просфоры крайне не хорошо. Это, правильнѣе сказать, большія лепешки въ полвершка вышиной и вершка два въ діаметрѣ, но ни какъ не просфоры. На видъ онѣ очень неблаговидны, а на вкусъ—кислы и непріятны. Къ обязанности же клисаровъ относится и приготовленіе колива, которое почти каждодневно требуется, такъ какъ коливо употребляется не только въ дни поминовенія умершихъ, но и въ дни поліелейныхъ святыхъ, въ дни храмовыхъ праздниковъ и т. д. Приготавливается коливо какъ по требованію монастырскихъ обычаевъ, такъ и по заказу частныхъ лицъ, приходящихъ въ монастырь. Приносить съ собою коливо — здѣсь не въ обычаѣ. Приготавливается коливо изъ пшеницы, которую предварительно, обваривъ кипяткомъ, очищаютъ отъ шелухи и затѣмъ уже варятъ, прибавляя нѣсколько меду или сахару. Верхъ колива украшается орѣхами, миндалямъ и т. д.

Трапезная расположена окнами къ югу. Она прекрасно устроена, но не достаточно еще украшена. При трапезной имѣется особая кухня и комната для трапезаря.

Восточная сторона зданія, которая длиннѣе другихъ, не вполне еще отдѣлана. Въ этой—восточной части зданія устроены двѣ церкви, монашескія келіи и больше ничего.

Все вообще зданіе покрыто черепицей. Черепица часто ломается и требуетъ постоянно ремонта, но замѣнить ее желѣзомъ, или цинкомъ пока не представляется возможности, хотя и желательно инокамъ.

Внутри монастырскихъ зданій сдѣлано шесть фонтановъ, въ изобиліи

дающихъ чистую, кристалловидную воду, которая даже и лѣтомъ бываетъ чрезвычайно холодна. Изъ фонтана, находящагося близъ алтаря съ сѣверной стороны, проведена вода прямо въ алтарь. Этой водой частовременно моется полъ въ церкви, такъ какъ поклонники приносятъ много грязи на ногахъ и одного метенія не достаточно для очистки пола.

Монастырскій дворъ выложенъ камнемъ и содержится въ образцовой чистотѣ. Предъ дупническими воротами построенъ изъ камня довольно большой навѣсъ на подобіе свода. Предъ самоковскими же воротами построенъ мостъ чрезъ рѣку, которая протекаетъ у самыхъ стѣнъ монастырскаго зданія.

Въ прежнее время пиргъ былъ и колокольной. Колокола были повѣшены на южной сторонѣ его, вслѣдствіе чего звонъ мало былъ слышенъ на Дупнической дорогѣ, по которой приходитъ большая часть поклонниковъ и пріѣзжаютъ знатныя особы. Это обстоятельство заставило братію устроить особую колокольную на западной сторонѣ пирга прямо дупническихъ воротъ. Колокольная эта не болѣе какъ навѣсъ, примкнутый къ пиргу, подъ которымъ повѣшены колокола врядъ на толстой перекладинѣ, положенной на каменные столбы. Крыша навѣса на два ската. Колокола хотя и не велики, но благозвучны. Всѣхъ колоколовъ въ монастырѣ болѣе десяти, но на колокольной только пять. Три изъ нихъ подарены сербскимъ княземъ Милошъ Обреновичемъ во время перваго его княженія для вѣчнаго его поминовенія. На колоколахъ обозначено: гдѣ и когда они вылиты и вѣсъ ихъ. Тутъ же вмѣстѣ съ колоколами повѣшаны и два клепала: деревянное и желѣзное. Въ праздничные дни, когда производится колокольный звонъ, и въ клепала бьютъ. Звонъ въ колокола производится: во время праздничныхъ службъ, во время пожаровъ, въ опасныхъ случаяхъ, при встрѣчѣ и проводахъ знаменитыхъ лицъ, при торжественныхъ церемоніяхъ, при проводахъ кого либо изъ братій въ дальній путь и на высокую службу, при служеніи литіи и въ другихъ случаяхъ. Въ одинъ большій колоколъ ударяютъ только въ великіе дни, какъ напр. въ великую субботу при выносѣ плащаницы, при погребеніи умершихъ, на царскіе часы, къ великому канону и въ субботу акаѣиста. Во всѣхъ другихъ случаяхъ звонъ въ большой колоколъ производится со звономъ другихъ колоколовъ.

Колоколъ, повѣшенный на южной сторонѣ монастырскаго зданія, назначенъ: будить ночью, давать знать, если случится пожаръ, или если прибудетъ въ монастырь какое либо знатное лицо. Звонъ бываетъ различный, смотря по обстоятельству, которымъ онъ вызванъ, и по-

временамъ. Безъ причины же никогда не звонятъ въ этотъ колоколь. Кстати здѣсь замѣтимъ, что въ Болгаріи, какъ и вообще на востокѣ, звонъ производится не такъ, какъ въ Россіи. Посредствомъ особаго при вода колокола раскачиваются и при раскачиваніи языки ударяются въ стѣнки колоколовъ и производятъ звонъ. Гармонія при этомъ немислима; удары неровные, неправильные и производятъ на ухо крайне непріятное впечатлѣніе. А для того, чтобы удобнѣе раскачивать колокола, перекладки, на которыя вѣсятъ ихъ, не укрѣпляются: концы ихъ вкладываются въ желѣзные круги, чрезъ что перекладки легко поворачиваются и даютъ возможность раскачивать колокола. Въ простые дни большею частію употребляется *било*. Монахи съ особою ловкостію орудуютъ молоточками, ударяютъ въ било такъ мастерски, что производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ звонъ колоколовъ. Когда нужно бить въ деревянное било, икогда въ желѣзное,—это опредѣлено обычаемъ.

Выше мы сказали, что на пиргѣ устроены часы. Часы эти громаднаго размѣра. Онѣ помѣщены почти на самомъ верху пирга. Часовыя гири спускаются даже до земли. Вообще часы устроены очень искусно и прочно. Бой ихъ далеко за монастыремъ слышенъ, чему не мало помогаетъ высота, на которой они помѣщены. Бой производится ударомъ въ колоколь, который замѣчательнъ своею древностію и чистотою звона. Къ часамъ придѣланъ съ внѣшней стороны безобразный арапъ. Когда бьютъ часы, этотъ арапъ играетъ саблей, которая у него въ правой рукѣ, что не малое удовольствіе доставляетъ поклонникамъ, ничего подобнаго невидавшимъ.

7. Главная монастырская церковь.

Во время послѣдняго пожара, бывшаго въ 1834 году, церковь сильно пострадала; исправить ее не было никакой возможности. Оставалось одно-слошать до основанія ее и построить новую церковь. Такъ и рѣшено, хотя многіе изъ иноковъ были противъ разрушенія старой церкви. Но, прежде, чѣмъ приступить къ постройкѣ, братство выбрало изъ своей среды двухъ болѣе разумныхъ иноковъ и препроводило ихъ на Аеонъ съ тѣмъ, чтобы они подробно осмотрѣли всѣ тамошніе храмы и что въ нихъ есть любопытнаго и достойнаго вниманія и собрали бы потребныя въ виду постройки церкви свѣдѣнія. Кромѣ того, они уполномочены были пригласить и архитектора, который могъ бы, согласно, данному плану, построить церковь возможно лучше, и законтракто-

вать его. Узнавъ, что нѣкто Павелъ изъ Сисанійской епархіи отъ села Краминъ построилъ уже много прекрасныхъ церквей какъ на Аѳонѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, посланные обратились къ нему съ просьбою взять на себя постройку церкви и въ Рыльскомъ монастырѣ. Павелъ согласился и вмѣстѣ съ посланными отправился въ монастырь. Закладка церкви послѣдовала 1-го мая 1834 года, а къ 26 октября 1837 года зданіе вчернѣ уже было совсѣмъ окончено. Отдѣлка же церкви съ украшеніемъ ея продолжалась даже до 1860 года. Во всѣ эти 23 года работа производилась безъ перерыва. Медленность въ производствѣ работъ произошла главнымъ образомъ отъ недостатка хорошихъ мастеровъ, а иногда отъ недостатка потребныхъ матеріаловъ.

Фундаментъ церкви заложенъ на глубинѣ пяти аршинъ при такой же ширинѣ. На фундаментъ пошли камни громаднаго размѣра, какіе только возможно было найти и употребить. На три аршина отъ земли стѣны сдѣланы изъ мрамора. По самой срединѣ церкви съ вѣншей ея стороны сдѣланъ карнизъ также изъ мрамора. Внутри стѣны укрѣплены желѣзными связями, которыя идутъ во всѣхъ направленіяхъ отъ одного края до другаго. Сводъ каменный. Онъ утверждёнъ на 10 колоннахъ, скрѣпленныхъ между собою и со стѣнами толстыми желѣзными прутьями. Колонны вытѣсаны изъ цѣльныхъ камней и утверждены на прочныхъ пьедесталахъ. Постановка колоннъ была произведена посредствомъ машины. На скрѣпу стѣнъ, колоннъ и сводовъ употреблено около 1500 пудовъ желѣза, выписаннаго изъ Австріи. Оттуда же были выписаны и рамы для оконъ и кресты на куполы.

Куполовъ пять. Средній значительно больше остальныхъ. Расположены они крестовидно. Въ куполахъ сдѣланы окна, по 12 въ трехъ и по 10 въ двухъ. Кромѣ большихъ куполовъ сдѣлано еще нѣсколько малыхъ. Эти послѣдніе безъ оконъ. Какъ куполы, такъ и крыша церкви покрыты оловомъ, хотя это потребовало громадной затраты денегъ. Сначала мастера не было, который могъ бы произвести хорошо эту работу. Привелось выписать такового изъ Австріи. Затѣмъ встрѣтился недостатокъ въ оловѣ. Сдѣлать покупку его въ большомъ количествѣ, открыто, было не безопасно. Турецкое правительство могло заподозрить въ противу правительственныхъ цѣляхъ. Эти два обстоятельства немало препятствовали успѣху дѣла и значительно увеличили стоимость работы.

Иконостасы сдѣланы изъ орѣха мѣстными мастерами и покрыты позолотою. Пять лѣтъ они трудились. Ими же устроенъ и амвонъ (по восточному около колонны на правой сторонѣ) и сѣнь надъ престоломъ.

И авнонь и сѣвъ также позолочены. Вообще работа вышла если не вполне изящная, то довольно искусная. Мѣстные иконы вышиной въ ростъ человѣческой съ соразмѣрной шириной. Написаны довольно художественно. По правую сторону царскихъ вратъ помѣщены иконы: Спасителя, преподобнаго Іоанна Рыльского, Рождества Бѣгородицы (храмовья) и св. Великомученика Диметрія. По лѣвую—Пресв. Богородицы, Іоанна Крестителя, св. Великомученика Георгія и трехъ святителей. Предъ мѣстными иконами положены на аналояхъ малыя иконы для цѣлованія вѣрующими. Предъ каждой иконой день и ночь горятъ лампы, изъ коихъ четыре изъ чистаго серебра. На Богородичной иконѣ сдѣлано драгоценное изъ золота и камней ожерелье изящной работы. Во второмъ ярусѣ иконостаса помѣщено 17 иконъ, почти въ ростъ человѣка каждая, съ изображеніями Владычныхъ и Богородичныхъ праздниковъ. Въ третьемъ и четвертомъ ярусахъ помѣщены иконы съ изображеніями Апостоловъ и пророковъ. На срединѣ подъ крестомъ изображенъ св. Убрусь. Крестъ помѣщенъ въ самомъ верху иконостаса; вышина котораго около 5 аршинъ, но снизу онъ кажется далеко не такимъ. На крестѣ изображено распятіе, подлѣ креста изображены предстоящія: св. Дѣва Марія, св. Іоаннъ Богословъ и орудія страданій. Въ приличномъ разстояніи устроены еще два креста—разбойниковъ.

Полъ въ церкви каменный. Сначала хотѣли сдѣлать полъ изъ пестраго мрамора, но такъ какъ такового не нашли вблизи монастыря, то и вынуждены были употребить но полъ тотъ самый камень, изъ котораго сдѣлано шесть большихъ колоннъ и 10 малыхъ для паперти, камень этотъ твердъ, обтеска его потребована съ значительнаго труда, цвѣта онъ черно-зелено-бѣлаго. Добыча камня также была сопряжена съ особеннымъ трудомъ и расходами. Вслѣдствіе всего этого настилка пола была произведена не скоро; на нее потребовались четыре года.

Какъ внутри, такъ и снаружи церковь росписана. Работа эта производилась въ теченіи пяти лѣтъ. Произведена она братьями Димитріемъ и Захаріемъ, сыновьями иконописца Христа Зографы изъ Самокова, старшимъ сыномъ Димитрія Зорифа, получившимъ образованіе въ С.-Петербургской академіи художествъ, и еще Димитріемъ отъ Разлога. Пслѣдній писалъ и мѣстные иконы. По замѣчанію Григоровича, живопись не только не пестра, какъ на Аѳонѣ, но носитъ даже отпечатокъ весьма замѣтнаго стремленія къ изящному. Изображенія разнообразны. Внутри церкви можно видѣть рай со всѣми престестіями, а снаружи адъ со всѣми ужасами. Особенно много мѣста занимаютъ мытарства и муки грѣшниковъ, смотря по ихъ дѣяніямъ. Вездѣ діаволъ представленъ въ самомъ безобразномъ видѣ.

Около колоннъ и стѣнъ устроены особыя мѣста для монашествующихъ, называемыя «столами» *) съ раскидными скамейками. Такие «столы» на востокѣ устроятся и въ приходскихъ церквахъ. Міряне платятъ деньги за право пользованія отными. Всѣхъ «столовъ» устроено 220. Спинки ихъ рѣзныя. Игуменскій *столь*, оставшійся прежнихъ временъ и перешедшій изъ старой церкви, вновь позолоченъ.

Церковь въ длину—65 аршинъ, а въ ширину 42¹/₂. Высота соразмѣрна тому.

Придѣлъ по правую сторону посвященъ преподобному Іоанну Рыльскому; а по лѣвую сторону — во имя Святителя Николая Чудотворца. Иконостасы также богато украшены, какъ и въ главной церкви.

8. Второстепенныя церкви.

Въ монастырскомъ зданіи устроены 4 церкви и на верху ширга—одна. Въ восточной части зданія къ Самоковскимъ воротамъ устроены церкви одна надъ другой—во имя Св. Апостола Евангелиста Іоанна Богослова и во имя Саввы и Симеона сербскихъ святителей. Въ западной сторонѣ зданія къ Дупницкимъ воротамъ — одна церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, другая — въ честь Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ. И эти церкви устроены также одна надъ другой. На ширгѣ церковь—во имя Преображенія Господня. Всѣ вообще церкви довольно благолѣпны.

Въ главной церкви отправляется служба лишь въ дни воскресные, праздничные и въ дни святыхъ, имѣющихъ поіеліей и славословіе. Во всѣ же остальные дни какъ литургія, такъ и прочія церковныя богослуженія, отправляются въ малыхъ церквахъ, устроенныхъ въ самомъ зданіи.

Церковей внѣ монастыря, какъ сказано, шесть. Въ старомъ скиту—во имя преподобнаго Іоанна Рыльского. Здѣсь хранится и гробъ его, въ которомъ онъ былъ погребенъ. Церковь отстоитъ отъ монастыря на часъ пути. Въ ней служба отправляется рѣдко—всего три раза въ годъ, а именно: 18 августа, 19 октября и 1 іюня—въ дни памяти преподобнаго. Церковное же правило читается ежедневно иноками, живущими при скитѣ. Скитская церковь хотя и хорошо украшена, но уже близка къ разрушенію.

*) Правильнѣе сказать: стульями, или креслами такъ какъ они приспособлены для сидѣнія.

Вблизи самаго монастыря находятся два скита и въ нихъ церкви: одна въ честь Св. Евангелиста Луки, другая—во имя Покрова Божіей Матери. И та и другая церковь довольно благоуукрашены. Такъ какъ эти церкви находятся въ близкомъ разстояніи отъ монастыря, то въ нихъ служба отправляется частовременно. Въ храмовые праздники послѣ торжественнаго богослуженія предлагается братіи праздничная трапеза.

Церковь Св. Луки устроена однимъ монахомъ Игнатіемъ, котораго изображеніе остается до сихъ поръ на виѣшной сторонѣ церкви. Этотъ монахъ Игнатій, въ мѣрѣ Іоаннъ былъ родомъ изъ Эски-Загры. Въ молодости онъ занимался разбоемъ и, по собственному его показанію, убилъ до ста человекъ. Сознавъ наконецъ всю мерзость своихъ дѣяній, мучимый угрызениями совѣсти, этотъ страшный разбойникъ пришелъ въ монастырь, принялъ монашество, и поселился въ Святолуцкомъ скитѣ. Раскаяніе его было полное, онъ терзалъ себя за волосы, билъ по головѣ, и плакалъ горько и всенародно раскаивался въ своихъ грѣхахъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ путешествіе въ Іерусалимъ. По возвращеніи оттуда монахъ Игнатій занялся сооруженіемъ въ скитѣ новой церкви вмѣсто старой—почти развалившейся уже. На это сооруженіе, равно и на обновленіе скита и келій, онъ употребилъ всѣ денежные средства, которыя приобрѣлъ разбоемъ. Но не долго прожилъ Игнатій въ обновленномъ имъ скитѣ. Онъ былъ убитъ однимъ бѣсноватымъ.

У сказаннаго монаха Игнатія былъ внукъ по имени Іоаннъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ совращенъ въ мусульманство и обрѣзанъ. Послѣ многихъ усилій родственникамъ наконецъ удалось исхитить изъ рукъ нечестивыхъ нѣсколько возмужалаго Іоанна. Они отправили его въ монастырь къ дѣду его монаху Игнатію, обновителю Святолуцкаго скита. Проведши нѣсколько лѣтъ при старцѣ, Іоаннъ вполнѣ созналъ, какъ великъ грѣхъ—отступничество. Ему казалось недостаточно одного покаянія; онъ рѣшилъ во что нистало кровію загладить грѣхъ, кровію креститься. Но, прежде, чѣмъ привести въ исполненіе свое твердое намѣреніе, Іоаннъ отправился на Св. Аѳонъ. Это было въ 1810 году. Здѣсь онъ повѣдалъ одному аскету о своемъ намѣреніи пострадать за Христа. Аскетъ старался отклонить такое намѣреніе, говоря, что оно выше силъ его, что унижествитъ Бога можно и покаяніемъ, соединеннымъ съ постомъ и слезами. Когда же всѣ увѣщанія оказались тщетными, аскетъ посоветовалъ Іоанну запереться въ небольшой келіи и 40 дней, поститься и молиться. Іоаннъ исполнилъ. По окон-

чаніи этого времени оба они получили извѣщеніе отъ Бога, что необходимо пролить кровь, чтобы получить прощеніе за отступничество. Принявши монашество и имя Игнатія, и сопутствуемый аскетомъ, Іоаннъ немедленно отправился въ Царьградъ и здѣсь мужественно принялъ кончину за исповѣданіе Іисуса Христа и поруганіе Магомета. Послѣ многихъ мученій его повѣсили.

У преподобнаго Іоанна Рыльского былъ племянникъ по имени Лука. Оставивъ родителей и міръ, Лука уѣхалъ въ пустыню и до конца жизни оставался тамъ, жилъ вмѣстѣ съ дядей. Въ честь этого Луки и основанъ скитъ, названный его именемъ.

Близъ самого монастыря на югѣ у рѣки Рыло устроено монастырское кладбище и на немъ церковь во имя Введенія Пресвятыя Богородицы. На этомъ кладбищѣ не мало похоронено *головъ* мірскихъ людей, въ силу мѣстнаго обычая. Въ каждый пятокъ, послѣ вечерни, на могилахъ служитъ панихида, а въ субботу литургія въ кладбищенской церкви. И въ другіе дни нерѣдко бываетъ служба въ этой церкви, такъ какъ міряне, приносящіе головы умершихъ сродниковъ, записываютъ имена ихъ въ особо заведенный помянникъ и просятъ помолиться, заплативъ, разумѣется, за поминовеніе и за освѣщеніе церкви.

По Дупничской дорогѣ въ растояніи отъ монастыря на часть пути находится монастырскій Чифликъ (ферма) и вблизи его скитъ, называемый пчелинымъ, съ церковію во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Эта церковь довольно обширна. Пчелинымъ названъ скитъ потому, что тамъ пчельникъ. Литургія совершается въ этой церкви въ Успеніе и по просьбѣ живущихъ вблизи.

Чифликъ управляется особымъ экономомъ и его помощниками. Въ Чифликѣ живутъ: пахари, пастухи скота и другіе работники. Тамъ же въ прежнее время имѣла свое мѣстопребываніе и правительственная стража. Чифликъ имѣетъ громадное значеніе для монастыря.

Внизъ по теченію рѣки Рыло, въ разстояніи 4 часовъ пути отъ этого чифлика находится другой чифликъ, извѣстный подъ именемъ Орлица. Это ни что иное, какъ небольшой монастырекъ съ своею небольшою церковію во имя Ап. Петра и Павла. Тутъ есть и келіи для братіи, общая трапеза, поварня, мельница и проч. Живущій въ Орлицѣ экономъ совершаетъ церковныя службы, и вмѣстѣ съ помощниками завѣдуетъ полями, виноградниками и садами. Этотъ чифликъ, какъ видно изъ древнихъ памятниковъ, очень древенъ и устроенъ въ одно время съ монастыремъ. Онъ былъ раззоренъ и обновленъ много разъ. Трапезная, поварня и подъ нимъ громадный погребъ (зимникъ) каменные—онѣ временъ Хреля.

На вратахъ церкви отвѣтъ видѣется надпись по славянски и по гречески.—Изъ славянскихъ словъ можно прочесть только: създася сый храмъ... Въ лѣто 7211. Греческая же надпись слѣд. „Ανιστορήθη ἡ θεία ἡ πανσεπτος χαμάρα τῶν ἁγίων ἐνδόξων ἡ πρωτοχορυφαίων ἀποστόλων Πέτρῳ καὶ Παύλῳ, ἐν ἔτη 7211 (6986) ἐν μηνὶ Ἰουνίῳ χη΄“. Внутри воротъ такая надпись: Въ лѣто 7211 индикта 6 Ѳемеліе ѿ круга солнцу хѣ' кругъ лунѣ 5' мѣсяца Ἰουλία ι. Изъ этихъ надписей можно заключить, что церковь сооружена ранѣе возвращенія мощей преподобнаго Іоанна изъ Тырнова.

Въ селѣ Рыло монастырь имѣетъ свое подворье (метохъ), которымъ управляетъ экномъ съ помощниками. Его обязанность наблюдать за полями и виноградниками, принадлежащими монастырю и находящимися близъ села, покупать и препровождать въ монастырь потребные для него предметы. Домъ безъ церкви.

Такое же подворье есть и въ Дупницѣ. И здѣсь также производится закупка необходимаго для монастыря, но главная обязанность управляющаго подворьемъ имѣть сношенія съ правительствомъ по монастырскимъ дѣламъ и препровождать въ монастырь письма, бумагу, посылки и т. д. равно и посылаемые монастыремъ въ разныя мѣста.

Подворья устроены во многихъ городахъ и селахъ Болгарскихъ, но это не болѣе, какъ дома, назначенные для жительства лицъ, командированныхъ монастыремъ для сбора пожертвованій, подъ видомъ духовниковъ, учителей вѣры и т. д.

9. Древности.

Вслѣдствіе многократнаго опустошенія Рыльского монастыря, сохранилось въ немъ очень мало интереснаго. Самая главная драгоценность, какою-то чудомъ уцѣлѣвшая, это—грамата, данная монастырю послѣднимъ Болгарскимъ царемъ Іоанномъ Шишманомъ въ г. Софіи въ лѣто отъ Р. Хр. 1379-е.

Эта грамата писана на пергаментѣ, чистыми славянско-церковными буквами на староболгарскомъ языкѣ. Въ этой граматѣ подробно описываются всѣ имѣнія, которыми владѣлъ монастырь въ то время, съ большою точностію, съ поименованіемъ каждаго изъ нихъ. Въ настоящее время монастырь не владѣетъ и $\frac{1}{4}$ отъ этихъ имѣній, дарованныхъ граматой. Грамота 41 вершокъ длины и $6\frac{1}{2}$ вершковъ ширины. Внизу граматы царская подпись, сдѣланная заглавными красными буквами: «Іоаннъ Шишманъ во Христа Бога благовѣрный царь и само-

держецъ вѣмъ Болгаромъ и Гръкомъ». Подъ подписью золотая царская печать, на одной сторонѣ которой изображенъ пр. Іоаннъ Рыльскій, а на другой—сдѣлавшій подпись царь Іоаннъ Шишманъ. Въ этой грамотѣ строжайше предписывается вѣмъ служащимъ, т. е. чиновникамъ, кто бы они ни были, не ходить въ монастырскія мѣста и не брать ничего монастырскаго для яденія и проч. Эта грамота напечатана съ комментаріями въ Одессѣ въ 1845 году Ариловымъ.

Другая древность — чудотворная икона Божіей Матери Одигитрія, какъ можно думать, подаренная монастырю Каломаріей. Величина иконы—въ длину 12 вершковъ, въ ширину — 9. Изображеніе Богоматери невелико. Вокругъ изображенія 32 перегородки, въ которыхъ заключаются св. мощи слѣд. угодниковъ Божіихъ, какъ значится въ подписяхъ: св. Пророка Даніила, св. праведнаго Лазаря, св. муч. Левкія, св. Ап. Андрея, св. Ап. и Ев. Матѳея, св. царя Константина, св. муч. Агаѳангела, св. Стефана новаго, св. Великомуч. Артемія, св. Великомуч. Пантелеимона, св. муч. Георгія, св. муч. Вакха, св. Іоанна Милостиваго, св. муч. Мануила, св. Аѳанасія Александрійскаго, св. Григорія Архіеп. Цареградскаго, св. муч. Флора, св. муч. Лавра, св. священномуч. Сумесна сродника Господня, св. священномуч. Антипы, св. Андрея Критскаго, св. муч. Андрея Стратилата, св. священномуч. Климента Анкирскаго, св. Ипатія Гонгарскаго, св. муч. Михаила, св. Іоасафа блаженнаго, св. первоуч. Стефана, св. муч. Каллиника, св. Магдалины, св. муч. Прины, св. пр. Теофана, св. праведныя Соломін.

Эта св. икона въ серебрянномъ позолоченномъ окладѣ хранится въ особомъ кіотѣ, поставленномъ по лѣвую сторону церкви близъ амвона. Предъ кіотомъ неугасимо горять двѣ лампы. Кіотъ открывается только въ особыхъ случаяхъ и по просьбѣ молящихся. На иконѣ висятъ различныя золотыя монеты, пожертвованныя въ благодарность за исцѣленіе. Особенно прославилась св. икона во время свирѣпствовавшихъ въ Болгаріи чумы и холеры. Два іеромонаха носили ее по селеніямъ, кропили жителей св. водой и вездѣ, куда приносили св. икону, по совершеніи молебствія болѣзни почти совѣмъ прекращались.

Древнее и большое рукописное Евангеліе. Оно написано крупными и красивыми буквами на старославянскомъ языкѣ. Все оно оковано серебромъ съ позолотою и посвящено преп. Іоанну Рыльскому отъ Крупничскаго митрополита Кургъ Іоасафа, какъ видно изъ надписи, сдѣланной на евангеліи. Вотъ эта надпись. «Сіе святое евангеліе окова и приложи митрополать Крупнику куръ Іоасафъ святому отцу Іоанну Рыльскому въ тойжде монастырь рыль». На сторонѣ

написано: «Помешете братіе Матѣеа златара отъ Софію въ светыхъ молитвахъ, иже трудися и окова сіе Евангеліе, при Игумену Евѣимію, настояніемъ же проигумена Каллиста. Въ лѣто жпѣ. Индікціонъ ѿ (1577 г.).

Другое евангеліе, совсѣмъ похожее на первое, также рукописное и также оковано серебромъ съ позолотой, но только меньше и написано въ лѣто отъ сотворенія міра 7037 въ Сучавѣ, а оковано въ зрѣд (7164).

Двѣ прекрасныя рукописи, называемыя *Панигирицы*, содержащія житія святыхъ и поученія на Господскіе и Богородичныя и святыхъ праздники. Первая написана въ 1479 году. Въ концѣ рукописи говорится: «Слава съвршителью прѣблагому Богу давшому ми по зачелу и концъ исписасе сіа Божественная книга рекомый панигирикъ послѣднимъ въ діакѣхъ владисловомъ граматикомъ во всечестнѣмъ монастырѣ пресвятыя владычицы нашея Богородицы, иже въ подкриліе чръныя горы, въ предѣла дне глаговецѣмъ во дни великаго и самодържавнаго царя Мусроманскаго Мехмедбега (сынъ Амурата втораго) въ ви е лѣто царствіе его. Отъ созданія же міра сію въ лѣто 7037. Мца Априліа ѿ. Въ самый той петокъ дѣлу совршившуся въ вечеру. Кругъ убо солнцу бѣше тогда еі. Луны же ді. Индікціонъ ви⁴.

На второй рукописи написано: «Исписасе сіа Божественная книга глаголемый панигирикъ въ обители преподобнаго отца нашего и пустыножителя Іоанна рылскаго, потружденіемъ и настоіемъ игумена честнѣйшаго тожде обители Куръ Теофана и прочааго братства, подвигну на сіе стѣмѣ 7037. Исписасе отъ созданія міра 7037. Кругъ солнцу бѣше тогда к. а лунѣ ѿ. Ѡемеліе ка. Индікціонъ а мѣца авгу-ста совршисе нѣ день».

Эти рукописи еще неизданы. Въ нихъ содержатся житія святыхъ преимущественно Болгарскихъ и Сербскихъ, какъ напр. житіе пр. Григорія Синаита, ученика его пр. Ѡеодосія Кефанарскаго (Кеелафорскаго), преподобнаго Петра Коритскія горы, св. Иларіона епископа Меглинскаго (списано Евѣиміемъ), преподобныя Филоеи (списано Іосафомъ митрополитомъ бдинскимъ, т. е. Виддинскимъ), преподобныя матери Параскевы (списано Евѣиміемъ) съ похвальнымъ словомъ ей и прибавленіемъ Цамблака ¹⁾ о перенесеніи мощей ея въ Сербію, житіе

¹⁾ Цамблакъ, называемый Григоріемъ, былъ впоследствии митрополитомъ Кіевскимъ.

св. великомученицы Недѣли (списано Евѳиміемъ) и житіе преп. Іоанна Рыльскаго, составленное Димитріемъ Кантакузиномъ и проч. Въ рукописяхъ помѣшены и три посланія Тырновскаго патріарха Евѳимія: 1) къ священноинокѣ Никодиму въ отвѣтъ на вопросы «о нѣкихъ главизнахъ церковныхъ нужныхъ», 2) къ Аѳонскому монаху Купріану, «просившу написатисе ему о нѣкихъ церковныхъ винахъ нужныхъ и послатисе ему тамо и 3) къ священнѣйшему митрополиту Угровлахійскому Куръ Аѳеиму и наконецъ похвальное слово Св. Равноапостольнымъ Константину и Еленѣ, сказанное патріархомъ Евѳиміемъ 2) въ присутствіи царя Іоанна Шишманъ. Такъ оно начинается:

«Сій ти отъ насъ благочестивѣйшій царю Іоанне шишмане любимый царь, иже на сіе насъ понудивый слово. Се ти многожелательное сокровище, небо лъжнымъ баснемъ послѣдовавшие сіе състовихомъ слово, нъ отъ истинныхъ и не лъжныхъ свидѣтелей не лъстная избрахомъ разумѣнія, иже люботруджайся обращеть въ божественныхъ писаніяхъ. Будиже и тебѣ подражателю быти благочестивѣйшему Константину, и съ нимъ вѣчныхъ насладитесе благъ и проч.

Хранится въ монастырѣ и еще нѣсколько рукописей, но по содержанию своему онѣ не представляютъ особаго интереса.

10. Монастырская библіотека и училища.

Во всѣхъ церквахъ имѣется по полному кругу церковно-богослужебныхъ книгъ. Въ библіотекѣ же находятся разнаго рода греческія и славянскія книги, не мало и учебниковъ. Основана библіотека изъ книгъ, поступавшихъ въ нее по смерти монаховъ, и дополнена подаренными въ Россіи, когда въ 1850 году посланные въ Россію монахи производили сборъ въ пользу монастыря вещами и деньгами.

Въ монастырѣ существуетъ давнишній законъ, въ силу котораго всѣ монашествующіе безъ исключенія должны быть грамотны. Для сего заведены два училища: въ одномъ учать грамотѣ, въ другомъ разнаго рода наукамъ. Въ первомъ обыкновенно учатся послушники, а во второмъ—готовящіеся къ принятію священническаго сана. Преподаютъ языки: новоболгарскій, старославянскій, старо и ново греческій. Трое изъ учениковъ Рыльскихъ, окончивъ курсъ въ Халкинскомъ бо-

2) При взятіи Турками Тырново патріархъ Евѳимій былъ заточенъ, но куда именно невѣстно, какъ невѣстно и то, гдѣ, когда и какъ онъ померъ. Это былъ замѣчательный по тогдашнему времени ученый, ораторъ и языковѣдъ. „Уже бѣ солнцу угаснути, нежели Евѳиміеву языку умолкнути“, восклицаетъ писатель житія пр. Филовей.

гословскомъ училищѣ, въ настоящее время учительствуютъ и считаются кандидатами на архіерейство.

Изъ Рыльского монастыря поступили на архіерейскую кафедру Серафимъ Босанскій, Никита, Григорій Нишскій и Авксентій Кюстендильскій. Первый—Серафимъ былъ человѣкъ просвѣщенный и добродѣтельный. Онъ умеръ въ 1800 году на покоѣ. Никита былъ хиротонисованъ въ 1766 году, но, за уничтоженіемъ Ипечской патриархіи, остался безъ епархіи, ушелъ на Аѳонъ и тамъ скончался. Григорій былъ учителемъ въ Нишѣ и по просьбѣ жителей рукоположенъ во архіерея, и умеръ въ своей епархіи. Авксентій рукоположенъ въ 1830 году на Кюстиндильскую кафедру. Отсюда онъ перешелъ въ Герцеговину, потомъ въ Велесъ, отсюда въ Дирахіонъ и умеръ въ Константинополѣ, потерпѣвъ не мало неприятностей по дѣлу отдѣленія Болгарской церкви отъ Греческой.

Нѣкоторые изъ иноковъ и были избираемы на архіерейскія кафедры, но отказались, предпочитая безмолвное иноческое житіе. Въ числѣ занимавшихся литературными трудами были и такіе, которые получили образованіе въ заграничныхъ училищахъ.

Въ монастырскомъ училищѣ, вмѣстѣ съ другими предметами, преподается и церковное пѣніе, какъ необходимо нужное для посвятившихъ себя служенію церкви. Вслѣдствіе того, въ монастырѣ много знатоковъ пѣнія. Система пѣнія Хурмузія. Ввелъ эту систему въ монастырѣ нѣкто Іоасафъ, шесть мѣсяцевъ бравшій уроки у Хурмузія. Есть въ монастырѣ знающіе и древнее пѣніе и систему Петра Ефесскаго, Румынскаго пѣвца, и систему Георгія Лесвійскаго. Не знаютъ только Русскаго пѣнія. Турчаниновъ, Бортнянскій и другіе въ монастырѣ вовсе неизвѣстны, чему нельзя не удивляться.

11. Иноки, послушники и прислужники.

Число живущихъ въ монастырѣ нельзя опредѣлить съ точностію, потому что смотря по обстоятельствамъ одни приходятъ, другіе уходятъ, одни живутъ въ монастырѣ болѣе, чѣмъ должно, другіе уходятъ и не возвращаются. Въ прежне время никогда не было менѣе 300 человѣкъ. Въ концѣ 1879 года было лишь 74 человѣка, изъ коихъ 22 іеромонаха. Изъ нихъ 5 состояли на службѣ внѣ монастыря. Изъ 7 диаконовъ оставался въ монастырѣ только одинъ, другіе были—въ Кіевѣ, Самоковѣ и Пловдивѣ. Изъ 45 монаховъ—одни состояли на службѣ въ монастырѣ, другіе внѣ онаго, а иные и со всѣмъ безъ службы.

Иноки дѣлятся на іеросхимонаховъ, іеромонаховъ, іеродиаконовъ, схи-

монаховъ и монаховъ. Изъ іеромонаховъ, еще недостигшихъ зрѣлой сѣдны, обыкновенно избирается 5—6 для монастырскаго очереднаго служенія. Эти избранные іеромонахи ведутъ недѣльную череду и исполняютъ всѣ священнодѣйствія, какъ внутри монастыря, такъ и внѣ онаго въ принадлежащихъ ему церквахъ. Каждодневная литургія называется общею братскою, такъ какъ служится для братіи, на ней бываетъ поминовеніе вообще всѣхъ православныхъ христіанъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ; на великомъ входѣ іеродіаконъ возглашаетъ: благочестивые цари и православные христіане, ктиторы и приложники св. обители сея да помянутъ Господь... Священникъ продолжаетъ: Святѣйшій Синодъ *) и весь священническій и иноческій чинъ да помянутъ Господь... Потомъ снова діаконъ возглашаетъ: отца нашего плумена (имя рекъ) съ братією св. обители сея. На заказныхъ литургіяхъ поминаются сверхъ того имена частныхъ лицъ какъ живыхъ, такъ и умершихъ, пожеланію заказчиковъ. Этотъ обычай существуетъ на всемъ востокѣ. Заказныя литургіи совершаются въ малыхъ церквахъ. Иногда совершается по 3—4 литургіи въ день, такъ какъ почти постоянно заказываются сорокоусты. Поминовеніе бываетъ не только на литургіи, но и на ектеніяхъ утрени и вечера. Въ великій постъ, когда не бываетъ литургіи, поминовеніе совершается очереднымъ іеромонахомъ при особомъ моленіи предъ жертвенникомъ. За служеніе іеромонахи или одни или съ помощниками командированы на подворья, гдѣ они и живутъ, исполняя должность духовниковъ и наставниковъ народа, но главное, собирая пожертвованія для монастыря.

Іеромонахи, духовники и схимонахи безвыходно живутъ въ монастырѣ или въ скитахъ. Монахи исполняютъ различныя службы и монастырскія послушанія, смотря по достоинству и способностямъ ихъ.

Послушники, служа старцамъ и братіи монастырскаго, въ то же время приготовляются къ принятію иноческаго чина. По постриженіи, они проходятъ разныя церковныя службы: чтецовъ, пѣвцовъ, уставщиковъ и когда достигнуть законнаго возраста и приобрѣтутъ нужныя знанія, назначаются къ рукоположенію, по опредѣленію монастырскаго собора. Такъ какъ Рыльскій монастырь считается ставропигіальнымъ, то рукоположеніе предлагаемыхъ лицъ въ санъ іеродіакона и іеромонаха совершается не однимъ какимъ либо епархіальнымъ архіереемъ,

*) Рыльскій монастырь не ставропигіальный, патріархъ не поминается вслѣдствіе прозвѣдшей распри между Болгарами и Греками.

а разными, смотря по тому, къ кому изъ нихъ пожелаетъ обратиться монастырь.

Бѣльцы — прислужники исполняютъ разнообразныя обязанности. Когда собирается много поклонниковъ, тогда для услуженія имъ требуется не менѣе 50 человекъ. Въ виду этого и, такъ какъ въ пустыни невозможно пріискать людей, когда нужно, содержится въ монастырѣ бѣльцовъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Въ это число не входятъ монастырскіе пастухи, сторожа и проч., число которыхъ бываетъ неопредѣленно, лѣтомъ больше — доходить до 50 и выше, зимой — менѣе. Это болѣею частію люди бѣдные, получающіе лишь пропитаніе отъ монастыря. На служеніе въ монастырѣ, какъ люди мало способные, они не употребляются.

12. Церковныя службы и ихъ совершеніе.

Монастырь руководствуется палестинскими и аѳонскими уставами (тѣшикомъ); службы отправляются по славянскимъ книгамъ. За полчаса до утренняго церковнаго звона, или ударовъ въ било, параклисарь будитъ братію, дабы каждый могъ приготовиться и совершить положенное келейное правило. Съ наступленіемъ же времени для совершенія полунощницы, ночные сторожа обходятъ всѣ келліи и предъ каждой изъ нихъ ударяютъ въ малое клепало (деревянное), что продолжается съ четверть часа. Полунощница совершается въ притворѣ. По окончаніи ея немедленно совершается утренняя, предъ началомъ которой ударяютъ нѣсколько разъ въ большое клепало. Утренняя совершается уже въ самомъ храмѣ. По первой каѳизмѣ читается житіе дневнаго святаго, или исторія праздника, или толкованіе евангелія, а въ великій постъ изъ сочиненій Ефрема Сирина и Іоанна Лѣствичника. Это чтеніе бываетъ только съ 1 сентября до конца марта. По шестой пѣсни бываетъ чтеніе изъ пролога. Къ утрени всегда присоединяется первый часъ. Послѣ утрени братія расходятся по келліямъ. Полунощница и утренняя обыкновенно продолжаются отъ 2 до 3 часовъ и время совершенія ихъ опредѣляется временемъ года. Черезъ часъ по окончаніи утрени бываетъ звонъ въ небольшой колокольчикъ къ началу проскомидіи. Литургія, къ началу которой бываетъ звонъ въ большой колоколь, обыкновенно продолжается часъ съ четвертью. Послѣ литургіи читаются часы, предъ началомъ которыхъ ударяютъ въ малое деревянное било, по греческому обычаю. Послѣ часовъ въ понедѣльникъ и пятницу поется молебный канонъ Богородицѣ (параклисиѣ), а въ четвергъ преподобному Іоанну Рыльскому. Въ субботу совершается по-

миновеніе усопшихъ. Такъ бываетъ постоянно, если неслучится праздника, или препразднства или попразднства. Къ девятому часу ударяють въ малое клепало, а къ вечернѣ, которая непосредственно за девятымъ часомъ совершается, въ большое. Послѣ вечерни читается акаѣистъ Богородицѣ, а за нимъ и повечеріе. Предъ началомъ повечерія ударяють въ малое клепало, а предъ началомъ пѣнія канона въ большое. На праздники Господни, Богородичные и великихъ святыхъ совершается всенощное бдѣніе, которое иногда продолжается и до 8 часовъ. Въ большіе праздники обыкновенно служба совершается соборнѣ. Смотри потому, каковъ праздникъ, таково бываетъ и *клепаніе*. (Въ «Письмахъ святогорца» подробно объ этомъ говорится).

Вообще Рыльскій монастырь усвоилъ обычаи, принятые на Аѳонѣ, и старается еохранить ихъ во всей полнотѣ, и до сихъ поръ связь Рыльского монастыря съ Аѳонскими не прекращается; рыльскіе монахи часто живутъ на Аѳонѣ, аѳонскіе въ Рыльскомъ монастырѣ. Вслѣдствіе такого сближенія и постоянныхъ сношеній Рыльскій монастырь по своему внутреннему устройству, по службамъ монастырскимъ и проч. много напоминаетъ одинъ изъ Аѳонскихъ монастырей. Даже очень много словъ и названій предметовъ оттуда перешло въ монастырь Рыльскій. Сношенія монастырей начались давно. Въ монастырскомъ архивѣ имѣется письмо, написанное въ 1466 году, изъ котораго видно, что Аѳонскій Пантелимоновъ монастырь — Русикъ и Рыльскій были какъ два родные брата.

13. Монастырская трапеза.

Рыльскій монастырь необщежительный. Общая трапеза бываетъ только въ праздничные и воскресные дни. Въ прочее же время иноки получаютъ отъ монастыря лишь хлѣбъ и соль и по одному кушанью и ѣдятъ у себя въ келіяхъ. Отъ монастыря отпускаются и дрова и по одной одеждѣ въ годъ. Умѣренные и воздержанные иноки довольны отпускаемымъ отъ монастыря, но большинство прямо высказываетъ недовольство и желало бы, чтобы монастырь сдѣлался общежительнымъ, чтобы трапеза была общая каждодневно и чтобы всѣ безъ различія, начиная отъ игумена и до послѣдняго монаха, одинаково пользовались необходимымъ для жизни.

Въ праздничные и воскресные дни, когда полагается общая трапеза, готовится по три по четыре кушанья и никогда меньше двухъ. Кромѣ того отпускается каждому опредѣленная порція водки и вина. Собирается братія на трапезу, согласно обычаю, по звонку въ рясакъ и

камилавкахъ. Собираются на паперти главной церкви и оттуда предшествуемые очереднымъ священникомъ съ иковой въ рукахъ и игуменомъ въ мантии и съ жезломъ, идутъ въ трапезу. Во время шестивіа поется праздничный или воскресный тропарь. По занятіи каждымъ своего мѣста и по прочтеніи молитвы, игуменьъ благословляетъ трапезу, затѣмъ поздравляетъ братію съ праздникомъ и уже послѣ того братія присушаетъ къ нищѣ. Во время трапезы бываетъ чтеніе или исторіи праздника или какого-либо поученія. По окончаніи трапезы всѣ встаютъ на ноги и читается: слава Отцу и проч. Во время этого чтенія трапезарь обходитъ братію съ корзиной въ рукѣ и каждый долженъ отдать остатки «избытки отъ яденія». Во время пѣнія «достойно есть» или катавасіи 9 пѣсни въ праздничные дни раздаются братіи, начиная съ игумена, частицы отъ богородичной просфоры и послѣ того всѣ идутъ изъ трапезной по порядку въ предшествіи игумена въ церковь. Трапезари при этомъ падаютъ ницъ и просятъ себѣ прощенія у братіи. По пришествіи въ церковь, діаконъ произноситъ ектенію съ моленіемъ за благочестивыхъ царей, православныхъ христіанъ, за игумена и за братію; послѣ ектеніи бываетъ отпускъ. Въ большіе праздники при выходѣ братіи изъ церкви бываетъ торжественный звонъ *во вся*.

14. Монастырское управленіе.

Ежегодно послѣ праздника преподобнаго Іоанна Рыльского, т. е. послѣ 19 октября бываетъ монастырскій соборъ, т. е. общее собраніе всѣхъ иноковъ, сколько прилучится ихъ въ то время въ монастырѣ. На этомъ собраніи обсуждаются всѣ главные монастырскіе вопросы и производятся выборы лицъ, стоящихъ во главѣ управленія монастыря. Выборы эти дѣлаются лишь на одинъ годъ. И игуменьъ также избирается на годичный срокъ. Отъ братіи зависитъ оставить ли прежняго игумена, или избрать новаго. Хорошіе игумены остаются обыкновенно на своихъ мѣстахъ почти до смерти, плохіе же смѣняются. Также бываетъ и съ епитропами, которые—прямые помощники игумена, и съ казначеями, екліссіархами и т. д. На этомъ собраніи вообще распределяются всѣ служебныя обязанности между иноками, равно обсуждаются и всѣ вопросы, касающіеся монастыря, производится судъ, опредѣляются наказанія и проч. Нарушающіе монастырскія правила изгоняются изъ монастыря также по рѣшенію собранія. Во всѣхъ дѣлахъ монастырскихъ, какого бы свойства онѣ ни были, главнымъ и полновластнымъ распорядителемъ считается собраніе. Игуменьъ же есть

только исполнительная власть. Такъ *de jure*, но не всегда бываетъ такъ *de facto*.

Всѣ приходы записываются въ опредѣленныхъ, нарочито заведенныхъ для того книгахъ. Предъ наступленіемъ времени для собранія, книги эти передаются на ревизію особой комиссіи, составляемой изъ нѣсколькихъ иноковъ, имѣющихъ особое значеніе въ монастырѣ. Если книги ведены были исправно, члены комиссіи подтверждаютъ то своими подписями; допущенныя же ошибки исправляютъ. Если же окажется злоупотребленіе, то виновные въ томъ предаются наказаніямъ согласно монастырскимъ законамъ.

15. Дополненіе и заключеніе.

Въ дополненіе считаемъ нужнымъ сдѣлать выдержку изъ брошюры, составленной Рыльскимъ монахомъ Константиемъ и напечатанной въ 1880 году. Брошюра эта носитъ названіе: «Рыльскій монастырь и его начальство. Монастырское управленіе, говорится въ брошюрѣ, въ полномъ смыслѣ слова деспотическое. Произволь игумена—это уставъ для монастыря. Соправители его: епитропъ, кассиръ и хранитель печати почти никакого значенія не имѣютъ. По существующему обычаю и въ 1879 году было созвано собраніе. Приглашены были и тѣ иноки, которые состоятъ на службѣ въ монастыря. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній всѣ собравшіеся рѣшили просить игумена быть таковымъ и на слѣдующій годъ, кассира же и епитропа смѣнить и безотлагательно составить временный монастырскій уставъ, сообразно съ духомъ времени и обстоятельствъ. Игумень одобрилъ таковое рѣшеніе и даже далъ нѣсколько совѣтовъ относительно учрежденія ежедневной общей трапезы, хотя бы она состояла и изъ одного только кушанья. Уставъ составленъ и представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе собранія. Вотъ краткое содержаніе этого устава, состоящаго изъ 22 параграфовъ. Соборъ долженъ состоять изъ шести лицъ, а не изъ четырехъ, какъ было прежде, и въ составъ его должны входить не только іеромонахи, но и простые монахи; члены собора должны имѣть опредѣленные занятія, общая трапеза должна быть ежедневною, изгнаніе изъ монастыря, равно и заключеніе въ пиргѣ должно быть отмѣнено и виновные въ тяжкихъ преступленіяхъ должны быть передаваемы въ руки гражданской власти и т. д.

17-е ноября былъ прочитанъ уставъ въ собраніи и единогласно

1) Какъ и Русскія лавры, Рыльскій монастырь въ ущ. является соборомъ.

одобренъ, а 18-го подписанъ почти всѣми присутствовавшими ²⁾. 21-го состоялись выборы членовъ собора, по большинству голосовъ, и совершены принятыя обычаемъ церковныя процессіи. На другой день послѣ этого, т. е. 22-го числа должно было состояться опредѣленіе лицъ для управленія монастырскими имѣніями и проч. Игумень, подъ предсѣдательствомъ котораго происходило собраніе, пожелалъ удержать нѣкоторыхъ лицъ, потерявшихъ всякое довѣріе братства, на прежнихъ мѣстахъ и достигъ своей цѣли. Предъ деспотическою властію игумена все смолкло; никто не рѣшился возражать ему, никто не посмѣлъ сказать ему въ глаза правды, потому что игумень могъ воспользоваться правомъ, какое предоставлено игуменамъ Рыльского монастыря отъ патріарха Григорія ³⁾, могъ посадить возражателей въ пиргъ, какъ бунтовщиковъ, или же изгнать изъ монастыря.

Затѣмъ въ брошурѣ описываются разныя злоупотребленія завѣдующими монастырскою экономіей и разныя безобразія, компрометирующія какъ самого игумена, такъ и многихъ другихъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія. Мы не будемъ объ этомъ говорить. Скажемъ въ заключеніе только о томъ, что болѣе интересно для русскихъ людей.

Въ 50-хъ годахъ два инока Рыльского монастыря, изъ коихъ одинъ въ настоящее время состоитъ игуменомъ, производили сборъ въ Россіи. Цѣль сбора — устройство духовной семинаріи при монастырѣ. Но, вотъ прошло уже болѣе 25 лѣтъ, а семинаріи все еще нѣтъ. Да и наврядъ ли когда нибудь она будетъ устроена. Монахи не долюбиваютъ *ученыхъ*, потому что ученые, говорятъ они, позволяютъ себѣ высказывать неуваженіе къ старшимъ, позволяютъ «свое сужденіе имѣть». Игумень же не врагъ образованія; племянникъ его даже окончилъ курсъ въ московской духовной семинаріи; но, онъ не смотря на то, что и по уму и по опытности — стоитъ выше окружающихъ его и умѣетъ пользоваться данною ему властію, безсиленъ сдѣлать на этотъ разъ что либо прочное. Собранныя деньги не израсходованы; онѣ хранятся въ Одессѣ. Всѣхъ денегъ свыше 28 тысячъ рублей.

По нашему мнѣнію, Русское правительство имѣетъ полное право затребовать отъ Рыльского монастыря объясненіе по сему предмету и настоять, чтобы деньги были употреблены соотвѣтственно цѣли сбора.

²⁾ Игумень и бывшіе члены собора не присутствовали; они не имѣютъ права участвовать въ собраніи, пока не будутъ окончены выборы.

³⁾ Въ 1797 году патріархъ Григорій издалъ посланіе, подписанное 8 митрополитами, дающее монастырю самостоятельное управленіе, а игумену — особыя права.

Если же Рыльскій монастырь откажется устроить семинарію, то деньги отобрать и передать ихъ или въ существующую въ Болгаріи семинарію, или же употребить на учрежденіе другой семинаріи въ Самаковѣ или Кюстиндилѣ съ русскими учителями. Въ таковой чувствуется крайняя нужда.

Рыльскій монастырь располагаетъ громадною поземельною собственностію, которая даетъ ему весьма значительный доходъ, съ избыткомъ обеспечивающій содержаніе монастыря. Кроме того, поклонники, массою стекающіеся въ монастырь, доставляютъ ему десятки тысячъ рублей. При правильномъ устройствѣ хозяйства, при устраненіи злоупотребленій, монастырь могъ бы содержать не только семинарію, но и Академію, не трогая при этомъ запаснаго монастырскаго капитала, который, какъ намъ передавали, простирается до полумилліона франковъ. Большая часть денегъ обращена въ русскія процентныя бумаги.

Вообще Болгаре неподвижны. Само собою, безъ вѣшняго давленія, они нерѣшатся что-либо предпринять даже въ виду очевидной пользы. Копить деньги— ихъ страсть, любятъ они деньги и расстаются съ ними только по крайней нуждѣ. Любятъ Болгаре деньги и для приобрѣтенія ихъ готовы пожертвовать и своею совѣстію и честію. И монахи Рыльскіе, какъ и вообще Болгаре, также одержимы этою денежною болѣзнію, развившеюся въ послѣднее время до громадныхъ размѣровъ подъ вліяніемъ вѣковаго турецкаго владычества.

Громадными матеріальными средствами располагаетъ Рыльскій монастырь, а между тѣмъ совершенно безучастно относится къ дѣлу устройства Болгаріи и Румелии. Не видно, чтобъ онъ что-либо дѣлалъ и для несчастной Македоніи. Во время Русскаго управленія въ княжествѣ игумень заявилъ, что ежегодно будетъ выдаваться отъ монастыря въ пособіе Самаковскому духовному училищу по 3000 франковъ. Разъ была выдана эта сумма и затѣмъ дѣло кончилось. Софійское священническое Братство предприняло изданіе духовнаго журнала, который обѣщалъ быть много полезнымъ для духовенства, и обратился въ монастырь съ просьбою о пособіи. Монастырь отказалъ по невѣжью будто бы денегъ, и послѣ выхода шестой книжки журналъ прекратился. Въ разныхъ городахъ и селеніяхъ Болгаріи и Румелии образовались благотворительныя общества съ цѣлію предупредить нищенство, которое, какъ слѣдствіе войны, стало повсюду развиваться. Монастырь никакого участія не принимаетъ ни въ одномъ изъ таковыхъ обществъ. И у себя дома также ничего не сдѣлалъ для поданія помощи несчаст-

нымъ сиротамъ, родители которыхъ сдѣлались жертвою злобы турокъ и минувшей войны. Да, дѣло благотворенія — совершенно чуждо монастырю.

Рыльскіе монахи любятъ хвалиться и говорить, что именно они, а никто либо другой, спасли и національность и православіе между болгарами. Нельзя съ этимъ согласиться. Монахи, живущіе въ метохахъ, или подворьяхъ, подъ видомъ духовниковъ и наставниковъ вѣры, менѣе всего преслѣдовали и преслѣдуютъ тѣ цѣли, для достиженія которыхъ будто бы вышли изъ монастыря. Живя вѣ всякаго надзора, они на столько хорошо обставляютъ себя, что имъ можетъ позавидовать всякій мирянинъ. Возьмемъ для примѣра племянника игумена Рыльского монастыря. Онъ живетъ въ Софіи въ своемъ собственномъ домѣ, окруженный семьею: братьями и сестрами, живетъ не какъ іеродіаконъ, а какъ обыкновенный мирянинъ и занимается чисто мірскими дѣлами. — Газету «Селянинъ» онъ издаетъ опять таки не съ тѣмъ, чтобы распространить здравыя христіанскія православныя идеи, а чтобы имѣть доходъ отъ изданія. Тоже видится и въ селѣ Рыло, тоже и въ Дупницѣ. Всѣ, какъ управляющіе имѣніями монастыря, такъ и живущіе на подворьяхъ, всѣ преслѣдуютъ только «наживу», ни мало не думая о томъ званіи, въ которое призваны и въ силу котораго должны бы иначе себя вести и иначе мыслить. Такъ теперь, такъ и всегда было. Самъ монастырь дѣйствительно имѣлъ нѣкоторое вліяніе на народъ, но вышедшіе изъ монастыря—никакого. Зазорная жизнь ихъ скорѣе вредила дѣлу. Только этимъ и можно объяснить, почему именно протестантство нашло себѣ твердую почву вблизи монастыря въ г. Самковѣ и въ округѣ его.

Рыльскій монастырь, какъ мы сказали, называется ставропигиальнымъ. Въ прежнее время онъ состоялъ подъ контролемъ патріарха, по распоряженію котораго отъ времени до времени были покрѣплены приходы и расходы монастырскіе. Теперь же монастырь не знаетъ ни какого контроля и пользуется полнѣйшею независимостію. Минувшимъ лѣтомъ было сдѣлано предложеніе инокамъ, чтобы они выработали и представили на утвержденіе правительства уставъ. Таковое предложеніе было встрѣчено съ выраженіемъ крайняго неудовольствія. При туркахъ мы не знали покоя, заявили иноки, только теперь начали отдыхать, и вотъ снова хотятъ лишить насъ покоя. И мы увѣрены, что нелегко будетъ сладить съ отречшимися отъ міра, а между тѣмъ только и думающими что объ отдыхѣ, о деньгахъ, объ удовольствіяхъ мір-

скихъ. Чтобы Рыльскій монастырь былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. имѣлъ христіански воспитательное значеніе для народа, для того необходимо устроить строгій контроль надъ нимъ, взять его въ крѣпкія руки и лишить иноковъ права жить внѣ монастыря.

Свящ. Помомаревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Мѣстоположеніе монастыря и рѣка Рыло	1
2. Климатъ и богатство природы	2
3. Рыльская пустыня преподобный Іоаннъ и основаніе Рыль- скаго монастыря	—
4. Первоначальное состояніе Рыльского монастыря. Его раззо- реніе и возобновленіе	8
5. Перенесеніе мощей преподобнаго Іоанна изъ Тырново въ монастырь	12
6. Устройство монастыря въ настоящее время	14
7. Главная монастырская церковь	19
8. Второстепенныя церкви	22
9. Древности	25
10. Монастырская библіотека и училища	28
11. Иноки, послушники и прислужники	29
12. Церковныя службы въ монастырѣ и ихъ совершеніе . . .	31
13. Монастырская трапеза	32
14. Монастырское управленіе	33
15. Дополненіе и заключеніе	34

